МИСТИКА ШЕДЕВРЫ МИСТИКА ШЕДЕВРЫ

ЭНН РАЙС

ВАМПИРСКИЕ ХРОНИКИ

МИСТИКА ШЕДЕВРЫ МИСТИКА ШЕДЕВРЫ

Энн

РАЙС

Вампирские хроники

Энн
РАЙС

Интервью с вампиром

•

Вампир Лестат

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2005

ЭНН

РАЙС

Вампирские хроники

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2005

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
Р 18

Anne RICE

INTERVIEW WITH THE VAMPIRE

Copyright © 1976 by Anne O'Brien Rice

THE VAMPIRE LESTAT

Copyright © 1985 by Anne O'Brien Rice

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Художник *И. Жмайлова*

Райс Э.

Р 18 Вампирские хроники: Романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 976 с. — (Шедевры мистики).

ISBN 5-699-10755-X

Вампирская психодрама, написанная «посланницей оккультного мира» Энн Райс, поистине стала классикой не только жанра, но и всей мировой литературы.

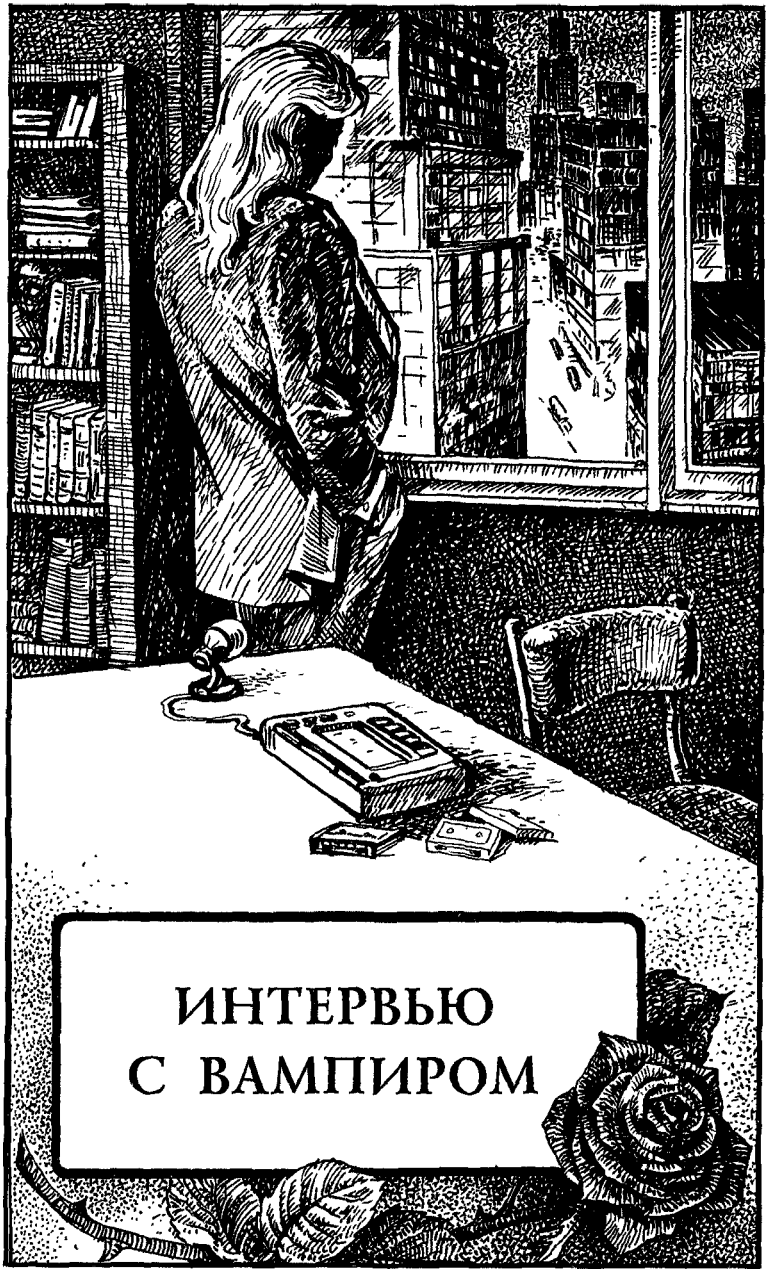
В нарушение всех древних заповедей вампиры рассказывают о своей жизни и нежизни, раскрывая веками хранившиеся тайны.

Вместе с Детьми Тысячелетий мы словно во сне путешествуем сквозь время, переносимся из конца в конец мира и познаем историю из уст очевидцев многих событий.

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)

© Перевод. М. Литвинова-мл., И. Шефановская, 2003
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-10755-X

ИНТЕРВЬЮ
С ВАМПИРОМ

Посвящается Стэну Райсу,
Кэрол Маклин и Элис О'Брайен Боркбарт.

Часть I

— А у что ж...— задумчиво сказал вампир.

Он стоял у окна, освещенный тусклым уличным светом. Глаза его собеседника, молодого человека, наконец привыкли к полутьме, и он смог разглядеть комнату: круглый дубовый стол, кресла, таз и зеркало на стене. Молодой человек ждал.

— А у вас хватит пленки, чтобы записать историю целой жизни? — И молодой человек увидел четкий профиль полуобернувшегося вампира.

— Конечно. Когда повезет, мне удается взять интервью у трех-четырех человек за вечер. Но только это должна быть действительно хорошая история.

— Еще бы,— сказал вампир.— Я расскажу вам свою жизнь. Я сам этого хочу.

— Отлично.— Молодой человек поспешно достал из портфеля диктофон, проверил кассету и батарейки.— Расскажите, как получилось, что вы поверили в это, почему вы...

— Нет,— оборвал его вампир.— Мы начнем иначе. У вас все готово?

— Да.

— Тогда садитесь. Я включу верхний свет.

— Но я всегда думал, что вампиры не любят света. Если вам хочется, чтобы было темно, я не против...— Он осекся.

Вампир отвернулся от окна и смотрел теперь прямо на него. Лица вампира не было видно, но что-то в этой неподвижно застывшей фигуре насторожило юношу. Он хотел было что-то сказать, но промолчал. Вампир подошел к столу, взялся за шнур выключателя, и молодой человек вздохнул с облегчением. И тут же резкий желтый свет залил комнату. Молодой человек ошеломленно уставился на вампира. Его пальцы судорожно вцепились в край стола.

— Боже! — только и смог выдохнуть он.

Лицо у вампира было белое и гладкое, словно вырезанное из кости, и застывшее, как у статуи. Жили только его зеленые глаза; они пристально смотрели на молодого человека и сверкали, как изумруды, и казалось, что два огня горят на белом холодном лице. Вдруг вампир улыбнулся, нежно, почти мечтательно, и на белизне его кожи обозначились линии, бесконечно подвижные, но скупые, как на штриховом портрете.

— Рассмотрели? — тихо спросил он.

Юноша вздрогнул и поднес руку к глазам, защищаясь от яркого света. Потом перевел взгляд на безукоризненно сшитый черный фрак, который мельком уже видел в баре, длинные складки плаща, черный шелковый галстук и воротничок сорочки, такой же ослепительно белый, как кожа вампира. Его густые, черные, слегка вьющиеся волосы были зачесаны назад, их кончики едва касались воротничка.

— Ну как, вы все еще хотите этого интервью? — спросил вампир.

Молодой человек открыл рот, но не мог выдавить ни звука, только кивнул.

— Да,— наконец выдохнул он.

Вампир опустился в кресло напротив и тихо, доверительно сказал:

— Включайте запись и ничего не бойтесь.

Он перегнулся через стол, и юноша испуганно отшатнулся. Пот градом катился по его щекам. Вампир положил руку ему на плечо, крепко сжал его и сказал:

— Поверьте, я не сделаю вам ничего плохого. Я хочу воспользоваться случаем. Наша беседа для меня гораздо важнее, чем вы думаете. Давайте начнем поскорее.— Он откинулся в кресле и застыл в ожидании.

Юноша с трудом перевел дыхание, вытер лицо платком, пробормотал, что микрофон внутри, нажал кнопку, и запись началась.

— Вы не всегда были таким, правда? — начал он.

— Верно. Я стал вампиром в тысяча семьсот девяносто первом году, мне было тогда двадцать пять лет.

Юноша, ошеломленный такой точностью, повторил дату вслух, прежде чем задать следующий вопрос:

— Как это случилось?

— Очень просто. Но я бы хотел рассказать все по порядку, с самого начала.

— Разумеется,— быстро кивнул молодой человек, сложил платок вчетверо и провел им по губам.

— Все началось с несчастья...— начал вампир.— Мой младший брат... погиб.— Он запнулся.

Молодой человек кашлянул, чтобы прочистить горло, еще раз вытер лицо платком и засунул его в карман.

— Может быть, вам больно... вспоминать об этом? — спросил он робко.

— Больно? — отозвался вампир. И покачал головой.— Нет. Однажды я уже рассказывал эту историю. И потом, это было так давно... Мы тогда жили в Луизиане. Взяли ссуду на землю и основали две плантации индиго на Миссисипи, неподалеку от Нового Орлеана...

— Так вот откуда у вас акцент,— тихо сказал юноша.

Вампир недоуменно взглянул на него, потом рассмеялся:

— Я говорю с акцентом?

— Я заметил это еще в баре, когда спросил, кто вы,— торопливо заговорил юноша.— Едва различимая четкость согласных и все. Но я не догадался, что это французский акцент.

— Ничего,— успокоил его вампир.— Я не столько удивлен, сколько притворяюсь. Просто время от времени я забываю о своем акценте. Но давайте продолжим.

— Конечно, конечно...

— Я говорил о плантациях. Кстати, может быть, из-за них я и стал вампиром. Но об этом после. Мы жили роскошно, но в то же время очень просто. Мы очень любили наш мир. Во Франции нам никогда не было бы так хорошо. Может, то была только выдумка, очарование дикой и девственной природы, но раз-

ве это важно? Я помню мебель, выписанную из Европы.— Вампир улыбнулся.— И клавесин... Прелестная вещица. Моя сестра часто играла на нем. Летними вечерами она сидела за клавишами спиной к раскрытым окнам. Помню быструю невесомую музыку и болота, простиравшиеся за окном; бархатистые кипарисы, плывущие на фоне вечернего неба; и звуки болот: голоса животных и пение птиц. В этой глуши мебель розового дерева казалась еще более ценной, а музыка — такой нежной и такой желанной. Мы любили нашу жизнь в глуши, хотя глицинии опутали окошко мансарды и умудрились врасти в белую кирпичную кладку меньше чем за год... Да, мы все любили эту жизнь, все — кроме моего младшего брата. Я не помню, чтобы хоть раз он пожаловался или посетовал, но я чувствовал — у него неладно на душе. Отец к тому времени уже умер, и я, как глава семьи, должен был постоянно защищать брата от матери и сестры. Они требовали, чтобы он ездил вместе с нами в гости и на вечеринки в Новый Орлеан, а он этого терпеть не мог. Он перестал участвовать в общих развлечениях лет, должно быть, в двенадцать. Для него имели смысл только молитвы, молитвы и жития святых, заключенные в толстые кожаные переплеты.

Я построил ему часовню неподалеку от дома, и он проводил там целые дни — возвращался, когда уже начинало смеркаться. Это смешно: он так отличался от нас, отличался от всех, а я был самым обычным человеком! Ничего сверхъестественного во мне не было.— Вампир улыбнулся.— Иногда по вечерам я приходил за ним к часовне. Он сидел на каменной скамейке в саду, спокойный и отрешенный, а я рассказывал ему о своих бедах: о нерадивых рабах или дурной погоде, о недоверии к надсмотрщику и торговым агентам... Словом, о больших и маленьких заботах, которые составляли сущность моей жизни. Он сидел и слушал, изредка вставлял замечания, всегда очень благожелательные, и всякий раз я покидал его с осознанным чувством, что он разрешил за меня все вопросы. Я думал, что ни в чем не смогу ему отказать, и поклялся, что не буду мешать ему стать священником, пусть это даже разобьет мне сердце. Конечно, я заблуждался.

Вампир замолчал.

Юноша тоже молчал и смотрел на него. Затем, словно пробудившись от глубокой задумчивости, спросил, подбирая слова:

— То есть... Он не захотел стать священником?

Вампир ответил ему долгим взглядом, словно пытаясь постичь смысл сказанного. Потом сказал:

— Нет, это насчет себя я ошибался — когда думал, что не смогу ему отказать.— Он отвел глаза и взглянул в окно.— У него начались видения.

— Настоящие видения? — помедлив, спросил юноша.

— Не знаю, но тогда я ему не поверил. Это случилось впервые, когда брату исполнилось пятнадцать. Он был красив: нежная чистая кожа, огромные голубые глаза. К тому же, в противоположность мне, он отличался крепким телосложением... Но главное — его глаза. Когда я смотрел в них, мне казалось, что я стою на самом краю света совсем один... на овеваемом ветром песчаном берегу океана, а вокруг тишина, только рокот волн, накатывающих на берег... Да,— продолжал он, по-прежнему глядя в окно,— у брата начались видения. Сначала он говорил об этом намеками. Он ничего не ел и почти переселился в часовню, но и там все запустил: перестал зажигать свечи, менять покров на алтаре и даже не выметал заносимые ветром листья.

Дни и ночи он стоял на коленях на голом каменном полу перед алтарем. Однажды вечером я встревожился не на шутку. Целый час я смотрел на него из беседки, увитой розами. Брат ни разу не поднялся с колен и не опустил молитвенно сложенных рук. Рабы думали, что он сошел с ума.— Брови вампира удивленно поползли вверх.— Сам я считал, что он просто не в меру усерден, что в своей любви к Богу он зашел слишком далеко. Потом он рассказал мне о видениях подробно. Он говорил, что ему явились святой Доминик и сама Дева Мария. Они сказали, что он должен продать всю нашу собственность в Луизиане — все, что у нас есть,— а вырученные деньги потратить на богоугодные дела во Франции. Сам же он станет великим религиозным лидером и, возродив любовь к Богу в сердцах людей, будет бороться с атеизмом и Революцией. Своих денег у него, конечно же, не было — значит, это мне следовало продать плантации и дома в Новом Орлеане, а деньги отдать ему.

Вампир снова умолк. Юноша изумленно глядел на него.

— Простите,— наконец очнулся он.— И что же? Вы продали плантации?

— Нет,— ответил вампир. Его лицо было невозмутимо и спокойно, как и прежде.— Я рассмеялся ему в лицо. Он при-

шел в ярость. Так приказала сама Дева Мария, кричал он, и кто я такой, чтоб не подчиняться? В самом деле, кто? — повторил вампир тихо, словно заново обдумывая ответ на этот вопрос.— Чем отчаянней он старался убедить меня в своей правоте, тем громче я смеялся. Я сказал, что его слова — полнейшая чушь и бессмыслица, порождение незрелого и даже болезненного ума. Я говорил, что постройка часовни была ошибкой и что я прикажу разрушить ее немедленно, а сам он начнет ходить в школу в Новом Орлеане и забудет про видения и прочий вздор. Не помню точно, что я еще наговорил. В памяти остались только гнев и разочарование, переполнявшие мою душу. Именно это я пытался скрыть за высокомерным смехом и суровой отповедью. Я и впрямь был горько разочарован. Я не поверил ни единому слову брата.

— Вас можно понять,— заметил юноша, воспользовавшись наступившей паузой; его лицо уже не выражало такого откровенного удивления.— Никто бы ему не поверил.

— Можно понять? — Вампир взглянул на него.— Я вел себя отвратительно, как отъявленный эгоист. Попробую объяснить. Я уже говорил, что любил брата. Иногда мне казалось, что он святой. Точнее говоря, я хотел в это верить. Я уважал его мысли и молитвы и твердо решил, что помогу ему принять сан. Но... Если бы мне рассказали, что в Арле или Лурде появился святой, которому является Дева Мария, я бы поверил — ведь я был католиком и искренне верил в святых: ставил свечи перед мраморными статуями в церквах, знал их имена и изображения, разбирался в символах и молитвах,— но я не верил, не мог поверить своему брату. Я не только не верил в его видения, но даже сама суть его слов была мне чужда. Вы спросите — почему? Потому что это был мой брат. Может быть, он святой и уж наверняка особенный, не такой, как все,— но только не Франциск Ассизский. Ни за что на свете: кто угодно, только не мой брат. Вот почему я вел себя как эгоист, понимаете?

Юноша немного подумал и кивнул.

— Может, у него и правда были видения,— сказал вампир.

— То есть... вы не знаете... наверняка?

— Не знаю. Но ничто не могло пошатнуть его убежденности в собственной правоте. Я видел это в ту ночь. Обезумев от горя и обиды, он выбежал из комнаты. И через мгновение его не стало.

— Как?

— Очень просто. Он распахнул стеклянную дверь, вышел на галерею, немного постоял на верхней ступеньке каменной лестницы. А потом упал. Я бросился вниз, в сад, но он был уже мертв. Сломал шею.— Вампир потряс головой, заново переживая весь этот ужас, но его лицо оставалось невозмутимым.

— Может быть, он оступился? Вы видели, как он упал?

— Нет, но слуги видели. Они рассказали, что он посмотрел вверх, словно увидел что-то в воздухе, а потом его тело будто подхватило ветром. Одному из них показалось, что он хотел что-то сказать. Я сам ничего точно не знаю — я не смотрел тогда в окно. Я только услышал звук падения.— Он взглянул на диктофон.— Я не мог себе этого простить. Мне казалось, я виноват в его смерти. Впрочем, так думали все.

— Почему? Ведь были свидетели...

— Прямых обвинений не было. Просто пошли слухи, что между нами что-то произошло, что мы поругались за несколько минут до его гибели. Слуги слышали шум, да и мать тоже. Она умоляла меня объяснить, что случилось,— почему брат, всегда такой тихий и мирный, кричал на меня. Потом к ней присоединилась сестра. Естественно, я отказался говорить об этом. Потрясенный, почти убитый смертью брата, я все-таки был исполнен какой-то странной решимости никому не рассказывать о его «видениях». Я не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, что он оказался не святым, а фанатиком.

Моя сестра предпочла остаться в постели и не пошла на похороны, а мать рассказала всем в церкви, что в моей комнате произошло что-то ужасное, но я не хочу признаваться, что именно. В конце концов я даже попал на допрос в полицию. Потом ко мне явился священник и умолял, чтобы я, во имя собственного спасения, поведал ему все. Но я молчал. Говорил всем, что это был самый обычный спор между братьями, отвергал обвинения, объяснял, что меня не было на галерее, когда он упал. И все равно все смотрели на меня так, будто это я убил его. Но я и сам чувствовал то же. Два дня я провел в церкви, рядом с гробом, и думал только об этом. Смотрел на лицо брата, пока черные точки не замелькали перед глазами. Довел себя почти до потери сознания. Брат разбил затылок о каменную дорожку, его голова в гробу на подушке была неправильной фор-

мы. Я заставлял себя смотреть на него, изучать мельчайшую черточку просто потому, что иначе не смог бы вынести душевную боль и запах уже начавшегося разложения. Меня снова и снова тянуло попытаться открыть ему глаза — я начал сходить с ума. Но одна мысль не покидала меня ни на минуту — я смеялся над ним, не поверил ему, не помог, когда ему было плохо: это я убил его.

— Это было на самом деле? — тихо сказал молодой человек.— Это правда?

— Да,— ответил вампир,— но я хотел бы продолжить.— Он равнодушно скользнул взглядом по собеседнику и снова перевел глаза на окно. Казалось, что юноша со своей молчаливой внутренней борьбой вызывает у него только слабый интерес.

— Но вы не знали наверняка про видения... Как же так, ведь вы вампир, и вы должны...

— Я рассказываю только о том, что знаю,— перебил его вампир.— Только о том, что было. Если вас интересуют видения, то я и сейчас ничего не знаю об этом.

Наступило молчание. Наконец юноша сказал:

— Пожалуйста, продолжайте.

— Я решил продать плантации. Я больше никогда не хотел видеть ни дом, ни часовню. Я сдал их в аренду одному агентству и избавил себя от необходимости приезжать туда снова. Мы с матерью и сестрой переехали в один из наших городских домов в Новом Орлеане. Но образ брата продолжал преследовать меня каждую минуту. Я думал только о том, что его тело гниет сейчас в земле. Его похоронили в Новом Орлеане, на кладбище Сент-Луи, и я старательно избегал это место, но ничего не помогало. Мои мысли всегда возвращались к брату. Пьяный или трезвый, я видел перед собой его тело, полусгнившее в гробу. Это было невыносимо. Каждую ночь мне снилось, что он стоит на верхней ступеньке, а я стою рядом, держу его за руку, уговариваю спуститься вниз, в спальню, и помолиться за меня, чтобы я обрел веру. Между тем рабы с Пон-дю-Лак — так называлась моя плантация — начали распускать слух, что видели привидение на галерее, и надсмотрщику не удавалось поддерживать дисциплину и порядок. Люди в обществе задавали моей сестре оскорбительные вопросы, и у нее начались истерики. На самом

деле она никогда не была истеричкой, но почему-то решила, что это самый лучший способ поведения в подобной ситуации. Я все время пил и старался как можно меньше быть дома. Как человек, который хочет умереть, но боится наложить на себя руки, я будто искал смерти — гулял один по самым темным улицам и аллеям города, напивался до потери сознания в кабаре, только по апатии уклонился от двух дуэлей... Мне искренне хотелось, чтобы меня убили. Кто угодно: пьяные матросы, грабитель, маньяк. Но случилось так, что мне встретился вампир. Он поймал меня ночью в двух шагах от дома, сделал свое дело и оставил умирать на улице.

— Вы хотите сказать... что он высосал вашу кровь?

— Да,— рассмеялся вампир.— Так оно и бывает.

— Но вам удалось выжить...

— Один шаг отделял меня от смерти, но он уже успел насытиться и бросил меня. Меня нашли на улице и отнесли в постель. Я не помнил, что со мной случилось. Может быть, удар от беспробудного пьянства. Я ничего не ел и не пил, не отвечал на вопросы врача. Я ждал прихода смерти с минуты на минуту. Мать послала за священником. В приступе начавшейся лихорадки я рассказал ему все о видениях брата и о нашей ссоре.

Я вцепился в его руку и не отпускал, заставлял поклясться, что он не расскажет об этом никому.

«Нет, я не убивал его,— говорил я.— Но я не могу жить, потому что чувствую себя виновником его смерти».

«Это смешно,— отвечал священник.— С какой стати вы считаете себя ответственным за его смерть? Вы слишком много думаете о себе, вот в чем дело. Вы нужны матери, не говоря уже о сестре. Что же касается вашего брата, то он попал в лапы дьявола». Я был так потрясен, что даже не сумел возразить. «Видения — дело рук дьявола,— продолжал он.— Силы сатаны безграничны. Вся Франция сейчас в его власти, а Революция — его величайший триумф». Оказывается, ничто не могло спасти моего брата, кроме молитвы и поста. В то время как близкие пытались удержать его от необдуманных поступков, дьявол восторжествовал в его теле. «Совершенно очевидно, что именно дьявол сбросил вашего брата с лестницы, когда убедился, что его коварный план не удался,— заявил священник.— Вы разговаривали тогда не с братом, а с сатаной».

Эти слова привели меня в бешенство. Он толковал о бесах, о колдовстве среди черных рабов, о похожих случаях в других странах, и наконец я взорвался. Я разгромил всю комнату и едва не прикончил его самого.

— В вашем состоянии? — спросил юноша.

— Безумие помогло мне,— ответил вампир.— Я вытворял такое, что было мне не под силу даже здоровому. Я мало что помню, эта суета мне и сейчас представляется фантастической: я выволок его через заднюю дверь, протащил по всему двору и бил головой о кирпичную стену кухни. Обессиленный, я сам едва не отдал Богу душу. Они усмирили меня и пустили мне кровь. Идиоты! Но самое важное, что именно тогда я осознал всю глубину своего эгоизма. Наверное, потому, что в словах священника услышал отзвук собственных слов, а его высокомерное отношение к брату напоминало мне мои чувства тогда. Как и его болтовня о дьяволе и почти болезненный отказ даже допустить саму мысль, что подлинная святость может быть найдена по соседству.

— Но он действительно верил, что вашим братом овладел дьявол.

— Это обычное человеческое отношение,— мгновенно возразил вампир.— Люди охотнее верят в дьявола, чем в Бога и в добро. Не знаю почему... Может быть, разгадка проста: творить зло гораздо легче. А говорить, что человеком овладел сатана,— все равно что объявить его сумасшедшим. Во всяком случае, я чувствовал, что именно к этому сводится смысл его слов. Не нужно видеть беса своими глазами, чтобы поверить в его существование. Другое дело — святой. Чтобы с кем-то, живущим рядом с тобой, происходили чудеса, подобные видениям моего брата? Нет, наше самолюбие не может допустить подобного!

— Мне это никогда не приходило в голову,— произнес его собеседник.— Что же случилось с вами дальше? Вы сказали, что вам пустили кровь. Это неминуемо должно было привести к смерти.

Вампир рассмеялся:

— Совершенно верно, но случилось непредвиденное. Вечером тот вампир снова вернулся ко мне, и, как вы думаете, зачем? Ему понадобились мои плантации. Я помню все детали той встречи, словно это произошло вчера. Было уже поздно, моя

сестра, дежурившая около постели, заснула. Он вошел с черного хода, открыл двери без единого звука. Он был высокий, светловолосый и белокожий и двигался грациозно, как кошка. Первым делом прикрутил лампу и аккуратно прикрыл платком лицо сестры. Она не проснулась: так и спала спокойно всю ночь рядом с миской воды и полотенцем, которым вытирала мне лицо. Утром, когда она встала, я был уже не я.

Вампир вздохнул, облокотился на ручку кресла и обвел взглядом стены комнаты.

— Сперва я подумал, что родные позвали доктора, чтобы он попытался успокоить меня. И привести в чувство. Но когда он подошел поближе и склонился над постелью, мне сразу стало ясно, что я ошибся. Я разглядел его лицо при свете лампы и понял, что это не просто человек. Его серые глаза горели слишком ярко, да и длинные белые руки явно не были руками человека. Думаю, что в тот момент я догадался, кто передо мной, и все его слова потом уже не были для меня откровением. Я видел вокруг него неземное свечение. Такого существа мне еще не приходилось встречать. Я чувствовал свою полную ничтожность перед ним. Все мысли и терзания, даже страшная вина перед братом и желание умереть, вдруг словно перестали существовать. Я и сам перестал существовать! — Он прижал кулак к груди.— Передо мной открывалась новая жизнь, новые возможности. Он говорил, и мое изумление росло и росло. Рассказывал о своей жизни, о том, кем я могу стать, и прошлое померкло, превратилось в прах. Он заставил меня увидеть со стороны мою мелочную, себялюбивую, бесполезную жизнь. Я понял, сколь неискренни были мои молитвы, обращаемые к Богу и к святым, чьи имена я затвердил по книгам. Они нисколько не изменили моего жалкого, приземленного существования. И я увидел — вот мои подлинные божества, те же, что у всех: пища и деньги, безопасность и комфорт... Прах земной.

На лице юноши появилась смесь замешательства и удивления.

— И вы решили следовать по его пути? — спросил он.

Вампир ответил не сразу.

— Решил — это не совсем точно. Не скажу, что такой исход был неизбежен. Просто после его слов этот путь оказался единственным для меня. И я пошел по нему, не оглядываясь. Хотя нет, один раз оглянулся.

— Один раз? Что вы имеете в виду?

— Мой последний рассвет. Утро, когда я еще не был вампиром и встретил свой последний рассвет. Я навсегда запомнил именно это утро; те, что были раньше, стерлись из памяти. Вот первый бледный свет коснулся окон, матово засветились кружевные занавески; свет становился ярче и ярче, и солнечные пятна обсыпали кроны деревьев. Взошло солнце, кружевной узор занавесок тенью лег на каменный пол, зайчики запрыгали по голове и плечам спящей сестры. Во сне она согрелась и отбросила платок; солнце светило ей прямо в глаза, и она щурилась, не просыпаясь. Стол, на который она уронила голову и руки, весь был залит светом, вода в миске сияла под солнцем. И наконец жаркие лучи коснулись моего лица и рук. Я лежал и думал о том, что рассказывал мне ночью вампир. Я навсегда прощался с рассветом и с прошлой жизнью. Потом я встал и вышел из комнаты. Это был мой последний рассвет.

Вампир замолчал и снова посмотрел в окно. В комнате вдруг стало очень тихо, тишина звенела в ушах. Потом по улице с грохотом проехал грузовик, и шнур выключателя задрожал. И опять все стихло.

— Вы скучаете по рассвету? — спросил юноша.

— Да нет, не очень,— отозвался вампир.— На свете и так много интересного... На чем мы остановились? Кажется, вы хотели узнать, как я стал вампиром?

— Да, пожалуйста, расскажите поподробней.

— Это невозможно объяснить,— сказал он.— Я смогу только описать процесс превращения, облечь ощущения в слова. Но вы поймете, что значило случившееся для меня самого.

Молодого человека вдруг словно осенило что-то, и он хотел было задать еще один вопрос, но вампир уже продолжал рассказ:

— Итак, тот вампир, а звали его Лестат, хотел заполучить мои плантации. Слишком прозаическая причина даровать мне вечную жизнь на этом свете. Надо сказать, он не так уж сильно отличался от обычных людей. Он не считал вампиров членами элитарного клуба, хотя на земле их очень мало. У него были и чисто человеческие заботы. Например, слепой отец, который не знал, что его сын — вампир. Ему стало трудно жить в Новом

Орлеане, нужно было кормиться самому и заботиться об отце. Вот почему ему понадобились мои плантации.

Мы приехали в Пон-дю-Лак вечером следующего дня. Я поместил старика в спальню и с помощью Лестата продолжил свой путь к новому состоянию. Нельзя сказать, что перемены произошли сразу, но начиная с какого-то момента у меня уже не было дороги назад. Мое превращение состояло из нескольких шагов, первым из которых стало убийство надсмотрщика. Лестат набросился на него, когда тот спал. Я был рядом: стоял настороже и одновременно проходил испытание на прочность — смогу ли я присутствовать при убийстве человека. Это было труднее и мучительнее всего. Я уже говорил вам, что не боялся умереть, хотя мысль о самоубийстве вызывала у меня отвращение. Но сколь низко я ценил свою жизнь, столь же высоко ставил жизни других людей. К тому же после гибели брата ужас смерти прочно утвердился в моей душе. Мне пришлось увидеть, как надсмотрщик, проснувшись, пытается сбросить с себя Лестата, как отчаянно он борется за жизнь в смертельных объятиях вампира... Наконец он обмяк, но умер не сразу: почти час мы простояли в маленькой спальне и смотрели, как его душа расстается с телом. Это тоже являлось составной частью моего превращения, иначе Лестат ни за что бы не остался в комнате. Затем нам надо было избавиться от трупа. Меня обуял настоящий ужас: я чувствовал, что еще немного — и я не выдержу. У меня начался приступ лихорадки, я с трудом передвигал ноги и, перетаскивая тело, едва сдерживал тошноту. А Лестат только смеялся. Он говорил, что, когда я стану настоящим вампиром, тоже буду смеяться. Но он ошибся: я никогда не смеюсь над смертью, хотя часто бываю ее причиной.

Дорогой, идущей вдоль реки, мы вывезли тело надсмотрщика в поле, сбросили его с повозки, порвали на нем плащ, вытащили из карманов деньги и влили в рот немного виски для запаха. Я хорошо знал его жену — она жила в Новом Орлеане — и представлял себе, как она будет горевать, когда труп найдут. Но еще мучительнее была мысль о том, что она никогда не узнает, что на самом деле случилось с ее мужем, что это не простые грабители подстерегли его пьяным на дороге. Когда мы били безжизненное тело, ломали кости и превращали лицо в кровавое месиво, непреодолимое отвращение поднималось у

меня в душе. Вы не должны забывать, что все это время Лестат вел себя не как обычный человек. Мне он казался сверхъестественным существом, вроде ангела. Но постепенно его магическая власть надо мной стала ослабевать. Мое сознание раздвоилось. С одной стороны, как я уже говорил, он просто околдовал меня и подчинил себе мою волю. Мое собственное стремление к разрушению и желание быть проклятым вели меня по тому же пути. Именно они помогли Лестату осуществить задуманное. Но в тот момент речь шла не обо мне. Я помогал разрушить жизнь надсмотрщика, его жены, его семьи. Ужас охватил меня, и, может быть, я ускользнул бы от Лестата и окончательно потерял бы рассудок, но безошибочный инстинкт подсказал ему, что происходит со мной.

Этот инстинкт...— вампир задумался.— Пожалуй, я мог бы назвать его могучим инстинктом вампира. Для нас малейшее изменение выражения на человеческом лице говорит столько же, сколько оживленная жестикуляция — простым смертным. В Лестате он был развит необычайно сильно. Он поспешно затолкнул меня в экипаж и погнал лошадей домой. «Я хочу умереть,— бормотал я.— Это невыносимо. Ты же можешь убить меня — это в твоих силах. Позволь мне умереть». Я старался не смотреть на него, чтобы не поддаться чарам его безупречной красоты. Он уговаривал меня, называл по имени и смеялся. Он твердо решил, что плантации должны достаться ему.

— Вы думаете, он не позволил бы вам уйти? — спросил юноша.

— Трудно сказать. Но теперь, хорошо зная Лестата, я думаю, он скорее убил бы меня, чем отпустил. Именно этого я и хотел. Точнее, мне казалось, что хотел. Как только мы добрались до дома, я выскочил из кареты и пошел, словно зомби, к кирпичной лестнице, той самой, с которой упал мой брат. Несколько месяцев дом стоял пустой — надсмотрщик жил в отдельном коттедже,— жаркий и влажный климат Луизианы уже начал свою разрушительную работу. Трещины между кирпичами заросли травой, кое-где даже проглядывали дикие лесные цветы. Помню ощущение ночного холода и сырости, когда, присев на нижние ступеньки лестницы, я положил усталую голову на кирпич, бесцельно перебирая руками крошечные цветочки. Я выдернул целый пучок и зажал в ладони. «Я хочу уме-

реть, убей меня. Убей меня! — повторял я, словно заведенный.— Я стал убийцей и не могу больше жить». Лестат засопел от нетерпения, как бывает, когда выслушиваешь очевидную ложь. И вдруг бросился на меня. В жутком испуге я изо всех сил ударил его ногой в грудь, и его зубы только оцарапали мне горло. Кровь бешено колотилась у меня в висках. Одним движением, настолько стремительным, что я даже не увидел его, он отпрыгнул назад, к низу лестницы. «Мне показалось, ты хотел умереть, Луи»,— сказал он.

Услышав имя, молодой человек кашлянул, словно хотел что-то спросить. Вампир сразу понял его и кивнул:

— Да, меня зовут Луи.— И продолжил рассказ: — Если бы я остался один и дошел до крайней черты, может быть, у меня хватило бы смелости покончить с собой, вместо того чтобы скулить и упрашивать других сделать это за меня. Я представлял себе долгие ежедневные страдания, как расплату за грехи, и мысленно тянулся к ножу, искренне надеясь, что внезапная смерть дарует мне вечное прощение. И еще я видел, как стою на верху лестницы, там, где стоял брат, а потом падаю вниз и разбиваюсь о камни.

Но у меня не было времени собраться с духом. План Лестата был рассчитан по минутам. «Послушай, Луи»,— сказал он и прилег на ступеньки рядом со мной, двигаясь изящно и интимно, словно любовник. Я отшатнулся, но он обнял и прижал меня к груди. Никогда я еще не видел его так близко. В тусклом свете его глаза неестественно сияли на белом лице. Предупреждая мое намерение пошевелиться, он поднес пальцы к моим губам и сказал: «Не двигайся. Я собираюсь высосать твою кровь до последней капли и хочу, чтобы ты лежал тихо, так тихо, чтобы ты слышал, как твоя кровь перетекает в меня. Только силой воли и разума ты должен поддерживать в себе жизнь». Я хотел было сопротивляться, но он так крепко прижимал меня к себе, что все мое распростертое тело находилось в его власти. Я оставил жалкие попытки вырваться, и он впился зубами в мою шею.

Вампир говорил, а юноша забивался в кресло все глубже и глубже. Его лицо напряглось, глаза сузились. Он словно ждал нападения.

— Вы когда-нибудь теряли много крови? — спросил вампир.— Вам знакомо это состояние?

Губы юноши обозначили слово «нет», но звука не получилось. Он сипло откашлялся и наконец сказал:

— Нет.

— Тогда слушайте. Наверху, в гостиной, горели свечи, а снаружи, на галерее, ветер раскачивал масляный фонарь. Эти два света смешались в мерцающее золотистое облако. Словно привидение повисло надо мной, зацепившись за перила лестницы... «Не закрывай глаза»,— прошептал Лестат. Его губы прикоснулись к моей шее. Мурашки побежали у меня по спине. Как при поцелуе...

Некоторое время вампир стоял молча, задумчиво постукивая пальцами по подбородку.

— На несколько минут меня полностью парализовало от слабости, вызванной большой потерей крови. Мне было страшно, я не мог произнести ни слова. Лестат не выпускал меня. Его объятия были подобны стальному обручу. С удивительной отчетливостью я ощутил, как резким движением он разжал зубы на моей шее, оставив на ней две крошечные раны. Мне они казались огромными и наполненными болью. Затем он склонился ко мне, разжал сжимавшую мое беспомощное тело руку, поднес ее ко рту и прокусил себе запястье. Кровь хлынула потоком мне на рубашку и плащ. Казалось, прошла вечность. Он, не двигаясь, сверкающими глазами смотрел на кровь. Мерцающее облако очутилось у него за спиной, и он сам стал похож на ужасный призрак. Трудно сказать с уверенностью, но, думаю, я знал, что он собирается сделать. Обессиленный, я лежал и ждал. Вдруг он прижал кровоточащую кисть к моим губам и сказал твердо, даже нетерпеливо: «Пей, Луи!» Я повиновался его приказу, а он продолжал шептать: «Давай, Луи. Поторопись». Я пил, сосал кровь из маленьких дырочек, блаженно, как младенец. Все внимание, все силы моего тела и души сосредоточились на этих маленьких, едва заметных ранках. В тот миг они были для меня единственными источниками жизни. И тогда случилось это...— вампир нахмурился и откинулся на спинку кресла.— Это невозможно описать словами.— Он перешел на шепот. Юноша будто превратился в глыбу льда.

— Когда я почувствовал вкус крови на губах, мне показалось, что вокруг все исчезло, кроме трепещущего золотистого сияния где-то в вышине, но потом я услышал странный звук,

доносившийся издалека. Вначале это был только глухой рокот, но скоро он рассыпался на фрагменты и стал походить на барабанный бой. Он становился все громче и громче, словно огромное существо медленно пробиралось к нам сквозь темный незнакомый лес и било в барабан. Вдруг к нему присоединились звуки второго барабана, как будто другое чудовище шло по следам первого, выбирая свой ритм, никак не связанный с прежним. Шум нарастал, наконец проник в каждую клеточку моего тела. Я чувствовал бешеную пульсацию этого ритма в своих венах: вначале один барабан, затем — другой. И вдруг Лестат убрал руку. Я открыл глаза и едва удержался, чтобы не схватить ее и прижать к губам. Наверное, я бы так и сделал, но тут внезапная догадка пронзила меня, подобно молнии: этот барабанный бой был биением наших сердец. Моего и Лестата.— Вампир вздохнул.— Вы поняли хоть что-нибудь? — обратился он к юноше.

— Нет... то есть да,— запинаясь, пробормотал тот.— Хотя...— он покачал головой.

— Неудивительно,— сказал вампир, глядя в окно.

— Подождите, подождите! — воскликнул юноша.— Лента кончается, я переверну кассету.

Вампир терпеливо ждал.

— Что же случилось потом? — спросил юноша, вытирая вспотевшее лицо платком.

— Я стал видеть по-другому. Глазами вампира,— равнодушно, почти рассеянно ответил Луи. Потом очнулся и продолжил: — Лестат отступил назад, на нижнюю ступеньку лестницы, но в первый момент я просто не узнал его. Прежде его лицо было абсолютно белым и светилось в темноте. Теперь он предстал передо мной полным жизни и крови, излучающим мощное яркое сияние, источник которого находился внутри его самого. Я огляделся по сторонам и обнаружил, что изменился не только Лестат. Преобразилось все вокруг.

Я вдруг словно прозрел и увидел мир во всем разнообразии цветов и форм. Помню, меня так захватила игра красок на пестрых пуговицах плаща Лестата, что я долго не мог оторвать от них глаз. Потом он вдруг рассмеялся, и мне показалось, что за один миг я излечился от многолетней глухоты. Барабанный ритм сердца по-прежнему звучал у меня в ушах, а теперь к не-

му присоединились раскаты металлического смеха, они слились в общий гул. Как будто одновременно звонят несколько колоколов. Но скоро я научился разделять звуки и старался слушать каждый в отдельности. Потом они снова перемешались, но я уже безошибочно отличал один от другого, эти мягкие, нарастающие звуки, прерывистые, но бесконечные, слившиеся воедино, и такие разные. Перезвоны смеха.— Вампир счастливо улыбнулся.— Перезвон колоколов.

«Перестань таращиться на мои пуговицы,— сказал Лестат.— Пойди лучше в сад, стряхни с себя прах человеческий. И не влюбляйся без памяти в эту ночь, а то заблудишься в трех соснах».

Последнее замечание было и впрямь не лишним: я это понял, едва отошел от дома. Лунный свет на мощеных дорожках сада заворожил меня, я стоял и глядел на них чуть ли не час. Я прошел мимо часовни брата, даже не вспомнив о нем; надо мной шумели дубы, и звуки ночи казались голосами тысячи женщин. Они шептали что-то, манили, звали к себе. Но мое тело переродилось еще не совсем, и, привыкнув к новому зрению и слуху, я почувствовал боль. Все человеческое покидало меня. Человек во мне умирал — начинал жить вампир. И новые, обостренные чувства вампира родили во мне сперва тревогу, а потом и страх перед собственной смертью. Я бросился по ступенькам вверх, в гостиную. Лестат уже деловито разбирал мои счета и бумаги.

«Да ты богач»,— приветствовал он мое появление.

«Что со мной происходит?» — закричал я.

«Ты умираешь, только и всего. Перестань валять дурака. Кстати, где у тебя лампы? Я не нашел ни одной, разве что фонарь на улице. Принеси мне его. У тебя столько денег, а ты не можешь раскошелиться на китовый жир».

«Умираю! — кричал я.— Умираю!»

«Это случается с каждым»,— сказал Лестат.

Он не хотел мне помочь. Даже сейчас, оглядываясь назад, я презираю его за это. Не потому, что я был напуган, а он не утешил меня. Но он мог бы объяснить, что моя смерть, то есть перемена, происходившая со мной, столь же увлекательна и прекрасна, как ночь, которую я только что чувствовал и видел. Но он этого не сделал. Потому что Лестат был совсем не такой,

как я.— В словах вампира не было ни тени самодовольства. Только сожаление, что ничего не изменишь.

— Alors*,— вздохнул он,— я умирал быстро, а значит, и так же быстро умирал мой страх перед смертью. Жаль только, что я не мог спокойно и внимательно следить за своим превращением. Что я не уделил этому больше внимания. Лестат же вел себя как круглый идиот. «Черт побери! — вдруг выругался он.— Я забыл запасти для тебя еду. Ну что я за дурак!» Я едва не сказал, что придерживаюсь того же мнения. «И спать тебе придется со мной,— продолжал он.— Я не успел приготовить для тебя гроб».

Вампир рассмеялся.

— Слово «гроб» вселило в меня такой ужас, что, наверное, на него ушла вся оставшаяся у меня способность бояться. Но ужас быстро прошел, мне только не хотелось лежать в одном гробу с Лестатом. Сам он пошел попрощаться с отцом и сказать, что вернется к вечеру. «Куда ты идешь? Почему ты вечно пропадаешь по ночам?» — стал допытываться старик, и Лестат потерял терпение. Раньше он держался с отцом исключительно вежливо, пожалуй, даже чересчур, но тут взорвался: «Разве я не забочусь о тебе? Я все для тебя делаю, не то что ты для меня. Ты сейчас живешь так, как я никогда не жил, и если мне охота весь день спать и пьянствовать по ночам, то это, черт возьми, мое право!» Старик униженно заплакал. Только особенное состояние чувств, в котором я тогда пребывал, и страшная физическая слабость не дали мне вмешаться. Я наблюдал за происходящим через открытую дверь и не мог отвести глаз от разноцветного покрывала на постели отца Лестата и поразительного смешения красок на его лице. Я завороженно смотрел на голубые вены, пульсирующие под розово-серой кожей, пожелтевшие от старости зубы, мелкую дрожь тонких бескровных губ. «Что за сын, что за сын»,— бормотал он. Конечно, он и не догадывался, кто его сын на самом деле.— «Ну ладно, иди куда хочешь. Наверное, ты завел себе подружку и отправляешься к ней по утрам, когда муж уходит из дома. Только дай мне мои четки. Куда они запропастились?» Лестат опять выругался, но выполнил его просьбу...

---

* Тем временем (*фр.*).

— Но...— начал было юноша.

— Да? — отозвался Луи.— Простите, я, кажется, не даю вам и слова вставить.

— Вы сказали про четки. Но ведь на них обычно вешают крест...

— Ах вот в чем дело.— Вампир рассмеялся.— Я знаю, ходят слухи, что мы боимся крестов.

— Я думал, вампиру даже смотреть на крест нельзя.

— Чепуха, мой друг, полная чепуха. Я могу смотреть на все, что угодно, так же, как и вы. Иногда даже люблю смотреть на распятия.

— Так, значит, и про замочные скважины это все ерунда? Я слышал, что вампиры могут превращаться в дым и просачиваться в запертую комнату.

— Хорошо бы,— смеясь, ответил вампир.— А вообще, недурная идея. Я сам не прочь полазить взад-вперед сквозь замочные скважины: наверное, они приятно щекочут разные места. Нет,— он покачал головой,— это, как вы говорите теперь... бред собачий.

Молодой человек невольно рассмеялся, но быстро посерьезнел.

— Не смейтесь,— сказал вампир.— Есть еще вопросы?

— Да,— слегка покраснев, признался юноша.— Говорят, что вампиру нужно проткнуть колом сердце, чтобы уничтожить.

— То же самое — бред собачий,— Луи старательно произнес согласные буквы, вызвав у юноши смущенную улыбку.— Никаких чудес тут нет. А почему бы вам не закурить? Я вижу, у вас пачка сигарет в кармане.

— Спасибо.— Молодой человек искренне обрадовался. Он засунул сигарету в рот и попытался прикурить, но руки слишком сильно дрожали.

— Позвольте мне,— пришел ему на помощь вампир и, проворно чиркнув спичкой, поднес ее к сигарете. Не сводя глаз с его пальцев, юноша затянулся.

— Пепельница у стены,— сказал вампир и уселся в кресло.

Заметно нервничая, молодой человек встал, вытряхнул в корзину для мусора старые окурки, поставил пепельницу на стол перед собой и положил на ее край сигарету. На белой папиросной бумаге отпечатались влажные пальцы.

— Это ваша комната? — поинтересовался он.

— Нет,— ответил вампир.— Просто комната.

— Что было дальше? — вернулся юноша к прерванному разговору. Его собеседник смотрел на клубы дыма вокруг лампочки на потолке.

— *Мы поспешили в Новый Орлеан. Там, в жалкой лачуге на* окраине, неподалеку от крепостной стены, Лестат хранил свой гроб.

— Вы все-таки согласились спать вместе с ним?

— У меня не было выбора. Я просил его позволить мне лечь в чулане, но он только удивленно рассмеялся. «Разве ты знаешь, что с тобой случится?» — спросил он. «Скажи, этот гроб волшебный? Почему он такой странной формы?» — не отставал я от него, но не услышал в ответ ничего, кроме смеха. Я не мог себе представить, что буду спать в гробу. Я все еще упорствовал, но вдруг понял, что страх прошел. Это было очень странно. Я всегда боялся замкнутого пространства. Я родился и вырос во французских домах с просторными комнатами и окнами от пола до потолка, и взаперти меня охватывал непреодолимый ужас. Мне становилось не по себе даже в исповедальне. Я спорил с Лестатом и вдруг понял, что цепляюсь за старые страхи только по привычке, потому что пока не могу разобраться в своем новом положении, почувствовать себя раскованным и свободным. «Ты плохо себя ведешь,— отчитал меня Лестат.— Скоро наступит рассвет. К твоему сведению, ты умрешь, если не ляжешь со мной. Солнце разрушит кровь, которую я в тебя влил. Не могу понять, чего ты боишься? Ты как человек, который потерял руку, но все еще говорит, что чувствует в ней боль». Это были самые толковые слова, которые я слышал от Лестата. Я тут же пришел в себя. «Ну а теперь полезай в гроб,— презрительно приказал он мне,— если, конечно, у тебя есть хоть крупица здравого смысла». И я послушался. Я лежал на Лестате лицом вниз. Это соседство было противно, но страха, к собственному удивлению, я не чувствовал. Лестат задвинул крышку. Я спросил его, умер ли окончательно. У меня зудело и чесалось все тело. «Еще нет,— ответил он.— Ты умрешь к вечеру. Увидишь и услышишь, что все переменилось, но страшного не будет ничего. А теперь спи».

— Он оказался прав? Когда вы проснулись, вы были уже мертвы?

— Правильнее было бы сказать, что я проснулся обновленным, поскольку, как вы, наверное, заметили, жив я и поныне. Умерло только тело. Оно очистилось еще до того, как я лег спать. И мои чувства еще больше отдалились от нормальных человеческих. Но главное, что я понял на следующий же вечер, пока мы прятали гроб и воровали для меня другой из морга,— Лестат мне совершенно не нравится. Я стал почти таким же существом, как он,— конечно, еще не совсем таким, но гораздо ближе, чем до того, как умерло мое тело. Хотя вы не сможете понять этого до конца, ведь вы сейчас такой, каким был я, пока не умер, а для меня живого Лестат был непостижим. Когда я увидел его впервые, это было самое сильное потрясение в моей жизни. Кстати, ваша сигарета догорела.

Юноша положил обгоревший фильтр в пепельницу и достал новую сигарету. На этот раз он справился со спичками.

— Вы хотите сказать, что он потерял все очарование, когда дистанция между вами сократилась?

— Именно так,— удовлетворенно подтвердил вампир и продолжил повествование: — Путешествие назад, в Пон-дю-Лак, подарило мне массу впечатлений, самым скучным и утомительным из которых был Лестат. Мы, как я уже сказал, еще не были с ним на равных. Пользуясь его словами, я все еще боролся с мертвыми частями собственного тела. Я и сам почувствовал это, в ту же ночь, когда впервые убил человека.

Вампир протянул руку через стол и осторожно стряхнул пепел с сигареты молодого человека. Юноша смотрел на него с нескрываемым страхом, и вампир извинился:

— Простите, я не хотел вас напугать.

— Нет, это вы простите. Мне показалось, что ваша рука... слишком длинная. Вы дотянулись до другого края стола, не двигаясь с места!

— Нет,— ответил Луи и положил ногу на ногу.— Просто я наклонился вперед так быстро, что вы не успели заметить.

— Вы наклонились вперед? Не может быть! Вы сидели все время в точности как сейчас, откинувшись на спинку кресла.

— Нет,— твердо сказал вампир,— я вовсе не собираюсь вас разыгрывать. Смотрите, я покажу еще раз.— Он повторил дви-

жение, и снова испуганный и смущенный юноша посмотрел на него недоуменно.— Опять вы за мной не угнались. Взгляните: эта рука самой обыкновенной длины.— Он воздел руку над столом и поднял указательный палец вверх, словно ангел, несущий Слово Божье.— Вот в чем принципиальная разница между вашим зрением и моим. Мне самому этот жест показался медленным и даже вялым. И еще я отчетливо расслышал шорох, когда мои пальцы коснулись вашей куртки. Я не собирался пугать вас, честное слово. Но это поможет вам понять, сколько нового подарила мне дорога из Нового Орлеана в Пон-дю-Лак.

— Да,— ответил молодой человек потрясенно.

Вампир посмотрел на него долгим взглядом, потом заговорил:

— Я начал рассказывать...

— О вашем первом убийстве.

— Верно. К нашему возвращению плантация походила на потревоженный улей. Был найден труп надсмотрщика, а потом и слепой отец Лестата в моей спальне. Никто не знал, откуда он взялся. В придачу ко всему меня не могли целый день разыскать в городе. Сестра сообщила в полицию, и полицейские приехали в Пон-дю-Лак раньше нас. Уже стемнело. Лестат на скорую руку объяснил мне, что я не должен позволить полицейским видеть себя даже при самом слабом освещении. Поэтому я отвечал на их вопросы в дубовой аллее перед домом, не обращая внимания на просьбы зайти внутрь. Я сказал, что слепой старик — мой гость, что, прибыв прошлой ночью на плантацию, я не застал надсмотрщика и подумал, что он уехал в Новый Орлеан по делам.

Постепенно все улеглось, но управлять плантациями стало трудно. Среди рабов началось брожение, целый день они не работали. В тот год у нас созрел большой урожай сырья, и без надсмотрщика было никак не обойтись. Среди рабов нашлось несколько смышленых парней. Можно было давно передать им работу надсмотрщика, но раньше меня отпугивала их африканская внешность и повадки, и я не хотел знакомиться с ними близко. Теперь же поручил им руководить работой, а лучшему из них пообещал в награду дом надсмотрщика. И еще я забрал с полей двух молодых женщин, чтобы они ухаживали за отцом Лестата. Я постарался втолковать им, что они не должны нару-

шать наш покой, что за это они получат больше денег. Я и не догадывался, что именно эти рабы, которых я так тщательно выбирал, первыми заподозрят неладное про меня и Лестата. Я не подумал тогда, что их опыт общения со сверхъестественным куда богаче, чем у белых. Для меня это были дикие люди, разве что чуть-чуть одомашненные работой на господина. Как же страшно я ошибался! Но об этом после. Я собирался рассказать о своем первом убийстве. Его подстроил Лестат. Как обычно, бессмысленно и неумело.

— Неумело? — переспросил юноша.

— Я не должен был начинать с людей. Сам я еще не знал, что могу пить кровь животных вместо человеческой. Когда полиция уехала и рабы успокоились, Лестат потащил меня на болота. Было уже довольно поздно, и в хижинах рабов не горело ни огонька. Вскоре мы потеряли из виду и освещенные окна нашего дома, и я всерьез забеспокоился. Но опять-таки меня мучил не сам страх, а воспоминания о нем. Если б Лестат хотел, он мог бы спокойно объяснить мне, что я нахожусь в полной безопасности — ядовитые змеи и насекомые нам не страшны — и что сейчас лучше всего сосредоточиться на новом умении: видеть в темноте. Вместо этого он предпочел донимать меня бесконечными насмешками и упреками. Его заботило только, как бы поскорее найти жертву и завершить мое посвящение в вампиры.

Нашей конечной целью оказался маленький лагерь беглых рабов. Лестат навещал их и раньше, в результате чего людей в нем уменьшилось примерно на четверть. Он подстерегал тех, кто отходил от костра, или нападал на спящих. Они и не подозревали, куда пропадают товарищи. Больше часа мы ждали в засаде, и вот один из мужчин — а там были только мужчины — отошел от освещенного круга всего на несколько шагов в гущу деревьев. Он расстегнул штаны, оправился и повернулся к нам спиной, чтобы идти назад. И тогда Лестат толкнул меня в бок и прошептал: «Убей его».

Вампир улыбнулся, глядя в широко открытые глаза юноши.

— Я ужаснулся так же, как вы сейчас, и сразу отказался. Раб услышал мой голос и повернулся в нашу сторону, настороженно вглядываясь в темноту. Затем он быстро и молча выхватил из-за пояса длинный нож. Я пригляделся к нему повнимательнее.

ней: это был здоровый и крепкий мужчина высокого роста, голый до пояса. Он произнес какую-то фразу на местном французском диалекте и шагнул вперед. Лестат очутился у него за спиной с поразившей меня быстротой, молниеносным движением вцепился ему в горло и в руку, сжимавшую нож. Не видя ничего в кромешной тьме, раб закричал, попытался сбросить Лестата, но тот уже добрался зубами до горла. Парализованный, как от укуса змеи, раб упал на колени, а Лестат жадно и торопливо сосал его кровь, стараясь успеть насытиться до того, как подбегут другие. «Ты мне порядком надоел»,— заявил он, когда обернулся ко мне. Все это время я стоял не шелохнувшись. Словно насекомые, надежно укрытые темнотой, мы наблюдали за суетящимися и бегающими вокруг рабами. Они нашли раненого и оттащили его к костру, после чего, рассыпавшись веером, углубились в чащу, пытаясь найти нападавшего. «Пошли, надо поймать еще одного, прежде чем они вернутся»,— сказал Лестат. Мы вышли из убежища в тени деревьев и бесшумно последовали за человеком, шедшим немного поодаль от других. Я был потрясен. Я не только не мог, но и не хотел нападать на него. Все могло быть иначе, если б Лестат правильно взялся за дело, и мой первый опыт убийства оказался бы куда богаче во многих отношениях.

— Что вы имеете в виду? — спросил юноша.

— Убийство для вампира — не только убийство. И это не значит просто до отвала насосаться свежей крови. Это значит почувствовать чужую жизнь; почувствовать, как она вместе с кровью медленно покидает тело. Убивая, я каждый раз умираю сам и рождаюсь заново, как в ту ночь, когда я сосал кровь Лестата и стук наших сердец слился воедино. Каждый раз это миг величайшего наслаждения, единственного наслаждения, которое доступно вампиру.— Он говорил очень серьезно, будто спорил с кем-то, отстаивал свое мнение.— До сих пор не могу понять, почему Лестат не чувствовал того же. А может быть, чувствовал, но скрывал. Так или иначе, ему не пришло в голову напомнить мне, как я припал к его окровавленной руке — во имя жизни — и не хотел отпускать ее. Он мог найти хорошее место, где бы я совершил первое убийство тихо и достойно. Но он торопился так, словно за нами кто-то гнался. Он догнал раба, бросился на него сзади, вцепился мертвой хваткой и подставил

мне обнаженную шею несчастного. «Ну же! — крикнул он нетерпеливо.— Обратной дороги нет». Я подчинился, безвольно и с отвращением. Я встал на колени перед согнувшимся в железных руках Лестата, но продолжающим бороться человеком, придавил его плечи ладонями, добираясь до горла. Мои зубы еще не изменились окончательно, и приходилось вырывать целые куски кожи с мясом из живого тела. Но как только рана стала глубокой и кровь хлынула бурным потоком, я припал к ней губами и начал пить... и все вокруг исчезло.

Лестат, болото, далекий шум в лагере — все перестало существовать. Волшебство повторилось, как в первый раз; я чувствовал, как бьется и затихает в моих руках теплое живое тело. И снова зазвучал барабан — удары его сердца, но теперь они четко совпадали с моими, переполняли мою душу и тело, потом ритм стал замедляться и превратился в долгий, тихий, бесконечный гул. Я парил, плыл в невесомости, и вдруг Лестат оттащил меня от жертвы. «Идиот, он давно уже мертв! — с присущей ему вежливостью сказал он.— Нельзя сосать кровь трупа. Запомни!»

На мгновение я словно обезумел. «Нет,— убеждал я Лестата,— его сердце все еще бьется». Меня неудержимо потянуло снова вцепиться в этого раба.

Я шарил руками по его груди и наконец нашел запястье. Я уже хотел прокусить вену, но Лестат отдернул меня за ногу, а потом ударил по лицу. Пощечина ошеломила меня, но не боль от удара, а шок, эмоциональный взрыв. Я очнулся в смятении и обнаружил, что стою, беспомощно прижавшись спиной к кипарису, и смотрю в темноту, а ночь жужжит у меня в ушах, словно рой насекомых. «Ты умрешь, если притронешься к нему,— поучал меня Лестат.— Если пить кровь мертвеца, он сам высосет тебя до последней капли и заберет с собой. Ты и так перебрал, тебе будет плохо».

Его голос действовал мне на нервы. Я чуть было не бросился на него с кулаками. Но он оказался прав: скоро у меня действительно жутко разболелся живот, мои внутренности словно затягивало в огромную воронку. Потом я узнал, что так бывает, когда чужая мертвая кровь смешивается с собственной. На обратном пути Лестат бесшумно пробирался по лесу, словно сытый кот, а я плелся сзади, голова разламывалась от боли, и резь в желудке не прошла даже по возвращении в Пон-дю-Лак.

Мы сидели в гостиной, Лестат раскладывал пасьянс. Я смотрел на него с отвращением. Он говорил, что скоро я привыкну и научусь убивать. Я не должен позволять себе переживать так, будто еще не стряхнул с себя «прах бренной человеческой жизни». Впрочем, скоро все наладится. «Ты так думаешь?» — спросил я, хотя его мнение не интересовало меня ни в малейшей степени. Уже тогда я понял, что мы с Лестатом слишком разные. Для меня случившееся было подобно мировому катаклизму. Мой мир переменился, я увидел другими глазами все вокруг, начиная с портрета брата на стене в гостиной и кончая маленькой звездочкой в небе за стеклянной дверью галереи. Я не мог себе представить, что другой вампир может быть к этому равнодушен. И чувствовал, что продолжаю меняться. Все, что видел и слышал, было мне безумно интересно, все трогало мою душу — даже шуршание карт, которые глянцевыми рядами ложились на полированное дерево стола.

Скучный и равнодушный, как простой смертный, он раскладывал пасьянс и чертыхался, глядя на карты. Он пытался внушить мне, что ничего особенного не произошло. Он не понимал, что другой может чувствовать иначе. К утру мне окончательно стало ясно, что я стою гораздо выше его, и я горько усмехнулся шутке судьбы, которая послала мне такого учителя. Ну что ж, пусть научит меня тому, что знает сам, а мне остается только терпеть его вздорный характер и злость на все и вся. Лестат стал мне совершенно безразличен. Но я жаждал новых переживаний, столь же прекрасных и всепоглощающих, как первое убийство. И понял, что, если хочу научиться чувствовать как можно глубже и сильнее, я должен полагаться только на собственные силы. От Лестата не будет толка.

Уже минуло далеко за полночь. Я поднялся и вышел на галерею. Огромная луна стояла высоко над верхушками кипарисов, заливала светом свежепобеленные стены и колонны, чисто подметенный дощатый пол. Ночной воздух был чист и свеж после короткого летнего дождя, и капельки воды переливались всеми цветами радуги на листьях и траве в саду. Я прислонился спиной к колонне, касаясь головой нежных побегов жасмина, чудом уцелевших в борьбе с глицинией. Я думал о бесконечных возможностях, простирающихся передо мной в пространстве и времени. И тогда решил, что буду принимать все с нежно-

стью и благоговением, черпая из каждой новой встречи то лучшее, что поможет мне двигаться дальше и дальше. Должен признаться, я и сам тогда толком не разбирался в собственных мыслях. Понимаете, я уже не хотел жить очертя голову, потому что боялся растратить попусту волшебный дар вампира — новое, пристальное видение.

— Я понимаю вас,— не задумываясь ответил юноша.— Это похоже на любовь.

Глаза вампира засияли.

— Именно так. Это и есть любовь.— Он улыбнулся.— Я рассказываю так подробно, чтобы вы поняли, что между вампирами может пролегать пропасть, поняли, почему я не пошел по пути Лестата. Я презирал его не потому, что он ничего не чувствовал. Просто не мог понять, как можно терять понапрасну этот дар.

Но в ту же ночь он преподал мне еще один урок.

Он всегда приходил в легкомысленный восторг от роскоши, окружавшей его в Пон-дю-Лак. Например, ему очень нравился изящный фарфоровый сервиз, на котором его отцу подавали ужин. Он любил трогать бархатные портьеры и водить носком туфли вдоль замысловатых узоров на ковре. В самую первую ночь на плантации он вынул из китайского шкафчика хрустальную рюмку и сказал: «Я соскучился по бокалам». В его словах прозвучало какое-то зловещее удовольствие, и я пристально посмотрел на него. Как он мне не нравился! «Я хочу показать тебе маленький фокус,— сказал он,— если ты тоже любишь бокалы». Он поставил рюмку на стол и вышел ко мне на галерею. Вдруг он снова переменился и стал похож на крадущееся животное. Его глаза пронзали ночную темноту вокруг дома. Уставившись куда-то под своды ветвей дуба, он постоял минуту, потом перепрыгнул через перила и, мягко приземлившись, бросился вперед. Когда он показал мне добычу, я вздрогнул. Это была крыса. «Перестань вести себя как круглый идиот, черт возьми! — закричал он, увидев мое лицо.— Ты что, никогда крысы не видел?» Здоровенная полевая крыса с необычайно длинным хвостом отчаянно старалась вырваться на волю. Но он держал ее крепко, так, что она даже не могла кусаться. «Иногда попадаются довольно вкусные крысы»,— заметил он, подойдя к столу в гостиной. Резким движением он вспорол ножом гор-

ло мерзкой твари и быстро наполнил бокал кровью. Труп крысы полетел обратно в сад, а Лестат триумфально поднял бокал и посмотрел сквозь него на пламя свечи. «Если прижмет, можно прожить и на крысах, так что перестань корчить такую физиономию,— сказал он мне.— Кошки, курицы, коровы — все сгодится. Когда плывешь на корабле, например, лучше ограничиться крысами, если не хочешь, чтобы из-за начавшейся паники всякие идиоты отыскали твой гроб. Нет, лучше уж очищать судно от проклятых грызунов». Он сделал глоток с таким видом, словно пил бургундское, после чего, скривившись, недовольно буркнул: «Слишком быстро остывает».

«Ты хочешь сказать, что мы можем пить кровь животных?» — Я был потрясен.

«Да.— Он допил бокал до дна и небрежно швырнул его в камин. Я невольно взглянул на осколки.— Ты ведь не возражаешь? — Он указал на них с саркастической усмешкой.— Очень надеюсь, что нет. Потому что все равно ты вряд ли можешь что-нибудь поделать».

«Отчего же. Я могу, например, запросто вышвырнуть тебя вместе с отцом из Пон-дю-Лака»,— ответил я. Впервые за два дня общения с ним я дал волю своим чувствам.

«Зачем? — спросил он с фальшивой тревогой.— Ведь... ты еще многого не знаешь, верно?» — Он рассмеялся. Пробежав пальцами по атласному футляру спинета, он поинтересовался: «Ты играешь?»

Я сказал что-то вроде: «Не трогай!» Это вызвало у него новый приступ веселья.

«Хочу и трогаю! — заявил он.— Кстати, ты даже не знаешь, что может привести к твоей смерти. Было бы обидно умереть именно сейчас».

«Я найду кого-нибудь другого, кто меня научит,— сказал я.— Наверняка ты не единственный на свете. Твоему отцу около семидесяти, значит, ты не так давно стал вампиром. Тебя же учил кто-то...»

«Неужели ты думаешь, что сможешь сам найти других вампиров? Они-то заметят тебя издалека, мой друг, а вот ты их — нет. Так что вряд ли у тебя есть выбор, приятель. Хочешь не хочешь, но именно я — твой учитель, и без меня тебе не обойтись. Не забывай к тому же, что у нас обоих есть о ком позаботиться.

Моему отцу нужен доктор, а на тебе — мать и сестра. Не вздумай проболтаться, что ты вампир. Нужно только обеспечить им и моему старику спокойную жизнь. Другими словами, с завтрашнего дня не мешкай — убивай и занимайся своими плантациями. А теперь пора спать. Для безопасности мы ляжем в одной комнате».

«Ну уж нет,— сказал я.— Ищи себе сам безопасную спальню. Я предпочитаю спать в одиночку».

Он разозлился не на шутку. «Не делай глупостей, Луи, предупреждаю тебя,— сказал он с угрозой.— Ничто тебе не поможет, когда взойдет солнце. Ничто. Отдельные комнаты создают двойные меры предосторожности и двойной риск быть обнаруженным».

Он привел целую кучу доводов, пытаясь запугать меня; но с таким же успехом он мог обращаться к стене. Я внимательно следил за ним, но не слушал. Таинственный ореол вокруг него растаял без следа. Передо мной стоял глупый хрупкий манекен, словно сплетенный из ивовых прутиков, и верещал противным злым голосом.

«Спокойной ночи, я пошел»,— сказал я и аккуратно погасил свечи одну за другой.

«Останься хотя бы сегодня, уже почти рассвело»,— не унимался он.

«Запрись покрепче и ложись спать. Я сам позабочусь о себе»,— сказал я, взял гроб в охапку и пошел вниз по лестнице. Сверху донесся щелчок замка и легкий шелест портьеры.

Небо побледнело, но звезды еще светили. Прошел легкий дождь, и мокрые пятна темнели на мощеных дорожках сада. Я раздвинул кусты дикой розы и терновника, открыл дверь в часовню брата, вошел и опустил гроб на каменный пол перед аналоем. Почерневшие образа были едва различимы в темноте. «Поль,— тихо обратился я к брату,— первый раз в жизни нет во мне ужаса перед твоей смертью. И первый раз в жизни я так сильно чувствую тебя. Я тоскую по тебе, как никогда раньше».

— Понимаете,— Луи повернулся к юноше,— именно тогда и совершилось мое полное превращение. Я закрыл деревянные ставни на узких решетчатых окнах, запер дверь. Атласная обивка моего нового ложа слабо светилась во тьме. Я улегся в гроб и захлопнул над собой крышку. Вот так я стал вампиром.

Наступило долгое молчание. Потом юноша сказал:

— И вы остались жить с ненавистным Лестатом.

— А что я мог поделать? — ответил Луи.— Тогда я еще всецело зависел от него. Он все время намекал, что я многого не знаю и научить меня всему может только он. Например, он объяснил мне, как путешествовать на корабле. Надо представить дело так, что в гробах мы перевозим останки близких для перезахоронения. Ни у кого не хватило бы наглости проверять нас, и мы могли бы спокойно спать днем, а по ночам охотиться на корабельных крыс. Лестат хорошо знал торговцев и хозяев магазинов. Они всегда нас радушно принимали, несмотря на поздние часы, и предлагали на выбор любые образцы одежды по самой последней парижской моде. Он водил знакомство с мелкими бизнесменами и агентами, которые обделывают свои дела по вечерам за столиками кабаре или ресторанов. В подобных вещах Лестат действительно хорошо разбирался и оказался неплохим учителем. Кем он был при жизни, я не знал, да и не хотел знать. Судя по всему, мы не сильно различались по происхождению, хотя это меня мало волновало. Правда, именно благодаря этому обстоятельству наша совместная жизнь протекала более или менее гладко. Вкус у Лестата был безукоризненный, но мою библиотеку он называл «грудой пыли». «Это все чепуха, игрушки для людей»,— твердил он, и при этом тратил огромные деньги (мои, естественно) на роскошную мебель для Пон-дю-Лак. Даже я, равнодушный к деньгам, внутренне содрогался. Иногда, очень редко, у нас бывали гости — в основном путники в поисках ночлега. Часто они показывали рекомендательные письма от других плантаторов или чиновников из Нового Орлеана. Лестат радушно принимал их, развлекал и вообще вел себя на редкость вежливо. В такие дни я мог вздохнуть свободнее, потому что обычно мне приходилось сидеть с ним один на один в четырех стенах и молча сносить его злобный цинизм.

— Этих людей он не трогал? — спросил молодой человек.

— Конечно трогал. Но позвольте открыть вам небольшой секрет. Уж лучше видеть человека мертвым, чем оказать ему неучтивый прием. Кстати, это свойственно не только нам, вампирам, но и военным, генералам, даже королям. Странно, конечно. Но это правда. Я прекрасно знал, что Лестат убивает лю-

дей каждую ночь,— знал и молчал. Вот если бы он позволил себе грубость или невежливость по отношению к моей семье, гостям или рабам, я бы живо поставил его на место. Но ничего подобного. Лестат был сама обходительность, казалось, его даже радуют гости. И он всегда говорил мне, что на содержание своих родных мы не должны жалеть денег. Смешно: он прямотаки душил старика отца роскошью. Все время напоминал ему, что целую кучу денег истратил на его пижамы и ночные сорочки, что полог над его кроватью специально выписан из Европы, рассказывал, какие благородные вина, французские и испанские, хранятся в наших подвалах, и хвалился, что даже в самые неурожайные годы наша плантация приносит огромный доход. Но иногда он бывал страшно груб с отцом. Дикие вспышки сыновнего гнева пугали старика — он начинал плакать как ребенок. «Я содержу тебя не хуже барона,— орал Лестат.— У тебя есть все, что пожелаешь! Так что перестань приставать ко мне с посещениями церкви и твоих старых друзей. Этот вздор мне осточертел. Твои старые друзья давным-давно умерли. Почему бы тебе не отправиться вслед за ними? Может быть, тогда ты оставишь в покое меня и мой кошелек!»

Отец плакал, бормотал, что уже стар и ему ничего не нужно, что он с радостью остался бы на своей маленькой ферме. Меня часто подмывало спросить: «Где ваша ферма? Откуда вы приехали в Луизиану?» — чтобы узнать, где Лестат повстречался с другим вампиром. Но я не рисковал заводить этот разговор. Старик начал бы плакать, а Лестат наверняка пришел бы в неистовство. Надо сказать, что бóльшую часть времени Лестат вел себя с отцом как ангел. В порыве почти подобострастной заботы он приносил ему ужин на подносе, рассказывал про погоду, про последние городские новости и про мою мать и сестру. Было очевидно, что по образованности и изящным манерам Лестат ушел от отца далеко вперед, но как это случилось и почему, я не мог понять. И я решил не думать об этом и не встревать в их отношения.

Вообще говоря, наша жизнь была довольно сносной, хотя за насмешливой улыбкой Лестата всегда прятался намек на то, что ему ведомы прекрасные и страшные тайны мироздания, о самом существовании которых я даже не подозревал. Он все время хотел унизить меня, презирал мое нежелание стать та-

ким же, как он — хладнокровным убийцей,— высмеивал то полуобморочное состояние, в которое я впадал всякий раз во время убийства. Помню, он зашелся от хохота, когда я с удивлением обнаружил, что вижу свое отражение в зеркале, а кресты и распятия никак на меня не действуют. На мои постоянные вопросы о Боге и о дьяволе всегда кривил губы в усмешке. «Хотел бы я однажды ночью повстречаться с сатаной,— сказал он как-то со злобной гримасой.— Ему пришлось бы бежать, не останавливаясь, отсюда до западного побережья. Потому что я сам — дьявол». Заметив мой ужас, он громко захохотал.

Скоро моя неприязнь к нему перешла в холодную подозрительность, но я продолжал изучать его с невольным интересом. Часто я ловил себя на том, что не могу отвести взгляд от его руки, ставшей для меня источником новой жизни. Застывал на месте, моя душа словно покидала тело, или, точнее, само тело становилось душой. Это раздражало Лестата. Он не хотел понять меня, моего стремления познать истину. Чтоб привести в чувство, он грубо тряс меня за плечи. Я терпел его выходки спокойно, со странной отрешенностью, которая была мне неведома в прежней жизни, и понял, что такова моя новая природа, природа вампира; часами я сидел один и думал о брате, о его жизни, короткой и плутающей во мгле; я понял, что бессмысленно и суетно тратил душевные силы, когда оплакивал его смерть и бросался на людей, как дикий зверь. Вспоминал свое смятение, свои безумные мысли, словно пляшущие в тумане. Но то были мысли смертного человека. Я стал вампиром, и все переменилось. Осталась только глубокая, бездонная печаль. Это не значит, что я целыми днями сидел и предавался унынию. Вы должны понять меня правильно — я уже не мог терять время понапрасну. Я жадно смотрел на мир вокруг себя, на людей, и видел, что каждая жизнь — бесценна, что бесплодные терзания и жалкое чувство вины делают ее еще короче, и годы тогда бегут, как песок сквозь пальцы. Только теперь я по-настоящему узнал свою сестру. Я велел ей все время жить в городе, потому что только там она могла почувствовать силу своей молодости, своей красоты. Хотел, чтобы она вышла замуж, чтобы перестала думать о смерти брата и страдать от разлуки со мной, и не дай ей Бог стать сиделкой при нашей матери. Я старался давать им все, исполнял все желания, даже капризы. Сестра

смеялась и говорила, что я сильно изменился. По вечерам мы ходили гулять. Узкие деревянные мостовые города выводили нас к дамбе, под сень деревьев. Светила луна, ласковый теплый воздух был полон запаха цветущих апельсиновых рощ. Мы говорили о ее заветных мыслях и надеждах, и только мне она доверяла свои самые тайные мечты — шепотом, на ухо, в полутемной гостиной. Я смотрел на нее и думал, что эта нежная, милая, хрупкая плоть, это бесценное творение Божье скоро состарится и умрет и никогда уже не сможет разделить со мной эти прекрасные, неуловимые минуты, которые туманно обещают бессмертие — и обманывают нас. Только ради таких мгновений и стоит жить, думал я, но, прежде чем мы научимся узнавать их и наслаждаться ими, должно пройти полжизни, ничтожной по сравнению с вечностью.

Вот что открылось мне, когда я стал вампиром. Мы с Лестатом были одиноки в мире людей, и ничто человеческое уже не отвлекало меня. А деньги давались нам легко. Я объясню почему.

Лестат и раньше знал, как добывать средства к существованию. Он умело выбирал жертву — по богатому платью, по экстравагантным манерам. Но ему всегда не хватало надежного убежища. Вот что мучило его больше всего. Я быстро понял, что за внешностью джентльмена он скрывал полное невежество в финансовых вопросах. Обо мне этого нельзя было сказать — так что мы решили разделить обязанности. Он умел в любую минуту раздобыть наличные деньги, а я умел выгодно их вложить. Обычно Лестат опустошал по укромным уголкам карманы своих жертв. Но кроме того, он играл. В лучших игорных домах он подсаживался к богатым плантаторским сынкам, очаровывал их и с безошибочным чутьем вампира вытягивал золото, доллары и ценные бумаги. Этим он промышлял еще до нашей встречи, но мечтал все-таки о другой жизни. Вот почему он нашел меня, посвятил в вампиры и заполучил таким образом бесплатного финансового агента.

Я постараюсь рассказать вам про тот, старый, Новый Орлеан, и вы поймете, почему нам жилось так легко и просто. Другого такого города в Америке не найти. Населяла его разношерстная публика. Французы и испанцы разных сословий — именно они положили начало местной аристократии. Потом

хлынула новая волна иммигрантов — в основном это были ирландцы и немцы. Черные рабы тогда еще не смешались с людьми другой крови и жили обособленно, по древним племенным законам, словно пришельцы из других миров. Быстро рос новый класс — свободные цветные смешанных кровей,— так рождалась ни на кого не похожая каста: ремесленники, художники, поэты. Их женщины словно возродили античную земную красоту. Тысячи индейцев собирались в жаркие летние дни возле плотины. Они продавали целебные травы и поделки из дерева, камня и кожи. В это фантастическое смешение языков и красок вливались матросы с сотен кораблей. Они сходили на берег, чтобы потратить море денег, покупали на одну ночь прекраснейших женщин всех цветов кожи, наслаждались изысканной французской и испанской кухней и пили европейские вина. Но шли годы, и появилась новая нация: американцы. Город начал расти. Вверх по реке за старым Французским кварталом они выстроили роскошные особняки в греческом стиле: при луне стены их светились, как древние замки. Ну и, конечно, плантаторы, без них никак не обойтись. Они наезжали в город целыми семьями, раскатывали в сияющих ландо, скупали в магазинах вечерние туалеты, серебро и драгоценные камни. Нескончаемым потоком текли экипажи по узким улочкам. Люди спешили во Французскую оперу, в городской театр или в собор Святого Людовика. Из распахнутых дверей собора лилась музыка. Торжественная месса плыла над городом, над воскресной суетой, над шумом Французского пассажа, над туманными силуэтами кораблей на волнах Миссисипи. Отороженная от города плотиной река словно сливалась с небом, и казалось, что корабли, как птицы, парят над землей.

Прекрасный, волшебный город, жить в нем было так сладко. Помню вечерние прогулки в полусвете газовых фонарей... Элегантному, богато одетому вампиру ничего не стоило затеряться в экзотической толпе, разве что иногда послышится шепот: «Посмотрите, вот тот человек... он такой бледный... как светится его кожа... и эта походка... тут что-то не так!» Но прежде, чем прозвучит еще хоть слово, вампир исчезал, растворялся в знакомом городе, темные аллеи звали его на поиски добычи, он видел в темноте, как кошка, он выходил на охоту. Полутемный кабак, где спит пьяный матрос, уронив голову на столик; гости-

ничный номер с высокими потолками, одинокая женщина дремлет, ее ноги покоятся на расшитом пуфике, колени укрыты кружевной шалью. Маленькая склоненная головка подсвечена тусклым огнем. Она не заметит тени, скользнувшей по лепнине потолка, не увидит, что длинные белые пальцы уже тянутся погасить хрупкое пламя ее свечи.

Я заметил странную вещь. Все люди, которые жили когда-то в Новом Орлеане, мужчины и женщины,— все оставили память о себе. Они запечатлели себя в мраморе, кирпиче и камне, они выстроили дома, которые стоят и поныне. Нет уже газовых фонарей, в небе над городом летают самолеты, на Кэнал-стрит возвышаются современные офисы. Но прежняя романтика, прежняя красота все же сохранилась. Может быть, не на каждой улице. Но на многих. Я гуляю по Французскому или по Садовому кварталу, светят звезды, и я словно возвращаюсь на сотни лет назад. Такова уж природа зданий, будь то жалкая лачуга или дворец с коринфскими колоннами, обнесенный чугунной решеткой. Оказавшись рядом с ними, заново переживаешь давние чувства. Луна в ночном небе над Новым Орлеаном не изменилась, и так будет всегда, пока стоит город. Душа города осталась прежней,— вампир печально вздохнул и покачал головой, словно сомневаясь в собственных словах.

— Так о чем мы говорили? — устало сказал он.— Ах да, о деньгах. Итак, Лестат грабил свои жертвы, предоставив мне решение главной задачи — правильное вложение капитала. Я пил только кровь животных, а он убивал людей, по двое-трое за ночь, а иногда и больше. Одной жертвы ему было мало, он только утолял жажду и тут же отправлялся дальше, на охоту. Причем, как он сам выражался, чем лучше человек, тем больше он ему нравился. Он любил начать ночь со свежей, молоденькой девушки, а кульминацией и подлинным триумфом считал убийство юноши примерно вашего возраста. Да, к ним у Лестата была особая страсть.

— Моего возраста? — прошептал молодой человек и в ужасе отшатнулся.

— Да.— Вампир словно не заметил страха на лице собеседника.— Потому что труднее всего расставаться с жизнью, когда она стоит на пороге расцвета. Это мое объяснение. Лестат, конечно, ни о чем таком не задумывался. Он вообще ничего не понимал.

Чтобы рассказать о гнусных привычках Лестата, достаточно одного примера. Неподалеку от нас, вверх по реке, находилась тогда плантация семьи Френьер. Чудесная, плодородная земля, прекрасная почва для сахарного тростника, и Френьеры возлагали на нее большие надежды: как раз в то время впервые начали рафинировать сахар. Может быть, вы знаете, что процесс рафинирования изобрели в Луизиане. Какая горькая ирония: именно та земля, которую я так любил, подарила миру этот страшный яд. В городе только и думали, что о новом открытии, сладкая, гибельная отрава властвовала над людьми, как наркотик, все прежние ценности померкли перед ней... Но вернемся к нашему разговору. Итак, по соседству от нас жили Френьеры — известный старинный французский род. Родители умерли, осталось шестеро детей: пять дочерей и сын. Троим из девиц судьба уготовила участь старых дев, две другие были еще молоды. Все заботы о семье легли на плечи единственного брата. Он управлял плантацией, пытался найти подходящие партии для сестер и собирал для них приданое. Благосостояние дома висело на волоске. Все зависело от будущего урожая, под который он брал кредиты. Он заключал сделки, решал финансовые вопросы и как мог оберегал внутренний мир семьи от грубой действительности. Именно его Лестат наметил себе в жертвы. Но на этот раз фортуна едва не обманула Лестата. Он обезумел. Он готов был жизнь отдать, только бы заполучить Френьера. А дело вот в чем. Случилось так, что Френьера вызвали на дуэль. На балу он оскорбил молодого испанского креола. Ссора вышла из-за пустяка, но, подобно всем молодым креолам, противник Френьера горел желанием умереть ни за что. Они оба хотели умереть ни за что. В доме у Френьеров поднялся переполох. Конечно, Лестат обо всем узнал. Мы часто охотились на плантациях Френьеров: Лестат на рабов и мелких воришек, а я — на животных.

— Вы убивали только животных? — очнулся юноша.

— Да, но об этом позже. Как правило, насытившись, я не мог отказать себе в излюбленном развлечении вампира — наблюдать за людьми, не подозревающими о его присутствии. Поэтому я знал сестер Френьер так же хорошо, как розовые кусты вокруг часовни, где я спал. Это были замечательные девушки. Каждая из них по-своему не уступала в остроте ума бра-

ту, а одна (я назову ее Бабетта) даже намного превосходила. Но они не получили достаточного образования, чтобы самостоятельно вести дела, и — об этом знала вся округа — полностью зависели от брата. Они буквально молились на юношу, считали его полубогом, и никакое другое чувство в их сердцах не могло даже отдаленно сравниться с пылкой и самозабвенной любовью к брату. Отчасти такая сильная привязанность объяснялась инстинктом выживания: если бы Френьера убили на дуэли, их мир рухнул бы. Так что можете себе представить, что творилось в доме вечером накануне дуэли. А Лестат злобно скрежетал зубами при мысли, что Френьер может ускользнуть.

— Если я вас правильно понял... вы сочувствовали сестрам Френьер?

— Всей душой,— ответил вампир.— Их положение виделось мне безнадежным. А юношу мне было искренне жаль. Он заперся в отцовском кабинете и написал завещание. Дуэль назначили на четыре часа утра. Он сам прекрасно понимал, что для семьи последствия его гибели будут ужасны, и жалел, что ввязался в это дело. Но выхода он не видел. Отказаться от дуэли? Но это означало не только навсегда запятнанную честь и изгнание из общества. Противник наверняка продолжал бы его преследовать и в конце концов заставил бы драться. Так что в полночь он отправился в город. Он твердо решил идти до конца по единственно возможному пути и мужественно смотрел в лицо смерти. Ему предстояло убить испанца или умереть самому. На его лице отражались такие глубокие переживания, такая мудрость, такая борьба... Никогда прежде у предчувствующих смерть жертв Лестата я не видел такого выражения. И я первый раз в жизни решил, что пойду против Лестата. Раньше мне удавалось оттоворить его от этой мерзкой затеи, но теперь он не остановился бы ни перед чем, лишь бы испанец не успел перебежать ему дорогу.

Следом за Френьером мы поскакали в Новый Орлеан. Лестат хотел только одного — успеть схватить юношу. Л я хотел успеть удержать Лестата. Место для дуэли выбрали у северных ворот города, на краю болота. Мы прискакали туда незадолго до четырех, времени до рассвета оставалось мало, и мы рисковали не вернуться вовремя в Пон-дю-Лак. Наши жизни тоже были в опасности. Меня душила ненависть к Лестату. Он со-

всем обезумел. «Ты должен дать Френьеру шанс»,— убеждал я его. Я пытался удержать его силой. Была зима, с болота тянуло промозглой сыростью. Хлестал ледяной дождь. Конечно, непогода страшна для меня не так, как для вас. Я не боялся простудиться или замерзнуть насмерть. Но все равно вампиры чувствуют холод не меньше вашего. В таких случаях хорошо помогает горячая кровь жертвы. Но в ту ночь не холод меня волновал, а темнота, сгустившаяся из-за непроглядных туч. В темноте Френьер был беззащитен перед Лестатом. Стоило ему на шаг отойти от друзей — и его бы уже ничто не спасло.

— Но вы же говорили, что смотрели на мир отрешенно, со стороны...

— Да, верно.— Вампир задумался.— Но ненависть тогда оказалась сильнее. Я ненавидел Лестата. Для него это была только прихоть, прихоть, которая обрекла бы на гибель целую семью. Он презрительно попирал все то, что должен был, как вампир, особенно глубоко чувствовать. Я изо всех сил старался удержать его. Он плевал мне в лицо, выкрикивал оскорбления. Френьер принял шпагу из рук секунданта и шагнул вперед, в сырую траву, навстречу врагу. Они быстро переговорили, и схватка началась. Через мгновение все было кончено. Первым же выпадом Френьер смертельно ранил испанца в грудь. Истекая кровью, тот упал на траву и кричал что-то неразборчивое. Френьер стоял рядом и смотрел на него. Победа не радовала его. Лицо выражало только боль. Секунданты с фонарями подошли к нему и уговаривали немедленно уйти — о раненом позаботятся друзья. Испанец никому не позволял до себя дотронуться. Увидев, что Френьер повернулся спиной и, понурясь, пошел прочь, он выхватил из-за пояса пистолет. В кромешной темноте никто этого не заметил, кроме меня. Я закричал — хотел предупредить Френьера об опасности — и бросился к испанцу. Лестат только этого и ждал. Я растерялся, сам подставил себя под пули, отвлек внимание Френьера. И тогда Лестат, вооруженный долгим опытом, как молния бросился на юношу, схватил его за горло и утащил в заросли кипарисов. Никто даже не понял, что произошло. Прозвучал выстрел, раненый замертво упал на землю. Я понял, что совершил роковую ошибку. Проваливаясь по колено в полузамерзшую болотную жижу, я бросился за Лестатом.

Я нашел их очень скоро. Френьер лежал на узловатых корнях кипариса, его ноги по щиколотку ушли в темную воду болота. Лестат склонился над ним и держал его за руку, все еще сжимающую эфес шпаги. Я попытался оттащить Лестата, но он, не поворачиваясь, встретил меня неуловимым движением правой руки. Я даже не почувствовал удара и очнулся в зловонной грязи. Конечно, Френьер был уже мертв. Глаза его были закрыты, бескровные губы не шевелились. Он как будто спал. «Будь ты проклят!» — крикнул я Лестату. Потом вздрогнул и замолчал: тело юноши начало медленно погружаться в трясину. Лестат ликовал. Он коротко напомнил мне, что меньше чем через час мы должны быть в Пон-дю-Лак, и пообещал, что отомстит мне за все. «Если бы мне не понравилась кровь этого юного плантатора,— сказал он,— я прикончил бы тебя сегодня же. И знаешь как? Я бы загнал твою лошадь в болото. Тебе осталось бы только вырыть яму и подохнуть!» И он ускакал прочь.

Даже теперь, спустя столько лет, кровь у меня закипает от ненависти. В ту страшную ночь я понял, что для Лестата значит быть вампиром.

— Он просто хладнокровный убийца.— В словах юноши прозвучал оттолосок гнева его собеседника.— Для него нет ничего святого.

— Ничего святого. Только месть. Месть самой жизни. Убивая, он мстил. Неудивительно, что у него не было ничего святого. Настоящее видение вампира было ему недоступно, потому что он сосредоточился на маниакальной вендетте всему человечеству, покинутому им когда-то. Ничто, кроме убийства, не могло доставить радость этой черной душе, полной зависти и злобы. Но и убийство не давало ему ни настоящей радости, ни удовлетворения, потому что он хотел только одного: разрушить чужую жизнь. Вот почему он убивал снова и снова. Его сжигала неутолимая жажда мести — низкая, слепая и бесплодная.

Но я хотел рассказать про сестер Френьер. Я добрался до их плантации только в половине шестого. Но не беспокоился, ведь дом был совсем рядом. Проскользнув на верхнюю галерею, я заглянул в незанавешенное окно. Все пять сестер собрались в гостиной. Должно быть, они так и не ложились спать. Тускло горели свечи. Они сидели, точно на похоронах, и ждали известий. Все были одеты в черное. Их бледные лица, исполненные

мужества и печали, призрачно светились в обрамлении черных платьев и волос цвета вороного крыла. Только Бабетта казалась собранной и спокойной. Как будто в душе она уже решила взять на себя бремя забот о семье после гибели брата. Мне она напомнила самого Френьера перед поединком. Задача, стоявшая перед ней, была почти невыполнима. Ее жизнь и жизнь семьи могла разрушиться, и виноват в этом был Лестат. И я решился на огромный риск. Показался ей. На секунду вышел на свет. Вы видите, лицо у меня белое и очень гладкое, оно отражает свет, как полированный мрамор.

— Да,— взволнованно сказал юноша.— По-моему, это очень красиво... Интересно, а вы...— он осекся.— Нет, продолжайте.

— Вы хотели спросить, был ли я хорош собой при жизни? — спросил вампир. Юноша кивнул.— Да, был. Я мало изменился внешне. Но тогда я сам не знал, как выгляжу. Меня окружала сплошная суета, я ничего не замечал, потому что ни на что не смотрел. Даже на свое отражение в зеркале. Особенно на отражение. Но вернемся к нашему разговору. Решившись показать себя Бабетте, я шагнул к оконному стеклу, когда она случайно обратила туда взгляд.

Мгновенно сестры были оповещены, что она видела странное существо, похожее на привидение. Черные рабыни наотрез отказались пойти посмотреть, в чем дело. Я нетерпеливо ждал и наконец добился своего. Презрев общий страх, Бабетта взяла со стола канделябр, зажгла свечи и одна вышла ко мне на галерею. Ее сестры робко остановились в дверях, словно стая больших черных птиц. Одна из них плакала и говорила, что брат, наверное, погиб и теперь к ним явился его призрак. К счастью, Бабетта, будучи умной и смелой девушкой, не допускала и мысли, будто увиденное могло оказаться всего лишь игрой воображения или привидением. Я подождал, пока она пройдет до конца галереи, прежде чем заговорить, но и тогда позволил ей разглядеть лишь смутный контур моего тела на фоне белой колонны. «Прикажи сестрам вернуться в комнату,— прошептал я.— Я пришел сюда рассказать тебе о судьбе брата, и ты должна слушаться меня». Она замерла на секунду, затем повернулась на голос, пытаясь рассмотреть меня в темноте. «У меня мало времени. Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого»,— как можно более убедительно произнес я. Оправившись от ис-

пуга, она повиновалась. Она сказала сестрам, что ей просто померещилось, и велела им идти в гостиную и закрыть дверь. Они подчинились с радостью людей, нуждающихся в чьем-то руководстве. Тогда я вышел из тени и приблизился к Бабетте.

Глаза юноши округлились, и он спросил, прижав руку ко рту:

— Она видела вас... так же близко, как я сейчас?

— Вы спрашиваете об этом таким невинным голосом,— улыбнулся вампир.— Да, думаю, именно так оно и было. Впрочем, при свечах я выглядел не так сверхъестественно. Но я даже и не пытался притворяться перед ней и изображать обычного человека. «У меня в запасе несколько минут,— начал я,— но то, что я собираюсь сказать, для тебя очень важно. Твой брат смело дрался на дуэли и вышел победителем, но — увы! — это еще не все. Смерть все же настигла его, подкравшись сзади, как тать в ночи. Несмотря на все свое мужество и великодушие, он оказался бессильным перед ней. Главное, что теперь судьба плантации и дома целиком зависит от тебя. Ты должна занять место брата, не обращая внимания на возмущение и недовольство общества и призывы к здравому смыслу, а за ними дело не станет. Ты можешь управлять делами и спасти плантацию. Все, что от тебя требуется,— не дать убедить себя в обратном. Не слушай никого. Земля осталась точно такой же, какой была вчера, когда твой брат спал в комнате наверху. Ничего не изменилось, но теперь, когда его больше нет на свете, тебе самой придется браться за дело. Если же ты поступишь наоборот, ты потеряешь и землю, и семью. Тебе и твоим сестрам не останется ничего, кроме жалкого существования на скудный пансион, и вашим уделом окажутся крошки и объедки с роскошного стола жизни, предназначенной для вас. Учись тому, что тебе может пригодиться, и не останавливайся ни перед какими трудностями. Вспоминай мои слова каждый раз, когда у тебя возникнут сомнения в правильности избранного пути, и черпай в них силы, чтобы идти дальше. Твой брат мертв, твоя судьба — в твоих собственных руках».

Я видел по ее лицу, что она вслушивалась в каждое мое слово. Предотвращая неизбежные вопросы, я объяснил ей еще раз, что у меня нет времени. Приложив все свое умение, я постарался уйти так быстро и незаметно, чтобы ей показалось, будто я растаял в воздухе или провалился сквозь землю. Я спустился в

сад и взглянул наверх. Некоторое время она стояла освещенная пламенем свечей, затем прошла по темной галерее, наверное, искала меня между колонн, и в конце концов вернулась в комнату, где ее ждали сестры.— Вампир улыбнулся.— Судя по тому, что по округе не поползли слухи о привидении, явившемся Бабетте Френьер, она сохранила мой визит в тайне. На смену первому взрыву горя, вызванному известием о смерти молодого плантатора, и сочувственным пересудам насчет бедных женщин, оставшихся одинокими, без мужчины, способного позаботиться о них, пришло возмущенное негодование, когда Бабетта ясно дала понять, что намерена сама управлять плантацией и всеми делами. Несмотря на трудности и отсутствие опыта, ей быстро удалось собрать приданое для младшей сестры. Сама она вышла замуж год спустя. Все это время мы с Лестатом почти не разговаривали друг с другом.

— Он по-прежнему жил в Пон-дю-Лак?

— Да. Я не был уверен, что он рассказал мне все, что необходимо знать вампиру для самостоятельной жизни. К тому же мне постоянно приходилось изворачиваться, чтобы окружающие не догадались, кто я такой на самом деле. Я не присутствовал при обручении сестры, поскольку у меня случился «приступ малярии». Что-то похожее помешало мне приехать на похороны матери. Между тем мы с Лестатом каждый вечер ужинали с его стариком, старательно звенели ножом и вилкой, слушали, как он уговаривает нас доесть все, что лежит на тарелках, и не пить слишком много вина. Десятки раз «жуткие головные боли» вынуждали меня принимать сестру в спальне, закутавшись в одеяло до самого подбородка, и умолять их с мужем терпеть полутьму, объясняя это невыносимыми резями в глазах от света. Я передавал им значительные суммы денег, чтобы они вкладывали их в соответствии с моими указаниями для нашей общей пользы. К счастью, ее муж оказался совершенно безобидным идиотом, чего и следовало ожидать от «продукта» четырех поколений браков между двоюродными братьями и сестрами.

Все шло более или менее хорошо, пока рабы не заподозрили неладное. Лестат, как я уже говорил, убивал направо и налево всех, кто ему нравился. По берегу ходили разговоры о таинственной смерти, унесшей жизни сотен людей. Но не эти слухи

явились главной причиной волнений, начавшихся среди моих рабов. Вопреки всем нашим мерам предосторожности, им удалось кое-что подсмотреть и подслушать. В этом я убедился сам однажды вечером, когда играл в «тень» возле их хижин.

Но сначала я должен рассказать вам про этих людей подробнее. Описываемые мною события происходили в тысяча семьсот девяносто пятом году. Уже четыре года мы с Лестатом жили в Пон-дю-Лак относительно тихо и спокойно. Он приносил деньги, я вкладывал их в недвижимость — покупал новые земельные участки и дома в Новом Орлеане и сдавал их в аренду. А работы на плантации служили для нас скорее прикрытием, чем источником доходов. Я говорю «для нас», хотя это в корне неверно: я старательно избегал передавать что-либо в собственность Лестату. В то время рабы еще не стали такими, какими вы знаете их по книгам и фильмам о южных штатах. Это были вовсе не подобострастные темнокожие в грязных серых лохмотьях, говорящие на искаженном английском. Это были настоящие африканцы или островитяне, некоторые приехали из Санто-Доминго. Их кожа была чернее ночи. Чужеземцы, они говорили на языках африканских племен, на французских диалектах. За полевой работой они пели свои странные песни, и все вокруг казалось тогда экзотическим, незнакомым. В прошлой, смертной жизни это пугало меня. Они были суеверны, чтили свои тайны и традиции. Рабство стало их проклятием, но оно еще не успело стереть национальные черты и отличия, не сделало их безликими, похожими один на другого. Они терпели баптизм и европейскую одежду, навязанные им французскими католическими законами, но по вечерам шили из дешевых тканей яркие и соблазнительные костюмы и мастерили украшения из костей животных и ненужных кусочков металла, отполированных до «золотого» блеска. И поселок рабов в Пон-дю-Лак после наступления темноты превращался по сути в совершенно чужую для белого человека страну, маленький кусочек Африки, и даже самый хладнокровный надсмотрщик не стал бы прогуливаться там без особой нужды. Впрочем, к вампирам это, естественно, не относилось.

Однажды теплым вечером, играя в «тень» у открытой двери дома раба, выполнявшего обязанности надсмотрщика, я подслушал разговор и понял, что мне и Лестату угрожает опас-

ность: рабы уже точно знали, что мы не обычные люди. Девушки-служанки полушепотом рассказывали, как через дверную щель они видели нас за обеденным столом с пустыми тарелками и стаканами, с улыбками на неестественно бледных лицах, рядом с беззащитным слепым стариком, который целиком в нашей власти. Через замочную скважину им удалось разглядеть гроб Лестата, и однажды он больно укусил одну из них за праздное шатание под окнами его комнаты. «Там нет кровати,— шептала она под дружные кивки остальных.— Он спит в гробу, я видела это собственными глазами».

Что же касается меня, то они подсматривали, как я каждый вечер выхожу из часовни, которая тогда уже мало чем отличалась от бесформенной груды кирпича в зарослях винограда, глицинии и шиповника. Никогда не открывавшиеся ставни поросли мхом, а под сводами потолка качались пауки. Конечно, я притворялся, будто хожу туда предаваться воспоминаниям о Поле, но из их слов я понял, что они больше не верят подобным отговоркам. У них не оставалось сомнений насчет того, кто мы такие. Они считали нас виновными не только в смерти многих рабов, коров и лошадей, чьи трупы находили часто среди полей и болот, но и во всех других страшных происшествиях. Даже наводнения и ураганы представлялись им оружием Бога, направленным против Луи и Лестата. Хуже всего было то, что они вовсе не собирались спасаться бегством. Они решили, что мы демоны, слуги дьявола, от которых невозможно укрыться, и видели единственный выход в нашей смерти. Последним ударом для меня оказалось то, что там были рабы с плантации Френьеров.

Это означало, что новости неминуемо разойдутся по всему берегу. Я верил, что местные жители не поддадутся панике и не попытаются расправиться с нами в припадке истерии, но дело могло обернуться иначе, и у меня не было ни малейшего желания рисковать. Я поспешил домой сообщить Лестату, что игра в плантаторов закончена и нам придется навсегда распроститься с Пон-дю-Лак и переехать в город.

Как вы понимаете, ему такой оборот событий совершенно не понравился. Его отец тяжело болел, дни старика были сочтены. Да и вообще, он не собирался бежать от каких-то там жалких рабов.

«Я прикончу их всех,— холодно заявил он,— по три-четыре человека за ночь — на это не уйдет много времени. Остальные сбегут сами, и все обойдется».

«Ты сошел с ума,— ответил я.— В конце концов, я требую, чтобы ты убрался отсюда».

«Ты требуешь, чтобы я убрался! Ты! — Лестат ухмыльнулся. Он распечатал колоду красивых французских карт и строил из них замок на столе в гостиной.— Ты — жалкий трусливый вампир, ты рыскаешь по ночным аллеям в поисках крыс и кошек, часами пялишься на пламя свечи, точно на икону, бродишь, как лунатик, под проливным дождем, воняешь, как древний сундук с ветхим тряпьем. Ты заслужил почетное место в зоопарке в одной клетке с шимпанзе и орангутанами».

«Побереги свое красноречие для другого случая,— сказал я.— Достаточно того, что твоя глупость и жадность навлекли опасность на нас обоих. Если б не ты, я мог бы спокойно жить в часовне, и пускай бы дом превратился в груду развалин. Мне плевать на него! — Я нисколько не покривил душой.— Но хотел бы я посмотреть, как ты проживешь без роскоши, которая тебе раньше и не снилась. Ты превратил бессмертие в кучу хлама, и, восседая на ней, мы и впрямь выглядим полными идиотами. Но довольно споров. Сходи проведай отца, посмотри, в каком он состоянии и сколько еще продержится. Ровно столько, и ни днем больше, я разрешаю тебе оставаться здесь, и только при условии, что рабы не попытаются напасть на нас!»

Он сказал, что, если мне так этого хочется, я сам могу проведать старика, ведь именно мне так подходит роль созерцателя. Я не стал с ним препираться и пошел. С первого же взгляда я понял, что старик умирает, и мне стало не по себе. Я более или менее легко перенес смерть матери, тем более что это случилось днем: ее нашли сидящей рядом с коробкой для шитья во дворе. Казалось, она не умерла, а уснула. Теперь же мне пришлось наблюдать медленную агонию умирающего человека в полном сознании. Я искренне полюбил старика — он был добрый, простой и нетребовательный. Днем он слушал пение птиц в саду или дремал в кресле на галерее, согретый лучами теплого солнца Луизианы. По вечерам он ужинал с нами, с радостью принимал участие в разговоре, о чем бы ни заходила речь. Его

любимым развлечением были шахматы. Лестат, правда, никогда не играл с ним, зато я — довольно часто. Я помню, как он аккуратно ощупывал каждую фигуру перед ходом; точность, с которой он умудрялся запоминать позицию на доске, меня поражала. В тот вечер, когда я вошел в спальню, он лежал и задыхался. Лоб у него был мокрый, горячий, на простынях темнели пятна пота. Он громко стонал и молил Бога послать ему смерть. Я стоял на пороге и смотрел на него, и вдруг из соседней комнаты донеслись звуки музыки. Оглянулся и увидел Лестата за спинетом. Я подлетел к нему, в ярости с силой захлопнул крышку, едва не прищемив ему пальцы.

«Ты не будешь играть, когда твой отец умирает!» — закричал я.

«Черта с два! — ответил он.— Если захочу, буду играть на барабане!» — Он вытащил из серванта серебряное блюдо и принялся колотить по нему ложкой.

Я просил его прекратить, мне пришлось даже применить силу. Мы снова начали препираться, но вдруг замолчали, услышав жалобный голос старика. Он звал сына. Он хотел поговорить с Лестатом, прежде чем умрет. Я сказал Лестату, что надо выполнить эту, возможно, последнюю, просьбу отца, но услышал в ответ: «Даже не подумаю! С какой стати? Я и так слишком долго заботился о нем. С меня хватит». Отведя таким образом душу, он достал из кармана маленькую пилочку для ногтей, уселся на кровати в ногах у старика и занялся своими длинными, острыми ногтями.

Между тем у меня вдруг появилось отчетливое чувство, что вокруг дома собрались рабы. Через секунду я уже не сомневался: они окружили здание со всех сторон, тихо переговаривались друг с другом, заглядывали в окна и прислушивались. Несколько раз мне уже приходилось сталкиваться со странным и недоверчивым отношением некоторых чернокожих, но впервые их собралось так много и они выступали столь открыто. Не придумав ничего лучше, я позвонил в колокольчик. Я решил вызвать Даниэля — раба, выполнявшего обязанности надсмотрщика. Он жил в коттедже неподалеку от дома. В ожидании его прихода я ходил по комнате и слушал разговор отца и сына в спальне. Лестат, скрестив ноги, сидел на прежнем месте и как ни в чем не бывало продолжал заниматься ногтями.

«Все из-за школы,— слабым голосом сказал старик.— Я знаю, что ты ничего не забыл и не простил... Что я могу сказать в свое оправдание?» — в отчаянии простонал он.

«Скажи хоть что-нибудь, и побыстрей,— отвечал Лестат.— Ты же вот-вот помрешь.— При этих словах старик издал ужасный булькающий звук. Лестат вел себя отвратительно, и мне захотелось выкинуть его из комнаты.— Разве ты сам не знаешь, что скоро протянешь ноги? Даже дурак вроде тебя должен чувствовать подобные вещи».

«Ты никогда не простишь меня? Даже сейчас, даже после того как я умру?»

«Перестань молоть чепуху! Я не понимаю, о чем ты говоришь».

Мое терпение кончилось, а старик волновался все больше и больше. Он умолял Лестата смягчить сердце и сжалиться над ним. Я содрогался, слушая их беседу. Внезапно на пороге гостиной возник Даниэль. Едва взглянув на него, я понял, что для нас в Пон-дю-Лак все кончено. Будь я хоть чуть-чуть повнимательней, наверняка мне удалось бы заметить признаки надвигающейся опасности намного раньше. Даниэль уставился на меня стеклянными глазами, словно перед ним стояло страшное чудовище. «Отец месье Лестата тяжело болен,— сказал я, не обращая внимания на его испуганный вид,— поэтому сегодня ночью все должно быть тихо и спокойно. Рабам следует вернуться в свои хижины и не выходить до утра. Скоро приедет доктор!» Он смотрел на меня, не веря ни единому слову, и затем перевел взгляд, холодный и любопытный, на отворенную дверь спальни старика. Его лицо так сильно изменилось, что я, встав с кресла, заглянул туда. Лестат, сгорбившись, все еще сидел на постели отца, яростно водил пилочкой по ногтям и корчил отвратительные гримасы, обнажая ужасные, выступающие вперед зубы.

Вампир остановился. Его плечи тряслись от беззвучного смеха. Он смотрел на юношу, а тот смущенно опустил взгляд. Пока вампир говорил, он, не отрываясь, смотрел ему в рот, но видел только мягкие, тонко очерченные губы, отличающиеся от обычных человеческих неестественной белизной. Лишь мельком ему удалось разглядеть зубы ослепительно жемчужного цвета, и мысль о том, какие они на самом деле, раньше не приходила ему в голову.

— Я думаю, вы догадались, что было потом,— сказал вампир.— Мне пришлось убить Даниэля.

— Что? — спросил юноша.

— Мне пришлось убить его,— повторил вампир.— Если б я позволил ему уйти, он поднял бы на ноги всю округу. Возможно, я смог бы обойтись без кровопролития, но времени оставалось в обрез. Он повернулся и выбежал из комнаты. Я бросился следом и, тотчас настигнув его, потянулся было зубами к горлу, но в следующее мгновение вдруг осознал, что делаю то, чего не позволял себе на протяжении четырех лет,— и остановился. Передо мной стоял человек, готовый защищаться. В руке он сжимал нож. Стряхнув оцепенение, я с легкостью вырвал оружие из его пальцев и, не раздумывая, всадил нож в сердце раба. Он рухнул на колени, истекая кровью и хватаясь за рукоятку, торчащую из груди. Вид и запах крови привели меня в такое исступление, что я, громко застонав от возбуждения, склонился над умирающим Даниэлем. Я хотел утолить проснувшуюся во мне дикую жажду. Но мне не удалось добраться до раны, потому что в тот же самый миг в зеркале на серванте я увидел фигуру Лестата за моей спиной.

«Ну и зачем тебе это понадобилось? — поинтересовался он. Я повернулся к нему. Я не хотел, чтобы он застал меня в минуту слабости.— Старик бредит,— продолжал он,— невозможно понять, о чем он говорит».

«Рабы все знают... выйди на улицу, посмотри, что они там делают,— запинаясь, пробормотал я.— Я позабочусь о твоем отце».

«Убей его»,— сказал Лестат.

«Ты сошел с ума! — воскликнул я.— Он — твой отец!»

«Я без тебя знаю, что он мой отец! — ответил он.— Потому-то я и прошу тебя. Я не могу сам сделать это! Если б я мог, он был бы мертв уже давным-давно, черт его побери! Мы должны выбраться отсюда. Посмотри, что ты наделал. Через четверть часа появится рыдающая жена этого парня... если, конечно, она не пришлет вместо себя кого-нибудь похуже! Нам нельзя терять ни минуты».

Вампир вздохнул.

— Я понимал, что Лестат прав. Я слышал, что рабы собираются возле коттеджа Даниэля, ждут его возвращения. Он осмелился в одиночку зайти в проклятый дом и не вернулся. Охва-

ченная паникой толпа рабов могла стать неуправляемой. Я попросил Лестата успокоить их силой и властью белого господина, но постараться не встревожить их и не испугать. Я пошел в спальню и закрыл за собой дверь. И пережил еще одно страшное потрясение. Я увидел отца Лестата.

Он сидел на кровати, наклонясь вперед, и разговаривал с сыном, умолял ответить ему. Он говорил, что лучше его самого понимает глубину и горечь разочарования, пережитого Лестатом. Он походил на живой труп, и только отчаянный порыв воли поддерживал жизнь в этом слабом теле. Лихорадочно блестевшие глаза глубоко ввалились в глазницы, губы дрожали, и желтоватый рот представлял собой ужасное зрелище. Я присел на кровать, глядя на него с болью, и протянул ему руку. Невозможно передать, насколько его вид потряс меня. Когда убиваешь, все происходит очень быстро и почти незаметно для самой жертвы. Но теперь я видел перед собой медленное угасание жизни в теле изможденном, но все еще отказывающемся сдаться вампиру, годами сосавшему из него соки, имя которому — время.

«Лестат,— сказал он,— не будь жесток ко мне, хотя бы один раз в жизни. Стань на мгновение тем мальчиком, которым ты был когда-то. Сын мой,— повторял он вновь и вновь.— Сын мой, сын мой». Он пробормотал что-то, чего я не разобрал, кажется, о поруганной невинности. Но я заметил, что он вовсе не бредит, наоборот, находится в исключительно ясном сознании. Бремя прошлого навалилось на него неподъемной тяжестью, а настоящее не могло дать ему облегчения. Потому что это была смерть, и с ней он отчаянно боролся. Я знал, что могу помочь ему, если постараюсь. Я наклонился вперед и тихо прошептал: «Я здесь, отец». Мой голос мало походил на голос Лестата, но он тут же успокоился, и мне даже показалось, что его мучения вот-вот прекратятся. Но вдруг он вцепился в мою руку, как тонущий хватается за соломинку, и судорожно заговорил о каком-то деревенском учителе (имени я не расслышал), что он считал Лестата блестящим учеником и уговаривал отдать его в монастырскую школу. Он проклинал себя за то, что отказался, забрал Лестата домой и сжег его книги. «Ты должен простить меня, Лестат»,— плакал он.

Я крепко сжал его руку в своей, надеясь, что это может сойти за ответ, но он повторил: «У тебя есть все, что душа пожела-

ет, но ты холоден и груб, как я в те годы, когда наша жизнь состояла из голода, холода и каторжного труда! Лестат, вспомни, ты был лучшим из всех! Бог простит мне, если ты простишь».

В этот момент подлинный Исав появился в дверях. Я жестом попросил его молчать; но он не обратил внимания, и мне пришлось вскочить с постели, чтобы старик, услышав его голос, доносящийся издалека, не заподозрил неладное. Лестат сказал, что, завидев его, рабы разбежались.

«Убей его, Луи! — Впервые я услышал мольбу в его голосе. Он в ярости заскрипел зубами.— Ну же!»

«Подойди и скажи, что прощаешь ему все, даже то, что он забрал тебя из школы!» — ответил я ему.

«Зачем,— прошептал Лестат с гримасой, сделавшей его лицо похожим на череп,— забрал меня из школы! — Он воздел руки к небу и прорычал: — Проклятие! Убей его!»

«Нет,— повторил я.— Либо ты простишь его, либо убьешь сам. Выбирай».

Старик умолял нас объяснить, в чем причина нашего спора.

«Сын мой, сын мой»,— кричал он, и Лестат начал приплясывать на месте, словно сумасшедший.

Я выглянул на улицу из-за занавесок. Рабы окружили дом. Цепь медленно, но неотвратимо приближалась.

«Ты был Иосифом среди своих братьев,— говорил отец Лестату,— ты был лучшим. Но откуда я мог знать? Я понял это, только когда ты ушел из дома, долгие годы я не видел от них ни заботы, ни утешения. Ты вернулся и забрал меня с нашей фермы, но ты изменился. Это был уже не ты. Не тот мальчик, которого я знал».

Я схватил Лестата за рукав и силой доволок до кровати. Никогда я не видел его таким слабым и одновременно разъяренным до последней степени. Вырвавшись из моих рук, он склонился над подушкой и глядел на меня с ненавистью. Я непреклонно произнес еще раз: «Прости его!»

«Все в порядке, отец, спи спокойно. Я не держу на тебя зла»,— сказал он высоким натянутым голосом.

Старик повернулся на подушке, что-то тихо сказал с облегчением, но Лестат уже встал. Остановившись в дверях, он сжал голову руками и громко прошептал:

«Они идут! — Потом обернулся ко мне.— Прикончи его. Ради Бога!»

Бедный старик не понял, что произошло, и даже не пошевелился. Я только прокусил ему горло и оставил рану открытой: я не хотел утолять свою темную страсть за счет его смерти. Невыносимо было даже думать об этом. Не важно, что тело найдут в таком виде. Я был уже сыт по горло и домом, и Лестатом, и ролью преуспевающего плантатора. Я решил сжечь дом. У меня было много другой собственности, которой я владел под разными именами и держал про запас.

Лестат отправился навстречу рабам. Без присмотра он мог устроить такую бойню, что потом вряд ли отыскался бы хоть один живой свидетель той ночи. Я решил последовать за ним. Прежде жестокость Лестата казалось мне непостижимой, а теперь я сам обнажил клыки на этих людей. Едва завидев меня, они убегали, неуклюжие, охваченные страхом смерти, в животном безумии. Сила вампира безгранична, и скоро мы с Лестатом остались одни. И тогда я взял факел, вернулся в дом и поджег его.

Лестат бросился ко мне.

«Что ты делаешь! — кричал он.— Ты сошел с ума!» Но огонь уже охватил стены и пол, и остановить его было невозможно. «Они же сбежали. Ты сам, своими руками уничтожил такое богатство!» Он бегал кругами по любезной его сердцу гостиной, все еще не веря, что хрупкое великолепие вскоре исчезнет навсегда.

«Вытаскивай гроб, до рассвета осталось всего три часа»,— сказал я ему.

Дом превращался в погребальный костер.

— Огонь мог повредить вам? — спросил юноша.

— Еще бы,— ответил вампир.

— Вы укрылись в часовне? Там было безопасно?

— Нет. Около полусотни рабов разбежались по всей округе. Многие не хотели оказаться в положении беглых и поспешили к Френьерам и на плантацию Бель-Жарден, вниз по реке. Мне совершенно не улыбалось оставаться в Пон-дю-Лак. А ехать куда-то уже не было времени.

— Бабетта! — вдруг осенило юношу.

Вампир улыбнулся.

— Да, я пошел к Бабетте. Она по-прежнему жила на плантации вместе с молодым мужем. Я погрузил гроб на повозку и отправился к ней.

— А Лестат?

Вампир вздохнул.

— Он пошел со мной. Он пытался убедить меня поехать с ним в Новый Орлеан, но я сказал, что собираюсь укрыться у Френьеров, и он согласился с моим выбором. Мы могли не успеть добраться до города: уже начинало светать, хотя для обычных человеческих глаз все вокруг по-прежнему скрывала непроглядная тьма.

Я однажды навещал Бабетту уже после гибели ее брата. Я говорил вам, что она вызвала бурю возмущения и негодования среди близких и дальних соседей тем, что не уехала и осталась на плантации не только без мужчины, но даже и без старшей женщины в доме. Ей приходилось содержать дела в порядке, чтобы противостоять общественному остракизму. Само по себе богатство ничего не значило для нее. Семья, продолжение рода... вот что ее заботило. Она научилась управлять плантацией, но такая жизнь угнетала ее, и внутренне она почти сдалась. Однажды вечером в саду я подошел к ней. Не позволяя, как и в первый раз, разглядеть меня, я заставил свой голос звучать как можно более нежно и убедительно, напомнил о своем прошлом визите и сказал, что знаю обо всех ее бедах и печалях. «Не рассчитывай встретить сочувствие у людей,— сказал я.— Они глупы. Нет ничего удивительного, что, по их мнению, ты должна отказаться от плантации после смерти брата. Распоряжаться чужой судьбой очень легко. Надо бросить им вызов, достойно и с верой в свою правоту». Она слушала меня, не проронив ни единого слова. Я посоветовал ей устроить большой бал в Новом Орлеане под каким-нибудь благовидным, лучше всего религиозным, предлогом. Ей наверняка не составило бы труда договориться с одним из женских монастырей насчет проведения благотворительного вечера. В качестве компаньонов пригласить друзей ее покойной матери, а самое главное — делать все с абсолютной уверенностью. Уверенность и достоинство — вот залог ее успеха.

Бабетта сочла идею гениальной.

«Я не знаю, кто вы такой, да и вряд ли вы скажете,— обратилась она ко мне (я и впрямь не собирался открываться перед ней),— но я думаю, что вы — ангел, посланный мне Господом». И она принялась умолять меня показать лицо. Я сказал «умо-

лять», хотя это слово вряд ли подходит Бабетте. Она никогда никого ни о чем не просила. Дело даже не в гордости, просто мольбы сильных и честных людей в большинстве случаев похожи скорее на... Но я вижу, вы хотите что-то спросить.— Вампир прервал свой рассказ.

— Нет, нет,— смутился молодой человек.

— Спрашивайте, не стесняйтесь. Если бы я хотел скрыть от вас что-то...— лицо вампира на мгновение потемнело. Он нахмурился, и над левой бровью обозначилась маленькая ямочка, похожая на отпечаток пальца на сырой глине. Странное выражение глубокого страдания исказило его тонкие черты.— Если бы я хотел что-то скрыть от вас,— повторил он,— то не стал бы упоминать об этом вовсе.

Юноша завороженно смотрел в его глаза, на тонкие лучи ресниц, нежную кожу век.

— Спрашивайте,— повторил вампир.

— Вы так говорили про Бабетту, что мне показалось, будто у вас к ней особое чувство.

— Вы думаете, я на это не способен?

— Да нет, наоборот. Взять, например, того же отца Лестата: вы оставались рядом с ним, хотя сами подвергались серьезной опасности. Вам было жаль молодого Френьера, когда Лестат собирался убить его... все это вы объяснили. Но меня волнует другое... Было ли ваше чувство к Бабетте большим, чем просто жалость и сострадание?

— Вы имеете в виду любовь,— сказал вампир.— Почему не назвать вещи своими именами?

— Потому что вы говорили об отчуждении вампиров от обычных людей.

— Разве нельзя сказать того же об ангелах?

Юноша на секунду задумался.

— Да,— ответил он.

— Но разве ангелы не могут любить? Разве они не взирают на лик Божий с беспредельной любовью?

— Любовью или поклонением?

— А это не одно и то же? — задумчиво протянул Луи.— В чем же разница? — Не для юноши был этот вопрос. Луи обращался к себе самому.

— Ангелы знают любовь и гордость... гордыню падения... и ненависть. Чувства существ, отрешенных от мира, сильны и

огромны, и слиты воедино с волей.— Он не отрываясь смотрел на стол, словно обдумывая заново ответ, и не мог найти верных слов.— Да, это было глубокое чувство. Но не самое сильное в моей жизни.— Он поднял глаза на юношу.— Бабетта была для меня в своем роде идеальным человеческим существом.

Вампир повернулся и посмотрел в окно, складки его плаща мягко пошевелились. Юноша наклонился, проверил ленту, вытащил из портфеля другую кассету, извинился перед собеседником за задержку и вставил ее в диктофон.

— Наверное; мой вопрос слишком личный.

— Ничего подобного.— Вампир резко повернулся к нему.— Это был верный вопрос. Да, я знаю любовь, и я по-своему любил Бабетту. Но это не была главная любовь моей жизни. Она была предтечей.

Но вернемся к моему рассказу. Благотворительный бал Бабетты прошел успешно, и ее возвращение в общество состоялось. Большой капитал стер последние сомнения в умах родителей и поклонников, и вскоре она вышла замуж. Летними вечерами я часто навещал ее, ничем не выдавая своего присутствия, и ее счастье делало счастливым и меня самого.

А теперь я привел к ней Лестата. Он бы давно уже убил всех Френьеров, если бы я не мешал, и сейчас он решил, что наконец-то пробил его час и что я заодно с ним. «Какая польза нам от их смерти? — Я хотел его сразу разуверить.— Ты зовешь меня идиотом, а сам ведешь себя как последний дурак. Ты думаешь, я не знаю, зачем ты превратил меня в вампира? Ты не смог бы прожить без меня, не справился бы с самой простой проблемой. Годами я делал за тебя все, а ты бил баклуши с чувством самодовольного превосходства. Ты рассказал мне все, что знаешь, и у меня теперь нет ни малейшей надобности в тебе. Наоборот, это я тебе нужен. Так вот, если ты дотронешься хотя бы до одного из Френьеров, я тут же избавлюсь от тебя. Между нами начнется война, и вряд ли стоит объяснять, что в одном мизинце у меня больше здравого смысла, чем у тебя в голове. Так что смотри сам».

Странно, но мои слова его напугали. Он, естественно, стал говорить, что ему известно многое, о чем я еще не знаю: о разных опасностях, подстерегающих вампиров, о каких-то особых типах людей, убийство которых может оказаться гибельным

для меня самого, о местах на земном шаре, куда мне не следует попадать по той же причине, и прочую чепуху, вызывавшую у меня едва переносимое раздражение. Впрочем, на этот раз за недостатком времени я не обращал на него особого внимания. Приблизившись к плантации Френьеров, мы увидели свет в доме надсмотрщика. Он пытался успокоить рабов, убежавших с Пон-дю-Лак, и своих собственных. Отблески пожара все еще виднелись на фоне темного неба. Бабетта, полностью одетая и очень деловитая, отправляла повозки с людьми и инструментами на помощь в борьбе с огнем. Испуганных рабов с моей плантации собрали в отдельную группу, и никто тогда еще не верил их рассказам о случившемся. Бабетта знала, что произошло нечто ужасное, и подозревала убийство, но не допускала даже мысли о сверхъестественном. Отдав необходимые распоряжения, она ушла в кабинет — занести запись о пожаре в дневник. Там я и нашел ее. Уже почти рассвело. У меня оставалось в запасе всего несколько минут, чтобы убедить ее помочь нам. Я заговорил, стоя за ее спиной, и запретил ей оборачиваться. Она подчинилась, спокойно выслушала меня. Я объяснил, что мне нужна комната, чтобы передохнуть.

«Я приходил к тебе раньше и ни разу не причинил тебе зла. Все, чего я прошу,— ключ и обещание, что никто не попытается войти в комнату до полуночи. Завтра вечером я расскажу тебе все». Я был на грани отчаяния: небо на востоке уже начинало светлеть. Лестат стоял с гробами в саду неподалеку от дома.

«Почему вы пришли именно ко мне?» — спросила она.

«А к кому же? — отозвался я.— Разве не я протягивал тебе руку, когда ты больше всего нуждалась в помощи, окруженная слабыми и беззащитными людьми, судьба которых целиком зависела от тебя? Разве не я дважды давал тебе верный совет и потом с радостью следил за твоей счастливой и спокойной жизнью? — Через окно я видел, что Лестата уже охватывает паника.— Дай мне ключ от любой комнаты. И пусть никто не подходит к ней до заката. Я клянусь, тебе не придется пожалеть о сделанном».

«А что, если я откажусь... вдруг вас послал дьявол?» — она собиралась обернуться.

Я протянул руку и потушил свечу. Она видела мой силуэт на фоне сереющих окон.

«Если ты не поможешь мне, если ты думаешь, что я слуга сатаны, я умру,— ответил я.— Молю тебя, дай ключ. Я мог бы убить тебя прямо сейчас, понимаешь? — Я шагнул к ней, решившись в отчаянии показать свое лицо. Она отпрянула и схватилась за ручку кресла, судорожно глотая воздух.— Не бойся. Уж лучше я умру, чем подниму на тебя руку. Умру, если ты не дашь ключ».

Она согласилась. Уж не знаю, что она подумала, но она дала мне ключ от одного из винных подвалов. Я не сомневался, что она видела, как мы с Лестатом затаскивали туда гробы. Оказавшись в безопасности, по крайней мере временной, я запер дверь и забаррикадировал ее изнутри. На следующий вечер, когда я проснулся, Лестат уже был на ногах.

— Значит, она сдержала слово?

— Более того. Она не только не пыталась открыть дверь, но даже еще раз закрыла ее на ключ снаружи.

— Но она же наверняка слышала рассказы рабов.

— Конечно. Лестат первым обнаружил, что дверь заперта с обратной стороны, и пришел в дикую ярость. Он хотел как можно скорее попасть в Новый Орлеан. Он стал подозревать меня.

«Я терпел тебя только из-за отца,— говорил он, тщетно пытаясь найти выход из запертой клетки.— Учти, теперь я тебе больше не верю».

Он явно меня боялся, даже перестал поворачиваться ко мне спиной, стал угрожать мне и понес уже совершенный вздор. Я сидел, прислушивался к голосам в комнатах над нами и думал, когда же он, наконец, заткнется. Я вовсе не собирался поверять ему свои чувства к Бабетте и свои надежды на нее.

Но не только об этом я думал. Вы спрашивали, как можно любить кого-то, будучи отчужденным от всего земного. Дело в том, что вампир может думать о нескольких вещах одновременно. Например, о том, что ты в опасности и, возможно, скоро погибнешь, и в то же самое время о чем-то совершенно абстрактном и отвлеченном от действительности. Так было со мной тогда. В глубине души, не облеченная в слова, во мне жила мысль о том, какой прекрасной и возвышенной могла бы стать наша дружба с Лестатом, как мало препятствий стояло на пути к этому и как много нас объединяло. Наверное, любовь к Бабет-

те навела меня на подобные размышления. Пропасть, разделявшую нас с ней, я мог преодолеть лишь одним способом — взять ее жизнь, слившись в последнем смертельном объятии, удовлетворить одновременно жажду любви и жажду крови. Но моя душа хотела познать Бабетту без убийства, не отнимая у нее ни минуты жизни, ни капли крови... Я хотел невозможного. Другое дело — Лестат, будь он хоть немного умнее и порядочнее. Я вспомнил предсмертные слова слепого старика: Лестат — блестящий ученик, влюбленный в книги, отобранные у него и сожженные. Сам я знал только того Лестата, который называл мою библиотеку «грудой пыли» и высмеивал мою страсть к чтению и углубленным размышлениям.

Шум в доме начал стихать. Потом все смолкло, и лишь иногда слышались звуки шагов и скрип половиц. Слабый, неровный свет пробивался сквозь щели в потолке. Лестат ощупывал кирпичные стены с чисто человеческим выражением безысходности и отчаяния на лице. Я понял, что, выбравшись отсюда, мы должны распрощаться друг с другом. Ради этого даже согласился бы переплыть океан. Понял, что мирился с ним только потому, что мне не хватало уверенности в собственных силах. Обманывал себя, что иду на жертвы только во имя спокойной жизни его старика и моей сестры с мужем. На самом же деле я оставался с Лестатом потому, что мне казалось, что он посвящен в тайны, без знания которых вампиру обойтись нельзя, и без него я ничего не узнаю. Но главное, он был единственный, кого я знал из мне подобных. Он никогда не рассказывал мне, как произошло его обращение или где найти других вампиров. Это все еще волновало меня. Я ненавидел Лестата и хотел расстаться с ним, но кто знает, готов ли я остаться один?

Я сидел и думал, а Лестат гнул свое: я, мол, ему больше не нужен и он не потерпит таких выходок, в особенности дерзких шуток каких-то Френьеров. По его словам, надо быть готовым ко всему, когда отопрут дверь.

«Помни! — говорил он.— Сила и быстрота — вот против чего им не удастся устоять. Ну и, разумеется, страх. Главное — вселить ужас во врагов. Забудь свою сентиментальность! Она может слишком дорого нам обойтись».

«Ты хочешь, чтоб мы разошлись?» — спросил я. Я надеялся, что он скажет «да», потому что боялся сам принимать решения. Точнее говоря, я еще не разобрался в своих мыслях.

«Пока что я хочу добраться до Нового Орлеана! — ответил он.— Я просто предупреждаю, что могу обойтись без тебя. Но сейчас нам лучше держаться вместе. Ты еще не знаешь, что в твоей власти, ты даже не понял, кто ты есть на самом деле. Если эта женщина придет одна, действуй силой убеждения. Но если она приведет других, приготовься стать самим собой».

«Кто же я есть на самом деле? — спросил я. Никогда раньше эта загадка не мучила меня так сильно.— Что значит стать самим собой?»

Лицо Лестата выражало отвращение. Он вскинул руки.

«Приготовься...— оскалился он, демонстрируя чудовищные зубы,— стать убийцей! — Вдруг он поднял глаза наверх, прислушиваясь.— Они ложатся спать, слышишь?»

Наступило долгое молчание. Лестат расхаживал по погребу, а я думал, что скажу Бабетте. Я все еще старался разобраться в своих чувствах к ней. Вдруг из-под двери пробился луч света, и Лестат весь подобрался, готовясь прыгнуть на вошедшего, кто бы им ни был. Дверь отворилась, и вошла Бабетта. Она была одна. Лестат незаметно скользнул ей за спину. Она стояла и пристально смотрела на меня.

Никогда еще она не казалась мне такой красивой. Ее распущенные на ночь волосы темными волнами спадали на белое платье, лицо выражало тревогу и страх. Щеки ее горели, огромные карие глаза стали еще больше. Я уже говорил, что любил в ней честность и силу, величие ее души, но без чувственной страсти, которую на моем месте могли бы испытывать вы. Но все равно я считал ее самой очаровательной и соблазнительной женщиной из всех, кого я видел. Даже строгое, закрытое платье не могло скрыть мягкости и округлости ее рук и груди. Ее тело представлялось мне прекрасной и таинственной оболочкой загадочной души. Меня неудержимо влекло к ней, но я знал, что стоит поддаться минутной слабости — и ее смерть станет неизбежной. Я отвернулся, мучимый вопросом: а вдруг она увидела мертвое бездушие в моих глазах?

«Ты — тот же самый, кто являлся ко мне прежде,— произнесла она наконец, словно не будучи в этом уверенной до этого.— Ты — хозяин Пон-дю-Лак! Ты!»

Я знал, что ей пришлось выслушать дикие и нелепые рассказы о событиях прошлой ночи, и теперь бессмысленно ее переубеждать. Дважды использовав свою сверхъестественную внеш-

ность, чтобы получить возможность поговорить с ней, я не мог увиливать или прятаться на этот раз.

«Я не сделаю тебе ничего дурного,— сказал я.— Дай мне только лошадей и экипаж. Мои остались в поле...»

Бабетта, казалось, даже не слышала моих слов. Она подошла поближе, чтобы поймать меня в круг света от фонаря в своей руке.

Я заметил, что Лестат подкрадывается к ней сзади. Их тени на стене слились; я знал, что сейчас он опасен.

«Ты дашь мне экипаж?» — повторил я.

Она молча смотрела на меня, подняв фонарь над головой. Я хотел опять отвернуться, но вдруг увидел, что ее лицо изменилось. Оно стало неподвижным, ничего не выражало, словно ее загипнотизировали. Потом она закрыла глаза и покачала головой. Мне почудилось, что это я одним своим взглядом, сам того не желая, сделал ее такой.

«Кто ты? — прошептала она.— Ты пришел от дьявола. Значит, и раньше тебя присылал ко мне дьявол!»

«Дьявол!» — повторил я вслед за ней. Ее слова ударили меня куда больней, чем я мог предположить. Меня охватило глубокое отчаяние. Если она верит в то, что говорит, значит, она сочтет мои прежние советы лживыми и негодными. Будущие сомнения могут разрушить ее богатую и счастливую жизнь. Значит, все мои усилия оказались напрасны. Как и все сильные люди, она страдала от одиночества и несмотря ни на что оставалась чужой для общества, как язычник среди христиан. Вот почему хрупкое равновесие в ее душе легко было нарушить. Ей стоило только начать сомневаться в правильности своего выбора. Она смотрела на меня с ужасом. Лестат схватил ее сзади за руку, и она, вскрикнув от неожиданности, уронила на пол фонарь. Пламя вспыхнуло и побежало по разбрызгавшемуся маслу, а он, не обращая внимания, потащил ее к раскрытой двери.

«Ты дашь нам экипаж и коней, сейчас же! — говорил он ей.— Пошевеливайся и перестань болтать о дьяволе — перед тобой смерть во плоти!»

Затоптав в спешке огонь, я бросился вслед за Лестатом. Я кричал, чтобы он отпустил девушку. Он держал Бабетту за обе руки, она яростно сопротивлялась.

«Ты поднимешь на ноги весь дом, если не заткнешься! — рявкнул он мне.— Я прикончу ее на месте! Нам нужен эки-

паж... веди нас. Ты сама будешь разговаривать с конюхом!» — Он вытолкнул ее на улицу.

Мы медленно двигались по двору. Мое сердце разрывалось. Я шел сзади. Лестат вел перед собой Бабетту. Она силилась разглядеть что-то в кромешной тьме. Вдруг она заметила слабый огонек в окне наверху и остановилась.

«Вы не получите ничего!» — сказала она.

Я подошел к Лестату и прошептал, что устрою все сам.

«Она выдаст нас, если ты не позволишь мне поговорить с ней».

«Ладно, только поживей,— прошипел он с отвращением.— И не рассусоливай. У нас нет времени на болтовню».

«Ты пока иди к конюшне... и возьми все необходимое. Только ради всего святого никого не убивай!»

Я не знал, послушается он или нет, но, как только я шагнул к Бабетте, он исчез. На ее лице застыла ненависть и решимость. Она сказала:

«Изыди, сатана!»

Я стоял перед ней молча и выдержал ее взгляд. Она ничем не выдала, что слышала слова Лестата. Ненависть в ее глазах обжигала меня, словно раскаленные угли.

«Зачем ты так говоришь? — спросил я.— Разве моя помощь повредила тебе? Что плохого я тебе сделал? Я приходил, чтобы помочь, когда твои силы были на исходе. Я думал только о тебе, мне самому ничего не было нужно».

Она покачала головой.

«А ты почему так говоришь со мной? Я знаю, что ты наделал в Пон-дю-Лак: ты превратил плантацию в сущий ад! Рассказы рабов полны ужаса! Весь день людей находили на дороге к твоему дому — мой муж сам ездил туда! Он видел своими глазами дом в руинах и трупы рабов повсюду — в саду и на полях! Это дело твоих рук! Почему же со мной ты разговариваешь так нежно и ласково? Что тебе нужно от меня?»

Она медленно отступала к лестнице, держась за колонну. Наверху в освещенном окне я заметил какое-то движение.

«Я не могу ответить на все вопросы сейчас,— сказал я.— Поверь, я никогда не желал тебе зла. Если б у меня оставался выбор, я ни за что не потревожил бы тебя прошлой ночью!»

Вампир замолчал.

Юноша сидел, подавшись вперед, широко раскрыв глаза. Луи смотрел куда-то вверх, погрузившись в свои мысли и воспоминания. Молодой человек вдруг опустил глаза, словно из вежливости. Потом поднял взгляд и опять отвел в сторону. На лицах обоих было написано глубокое страдание. Молодой человек собрался с духом и хотел было заговорить, но умолк, не произнеся и двух слов.

Луи изучающе посмотрел на него, тот вспыхнул и отвернулся, потом поднял голову и встретился с неподвижным взглядом вампира. Судорожно глотнул, но не отвел глаз.

— Ну как? — прошептал вампир.— Такую интересную историю вы хотели услышать?

Беззвучно отодвинув кресло, он подошел к окну. Юноша не шелохнулся, только смотрел на его широкие плечи и длинные складки плаща. Вампир, полуобернувшись, сказал:

— Вы не ответили. Вас интересует другое, не правда ли? Вы ведь пришли сюда взять у меня интервью для какой-нибудь программы на радио.

— Это не важно. Я выброшу кассеты, если захотите! — Молодой человек поднялся, заметно волнуясь.— Не стану утверждать, что понимаю все, о чем вы рассказываете. Это не так. Но то, что я понял... ни с чем не сравнимо.

Он нерешительно приблизился к вампиру. Тот, казалось, был целиком поглощен происходящим внизу, на улице, но потом медленно отвернулся от окна, поглядел на юношу и улыбнулся — безмятежно, почти ласково. Юноше вдруг стало не по себе. Он засунул руки в карманы и вернулся к столу. Потом, вопросительно глядя на вампира, сказал:

— Может быть, мы продолжим? Пожалуйста...

Вампир скрестил руки на груди и прислонился спиной к оконной раме.

— Зачем? — спросил он. Юноша растерялся.

— Просто мне хочется узнать, что случилось потом.— Он пожал плечами.

— Ну ладно, так и быть,— согласился вампир все с той же улыбкой. Он подошел к своему креслу, уселся напротив и немного подвинул к себе диктофон:

— Замечательное изобретение... Итак, я продолжаю. Вы должны понять — все, чего я хотел теперь от Бабетты, это про-

сто общения. Это желание было сильнее всего, кроме, пожалуй, физической жажды... жажды крови. Я так хотел, чтобы она поняла меня и откликнулась, что в этот миг особенно глубоко почувствовал свое странное одиночество. Наши прежние встречи были коротки, но ясны, как простое рукопожатие. Взять ее за руку. И отпустить на свободу, только и всего. Протянуть руку помощи в минуту отчаяния. А теперь мы были по разные стороны баррикад. В глазах Бабетты я превратился в чудовище и не знал, как это исправить, хотя сделал бы все, что угодно. И тогда я сказал ей, что моя помощь пошла ей на пользу, а никакое деяние дьявола не может послужить добру, даже если он сам того хочет.

«Я знаю!» — ответила она, но этим хотела сказать, что теперь доверяет мне не больше, чем дьяволу.

Я попытался приблизиться к ней, но она отступила назад. Протянул руку, чтобы успокоить ее, но она сжалась, вцепившись в перила на крыльце.

«Ладно,— сказал я. Внутри у меня закипал ужасный гнев.— Зачем же ты дала мне убежище прошлой ночью? Почему сегодня ты пришла одна?»

Я заметил тень лукавства на ее лице: у нее была причина, но она не хотела открывать ее мне. Она уже не могла говорить со мной открыто и свободно. Напрасно я об этом мечтал. Вдруг меня охватила слабость. Давно перевалило за полночь, я слышал, что Лестат прокрался в винный погреб за гробами. Пора было уезжать, и пора было... напиться свежей крови.

Но не голод был причиной этой слабости. Хуже. Я вдруг увидел, что эта ночь только звено в цепи тысячи других ночей — бесконечной цепи, уходящей в невидимую даль; и путь мой пролегает сквозь вечную ночь, во тьме, под светом холодных и бездушных звезд. Слабость моя росла, а вместе ней и тоска. Я невольно застонал. В огромной, безжизненной черной пустыне я стоял один. Бабетта — только призрак. Мне словно открылась страшная правда, которой я раньше избегал, потому что смотрел на мир глазами вампира. Влюбленными глазами я видел цвета и формы; влюбленно слушал пение и тишину, все бесконечное многообразие мира... Бабетта шевельнулась, но я не обратил внимания. Потом она вытащила из кармана большую связку ключей и пошла вверх по ступенькам крыльца. Пусть

уходит, подумал я. «Посланец дьявола! Изыди, сатана! — шепотом повторил я ее слова и повернулся взглянуть на нее. Она словно примерзла к ступенькам, в ее широко открытых глазах застыло подозрительное и недоверчивое выражение. Она сняла со стены фонарь и держала его крепко, словно мешок с золотом.— Значит, ты думаешь, что меня послал дьявол?»

Она быстро переложила фонарь в левую руку, а правой сотворила крестное знамение. Я разобрал латинские слова. Она побледнела, дуги бровей поползли вверх: она увидела, что ничего не произошло. «Ты, верно, ждала, что я превращусь в горстку пепла? — спросил я, потом медленно приблизился к крыльцу и с тем же чувством отчуждения от всего на свете продолжал: — Или что провалюсь прямиком в преисподнюю? К дьяволу, пославшему меня к тебе? — Я был уже возле лестницы.— А что, если скажу тебе, что не знаю о нем ровным счетом ничего, даже не знаю, есть ли он на самом деле или нет?!»

Стоя один в ночи, я словно видел лик дьявола, в нем была эта страшная правда, он — объяснение всему, что случилось со мной. Вот о чем я думал тогда, но она не расслышала меня. Она не слушала меня так, как слушаете вы. Я понял, что дальше говорить бесполезно, отвернулся от нее и посмотрел на звезды. Я знал, что у Лестата уже все готово и в темноте он ждет меня с экипажем. Снова посмотрел на Бабетту, и мне почудилось, что не она, а мой брат стоит на крыльце и тихим взволнованным голосом говорит что-то очень важное, но его слова затихают, не долетая до меня, как мышиный писк в огромном пустующем доме. Чиркнула спичка, и вспыхнул свет. «Я не знаю, кто прислал меня — дьявол или нет! Не знаю, кто я! — закричал я Бабетте, оглушая сам себя.— Мне суждено дожить до конца света в неведении!» Передо мной снова загорелся огонь, но уже не погас: Бабетта зажгла фонарь и подняла его вверх. Из-за яркого пламени я не мог разглядеть ее лица. На мгновение я ослеп, а потом почувствовал сильный удар в грудь, потерял равновесие и упал. Фонарь врезался в меня всей своей тяжестью, помноженной на силу броска, и осколки разбитого стекла рассыпались по каменным плиткам. Пламя обожгло мне руки и лицо. Из темноты донесся громкий крик Лестата: «Потуши его, сбей его с себя, идиот! Ты же погибнешь!» Через секунду он уже был рядом, хлопал меня курткой. Я лежал, прислонившись головой

к колонне, обессиленный болью, но сильнее всего — тем, что Бабетта хотела меня уничтожить, и непониманием, кто же я есть на самом деле.

То, что случилось дальше, заняло считанные секунды. Огонь погас, я поднялся на четвереньки, цепляясь руками за кирпичи. Лестат стоял уже на верхней ступеньке лестницы, и Бабетта была обречена. Я бросился наверх, схватил его за шею и оттащил от девушки. Разъяренный, он повернулся и пнул меня ногой, но я не отпускал его. Мы оба скатились к низу крыльца. Бабетта наблюдала за нами, даже не шелохнувшись. «Черт с ней, поехали!» — проворчал Лестат и с трудом поднялся на ноги. Напрягая полуослепшие глаза, я разглядел, что она держится за шею, по которой тонкой струйкой стекает кровь. «Запомни! — крикнул я, обращаясь к ней.— Я мог бы убить тебя или позволить ему сделать это! Напрасно ты назвала меня дьяволом».

— Вы успели остановить Лестата,— сказал юноша.

— Да, хотя он умел убивать подобно молнии. Но мне удалось спасти только телесную оболочку Бабетты, хотя об этом я узнал гораздо позже.

— Через полтора часа, чуть не загнав лошадей, мы с Лестатом были в Новом Орлеане. Мы остановились в маленьком переулке, не доезжая квартала до новой испанской гостиницы. Подозвав какого-то старика, Лестат взял его под локоть и сунул в руку пятьдесят долларов. «Закажи для нас номер и шампанское,— приказал Лестат.— Скажи, что тебя попросили два джентльмена и уплатили вперед. Вернешься — получишь еще столько же. Не вздумай удрать, я слежу за тобой». В этом не было никакой нужды: сам вид его горящих глаз загипнотизировал старика. Я не сомневался, что Лестат прикончит бедолагу, как только тот возвратится к нам с ключами от номера. Так и случилось. Я сидел в экипаже и устало смотрел, как тело человека ослабевает в руках Лестата. Наконец оно рухнуло на землю перед входом в гостиницу, точно мешок, набитый камнями. «Спокойной ночи, сиятельный принц,— ухмыльнулся Лестат.— Вот ваши деньги». Он засунул в карман старику банкноты. Собственная шутка пришлась ему по вкусу.

Мы проскользнули в дверь, ведущую во внутренний двор гостиницы, и поднялись по лестнице в роскошный номер. Шам-

панское уже охлаждалось в ведерке со льдом, рядом на серебряном подносе стояли два бокала. Лестат наполнил бокал вином и долго смотрел на бледно-золотистую жидкость. Я лежал на кушетке и смотрел на него безразлично. Я думал, что должен покинуть его или умереть.

«Умереть, это так чудесно»,— думал я. «Да, умереть. Я и раньше хотел смерти. И теперь хочу». Мысль о смерти наполнила мою душу такой чудной ясностью и таким покоем... Мертвым покоем.

«Ты плохо выглядишь! — вдруг сказал Лестат.— Почти рассвело». Он подошел к окну и отдернул занавески. Я увидел море крыш, над ними — темно-голубое небо и величественное созвездие Ориона. «Пора на охоту, не мешкай»,— сказал Лестат, поднимая оконную раму. Он перешагнул через подоконник, и его подошвы тихо застучали по крыше соседнего дома. Он собирался найти гробы, по крайней мере один. Нестерпимая жажда мучила меня, подобно лихорадке. Я не выдержал и отправился следом за ним. Я все еще хотел умереть, мысль о смерти ни на минуту не покидала мой разум. Но тело просило свежей крови. Я уже говорил, что еще не убивал людей. Поэтому я побрел по крышам в поисках крыс.

— Но почему? Ведь вы говорили, что только начинать нельзя было с людей. Вы хотите сказать, что для вас это не был вопрос морали? Вы просто так чувствовали?

— Если бы вы спросили меня тогда, ответил бы утвердительно: да, я так чувствовал. Я хотел познавать смерть постепенно, шаг за шагом. Убийство животных дарило мне новые переживания, наслаждения. Я только начал входить во вкус. И решил, что пока не буду трогать людей. Хотел прийти к этому, вооруженный опытом и знаниями. Так я чувствовал тогда. Но по большому счету это был вопрос морали, нравственный выбор. Потому что на самом деле чувство, или, если хотите, эстетика, и мораль — это одно и то же.

— Я не понимаю,— сказал молодой человек.— Я всегда думал, что эстетическое чувство запросто может противоречить морали. Вспомните Нерона — он смотрел, как пылает Рим, и наигрывал на арфе. Или такой распространенный случай: художник ради искусства бросает жену и детей.

— И оба они совершают нравственный выбор. С их точки зрения — с точки зрения творца — они действуют во имя выс-

шей цели. Не эстетические принципы художника вступают в противоречие с общественной моралью, а нравственные. Непонимание этого часто приводит к трагедии, даже если поводом был пустяк. Художник украл краски из магазина. Он уверен, что совершил аморальный поступок и навсегда погубил свою бессмертную душу. Как будто нравственность души — это хрустальный шар, который можно разбить легким прикосновением. Он впадает в отчаяние и окончательно опускается. Но тогда я ничего об этом не знал. Думал, что убиваю животных, потому что мне так нравится. Старался избегать главного нравственного вопроса: почему на мне лежит эта печать проклятия.

Лестат никогда не говорил со мной о дьяволе или о преисподней, но, следуя за ним, я понимал, что проклят. Наверное, то же чувствовал Иуда, просовывая голову в петлю. Вы понимаете меня?

Юноша хотел ответить, но промолчал. И вдруг румянец вспыхнул на его щеках.

— Неужели это правда? — прошептал он.— Неужели он существует?

Вампир положил ногу на ногу.

— Всему свое время. Я буду рассказывать по порядку.

— Да, конечно.

— Той ночью я был страшно возбужден. Напрасно я старался оттородиться от этих мыслей. Они нахлынули на меня с необычайной силой, и мне не хотелось жить. Я подумал, что все равно скоро умру, и решил напиться свежей крови. Сделать себе последний подарок. С людьми ведь тоже так бывает. Но на самом деле я просто тянул время, потому что боялся умереть. И пошел на охоту. Я уже объяснил вам, что значит для вампира убийство, и вы должны понять, какая огромная разница между человеческой кровью и кровью крысы. Это все равно что небо и земля. Я спустился с крыши вслед за Лестатом и прошел несколько кварталов. Улицы тогда были грязные, и дома стояли, как островки, в окружении сточных канав. И было темно, не то что в современном городе. По вечерам огни фонарей походили на одинокие маяки. Даже при слабом свете забрезжившего утра из темноты проступали только балконы и окна мансард. Для простых смертных оказаться в этих узких улочках в по-

зднее время было все равно что попасть в бочку с дегтем. Меня терзали все те же вопросы. Проклят ли я? Может, и правда меня послал дьявол и я — его творение?

Но если так, то почему в душе я восставал против этого? Почему дрожал, когда Бабетта швырнула в меня горящий фонарь, и отворачивался с омерзением, не желая видеть, как Лестат совершает очередное убийство? Кто я такой? Куда ведет меня этот путь? Меня мучила невыносимая жажда. Жгучая боль пульсировала в венах, стучала в висках. Я понял, что больше не могу. Но не знал, как быть: то ли ничего не делать и умереть голодной смертью, то ли повиноваться безумному желанию убивать. Стоял посреди пустой заброшенной улицы и вдруг услышал детский плач.

Он доносился из соседнего дома. Я подобрался поближе и стал заглядывать в окна. В одном из них я увидел маленькую, измученную, страшно исхудавшую девочку. Должно быть, она плакала очень долго. Я просунул руку под тяжелый деревянный ставень и с трудом поднял его. В темной комнате девочка была одна рядом с трупом женщины. Та была мертва уже несколько дней. Всюду стояли дорожные узлы и сундуки, словно большая семья собиралась уехать. Мать девочки лежала полураздетая, тело уже начало разлагаться. Девочка увидела меня и торопливо заговорила, что я должен помочь им с матерью. На вид ей было не больше пяти лет — худая, лицо выпачкано грязью и слезами. Она умоляла не бросать их, объясняла, что они должны успеть сесть на корабль до того, как придет чума, и что отец уже давно их ждет. Горько и отчаянно рыдая, она принялась трясти мать, пытаясь пробудить ее к жизни, затем снова взглянула на меня, и слезы потоком хлынули у нее из глаз.

Поймите, меня сжигала жажда свежей крови. Без крови я бы и дня не протянул. У меня был выбор: улицы кишели крысами, где-то неподалеку жалобно выла бездомная собака. Ничего не стоило выбраться из комнаты, быстро насытиться и вернуться назад. Но в моей голове тяжелым колоколом гудел вопрос: проклят ли я? Если да, то почему на ее исхудавшее личико я смотрю с такой жалостью? Почему меня непреодолимо тянет прикоснуться к маленьким слабым ручкам, взять ее на колени (что я и сделал), прижать крошечную головку к груди и гладить мягкие, шелковистые волосы? Зачем все это? Если я

проклят, то должен убить ее, должен видеть перед собой только добычу. Если я проклят, то обречен ненавидеть ее.

Я вдруг снова увидел Бабетту, сжимающую фонарь с искаженным от ненависти лицом, потом презренное лицо Лестата, и впервые почувствовал себя... действительно проклятым на веки вечные. И я наклонился к нежной шее и впился в нее зубами. Почувствовал на губах вкус горячей, свежей крови, услышал тонкий вскрик и прошептал: «Не бойся, всего лишь миг — и твоя боль исчезнет навсегда». И так крепко прижал ее к своему жадному рту, что уже не мог произнести ни звука. Четыре года я не пробовал человеческой крови, и вот теперь, когда наконец отважился, снова услышал тот же безумный ритм, барабанный бой ее сердца. Сердца, принадлежащего не мужчине, не животному, но ребенку. Я сосал ее кровь, а оно билось все быстрее и быстрее, оно отказывалось сдаваться, словно маленький молоточек отчаянно стучал в дверь: «Я не умру, не умру, не могу умереть...» Я поднялся, все еще сжимая ее в объятиях. Мой собственный пульс учащался вместе с биением ее сердца. Комната качалась перед глазами, я захлебывался в бурном, слишком стремительном для меня потоке крови. Невольно я взглянул на ее беспомощно склоненную голову, на открытый рот, и дальше вниз, на лицо ее матери. И мне показалось, что уловил блеск глаз под слегка приподнятыми веками, словно в них еще теплилась жизнь! В ужасе я отбросил девочку на пол. Она осталась лежать неподвижно, как сломанная кукла. Я отвернулся, чтобы не видеть ни ее, ни ее матери, и хотел было бежать куда глаза глядят, но застыл на месте. В окне появилась знакомая фигура. Конечно же, это был Лестат. Он стоял на грязной мостовой и хохотал, согнувшись пополам, словно в диком танце. «Луи, Луи»,— дразнил он меня и шутливо грозил длинным белым пальцем. Потом он быстро залез внутрь, отпихнул меня в сторону, схватил с постели смердящее тело и пустился плясать по комнате.

— Господи! — прошептал юноша.

— Да, на вашем месте я сказал бы то же самое. Спотыкаясь о ребенка и что-то напевая, он в неистовой пляске таскал труп за собой по всем углам. Спутанные волосы женщины разлетались в стороны, голова откинулась назад, и изо рта полилась черная, омерзительная жидкость. Только тогда он выпустил ее.

Я не выдержал этого кошмара, выскочил через окно и побежал прочь от проклятого дома. Он бросился за мной. «Ты что, боишься меня, Луи? — кричал он.— Ты боишься? Девочка еще жива, она еще дышит. Давай вернемся и превратим ее в вампира. Она пригодится нам, Луи. Подумай, мы будем покупать ей нарядные платьица и чудесные игрушки! Луи, подожди, Луи! Скажи только слово, и я вернусь за ней!» Он бежал за мной всю дорогу — по улицам, а потом по крышам, где я надеялся отстать от него. Добравшись до нашей комнаты, я прыгнул внутрь, повернулся и в ярости захлопнул окно перед самым его носом. Он ударился о него с разбегу. С растопыренными руками Лестат походил на птицу, пытающуюся пролететь сквозь стекло. Он тряс раму, а я в исступлении бегал кругами по комнате и придумывал способ прикончить его. Я представлял себе, как под солнечными лучами его тело сгорает и рассыпается в прах. Я обезумел. Он разбил окно и пролез в комнату. Между нами завязалась настоящая драка. Только мысль о преисподней остановила меня: мы, два существа, обреченные на вечные муки, сцепились сейчас в слепой ненависти друг к другу. Я растерялся, ослабил хватку и через минуту, поверженный, уже лежал на полу и смотрел на него. Лестат стоял надо мной, тяжело дыша, но взгляд его был холоден. «Ты дурак, Луи,— сказал он спокойно. Его хладнокровие отрезвило меня.— Уже восходит солнце». Щурясь, он посмотрел за окно. Прежде я не видел его таким. Он словно стал лучше — не знаю, драка тому причиной или что другое. «Полезай в гроб,— сказал он совершенно беззлобно,— а завтра ночью... мы поговорим».

Его слова поразили меня. Поговорим! Я не мог себе это представить. Мы никогда по-настоящему не разговаривали. Впрочем, кажется, я достаточно ясно описал вам наши бесконечные ссоры.

— Ему нужны были только ваши дома и деньги или он тоже боялся одиночества? — спросил юноша.

— Я и сам задавался этим вопросом. Мне даже иногда казалось, что Лестат хочет убить меня, но я не знал, как. Я многого не знал. Например, почему каждый вечер я просыпаюсь в определенный час, а иногда чуть раньше — словно кто-то заводит во мне часы и пробуждает от мертвого сна. Этого Лестат мне не объяснил. Сам он часто просыпался раньше меня. В техниче-

ских вопросах он меня превосходил. В то утро я захлопнул крышку гроба со страхом: а вдруг не проснусь? Вообще говоря, так бывало всегда. Это все равно что засыпать под наркозом перед операцией. Случайная ошибка хирурга — и ты уже никогда не проснешься.

— Но как же он мог вас убить? Разве что вывел бы на солнечный свет. Но тогда он и сам бы погиб.

— Вы правы. Но можно было поступить иначе. Проснувшись раньше меня, он мог бы заколотить мой гроб гвоздями. Или поджечь его. В том-то и дело: я не имел представления, на что он способен. А вдруг ему известно такое, чего я еще не знаю? Но делать было нечего. Солнце уже вставало, мысли о мертвой женщине и ребенке не давали мне покоя. Поэтому я не стал с ним спорить и улегся спать в предчувствии кошмарных снов.

— Вы видите сны! — изумился молодой человек.

— Довольно часто,— сказал вампир.— Чаще, чем хотелось бы. Долгие и очень отчетливые, а временами — чудовищные кошмары. До превращения я таких не видел. Поначалу они так захватывали меня, что я не хотел просыпаться; подолгу лежал в гробу и думал о том, что приснилось. Я пытался отыскать в них скрытый смысл, неуловимый, как и в снах людей. Например, мне снился брат, как будто он где-то рядом, но пребывает в странном состоянии между жизнью и смертью. Часто я видел Бабетту. И часто — да почти всегда — все происходило на фоне безжизненной черной пустыни, той бесконечной ночи, которую я увидел, стоя возле крыльца Бабетты. Люди во сне двигались и разговаривали, заключенные на необитаемом острове моей проклятой души. Не помню, что именно мне снилось в тот день,— потому, наверное, что следующий вечер слишком хорошо врезался в память. Я вижу, вам тоже интересно узнать, что произошло тогда между Лестатом и мной.

Я говорил, что накануне Лестат поразил меня своим вдумчивым покоем. Но на следующий вечер все стало как прежде. Я встал из гроба и в приоткрытую дверь гостиной увидел его в компании двух женщин. Немногочисленные свечи, расставленные по низким столикам и резному буфету, едва рассеивали полумрак. Лестат на кушетке целовался с одной из женщин, пьяной и очень красивой. Она была похожа на куклу. Аккуратно причесанные волосы спадали на обнаженные плечи и полу-

открытую грудь. Другая потягивала вино, расположившись за столом с остатками ужина. Значит, они втроем уже успели поесть. Лестат, конечно, притворялся... Не поверите, как легко вампиру обвести вокруг пальца обычных людей, сидящих с ним за одним столом, делая вид, будто он ест и пьет не меньше других. Я не мог себе представить, что Лестат задумал, кроме того, разумеется, что этих двух девушек он наметил нам в жертвы. Та, с которой он сидел, уже начала подшучивать над ним, приставала с расспросами: почему его поцелуи так холодны, почему у него нет не то что влечения, но даже и всякого интереса к ней. Ее подруга успела соскучиться, и мысль о том, что мне придется составить ей компанию, заставила меня отказаться от первоначального намерения войти в комнату. Она наблюдала за вяло обнимающейся парочкой черными, слегка раскосыми глазами и, казалось, получала удовольствие от происходящего. Когда же Лестат встал, подошел к ней и положил руки на ее неприкрытые плечи, она просияла. Наклонившись, чтобы поцеловать ее, он вдруг заметил меня за дверью. Секунду он смотрел на меня, но тут же отвернулся и продолжил беседу с дамами как ни в чем не бывало. Потом подошел к столу и задул свечу.

«Здесь и так темно»,— сказала первая женщина.

«Оставь нас одних, если тебе не нравится»,— отозвалась другая.

Лестат уселся в кресло и жестом поманил ее к себе. Она подошла и устроилась у него на коленях, обняв за шею и поглаживая его золотистые волосы.

«У тебя ледяная кожа»,— сказала она вдруг и отстранилась.

«Не всегда»,— возразил Лестат, притянул ее к себе и прижался лицом к белой восхитительной шее.

Я смотрел завороженно. Я всегда знал, что Лестат жестокий и хитрый, но только теперь понял, как он умен и коварен: он вдруг вонзил зубы в шею девушки, надавливая на ее горло пальцами и крепко прижимая к себе. В считанные мгновения он утолил жажду. Другая женщина ничего не заметила.

«Твоей подруге не следует пить»,— обратился он к ней и выскользнул из кресла, усадив безжизненное тело так, что казалось, будто девушка спит, подложив руки под склоненную на стол голову.

«Такую дуру еще поискать надо»,— презрительно бросила та.

Она стояла у окна и смотрела на городские огни. В те времена дома в Новом Орлеане были невысокие,— вы, наверное, знаете. И в тихие, ясные вечера, вроде того, о котором я рассказываю, с верхних этажей новой гостиницы открывался чудесный вид: улочки, освещенные газовыми фонарями. В полумраке звезды казались ярче и ближе, как это бывает в море.

«Я могу тебя согреть получше, чем она»,— сказала девушка и повернулась лицом к Лестату.

Должен признаться, я вздохнул с облегчением: сейчас ему, по всей видимости, придется прикончить и ее, не прибегая к моей помощи. Но его план оказался не так прост.

«Ты думаешь?» — спросил он, взяв ее за руку.

«Да в этом, как я погляжу, нет нужды»,— удивилась она.

— Его согрела свежая кровь?

— О да. После убийства тело вампира становится ничуть не холоднее, чем ваше.— Луи с улыбкой взглянул на юношу и продолжил: — На лице Лестата проступила краска, и оно совершенно преобразилось. Он притянул девушку к себе, и та, поцеловав его, рассмеялась. «Твоя страсть,— сказала она,— обжигает, словно раскаленные угли».

«Да, но твоя милая подружка дорого заплатила за это. Кажется...— Лестат пожал плечами,— я сильно ее утомил».

Он отступил назад, как бы приглашая женщину подойти вслед за ним к столу, что она и сделала с выражением превосходства на тонком лице. Без особого интереса она взглянула на подругу, и вдруг ей на глаза попалась салфетка, на которой темнели крошечные красные пятнышки. В недоумении она подняла ее с пола, пытаясь разглядеть, что бы это могло быть.

«Распусти волосы,— тихо сказал Лестат. Она равнодушно подчинилась, и светлая волна рассыпалась по шее и плечам.— Какие они мягкие,— прошептал Лестат, дотрагиваясь до них.— Именно такой я представляю тебя на постели с шелковым покрывалом».

«Хорошенькое у тебя воображение»,— фыркнула она, игриво поворачиваясь к нему спиной.

«Ты знаешь, про какую постель я говорю?» — поинтересовался он.

Она, рассмеявшись, ответила, что, вероятно, его собственную. Полуобернувшись, она смотрела на него, а он, не сводя с нее глаз, легонько толкнул тело ее подруги, отчего оно упало с кресла и осталось лежать неподвижно, лицом вниз. Едва не задохнувшись от удивления и испуга, девушка поспешно отскочила в сторону, задев низенький столик. Свеча на нем упала и погасла.

«Главное — это потушить свет...» — тихо пробормотал Лестат и, не обращая внимания на сопротивление девушки, похожей на мотылька, бьющегося о стекло, прижал ее к себе и впился зубами в хрупкую, нежную шею.

— О чем же вы думали? — спросил юноша.— Вы не хотели остановить его, как в случае с Френьером?

— Нет,— ответил вампир.— Да я и не сумел бы предотвратить подобный исход. Не забывайте, я знал, что он убивает людей каждую ночь. В отличие от меня кровь животных его нисколько не удовлетворяла. Она годилась только, когда не оставалось ничего лучшего. И потом, хотя мне было жалко женщин, я думал совсем о другом. В моих мыслях царил хаос. А в груди все еще стучал маленький молоточек — сердце голодного ребенка, и мучительные сомнения по поводу странной раздвоенности моей души ничуть не утихли. Я злился, что Лестат сделал меня зрителем отвратительного представления, нарочно дождался моего пробуждения, прежде чем убить девушек. Смешанное чувство ненависти и собственной слабости вспыхнуло во мне с невиданной силой, и в который раз я спрашивал себя, достанет ли у меня смелости расстаться с ним.

Тем временем, усадив очаровательных женщин за стол, Лестат прошелся по комнате и зажег одну за другой свечи. Комната стала походить на свадебную гостиную.

«Входи, Луи,— позвал он меня.— Я хотел позаботиться о компании и для тебя, да передумал, вспомнив о твоем своеобразном вкусе. Как жаль, что мадемуазель Френьер любит кидаться горящими фонарями. Подобная привычка может испортить вечеринку, ты не находишь? Особенно если дело происходит в гостинице».

Я вошел в комнату и бросил невольный взгляд на девушек. Темноволосая полулежала, уронив голову на грудь. Ее лицо уже успело застыть и превратилось в ослепительно белую маску. Ее

белокурая подруга откинулась на спинку дамасского кресла. Казалось, она просто спит, и я не мог понять, мертва она или нет. Две раны — следы зубов Лестата на горле и над левой грудью — все еще сильно кровоточили. Лестат поднял ее безжизненную руку, сделал ножом надрез и, наполнив два бокала, предложил мне присесть к столу.

«Я ухожу от тебя,— объявил я ему,— и хочу, чтобы ты знал об этом».

«Я так и думал,— ответил он, усаживаясь в кресло.— Не сомневаюсь, по этому случаю ты приготовил красочную речь. Ну что ж, поведай мне, что я за чудовище, какой пошлый, вульгарный злодей».

«Я не собираюсь судить тебя. Ты мне безразличен. Но хочу понять, кто я такой, а твоим словам больше не доверяю. Для тебя знания — орудие власти надо мной».— Я не ждал откровенного ответа. От него я вообще ничего не ждал, скорее, прислушивался к собственным словам. Но вдруг его лицо снова переменилось, стало таким, как ночью. Он слушал меня. Я растерялся. И с болью в душе подумал, что нас все равно разделяет пропасть.— Зачем же ты стал вампиром? — не выдержал я.— Почему ты такой? Мстительный, злобный... ты можешь разрушить человеческую жизнь просто так, ради удовольствия. Эта девушка... зачем ты убил ее? Тебе хватило бы одной. Зачем напугал ее перед смертью и теперь издеваешься над трупом, словно искушая Бога своим святотатством?»

Он ни разу не перебил меня, и в наступившей паузе я опять почувствовал, что теряюсь. Лестат задумчиво глядел на меня большими ясными глазами. Я вспомнил, что уже видел их такими, но вот когда? Уж точно не во время наших разговоров.

«Как ты думаешь, что значит — быть вампиром?» — сказал он искренне и серьезно.

«Не стану притворяться, что знаю, я же не ты. И что же это значит?»

Он не ответил. Словно почувствовал в моих словах раздражение и насмешку. Он сидел и смотрел на меня серьезным, спокойным взглядом. Я сказал:

«Я расстанусь с тобой и постараюсь найти разгадку. Если понадобится, я весь мир объеду и найду других вампиров. Ведь где-то же они есть, наверное, их много. И, даст Бог, встречу та-

ких же, как я — таких, которые любят знания и с помощью своей силы стремятся разгадать тайны, великие тайны, недоступные для тебя. И если ты ничего не скажешь, я дойду до всего сам — или они мне помогут».

Он покачал головой:

«Луи! Ты все еще слишком привязан к земной жизни, к миру смертных! Ты гоняешься за призраками себя самого. Молодой Френьер, его сестра... ты видишь в них себя, каким был и каким хочешь остаться и по сей день. Благодаря любви к миру смертных ты мертв для мира вампиров!»

Я тут же возразил:

«Мой нынешний мир — самое сильное переживание в моей жизни. Раньше моя жизнь была мрачной и запутанной; я словно скитался во мраке, брел, как слепец, на ощупь, от стены к стене. Только когда я стал вампиром, я по-настоящему увидел, понял и полюбил жизнь; увидел людей, их живую плоть и трепещущую душу. Я вообще не знал, что такое жизнь, пока не почувствовал ее красный, горячий поток на своих губах, на своих ладонях!»

Я вдруг понял, что опять смотрю на женщин: кожа темноволосой уже начала приобретать жуткий синеватый оттенок, но грудь другой едва заметно вздымалась, и воскликнул:

«Смотри, она еще жива!»

«Я знаю, оставь их,— отозвался Лестат. Он сковырнул ножом корку с раны на кисти белокурой женщины и снова наполнил свой бокал.— То, что ты говоришь, не лишено смысла,— сказал он и сделал глоток.— Ты мыслитель, Луи, а я — нет. Я учился не по книгам, а по рассказам других. Да и в школе недоучился. Но я не глуп, и сейчас ты должен выслушать меня, потому что тебе угрожает серьезная опасность. Ты не знаешь, кто ты есть теперь. Как взрослый, который оглядывается на свое безоблачное детство и жалеет, что ребенком его не ценил. Ты же не можешь вернуться в детскую, играть в свои старые игрушки и ждать, что на тебя прольется дождь заботы и ласки, только потому, что теперь увидел их истинную прелесть. Дорога в мир смертных закрыта для тебя навсегда. Ты прозрел. А с новыми глазами ты уже не сможешь вернуться в теплый человеческий мир».

«Все это я знаю и сам! — ответил я.— Но кто же я есть теперь? Если могу прожить, питаясь кровью животных, то поче-

му бы мне не довольствоваться этим, вместо того чтобы нести людям горе и смерть!»

«Но ты же не можешь сказать, что счастлив, верно? — возразил он.— Словно нищий, ты ловишь по ночам крыс, а потом бродишь под окнами Бабетты, исполненный заботы и нежности, но беспомощный, как богиня, влюбившаяся в спящего Эндимиона. Допустим даже, что ты мог бы заключить ее в объятия, не вызывая ужаса и отвращения, и что с того? Тебе пришлось бы в течение недолгих лет наблюдать за ее мучениями и страданиями — неизбежными спутниками людей, и в конце концов она бы умерла на твоих руках. Разве это счастье? Нет, Луи,— безумие, напрасная трата сил и времени. Ты должен стать настоящим вампиром и научиться убивать. Бьюсь об заклад, если сегодня ты выйдешь на улицу и встретишь женщину, такую же прекрасную и богатую, как Бабетта, высосешь ее кровь и она бездыханной упадет к твоим ногам, у тебя отпадет охота вздыхать о профиле мадемуазель Френьер в лунном свете или прислушиваться к звуку ее голоса, стоя под окнами гостиной. Ты наконец насытишься, Луи, наконец почувствуешь себя вампиром, а когда проголодаешься, тебе захочется повторить. Кровь в бокале останется красной, рисунок на обоях будет так же изыскан и прост. Ты будешь видеть луну и пламя свечи, не потеряешь ничего, но с той же остротой, с тем же благоговением увидишь смерть, всю ее красоту, потому что познать жизнь можно только на ее границе со смертью. Разве ты не понимаешь, Луи? Один ты в этом мире можешь наслаждаться смертью, наслаждаться безнаказанно. Один... в лунном свете... и тебе одному дано право разить, подобно руке Божьей!»

Он откинулся в кресле и, осушив стакан, обвел глазами девушку, еще живую, но лежащую без сознания. Ее грудь тяжело вздымалась. Ее веки задрожали, она приходила в себя и тихо стонала. Никогда Лестат не говорил со мной так, я не думал, что он на это способен.

«Вампир — убийца,— сказал он.— Хищник. Всевидящие глаза даны ему в знак избранности, обособленности от мира. Ему дарована возможность наблюдать человеческую жизнь во всей ее полноте. Без слезливой жалости, но с заставляющим трепетать душу восторгом, потому что именно он ставит в ней точку, он — орудие божественного промысла».

«Это ты так думаешь»,— сказал я.

Девушка снова застонала, ее голова качнулась, а лицо стало белее мела.

«Так оно и есть,— ответил Лестат.— Ты тешишь себя надеждой отыскать других вампиров. Но они — тоже убийцы! Ты с такой трепетной душой им не нужен. Они увидят тебя издалека и сразу поймут, что ты собой представляешь. Тогда — берегись: они недоверчивы и постараются найти способ уничтожить тебя. Даже если б ты был такой, как я, они поступили бы так же; одиноким хищникам улиц общество нужно не больше, чем тигру в джунглях. Они ревниво берегут свои секреты и сторожат свою территорию, очерченную невидимыми границами. Собраться вместе их заставляют только соображения безопасности, и один обязательно становится рабом другого. Так же, как у нас с тобой».

«Я никогда не был твоим рабом»,— возразил я, хотя прекрасно знал, что он говорит правду.

«Только так нас становится больше... только через рабство. Ты в состоянии указать другой путь?» — спросил он и опять потянулся к кисти девушки.

Почувствовав прикосновение острой стали, она медленно открыла глаза. Он поднес бокал к свежей ране. Она моргала, старалась не дать векам снова опуститься. Казалось, ее взор застилает пелена.

«Ты, верно, устала? — сказал ей Лестат. Она посмотрела на него невидящим взглядом.— Устала! — повторил он, наклоняясь и вглядываясь ей в глаза.— Тебе хочется спать».

«Да...» — еле слышно простонала она.

Он поднял ее на руки и отнес в спальню. Там, около стены, по соседству с кроватью, застеленной бархатным покрывалом, стояли на ковре наши гробы. Не обращая внимания на постель, Лестат аккуратно уложил ее в свой гроб. Стоя на пороге комнаты, я наблюдал за происходящим.

«Что ты делаешь?» — спросил я его. Девушка оглядывалась по сторонам, как испуганный ребенок.

«Нет... нет...» — жалобно стонала она. Лестат взялся за крышку, и она закричала. Он захлопнул гроб, но она продолжала кричать.

«Зачем ты делаешь это, Лестат?» — спросил я.

«Потому что мне так нравится.— Он взглянул на меня.— Я же не заставляю тебя радоваться вместе со мной. Ты же эстет, придумай что-нибудь другое. Убивай быстро, если хочешь. Но убивай. Пойми наконец, ты — убийца!» — Он раздраженно махнул рукой.

Девушка перестала кричать, Лестат пододвинул к гробу кресло на изогнутых ножках, сел и закинул ногу на ногу, глядя на черную лакированную крышку. Этот гроб был не такой, как теперешние, не прямоугольный ровный ящик. Он сужался к обоим концам, причем самое широкое место приходилось туда, где лежат скрещенные на груди руки покойника. По форме он напоминал человеческое тело. Вдруг крышка открылась, и девушка села в гробу, изумленно глядя широко раскрытыми глазами, ее синие губы дрожали.

«Ложись, милая,— сказал Лестат, силой заставляя ее лечь. Она смотрела на него молча, с ужасом, близкая к истерике, а он добавил: — Ты ведь уже мертва».

Не в силах подняться, девушка вскрикнула. Она извивалась, как рыба, выброшенная на песок, будто хотела выбраться наружу через дно или стенки.

«Это гроб, это гроб! — кричала она.— Выпустите меня отсюда!»

«Рано или поздно мы все очутимся в таком ящике,— заметил он.— Лежи себе тихо, золотко. Немногим удается опробовать свою последнюю постель заранее. Тебе повезло».

Я не знаю, слушала она его или нет, но, увидев меня в дверях, перестала сопротивляться. Она перевела взгляд на Лестата и снова на меня.

«Помогите!» — сказала она мне.

Лестат повернулся ко мне.

«Я думал, ты почувствуешь все инстинктивно, как это было со мной. Когда я помог тебе совершить первое убийство, думал, что ты захочешь еще и еще, что будешь видеть в каждом человеке полную чашу, которая ждет, чтобы ты выпил ее до дна. Я ошибся. Долгое время я не пытался исправить тебя, потому что твоя слабость была удобной для меня. Я смотрел, как ты играешь в «тень» по ночам или неподвижно стоишь и мокнешь под дождем, и говорил себе: «Он простофиля, им легко управлять». Но ты и правда слабый, Луи. Это заметно не только вам-

пиру, но и смертным. В случае с Бабеттой мы подвергались серьезной опасности. Ты как будто хочешь, чтобы мы оба погибли».

«Я не могу видеть, что ты делаешь».— Я отвернулся. Глаза девушки прожигали меня насквозь. Она неотрывно смотрела на меня.

«Еще как можешь! — сказал Лестат.— Я видел тебя с той девочкой. Ты вампир, такой же, как я!»

Он встал и направился ко мне, но девушка снова поднялась, и ему пришлось вернуться, чтобы уложить ее на место.

«А может, нам сделать ее вампиром? — обратился он ко мне.— Она станет одной из нас».

«Нет!» — тут же ответил я.

«Почему? Потому что она всего лишь шлюха? Должен заметить, чертовски дорогая шлюха».

«Она сможет выжить или уже поздно?» — спросил я.

«Как трогательно! — съязвил он.— Она умрет».

«Тогда убей ее».

Девушка начала кричать, громко и бессвязно. Лестат сидел рядом, точно окаменевший, я, не выдержав, снова отвернулся. Судорожно всхлипывая, она уткнулась лицом в атласную обивку гроба. Рассудок почти покинул ее, она плакала и молилась. То закрывая лицо руками, то обхватывая голову, она молила Деву Марию спасти ее, размазывала кровь по волосам, одежде, атласу. Я подошел к гробу и наклонился к ней. Я сразу понял, что она действительно умирает; ее глаза еще горели, но кожа вокруг них уже подернулась мертвой синевой. Вдруг она улыбнулась.

«Вы спасете меня, правда? — прошептала она.— Вы не позволите мне умереть?»

Лестат взял ее ладонь в свою руку и произнес:

«Поздно, милая, тебе уже никто не сможет помочь. Только взгляни на свои раны».

И он прикоснулся к двум пунктирным точкам у нее на шее.

Она схватилась обеими руками за горло, открыв от ужаса рот. Крик замер у нее на губах. Я смотрел на Лестата, силясь понять, как он может получать удовольствие от всего этого. Его лицо, ровное и гладкое, как у меня сейчас, но более оживленное благодаря выпитой крови, было холодно и спокойно.

Он не взирал на нее с жадной злобой театрального злодея, утоляющего жестокость мучениями жертвы. Он просто стоял и смотрел.

«Я не хотела быть плохой,— бормотала она в отчаянии.— Я грешила не по своей воле. Вы не дадите мне умереть вот так, без покаяния! — Она начала рыдать без слез.— Позвольте мне уйти, я должна повидать священника перед смертью. Пустите меня».

«Зачем? — улыбнулся Лестат, словно ему в голову пришла хорошая шутка.— Мой друг как раз священник. Ты присутствуешь на собственных похоронах, милая. Ты пошла на званый ужин и умерла, но Бог дает тебе шанс освободиться от грехов, понимаешь? Расскажи ему все без утайки».

Вначале она покачала головой, но затем, глядя на меня умоляюще, спросила:

«Это правда?»

«Я вижу, ты не собираешься исповедоваться,— заметил Лестат.— Тогда мне придется закрыть крышку».

«Прекрати издеваться над ней, Лестат!» — крикнул я.

Девушка снова зарыдала, и я почувствовал, что больше не могу это выносить. Я склонился над ней и взял ее руку. И решил прекратить страдания несчастной, как только она закончит исповедь.

«Я не могу припомнить сейчас свои грехи»,— обратилась она ко мне.

«Это не важно. Просто скажи Богу от чистого сердца, что раскаиваешься в них,— ответил я.— Потом ты умрешь и обретешь покой».

Успокоенная моими словами, она легла на спину и закрыла глаза. И тогда я вонзил зубы в ее кровоточащую кисть. Она слегка пошевелилась, точно во сне, и прошептала чье-то имя. Скоро ритм ее сердца стал замедляться. Завороженный, я заставил себя оторваться от раны. Прислонился к косяку, голова у меня кружилась. Словно во сне, я видел ее, лежащую неподвижно. Лестат сидел, точно плакальщик у гроба, горела свеча.

«Луи,— позвал меня Лестат. Его лицо было совершенно спокойно.— Неужели ты так и не понял? Ты обретешь покой в душе только тогда, когда научишься делать это каждую ночь. У тебя нет выбора!»

Его голос звучал тихо, почти нежно. Он встал и положил мне руки на плечи. Я вышел в гостиную, избегая его прикосновения, но не решаясь оттолкнуть его. Лестат пошел следом.

«Пойдем вместе,— сказал он.— Уже поздно, а ты еще голоден. Позволь показать тебе, кто ты на самом деле. Прости, что я не помог тебе раньше. Пошли!»

«Нет, Лестат. Это не для меня,— ответил я.— Ты выбрал не того компаньона».

«Но, Луи, ты даже не пробовал!» — сказал он.

Вампир остановился и изучающе посмотрел на собеседника. Тот изумленно молчал.

— Лестат не ошибся: я был еще голоден. Потрясенный увиденным, я безропотно позволил вывести себя из гостиницы через черный ход. Ступив на узенькую улочку, мы тут же оказались в гуще толпы. Люди шли из танцевального зала на Конде-стрит, в соседних гостиницах проходили званые вечера, и на каждом шагу встречались семьи плантаторов в полном составе. В этой невообразимой толчее мы с трудом протискивались вперед. Мне казалось, что я схожу с ума; впервые с тех пор, как я оставил смертную жизнь, у меня на сердце лежала такая страшная тяжесть. Потому что Лестат сказал правду. Я знал, что только в миг убийства моя душа обретает мир и покой, что кровь животных вместо человеческой только усугубляет жажду, что именно эта жажда толкает меня к людям и я смотрю на их жизнь словно сквозь стекло. Я так и не стал вампиром. Из глубины своей боли я задавал себе детские, нелепые вопросы: а вдруг еще можно вернуться назад? можно стать человеком? Теплая кровь девушки струилась по моим венам и наполняла меня силой, но я все равно терзался сомнениями. Лица проходивших людей напоминали огоньки свечей в темном, безбрежном море ночи, и мне казалось, что я тону в нем, мучимый тоской и жаждой. Я кружил по улицам, смотрел на звезды и повторял про себя: «Это правда: только убийство дает мне облегчение. Но эта правда невыносима».

И вдруг я очнулся. Улица, на которой мы очутились, была тиха и пустынна. Она пролегала рядом с крепостной стеной, вдали от старого города. Здесь не было фонарей. Лишь кое-где в окнах горел свет, слышались отдаленные голоса и смех. На са-

мой же улице не было ни души. Легкий и влажный ветер с реки вливался в горячий ночной воздух. Лестат стоял рядом, неподвижный, точно каменное изваяние. За длинными рядами низких остроконечных крыш вздымались тени могучих дубов, и их кроны, покачиваясь, рождали мириады звуков, заполнявших все пространство от мостовой до низко висящих звезд. Боль на мгновение оставила меня. Я закрыл глаза и слушал легкое пение ветерка и тихий плеск воды. Мне удалось забыться... ненадолго. Я знал, что это скоро кончится, что покой, словно птица, выскользнет из рук и улетит прочь, а я в отчаянии брошусь следом, тщетно пытаясь обрести его вновь, более одинокий, чем любое из существ, сотворенных Богом. В тот же миг я услышал голос, тяжелым рокотом ворвавшийся в волшебную паутину звуков ночи: «Делай то, что велит твоя природа. Призрак, за которым ты гонишься, всего лишь тень настоящего. Отбрось сомнения и следуй своим путем». Все исчезло. Я стоял потрясенный. Подобно девушке из гостиницы, я готов был согласиться на все, что угодно. Лестат кивнул мне, и я машинально повторил его движение.

«Твои мучения ужасны,— сказал он.— Ты так сильно чувствуешь боль, потому что ты — вампир. Ты же не хочешь, чтобы так продолжалось дальше?»

«Да»,— ответил я. Он сжал мою руку.

«Тогда не отворачивайся от того, что тебе суждено. Пойдем».

Он быстро повел меня по улице, оборачиваясь и с улыбкой протягивая руку каждый раз, когда я отставал. Я снова был зачарован его близостью, как в ту ночь, когда он вошел в мою жизнь и убедил стать вампиром.

«Зло — абстрактное понятие,— шептал он.— Мы бессмертны, и перед нами открыты двери обильных пиров и празднеств, радость которых недоступна человеческому разуму и рождает у смертных скорбь и тоску. Бог берет без разбору богатых и бедных. Так станем поступать и мы, потому что нет на свете существ, стоящих ближе к нему, чем мы — демоны, не заключенные в смердящих кругах ада, но вольные гулять по его царству где вздумается. Ты знаешь, чего я хочу сегодня ночью? Ребенка. Во мне проснулось материнское чувство... Я хочу ребенка!»

Мне следовало догадаться, что он имеет в виду, но он словно заколдовал меня. Он играл со мной, как с человеком, вел за собой и повторял:

«Твоя боль скоро пройдет!»

Мы завернули за угол и вышли на улицу, освещенную яркими окнами. Здесь сдавались комнаты для приезжих и матросов. Вслед за Лестатом я вошел в узкую дверь и очутился в пустом каменном коридоре. Там было так тихо, что собственное дыхание напомнило мне шум ветра. Лестат прокрался вперед, и его тень появилась в пятне света, упавшем из открытой двери, рядом с другой тенью, тенью человека. Я увидел головы, склонившиеся друг к другу, и услышал шепот, похожий на шуршание сухих листьев, такой тихий, что нельзя было разобрать ни слова.

«В чем дело?» — спросил я, когда он вернулся, и подошел к нему поближе. Я боялся, что вспыхнувшее во мне возбуждение может угаснуть. Я увидел снова страшную ночную пустыню одиночества и вины.

«Она там! — сказал он.— Та, которую ты ранил. Твоя дочь».

«Я не понимаю, о чем ты говоришь!»

«Ты спас ее,— прошептал он.— И я это знал. Ты оставил окно открытым. Прохожие услышали детский плач, нашли ее и принесли сюда».

«Девочка! Она здесь!» — я чуть не задохнулся. Но он уже вел меня за собой, в длинную палату, заставленную деревянными кроватями. На них под тонкими белыми одеялами лежали дети. В дальнем конце, склонившись над маленьким столиком перед единственной свечой, сидела больничная няня. Мы медленно пошли по проходу между рядами коек.

«Голодные дети, сироты,— говорил Лестат.— Дети чумы и лихорадки».

И вдруг он остановился. На кровати перед нами я увидел ту девочку. К нам подошел мужчина в белом халате. Он что-то прошептал Лестату, тот ответил так же тихо, чтобы не разбудить малышей. В соседней комнате кто-то заплакал, няня встала и поспешила туда.

Доктор склонился над девочкой, завернул ее в одеяло и взял на руки. Лестат вынул из кармана деньги и положил их на постель. Врач говорил, как он рад, что мы пришли за ней, потому что все дети в его больнице — сироты. Они приплыли в город

на кораблях. И некоторые, совсем маленькие, даже не могли узнать тело матери среди мертвых тел. Он не сомневался, что Лестат — отец ребенка.

Мгновения спустя мы уже были на улице, и Лестат с девочкой на руках поспешил назад к гостинице. Я бежал за ним. Белый сверток у его груди светился на фоне черного плаща, и даже моим глазам — глазам вампира — временами казалось, будто одеяло летит по ночному городу само по себе, словно лист, уносимый ветром. Мне удалось догнать его только возле фонарей на площади. Девочка покоилась на его плече. Ее бледное личико не утратило детскую припухлость, несмотря на потерю крови и близость смерти. Она приоткрыла глаза, или, точнее, веки сами собой слегка приоткрылись, и под длинными изогнутыми ресницами я увидел две белые узкие полоски.

«Что ты задумал? Куда ты ее несешь?» — спрашивал я, хотя точно знал, что он несет ее в наш номер, только не понимал зачем.

Все было по-прежнему. Тела девушек лежали там же, где мы их оставили: одно на кресле, другое — в гробу, словно приготовленное для похорон. Лестат даже не взглянул на них. Я смотрел на него. Свечи уже догорели, и темноту гостиной нарушал только свет уличных фонарей и луны. Лестат уложил девочку на кровать и уселся рядом.

«Подойди сюда, Луи,— позвал он меня.— Ты ведь все еще голоден, я знаю».

Его голос звучал спокойно и убедительно, как и весь вечер. Он крепко сжал мою руку, я почувствовал тепло его ладони.

«Взгляни на нее, Луи. Она так нежна и мила, даже смерть не властна над молодой, свежей плотью. Ее жажда жизни невероятна! Помнишь, как ты хотел ее, когда впервые увидел?»

Я изо всех сил старался не поддаться очарованию его слов. Не хотел убивать ее ни тогда, ни теперь. Боролся с собой, моя душа рвалась на части: я вспомнил вдруг, как маленькое детское сердце билось в такт с моим, и я умирал от желания пережить это снова. Я повернулся спиной к девочке и выбежал бы из комнаты, но Лестат проворно преградил мне дорогу; я вспомнил лицо ее матери, как в ужасе я бросил девочку на пол и как он плясал за окном. Но теперь он не смеялся надо мной, он говорил, и мои мысли путались.

«Ты хочешь ее, Луи. Пойми, раз ступив на этот путь, можно убивать кого угодно. Ты хотел ее и прошлой ночью, но тебе помешала слабость. Вот почему она еще жива».

Я знал, что он прав; вспомнил, какое блаженство было прижать ее к себе, слушать и слушать стук ее сердца.

«Она слишком сильна для меня,— сказал я.— Ее сердце... не хочет сдаваться».

Лестат улыбнулся.

«Слишком сильна? — Он притянул меня поближе.— Возьми ее, Луи. Я знаю, ты хочешь ее».

И я сдался. Подошел к кровати, посмотрел на нее. Она едва дышала, маленькая рука запуталась в прядях длинных золотых волос. Невыносимо... Я смотрел на нее и хотел, чтобы она осталась жить, и хотел ее крови. И чем дольше я смотрел, тем явственней чувствовал вкус ее кожи, прижимал мягкое и нежное тело к груди воображаемым движением руки, скользящей вдоль хрупкой спины. Да, вот такая она была — мягкая и нежная. Я убеждал себя, что ей лучше умереть; иначе что ее ждет в этой жизни? Но лгал самому себе. Просто хотел ее крови. Я взял ее на руки и обнял, прижался щекой к ее горячей щеке. Вдыхал ее сладкий запах, такой живой и сильный. Потревоженная, она застонала во сне, и я понял, что не смогу больше ждать. Я должен убить ее, пока она не проснулась. Потянулся к ее горлу и услышал далекие слова Лестата:

«Только маленькую ранку. Посмотри, какое хрупкое горло».

Не стану рассказывать вам, что я пережил тогда. Скажу только, что это захватило меня, как и прежде, как и всегда; но в этот раз гораздо сильнее.

Стоя на коленях перед кроватью, я жадно сосал кровь и слушал биение маленького сердца, которое не замедляло ритм, не хотело остановиться. Я не отрывался от ранки. Ждал, что оно вот-вот остановится, как вдруг Лестат схватил меня и оттащил от девочки.

«Но она еще жива»,— прошептал я и очнулся.

Комната медленно выплыла из темноты. Я сидел и смотрел на девочку, прижавшись к изголовью, сжимая в кулаках бархатное покрывало. Я не мог шевельнуться от слабости. Лестат взял ее на руки и заговорил с ней. Он назвал ее по имени.

«Клодия, ты слышишь меня? Очнись, Клодия.— Потом он вынес ее в гостиную. Голос его звучал так тихо и так нежно, что

я едва разбирал слова.— Ты больна, ты слышишь меня? Ты должна слушаться меня, если хочешь поправиться».

Мое сознание прояснилось, и я стал понимать, что происходит: Лестат разрезал себе руку, и сейчас она пьет его кровь.

«Еще, еще, милая,— говорил он.— Ты должна напиться как следует, если хочешь выздороветь».

«Будь ты проклят!» — закричал я с порога гостиной, но он только прошипел что-то в ответ и взглянул на меня сверкающими глазами.

Он сидел на кушетке. Девочка впилась в его запястье. Маленькая белая ручка мертвой хваткой вцепилась в рукав его сюртука. Грудь Лестата тяжело вздымалась, лицо исказилось до неузнаваемости — никогда я не видел его таким. Он застонал, но шепотом велел ей продолжать. Я было шагнул вперед, но встретил его взгляд и остановился.

«Не подходи, убью»,— словно хотел сказать он.

«Но зачем, Лестат?» — прошептал я.

Он уже хотел оттолкнуть девочку. Она сопротивлялась, не давала Лестату отвести руку от губ и яростно рычала.

«Довольно, перестань!» — сказал он.

Я видел, что ему больно. Наконец он сумел высвободиться и схватил ее за плечи обеими руками. Она отчаянно пыталась добраться зубами до его запястья, но он держал ее слишком крепко. Вдруг девочка успокоилась и молча, с детским изумлением уставилась на Лестата. Он медленно отступил назад и вытянул перед собой руку, защищаясь. Потом прижал платок к ране на запястье, подошел к шнурку звонка и дернул, не сводя с нее глаз.

«Что ты наделал, Лестат?» — повторял я.

От ее прежней болезненной бледности не осталось и следа. Живая, полная сил, она сидела на кровати, вытянув ножки на бархатном покрывале. Ее белая сорочка, мягкая и тонкая, казалась мне ангельским одеянием. Она смотрела на Лестата.

«Кого угодно, только не меня,— сказал он ей.— Никогда, ты слышишь? Я покажу тебе, что надо делать!» Я попытался заставить его посмотреть на меня, ответить мне, но он оттолкнул меня, я отлетел к стене и больно ударился. И тут в дверь постучали. Я знал, что собирается сделать Лестат, и бросился к нему опять, но результат оказался прежним: я даже не успел заме-

тить молниеносного движения его руки. И упал в кресло. Он открыл дверь.

«Пожалуйста, входите. У нас произошла маленькая неприятность»,— услышал я его голос.

В комнату вошел молодой негр. Лестат закрыл дверь и накинулся на него сзади — тот не успел и глазом моргнуть. Склонившись над распростертым телом, Лестат вцепился в его горло и знаком поманил к себе девочку. Соскользнув с кровати, она встала на колени перед лежащим юношей, торопливо вцепилась в его запястье, протянутое Лестатом. Сперва она пыталась грызть живую плоть, но Лестат объяснил ей, что надо делать, а потом сел рядом и предоставил ей в одиночку довершить начатое. Но он не сводил глаз с груди жертвы и, когда пришло время, наклонился к девочке и сказал:

«Довольно, он умирает... Ты не должна пить кровь после того, как остановится сердце, иначе ты снова заболеешь и умрешь. Понятно?»

Но она уже насытилась и села на пол рядом с Лестатом, скрестив ноги. Через считанные минуты юноша уже был мертв. Слабость и усталость охватили меня; казалось, эта ночь длится тысячу лет. Я смотрел на них. Девочка все теснее прижималась к Лестату, он обнял ее, равнодушно глядя на труп слуги. Потом поднял глаза и посмотрел на меня.

«Где мама?» — тихо спросила девочка. Голосок ее был нежен, как она сама, звенел, как серебряный колокольчик, мягко и чувственно. Ее глаза, большие и ясные, напоминали мне Бабетту, и странное предчувствие родилось у меня в груди. Но я не мог разобраться в своих мыслях. Лестат встал, подхватил ее на руки и подошел ко мне.

«Она — наша дочь,— сказал он.— Теперь ты будешь жить с нами».

Он улыбнулся ей, но его глаза оставались холодными, словно все это была только странная шутка. Потом он посмотрел на меня с осуждением и укоризной и подтолкнул девочку ко мне. Она очутилась у меня на коленях, я обнял ее нежные плечи, бархатистая кожа коснулась моей щеки, теплая, как кожица сливы, согретой солнцем; огромные сияющие глаза смотрели с недоверчивым любопытством.

«Это Луи, а я — Лестат»,— представил он нас и сел на кушетку.

Она огляделась и сказала, что эта комната ей очень нравится, но где же мама? Она хочет к маме... Лестат взял расческу и принялся расчесывать ей волосы, осторожно, чтобы не сделать больно. Распутанные локоны сияли, как шелк. Никогда я не видел такого красивого ребенка, а теперь ее красота засветилась холодным огнем, огнем вампира. Ее глаза стали глазами взрослой женщины.

«Она будет белой и холодной, как мы,— подумал я, но останется прежней».

И я понял, что Лестат говорил о смерти. Две крошечные пунктирные ранки на ее шее еще слегка кровоточили, и я поднял с пола платок Лестата и приложил к ним.

«Мама оставила тебя с нами. Она хочет, чтобы ты была счастлива,— обратился к ней Лестат с тем же поразительным самообладанием.— Она знает, что с нами тебе будет хорошо».

«Мне хочется еще»,— сказала она, поворачиваясь к трупу юноши.

«Нет, на сегодня хватит. Придется подождать до завтра»,— ответил он и пошел в спальню к своему гробу.

Девочка спрыгнула с моих колен. За ней следом поднялся на ноги и я. Она стояла и смотрела, как Лестат укладывает все три трупа на кровать и закрывает их одеялом до подбородка.

«Они заболели?» — спросила она.

«Да, Клодия,— отозвался он.— Они заболели и умерли. Они всегда умирают, когда мы высасываем их кровь».

Лестат подошел к ней и снова взял на руки, и я вдруг понял, что теперь она точно стала одной из нас. Она менялась на глазах, и я чувствовал, что все больше и больше очарован ею, каждым ее жестом и словом. Из обычного ребенка она превратилась в ребенка-вампира.

«Кстати, Луи собирался покинуть нас,— будто невзначай заметил Лестат, обводя нас взглядом по очереди.— Он хотел уйти от нас навсегда. Но теперь передумал, потому что хочет заботиться о тебе и сделать тебя счастливой.— Он опять посмотрел на меня.— Ведь так, Луи?»

«Мерзавец! — прошептал я.— Ты просто отъявленный негодяй!»

«Произносить такие слова в присутствии дочери!» — ехидно сказал он.

«Я — не ваша дочь,— вдруг вставила она своим серебряным голоском.— Я — мамина дочь».

«Нет, милая, теперь уже нет,— покачал головой Лестат. Он взглянул за окно, закрыл двери спальни и повернул в замке ключ.— С этого дня ты — наша дочь, моя и Луи. С кем бы ты хотела спать? С ним или со мной? — Потом, окинув меня взглядом, он добавил: — Я думаю, тебе лучше лечь с ним. В конце концов, когда я устаю... я не такой добрый».

Вампир остановился. Молодой человек долго молчал.

— Ребенок-вампир! — хрипло прошептал он наконец.

Луи пристально посмотрел на него, словно что-то насторожило его, потом перевел глаза на диктофон, разглядывая необычный для него предмет, будто диковинное чудо.

Лента почти кончилась. Юноша быстро открыл портфель, достал чистую кассету, неловко вставил ее на место прежней. И нажал кнопку записи. Они начинали разговор в темноте, но зимой в Сан-Франциско темнеет рано, и теперь не было еще и десяти. Вампир встрепенулся, улыбнулся и спокойно спросил:

— Можно продолжать?

Юноша кивнул:

— Он превратил девочку в вампира, чтобы удержать вас?

— Трудно сказать наверняка. Я убежден, что Лестат, даже будучи наедине с самим собой, предпочел бы не доискиваться до истинных мотивов своих поступков. Он относится к числу тех, кто действует не раздумывая. Только очень серьезные обстоятельства могли подвигнуть его на открытое выражение своих мыслей и чувств, как это было при нашем разговоре в ту ночь. Мое твердое намерение расстаться вынудило Лестата найти искреннее объяснение своего образа жизни. Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что подсознательно он сам стремился узнать, что толкает его на убийства, он хотел заново увидеть свою жизнь. Но, конечно, он хотел, чтобы я остался, потому что в одиночку он никогда не жил так, как со мной. К тому же я не передал ему во владение никакой собственности. Это приводило его в бешенство и в то же время держало на привязи. Тут он не сумел меня переубедить.— Вампир неожиданно рассмеялся.— В других случаях он оказался удачлив! Подумать только: он мог уговорить меня убить ребенка, но не расстаться с день-

гами.— Он покачал головой.— Впрочем, я руководствовался не жадностью, а страхом перед ним.

— Вы говорите о Лестате в прошедшем времени. Он умер?

— Не знаю,— неохотно ответил вампир.— Может, его и впрямь нет в живых, но об этом разговор впереди. Мы ведь говорили о Клодии. Была еще одна причина, которая двигала Лестатом в ту ночь: Лестат никому не верил. Он был, как кошка,— одинокий хищник; он и сам признавался в этом. Но в ту ночь он почти открылся передо мной — потому что говорил правду, без насмешек и раздражения, без своей вечной озлобленности. Это был беспрецедентный случай. Стоя рядом с ним на темной улице у крепостной стены, я впервые с момента моей смерти почувствовал, что не один.

И скоро я понял, зачем он превратил Клодию в вампира. Причиной тому была месть.

— Он мстил не только вам, но и всему миру? — спросил юноша.

— Да. Я уже говорил — все, что делал Лестат, в конечном счете сводилось к мести.

— Вы думаете, это началось, когда отец забрал его из школы?

— Я не знаю. Сомневаюсь. Лучше я буду рассказывать дальше.

— Да, конечно. Сейчас только десять часов.— Юноша показал на свои часы.

Вампир взглянул на них и улыбнулся. Юноша изменился в лице, словно что-то испугало его.

— Вы все еще боитесь меня? — спросил Луи.

Молодой человек ничего не ответил, только сжался в кресле.

— Глупо было бы не бояться,— сказал вампир.— Но все же не бойтесь. Итак, я продолжаю?

— Пожалуйста,— еле слышно отозвался юноша и указал на диктофон.

— Легко себе представить, как изменилась наша жизнь с появлением мадемуазель Клодии. Ее тело умерло, но чувства пробуждались. Так было когда-то и со мной. И я с радостью следил за тем, как она менялась. Первое время я еще не понимал, как она мне нужна, как я хочу говорить с ней и быть с ней рядом. Пока что я хотел только оградить ее от Лестата. По утрам брал ее к себе в гроб, и вообще старался не оставлять с ним наедине. Лестат был доволен, что я боюсь за нее.

«Голодный ребенок — это страшно,— как-то сказал он.— Но голодный вампир — еще страшней. Если запереть ее и оставить умирать от голода, ее вопли услышат даже в самом Париже».

Но он говорил это нарочно, чтобы напугать меня и удержать при себе. Я боялся остаться один и не хотел обрекать Клодию на неизвестность. В конце концов, она ребенок, и о ней надо заботиться. А заботиться о ней было одно удовольствие. Она быстро забыла пять лет жизни среди людей, по крайней мере, казалось, что забыла. Сама она хранила таинственное молчание на сей счет. Временами она замыкалась в себе, и я начинал подозревать, что она потеряла рассудок из-за болезни и шока от превращения в вампира, что она потеряла способность мыслить.

Но это было не так. Просто она была не такая, как мы с Лестатом, и часто я не мог понять ее. Она оставалась ребенком, но обрела душу свирепого убийцы, в погоне за кровью не останавливалась ни перед чем и добивалась своего с требовательностью. Шло время, Лестат по-прежнему пытался убедить меня, что он представляет собой угрозу для Клодии, но сам относился к ней с неизменной нежностью и любовью, гордился ее красотой, учил ее искусству убивать и рассказывал о нашей вечной жизни.

В городе свирепствовали болезни, и Лестат водил Клодию гулять по смердящим кладбищам, где жертвы лихорадки лежали в грязи, сваленные в кучи, а стук лопат, роющих могилы, не смолкал ни днем, ни ночью.

«Это — смерть,— объяснял он ей, указывая на полуразложившийся труп.— Она не страшна нам. Наши тела всегда будут такие, как теперь, свежие и здоровые. Но мы должны не задумываясь нести смерть другим, потому что от этого зависит наша жизнь».

Клодия молча взирала вокруг ясными, загадочными глазами.

В те ранние годы она еще ничего не понимала и поэтому ничего не боялась. Молчаливая и прекрасная, она часами играла в куклы, одевала и раздевала их. Молчаливая и прекрасная, она убивала. И я, преображенный словами Лестата, тоже стал охотиться на людей.

Не подумайте, что только убийства смягчали мою боль. Тихие, темные вечера с Лестатом и его отцом в доме на плантации канули в прошлое, и теперь вокруг меня было множество людей. Уличный шум не затихал ни днем, ни ночью; двери кабаре никогда не закрывались; танцы длились до рассвета; из распахнутых окон лилась музыка, слышался смех... И всюду люди, люди... Мои жертвы, трепещущие и живые. Стремясь к разнообразию, я менял места и способы убийства. Зорко глядя по сторонам, крадучись, как кошка, я шел сквозь шумный, веселый, цветущий город, и жертвы сами находили меня, соблазняли, приглашали поужинать или прокатиться в экипаже, зазывали в публичный дом. Я задерживался у них ненадолго, только чтобы получить свое, и шел дальше. И тоска тоже ненадолго оставляла меня, а город казался бесконечной вереницей новых лиц, очаровательных незнакомок и незнакомцев. Да, именно так, потому что я убивал только незнакомцев, людей, с которыми не сказал и двух слов. Подбирался к ним поближе, только чтобы насладиться земной красотой, неповторимым выражением лица, живым и страстным голосом, и старался убить поскорей, прежде чем меня снова захлестнет волна страха, тоски и отвращения к себе.

Клодия и Лестат охотились по-другому. Они сами присматривали жертву, завлекали, часами вели милые беседы и веселились, глядя, как несчастный человек радуется жизни и не подозревает, что встретился сейчас с верной смертью. Для меня это все еще было невыносимо. Я радовался только, что город быстро растет, старался затеряться в толпе, как в лесу, и плыл по течению.

Мы жили тогда на Рю-Рояль, в одном из моих городских домов. Это было роскошное здание в испанском стиле. Первый этаж я сдал портному под мастерскую, а мы поселились в просторных апартаментах наверху. За домом раскинулся сад, глухие стены отгораживали нас от улицы, окна закрывались крепкими ставнями, а въезд для экипажа был забран решеткой. Новое убежище оказалось куда надежней и шикарней, чем Пон-дю-Лак. Мы набрали штат слуг из вольноотпущенных рабов, на рассвете они расходились по домам. Лестат покупал привезенные из Франции и Испании заморские диковины: хрустальные люстры, восточные ковры, шелковые ширмы с вы-

шитыми райскими птицами, канареек в золотых клетках, стройные мраморные статуи греческих богов и китайские вазы с тонким рисунком. Роскошь прельщала меня не больше, чем прежде. Но и я был очарован новыми для нас произведениями искусств, работой художников и мастеровых. Я подолгу рассматривал причудливые узоры на коврах или игру красок на холстах фламандских художников в изменчивом свете масляной лампы.

Клодия же относилась к этому как к чуду, с благоговейным трепетом неиспорченного ребенка. Лестат нанял художника, и тот превратил стены в волшебный лес с единорогами, золотыми птицами и тропическими деревьями, ветви которых склонялись под тяжестью плодов над веселыми, блестящими на солнце радужными ручейками. Ее восторгу не было предела.

Клодия была хороша сама по себе: округлые щечки, прекрасные золотые волосы, но старания бесчисленных модельеров, сапожников и портных превратили ее в картинку из модного журнала. С утонченным вкусом они одели ее с ног до головы: очаровательные шляпки, изящные кружевные перчатки, прямые белые платья с буфами и голубыми атласными ленточками, бархатные пальто и расклешенные накидки. Мы оба — и Лестат, и я — играли с ней, точно с чудесной куклой, старались исполнить все ее капризы. По ее настоянию я отказался от привычки одеваться в черное и стал носить элегантные камзолы, мягкие серые плащи, шелковые галстуки и модные шляпы. Лестат же всегда считал черный цвет самым подходящим для вампира во все времена (возможно, единственный эстетический принцип, которого он твердо придерживался), но никогда не возражал против любого проявления изысканного вкуса или роскоши. Он получал особое удовольствие, когда мы втроем отправлялась во Французскую оперу или в городской театр. К моему немалому удивлению, он оказался страстным поклонником Шекспира, хотя в Опере частенько дремал, убаюканный музыкой, и просыпался под занавес, как раз вовремя, чтобы успеть пригласить поужинать какую-нибудь очаровательную даму. За трапезой он делал все, чтобы она в него влюбилась, потом без тени сожаления отправлял на небеса или в преисподнюю, а Клодии приносил очередной подарок — кольцо с бриллиантом.

Между тем я потихоньку занимался образованием девочки, шепотом вливал в ее крохотные ушки понимание того, что наша вечная жизнь лишится всякого смысла, если мы не будем ценить величественную красоту, сотворенную руками смертных. Я пытался понять глубину ее молчаливого взгляда, когда она брала из моих рук книги, негромким голосом повторяла за мной стихи, когда легкой и уверенной рукой наигрывала на фортепиано странные песни собственного сочинения. Она часами разглядывала иллюстрации в какой-нибудь книжке или слушала отрывки, которые я ей читал вслух, и сидела так тихо и неподвижно, что меня охватывало непонятное, тревожное чувство. Я откладывал книгу в сторону и, не отрываясь, смотрел на нее, пока кукла, встрепенувшись, не возвращалась к жизни и не просила меня нежным голоском почитать еще.

Вскоре я стал замечать большие странности, хотя внешне она осталась прежним пухленьким и немногословным ребенком. Часто она усаживалась на подлокотник кресла и заглядывала мне через плечо в страницы трудов Аристотеля, или Боэция, или нового романа, привезенного из Европы. Иногда она с безошибочным слухом играла на фортепиано произведение Моцарта, лишь накануне услышанное ею впервые, с пугающей сосредоточенностью подбирала в течение долгих часов сначала мелодию, а затем — аккомпанемент и, наконец, исполняла все вместе. Для меня Клодия была величайшей загадкой. Я не мог сказать с уверенностью, что она знает и умеет, а что — нет. Страшнее всего было смотреть, как она убивает. Она сидела на темной площади одна и поджидала, пока кто-нибудь из поздних прохожих не сжалится над бедным ребенком. Ее взгляд, устремленный в темноту, был такой пустой и отчужденный, какого я не видел даже у Лестата. Она притворялась, что боится, шепотом умоляла о помощи. Прохожий, восхищенный ее красотой, ласково и доверчиво брал ее на руки. Она прижималась к нему всем телом, стискивала зубы, обнимала за шею, ее глаза горели неутолимой жаждой. Первое время она убивала быстро, сразу; но потом научилась играть с людьми, вела их в магазин игрушек или в кафе, где они покупали ей чай или горячий шоколад, стараясь согреть ее, оживить ее бледные щеки... Она отодвигала чашку и ждала, ждала, ждала; и упивалась их добротой, как кровью.

Насытившись, она возвращалась ко мне и снова становилась прилежной ученицей. Мы проводили вместе долгие предрассветные часы, она все быстрее и быстрее впитывала новые знания и делила со мной глубокое и тихое понимание, недоступное Лестату. Перед восходом солнца она ложилась спать в мой гроб, и я чувствовал, как бьется рядом с моим ее маленькое сердечко. Часто тайком от нее я смотрел, как она рисует или играет на фортепиано, и вспоминал то ни с чем не сравнимое чувство, которое я пережил, когда убивал ее, когда пил ее кровь, когда сжимал это хрупкое тело в роковых объятиях. С тех пор в них успело побывать множество людей, и все они давно гнили в земле, а она продолжала жить, обнимала меня слабыми ручками, прижимала ангельский лобик к моим губам, приближала огромные сияющие глаза к моим, наши ресницы соприкасались, и, громко смеясь, мы пускались кружить по комнате в безумном вальсе. Не знаю, на кого мы походили больше: на отца и дочь или двух влюбленных. Слава Богу, Лестат никогда не ревновал, он только молча улыбался и ждал, когда она сама подойдет к нему. Он вел ее на улицу, я смотрел им вслед из окна, они махали мне на прощание. Они шли охотиться, соблазнять, убивать — только это их объединяло.

Так прошли годы и годы. Долгие годы минули, прежде чем я понял, что Клодия... что ее тело... Но я вижу, вы уже догадались, о чем я хочу сказать. Вы удивлены, что я не сумел заметить этого раньше, правда? Ведь это было так очевидно. Но для меня время течет иначе. Вам, людям, череда дней представляется неразрывной туго натянутой цепью. А для меня это темное колыхание волн, над которыми всходит и заходит луна...

— Она не росла! — воскликнул юноша.

Вампир кивнул.

— Ей суждено было навсегда остаться ребенком-демоном,— тихо и удивленно сказал он.— И я внешне тот же молодой человек, каким был, когда умер. И Лестат. Но душа Клодии изменилась. Это была душа вампира, женщины-вампира. Она становилась женщиной. Она стала больше говорить, хотя по-прежнему любила молча размышлять и могла часами слушать меня, не прерывая. С ее кукольного личика смотрели недетские глаза. Она отбросила невинность, как сломанную игрушку.

Она стала нетерпеливей. В тонкой кружевной сорочке, расшитой жемчугом, она раскидывалась на кушетке, и в этом была какая-то жуткая чувственность. Она превращалась в опытную соблазнительницу, настоящую женщину. В ее голоске, по-прежнему чистом и мелодичном, явственно зазвучали женские нотки, и порой это шокировало. Она вела себя непредсказуемо. То целыми днями молчала, то вдруг принималась язвительно высмеивать предсказания Лестата по поводу грядущей войны. Прихлебывая кровь из хрустального бокала, она говорила, что в доме мало книг, что надо непременно их достать, пусть даже украсть; говорила про какую-то даму, которая живет в роскошном поместье за городом и собирает книги, как драгоценные камни или как бабочек, и спрашивала, смогу ли я провести ее в спальню к этой женщине.

В такие минуты ее непредсказуемость нугала меня всерьез. Но стоило ей забраться ко мне на колени, и я забывал про все страхи. Запустив маленькие пальчики в мои волосы, она тихонько шептала сквозь дремоту, что я никогда не стану взрослым, как она, и не пойму, что убийство куда серьезнее, чем книги и музыка.

«У тебя на уме одна музыка...» — сонно бормотала она.

«Ах ты, кукла»,— звал я ее. Она и была волшебной куклой, не больше и не меньше. Насмешливый и глубокий ум, круглые щечки и крохотный кукольный ротик.

«Давай я одену тебя и причешу волосы»,— говорил я ей по привычке. Тень усталости и скуки пробегала по ее лицу, но она улыбалась.

«Делай как хочешь,— выдыхала она мне в ухо, и я наклонялся застегнуть жемчужные пуговицы на ее платье.— Только пойдем сегодня вместе, Луи. Я никогда не видела, как ты убиваешь».

Потом она сказала, что хочет свой гроб. Это больно ранило меня, но я не подал виду. Как истинный джентльмен, я согласился и вышел из комнаты. Мы столько лет спали вместе, и мне стало казаться, что она — часть меня самого. Тем же вечером я наткнулся на нее возле монастыря урсулинок. Одинокая фигурка в темноте, бедный бездомный ребенок... Она бросилась навстречу, прильнула ко мне с отчаянием человека и, вцепившись в мою руку, прошептала так тихо, что на моем месте вы

не расслышали бы ни слова и даже не почувствовали бы ее легкого дыхания:

«Я не стану спать в нем, если это так тебя огорчает. Мы всегда будем вместе, Луи. Но понимаешь, я обязательно должна увидеть детский гробик».

Она придумала план: вдвоем мы пойдем в погребальную контору и разыграем трагедию в один акт. Я оставлю ее в приемной, выведу гробовщика в другую комнату и шепотом объясню, что она умирает, что я люблю ее больше жизни и хочу заказать самый лучший гроб, и, главное, чтобы она ни о чем не догадалась. Потрясенный гробовщик согласится и приступит к работе. Он будет представлять себе ее в гробу, ее маленькую головку на белом атласе, и первый раз за долгие годы слезы польются из его глаз...

«Зачем все это, Клодия?» — отговаривал я ее. Мне было противно играть в кошки-мышки с беззащитным человеком. Но, как безнадежно влюбленный, я ни в чем не мог ей отказать. И мы зашли в мастерскую. Клодия уселась на диванчик в гостиной, развязала ленточки на шляпке и сложила ручки на коленях с таким видом, будто не имеет никакого представления, о чем я шепчусь с гробовщиком. Хозяин конторы, учтивый и респектабельный старик негр, поспешно оттащил меня в сторону, чтобы «малышка» не услышала нас случайно.

«Почему она должна умереть?» — спрашивал он с мольбой, обращаясь ко мне, словно к Господу Богу.

«У нее больное сердце, ей не суждено жить»,— сказал я, и эти слова отозвались в моей душе какой-то странной тревогой.

Я видел на узком морщинистом лице старика глубокое и искреннее сострадание. Передо мной вдруг всплыла смутная и неопределенная картина: необычный свет, движение, звук... кажется, детский плач в удушливой смрадной комнате. Старик отпирал двери кладовок, показывал мне гробы — черные, лакированные, инкрустированные серебром. Именно такой и хотела Клодия. Вдруг я обнаружил, что пячусь к выходу. Я торопливо схватил Клодию за руку и вывел на улицу.

«Мы обо всем договорились, пойдем,— сказал я ей.— Кажется, я начинаю сходить с ума!»

Я задыхался, жадно глотал свежий вечерний воздух. Она посмотрела на меня холодным изучающим взглядом, потом

втиснула маленькую ручку в перчатке в мою ладонь и терпеливо повторила:

«Я так хочу, Луи».

Несколько дней спустя они с Лестатом отправились за готовым гробом. Они убили гробовщика и оставили мертвое тело посреди пыльных бумаг на столе. Так в нашей спальне появился детский гроб. Сначала она подолгу разглядывала его, внимательно, словно это было живое существо, и казалось, что ей открываются какие-то новые и новые тайны. Но она ни разу в нем не спала. Спала только со мной.

Она менялась с каждым днем, в ней просыпались и другие, не менее странные желания и прихоти, хотя сейчас я уже не могу вспомнить все по порядку. Например, она перестала убивать всех подряд. Она питала особое пристрастие к бедным и часто упрашивала меня или Лестата отвезти ее в экипаже в иммигрантские кварталы на берегу реки. Она обожала женщин и детей, о чем с неподдельной радостью рассказывал мне Лестат. Я сам почти никогда с ней не ездил, мне было противно, и ничто не могло меня переубедить. К одной семье Клодия особенно привязалась и по очереди убила их всех. Она полюбила одно кладбище в пригороде Лафайет и часто бродила там меж каменных надгробий в поисках жертв — несчастные бездомные оборванцы, напившись на последние гроши дешевого красного вина, спали в полусгнивших каменных склепах. Лестат был в восторге; он видел в ней только убийцу. «Инфанта-смерть» называл он ее восхищенно. Или иначе — «сестренка-смерть», «лапочка-смерть». Для меня у него тоже было прозвище.

«О, милосердная смерть!» — восклицал он, заламывая руки. Так взывают к небесам экзальтированные дамы: «О, Боже милосердный!» В такие минуты мне хотелось его задушить. Но мы не ссорились. Мы просто не вмешивались в жизнь друг друга. По всем стенам от пола до потолка тянулись книжные полки, мерцали кожаные переплеты. Это был наш мир — мой и Клодии, а Лестат купался в роскоши и покупал новые и новые безделушки. Так мы и жили, пока Клодия не начала задавать вопросы.

Молодой человек нетерпеливо ждал продолжения. Но вампир молчал. Он молитвенно сложил руки; его белые пальцы светились, как шпиль колокольни. Казалось, он совсем забыл о со-

беседнике, с головой уйдя в воспоминания. Наконец он очнулся и заговорил:

— Я должен был знать, что рано или поздно это случится. Должен был заметить признаки приближающихся перемен. Мы с Клодией были так близки, я так сильно любил ее; просыпался на закате рядом с ней, только она и смерть делили мое одиночество. Но я жил тогда в постоянном страхе; мне казалось, что мы ходим по краю огромной черной пропасти, стоит сделать один неверный шаг, стоит только задуматься, забыться — и разверзнется страшная бездна; и действительный мир исчезал перед моими глазами, земля расступалась, черная трещина пересекала Рю-Рояль, дома рассыпались в пыль и прах; или хуже — город становился прозрачным, неживым, как театральный занавес из тонкого шелка... Но я отвлекся, простите. О чем же я говорил? Ах да, я не заметил в Клодии этих тревожных перемен, не хотел ничего замечать, отчаянно цеплялся за счастье, которое она дарила мне каждую минуту.

А перемены были. Она невзлюбила Лестата и часами разглядывала его с холодным вниманием. Часто она не отвечала на его вопросы, и невозможно было понять — то ли она просто не расслышала, то ли вообще не желает разговаривать с ним. Он принимал это как оскорбление, и хрупкий мир в нашем доме стал рушиться. Лестат не требовал любви, но не мог смириться с тем, что его присутствие игнорируют. Однажды он набросился на нее и хотел отшлепать. Я вынужден был противостоять ему впервые за долгие годы, впервые с тех пор, как она поселилась с нами.

«Она больше не ребенок,— шептал я ему.— Она стала женщиной, хотя я не знаю, как это объяснить».

Я уговаривал его не принимать это близко к сердцу, и он с притворным презрением в свою очередь перестал ее замечать. Но однажды он пришел ко мне не на шутку встревоженный: она шла за ним по пятам, хотя отказалась идти на промысел вместе.

«Что с ней творится?» — возмущенно обращался он ко мне, будто это я произвел ее на свет и должен все про нее знать.

Однажды вечером пропали наши лучшие служанки — мать и дочь. Кучер, посланный к ним домой, вернулся с известием, что их нигде не нашли. Вскоре раздался стук в парадную дверь:

на пороге стоял отец семейства. Увидев меня, он отступил назад. Он смотрел на меня с мрачным подозрением. Все смертные рано или поздно начинали так на нас смотреть, и этот взгляд не сулил им ничего, кроме смерти. Так бледность предвещает скорый конец больному лихорадкой. Я постарался объяснить ему, что здесь их нет — ни той, ни другой,— что мы сами собираемся начать поиски.

«Это ее работа! — злобно прошипел Лестат, когда, выпроводив гостя, я запер ворота.— Она что-то сделала с ними, она всех нас подставила. Я заставлю ее все рассказать!»

Он повернулся и, тяжело ступая, пошел по лестнице в дом. Я знал, что Клодия ушла, незаметно выскользнув на улицу, когда я стоял у ворот. И знал кое-что еще: слабый запах гниения доносился из заколоченной кухни на другом конце двора, и я догадывался, что это значит. Могильный смрад тяжелой струей примешивался к аромату жимолости. Услышав шаги Лестата, уже спускавшегося вниз, я подошел к низенькой кирпичной постройке и взялся за полусгнившую дверь. Здесь никогда не готовили еду, никто не входил сюда, и жимолость облепила стены. Кухня напомнила мне старый каменный склеп. Дверь легко поддалась, гвозди рассыпались в ржавую пыль; мы вошли в смрадную темноту. Я услышал сдавленный всхлип Лестата. Они лежали на полу — мать и дочь. Голова дочери покоилась на материнской груди, мать обнимала ее за плечи. Вокруг кишели черви. Навстречу нам поднялась туча москитов, и я отогнал их в судорожном отвращении. Муравьи ползали по закрытым глазам и губам трупов, влажные следы улиток серебрились в лунном свете, как русла маленьких рек.

«Черт ее возьми!» — выругался Лестат. Я крепко схватил его за руку и не отпускал.

«Что ты собираешься с ней сделать? — спросил я.— Что ты можешь с ней сделать? Она давно уже не ребенок и не станет беспрекословно нам подчиняться. Мы должны объяснить ей, научить ее, как себя вести».

«Она все прекрасно знает сама! — Он отступил назад, отряхивая плащ.— Ничуть не хуже нас с тобой! Все эти годы она понимала, чем можно рисковать, а чем нельзя! Я не позволю ей заниматься подобными вещами без моего разрешения! Не потерплю этого!»

«Ты что, считаешь себя нашим мэтром? Разве ты учил ее поступать так? Или, может быть, она сотворила это с моего тихого благословения? Сильно сомневаюсь. Она видит себя равной нам, а нас — равными друг другу. Мы должны поговорить с ней по-хорошему, научить ее уважать то, что принадлежит нам. И нам самим не помешает этому поучиться».

Мне показалось, что он меня понял, хотя и не подал виду. Повернулся и ушел. В городе он сумел развеяться и возвратился сытый и усталый. Клодии еще не было. Он лег на кушетку и поинтересовался:

«Ты похоронил их?»

«С ними все кончено,— ответил я, стараясь даже не думать о том, что их останки сгорели в кухонной печи.— Но остались еще отец и брат, с ними надо разобраться»,— добавил я с опаской: вдруг он вспылит?

Я хотел поскорее покончить с этим делом и обо всем забыть. Но Лестат сказал, что отца и брата уже нет в живых: сегодня к ним на ужин пожаловала смерть, забрала свое и помолилась за упокой их душ.

«Вино,— проворчал он и провел пальцами по губам.— Они были пьяные. По дороге домой я выстукивал тростью по оградам забавную мелодию.— Он рассмеялся.— Но я не люблю вина. У меня от него голова кружится. А у тебя?»

Он посмотрел на меня, и я вынужден был улыбнуться в ответ, чтобы не испортить ему настроение. Вино развеселило его, он смотрел на меня спокойно и добродушно. Я наклонился и прошептал:

«Я слышу шаги Клодии. Будь с ней помягче, все уже позади».

Отворилась дверь, и она вошла. Ленты ее шляпки развязались, маленькие ботинки облепила грязь. Я настороженно следил за ними — Лестат лежал и ухмылялся, она, казалось, его не замечала. Клодия прижимала к груди букет белых хризантем, такой огромный, что рядом с ним казалась совсем маленькой. Она тряхнула головой, шляпка упала на ковер; золотистые волосы рассыпались, в них запутались белые перья хризантем.

«Завтра День всех святых,— сказала она мне.— Ты помнишь?»

«Да, конечно»,— ответил я.

В этот день все набожные жители Нового Орлеана отправлялись на кладбища приводить в порядок могилы любимых и

близких. Они белили оштукатуренные стены склепов, обновляли надписи на могильных плитах, осыпали надгробия цветами. Как раз неподалеку от нашего дома было кладбище Сент-Луи. Там хоронили самых знатных людей Луизианы, там лежал и мой брат. Возле могил стояли маленькие чугунные скамейки, чтобы можно было посидеть и поговорить об ушедших близких, встретиться с другими семьями. Это был большой праздник. Праздник смерти — на взгляд досужего чужестранца, а на самом деле — торжество будущей жизни.

«Я купила цветы»,— тихо и загадочно сказала Клодия. Ее непроницаемый взгляд не выражал ничего.

«Для тех двоих, что ты оставила на кухне, надо полагать!» — злобно сказал Лестат.

Она впервые обернулась в его сторону, но ничего не ответила. Только молча разглядывала его, точно никогда раньше не встречала. Потом сделала несколько шагов к кушетке и снова остановилась. Я шагнул вперед, кожей чувствуя ярость Лестата, ее холодное презрение. Клодия переводила взгляд с меня на него. Потом она спросила:

«Кто из вас двоих? Кто сделал меня такой?»

Ее слова ошеломили меня, как ничто другое, хотя я знал, что они неизбежны, что именно так должен сломаться лед ее долгого молчания. Но она обращалась не ко мне, она не сводила глаз с Лестата.

«Ты говоришь, мы всегда были такие,— сказала Клодия тихо и сдержанно, детским голоском, но серьезно, как взрослая женщина.— Ты говоришь, мы — вампиры, а они — смертные. Но так было не всегда. У Луи была сестра — смертная, я помню ее. Он хранит ее портрет; я видела, как он подолгу на него смотрит. Когда-то он был таким же, как она. И я тоже. Если нет, то почему же тогда мое тело не растет?»

Она развела руками, и хризантемы упали на пол. Я позвал ее шепотом, чтобы отвлечь, но было уже поздно. В глазах Лестата вспыхнула злобная радость.

«Это ты сделал нас такими?» — Ее вопрос прозвучал обвинением.

Его брови поползли вверх, изображая притворное удивление.

«Какими — такими? — поинтересовался он.— Могу себе представить, во что бы ты превратилась сейчас, если бы оста-

лась человеком.— Лестат подобрал колени и наклонился вперед, глядя на нее сузившимися глазами.— Ты знаешь, сколько лет прошло с тех пор? Расшевели свое воображение, или мне придется привести сюда дряхлую безобразную старуху, чтобы ты могла воочию лицезреть, кем стала бы, если б не я».

Клодия отвернулась от него и застыла, словно не зная, что делать. Потом подошла к креслу у камина, забралась в него и по-детски беспомощно свернулась в клубочек. Маленькая и хрупкая, она смотрела на угли, и ее глаза жили своей жизнью, отдельной от тела. В них не было страха, только спокойная решимость.

«Если б не я, ты, может быть, уже оказалась бы на том свете,— продолжал Лестат. Ее холодное молчание задело его за живое. Он опустил ноги на пол.— Ты слышишь меня? Почему ты задаешь мне этот вопрос сейчас? Ты же всегда знала, что ты вампир».— И он разразился знакомой проповедью: надо знать свое естество и следовать ему, убивать и не задавать лишних вопросов. Но на этот раз в его словах не было смысла: Клодия и так всегда убивала без всяких сомнений.

Она выпрямилась в кресле и медленно, словно нехотя, повернулась к нему; она разглядывала Лестата, как марионетку в руках клоуна.

«Так, значит, это сделал ты, верно? — прищурившись, сказала она.— Но как ты это сделал?»

«С какой стати я стану раскрывать перед тобой секреты своей силы?»

«Но почему только твоей? — безжалостно глядя на него, ледяным голосом спросила Клодия. Вдруг в ней вспыхнула ярость, и она закричала: — Как ты сделал это?»

Это было, как удар тока. Лестат вскочил, и в ту же секунду я очутился между ними, лицом к нему.

«Останови ее! — сказал он мне, сжав кулаки так, что побелели суставы.— Сделай с ней что-нибудь! Она становится совершенно невыносимой!»

Он направился было к двери, но потом развернулся и вплотную подошел к Клодии; он возвышался над ней, как башня, его огромная тень закрыла ее фигурку. Она смотрела на него равнодушно и отчужденно, без тени страха.

«Я могу уничтожить сотворенное мною. Это касается и тебя, и его.— Он указал на меня пальцем.— Радуйся, что я сделал тебя такой.— Он оскалился.— Или я разорву тебя на мелкие кусочки!»

— Итак, мир в доме был нарушен, хотя со стороны могло показаться, что все спокойно. Дни шли своей чередой, Клодия больше не задавала вопросов, она с головой погрузилась в изучение книг по оккультизму, про ведьм, колдунов и вампиров. Как вы сами понимаете, последние вызывали у нее особый интерес. Она читала все подряд: мифы, легенды, даже романы ужасов, засиживалась с книгой до рассвета, и я шел за ней, чтобы отвести в спальню.

Лестат тем временем нанял новую горничную и дворецкого. Пригласил рабочих и выстроил во дворе огромный фонтан: нимфа с раковиной в руке, из которой бьет вода. Он даже купил золотых рыбок и водяные лилии, и белые цветки покачивались на беспокойной воде.

Примерно тогда же его заметили на Наядс-роуд — это дорога, которая ведет в городок Кэролтон. Какая-то женщина застала его на месте преступления, когда он расправлялся с очередной жертвой. История попала в газеты; его появление связывали со знаменитым на весь город «домом с привидениями». Некоторое время он, к собственному удовольствию, пробыл «призраком с Наядс-роуд», но скоро перекочевал на последние страницы. Тогда он устроил новое зверское убийство в публичном месте, чтобы еще раз расшевелить воображение обывателей. Лестат рисковал, но я видел, что во всех его действиях проглядывает безотчетный страх. Он совсем замкнулся, стал еще подозрительнее и все время выпытывал у меня, где Клодия, куда она ушла, что делает.

«С ней все в порядке»,— уверял я его, хотя сам видел, что она все больше отдаляется от меня, и мучился, как отвергнутый жених. Теперь она бывала со мной не чаще, чем с ним. Иногда даже выходила из комнаты, не дослушав, что я говорю.

«Да уж пусть лучше постарается, чтобы у нее все было в порядке»,— раздраженно бросал он в ответ.

«Что ты собираешься с ней сделать?» — пугался я за нее.

Он смотрел на меня холодными серыми глазами.

«Присматривай за ней как следует, Луи. Поговори с ней, объясни, что к чему! — говорил он.— Все было так хорошо, и вдруг эта никому не нужная история».

Но я ждал, что она сама придет ко мне. И дождался. Однажды вечером я проснулся рано, но в доме уже было темно. Я открыл глаза и увидел Клодию. Она стояла у окна в белом платье с буфами и розовым поясом и смотрела на вечернюю уличную суету. Лестат был дома, в своей комнате, он умывался: я слышал, как льется вода из кувшина. Тонкий запах его одеколона то накатывал, то стихал, как волны музыки из соседнего кафе.

«Он не расскажет мне ничего,— сказала она тихо, не поворачивая головы, и я сначала не понял, что она обращается ко мне. Я встал, подошел к ней и опустился на пол у ее ног; Клодия смотрела на меня с надеждой: — Но ты ведь объяснишь мне, как это было, правда?»

«Ты уверена, что хочешь узнать именно это? — Я старался поймать ее взгляд.— Может быть, ты хочешь понять, почему выбор пал на тебя? Или узнать, какой ты была прежде? Я не понимаю, что тебе нужно, что значит: как это было? Может, ты сама хочешь попробовать это сделать?»

«Что — это? Я даже не знаю, о чем ты говоришь,— холодно прервала меня Клодия. Вдруг она повернулась и прижала ладони к моим щекам.— Пойдем сегодня на улицу вместе,— шепнула она страстно, как влюбленная.— Пойдем сегодня убивать, и ты расскажешь мне все, что знаешь. Кто мы? Почему мы не похожи на них?» — Она кивком головы указала на окно.

«Я не могу тебе ответить,— сказал я. Клодия вся напряглась, словно пыталась лучше расслышать, потом покачала головой, но я продолжал: — Я и сам ничего не знаю. Да, я могу тебе рассказать, как стал вампиром... Да, это сделал Лестат. Но я не понимаю, что скрывается за его действиями, как на самом деле это происходит!» С ее лица не сходило все то же мучительное выражение, и впервые я увидел в ее глазах тень страха, или другого чувства, которое было черней и глубже, чем страх. «Клодия,— сказал я и взял ее руки в свои.— Несмотря ни на что, Лестат может дать тебе один мудрый совет: перестань мучить себя и других. Долгие годы мы вместе постигали жизнь людей, их мир, но я не хочу, чтобы ты разделила со мной этот ужас, эту тревогу. Говорю тебе еще раз: ни у меня, ни у Лестата нет ответа на твой вопрос».

На мгновение она словно обезумела. Я понимал, что мои слова не могут ее успокоить, но такого не ждал: она вцепилась в свои волосы, будто хотела выдернуть прядь. Потом поняла, что это глупо и нелепо, и опустила руки. Но в мое сердце закралось дурное предчувствие. Клодия вновь обратила взор за окно и застыла, глядя на сумрачное, беззвездное небо. Сильный ветер с реки гнал стаи облаков. Вдруг ее губы дрогнули, она резко повернулась ко мне и прошептала:

«Значит, он сделал меня такой... он, а не ты!»

Что-то в ее голосе меня испугало, и я даже сам не заметил, как очутился в другом углу, у камина. Я зажег свечу и поставил ее перед высоким зеркалом. То, что я вдруг увидел, ужаснуло меня. Из темноты выступила жуткая, таинственная маска, потом видение стало объемным и превратилось в древний череп. Я пристально разглядывал его. Отполированный временем, он почти блестел, но все еще хранил слабый запах земли.

«Почему ты не отвечаешь?» — спросила Клодия.

Я услышал, как открылась дверь спальни Лестата. Обычно, проспувшись, он сразу же шел на охоту, а я, наоборот, старался первые вечерние часы провести в тишине, чтобы успокоиться; голод рос во мне, и, когда жажда становилась невыносимой, я слепо следовал за ней и не думал уже ни о чем... Просто шел убивать.

Я снова услышал голос Клодии, чистый, словно колокольный звон, и мое сердце забилось в ответ.

«Да, это он, и никто другой! — говорила она.— Он сам так сказал. Но ты что-то скрываешь от меня. Лестат говорил, что без тебя ничего бы не случилось!»

Я стоял и смотрел на череп, ее слова хлестали меня, обжигали, как удары бича, и я повернулся и встретил их в лицо. Словно молния, меня пронзила леденящая мысль: если б не бессмертие, от меня не осталось бы ничего, кроме этого черепа, и невольно содрогнулся. Я посмотрел на Клодию: ее огромные глаза горели на белом лице, как два черных огня. Кукла, у которой кто-то вырвал зрачки и заменил их отблеском адского пламени. Я шел к ней, шептал ее имя, хотел что-то объяснить, но слова умирали, едва слетев с моих губ, и терялись в складках ее платья. Ее маленькая перчатка упала на пол и светилась в темноте; на секунду мне показалось, что это отрубленная кисть.

«Что с тобой?..— Клодия вглядывалась в мое лицо.— Что с тобой творится? Почему ты так смотришь в зеркало и на перчатку?» — Ее голос звучал нежно и ласково, но... что-то в нем было не так: какая-то задняя мысль, непонятный расчет, едва уловимое отчуждение.

«Ты нужна мне.— Я сам не понимал, что говорю.— Я не смогу без тебя. Ты — мой единственный друг в этом бессмертии».

«Но ведь наверняка есть и другие! Не может быть, чтобы кроме нас троих на всей земле не было ни одного вампира! — Она повторила мои давние слова, они возвращались ко мне на гребне ее стремления добраться до сути вещей; до смысла ее собственного существования. Но в ее голосе не было моей боли — только безжалостная настойчивость, желание во что бы то ни стало получить немедленный ответ.— Разве ты не такой же, как я? — Она взглянула на меня.— Ведь это ты научил меня всему, что я знаю!»

«Не всему. Убивать тебя учил Лестат.— Я наклонился и поднял перчатку с пола.— Знаешь что... давай выйдем отсюда. Я хочу подышать воздухом...» — бессвязно говорил я, пытаясь натянуть перчатку на ее маленькую ручку. Я приподнял ее золотистые волосы и бережно расправил их поверх пальто.

«Но именно ты научил меня видеть! — возразила она.— От тебя я впервые услышала слова "глаза вампира". Ты научил меня пить красоту этого мира, как кровь, но жаждать не только крови...»

«Я имел в виду совсем другое. Ты поняла мои слова не так...— она вцепилась мне в рукав, пыталась поймать мой взгляд.— Идем,— позвал я ее.— Я хочу что-то тебе показать...»

Я взял ее за руку, мы быстро пошли по коридору, по винтовой лестнице спустились вниз, пересекли темный двор. Сам не зная, что хочу ей показать, куда веду ее, я понимал только, что должен идти вперед, повинуясь своему инстинкту, инстинкту вампира.

Мы быстро шли через весенний город, небо прояснилось, оно было бледно-лиловое, в вышине слабо мерцали маленькие звезды; мы миновали пышные сады нашего квартала и очутились на узких бедных улочках, но и здесь воздух был напоен ароматом цветов; они пробивались сквозь камни, огромные

олеандры раскрыли свои мощные соцветия: розовые и белые, они были похожи на жутковатые сорняки в пустынном поле. Торопливые шаги Клодии звучали как стаккато, она почти бежала рядом со мной, но ни разу не попросила сбавить шаг. Наконец мы остановились. Она смотрела на меня снизу вверх, спокойно, с бесконечным терпением. Эта улица... Темная и узкая; старые французские домишки с покатыми крышами чудом уцелели среди испанских особняков. Древние, маленькие лачуги — штукатурка осыпалась со стен, кирпичная кладка заросла мхом. Тот дом я мог найти с закрытыми глазами, я всегда это знал, но всегда старался обойти его стороной, чтобы только не видеть темного перекрестка без фонарей, не видеть низенького окна, где тогда плакала Клодия. Теперь в доме было тихо. Он глубже ушел в землю, плесень доходила почти до окон, наверху пустые рамы слуховых окошек были кое-как забиты тряпьем. Улочку пересекали веревки с бельем. Я подошел к дому, тронул ставни.

«Здесь я впервые тебя увидел,— сказал я. Я хотел объяснить ей все, хотел, чтобы она поняла. Она смотрела на меня холодным и чужим взглядом.— Я услышал твой плач. Ты была там, внутри, рядом с трупом матери. Она умерла несколько дней назад, но ты этого не понимала. Ты цеплялась за нее, что-то лепетала... И плакала так жалобно; бледная, голодная, ты горела в лихорадке, пыталась разбудить ее, обнимала безжизненное тело в поисках убежища от холода и страха. Уже почти рассвело...— я стиснул веки руками.— Я открыл ставни... залез в комнату. Мое сердце разрывалось от жалости, но кроме жалости... было другое чувство».

Ее губы задрожали, глаза округлились.

«Ты... пил мою кровь?» — прошептала она.

«Да!» — ответил я.

Наступило молчание, невыносимо долгое и мучительное. Неподвижная, будто каменное изваяние, Клодия стояла в тени, и лунный свет отражался в ее огромных глазах. Вдруг налетел порыв ветра, и, словно подхваченная им, она повернулась и бросилась прочь. Она бежала, бежала, бежала... Я стоял как пригвожденный и слушал затихающий вдали стук маленьких каблучков. Жуткий, непреодолимый страх поднялся из глубин моей души, он все нарастал; наконец я опомнился и побежал за

ней следом. Я ни на секунду не допускал мысли, что могу потерять ее. Я уговаривал себя: вот сейчас догоню ее и скажу, как люблю ее, как хочу быть всегда с ней рядом, оберегать ее, заботиться о ней. Я бежал по темным улицам и не мог найти ее, чувствовал, что она с каждым мгновением удаляется от меня. Мое голодное сердце бешено колотилось, я резко остановился, и мне показалось, что оно вот-вот выпрыгнет из груди. Клодия стояла, тяжело дыша, прислонившись к фонарному столбу, и молча смотрела на меня, как на чужого. Я тоже молча обнял ее за талию и взял на руки.

«Ты убил меня! — прошептала она.— Ты отнял мою жизнь!»

«Да.— Я прижимал ее к себе и чувствовал, как бьется ее сердце.— Но нет, я только пытался ее отнять. Твое сердце было не такое, как у всех. Оно не сдавалось, оно билось и билось, и мне пришлось оторваться от тебя, потому что иначе я умер бы сам — так бешено колотился мой пульс. Лестат застал меня врасплох. Как же он веселился: Луи, этот сентиментальный дурак, пьет кровь золотоволосой малышки, кровь невинного младенца! Люди нашли тебя и положили в больницу, но он принес тебя обратно; я тогда думал, что он хочет только помочь мне узнать себя. Возьми ее жизнь, прикончи ее,— говорил он. И меня снова непреодолимо потянуло к тебе. Я знаю, что сейчас теряю тебя навсегда, читаю приговор в твоих глазах; ты смотришь на меня так холодно, так отчужденно, как на смертного человека. Но все равно скажу: да, я снова попытался убить тебя; ты была мне нужна — твое сильное сердце, твои щеки, твоя кожа, розовая и душистая. Помню твой запах, запах человеческого ребенка, сладкий, с примесью соли и пыли. Я держал тебя в руках, снова вернулся к тебе, снова пил твою кровь. Знал: еще немного, и я сам умру, твое сердце убьет меня, но мне было уже все равно. Тогда Лестат, оттолкнув меня, прокусил себе запястье и дал тебе напиться своей крови. Ты пила, пила и едва не убила и его: он уже шатался от слабости. Так ты стала вампиром. В ту ночь ты впервые попробовала вкус человеческой крови и с тех пор пьешь ее каждую ночь».

Она слушала меня с каменным лицом. Ее тело казалось мне безжизненным, мягким, как воск, и лишь в глазах светились знакомые огоньки. Теперь она знала все. Я опустил ее на землю.

«Я отобрал у тебя жизнь,— сказал я.— Лестат вернул ее тебе».

«Вот как,— выдохнула она.— Так знай: я ненавижу вас обоих!»

Луи остановился.

— Зачем же вы рассказали ей? — помолчав, спросил юноша.

— Разве я мог не рассказать? — удивленно сказал вампир.— Она должна была все узнать, взвесить все за и против. Она стала вампиром не так, как я. Я напал на нее беззащитную, убил ее, лишил человеческой жизни. Хотя какая разница? Рано или поздно все люди умирают. Она просто яснее увидела то, что знает каждый: смерть неизбежна. Если только не выберешь вот это! — И он развел руками.

— И вы потеряли ее? Она ушла?

— Ушла! Куда она могла уйти? Она была всего лишь ребенком. Где бы она нашла убежище? Только в легендах вампиры прячутся в заброшенных склепах среди костей, червей и муравьев, а ночами бродят по кладбищам и наводят страх на окрестности. Но главное даже не это. Она, как и мы с Лестатом, не вынесла бы жизни в одиночестве. Мы были нужны друг другу! Нас окружала пустыня людей, которые бредут по жизни как слепые, живут в вечных заботах и в конце концов неизбежно сочетаются брачными узами со смертью.

«Мы скованы ненавистью»,— так говорила Клодия позже с присущим ей хладнокровием. Когда в ту ночь я вернулся домой, она была уже там. Она сидела у потухшего камина и обрывала маленькие цветки с длинной лавандовой ветки. Я был так счастлив, что вижу ее! Готов был для нее делать все. Она тихим голосом попросила, чтобы я рассказал ей все, что знаю. И я с радостью согласился, тем более что самое страшное уже было сказано. Рассказал ей о себе все, как сейчас рассказываю вам; рассказал, как Лестат нашел меня; и про ту ночь, когда он забрал ее из больницы. Она ничего не спрашивала, только иногда поднимала взгляд от своих цветов. Потом я сидел, выжатый, опустошенный, снова смотрел в зеркало, на этот жуткий череп, и слушал, как лепестки тихо падают на складки ее платья. И вдруг она сказала:

«Луи. Я ни в чем тебя не виню».

Я очнулся. Она соскользнула с высокого кресла и подошла ко мне, в руках у нее были цветы.

«Как по-твоему, похоже это на запах живого ребенка? — прошептала она.— Луи. Любовь моя».

Я обнял ее, положил голову ей на грудь, стиснул ее хрупкие плечи; она гладила меня по голове, утешала, успокаивала.

«Ты видел меня живую»,— сказала она.

Я поднял глаза. Клодия улыбнулась, но потом ее губы снова замерли, она смотрела мимо меня, вдаль, словно прислушивалась к далекой, прекрасной музыке.

«Ты подарил мне свой бессмертный поцелуй.— Она как будто обращалась не ко мне, а к себе.— Ты полюбил меня любовью вампира».

«Сейчас я люблю тебя человеческой любовью,— сказал я.— Если только во мне осталось что-то от человека».

«Да, осталось,— задумчиво протянула она.— И в этом твоя слабость. Вот почему тебе было так плохо, когда я сказала словами людей: я ненавижу тебя; вот почему ты так смотришь на меня. Человеческое... Во мне нет ничего человеческого, и никакие истории про труп матери и гостиничный номер, где ребенок превращается в монстра, не способны меня изменить. Вот и сейчас ты смотришь на меня с ужасом. Но все равно я умею говорить на твоем языке; во мне живет твоя страсть к познанию истины, твое стремление проникнуть иглой разума в самое сердце мира. Ты больше человек, а я больше вампир; и во мне живет твое второе я, твоя душа вампира. Только теперь я это поняла. Я как будто спала эти шестьдесят пять лет. И наконец проснулась».

«И наконец проснулась...» Я слушал ее, и мне не хотелось верить, но она говорила так убежденно и назвала точную цифру — ровно шестьдесят пять лет минуло с той ночи, когда я решил уйти от Лестата и не мог; когда я увидел и полюбил ее, и с ней забыл про свою боль, про свои страшные вопросы. И вот теперь она повторяет их. И ждет ответа. Роняя цветки, она медленно вышла на середину комнаты, потом переломила длинный стебель лаванды и поднесла его к губам. Теперь она действительно все знала.

«Так вот зачем он сделал меня вампиром,— сказала она.— Чтобы у тебя появился друг. Иначе он бы не смог удержать те-

бя. Ты был одинок, а он сам ничего не мог дать тебе. Как и мне, впрочем... Хотя еще недавно он мне нравился. Мне нравилась его походка, и как он стучит тростью по мостовой, как укачивает меня на руках. И как он убивает — легко, непринужденно, как я сама. Но теперь он перестал мне нравиться. А ты его вообще никогда не любил. Мы были его марионетками. Ты заботился о нем, платил по его счетам, а я помогала ему держать тебя на привязи. Пришло время расстаться с ним».

«Пришло время расстаться с ним!..»

Я уже забыл, что когда-то сам мечтал об этом. Привык к Лестату, смирился с его присутствием, как с плохой погодой. Вдруг с улицы донесся приглушенный шум. Экипаж уже въехал во внутренний двор, и, значит, скоро мы услышим его знакомые шаги на черной лестнице. Я вдруг подумал, что всякий раз, когда он приезжает домой, в моей душе поднимается непонятная тревога, туманное желание. И вдруг меня словно окатила прохладная морская волна: уйти от него, освободиться от него навсегда. Я встал и шепотом сказал ей, что он приехал.

«Знаю,— улыбнулась она.— Я услышала его, еще когда он был за дальним углом».

«Он никогда не отпустит нас»,— прошептал я, хотя понял скрытое значение ее слов. Я ничего не должен бояться. С ее обостренным чутьем нас трудно застать врасплох. Она всегда настороже. Но ее самоуверенность встревожила меня, и я сказал:

«Ты плохо знаешь Лестата. Он не отпустит нас».

Клодия безмятежно улыбнулась и ответила:

«Да неужели?»

Мы решили не откладывать дело в долгий ящик и придумали план. На следующий день я вызвал своего поверенного — он, как всегда, жаловался, что трудно работать в потемках при свече. Я дал ему подробные и точные указания. Мы с Клодией отплывем в Европу на первом же корабле, где найдутся места, независимо от порта отплытия. И главное, мы повезем с собой ценный груз. Его надо забрать из дома накануне отплытия и погрузить на судно, но не в багажный отсек, а в нашу каюту. Кроме того, я отдал распоряжения, касающиеся Лестата. Я передал ему права на получение арендной платы за несколько магазинов и городских домов и на владение маленькой строитель-

ной компанией в Фобур-Мариньи. С легкой душой я подписал бумаги: мне хотелось купить нашу свободу, убедить Лестата, что мы хотим только вместе попутешествовать, а он будет жить по-прежнему и ни в чем себе не отказывать. У него появятся свои деньги, и я буду ему уже не нужен. Все эти годы он зависел от меня материально: я оплачивал счета как его банкир, но он ничуть не смущался, только язвительно благодарил. Он не хотел признаться, что зависит от меня. Я надеялся, что его жадность возьмет верх над подозрительностью, но в глубине души не мог побороть страх: я был уверен, что он с легкостью прочитает истину в моих глазах. И не верил, что нам удастся ускользнуть от него. Понимаете, я действовал так, словно ни на секунду не сомневался в успехе нашего предприятия, но на самом деле ни во что не верил.

Клодия же играла с огнем. Ее хладнокровие меня изумляло. Она читала свои книжки про вампиров, задавала Лестату вопросы, оставалась совершенно невозмутимой при его желчных выпадах. Иногда она спрашивала об одном и том же по нескольку раз, только меняла формулировку вопроса и собирала по крупинкам знания, когда он поневоле проговаривался.

«Кто превратил тебя в вампира? — спрашивала она, не поднимая глаз от книги, и лишь чуть опускала веки, выслушивая свирепую отповедь.— Почему ты никогда не говоришь о нем?» — продолжала она как ни в чем не бывало, словно его ярость волновала ее не больше, чем дуновение легкого ветерка.

«Вы оба такие жадные! — говорил он, бегая взад и вперед по гостиной и злобно поглядывая на Клодию. Она удобно устроилась в уголке с книгами.— Вам мало одного бессмертия! Вы обязательно хотите заглянуть подаренному Богом коню в зубы! Да предложи я его первому встречному с улицы, и он без лишних вопросов с радостью накинулся бы на столь щедрый дар...»

«С тобой, по всей видимости, именно так и произошло?» — тихо спросила Клодия, едва шевеля губами.

«...Но вам необходимо докопаться до смысла,— последнее слово он произнес с особым презрением.— Вам надоела жизнь? Этому нетрудно помочь. Я могу отнять ее легче, чем подарил! — Он повернулся, загородив спиной свечу. Вокруг его головы светился яркий ореол и затенял лицо, только белели высокие скулы.— Ты хочешь смерти?»

«Знание — это не смерть»,— прошептала Клодия.

«Отвечай мне! Ты хочешь смерти?»

«Ты, разумеется, можешь подарить мне ее. Все на свете берет начало в тебе. Ты повелеваешь и жизнью, и смертью»,— открыто издевалась Клодия.

«Да, именно так».

«Ты не знаешь ровным счетом ничего,— сказала она серьезно и так тихо, что даже слабый шум улицы почти заглушил ее слова, и мне пришлось напрячь слух, чтобы расслышать.— Допустим, что вампир, превративший тебя в себе подобного, ничего не знал, равно как и его предшественник, и так далее, до самого первого вампира на земле. Из ничего рождается только ничего! Значит, мы можем знать только то, что никто ничего не знает».

«Да!» — вдруг выкрикнул Лестат, и в его голосе прозвучали новые странные ноты.

Наступило молчание. Лестат медленно обернулся назад, его словно встревожило мое присутствие. Так оборачивается одинокий прохожий, почувствовав вдруг за спиной мое дыхание: взгляд, полный страшных предчувствий, и сдавленный вздох — он видит мое лицо, бледную маску смерти. Лестат смотрел на меня, чуть шевеля губами, и я увидел, что он боится. Лестат боялся!

Клодия посмотрела на него пустым равнодушным взглядом.

«Ты заразил ее этим...» — прошептал он.

Чиркнула спичка. Лестат зажег свечи на каминной полке и лампы по всей комнате, и хрупкий огонек Клодии утонул в ярком свете. Лестат стоял, прислонившись спиной к мраморной обивке камина, и переводил глаза с одного светильника на другой, словно это помогало ему успокоиться.

«Я ухожу»,— сказал он.

Когда его шаги во дворе затихли, Клодия поднялась и вышла на середину комнаты. Она остановилась и потянулась: выгнула спину, вытянула вверх руки со сжатыми кулачками, крепко зажмурила глаза, а потом открыла их, словно просыпаясь. В этом было что-то бесстыдное и оскорбительное: в гостиной еще звучало эхо последних испуганных слов Лестата. Казалось, они взывают к Клодии. Я хотел отвернуться, чтобы не смотреть на

нее, но она уже стояла у моего кресла. Она заставила меня отложить книгу, которую я так и не начал читать.

«Пошли и мы на улицу»,— сказала она.

«Ты была права. Он не знает ничего. Ему нечего нам рассказать»,— отозвался я.

«Неужели ты в этом сомневался? — удивленно сказала она.— Но мы найдем других вампиров, таких же, как ты и я. В Европе. Там их должно быть очень много, это написано во всех книгах, и в хрониках, и в легендах. Думаю, именно там родина вампиров, если у них вообще есть родина. Хватит нам прозябать здесь, с ним. Пошли. Пусть разум подчинится плоти».

Сладкая дрожь охватила меня. «Пусть разум подчинится плоти...»

«Отложи книги, пойдем убивать»,— прошептала она.

Мы спустились по лестнице — я следом за ней — через двор и узкий переулок вышли на улицу, параллельную Рю-Рояль. Там она повернулась и потянулась ко мне. Я сразу понял ее, взял на руки и понес дальше. Она не устала: просто ей захотелось быть поближе ко мне.

«Я еще ничего не сказал ему про наше путешествие и про деньги»,— сказал я, но мысли Клодии были заняты другим. Я шел неторопливо с невесомой ношей на руках.

«Он убил того, другого вампира»,— вдруг сказала она.

«С чего ты взяла?» — изумленно спросил я, но меня встревожил не смысл ее слов; я чувствовал, что она медленно подводит меня к какой-то мысли.

«Так и было, я знаю,— убежденно сказала она.— Тот вампир сделал его своим рабом, и Лестат прикончил его, потому что не хотел с этим мириться. И я не хочу. Но он поспешил, тот не успел рассказать ему всего. Тогда Лестат со страху превратил в вампира тебя, чтобы ты стал его рабом».

«Нет...— прошептал я. Она прижималась холодной щекой к моему виску. Ей нужно было напиться свежей крови, чтобы согреться.— Я никогда не был его рабом — только сообщником, слепым исполнителем его воли».

Впервые я открыто признался в этом перед Клодией, да и перед самим собой. Во мне росла лихорадочная жажда крови, и голодные спазмы уже сжимали мои внутренности. Кровь стучала в висках, вены набухли, и все тело мучительно горело, как от пытки.

«Нет, ты был рабом,— настаивала Клодия. Она говорила тихо и монотонно, будто размышляла вслух, искала ключевые слова для разгадки некоего ребуса.— Но я освобожу нас обоих».

Я остановился, но она сжала мое плечо рукой, побуждая идти дальше. Мы вышли на широкую аллею, миновали собор, впереди горели огни Джексон-сквер. Мимо нас в канале, проложенном посреди аллеи, с шумом проносилась вода и сверкала серебром в лунном свете.

«Я убью его»,— сказала Клодия.

Потрясенный, я машинально дошел до конца аллеи и остановился. Она скользнула вниз вдоль моего плеча, словно ей легче было очутиться на земле, не прибегая к неуклюжей помощи моих рук. Но я все же помог ей, опустил ее на тротуар и сказал: «Нет». И снова мне показалось, что здания особняков вокруг нас и даже собор сотканы из тонкого шелка, что их монументальная прочность иллюзорна и они трепещут от ветра, как полотнища, а в земле, единственно реальной в моем кошмарном видении, вот-вот разверзнется зияющая трещина.

«Клодия»,— задыхаясь, выговорил я и отвернулся.

«Что мешает убить его? — Ее голос рос, становился пронзительным и резким.— Мне он не нужен! Какая от него польза? Только страдания, и я не желаю их больше терпеть!»

«Если б он в самом деле был нам не нужен!» — возразил я. Но напрасный труд: я понял — ее не переубедить. Она не дослушала меня и пошла прочь, точь-в-точь как маленькая девочка на воскресной прогулке с родителями, которая притворяется, что гуляет сама по себе.

«Клодия, подожди! — догнал я ее в два шага, обнял, но ее тело, обычно мягкое и податливое, показалось мне сделанным из стали.— Клодия, ты не сможешь убить его!» — прошептал я.

Она молча вырвалась и, стуча каблучками по булыжнику, выбежала из аллеи на улицу. Мимо пронесся кабриолет и, обдав меня смехом и цоканьем копыт, исчез за поворотом. И снова все стихло. Я пошел за Клодией по длинной пустой улице. Она стояла у ворот Джексон-сквер, вцепившись в кованую железную решетку. Я подошел и встал рядом.

«Что бы ты ни думала и ни говорила, одно я знаю наверняка: тебе не удастся убить его»,— сказал я.

«Почему? Ты думаешь, он такой сильный?» — она не сводила глаз со статуи на площади, освещенной двумя фонарями.

«Он сильней, чем ты думаешь, чем ты можешь себе представить! Как ты собираешься это сделать? Ты не знаешь, на что он способен»,— я снова попытался отговорить ее, хотя понимал, что это бесполезно. Она уперлась, как ребенок у витрины магазина игрушек. Вдруг Клодия просунула язык между зубов и быстрым, странным движением провела его трепещущим кончиком по нижней губе. Я вздрогнул и почувствовал вкус крови, и мне показалось, будто я уже держу в руках податливое, безжизненное тело. Во мне с новой силой вспыхнула жажда крови. До меня доносились запахи и голоса людей, они прогуливались по площади вокруг базарных рядов, вдоль плотины. Я хотел было взять ее на руки, встряхнуть, заставить посмотреть на меня, выслушать меня, но она сама обратила ко мне огромные влажные глаза и сказала: «Я люблю тебя, Луи».

«Тогда послушай меня, Клодия, умоляю тебя,— прошептал я и взял ее руку. Человеческие голоса переполняли мой слух, они шептали что-то, потом зазвучали все громче и громче и заглушили смешанный гул ночи.— Он уничтожит тебя. Подумай, нет ни одного надежного способа справиться с ним. Если ты вступишь с ним в поединок, он окажется для тебя роковым. А я этого не вынесу».

Клодия едва заметно усмехнулась.

«Нет, Луи,— зашептала она в ответ,— я смогу его убить. Я скажу тебе кое-что по секрету».

Я покачал головой, но она сильней прижалась ко мне и опустила веки, ее длинные ресницы почти легли на круглые щечки.

«Дело в том, Луи, что я хочу убить его. Я жажду его смерти!»

Я безмолвно опустился на колени подле нее. Она изучающе смотрела на меня в упор, как часто бывало прежде. Помедлив, она продолжала:

«Я убиваю людей каждую ночь. Я завлекаю их в сети, притягиваю к себе в ненасытной жажде, в бесконечном поиске чего-то... не знаю чего...— она прижала пальцы к губам, приоткрыла рот, ее зубы ослепительно сверкали.— Но мне на них наплевать. Мне все равно, откуда они пришли и куда направляются, если только наши пути не пересекутся. Иное дело — Лестат: я не люблю его! Я хочу, чтобы он был мертв, и он умрет. Вот тогда я получу настоящее удовольствие».

«Клодия, опомнись, он бессмертен. Бессмертен. Ему не страшны болезни. Время не властно над ним. Ты посягаешь на жизнь, которой суждено длиться, пока существует мир!»

«Именно так! — В ее голосе мне почудился благоговейный страх.— Жизнь, длящаяся столетия. Сколько сил должно быть накоплено в ней. Ты думаешь, она перейдет в меня, когда я напьюсь его крови?»

Я потерял терпение. Вскочил на ноги и отвернулся, чтобы не видеть ее. Я услышал, как кто-то шепчет, что эти отец и дочь, должно быть, сильно привязаны друг к другу... И вдруг понял, что люди нас заметили, что это говорят про нас.

«Но зачем, Клодия? — сказал я.— В этом сейчас нет нужды. Это бессмысленно, это...»

«Что? Это жестоко? Он — убийца,— прошипела она.— Одинокий хищник! — Она с издевкой повторила слова Лестата.— Не пытайся помешать мне или узнать день, который я намечу. Не вздумай вставать между нами...— Она подняла руку, приказывая мне молчать, маленькие пальцы стальной хваткой вцепились в мою ладонь.— Если ты вмешаешься — я погибну. Меня ничто не остановит».

Она повернулась, взметнув ленты шляпки, и быстро зашагала прочь. Скоро стук ее каблучков затих. Я пошел куда глаза глядят, не разбирая дороги; хотел раствориться в ночном городе. Голод уже начал заглушать во мне голос разума, мучительный голод; но я не хотел прекращать эту пытку. Я хотел, чтобы она длилась, чтобы жажда крови захватила меня целиком и чтобы я уже ни о чем не мог думать, кроме убийства; я медленно шел по улицам навстречу будущей жертве — жажда вела меня — и говорил себе: эта ниточка тянет меня по лабиринту, но я разматываю клубок, и она тянет меня... На Рю-Конти я остановился: из окон дома доносился глухой шум. Я прислушался и узнал его. В гостиной наверху шла дуэль — слышался топот ног по голому дощатому полу и серебряный перезвон шпаг. Я перешел улицу и поглядел в незанавешенное окно. Двое юношей фехтовали: изящно, точно в танце, они приближались к смерти — одна рука откинута назад, другая метит шпагой в сердце соперника. Я вспомнил молодого Френьера, как он сделал свой последний выпад... Я надолго задумался и очнулся, только когда кто-то вышел из дома и спустился по узкой дере-

вянной лестнице на тротуар. Это был юноша, почти мальчик, на гладкой коже его щек едва начал пробиваться первый пушок. Его лицо раскраснелось после поединка, на нем были щегольский серый плащ и рубашка с кружевными манжетами. Я почувствовал запах одеколона и жар молодого тела: он вышел из круга света у входа в дом и приблизился ко мне. Он смеялся и шепотом разговаривал сам с собой; с досадой потряс головой, пытаясь откинуть темные волосы, липнущие на глаза. Вдруг он замер — заметил мою неподвижную фигуру. Он сощурился и посмотрел на меня, потом нервно рассмеялся.

«Извините,— сказал он по-французски.— Вы меня напугали!» — Он собрался было отвесить галантный поклон и следовать дальше своею дорогой, но вдруг ужас отразился на его лице. Я услышал, как громко и часто заколотилось его сердце, и почувствовал резкий запах пота — признак внезапного напряжения мышц.

«Вы увидели мое лицо в свете фонаря,— обратился я к нему,— и оно напомнило вам маску смерти».

Он с трудом разлепил губы, но не сумел выдавить ни звука, только кивнул, оцепенело глядя на меня.

«Уходите отсюда! — приказал я ему.— Быстро!»

Вампир замолчал ненадолго, потом вдруг шевельнулся, словно собираясь продолжить рассказ, но вместо этого откинулся в кресле, вытянул под столом длинные ноги и сжал виски, точно хотел унять боль.

Юноша медленно распрямился, расправил плечи. Проверил кассету и взглянул на собеседника.

— Но вы все же убили кого-то в ту ночь? — спросил он.

— Да, как и во все другие ночи.

— Почему же вы позволили ему уйти?

— Не знаю,— отозвался вампир, но его ответ прозвучал как «оставим это». Он добавил: — Я вижу, вы замерзли и устали.

— Это не важно,— поспешно сказал парень.— Здесь и правда немного холодно, но мне все равно. Вы ведь не мерзнете?

— Нет,— вампир улыбнулся. Его плечи вздрогнули от беззвучного смеха.

На минуту он, казалось, погрузился в свои мысли, а юноша внимательно изучал его лицо. Затем вампир посмотрел на часы на руке собеседника.

— Ей не удалось осуществить задуманное? — тихо спросил тот.

— А вы как думаете? — Луи выпрямился в кресле и пытливо глядел на него.

— Я думаю, что он ее... как вы сказали сами, уничтожил,— ответил молодой человек и судорожно глотнул воздух.— Я прав?

— Вы думаете, она не смогла справиться с Лестатом?

— Но он был так силен... вы говорили, что не знаете, что в его власти, какие тайны он хранит.

Вампир ответил ему долгим, загадочным взглядом. Молодой человек не выдержал и отвернулся — так горели глаза напротив.

— Почему бы вам не выпить, ведь у вас в кармане бутылка,— сказал вампир.— Это поможет согреться.

— Я как раз собирался... Просто подумал...— юноша замялся.

— Что это невежливо? — рассмеялся Луи и вдруг хлопнул себя ладонью по колену.

— Да,— пожал плечами тот, смущенно улыбаясь. Он вытащил из кармана плоскую бутылку, открутил желтую крышку и сделал глоток, после чего вопросительно посмотрел на вампира.

— Нет, спасибо,— отмахнулся тот.

Его лицо посерьезнело, он глубоко вздохнул и продолжил рассказ.

— Незадолго до того у Лестата появился друг — музыкант. Он жил на Рю-Дюмейн. Мы видели его на концерте в доме мадам Ле Клэр, на той же, в то время очень престижной и фешенебельной, улице. Собственно говоря, именно мадам Ле Клэр, чей салон частенько посещал Лестат, нашла бедному юноше комнату в особняке по соседству. Лестат познакомился с ними и стал наносить регулярные визиты. Я уже говорил, что он любил играть со своими жертвами, входил к ним в доверие, заводил с ними дружбу, заставлял себя полюбить. Но кончалось все одинаково, и я не сомневался, что он всего лишь забавляется с молодым музыкантом, хотя их дружба длилась дольше, чем любое другое из его знакомств на моей памяти. Юноша писал действительно хорошую музыку; Лестат нередко приносил домой ноты с отрывками из его новых вещей и играл их на боль-

шом рояле у нас в гостиной. У молодого человека был несомненный талант, но музыка приносила ему сущие гроши, желающих платить за нее находилось немного — это была странная, беспокойная музыка. Лестат встречался с ним чуть не каждый вечер, помогал ему деньгами, водил по ресторанам, которые были юноше не по карману, и даже покупал ему бумагу и перья.

Их знакомство, повторюсь, длилось необычайно долго для Лестата. Я силился понять, то ли он действительно нашел человека, сумевшего ему понравиться, вопреки всем его предубеждениям против смертных, то ли просто задумал особенно изощренную и жестокую подлость. Неоднократно он говорил мне и Клодии, что собирается убить юношу, но всякий раз ему что-то мешало. Естественно, я ни о чем его не спрашивал, не хотел, чтобы на мою голову обрушилась буря ярости. Только подумать: Лестата приворожил какой-то там смертный! Да скажи я ему такое, и он был разнес на части всю мебель в гостиной.

На следующий вечер после того, как Клодия сообщила мне, что хочет убить Лестата, он вдруг ни с того ни с сего принялся уговаривать меня пойти вместе с ним на квартиру к его другу. Он вел себя весьма дружелюбно, как всегда, когда хотел, чтобы я составил ему компанию. Собираясь в театр или оперу, он всегда упрашивал меня пойти вместе. Только на «Макбет» я ходил с ним по меньшей мере раз пятнадцать. Мы видели все постановки этой трагедии в Новом Орлеане, включая даже любительские. Возвращаясь из театра домой, Лестат вслух повторял отдельные, особенно понравившиеся ему строки и иногда даже кричал, обращаясь к поздним прохожим, угрожающе вытянув указательный палец: «Завтра, завтра, завтра!», пока они не переходили на другую сторону улицы, сочтя его пьяным. Но все его благодушие улетучивалось бесследно, стоило мне всего лишь намекнуть, что мне тоже приятно его общество, и следующего подобного случая приходилось ждать месяцами, а то и годами. В тот вечер он даже снизошел до того, что положил руку мне на плечо. Я скучно и вяло выдумывал самые жалкие отговорки, звучавшие совершенно неправдоподобно, поскольку мои мысли были целиком заняты Клодией, нашим планом и грядущи-

ми несчастиями. Меня до глубины души поражало, как он умудряется не замечать этого. В конце концов он понял, что напрасно теряет время, в раздражении поднял с пола какую-то книгу и швырнул ею в меня:

«Ну и читай свои чертовы книги! Крыса!» — И с оскорбленным видом вышел из комнаты.

Это встревожило меня до крайности. Я предпочел бы, чтобы он встретил мой отказ по обыкновению холодно и презрительно. Я решил еще раз попробовать отговорить Клодию, хотя у меня уже не было сил и я знал, что ничего не смогу поделать. Но дверь в ее комнату была заперта, она еще не вернулась. За весь вечер я видел ее лишь мельком, когда говорил с Лестатом. Она одевалась перед зеркалом в прихожей. На ней было платье с буфами и лиловой ленточкой на груди, из-под него выглядывали кружевные чулочки и ослепительно белые туфельки. Уходя, она бросила на меня холодный взгляд.

Я проголодался и тоже отправился на улицу. Я вернулся домой через пару часов, сытый и слишком ленивый, чтобы предаваться унылым размышлениям. Но едва переступил порог, во мне появилось и начало расти чувство, что Клодия задумала сделать это сегодня.

Не знаю, как я это понял. Скорее всего, меня встревожило что-то в доме. Я слышал шаги Клодии во второй гостиной. Дверь туда была заперта. И мне показалось, что ей отвечает другой голос, тихо, шепотом. Еще ни разу ни я, ни Клодия не приводили людей сюда, только Лестат время от времени таскал в дом уличных женщин. Скоро я уже был твердо уверен, что там кто-то есть, хотя не мог уловить ни отчетливого запаха, ни громких слов. Но потом я почувствовал аромат изысканной пищи и вина. В хрустальной вазе на рояле стоял букет хризантем. Для Клодии эти цветы символизировали смерть.

Вскоре появился Лестат. Он что-то тихо напевал себе под нос, отстукивая тростью ритм по перилам винтовой лестницы. Он вошел в длинный холл, его лицо разрумянилось, губы порозовели. Сел за рояль и поставил ноты на пюпитр.

«Убил я его или нет? — спросил он, указывая на меня пальцем.— Догадайся!»

«Нет,— отрешенно ответил я.— Ты ведь звал меня с собой, значит, не собирался убивать его».

«Ага! Но я мог сделать это со злости, из-за того, что ты не пошел со мной!» — сказал он и поднял крышку инструмента. Теперь он будет так болтать до рассвета, подумал я. Он был необычайно оживлен. Я смотрел, как он разбирает ноты, и спрашивал себя в который раз: может ли он умереть? Неужели она решится его убить? Я почти собрался с духом пойти к Клодии и сказать, что мы должны отказаться от наших планов, от путешествия и всего остального, и продолжать жить так, как жили до сих пор. Но внутренний голос подсказывал мне, что назад дороги нет и что с того самого дня, когда она начала задавать вопросы, развязка — все равно какая — стала неизбежной. И непреодолимая тяжесть приковала меня к креслу.

Лестат заиграл. У него был превосходный слух, в прежней жизни он мог бы стать отличным пианистом. Но он играл без чувства, не погружался в музыку, а вытягивал ее из инструмента, как фокусник; правда, виртуозно, потому что он был вампиром и его способности превышали человеческие. Он играл без души, холодно и точно.

«Так убил я его или нет?» — повторил он.

«Нет»,— снова ответил я, но с таким же успехом мог утверждать и обратное. Я думал только о том, как бы не выдать себя.

«Ты прав, я его не тронул,— сказал он.— Наша близость приятно возбуждает меня, и я не хочу пока лишаться удовольствия обдумывать каждый раз заново, как убью его. Убью, но не сейчас, и тогда я найду другого смертного, похожего на него. Если бы у него были братья... я занялся бы ими по очереди. Вся семья вымерла бы от таинственной лихорадки, иссушающей тело! — продекламировал он тоном аукциониста.— Кстати, у Клодии тоже страсть к семьям, да ты и сам, наверное, знаешь. Ах да, к вопросу о семьях, я чуть было не забыл. Ходят слухи, будто на плантации Френьеров завелись привидения. Рабы и надсмотрщики разбегаются кто куда».

Я не хотел его слушать. Бабетта умерла, она сошла с ума. Она бродила по руинам Пон-дю-Лак, утверждала, что видела там дьявола и хочет отыскать, где он прячется. До меня дошли слухи о ее безумии, а потом я узнал, что она умерла. Пока она была жива, я иногда подумывал навестить ее и попытаться как-то исправить содеянное, но потом говорил себе, что все устроится само собой. Я был уже не тот — жизнь ночного убийцы стерла

воспоминания о былых привязанностях, о любви к Бабетте и к сестре. Я следил за трагедией, как зритель из ложи, и не видел смысла перешагивать через рампу и вмешиваться в ход действия.

«Не надо об этом»,— сказал я Лестату.

«Как угодно. Впрочем, я говорил о плантации, а вовсе не о женщине твоей мечты! — Он ухмыльнулся.— Хотя, ты знаешь, на поверку все получилось, в точности как я предсказывал. Но вернемся к моему юному другу...»

«Я бы предпочел, чтобы ты не отвлекался от музыки»,— сказал я тихо и ненавязчиво, но стараясь, чтобы мой голос звучал убедительно. Как ни странно, иногда мне это удавалось, и он слушался меня. Вот и теперь он презрительно хмыкнул, как будто хотел сказать: «Ты — дурак», но вернулся к нотам. И тут скрипнула дверь, и я услышал шаги Клодии в холле.

«Не ходи сюда, Клодия,— мысленно молил я,— не ходи, или все мы погибнем». Но она неизбежно приближалась, задержалась у зеркала в прихожей, я услышал, что она выдвинула ящик комода, достала гребешок и теперь причесывается; почувствовал запах ее цветочных духов, и вот она сама, вся в белом, появилась в дверях. Неслышно ступая по ковру, подошла к роялю, поставила локти на деревянную панель, подперла рукой подбородок и посмотрела на Лестата.

«Это еще что! — проворчал он, перевернул страницу и уронил руки на колени.— Уйди. Ты меня раздражаешь!» — он даже не взглянул на Клодию.

«Неужели?» — нежно пропела она.

«Да,— отрезал он.— Кстати, я хотел сказать тебе, что нашел кое-кого получше на роль вампира».

Я замер.

«Ты меня поняла?» — спросил он.

«Ты хочешь напугать меня?»

«Беда в том, что ты единственный ребенок,— ответил он.— Тебе нужен брат. Но еще больше он нужен мне самому. Вы оба мне надоели. Два ненасытных чудовища, вечно в раздумьях и терзаниях... Не даете покоя ни мне, ни себе. Мне это осточертело».

«Втроем мы могли бы заселить вампирами весь мир»,— сказала Клодия.

«Да ну? — Лестат торжествующе улыбнулся.— Думаешь, у тебя получится? Ах да, конечно, Луи рассказал тебе, как это бывает, но ведь он сам не знает ничего. Это не в вашей власти».

Слова Лестата встревожили Клодию. Этого она не ожидала услышать. И посмотрела на него долгим взглядом: мне показалось, что она ему не верит.

«Откуда же у тебя такая власть?» — она говорила спокойно, но с неуловимым сарказмом.

«Это, моя дорогая, один из тех секретов, которые тебе, возможно, никогда не удастся узнать. Даже в Эребе существует своя аристократия».

«Ты лжешь.— Клодия коротко рассмеялась. Лестат отвернулся и коснулся клавиш, а она сказала как бы невзначай: — Но ты расстроил мои планы».

«Твои планы?» — озадаченно переспросил он.

«Ну да. Я пришла сюда, чтобы помириться с тобой, хоть ты и великий лжец. Все-таки ты — мой отец.— Клодия глубоко вздохнула.— И я не хочу больше ссориться. Мне хочется, чтобы вернулись старые, добрые времена».

Наступил его черед не поверить ее словам. Он перевел взгляд на меня, затем опять на нее.

«Что ж, это возможно,— протянул он.— Только перестань приставать ко мне с расспросами, ходить следом за мной по улицам и искать других вампиров в каждом темном переулке. Забудь про них, их нет! Ты живешь и будешь жить здесь со мной! — он замялся, смутившись собственной запальчивости.— Я позабочусь о тебе, и тебе ничего не нужно».

«Но ты ничего не знаешь. Вот почему ты злишься, когда я задаю вопросы. Мы все выяснили, осталось только помириться. Ради такого случая я приготовила для тебя подарочек».

«Надеюсь, это женщина с прелестями, которых у тебя никогда не будет».

Он оглядел Клодию с ног до головы. Она изменилась в лице и почти потеряла самообладание, чего с ней никогда не случалось, но тут же взяла себя в руки, тряхнула головой и потянула его за рукав.

«Я говорю правду. Мне надоело ругаться с тобой. Ненависть — это ад, оставим его людям. Ты можешь принять пода-

рок или нет, это не важно. Прошу только об одном: давай покончим с грызней, а то Луи не выдержит и покинет нас обоих».

Она убрала его руки с клавиш, опустила крышку и повернула его на винтовом стуле лицом к двери.

«Ты это серьезно? Что за подарок?»

«Ты еще голоден, я вижу по твоим глазам, по твоей коже. Конечно, ведь еще рано. Но я предоставляю тебе шанс отведать изысканное блюдо. Страдания невинных да падут на мою голову»,— прошептала она и вышла из комнаты. Лестат посмотрел на меня с настороженным любопытством: он ждал объяснений, но я молчал и был как во сне. Он встал и следом за Клодией спустился в холл. И в следующий миг я услышал его долгий восхищенный стон, в котором смешались голод и вожделение.

Я медленно пошел за ними. Сперва я увидел спину Лестата, склонившегося над кушеткой. Два маленьких мальчика уютно свернулись там среди бархатных подушек. Они спали спокойным, глубоким детским сном, полуоткрыв розовые губки. Безмятежные круглые личики, нежная, светящаяся кожа; темные волосы одного прилипли к вспотевшему лбу. На них была одинаковая убогая одежда, и я понял, что это сироты из приюта. Они только что поужинали, и на столе стояли приборы из лучшего фарфорового сервиза рядом с полупустой бутылкой, розовые пятна вина расползлись по скатерти между грязных тарелок и вилок. Но я сразу почувствовал незнакомый и неприятный запах. Я подошел поближе, чтобы получше разглядеть спящих. Их шеи были обнажены, но нетронуты. Лестат опустился на кушетку рядом с темноволосым. Лет семи от роду, этот ребенок словно сошел с фрески какого-нибудь собора; он был красив безупречной, бесполой, ангельской красотой. Лестат нежно провел пальцами по его бледному горлу, коснулся шелковистых губ, вздохнул и застонал, словно от сладостной боли.

«О Клодия...— прошептал он.— Ты превзошла себя. Где ты их отыскала?»

Она не ответила, отступила и села в кресло, откинулась на подушки и положила ноги на пуфик, из-под юбки показались кончики ее белых туфель и маленькие, изящные накладные банты. Она смотрела на Лестата.

«Я напоила их,— сказала она.— Хватило наперстка, и они уснули. Я думала о тебе... Думала: если поделюсь с ним, может быть, он меня простит».

Лестат растаял. Он дотянулся до ее маленькой ножки в кружевном чулочке, погладил ее:

«Ты просто прелесть! — И рассмеялся, но тут же оборвал себя, чтобы не разбудить обреченных детей. Он жестом подозвал Клодию, ласково и призывно сказал: — Иди сюда. Я возьму этого, а ты — другого».

Она подошла, села рядом с ним, Лестат обнял ее, прижал к себе. Потом погладил влажные волосы мальчика, пробежав пальцами по сомкнутым векам и длинным ресницам; мягко опустил ладонь на лицо ребенка, легко касаясь висков, щек и лба. Казалось, он забыл, что мы здесь. Потом он убрал руку и замер: словно от страсти у него закружилась голова. Он поднял глаза, посмотрел в потолок; снова опустил взгляд на желанную, лакомую жертву и легонько повернул голову ребенка на подушке, чтобы рассмотреть его со всех сторон. Брови мальчика чуть напряглись, он тихо застонал.

Клодия, не сводя глаз с Лестата, медленно расстегнула пуговицы на курточке своего малыша, просунула руку под ветхую нижнюю рубашку, коснулась обнаженного тела. Лестат последовал ее примеру, его рука скользнула под рубашку мальчика; но он уже не мог сдерживаться, крепко обнял ребенка, опустился с ним на пол, уткнулся лицом в его шею. Его губы коснулись груди мальчика, маленького соска; он прижал его к себе еще сильнее и вонзил зубы в его горло. Голова ребенка откинулась назад, кудри разметались, он снова застонал, его веки дрогнули... И замерли навсегда. Лестат стоял на коленях, его спина напряглась, он медленно раскачивался вместе с бессильным телом и громко, сладостно стонал в такт. Вдруг словно судорога прошла по нему, казалось, он хочет оттолкнуть ребенка, но потом снова обнял его, поднял, положил на подушки и опять приник к его горлу, но сосал теперь тихо, нежно, почти беззвучно.

Наконец все было кончено. Он стоял на коленях, откинув голову, его белокурые волосы спутались и растрепались. Он медленно опустился на пол, прислонился к ножке кушетки и прошептал: «Боже». Кровь прилила к его щекам, даже руки порозовели. Он бессильно уронил их на колени.

Клодия даже не шевельнулась. Она лежала рядом с нетронутым ребенком, прекрасная, как ангел Боттичелли. Обессиленное тело жертвы сжалось, высохло; шея походила на сломанный стебелек, голова на подушке была повернута под неестественным углом — углом смерти.

Но что-то было не так. Лестат смотрел в потолок. Он лежал чересчур неподвижно, полуоткрыв рот; язык застрял у него между зубами, у него даже не было сил облизнуть губы. Он затрясся, плечи его содрогнулись... и тяжело опустились. Но он не мог шевельнуться. Ясные серые глаза помутнели. Он что-то простонал. Я шагнул к нему, но Клодия грозно прошептала:

«Назад!»

«Луи...— сказал он.— Луи...»

Я и сейчас слышу этот голос.

«Тебе не понравилось угощение, Лестат?!» — спросила она.

«Странный вкус,— задыхаясь, выдавил он, глаза его расширились, будто каждое слово давалось ему с неимоверным усилием. Он не мог шевельнуть даже пальцем.— Клодия!»

Тяжело дыша, он посмотрел на нее.

«Тебе не понравился вкус детской крови?» — тихо сказала она.

«Луи...— прошептал Лестат. На мгновение ему удалось приподнять голову, но он тут же уронил ее на подушку.— Луи, это... полынь! Слишком много полыни в крови. Она отравила их и меня, Луи...»

Он попытался поднять руку. Я подошел поближе к столу.

«Не двигайся!» — приказала она, встала и склонилась над Лестатом. Она жадно вглядывалась в его лицо, точно так же, как он смотрел на мальчика.

«Да, отец, полынь и настойка опия!» — сказала она.

«Демон! — прошептал он, тщетно стараясь подняться.— Луи... положи меня в гроб. Положи меня в гроб!» — еле слышно прохрипел он. Его рука задрожала, приподнялась и снова безжизненно упала.

«Я положу тебя в гроб, отец,— сказала Клодия нежно, словно пытаясь облегчить ему мучения.— Но ты уже никогда не встанешь».— И она вытащила из-под подушки длинный кухонный нож.

«Клодия! Остановись!» — воскликнул я, но ее глаза сверкнули в ответ дикой злобой. Я никогда не видел ее такой; я замер,

как парализованный. Она быстрым движением рассекла Лестату горло, он коротко, сдавленно вскрикнул: «Боже!»

Кровь хлынула потоком на его рубашку и плащ. У людей не бывает столько крови; в ней смешались кровь мальчика и кровь предыдущих жертв; он крутил головой, извивался, и страшная булькающая рана становилась все больше. Клодия вонзила нож ему в грудь. Он качнулся вперед, судорожно схватился за рукоятку ножа, но непослушные пальцы соскользнули. Его рот распахнулся, обнажились клыки, волосы падали ему на лоб, он бросил на меня отчаянный взгляд:

«Луи! Луи!» — и, задыхаясь, упал на ковер.

Клодия стояла над ним и смотрела сверху вниз. Вокруг все было залито кровью. Он стонал, пытаясь приподняться на руках. И вдруг Клодия бросилась на него, схватила его за шею, вцепилась в его горло. Он сопротивлялся.

«Луи, Луи...» — хрипел он, стараясь сбросить ее с себя, она падала, но не отпускала его, снова взбиралась на него, падала и снова взбиралась...

Наконец она оторвалась от него, быстро встала на ноги, прижала ладонь ко рту; на мгновение ее глаза затуманились. Я отвернулся, чтобы не видеть ни ее, ни его, меня била дрожь, это было невыносимо...

«Луи! — сказала она, но я только мотнул головой, на миг мне показалось, что стены дома качаются.— Луи,— повторила она.— Смотри, что с ним творится...»

Лестат неподвижно лежал на спине. Его тело сморщивалось и высыхало на глазах. Кожа становилась толще, пошла морщинами и побелела так, что стали видны даже самые маленькие сосуды. Я задыхался, но не мог отвести глаз, даже когда начали проступать кости и губы поползли в стороны, обнажая ужасные зубы, а нос превратился в две зияющие дырки. Но глаза оставались прежними, они дико смотрели в потолок, зрачки бешено вращались. Потом кожа потрескалась, становясь все тоньше, и истлела на наших глазах. Глазные яблоки закатились, белки потускнели. Шапка светлых волнистых волос, плащ, пара начищенных до блеска ботинок — вот и все, что осталось от Лестата.

Я стоял и беспомощно смотрел на этот ужас.

— Кажется, прошла вечность. Мы молча смотрели на останки. Кровь уже успела впитаться в ковер, и цветочный узор потемнел. Кровь была повсюду — липкая и черная на паркетном полу,— пятна темнели на платье Клодии, на ее белых туфельках, на лице. Она попыталась вытереть лицо и руки салфеткой, но из этого ничего не вышло. Потом она сказала:

«Луи, ты должен помочь мне вытащить его отсюда!»

«Нет!» — Я повернулся спиной к ней и к трупу.

«Ты сошел с ума, Луи? Тело не может оставаться здесь! — воскликнула она.— Да и мальчики тоже. Ты обязан помочь мне! Мне больше не к кому обратиться, Луи!»

Я понимал, что Клодия права, но не мог ничего с собой поделать. Ей пришлось понукать меня, тащить за собой почти на каждом шагу: мое тело отказывалось повиноваться. Мы спустились во двор, заглянули на кухню и обнаружили там, в печи, кости горничных. Мы совершенно забыли про них, и это была глупая опасная беспечность. Клодия выгребла их, положила в мешок и перетащила в экипаж. Я сам запряг лошадей, успокоил пьяного кучера и погнал прочь из города в сторону Байю-Сент-Жан, к огромному черному болоту, простиравшемуся до озера Поншатрен. Клодия молча сидела рядом со мной на козлах. Мы оставили позади городские ворота с газовым фонарем, миновали деревенские домики предместий. Изрытая глубокими колеями дорога начала сужаться. По обе стороны потянулись болота, скрытые глухой стеной кипарисов и дикого винограда.

Я никак не мог решиться дотронуться до Лестата; Клодия сама завернула тело в простыню и осыпала его белоснежными хризантемами. Это было ужасно. Я хоронил его последним. Сверток показался мне почти невесомым, я чувствовал сладкий запах тления. Я положил его на плечо и ступил в черную болотную воду. У меня хлюпало в ботинках, но я все шел и шел: хотел похоронить его подальше от детей. Сам не знаю зачем, я заходил все глубже и остановился, только когда светлая лента дороги почти скрылась из виду и небо в просвете над ней начало тревожно бледнеть. Я опустил тело вниз, в болотную жижу. И стоял, потрясенный, и смотрел, как илистая вода смыкается над белым бесформенным свертком. Я медленно приходил в себя. Спасительное оцепенение, которое хранило меня всю до-

рогу от Рю-Рояль, исчезло без следа. Я смотрел на воду и говорил себе, что передо мной Лестат. Его тайная сила, волшебный дар превращения — все умерло, кануло в бездну. И вдруг неведомая грозная сила потянула меня вниз, за ним, в вечную темноту, откуда нет возврата. Я будто слышал властный голос, он звучал громко и отчетливо, по сравнению с ним человеческая речь могла показаться невнятным бормотанием: «Ты знаешь, что должен сделать. Сойди во тьму и покончи со всем раз и навсегда».

Но вдруг донесся голосок Клодии, она звала меня по имени. Я обернулся и сквозь сплетение ветвей увидел ее фигурку, далекую и крошечную, словно белый огонек, мерцающий на дороге.

На рассвете мы улеглись в гроб, она прижалась к моей груди, обняла меня и прошептала, что любит, что теперь мы навсегда свободны.

«Я люблю тебя, Луи»,— повторяла она снова и снова, и наконец кромешная тьма сжалилась надо мной и усыпила мой разум.

Вечером, когда я проснулся, Клодия разбирала вещи Лестата. Она действовала сосредоточенно и методично, но я видел, что в душе у нее клокочет ярость. Она опустошала шкатулки и ящики комодов, сваливала все в кучу на ковре, снимала с плечиков костюмы, выворачивала карманы, бросала на пол монеты, театральные билеты и обрывки бумаги, рылась в дорожных сундуках. Я завороженно наблюдал за ней, стоя на пороге комнаты, время от времени поглядывая на гроб Лестата, увитый траурными лентами и кусками черной ткани. Мне вдруг захотелось открыть его и увидеть внутри Лестата, живого и невредимого.

«Ничего! — наконец сказала Клодия и раздраженно скомкала попавшуюся под руку одежду.— Ни намека на то, откуда он явился и кто превратил его в вампира!»

Она посмотрела на меня, ища сочувствия, но я отвернулся, избегая ее взгляда, и пошел в свой кабинет. Там хранились мои книги и вещи, оставшиеся от матери и сестры. Я сел на кровать. Я слышал, что она идет за мной, но даже не поднял головы.

«Он заслужил смерть!» — сказала она.

«Тогда и мы заслуживаем ее. Каждую ночь,— ответил я.— Оставь меня.— Я плохо понимал, что говорю. В моей голове

беспорядочно теснились обрывки мыслей.— Я буду заботиться о тебе, потому что иначе ты не выживешь, но не хочу больше видеть тебя рядом с собой. Спи в своем ящике и не приближайся ко мне».

«Но я же предупреждала тебя. Ты знал, что я собираюсь сделать...» — никогда еще ее голос не звучал так тонко и беззащитно.

Я взглянул на нее с удивлением, но без сочувствия. Она совершенно преобразилась. Кукольное личико выражало ужасное волнение.

«Я говорила тебе, Луи! — лепетала она трясущимися губами.— Я поступила так ради нас обоих, чтобы мы наконец обрели свободу».

Я не мог смотреть на нее. Эта красота, эта видимость невинности... и такое страшное страдание на лице. Я выбежал из комнаты, может быть, даже толкнул ее, не помню. И уже на лестнице вдруг услышал странный звук.

Это случилось впервые за долгие годы, впервые с той ночи, когда я нашел ее, живую, льнущую к телу матери. Она плакала!

Против воли я повернул назад. Клодия плакала так горько, так безысходно, словно не надеялась, что кто-нибудь ее услышит. Я вошел в комнату. Она лежала на кровати, где я обычно сидел с книгой. Она свернулась в клубочек, все ее тело содрогалось от рыданий. Сердце у меня разрывалось. Даже живым ребенком она плакала не так горько. Я медленно, тихо опустился рядом с ней, положил руку ей на плечо. Она подняла голову, ее губы дрожали, из широко раскрытых глаз катились слезы. Эти слезы отливали кровью, кровь была у нее на руках, но Клодия ничего не замечала. Она откинула волосы со лба, ее душили рыдания.

«Луи...— прошептала она,— если ты уйдешь... если я потеряю тебя, у меня не останется ничего... Ради тебя я бы оставила все, как прежде... Но сделанного не воротишь».

Она обхватила меня руками, всхлипывая, прижалась к моей груди. Я не хотел даже прикасаться к ней, но в следующую минуту уже сжимал ее в объятиях, гладил растрепанные волосы.

«Я не могу жить без тебя...— шептала она.— Мне легче умереть, чем расстаться с тобой. Когда ты смотрел на меня таким

ужасным взглядом, мне казалось, что я умираю. Если ты разлюбишь меня, я умру, умру так же, как он!»

Она плакала все громче, все безнадежней, и я не выдержал, обнял ее и поцеловал нежную шею, щеки, похожие на спелые яблоки из райского сада.

«Все хорошо, милая,— успокаивал я ее.— Все будет хорошо...»

Я качал ее на руках медленно, плавно, и она наконец затихла, только шептала, что мы теперь будем счастливы и свободны навсегда, что начинается новая, прекрасная жизнь.

— Новая, прекрасная жизнь... Что означает смерть для того, кому суждено дожить до конца света? Да и что такое «конец света», как не пустая фраза, потому что никто толком не знает, что представляет собой этот свет? Я пожил в двух столетиях. Видел, как новое поколение создает новые прекрасные иллюзии, а следующее их безжалостно развенчивает. Я сам давно перестал строить воздушные замки и жил сегодняшним днем; вечно юный и вечно древний, я представлялся самому себе чем-то вроде часов, тикающих в пустоте: лицо-циферблат выкрашено в белый цвет, глаза глядят в никуда; вырезанные из слоновой кости руки-стрелки показывают время ни для кого... в лучах первородного света, который существовал еще до начала мира, до того, как Господь отделил свет от тьмы. Тик-так, тикают самые точные часы, в пустой комнате размером со вселенную.

Я шел по улицам один, мои ладони хранили запах волос Клодии, запах ее платья; вечерняя темнота расступалась перед моими глазами на много шагов вперед. Вдруг я понял, что стою перед собором. Что такое смерть, если тебе суждено дожить до конца света? Я подумал о смерти брата, вспомнил его четки, запах ладана и воска; вспомнил, как его отпевали, и мне захотелось снова услышать пение хора, стройные голоса женщин, стук четок. Все это было как будто вчера, так ясно и осязаемо... Я шагнул вперед, навстречу темной громаде собора.

Двери были не заперты, в щель пробивался слабый, мерцающий свет. Была суббота, люди пришли исповедаться перед воскресной мессой и причастием. Я заглянул внутрь. Тускло горели свечи. Вдали из теней выплывал алтарь, осыпанный белыми цветами. Раньше на месте этого собора была маленькая церковь, именно в ней отпевали брата. Я вдруг понял, что с тех пор

ни разу не бывал в храме, не поднимался по каменным ступеням... Толкнул дверь и вошел.

Страха не было. Наоборот, я ждал с надеждой, что стены содрогнутся, что пол уйдет у меня из-под ног. Я вступил под темные своды и увидел далеко впереди, на алтаре, слабый блеск дароносицы. И вспомнил, что однажды чуть было не зашел сюда во время службы; окна тогда ярко светились, и пение плыло над Джексон-сквер. Но в тот раз я не решился войти: подумал, а вдруг в храме меня подстерегает опасность, о которой не успел рассказать Лестат, вдруг провалюсь сквозь землю, или меня поразит удар молнии. Меня и тогда тянуло войти, но я заставил себя даже не думать об этом и пошел прочь от искушения, от распахнутых дверей и хора, слившего сотни голосов воедино. Я нес тогда Клодии подарок, куклу в подвенечном уборе: взял ее из темной витрины магазина; она была в большой красивой коробке, перевязанной лентами. Кукла для Клодии. Я вспомнил, как прижимал ее к груди, и, шагая прочь, слышал за спиной тяжелое дыхание органа, и глаза у меня болели от слепящего света тысячи свечей.

Я вспомнил тот день, и как я тогда боялся даже взглянуть на алтарь, услышать звуки Pange Lingua*. И снова подумал о брате. Вдруг я увидел гроб, он плыл по проходу, следом шли скорбящие. Теперь я ничего не боялся, но хотел, чтобы мне стало страшно, чтобы что-то случилось... Я медленно пробирался вперед вдоль темных каменных стен. Было сыро и холодно, хотя на улице стояла жара. И опять вспомнил про куклу. Где она сейчас? Клодия годами с ней играла. Я вдруг понял, что судорожно шарю в воздухе руками в поисках этой куклы и не могу, не могу ее найти, как в кошмарном сне, когда двери не открываются, не задвигается ящик комода, а ты снова и снова бессмысленно бьешься головой о стену и не можешь понять, почему ничего не получается, почему шаль, наброшенная на спинку стула, рождает в тебе смертельный ужас.

Я очнулся. Длинная очередь прихожан выстроилась в исповедальню. Вот из кабинки вышла женщина. Мужчина, первый в очереди, отчего-то замешкался. Я заметил его краем глаза, даже сейчас глаза вампира не подвели меня. Обратившись к нему

---

* Католическое песнопение. *(Примеч. ред.)*

лицом, чтобы получше рассмотреть, встретился с его пристальным взглядом и поспешно повернулся спиной. Я услышал, как закрылась за ним дверь исповедальни, прошел вперед по проходу, устало опустился на пустую скамью и едва удержался, чтобы по старой привычке не преклонить колени. Меня, как простого смертного, терзали сомнения. Я закрыл глаза и попытался ни о чем не думать. Просто смотри и слушай, повторял я себе. Полумрак собора полнился звуками: шепот молящихся, тихий стук четок, вздохи женщины, преклонившей колени перед распятием. Запах крыс поднимался из-под деревянных скамеек. Одна шуршала где-то подле резного деревянного алтаря, у статуи Девы Марии. На алтаре золотом блестели подсвечники; стебель хризантемы сломался под тяжестью огромного цветка, капли воды сияли на белых, спутанных лепестках. Горький запах хризантем плыл над алтарем, над статуями Мадонны, Христа и святых. Я смотрел на статуи и не мог отвести глаз: эти безжизненные лица, слепые взгляды, пустые руки, неподвижные складки одежды... Вдруг меня свела страшная судорога, я качнулся вперед, схватился за спинку скамейки, чтобы не упасть.

«Это же кладбище,— подумал я,— мертвые гипсовые фигуры, полые каменные ангелы».— Я поднял голову, и там, над алтарем, передо мной возникло видение, необычайно ясное и живое. Я увидел себя: вот я поднимаюсь по ступеням алтаря, открываю дароносицу, мои руки, руки чудовища, берут ковчежец со Святыми Дарами и бросают белые облатки на ковер; я попираю их ногами, топчу, и Тело Христово превращается в прах. Я встал, но видение не исчезло, и я уже знал, в чем его смысл.

В этом храме не было Бога, только статуи, эти каменные истуканы; сверхъестественные же силы воплощались только во мне. Я здесь один, высшее, бессмертное существо, и спокойно стою под этой крышей. Одиночество, граничащее с безумием. Собор рассыпался на глазах, как карточный домик, статуи святых качались и падали. Крысы жадно грызли Тело Христово, бегали по скамьям. Огромная крыса с чудовищным хвостом вцепилась в полусгнивший парчовый покров алтаря, подсвечники падали на осклизлые камни пола. Я стоял и смотрел. Невреди-

мый. Бессмертный. Я коснулся гипсовой руки Девы Марии, и она рассыпалась в пыль у меня в ладони.

Я стоял посреди руин города, посреди огромной пустыни, даже река застыла, и вмерзли в лед обломки кораблей... И увидел: прямо ко мне между этих развалин медленно движется похоронная процессия; страшные, бледные мужчины и женщины, их черные одежды развеваются, глаза горят адским пламенем. Впереди на катафалке катился гроб. По мраморным глыбам разрушенного собора сновали крысы. Процессия приближалась, и я узнал Клодию; ее глаза смотрели из-под густой черной вуали, рука, затянутая в перчатку, сжимала молитвенник в черном переплете, другую руку она опустила на гроб. Я заглянул в гроб и похолодел: под стеклянной крышкой лежал скелет Лестата; сморщенная кожа вросла в кости, зияли пустые дыры глазниц, спутанные пряди светлых волос покоились на белой атласной подушке.

Процессия остановилась. Сопровождающие беззвучно расселись по пыльным скамьям. Клодия вышла вперед, повернулась к ним лицом, открыла молитвенник. Откинув вуаль, она пристально посмотрела на меня, ее палец указывал на раскрытую страницу книги.

«И ныне проклят ты от земли...— прошептала она, и эхо руин стократно усилило ее голос.— И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле... за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро»*.

Я закричал, страшный крик поднялся из глубин моей души, словно черный клубок подкатил к горлу и сорвался с губ с сокрушительной силой; я зашатался, едва не упал. Ужасный вздох пронесся над скамейками, ропот нарастал; бледные чудовища обступили меня и теснили к гробу; чтобы устоять на ногах, мне пришлось повернуться, опереться о гроб руками и взглянуть вниз, но под стеклянной крышкой лежали не останки Лестата, а мой брат. И вдруг все стихло, словно спала пелена и чудовища растворились в ее бесшумных складках. Я остался один с бра-

* Бытие. Гл. 4 (11, 12, 15).

том. Он был юный, белокурый, прекрасный, близкий и теплый, совсем как живой. Его словно создали заново, с точностью до мельчайших черт; в воспоминаниях я не видел его таким. Волосы открывали высокий лоб, глаза были закрыты, словно он спал, тонкие пальцы сжимали распятие, губы были розовые, нежные, как шелк... Мне захотелось коснуться его, тронуть теплую кожу; я протянул руку... И все кончилось. Видение исчезло.

Я сидел на скамейке в соборе. Был субботний вечер. Густой запах воска стоял в неподвижном воздухе. Женщина перед распятием уже давно ушла, и темнота начала сгущаться со всех сторон. Юноша в одежде послушника длинным золотым шестом гасил свечи, одну за одной. Я не двигался. Он кинул на меня взгляд и быстро отвернулся, чтобы не тревожить человека во время молитвы. Он подошел к следующей свече, и вдруг чья-то рука коснулась моего плеча. Два человека были от меня так близко, а я даже не услышал их шагов, не заметил их присутствия... Я отметил про себя, что это тревожный знак, что чутье изменило мне, и это опасно, но мне было уже все равно. Я поднял глаза и увидел перед собой седого священника.

«Вы хотите исповедаться? — спросил он.— Я чуть было не запер храм, но вовремя спохватился».

Он близоруко щурился за толстыми стеклами очков. Единственным источником света оставались маленькие свечи перед образами в подсвечниках из красного стекла. Они горели очень ровно, и огромные тени колонн и статуй на стенах казались неподвижными.

«Вас что-то мучает, не могу ли я помочь?» — сказал он.

«Слишком поздно, слишком поздно»,— прошептал я и встал, чтобы уйти.

Он не заметил во мне ничего необыкновенного, доверчиво повернулся спиной и доброжелательно сказал:

«Да нет, еще довольно рано. Вы будете исповедоваться?»

Я смотрел на него и сдерживал улыбку. Но потом подумал: а почему бы нет? И пошел вслед за ним в исповедальню, хотя понимал, что ничего не получится, что это безумие. Но все равно опустился на колени, положил руки на скамейку. Он зашел за перегородку, открыл окошко, я увидел в темноте его туманный силуэт. Я молча глядел на него, потом осенил себя крестным знамением и сказал:

«Я прошу благословения, отец мой, но я грешил так долго и так много, что не знаю, как положить этому конец, как признаться перед Богом в своих преступлениях».

«Сын мой,— прошептал он в ответ.— Бог бесконечно милостив. Открой перед ним сердце, покайся в своих грехах».

«Отец, я совершал убийства, множество убийств. Женщина, найденная мертвой на Джексон-сквер два дня назад, тысячи других до нее — по одному и по двое за ночь в течение семидесяти лет — все они умерли от моих рук. Словно отвратительная старуха с косой, я бродил по улицам Нового Орлеана и отнимал человеческие жизни, чтобы продлить собственное существование. Я не простой человек, отец. Я бессмертен, и на мне лежит вечное проклятие, проклятие падших ангелов. Я — вампир».

Священник повернулся ко мне лицом:

«Что это, шутка? Развлечение? Ты пришел сюда, чтоб поиздеваться над стариком!»

И он захлопнул окошко.

Я быстро поднялся с колен, зашел за перегородку.

«Юноша, есть ли в тебе страх Божий? — спросил он.— Тебе известно, какое наказание ждет богохульников?» — Он взглянул на меня.

Я медленно приблизился к нему, он смотрел на меня с негодованием, но вдруг смешался и отступил назад. В соборе было пусто и темно. Ризничий уже ушел, свечи горели только вдали, перед алтарем, слабый золотистый ореол светился вокруг седой головы старика.

«Раз так, то не будет и тебе милосердия!» — сказал я, сжал его плечи, точно в тисках, и притянул к себе.

Он увидел меня вблизи и в ужасе открыл рот.

«Теперь ты понимаешь, кто я такой! Ответь, почему Бог, если он существует, позволяет мне беспрепятственно разгуливать по земле? — обратился я к нему.— И ты еще называешь меня богохульником!»

Он уронил молитвенник, царапал ногтями мои ладони, пытаясь освободиться, четки постукивали в складках его сутаны. С таким же успехом он мог бороться с одной из этих каменных статуй. Я раскрыл губы, обнажил смертоносные клыки.

«Почему он терпит мое существование?» — повторил я вопрос.

Его лицо исказилось от страха, злобы и презрения. Я был взбешен: с такой же ненавистью смотрела на меня Бабетта. Он прошипел, дрожа от смертельного ужаса:

«Пусти меня, сатана!»

Я отпустил его и злорадно смотрел, как он, спотыкаясь и путаясь в сутане, ковыляет по проходу. Я догнал его стремительно, как молния, вытянул руки, обхватил; мой черный плащ заслонил ему свет. Он отбивался, проклинал меня, молил Бога о помощи. У подножия алтаря я бросил его на пол, повернул лицом к себе, чтобы он видел меня, и вонзил зубы в его горло.

Вампир замолчал.

Юноша давно уже собирался закурить, но застыл, точно манекен, с сигаретой в одной руке и спичкой в другой. Он смотрел на собеседника. Тот глядел в пол. Вдруг поднял голову, взял со стола коробок, зажег спичку. Молодой человек наклонился вперед, быстро затянулся и выпустил дым. Потом, не сводя глаз с вампира, откупорил бутылку и сделал большой глоток.

— Я уже не помнил Европу,— сказал вампир.— Даже переезд в Америку стерся из моей памяти. То, что я родился во Франции, было для меня всего лишь фактом из биографии. Но все же меня неудержимо тянуло туда. Я говорил и читал по-французски и в свое время с нетерпением ждал парижских газет с последними сообщениями о событиях Революции и победах Наполеона.

Помню, как я негодовал, когда он продал Луизиану, французскую колонию, Соединенным Штатам. Я давно перестал сознавать себя французом, даже не помню когда; но я страстно хотел увидеть и узнать Европу, и не только потому, что любил европейскую философию и литературу. Я всегда чувствовал себя европейцем, а не американцем, и хотел вернуться к своим корням.

Я начал готовиться к предстоящему путешествию: разбирал сундуки и шкафы, выбрасывал ненужные вещи. Мне было нужно немного, большинство вещей можно было оставить дома до нашего возвращения.

Я твердо верил, что рано или поздно вернусь в Новый Орлеан; может быть, перееду в новый дом, чтобы начать новую жизнь, но вернусь, потому что не хотел прощаться с городом навсегда. Не мог и не хотел. И решил пока не думать об этом, устремился сердцем и помыслами к Европе.

Только теперь я начал понимать, что, если пожелаю, могу увидеть весь мир, потому что, как говорила Клодия, наконец обрел свободу.

Она уже все обдумала. Сначала мы поедем в центральную Европу. Там, считала она, больше всего вампиров. Там мы найдем ответ, узнаем, как жить дальше. Но больше всего она хотела встретиться и объединиться с вампирами «своей породы». Она часто повторяла эти слова — «моей породы», и ее голос звучал как-то особенно; я не смогу этого передать. Она повторяла, и я чувствовал, что нас разделяет пропасть. В начале нашей совместной жизни я думал, что она похожа на Лестата, ведь она переняла его инстинкт убивать, хотя в остальном разделяла мои взгляды... Теперь я понимал, что в ней меньше человеческого, чем в нас обоих. Меньше, чем мы могли представить. Она не понимала людей, их жизнь была ей чужда, неинтересна. Наверное, поэтому она держалась за меня. Я был не ее породы, но ближе меня у нее никого не было.

— Разве вы не могли,— вдруг сказал юноша,— научить ее чувствовать по-человечески? Ведь вы многому ее научили.

— Зачем? — искренне удивился вампир.— Чтобы она мучилась, как я? Согласен, я должен был поговорить с ней, должен был предотвратить смерть Лестата. Ради себя самого. Но сам ничего не понимал. Однажды сбившись с пути истинного, я уже не был уверен ни в чем.

Молодой человек кивнул.

— Извините, я не хотел вас перебить, вы собирались сказать что-то важное...

— Ничего особенно важного. Я только хотел сказать, что думал о будущем путешествии и почти забыл про смерть Лестата. Меня, как и Клодию, вдохновляла возможность встречи с другими вампирами. Я хотел снова обрести Бога. Не подумайте, я ни одной секунды не отрицал его существования. Просто потерял его. Бродил, как потерянный, со своим бессмертием, по этому миру смертных.

Но наши приключения в Новом Орлеане еще не закончились. Все началось с музыканта, друга Лестата. Он приходил к нам в тот вечер, когда я был в соборе, никого не застал и вернулся на следующий день. Слуги уже разошлись, и мне самому пришлось отворять дверь.

Я был потрясен. Он страшно похудел, на бледном лице лихорадочно блестели влажные глаза. Он не скрывал отчаяния. Я сказал, что Лестат уехал из города. Он сперва отказался поверить, а потом начал говорить, что Лестат не мог уехать просто так, что должен был оставить записку или что-нибудь еще. Потом он повернулся и пошел по Рю-Рояль, разговаривая с самим собой и ничего вокруг не замечая. Я догнал его около фонарного столба.

«Подождите, он оставил для вас кое-что»,— обратился я к юноше, нащупывая бумажник.

Я не знал, сколько у меня с собой денег, но решил отдать ему все, думал, что это его хоть немного успокоит. Я вытащил банкноты — несколько сотен долларов — и вложил их ему в руку, такую худую, что сквозь бледную кожу просвечивали голубые прожилки сосудов. Он очень оживился, но скоро я понял, что дело не в деньгах.

«Значит, он вспомнил обо мне! — воскликнул он, сжимая деньги, словно драгоценную реликвию.— Наверняка он говорил вам еще что-нибудь про меня!»

Огромные глаза умоляюще смотрели на меня. Я ответил не сразу, потому что вдруг увидел две ранки у него на шее, две маленькие пунктирные царапинки — справа, повыше грязного воротничка. Он стоял, сжимал деньги в трясущейся руке и не обращал внимания на вечернюю уличную толчею, на людей вокруг нас.

«Спрячьте деньги,— прошептал я.— Он просил передать, чтобы вы не бросали музыку».

Он явно ждал чего-то еще.

«Да? И это — все?» — спросил он.

Я не знал, что еще сказать. Был готов придумать что угодно, лишь бы он успокоился и больше не приходил к нам. Мне больно было говорить о Лестате, слова замирали на губах. И я не мог понять, откуда взялись эти ранки. В конце концов я понес полную чушь: Лестат просил передать ему привет и наилучшие по-

желания, он уехал на пароходе в Сент-Луис, потому что скоро будет война и он должен спешно закончить какие-то дела, но обещал вернуться... Музыкант с жадностью ловил каждое слово. Он весь дрожал, пот выступал у него на лбу, он не хотел меня отпускать. Наконец он прикусил губу и сказал:

«Но почему он уехал?»

Все мои старания были напрасны.

«Что случилось? — спросил я напрямик.— Что вам нужно от него? Не сомневаюсь, он хотел бы, чтобы я...»

«Он был моим другом!» — перебил он меня. Его голос дрожал от обиды.

«Вы нездоровы,— сказал я.— У вас что-то вот здесь...— я указал на ранки, внимательно следя за каждым его движением,— на горле». Он даже не понял, о чем я говорю, нащупал пораненное место и потер его ладонью.

«Не знаю. Должно быть, москиты. Их полно кругом.— Он отвернулся и добавил: — Больше он ничего не говорил?»

Я долго стоял и смотрел ему вслед. Толпа расступалась перед тощей, нелепой, черной фигурой. Дома я рассказал Клодии о странных ранках на шее музыканта.

Это была наша последняя ночь в Новом Орлеане. Завтра, ближе к полуночи, мы поднимемся на борт корабля; на рассвете следующего дня он отплывет в Европу. Мы решили вместе погулять по городу. Она шла рядом со мной, тихая и нежная; теперь ее глаза всегда были печальны, словно пролитые слезы оставили в них свой след.

«Откуда же эти ранки? — спросила она.— Лестат пил его кровь во сне или с его согласия? Я просто теряюсь в догадках...»

«Наверное, одно из двух».

Я сам ничего не мог понять.

Я вспомнил, как Лестат сказал Клодии, что нашел человека, который будет лучшим вампиром. Неужели он говорил всерьез?

«Теперь это уже неважно, Луи»,— напомнила она. Нам предстояло проститься с городом. Мы свернули с Рю-Рояль, пошли прочь от толпы. Город обнимал меня, я внимал ему всей душой и не хотел верить, что это наша последняя ночь.

Старый французский город давным-давно сгорел, на его месте выросли особняки в испанском стиле — они сохранились и

по сей день. Мы медленно шли по узким улочкам, где не разъехаться двум экипажам; за побеленными оградами и парадными воротами угадывались райские сады, роскошные, как наш собственный; казалось, их полумрак полон прекрасных тайн и обещаний; высокие банановые пальмы качались над галереями, садовые дорожки терялись в зарослях папоротника и цветов. Наверху, на балконе, смутно вырисовывались фигуры людей, теплый речной ветер заглушал их голоса и шелест веера в руках женщины... Стены домов заросли глицинией и страстоцветом, мы касались их плечами, останавливались, чтобы сорвать особенно прекрасную розу или ветку жимолости. В высоких окнах отблеск свечей метался по лепнине потолка, или радужно сияли хрустальные светильники; вот стройная женщина в вечернем туалете облокотилась на перильца балкона; драгоценные камни сверкали у нее на шее, терпкий запах ее духов смешивался с благоуханием ночи.

У нас были любимые улицы, сады, уголки, но нас неудержимо потянуло на окраину старого города, туда, где начинались бескрайние болота. Мимо нас по Байю-роад проезжал экипаж за экипажем — семьи плантаторов спешили в оперу или в театр.

Огни города остались позади, запах садов утонул в густых испарениях болот. Вид высоких, раскачивающихся деревьев, обросших мхом, навеял воспоминания об ужасной кончине Лестата. Меня мутило. Когда-то так же ясно я представлял себе разлагающееся в гробу тело брата. Вот и теперь я видел перед собой труп Лестата, завернутый в простыню, в зловонной жиже меж корней дубов и кипарисов, уже обглоданный червями и болотными тварями. Хотя — кто знает? — может, они инстинктивно чувствовали, что высохшие останки скрывают в себе смертоносный яд, и не прикоснулись к ним.

Мы повернули и быстро пошли назад, в самое сердце старого города.

Клодия нежно пожала мою руку — она хотела успокоить меня. Она прижимала к груди огромный букет цветов, которые собрала в городе, вдыхала его запах. Вдруг она прошептала так тихо, что мне пришлось наклониться, чтобы разобрать слова:

«Луи, ты все еще терзаешь себя, а ведь тебе известно лучшее лекарство. Пусть разум... пусть разум подчинится плоти.— Кло-

дия выпустила мою ладонь, шагнула в сторону и на прощание шепнула еще раз: — Забудь Лестата. Пусть разум подчинится плоти...»

Мне вспомнились строчки из книги стихов, которую я держал в руках, когда она впервые произнесла эти слова:

Рот красен, желто-золотой
Ужасный взор горит:
Пугает кожа белизной,
То Жизнь по Смерти, дух ночной,
Что сердце леденит*.

Она улыбнулась из-за угла, и через мгновение ее желтое платье растворилось в темноте. Моя подруга, моя вечная подруга.

Я свернул на Рю-Дюмейн и медленно побрел мимо темных окон. Свет фонаря за моей спиной слабел, я уходил от него все дальше и дальше, и тени кружевных чугунных решеток на мостовой расплывались, тускнели и наконец слились с темнотой. Подошел к особняку мадам Ле Клэр и прислушался. Наверху слабо взвизгивали скрипки, звенел смех. Я отошел в тень дома напротив, остановился и долго смотрел, как прогуливаются по освещенным комнатам поздние гости: мужчина с бокалом золотистого вина переходил от окна к окну, придерживая темные шторы и обращая взор к луне.

Прямо передо мной, в кирпичной стене, была распахнута дверь, и в дальнем конце двора горел свет. Я беззвучно пересек узкую улочку и почувствовал тяжелый запах кухни. Чуть помедлив, я зашел внутрь. Кто-то быстро промелькнул по двору, стукнула задняя дверь. Я огляделся и заметил женскую фигуру возле кухонной плиты. Это была высокая худая негритянка с тонким, выразительным лицом. Ее кожа блестела, как полированный черный мрамор. Она помешивала варево в большой кастрюле. Я уловил сладкий запах специй, свежего майорана и лаврового листа; но вдруг тошнотворной волной накатил смрад мясной похлебки, кровь и плоть разлагались и булькали, над кастрюлей поднимался удушливый пар. Я подошел поближе. Девушка отложила длинную железную ложку, выпрямилась,

---

* Отрывок из «Баллады о старом мореходе» С. Т. Колриджа дан в переводе Н. С. Гумилева.

упёрлась руками в великолепные, точеные бедра, белый фартук подчеркивал тонкую, изящную талию. Кипящая жижа плескалась через край, и брызги шипели на раскаленных углях. Я вдохнул соблазнительный душный запах девушки, заглушающий даже странную смесь ароматов готовящейся пищи. Теперь я стоял совсем близко, прислонившись спиной к стене дома, увитой диким виноградом. Наверху скрипки заиграли вальс и пол заскрипел — начались танцы. Девушка подошла к двери и, грациозно изогнув длинную шею, всмотрелась в темноту двора.

«Месье! — Она заметила меня и вышла в круг света, падавшего из окна верхнего этажа. Я разглядел большую округлую грудь, тонкие шелковистые руки и холодную красоту лица.— Вы пришли на вечеринку, месье? Тогда вам надо пройти наверх...»

«Нет, моя прелесть, я пришел не на вечеринку.— Я выступил из тени.— Я пришел за тобой».

— На следующий вечер, когда я проснулся, все уже было готово к отъезду: наши вещи и ящик с гробом отправлены на пароход, слуги распущены по домам, мебель накрыта белыми чехлами. Билеты, банковские чеки и документы лежали в плоском черном бумажнике.

«Значит, мы и вправду уезжаем»,— подумал я.

Я предпочел бы сегодня не убивать, но это было невозможно — нам предстояло путешествие, и я постарался насытиться, правда небрежно и наспех. Так же поступила и Клодия. Скоро нам нужно было выходить. Я сидел дома один и ждал ее. Почему-то она задерживалась, и я по обыкновению волновался. Боялся за нее, хотя не раз убеждался в том, что она может околдовать кого угодно. Часто, оказываясь слишком далеко от дома, она упрашивала прохожих помочь ей. Те с радостью соглашались и приносили ее прямо к нашему порогу, передавали в руки отца, и я щедро благодарил их за возвращение блудной дочери.

Наконец я услышал быстрые шаги. Она бежала, и я подумал, что она перепутала время и решила, что опаздывает. Я посмотрел на часы: в запасе целый час. Но, взглянув на нее, я понял: что-то не так.

«Луи, двери!» — выдохнула она с порога, прижимая руку к тяжело вздымающейся груди, и пробежала мимо меня по ко-

ридору. Я последовал за ней, запер двери на галерею, повинуясь ее отчаянным жестам.

«Что случилось? — спрашивал я.— Что с тобой?»

Но она захлопнула распахнутые окна, закрыла дверь на узенький балкончик, подняла колпак светильника и быстро задула огонь. Теперь только уличные фонари слабо освещали комнату. Она отдышалась, держась за сердце, потом взяла меня за руку и потянула к окну.

«Он шел за мной,— прошептала она.— Я слышала его шаги всю дорогу до дома, но сперва ничего не поняла.— Она перевела дыхание. Яркая вспышка в окне напротив осветила ее смертельно бледное лицо.— Луи, это тот музыкант!»

«Ну и что? — ответил я.— Должно быть, он встречал тебя раньше с Лестатом».

«Луи, он стоит там, внизу. Посмотри в окно. Попробуй разглядеть его».

Она была потрясена, даже напугана. Я ступил на балкон, не отпуская ее ладони. Она спряталась за штору, крепко сжимая мою руку. Она тоже боялась за меня. До полуночи оставалось не более часа, и Рю-Рояль опустела: магазины закрылись, экипажи возле театра только что разъехались. Где-то справа хлопнула дверь, и какая-то парочка быстро зашагала к перекрестку. Лицо женщины скрывала большая белая шляпа. Их шаги замерли вдали, и снова все стихло. Я никого не видел и не чувствовал ничьего присутствия. Клодия тяжело дышала за моей спиной. Вдруг поблизости что-то шевельнулось. Я вздрогнул, но тут же догадался, что это птицы на подоконнике внизу. Клодия тоже вздрогнула и подобралась поближе ко мне.

«Там никого нет...» — начал было я шепотом, но вдруг осекся.

Я увидел музыканта! Он стоял у входа в мебельный магазин так тихо и неподвижно, что я едва не проглядел его. Должно быть, этого он и хотел. Он повернул в мою сторону лицо, блеснувшее в темноте, точно вспышка белого света. Тревога и растерянность бесследно исчезли с окаменевших черт, на бледной коже чернели огромные глаза. Он смотрел на меня. Сомнений не оставалось: он стал вампиром.

«Я вижу его»,— прошептал я, едва шевеля губами. Клодия прижалась ко мне, ее рука дрожала в моей ладони, сердце бешено колотилось.

Она тоже увидела его и задохнулась. Я смотрел вниз, он не двигался, но вдруг кровь застыла у меня в жилах. Я услышал шаги, скрипнули ворота; они приближались, эти размеренные, громкие, гулкие, знакомые шаги на лестнице... Клодия зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Вампир внизу не двинулся с места. И я узнал эти шаги. Они принадлежали Лестату. Он добрался до входной двери, дернул за ручку, но она не поддавалась; он тряс ее, бился в дверь, будто хотел сорвать ее с петель. Клодия забилась в угол, согнулась, словно от колик, ее безумный взгляд метался между мной и вампиром за окном. Грохот за дверью нарастал, и я услышал голос.

«Луи! — кричал Лестат.— Луи!»

Он ревел, как раненый зверь. И вдруг окно гостиной разлетелось на осколки, звякнула задвижка. Я торопливо схватил лампу со стола, ломая спички, зажег огонь.

«Закрой окно и отойди подальше,— крикнул я Клодии, и она подчинилась, выведенная из оцепенения четкими словами приказа.— Зажги остальные лампы. Скорей».

Она вскрикнула, чиркая спичкой: Лестат был уже в холле.

Спустя мгновение он предстал перед нами. У меня перехватило дыхание, и я невольно отступил назад. Да, это был Лестат собственной персоной, целый и невредимый. Наклонив вперед голову, выпучив глаза, он покачивался, как пьяный, упираясь в косяк, чтобы не упасть. Его кожа была словно клубок шрамов после страшных ожогов; мутные глаза налились кровью.

«Не подходи... ради всего святого,— прошептал я.— Я брошу лампу, и ты сгоришь заживо».

И тут же услышал царапающий звук: сообщник Лестата карабкался по стене. Его пальцы обхватили прутья балконной решетки. Он всем телом навалился на балконную дверь, стекло разбилось, Клодия пронзительно закричала.

Невозможно описать, что было дальше. Помню, что запустил лампой в Лестата, она разбилась у его ног, и пламя охватило ковер. В руках у меня оказался факел — длинный кусок покрывала, которое я стянул с дивана и поджег. Я боролся с Лестатом, отбивался руками и ногами. Клодия отчаянно кричала. Разбилась еще одна лампа, и пламя побежало по шторам. На Лестате задымилась одежда, пропитавшаяся керосином, он яростно хлопал себя по спине и бокам, неловко пытался затушить пла-

мя. Он еще не оправился после смерти, ему трудно было сохранять равновесие, но, когда его стальные объятия сомкнулись вокруг меня, мне пришлось укусить его за пальцы, чтобы освободиться. На улице поднялся шум, раздались крики. Загудел колокол, возвещая о пожаре. Комната походила на преисподнюю. В яркой вспышке света я увидел Клодию, она дралась с музыкантом. Тот никак не мог поймать ее, он еще не успел войти в силу, а она вертелась, как птичка, и выскальзывала из его неуклюжих рук. Мы с Лестатом катались по полу в клубах пламени, удушливый жар обжигал мне лицо. Клодия вдруг собралась с духом, отбросила страх, схватила кочергу и ударила его; она била куда попало, он ослабил хватку, и я наконец с трудом вырвался из его рук. Она била его, била и рычала, как бешеный зверь. Его лицо исказилось от боли, он прижимал к себе перебитую руку. Его сообщник лежал на ковре с проломленным черепом.

Плохо помню, что случилось потом. Кажется, я выхватил кочергу из рук Клодии и ударил его в висок. Но его ничто не могло остановить. Одежда на мне и на Клодии уже начала дымиться, я подхватил ее на руки и бросился вниз по лестнице, собственным телом гася огонь на ее платье. Я снял плащ и сбил с него пламя. Навстречу нам бежали люди, огромная толпа уже заполонила двор, кто-то забрался на крышу кирпичной кухни. Я нес Клодию на руках, проталкивался плечами через невообразимую толчею, не отвечая на вопросы и крепко прижимая ее к себе. Наконец мы вырвались из толпы, она судорожно всхлипывала у меня над ухом, и я побежал. Я бежал как слепой, не разбирая дороги, свернул в первый узенький проулок; бежал и бежал, пока все не стихло, остались только мои шаги и ее дыхание. Я остановился. Мы снова были одни — мужчина и ребенок, обожженные и израненные. Мы молча и жадно вдыхали тихий ночной воздух.

Часть II

Всю ночь я простоял на палубе французского корабля «Марианна» и всматривался в лица пассажиров, которые поднимались по трапу. На набережной толпился народ, в каютах допоздна шумели вечеринки, палубы ходили ходуном. Но к рассвету все стало стихать, экипажи разъехались от причала. На борт поднялись последние пассажиры. Но Лестат и его сообщник, если они выжили в огне (а я в этом не сомневался), не добрались до судна. Наш багаж уже давно был на корабле, и все, что могло навести их на след, наверняка сгорело. Но все же я смотрел на трап, и Клодия, надежно запертая в каюте, не отрывалась от иллюминатора. Однако Лестат так и не появился.

Мы отплыли, как я и надеялся, еще до рассвета. Провожающие махали вслед с зеленого склона над набережной. Корабль вздрогнул, плавно отчалил и величественно заскользил по волнам Миссисипи.

Огни Нового Орлеана удалялись, тускнели, и скоро позади осталось только бледное свечение на фоне мерцающих облаков. Я устал от воспоминаний, но все же стоял и смотрел на огни, пока они не скрылись за горизонтом, потому что знал, что, может быть, никогда уже сюда не вернусь. Было почти утро, когда мимо проплывал пирс усадьбы Френьеров и Пондю-Лак, и я уже мог различить зеленую стену тополей и кипа-

рисов, вырастающую из темноты вдоль берега. Далее оставаться на палубе становилось опасно.

Я повернул ключ в замке каюты и почувствовал страшное опустошение. Ни разу за долгие годы жизни в нашей веселой семейке мне не было так безысходно страшно, и этому страху не было конца. Я забывался только на считанные минуты, когда разум и тело уже не могли выносить жуткого напряжения и слабость пересиливала страх; но легче не становилось. Лестат был сейчас за много миль от нас, но его воскресение пробудило во мне прежний тайный ужас. Клодия сказала:

«Мы в безопасности, Луи, все хорошо».

И я в ответ шепнул: «Да».

Но видел перед собой Лестата, эти выпученные глаза, это покрытое рубцами тело. Как смог он вернуться, как ему удалось победить смерть? Разве можно воскреснуть из этих ссохшихся останков? Каков бы ни был ответ, что он означал не только для него, но и для Клодии, и для меня? Мы были в безопасности от него, но были ли мы в безопасности от самих себя?

На корабле стали происходить непонятные вещи. Люди удивлялись: живых крыс не было, только их трупы, высушенные и невесомые, будто пролежавшие уже несколько дней. И началась странная лихорадка. Человек чувствовал боль и слабость в горле, непонятные пятнышки появлялись то тут, то там, а иногда пятен не было вообще, просто открывались старые раны и начинали болеть. Человек засыпал и не просыпался. Пока мы пересекали Атлантику, несколько трупов похоронили в море. Я избегал общества, якобы опасаясь лихорадки; не хотелось сидеть в курительной комнате, слушать истории из жизни и досужие человеческие разговоры. «Ел» я тоже в одиночестве. Клодия, наоборот, любила ранними вечерами смотреть, как люди прогуливаются по палубе, а потом тихо говорила мне: «Думаю, вон та будет следующей жертвой...»

Я откладывал книгу и смотрел в иллюминатор, море нежно укачивало меня, звезды сияли так ярко и так близко, как никогда не бывает на земле; они как будто касались волн. Я сидел в темной каюте один, и мне казалось, что небо опускается, чтобы соединиться с водой, что небеса и земля вот-вот сойдутся воедино, закроется страшная пропасть, и откроется великая тайна, и хаос сменится гармонией. Но кто же явит миру это откро-

вение? Бог? Или сатана? Я вдруг подумал, какой покой обрету, когда узнаю дьявола, увижу его лицо; пусть это будет страшная встреча, но я наконец узнаю, что всецело принадлежу ему, кончится мучительное неведение, и я перешагну грань, которая навсегда отделила меня от человеческого естества.

Мне казалось, что корабль движется навстречу этой тайне. Нас обнимал бескрайний простор, и не было ему конца, и сердце замирало от красоты и величия мира. И вдруг я понял, что «обрести покой» — это совсем не то; наоборот, это ужасно. Разве можно найти покой в вечном проклятии? И что такое мои мучения по сравнению с адским неугасимым пламенем? Тихое колыхание волн под вечными звездами и сами звезды — что общего у них с дьяволом? И образы, памятные с детства, всегда неподвижные в безумном водовороте смертной жизни: ангел смотрит в лицо Господа, и строгий Лик Божий — вот где вечный покой,— и мирная гладь морская — только прикосновение к нему.

Но даже в эти мгновения, когда корабль спал и спал весь мир, небеса и преисподняя казались мне только выдумкой, плодом человеческого воображения. Узнать, существуют ли они на самом деле, поверить, все равно во что — в рай или ад,— только это, наверное, могло успокоить меня.

Клодия, как и Лестат, всегда любила, чтоб было светло. Она проснулась и зажгла все лампы. У одной пассажирки она позаимствовала прелестную колоду карт в стиле Марии-Антуанетты: на ярко-малиновом фоне рубашек расцветали золотые лилии. Она раскладывала пасьянс и все время спрашивала меня про Лестата, как он мог выжить, и я поневоле стал отвечать. Она уже оправилась от потрясения. Если и помнила, как кричала в огне, то сейчас не хотела думать об этом; а слезы, которые она проливала у меня на руках, казалось, совсем стерлись из ее памяти. Она стала прежней — решительной, хладнокровной. И спокойной. Ничего не боялась и ни о чем не жалела.

«Надо было сжечь его,— сказала она.— Мы, как дураки, поверили, что он умер».

«Но как он сумел выжить? — спросил я.— Ты же видела эти останки».

Я действительно ничего не понимал и с радостью бы забыл все это, но ничего не получалось. Клодия размышляла вслух:

«Предположим, он перестал бороться, но был еще жив; заключенный в беспомощный труп, но в полном сознании...»

«В полном сознании!» — прошептал я.

«Представь, он оказался в болоте и услышал, что мы уезжаем, и нашел в себе силы двигаться. Темнота вокруг кишела живыми существами. Однажды я видела, как он поймал в саду маленькую ящерицу, оторвал ей голову и смотрел, как она умирает. Воля к жизни в нем безгранична. Его руки всегда цепко хватали все, что движется».

«Воля к жизни? — сказал я.— Думаю, дело не в этом...»

«Он напился крови, набрался сил, дополз до дороги и нашел еще кого-то. Быть может, припав к земле, он подстерег проезжающий экипаж, а может, полз, собирая кровь повсюду, где только можно, пока не добрался до лачуги иммигрантов или до какой-нибудь усадьбы. Представляю себе, как он выглядел! — Она прищурилась и посмотрела на лампу под потолком. Голос ее был приглушен и ничего не выражал.— Что он сделал потом? Мне это совершенно ясно. До рассвета он бы не успел вернуться в Новый Орлеан и, скорее всего, пошел на кладбище в Олд-Байю. Благотворительная больница каждый день доставляет туда гробы. Я прямо вижу, как он раскапывает свежую могилу, вываливает в грязь труп из гроба и прячется в нем. До следующей ночи его никто не потревожит. Да... так оно и было, я уверена».

Я долго думал и согласился, что, наверное, она права. Клодия выложила на стол еще одну карту, посмотрела на круглое лицо седовласого короля и задумчиво добавила:

«На его месте я поступила бы именно так. Почему ты так смотришь?» — Она собрала карты; маленькие пальцы старались аккуратно сложить колоду; потом она перетасовала их.

«Ты уверена, что, если бы мы сожгли его, он бы умер?»

«Конечно, уверена: если нечему воскресать, то ничего и не воскреснет. К чему ты клонишь?» — Она сдала карты себе и мне на небольшом дубовом столике, но я к ним не притронулся.

«Не знаю...— прошептал я.— Наверное, не было никакой воли к жизни... В этом нет нужды».

Клодия спокойно смотрела на меня, и я не мог догадаться, о чем она думает, поняла ли она, о чем я говорю.

«Наверное, он просто не мог умереть... А что, если он и мы... и правда бессмертны?»

Она смотрела на меня и молчала.

«Сознание в этом ужасном теле...— я отвел глаза.— Если так, то почему бы сознанию не присутствовать в чем угодно: в огне, солнечном свете... Какая разница?»

«Луи, ты просто боишься,— мягко сказал Клодия,— и не хочешь побороть страх. Ты не понимаешь: страх опасен. Мы узнаем ответ. Мы найдем тех, кто владеет этими знаниями издревле, с тех пор как вампиры появились на земле. Это наше право, право первородства, а Лестат лишил нас его и поэтому заслужил смерть».

«Но он не умер...» — сказал я.

«Он мертв,— ответила она.— Никто не мог выйти из этого дома, кругом были люди, так что он погиб, как и этот припадочный эстет, его друг. Сознание... Разве это важно?»

Она собрала карты и отложила их, жестом попросила меня подать со столика возле койки ее книги. С ними она не расставалась. Это были разные сведения о вампирах, она штудировала их, как учебники. Там не было ни английских романов ужасов, ни рассказов Эдгара По, никакой фантастики, только сухие отчеты о появлении вампиров в Восточной Европе. Она молилась на свои книги, как на Библию; вычитала, что в этих странах останки вампиров сжигали, но сперва отрубали голову и втыкали в сердце кол. Она читала их и перечитывала; пока мы пересекали Атлантику, она выучила почти наизусть записки путешественников, ученых и миссионеров. [illegible] оставила план нашего путешествия по суше, без бумаг [illegible] ндаша — все держала в голове. Мы не будем заезжать в [illegible] ьные европейские страны, мы сойдем на побережье Черного моря, в Варне, углубимся в Карпаты и там, среди глухих деревушек, начнем свои поиски.

Не о том мечтал я. Мне хотелось повидать другой мир, обрести другие знания, и Клодия пока не могла меня понять. Я так давно хотел увидеть Европу, ее древние страны, великие города; но Клодия настояла на своем. Корабль прошел Гибралтарский пролив, и мы уже плыли по Средиземному морю.

Я ждал встречи с его голубыми волнами, но это было ночное море, и я напрасно мучился, пытаясь вспомнить, каким оно бы-

ло в годы моего детства. Средиземное море стало для меня черным навсегда. В короткие холодные предрассветные часы, когда даже Клодия засыпала, утомленная чтением и голодом, потому что из осторожности мы почти всегда голодали, я опускал к самой воде фонарь, но ничего не мог разглядеть, кроме черных волн, и только отраженный луч глядел на меня из глубин немигающим глазом, как будто хотел сказать: «Луи, лишь черная тьма — твой удел. Это не твое море. Прекрасные сказания человечества, их вечные ценности — это все не для тебя».

И с тоской я думал о встрече с вампирами Старого Света, с такой горечью, что воздух, казалось, терял свою свежесть. Какую тайну, какую истину могут нам открыть эти ночные чудовища? Зачем нам эти страшные знания, зачем вообще их искать? О чем может поведать один проклятый другому?

Я так и не сошел на берег в Пирее, но в мыслях бродил по Акрополю, глядел на луну над развалинами Парфенона, измеряя собственное ничтожество величием его колонн; гулял по улицам, которыми ходили греки, погибшие при Марафоне, слушал шелест древних олив. То были памятники бессмертным, а не живым мертвецам. Эти тайны выдержали проверку временем, и я только начинал постигать их. Но я все равно возвращался к цели наших поисков, снова и снова спрашивал себя, стоит ли нам открыто задавать вопросы, ведь это огромный риск: ответ может быть непредсказуем, страшен, трагичен. Мне ли этого не знать? Я присутствовал при смерти собственного тела, видел, как все человеческое во мне увядает и умирает, чтобы снова связать меня неразрывной цепью с миром, в котором я — изгнанник, мертвый призрак с живым сердцем.

Я вспомнил [illegible]ю ночь в Новом Орлеане, когда бродил по кладбищу Сент-Луи и вдруг увидел сестру. Она состарилась, сгорбилась; она несла букет белых роз, бережно завернутый в пергамент, и, склонив седую голову, медленно брела сквозь зловещую тьму к могиле своего брата Луи. Рядом лежал и наш младший брат. Она шла проведать того Луи, который сгорел в Пон-дю-Лак и оставил огромное наследство своему неизвестному крестнику и тезке. Она принесла брату Луи белые розы, словно я умер только вчера, и не прошло полвека, словно ее, как и меня, все еще мучили воспоминания. Глубокая печаль заострила черты ее прекрасного лица, согнула ее хрупкие плечи.

И я ничего не мог сделать. Не мог коснуться ее серебристых волос, прошептать, как люблю ее. Я не хотел, чтобы ее горе сменилось смертельным ужасом. И оставил ее наедине с печалью, оставил навсегда.

Я слишком много и долго мечтал, но я был узником этого корабля и этого тела, которое зависит от каждого восхода солнца, как никакое другое. Мое сердце стремилось в горы Восточной Европы в надежде найти ответы на вопросы: почему Бог допускает такие страдания? Почему Бог позволил им начаться и как можно положить им конец? Пока я не узнаю ответы, у меня не хватит мужества покончить с этим. И наконец Средиземное море сменилось Черным.

Вампир вздохнул. Юноша сидел, подперев щеку ладонью, его глаза покраснели от усталости, но он ждал продолжения.

— Вы думаете, я с вами играю? — спросил Луи, на мгновение нахмурив брови.

— Нет,— поспешно ответил юноша.— И я не буду ничего спрашивать. Вы сами расскажете, когда захотите.

Вдруг из глубины дома донесся приглушенный шум,— это был старый дом в викторианском стиле,— кто-то тяжело ступал по дряхлым половицам. Впервые посторонний звук вмешался в разговор, юноша посмотрел на дверь, удивленно оглядел ся, словно только что вспомнил, где находится. Вампир не шевельнулся. Он смотрел в пустоту; в мыслях он был далеко отсюда.

— Та деревня... Я уже не помню, как она называлась. Она находилась в нескольких милях от побережья, мы добрались туда в экипаже. Что это был за экипаж! Клодия постаралась на славу. Этого и следовало ожидать, но меня такие вещи всегда заставали врасплох. В Варне я заметил, что она опять переменилась. Это была моя дочь, но в равной мере и дочь Лестата. Она переняла мое отношение к деньгам, а у Лестата научилась тратить их направо и налево. Она наняла самый роскошный черный дилижанс, который отыскался в Варне; на его кожаных сиденьях можно было разместить целый отряд путешественников, не говоря уже о мужчине, ребенке и резном дубовом ящике. Сзади были прикреплены два сундука с самой лучшей одеждой, какую только можно было достать в местных магази-

нах. Огромные колеса на мягких рессорах с пугающей легкостью и быстротой катили весь этот груз по извилистым горным дорогам. Это было волнующее переживание. Наши лошади неслись по незнакомой, странной стране, и мерно покачивался дилижанс.

Нас окружала пустынная местность, мрачная, как любой сельский ландшафт. Неясные очертания замков и развалин рождали во мне незнакомую тревогу, да и местное население не внушало доверия. В маленьких деревушках нам негде было укрыться от их глаз; и мы понимали, что это очень опасно.

В Новом Орлеане не было нужды скрывать следы убийств: наши жертвы терялись в гибельном море чумы, лихорадки и преступности. Но сейчас нам приходилось покрывать большие расстояния, чтобы оставаться незамеченными. Здешний простой люд, которому оживленные улицы Нового Орлеана, наверное, показались бы сущим адом, свято верил, что мертвые ходят по земле и пьют кровь живых. Они знали наши имена: вампир, дьявол. Мы были в курсе всех местных слухов и не хотели сами их порождать.

Мы переезжали из селения в селение, поспешно, всегда без попутчиков, стараясь не привлекать внимания людей. На постоялых дворах я сидел у камина, Клодия у меня на руках притворялась спящей. Я прислушивался к разговорам местных крестьян и приезжих — вдруг кто-то заговорит по-немецки или по-французски и речь зайдет про вампиров; но мне удавалось услышать только неясные слухи или старые легенды — и ничего определенного.

И наконец мы добрались до той деревни, до поворотной точки нашего путешествия. Свежий воздух, ночная прохлада — все это стерлось из моей памяти. Даже сейчас я вспоминаю те места с невольным содроганием.

Предыдущую ночь мы провели на уединенной ферме и ничего не успели узнать. Но эта деревня сразу нас насторожила. Мы приехали не слишком поздно, но на улице не было ни души. Все ставни были захлопнуты, мертвый фонарь качался на ветру у входа на постоялый двор. Неубранный мусор на крыльце, сухие цветы в витрине запертого магазина, пустой бочонок перекатывался по темному двору гостиницы — казалось, здесь свирепствует чума.

Я помог Клодии выйти из экипажа и вдруг заметил под дверью гостиницы тусклую полоску света.

«Скорее набрось капюшон,— прошептала Клодия.— Сюда идут». Кто-то внутри отодвигал щеколду.

Вначале я увидел только свет и очертания женской фигуры в дверном проеме; потом женщина шагнула вперед, и фонарь нашего экипажа осветил ее лицо.

«Нам нужна комната на ночь,— сказал я по-немецки.— И стойло для лошадей. Они выбились из сил».

«Ночь — неподходящее время для путешествий,— сказала она странным, безжизненным голосом.— Особенно с ребенком».

За ее спиной я разглядел комнату: там, у огня, тихо переговаривались люди. В основном крестьяне; только один мужчина был одет примерно как я: сшитый на заказ костюм, плащ; но его одежда помялась и запылилась. Огонь очага освещал его рыжие волосы. Это был иностранец, как и мы, и только он один не встретил нас настороженным взглядом. Его голова покачивалась, как у пьяного.

«Моя дочь устала,— сказал я женщине.— Нам негде больше остановиться...» И вдруг услышал тихий шепот Клодии:

«Луи, посмотри... там, над дверью... чеснок и распятие!»

Такого я никогда не видел: маленькая бронзовая фигура Христа на деревянном кресте, свежие и высохшие гирлянды чеснока обвивали распятие. Женщина проследила за моим взглядом, потом пристально посмотрела на меня. Я увидел, как она измучена: темные волосы не прибраны, глаза покраснели, дрожащая рука теребит платок на груди. Я шагнул на порог, она, помедлив, распахнула дверь; я прошел мимо нее, она что-то прошептала, и я догадался, что это молитва, хотя не понимал славянских слов.

В маленькой, тускло освещенной комнате были люди, много людей, мужчины и женщины; они сидели на скамьях вдоль грубых дощатых стен, и даже на полу. Казалось, здесь собралась вся деревня. Младенец спал на руках у матери, другой ребенок, постарше, устроился на ступеньках лестницы, подложив под голову руки. И всюду чеснок, на гвоздях и крючках по стенам, в горшках, мисках и кувшинах, на столах. Только очаг освещал

комнату, изменчивые тени ложились на мрачные лица. Люди молча смотрели на нас.

Никто не двинулся, не предложил нам сесть. Наконец хозяйка сказала по-немецки, что я могу отвести лошадей в стойло. Она долго смотрела на меня красными, безумными глазами; потом ее лицо смягчилось. Она сказала, что посветит мне с порога фонарем, только надо оставить ребенка здесь и поторопиться.

Но меня встревожил странный запах; я различил его сквозь чад очага и винный дух. Это был запах смерти. Рука Клодии дрогнула у меня на груди, маленький палец указал на дверь возле лестницы. Запах доносился оттуда.

Я отвел лошадей. Женщина принесла мне стакан вина и миску с супом. Я присел, Клодия устроилась у меня на коленях. Она отвернулась от огня и не сводила глаз с таинственной двери. Все по-прежнему смотрели на нас. Все, кроме иностранца. Я рассмотрел его получше. С первого взгляда он показался мне гораздо старше. Но я ошибся: он был просто очень измучен. Худое приятное лицо, светлая веснушчатая кожа. Почти мальчик. Большие голубые глаза смотрели на огонь, брови и ресницы золотились от света, взгляд был открытый и детский. Но что-то мучило его, не давало покоя. И он был сильно пьян. Вдруг он повернулся ко мне лицом, и я увидел, что он плачет.

«Вы говорите по-английски?» — прозвучал в тишине его голос.

«Да»,— ответил я.

Он победным взглядом обвел каменные лица.

«Вы говорите по-английски! — воскликнул он, его губы скривились в горькой усмешке. Он поднял глаза к потолку, потом снова повернулся ко мне: — Бегите из этой страны! Запрягайте коней, загоните их насмерть, только бегите отсюда!»

Его плечи болезненно затряслись, он прижал ладонь ко рту. Хозяйка холодно сказала по-немецки:

«Вы сможете уехать завтра утром».

Она стояла у стены, сложив руки на грязном фартуке.

«Что случилось?» — спросил я у нее шепотом.

Потом посмотрел на молодого человека, но он ответил мне стеклянным взглядом. Все молчали. В камине тяжело ухнуло полено.

«Расскажите мне, что случилось»,— попросил я англичанина.

Он поднялся. На минуту мне показалось, что он упадет, но он только качнулся, оперся о край стола и наклонился ко мне. Его черный пиджак и манжеты сорочки были забрызганы вином.

«Вы хотите это увидеть?» — он прерывисто вздохнул, заглянул мне в глаза.

«Оставьте ребенка здесь!» — повелительно сказала женщина.

«Она спит»,— ответил я, поднялся и последовал за молодым человеком к той двери, что у лестницы.

Люди поспешно отодвинулись от двери, и мы вошли в маленький зальчик.

Единственная свеча горела на буфете, и первым делом я заметил ряд искусно расписанных тарелок на буфетной полке. Маленькое окно было занавешено, на стене тускло отсвечивала картина: Дева Мария с младенцем Иисусом. Посреди комнаты стоял большой дубовый стол. На нем лежала молодая женщина со сложенными на груди белыми руками. Рыжеватые волосы разметались вокруг шеи и по плечам. Прелестное лицо уже застыло маской смерти. Свисающие с запястья янтарные четки чуть поблескивали на фоне темного шерстяного платья. Рядом лежали красная фетровая шляпа с широкими мягкими полями и вуалью и пара черных перчаток. Вещи будто ждали, что хозяйка вот-вот проснется. Англичанин подошел поближе, аккуратно поправил шляпу, достал из кармана большой платок и уткнулся в него лицом. Он едва сдерживал рыдания.

«Знаете, что они хотят с ней сделать? — прошептал он, взглянув на меня.— Как вы думаете?»

Хозяйка подошла, тронула его за руку, но он грубо оттолкнул ее.

«Не знаете? — прокричал он свирепо.— Варвары!»

«Прекратите!» — глухо проговорила женщина.

Он сжал зубы и тряхнул головой. Волосы упали ему на глаза.

«Не подходите к ней,— сказал он хозяйке по-немецки,— и ко мне тоже».

В соседней комнате шептались. Англичанин еще раз взглянул на мертвую, его глаза наполнились слезами.

«Такая невинная,— нежно прошептал он и, вдруг задохнувшись, потряс кулаком в потолок: — Будь ты проклят... Бог! Я ненавижу тебя!»

«Господи»,— выдохнула женщина и быстро перекрестилась.

«Посмотрите»,— сказал молодой человек и расстегнул кружевной воротничок платья, бережно, словно не мог и не хотел прикасаться к мертвому телу.

Да, это были они. Сколько раз я их видел... Там, на горле, на пожелтевшей коже, темнели две маленькие отчетливые ранки. Англичанин покачнулся, закрыл лицо руками.

«Мне кажется, я схожу с ума!» — произнес он.

«Идемте отсюда».— Хозяйка вцепилась в молодого человека, щеки ее вспыхнули.

«Оставьте его,— остановил я ее.— Я позабочусь о нем».

«Если так будет продолжаться, я выброшу вас отсюда, прямо сейчас».— Губы женщины дрожали, она сама держалась из последних сил. Потом повернулась, закуталась в платок и бесшумно вышла из комнаты. Люди в дверях расступились и пропустили ее.

Англичанин плакал.

Я знал, что должен остаться с ним, но не только затем, чтобы выведать что-нибудь у него; мое сердце тяжело билось от волнения: невыносимо было видеть, как он страдает. Безжалостная судьба столкнула нас в ту ночь.

«Я побуду с вами»,— предложил я и принес два стула. Англичанин сел и уставился на свечу.

Я закрыл дверь, и стены отступили в темноту; огонь свечи озарял его склоненную голову. Облокотившись на буфет, он вытер глаза носовым платком, достал из кармана оплетенную бутылку и предложил мне. Я отказался.

«Расскажите мне, что случилось».

Он кивнул.

«Надеюсь, вы добавите хоть немного здравого смысла этим людям. Вы ведь француз?»

«Да»,— подтвердил я.

Он горячо сжал мою руку. Он был так пьян, что не почувствовал ее холода. Сказал, что его зовут Морган, что я нужен ему сейчас, как никто и никогда. Я держал его руку, она дрожала, как в лихорадке, и я... Не знаю почему, но я открыл ему свое

имя, которое почти никому не доверял. Но он словно не слышал меня, смотрел на мертвую женщину, его губы сложились в слабое подобие улыбки, глаза наполнились слезами. Эти слезы растрогали бы даже камень.

«Это я ее погубил! Я привез ее сюда».

Он удивленно поднял брови.

«Нет,— поспешно возразил я.— Вы не виноваты. Скажите, кто это сделал?»

Он замешкался, будто сбившись с мысли.

«Я никогда не выезжал из Англии. Понимаете, я художник... Господи, разве это важно... Мои картины, альбом... Я так любил свою работу! — Его голос сорвался, он обвел глазами комнату; долго, молча смотрел на умершую, потом нежно прошептал: — Эмили!»

И на мгновение передо мной открылись сокровенные глубины его сердца.

Постепенно события стали проясняться. Морган и Эмили только что поженились и отправились в свадебное путешествие. Они поездили по Германии, потом добрались сюда на попутных дилижансах. Морган искал места для этюдов; кто-то сказал ему, что возле этой глухой деревеньки сохранился старинный монастырь. Но молодые так и не успели его увидеть. Трагедия подстерегла их раньше.

Оказалось, что дилижансы в эту сторону не идут, и Морган нанял крестьянина с телегой. На кладбище при въезде в деревню толпился народ. Едва увидев это, крестьянин остановил повозку и отказался ехать дальше.

«Сперва я решил, что там похороны,— рассказывал Морган.— Люди в парадной одежде, с цветами — это, признаюсь, заинтриговало меня. Так захотелось разглядеть происходящее поближе! Мы отпустили парня, сгрузили на землю багаж. Деревня была в двух шагах от нас. На самом деле, конечно, затея была в большей степени моя, нежели Эмили, но она всегда во всем меня поддерживала. Я оставил ее сидеть на чемоданах, а сам взобрался на холм. Вы не видели по дороге кладбище? Наверняка видели. Слава Богу, что вы доехали целыми и невредимыми. Хотя лучше бы вы скакали мимо, не останавливаясь,— не важно, что кони устали...»

Он опять замолчал.

«Так в чем же была опасность?» — мягко, но настойчиво спросил я.

«А... опасность. Варвары!» — прошептал Морган, оглядываясь на дверь. Он еще раз глотнул из бутылки.

«Так вот, не было никаких похорон. Я сам это видел,— продолжал он.— Люди не стали даже разговаривать со мной — вы же знаете, какие они,— но никто не возражал против моего присутствия. Я все вам расскажу, только вы мне, конечно, не поверите. Но вы должны, должны мне верить, иначе я сойду с ума».

«Я верю вам, продолжайте»,— сказал я.

«Я сразу заметил, что на кладбище много свежих могил. На одних стояли новенькие деревянные кресты, на других просто могильные холмики, осыпанные свежими цветами. У крестьян тоже были цветы, будто они пришли возложить их на могилы. Но никто не двигался. Все взгляды были устремлены на двух мужчин, которые держали под уздцы белого коня. О, что это было за животное! Конь бил копытом, перебирал ногами, бросался из стороны в сторону, словно ни минуты не желал стоять на месте. Великолепный породистый жеребец, белый как снег. И вдруг — не знаю, как и почему это произошло, никто не произнес ни слова — один мужчина, должно быть, самый главный, со всей силы ударил коня черенком лопаты, и тот, не разбирая дороги, понесся на холм. Я был уверен, что вижу этого красавца в последний раз. Но я ошибся. Жеребец замедлил бег, развернулся и мимо старых могил спустился вниз к свежим. Люди молча следили за ним. Конь рысью проскакал по насыпанным холмикам, сминая цветы, но никто даже не двинулся, чтобы взять его под уздцы. Наконец животное остановилось прямо на одной могиле».

Морган вытер глаза, но слез уже не было. Казалось, он, как и я, зачарован рассказом.

«Вот что случилось дальше,— продолжал англичанин.— Конь стоял и не двигался. Вдруг из толпы донесся крик. Нет, даже не крик, а общий стон. Потом снова все стихло. Мужчина, который был за главного, пробился вперед и прокричал что-то другим. Но тут одна из женщин вскрикнула и бросилась на могилу прямо под копыта лошади. Я подошел поближе и прочитал на надгробии имя. Это была молодая девушка, она умерла

полгода назад: дата смерти была начертана там же. Тем временем несколько мужчин пытались поднять и оттащить несчастную женщину. Она упала на колени в грязь и обхватила камень, будто собиралась вырвать его из земли. Я уже хотел было уйти, но не смог. Должен был понять, что происходит. Эмили ничего не грозило: никто даже внимания на нас не обратил. Женщину наконец подняли с земли, мужчины лопатами начали раскапывать могилу. Скоро один из них оказался на дне, и в нависшей тишине слышались только звуки вонзающегося в грунт железа и отбрасываемой земли. Не могу описать, что это было. Солнце в зените, на небе ни облачка, все стоят, держатся за руки, даже та бедная женщина...»

Его взгляд упал на Эмили, он запнулся. Я ждал. Он снова приложился к бутылке, и я почувствовал запах виски. Слава Богу, подумал я, у него еще есть чем залить горе.

«С таким же успехом могла быть и полночь,— произнес он очень тихо, глядя на меня.— Такое было впечатление. А потом... этот мужчина внутри могилы ударил лопатой по крышке гроба! Наверх полетели обломки досок — он бросал их направо и налево. И вдруг он страшно закричал! Люди бросились к могиле и тут же с воплями отшатнулись. Некоторые пытались протиснуться сквозь толпу и убежать, а обезумевшая женщина упала на колени и билась в руках мужчин. Я должен был подойти и посмотреть, вряд ли что-нибудь могло удержать меня тогда. Я наклонился над могилой... Никогда я такого не видел, и не приведи Господь увидеть еще раз. А теперь вы мне просто обязаны поверить! Крестьянин стоял в могиле посреди обломков, а перед ним в гробу лежала мертвая девушка. Я вам говорю... Я вам говорю, она была свежая, розовая.— Его голос надломился, глаза расширились, скрюченные пальцы хватали воздух, умоляя меня поверить его словам.— Совсем как живая! Она шесть месяцев пролежала в земле. Ее саван был откинут, руки покоились на груди. Она как будто спала».

Морган тяжело вздохнул, оперся локтями на колени и обхватил руками голову. Он сидел и смотрел в пустоту.

«Клянусь вам, это правда,— сказал он наконец.— Тот мужчина, что стоял в могиле, поднял ее руку, и она подалась так же легко, как и моя сейчас! Он рассмотрел ногти девушки и что-то прокричал; безумная женщина пинала мужчин, державших ее,

и земля из-под их ног падала прямо на лицо и волосы мертвой. О, если б вы видели, как прелестно было лицо и что они сделали потом!»

«Так что же они сделали?» — спросил я, хотя уже знал ответ.

«Говорю вам... Невозможно поверить, пока не увидишь своими глазами.— Он наклонился ко мне, поднял брови, будто доверяя страшный секрет.— Но мы многого в мире не знаем».

«Вы правы»,— ответил я.

«Так вот, они достали кол, деревянный, тот мужчина внизу взял молоток и приставил острие к сердцу девушки. Я не поверил своим глазам! Одним страшным ударом он вогнал кол в лежащее тело. Я будто окаменел, не мог сдвинуться с места. И этот зверь потянулся за лопатой, размахнулся и ударил острием по горлу покойницы. Голова отлетела примерно вот так».

Морган закрыл глаза, дернулся и уронил голову набок.

Я смотрел на него, но видел только женщину в могиле, ее отрубленную голову. Тошнотворный комок подкатил к горлу, я не мог вздохнуть, меня выворачивало наизнанку. И вдруг моего запястья коснулись губы Клодии. Она внимательно смотрела на Моргана и, по-видимому, вошла сюда уже давно.

Он медленно поднял на меня безумные глаза.

«То же самое они хотят сделать и с НЕЙ,— сказал он.— С Эмили! Ну да я не позволю им это.— Он непреклонно мотнул головой.— Не позволю, и вы, Луи, должны мне помочь».

Губы англичанина дрожали, лицо скривилось от отчаяния, и я почувствовал невольное отвращение.

«Луи, в наших жилах течет одна кровь. Я имею в виду... мы же цивилизованные люди, а не эти дикари!»

«Постарайтесь успокоиться, Морган,— сказал я и протянул к нему руку.— Я хочу, чтобы вы мне рассказали, что же случилось после с вами и Эмили...»

Морган пытался достать бутылку, я помог ему вытащить ее из кармана и открыл пробку.

«Вы настоящий друг, Луи,— благодарно кивнул Морган.— Я поскорее увел Эмили оттуда. Они собирались сжечь труп прямо на кладбище. Она не должна была это видеть...— он схватился за голову.— Мы не могли найти экипаж, чтобы уехать: никто не хотел везти нас в такую даль. До ближайшего спокойного места два дня пути».

«Но как же местные жители все это объясняют?» — настаивал я, потому что видел: молодой человек долго не продержится.

«Вампиры! — воскликнул Морган и расплескал виски.— Вампиры, Луи, можете ли вы в это поверить?! — Он указал бутылкой на дверь.— Нашествие вампиров! Они все говорили шепотом, будто сам дьявол подслушивал за дверью: Господь смилостивился, и мы ее остановили! Та несчастная девушка с кладбища; оказывается, это она каждую ночь выбиралась из могилы и охотилась за ними! — Он снова присосался к бутылке и простонал: — О Боже...»

Я смотрел, как он пьет, и терпеливо ждал.

«А Эмили...— продолжал Морган,— ей все это казалось чарующим, как огонь в очаге, как славный ужин или стакан хорошего вина. Она не видела мертвой девушки, не видела, что с ней сделали.— В его голосе звучало отчаяние.— Как я хотел выбраться отсюда! Я предлагал им деньги, говорил, раз все кончилось, можно нас увезти и подзаработать».

«Но ничего не кончилось...» — прошептал я.

Его грубы дрогнули, слезы навернулись на глаза.

«Как это случилось?» — задал я вопрос.

«Не знаю»,— выдохнул Морган, покачал головой и прижался лбом к бутылке, словно искал прохлады.

«Вампир пробрался на постоялый двор?»

«Мне сказали, что она сама вышла к нему.— Слезы текли по его щекам.— Все было заперто! За дверями и окнами все время следили, но наутро поднялся крик: Эмили ушла. Окно было распахнуто. Я выбежал, даже толком не одевшись, и нашел ее на улице, позади дома... Эмили лежала под персиковыми деревьями, у нее в руках была пустая чашка. Они сказали, что вампир выманил ее, она хотела дать ему попить...»

Бутылка выскользнула из его рук. Он ссутулился, зажал уши ладонями, уронил голову на грудь.

Я сидел, смотрел на него и не знал, что сказать.

Он тихо плакал, говорил, что эти люди хотят осквернить его жену, они считают, что она тоже стала вампиром...

«Нет,— сказал я ему,— это не так». Но он уже не слушал меня. Чуть не падая, он подался вперед, потянулся к свече и, потеряв равновесие, толкнул ее так, что горячий воск затушил то

немногое, что осталось от фитиля. Мы оказались в темноте, и он безвольно уронил голову на руки.

Теперь казалось, что весь свет в комнате собрался в глазах Клодии. Я сидел в некоторой растерянности, надеясь, что Морган не проснется, но, когда тишина стала затягиваться, вошла хозяйка. Ее свеча осветила пьяного спящего англичанина.

«Теперь выйдите,— сказала она мне. Вокруг нее толпились темные фигуры, женские и мужские; старая деревянная гостиница наполнилась шарканьем шагов.— Ступайте к огню».

«Что вы собираетесь делать? — Я поднял Клодию и прижал к себе.— Я хочу знать, что вы решили предпринять!»

«Идите к огню»,— приказала женщина.

«Остановитесь, не делайте этого»,— сказал я.

Глаза хозяйки сузились, она процедила сквозь зубы:

«Выйдите отсюда!»

«Морган»,— позвал я англичанина, но он не услышал меня.

«Оставьте его»,— с яростью сказала женщина.

«Но это же глупо! Разве вы не понимаете — эта женщина уже умерла!» — взывал я к ней.

«Луи,— прошептала Клодия неслышно для остальных, обняв меня за шею,— оставь этих людей».

Крестьяне входили в комнату, устремив на нас мрачные взоры, и становились вокруг стола.

«Но откуда они? — прошептал я.— Вы же обыскали кладбище! Если это вампиры, то где они прячутся от вас? Эта женщина уже не причинит вам вреда. Лучше уж устройте охоту на вампиров».

«Днем,— мрачно кивнула хозяйка.— Мы их поймаем днем».

«Где? Там, на кладбище? Будете разрывать могилы?»

Она мотнула головой.

«Развалины,— ответила женщина.— Мы ошиблись: они прятались там всегда, еще во времена моего деда. И сейчас ОНИ там. Если придется, мы разберем это место камень за камнем. Но сейчас... уходите из комнаты. Мы вышвырнем вас вон, прямо в темноту! — Она вытащила из-под фартука зажатый в кулаке кол и подняла его в мерцающем пламени свечи.— Слышите меня, уходите!» — повторила она. За ее спиной, молча сверкая глазами, сгрудились мужчины.

«Да...— ответил я.— Прочь отсюда. Так будет лучше».

Я прошел мимо, чуть не отбросив ее в сторону. Остальные отступили назад. Я взялся за щеколду и одним быстрым движением отодвинул ее.

«Нет! — закричала женщина на своем гортанном немецком. Она с ужасом смотрела на щеколду.— Вы не понимаете, что делаете!»

«Где эти развалины? — холодно спросил я.— Надо ехать налево или направо?»

«Нет, нет!» — Она отчаянно мотала головой.

Я открыл дверь, мне в лицо ударил холодный воздух. Одна из женщин около стены что-то зло и отрывисто сказала. Всхлипнул во сне ребенок.

«Я ухожу. Мне нужно только одно. Скажите мне, где эти развалины, чтобы мы держались от них подальше. Ну, говорите».

«Вы не знаете, что делаете»,— бормотала она.

Я взял хозяйку за запястье и медленно потянул за собой. Доски пола заскрипели, она упиралась. Мужчины подвинулись было ближе, но, когда женщина ступила на порог в темноту, остановились. Она вскинула голову, и волосы упали на ее дикие, расширенные глаза, свирепо глядевшие на мою руку.

«Говорите же»,— сказал я.

Она смотрела уже не на меня, а на Клодию. Клодия повернулась к ней, и отблески огня освещали лицо девочки. Я знал, что женщина не видит сейчас ни пухлых щечек, ни детских губ, а только глаза, полные темной дьявольской мудрости. Хозяйка нервно покусывала губы.

«К северу или к югу?»

«К северу...» — прошептала она.

«Направо или налево?»

«Налево».

«Как далеко отсюда?»

Ее рука отчаянно вырывалась.

«Три мили»,— выдохнула женщина.

Я отпустил ее. Женщина отшатнулась к двери, глядя на меня со страхом и непониманием. Я уже повернулся, чтобы идти, но вдруг она окликнула меня. Я обернулся. Она сорвала распятие с притолоки над своей головой и протянула мне. Из темного кошмара моей памяти выплыли Бабетта, ее слова: «Изыди,

сатана!», ее ненависть. Но на лице женщины было написано только отчаяние.

«Во имя Господа, возьмите! — сказала она.— И поезжайте быстрее».

Двери захлопнулись, мы с Клодией остались одни в кромешной темноте.

— Несколько минут — и мрак ночи сомкнулся над слабыми фонарями нашей кареты, будто бы никогда и не существовала эта деревня. Экипаж кренился на поворотах, скрипя рессорами, тусклая луна на мгновение освещала бледные контуры за соснами. Я все время думал о Моргане, слышал его голос. И с ужасом ждал встречи с существом, убившим Эмили, с чудовищем, с одним из НАС. Клодия же пребывала в неистовом возбуждении. Если бы она умела править лошадьми, то наверняка взяла бы поводья в свои руки. Она все время просила меня гнать быстрей, ее задевали низкие ветви, хлестали по лицу, но рука на моем поясе была тверда как сталь.

Помню, дорога резко свернула, звякнули фонари, и Клодия прокричала сквозь ветер:

«Смотри, Луи, это здесь!»

Я резко натянул поводья, Клодия упала на колени, привалилась ко мне. Карета остановилась, слегка покачиваясь, как корабль в море.

Луна выплыла из-за облака и осветила высоко над нами тусклые очертания башни, в длинном узком окне просвечивало мутное небо. Экипаж уже замер на рессорах, а я еще сидел, вцепившись в сиденье, и пытался унять головокружение. Тихо заржала лошадь, и наступила тишина.

«Идем, Луи»,— сказала Клодия.

Я прошептал что-то, наверное, слова отказа. С ужасной отчетливостью я чувствовал присутствие Моргана, слышал его тихий бесстрастный голос. Но никого не было вокруг нас. Только шум ветра и мягкий шелест листьев.

«Как ты думаешь, ОН знает, что мы здесь?» — спросил я и не узнал сквозь ветер свой голос. Я сидел в этом тесном пространстве и не видел выхода, а густой лес вокруг казался ненастоящим. Наверное, я вздрогнул — Клодия очень нежно коснулась моей руки. Стройные сосны возвышались за ее спиной,

шум листьев все нарастал, будто гигантский рот с силой выдувал воздух.

«Они закопают ее прямо на перекрестке? Что они с ней сделают? С англичанкой!» — прошептал я.

«О Луи,— сказала Клодия.— Если б я была такая большая, как ты, и если б у тебя было мое сердце!»

Она наклонила ко мне голову, будто хотела укусить, я отпрянул было назад, но почувствовал лишь осторожное прикосновение ее губ, нежно вобравших мое дыхание. Я ласково обнял Клодию.

«Я поведу тебя,— сказала она.— Возьми меня на руки и помоги спуститься. Назад нам дороги нет». Казалось, прошла вечность. Ее губы касались моего лица. И вдруг она отодвинулась, унося теплоту своего маленького тела, на мгновение сжала мою руку и грациозно и легко, словно паря в воздухе, спрыгнула вниз. Она стояла на дороге в дрожащем снопе фонаря и смотрела на меня.

«Спускайся, Луи»,— позвала она и отступила в темноту. Я быстро снял с крючка фонарь и через секунду уже стоял рядом с ней в высокой траве.

«Разве ты не чувствуешь? — прошептал я.— Опасность... Она разлита в воздухе».

Неуловимая улыбка мелькнула на губах Клодии. Она повернулась к склону холма, луч фонаря высветил дорогу наверх, проходившую между деревьями. Маленькой белой рукой она накинула капюшон и двинулась вперед.

«Подожди...»

«Страх твой — враг твой»,— ответила Клодия и не остановилась.

Она шла вперед твердым шагом, груды камней сменили высокую траву, лес сгущался, огромные ветви зловеще шумели высоко над головой. Луна зашла, башня скрылась в темноте за высокими кронами деревьев, слабый ветер уже не доносил запах лошадей.

«Будь настороже»,— шепнула Клодия, неумолимо продвигаясь вперед. Только на секунду она остановилась: дикий виноград обвивал камни и сплетался над головой, и с первого взгляда казалось, что это беседка. Но руины были древние: чума, пожар или набеги чужеземцев опустошили некогда этот город. Остался только монастырь.

Из темноты донесся звук — но не ветер и не шум листьев. Клодия насторожилась, замедлила шаг, потом махнула рукой в сторону. Я посмотрел туда. Горный ручей медленно спускался по склону, петлял между камней и обрывался отвесным, бурлящим водопадом; брызги воды сияли в лунном свете. На фоне водопада мелькнул силуэт Клодии: она схватилась за корень, торчащий из влажной земли, и полезла вверх по откосу, подтягиваясь на руках; ноги в маленьких ботинках нащупывали опору. Ручей был холодный; я вдохнул влажный свежий воздух, и на мгновение мне стало легче. Я прислушался: журчала вода, листья шелестели на ветру, но больше — ни звука, ни движения. И вдруг страшная догадка поразила меня, руки похолодели: здесь было слишком тихо, безжизненно. Будто лесные звери и птицы нарочно избегали этих мест. Клодия стояла на выступе надо мной; она попыталась дотянуться до фонаря, ее накидка коснулась моего лица. Я поднял фонарь, свет озарил ее замкнутое ангельское лицо. Она протянула мне руку, чтобы помочь подняться в гору. Мы двинулись дальше, вверх по течению ручья.

«Ты чувствуешь? — прошептал я.— Здесь слишком спокойно».

Но рука Клодии легла на мою, словно успокаивая. Подъем становился все круче, и в бездушной тишине я старался разглядеть каждую новую деталь, выплывавшую из темноты. Вдруг что-то шевельнулось в траве, я бросился к Клодии, рывком притянул ее к себе. Но это всего лишь ящерица скользнула по листьям длинным хвостом. Переполошенные листья улеглись, но Клодия сильнее прижалась ко мне, спряталась под мой плащ и вцепилась в полу пиджака. Так она и вела меня, окутанная моим плащом поверх своей свободной накидки.

Вскоре прохлада реки осталась позади, из-за облаков выглянула луна, и я увидел прямо над нами проход между деревьями. Клодия схватила фонарь и закрыла его металлическую заслонку. Я дернулся, чтобы остановить ее руку, но она тихо сказала:

«Закрой глаза на минуту, потом медленно открой, и тогда ты все увидишь».

Я взял ее за плечо, зажмурился, холодея, открыл глаза и увидел вдалеке, за деревьями, длинные низкие стены монастыря и квадратную верхушку высокой массивной башни. Еще дальше,

над необъятной черной долиной, виднелись шапки горных вершин.

«Идем. Только тихонько, как будто мы невесомы»,— сказала Клодия и без колебаний двинулась к стене, навстречу неизвестности.

Мы быстро отыскали проход — черный, еще чернее, чем увитые виноградом стены. В ноздри ударил сырой запах камней. Я поднял голову: крыши не было, высоко в небе, в разрывах облаков, мерцали звезды. Огромная лестница зигзагами уходила вверх к узким окнам, выходящим на долину. Под первым пролетом лестницы темнел вход в остальные помещения монастыря.

Вдруг Клодия словно окаменела, даже кончики ее волос не колыхались. Она прислушивалась. Я же слышал только тихий гул ветра. Клодия медленно и осторожно двинулась вперед, носком ботинка расчищая себе дорогу на мокрой земле. В углу лежал большой плоский камень. Она стукнула по нему каблуком, тот отозвался низким, глухим звуком. Он был такой огромный, и я тут же с жуткой отчетливостью представил себе, как эти крестьяне из деревни окружают камень, поднимают его с помощью гигантского рычага. Взгляд Клодии скользнул по лестнице и остановился на полуразрушенном дверном проеме под ней. В окне наверху мелькнула луна, и вдруг Клодия молча бросилась ко мне и прошептала:

«Ты слышишь?!»

И замерла.

Ни один человек не смог бы услышать это. Звук доносился издалека, но не с той стороны, откуда долгим кружным путем приехали мы, а с вершины холма, прямо из деревни. Сперва это был всего лишь шорох, но постоянный, ритмичный, и мало-помалу стала различима тяжелая, энергичная поступь. Клодия сжала мою руку, мы бесшумно скользнули в проем под лестницей. Передо мной взметнулся подол ее платья.

Неизвестный хромал: шаги приближались, и я слышал, что одна нога ступает твердо, а вторая медленно волочится по земле. Мое сердце тяжело ухало в груди, кровь стучала в висках. Я дрожал и чувствовал, как царапает кожу жесткий край воротничка, как пуговицы цепляются за плащ.

Ветер донес слабый запах. Это был сладкий запах свежей человеческой крови, и против воли жажда охватила меня. Потом

я почувствовал запах живой плоти, расслышал сухое, хриплое дыхание. Шаги приблизились к монастырским стенам, и я различил еще один звук: неровный ритм сердца, учащенный от страха пульс. Но под этим сердцем все громче и отчетливее, ровно, как мотор, билось другое, такое же сильное, как мое, и вот в зазубренном проеме, через который вошли мы, я увидел ЕГО.

Сначала появилось огромное плечо и длинная рука со скрюченными пальцами, потом — голова. Через другое плечо было перекинуто тело. Остановившись у полуразрушенного входа, он выпрямился, поправил свою ношу и вгляделся в темноту, в нашу сторону. Контуры его головы вырисовывались на фоне ночного неба; я напряг глаза, но не смог разглядеть его лица, только глаз стеклянно поблескивал в свете луны. Вот сверкнули и защуршали пуговицы, качнулась рука, и, чуть согнув длинную ногу, он двинулся внутрь, прямо на нас.

Я прижал к себе Клодию, чтобы успеть спрятать ее за спиной и первым встретить это существо. Вдруг я с изумлением понял, что он не видит меня. Он шел с трудом, шатаясь под тяжестью тела. Луна осветила его склоненную голову, волнистую гриву черных волос, ниспадавших на согнутые плечи, и широкий темный рукав его пальто. Странное пальто: карман сильно порван, рукав лопнул по шву и на одном плече просвечивало тело. Человек, которого он нес, пошевелился и жалобно застонал. Темная фигура на миг остановилась, чтобы ударить его свободной рукой. Я шагнул навстречу.

Ни слова не слетело с моих губ, да я и не знал, что сказать. Я стоял прямо перед ним, в лунном свете. Черная кудрявая голова рывком поднялась, и я увидел его глаза.

Он посмотрел на меня, глаза его светились, сверкнули два острых собачьих клыка, глухой, сдавленный крик поднялся из самой глубины его глотки. Мне показалось, что кричу я сам. Он отбросил человека на камни, тот снова застонал. С тем же криком вампир ринулся на меня, дыша зловонием, скрюченные пальцы вцепились в мех моего плаща. Я упал назад, ударился головой о стену, но мои руки нашли его голову и стиснули грязный спутанный клубок его волос. Мокрая сгнившая ткань пальто тут же лопнула, но рука держала меня мертвой хваткой. Я старался оттолкнуть его голову, клыки уже касались моего горла.

Клодия закричала. Что-то ударило его по голове, он остановился, и снова на него обрушился удар. Вампир повернулся, чтобы ответить ей, но я со всей силы послал кулак ему в лицо, и снова Клодия бросила камень. Я навалился на него всем телом и почувствовал, как прогибается подо мной его искалеченная нога. Помню, что снова и снова бил его по голове, выдирал волосы; он царапал меня когтями, пытался добраться клыками до шеи. Мы долго катались по земле, наконец я подмял его под себя, и луна осветила монстра: огромные глаза, выпирающие из голых глазниц, два маленьких отвратительных отверстия вместо носа, разлагающаяся кожа, обтягивающая череп, противные, гнилые, толстые от грязи, слизи и крови лохмотья, висящие на скелете. Я тяжело дышал. Я понял, что боролся с бессмысленным трупом, с ожившим мертвецом. Только и всего.

Откуда-то сверху в лоб ему ударил острый камень, брызнул фонтан крови. Он еще пытался сопротивляться, но следующий камень опустился с такой силой, что было слышно, как затрещали кости. Из-под спутанных волос потекла кровь, впитываясь в траву, грудь подо мной затрепетала, руки чудовища дернулись и застыли. Я поднялся, ловя ртом воздух, сердце было готово выскочить из груди, и каждая мышца ныла после страшной схватки. На мгновение мне показалось, что башня опрокидывается. Опустившись на пол у стены, я смотрел на это существо, в ушах шумела кровь. Я не сразу понял, что Клодия стоит коленями на груди вампира и рассматривает смесь волос и костей, которая была некогда его головой. Она отбрасывала в сторону куски черепа. Так мы повстречались с европейским вампиром, представителем Старого Света. И он был мертв.

Я лежал на широкой лестнице, толстый слой земли холодил голову. И смотрел на бездыханного монстра. Клодия стояла у него в ногах, вяло опустив руки. На секунду она прикрыла глаза, опустила веки и застыла в лунном свете, как маленькая статуя. Потом она покачнулась.

«Клодия»,— окликнул я ее.

Она очнулась. Редко я видел ее такой усталой. Клодия указала на человека, лежавшего неподвижно на полу у противоположной стены башни. Он был еще жив. Я совсем забыл про беднягу: тело мое по-прежнему саднило, а сознание было зату-

манено зловонием окровавленного трупа. Я догадывался, какая судьба уготована человеку, но мне было уже все равно: до рассвета оставалось не более часа.

«Он шевелится»,— сказала Клодия.

Я попытался встать со ступеней. Лучше бы он не шевелился, лучше бы вообще никогда не встал, подумалось мне. Клодия пошла к нему, равнодушно миновала мертвое чудовище, которое чуть не убило нас обоих. Человек лежал перед ней, раскинув в траве ноги. Я ожидал увидеть насмерть перепуганного крестьянина, какого-нибудь жалкого бродягу, которому довелось взглянуть в лицо существа, притащившего его сюда. Я подошел и не сразу понял, кто лежит передо мной. Это был Морган. Луна освещала его бледное лицо и отметины вампира на горле; мутные и бессмысленные глаза глядели в пустоту.

Я подошел поближе, его глаза расширились, он прошептал изумленно:

«Луи! — Губы не слушались его.— Луи...» — повторил Морган и улыбнулся. Он попытался встать на колени и потянулся ко мне. Бледное, искаженное лицо вытянулось, звук застрял в горле. Морган отчаянно тряс головой, его длинные, спутанные рыжие волосы упали на глаза. Я повернулся и бросился прочь.

Клодия догнала меня, схватила за руку и прошипела:

«Ты видишь, небо уже светлеет!»

Морган приподнялся на руках.

«Луи!» — звал он меня.

Казалось, он ничего не видит вокруг, узнал только одно лицо, только одно слово срывалось с его губ. Я зажал уши и попятился; он протягивал ко мне руку, по которой текла кровь, и меня сводил с ума ее запах. Клодия тоже почувствовала его, стремительно бросилась на Моргана и опрокинула его на каменный пол. Молодой человек попытался поднять голову, провел ладонью вокруг ее лица и вдруг погладил ее золотистые локоны. Клодия вонзила зубы в его горло. Руки Моргана бессильно упали.

Она нагнала меня на границе леса.

«Иди к нему, возьми его»,— сказала Клодия.

Я чувствовал запах крови на ее губах, тепло, разлившееся по щекам, горячее прикосновение ее руки и все же не двигался с места.

«Послушай, Луи,— сказала она отчаянно и сердито.— Я оставила его для тебя, но он уже умирает... Осталось мало времени».

Я схватил ее на руки и пошел вниз по длинному склону. Не нужно было прятаться и осторожничать: дверь к секретам Восточной Европы захлопнулась перед нами. В предрассветной темноте я пробирался обратно к дороге.

«Ты выслушаешь меня, наконец! — кричала Клодия.— Посмотри на небо, уже светает!»

Но я не слушал ее и быстро шел вниз. Она цеплялась за мои волосы, за плащ. Она чуть не плакала. Я перешел ледяной ручей и побежал по дороге в поисках фонаря кареты.

Когда мы отыскали свой экипаж, небо было уже темно-голубое.

«Дай мне распятие,— крикнул я Клодии, щелкнув кнутом.— Есть только одно место, куда мы можем сейчас поехать».

Карета резко развернулась, Клодия опрокинулась на меня, мы поскакали к деревне. Я смотрел вокруг со странным чувством. Туман поднимался меж бурых деревьев. Воздух был прохладен и свеж, запели птицы, казалось, вот-вот взойдет солнце, но я не волновался. Я знал, что еще рано для восхода. У нас еще есть время. Мне было легко и спокойно. Тело ныло от царапин и порезов, сердце болело от голода, но голова была удивительно ясной. Наконец показались уже слишком отчетливые серые очертания постоялого двора и церковной колокольни. Звезды над нами стремительно гасли.

Через минуту я уже стучался в дверь постоялого двора. Она открылась, я надвинул поглубже капюшон и крепко прижал к себе под плащом Клодию.

«Ваша деревня избавлена от вампира,— сказал я изумленной хозяйке и отдал ей распятие.— Слава Богу, он мертв. Его останки в башне. Идите и расскажите остальным».

И я прошел мимо нее в дом.

Крестьяне тут же поднялись, чтобы отправиться к монастырю, но я сказал, что безмерно устал, что должен помолиться и отдохнуть, велел им перенести мой ящик из кареты в какую-нибудь приличную комнату, где можно было бы спокойно поспать. Я предупредил, что будить меня следует, только если приедет посланник от епископа из Варны.

«Когда прибудет святой отец, сообщите ему, что вампир мертв, накормите и напоите его и попросите подождать меня».

Женщина перекрестилась.

«Понимаете,— сказал я, поднимаясь по ступеням,— я не мог открыть вам цель моей миссии, пока вампир...»

«Да, да,— поспешила ответить женщина.— Но ведь вы не священник... У вас ребенок!..»

«Нет, я всего лишь сведущий в этих делах человек, но нечестивцу со мной не справиться»,— сказал я и замер: дверь в маленькую комнату под лестницей была открыта, внутри было пусто, остался лишь дубовый стол, накрытый куском белой материи.

«Ваш друг,— сказала женщина, глядя под ноги.— Он совсем сошел с ума... и убежал в ночь».

Я лишь кивнул в ответ...

Закрывая за собой дверь комнаты, я слышал крики людей: казалось, они бегут во всех направлениях, а потом тревожно ударил церковный колокол. Клодия соскользнула с моих рук, я запер замок, пока она мрачно следила за мной. Я осторожно приоткрыл ставни, и бледный луч света просочился в комнату. Она смотрела на меня. Потом подошла ко мне и протянула руку.

«Вот»,— сказала Клодия.

От слабости мне казалось, что ее лицо мелькает передо мной и голубизна глаз плясала на бледных щеках.

«Пей»,— прошептала Клодия, подвинулась ближе и поднесла к моим губам теплую и нежную кисть.

«Нет,— ответил я.— Я знаю, что делать. Так бывало уже не раз».

Она плотно закрыла окно, а я опустился на колени возле маленького камина. Древняя отделка давно сгнила под лакированным слоем и легко подалась под моими пальцами. Я пробил ее кулаком, зазубренные края пролома царапали руку. Там, в темноте, я натолкнулся на что-то теплое, пульсирующее и крепко сжал пальцы. В лицо мне дохнул сырой, холодный воздух, темнота вокруг стала сгущаться, словно ледяной мрак из черной дыры в камине заполнил комнату, и она исчезла, а я пил из нескончаемого источника теплую кровь, которая текла в мое горло, к моему бьющемуся сердцу по венам, согревая меня в холодном сумраке. Поток крови стал ослабевать, но все мое тело умоляло, чтобы он не кончался. Мое сердце тяжело билось,

пытаясь заставить другое сердце биться в унисон. Я почувствовал, что поднимаюсь, плыву во мраке. Но бешеное сердцебиение стало успокаиваться, темнота рассеивалась, и в моем затуманенном сознании мелькнуло видение. Оно вздрагивало от шагов по лестнице и половицам, от стука колес и топота лошадиных копыт, оно звенело. Сквозь мерцание в деревянной рамке появилась фигура человека. Я знал его. Высокий, тонкий, с черными волнистыми волосами, зеленые глаза смотрели прямо на меня, его зубы вцепились во что-то большое и мягкое.

Это была крыса, огромная и ужасная, с разинутой пастью и кривым хвостом. Человек закричал, отбросил ее на пол и в ужасе смотрел, как кровь стекает из его открытого рта.

Ослепительный свет ударил в глаза. Я старался открыть их; свет заливал комнату. Клодия была рядом. Она перестала быть маленькой девочкой, она обнимала меня как мать, и вела за собой. Я положил голову ей на колени, темнота укрыла нас, я прижал ее к себе. Все было кончено. Оцепенение охватило меня, и наступил паралич забвения.

— То же ждало нас в Трансильвании, и в Венгрии, и в Болгарии, и во всех этих странах, где ходят легенды о вампирах и где крестьяне верят, что живые мертвецы бродят по земле. В каждой деревне, где мы встречали вампиров, происходило одно и то же.

— Бессознательный труп? — спросил юноша.

— Всегда,— сказал вампир.— Если мы вообще находили их. Я помню только нескольких. Иногда мы следили за ними издалека. Все похожие друг на друга, с тупо покачивающимися головами, худые, изможденные, одетые в сгнившие лохмотья.

Правда,, в одном селении нам попалась женщина, которая умерла совсем недавно, может, пару месяцев назад. Крестьяне часто видели ее, знали ее по имени. Впервые после той истории у нас появилась слабая надежда, но ей не суждено было сбыться. Она бросилась от нас прочь, в лес, мы бежали за ней, пытались схватить ее за длинные черные волосы. Ее белое погребальное платье пропиталось засохшей кровью, на пальцах налипла могильная грязь, а глаза... они были пусты и бессмысленны — два больших озера, в которых отражалась луна. Никаких тайн, никакой истины — одно отчаяние.

— Но почему? Почему они были такие? — Юноша скривился от отвращения.— Почему они так отличались от вас и Клодии?

— У меня на сей счет была своя теория, у Клодии — своя. Но, честно говоря, я уже отчаялся. Я боялся, что мы убили единственного похожего на нас вампира — Лестата. И все же это казалось немыслимо: неужели он и вправду обладал мудростью чародея и колдовской силой?.. Наверное, думал я, Лестат каким-то образом сумел сохранить разум в борьбе с силами, властвовавшими над этими монстрами. Но все равно, это был только Лестат, такой, каким я его описывал, не было в нем ничего загадочного, и я прекрасно знал пределы его возможностей и его очарования. Я хотел забыть Лестата, но думал о нем постоянно, словно бессонные ночи были специально созданы для того. Иногда я так явственно чувствовал присутствие Лестата, будто он только что вышел из комнаты и звук его голоса еще не утих. Так или иначе, это нарушало мой покой: против своей воли я представлял его лицо — не то, что запомнилось в последнюю ночь при пожаре, а лицо Лестата в другие ночи и особенно в последний вечер, который он провел с нами дома, лениво перебирая пальцами клавиши спинета, склонив голову набок. Слабость, скорее умиротворяющая, нежели мучительная, охватывала меня, и я видел, к чему приводят эти мысли: я хотел, чтобы Лестат был жив! Он был единственным настоящим вампиром, которого я смог найти.

Мысли Клодии были куда более практического характера. Она вновь и вновь заставляла меня рассказывать о той ночи в новоорлеанской гостинице, когда она стала вампиром, и который раз тщательно анализировала этот случай, пытаясь найти ключ к разгадке, отчего существа, встреченные нами на деревенских кладбищах, были лишены разума и что, если бы после вливания крови Лестата она была бы похоронена в могиле, до тех пор пока сверхъестественная тяга к крови не заставила бы ее выбить каменную дверь склепа; что собой представлял бы ее истощенный мозг? Тело могло бы спасти себя, уже после того как остатки разума покинули его, и бродить по свету, убивая где попало, как делали эти существа. Так она объясняла поведение европейских монстров. Но что же породило их? От кого они пошли? На этот вопрос Клодия не могла дать ответ, но она

надеялась раскрыть эту тайну в будущем. А я уже потерял надежду.

«Они порождают себе подобных, это очевидно, но где это началось?» — спрашивала Клодия.

Позже она задала мне новый вопрос. Почему я не могу повторить сделанное Лестатом? Разве я не способен создать другого вампира? Не знаю почему, но сперва я даже не понял ее. Не хотел понять. Наверное, потому, что для меня это был самый страшный, самый отвратительный вопрос; весь мой разум сопротивлялся ему. Понимаете, самого важного о себе я не знал. Много лет назад, когда я встретился с Бабеттой Френьер и мучился от одиночества, у меня появлялась мысль, что можно совершить это, но я похоронил ее в себе как грязную страсть. После Бабетты я старался держаться подальше от людей и убивал только незнакомцев, так что Моргану, как и раньше Бабетте, не грозила смерть в моих роковых объятиях. Они оба причинили мне слишком много боли, но я помыслить не мог о том, чтобы убить их. Жизнь через смерть — это чудовищно.

Я ничего не ответил Клодии и отвернулся. Как бы она ни злилась, как бы ни сгорала от нетерпения, этого отчуждения она вынести не могла. Она посмотрела взглядом любящей дочери и придвинулась ближе, чтобы успокоить меня.

«Не думай об этом, Луи»,— сказала она позже.

Мы устроились в маленькой уютной загородной гостинице. Я стоял у окна и смотрел на огни Вены. Я жаждал встречи с этим огромным городом, с его цивилизацией, с его размахом. Ночь была ясная, и теплый туман поднимался над Веной.

«Позволь мне успокоить твою совесть, хоть я и не знаю, что это такое»,— прошептала она мне на ухо.

«Успокой же ее, Клодия,— попросил я.— Пообещай, что никогда больше не будешь заговаривать со мной о рождении новых вампиров».

«Мне надоели наши сиротские страдания,— сказала она. Мои слова и чувства раздражали Клодию.— Мне нужны конкретные ответы и знания. Скажи мне, Луи, почему ты так уверен, что, сам того не зная, не сотворил где-нибудь себе подобного?»

Пришлось снова притворяться бестолковым. Я смотрел на нее, словно не понимая значения сказанного. Хотел, чтобы она молчала и просто была рядом, чтобы мы добрались до Вены.

Я откинул ее волосы со лба, коснулся длинных ресниц и посмотрел вдаль, на огни города.

«В конце концов, что нужно, чтобы создать этих бродячих чудовищ? — продолжала Клодия.— Сколько капель твоей крови должно смешаться с кровью человеческой... и какое сердце сможет выдержать первую атаку?»

Она заглядывала мне в лицо, но я не поворачивался и смотрел в окно.

«Эта бледная Эмили, жалкий англичанин...— сказала Клодия, не обращая внимания на гримасу боли на моем лице.— Их сердца были никуда не годны, страх смерти убил этих людей в той же мере, что и потеря крови. Их убила сама мысль о смерти. Но те, которые выжили? Ты уверен, что не породил клан монстров, которые безотчетно и тщетно пытаются пойти по твоим стопам? Сколько времени отпущено этим неприкаянным, которых ты оставил после себя,— день здесь, неделя там, пока солнце не спалит их дотла или какой-нибудь человек не убьет их, сопротивляясь».

«Прекрати,— взмолился я.— Если б ты знала, как ясно я это вижу. Но такого не может быть! Лестат высосал всю мою кровь и, смешав со своей, вернул обратно. Вот как он это сделал!»

Клодия разглядывала свои руки. Не уверен, но мне показалось, что она вздохнула. Потом подняла глаза, и ее взгляд встретился с моим. Она улыбнулась.

«Не пугайся моих фантазий,— мягко сказала она.— В конце концов, последнее слово всегда за тобой. Разве не так?»

«Не понимаю»,— сказал я.

Она холодно усмехнулась и отвернулась.

«Можешь себе представить,— шепнула она так тихо, что я едва расслышал.— Шабаш детей-вампиров. Вот все, на что я способна...»

«Клодия»,— прошептал я.

«Успокойся,— сказала она резко, но так же тихо.— Я имею в виду: как бы я ни ненавидела Лестата...» — она запнулась.

«Ну...— прошептал я,— продолжай же...»

«Как бы я ни ненавидела его, с Лестатом мы трое были... совершенны».— Клодия взглянула на меня из-под дрожащих ресниц, словно смущаясь своего повышенного тона.

«Нет, только ты была совершенной...— сказал я ей.— Потому что с самого начала нас было двое рядом с тобой».

Кажется, она улыбнулась. Она склонила голову, ее глаза двигались под ресницами. Потом сказала:

«Вы двое рядом со мной, ты и это так ясно видишь»?

Я ничего не ответил, но одна давно минувшая ночь действительно стояла у меня перед глазами. Той ночью Клодия была в отчаянии, она убежала от Лестата. Он заставлял ее убить женщину, от которой она испуганно отшатнулась на улице. Я не сомневался, что она напомнила девочке мать. Клодия убежала и спряталась; позже я нашел ее в шкафу, она зарылась в груду пиджаков и плащей и крепко обнимала свою куклу. Я отнес ее в кроватку, присел рядом и пел ей песни, а она смотрела на меня, прижимая к себе куклу, словно подсознательно стараясь успокоить боль, неведомую ей самой.

Можете себе представить эту семейную идиллию: полумрак, папочка-вампир поет колыбельную дочке-вампиру. Только у куклы было человеческое лицо.

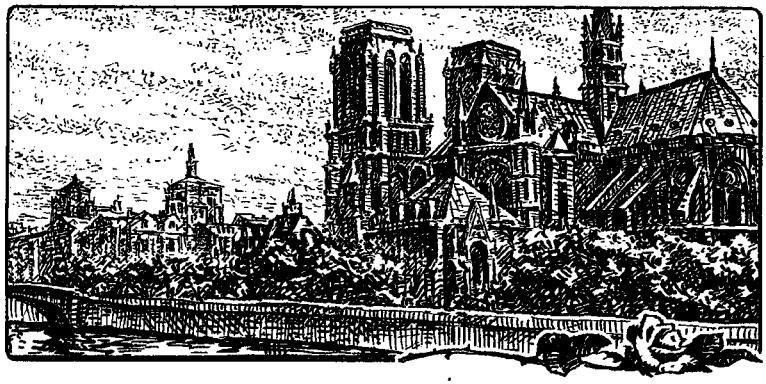
«Нам надо выбираться отсюда! — вдруг воскликнула Клодия, будто только сейчас ей открылась эта непреложная истина.— Прочь от дорог, оставшихся позади, и от того, что я вижу в твоих глазах, потому что я поспешила высказать то, чего сама еще не понимаю».

«Прости меня»,— сказал я так нежно, как только мог, и медленно вернулся в настоящее; прочь от той комнаты из прошлого, от детской кроватки и испуганного нечеловеческого ребенка, от своего голоса. А Лестат, где он теперь? Спичка, что чиркнула за стеной, тень, ожившая на границе света и тьмы...

«Нет, это ты прости меня,— говорила Клодия в номере этой маленькой гостиницы неподалеку от первой столицы Западной Европы.— Мы оба простим друг друга, но его не будем прощать; видишь, что творится с нами без него».

«Просто мы устали, вот и кажется, что все плохо»,— сказал я Клодии и самому себе, потому что больше в этом мире не к кому обратиться.

«О да,— сказала она.— И с этим пора покончить. Я поняла, мы с самого начала все делали неправильно. Мы не останемся в Вене. Нам нужен наш народ, наш язык. Мы поедем в Париж».

Часть III

Париж!

Мне вдруг стало радостно и легко. Это было давно забытое предчувствие счастья, и я с изумлением понял, что еще могу радоваться жизни.

Не знаю, сумеете ли вы понять меня. Трудно найти слова, чтобы передать это. Сто лет назад Париж значил для меня совсем не то, что значит сегодня. Но даже сейчас, вспоминая о нем, я переживаю нечто вроде счастья, хотя теперь-то я твердо знаю, что счастье — это не для меня. Я не заслуживаю его, да и не стремлюсь к нему.

Но все равно всякий раз при слове «Париж» сердце мое переполняет радость.

Смертная красота часто причиняет мне боль, и недолговечное великолепие пробуждает во мне неутолимую жажду, вроде той безысходной тоски, которая преследовала меня, когда мы плыли по Средиземному морю. Но Париж... Париж открыл мне свое сердце, и я забыл обо всем. Забыл, что я навеки проклят, что я не человек, а зверь в человеческой одежде и шкуре. Париж захватил меня целиком, исцелил мою боль; о таком я не мог даже мечтать.

Ведь Париж — праматерь Нового Орлеана, он пробудил его к жизни, подарил первых поселенцев. Он стал для Нового Орлеана недостижимым идеалом. Лихорадочная красота и ожив-

ленность Нового Орлеана всегда были слишком хрупкими; дикая природа окружала его со всех сторон, и ее первобытная сила подтачивала утонченную и экзотическую жизнь города. Ни одного бревна, ни одного камня нельзя было уберечь от враждебности разрушительной силы, обступившей город вечным кольцом и всегда готовой поглотить его. Ураганы, наводнения, лихорадка, чума... Влажный климат Луизианы неутомимо трудился над каждым зданием, будь оно из дерева или из камня; Новый Орлеан всегда оставался только иллюзией, мечтой, которую слепо, но настойчиво лелеяли его жители.

Париж же самодостаточен; он — особая ниша во вселенной, выдолбленная и хранимая вековой историей. По крайней мере, таким он был во времена Наполеона III: огромные здания, величественные соборы, широкие блистательные бульвары и узенькие извилистые средневековые улочки — город, необъятный и нерушимый, как сама природа. Все приходилось там ко двору, все принимали его ветреные, зачарованные жители; в шумных галереях, театрах и кафе снова и снова возрождались гении и святость, философия и война, фривольность и изящные искусства; казалось, даже если весь мир погрузится во тьму, здесь, в Париже, все равно будут расцветать ростки красоты и гармонии. Все подчинялись законам этой гармонии — величественные деревья, затенявшие улицы, полноводная Сена, несущая свои волны сквозь самое сердце города. Казалось, земля, политая потом и кровью, перестала быть просто землей, преобразилась — и появился Париж.

Мы ожили. Мы любили друг друга. Страшные ночные скитания по Восточной Европе остались позади, и я был так счастлив, что не стал спорить с Клодией и согласился поселиться в отеле «Сент-Габриэль» на бульваре Капуцинов. Он слыл самым большим отелем в Европе. Роскошью и уютом он напоминал наш дом в Новом Орлеане, но огромные светлые комнаты затмевали все воспоминания. Мы заказали один из самых дорогих номеров, окнами на бульвар. Ранним вечером в свете газовых фонарей по асфальту прогуливались толпы людей, бесконечным потоком текли экипажи, роскошные дамы и кавалеры направлялись в оперу или в оперетту, в театр или на балет, на балы и приемы во дворец Тюильри.

Клодия доказывала необходимость подобных расходов мягко и убедительно, но я стал замечать, что она теряет терпение; ей приходилось отдавать распоряжения только через меня, и это угнетало ее. Она говорила, что гостиница предоставит нам полную свободу; мы без труда сможем скрыть свои ночные привычки и раствориться в экзотической толпе туристов, съехавшихся со всей Европы. Идеальную чистоту в номере поддерживали невидимые слуги. Мы платили огромные деньги за безопасность и покой. Но Клодии этого было мало.

«Это мой мир,— объясняла Клодия. Она сидела в уютном бархатном кресле перед раскрытой балконной дверью и разглядывала длинную череду карет, подъезжающих к входу в гостиницу.— У меня должно быть все, что мне нравится»,— добавила она, как будто про себя.

И у нее было все: изумительные обои с розовыми и золотистыми узорами, дамасские кресла и бархатная мебель, изящно расшитые подушечки и шелковые покрывала, кровать с пологом. Каждый день огромные букеты свежих роз менялись на мраморной каминной полке в гостиной и на инкрустированных столиках в ее будуаре. Нежные алые бутоны отражались в высоких зеркалах. Возле окна она устроила настоящую оранжерею из камелий и папоротника.

«Я скучала по цветам,— задумчиво повторяла она,— больше всего я скучала по цветам».

Но одних живых цветов ей тоже было мало, и мы покупали в художественных салонах и галереях картины — великолепные полотна,— подобных я не встречал в Новом Орлеане. Классические натюрморты реалистов, на которых цветы совсем как живые; кажется, тронь — и лепестки опадут на трехмерную скатерть; и работы новомодных художников, разрушавшие представления о линиях и формах. Их яркие, насыщенные краски будили воспоминания о прошлых видениях, и мне чудилось, будто цветы распускаются прямо у меня на глазах. Париж неудержимо вторгался в наши комнаты. Я не хотел перечить Клодии и отказался от мечты найти простое и романтическое пристанище. Скоро я стал чувствовать себя в номере как дома: воздух был полон чудесного запаха цветов, как в нашем саду на Рю-Рояль. По вечерам мы зажигали огни, море света заливало комнаты, все оживало, исчезали даже тени на леп-

нине высоких потолков; свет отражался от позолоченных витых канделябров, и радужно сияли огромные хрустальные люстры. В этом блистательном мире не было ни темноты, ни вампиров.

Да, я всегда помнил, кто мы и зачем мы здесь, но как сладко было забыться хотя бы на час; представить себе, что мы просто отец и дочь; вот мы садимся в кабриолет и едем прочь от шума и огней без особой цели, а только чтобы погулять, прокатиться по берегу Сены, по мосту въехать в Латинский квартал и бродить по темным узким улочкам в поисках не жертв, но истории, а потом вернуться к себе, к уютному тиканью часов, к колоде карт на игорном столике... Сборники стихов, театральная программка, тихий гул огромной гостиницы, далекое пение скрипки, женская болтовня и потрескивание волос под гребешком — и чудак с последнего этажа каждую ночь повторяет: «Я понимаю, только теперь я понимаю, только теперь...»

«Этого ты хотел?» — спросила однажды Клодия, наверное, только для того, чтобы показать, что она про меня не забыла. Она могла часами не разговаривать со мной и ни словом не обмолвиться о вампирах. Но я чувствовал: что-то не так. В ее молчании не было прежней задумчивой безмятежности: она казалась грустной и неудовлетворенной. Часто мне удавалось уловить раздражение в ее взгляде, хотя оно бесследно исчезало, стоило мне обратиться к ней или поднять глаза, отвечая на вопрос.

«Ты знаешь, чего я хочу.— Я все еще пытался создать видимость собственной воли.— Мансарду где-нибудь возле Сорбонны, не слишком близко и не слишком далеко от шума, от улицы Сен-Мишель. Но я устроил бы там все так же, как здесь, по-твоему».

Ее лицо смягчилось, но она по-прежнему упрямо смотрела мимо меня, словно хотела сказать: «Ты не вылечишь меня. Не приближайся и не спрашивай, чем я недовольна».

Моя память, слишком острая, слишком четкая; время не может вытравить ее, не может сгладить. Страшные картины из прошлого всегда со мной, рядом с сердцем, как портрет в медальоне. Чудовищные живые картины; ни кисть художника, ни фотография не смогли бы запечатлеть их так ясно. И я снова увидел Лестата за клавишами в ту ночь, перед его смертью, и

Клодию рядом с ним; вспомнил его злую насмешку и как на мгновение исказилось его лицо. Если б Лестат был внимательнее тогда, может быть, он бы остался жив.

Если он умер, конечно.

Даже безразличный наблюдатель заметил бы, что с Клодией творится неладное, точно грозовая туча собирается у нее на душе. В ней вдруг вспыхнула страсть к кольцам, браслетам и прочим недетским игрушкам. И ее элегантная походка принадлежала не маленькой девочке, но женщине. Часто она прежде меня заходила в модные лавки и требовательно указывала пальчиком на духи или перчатки и всегда расплачивалась за покупки сама. Я чувствовал себя в таких случаях крайне неудобно, но не отставал от нее, боясь не того, что с ней может что-то приключиться в огромном городе, но ее самой. Раньше она всегда играла перед своими жертвами роль потерявшегося ребенка или сиротки. Теперь она преобразилась. В Клодии появилось нечто глубоко порочное, и это шокировало очарованных ею прохожих. Но я, как правило, не присутствовал при подобных сценах. Она оставляла меня наедине с резными барельефами Нотр-Дам или просто в экипаже на окраине парка.

Однажды ночью я проснулся на своей роскошной постели, оттого что книга попала мне под бок, и обнаружил, что Клодии нигде нет. Я не решился расспрашивать прислугу: мы никогда не разговаривали с горничными и швейцарами, никто не знал наших имен. Я обшарил коридоры гостиницы, окрестные переулки, даже зашел в бальный зал неподалеку, поддавшись необъяснимому ужасу при мысли, что она может быть там одна. Я уже отчаялся, но вдруг увидел ее у входа в отель. Она вошла, и в лучах ярких ламп капли дождя заискрились в золотых локонах, выбившихся из-под шляпки. Она походила на ребенка, спешащего домой после озорной проделки, взрослые вокруг умиленно улыбались. Она прошла мимо, поднялась по широкой лестнице, как будто не заметила меня.

Я вошел в номер, затворил дверь. Клодия развязывала перед зеркалом ленты шляпки. Она тряхнула головой, шляпка упала ей на плечи, волосы рассыпались в золотистом блеске дождинок. Я вздохнул с облегчением: ее детское платье, ленточки — все это было так мирно, так уютно, и в руках она держала прелестную фарфоровую куклу. Она молча поправила на кукле

платье. Ручки и ножки под платьем крепились, должно быть, проволочными крючками; они покачивались и звенели, как серебряный колокольчик.

«Это — взрослая кукла,— сказала Клодия, взглянув на меня.— Ты видишь? Взрослая кукла».

Она поставила игрушку на тумбочку перед зеркалом.

«Вижу»,— прошептал я.

«Ее сделала для меня одна женщина,— продолжала Клодия.— Вообще-то, она мастерит кукол-девочек, но они все на одно лицо. У нее целая лавка таких. А я попросила ее сделать для меня взрослую куклу».

Ее слова звучали загадочно и вызывающе. Она села в кресло и, чуть морща лоб под мокрыми прядями волос, внимательно разглядывала свое приобретение.

«Ты знаешь, почему она согласилась выполнить мою просьбу?» — спросила она, и мне вдруг захотелось, чтобы в комнате было не так светло, чтобы я мог забиться в какой-нибудь угол, укрыться от ее пристального взгляда. Но я сидел на огромной кровати, точно на ярко освещенной сцене, а она была передо мной и повсюду, она отражалась в бесчисленных зеркалах, меня обступал хоровод голубых платьев с буфами.

«Потому что ты — очаровательное дитя, и ей захотелось порадовать тебя»,— ответил я слабым и чужим голосом.

Она беззвучно рассмеялась.

«Очаровательное дитя,— повторила она, насмешливо взглянув на меня.— Ты все еще считаешь меня ребенком? — Ее лицо вдруг потемнело, она взяла игрушку в руки, наклонила фарфоровую головку к груди.— Да, я похожа на ее кукол. Я и есть кукла. Стоит посмотреть, как она работает, возится со своими куклами, рисует им одинаковые глаза, губы...» Она коснулась собственных губ.

И вдруг словно ветер пронесся по комнате, казалось, что стены качаются, будто земля под гостиницей содрогнулась. Где-то внизу катились экипажи, но это было слишком далеко, в другом мире. И я увидел: вот она сжала руку, стиснула куклу в кулачке; фарфоровые осколки посыпались на пол из окровавленной ладошки. Она тряхнула кукольное платье, и на ковер дождем полетело мелкое крошево. Я в ужасе отвел глаза, но снова увидел ее в зеркалах: она внимательно разглядывала меня

с ног до головы, потом шагнула вперед, как из зазеркалья, и подошла к кровати.

«Почему ты отворачиваешься, почему не смотришь на меня? — спросила она тонким, детским голосом. Потом вдруг рассмеялась, в точности как взрослая женщина, и добавила: — Ты думал, я навеки останусь твоей маленькой дочкой? Разве ты отец кукол? Или просто глупец?»

«Почему ты говоришь со мной так?» — спросил я.

«Гм...» — кажется, она кивнула.

Краешком глаза я наблюдал за ней, она казалась мне подобной яркому пламени, в котором смешались два цвета: золото волос и небесная голубизна платья.

«Что думают о тебе они,— спросил я как можно мягче,— там?»

Я указал на распахнутое окно.

«Разное,— Клодия улыбнулась.— Подчас меня восхищает человеческая способность находить объяснение чему угодно. Тебе доводилось встречать лилипутов в парках и балаганах, уродцев, которые за деньги развлекают глумливую толпу?»

«Я и сам был всего лишь подмастерьем у фокусника и фигляра! — сказал я вдруг, сам того не желая.— Подмастерьем!» Мне хотелось прикоснуться к Клодии, погладить ее по голове, но я боялся ее гнева, готового вот-вот вспыхнуть.

Она опять улыбнулась, взяла мою руку и накрыла ее крохотной ладошкой.

«Да, подмастерьем! — повторила она и рассмеялась.— Тем не менее я прошу тебя снизойти с непостижимых вершин твоего духа и ответить всего на один вопрос. Что ты чувствовал, когда... спал с женщиной? Как это бывает?»

Сам не помню, как я очутился в прихожей и принялся лихорадочно искать перчатки и шляпу, как человек в минуту помутнения рассудка.

«Ты не помнишь?» — спросила она холодно и спокойно, когда я уже взялся за медную ручку двери.

Я остановился, ее взгляд жег мне спину; мне было стыдно своей слабости. Я повернулся к ней, и сам не мог понять, куда собрался идти, зачем, почему здесь стою.

«Это всегда было так торопливо.— Я старался смотреть прямо в ее глаза, ясные, голубые, холодные и такие открытые.—

И это редко давало мне радость... все кончалось слишком быстро. Это было, как бледная тень убийства».

«А-а-а,— протянула она.— Так же, как боль, которую я причинила тебе сейчас. Это тоже жалкое подобие убийства».

«Да, мадам,— отозвался я.— Я склонен думать, что вы правы»,— и, церемонно откланявшись, пожелал ей спокойной ночи.

— Не скоро я сумел замедлить шаг. Я перешел на другой берег Сены, мне хотелось темноты, хотелось убежать, спрятаться от нее, от себя самого, от своего непреодолимого страха перед лицом очевидной истины: я не способен сделать ее счастливой, значит, и сам никогда не буду счастлив.

Ради ее счастья я отдал бы все, даже этот новый мир, который теперь казался мне пустым и бесконечным. Ее слова мучили меня, я снова и снова вспоминал ее глаза, полные горечи и упрека. Темные старые улочки уводили меня в глубь Латинского квартала; я придумывал для нее какие-то объяснения, что-то шептал, но уже понимал, что невозможно вылечить ее смертельную тоску и мою собственную боль.

В конце концов все мои мысли свелись к одной без конца повторяемой фразе, вроде короткой молитвы. Я шептал ее, шагая в непроглядной тьме по пустынной и тихой средневековой улице, слепо заворачивая за острые углы высоких древних домов. Казалось, что узкая щель между ними вот-вот сомкнется, и переулок исчезнет без следа, точно затянется рана.

«Я не могу дать ей счастье. Не могу сделать ее счастливой. Она становится несчастнее с каждым днем»,— я твердил эти слова, как молитву, как заклинание против мучительной правды, как будто я мог что-либо изменить, избавить ее от горького разочарования. Ее мечты рухнули, это путешествие привело нас еще в одну темницу; она еще больше отдалилась от меня, ей все заслонила эта тоска и жажда. А я безумно ревновал ее, ревновал даже к хозяйке кукольной лавки, потому что она хотя бы на миг подарила Клодии радость; потому что Клодия прижимала к груди ее тренькающее создание и даже не смотрела в мою сторону.

«Что все это значит? — спрашивал я себя.— Куда это приведет нас?»

Мы жили в Париже уже несколько месяцев, но я, наверное, впервые столь отчетливо понял, как огромен этот город. Никогда меня так сильно не удивляло причудливое соседство извилистых, темных улиц, вроде этой, что вела меня в глубь Латинского квартала, с миром негаснущих огней, веселья и роскоши. И так же впервые я увидел, что все это ни к чему, если она не сможет преодолеть свою тягу к невозможному, горечь и гнев. Я ничего не могу изменить. И она не может, хотя она и сильнее меня. Но она любила меня, я знал это и, даже когда повернулся и пошел прочь, чувствовал ее взгляд, полный бесконечной любви.

Растерянный и усталый, я, кажется, совсем заблудился, и вдруг мой тонкий слух, безошибочный слух вампира, уловил далекие шаги за спиной. Кто-то преследовал меня.

Сначала у меня мелькнула безумная мысль, что это Клодия. Она перехитрила меня и догнала. И тут же ее сменила другая, простая и слишком грубая после нашего сегодняшнего разговора. Для нее эти шаги тяжелы. Конечно, это всего лишь случайный прохожий движется навстречу смерти.

С тем я и пошел дальше, не оглядываясь, и боль, терзавшая мое сердце, собиралась было вспыхнуть с новой силой, как вдруг внутренний голос настойчиво произнес: «Глупец, прислушайся как следует». И я понял, что шаги позади меня ошеломляюще точно совпадают с моими собственными. Случайность, решил я. Ведь смертный никак бы не смог услышать меня: расстояние было слишком велико для человеческих ушей. Но стоило мне остановиться, чтобы это обдумать, как шаги затихли. Я обернулся и, увидев только пустынную улицу, прошептал: «Ауи, ты сам себе морочишь голову». Я двинулся дальше, но шаги не отставали. Я пошел быстрей, и невидимый преследователь тоже прибавил ходу. То, что случилось дальше, было совсем невероятно. Я настороженно прислушивался к шагам за спиной и шел, не разбирая дороги, поэтому споткнулся о кусок черепицы, ударился плечом о стену и чуть не упал, и в ту же секунду услышал, как шедший сзади сбился с шага, эхом отзываясь на мое падение.

Страшная тревога охватила меня. Она была сильнее, чем страх. Меня утешало только то, что мы далеко друг от друга, и я уже твердо знал, что это не человек. Кругом было темно, в

окнах ни огонька. Я не знал, что делать. Мне вдруг захотелось окликнуть это существо, подозвать, сказать, что жду его и встречу его во всеоружии. Но побоялся. И я пошел дальше, все быстрее и быстрее, но расстояние между нами не сокращалось. Моя тревога росла, темнота вокруг зловеще сгущалась; я шел и повторял про себя:

«Зачем ты преследуешь меня? Почему ты хочешь, чтобы я тебя слышал?»

Я обогнул угол дома, впереди блеснул свет. Улица начала полого подниматься, и я пошел очень медленно, чтобы не показываться перед ним на свету.

Совсем замедлив шаг, остановился у поворота. Вдруг прямо надо мной с грохотом обрушилась крыша дома. Я отпрыгнул как раз вовремя, но одна черепица все же задела плечо. И снова все стихло. Я смотрел на обломки и настороженно ждал. Потом медленно завернул за поворот, навстречу свету. И там, под газовым фонарем, я увидел черную фигуру и сразу понял, что это вампир.

Он был такой же худой, как я, только выше. Яркий фонарь освещал его бледное лицо; огромные черные глаза изучали меня с нескрываемым интересом. Он шагнул было ко мне, но замер. И вдруг я осознал, что не только его длинные черные волосы зачесаны так же, как у меня; не только его шляпа и плащ как две капли походят на мои, но даже поза и выражение лица в точности повторяют мои собственные. Я судорожно глотнул воздух и медленно обвел его взглядом с ног до головы, стараясь скрыть сердцебиение. Он рассматривал меня так же пристально. Он вдруг моргнул, и я осознал, что передразнивает меня. Это было ужасно. Я хотел заговорить, но слова застряли у меня в горле: его губы зашевелились одновременно с моими, и невозможно было остановить эту мерзкую игру. Его мрачная фигура возвышалась под фонарем, черные пронзительные глаза следили за мной с неотступным вниманием. Это была просто насмешка. Мне стало казаться, что он — настоящий вампир, а я — его отражение в зеркале.

«Умно»,— сказал я с отчаяния. Разумеется, он отозвался эхом прежде, чем замер звук моего голоса. Я злился, старался унять предательскую дрожь в коленях, мое лицо невольно растягивалось в некое подобие улыбки. Он тоже улыбнулся, но в

его глазах горела животная жестокость, и усмешка получилась мрачной и зловещей.

Я двинулся вперед, и он последовал моему примеру. Я остановился, и он остановился. Но потом нарушил правила игры: медленно, как во сне, поднял правую руку и несколько раз ударил себя кулаком в грудь, изображая торопливый стук моего сердца, и злобно расхохотался. Он смеялся, запрокинув голову и обнажая ужасные клыки; казалось, его смех заполнил всю улицу. Это было отвратительно.

«Ты хочешь причинить мне зло?» — спросил я, но в ответ услышал собственный вопрос, повторенный насмешливым тоном.

«Фигляр! — сказал я резко, почти грубо.— Шут!»

Это слово остановило его. Лицо незнакомца потемнело от гнева.

Я повернулся к нему спиной и пошел прочь; я подумал, что теперь ему придется все же догнать меня, хотя бы для того, чтобы выяснить, кто я такой. Неуловимо и стремительно он обогнал меня и очутился передо мной, словно появился из воздуха. Я снова повернулся к нему спиной, но он уже стоял на прежнем месте, под фонарем, и только волосы, чуть тронутые ветром, напоминали о том, что он двигался.

«Я искал тебя! Ради этого я и приехал в Париж!» Я заставил себя сказать это. Он не повторил мои слова и не шевельнулся, только пристально посмотрел на меня и пошел ко мне навстречу, изящно, неторопливо, и я понял, что он наконец стал самим собой. Он протянул руку, словно в знак приветствия, и вдруг сильно толкнул меня в грудь. Я потерял равновесие и отлетел назад. Рубашка взмокла и прилипла к телу. Я схватился рукой за стену, чтобы не упасть, потом повернулся к нему, чтобы отразить нападение, но он одним ударом опрокинул меня на землю.

Вряд ли я смогу описать, сколь велика была его сила. Вы поняли бы, если б я вдруг решил напасть на вас. Внезапный удар — но движения моей руки вы бы даже не заметили.

И тогда внутренний голос сказал мне: «Поднимись и покажи ему свою силу». Я быстро поднялся и пошел на него, вытянув руки. Но поймал только воздух, пустоту под фонарным столбом; стоял и оглядывался как последний дурак. Он испы-

тывал меня. Я вглядывался в темноту улицы, во все углы, но его нигде не было.

«Мне не нужны ваши испытания»,— думал я, но некому было объяснить, и я не знал, как с этим покончить. Вдруг он вынырнул из темноты и легко швырнул меня на булыжник, к той же стене. Тяжелый башмак ударил меня по ребрам; взбешенный, я вцепился в его ногу, твердую, как железо. Он упал, ударился о стену и злобно зарычал. Дальше все смешалось. Я не выпускал его, он старался пнуть меня в живот. Наконец он вырвался, сильные руки подняли меня в воздух. Я прекрасно понимал, что будет дальше: он отшвырнет меня на несколько метров, силы у него хватит. Избитый и покалеченный, я потеряю сознание. Вот что тревожило меня больше всего: могу ли я потерять сознание? Но мне так и не удалось это узнать. Потому что я вдруг понял: кто-то третий встал между нами, вступился за меня и заставил его разжать стальные тиски.

Я поднял глаза и увидел улицу и два смутных силуэта вдали, но они тут же исчезли, растаяли, как гаснет картина на сетчатке закрытых глаз. Остался только тихий шелест черных одежд, шорох камешков под ногами и пустынная ночь. Я сидел на мостовой и задыхался, пот градом катил по лбу и щекам. Я огляделся и посмотрел вверх — на узкую полосу неба между домами. И вдруг от темной стены медленно отделилась тень. Я разглядел слабое сияние волос, белое застывшее лицо. Странное и загадочное лицо, не такое худое и мрачное, как у первого вампира. Большие темные глаза спокойно смотрели на меня, губы не шевельнулись, но я услышал шепот:

«С тобой все в порядке?»

Но я уже стоял на ногах, готовый к нападению. Он не двигался, словно врос в стену. Я напряг зрение и увидел, что незнакомец шарит в нагрудном кармане жилета. Он достал и протянул мне визитную карточку, ослепительно белую, как и его пальцы. Я не шевельнулся.

«Приходи завтра вечером,— услышал я тот же шепот. Тень скрывала его гладкое, бесстрастное лицо.— Я не сделаю тебе ничего дурного, и тот, другой, тоже. Я не позволю ему».

И он проделал трюк, знакомый каждому вампиру: его рука точно оторвалась от неподвижного тела и вложила карточку в мои пальцы, и багровые буквы вспыхнули под лучом фонаря.

В мгновение ока темная фигура по-кошачьи вскарабкалась на крышу и исчезла.

Я остался один и прочитал надпись на карточке. Оглушительный стук моего сердца эхом разносился по узенькой улочке. Я хорошо знал адрес, часто ходил в театры на той же улице, но название изумило меня до крайности: «Театр вампиров». Внизу было указано время — девять часов вечера.

Я перевернул карточку и обнаружил приписку: «Приводи с собой очаровательную малютку. Мы будем рады встрече с вами. Арман».

Я не сомневался: приписка сделана рукой того, кто вручил мне приглашение. До рассвета оставалось совсем мало времени, нужно было добраться до гостиницы и рассказать обо всем Клодии. Я так быстро бежал по ночным улицам и бульварам, что редкие прохожие не успевали заметить промчавшуюся мимо тень.

В Театр вампиров пускали только по приглашениям. Швейцар внимательно изучил мою карточку, прежде чем пустить нас внутрь. Шел дождь. Мужчина и женщина мокли у закрытой билетной кассы; на сморщенных афишах вампиры в накидках, похожих на крылья летучих мышей, тянули руки к обнаженным плечам своих жертв; многочисленные пары спешили войти в переполненное фойе. Я сразу увидел, что в толпе только люди. Ни одного вампира, кроме нас. Даже швейцар оказался человеком. Мы вошли в театр и очутились в самой гуще светской болтовни и мокрых плащей, женские руки в перчатках поправляли широкие поля шляп и влажные локоны всех цветов и оттенков. Полный лихорадочного возбуждения, я протиснулся в тень, поближе к стене. Мы с Клодией уже утолили голод, но только затем, чтобы наши глаза не горели слишком откровенно, а лица не выглядели чересчур бледными на оживленной и ярко освещенной улице. Поспешно выпитая кровь только растревожила меня, но у нас не было времени. Эта ночь предназначалась не для убийства. То была ночь откровений, чем бы она ни закончилась. Это я уже твердо знал.

Толпа теснила нас со всех сторон, и вдруг открылись двери зала. Молоденький юноша протолкнулся к нам и поманил за собой, указывая мимо плеч и голов на ступеньки лестницы,

ведущей наверх. Нам отвели одну из лучших лож в театре, и, хотя свежая кровь не сделала мое лицо похожим на человеческое, да и Клодия, которая не слезала с моих рук, не превратилась в обычного ребенка, наш провожатый не обратил на это никакого внимания. Напротив, он гостеприимно улыбался, откинув в сторону портьеру, за которой перед медными поручнями ограждения стояли два кресла.

«У них слуги-люди... Ты думаешь, это допустимо?» — спросила Клодия шепотом.

«Лестат никогда не доверял таким рабам»,— ответил я и посмотрел вниз: партер заполнялся, очаровательные шляпки плыли по проходам между обитых шелком кресел. Обнаженные плечи дам светились матовым блеском на балконе, в лучах газовых ламп искрились и сверкали бриллианты.

«Постарайся хоть один раз в жизни проявить хитрость и осторожность,— еле слышно прошептала Клодия, низко наклонив голову, чтобы не было видно лица.— Забудь, что ты джентльмен».

Свет потихоньку стал гаснуть, вначале на балконе, а затем и в партере. В оркестровой яме появились музыканты. Внизу длинного занавеса из зеленого бархата вспыхнул одинокий огонек. Он окреп, вырос, ярко осветил пустую сцену, и зрители растворились в полумраке, только сверкали драгоценные камни на кольцах, браслетах и подвесках. Шум в зале становился глуше, эхо под сводами повторило чей-то одинокий кашель, и наконец все стихло. В ту же секунду раздались неторопливые, ритмичные удары тамбурина, к ним присоединился тонкий, высокий голос деревянной флейты, вплетавший в резкое металлическое позвякивание бубенцов призрачную мелодию, выплывшую, казалось, из глубины средних веков. Вступили струнные, отрывистыми аккордами подчеркивая мерный звон тамбурина. Пение флейты стало громче, в нем слышались грустные, меланхолические нотки. Музыка очаровывала, влекла за собой, публика сидела притихшая, объединенная потоком печальных звуков, полных неземной красоты и гармонии. Бесшумно поднялся занавес. Свет рампы загорелся сильней, сцена превратилась в густой лес. Лучи играли на густой листве пышных зеленых крон. Сквозь деревья проступали очертания низкого каменистого берега ручейка, вода весело искрилась и сверка-

ла, словно освещенная солнечными лучами. Весь этот живой трехмерный мир был создан мастерской рукой художника на тонком шелковом полотне, слегка трепетавшем при каждом, даже самом слабом, движении воздуха.

Отдельные хлопки, приветствовавшие появление чудесной иллюзии, переросли в короткую бурю аплодисментов. На сцене возникла темная фигура, она быстро двигалась между стволами деревьев и, как по волшебству, очутилась в ярком пятне света. В одной руке актер нес отливавшую серебром небольшую косу, подчеркнуто демонстрируя ее публике, а другой удерживал перед невидимым лицом маску на тоненькой палочке, изображавшую ужасный облик Смерти — голый череп.

В зале раздались негромкие, сдержанные восклицания. Перед ошеломленными зрителями на опушке леса стояла сама Смерть, небрежно поигрывая своим отвратительным орудием. Моя душа отозвалась без страха, но с каким-то иным чувством, подобным тому, которое испытывали зрители, глядя на волшебное очарование хрупких декораций, на мистическую тайну, окутывавшую ярко освещенную сцену, где фигура в широком черном плаще разгуливала с грациозностью грозной пантеры, вызывая в зале невольные возгласы, вздохи и благоговейный шепот.

Движения первого персонажа были полны завораживающей силы, как и четкий ритм музыки. За спиной Смерти показались другие фигуры, темные и призрачные. Первой на свет вышла безобразная старуха, высохшая и согбенная под тяжестью лет. Она с трудом несла большую корзину с цветами и плелась, едва волоча ноги. Ее мелко трясущаяся голова покачивалась в такт музыке и стремительным движениям ангела Смерти. Увидев его, она попятилась, поставила корзину на землю, опустилась на колени и молитвенно сложила руки. Она казалась измученной и истощенной. Опустила голову в ладони, словно хотела заснуть. Но то и дело, встрепенувшись, она умоляюще тянулась всем телом к черной фигуре Смерти. Та подошла к ней, наклонилась, заглянула в старческое, морщинистое лицо, затененное седыми космами спутанных волос, и отшатнулась, помахав перед собой рукой, точно отгоняя неприятный запах. Публика отозвалась неуверенным смехом. Старая женщина поднялась с колен и приблизилась к Смерти.

Печальная мелодия сменилась разнузданной джигой, они кругами бегали по сцене. Старуха гонялась за Смертью, но та забилась в темноту под могучими стволами и исчезла: накрыла лицо плащом и словно слилась с деревьями. Старуха разочарованно вздохнула, печально подхватила корзину и поплелась со сцены. Музыка замедлилась и смягчилась. Публика смеялась. Мне это все не понравилось. В действие вступили другие, и у каждого была своя мелодия: убогие калеки на костылях и жалкие нищие в рубищах. Все они устремлялись к Смерти, но она ускользала от них, уворачивалась с томными жестами непреодолимого отвращения. В конце концов все они были изгнаны со сцены. Смерть проводила их и, небрежно помахав на прощание рукой, всем своим видом изобразила усталость и скуку.

И только теперь я понял: эта белая рука, которая высекает смех из зала... Она не загримирована. Это рука вампира; вот она поднялась к маске, словно скрывая зевок. Вампир остался на сцене один. Он ловко прислонился к нарисованному дереву, наклонив голову, как будто решил вздремнуть. В тихой музыке слышалось пение птиц, журчанье ручья. Луч света погас, сцена погрузилась в полутьму. Вампир спал.

Но вдруг другой ослепительно яркий луч вспыхнул во мраке, пронзая тонкое полотно декораций, и выхватил из темноты молоденькую девушку. Ее стройная и высокая фигура до пояса куталась в волнистые длинные пряди чудесных золотых волос. По залу пробежал трепет восхищения. Девушка беспомощно барахталась в круге света, словно заблудилась в дремучем лесу. Но она и правда заблудилась: я сразу понял, что она не вампир. Пятна земли на ее блузке и юбке были настоящие, и никаких следов грима не виднелось на обращенном к свету прекрасном лице. Ее тонкие черты напоминали образы Святой Девы. Ослепленная яркими лучами, она не могла разглядеть зал и зрителей, но сама стояла перед нами как на ладони. Слабый стон слетел с ее губ, эхом вторя тонкому, мечтательному голосу флейты, воспевавшему ее красоту. Темная фигура проснулась, привстала и уставилась на девушку, приветственно и восхищенно взмахнув рукой.

В зале раздались жидкие смешки, но они тут же смолкли. Девушка была слишком прекрасна, ее глаза — слишком тревожны, а спектакль — слишком правдоподобен. И вдруг Смерть

отбросила маску в кулисы и показала публике свое бледное светящееся лицо. Она торопливо пригладила чуть растрепавшиеся волосы и поправила плащ, стряхнула с отворотов воображаемую пыль. То была влюбленная Смерть. Послышались аплодисменты: зрители видели в гладком, прекрасно отражающем свет лице еще одну мастерски выполненную сценическую маску. Но то было лицо вампира, и я узнал его: это был злобный отвратительный шут, который напал на меня в Латинском квартале.

Я нащупал в темноте руку Клодии и крепко сжал ее, но она сидела неподвижно, увлеченная действием на сцене. Девушка слепо смотрела в сторону зала, лес раздвинулся, открывая проход, и вампир пошел ей навстречу.

Девушка медленно двигалась на огни, но, заметив темную фигуру, остановилась и испуганно, по-детски, вскрикнула. Она и впрямь походила на ребенка, только крошечные морщинки вокруг глаз выдавали ее подлинный возраст. Небольшая грудь отчетливо вырисовывалась под тонкой материей блузки, длинная пышная юбка плотно облегала узкие бедра и подчеркивала их изящный, чувственный изгиб. В ее глазах блестели слезы, она попятилась от вампира. Я боялся за нее и желал ее. Девушка была невыносимо прекрасна.

Вдруг позади нее из темноты выступили фигуры в масках смерти, еле различимые в черных одеждах,— только светились во тьме их белые руки. Они приближались к жертве и одну за другой отбрасывали маски на сцену; черепа падали на доски и злобно ухмылялись черному небу. Их было семеро, семеро вампиров, и трое из них — женщины; их полуоткрытые белые груди сияли над облегающими корсажами, мрачные глаза горели под черными прядями волос. Они обступили жертву, их бледная и холодная красота тускнела перед ее золотыми волосами, нежно-розовой кожей. Зрители замерли, слышались только восхищенные и испуганные вздохи. Круг белых лиц сжимался, и проклятый шут, этот джентльмен-Смерть, повернулся к публике и прижал руки к сердцу, как будто хотел сказать: разве мыслимо устоять перед ней? Ответом ему стал сдержанный шум смешков и страстных вздохов.

Девушка заговорила.

«Я не хочу умирать»,— прошептала она. Ее голосок походил на звон серебряного колокольчика.

«Мы — смерть»,— ответил он ей, и вампиры отозвались эхом: «Смерть».

Девушка резко повернулась, ее волосы взметнулись роскошным золотым дождем над жалкой, убогой одеждой.

«Помогите,— тихо вскрикнула она, боясь повышать голос.— Кто-нибудь...»

Девушка обращалась к невидимой публике. Клодия негромко рассмеялась. Бедная девушка смутно понимала, что происходит, но все равно она знала больше, чем зрители.

«Я не хочу умирать! Не хочу!» — Ее нежный голосок сорвался, она умоляюще смотрела на высокого шута. Он вышел из круга и приблизился к ней.

«Мы все умираем,— ответил он.— Смерть — это единственное, что объединяет людей». Он жестом обвел оркестрантов, балкон, ложи.

«Нет,— взмолилась девушка.— У меня впереди еще столько лет жизни, столько лет...» Страдание слышалось в ее легком, невесомом голосе, и это делало ее еще более прекрасной; она судорожно мотнула головой, поднесла дрожащую руку к обнаженной шее.

«Столько лет! — повторил за ней фигляр.— Откуда ты знаешь? Смерть не разбирает возраста! Может, уже теперь скрытая болезнь точит тебя изнутри. Или, скажем, на улице какой-нибудь мужчина поджидает тебя, чтобы убить, хотя бы из-за этого золота! — Он протянул руку и коснулся ее волос. Глубокий потусторонний голос звучал торжественно и громко.— Стоит ли говорить, какой удел может быть уготован тебе судьбой?»

«Мне все равно, я не боюсь...— слабо протестовала она.— Только дайте мне шанс...»

«Допустим, мы дадим тебе его, и ты проживешь долгие годы. И что же? Тебе хочется стать беззубой, горбатой старухой?»

Он отвел в сторону ее волосы, выставляя напоказ горло, потом медленно потянул завязки на блузке. Дешевая ткань распахнулась, рукава соскользнули с узких розовых плеч. Она попыталась поймать падающую блузку, но вампир силой удержал ее руки. Толпа отозвалась единым протяжным вздохом. Женщины прятали глаза за стеклами театральных биноклей, мужчины подались вперед в креслах. Под безупречно чистой

кожей часто билась голубая жилка, блузка чудом удержалась на крошечных сосках. Вампир крепко держал руку девушки, по ее вспыхнувшим щекам катились слезы. Она, кусая губы, старалась сдержать рыдания.

«Позвольте мне жить,— молила она, пряча лицо.— Мне все равно... Мне все равно, что со мной будет!»

«Все равно? Тогда почему бы тебе не умереть сейчас? Тебя ведь не пугают ужасы, нарисованные мной?»

Девушка беспомощно покачала головой. Он обманул ее, перехитрил. Вместе со страстью во мне закипал гнев. Это было несправедливо, ужасно несправедливо: ей приходилось отстаивать свою жизнь перед лицом его железной логики, бороться за священное право на жизнь, воплощенную в таком прекрасном теле. Но он запутал ее, лишил речи и представил жажду жизни бессмысленной и смешной. Я видел, что она слабеет, умирает изнутри, и ненавидел его еще сильней.

Блузка соскользнула, обнажились маленькие круглые груди. Публика восторженно загудела. Девушка тщетно пыталась освободить руку.

«Допустим, мы позволим тебе уйти отсюда живой... Допустим, что сердце Смерти устояло перед твоей красотой... Кого же ей избрать вместо тебя? Кто-то должен умереть. Не хочешь ли ты помочь нам выбрать этого человека? Человека, который будет стоять здесь, передо мной, вместо тебя и страдать так же, как страдаешь ты? — Он широким жестом указал на зрительный зал. Девушка совсем растерялась.— У тебя есть сестра... мать... ребенок?»

«Нет,— выдохнула она, качнув головой.— Нет...»

«Но ведь кто-то должен занять твое место. Может быть, друг? Выбирай!»

«Я не могу. Нет...» — Девушка извивалась всем телом, стараясь вырваться из его рук.

Вампиры молча взирали на нее. Их неподвижные нечеловеческие лица ничего не выражали.

«Так ты не хочешь помочь нам?» — издевался он.

Я знал, если б девушка согласилась, он бы с презрением ответил, что она ничуть не лучше его, раз обрекает на смерть другого и, следовательно, сама заслуживает смерти.

«Смерть ждет тебя повсюду»,— шумно вздохнул он.

Я видел, что он теряет терпение, но зрители не догадывались об этом. Мускулы его гладкого лица напряглись. Он пытался заставить девушку смотреть ему в глаза, но она отворачивалась, пряча взгляд, полный отчаяния и надежды. Я вдыхал пыльный сладкий запах ее кожи, прислушивался к тихому стуку ее сердца.

«Смерть-незнакомка — вот удел человека.— Он наклонился к девушке поближе, стремясь подчинить ее своей воле.— Но ты видела нас, ты познакомилась со Смертью. Теперь ты наша невеста. Ты познаешь любовь самой Смерти!» Он почти целовал ее мокрое испуганное лицо.

Девушка с беспредельным ужасом смотрела на него. Вдруг ее глаза затуманились, губы разжались. Я проследил ее взгляд: она смотрела мимо своего мучителя на темную фигуру другого вампира. Он медленно выступил из тени и остановился неподалеку от девушки, пристально глядя на нее огромными, темными, невыразимо спокойными глазами. В них не было ни страсти, ни восхищения, но ее взгляд был прикован к нему. Чудесный свет страдания, казалось, обволакивал стройную фигуру, делал ее еще прекрасней и желанней. Именно эта ужасная, неприкрытая боль держала в напряжении публику. Я сам мысленно ласкал ее кожу, острые маленькие груди и зажмурился, чтобы стряхнуть наваждение, но образ девушки стоял у меня перед глазами. То же самое чувствовали все вампиры, окружавшие ее широким кольцом. Она была обречена.

Я открыл глаза. Фигурка девушки слабо мерцала в дымном свете рампы, слезы золотом сияли на щеках. И вдруг новый вампир тихо сказал:

«Это не больно».

Лицо шута окаменело, но зрители этого не заметили. Они видели перед собой только детские черты девушки, ее губы, приоткрывшиеся в невинном изумлении; она тихонько повторила:

«Не больно?»

«Твоя красота для нас — великий дар»,— ответил он. Его глубокий голос без труда заполнил весь зал. Он сделал легкий, почти незаметный жест рукой: шут тут же бесшумно отступил назад и застыл одной из терпеливых черных фигур с одинаково голодными и бесстрастными лицами. Неторопливо и грациозно повелитель подошел к девушке. Та стояла безжизненно и

покорно, совсем забыв о своей наготе. Ее ресницы затрепетали, влажные губы прошептали:

«Не больно».

Силы едва не покинули меня. Девушка всем телом тянулась к нему, умирала на глазах, покорялась его власти! Мне хотелось громко закричать, вернуть ее к жизни... Я хотел ее прямо сейчас! Да, я хотел ее. Вампир приблизился к ней вплотную, потянул узел на ее юбке. Девушка подалась к нему, откинув голову, черная юбка скользнула на пол, обнажая бедра и золотистый, совсем детский завиток волос внизу живота. Вампир раскрыл объятия ей навстречу. Его каштановые волосы колыхнулись, когда золотые локоны упали на черный плащ.

«Не больно... не больно...» — шептал он ей, и она отдавалась ему целиком.

Он развернул ее так, чтоб все видели ее лицо; потянул к себе податливое тело. Пуговицы его черного плаща коснулись ее обнаженной груди, она выгнула спину, бледные руки обвили его шею. Она вздрогнула, застонала и замерла: острые зубы вонзились ей в горло. Ее лицо было спокойно, но полумрак театра гудел от страсти. Белая рука вампира светилась на ее смугловатой ягодице сквозь золотую пелену падающих волос; он поднял ее на руки, не отрываясь от раны, ее горло розовело под его белой щекой. От слабости у меня закружилась голова, моя жажда росла, болью пульсировала в сердце, в венах. Я крепко стиснул медный поручень, металл тихо скрипнул под рукой, и этот слабый звук, недоступный уху человека, вернул меня в действительность, и я вспомнил, где нахожусь.

Я опустил голову. Мне захотелось зажмуриться и ничего не видеть. Мне чудилось, что воздух вокруг благоухает запахом ее соленой кожи, стройного тела, близкого, горячего и прекрасного. К ней приблизились остальные вампиры. Белая рука дрогнула, объятия разомкнулись. Голова жертвы безвольно откинулась назад, он передал тело холодной мертвой красавице.

Та взяла на руки девушку, принялась гладить и нежно укачивать ее, потом припала к крохотной ранке на горле. Вампиры собрались вокруг бесчувственной жертвы, и она переходила по кругу от одного к другому, провожаемая жадными взглядами зрителей. Вот ее голова унала на плечо мужчине-вампиру, и открылась хрупкая шея под затылком, не менее соблазнитель-

ная, чем маленькие круглые ягодицы, безупречная кожа долгих бедер или нежные складки под коленками.

Я откинулся в кресле и почувствовал во рту вкус ее крови. Меня терзала невыносимая жажда. Я не мог отвести взгляд от девушки, но краешком глаза следил за покорившим ее вампиром. Он отошел в сторону и держался особняком, как и прежде. Мне показалось, что его темные глаза отыскали меня в сумрачном зале. Да, он пристально смотрел на меня.

Один за другим вампиры исчезали за кулисами. Нарисованный лес беззвучно вернулся на прежнее место. Девушка, обнаженная, безжизненная и бледная, лежала на шелковой подкладке открытого черного гроба в тени огромных деревьев. Снова зазвучала музыка, мрачная и тревожная, она становилась все громче, а огни рампы медленно гасли. Все вампиры уже покинули сцену, кроме моего знакомца фигляра. Он подобрал косу и маску Смерти и медленно подкрался к спящей девушке. Свет погас, сцена исчезла, и только музыка властвовала теперь над темным залом. Вскоре затихла и она.

Несколько мгновений публика сидела молча и неподвижно.

Потом раздались неуверенные хлопки, и плотину прорвало. Бурная овация охватила зал. Огромные светильники на стенах вспыхнули ярким светом, и люди задвигались, возбужденно переговариваясь друг с другом. Женщина в середине одного из первых рядов торопливо поднялась, сдернула со спинки кресла лисье манто. Кто-то, опустив голову, быстро проталкивался к застеленному дорожкой проходу. Вдруг вся толпа разом, точно по команде, повалила к дверям.

Вскоре шум начал стихать. Последние изысканно одетые и надушенные зрители покидали зал. Чары рассеялись. Двери распахнулись навстречу свежему дождливому вечеру, и с улицы уже доносился стук копыт и голоса, подзывающие экипажи. Внизу под нами простиралось море кресел, на зеленом шелковом сиденье белела забытая кем-то перчатка.

Я сидел, опираясь локтем о поручень, прятал лицо под рукой, прислушивался и смотрел вниз. Жажда медленно отступала, но я все еще чувствовал вкус ее кожи на губах. Мне казалось, что ее запах примешивается к запаху дождя, а отчаянный стук обреченного сердца гулким эхом отдается под сводами пустую-

щего театра. Я громко вздохнул и посмотрел на Клодию. Она сидела неподвижно, сложив ручки на коленях.

Я не знал, что делать. Казалось, про нас забыли. Я взглянул вниз и увидел швейцара, он поправлял сдвинутые кресла и подбирал программки с пола. Боль, смятение и слепая страсть оставили в моей душе чувство неудовлетворенности и тоски, и я знал только один способ избавиться от него: спрыгнуть в партер и очутиться за спиной у ничего не подозревающего швейцара, утащить его в темноту и забрать его жизнь так, как забрали жизнь девушки на моих глазах всего четверть часа назад. Клодия наклонилась ко мне и шепнула на ухо:

«Терпение, Луи. Терпение».

Я поднял голову и краем глаза заметил неподалеку от нас неподвижную фигуру. Он сумел подобраться совсем близко, обманул мою бдительность и чуткий слух, на которые я полагался всегда, даже в минуты смятения. Но я ошибся и не услышал его приближения. Он стоял молча и неподвижно рядом с занавешенным портьерой входом в ложу и пристально смотрел на нас. Я тотчас узнал в нем вампира с каштановыми волосами, сыгравшего главную роль в спектакле. И мои догадки подтвердились: это он вручил мне приглашение на спектакль. Это был Арман.

Я мог бы испугаться, но он стоял там так неподвижно, его глаза глядели так спокойно и мечтательно; наверное, он уже давно следил за нами. Мы поднялись и двинулись к нему, но он не шевельнулся. Его взгляд словно околдовал меня. Наверное, я должен был радоваться, что это он, а не тот злобный шут, но даже не подумал об этом. Он неторопливо обвел глазами Клодию, не выказывая ни малейших признаков чисто человеческой привычки скрывать откровенно любопытный взгляд. Я положил руку на плечо Клодии и сказал:

«Мы долго искали тебя».

Вдруг мое сердце забилось ровней, и тревога покинула его, утонула в невозмутимом спокойствии, точно обломки кораблекрушения, смытые с берега волной отлива в морскую пучину.

Поверьте, я ничуть не преувеличиваю, скорее наоборот. Это невозможно описать словами. Его глубокие карие глаза говорили, что он знает меня, знает, зачем я здесь; и не нужно ничего объяснять. Клодия молчала.

Наконец он отошел от стены, жестом приветствовал нас и предложил следовать за ним вниз. Его движения были хотя и спокойны, но необычайно стремительны, и рядом с ним я казался карикатурой на человека. На нижнем этаже он отворил дверь в стене, за ней начиналась лестница в подвал под театральным залом, повернулся к нам спиной в знак полного доверия и пошел вниз, едва касаясь ногами ступеней.

Следом за ним мы очутились в громадной темной комнате, наподобие бального зала. Подвал был древнее, чем здание театра. Дверь над нашими головами захлопнулась, и свет пропал раньше, чем я успел рассмотреть помещение. Я услышал шорох одеяний нашего провожатого, потом вспыхнула спичка. Лицо его осветилось, словно пламя факела выросло из крохотного огонька. Из черноты выплыла темная фигура. Это был смертный юноша, почти мальчик. Он приблизился к вампиру, вручил ему свечу. Я вздрогнул: мальчик словно излучал волны чувственного наслаждения, как та девушка на сцене, сладкий запах горячей, пульсирующей крови. Юноша обернулся и посмотрел на меня, спокойно, как и наш провожатый; вампир зажег свечу и шепнул ему:

«Иди».

Свет рассеял темноту даже у дальних стен зала, Арман высоко поднял свечу и медленно пошел вперед, поманив нас за собой. В дрожащем, неровном пламени вокруг нас открылся фантастический мир фресок в глубоких, мрачных тонах. Я всмотрелся в ближайшую картину. То была копия с ужасного «Триумфа смерти» Брейгеля, выполненная в таком грандиозном масштабе, что бесчисленное множество призрачных персонажей возвышалось над нами в полумраке. С содроганием я взирал на омерзительные, кровожадные скелеты, как они сталкивали беспомощные тела умерших в зловонный ров, тянули за собой телегу, груженную человеческими черепами, обезглавливали трупы, валяющиеся на земле или свисающие с виселиц. В вышине над бескрайним адом безжизненной дымящейся пустыни, над армией уродливых и обезглавленных солдат, спешащих на кровавую бойню, одиноко звонил колокол. Я отвернулся, не в силах сдержать отвращение, но наш спутник взял меня под руку и подвел к следующей фреске, изображавшей падение ангелов. Проклятые существа, сброшенные с

божественных высот в пылающую бездну, полную пирующих монстров, казались такими прекрасными и живыми, что я невольно поежился. Арман снова тронул мою руку, но я не шевельнулся, вглядываясь в парящие на недосягаемой высоте фигуры ангелов с трубами. На мгновение чары, окутавшие меня, спали, и во мне возникло то же чувство восхищения, что и при первом посещении Нотр-Дам. Но оно тут же прошло, оставив после себя только смутное сожаление, точно некая призрачная драгоценность выскользнула у меня из рук, прежде чем я успел насладиться обладанием ею.

Пламя свечи выросло и окрепло, из полумрака один за другим выступали кошмарные сюжеты. Нашим глазам предстали вырожденцы и уроды Босха, раздувшиеся в гробах трупы, принадлежащие перу Траини, чудовищные всадники Дюрера и выходящее за всякие мыслимые пределы грандиозное собрание средневековых гравюр, оккультной символики и барельефов. Росписи на потолке изображали корчащиеся тела, рассыпающиеся в прах скелеты, ужасных демонов и наводящие страх орудия пыток. Помещение производило впечатление храма смерти.

Наконец мы вышли на середину зала. Я огляделся по сторонам, и мне почудилось, что нарисованные монстры ожили. Мне показалось, что я падаю в знакомую черную бездну, как бывало в предчувствии видения, комната поплыла перед глазами. Я взял Клодию за руку. Она стояла задумчиво и неподвижно, ее равнодушный и отсутствующий взгляд на секунду встретился с моим, и я понял, что ее надо оставить в покое. Она вырвала крошечную ладошку и быстро пошла прочь от меня. Торопливый стук ее каблучков отдавался громким эхом в огромном зале и барабанным боем у меня в висках. Я сжал лоб ладонью и безмолвно опустил голову, словно боялся поднять глаза и увидеть ужасные, непереносимые страдания. Потом снова взглянул на вампира. Его лицо как будто парило передо мной во мраке свечи, древние мудрые глаза сияли в кругу темных ресниц. Каменные черты не дрогнули, губы не шевельнулись, но мне показалось, что он улыбается. Я разглядывал его все настойчивей, убежденный, что это всего лишь волшебство, иллюзия, и я смогу преодолеть ее. Но чем дольше я смотрел на него, тем явственней видел эту легкую и задумчивую улыбку. Вдруг он ожил пе-

ред моими глазами, и я услышал или, точнее, почувствовал, как он что-то шепчет, говорит и даже напевает. Неожиданно приблизившись, он притянул меня к себе, обнял за плечи. Его лицо очутилось так близко, что я разглядел каждый волосок густых ресниц, блестящих в лучах нестерпимо яркого сияния глаз; легкое дыхание коснулось моей кожи.

Я пытался отстраниться от него, но не мог шевельнутся, его рука держала меня мягко, но нерушимо, его свеча вдруг оказалась у меня прямо перед глазами, тепло шло от пламени, все мое холодное тело жаждало этого тепла; я потянулся к свече, но не нашел ее, видел только его лучезарное лицо, белое, гладкое и мужественное. Лестат никогда не был таким. Передо мной стоял другой вампир, в нем соединились мы все, но он был такой же, как я,— существо моей породы.

И вдруг все кончилось.

Я протянул руку, чтобы коснуться его лица, но он был уже далеко, точно и не приближался ко мне. Растерянный и изумленный, я отступил назад.

Где-то вдалеке, над ночным Парижем, зазвонил колокол. Долгий, монотонный звук проник даже в этот подземный зал, и балки перекрытий отозвались протяжным гудением могучих труб величественного органа. Я снова услышал шепот или пение. Оглянувшись, я увидел, что тот смертный юноша здесь и смотрит на меня. Я жадно вдохнул запах жаркой человеческой плоти. Невесомая рука вампира поманила юношу, тот подошел, бесстрашно и возбужденно глядя мне в лицо, и неожиданно обнял меня за плечи.

Это было впервые: человек сам, сознательно шел в мои объятия. Я хотел оттолкнуть мальчика, чтобы спасти, но вдруг увидел синеватое пятно у него на шее. Он сам подставил горло моему жадному рту, приник ко мне всем телом, и я почувствовал, как напряглась его мужская плоть. Сдавленный стон вырвался из моих губ, но он прижался ко мне теснее, припал губами к моей холодной, безжизненной коже. Я вонзил зубы в его горло, его твердая плоть вжималась в мое бедро; моя страсть оторвала его от пола, и мир перестал существовать, остались лишь ритмичные удары его сердца; как волны, они прокатывались по всему моему телу, невесомый, я раскачивался вместе с ним, упи-

ваясь его плотью, его чувственным восторгом, его сознательной страстью к самоуничтожению.

Я очнулся, задыхаясь; он был уже не со мной, мои руки обнимали пустоту, но губы еще хранили вкус его крови. Юноша лежал на полу рядом с вампиром, смотрел на меня так же спокойно и безразлично, как и его хозяин. Его глаза чуть затуманились от потери крови. Я молча шагнул к нему, не владея собой, его взгляд дразнил меня. Он бросил мне вызов — остался жив! Он должен был умереть, но не умер; мы были так близки, но он выжил! Подавив желание броситься на него, я отвернулся и только тогда заметил других вампиров; они двигались, как тени, возле стены позади меня — едва различимые темные силуэты,— и огоньки свечей в их руках, казалось, скользили по воздуху сами по себе. За их спинами угадывались смутные очертания гигантских фресок: стервятник с человеческим лицом раздирает на части труп, обнаженный мужчина привязан за руку и за ногу к дереву, рядом, с соседней ветви, свисает туловище другого, его отсеченные руки болтаются на веревках, а отрезанная голова торчит на колу возле дерева.

Снова послышалось тихое, воздушное, неземное пение. Голод отступал, но голова еще кружилась, и пламя свечей сливалось перед глазами в широкую горящую дугу. Вдруг кто-то резко толкнул меня в спину, я потерял равновесие и чуть не упал. Я оглянулся и увидел худое, костлявое лицо презренного шута, его длинные белые пальцы тянулись ко мне. Но тот, другой, главный, быстро шагнул вперед и встал между нами. Кажется, он ударил его, но я снова не сумел уловить движение. Словно каменные статуи, они смотрели друг на друга. Кажется, прошла вечность; они стояли неподвижно, лишь слабые дрожащие огоньки в их глазах выдавали присутствие жизни. Помнится, я, спотыкаясь, отошел к стене; точно слепой, натолкнулся на большое дубовое кресло и сел. Я чувствовал, что Клодия где-то рядом, она говорила с кем-то, из полумрака доносился ее тихий нежный голос. Стало жарко, и кровавый пот выступил у меня на лбу.

«Пошли со мной»,— сказал Арман; он снова был рядом. Я внимательно следил за его лицом, стараясь уловить движение губ, но — тщетно. Клодия присоединилась к нам, мы вернулись

на ту же лестницу и стали спускаться еще ниже, под землю. Клодия шла впереди, и я видел на стене длинную тень ее хрупкой маленькой фигурки. Становилось прохладнее, воздух был свеж и влажен. В щелях между камнями поблескивали капельки воды, они отливали красным золотом в отблесках пламени одинокой свечи нашего проводника.

Наконец мы оказались в маленькой комнате. В глубокой каменной нише жарко горел камин. Напротив него в каменном же алькове стояло широкое низкое ложе, отделенное от комнаты маленькими воротцами из двух медных створок. В первое мгновение все это ясно предстало моему взору: длинные ряды книг вдоль стен, деревянный письменный стол по одну сторону камина и гроб — по другую. Но вдруг у меня закружилась голова, комната поплыла перед глазами, и я зашатался. Вампир положил мне руку на плечо и усадил в глубокое кожаное кресло у камина. Палящий жар коснулся моих ног, и это острое приятное чувство вернуло меня к жизни. Я откинулся на спинку и, прищурив глаза, попытался разглядеть обстановку в комнате. Кровать в алькове показалась мне похожей на сцену. На ней лежал юноша, чью кровь я пил только что. Его голова с расчесанными надвое, слегка вьющимися возле ушей темными волосами покоилась на льняной подушке; в лихорадочном полусне он был похож на изнеженное и бесполое существо с картины Боттичелли. Подле него удобно устроилась Клодия, ее холодная рука белела на его пышущей здоровьем румяной щеке. Она уткнулась лицом в нежную шею юноши. Вампир, скрестив руки на груди, стоял посредине комнаты и по-хозяйски смотрел на них. Клодия наконец оторвалась от мальчика, по его телу пробежала дрожь. Арман взял ее на руки, нежно, совсем как я, и она обвила его шею руками. Губы ее раскраснелись от выпитой крови, а глаза были полуприкрыты, как в обмороке. Он бережно усадил ее на стол, она откинулась назад и грациозно улеглась среди толстых томов в кожаных переплетах, опустила руки на подол бледно-лилового платья. Юноша уткнулся лицом в подушку и уснул; его хозяин затворил медные створки.

Что-то тревожило меня в этой комнате, но я не знал, что именно. Не мог понять, что со мной творится, но одно было очевидно: кто-то старался изгнать из моей памяти два ужасных переживания — эти страшные, завораживающие фрески и от-

вратительное убийство, которое я, забыв о стыде и приличиях, едва не совершил на глазах у других.

Я никак не мог разобраться, что угрожает мне теперь и почему мой ум ищет путь к спасению неведомо от чего. Я не сводил глаз с Клодии. Она полулежала на столе в окружении книг и других предметов — там был отполированный до блеска человеческий череп, старинный позолоченный канделябр, раскрытая толстая рукопись на пергаменте; буквы отражали яркий свет свечей. На стене, прямо над головой Клодии, висела гравюра, которую я заметил только теперь: средневековый дьявол с рогами и копытами парит над шабашем поклоняющихся ему ведьм. Золотистые локоны Клодии едва не задевали ее. Она смотрела на хозяина комнаты широко открытыми удивленными глазами. Вдруг мне захотелось броситься к столу и схватить ее на руки, страшная картина мелькнула в моем воспаленном воображении: Клодия, неживая, как сломанная кукла, брошенная навзничь. Я перевел взгляд на дьявола — лучше уж видеть его отвратительную рожу, чем мрачную и неподвижную Клодию.

«Вы не разбудите мальчика, говорите, не бойтесь,— сказал вампир.— Вы явились издалека, и путешествие было долгим и нелегким».

Мое смятение отступало, исчезало бесследно, точно клубы дыма, развеянные порывами ветра. Я уверенно и спокойно смотрел на него. Он неторопливо прошел по комнате и опустился в кресло напротив моего. Клодия тоже смотрела на него, а он переводил взгляд с нее на меня. Его бесстрастное лицо не менялось, глаза смотрели спокойно и мирно, как всегда.

«Как вы знаете, меня зовут Арман,— сказал он.— Это я посылал Сантьяго прошлой ночью вручить вам приглашение на спектакль, а заодно и к нам в гости. Я знаю ваши имена и рад видеть вас у себя дома».

Я собрался с силами и ответил ему; собственный голос показался мне чужим. Я сказал, что мы так боялись оказаться единственными вампирами на свете.

«Но откуда же тогда взялись вы сами?» — спросил он.

Клодия чуть приподняла руку, быстро взглянула на меня. Я не сомневался, что Арман тоже заметил ее движение, но не подал виду. Я сразу понял, что она пыталась сказать.

«Вы не хотите отвечать»,— задумчиво проговорил он, и этот тихий, ровный, нечеловеческий голос, эти глубокие глаза снова околдовали меня; а ведь я с таким трудом вырвался только что из этих чар.

«Ты здесь главный?» — спросил я.

«Нет, если понимать слово главный так, как понимаешь его ты,— ответил он.— Но если бы кто-то и возглавил наше сообщество, то это был бы я».

«Прости меня... Я пришел не затем, чтобы обсуждать, как я стал вампиром, это не тайна для меня и не вызывает вопросов. И если у тебя нет власти, которая требует беспрекословного уважения и подчинения, я не стану говорить об этом».

«А если бы я сказал, что у меня есть такая власть, ты бы подчинился?» — спросил он.

Жаль, что я не могу передать, как он говорил: каждый раз он словно выходил из волшебного состояния созерцания; то же самое теперь происходило и со мной, и мне трудно было преодолеть это волшебство. Он ни разу не пошевелился, но наша беседа казалась очень оживленной. Это и пугало, и притягивало меня, так же как простая, но богатая обстановка его комнаты. Здесь было только самое необходимое: книги, стол, пара кресел у камина, гроб, картины. По сравнению с ней роскошное убранство нашего номера казалось не только пошлым и вульгарным, но и совершенно бессмысленным. Только присутствие спящего юноши оставалось для меня загадкой. Его роли я никак не мог понять.

«Не уверен,— отозвался я, не в силах отвести взгляд от омерзительного портрета сатаны.— Сначала я должен узнать, кто... кто дал тебе эту власть. Другие вампиры... или кто-нибудь еще».

«Кто-нибудь еще,— протянул он.— Что ты имеешь в виду?»

«Вот это!» — я указал на средневековую гравюру.

«Это всего лишь рисунок»,— заметил он.

«И все?»

«И все».

«Значит, не сатана поставил тебя над ними? Не он дал тебе власть вампира?»

«Нет»,— спокойно ответил он, и я не мог понять, что он сейчас думает и задумывается ли вообще над моими вопросами.

«А другим вампирам?»

«Нет»,— ответил он так же спокойно.

«Значит, мы...— я наклонился вперед, не в силах сдержать волнение,— не дети дьявола?»

«О чем ты? — задал он встречный вопрос.— Разве дьявол сотворил этот мир?»

«Нет, если кто его и создал, то только Бог. Но и дьявола создал Бог, и я хочу знать, а вдруг мы — творения сатаны?»

«Ты совершенно прав, дьявола сотворил Бог, значит, и он — дитя Божье. И все мы тоже. Никаких детей сатаны не существует».

Я не мог скрыть своих чувств и, откинувшись на спинку кресла, снова взглянул на гравюру. На мгновение я забыл о присутствии Армана и задумался, потрясенный его неоспоримой и простой логикой.

«Но почему ты так взволнован? — обратился он ко мне.— Ведь все, что я сказал, для тебя не новость».

«Позволь мне объяснить,— начал я.— Я знаю, ты не просто вампир, ты учитель, и я бесконечно уважаю тебя. Но твоя отрешенность недоступна мне. Я никогда не был и, наверное, никогда не буду таким, как ты».

«Я понимаю тебя,— Арман кивнул.— Я смотрел на тебя во время спектакля и видел, как ты страдал, сочувствовал девушке и жалел ее. Я предложил тебе кровь Дэниса, ты и его жалел. Всякий раз, убивая, ты умираешь сам, потому что думаешь, что заслуживаешь смерти, и ничто не может переубедить тебя. Твоя душа полна любви и стремления к справедливости. Как же ты можешь называть себя творением дьявола?!»

«Я грешен, бесконечно грешен, как и любой вампир на земле! Убил множество людей и буду убивать и дальше. Я принял этого юношу, Дэниса, хотя даже не знал, умрет он или нет».

«Но разве это значит, что ты такой же грешник, как другие вампиры? Разве не существует различных степеней зла? Или ты думаешь, что зло — это огромная, чудовищная пропасть, однажды соскользнув в которую, ты будешь неизбежно падать в скрытые вечным мраком глубины?»

«Да, так я и думаю. Может, это и неразумно, но вокруг меня только черная пустота, и нет мне утешения».

«Ты просто не хочешь быть честным до конца,— возразил он, и в первый раз я уловил в его голосе проблеск какого-то чув-

ства.— Ты же понимаешь, что добродетель бывает разная. Добродетель ребенка — в его невинности, добродетель монаха — бескорыстие, самопожертвование и служение Богу. Есть добродетель святых и добродетель домашних хозяек. Разве они ничем не отличаются друг от друга?»

«Да, отличаются. Но все они бесконечно далеки от зла»,— ответил я.

Раньше я никогда об этом не думал, и только теперь, в разговоре с Арманом, мои самые затаенные чувства обрели форму и превратились в слова. Наверное, мой разум тогда был слишком слаб, и только чужая воля побудила меня связно мыслить, извлекать правду из хаоса страстей и страданий. Чужая воля направляла меня. И я вдруг ясно понял, что больше не одинок. Без всякого внутреннего сопротивления вспомнил прошлое; заново пережил тот миг, когда стоял у лестницы лицом к лицу с Бабеттой, ослепленный ее ненавистью; вспомнил жизнь с Лестатом и вечное раздражение против него; страстную, обреченную привязанность к Клодии — и я понял, что это только маска, под которой я скрывал свое одиночество, что моя любовь к ней имеет те же корни, что и желание убивать. И мой разум проснулся, я снова жадно хотел узнать правду, несмотря на собственные слова: «Вокруг меня только черная пустота, и нет мне утешения».

Я посмотрел на Армана, его огромные карие глаза на сияющем, навеки юном лице пристально изучали меня. Мне почудилось, что мир вокруг пришел в медленное движение; так же было в том зале с фресками — предчувствие видения,— и во мне пробудилось желание такое неистовое, что само обещание его выполнения таило в себе невыносимую возможность разочарования. Меня мучил древний, страшный вопрос — что есть зло?

Я сжал голову руками, как делают люди в минуты страдания, но разве человек в силах унять эту боль?

«Что же такое зло? — Арман словно прочитал мои мысли.— Разве можно один раз сойти с пути истинного и в мгновение ока стать таким же грешником, как выходец из черни, заседающий в революционном Трибунале, как самый жестокий из римских императоров? Разве для этого достаточно разок про-

пустить воскресную мессу или попрать тело Христово? Или украсть краюху хлеба... или переспать с женой соседа?»

«Нет...— я покачал головой.— Нет».

«Если зло существует в этом мире, но не различается по степеням греховности, стало быть, достаточно совершить один-единственный грех, чтобы оказаться навеки проклятым. Разве не к этому сводится смысл твоих слов? Если Бог есть и...»

«Я не знаю, есть ли он,— перебил я Армана.— Но судя по тому, что я видел... Бога нет».

«Значит, нет и греха, и зла тоже нет».

«Это не так,— возразил я.— Потому что если Бога нет, то мы — высшие разумные существа во всей вселенной. Только нам одним дано видеть истинный ход времени, дано понять ценность каждой минуты человеческой жизни. Убийство хотя бы одного человека — вот что такое подлинное зло, и не важно, что он все равно умрет — на следующий день, или через месяц, или спустя много лет... Потому что если Бога нет, то земная жизнь, каждое ее мгновение — это все, что у нас есть».

Арман откинулся назад, словно решив на время прервать беседу. Щурясь, он смотрел на огонь. Впервые он отвел взгляд в сторону, и я смог спокойно рассмотреть его. Он долго сидел молча, и я как будто видел движение его мыслей, они словно плыли по воздуху, как кольца табачного дыма. Я не мог их прочитать, но чувствовал их мощь, их силу. Мне даже виделось свечение вокруг его головы; его лицо казалось молодым, но это ничего не значило, потому что он был бесконечно старый и мудрый. Вряд ли я смогу это описать: чистые, юные черты лица и глаза, невинные, но полные многовекового опыта.

Он поднялся из кресла, непринужденно сцепил руки за спиной и обратил взгляд на Клодию. Я понимал, почему она все время молчала. Наш разговор был не для нее. Но я знал, что и она оказалась во власти могущественных чар Армана. Она ждала своего часа, слушала и запоминала. Их взгляды скрестились. Он владел каждой клеточкой своего тела, поднялся на ноги так легко, без мелких человеческих жестов и движений, рожденных необходимостью, или привычкой, или неуверенностью в себе. Глядя на Клодию, он застыл в сверхчеловеческой неподвижности, и то же самое произошло с ней: она стала похожа на каменное изваяние, она тоже умела владеть своим телом.

Они смотрели друг другу в глаза, и между ними возник контакт, некое высшее понимание, недоступное мне. Я сейчас для них был всего лишь суетным и вечно колеблющимся существом, как любой смертный для меня. Арман повернулся ко мне, и я понял: он уже знает, что она не согласна с моим пониманием зла, хотя они не произнесли ни слова.

Он заговорил, глядя на огонь:

«Значит, есть только одно зло».

«Да»,— отозвался я, и этот главный вопрос снова заставил меня забыть обо всем.

«Да, это так»,— ответил он, и это было как удар, ввергнувший меня в пучину отчаяния и безысходной тоски.

«Значит, Бога нет... тебе ничего неизвестно о его существовании?»

«Ничего!» — подтвердил он.

«Ничего!» — ошеломленно повторил я, даже не пытаясь скрыть свою наивность и жалкий человеческий страх.

«Ничего».

«И никто из здешних вампиров ничего не знает про Бога или дьявола?»

«Ни один из тех, кого я знаю,— задумчиво протянул он. Отблески пламени прыгали в его глазах.— И насколько могу судить, я — самый старый вампир на земле. Ведь живу уже четыреста лет».

Я изумленно смотрел на него.

Мир вокруг меня померк. Случилось то, чего я всегда так боялся. Я остался один, и не было у меня надежды. «Что ж, пусть будет так,— подумал я,— до самого конца света». Многолетние поиски закончились ничем. Я облокотился на спинку кресла, безразлично глядя на языки пламени в камине.

Я понимал, что бесполезно уезжать от Армана, предпринимать новое путешествие только затем, чтобы еще раз услышать тот же ответ.

«Четыреста лет,— шепотом повторил я его слова.— Четыреста лет».

Я не сводил глаз с раскаленных углей. Одно полено разгоралось с трудом, но огонь побеждал сырое дерево, оно медленно оседало в глубь камина, испещренное крошечными дырочками, через которые выступала смола. Она быстро выгорала, и на

месте каждой такой дырочки плясал маленький огненный язычок. И мне показалось, что эти огоньки — лица людей с черными отверстиями ртов, что это огромный хор поет неслышными голосами.

Вдруг Арман резко поднялся, зашелестели складки плаща, он встал на колени у моих ног, обхватил мою голову руками, и горящие глаза смотрели мне в лицо.

«Зло — само понятие о нем — происходит от разочарования и горечи! Неужели ты не понимаешь? — воскликнул он.— Дети сатаны! Дети Бога! Неужели это единственный вопрос, который привел тебя ко мне? Неужели это единственная сила, которая заставляет тебя превращать нас в богов или чертей? Единственно подлинная сила заключена в нас самих. Как ты можешь верить во все эти лживые сказки?»

Он сорвал со стены гравюру так стремительно, что я успел заметить лишь оскаленную пасть дьявола. Она промелькнула передо мной и через мгновение исчезла в огне камина.

Что-то сломалось внутри меня, точно в душе открылись шлюзы, бурный поток чувств вырвался наружу и заставил напрячься каждый мускул моего усталого тела. Я вскочил на ноги и поспешно отступил назад, подальше от него.

«Ты сошел с ума? — спросил я, изумленный собственными гневом и отчаянием.— Мы оба, ты и я, бессмертны, вечны; каждую ночь мы черпаем наше бессмертие в человеческой крови; здесь, на столе, среди заключенного в толстые тома многовекового знания сидит ребенок, такой же демон, как и мы сами. И ты еще спрашиваешь, почему я стараюсь понять смысл нашего существования, почему обращаюсь к сверхъестественным силам, почему ищу их! Я видел свое превращение и могу поверить во что угодно! Разве не так? Да, я запутался, я готов принять даже самую невероятную истину из всех когда-либо слышанных мною: в нашем существовании вообще нет никакого смысла!»

Я попятился к двери, прочь от его удивленного лица, руки, парящей в воздухе возле неподвижных губ, пальцев, сжатых так сильно, будто он хотел пронзить ногтями собственную ладонь.

«Не уходи! Вернись»,— прошептал он.

«Нет, не сейчас,— сказал я.— Позволь мне уйти. На время... позволь мне уйти... Ничто не изменилось. Просто я должен пережить твои слова...»

На пороге я оглянулся. Клодия смотрела на меня, сложив руки на коленях. Потом нежно и печально улыбнулась, махнула рукой: уходи.

Мне хотелось выбраться из театра, очутиться среди старинных улиц и просто идти куда-нибудь, чтобы прийти в себя. Но у меня не было сил; двигаясь на ощупь в темноте по каменному коридору, я совершенно растерялся. Наверное, просто не мог собраться с духом и сделать над собой усилие, моя собственная воля отказывалась повиноваться мне. Я подумал, что смерть Лестата, если он, конечно, умер, была бессмысленной жертвой. Я часто думал о нем, вспомнил и теперь, но с теплотой и сожалением. Он был такой же потерянный и одинокий, как мы все. Он не прятал от нас никакой тайны, просто сам ничего не знал. Ему нечего было знать. Я не мог разобраться в своих мыслях, но уже начал понимать, что напрасно ненавидел Лестата. Я сидел на ступеньках лестницы в полумраке, спиной к приоткрытой двери зала, и тупо смотрел на собственную расплывчатую тень на грубом, шероховатом полу. Внутренний голос шептал мне: «Усни». И еще отчетливее: «Забудь обо всем». Но я не предпринял ни малейшей попытки встать и вернуться в гостиницу, хотя мне хотелось туда; я вспомнил, как там свежо и спокойно; там, среди милой и недолговечной роскоши, я смогу забыться, опуститься в мягкое бархатное кресло, положить ноги на каминную решетку и смотреть, как языки пламени лижут мраморные изразцы, и видеть в бесчисленных зеркалах не вампира, а усталого и задумчивого человека...

«Беги туда,— уговаривал я сам себя,— беги прочь от всего, что держит тебя здесь». И снова я подумал о Лестате.

«Я был несправедлив к нему. Я напрасно его ненавидел»,— повторял я шепотом, стараясь вытянуть мысль из темных глубин сознания, чтобы она обрела законченную форму, понятную для меня самого. Мой шепот походил на тихое шуршание сухих листьев и эхом отдавался под каменными сводами лестницы.

Вдруг из темноты отозвался другой, нечеловеческий голос, тусклый и ровный:

«О чем ты? Почему ты был несправедлив к нему?»

Я обернулся так резко, что перехватило дыхание. Вампир сидел рядом со мной, совсем близко.

Я не поверил своим глазам: это был тот мрачный шут, которого Арман называл Сантьяго.

Ничто в нем не напоминало прежнего жестокого злодея, хотя совсем недавно именно он напал на меня и Арман его ударил. Его черные волосы слегка растрепались, с губ исчезла коварная ухмылка. Он пристально глядел на меня.

«Это касается только меня одного»,— ответил я, и мой страх отступил.

«Но ты назвал имя, я слышал»,— сказал он.

«Имя, которое я не желаю повторять»,— ответил я, избегая его внимательного взгляда. Я понял, как ему удалось одурачить меня и подобраться так близко: он бесшумно подкрался сзади, согнувшись, и его тень совпала с моей тенью. Я тут же представил, как он скользит вниз по лестнице за моей спиной, и мне стало не по себе. Его присутствие тревожило меня, я ему не доверял. Арман умел гипнотизировать, подчинять своей власти, но он всегда старался быть честным, понимал меня без слов. А этот вампир был насквозь лжив, и я инстинктивно чувствовал его силу, едва ли не равную силе Армана, но разрушительную и грубую.

«Ты приехал в Париж, чтобы отыскать нас, а теперь сидишь один на темной лестнице...— сказал он мирно и дружелюбно.— Почему бы тебе не подняться к нам? Пойдем, расскажи нам о нем; я знаю его, я узнал это имя».

«Ты не знаешь и не можешь его знать. Это был простой человек»,— соврал я, повинуясь скорее чутью, чем разуму. Почему-то я не хотел, чтобы он знал о Лестате и его смерти.

«Ты хочешь сказать, что пришел сюда предаваться размышлениям о судьбе какого-то человека и о справедливости по отношению к нему?» — спросил он без малейшего намека на насмешку.

«Я пришел сюда, чтобы побыть одному, не обижайся»,— пробормотал я.

«Нехорошо быть одному в таком состоянии. Ты даже не слышал, как я подошел... Ты нравишься мне. Пойдем наверх, к нам».— Он медленно потянул меня за руку, я поднялся.

Вдруг внизу блеснул свет, это открылась дверь комнаты Армана. Послышались шаги — он шел сюда. Сантьяго отпустил

меня. Я стоял недоумевая. У лестницы появился Арман, на руках он держал Клодию. Она смотрела вокруг прежним безразличным взглядом. Казалось, она ничего не замечает и думает о своем. Я не мог понять, что с ней происходит. Я взял Клодию из рук Армана, ее нежное тело приникло ко мне, как бывало в гробу перед сном.

Резким и сильным движением руки Арман оттолкнул Сантьяго, тот упал, но тут же поднялся. Арман не дал Сантьяго опомниться и потащил его наверх. Все произошло так быстро, что я успел заметить лишь очертания черных облачений и расслышать шарканье подошв по каменному полу. Через мгновение Арман уже стоял на верхней ступеньке один, и я неторопливо поднялся к нему.

«Вам не удастся сегодня ночью безопасно покинуть театр,— прошептал он, обращаясь ко мне.— Он подозревает вас. Я пригласил вас сюда, и он считает, что имеет право познакомиться с вами поближе. Речь идет о нашей безопасности».

Следом за ним я вошел в зал, он повернулся ко мне и прошептал на ухо:

«Я должен предупредить тебя. Не отвечайте ни на какие вопросы. Говорите как можно меньше о себе. Спрашивайте сами, и перед вами станут распускаться бутоны истины. И главное: храните молчание о своем втором рождении».

Он отошел от нас, но потом обернулся и поманил за собой в полумрак, где уже собралось все общество. Они были похожи на мраморные статуи, их лица и длинные руки светились в темноте, как наши. И я подумал, что мы и они сотканы из одной и той же плоти,— я так долго мечтал об этой встрече. Но теперь эта мысль отчего-то тревожила меня, особенно когда я подошел поближе и разглядел их отражения в высоких зеркалах между ужасными фресками и картинами. Я отыскал свободное кресло с резными ножками и высокой спинкой, сел, и Клодия вдруг очнулась. Она наклонилась ко мне и прошептала, что я должен слушаться Армана: ничего не говорить про Лестата и наше прошлое. Мне хотелось поговорить с ней без свидетелей, но Сантьяго непрерывно следил за нами и только изредка переводил взгляд на Армана. Вокруг Армана собрались дамы, они обнимали его, и я смотрел на них в смятении. Их стройные фигуры, прекрасные лица, изящные руки, скрывающие нечелове-

ческую силу, их колдовские взгляды, обращенные к нам в тишине, не волновали и не восхищали меня. Меня мучила ревность. Он поворачивался к каждой, целовал их, и я сходил с ума от ревности и страха, что он забыл про меня. Он подвел их ко мне, чтобы познакомить, но я смутился и не знал, что делать.

Я запомнил только два имени: Эстелла и Селеста. Они обе, изящные, как фарфоровые статуэтки, тут же принялись с развязностью, простительной разве что слепым, ласково ощупывать Клодию, гладить ее сияющие волосы, касаться даже ее губ. Она равнодушно терпела их ласки. И только мы с ней знали, что в ее детском теле прячется острый, проницательный ум взрослой женщины. Я удивлялся, глядя на нее: она поворачивалась к ним лицом, придерживая складки платья, холодно улыбалась в ответ на их восхищенное обожание. Я забыл, что и сам когда-то вел себя с ней как с ребенком, несдержанно: тискал ее, часто брал на руки. В моей голове теснились разные мысли. Я вдруг вспомнил наш разговор предыдущей ночью в гостинице и ее злобные слова о любви между людьми; я все еще не мог прийти в себя после разговора с Арманом, который не открыл мне ничего нового, и внимательно следил за вампирами, вслушивался в их шепот, вглядывался в темноту возле фресок. Я ни о чем никого не спрашивал, но скоро понял, что представляет собой парижское общество вампиров. Мои худшие опасения подтвердились: недавний спектакль был правдой, именно так они и жили.

Я стал прислушиваться к разговору, речь зашла об искусстве. Ради безопасности в доме всегда был полумрак, но его обитатели высоко ценили живопись, и каждую ночь кто-нибудь из них обязательно приносил новую гравюру или работу современного мастера. Селеста, опустив холодную ладонь на мою руку, с презрением говорила о смертных создателях этих произведений. Эстелла посадила себе на колени Клодию и с наивным апломбом утверждала, что они, вампиры, только собирают эти жуткие картины, а придумывают их люди, которые способны на любую гадость.

«Разве художник, создавая такую картину, творит зло?» — спросила Клодия своим тихим, ничего не выражающим голосом.

Селеста, откинув со лба черные кудри, рассмеялась:

«Всякое воображаемое зло может стать настоящим,— ответила она, и в ее глазах вспыхнули враждебные огоньки.— Впрочем, мы стараемся не уступать людям в разных способах убийства!»

Она возбужденно, даже нервно засмеялась, наклонилась вперед и дотронулась до колена Клодии. Та безучастно встретила ее взгляд и снова погрузилась в молчание. Сантьяго подошел и завел разговор о наших апартаментах в гостинице. По-театральному размахивая руками, он старался убедить нас в том, что жить там очень опасно, как бы между делом демонстрируя удивительно точное знание наших комнат и обстановки. Он даже в деталях описал наши гробы, которые, по его словам, вызывали в нем дрожь отвращения.

«Перебирайтесь сюда! — обратился он ко мне по-детски непринужденно, как тогда на лестнице.— Живите с нами вместе, и не надо будет осторожничать. У нас надежная охрана... Кстати, расскажи мне, откуда вы взялись.— Сантьяго присел на пол возле моего кресла.— Мне знаком твой акцент, ну-ка, скажи что-нибудь».

Смутная тревога закралась в мое сердце: оказывается, я с акцентом говорю по-французски, но в тот момент я думал о другом. Я чувствовал в себе самом отражение его сильной воли и властности, они росли во мне с каждой минутой. Беседа продолжалась.

Эстелла говорила, что только черный цвет подходит вампиру, что пастельное платье Клодии хоть и очаровательно, но безвкусно.

«Мы сливаемся с ночью,— вещала она,— благодаря траурному блеску наших одежд».

Она прижалась щекой к Клодии и рассмеялась, пытаясь смягчить резкость своих слов. Вслед за ней засмеялись Селеста, Сантьяго и все остальные, зал наполнился неземными звуками тонкого серебристого смеха и нечеловеческих голосов. Они отражались от разрисованных стен, и огоньки свечей дрожали.

«Но как спрятать такие локоны?» — лукаво спросила Селеста, перебирая золотые волосы Клодии. Только теперь я обратил внимание, что все вампиры, кроме Армана, красили волосы в черный цвет. И одевались они только в черное, вот почему

мне казалось, будто все мы — мраморные статуи, вырезанные из каменной глыбы одним и тем же резцом и разукрашенные одной и той же кистью. И это тревожило меня, страшно тревожило, но я не мог разобраться почему.

Я встал и отошел к зеркалу, подальше от них, и посмотрел на мрачное общество за моим плечом. Клодия сверкала среди них, точно одинокий бриллиант. Наверное, так же выглядел бы здесь спящий внизу юноша — Дэнис. Я вдруг понял, что с ними мне невыносимо скучно. Все здесь было до отвращения скучно и неинтересно: Одни и те же алчущие глаза, одни и те же плоские шутки, унылый звон медного колокола.

Только жажда знаний отвлекала меня от тоскливых раздумий.

«Вампиры Восточной Европы,— донесся до меня голос Клодии,— это чудовищные создания, что у них общего с нами?»

«Они — мертвецы, призраки,— еле слышно ответил Арман, его голос издалека был тише шепота, но все вокруг расслышали его слова. Наступила мертвая тишина.— В их жилах течет другая кровь, кровь черни. Они превращаются в вампиров так же, как мы, только неумело и неосторожно. В старые времена...» Он осекся. Я увидел отражение его лица в зеркале: оно вдруг застыло суровой маской.

«Расскажи нам про старые времена»,— попросила Селеста, ее твердый голос трепетал от возбуждения.

Сантьяго поддержал ее и сказал так же сладострастно:

«Да, в самом деле, расскажи нам про шабаши, про отвары из волшебных трав, способные сделать нас невидимыми.— Он улыбнулся.— И как сжигали на кострах!»

Арман смотрел на Клодию.

«Берегись этих монстров,— сказал он и, окинув внимательным взглядом Селесту и Сантьяго, добавил: — Этих призраков. Они нападут на тебя, как на простого человека».

Селеста передернула плечами, пробормотала что-то презрительным и надменным тоном, как аристократка о вульгарном деревенском родственнике. Но я смотрел на Клодию: ее глаза снова затуманились, и она поспешно отвернулась от Армана.

Беседа возобновилась, и под сводами зала снова зазвучали манерные светские голоса.

Они вспоминали свои ночные убийства, делились впечатлениями, сосредоточенно и спокойно обсуждали детали. Иногда словно молния вспыхивала в полутьме: кто-то призывал к особой жестокости. В дальнем углу одного вампира попрекали за то, что он слишком романтично воспринимает жизнь людей, что ему не хватает смелости и он всегда отказывается от самых захватывающих развлечений. Высокий и худой, он выглядел простовато, постоянно пожимал плечами, медленно выговаривал слова, тупо размышлял вслух: улечься ли в гроб до завтрашнего вечера или остаться здесь. Но не уходил, подвластный воле искусственно созданного общества, превратившего бессмертных в сборище конформистов. Как Лестату удалось разыскать их? Появлялся ли он здесь вообще? Если — да, то почему он ушел? Лестат не стал бы подчиняться чужой воле, он всегда стремился сам встать во главе. Как, должно быть, они восхищались его изобретательностью, кошачьей манерой забавляться со своими жертвами. И слово «упустил»... оно звучало здесь так часто. Не упустить — вот что было для меня жизненно важно, когда я только становился зрелым вампиром. Ты «упустил» возможность убить того ребенка, говорили они. Ты «упустил» шанс напугать ту бедняжку или довести до безумия того человека, хотя это было так просто.

У меня снова разболелась голова, и мне снова захотелось немедленно выбраться на свежий воздух, покинуть это сборище. Но я взглянул на Армана и понял, что не могу уйти. Я не забыл его предостережений, но не они, а нечто иное заставило меня оставаться на месте. Он принимал участие в общем разговоре, вставляя время от времени короткие замечания, или кивал головой, но между ним и остальными всегда сохранялась дистанция. Мое сердце забилось: я заметил, что чаще всего он смотрит на меня, но, как и прежде, равнодушно и отчужденно. Предупреждение об опасности эхом звучало у меня в ушах, но я решил пренебречь им, хотел уйти из театра как можно скорей, стоял и безучастно прислушивался к разговору, и все, что слышал, было скучно, глупо и бесполезно.

«Значит, нет ни законов, ни преступлений?» — спросила Клодия. Я встретил в зеркале ее взгляд.

«Преступление? Какая скука! — воскликнула Эстелла и взглянула на Армана. Тот усмехнулся в ответ.— А скука — это

смерть!» — прокричала она, обнажая клыки. Арман устало поднес руку ко лбу, изображая испуг.

Сантьяго вмешался в разговор.

«Преступление! — сказал он.— Да, есть одно преступление. Мы будем преследовать совершившего его, пока не настигнем и не уничтожим. Догадайся, о чем я говорю.— Он посмотрел на Клодию, потом перевел тяжелый, пристальный взгляд на меня. Лицо Клодии походило на застывшую гипсовую маску.— Вы должны это знать, иначе почему вы храните в тайне имя того, кто посвятил вас в вампиры?»

«Что это значит?» — Клодия слегка округлила глаза.

Наступила гробовая тишина, все смотрели на Сантьяго. Он выставил вперед ногу и, заложив руки за спину, наклонился над Клодией. Глаза его засветились свирепой радостью. Ему приятно было очутиться в центре внимания. Он неторопливо подошел ко мне сзади и, положив руку на мое плечо, вкрадчивым голосом спросил:

«Так ты не догадываешься, что это за преступление? Разве ваш учитель не рассказал тебе?»

Он попытался развернуть меня к себе лицом, потянул за плечо, постукивая пальцем в такт ускоряющемуся ритму моего сердца.

«Преступление, приговор за которое — смерть... Убийство себе подобного, убийство другого вампира!»

«А!» — звонко рассмеялась Клодия. Половицы слабо скрипнули под ее легкой ножкой, она подошла ко мне, окруженная волной бледно-лилового шелка, взяла меня за руку и сказала:

«А я-то боялась, этот смертный грех — родиться на свет из пены морской, как Венера и мы с Луи. Наш учитель! Пошли, Луи, нам пора!»

И она потянула меня к выходу.

Арман засмеялся, но Сантьяго молчал. Мы были уже на пороге, когда Арман поднялся с кресла и сказал:

«Добро пожаловать, завтра и всегда!»

Я перевел дыхание только на улице. Шел дождь, бульвары были пустынны и прекрасны. Ветер гнал по мостовой обрывки бумаг. Раздался глухой, ритмичный стук подков — одинокий экипаж неторопливо обогнал нас и скрылся под бледно-лило-

вым небом. Я шел так быстро, что Клодия не поспевала за мной, и я взял ее на руки.

«Мне они не нравятся,— сказала она с ожесточением, когда мы подходили к гостинице. Даже в огромном, ярко освещенном вестибюле отеля в этот предрассветный час царили покой и тишина. Точно привидение, я бесшумно прокрался мимо клерков, спавших за стойками.— Ради того, чтобы разыскать их, я проехала полмира, но теперь не испытываю к ним ничего, кроме презрения и ненависти!»

Клодия яростно сорвала шляпку и молча направилась в гостиную; я последовал за ней. Косые струи дождя хлестали по высоким окнам. Я зажег одну за другой все лампы в комнате, потом свечи в серебряных канделябрах; я подносил их к газовой лампе, как часто делали и Клодия, и Лестат в нашем доме на Рю-Рояль. Потом отыскал обитое коричневым бархатом кресло, о котором мечтал, сидя на лестнице в театре, и опустился в него в полном изнеможении. На мгновение мне почудилось, что комната охвачена огнем, как при пожаре. Я остановил взгляд на пейзаже в позолоченной раме на стене напротив. И смотрел на бледно-голубые деревья, склоняющие кроны над прозрачным ручейком, и колдовские чары наконец развеялись. Им ни за что не добраться до нас, пока мы здесь, мысленно успокаивал я себя, но понимал, что это глупый самообман.

«Я в опасности, я в опасности»,— с бессильной яростью твердила Клодия.

«Откуда они могут знать, что мы сделали с ним? Кроме того, не ты, а мы — в опасности! Неужели ты хоть на секунду можешь допустить, что я не считаю себя виноватым в смерти Лестата? Но даже если бы я не был замешан в этом...— Клодия приблизилась ко мне, и я было протянул руки ей навстречу, но тут же опустил их, натолкнувшись на свирепый взгляд огромных глаз.— Неужели ты думаешь, что я покинул бы тебя перед лицом смертельной угрозы?»

Я посмотрел на нее и не поверил своим глазам: Клодия улыбалась.

«Нет, Луи, я знаю, ты меня никогда бы не оставил,— сказала она.— Опасность удерживает тебя возле меня...»

«Любовь — вот что удерживает меня рядом с тобой»,— тихо возразил я.

«Любовь? — Она на мгновение задумалась.— Что ты называешь любовью?»

Мое лицо исказилось от боли, она подобралась еще ближе и прижала крошечные ладони к моим щекам. Они были холодны как лед, и я понял, что и Клодия, и я не насытились кровью юноши. Она согрела нас только на время.

«Ты привыкла к моей любви и не замечаешь ее,— ответил я.— Узы, соединившие нас, нерасторжимы, как если б мы были обвенчаны перед алтарем в церкви».

Но не успел я договорить, в моей душе зашевелились прежние сомнения. Я вспомнил ее резкие и насмешливые слова о любви прошлой ночью и отвернулся.

«Ты, не задумываясь, бросишь меня, променяешь на Армана, стоит ему только поманить...»

«Никогда!» — возразил я.

«Ты покинул бы меня, потому что ты нужен ему не меньше, чем он тебе. Он давно тебя ждет...»

«Никогда...» — повторил я, встал и направился к гробу.

Дверь номера была заперта изнутри, но она все равно не могла стать преградой на пути тех вампиров. Единственное, что мы смогли сделать, чтобы они не застали нас врасплох, это вставать каждый вечер как можно раньше. Я обернулся и позвал Клодию, и она сразу же подошла ко мне. Я зарылся лицом в ее волосы и молча попросил простить меня, потому что в глубине души понимал, что она права. Но все равно я любил ее, всегда любил. Я обнял ее, прижал к себе, и она прошептала:

«Ты знаешь, что он повторял мне бессчетное число раз, повторял без слов? Ты знаешь, зачем он лишил меня воли, так что я только завороженно смотрела на него и чувствовала, как он, точно на веревочке, тянет к себе мое сердце?»

«Значит, и с тобой так было...— пробормотал я.— Значит, не я один...»

«Он сделал меня беспомощной!» — сказала она.

Я снова увидел ее на кожаных томах на столе в комнате Армана, ее тоненькую, неприкрытую шею, безжизненные руки.

«Но разве он говорил с тобой?..»

«Без слов,— повторила она. Мне показалось, что свет лампы потускнел, что пламя свечей горит неестественно ровно. Капли дождя монотонно стучали по оконным стеклам.— Ты знаешь,

что он сказал мне? — прошептала она.— Что я должна умереть, чтобы освободить тебя!»

Я покачал головой, но мое проклятое сердце сильно забилось. Я видел, что она верит в то, что говорит. Ее глаза подернулись зеркальной серебристой пленкой.

«Он словно магнитом вытягивает из меня жизнь,— прошептала Клодия; ее губы дрожали, это было невыносимо. Я крепко сжал ее в объятиях, но слезы стояли у нее в глазах.— Точно так же он поступает и с Дэнисом, своим рабом. Будь его воля, он обратил бы в рабство и меня. Но ты — другое дело. Он любит тебя. И хочет, чтобы ты был с ним, и не позволит мне стоять у него на дороге».

«Ты совсем не понимаешь его!» — возразил я, целуя ее щеки, ее губы.

«Нет, Луи, я понимаю его слишком хорошо,— прошептала она.— Это ты заблуждаешься. Тебя ослепляет любовь, чарующий вид его мудрости и силы. Если б ты только знал, как он унижается смертью, то возненавидел бы его куда сильней, чем Лестата. Луи, ты не должен ходить к нему больше, никогда. Повторяю тебе: я в опасности!»

На следующий вечер я все же покинул Клодию и пошел к Арману. Я был уверен, что среди всех вампиров в театре только ему можно доверять. Она не хотела отпускать меня, смотрела на меня с такой тоской, что больно было уходить.

Я привык думать, что Клодии неведома слабость, но сейчас в ее глазах читались страх и какая-то обреченность. Но она все же отпустила меня, и я поспешил к своей цели. Я остановился неподалеку от входа в театр и подождал, пока зрители разойдутся, а швейцары станут запирать двери.

Не знаю, кем они сочли меня. Может, просто одним из актеров, не смывшим грим. Какая разница? Главное, что они пропустили меня. Я миновал нескольких вампиров в зале и очутился возле двери комнаты Армана. Он ждал меня, наверняка уже давно услышал мои шаги, поздоровался и предложил мне сесть. С ним был юноша, он обедал: на столе стояло серебряное блюдо с мясом и рыбой и полупустой графин белого вина.

После вчерашней ночи Дэнис выглядел болезненным и слабым, его щеки лихорадочно горели, и для меня мучительно бы-

ло видеть его розовую кожу, вдыхать его жаркий запах. Юноша наполнил бокал вином и поднял его в знак приветствия.

«За моего хозяина»,— сказал он с улыбкой, его ясные глаза сверкнули, он взглянул на меня, но тост был поднят в честь Армана.

«За твоего раба»,— отозвался тот шепотом с глубоким страстным вздохом.

Дэнис сделал глоток. Арман с видимым наслаждением смотрел на его влажные розовые губы и подвижные мышцы нежной шеи. Подцепив вилкой с блюда кусок мяса, юноша отсалютовал им, положил в рот и медленно прожевал, глядя на Армана. Вампир смотрел и пировал вместе с ним, но только глазами, и глаза эти были спокойны. Он не мучился и не жаждал невозможного. Его руки лежали на кожаных подлокотниках, он просто сидел и смотрел на мальчика.

И я вспомнил, как терзался, стоя под окнами Бабетты и страстно желая забрать ее жизнь.

Мальчик доел и опустился на колени перед Арманом, обнял его за шею. Казалось, он с наслаждением прикасается к ледяной коже вампира. Мне вдруг вспомнился Лестат, каким я его впервые увидел; как горели его глаза, как светилось в сумерках прекрасное белое лицо... Наверное, таким вы видите меня сейчас.

Наконец юноша отправился спать, и Арман, как и накануне, затворил за ним медные створки. Скоро тот заснул, разморенный едой. Арман вернулся в кресло, устремил на меня ясный, невинный взгляд огромных прекрасных глаз. Он притягивал меня, околдовывал, и я отвернулся. Поленья уже догорели, и вместо желанного огня я увидел мертвую золу.

«Ты говорил, чтобы мы ничего не рассказывали о себе. Почему?» — спросил я и поднял на него глаза. Наверняка он понял, что я избегаю его взгляда, но не обиделся, только взглянул удивленно. Но я не мог противостоять даже этому удивлению и снова отвернулся.

«Вы ведь убили того, кто превратил вас в вампиров. Не потому ли вы здесь без него и даже не желаете произносить вслух его имени? Сантьяго в этом уверен».

«Если это правда или если мы не сумеем убедить вас в обратном, вы попытаетесь уничтожить нас?» — спросил я.

«Я в любом случае не собираюсь делать вам ничего дурного,— спокойно ответил он.— Но я уже говорил: у меня нет абсолютной власти над ними».

«Но они считают тебя главным. Ты дважды оттонял от меня этого Сантъяго».

«Я старше и сильнее Сантъяго, вот и все.— Он говорил просто, без тени гордости или высокомерия.— Сантьяго моложе тебя».

«Мы не хотим вражды».

«Она уже есть,— сказал он.— Не со мной. Я говорю про них».

«Но почему нас подозревают?»

Арман ответил не сразу. Он задумался, прикрыл глаза, положил подбородок на сжатый кулак. После невыносимо долгой паузы он взглянул на меня.

«Я объясню тебе,— сказал он наконец.— Вы слишком молчаливы. Вампиров на свете не так много, и они живут в постоянном страхе междоусобной войны. Они выбирают себе учеников с большой осторожностью, всякий раз тщательно удостоверяясь, что новообращенный станет с подобающим уважением относиться к себе подобным. В этом доме живет пятнадцать вампиров, это число ревниво оберегается. Кроме того, они с опаской относятся к вампирам, позволяющим себе проявлять слабость. То, что ты безнадежно испорчен, для них совершенно очевидно: ты чувствуешь слишком глубоко и думаешь слишком много. Ты сам говорил мне, что отчужденность вампира от окружающего мира не представляет для тебя особой ценности. Прибавь сюда и таинственного ребенка — девочку, которая никогда не станет взрослой и не сможет сама заботиться о себе. Я не превратил бы Дэниса в вампира, даже если б его жизнь, столь драгоценная для меня, подверглась опасности, потому что его душа и тело еще не окрепли. Он слишком молод и едва пригубил чашу человеческой жизни. «Кто же решился сделать такое с ней?» — спрашивают они. Это был ты или кто-то другой? Иными словами, ты падаешь сюда как снег на голову вместе со своими тайнами и непозволительными слабостями и при этом хранишь полное молчание относительно своего прошлого. Следовательно, рассуждают они, тебе нельзя доверять, и Сантьяго ищет подходящий повод. Но есть и еще одна причина, и она гораздо ближе к истине, чем

все перечисленные. Она чрезвычайно проста. Дело в том, что при первой встрече с Сантьяго в Латинском квартале ты, к несчастью, обозвал его шутом».

«А-а-а...» — протянул я, откидываясь в кресле.

«Вот тогда тебе действительно лучше было бы промолчать»,— сказал он. Я понял его шутку, и он улыбнулся.

Я молчал и обдумывал услышанное; у меня на душе лежали камнем слова Клодии об Армане — я не мог поверить, что этот мягкий, спокойный взгляд мог приказывать ей: «Умри». И волна отвращения охватывала меня при мысли о вампирах, собравшихся в зале наверху.

Мне вдруг захотелось поделиться с ним своими мыслями, рассказать ему обо всем. Но только не о ее страхе. Я смотрел в его глаза и не мог представить, что он хотел подчинить ее себе, чтобы лишить жизни. Его глаза говорили: «Живи». И еще: «Учись». Как же я хотел спросить его о том, чего не понимаю; рассказать, как долго искал встречи с другими вампирами, и вот теперь, в Париже, обнаружил, что их бессмертное существование свелось к светской болтовне, что они всеми силами стараются сохранить свое жалкое единство и мнимую исключительность. Какая тоска! И вдруг я совершенно отчетливо увидел, что иначе быть не может. Почему, собственно говоря, я думал, что все должно быть по-другому? Чего я мог от них ждать? Какое имел право ненавидеть Лестата, почему позволил ему погибнуть?! Потому что он не хотел объяснить то, что я должен был увидеть сам, найти в себе самом? И я вспомнил слова Армана: «...Единственно подлинная сила заключена в нас самих».

«Послушай,— неожиданно обратился он ко мне,— ты должен держаться от них подальше. У тебя все написано на лице. Оно тебя выдаст. Стоит мне задать вопрос — и ты сам все расскажешь. Посмотри мне в глаза».

Но я не послушался и неотрывно смотрел на маленькую гравюру над столом, до тех пор пока Мадонна с младенцем не стали расплываться неясной гармонией линий и красок. Я знал, что он говорит правду.

«Тогда останови их, объясни, что мы не причиним вреда. Что может тебе помешать? Ты же не считаешь нас своими врагами...»

Арман тихонько вздохнул.

«Я остановил их на время,— сказал он.— Но я не могу остановить их навсегда. Я не хочу такой власти. Такую власть надо будет защищать, у меня появятся враги, и мне придется возиться с ними до конца света. Все, что мне нужно,— это покой и жизненное пространство. Только это и держит меня здесь. Я принимаю скипетр, но не для того, чтобы управлять, а чтобы стоять в стороне».

«Я должен был догадаться»,— сказал я, не отрываясь от картины.

«И ты держись в стороне. Селеста — она одна из самых старых и очень сильна — стала ревновать к девочке из-за ее красоты. Да и Сантьяго, как ты теперь знаешь, только и ждет малейшего доказательства, чтобы объявить вас вне закона».

Я медленно повернул голову и посмотрел на него. Арман сидел так неподвижно, что я ужаснулся: он показался мне неживым. Я снова и снова слышал его слова: «...все, что мне нужно,— это покой и жизненное пространство. Только это и держит меня здесь». Меня снова потянуло к нему, и мне удалось справиться с собой только чудовищным усилием воли. Хотелось все изменить, сделать так, чтобы Клодия могла не бояться этих вампиров, чтобы она была неповинна в преступлении, о котором они все равно в конце концов узнают. И чтобы я наконец обрел свободу и смог бы остаться здесь, с Арманом, пока он рад мне или пока будет меня терпеть. Ради этого я был готов на все.

Я вспомнил, как Дэнис обнимал его, и подумал: вот символ истинной любви, моей собственной любви.

Поймите меня правильно, я говорю вовсе не о физической любви, хотя Арман был красив и прост, и никакая близость к нему не могла быть неприятной. Но для вампира существует одна высшая точка страсти — убийство. Я говорю сейчас о другой любви. Я видел в Армане подлинного учителя, каким для меня должен был стать, но так никогда и не стал, Лестат. Я уже твердо знал, что Арман не стал бы ничего утаивать от меня. Истина просвечивала бы сквозь него, как солнечный луч сквозь оконное стекло, и, согретый его теплом, я смог бы расти и развиваться дальше. Я закрыл глаза. И услышал его голос, тихий, почти беззвучный, и скорее угадал смысл его слов:

«Разве ты не знаешь, зачем я здесь?»

Я взглянул на него, пытаясь понять — неужели он может читать мои мысли, неужели даже это в его силах? И я наконец

окончательно простил Лестата: он был слишком зауряден и прост, он не сумел раскрыть передо мной всю широту наших возможностей, нашу тайную силу; я все еще жаждал знания, и только Арман мог дать его мне. Мое сердце сжималось от боли и тоски. Мне предстояло совершать чудовищный выбор. Клодия ждала меня. Клодия, моя возлюбленная, моя дочь.

«Что мне делать? — прошептал я.— Уйти от них и, значит, уйти от тебя? После стольких лет...»

«Они для тебя никто»,— сказал он.

Я улыбнулся и кивнул в ответ.

«Чего хочешь ты сам?» — мягко и проникновенно спросил он.

«Разве ты не знаешь? — удивился я.— Разве ты не умеешь читать мысли?»

Арман покачал головой.

«Не так, как ты думаешь. Я знаю только, что тебе и девочке угрожает опасность, но ты и сам это знаешь. И еще я знаю, что, хотя она любит тебя, ты одинок и страдаешь».

Я встал. Казалось, что может быть проще: подняться на ноги, выйти из комнаты, быстро и незаметно проскользнуть по пустынным коридорам и лестницам, оказаться на улице? Но мне пришлось собрать воедино все силы, пробудить каждую крупицу той странной особенности нашего естества, которую я называю отчужденностью.

«Прошу тебя об одном: не дай им напасть на нас»,— сказал я в дверях, не оборачиваясь и не желая даже слышать его вкрадчивый голос.

«Не уходи»,— сказал Арман.

«У меня нет выбора»,— ответил я и вышел из комнаты.

Я уже шел по коридору, как вдруг, вздрогнув от неожиданности, услышал за спиной его шаги, его дыхание. Он подошел ко мне вплотную, его глаза очутились прямо напротив моих. Он вложил в мою руку ключ.

«Там дверь,— прошептал он, указывая в дальний конец темного прохода,— лестница выходит в переулок. Только я о ней знаю. Иди туда, и ты сумеешь выбраться из театра незамеченным. Иначе они увидят, что ты чем-то встревожен и расстроен, и это не доведет до добра».

Я повернулся, чтобы уйти, хотя каждая клеточка моего тела хотела остаться с ним.

«Я хочу сказать тебе только одно.— Он приложил ладонь к моей груди.— Твоя сила в тебе самом! Не брезгуй ею. Если тебе доведется столкнуться с кем-нибудь из них на улице, пусть твое лицо застынет непроницаемой маской. Смотри на них, как на людей, и повторяй: берегись! Я дарю тебе это слово как талисман. Если когда-нибудь твой взгляд встретится со взглядом Сантьяго или любого другого вампира, говори с ним вежливо про все, что угодно, но мысленно повторяй только это слово. Всегда помни об этом. Я говорю с тобой прямо, потому что ты ценишь простоту и честность. В этом твоя сила».

Не помню, как я добрался до потайной двери, отпер замок и поднялся по ступенькам на улицу, не помню, где был Арман, что он делал. Но уже в переулке позади театра я вдруг услышал его тихий, близкий голос: «Приходи ко мне, когда сможешь». Я огляделся, но, конечно, никого не увидел. И вспомнил, что он велел нам не уезжать из гостиницы, чтобы не давать Сантьяго и его компании ни малейшего свидетельства нашей вины, которого они так ждали.

«Видишь ли,— объяснил Арман,— убить вампира — исключительно захватывающее развлечение. Поэтому-то оно и запрещено под страхом смерти».

На свежем воздухе я наконец очнулся. Вокруг был город, асфальт блестел после дождя, узкие высокие дома нависали над улицей. Я оберпулся и увидел, что дверь за моей спиной беззвучно закрылась и слилась с темной стеной.

Я знал, что Клодия ждет меня, и, подходя к отелю, заметил в окне наверху маленькую фигурку, окруженную огромными цветами. Но я свернул с освещенного бульвара, чтобы затеряться в темноте переулков, как любил делать в Новом Орлеане.

Нет, я не разлюбил Клодию. Я любил ее так же сильно, как Армана. Вот почему я решил убежать, спрятаться от них обоих, и теперь с радостью внимал растущей во мне жажде крови, этой желанной лихорадке, туманящей разум и врачующей боль.

И вот из тумана навстречу мне вынырнул человек. Казалось, он медленно бредет по какому-то фантастическому ландшафту, так глуха и пустынна была ночь. Огни Парижа едва мерцали в непроглядном тумане, я стоял на холме в неведомой стране, в неведомом мире. Пьяный прохожий слепо двигался мне на-

встречу, в объятия самой смерти. Приблизившись, он вытянул вперед руку, дрожащие пальцы нащупали мое лицо.

Я был голоден, но не безумно, и мог бы сказать ему: «Проходи». С моих губ уже готово было сорваться Арманово слово-талисман, но дерзкая, пьяная рука прохожего обвилась вокруг меня. Он смотрел с восторгом и мольбой, просил пойти к нему домой, потому что он должен написать мой портрет, прямо сейчас; говорил, что там тепло... И я уступил. Я с наслаждением вдыхал резкий приятный запах масляных красок, их пятна пестрели на его свободной блузе. Мы шли куда-то по Монмартру, и я прошептал ему: «Ты же не мертвый, да?»

Мы шли через запущенный сад, прямо по густой, мокрой траве; я повторил: «Ты живой, живой». И он засмеялся. Он трогал мои скулы, щеки и крепко сжал мой подбородок, когда мы вошли в круг света под одиноким фонарем у входа в его жилище. В доме, в ярком свете керосиновых ламп, я разглядел его лицо, раскрасневшееся от вина и ночного холода, и огромные сверкающие глаза в тоненьких красных прожилках.

Он запер дверь, подвел меня к креслу, и прикосновение его теплой руки разожгло во мне голодный огонь. Я огляделся: со всех сторон смотрели человеческие лица, туманные в чаду коптящих ламп. Нас окружал волшебный мир холстов и красок.

«Садитесь, садитесь...» — торопливо бормотал он, лихорадочно подталкивая меня в грудь. Я схватил его за запястье, но тут же отпустил; моя жажда росла, накатывала, как волны.

Наконец он подошел к мольберту. Его глаза посерьезнели, он взял палитру, кисть побежала по холсту. Онустошенный и обессиленный, я смотрел на него, и какая-то неведомая сила, заключенная в этих портретах и в его восхищенном взгляде, уносила меня куда-то, и глаза Армана померкли, и я услышал стук каблучков Клодии по каменной мостовой: она убегала, бежала прочь от меня.

«Ты живой...» — прошептал я.

«Кости,— ответил он,— одни кости...»

И я увидел перед собой маленькое кладбище в Новом Орлеане, там не хватало места, мертвецов хоронили в старых могилах, разрывали их и вытаскивали полуистлевшие кости предшественников. Их сваливали в кучи и сбрасывали в ямы позади склепов. Я закрыл глаза, все мое тело сжигала нестерпимая

жажда, сердце яростно требовало свежей крови. Художник подошел ко мне, чтобы поправить наклон головы. То был роковой шаг.

«Спасайся,— шепнул я ему.— Берегись!»

Вдруг что-то случилось с его лицом: влажное сияние глаз потускнело, он страшно побледнел. Выронив кисть из слабеющей руки, художник отшатнулся. В мгновение ока я вскочил и подступил к нему, закусив губу. Мне в уши ударил его отчаянный крик. Мои глаза налились кровью, я почувствовал под руками сильное, сопротивляющееся человеческое тело. Притянув беспомощную жертву к себе, я впился зубами в горячее живое горло и стал пить жадными большими глотками.

«Умри,— прошептал я, выпуская его из объятий. Его голова безжизненно ткнулась в мой плащ.— Умри».

Но он все еще жил и даже пытался разлепить веки, и я снова припал губами к его горлу. Он боролся за жизнь, но скоро его сердце стало замедлять свой ритм, мягкое безвольное тело выскользнуло из моих рук и упало на ковер.

Успокоившись и насытившись, я присел перед ним и вгляделся в затянутые предсмертной пленкой сереющие глаза. Красные пятна выступили у меня на ладонях, и кожа потеплела.

«Я снова смертный,— шепотом сказал я ему.— Твоя кровь оживила меня».

Его веки сомкнулись, я прислонился к стене и взглянул на свой портрет.

Он успел сделать только набросок, холст покрывали размашистые черные линии. Ему удалось превосходно изобразить мое лицо и плечи. Кое-где виднелись и цветные мазки, зеленые на глазах, белые на щеках. Но выражение лица... ужас, ужас! Он точно передал мои черты, но все сверхъестественное из них исчезло. В зеленых глазах, смотревших со свободно очерченного овала лица, застыла странная смесь глупой невинности и невыразимого удивления, на самом деле свидетельствующая о всепоглощающем желании, чего он, естественно, не понял и не мог понять. Передо мной предстал Луи, каким он был добрую сотню лет назад, заслушивавшийся проповедями священника во время торжественной мессы: слегка приоткрытый ленивый рот, небрежная прическа, вялый наклон головы... От вампира

не осталось и следа. Я смеялся так, как не смеялся уже давно, закрыв лицо руками, рыдая от хохота. Оторвав ладони от глаз, я обнаружил красные пятна слез, окрашенных человеческой кровью.

«Чудовище,— подумал я,— ты только что убил человека и дальше будешь убивать». Я подхватил картину и направился к двери.

И вдруг человек, безжизненно лежавший на полу, привстал, с громким животным стоном вцепился в мой башмак, скользя пальцами по гладкой коже. Какая-то непостижимая сила, превосходящая мою, подняла его на ноги, он дотянулся и ухватил портрет.

«Отдай! — рычал он, оскаливая зубы.— Отдай!»

Я смотрел то на него, то на собственные руки, с поразительной легкостью державшие вещь, которую он так отчаянно тянул к себе, точно намеревался захватить с собой на небеса или в преисподнюю. Два существа вырывали холст друг у друга из рук: я — нечеловек с человеческой кровью, и он — человек, которого не смогло одолеть зло в моем облике. И тогда, обезумев, я вырвал картину из его скрюченных пальцев и, легко подтащив полумертвое тело к себе, с яростью глубоко вонзил клыки в кровоточащее горло.

В номере я первым делом повесил портрет над каминной полкой и долго стоял перед ним. Клодия была дома, где-то в комнатах, но я чувствовал присутствие кого-то еще. Сперва я подумал, что кто-то из номера над нами, мужчина или женщина, вышел на балкон, и поэтому в ночном воздухе разливается неповторимый запах человеческой плоти. Я сам не знал, зачем притащил с собой картину и чего ради боролся за нее с умирающим человеком, и теперь мне было тошно и стыдно. Не понимал, почему не могу оторваться от нее и стою здесь перед каминной полкой. Я опустил голову, руки у меня дрожали. Потом я обернулся и посмотрел вокруг, медленно, чтобы гостиная успела обрести привычные очертания. Я просто хотел увидеть цветы, бархатные кресла, свечи в изящных канделябрах и все эти мирные, домашние вещи. Стать обычным человеком и ничего не бояться!

В следующее мгновение моему взгляду предстала женщина.

Она сидела за туалетным столиком Клодии и смотрела на меня спокойно и бесстрашно. Ее платье из зеленой тафты отражалось во всех зеркалах. Темно-рыжие волосы были аккуратно разделены на пробор и зачесаны за уши, выбившиеся мелкие пряди обрамляли бледное, приятное лицо. Вдруг она улыбнулась одним ртом, нежным и мягким, как у ребенка, и ее спокойные синие глаза просияли.

«Да, он в точности такой, как ты рассказывала,— сказала она Клодии.— Я уже полюбила его». Она поднялась с кресла, чуть приподняв складки платья, и три маленьких зеркала сразу опустели.

Я потерял дар речи. Повернувшись, я увидел Клодию, она уже успела забраться на огромную кровать. Ее личико казалось невозмутимым, но маленькие ручки судорожно комкали шелковую занавеску.

«Мадлен,— еле слышно произнесла она,— Луи очень застенчив».

Мадлен улыбнулась, приблизилась ко мне, сдвинула кружевной воротничок платья и обнажила нежную шею. Я разглядел две красноватые точки. Улыбка сползла с ее губ, они вдруг стали упрямыми и чувственными, она сузила глаза и выдохнула: «Пей».

С невыразимым ужасом я отшатнулся, прижал к виску кулак. Клодия мгновенно очутилась между нами и схватила меня за руку. Ее глаза впились в меня, как два свирепых, безжалостных огня.

«Сделай это, Луи,— приказала она.— Ты ведь знаешь, я не могу сама.— Ее ровный, холодный голос скрывал мучительную боль.— Я слишком мала. Моей силы недостаточно! Вы позаботились об этом, когда сделали меня вампиром! Ты должен, Луи!»

Клодия сжала мое запястье, оно саднило, как от ожога. Я бросил взгляд на дверь и решил, что лучше всего сразу уйти. Клодия противостояла мне всем своим упрямством и железной волей, а в глазах женщины светилась та же решимость. Если бы Клодия стала нежно умолять меня, уговаривать, я успел бы собраться с силами. Но в ее глазах застыло странное выражение безысходности, и холодная маска не могла его спрятать. Я не мог уйти. И вдруг она отвернулась, точно все ее надежды рухнули. Я не мог понять, что с ней. Она опустилась на кровать, склонив голову, молча смотрела в стену, ее губы шевелились. И мне

захотелось коснуться ее, объяснить, что она просит невозможного, попытаться хоть как-то притушить пламя, сжигающее ее изнутри.

Женщина тихо подошла к камину и села в кресло. Ее платье шелестело и радужно переливалось, словно окутывало ее тайной. Она смотрела на нас, ее загадочные глаза горели на бледном лице. Я повернулся к ней, посмотрел на припухлые детские губы, нежные щеки... Поцелуй вампира не оставил никаких следов, кроме двух крошечных ранок.

«Какими ты нас видишь?» — спросил я.

Она не сводила глаз с Клодии. Казалось, ее околдовала неземная красота девочки, страстные женские движения ее маленьких сильных рук.

Она с трудом перевела взгляд на меня.

«Я спросил, какими ты видишь нас? — повторил я.— Не правда ли, мы прекрасны? Как светится эта мертвенно-бледная кожа! Как волшебно сияют эти свирепые глаза! О, я хорошо помню, сколь близоруко и несовершенно зрение людей! Как сквозь туманную пелену передо мной мерцала магическая красота вампира, такая соблазнительная и такая обманчивая! Пей, говоришь ты мне. Ты сама не знаешь, чего просишь!»

Клодия вскочила с дивана и приблизилась к нам.

«Как ты смеешь,— прошептала она.— Как ты смеешь решать за нас обоих! Если б ты знал, как я презираю тебя! Это презрение точит мою душу, точно ржавчина — железо! — Ее маленькая фигурка дрожала, она поднесла к груди сжатые кулачки.— Не смей отворачиваться, смотри мне в глаза! Меня уже тошнит от этого, тошнит от твоих бесконечных страданий. Ты ничего не понимаешь. Ты не можешь смириться с тем, что ты — зло, а мне приходится мучиться из-за этого. Я больше так не могу. С меня довольно! — Ее пальцы снова впились в мое запястье. Я сжался от боли, отступил назад, спотыкаясь под ее ненавидящим взглядом. В ней закипал ужасный гнев, будто свирепый хищный зверь пробуждался к жизни.— Вы, словно добычу, вырвали меня из рук людей, как зловещие чудовища из кошмарных сказок. Отцы! — Последнее слово вылетело из уст Клодии, как плевок.— Плачь, плачь: воистину есть отчего рыдать! Но у тебя все равно не хватит слез, чтобы оплакать то, что вы сделали со мной. Каких-нибудь семь-восемь лет человече-

ской жизни — и мое тело стало бы таким же! — Она ткнула пальцем в Мадлен; та в ужасе закрыла лицо руками, застонала, и мне почудилось имя Клодии, но Клодия ее не слушала.— Да, точно таким же! Я смогла бы гулять с тобой по улицам как равная. Чудовища! Сделать бессмертной эту жалкую плоть!» — Слезы стояли у нее в глазах, голос прерывался.

«Ты сделаешь ее бессмертной ради меня! — Она наклонила голову, спрятала лицо под завесой волос.— Ты подаришь мне ее или завершишь начатое тобою однажды ночью в гостинице в Новом Орлеане. У меня нет сил жить дальше с этой ненавистью в душе, с этим ядом. Я больше не могу, я не выдержу!»

Часто и прерывисто дыша, она откинула волосы со лба и зажала ладонями уши, чтобы не слышать собственных слов. Жгучие красные слезы катились по ее щекам.

Я упал на колени, протянул к ней руки, но не посмел коснуться ее или хотя бы произнести ее имя; я боялся, что невыносимая боль вырвется из моей груди чудовищным бессмысленным криком. Клодия тряхнула головой, вытерла слезы и крепко стиснула зубы.

«Я по-прежнему люблю тебя, и это мучает меня больше всего. Лестата я не любила никогда. Но ты — другое дело! Я одинаково сильно люблю и ненавижу тебя. Эти два чувства неразделимы в моей душе! Боже, как я ненавижу тебя!» Глаза Клодии, затянутые кровавой пеленой, вспыхнули и вновь погасли.

«Да»,— прошептал я и склонил голову.

Но она не слушала меня и бросилась к Мадлен, и та обняла ее так крепко, так отчаянно, словно хотела защитить девочку от меня. Как горько, как глупо — ведь Клодия искала защиты от себя самой.

«Не плачь, не плачь»,— шептала Мадлен, гладила ее лицо и волосы так ожесточенно, что смертному ребенку наверняка было бы больно. Клодия прижалась к ее груди и затихла. Она закрыла глаза, ее лицо смягчилось, точно ярость, обуревавшая ее, вдруг иссякла. Измученная рыданиями, она обняла Мадлен за шею и уткнулась лбом в мягкую тафту.

Я смотрел на них: нежная женщина плакала так безутешно; ее теплые руки обнимали это существо, это бледное, неистовое, нечеловеческое дитя, понять которое она не могла — и все равно любила. И я сейчас сопереживал этой сумасшедшей, она так

безрассудно играла с огнем, возилась с навеки проклятым созданием. Я мог бы вырвать маленького демона из ее рук, прижать Клодию к себе, разубедить ее, развенчать ее обвинения, но я сопереживал этой женщине, я горевал о ней, как о себе самом, давным-давно умершем.

И я не двинулся с места, не встал с колен и думал только об одном — что любовь и ненависть неразделимы; как за соломинку, я хватался за эти слова.

Клодия давно уже перестала плакать, но Мадлен этого не замечала; она ласково гладила Клодию по голове, ее мягкие рыжие волосы касались щеки девочки. Та замерла, застыла у нее на руках, как статуя, большие влажные глаза смотрели на меня. Я ответил ей долгим взглядом, но не мог и не хотел ничего говорить в свое оправдание. Мадлен шепнула что-то ей на ухо, Клодия помолчала, потом сказала тихо и нежно:

«Пожалуйста, оставь нас одних».

«Нет»,— мотнула головой Мадлен и вдруг зажмурилась, вздрогнула всем телом, как от ужасной муки. Но Клодия взяла ее за руки, помогла встать, и та подчинилась, глаза на бледном лице смотрели испуганно и покорно.

В гостиной у двери они остановились, Мадлен поднесла руку к горлу, беспомощно озираясь, как та девушка из спектакля. Вдруг Клодия скрылась в дальнем углу, взяла что-то и вышла из тени на свет. В руках у нее была большая кукла — девочка с волосами цвета воронова крыла, большими зелеными глазами и милым личиком. Клодия протянула куклу Мадлен, фарфоровые ножки звякнули. Мадлен посмотрела на куклу, и вдруг глаза ее ожесточились, она усмехнулась, обнажив белоснежные зубы, погладила куклу по голове и рассмеялась тихим грудным смехом.

«Приляг»,— сказала Клодия; в дверной проем я увидел, что они обе опустились на кушетку. Мадлен подобрала платье, Клодия устроилась рядом и обняла ее за шею. Кукла упала на пол, Мадлен подняла ее, закрыла глаза, откинула голову на подушку, волосы Клодии касались ее лица.

Я снова прислонился к кровати. Я слышал шепот Клодии: она уговаривала Мадлен успокоиться, потерпеть. Потом я услышал шаги, они приближались; дверь, скрипнув, затворилась и

оттородила Мадлен от нас и от нашей ненависти, от глубокой пропасти, что пролегла между нами.

Я поднял голову: Клодия стояла передо мной и смотрела без горечи и без злобы; ее лицо было неподвижно, как у той куклы.

«Все это правда! — сказал я.— Я заслужил твою ненависть. Заслужил ее уже в ту самую минуту, когда Лестат вложил твое слабое тело в мои руки».

Казалось, она не слышит меня, ее глаза струили мягкий, приглушенный свет. Ее красота обжигала мою душу, я страдал невыносимо. И вдруг она удивленно сказала:

«Ведь ты мог тогда просто убить меня. Да, убить.— Она окинула меня невозмутимым взглядом.— Может, ты хочешь сделать это сейчас?»

«Сейчас! — Я обнял ее, притянул к себе. Ее смягчившийся голос пробудил во мне нежность.— Что ты говоришь? Ты сошла с ума?»

«Но я хочу этого,— сказала она.— Припади губами к моей шее — как тогда — и пей кровь каплю за каплей, покуда у тебя хватит сил. Подтолкни мое сердце к краю обрыва. Я маленькая, тебе не составит труда забрать мою жизнь. Я не стану сопротивляться. Я ведь такая хрупкая, ты можешь сломать меня одним пальцем, как цветок».

«Неужели ты правда этого хочешь? — спросил я.— Почему же ты не захватила нож для меня?»

«Ты бы решился умереть вместе со мной? — Клодия насмешливо улыбнулась.— Да или нет? — настойчиво повторила она.— Разве ты так и не понял, что со мной происходит? Он медленно убивает меня, этот твой вампир-учитель; он превратил тебя в своего раба, потому что не хочет делить со мной твою любовь, он хочет забрать тебя всего. Я вижу его тень в твоих глазах. Ты мучишься, потому что не можешь скрыть свою любовь к нему. Подними голову, я заставлю тебя смотреть на меня, заставлю слушать».

«Довольно. Я тебя не оставлю. Мы уже говорили об этом... Но даже ради тебя я не могу превратить ее в вампира».

«Но ведь речь идет о моей жизни! Дай мне ее, чтобы она позаботилась обо мне, просто помогла бы выжить! И он тогда получит тебя целиком! Я всего лишь борюсь за собственную жизнь!»

Я чуть было не оттолкнул ее.

«Нет, нет, это какое-то безумие, дьявольское наваждение! — воскликнул я.— Это ты не хочешь делить меня с ним, хочешь, чтобы вся моя любовь принадлежала только тебе. А если не моя, то этой женщины. Он сильнее тебя, он тебя не замечает, поэтому ты сама желаешь ему смерти, как Лестату. Но тебе не удастся разделить со мной еще одну смерть. Все, что угодно, но только не это! И я не стану превращать ее в вампира, обрекать тысячи людей на верную гибель в ее объятиях. Твоя власть надо мной кончилась; и я ни за что на свете не сделаю этого!»

Если б только она могла меня понять!

Я никогда не верил, что Арман желает ее смерти, он был слишком далек от мелких страстей. Об этом я даже не думал. Я с ужасом начал понимать, что происходит нечто чудовищное, по сравнению с чем мои гневные слова прозвучали как насмешка над собой, как жалкая попытка противостоять ее железной воле. Она ненавидит и презирает меня, она сама в этом призналась, и сердце у меня сжималось от тоски. Она сейчас нанесла мне смертельный удар, отняла самое главное — лишила своей любви. Этот нож был здесь, в моей груди, и я умирал за Клодию, за свою любовь, умирал от любви, как в ту ночь, когда Лестат подарил ее мне, назвал ей мое имя, когда я впервые встретился с ней взглядом. Эта любовь согревала меня долгие годы, лечила мою ненависть к себе, заставляла меня жить. Вот зачем Лестат дал ее мне: он все понимал! Но его план не удался, все было кончено.

Время шло, я мерил шагами комнату, сжимая и разжимая кулаки. Чувствовал ее взгляд, но не только ненависть горела в нем: в ее влажных глазах застыла жестокая, нестерпимая боль. Впервые она открыла мне свою боль! «Сделать бессмертной эту жалкую плоть». Я зажал уши, чтобы избавиться от этих слов. Я плакал. Долгие годы я думал, что ей все равно, что ей не бывает больно. Я ошибался. О, как бы Лестат посмеялся над нами! Вот почему в ту роковую ночь Клодия всадила кухонный нож в его грудь: ее мучения только рассмешили бы его. А чтобы убить меня, ей достаточно было показать свою боль: мое дитя страдало, и ее боль становилась моей болью.

В соседней комнате стоял гроб — постель для Мадлен. Клодия вышла туда и оставила меня наедине с моими мучениями.

Но даже я хотел побыть один. Я стоял у открытого окна и смотрел на пелену дождя. Крупные капли искрились на листьях папоротника, на хрупких белых цветах, и тонкие стебельки гнулись, ломались под тяжестью воды. Ковер цветов устилал пол на маленьком балкончике, капли мягко ударялись о белоснежные лепестки. Я остался один, совсем один. И это было непоправимо, как то, что я сделал тогда с Клодией.

И все же я ни о чем не жалел. Может, виной тому была черная, беззвездная ночь. Холодный свет фонарей расплывался в тумане. И странный, незнакомый покой наполнил мою душу.

«Я один, один в целом свете»,— говорил я себе и вдруг понял, что это хорошо, что так и должно быть. Как будто я всегда был один, и в ту ночь, когда стал вампиром, я покинул Лестата и пошел своей дорогой, не оглядываясь на него, и мне уже не нужен ни он, ни кто-то другой. Казалось, ночь говорит мне: «Ты — часть меня, только я понимаю тебя и укрываю в своих объятиях». Один на один с тенями, без страха и ночных кошмаров. Непостижимый, вечный покой.

Но скоро он оставил меня, рассеялся бесследно, как тучи после дождя. Прежняя боль пронзила сердце: я потерял Клодию; мрачные тени выползали из углов неприбранной, странно чужой комнаты и собирались вокруг меня. Но даже теперь, когда яростные порывы ветра разорвали в клочья эту тихую ночь, ко мне властно взывала какая-то незнакомая неодушевленная сила. И сила моего естества откликнулась на этот зов не сопротивлением, но таинственным, лихорадочным напряжением.

Я бесшумно двигался по комнатам, тихонько отворял перед собой двери, и, наконец, в тусклом свете ламп увидел женщину. Она спала на кушетке в обнимку с куклой. Я опустился перед ней на колени и увидел, что ее глаза открыты. В темноте, сгущавшейся позади нее, горели другие глаза, они внимательно смотрели на меня, маленькое бледное личико застыло в ожидании.

«Ты станешь заботиться о ней, Мадлен?» — спросил я тихо. Она еще крепче вцепилась в игрушку, спрятала лицо куклы у себя на груди. Моя рука сама собой потянулась к ней.

«Да!» — отчаянно сказала Мадлен.

«Ты думаешь, она тоже кукла?» — спросил я и положил ладонь на фарфоровую головку. Мадлен резким движением выта-

цила куклу из-под моей руки и, упрямо стиснув зубы, посмотрела мне в глаза.

«Ребенок, который никогда не умрет! Вот кто она для меня»,— она выговорила это как заклинание.

«Ах вот оно что...» — прошептал я.

«С меня довольно кукол».— Она отшвырнула игрушку. Она прятала что-то у себя на груди, прикрывая ладонью, но я знал, что она хочет мне это показать. И я вспомнил, что это; я уже видел его раньше — медальон, приколотый к платью золотой булавкой.

«И ребенка, который умер?» — догадался я, внимательно вглядываясь в ее лицо. Я представил себе ее лавку игрушек, этих кукол с одинаковыми лицами. Покачав головой, она дернула медальон, и булавка порвала платье у нее на груди. Дикий страх исказил ее лицо. Она разжала ладонь с булавкой, кровь текла по ее пальцам.

«Моя дочь»,— прошептала она трясущимися губами.

Я открыл крышку медальона и увидел нарисованное на фарфоре лицо Клодии; нет, кукольное личико, обрамленное прядями волос цвета воронова крыла, слишком хорошенькое, приторно невинное. Я разглядывал портрет девочки, а мать с ужасом смотрела в темноту перед собой.

«У тебя горе...» — мягко сказал я.

«С меня довольно горя.— Ее глаза сузились.— Если б ты знал, как я жажду стать такой, как ты. Я уже давно готова к этому».— Она потянулась ко мне всем телом, грудь вздымалась у нее под корсетом.

И вдруг страшное разочарование изобразилось на ее лице. Она отвернулась и покачала головой.

«О, если бы ты был человеком и вампиром одновременно! — задыхаясь, гневно воскликнула она.— Если б я только могла показать тебе свою силу...— она злобно усмехнулась.— Я бы заставила тебя хотеть меня. Но тебе неведома страсть! — Уголки ее рта поползли вниз.— Мне нечего дать тебе взамен!» — Она нежно провела ладонью по груди, подражая ласке мужчины.

То было странное мгновение. Я и подумать не мог, что меня так взволнуют эти слова Мадлен, ее соблазнительно узкая талия, высокая округлая грудь, нежные, слегка припухлые губы. Она даже не подозревала, как много во мне осталось от челове-

ка, как мучила меня недавно выпитая кровь художника. Я желал ее гораздо больше, чем она могла представить, она не понимала истинной природы убийства, не знала, что оно значит для вампира. Из чисто мужского самолюбия я решил доказать ей это, унизить за упреки, которые она посмела высказать, за мелочное тщеславие ее вызова, за взгляд, который она отвела, пряча отвращение. Только безумие двигало мною, потому что я не видел настоящих причин даровать ей бессмертие.

«Ты любила свою дочь?» — грубо и жестоко спросил я.

Я никогда не забуду ее глаза, полные ярости и испепеляющей ненависти.

«Как ты смеешь! — прошипела она в ответ.— Конечно, любила».

Она едва не выхватила у меня медальон, но я успел зажать его в кулаке. И я все понял: вина мучила ее, а вовсе не любовь. Во искупление вины она открыла кукольную лавку, населила ее подобиями мертвого ребенка. И перед лицом этой вины она постигла неизбежность смерти. Тянулась к смерти с непоколебимой решимостью, властной, как моя собственная убийственная страсть. Она положила ладонь мне на грудь, я привлек ее к себе, ее волосы касались моего лица.

«Держись за меня покрепче,— сказал я, глядя на ее изумленно расширенные глаза, слегка приоткрытый рот.— Я буду пить твою кровь, и когда ты почувствуешь приближающийся обморок, старайся изо всех сил прислушиваться к биению моего сердца. Помни, что тебе ни в коем случае нельзя потерять сознание, и повторяй про себя: "Я буду жить"».

«Да, да»,— возбужденно кивала она, и я слышал, как громко колотится ее сердце.

Она просунула руку мне под воротничок, ее пальцы обжигали меня.

«Смотри не отрываясь на свет и повторяй: "Я буду жить"».

Она тихонько вскрикнула — мои зубы пронзили нежную кожу, и теплая жидкость полилась в мои вены, ее грудь прижалась к моей, спина выгнулась дугой. Я зажмурился, но все равно видел ее безумные глаза и маняший, чувственный рот. Я приподнял ее повыше, почувствовал, что она слабеет, ее руки повисли.

«Держись за меня крепче,— шептал я, жадно глотая горячий поток, ее сердце билось у меня в ушах; переполненные вены разбухали от ее крови.— Свет,— сказал я.— Смотри на свет!»

Ее пульс начал замедляться, голова откинулась на бархатную подушку, белки потускнели, как у мертвой. Я оторвался от нее, и на мгновение мне показалось, что не могу шевельнуться, но я знал, что должен торопиться. Кто-то помог мне поднести кисть ко рту. Комната кружилась у меня перед глазами, и я заставил себя смотреть на свет, чтобы очнуться. Я почувствовал вкус собственной крови и страшным усилием поднес руку к губам Мадлен.

«Пей. Пей же»,— приказал я.

Но она лежала неподвижно, безжизненно. Я притянул ее к себе, и первые капли упали ей в рот. Она открыла глаза и нежно прижалась губами к ране, но уже через минуту ее пальцы мертвой хваткой вцепились в мою кисть, и новая жизнь потекла в нее. Я раскачивал ее, что-то шептал и отчаянно силился не потерять сознание. Ее страшная жажда вытягивала из меня кровь, и самые тонкие мои сосуды отзывались болью; я схватился за кушетку, чтобы не упасть. Наши сердца неистово бились в такт, все глубже и яростней ее пальцы впивались мне в руку. Боль стала нестерпимой, и я чудом сдержал крик. Я отодвинулся, но она потянулась за мной следом. Она глотала кровь и стонала. Иссыхающие нити моих вен все больнее и сильнее дергали сердце, бессознательно выполняя приказ то ли своей, то ли чьей-то чужой воли; я оттолкнул Мадлен, опустился бессильно на пол, сжимая кровоточащую кисть.

Она молча смотрела на меня. Ее огромный полуоткрытый рот был весь в крови. Мне показалось, что прошла вечность. Лицо Мадлен расплывалось передо мной, она поднесла руку к губам, ее глаза еще больше расширились. И вдруг поднялась, словно ею двигала какая-то внешняя, невидимая сила. Она села и, покачиваясь, огляделась по сторонам. Тяжелое платье повторяло каждое ее движение, будто само было частью ее тела: изящный орнамент, выгравированный на крышке музыкальной шкатулки, послушно крутящейся, следуя мелодии. Потом Мадлен перевела взгляд на себя и, повинуясь все той же бессознательной силе, с такой яростью сдавила тафту на груди, что ткань затрещала. Она зажала ладонями уши и зажмурилась, но

почти сразу снова широко открыла глаза и уставилась на свет из соседней комнаты. Это была обычная газовая лампа, ее хрупкое свечение просачивалось сквозь неплотно притворенные тяжелые створки двойной двери. Мадлен вскочила, стремительно распахнула дверь и подбежала к лампе.

«Осторожно, Мадлен. Не трогай ее...» — Клодия взяла ее за руку и мягко, настойчиво потянула. Но Мадлен уже разглядывала цветы на балконе. Она провела ладонью по мокрым лепесткам, прижала к щеке влажную руку. Я следил за каждым ее движением. Она срывала цветки, сжимала их в кулаке, мятые лепестки падали на пол; потом она подошла к зеркалу, коснулась его кончиками пальцев, внимательно всмотрелась в собственные глаза. Моя боль прошла, я перевязал рану платком. Я ждал, что будет дальше. Понял, что память Клодии не сохранила ее собственного превращения. Они с Мадлен пустились кружить по комнате в веселом танце. Кожа Мадлен становилась все бледнее в неровном свете лампы. Она взяла Клодию на руки, и та старалась веселиться, но за беззаботной улыбкой прятались тревога и усталость.

Вдруг Мадлен ослабела, покачнулась, но тут же выпрямилась и нежно опустила Клодию на ковер. Клодия поднялась на цыпочки, обняла ее и тихонько прошептала:

«Луи, Луи...»

Я махнул рукой, чтобы она отошла. Мадлен опять перестала замечать нас, она глядела на свою вытянутую руку. Ее лицо вдруг осунулось, она прижала руку к губам: на пальцах проступали темные пятна.

«Нет, это ничего»,— ласково предостерег я Мадлен, быстро подошел и взял Клодию за руку. Мадлен протяжно застонала.

«Луи»,— позвала меня Клодия тихим, нечеловеческим шепотом; слух Мадлен еще не умел его различать.

«Она умирает. Ты не помнишь, как это бывает, ты была совсем маленькая»,— шепнул я в ответ еще тише, отвел назад ее пушистые локоны, чтобы она могла меня расслышать.

Я ни на секунду не сводил глаз с Мадлен, она брела вдоль стен от зеркала к зеркалу. Слезы лились по ее щекам, она прощалась с человеческой жизнью.

«Она умирает?» — воскликнула Клодия.

«Нет.— Я опустился на колени, она испуганно взглянула на меня.— Ее сердце сильное, оно выдержало испытание, значит, она будет жить. Но ей предстоит в последний раз пережить страх. Жуткий, мучительный страх смерти».

Нежно и сильно сжимая ладонь Клодии, я поцеловал ее холодную щеку. Она посмотрела на меня удивленно и тревожно. Мадлен плакала, и я медленно подошел к ней. Она стояла, пошатываясь, раскинув руки, чтобы не упасть. Я осторожно поддержал ее, притянул к себе. В ее глазах за пеленой слез уже загорелось волшебное пламя.

«Это всего лишь конец жизни, и только,— мягко сказал я.— Ты видишь небо за окном? Оно светлеет, значит, нам пора спать. Сегодня ты ляжешь со мной и будешь крепко держаться за меня. Скоро я засну тяжелым, беспробудным сном, подобным самой смерти, и не смогу ничем тебе помочь, ты останешься наедине со своим умирающим телом. Поэтому, чтобы побороть страх, ты должна покрепче прижиматься ко мне в темноте, ты слышишь? Держи меня за руки, и я буду держать тебя, сколько смогу».

Казалось, она тонет в моем взгляде, в этом ослепительном сиянии всех цветов и оттенков, недоступных глазу людскому. Я медленно подвел ее к гробу и сказал, чтоб она не боялась.

«Завтра ты проснешься бессмертной,— уговаривал я ее.— И уже не будешь бояться смерти. А теперь ложись».

Она испуганно отшатнулась от узкого ящика, обитого шелком. Ее кожа уже начала светиться в темноте. Но я понимал, что она сейчас не сможет лечь в гроб одна.

Не выпуская ее руки, я взглянул на Клодию, которая стояла возле нового гроба и пристально смотрела на меня. В ее невозмутимом взгляде читалась смутная подозрительность и холодное недоверие. Я усадил Мадлен в кресло и шагнул навстречу этому взгляду. Молча опустившись на пол рядом с Клодией, я нежно обнял ее и спросил:

«Ты узнаешь меня? Ты знаешь, кто я такой?»

Взглянув мне в глаза, она ответила:

«Нет».

Я улыбнулся и кивнул.

«Не держи на меня зла за прошлое,— шеппул я.— Теперь мы равны».

Склонив голову набок, она внимательно разглядывала меня. Потом невольная улыбка озарила ее лицо, и она тоже кивнула.

«Дело в том,— спокойно сказал я,— что сегодня ночью в этой комнате умерла не эта женщина. Она будет умирать долго, может быть, не один год. Нет, сегодня здесь умер другой человек — я. Все человеческое, что еще оставалось в моей душе, исчезло бесследно и навсегда».

Ее лицо затуманилось, словно тонкая прозрачная вуаль окутала его. Губы ее разомкнулись, она вздохнула и сказала:

«Да, ты прав. Теперь мы и в самом деле равны».

«Я сожгу эту лавку дотла!» Так сказала Мадлен. Она сидела перед камином и бросала в огонь вещи мертвой дочери: белые кружевные и льняные платья, старые покоробившиеся туфли, шляпки, пахнущие нафталином и засушенными цветами.

«Все это в прошлом».— Она встала и отступила назад, глядя на пламя. Потом бросила на Клодию ликующий взгляд, полный преданной любви и обожания.

Я не верил ей. Каждую ночь мне приходилось силой оттаскивать ее от жертв, она не могла уже больше пить, но все равно держала их мертвой хваткой. Часто в порыве страсти она поднимала оцепеневшего от ужаса человека в воздух, разрывала ему горло цепкими пальцами цвета слоновой кости. Но я знал, что рано или поздно это безумие кончится и она прозреет, собственная светящаяся кожа и роскошные комнаты гостиницы «Сент-Габриэль» покажутся ей кошмарным сном, и она захочет, чтоб ее разбудили, захочет свободы. Она еще не успела понять, что все это очень серьезно и непоправимо; с безумным восторгом она разглядывала в зеркале свои прорезывающиеся клыки.

Но потом я начал понимать, что это безумие не пройдет, что она всегда жила в придуманном мире и теперь не захочет пробуждаться. Действительность была ей нужна только как пища для фантазии. Как паук плетет паутину, так она создавала собственную вселенную.

У нее были золотые руки — ловкие, быстрые; еще бы, ведь она на пару со своим бывшим любовником смастерила сотни подобий мертвой дочери, целую лавку, куда мы все вместе собирались наведаться. К этому умению добавились волшебный дар и страстность вампира. Однажды ночью я помешал ей со-

вершить очередное убийство. Мадлен вернулась в гостиницу с неутоленной жаждой и в порыве вдохновения из нескольких досок с помощью стамески и ножа сделала прелестное кресло-качалку, ладно пригнанное под фигурку Клодии, и та, грациозно сидя в нем возле камина, казалась взрослой женщиной. К нему через несколько ночей присоединился маленький столик. Из лавки Мадлен принесла кукольную керосиновую лампу и фарфоровую чашку с блюдцем, а однажды притащила записную книжку, найденную в сумочке какой-то дамы. В ручках Клодии маленькая тетрадь в кожаном переплете казалась увесистым томом. Окружающий мир переставал существовать, стоило только ступить в замкнутое пространство гардеробной Клодии. Словно по мановению волшебной палочки, там появились кровать со столбиками, едва доходившими мне до груди, низенькие зеркала, в которых я, проходя мимо, видел только отражение собственных ног. Картины на стенах тоже висели на уровне глаз Клодии. Вершиной всего был малюсенький туалетный столик; на нем лежала пара черных перчаток, вечернее платье из черного бархата с глубоким вырезом на спине и бриллиантовая диадема, которую Мадлен принесла с детского маскарада.

Но главным украшением этого великолепия была сама Клодия. Сказочная королева, она бродила по своему роскошному миру, потряхивая сверкающими золотистыми локонами и кокетливо поводя обнаженными белыми плечами. Я смотрел на нее с порога или неуклюже растягивался на ковре, подложив локоть под голову, чтобы заглянуть в глаза моей возлюбленной, которые таинственным образом смягчались в этом волшебном, созданном специально для нее убежище. Как прекрасна была она в черных кружевах: холодная, недоступная золотоволосая женщина с прелестным кукольным личиком; огромные влажные глаза смотрели на меня таким долгим равнодушным невидящим взглядом. Должно быть, они просто не замечали ту грубую, огромную вселенную, частью которой был я; она перечеркнула ее, забыла про нее, потому что слишком долго страдала в ней, страдала всегда, но теперь, кажется, перестала, слушая звон игрушечной музыкальной шкатулки, опуская руку на игрушечные часы. Они бежали все быстрее, минуты текли, как золотой песок. Я сходил с ума.

Я лежал на ковре, подложив руки под голову, и смотрел на позолоченный канделябр. Мне было трудно переселиться из одного мира в другой. Мадлен сидела на кушетке и работала с неизменной сосредоточенностью и страстью, как будто обретенное бессмертие начисто отвергало даже мысль об отдыхе или безделье. На сей раз она пришивала кремовые кружева к маленькому лиловому атласному покрывалу и прерывалась только для того, чтобы стереть со лба кровавый пот.

Я подумал: а вдруг, если я зажмурюсь, это царство маленьких вещей поглотит все пространство вокруг, и, открыв глаза, я обнаружу, что связан по рукам и ногам, как Гулливер — непрошеный гость в стране лилипутов? Мысленно я видел маленькие домики, выстроенные для Клодии, игрушечные экипажи, стоящие в ожидании у дверей, и садики, в которых мышь кажется большим и страшным зверем, а кусты роз — огромными цветущими деревьями. Люди-великаны пришли бы в восторг при виде подобной красоты, они опускались бы на колени перед окнами, чтобы хоть краешком глаза заглянуть внутрь.

Но я и так был связан по рукам и ногам. Не только этой волшебной красотой, изысканной тайной, окутавшей обнаженные плечи Клодии, сиянием ее жемчуга, райским запахом ее духов в маленьком флаконе; я был связан страхом. Дома я занимался обучением Мадлен, вел пространные беседы о природе убийства и естестве вампира, хотя Клодия, если б захотела, могла бы рассказать ей куда больше и лучше. Каждую ночь Клодия нежно целовала меня, смотрела довольным взглядом, и я видел, что ненависть, вспыхнувшая однажды, ушла навсегда. И все же я боялся. Боялся, что, очутившись в настоящем мире, за пределами этих роскошных комнат, обнаружу, что мое поспешное признание оказалось верным и я действительно изменился, утратил единственное, что еще любил в себе — человека. И что я буду чувствовать тогда к Арману, ради которого превратил Мадлен в вампира, чтобы обрести свободу. Стороннее любопытство? Скуку? Безымянный трепет? Но даже в этом страшном смятении я мысленно увидел Армана, его монашескую келью, вспомнил его спокойные темно-карие глаза и чувствовал его непреодолимую, волшебную власть.

Но я не решался пойти к нему. Я страшился постигнуть истинные размеры своей потери. И старался исчислять ее всего

лишь одной из неудач: в Европе я не нашел истины, способной вылечить одиночество и отчаяние; я только копался в своей мелкой душонке, обрел мучительную боль Клодии и любовь к вампиру, который, может быть, еще хуже, чем Лестат, и сам уподобился Лестату в его глазах, хотя в нем единственном уловил намек на возможность сосуществования добра и зла.

Я устал от этих мыслей. Часы тикали на каминной полке, Мадлен вдруг принялась упрашивать нас пойти на представление в Театр вампиров и клялась, что сумеет защитить Клодию от кого угодно. Клодия сказала:

«Нет, не сейчас. Еще не время».

Я со странным облегчением подумал, как страстно, как слепо Мадлен любит Клодию.

Я редко вспоминаю Мадлен и нисколько ей не сочувствую. Она прошла только первую ступень страданий, так и не поняв, что такое смерть. Она так легко загоралась, так охотно шла на любое совершенно бессмысленное насилие! Но я и сам с удивительной самонадеянностью когда-то считал, что мое горе после смерти брата — единственное настоящее чувство. Я забыл, как самозабвенно влюбился в излучающие волшебный свет глаза Лестата, продал душу за их разноцветное сияние и думал, что достаточно иметь отражающую свет кожу, чтобы гулять по воде.

Что же надо было сделать Христу, чтобы я пошел за ним, как Петр или Матфей?

Прежде всего хорошо и со вкусом одеться, в придачу к этому иметь густые белокурые волосы.

Я ненавидел себя. Убаюканный их беседой, я различал шепот Клодии, она говорила про убийства, ловкость, быстроту вампиров, Мадлен шила, и мне казалось, что теперь я способен только на одно чувство — ненависть к себе.

Люблю я их или ненавижу... Мне просто все равно. Клодия погладила меня по голове, как старого друга, точно хотела сказать, что она наконец-то обрела покой в душе. Но мне было все равно. Где-то там, в ночи, бродил призрак Армана, честный, прозрачный, как стекло. Я держал в ладони шаловливую ручку Клодии и вдруг понял, что теперь знаю, почему она так легко простила меня. Она сказала, что ненавидит меня и любит, но на самом деле не чувствовала ничего.

Через неделю Мадлен отправилась осуществлять задуманное — жечь свое королевство кукол. Мы проводили ее и оставили одну, а сами отошли в узенький переулок за углом. Там было тихо, шел дождь. Скоро языки пламени взвились в затянутое облаками небо. Ударил колокол, люди кричали. Клодия говорила что-то об огне. Густой дым валил из горящей лавки, и мне стало страшно. Это была не дикая человеческая паника, а леденящий мертвенный страх, острый, как удар кинжала. Этот страх уходил корнями в прошлое, в старый городской дом на Рю-Рояль, где на горящем полу лежал Лестат и как будто спал...

«Огонь очищает»,— сказала Клодия.

«Нет. Он только разрушает...» — возразил я.

Мадлен прошла мимо нас, точно призрак под дождем, ее руки мелькали в темноте, как светлячки; она манила нас за собой. Клодия побежала к ней, торопливо бросив, чтобы я догонял, и золотые волосы взметнулись и скрылись в ночи. Ленточка развязалась и упала мне под ноги прямо в черную лужу. Клодии и Мадлен уже след простыл, и я наклонился, чтобы поднять ленту. Но чья-то рука опередила меня. Я выпрямился. Передо мной стоял Арман. Я замер. Он был так близко, настоящий, живой, в черном плаще, с шелковым галстуком, совсем как человек, и все же далекий, неподвижный, неземной. Его глаза казались светлее в розовых отблесках пламени.

Я словно пробудился от долгого сна. Сильная холодная рука пожала мою руку, он наклонил набок голову — следуй за мной. Я снова видел его, снова чувствовал его власть. Мы пошли в сторону Сены. Наши движения были стремительны и ловки, мы пробирались сквозь толпу и едва замечали людей. Удивительно, но я не отставал от Армана. И я понял, что он заставляет пробудиться мою скрытую силу, доказывает мне, что я уже не нуждаюсь в протоптанных дорогах.

Мне отчаянно хотелось поговорить с ним, взять за плечи и остановить, просто заглянуть ему в глаза. Замедлить его сумасшедший полет во времени и пространстве, чтобы как-то справиться с собственным волнением. Мне надо было так много сказать и объяснить ему, но слова не шли на ум. Да и зачем говорить? Блаженный покой переполнил мою душу, я чуть не плакал. Я вновь обрел то, что так боялся потерять.

Я не знал, где мы, но смутно припоминал, что когда-то проходил здесь и уже видел эти громадные старинные особняки, садовые ограды, решетки на воротах и высокие башни с полукруглыми окнами. Вековые узловатые стволы древних деревьев, глухая тишина — не многим был открыт доступ сюда, небольшая горстка людей населяла этот огромный район в самом сердце Парижа, эти старинные дома с высокими сводчатыми потолками.

Арман вскарабкался на высокую каменную изгородь, ухватился за толстую ветвь многовекового дерева, протянул мне руку. Через мгновение я уже стоял возле него, мокрые листья касались моего лица. Перед нами из глубины сада вздымался многоэтажный дом с башней, едва заметной за пеленой дождя. Проследив за моим взглядом, Арман прошептал:

«Сейчас мы заберемся туда по стене, на самый верх».

«Нет... я не могу... Это невозможно!»

«Когда же ты наконец поймешь, что все возможно? — сказал он.— Поверь, это совсем легко. Помни: если ты упадешь, с тобой ничего не случится. Смело следуй за мной. И еще одно. Обитатели дома знают меня уже лет сто и считают обычным привидением. Поэтому, если они вдруг заметят тебя или ты сам увидишь их через окно, веди себя так, будто ничего не случилось, не разочаровывай и не смущай их. Ты понял меня? И ничего не бойся».

Я не знаю, чего боялся больше: карабкаться на страшную высоту по гладкой отвесной стене или быть принятым за привидение. Но у меня не осталось времени для размышлений: Арман уже полз вверх, упираясь ногами в трещины между камнями и хватаясь цепкими, как у обезьяны, пальцами за малейшие неровности и выступы. Я последовал за ним, как можно плотнее прижимаясь к каменной кладке и стараясь не смотреть вниз. Чтобы передохнуть, я повис на широкой резной арке над окном и там, сквозь запотевшее стекло, увидел темное плечо, рука с кочергой шевелила угли в камине; человек не видел меня и ничего не чувствовал. Я полез дальше. Мы поднимались все выше и выше и наконец добрались до темного окна на самом верху башни. Распахнув его резким рывком, Арман перелез через подоконник и протянул мне руку.

Я невольно вздохнул с облегчением. Потирая ушибленные локти, я оглядел странное помещение. Внизу, за окном, крыши домов мерцали серебром в полумраке и башни возвышались в гуще раскидистых, беспокойных крон. Вдалеке горела прерывистая линия ярких огней бульвара. Я зябко повел плечами: в комнате было холодно и неуютно, как и снаружи, но Арман уже растапливал камин.

Из груды негодной мебели он вытаскивал тяжелые кресла, легко ломал дубовые ножки и спинки. Это под силу каждому вампиру, но Арман был совершенно особенный — тонкий, изящный, невозмутимый. Он был вампир до кончиков ногтей. В нем не было ничего человеческого, и даже в его приятном мужском лице угадывался лик ангела смерти. Меня влекло к нему сильней, чем к любому другому живому существу, за исключением, пожалуй, Клодии. Но Арман вызывал во мне иное чувство, более всего походившее на благоговейный страх. Он развел огонь, пододвинул мне тяжелое дубовое кресло, а сам опустился на пол возле каминной решетки и протянул руки к пламени.

«Я слышу жильцов дома»,— сказал я ему; я наконец согрелся, и башмаки почти высохли.

«Значит, и я слышу их»,— мягко заметил он. В его голосе не прозвучало ни намека на упрек, я сразу понял, что сказал глупость.

«А если они придут и найдут нас?» — спросил я.

«Просто скажи себе, что они не придут,— ответил он.— Забудь о них, как я. Мы станем говорить про этих людей, только если ты захочешь».

Я не смог возразить. Он рассмеялся и объяснил, что обитатели дома давным-давно наглухо заколотили вход в башню и уже много лет не наведывались сюда, а если кто-то из них и увидит слабую струйку дыма над трубой или отсветы огня в камине, то все равно не будет ничего предпринимать до завтрашнего утра.

Я успокоился и обвел взглядом комнату: книги в кожаных переплетах на полках возле камина, на письменном столе разбухшие от сырости стопки бумаги и чернильница с перьями.

«Видишь,— сказал Арман,— можно запросто обойтись без роскошных апартаментов в гостинице. Ведь тебе, как и мне, нужно совсем немного. Но,— продолжал он,— каждый из нас

сам решает, чего хочет. Люди, живущие здесь, даже придумали мне имя, и каждая встреча со мной дает им пищу для разговоров лет на двадцать. Подумать только, для них это добрая треть жизни, а для меня — ничего не значащие мгновения. Эти люди не могут причинить мне вред, и поэтому я прихожу сюда, когда хочу остаться один. Никто из Театра вампиров не знает об этом. Ты — первый, кому я открыл свой секрет».

Я думал, как, должно быть, уютно в этой комнате, когда на улице тепло или просто когда протопишь ее как следует. Я смотрел на Армана и думал. Вампиры не стареют, но все же меняются, и я пытался представить себе юное лицо Армана, скажем, лет двести назад.

На нем не было морщин или других знаков жизненного опыта, но оно совсем не походило на маску. Напротив, оно было живое, выразительное, как и его сдержанный тихий голос, и я уже ничего не мог понять. Знал только, что его власть надо мной неизменна, и то, что я сказал потом, было жалкой попыткой оттовориться.

«Что же привязывает тебя к Театру вампиров?» — спросил я.

«Необходимость. Но теперь я нашел то, что так долго искал,— ответил он и добавил: — Почему ты избегаешь меня?»

«Я вовсе не избегаю тебя,— отозвался я, стараясь не выдать волнение.— Ты ведь знаешь, я должен заботиться о Клодии, кроме меня, у нее никого нет. Точнее, не было, пока...»

«Пока Мадлен не стала жить с вами».

«Да»,— кивнул я.

«Но Клодия сама развязала тебе руки, а ты все равно остаешься с ней, не можешь расстаться со своей возлюбленной».

«Нет, ты не понял,— возразил я.— Она не возлюбленная мне, она — мой ребенок, и я не знаю, в ее ли власти дать мне свободу... Я часто думал об этом прежде. Не знаю, вправе ли ребенок освобождать родителей от любви к нему. Не знаю, смогу ли расстаться с ней, пока она...»

Я вдруг запнулся, потому что собирался сказать: «Пока она жива», но вдруг понял, что эти слова, часто повторяемые людьми, в нашем случае совершенно бессмысленны. Клодия могла жить вечно. Но разве не так бывает у людей? Дочери бессмертны для отцов, потому что отцы умирают раньше. Я опять расте-

рялся, но Арман слушал меня вдумчиво и внимательно. О таком собеседнике можно только мечтать. На его лице отражалось каждое мое слово. Он не перебивал, ждал, когда я закончу мысль, не возражал в мгновенном безотчетном порыве.

Вот и теперь он выждал долгую паузу и сказал:

«Ты нужен мне. Ты нужен мне, как никто и ничто».

В первое мгновение я не поверил своим ушам: настолько невероятным показалось мне сказанное. Его слова обезоружили меня, и безмолвное видение нашей жизни вместе затмило все остальное.

«Ты нужен мне больше всего на свете»,— повторил он, чуть изменив интонацию.

Он ждал и смотрел на меня. Лицо его было спокойно, как всегда, на гладком белом лбу, окаймленном волнистой линией каштановых волос, не было ни следа тревоги или заботы. Огромные глаза глядели задумчиво, губы не двигались.

«И я тебе нужен, но ты не приходишь ко мне,— сказал он.— Ты хочешь знаний, но ни о чем не спрашиваешь. Ты видишь, что Клодия ускользает от тебя, и не можешь ее остановить. Более того, в глубине души ты сам стремишься приблизить разрыв, но ничего не делаешь».

«Я просто не могу разобраться в собственных чувствах. Наверное, ты понимаешь их лучше, чем я...»

«Ты даже не догадываешься, какая тайна заключена в тебе!» — сказал он.

«Это ты знаешь себя. Я — нет,— ответил я.— Я люблю Клодию, но мы далеки друг от друга. Когда я с тобой, забываю о ней и обо всем».

«Она — целая эпоха в твоей жизни. Если ты с ней расстанешься, то потеряешь единственное живое существо, разделившее с тобой это время. Вот что пугает тебя. Ты боишься тяжелого бремени одиночества в вечной жизни».

«Да, но это лишь часть правды. Эта эпоха, она для меня ничего не значит. Только Клодия придала ей смысл. Другие вампиры тоже переживают столетия».

«Нет,— ответил он.— Иначе весь мир населили бы вампиры. И как бы, по-твоему, я стал самым старым вампиром на свете?»

Я задумался. Потом спросил:

«Их убивали?»

«Нет. Почти никогда. В этом нет необходимости. Многим ли хватит мужества жить вечно? Почти у всех вампиров довольно убогое представление о бессмертии. Они хотят, чтобы все вокруг оставалось неизменным, как они сами: чтобы кареты делали по старому доброму образцу, платья шили по моде их молодости, чтобы люди разговаривали и вели себя так, как было принято в их время. Но все всегда меняется, кроме, разумеется, самого вампира. Вот почему не только для твердолобых, но и для тех, у кого весьма гибкий ум, довольно скоро бессмертие превращается в вечное заключение в сумасшедшем доме среди непонятных и бессмысленных существ и предметов. Однажды вампир просыпается и понимает, что наступил момент, которого он страшился долгие годы: он больше не хочет продлевать свое существование. Мир, где ему хотелось жить вечно, навсегда стерт с лица земли, и ничто не может освободить его от страданий, кроме убийства. И он идет умирать. Никто не найдет его останков, никто не узнает, куда он ушел. Часто бывает, что никто из его окружения даже не подозревал об отчаянии обреченного, потому что он давно перестал говорить о том, что творится с ним, вообще перестал говорить. Он попросту уходит в небытие, исчезает бесследно».

Я знал, что он говорит правду, но все во мне восставало против этого. И я сопоставил всю глубину своих надежд и страхов с описанной им полной оторванностью от жизни и опустошительным отчаянием, жестоким, безысходным. Я не мог принять это.

«Но ты не позволишь себе дойти до такого состояния,— сказал я.— Если бы во всем мире не осталось ни единого произведения искусства... а ведь их тысячи... если бы не осталось ни единого уголка девственно прекрасной природы... если бы мир сузился до маленькой кельи, освещенной хрупким огоньком единственной свечи... Я все равно вижу тебя в этом последнем приюте, ты смотришь на огонь, на волшебную игру красок... Как долго это поддерживало бы в тебе жизнь? Или я не прав, или я сумасшедший идеалист?»

«Нет,— ответил Арман с улыбкой, с мимолетной вспышкой радости. Но тут же продолжил прежним бесстрастным тоном: — Ты чувствуешь ответственность перед миром, ты лю-

бишь его, ты все еще связан с ним. И твоя чувствительность может стать лазейкой для безумия. Ты говорил про искусство, про красоту природы... Как жаль, что я не художник и не могу показать тебе в красках Венецию такой, какой она была в пятнадцатом веке, и дворец моего господина. Я не могу передать тебе, как я любил его, когда был простым смертным юношей, и как он любил меня, когда превратил в вампира. О, если б я мог вернуть то чудесное время и для тебя, и для себя... хоть на миг! Чего бы я не отдал ради этого! Как грустно — прекрасные образы той навсегда ушедшей эпохи не тускнеют в памяти, а, наоборот, становятся ярче и волшебней в свете сегодняшних дней».

«Любил? — изумленно повторил я.— Ты и твой учитель любили друг друга?»

Я подался вперед.

«Да,— кивнул он.— Так сильно, что он не мог позволить мне состариться или умереть. Преисполненный любви, он терпеливо ждал, пока я наберусь сил, чтобы родиться для Тьмы. Разве между тобой и тем, кто превратил тебя в вампира, не было такой любви?»

«Никогда»,— мгновенно отозвался я, не в силах подавить горькую усмешку.

Арман пристально посмотрел на меня.

«Тогда почему он подарил тебе это?»

«Ты смотришь на это как на щедрый дар! — я откинулся в кресле.— Ну да, конечно. Прости за откровенность, но я не перестаю удивляться: ты так умен, но так наивен».

Я рассмеялся.

«Ты оскорбляешь меня?» — улыбнулся Арман. Он и правда казался таким юным, таким невинным. Я только начинал понимать его.

«Нет, конечно.— Я взглянул на него, и сердце забилось сильнее.— Ты воплощаешь в себе все, о чем я мечтал, когда решил стать вампиром. Наша сила для тебя — великий дар! — повторил я еще раз.— Но скажи мне... Ты все еще любишь вампира, который подарил тебе бессмертие? Живо ли в тебе это чувство?»

Он задумался и протянул:

«Разве это важно? — И после секундной паузы добавил: — К сожалению, я мало любил в этой жизни. Но я отвечу тебе. Да, я люблю его, но не так, как ты думаешь. Ты, сам того не желая, сбиваешь меня с толку. Ты — загадочное существо. Все очень просто: он мне больше не нужен».

«Мне подарили вечную жизнь, обостренные чувства, жажду убивать,— поспешно объяснил я,— потому что тот вампир хотел заполучить мои дом и состояние. Ты понимаешь? Но это не все. Я сам еще не все понимаю! Ты словно приоткрыл запертую дверь, и я вижу волшебный свет, льющийся в узкую щель. Я жажду войти туда, в тот мир, который, если верить тебе, скрывается за ней! Но на самом деле я не верю, что он существует! Вампир, обративший меня, воплощал в себе только зло: мрачный, скучный, пустой и невыносимо разочаровывающий. А это и есть зло, теперь я знаю наверняка. Но ты не такой, ты выше этого! Так открой же мне дверь до конца, расскажи мне про тот дворец в Венеции, про любовь с проклятым. Я хочу понять».

«Ты обманываешь самого себя. Тот дворец... Что тебе до него? Эта дверь ведет ко мне нынешнему. К нашей будущей жизни, а не к прошлому. Я тоже зло, но на мне нет вины».

«Да, это так»,— прошептал я.

«Вот почему ты несчастлив,— продолжал он.— Ты пришел ко мне и сказал, что существует один-единственный грех — убийство невинного человека».

«Да...— протянул я.— Могу себе представить, как ты смеялся надо мной».

«Я никогда не смеялся над тобой,— сказал Арман.— Разве я могу над тобой смеяться? Только ты поможешь мне спастись от отчаяния, означающего для меня, как и для любого из нас, смерть. Ты станешь соединительным звеном между мною и этим веком, ты научишь меня понимать его, чтобы я вновь пробудился к жизни. Столько лет я провел в Театре вампиров в ожидании тебя! Если б я встретил человека, который бы так чувствовал и так понимал этот мир, такого, как ты, с твоей болью в груди, я бы, не задумываясь, превратил его в вампира. Но такие встречаются редко. Мне пришлось долгие годы ждать и искать именно тебя. И теперь, когда мы наконец встретились, я готов сражаться за тебя с кем угодно. Ты видишь, моя любовь безжалостна. Так ли ты понимаешь любовь?»

«Ты совершаешь ошибку»,— ответил я, глядя ему в глаза. Только теперь я начал постигать смысл его слов. Никогда прежде я не чувствовал большего разочарования в себе самом. Я ничего не могу ему дать, ничего не мог дать Клодии и даже Лестату, не говоря уже о моем брате. Бедный Поль, как глубоко я разочаровал его!

«Нет,— спокойно сказал Арман.— Я должен вступить в контакт с нынешним временем и могу это сделать только через тебя... Я говорю не о том, что можно увидеть в картинной галерее или прочесть в книгах... В тебе воплотился дух твоего века, его сердце».

«Нет, нет.— Я едва сдерживал горький, истерический смех.— Как же ты не понимаешь? О каком сердце ты говоришь? Я чужой для любого века, всегда был и буду изгоем».— Мне больно было признавать эту страшную правду.

Но он только улыбнулся. Его плечи вздрогнули от беззвучного смеха.

«Но, Луи,— мягко возразил он.— Это и есть дух твоего времени. Разве ты не видишь? Они все так чувствуют. Ты потерял надежду и веру. То же самое произошло с этим веком».

Я был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова и глядел в потухающий камин. Поленья догорели и рассыпались в пустыню дымящегося серо-красного пепла. Но он все еще согревал и освещал комнату. Перед моим мысленным взором проходила вся моя предыдущая жизнь.

«Те вампиры в театре, почему не они?..» — тихо спросил я.

«Они унаследовали от своего века только цинизм. Они не способны понять, что все на свете, даже их сила, преходящее; они глупо и изощренно стремятся удовлетворить все свои желания. Это пародия на чудо, упадок, нашедший убежище в шутовском, манерном бессилии. Ты же видел их. Ты сталкивался с ними всю жизнь. Но ты сам получил от своего времени другой дар — разбитое сердце века».

«Это не дар, а несчастье. Несчастье, глубину которого ты не можешь постичь».

«Ты прав. Но расскажи мне, почему ты несчастен. Почему целую неделю не приходил ко мне, хотя жаждал прийти. Что держит тебя возле Клодии и Мадлен?»

Я покачал головой.

«Ты не знаешь, о чем спрашиваешь. Мне было невероятно трудно превратить Мадлен в вампира. Я обещал себе никогда не делать этого, даже если одиночество станет невыносимо. И я нарушил обещание. В бессмертии я вижу только проклятие. У меня не хватает смелости умереть. Но превратить в вампира другого! Обрушить тяжкие мучения на чужую голову и обречь на верную гибель тысячи людей! Я нарушил страшную клятву...»

«Если это хоть немного утешит тебя... Я надеюсь, ты понимаешь, что и я приложил к этому руку?»

«Ты хочешь сказать, что я сделал это ради тебя, чтобы освободиться от Клодии? Да, верно. Но вся ответственность лежит на мне, и только на мне!»

«Нет, я не о том. Я заставил тебя! Я был рядом с тобой в ту ночь. Разве ты не знал?»

«Нет!»

Я опустил голову.

«Я сам бы превратил ее,— мягко сказал Арман.— Но мне казалось, будет лучше, если это сделаешь ты. Иначе ты ни за что не расстался бы с Клодией, а ведь именно этого ты хотел...»

«Я проклинаю себя за то, что натворил!» — воскликнул я.

«Тогда проклинай меня, а не себя».

«Нет. Ты не понимаешь. В ту ночь ты едва не уничтожил во мне то, что так высоко ценишь сам! Я сопротивлялся тебе изо всех сил, и даже не догадывался, что твоя власть направляет меня. Самое важное чуть было не умерло во мне! Ты едва не убил во мне страсть, способность чувствовать! Я чудом уцелел!»

«Но все уже позади. Твоя страсть, человечность — называй как угодно — по-прежнему живы в тебе. Иначе твои глаза не были бы сейчас полны слез, гнева и тоски».

Я ничего не мог ответить, только кивал. Наконец, пересилив себя, я заговорил: «Ты не должен так поступать со мной, лишать меня воли, подчинять своей власти...»

«Да,— мгновенно согласился он.— Я не должен. Моя власть натыкается на какую-то преграду внутри тебя и не может проникнуть в глубины твоей души. Там я бессилен. Но так или иначе, Мадлен стала вампиром. Ты свободен».

«А ты удовлетворен,— я уже взял себя в руки.— Прости, я не хочу казаться грубым. Ты получил меня, я по-прежнему люблю тебя. Но я ничего не понимаю. Ты доволен?»

«Как же иначе? — ответил он.— Конечно, доволен».

Я встал и подошел к окну. Угли в камине догорали, слабо светилось серое небо. Я услышал шаги Армана за спиной. Не поворачиваясь, я краем глаза видел в полумраке его неподвижный профиль. Мы стояли рядом молча, глядя на непроницаемую пелену холодного дождя, и слушали его шум — не монотонный и унылый, а бесконечно разнообразный: ручеек журчал в водостоке, крупные капли мягко ударялись о мокрую, блестящую листву, тоненькие струйки стекали по карнизу прямо передо мной — сотни звуков смешались в сыром ночном воздухе.

«Ты простил меня?» — тихо спросил Арман.

«Тебе не нужно мое прощение»,— отозвался я.

«Оно нужно тебе,— возразил он,— а значит, и мне тоже».— Его лицо было, как всегда, спокойно.

«Ты думаешь, она сумеет позаботиться о Клодии?»

«Не беспокойся. Лучше нее с этим никто не справится. Она, правда, сумасшедшая, но в нынешние времена этот как раз то, что нужно. Она и двух минут не может пробыть одна, она должна целиком отдавать себя близким. Казалось бы, у нее нет причин любить Клодию, но она любит — за красоту, за спокойное молчание, за внутреннюю силу и уверенность в себе. Они идеальная пара. Но им надо как можно скорее покинуть Париж».

«Почему?»

«Ты знаешь почему. Сантьяго и другие следят за ними с недоверием и подозрительностью. Они опасаются Мадлен, потому что не знают о ней ничего, а она о них — многое. Они никогда не оставляют в покое тех, кому что-то известно».

«А тот юноша, Дэнис? Что будет с ним?»

«Он мертв»,— коротко ответил Арман.

Я был потрясен холодностью его слов.

«Ты убил его?» — еле выдохнул я.

Он молча кивнул. Его огромные темные глаза внимательно следили за моим лицом. Я даже не пытался скрыть изумление. Вдруг его рука сжала мою ладонь на подоконнике, и мое тело, словно подчиняясь его воле, повернулось и сделало шаг ему навстречу.

«Так было нужно,— тихо сказал он и добавил: — Нам пора...»

Он посмотрел в окно на улицу внизу.

«Арман,— прошептал я,— я не могу..»

«Следуй за мной, Луи,— ответил он. На подоконнике он обернулся.— Даже если ты сорвешься и упадешь на булыжник, твои раны заживут так быстро, что через несколько дней не останется и следа. Кости вампиров срастаются так же легко, как кожа. Помни об этом и ничего не бойся. Это совсем легко. Спускайся вниз сразу за мной».

«Что же тогда может убить меня?» — спросил я.

Арман снова обернулся.

«Разрушение твоих останков,— сказал он.— Разве ты не знаешь? Огонь, расчленение... солнечный свет. Вот и все. Шрамы и рубцы могут остаться, но тело восстановится. Ты бессмертен».

Я посмотрел вниз сквозь серебристую завесу дождя. Где-то там, под трепещущими ветвями деревьев, мигали огни пустынной улицы. Я разглядел мокрую мостовую, колокольчик на железном крюке перед воротами конюшни, побеги дикого винограда на каменной стене. Огромный, неповоротливый экипаж медленно проехал мимо дома. Свет слабел, улица засеребрилась, а потом и вовсе исчезла, словно ее поглотила ночная тьма. Вдруг у меня закружилась голова, и показалось, будто башня закачалась. Арман стоял на подоконнике и смотрел на меня.

«Луи, оставайся со мной сегодня»,— вдруг прошептал он.

«Нет,— тихо ответил я.— Еще не время. Я не могу оставить их так сразу».

Арман отвернулся и взглянул на темное небо. Кажется, он вздохнул, я не мог расслышать точно. Он снова сжал мою руку и сказал:

«Ну что ж...»

«Дай мне время»,— сказал я.

Он кивнул. Потом быстрым движением перекинул ноги через подоконник и исчез во мраке. Я замешкался, но всего на секунду, прислушиваясь к громкому стуку сердца, потом влез на подоконник и поспешил за Арманом, стараясь не смотреть вниз, в черную бездну.

— Я добрался до гостиницы незадолго до рассвета. В номере горели яркие газовые лампы. Мадлен спала в кресле возле камина, не выпуская из цепких пальцев иголку с ниткой. Кло-

дия неподвижно стояла в тени папоротников у окна и смотрела на меня. В руке она держала гребешок, ее волосы сияли.

Я остановился на пороге гостиной. Сладкий, душистый воздух, полный роскоши и неги, обнимал меня, убаюкивал, околдовывал. Все здесь так отличалось от спокойного очарования Армана, от его комнаты в старой башне. Но привычный уют нашего номера почему-то встревожил меня. Я огляделся, точно попал сюда впервые, отыскал свое кресло, сел, закрыл глаза и прижал ладони к горячим вискам. Вдруг нежные губы Клодии коснулись моего лба.

«Ты был у Армана,— тихо сказала она.— Ты хочешь уйти к нему навсегда».

Я открыл глаза, взглянул на нее. Каким милым и прекрасным показалось мне ее лицо, как никогда близкое и родное. Я осторожно дотронулся до круглых щечек и чуть припухлых век, робко, но без неловкости или стыда, а ведь я не позволял себе таких вольностей с ночи нашей ссоры.

«Мы еще увидимся, не здесь, так где-нибудь еще. Я всегда буду знать, где ты!» — сказал я.

Руки Клодии обвились вокруг моей шеи, я закрыл глаза, спрятал лицо в ее чудесных волосах, осыпал бесчисленными поцелуями тонкую шею, хрупкие ручки, запястья, ладони. Она гладила меня по голове и лицу.

«Как хочешь,— повторяла она.— Как хочешь».

«Ты счастлива наконец? Этого ты хотела?» — умоляюще спросил я.

«Да, Луи.— Она прижалась ко мне еще крепче.— У меня есть все, чего я хочу. Но ты, ты знаешь, что нужно тебе? — Она силой заставила меня поднять голову, и мне пришлось взглянуть ей прямо в глаза.— Я боюсь за тебя — а вдруг ты совершаешь ошибку? Почему бы тебе не уехать из Парижа вместе с нами? — спросила она изменившимся голосом.— Перед нами весь мир. Поехали!»

«Нет,— отстранился я.— Ты хочешь, чтобы все было, как прежде, как при Лестате. Но то время больше не повторится. Никогда».

«С Мадлен у нас все будет заново и иначе. Я вовсе не прошу вернуть прежние времена. В конце концов, именно я покончила с ними,— возразила она.— Но хорошо ли ты знаешь, что выбираешь?»

Я отвернулся. В неприязни Клодии к Арману и ее нежелании понять его было что-то упрямое и неясное мне. Я подумал, что она опять собирается заговорить о том, что он желает ее смерти; я не мог заставить себя поверить в это даже на секунду. Клодия не знала того, что знал я: Арман не мог желать ее гибели, потому что я этого не хотел. Но я понимал, что ничего не смогу ей объяснить, она подумает, что я слишком люблю его и слепо доверяю ему.

«Это было неизбежно с самого начала, и этого я хочу,— ответил я и словно поставил крест на ее сомнениях.— Только Арман может дать мне силу и мужество. Я больше не могу жить в тоске и в противоречии с самим собой. Я вижу только два пути: уйти к нему или умереть. Но есть еще одно объяснение, неразумное и нелогичное, но единственно верное...»

«Что же это?» — спросила она.

«Я люблю его»,— ответил я.

«Да, это так.— Клодия задумалась.— Значит, ты и меня мог любить. Даже меня».

«Клодия, Клодия».

Я взял ее на руки и посадил себе на колени. Она прижалась к моей груди.

«Я только надеюсь,— прошептала она,— что ты найдешь меня, если захочешь... Что я смогу вернуться к тебе... Я так часто обижала, так мучила тебя».

Она что-то лепетала своим нежным голоском, а я молчал и думал, что совсем скоро ее не будет со мной. Мне хотелось просто подержать ее на руках, почувствовать сладкую детскую тяжесть на своих коленях, маленькую ладонь в своей руке.

Во влажном, прохладном воздухе гостиной вдруг сгустилась темнота, как будто одна из ламп потухла. Меня клонило в сон. Если б я был человеком, мог бы заснуть прямо здесь, в кресле. Меня вдруг посетило странное, давно забытое и все же привычное, чисто человеческое предчувствие, что я проснусь с первыми лучами солнца и передо мной откроется удивительное видение: яркие блики на листьях папоротника и радужные капельки росы. Я уступил, закрыл глаза.

Потом я часто пытался восстановить в памяти те минуты, старался вспомнить, что именно так сильно и смутно тревожило меня; почему я вдруг потерял бдительность и не заметил

неминуемых неуловимых перемен или хотя бы слабого движения воздуха. Много позже, избитый, израненный, озлобленный, потерявший все, я перебирал в памяти те тихие предрассветные мгновения, когда тишину в комнате нарушало еле слышное тиканье часов на каминной полке и небо уже начинало светлеть. Но удалось припомнить лишь легкое затмение света.

Будь я настороже, это не ускользнуло бы от моего внимания. Но я задумался и ничего не заметил. Погасла лампа в гостиной, следом за ней и свеча, ее пламя захлебнулось в колышущемся озерке расплавленного воска. Я сидел, полуприкрыв веки, и вдруг почувствовал, что тьма надвигается на меня со всех сторон.

Я открыл глаза, но было уже поздно. Я тут же вскочил, и рука Клодии соскользнула с моего плеча. Толпа одетых в черное мужчин и женщин двигалась по комнатам, они шли к нам, сметая отблески света с позолоченных и лакированных поверхностей, оставляя позади себя кромешный мрак. Я закричал, Мадлен проснулась и в испуге бросилась было к кушетке, чтобы спрятаться за ней, но они приближались, и она упала на колени. Впереди всех шли Сантьяго и Селеста, за ними Эстелла и остальные, их имен я не знал. Они отражались во всех зеркалах, как огромная угрожающая тень. Я крикнул Клодии: «Беги!», вытолкнул ее в соседнюю комнату, повернулся к нападавшим лицом и загородил собою дверь. Когда шедший первым Сантьяго приблизился ко мне, я изо всех сил ударил его ногой в живот.

Я был уже далеко не тот слабак, который в Латинском квартале безуспешно пытался сопротивляться его ужасающей мощи. Моя сила возросла многократно. У меня никогда не хватало решимости стоять до конца, когда речь шла о собственной шкуре. Но сейчас я защищал Клодию и Мадлен. Я бил куда попало — вначале Сантьяго, а потом и очаровательную Селесту, которая пыталась подобраться ко мне сбоку. Клодия была уже далеко, я слышал, как она бежит вниз по мраморной лестнице. Но у меня больше не было времени размышлять о ее судьбе. Селеста вертелась передо мной, цеплялась острыми ногтями за мою одежду, царапала лицо, и кровь стекала на мой белый воротничок. Собрав все силы, я кинулся на Сантьяго, и мы закру-

жились в неистовой схватке. Я снова почувствовал страшную силу его рук, они тянулись к моему горлу.

«Бей их, Мадлен!» — кричал я отчаянно, но в ответ услышал судорожные рыдания.

Она растерянно застыла на месте: испуганное до смерти создание, окруженное черными безжалостными фигурами; они смеялись глухим, пустым металлическим смехом. Сантьяго схватился за щеку: мои зубы оставили там кровоточащую рваную рану. В бешенстве я наносил ему один удар за другим, немели распухшие пальцы. Чьи-то руки схватили меня сзади. Я яростно стряхнул их и услышал за спиной звон разбитого зеркала, но кто-то уже крепко вцепился мне в плечо.

Я дрался отчаянно, силы не покидали меня, но их было больше и они победили, окружили меня со всех сторон, силой вывели из номера, протащили по коридору и швырнули на ступеньки лестницы; я скатился вниз, свободный на короткий миг, чтобы снова попасть в цепкие руки. Я видел лицо Селесты совсем близко от себя, жалея, что не могу вцепиться в него зубами. Я истекал кровью, стальной хваткой они сжимали мои запястья, и я не чувствовал рук. Мадлен всхлипывала где-то рядом. Нас втащили в карету. Меня били, но я не терял сознание. Я хватался за него, как за соломинку. Я лежал на полу кареты, мокрый от крови, страшные удары сыпались мне на затылок, но я повторял про себя: «Я чувствую, я жив, я в сознании».

Экипаж остановился, нас втащили в Театр вампиров, и я закричал. Я звал Армана.

Меня отпустили только у лестницы, ведущей в подвал. Я шел в кольце темных фигур, злобные толчки в спину заставляли меня двигаться дальше. Я извернулся и вцепился в Селесту, она громко вскрикнула, и кто-то сзади ударил меня по голове. Но самый сокрушительный удар ждал меня впереди. Я переступил порог и увидел Лестата. Он гордо и прямо стоял в самом центре зала, серые глаза остро и внимательно следили за нами, рот растянулся в коварной улыбке. Он был одет, как всегда, с безукоризненным вкусом: дорогой черный плащ, ослепительно белая сорочка. Но страшные шрамы так и не затянулись и чудовищно исказили его тонкие, красивые черты. Глубокие прямые линии прорезали нежную кожу вокруг губ, у век и на гладком высоком лбу. В глазах его горел молчаливый гнев, рожденный

страшной безысходностью. Его взгляд, казалось, говорил: «Видишь, какой я теперь?»

«Это он?» — Сантьяго толкнул меня вперед.

Лестат резко повернулся к нему, хриплым взволнованным голосом произнес:

«Я говорил тебе, что мне нужна девочка, Клодия! Это сделала она!» — Его голова судорожно дернулась, он схватился за ручку кресла, но тут же выпрямился и посмотрел на меня.

«Лестат.— Я понимал, как мало у меня осталось шансов на спасение.— Ты жив! Ты снова обрел жизнь! Так расскажи же им, как ты обращался с нами...»

«Нет.— Он яростно тряхнул головой.— Ты вернешься ко мне, Луи».

На секунду я не поверил собственным ушам. Голос разума подсказал мне: «Говори с ним, постарайся его разубедить», но с моих губ сорвался мрачный смешок:

«Ты сошел с ума!»

«Вернись, и они не тронут тебя.— Его веки дрожали от напряжения, грудь тяжело вздымалась, вытянутая вперед рука бессильно хватала пустоту.— Ты обещал мне, Сантьяго,— сказал Лестат,— что я смогу забрать его с собой в Новый Орлеан.— Он обвел взглядом их всех, сгрудившихся вокруг нас, он задыхался. И вдруг взорвался.— Клодия, где она? Только она виновата, я же объяснил вам!»

«Как сказать»,— ответил Сантьяго. Он потянулся к Лестату, и тот попятился назад; чтобы не упасть, ухватился за ручку кресла и закрыл глаза, пытаясь вернуть самообладание.

«Он помогал ей».— Сантьяго придвинулся к нему еще ближе. Лестат поднял голову.

«Нет, он ни при чем,— ответил он.— Луи, ты должен вернуться ко мне. Мне надо рассказать тебе все... про ту ночь в болоте...»

Запнувшись, он затравленно огляделся вокруг, как раненый зверь.

«Послушай меня, Лестат,— заговорил я.— Ты отпустишь ее, и тогда я... вернусь к тебе».

Я не узнал свой голос, металлический и пустой. Я старался приблизиться к нему, придать лицу твердое, непроницаемое выражение; мои глаза излучали ослепительные потоки света, как

два ярких огня. Он смотрел на меня изучающе, точно борясь с собой. Селеста удержала меня, схватив за запястье.

«Ты должен рассказать им,— продолжал я,— как ты обращался с нами. Она не знала законов, не знала, что есть другие вампиры».

Я говорил это и мысленно успокаивал себя: Арман успеет вернуться до рассвета, он должен вернуться, он остановит их и спасет нас.

Вдруг до меня донесся громкий скрежет, что-то очень тяжелое волочили по полу. Мадлен плакала. Я поискал ее глазами — она сидела в кресле возле стены. Наши взгляды встретились, в ее глазах я прочитал смертельный ужас. Она попыталась подняться, но ее не пускали.

«Лестат,— сказал я.— Чего ты хочешь? Я все сделаю...»

Я остановился на полуслове. В зал втащили гроб с тяжелыми железными замками. Я сразу все понял.

«Где Арман?» — в отчаянии крикнул я.

«Она хотела убить меня, Луи. Она сделала это, она, а не ты! Она должна умереть! — голос Лестата срывался.— Уберите этот ящик, Луи возвращается ко мне!» Он повернулся к Сантьяго.

Но тот лишь рассмеялся в ответ. Его смех подхватили Селеста и все остальные.

«Вы же обещали мне»,— сказал им Лестат.

«Я тебе ничего не обещал»,— ответил Сантьяго.

«Они одурачили тебя,— сказал я Лестату. Они уже открыли крышку.— Обвели вокруг пальца! Ты должен найти Армана, он здесь главный».

Но он, казалось, не понимал моих слов.

Я плохо помню, что было дальше. Я отчаянно отбивался, кричал, что Арман этого не допустит, чтоб они не смели прикасаться к Клодии. Меня положили в гроб. Я отчаянно сопротивлялся, стараясь не думать про страшные крики Мадлен; боялся, что вот-вот услышу крик Клодии. Помню, я привстал, из последних сил задержал на мгновение тяжелую крышку, но вот она опустилась, заскрежетали ключи, я понял, что замки заперты. Я вдруг вспомнил насмешливую улыбку Лестата, его слова из прошлого: «Голодный ребенок — это ужасно, но голодный вампир — еще хуже. Ее крики услышали бы в самом Париже». Это

было так давно, в том ушедшем безмятежном мире, где мы так часто ссорились друг с другом. Мое тело обмякло в душном ящике, но я повторил себе: «Арман этого не допустит. Он все равно нас найдет».

Я услышал скрип башмаков, гроб покачнулся, значит, его подняли с пола. Я уперся руками в стенки и закрыл глаза, стараясь привести мысли в порядок, и первым делом запретил себе двигаться или нащупывать крышку. На лестнице гроб накренился, я прислушался. Крики Мадлен были уже едва различимы, мне показалось, что она зовет Клодию, точно та могла нам помочь.

«Зови Армана,— мысленно просил я.— Он уже должен вернуться домой».

Только мысль об ужасном унижении услышать собственный голос, запертый внутри проклятого ящика, заставила меня сдержать крик.

Но вдруг меня посетила страшная догадка: что, если он вообще не придет? Может, у него есть другой гроб в каком-нибудь отдаленном особняке и он останется там?.. Я бешено заколотил в дубовые доски гроба, попытался перевернуться, чтобы надавить на крышку спиной, но не смог, в гробу было слишком тесно. Обливаясь холодным потом, я бессильно уронил голову.

Крики Мадлен затихли вдали, я слышал только мерные шаги и собственное дыхание.

«Значит, он придет завтра. Завтра им придется все рассказать ему, и он найдет нас и выпустит на свободу».— Гроб резко качнулся, волна свежей прохлады проникла даже в душный запертый ящик. Я почувствовал запах воды и сырой земли. Гроб небрежно бросили на землю, и удар болью отозвался в моем измученном теле. Я осторожно потер локти, стараясь не прикасаться к крышке, чтобы не вспоминать об истинных размерах моей темницы, скрытых спасительной темнотой.

Я думал, что теперь они оставят меня. Но они не ушли. Вдруг я почувствовал новый, незнакомый мне, сырой запах. Затаив дыхание, прислушался и в ту же секунду все понял: это запах цемента, они замуровывают меня кирпичами. Медленно я провел ладонью по лицу, вытирая пот со лба.

«Это ничего»,— успокаивал я себя. С каждой секундой в этом ящике становилось все теснее, точно мои плечи делались

шире и шире. «Завтра ночью он придет, а до тех пор я буду лежать здесь, как в собственном гробу. Это расплата за все мои ночи».

Так я говорил себе, но мои глаза наполнились слезами, и я снова ударил в крышку гроба. Я представил себе завтрашнюю ночь и все будущие ночи, а чтобы отвлечься от безумных мыслей, подумал о Клодии. Только бы еще хоть раз меня обняли ее руки, только бы хоть на мгновение увидеть ее округлые щечки и длинные, трепещущие ресницы, почувствовать нежное прикосновение губ. Тело одеревенело от усталости, но я из последних сил пинал ногами доски и царапал их ногтями. Вскоре снаружи все стихло, замер вдали звук приглушенных шагов. Я кричал, звал ее: «Клодия!», пока шею не свело от отчаянных и бессмысленных метаний и оцепенение сна медленно, подобно ледяному потоку, не сковало мои члены. Я пытался позвать Армана, не думая о том, что это глупо и бесполезно: этот мертвый сон не мог обойти стороной и его, он уже спит где-нибудь и не может меня услышать. Последним усилием я надавил на крышку, но в глазах потемнело, силы оставили меня, и я провалился в небытие.

— Меня разбудил голос, далекий, отчетливый. Он называл мое имя. Я открыл глаза и не мог понять, где нахожусь.

«Наверное, это страшный сон,— подумал я,— сейчас я проснусь, и все кончится».

Потерев глаза, я нащупал рукой крышку гроба и сразу все вспомнил. И в ту же секунду с величайшей радостью узнал голос. Арман звал меня. Мой крик ударился о стенки гроба, и я едва не оглох. В страхе я подумал, что он тщетно ищет меня, что он меня не услышит. Но его голос приближался, он говорил, чтобы я ничего не боялся. Раздался громкий шум, треск и грохот обваливающихся кирпичей, они стучали по крышке гроба. Арман снял их один за другим и ногтями сорвал замки.

Тяжелые дубовые доски заскрипели, и блеснул луч света. Я глубоко вдохнул и вытер пот со лба. Крышка отвалилась, и на секунду мне показалось, что я ослеп. Я сел и закрыл лицо ладонями.

«Торопись,— сказал Арман.— И ни звука».

«Куда мы идем?» — спросил я.

За пробитой Арманом дырой в кирпичной кладке я увидел длинный пустой коридор и двери, замурованные кирпичами. Мое воображение мгновенно нарисовало ужасающую картину скрывающихся за ними гробов, в которых голодали и заживо гнили вампиры, осужденные на мучительную смерть своими собратьями. Арман тянул меня за собой, не давая опомниться, он повторял: «Ни звука». Мы прокрались вдоль коридора, Арман остановился перед дубовой дверью и потушил лампу. На мгновение все вокруг покрыла непроницаемая тьма, но потом я увидел узкую полоску света под дверью. Арман отворил ее так осторожно, что петли даже не скрипнули, и мы очутились в длинном проходе, ведущем к его келье. Я старался не отставать от него. И вдруг мне открылась страшная правда: он спасал меня, и только. Я попытался остановить его, но он еще сильней потянул меня за собой. Мы выбрались наружу через потайной выход, и я наконец заставил его остановиться. Он посмотрел на меня и покачал головой.

«Я не могу спасти ее!» — сказал он.

«Неужели ты думаешь, что я могу уйти без нее! Они заперли ее там! — Ужас охватил меня.— Арман, ты должен ее спасти! У тебя нет выбора!»

«Зачем ты так говоришь? — ответил он.— Пойми наконец: у меня нет никакой власти. Они восстанут против меня, и ничто их не остановит. Я не могу ее спасти. И не хочу подвергать тебя бессмысленному риску. Тебе нельзя возвращаться туда».

Наверное, он был прав, но я не хотел ему верить. Мне не на кого было надеяться, кроме Армана, но я ничего не боялся. Знал только одно: я должен спасти Клодию или погибнуть. Речь не шла о смелости или трусости: просто я должен был это сделать, вот и все. И я знал в глубине души: Арман не станет меня останавливать. Он пойдет со мной.

И оказался прав. Я повернулся и шагнул в коридор, и он пошел следом. Мы молча направились к лестнице, ведущей в зал. Я слышал голоса вампиров, грохот экипажей, шум театра над головой. Я взбежал вверх по лестнице. Селеста стояла в дверях зала с театральной маской в руках. Она смотрела прямо на меня, но как будто мимо, спокойно и безразлично.

Я думал, что она поднимет тревогу, бросится на меня. Но она молча отступила назад, за дверью грациозно покружилась,

глядя на свои взметнувшиеся юбки; покачивая бедрами, вышла на середину зала, подняла маску, спрятала лицо за белым черепом и тихо сказала:

«Лестат! Твой друг Луи пришел и зовет тебя. Поторопись, Лестат!»

Она опустила маску, и откуда-то в ответ на ее слова прожурчал тихий смех. Я вошел в зал: там собралось все общество. Одни сидели по углам и вдоль стен, молча предаваясь своим мыслям, другие тихо переговаривались. В одном из кресел я увидел сгорбленную фигуру Лестата. Он увидел меня и отвернулся. Он что-то сжимал в руках, но в полумраке я не мог разглядеть что. Я подошел поближе. Он медленно поднял глаза, спутанные светлые волосы падали ему на лоб. Он смотрел на меня со страхом. Потом перевел взгляд на Армана. Тот неторопливо твердыми шагами двинулся вперед по залу, и вампиры расступались перед ним, ловили каждое его движение. Селеста поклонилась и приветствовала его словами:

«Здравствуйте, монсеньор».

Арман даже не взглянул на нее, остановился перед Лестатом и спросил:

«Ты доволен?»

Серые глаза Лестата смотрели на него удивленно, и я увидел, что они полны слез. Голос не повиновался ему.

«Да...» — прошептал он наконец. Он прятал что-то в черных складках плаща.

«Луи,— сказал он голосом глубоким, полным невыносимого страдания.— Пожалуйста, выслушай меня. Ты должен ко мне вернуться...»

Он осекся и опустил голову, словно ему стало стыдно.

Где-то в темноте засмеялся Сантьяго.

«Ты должен уехать из Парижа,— тихо сказал Арман Лестату.— Ты изгоняешься из общества».

Лестат закрыл глаза, боль преобразила его лицо. Мне показалось, что передо мной его двойник — живое, раненое, глубоко чувствующее существо, которого я никогда не знал.

«Пожалуйста,— тихо сказал он, глядя на меня с мольбой.— Я не могу говорить с тобой здесь! Ты не поймешь! Поезжай со мной... ненадолго... пока я снова не стану собой»,— прошептал он.

«Это какое-то безумие!..— Я сжал виски.— Где она? Где она? — Я огляделся: непроницаемые улыбки застыли на неподвижных лицах вампиров.— Лестат!» — Я повернулся к нему и потянул за рукав плаща.

И тут я увидел, что у него в руках. У меня оборвалось сердце. Это было желтое шелковое платьице Клодии. Я вырвал его у Лестата, смотрел на него невидящими глазами. Лестат поднес руку к трясущимся губам и отвернулся. Глухие рыдания вырвались из его груди, а я смотрел на платье, водил непослушными пальцами по маленьким красным пятнышкам слез, мои руки дрожали, я судорожно прижал платье к груди.

Не знаю, сколько я так стоял, может быть, вечность. Ведь время не властно надо мной и над ними тоже, они прогуливались вокруг меня в полумраке, смеялись своим бессмертным, неземным смехом. Я не желал больше их слышать, хотел зажать уши, но не мог выпустить платье и старался скомкать его и уместить в одной руке. Вдруг одна за другой загорелись свечи, неровный ряд свечей вдоль разрисованной стены, и я увидел в стене дверь, широко распахнутую прямо в дождь. Ветер сдувал пламя, свечи шипели, но не гасли. И я понял, что Клодия там, за дверью. Вдруг свечи ожили, тронулись с места — их держали вампиры. Сантьяго поклонился и жестом предложил мне пройти за дверь. Я едва взглянул на него. Мне не было никакого дела до них. Внутренний голос говорил мне: «Если ты станешь думать об этих убийцах, то сойдешь с ума. Что тебе до них? Думай только о ней. Где она? Ты должен ее найти». Их смех стал отдаляться от меня. И растворился в шуме ветра.

И я шагнул навстречу ветру, и давняя, знакомая картина предстала моим глазам. Никто из них не мог знать, что я уже видел такое. Но нет, Лестат знал, только разве это важно? Он не поймет, он уже не вспомнит, как мы стояли в дверях старой кирпичной кухни на Рю-Рояль и смотрели на два мертвых тела: мать и дочь обнимали друг друга на склизком каменном полу. Но здесь, под тихим парижским дождем, лежали другие двое — Клодия и Мадлен. Рыжие кудри Мадлен перепутались с золотыми кудрями Клодии, ветер шевелил их волосы. Солнечные лучи спалили живую плоть, остались только эти волосы, только длинное бархатное платье Мадлен и запятнанная кровью маленькая белая кружевная сорочка. В черных, обугленных остан-

ках еще можно было угадать черты Мадлен, ее рука, обнявшая Клодию, сохранила свою форму, но мое дитя, моя вечная подруга, моя маленькая девочка превратилась в пепел.

Страшный, дикий, звериный крик разорвал мне грудь; словно вихрь закружился в этом каменном колодце; дождь падал на мертвый прах, смывал с мостовой черный отпечаток маленькой детской ладони; золотые волосы взлетали под ветром. Удар оборвал мой крик. Я повернулся и увидел Сантьяго. Я вцепился в него, я должен был его уничтожить, превратить в кровавое месиво это белое ухмыляющееся лицо, свернуть ему шею; он не мог вырваться из моих железных рук, кричал от боли, и его вопль смешался с моим криком. Его башмак наступил на ее останки, я поднял его в воздух и отшвырнул; он упал и вытянул руку, защищаясь. Слезы и дождь заливали мне лицо, я ослеп, тянулся к его горлу, но чьи-то руки держали меня. Это были руки Армана, я сопротивлялся, но он обхватил меня и потянул прочь, назад, в зал с фресками, к дикому смешению красок, криков, голосов; назад к омерзительному, сухому, серебристому смеху.

Я слышал где-то вдали голос Лестата, он звал меня:

«Луи, подожди, Луи, мне нужно поговорить с тобой!»

Я смотрел в темные бездонные глаза Армана. Странная слабость объяла меня, и даже мысль о смерти Клодии и Мадлен стала какой-то расплывчатой и смутной. Тихий, еле слышный голос Армана повторял:

«Я ничего не мог сделать. Я не мог это предотвратить...»

Они умерли, просто умерли — и все. Сантьяго все еще лежал рядом с прахом, и ветер все так же трепал разметавшиеся золотые локоны Клодии, но мои глаза уже не различали никого. Я потерял разум.

Я не мог забрать их останки из этого проклятого места. Арман поддерживал меня, почти нес через незнакомую огромную комнату с деревянными стенами и полом, и наши медленные спотыкающиеся шаги отдавались гулким эхом. Мы вышли на улицу, я почувствовал запах лошадей и кожаной упряжи, впереди тянулась бесконечная вереница экипажей. Я побежал вниз по бульвару Капуцинов, в руках у меня был маленький детский гробик; люди расступались передо мной, шептали что-то, показывали на меня пальцами. Я оступился и едва не упал,

но Арман удержал меня. Он все время был рядом. Его глубокие глаза снова очутились передо мной, и я опять стал проваливаться в дремотное, полуобморочное состояние. Но я двигался, брел дальше, глядя вниз, на свои блестящие башмаки.

«Должно быть, он сошел с ума.— Я говорил про Лестата намеренно резко и зло, черпая утешение в звуках собственного голоса. Затем я громко расхохотался.— Он окончательно спятил! Ты слышал, что он мне сказал?» — сказал я Арману.

Его глаза говорили: «Забудься. Усни». Я хотел сказать что-то про Клодию и Мадлен, что мы не должны оставлять их там, но промолчал, чувствуя, что в моей душе поднимается тот же звериный крик. Мне пришлось стиснуть зубы, ибо он был так страшен, так силен, что разорвал бы на части меня самого, если б вырвался на волю.

И вдруг я снова ясно увидел весь этот ужас. Я зашагал дальше по бульвару, агрессивно и слепо, как человек в тяжелом опьянении, охваченный чувством ненависти и превосходства. Так шел я по темным улицам Нового Орлеана в ночь первой встречи с Лестатом, натыкаясь на столбы, ограды, стены домов, но умудряясь не падать и следовать по правильному пути. Вдруг я увидел трясущиеся руки пьяного — он не мог совладать со спичками. Наконец вспыхнуло пламя, его трубка задымилась. Я поднял глаза: я стоял перед входом в кафе, а человек с трубкой сидел внутри и пристально смотрел на меня сквозь стеклянную дверь. И он вовсе не был пьян. Арман стоял рядом и ждал. Вокруг нас шумел и сверкал огнями бульвар Капуцинов... или бульвар Тамплиеров? Не помню. Меня охватила неистовая ярость. Неужели Мадлен и Клодия так и останутся в этом проклятом месте? Я видел, как Сантьяго попирает ногами прах моего ребенка! Я зарычал, стиснув зубы. Человек за стеклом вскочил, и лицо его скрылось за сизым облаком.

«Убирайся прочь от меня,— сказал я Арману.— Будь ты проклят! Не приближайся ко мне. Не подходи ко мне!» Я повернулся и пошел прочь вдоль бульвара. Какая-то парочка шарахнулась в сторону, мужчина выставил руку вперед, защищая свою спутницу.

Я побежал. Люди смотрели на меня, недоумевая, что это за дикое, белое, светящееся существо только что мелькнуло перед глазами. Скоро я остановился. Меня мутило. Мучительная

жажда сжигала меня, надо было напиться свежей крови. От этой мысли меня чуть не вырвало. Я присел на каменные ступеньки у входа в маленькую церковь, уже запертую на ночь. Дождь медленно затихал, или мне так казалось. Улица была тихой, мрачной и пустынной. Лишь однажды где-то вдалеке промелькнул и скрылся во мраке запоздалый прохожий с черным блестящим зонтом. На другой стороне в тени деревьев стоял Арман. Позади него из густых зарослей травы и кустов поднимался теплый белый пар.

Я заставил себя думать только о головной боли и голодных спазмах в желудке и сумел немного успокоиться. Постепенно мои чувства приобрели ясность и отчетливость, и я позволил себе мысленно вернуться к случившемуся. Подумал, что мы так далеко от театра, а Мадлен и Клодия все еще там. Жертвы жестокого солнца, умершие в объятиях друг друга. В моей душе родилась какая-то решимость. Я был готов на все.

«Я ничего не мог сделать»,— тихо сказал Арман. Невыразимая печаль застыла в его глазах.

Я посмотрел на него: он отвернулся, как будто понял, что бесполезно уговаривать меня. Его надежды рушились. Я знал, что, если стану сейчас обвинять его, он не будет оправдываться. Он только бессильно повторял:

«Я ничего не мог сделать».

«Неправда, ты все мог! — тихо сказал я.— Ты и сам это знаешь. Ты их предводитель, ты главный. Никто, кроме тебя, не знал и не знает истинных границ твоей власти. У них нет твоего разума, твоего понимания».

Он все еще смотрел в сторону, но мои слова тронули его. Он устало и обреченно вздохнул.

«Ты управлял ими. Они боялись тебя! — продолжал я.— Ты сумел бы остановить их, если б захотел, если б вышел за рамки, установленные тобою самим. Но ты не стал переступать через себя и свое драгоценное стремление к истине и покою! Я отлично понимаю тебя, потому что вижу в тебе отражение самого себя!»

Он молча взглянул мне в глаза. Его лицо исказила невыносимая боль, почти отчаяние. Он еле сдерживал себя и боялся этого чувства. А я ничего не боялся. Потому что это моя боль сейчас

мучила его, многократно усиленная его способностью сопереживать. Но я не сочувствовал ему. Мне было все равно.

«Да, я понимаю тебя слишком хорошо,— повторил я.— Бездействие — вот настоящее зло, вот причина всех моих несчастий. Моя слабость, нежелание отвергнуть глупую извращенную мораль и непомерное тщеславие! Именно из-за этого я и стал вампиром, хотя понимал, что это неправильно. Из-за своей слабости я позволил сделать вампиром и Клодию и тоже знал, что это плохо. Стоял и смотрел, как она убивает Лестата, и чувствовал, что тем самым она делает шаг навстречу собственной гибели, но даже палец о палец не ударил, чтобы помешать ей. А Мадлен? Мадлен! Что я с ней сделал? Ведь и тогда знал, что этого нельзя допустить! И теперь с меня довольно! Не желаю больше быть жалким, никчемным существом, вопреки своей воле прядущим нити зла, пока они не совьются в огромную прочную сеть и я сам, жертва собственной глупости, не окажусь в ее плену! Я знаю, что надо делать, и хочу предупредить тебя. Предупредить, потому что ты спас мне жизнь сегодня, вытащил меня из могилы; не возвращайся в свою келью и не приближайся к Театру вампиров!»

Я не стал дожидаться его ответа. Может быть, он и не хотел отвечать. Не знаю. Я ушел и ни разу не обернулся. Может быть, он шел за мной, но я ничего не хотел об этом знать. Мне было все равно.

Я отправился на Монмартр, на кладбище. Не знаю, почему я выбрал именно его. Может быть, потому, что это недалеко от бульвара Капуцинов. В то время Монмартр еще был окраиной, темной, тихой, спокойной. Блуждая в потемках между низенькими домиками и прилепившимися к ним огородами, я отыскал себе жертву и поспешно, без удовольствия насытился. Потом отыскал могилу, где мне предстояло провести следующий день. Я нашел подходящий, еще не успевший сгнить гроб, выскреб из него полуистлевшие останки голыми руками и улегся в грязную и мокрую постель, смердящую смертью. Не могу сказать, что там было уютно, но именно этого я хотел. Запертый в темноте, вдали от людей и прочих двуногих созданий, вдыхая запах сырой земли, я наконец смог отрешиться от переполнявшей меня скорби.

Скоро я забылся тяжелым сном, и мучения кончились.

Но ненадолго. Проснулся я, когда холодное и тусклое зимнее солнце уже зашло. Как это обычно бывает зимой, я почти сразу обрел способность ясно чувствовать. Вокруг в кромешной тьме сновали толпы живых тварей — постоянные обитатели гроба. Они разбежались во все стороны при моем воскрешении к жизни. Я неторопливо выбрался наружу под призрачный свет луны, с наслаждением прикасаясь к холодной, гладкой мраморной плите, которая послужила мне убежищем. Блуждая среди могил, я обдумывал еще и еще раз свой план. Я ставил на карту собственную жизнь. Но надеялся выиграть и обрести свободу распоряжаться ею: не бояться потерять ее и, если нужно, решиться отдать.

В одном огороде возле изгороди я заметил то, что смутно уже присутствовало в моих мыслях. Это была небольшая коса с острым, искривленным лезвием, к нему прилипли прошлогодние травинки, засохшие, но все еще зеленые. Стоило мне протереть его, провести пальцами по потемневшему от времени и непогоды металлу, как мой план обрел ясность и завершенность. Прежде всего надо найти кучера с экипажем и нанять его на несколько дней. Мне не составило труда отыскать подходящего возницу, соблазнив его щедрым авансом и обещанием заплатить еще больше. Я распорядился, чтобы в карету из нашего номера перенесли ящик с гробом и другие необходимые вещи. Потом последовало несколько долгих и утомительных часов: я притворялся, что пью вместе с кучером, болтал с ним о самых разных вещах и наконец договорился, что он за очень крупную сумму перевезет меня на рассвете из Парижа в Фонтенбло. Я сказал ему, что всю дорогу буду спать, потому что у меня хрупкое здоровье, и меня нельзя тревожить ни под каким предлогом. Последнее условие было настолько существенным, что я пообещал вознице отдельную плату за его безукоризненное выполнение: он не должен даже прикасаться к дверце кареты, пока я сам не выйду из нее.

Я убедился, что он согласен на мои условия и пьян настолько, что забыл обо всем, кроме предстоящей поездки в Фонтенбло. Мы медленно и осторожно отправились в путь и вскоре выехали на улицу, где находился Театр вампиров. Неподалеку

от него мы остановились, но я остался внутри и подождал, пока начнет светать.

Театр уже заперли в преддверии наступающего дня. Примерно за четверть часа до рассвета я выскользнул из экипажа и прокрался к зданию. Я знал, что там, в подземных этажах, далеко внизу, вампиры уже лежат в своих гробах. Но даже если б кто-нибудь их них запоздал и вернулся домой в самую последнюю минуту, он вряд ли бы обратил внимание на мои приготовления. Я накрепко заколотил главный вход досками. Какой-то ранний прохожий застал меня за этим занятием, но прошел мимо — наверное, подумал, что я прибиваю табличку с именем владельца. Я опасался только, что могу столкнуться с продавцами билетов, швейцарами и прочей прислугой, которая, как я предполагал, приходила в театр на рассвете, чтобы охранять дневной сон вампиров.

Я приказал вознице поставить экипаж в переулке, куда выходила потайная дверь Армана, и прихватил с собой два бочонка с керосином.

Как я и надеялся, мне с легкостью удалось повернуть ключ в замке. Первым делом я убедился, что келья Армана пуста. Вняв моему предостережению, он исчез, и забрал все, кроме мебели. Торопливо я откупорил один бочонок и, катя перед собой второй, двинулся к лестнице. В спешке я разбрызгивал керосин на деревянные перекрытия и двери комнат. Запах оказался настолько силен, что он мог поднять тревогу гораздо скорее, чем любой, даже самый громкий, шум. Я замер на лестнице, прислушиваясь, с бочонками и с косой в руках, но не услышал ничего — ни малейшего признака присутствия в здании охраны или самих вампиров. Стискивая рукоять косы, я медленно поднимался по каменным ступенькам к залу. Там тоже было пусто, как в коридоре и на лестнице, и никто не видел, как я смачивал горючей жидкостью набитые конским волосом сиденья кресел и тяжелые бархатные портьеры. На секунду я замешкался возле двери, за которой лежали Клодия и Мадлен. Мне захотелось отворить ее и бросить на них прощальный взгляд. Это желание было так велико, что я чуть было не забыл, зачем пришел сюда, и едва не выронил из рук полупустой бочонок. Но свет уже пробивался сквозь щели в старых досках и, встрепенувшись, я вспомнил, что надо торопиться. Мадлен и Клодия

мертвы. Зачем мне смотреть на их почерневшие останки и спутанные волосы? Я вышел из зала и побежал по незнакомым темным коридорам, обливая керосином деревянные двери. Я кинулся наверх, в фойе театра, едва освещенное холодным серым светом сквозь неплотно закрытые ставни на окнах и главный вход в здание, только что заколоченный мной. Потом я вошел в зрительный зал и вылил остатки керосина на огромный бархатный занавес, кресла и портьеры.

Второй бочонок опустел, я отшвырнул его в сторону и достал приготовленный факел. Намотанные на дерево пропитанные керосином тряпки вспыхнули, стоило только поднести к ним зажженную спичку. Я поджег одно за другим несколько кресел — и яркие язычки пламени заплясали на толстой шелковой обивке. В следующий миг я уже был на сцене, и огонь весело побежал по темпому занавесу.

Скоро в театре стало светло как днем. Мне показалось, что весь костяк здания заскрипел и застонал — пламя с ревом устремилось вверх по стенам, достигло высокой арки на авансцене и лепных завитушек на балконах верхних лож. Но у меня не осталось времени насладиться этим зрелищем, страшными запахами и звуками, наполнявшими мою душу кровожадной радостью. Я поспешил назад, вниз, добрался до зала фресок и поджег факелом кресла, портьеры — одним словом, все, что могло гореть.

В комнатах наверху поднялся шум, раздались громкие удары по доскам. Мой слух безошибочно различил скрип отворяемой двери. Бежать поздно, сказал я себе и покрепче сжал в руках косу и факел. Здание пылало, как гигантский погребальный костер. Они все должны погибнуть. Я сбежал вниз по лестнице, далекий крик прорвался сквозь треск горящего дерева и рев пламени. Балки над моей головой вспыхивали от одного прикосновения факела. Я снова услышал крик, и уже не сомневался, что это Сантьяго. У лестницы я обернулся и разглядел его темную фигуру; он торопливо спускался за мной следом. Его глаза слезились, он хрипло кашлял от едкого, густого дыма. Он тянул ко мне руки и бормотал:

«Ты... ты... проклятие!»

Я замер, щурясь от дыма, глаза наполнялись жгучей, слепящей влагой, но я смотрел на него, следил за каждым его дви-

жением. Сантьяго мчался на меня так быстро, что почти превратился в невидимку. Наконец его темный, плохо различимый в дыму силуэт очутился передо мной. В тот же миг я взмахнул косой и резким ударом перерезал ему горло. Он упал, хватаясь за страшную рану. Воздух зазвенел от новых душераздирающих воплей, за спиной поверженного Сантьяго показалось еще одно смертельно бледное лицо, белая маска ужаса. Кто-то уже бежал по коридору к потайной двери Армана. Но я стоял и смотрел на Сантьяго, он поднялся, несмотря на рану. Я снова взмахнул косой, и рана исчезла. И голова тоже. Только две руки хватались за пустое место.

Кровь фонтаном ударила из отсеченной шеи, и голова с дико выпученными глазами и спутанными темными волосами, мокрыми от крови, упала к моим ногам. Я пнул ее изо всех сил, и она, кувыркаясь в воздухе, полетела по коридору. Я отбросил факел и косу, выбежал на улицу. Я прикрывал лицо ладонями от нестерпимого белого сияния. Уже совсем рассвело.

Струи дождя превратились перед моими полуослепшими глазами в сверкающие нити. Щурясь, я с трудом разглядел темное пятно кареты на фоне светлого неба. Дремавший возница встрепенулся, услышав мою хриплую команду, и его неуклюжая рука тут же потянулась за кнутом. Экипаж накренился — я резко рванул за ручку дверцы. Лошади во весь опор уносили нас прочь от театра, я поспешно открыл гроб, кое-как втиснулся в него и захлопнул крышку. Холодный шелк нежно касался обожженных рук.

Мы гнали все быстрей, прочь от пожара, но меня преследовал запах дыма; ветер разнес его по всей округе, он обжигал глаза и легкие. Лоб и ладони горели от ожогов, от первых лучей восходящего солнца.

Но мы уносились прочь из Парижа, позади остался удушливый черный дым и отчаянные крики. Мой план удался. Театр вампиров сгорел дотла.

Я опустил усталую голову на мягкий шелк и мысленно представил себе Мадлен и Клодию: вот они обнимают друг друга на земле в сером угрюмом дворике под холодным зимним дождем. Я наклонился поближе к их волосам, волшебно сверкающим в тусклом свете свечей, и прошептал:

«Простите меня: я не смог забрать вас с собой. Но их истлевшие кости усеют землю вокруг вас. Если не огонь, так солнце

довершит начатое мной. Люди придут тушить пожар, найдут их и выставят на свет. Я обещаю вам: они умрут все до единого, как умерли вы. И первый раз за долгую жизнь я совершил убийство с легкой душой и во имя справедливости».

— Я вернулся в Париж спустя два дня. Я должен был собственными глазами увидеть подвал, затопленный дождевой водой, обгоревшие, крошащиеся в руках кирпичи и почерневшие балки, сиротливо торчащие из руин. Я подошел поближе к пожарищу и разглядел обломки фресок на булыжной мостовой: тут — нарисованное лицо, там — кусочек ангелова крыла, все остальное неразличимо.

Я купил вечерние газеты, протолкался сквозь толпу в маленькое кафе напротив театра.

В тусклом свете газовых фонарей и густом облаке табачного дыма над столиками я прочитал сообщения о пожаре. Всего лишь несколько скелетов было найдено в сгоревшем театре, хотя удалось обнаружить сценические костюмы и обычную одежду, раскиданную повсюду в беспорядке, словно знаменитые актеры, изображавшие вампиров, спешно покинули театр незадолго до пожара. Из этого я понял, что от самых молодых вампиров остались кости, а старые сгорели дотла. В газете ничего не сообщалось о свидетелях пожара или выживших жертвах. Да и кто бы смог выбраться живым из этого пламени?

Только одно настораживало меня. Я не боялся оставшихся в живых и не собирался устраивать за ними охоту. Я не сомневался, что почти все сгорели. Но куда же делись люди, охрана? Я точно помнил, что Сантьяго говорил про охрану, а ведь были еще швейцары, билетеры и другие слуги. Для них я и приготовил косу. Но их там не было. Странно. Я ничего не мог понять, и это тревожило меня.

Я отложил газеты, обдумал все заново и решил, что из-за этого не надо переживать. Какая разница? Самое страшное, что я остался один, один в целом свете. И Клодия никогда не вернется ко мне. Без нее моя жизнь бессмысленна. Я не хотел жить. Хотел умереть, сильнее, чем когда бы то ни было.

Но это отчаяние не сломило меня, не овладело моей душой, и я не сдался, не превратился в жалкое, ничтожное создание. Наверное, страдания, пережитые мною над прахом Клодии,

оказались слишком мучительными, чтобы длиться долго. Потому что иначе я не смог бы прожить ни минуты. Время шло, а я все сидел в табачном дыму и смотрел на эстраду. Занавес поднимался и опускался, на сцене появлялись женщины, они пели звучными, мягкими голосами, нежно и грустно, их поддельные драгоценности волшебно сверкали в огнях. Я думал, что с людьми тоже так бывает, они тоже теряют близких и тогда ищут сочувствия, утешения, делят горе с другими. Как это возможно? Я никому сейчас не стал бы доверять свою боль. Мои слезы ничего не значили для меня.

А если не умереть, то куда же мне идти? Но скоро я получил ответ. Я вышел из кафе, покружил вокруг пепелища, свернул на широкую Наполеон-авеню и пошел к Лувру.

Странно, мне казалось, будто это место зовет меня, хотя прежде я никогда там не был. Тысячи раз я проходил мимо длинного фасада и жалел, что не могу стать человеком всего на один день, чтобы пройтись по великолепным залам и увидеть прекрасные полотна. Но теперь я твердо решился осуществить давнюю мечту. Подумал, что искусство подарит мне утешение и не надо будет убивать. Я не мог принести смерть неживым, но все же одушевленным картинам.

Вдруг я услышал за спиной знакомые шаги: Арман давал мне знать, что он рядом. Я замедлил шаг, позволил ему догнать меня. Мы долго шли молча. Я не смел взглянуть на него. Конечно, я никогда не переставал думать о нем. Будь мы людьми, а Клодия — моей невестой, сейчас я беспомощно упал бы в его объятия, чтобы поделиться с кем-то своим горем. Это желание было так сильно, что я еле сдерживал себя. Но ничего не случилось. Мы просто шли рядом и молчали.

«Ты знаешь, что я сделал,— сказал я наконец. Мы свернули с Наполеон-авеню, и впереди показался длинный ряд двойных колонн Лувра.— Ты вовремя забрал свой гроб...»

«Да»,— ответил он коротко. Спокойное, глубокое понимание слышалось в его голосе. Я почувствовал, что слабею. Устал от этой боли.

«И все же ты здесь, со мной. Ты хочешь отомстить мне?»

«Нет»,— так же коротко ответил он.

«Но они же твои товарищи, ты был у них главный,— удивленно сказал я.— И ты не предупредил их?»

«Нет»,— повторил он.

«Но ты теперь наверняка презираешь меня. Ведь ты чтишь законы собратьев».

«Нет»,— ответил он.

Неумолимая логика заключалась в его ответах, но я не мог ни понять, ни объяснить ее. Вдруг из глубин моего сознания всплыл другой вопрос:

«Охрана, куда она делась? Почему они не защищали вампиров?»

«Потому что это я нанимал их, и я же уволил их накануне пожара»,— ответил Арман.

Я остановился. Он уже не прятал глаза, как в прошлый раз, наши взгляды встретились, и мне вдруг захотелось, чтобы мир восстал из руин, засыпанных черным пеплом, чтобы он был светел и прекрасен, и мы были бы живы и любили друг друга.

«Ты знал, что я замышляю, и отпустил охрану?» — спросил я.

«Да»,— кивнул Арман.

«Но ты же был их вождем! Они доверяли тебе. Они верили в тебя. В конце концов, они жили с тобой под одной крышей! Я не понимаю почему?..»

«Выбери себе любой ответ,— сказал он спокойно и мягко, без грубости или высокомерия, просто желая, чтобы я понял его.— Можно найти много ответов. Возьми любой и поверь в него. Я могу дать тебе подходящее объяснение, только далекое от истины: я собирался уехать из Парижа. Театр, как известно, принадлежит мне, вот я их и уволил».

«Но, зная то, что ты знал...»

«Говорю тебе, это подходящая, но далекая от истинной причина»,— терпеливо объяснил он.

«Ты и меня убьешь с той же легкостью, с какой оставил их погибать?»

«Зачем?» — спросил он.

«Боже...» — прошептал я.

«Да, ты сильно изменился,— сказал он.— Но все же ты остался прежним».

Я отвернулся и молча пошел дальше. Мы остановились у входа в Лувр. Сперва мне показалось, что окна дворца темны, и только лунный свет отражается в них мягким, таинственным серебром. Но я пригляделся и заметил, что слабый огонек мед-

ленно движется внутри. Наверное, это сторож проверял залы. Как я завидовал ему! Я стал думать о стороже, прикидывать, как можно забраться внутрь и отобрать у него фонарь и ключи вместе с жизнью. Какая глупость! Я не способен придумывать планы. За всю жизнь только один удался мне.

И я сдался. Повернулся лицом к Арману, мой взгляд проник в глубину его волшебных глаз, и я стоял завороженный, он приблизился ко мне, медленно, как к жертве. Я опустил голову, он обнял меня за плечи, и вдруг я вспомнил едва ли не последние слова, сказанные мне Клодией: я способен любить Армана уже потому, что мог любить даже ее. И понял, что в их насмешливой иронии скрывался смысл куда более глубокий, чем она сама могла предположить.

«Да,— тихо сказал я Арману.— Это и есть венец зла. Мы способны зайти так далеко, что можем даже любить друг друга. Ты и я. Кто же еще подарит нам хоть крупицу любви, сострадания и милосердия? Кто еще, зная нас так, как знаем себя мы, сделает хоть что-нибудь ради нас? Нет, только мы и способны любить друг друга».

Он долго молчал, потом пододвинулся еще ближе, склонил голову набок, губы раскрылись, точно он собирался что-то сказать, но он только улыбнулся и покачал головой, признаваясь, что не понял моих слов.

Но я уже не думал о нем, как и обо всем остальном на свете. Наступила одна из тех редких минут, когда я вообще ни о чем не думал. Я поднял голову: дождь кончился, холодный воздух был чист и прозрачен, огни отражались на мокрой мостовой. Я хотел попасть в Лувр еще до рассвета и сказал об этом Арману, попросив его помочь мне.

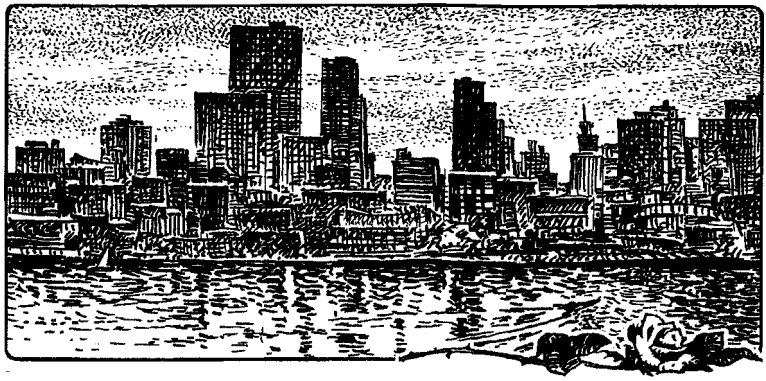
«Но это очень просто»,— ответил он. И только удивился, почему я ждал так долго.

— Вскоре мы уехали из Парижа. Я сказал Арману, что хочу еще раз побывать на Средиземном море, но не в Греции, о которой так долго мечтал, а в Египте. Мне хотелось увидеть пустыни, а самое главное — пирамиды и усыпальницы древних правителей этой страны. Я даже подумывал, что стоит познакомиться с ворами — охотниками за богатством мертвых фараонов, ведь они знают гробницы лучше любых ученых. Я собирал-

ся забраться в еще не открытые гробницы, чтобы посмотреть на не тронутые человеком мумии, их одежду и украшения и настенные рисунки. Арман охотно согласился, и однажды ранним вечером мы покинули Париж, без прощания и без оглядки.

Но накануне отъезда я зашел в наш номер в гостинице «Сент-Габриэль». Я хотел забрать кое-какие вещи Клодии и Мадлен, чтобы положить их в гробы и похоронить на том маленьком кладбище на Монмартре. Я прошел по пустым комнатам, все было убрано и разложено по местам, и казалось, что Клодия и Мадлен вот-вот вернутся. Обручальное кольцо Мадлен осталось на маленьком столике рядом с ее шитьем. Я посмотрел на него, окинул взглядом гостиную и понял, что задуманное мной лишено всякого смысла. Я ничего не взял, вышел и тихо притворил за собой дверь.

Но там, в пустом номере, мне вдруг ясно открылась вся глубина происшедшей со мной перемены. Я шел в Лувр, чтобы примириться со своей душой, думал, что встречусь с чем-то удивительным и прекрасным и смогу забыть себя и свою боль. Только эта мысль и поддерживала меня. И вот теперь я стоял на тротуаре у входа в гостиницу и ждал экипаж; люди суетились вокруг — обычная вечерняя толпа: нарядные парочки, разносчики газет, носильщики, извозчики... Но я смотрел на них другими, новыми глазами. Раньше я надеялся, что искусство поможет мне глубже постичь человеческую душу. Но теперь она не значила для меня ничего. Ненависти к людям не было во мне — я просто перестал их замечать. Прекрасные полотна Лувра не имели ничего общего с руками, сотворившими их. Они были свободны от своих создателей и мертвы. Как разлученная с матерью Клодия, как фарфоровые куклы Мадлен. Да, эти полотна были похожи на нас. На Клодию, на Мадлен и на меня самого... Потому что они тоже могли превратиться в пепел.

Часть IV

Вот и конец этой истории. Наверное, вам интересно, что же случилось с нами потом — что стало с Арманом, где я побывал, что делал. Я скажу вам: ничего не случилось. Просто мои мысли в последний вечер в Париже оказались пророческими.

С тех пор я так и не изменился.

Человеческие перемены перестали касаться меня. Я по-прежнему воспринимал и любил красоту мира, но ничего не мог дать человечеству взамен. Я поглощал прекрасное, как вампир высасывает кровь. И был доволен, впечатления переполняли меня. Но я был мертв. Окончательно и бесповоротно. История моей жизни закончилась в Париже.

Долгое время я считал, что тому виной смерть Клодии, что, если бы Клодия и Мадлен успели уехать из Парижа и остались бы живы, у нас с Арманом все могло бы сложиться по-другому. Я бы по-прежнему страдал и любил и попытался бы отыскать для себя некое подобие смертной жизни, пусть нечеловеческое, но яркое и разнообразное. Но потом я понял, что это самообман. Даже если бы Клодия осталась жива и не было бы причин презирать Армана за то, что он позволил убить ее, все закончилось бы тем же самым. Какая разница — постигать зло постепенно или столкнуться с ним сразу? Я ничего больше не хотел и съежился, как паук в пламени спички. И даже Арман, мой по-

стоянный и единственный спутник, оказался где-то вдали, за завесой, которая отделяла меня от всего мира. Завесой, похожей на саван.

Я знаю, вы хотите узнать, что же случилось с Арманом. Скоро рассвет. И я должен успеть рассказать вам, что было дальше. Без этого история останется незавершенной.

Мы отправились путешествовать. Египет, Греция, Италия, Малая Азия — куда глаза глядят и куда влечет тяга к искусству. В те годы я мог смотреть на самые простые вещи: на окно собора, картину в музее, красивую скульптуру — и время переставало существовать.

И все эти годы во мне жила смутная, но неотступная мечта — вернуться в Новый Орлеан. Я всегда думал про него. И в тропиках, и в странах, где растут те же цветы, что в Луизиане, тяга к дому оставалась единственным моим желанием, выходящим за рамки бесконечного стремления к искусству. Иногда Арман просил меня отвезти его в Новый Орлеан. Я так редко радовал его, часто и без предупреждения исчезал и никогда сам не искал его. И подумал: а что, если поехать в Новый Орлеан только ради него? Мне казалось, так я смогу забыть свой страх — я боялся, что там, в Новом Орлеане, призрак прежних страданий снова настигнет меня. Но даже ради него я не решился поехать. Этот страх оказался сильнее меня: мы отправились в Америку, но поселились в Нью-Йорке. Я откладывал и откладывал поездку в Новый Орлеан. Но случилось так, что Арман нашел способ уговорить меня.

Он признался, что Лестат не погиб в Театре вампиров. Я был уверен, что Лестат мертв, Арман всегда говорил, что все они сгорели. Но оказалось, это не так. В ту ночь, когда я убежал от Армана и спрятался на Монмартрском кладбище, Лестат покинул театр. Два вампира, обращенные его же учителем, помогли ему попасть на корабль до Нового Орлеана.

Не могу передать, какие чувства нахлынули на меня. Конечно, Арман сказал, что скрывал это от меня, чтобы уберечь от ненужных страданий: ведь я мог нуститься в далекое путешествие только ради мести. Но мпе было все равно. Той ночью, когда я поджег театр, я думал не о Лестате, а о Сантьяго, Селесте — о тех, кто убил Клодию. Лестат же вызывал у меня другие

чувства, их я не доверял никому и хотел забыть. Но ненависти среди них не было.

Арман рассказал мне правду о Лестате, и завеса, защищавшая меня от мира, стала тонкой и прозрачной, и, хотя она не исчезла совсем, я уже воспринимал сквозь нее Лестата и хотел увидеться с ним. Ведомый этим желанием, я возвратился в Новый Орлеан.

В том году весна была поздняя. Я вышел из здания вокзала и сразу понял, что действительно попал домой. Воздух был полон особенным, родным запахом, и я с необычайной легкостью ступал по гладкой теплой мостовой под знакомыми дубами, прислушиваясь к живому, беспокойному дыханию ночи.

Конечно, город изменился. Но я не сетовал на эти перемены, я был благодарен за то, что осталось прежним. На окраине города, в районе Садового квартала — в мои времена это был пригород Фобур Сент-Мари,— я отыскал величавые особняки из далекого прошлого, тихие брусчатые переулки; прогуливался под магнолиями и узнавал ту же свежесть и покой, что и в былые дни, угадывал сходство с темными улочками Вье-Карре, с дикой природой Пон-дю-Лак. Здесь росли жимолость и розы, коринфские колонны поблескивали в свете звезд, а за воротами тянулись призрачные улицы и другие особняки... Это была цитадель благодати.

На Рю-Рояль, в стороне от туристов, антикварных лавочек, сверкающих подъездов ресторанов, я, к изумлению своему, обнаружил дом, в котором мы жили когда-то с Клодией и Лестатом. Фасад был заново оштукатурен, внутри произошли некоторые перестановки, но два французских окна все так же открывались на маленькие балкончики над входом в магазин, и я смог разглядеть в мягком свете электрической люстры элегантные обои, столь знакомые мне по тем давним дням. Это место с такой остротой напомнило мне о Лестате, даже сильнее, чем о Клодии, и я подумал, что обязательно найду Лестата в Новом Орлеане.

Арман куда-то ушел, и странная печаль охватила меня. Не прежнее всепоглощающее отчаяние, а тихая, глубокая печаль, сладкая, как благоухание роз и жасмина во дворике за железными воротами. Она ласкала меня, она навсегда связала меня с этим городом; я повернулся и пошел прочь от нашего дома, но забрал ее с собой, и она уже не оставляла меня.

Вскоре после этого я встретил в Новом Орлеане вампира. Это был холеный белолицый юноша, он любил прогуливаться в одиночку по широким тротуарам Сент-Чарльз-авеню в ранние предрассветные часы. И я ясно понял, что Лестат здесь, что вампир знает его и приведет меня к нему. Разумеется, он ни о чем не подозревал. Я уже давно научился узнавать в больших городах себе подобных и оставаться незамеченным.

В Лондоне и Риме Арман встречался с вампирами и узнал, что о поджоге Театра вампиров уже известно всему миру и нас обоих теперь считают изгоями. Эти интриги мало что значили для меня, я избегал вампиров, но за этим юношей начал следить. Он приводил меня в театры или другие увеселительные места, но я ждал совсем другого. И наконец дождался.

Был очень теплый вечер. Как всегда, я выследил его на Сент-Чарльз-авеню и сразу же понял, что он чем-то озабочен. Он торопливо свернул в какую-то узкую улочку, и я подумал, что сегодня мне повезет больше.

По дороге он зашел в первый попавшийся домик, быстро, без всякого удовольствия, умертвил женщину, взял из плетеной колыбели ребенка, закутал его в синее шерстяное одеяло и вышел обратно на улицу.

Через два квартала он замедлил шаг возле увитой виноградом железной ограды, окружавшей большой заросший двор. За деревьями был виден дом, краска облупилась на стенах, длинные витые железные перила верхней и нижней галерей заржавели. Этот дом одиноко возвышался над низкими деревянными строениями и казался обреченным. Высокие окна глядели на унылое нагромождение низких крыш, на бакалейную лавку на углу и маленький грязный бар. Большой темный сад защищал дом от мрачной округи, и мне пришлось пройти еще несколько метров вдоль ограды, прежде чем я заметил сквозь густые ветви деревьев слабый отблеск в одном из окон нижнего этажа.

Вампир вошел в ворота, ребенок заплакал, и снова все стихло. Я легко взобрался на ограду, спрыгнул в сад и бесшумно прокрался на переднее крыльцо.

Я заглянул в большое окно и увидел удивительную картину. Вечер был безветренный, душный, в такую жару лучше всего подняться на галерею, и здесь была галерея, хоть и с поломан-

ными досками, но все же прохладная. А там, в гостиной, за наглухо закрытыми окнами горел камин. Возле него сидел мой молодой знакомец и разговаривал с кем-то. С другим вампиром. Тот жался к огню, тянул ноги в тапочках к горячей решетке, пытался поглубже запахнуть поношенный синий халат. Из лепного венка роз на потолке свисали обтрепанные концы электрических проводов, но кроме камина только тусклая масляная лампа освещала комнату. Она стояла на столе рядом с плачущим ребенком.

Я удивленно смотрел на это жалкое сгорбленное существо. Его лицо скрывали пряди густых светлых волос. Мне захотелось стереть пыль с оконного стекла, чтобы убедиться в верности своих подозрений.

«Вы все бросаете меня!» — тонко и жалобно сказал он.

«Мы же не можем всю жизнь сидеть возле тебя,— резко и надменно сказал молодой вампир. Он скрестил ноги, сложил руки на узкой груди и с презрением оглядел пустую запыленную комнату.— А ну, тише,— шикнул он на ребенка.— Замолчи!»

«Дрова, дай дрова»,— слабым голосом попросил белокурый вампир и повернулся к своему собеседнику, и я наконец ясно увидел знакомый профиль Лестата, гладкую кожу — на ней не осталось и следа от былых шрамов.

Молодой вампир подбросил полено в огонь.

«Если бы ты хотя бы выходил наружу, если бы ты охотился на кого-нибудь, кроме этих ничтожных животных...» — зло сказал он и с отвращением посмотрел вокруг.

Только тут я разглядел в темноте на пыльном полу маленькие облезлые кошачьи трупы. Это было очень странно, потому что вампир не может оставаться рядом с трупами своих жертв.

«Разве ты не знаешь, что сейчас лето?»

Лестат молча протянул руки к огню. Ребенок уже не плакал. Молодой вампир сказал:

«Возьми его и согрейся».

«Ты мог бы принести мне что-нибудь другое»,— с горечью ответил Лестат и посмотрел на ребенка.

В тусклом свете чадящей лампы я поймал его взгляд. И увидел в его глазах шок. Слышать этот плачущий голос, видеть эту согнутую, дрожащую спину! Не раздумывая, я постучал в окно.

В одно мгновение молодой вампир оказался на ногах, лицо его приняло угрюмое злобное выражение. Но я только сделал знак открыть щеколду. Лестат поднялся, придерживая у горла халат.

«Это Луи! Луи! Впусти его»,— сказал он и судорожно взмахнул рукой. Так инвалид обращается к сиделке.

Окно отворилось, и на меня пахнуло зловонием душной и жаркой комнаты. Насекомые копошились в разлагающихся кошачьих телах. Лестат умолял меня войти, но я невольно отпрянул. В дальнем углу стоял гроб. На лакированной деревянной крышке лежали пожелтевшие газеты. Повсюду валялись обглоданные кости с клочками шерсти. Но Лестат уже схватил своими сухими руками мои, притянул меня к себе, поближе к теплу. Слезы брызнули из его глаз, рот растянулся в странной улыбке безумного счастья, близкого к боли; и на коже выступили едва заметные следы старых шрамов. Это было необъяснимо и ужасно: яснолицый, великолепный, бессмертный мужчина, сгорбившись, лопочет и плачет, как старуха.

«Да, Лестат,— тихо сказал я.— Я пришел повидаться с тобой».

Мягко отодвинув его руки, я подошел к ребенку. Он плакал не только от страха, но и от голода. Я взял малыша на руки и размотал одеяло, и он немного успокоился. Я погладил ребенка, покачал тихонько. Лестат что-то шептал, слезы текли по его щекам, я не мог разобрать слова. Молодой вампир с выражением отвращения на лице стоял у открытого окна и держал руку на щеколде.

«Значит, вы и есть Луи»,— сказал он. Эти слова еще сильней взволновали Лестата, он вытер слезы рукавами.

На лобик ребенка села муха, и я, невольно вздохнув, раздавил ее пальцами и бросил на пол. Малыш уже не кричал, он смотрел на меня своими необычайно синими, темно-синими глазами, его круглое личико блестело от жары, он улыбался, и его улыбка, подобно огню, становилась все ярче и ярче. Я никогда не приносил смерть такому маленькому и невинному существу, это я знал точно и держал ребенка с чувством странной, незнакомой печали; она была даже сильнее, чем тогда, на Рю-Рояль.

Нежно покачивая малыша, я пододвинул кресло к огню и сел.

«Не надо ничего говорить... Все хорошо»,— сказал я Лестату. Он с облегчением опустился в кресло и потянулся ко мне, взялся за лацканы моего пиджака.

«Но я рад тебя видеть,— проговорил он сквозь слезы,— я так мечтал, что ты вернешься... так мечтал...»

Он сморщился, словно от неясной боли, и вновь на его лице на мгновение показалась сеть шрамов. Глядя куда-то в сторону, Лестат прижал руку к уху, словно хотел защитить себя от какого-то ужасного звука.

«Я не...— начал было он и мотнул головой, его глаза затуманились, он старался раскрыть их шире.— Я не хотел этого, Луи... Этот Сантьяго... Ты же знаешь... Он не сказал мне, что они задумали».

«Это все в прошлом, Лестат»,— сказал я.

«Да-да, в прошлом,— кивнул он.— Мы не должны были... Луи, ты же ЗНАЕШЬ...— Лестат еще раз потряс головой. Казалось, в его голосе добавилось силы.— Мы не должны были делать ее одной из нас».

Он ударил кулаком в свою впалую грудь и повторил уже тише:

«Одной из нас».

ОНА. Казалось, Клодии вообще никогда не существовало, это была странная, фантастическая мечта, слишком дорогая и слишком моя, чтобы поверять ее кому-то другому. Но все это давно прошло. Я пристально взглянул на Лестата и попытался осмыслить его слова. Да, когда-то нас было трое.

«Не бойся меня, Лестат,— сказал я как будто бы самому себе.— Я не причиню тебе вреда».

«Ты вернулся ко мне, Луи? — прошептал он тонким, ломким голосом.— Ты вернулся домой, Луи, правда?»

Лестат посмотрел на меня с отчаянием, закусил губу.

«Нет, Лестат»,— я покачал головой. Он дернулся и закрыл лицо руками.

Молодой вампир холодно взглянул на меня и спросил:

«Так вы... не вернетесь к нему?»

«Нет, конечно, нет»,— ответил я. Он ухмыльнулся, будто так и знал, что все снова ляжет на его плечи, вышел на крыльцо и остановился неподалеку в ожидании.

«Я только хотел повидаться с тобой, Лестат»,— сказал я, но он будто не слышал: что-то другое отвлекало его.

Расширившимися глазами Лестат смотрел мимо меня, зажав руками уши. Затем и я услышал звук. Это выла сирена. Она приближалась, и Лестат все крепче зажмуривал глаза и зажимал уши. Сирена становилась все громче, ребенок испугался и заплакал.

«Лестат! — позвал я его сквозь детский плач. Я не мог вынести его мучений. Он обнажил зубы в ужасной гримасе боли.— Лестат, это всего лишь сирена!» — тупо сказал я.

Он вскочил, бросился ко мне, прижался ко мне. Против воли я взял его за руку. Согнувшись, Лестат спрятал лицо на моей груди, до боли сжал руку. Красные вспышки мигалки осветили комнату, и скоро все стихло.

«Луи, я не вынесу этого, не вынесу,— говорил Лестат сквозь слезы.— Помоги мне, останься со мной».

«Чего же тут бояться? Просто поехала машина».

Я посмотрел вниз, на его светлые волосы. И вдруг вспомнил его в далеком прошлом: высокий, статный джентльмен в свободной черной накидке, откинув голову назад, сочным, хорошо поставленным голосом поет веселую арию из оперы, которую мы только что слушали. Его трость постукивает в такт по булыжникам мостовой, его большие мерцающие глаза останавливаются на молодой женщине, стоящей рядом, и широкая улыбка расцветает на его лице; песня замолкает на полуслове, и на мгновение, когда их взгляды встречаются, кажется, что все зло растворилось в этом всплеске наслаждения и счастья: ты чувствуешь себя просто живым существом.

Значит, такова расплата? Эта боязнь перемен, этот животный страх...

Я должен был что-то сказать Лестату, напомнить ему о нашем бессмертии, что никто не приговаривал его к уединению в этом логове, где он окружен несомненными признаками неминуемой смерти. Но я так ничего и не сказал и знал, что никогда не скажу.

Темное море тишины снова нахлынуло на нас. Мухи роились вокруг гниющего крысиного трупа. Ребенок тихо смотрел мне в глаза, как на яркие безделушки, и ручка с ямочками ухватилась за мой палец.

Лестат встал, выпрямился, но тут же снова согнулся и упал в кресло.

«Значит, ты не останешься со мной,— вздохнул он и отвел взгляд. Но вдруг встрепенулся.— Я так хотел поговорить с тобой,— сказал он.— Той ночью, когда пришел на Рю-Рояль, я хотел только поговорить.— Он закрыл глаза, нервно вздрогнул, словно у него перехватило дыхание, как будто удары, нанесенные мной тогда, только теперь достигли цели. Глядя перед собой невидящим взором, он облизнул губы и тихим, совсем знакомым голосом сказал: — В Париж я поехал вслед за тобой...»

«О чем же ты хотел поговорить тогда? — спросил я.— Что ты хотел мне сказать?»

Я вспомнил его безумную настойчивость в Театре вампиров, хотя не думал об этом долгие годы; нет, пожалуй, вообще никогда. И сейчас говорил об этом с большой неохотой.

Но Лестат лишь улыбнулся слабой, почти виноватой улыбкой и покачал головой, тихая, смутная печаль наполняла его глаза.

И я почувствовал глубокое, невыразимое облегчение.

«Останься со мной!» — попросил он.

«Нет»,— ответил я.

«И я не останусь»,— сказал молодой вампир из темноты двора и вышел в оконный проем. Лестат взглянул на него и робко отвел глаза. Его губы дрожали.

«Закрой, скорее закрой».— Он указал пальцем на окно, и тут рыдания вырвались из его груди, он опустил голову и заплакал.

Молодой вампир ушел, быстрые шаги прошуршали по дорожке, звякнула калитка... Я остался один с Лестатом. Успокоился он не скоро, я сидел и смотрел на него и думал о том, что произошло между нами, вспоминал давным-давно забытое.

И моя прежняя печаль вернулась ко мне, как в нашем доме на Рю-Рояль; но я грустил не о Лестате, умном и веселом вампире, который жил когда-то в этом доме, эта печаль была больше, это была часть той страшной, великой тоски, и я вдруг очутился в другом времени, в другом месте. И это другое место так ясно встало перед моими глазами: комната, жужжание насекомых, запах смерти и цветущей весны. И я узнал эту комнату, узнал с такой ужасной болью, что разум отказывался воспринимать это: нет, я не хочу туда, не возвращайте меня в прошлое. И вдруг все

исчезло, и я был с Лестатом, слеза упала на круглую щечку ребенка, и это была моя слеза. Я вытер мокрые глаза и удивленно посмотрел на свои руки.

«Но, Луи,— тихо сказал Лестат,— как ты можешь быть так спокоен? Как ты можешь выносить это? — Он смотрел на меня, его губы дрожали.— Пожалуйста, Луи, объясни мне, как тебе удается понимать и выносить все это?!»

По отчаянию в глазах Лестата, по глухому тону голоса я понял, что и он с трудом подталкивает себя к чему-то очень больному, к картине из забытого прошлого. Но скоро его взгляд затуманился, он запахнул халат, качнул головой, посмотрел на огонь и глубоко вздохнул.

«Мне нужно идти»,— сказал я.

Я так устал от Лестата и от всей этой грусти. Снова захотел покоя, к которому так привык. Я поднялся и вспомнил, что у меня на руках ребенок.

Большие, полные страдания глаза взглянули на меня с гладкого вечного лица.

«Но ты ведь вернешься... навестить меня... Луи?»

Я отвернулся и пошел прочь; он звал меня, но я не слушал. На улице оглянулся: Лестат стоял у окна, он боялся выйти, и я вдруг понял, что он уже давно не был на улице и вряд ли когда-нибудь выйдет из этого дома.

Я возвратился в маленький домик, откуда молодой вампир забрал ребенка, и положил малыша обратно в его кроватку.

— Вскоре я рассказал Арману о встрече с Лестатом. Может быть, через месяц, не помню: время ничего не значило для меня. Но только не для Армана. Он удивился, что я не рассказал ему об этом сразу.

Мы прогуливались по безлюдной набережной на окраине города, там, где начинается Одубон-парк и поросший травой склон спускается к грязному берегу, захламленному прибитым течением лесом. На другом берегу едва виднелись тусклые огни заводов и компаний: крошечные красные или зеленые точки, мерцающие, как звезды. Луна освещала широкое сильное течение реки, и летняя жара отступала, прохладный ветерок поднимался от воды и тихонько колыхал мох на стволе кривого дуба.

Я срывал травинки и жевал их, хотя они были горьки и неестественны на вкус. Но сам жест выглядел так естественно... Я думал, что больше никогда не покину Новый Орлеан. Но к чему эти мысли, когда ты бессмертен? «Больше никогда» не покидать Новый Орлеан? Это слишком человеческие мысли.

«Неужели ты совсем не хотел отомстить ему?» — спросил Арман. Он лежал на траве, опершись на локоть, и внимательно смотрел на меня.

«Зачем? — ответил я спокойно, я хотел, чтобы он исчез отсюда, оставил меня в покое, наедине с этой могучей, прохладной рекой, несущей свои воды в свете тусклой луны.— Он сам себе отомстил и умирает от страха и оцепенения. Его разум не воспринимает времени. Это угасание не имеет ничего общего с той сдержанной, элегантной смертью вампира, которую ты мне однажды описал в Париже. Лестат умирает неуклюже и гротескно, как люди... старые люди».

«Но ты... что ты чувствовал?» — мягко настаивал Арман.

Этот вопрос был слишком личный, давно мы так не разговаривали друг с другом. И я вдруг увидел его со стороны: спокойное, сосредоточенное лицо, прямые каштановые волосы, большие, часто печальные глаза, обращенные к себе и своим мыслям. Но в ту ночь они были непривычно тусклые и усталые.

«Ничего»,— ответил я.

«Ничего — в каком смысле?»

Я промолчал. Я так ясно помнил свою печаль, она и теперь не оставляла меня, звала меня, говорила: «Пойдем». Но я ничего не сказал Арману. Он ждал ответа, вытягивал из меня слова, жаждал что-то узнать, и это желание было сродни жажде крови.

«Может, он сказал тебе что-нибудь, что могло разбудить былую ненависть?» — прошептал он, и я вдруг понял, что он страдает.

«Что случилось, Арман? Почему ты спрашиваешь об этом?» — сказал я.

Но он молча откинулся на землю и долго смотрел на звезды. Звезды будили во мне воспоминания: корабль, мы с Клодией плывем в Европу, и эти ночи, когда звезды спускались, чтобы встретиться с морем.

«Я думал, он расскажет тебе, что было в Париже...» — сказал Арман.

«А что он мог мне сказать? Что не хотел, чтобы Клодия умерла?» — спросил я. Клодия. Это имя звучало так странно. Клодия раскладывает пасьянс, столик качается в такт волнам, фонарь поскрипывает на крюке, черный иллюминатор полон звезд. Ее склоненная головка, пальцы отводят за ухо прядь волос. Вот она отрывается от пасьянса, чтобы взглянуть на меня, но глазницы ее пусты.

«Ты мог бы сам рассказать мне, что случилось в Париже,— сказал я.— Ты давно мог бы рассказать. Но это все не важно».

«Даже если это я?..»

Я повернулся к нему, он посмотрел в небо, и невыносимая боль исказила его лицо.

«Если это ты убил ее? Выгнал во двор и запер дверь? — спросил я и усмехнулся: — Только не говори мне, что ты мучился все эти годы».

Арман закрыл глаза и отвернулся, приложил руку к груди, словно я ударил его.

«Я знаю — тебе было все равно»,— холодно сказал я и посмотрел на воду. Я хотел остаться один и надеялся, что он уйдет, а я останусь, потому что мне нравилось это тихое и уединенное место.

«Это тебе все равно,— заговорил Арман. Он сел и повернулся ко мне, и темный огонь загорелся в его глазах.— Но я так надеялся, что все вернется. Что ты увидишь Лестата, и в тебе оживет прежняя злость и страсть. Я думал, если ты вернешься сюда, в этот город...»

«Ты думал, я вернусь к жизни?» — тихо сказал я, чувствуя металлическую твердость собственных слов, словно я был совершенно холоден и сделан из этого металла, а Арман казался хрупким, таким хрупким. Наверное, таким он и был всегда.

«Да! — закричал он.— Да, назад к жизни!»

И он недоуменно замолчал, склонил голову, как побежденный, и это гладкое, белое лицо напомнило мне кого-то другого, и долгий, долгий миг прошел, прежде чем в моей памяти всплыло лицо Клодии, которая стояла в номере гостиницы «Сент-Габриэль» и просила меня превратить Мадлен в вампира. Тот же беспомощный взгляд, крушение надежд; я вспомнил, как жалел ее, как забывал обо всем. И он, как тогда, собрался с силами. И тихо произнес:

«Я умираю».

Я смотрел ему в глаза, я единственный перед Богом слышал эти слова и знал, что это правда... но ничего не сказал.

Долгий вздох слетел с его губ. Он склонил голову, безвольно опустил руку в траву и прошептал:

«Ненависть, месть — вот истинные страсти».

«Не для меня,— тихо ответил я.— Уже не для меня».

Он остановил на мне темный, спокойный взгляд.

«Я верил, что, пережив всю эту боль, ты снова потеплеешь, наполнишься любовью, тем диким, неутолимым любопытством, с которым ты в первый раз пришел ко мне, той жаждой знаний, которая привела тебя в мою келью в Париже. Я надеялся, когда боль пройдет, ты простишь меня за смерть Клодии. Она никогда не любила тебя так, как любил тебя я и как ты любил нас обоих. Я видел это и верил, что смогу привязать тебя к себе и удержать, и тогда время откроется перед нами, и мы будем учить друг друга. Мы будем счастливы. Я буду охранять тебя от твоей боли. Моя сила станет твоей силой. Но ты, мертвый внутри, холодный и недосягаемый, как эти современные картины, состоящие из линий, и я не могу ни любить их, ни постичь. Я содрогаюсь рядом с тобой, потому что смотрю в твои глаза и не вижу отражения...»

«Ты хотел невозможного! — быстро ответил я.— Разве ты не понимаешь? Я тоже этого хотел, но с самого начала мы были обречены».

Едва уловимо шевельнув губами, он поднял руки, словно пытаясь оттолкнуть мои слова.

«Я хотел найти любовь и добро в этой живой смерти,— продолжал я.— Но это было изначально обречено, потому что нельзя любить и быть счастливым, заведомо творя зло. Можно только тосковать о недостижимом добре в образе человека. Но есть один выход. Я знал его еще задолго до приезда в Париж, я знал его еще тогда, когда впервые убил человека, чтобы утолить жажду. Единственный выход — моя смерть. Но я так и не принял ее, не смог это сделать, потому что, как и все создания, не хочу умирать! И я искал других вампиров, Бога, дьявола, сотни других вещей под сотнями других имен, но все оказывалось одним и тем же злом. Все было не так, потому что я всегда знал, что проклят, если не Богом, то собственной душой и разумом, и никто не смог бы переубедить меня. Я приехал в Париж и

встретил тебя. Ты казался мне прекрасным, могущественным, спокойным, недостижимым. Но ты такой же разрушитель, как я, только безжалостный и коварный. Ты показал мне, кем я могу стать, какой глубины зла, какой степени безразличия надо достичь, чтобы заглушить эту боль. И я принял этот путь. Их больше нет — этой страсти, этой любви. Ты видишь сейчас во мне свое собственное отражение».

Арман молчал. Он давно уже поднялся и стоял теперь спиной ко мне, глядя на реку. Я тоже смотрел на реку и думал, что больше ничего не могу сказать, ничего не могу сделать.

«Луи»,— Арман поднял голову, его голос звучал глухо и незнакомо.

«Да, Арман»,— откликнулся я.

«Тебе нужно от меня что-нибудь еще?»

«Нет,— сказал я,— о чем ты?»

Он не ответил и медленно пошел прочь. Сначала я подумал, что он решил просто немного пройтись по илистому берегу реки, что он хочет побыть один. Но вскоре он превратился в точку на фоне волн под светом луны, и я понял, что он уходит навсегда. Больше я его никогда не видел.

Только спустя несколько дней я окончательно осознал, что Арман покинул меня. Он так и не вернулся за своим гробом, и через месяц я отнес его на кладбище Сент-Луи и поставил в склеп рядом со своим. Давно заброшенная могила стала последним приютом единственной вещи, оставшейся после Армана. Но скоро меня стало тяготить присутствие этого гроба. Я все время думал о нем: просыпаясь вечером и засыпая на рассвете. Однажды ночью я вытащил гроб и разбил на мелкие кусочки, спрятав их в высокой траве между могилами.

Вскоре после этого ко мне пришел молодой вампир Лестата. Он умолял меня поделиться своими знаниями об этом мире, стать его товарищем и учителем. Помнится, я сказал ему, что наверняка знаю лишь одно: если увижу его хоть раз, то непременно убью.

«Знаешь, каждую ночь, когда я выхожу на охоту, кто-то должен умереть, пока я не найду в себе мужество покончить с этим,— сказал я ему.— А ты самый подходящий кандидат на очередную жертву: убийца, такой же отвратительный, как я».

Следующей ночью я уехал из Нового Орлеана, потому что печаль не оставляла меня. Не хотелось больше думать об уми-

рающем в старом доме Лестате или об этом грубом молодом вампире, который упорно преследовал меня... или об Армане.

Я хотел оказаться в незнакомом месте, ни о чем не вспоминать, ни о чем не думать.

Вот и все.

Молодой человек смотрел на вампира, а тот, сложив руки на столе, щурясь, глядел на движение ленты в диктофоне. Под глазами у него залегли красные полукружья, лицо осунулось, и выступающие на висках вены казались вырезанными из камня. Он сидел тихо и неподвижно, только зеленые глаза жили на белом лице.

Юноша откинулся назад, провел рукой по волосам, коротко вздохнул и сказал:

— Нет.— И повторил громче: — Нет!

Но вампир не слушал, он смотрел на серое небо.

— Не может быть, чтобы все так кончилось,— юноша подался вперед.

Вампир, по-прежнему глядя в небо, коротко и сухо рассмеялся.

— Все, что вы пережили в Париже...— голос молодого человека становился все громче,— любовь к Клодии, другие чувства, даже к Лестату... Это не могло кончиться таким отчаянием. Но именно отчаяние владеет вами!

— Замолчи.— Вампир резко поднял руку, равнодушно перевел взгляд на юношу.— Повторяю еще раз: иначе быть не могло.

— Я не согласен,— сказал юноша, скрестил руки на груди и решительно мотнул головой.

Вдруг он отшвырнул на голые доски пола свой стул и стал расхаживать из угла в угол. Но когда он повернулся и заглянул в глаза собеседнику, слова замерли у него на губах.

Вампир смотрел на него с гневной и горькой усмешкой.

— Разве вы не понимаете, что вы мне рассказали? Это было приключение, подобное которому мне никогда в жизни не испытать! Вы говорите о страсти, о жажде! Вы говорите о вещах, которые миллионы из нас никогда не испробуют и не поймут. Вот что я скажу вам...— юноша подошел к вампиру и протянул к нему руки.— Если бы вы передали мне свою силу! Способность видеть, чувствовать и жить вечно!

Глаза вампира медленно расширились, губы дрогнули.

— Что? — тихо переспросил он.— ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?

— Дайте мне это! — Юноша сжал руку в кулак и ударил себя в грудь.— Сделайте из меня вампира. Прямо сейчас!

Вампир ошеломленно смотрел на него.

Стремительным неуловимым движением вампир оказался на ногах, вплотную к юноше, схватил его за плечи, свирепые зеленые глаза глядели в перекошенное от страха лицо человека.

— Так вот чего ты хочешь? — Едва заметное шевеление бледных губ лишь слегка обозначило произнесенные слова.— После всего, что я тебе рассказал... ты просишь об этом?

Юноша сдавленно вскрикнул, на лбу у него выступили крупные капли пота. Дрожа всем телом, он робко коснулся руки вампира и сказал сквозь слезы:

— Вы уже забыли, что такое человеческая жизнь, вы не понимаете, что значит для меня ваша история.

— Господи! — воскликнул вампир, почти оттолкнул юношу к стене и отвернулся к серому проему окна.

— Умоляю вас... Дайте всему этому еще один шанс. Воплотите его во мне! — сказал юноша.

Вампир повернулся к нему, его лицо все еще подергивалось от гнева, но оно скоро смягчилось, глаза почти скрылись под полуопущенными ресницами, губы растянулись в улыбке. Он взглянул на юношу и вздохнул:

— Я проиграл...

— Нет,— запротестовал юноша.

— Не говори ничего больше,— решительно сказал вампир.— Видишь эти магнитофонные катушки? Они все еще вращаются. Есть только один способ понять все, что я говорил.

Он стремительно метнулся к юноше, прижал его к своей груди, припал губами к его шее.

— Смотри,— прошептал вампир, его мягкие губы раздвинулись, и два длинных клыка вонзились в податливую плоть. Юноша всхлипнул, задохнулся, руки его судорожно сжались, глаза расширились, но скоро потускнели. Лицо вампира было спокойно, как во сне. Его узкая грудь медленно двигалась в такт дыханию, поднималась и опускалась с сомнамбулической грацией. Юноша застонал, вампир оторвался от него, и, придерживая за плечи, посмотрел на влажное побледневшее лицо, белые руки, полузакрытые глаза.

Юноша тяжело дышал, его губы и руки дрожали от приступа тошноты, голова безвольно откинулась назад. Вампир бережно посадил его на стул. Молодой человек попытался что-то сказать, но слезы набежали ему на глаза, он положил руку на стол и, как пьяный, уронил голову на грудь.

Вампир стоял и смотрел на него, его кожа мягко порозовела, словно отражая свет цветного фонаря, губы потемнели, вены на висках почти исчезли, лицо разгладилось и стало еще моложе.

— Я умру? — прошептал юноша и медленно поднял глаза.

— Не знаю,— сказал вампир и улыбнулся.

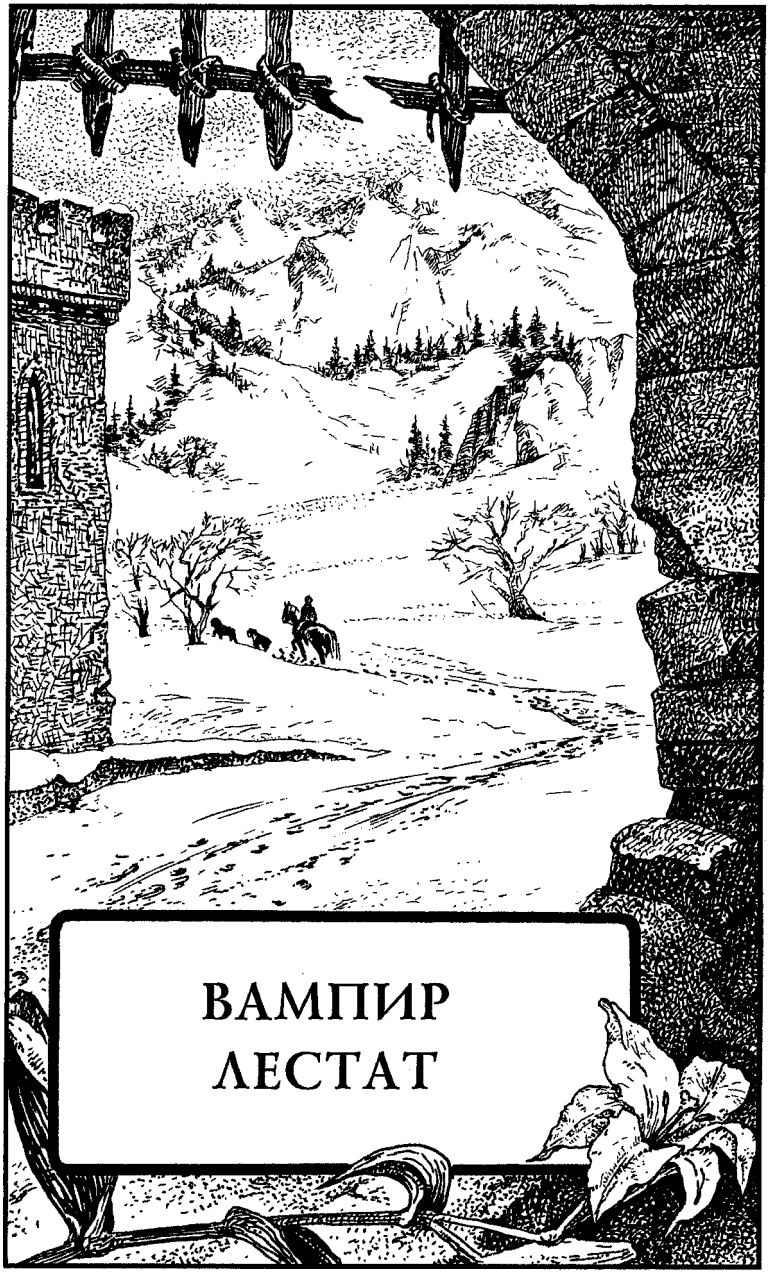
Юноша хотел было что-то сказать, но его рука соскользнула со стола, он опустился на голые доски пола и потерял сознание.

Он открыл глаза и увидел солнечные лучи, светившие сквозь пыльное оконное стекло и обжигавшие ему лицо и руки. Он с трудом сел, выпрямился, глубоко вздохнул, и, зажмурившись, дотронулся до ранок на горле. Случайно коснувшись диктофона, он вскрикнул: металл был обжигающе горяч.

Он поднялся и, неуклюже спотыкаясь, шагнул вперед; нащупал руками раковину умывальника, быстро отвернул кран, сполоснул лицо холодной водой, снял с гвоздика грязное полотенце и вытерся. Дыхание выровнялось. Он стоял уже без опоры и смотрел в зеркало. Потом бросил взгляд на часы, быстро оглядел комнату, проверил коридор — там никого не было. Он сел на стул, вытащил из кармана блокнот и ручку, перемотал назад пленку. Он подался вперед, внимательно вслушиваясь в голос вампира, потом еще немного отмотал пленку. Наконец его лицо просветлело, кассета крутилась, вибрирующий голос говорил: «Был очень теплый вечер. Я выследил его на Сент-Чарльз-авеню и сразу понял...»

Молодой человек поспешно делал пометки в блокноте: «Лестат... Сент-Чарльз-авеню... Старый разваливающийся дом... бедный район... Искать ржавые перила».

Он спрятал блокнот в карман, уложил диктофон и кассеты в портфель, по длинному коридору вышел к лестнице и бегом спустился на улицу, где на углу бара стояла его машина.

ВАМПИР ЛЕСТАТ

С любовью посвящаю эту книгу
Стэну Райсу, Карен О'Брайен и Аллену Даво.

ЦЕНТР ГОРОДА
СУББОТНИЙ ВЕЧЕР
XX ВЕК
1984

— вампир Лестат. Я бессмертен. В определенной степени, конечно. Солнечный свет или сильный жар от огня вполне способны меня уничтожить. Но могут и не причинить мне никакого вреда.

Мой рост — шесть футов, и в 1780-е годы, когда я был еще вполне обыкновенным смертным молодым человеком, он производил довольно сильное впечатление. Впрочем, я и сейчас выгляжу неплохо. Мои густые, немного не достающие до плеч светлые вьющиеся волосы при искусственном освещении кажутся совершенно белыми. Глаза у меня серые, но в зависимости от окружающей обстановки легко принимают голубой или лиловый оттенок. У меня небольшой тонкий нос, но рот, хотя и красиво очерченный, кажется несколько великоватым. Рот мой, однако, способен придавать лицу выражение как самой низкой подлости, так и поистине удивительного благородства — он всегда выглядит чувственным. Все мои чувства и эмоции, мое отношение ко всему происходящему отражаются на моем чрезвычайно подвижном лице.

Моя вампирская сущность проявляется в неестественной белизне лица и на редкость чувствительной коже, которую я вынужден густо припудривать перед любыми съемками.

Когда же меня начинает одолевать жажда крови, я выгляжу просто ужасно — кожа моя делается морщинистой, из-под нее выпирают кости и набухают толстые, как веревки, вены. Но на людях я не допускаю ничего подобного, и единственным свидетельством моего нечеловеческого естества являются ногти. Это

общее свойство всех вампиров: наши ногти напоминают стеклянные, и это часто бросается людям в глаза, даже если ничто другое им не кажется странным.

В настоящее время я, как говорят в Америке, рок-звезда. Мой первый альбом разошелся тиражом в четыре миллиона экземпляров. Я отправляюсь в Сан-Франциско, откуда начнется большое турне моей группы по всей стране — от побережья до побережья. Вот уже две недели подряд кабельный рок-канал MTV днем и ночью крутит мои видеоклипы. Их также показывали в Англии, в программе «Top of the Pops», еще на континенте, кое-где в Азии и в Японии. Видеокассеты со сборниками моих клипов продаются по всему миру.

Ко всему прочему я являюсь и автором вышедшей на прошлой неделе моей собственной биографии.

Что касается английского — а именно на этом языке написана автобиография,— то моим первым учителем в нем был человек, двести лет назад приплывший в Новый Орлеан по Миссисипи на плоскодонке. После, в течение многих десятилетий, я продолжал учиться у англоязычных писателей — у всех, начиная с Шекспира и Марка Твена и вплоть до Райдера Хаггарда. Завершающие штрихи в свое знание языка я внес уже в самом начале XX века, читая детективные рассказы в журнале «Черная маска». Последним, что я прочел, прежде чем буквально и фигурально уйти под землю, были опубликованные в «Черной маске» рассказы Д. Хэмметта о приключениях Сэма Спейда.

Это произошло в 1929 году в Новом Орлеане.

Когда я пишу, я заглядываю в словарь и пользуюсь той лексикой, которая была свойственна мне в восемнадцатом веке, а также выражениями и даже целыми фразами, почерпнутыми у тех писателей, произведения которых мне приходилось читать. Но, несмотря на французский акцент, речь моя представляет собой нечто среднее между речью хозяина плоскодонки и речью детектива Сэма Спейда. А потому, я надеюсь, вы простите меня, если стиль мой не всегда окажется гладким. Или в тех случаях, когда я в своем повествовании вдребезги разбиваю атмосферу восемнадцатого века.

Я появился в двадцатом веке лишь в прошлом году. Заставили меня сделать это две вещи. Во-первых — та информация, которую распространяли разного рода голоса, какофония кото-

рых началась, примерно, в то время, когда я погрузился в сон, и с тех пор расходилась все шире и шире.

Я, конечно же, имею в виду радио, фонографы и появившиеся позднее телевизоры. Голоса радио доносились до меня из автомобилей, проносившихся по старому Садовому кварталу недалеко от того места, где я лежал. Звуки фонографов и телеприемников я слышал из расположенных поблизости домов.

Должен сказать, что, когда вампир, как мы говорим, уходит в подполье, затаивается, то есть перестает пить кровь и лежит под землей, он быстро теряет силы и становится слишком слабым, чтобы возродиться самостоятельно,— для него наступает период сна.

Именно в таком состоянии я, поначалу вяло и инертно, воспринимал звучавшие отовсюду голоса, соединяя их с жившими в моем воображении образами, подобно тому, как делают это во сне все смертные. Но в какой-то момент за прошедшие пятьдесят пять лет я начал вдруг «вспоминать» все, что слышал, следить за развлекательными программами, прислушиваться к сводкам новостей, интересоваться популярными мелодиями и ритмами.

Постепенно до меня начали доходить масштабы происшедших в мире перемен. Я стал с особенным вниманием прислушиваться к той информации, которая касалась разного рода войн, новых открытий и изобретений, старался запомнить новые слова и выражения, усвоить современный стиль речи.

Наконец ко мне вернулось сознание. Я понял, что больше не сплю. Я размышлял над услышанным. Я окончательно проснулся. Я лежал под землей и страстно жаждал живой крови. Я начинал верить, что все полученные мной старые раны уже зажили. Возможно даже, что за прошедшее время силы мои увеличились, как бывало это всегда, однако прежде мне никогда не приходилось получать серьезные повреждения. Мне не терпелось поскорее выяснить это.

Мысль о необходимости напиться человеческой крови стала преследовать меня постоянно.

Второй — и, надо сказать, главной — причиной моего пробуждения стало неожиданное появление возле меня группы рок-музыкантов, которая называлась «Бал Сатаны».

В 1984 году они поселились и начали репетировать в доме на Шестой улице, меньше чем за квартал от моего дома на Притания-стрит,— что неподалеку от кладбища Лафайет,— под фундаментом которого я пролежал все эти годы.

До меня доносилось завывание электрогитар, я слышал громкое и эмоциональное пение. Должен сказать, что музыка их была ничуть не хуже, чем та, которую мне приходилось слышать по радио, а зачастую и более мелодична. Несмотря на оглушительный грохот барабанов, в их музыке и пении присутствовали поэзия и чувство. А электрическое пианино звучало совсем как клавикорды.

Из прочитанных мною мыслей музыкантов я сумел узнать, что видели они, глядя друг на друга и смотрясь в зеркало, и таким образом составил себе представление о том, как они выглядели. Это были стройные, мускулистые и в целом весьма симпатичные юные смертные. Их было трое — двое юношей и одна девушка, но одевались и вели они себя несколько по-варварски и так, что порой трудно было определить, кто есть кто.

Когда они играли, их музыка заглушала все другие звуки вокруг меня. Я, однако, ничего не имел против.

Мне хотелось встать и присоединиться к рок-группе под названием «Бал Сатаны». Мне хотелось самому петь и танцевать.

Нельзя сказать, что мое желание было обдуманным с самого начала. Скорее это можно назвать инстинктивным импульсом, достаточно сильным, чтобы заставить меня покинуть подземное убежище.

Мир рок-музыки заворожил и очаровал меня — я восхищался тем, как эти певцы вопят во все горло о добре и зле, провозглашают себя то ангелами, то дьяволами, а окружающие их смертные при этом веселятся. Иногда казалось, что они просто безумны. Однако выступления их всегда поражали технической сложностью и великолепной организацией. Думаю, что за всю историю своего существования мир не видел ничего подобного — такого удивительного сочетания дикого варварства и интеллекта.

Конечно же, это все были метафоры, выдумки. На самом деле никто из них не верил ни в ангелов, ни в дьяволов, хотя роли свои они исполняли великолепно. Столь же шокирующими,

изобретательными и непристойными были когда-то персонажи старой итальянской комедии масок.

И все же это было нечто совершенно новое. Я имею в виду те крайности, до которых они доходили в своей игре, словно бросая грубый вызов обществу,— а члены этого общества, от самых богатых до самых бедных, принимали их и восхищались ими.

К тому же в рок-музыке было что-то вампирическое. Даже те, кто не верил в сверхъестественное, воспринимали ее звучание как нечто необыкновенное. Я говорю о том, как с помощью электричества можно до бесконечности тянуть одну ноту, о том, как одна гармония накладывается на другую, пока наконец вы не почувствуете, что буквально растворяетесь в звуках. Ничего подобного и ни в какой форме в мире прежде не было.

Да, я хотел оказаться как можно ближе к этому. Я сам хотел заниматься этим и, возможно, сделать никому не известную группу «Бал Сатаны» знаменитой. Я готов был возродиться к жизни.

Процесс моего воскрешения длился около недели. Я пил свежую кровь мелких зверьков, живших под землей,— любых, каких только удавалось поймать. Потом начал потихоньку выбираться на поверхность, где можно было раздобыть крыс. Теперь для меня не представляло трудности отлавливать кошек, а там и рукой было подать до настоящей человеческой жертвы, хотя мне пришлось ждать довольно долго, пока наконец я нашел то, что нужно,— человека, который убивал других смертных и не испытывал при этом ни сожаления, ни раскаяния.

В конце концов такой человек появился. Еще молодой мужчина с подернутой сединой бородой, убивший себе подобного далеко отсюда, на другом краю света, шел возле самой ограды. О, это был настоящий убийца. Как прекрасен был вкус настоящей человеческой крови!

Украсть необходимую одежду из близлежащих домов и достать спрятанные мною на кладбище Лафайет золото и драгоценности не представляло проблемы.

Кое-что меня, конечно же, иногда пугало. Запах бензина и химикатов вызывал у меня слабость. Гудение кондиционеров и рев моторов реактивных самолетов над головой казались оглушительными.

Но уже на третью ночь после своего воскрешения я с шумом и грохотом гонял по Новому Орлеану на большом черном мотоцикле «Харлей-Дэвидсон» в поисках других убийц, чтобы напиться их крови. На мне была одежда из блестящей черной кожи, которую я снял со своих жертв, а в кармане лежал плейер фирмы «Сони», из наушников которого мне в уши лились прекрасные звуки фуги Баха, неизменно сопровождавшие меня в метаниях по городу.

Я вновь стал прежним вампиром Лестатом. Я вернулся к активной жизни. Новый Орлеан вновь превратился в территорию для охоты.

За прошедшие годы силы мои утроились. Я с легкостью мог взлететь с тротуара на крышу четырехэтажного дома. Я способен был сдергивать с окон железные решетки. Мог согнуть пополам медный пенни. При желании я мог слышать человеческие голоса и улавливать мысли на расстоянии нескольких кварталов.

К концу недели у меня появился свой адвокат — симпатичная женщина, чья контора находилась в одном из небоскребов из стекла и металла в деловой части города и которая помогла мне оформить по всем правилам вполне легальные свидетельство о рождении, карточку социального страхования и водительские права. Значительная часть моего состояния, хранившаяся на кодированных счетах бессмертного Лондонского банка и банка Ротшильда, была уже на пути в Новый Орлеан.

Но самое главное, я буквально купался в новых впечатлениях и убедился в том, что все, что мне рассказывали относительно двадцатого века слышанные мною голоса,— правда.

Вот что мне удалось увидеть во время своих странствований по Новому Орлеану в 1984 году.

Темный и мрачный индустриальный мир, который я покинул, засыпая, наконец исчерпал себя, свойственные буржуазии благоразумие, осторожность и упорядоченность жизни перестали оказывать влияние на умы американцев.

Как и в старые добрые времена, до великих буржуазных революций конца восемнадцатого века, людьми вновь владела любовь к приключениям и эротическим наслаждениям. Они даже выглядели так же, как в старину.

Мужчины больше не носили, подобно Сэму Спейду, традиционный наряд, состоявший из серого костюма, рубашки с гал-

стуком и серой шляпы. Они вновь наряжались в шелк и бархат ярких цветов, если, конечно, сами того хотели. Им не было нужды стричь волосы, как римским солдатам, и они носили такие прически, какие им нравились.

А женщины... о, женщины были поистине прекрасны в своей едва ли не наготе. Окутанные весенним теплом, одетые в коротенькие юбочки или похожие на туники платья и даже, если им того хотелось, в мужские рубашки и брюки, плотно облегающие их округлые формы, они напоминали египетских женщин во времена фараонов. Они красились и надевали золотые и серебряные украшения, даже если отправлялись в бакалейную лавку. Но даже без косметики и украшений они все равно оставались прекрасными. Некоторые завивали волосы, как в эпоху Марии-Антуанетты, другие позволяли локонам свободно и естественно струиться по плечам или коротко стригли их.

Наверное, впервые в истории человечества женщины были столь же сильны и интересны как личности, сколь и мужчины.

И все это были простые американцы, отнюдь не те боги, которые в прежние времена обладали изнеженными манерами и стремились ко всякого рода радостям жизни и которых буржуазные революционеры в прошлом называли декадентами.

Чувственность, бывшая в прежние времена неотъемлемой чертой старой аристократии, теперь была свойственна всем. Она тесно переплелась с достижениями буржуазной революции, и теперь каждый человек имел право на любовь, роскошную жизнь и обладание разного рода изящными безделицами.

Универмаги превратились в дворцы, поражающие почти восточной красотой, где товары располагались по соседству с мягкими красочными коврами, таинственной музыкой и освещались янтарным светом. В круглосуточно работающих аптеках на стеклянных полках словно драгоценные камни поблескивали фиолетовые и зеленые бутылки с шампунем. Официантки ездили на работу в обтекаемой формы автомобилях с кожаными сиденьями. Докеры возвращались вечером в свои дома, где их ждали собственные бассейны с подогретой водой. Уборщицы и водопроводчики в конце рабочего дня переодевались в великолепно сшитую на заказ одежду.

С незапамятных времен присущие всем крупным городам мира бедность и нищета практически исчезли.

Едва ли теперь можно было увидеть, как падает где-нибудь на аллее парка и умирает от голода бедный иммигрант. Не было больше трущоб, где в одной комнатушке спали по восемьдесять человек. Никто не выплескивал помои в сточные канавы. Нищих, калек, сирот и неизлечимо больных людей осталось так мало, что казалось, будто на этих бесконечных улицах их нет вовсе.

Даже у спавших на скамейках парков и на автобусных остановках пьяниц и сумасшедших всегда были еда, чистая одежда и даже радиоприемники.

Таковы были внешние изменения. Однако еще больше поразили меня перемены, которые стали движущей силой этого внушающего истинное благоговение потока жизни.

Так, например, нечто невероятное произошло с временем.

Старое больше не уступало место новому. Напротив, вокруг меня говорили по-английски точно так же, как и в 1800-х годах. По-прежнему была в ходу старая лексика, люди пользовались все тем же сленгом. Но появились и новые, прежде не знакомые мне выражения — «промывание мозгов», «ну чисто по Фрейду» и тому подобные,— которые тем не менее были у всех на устах.

В мире искусства и развлечений достижения прошлых веков как бы возвращались снова и снова. Наряду с джазом и роком музыканты исполняли произведения Моцарта; сегодня вечером люди шли смотреть пьесу Шекспира, а завтра — новый французский фильм.

В огромном, ярко освещенном торговом центре можно было купить кассеты с записями средневековых мадригалов, чтобы потом вставить их в автомагнитолу и наслаждаться, мчась по шоссе со скоростью девяносто миль в час. На полках книжных магазинов стояли рядом сборники поэзии эпохи Возрождения, издания произведений Диккенса и Эрнеста Хемингуэя. Руководства по проблемам секса соседствовали с египетской «Книгой мертвых».

Иногда мне казалось, что царящие вокруг чистота и благосостояние не более чем галлюцинации. Создавалось впечатление, что я схожу с ума.

Я тупо разглядывал выставленные в витринах магазинов компьютеры и телефонные аппараты таких совершенных форм и чистых цветов, что казалось, будто это прекрасные раковины,

созданные самой природой. По узким улочкам Французского квартала курсировали огромные лимузины, похожие на сказочных морских чудовищ. Высокие сверкающие здания офисов и контор, словно египетские обелиски, устремлялись в вечернее небо над приземистыми кирпичными строениями Кэналстрит. Бесчисленное множество телевизионных каналов с несметным количеством программ выплескивали бесконечный поток информации на головы обитателей оборудованных кондиционерами номеров отеля.

Однако все это не было галлюцинациями. Этот век в полной мере и во всех отношениях унаследовал мировые достижения прошлого.

Одной из важнейших черт столь удивительного чуда была поистине редкостная наивность этих живших в роскоши и абсолютно свободных людей. Так же как и в восемнадцатом веке, христианский бог был мертв. На смену прежней религии не пришла никакая другая.

Напротив, простые люди в этом веке жили по строжайшим законам светской морали и следовали им не менее неукоснительно, чем любым известным мне религиозным установкам прошлого. Интеллигенция служила образцом во всех отношениях. Однако самые обыкновенные американцы по всей стране с удивительной страстью и каким-то, я бы сказал, мистическим усердием заботились о «мире», «бедных» и о «планете».

В этом веке они намеревались избавиться от голода. Они собирались любой ценой победить болезни. Вели яростные споры о целесообразности казни преступников, о допустимости абортов. А с угрозой «загрязнения окружающей среды» и «разрушительных войн» они боролись столь же яростно, сколь в прежние времена с колдовством и ересью.

Что же касается сексуальных отношений, то они перестали быть предметом страхов и предрассудков. С этого вопроса были сняты последние религиозные ограничения. Вот почему люди уже не стеснялись ходить полуодетыми. Вот почему они беззастенчиво обнимались и целовались прямо на улицах. Теперь они рассуждали об этике, об ответственности, о красоте человеческого тела. Держали под контролем рождаемость и венерические болезни.

Ах этот двадцатый век! О поворот великого колеса времени! Он далеко превзошел мои самые смелые мечты о будущем. Он оставил в дураках всех мрачных предсказателей и провидцев прошлых веков.

Я много размышлял о лишенной греховности светской морали, о человеческом оптимизме, об этом великолепном мире, где наивысшее значение имеет жизнь человека. В прежние времена ничего подобного не было.

Я сидел в просторном, освещенном мягким янтарным электрическим светом номере отеля и смотрел потрясающий, мастерски сделанный фильм «Апокалипсис сегодня». Это была поистине симфония звуков и красок, воспевающая вековой давности битву западного мира со злом. «Ты должен смириться и встать на сторону ужаса и морального террора»,— говорит в джунглях Камбоджи безумный командир одному из представителей западного мира. «Нет»,— неизменно отвечает тот.

Нет. Ужас и моральный террор не могут быть оправданы. Они не представляют никакой ценности. Злу не может быть места.

Но ведь это означает, что и мне не может быть места.

Кроме, разве что, произведений искусства, отвергающих зло,— таких, например, как романы о вампирах и разного рода ужасах, средневековые сказания или оглушительные песнопения рок-звезд, предельно драматизирующие ту борьбу со злом, которую ведет в душе каждый смертный.

Всего этого было вполне достаточно, чтобы заставить старое чудовище спрятаться обратно под землю и оплакивать там свое полнейшее несоответствие тому, что происходит в мире, свою неприспособленность к современному положению вещей. Или достаточно для того, чтобы, по здравом размышлении, превратиться в рок-музыканта...

Но где же тогда сейчас находятся остальные чудовища старого мира? Этот вопрос не давал мне покоя. Как же существуют остальные вампиры в мире, где каждая смерть регистрируется в гигантской электронной памяти компьютеров, а тела хранятся в огромных холодильниках-склепах? Быть может,

они, как и прежде, прячутся по темным щелям, словно отвратительные насекомые, независимо от исповедуемой ими философии и количества злодеяний.

Что ж, как только мой голос зазвучит в составе маленькой группы под названием «Бал Сатаны», они рано или поздно выползут на свет.

Тем временем я продолжал свое образование. Беседовал со смертными на автобусных остановках, на заправочных станциях, в элегантно оформленных питейных заведениях. Читал книги. Наряжался в сверкающую кожу в самых модных магазинах. Носил рубашки с высокими воротниками и пиджаки цвета хаки в стиле сафари или бархатные блейзеры с кашемировыми шарфами. Я густо пудрил лицо, чтобы хорошо чувствовать себя под яркими огнями освещения супермаркетов, ресторанов и на карнавально украшенных улицах, где располагались разного рода ночные клубы.

Я познавал мир. Я был влюблен. Единственная проблема состояла в том, что убийцы, чьей кровью я питался, встречались на моем пути не слишком часто. Это был мир наивности и невинности, сытости и изобилия, доброты и веселья. Встречавшиеся в прошлом практически на каждом шагу воры и разбойники теперь почти исчезли.

Вот почему мне приходилось бороться за существование. Но по натуре я всегда был охотником. Мне нравились заполненные табачным дымом бильярдные, где вокруг единственного ярко освещенного пятна — зеленого стола — собирались бывшие заключенные с татуировками на теле; я любил бывать в расположенных в больших, выстроенных из бетона отелях, сияющих огнями ночных клубах с обитыми шелком стенами. Я узнавал все больше и больше о милых моему сердцу убийцах — о торговцах наркотиками, о сводниках и бандитах, которые собирались в большие компании рокеров.

Все больше и больше укреплялся я в своем решении никогда не пить невинную кровь.

И вот наконец настало время поближе познакомиться с моими старинными соседями — с рок-группой «Бал Сатаны».

Жарким и душным субботним вечером в половине седьмого я позвонил в дверь музыкальной студии. Красивые молодые ребята, одетые в шелковые рубашки и хлопчатобумажные брюки, лежали кто где, курили гашиш и жаловались на несправедливость судьбы, пославшей им полный провал выступлений на юге.

Чисто вымытые длинные густые волосы и плавные движения делали их похожими на библейских ангелов, а украшения на них были в египетском стиле. Лица и глаза у всех были накрашены даже на репетиции.

Один их вид привел меня в неописуемое возбуждение, и меня буквально захлестнула любовь к ним — к Алексу, Ларри и к маленькой толстушке Таф Куки.

И в этот торжественный момент, когда, казалось, весь мир вокруг меня замер, я поведал им, кто я такой на самом деле. В слове «вампир» для них ничего нового и необычного не было. В том мире, в котором они существовали, тысячи певцов вставляли себе бутафорские клыки и наряжались в черные плащи.

И все же было так странно беседовать на столь запретную тему со смертными. Впервые за прошедшие двести лет я заговорил об этом с кем-либо, кто не должен был вскоре стать одним из нас. Даже своим жертвам в последний миг их жизни я не признавался в том, кто я есть.

Теперь же я четко и ясно высказал правду в присутствии этих милых молодых людей. Я сказал, что хочу петь вместе с ними, что, если они доверятся мне, я сделаю их богатыми и знаменитыми, что благодаря своему беспредельному честолюбию я беспощадно смету все преграды и вытащу их из этой комнаты в большой мир.

Они смотрели на меня затуманенными глазами. И вдруг эти покои двадцатого века, слепленные из картона и штукатурки, задрожали от веселого смеха.

Я был терпелив. Да и мог ли я вести себя иначе? Я-то знал, что я демон, способный изобразить любое движение и воспроизвести любой звук. Но разве им дано было понять это? Подойдя к электрооргану, я заиграл и запел.

Сначала я исполнил несколько рок-композиций, потом стал вспоминать старинные мелодии — французские песни, хранившиеся все эти годы где-то в тайниках моей памяти, но от-

нюдь не забытые. И вот я заорал их в каком-то неимоверно диком ритме, а перед моими глазами возник заполненный публикой маленький парижский театр — такой, каким был он несколько веков назад. Во мне вскипели опасные страсти, угрожавшие нарушить мое душевное равновесие. Мне не нравилось, что это случилось так быстро. Тем не менее я продолжал петь, изо всех сил барабаня по хрупким белоснежным клавишам электрооргана, и душа моя словно раскрывалась. И пускай стоявшим возле меня смертным существам не дано было понять это...

Стоит ли удивляться тому, что они ликовали, что им нравилась моя мрачная, лишенная гармонии музыка, тому, что они вопили от восторга, видя перед собой блестящие перспективы и чувствуя вдохновение, которого им недоставало прежде. Они включили магнитофоны, и мы стали петь вместе. Студия наполнилась оглушительным ревом и буквально утонула в запахе их крови.

Но потом произошло нечто такое, о чем я не мог помыслить даже в самых фантастических снах, нечто столь же невероятное, как и сделанное мною признание перед смертными. Я был буквально ошеломлен и едва не покинул этот мир, едва не спрятался обратно под землю.

Не думаю, что я готов был вновь впасть в оцепенение. Но я вполне способен был покинуть «Бал Сатаны» и отправиться на несколько лет странствовать по миру, чтобы прийти в себя и собраться с мыслями.

Молодые люди — стройный барабанщик по имени Алекс и его брат, высокий блондин Ларри,— услышав, что я назвал себя Лестатом, заявили, что им знакомо мое имя.

Они вспомнили не только имя, но и ту информацию, которую они получили обо мне из книги.

Им показалось поистине восхитительным, что я не пытался выдать себя за какого-либо никому не известного вампира. Или за графа Дракулу. От графа Дракулы всех уже просто тошнило. Они сочли великолепным тот факт, что я прикидывался именно вампиром Лестатом.

— Прикидываюсь вампиром Лестатом? — переспросил я. Мое недоумение показалось им смешным, так же как и мой французский акцент.

Я долго и пристально вглядывался в лица молодых людей, пытаясь прочесть их мысли. Конечно же, я не рассчитывал на то, что они поверят, будто я и в самом деле настоящий вампир. Но каким образом и где могли они прочитать о вампире с таким редким именем, как у меня? Как можно это объяснить?

Я начал терять уверенность в себе. А с потерей уверенности я утрачивал и значительную часть своих сил и возможностей. И без того небольшое помещение стало казаться мне еще меньше, а в окружавших меня инструментах, усилителях и проводах виделась какая-то угроза.

— Покажите мне эту книгу,— попросил я.

Из соседней комнаты они принесли небольшой, рассыпающийся на части томик без переплета, с порванными страницами, перетянутый резинкой.

При виде названия на титульном листе томика я почувствовал, как на меня пахнуло могильным холодом. «Интервью с вампиром»... Что-то там о смертном юноше, пристающем к бессмертному с просьбой рассказать историю своей жизни.

Испросив разрешения у хозяев, я ушел в соседнюю комнату и там, растянувшись на их кровати, углубился в чтение. Дочитав до половины, я закрыл книгу и, прихватив ее с собой, вышел из дома. Пристроившись под одним из уличных фонарей, я замер и не двинулся с места до тех пор, пока не дочитал книгу до конца. Потом аккуратно положил потрепанный томик в нагрудный карман.

Целую неделю я не появлялся и не давал о себе знать ребятам из рок-группы.

Большую часть этого времени я скитался, разрезая тишину ночи ревом своего «Харлей-Дэвидсона» и на полную громкость включив вариации Баха. «Лестат, что же ты собираешься делать теперь?» — беспрестанно спрашивал я себя.

Оставшееся время я посвятил самообразованию в интересующей меня области. Я перечитал огромную кипу всякого рода литературы и справочников по рок-музыке, биографий рок-звезд. Я прослушивал их аудиоальбомы и просматривал видеозаписи их концертов. А в тишине проведенных в одиночестве ночей слышал голоса персонажей «Интервью с вампи-

ром», доносившиеся до меня как будто из могилы. Снова и снова перечитывал я книгу. Но однажды в минуту непреодолимого гнева разорвал ее в клочья.

Наконец я принял решение.

В окутанном сумерками, освещенном лишь проникавшими снизу городскими огнями офисе, расположенном в одном из небоскребов, я встретился со своим адвокатом — молодой женщиной по имени Кристина. На фоне стеклянной стены, за которой виднелись туманные очертания огромных, примитивной конструкции зданий и тысячи огней, похожих на маленькие факелы, Кристина смотрелась великолепно.

— Теперь мне уже недостаточно обычного успеха нашей маленькой рок-группы,— сказал я.— Нам необходимо добиться такой славы, которая сделает мое имя и мой голос известными в самых отдаленных уголках мира.

Мягко и спокойно, как это обычно делают все юристы, она посоветовала мне не рисковать благосостоянием. Но по мере того как я с поистине маниакальной настойчивостью продолжал упорствовать в своем мнении, я почувствовал, что она начинает сдаваться, что ее здравый смысл постепенно уступает.

— Мне нужны лучшие режиссеры — создатели видеофильмов о рок-музыке,— продолжал я.— Вы можете отыскать их в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Денег для этого у меня вполне достаточно. А здесь вы без труда найдете подходящие для работы студии. Вам также необходимо нанять самых лучших звукооператоров. Расходы на это предприятие меня совершенно не волнуют. Самое главное, чтобы все было как следует организовано и чтобы мы могли работать в обстановке полнейшей секретности до того момента, когда все наши записи и все наши видеофильмы будут полностью готовы, так же как и книга, которую я собираюсь написать.

В конце концов в предвкушении успеха и богатства у нее закружилась голова. Рука, делавшая пометки в блокноте, двигалась все быстрее и быстрее.

О чем я думал, когда говорил ей все это? О своем беспрецедентном бунте, о вызове, который намеревался бросить всем живущим в этом мире себе подобным.

— Теперь еще несколько слов о видеофильмах,— продолжил я.— Вы должны найти таких режиссеров, которые сумеют воплотить мой замысел. Все фильмы должны быть последовательно связаны между собой. В них будет рассказана история, которая станет сюжетом моей будущей книги. А песни, во всяком случае большую их часть, я уже написал. Вам следует раздобыть самые лучшие инструменты — синтезаторы, электрогитары, скрипки, звукозаписывающую аппаратуру высшего качества. Остальные детали мы обсудим позже. Дизайн костюмов для вампиров, политика нашей презентации на рок-телеканалах, организация нашего первого появления в Сан-Франциско — обо всем этом поговорим в свое время. А сейчас ваша задача — позвонить кому следует и получить всю необходимую для начала работы информацию.

Лишь после того, как первые соглашения были достигнуты и все необходимые подписи были получены, я вновь появился перед музыкантами группы «Бал Сатаны». Даты были определены, студии арендованы и договоры заключены.

В огромном лимузине, предназначенном для моих дорогих рок-музыкантов Ларри, Алекса и Таф Куки, вместе со мной на этот раз приехала и Кристина. С собой мы привезли умопомрачительную сумму денег и бумаги, которые они должны были подписать.

На тихой улочке в Садовом квартале под сонными дубами я разлил по сверкающим хрустальным бокалам шампанское.

— За «Вампира Лестата»! — пели мы при свете луны. Такое название получила наша группа, так будет называться и моя будущая книга. Таф Куки обвила нежными ручками мою шею, и, окутанные винными парами, мы с ней нежно поцеловались под одобрительные всплески смеха. О, этот восхитительный запах невинной крови!

Когда они наконец уехали в шикарном, обитом бархатом автомобиле, я медленно побрел в одиночестве сквозь непроглядную вечернюю тьму по направлению к Сент-Чарльз-авеню, размышляя по пути о тех опасностях, которые ожидали моих юных смертных друзей.

Конечно же, угроза исходила не от меня. Но как только завершится долгий период строжайшей секретности, они, столь наивные и невежественные, окажутся на виду у всех, в центре всеобщего внимания, рядом со своим зловещим и безрассудным солистом — порочной рок-звездой. Что ж, я окружу их телохранителями и разного рода прихлебателями на все случаи жизни. Насколько это будет в моих силах, я буду охранять их от других бессмертных. И если вампиры хоть в какой-то степени похожи на тех, кого я знал в былые времена, они никогда не унизятся до вульгарной драки со смертными.

Оказавшись на оживленной улице, я прикрыл глаза очками с зеркальными стеклами. Дальнейший путь по Сент-Чарльз-авеню я проделал в старом дребезжащем автобусе.

Потом, пройдя сквозь заполнившие улицу в этот вечерний час толпы народа, вошел в элегантно оформленный двухэтажный книжный магазин, называвшийся «Книги де Вилле». Здесь я нашел небольшую книжку в бумажной обложке — «Интервью с вампиром».

Не сводя с нее взгляда, я размышлял о том, сколько еще мне подобных могли видеть эту книгу. Смертные в данный момент меня не интересовали, ибо они считали ее фабулу не более чем вымыслом. Но вампиры! Если вообще существует хоть один закон, о котором можно сказать, что вампиры соблюдают его свято, то закон этот гласит: «Никогда ни одному смертному ты не должен рассказывать о нас».

Ты не имеешь права раскрывать наши «тайны и секреты» никому, за исключением тех, кого намереваешься наградить Темным Даром и нашей властью. Не имеешь права называть имена других бессмертных. Не должен никому указывать возможное местоположение их тайных убежищ.

Мой возлюбленный Луи, от лица которого ведется повествование в «Интервью с вампиром», нарушил все эти запреты. Тем самым он совершил преступление гораздо более тяжкое, чем я. Я открыл свой маленький секрет рок-музыкантам. Он же поведал обо всем сотням тысяч читателей. Ему осталось только нарисовать карту Нового Орлеана и пометить на ней крестиком то место, где я спал все это время. Хотя трудно сказать, что именно было ему известно и каковы были его истинные намерения.

Как бы то ни было, но, чтобы наказать за содеянное, все остальные, несомненно, стали охотиться за ним. Существует множество способов уничтожения вампиров — особенно теперь. Если же Луи все еще жив, то он изгой в обществе нам подобных и ему постоянно угрожает серьезная опасность, опасность, какую не может представлять для него ни один смертный.

Следовательно, у меня есть еще одна веская причина как можно скорее обеспечить славу и популярность своей книге и рок-группе «Вампир Лестат». Кроме того, я должен был найти Луи. Мне необходимо было поговорить с ним. По правде говоря, после того как я прочел изложение его версии происшедших событий, я почувствовал, что нуждаюсь в нем. Мне недоставало его романтических иллюзий и даже его непорядочности, его озлобленности, прикрытой светскими манерами, и просто присутствия рядом, обманчиво мягкого звука его голоса.

Я, конечно же, ненавидел Луи за всю ту ложь, которую он наговорил обо мне. Однако моя любовь была гораздо сильнее ненависти. Мы провели с ним вместе наиболее мрачные и одновременно самые романтические годы в девятнадцатом веке; ни один бессмертный не был мне лучшим компаньоном, чем он.

Именно ради него жаждал я написать свой роман. Не как ответ на ту злобу, которую он выплеснул на меня в «Интервью с вампиром», но как рассказ обо всем, что я знал и что происходило со мной до того момента, когда мы с ним встретились. Мне хотелось поведать ему о том, о чем я не мог рассказать ему раньше.

Старые запреты не имели для меня никакого значения.

Я собирался нарушить все законы. Я хотел, чтобы моя группа и моя книга заставили выйти на поверхность не только Луи, но и других демонов — всех, кого я когда-то знал и любил. Я жаждал вновь обрести всех, кого некогда потерял, пробудить ото сна тех, кто, подобно мне, спал все эти годы.

Совсем еще неопытные и патриархи, красивые и злобные, безумные и бессердечные — все они последуют за мной, едва лишь увидят наши клипы и услышат наши записи, едва лишь взгляд их упадет на обложку моей книги, выставленной в витрине книжного магазина. Они будут знать, где следует искать меня. Я стану Лестатом — суперзвездой рока. Достаточно бу-

дет приехать в Сан-Франциско и прийти на мой первый концерт. Я буду там.

Была еще одна причина, заставившая меня ввязаться в такого рода предприятие,— причина, таящая в себе весьма серьезную опасность, восхитительная и безумная.

Я не сомневался, что Луи поймет меня. Ибо та же причина заставила его дать это интервью, сделать подобные признания. Я хотел, чтобы смертные узнали о нашем существовании. Хотел объявить о нашем присутствии в мире так же, как сделал это перед Алексом, Ларри, Таф Куки и моим прекрасным адвокатом Кристиной.

То, что они мне не поверили, не имело ровным счетом никакого значения. Пусть думают, что это всего лишь игра. Важно то, что после двухвекового одиночества и изоляции я вновь оказался среди смертных! Я мог произносить свое имя вслух! Я признался в том, кто я на самом деле! Я вернулся в реальный мир.

И все же я пойду гораздо дальше, чем Луи. Его рассказ при всей своей необычности воспринимался как вымысел. В мире смертных это было так же безопасно, как и живые картины, представляемые в старинном парижском Театре вампиров, где на удаленной от публики полутемной сцене злодеи прикидывались актерами, игравшими роли злодеев.

Я же появлюсь на ярко освещенной сцене, перед телекамерами, и буду касаться своими ледяными пальцами тысяч и тысяч протянутых ко мне теплых человеческих рук. Я разверзну перед ними адскую бездну, при виде которой они придут в ужас, я очарую их и, насколько это будет возможно, открою им правду.

И если предположить... только предположить, что случится, когда в городе резко увеличится количество трупов и люди из моего ближайшего окружения неизбежно начнут строить предположения и постепенно укрепляться в своих подозрениях... Если допустить, что искусство вдруг перестанет быть искусством и превратится в реальность!

Что, если они действительно поверят, поймут наконец, что в мире по-прежнему живут древние демонические существа — вампиры? Какая же великая и славная битва может тогда начаться!

О нас узнают все, за нами станут охотиться и в этих сверкающих и по-своему диких городах с нами будут бороться так, как не боролись еще ни с одним чудовищем.

Меня приводила в восхищение сама мысль об этом. Разве не стоило ради этого подвергнуть себя величайшей опасности и потерпеть сокрушительное поражение? Даже в самый разрушительный момент я останусь живым как никогда.

Честно говоря, я не думал, что до этого когда-либо дойдет — то есть что люди поверят в реальность нашего существования. Я никогда не боялся смертных.

Вскоре должна начаться совсем другая война — битва, в которой мы сойдемся вместе. Либо все восстанут против меня одного.

Вот в этом и состояла главная причина создания «Вампира Лестата». Вот в какую игру собирался я вступить.

Если же говорить о чудесной возможности устроить настоящий бунт и вселенскую катастрофу... что ж, сама мысль об этом делала жизнь значительно интереснее...

Пройдя по темной Кэнал-стрит, я вернулся к своему старомодному отелю во Французском квартале и поднялся по ступенькам. Здесь было очень тихо и спокойно, что меня вполне устраивало. Окна выходили на Вьё-Карре, за которой тянулись узкие, в стиле испанских городов улочки, знакомые мне с незапамятных времен.

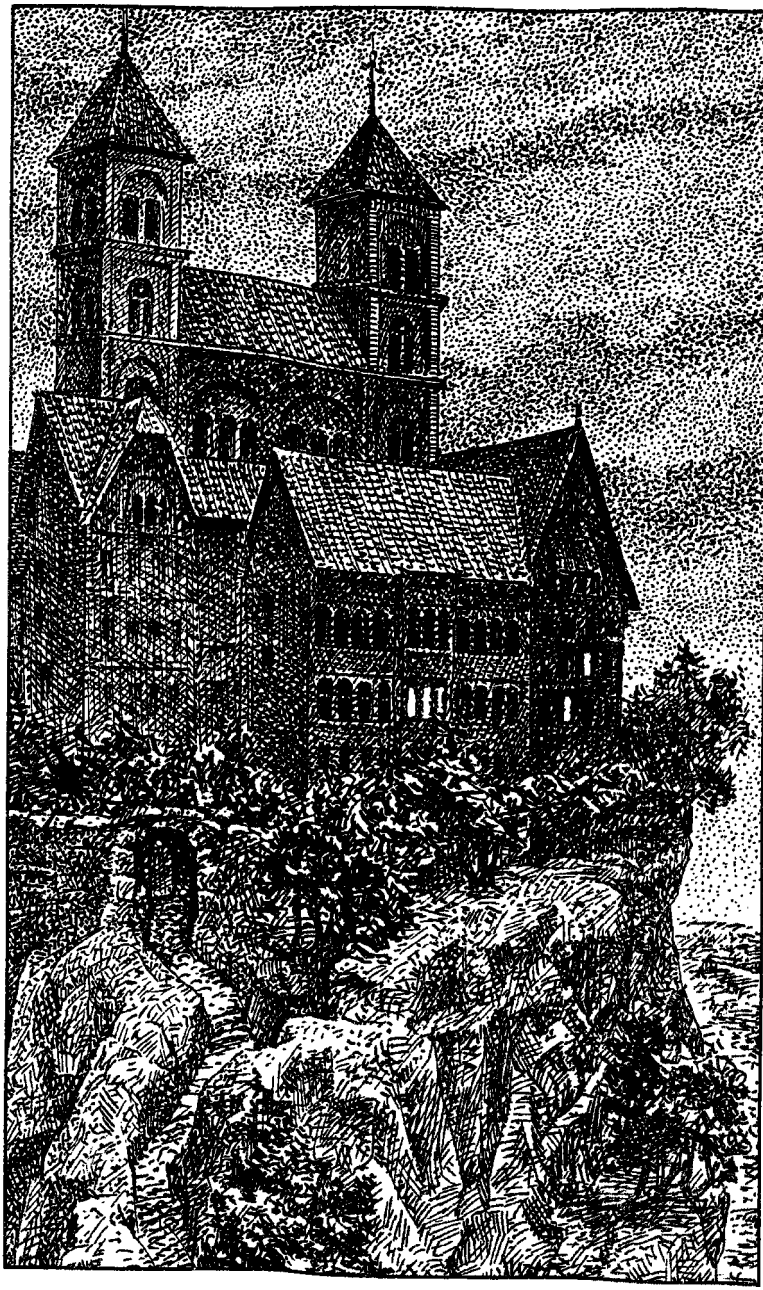
Я включил огромный телевизор и поставил видеокассету с великолепным фильмом Висконти «Смерть в Венеции». В какой-то момент один из героев говорит, что зло является своего рода необходимостью. Он утверждает, что оно служит пищей для гениев.

Я этому не верю. Но мне хотелось бы, чтобы это было правдой. Тогда я мог бы быть просто Лестатом, чудовищем... А уж чудовище из меня отменное! Ну да что об этом...

Вставив чистую дискету в портативный компьютер, я начал писать историю своей жизни.

ЮНОСТЬ, ВОСПИТАНИЕ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАМПИРА ЛЕСТАТА

Часть I

ПОЯВЛЕНИЕ ЛЕЛИО

1

не шел двадцать первый год. Однажды зимой я сел на лошадь и в одиночестве отправился в путь, намереваясь уничтожить стаю волков.

Дело происходило во владениях моего отца во Франции, в провинции Овернь. Шли последние десятилетия перед Великой французской революцией.

Такой ужасной зимы на моей памяти еще не было, а волки постоянно воровали овец у наших крестьян и по ночам даже бегали по улицам деревни.

Для меня это было очень тяжелое время. Я являлся седьмым по счету и самым младшим из троих оставшихся в живых сыновей маркиза — такой титул носил мой отец. Я не мог претендовать ни на титул, ни на земли и не имел никаких перспектив. Подобная судьба зачастую была уготована младшим сыновьям даже в очень богатых семьях, а благосостояние нашей семьи давно ушло в прошлое. Мой старший брат Августин, который по закону должен был унаследовать все наше имущество, едва успев жениться, тут же промотал небольшое приданое своей жены.

Замок моего отца, окружавшее его поместье и расположенная рядом деревня составляли для меня весь мир. От рождения я был очень непоседлив, мечтателен и вечно всем недоволен. Мне не нравилось сидеть у камина и рассуждать о войнах прежних

лет и временах Короля-Солнца. История для меня не имела никакого значения.

Этот мрачный, живущий по старинным законам мир сделал меня охотником. В случае необходимости я приносил домой фазанов, оленину и пойманную в горных реках форель и таким образом кормил всю семью. Со временем сей образ жизни стал для меня привычным, мне не приходилось разделять его ни с кем, что меня вполне устраивало. А кроме того, если бы не я, вся наша семья могла бы умереть с голоду.

Охота на собственных наследственных землях считалась привилегией людей благородного сословия, и, кроме нас, заниматься ею никто не имел права. Даже самый богатый буржуа не смел поднять ружье в моих лесах. Хотя он в этом и не нуждался. У него были деньги.

Дважды пытался я избавиться от такой жизни. И оба раза меня заставляли вернуться к ней, словно птицу со сломанными крыльями. Но об этом я расскажу после.

А в данный момент я думал о снеге, покрывшем горы вокруг, и о волках, наводивших страх на крестьян и воровавших моих овец. А еще о том, что провинция Овернь с незапамятных времен совершенно справедливо считается одной из самых отдаленных.

Если учесть, что я все же был господином, причем единственным из господ, кто способен был держаться в седле и умел стрелять, становится понятным, почему именно ко мне обратились крестьяне со своими жалобами на волков, почему именно от меня ждали они помощи и надеялись, что я смогу расправиться с этими зверями. Это входило в мои обязанности.

Я не испытывал совершенно никакого страха перед волками. За всю свою жизнь я ни разу не слышал, чтобы волки напали на человека. Я мог бы просто отравить их, но существовала опасность, что мясо тоже пропитается ядом. А мясо было слишком ценным продуктом, чтобы портить его таким образом.

Итак, ранним январским утром я вооружился, намереваясь одного за другим убить всех волков. У меня было три кремневых ружья и великолепная кремневая винтовка. Я взял их с собой, прихватив также свои мушкеты и отцовскую шпагу. Кроме того, в последний момент я решил пополнить свой ма-

ленький арсенал еще кое-каким древним оружием, которым никогда прежде не пользовался.

В нашем замке было очень много старинного вооружения. Еще со времен крестовых походов Людовика Святого мои предки принимали участие во множестве великих войн. А потому помимо прочего хранившегося в замке старья на стенах висело великое множество древних боевых мечей, копий и пик, а также булав и цепов.

В то утро я взял с собой огромную булаву — шар с торчавшими во все стороны острыми шипами — и большой цеп — прикрепленный к цепям железный шар, который можно было с неимоверной скоростью и силой опустить на голову противника.

Не забывайте, что это все происходило в восемнадцатом веке, в те времена, когда парижане носили белоснежные парики, изящно ступали в атласных туфлях, презрительно смотрели на тех, кто нюхал табак, и прижимали к носу вышитые носовые платочки.

А теперь представьте себе меня, собравшегося на охоту: сапоги из сыромятной кожи, плащ из оленьей шкуры, привязанное к седлу старинное оружие и два самых крупных мастиффа в ошейниках с шипами.

Таков был мой образ жизни. Точно так же я мог жить и в средние века. Я очень остро чувствовал это и переживал, ибо не раз встречал на почтовых дорогах нарядно одетых путешественников. Столичная знать презрительно называла нас, провинциальных землевладельцев, «зайчатниками». Мы тоже, конечно же, могли сколько угодно смеяться над ними и обзывать «королевскими лакеями». Наш замок стоял уже тысячу лет, и даже великому кардиналу де Ришелье в то время, когда он вел борьбу с представителями нашего сословия, не удалось разрушить эти древние башни. Но, как я уже говорил, история меня мало интересовала.

Поднимаясь в горы, я был зол и чувствовал себя несчастным.

Я жаждал сразиться с волками. Если верить крестьянам, стая состояла из пяти зверей, а у меня были прекрасные ружья и два пса, способных перекусить своими мощными челюстями волчьи хребты.

Уже более часа я поднимался по горным склонам. Наконец я достиг небольшой долины, которую, насколько мне было известно, не мог засыпать никакой снегопад. Через обширное пустое пространство я направился к голому в это время года лесу, и тут до меня донесся вой первого волка.

Через секунду завыл второй волк, потом еще один и еще... и вскоре их голоса слились в единый мощный хор. Я не мог определить, сколько их было в стае, понял лишь, что они меня увидели и подавали сигналы друг другу, призывая всех собраться вместе. Именно на это я и рассчитывал.

Не могу сказать, что в те минуты я испытывал страх. Но ощущения были такими, что волосы у меня встали дыбом. На всем огромном, казавшемся пустым пространстве я был совершенно один. Я приготовил ружья и приказал собакам прекратить рычать и следовать за мной. В голову мне закралась смутная мысль, что лучше бы мне побыстрее уйти с открытого места и укрыться в лесу.

Собаки предупреждающе и тревожно залаяли. Оглянувшись через плечо, в нескольких сотнях ярдов позади я увидел волков, несущихся по снегу в мою сторону. Три огромных волка двигались в ряд.

Я помчался к лесу.

Мне казалось, что я без труда успею до него добраться, прежде чем волки меня настигнут. Но я не учел, что волки — животные чрезвычайно умные. Пока я скакал, остальные представители стаи — пять матерых волков — оказались впереди меня, отрезая мне путь слева. Это была засада, и я понял, что мне не удастся вовремя достичь леса. В стае было восемь волков, а не пять, как утверждали крестьяне.

Даже в тот момент у меня не хватило здравого смысла, чтобы испугаться. Мне и в голову не пришло, что эти огромные звери голодны, ибо в противном случае они никогда не появились бы в деревне. Их естественная терпимость по отношению к человеку полностью исчезла.

Я приготовился к сражению. Прикрепив к ремню цеп, я поднял ружье и прицелился. Уложив в нескольких ярдах от себя матерого самца, я стал перезаряжать ружье, в то время как собаки и волки сцепились между собой.

Из-за шипов на ошейниках волкам не удавалось вонзить клыки собакам в шею. В первые же минуты этой всеобщей свалки псы с помощью мощных челюстей завалили одного из волков. Я выстрелил и уложил другого.

Но стая уже окружила собак. Я делал выстрел за выстрелом, стараясь перезаряжать ружья как можно быстрее и целиться как можно точнее, чтобы не попасть в собак, как вдруг увидел, что та из них, которая была поменьше, рухнула в снег с переломанными задними лапами. Снег окрасился кровью. Звери накинулись на умирающего пса, и второму удалось выбраться из общей кучи. Однако через пару минут волки вновь на него набросились, вспороли бедняге брюхо и убили его.

Как я уже говорил, мои мастиффы были животными очень мощными и крепкими. Я сам вырастил и выдрессировал их. Каждый весил более двухсот фунтов. Я всегда брал их с собой на охоту и, хотя сейчас я называю их просто собаками, всегда звал псов только по именам. Увидев, как они погибли у меня на глазах, я наконец понял, в какую сложную ситуацию попал и что может произойти дальше.

Все это случилось за несколько минут.

Четыре волка были убиты. Еще один лежал покалеченный. Но оставались еще три зверя, один из которых отвлекся от кровавой трапезы, перестал рвать на части собаку и, скосив глаза, пристально смотрел на меня.

Я выстрелил из винтовки, промахнулся, выстрелил из мушкета, но в тот момент, когда волк бросился на меня, лошадь моя попятилась.

Остальные волки, как по команде, прекратили терзать свои жертвы. Резко дернув повод, я пустил лошадь мчаться во весь опор в сторону спасительного леса.

Я слышал позади себя яростное рычание и лязг звериных зубов, но ни разу не обернулся. Но вдруг почувствовал, как волчьи зубы вцепились в мою лодыжку. Выхватив еще один мушкет, я повернулся налево и выстрелил. Мне показалось, что волк вдруг резко встал на задние лапы, однако почти мгновенно он исчез из виду, а моя кобыла неожиданно остановилась. Я едва не упал. Задние ноги лошади подкосились.

Мы были почти у самого леса, и я успел соскочить с лошади, прежде чем она рухнула на землю. У меня оставалось еще одно

заряженное ружье. Повернувшись и держа его для верности обеими руками, я тщательно прицелился в готового броситься на меня волка и снес ему верхнюю половину башки.

Теперь хищников осталось двое. Лошадь издавала тяжелые стоны, которые затем переросли в мучительный крик,— ничего более жуткого мне не доводилось слышать за всю мою жизнь. На нее набросились два оставшихся волка.

Я стрелой помчался по снегу, чувствуя ногами скрытую под ним твердую мерзлую землю. Мне необходимо было как можно скорее добраться до деревьев. Если я успею перезарядить ружья, то смогу пристрелить волков оттуда. Но вокруг не было ни одного дерева с ветками, которые росли бы достаточно низко, чтобы я мог ухватиться за них.

Я подпрыгнул, пытаясь достать до сука, однако ноги скользнули по обледенелому насту, и я упал на спину. Волки были совсем рядом. Времени, чтобы перезарядить единственное остававшееся у меня ружье, не было. Теперь вся надежда на цеп и на шпагу, потому что булаву я где-то потерял.

Пока я с трудом поднимался на ноги, мысли в голове у меня лихорадочно крутились. Я понимал, что могу погибнуть. Но не допускал даже мысли о том, чтобы сдаться. Я обезумел, можно сказать, озверел до такой степени, что сам едва не рычал. Повернувшись лицом к волкам, я пристально посмотрел в глаза тому, который оказался ближе ко мне.

Широко расставив ноги для большей устойчивости, я взял в левую руку цеп, а правой выхватил шпагу. Волки остановились. Передний в свою очередь внимательно посмотрел на меня, потом пригнул к земле голову и осторожно сделал несколько шагов в сторону. Второй в это время словно ожидал какого-то невидимого мне сигнала. Первый снова устремил на меня неподвижный взгляд и вдруг бросился вперед.

Я принялся размахивать цепом таким образом, чтобы шар с шипами описывал вокруг меня круги. Я отчетливо слышал собственное хриплое дыхание и чувствовал, что колени мои сами собой сгибаются, будто готовясь к прыжку. Нацелив цеп в челюсть волку, я взмахнул им изо всей силы, но лишь слегка задел волчью голову.

Волк отскочил прочь, а второй тем временем бегал вокруг меня, то приближаясь, то вновь отпрыгивая. Потом оба хищника стали крутиться возле меня на расстоянии достаточно

близком, чтобы заставить меня размахивать шпагой и цепом, но каждый раз волки успевали вовремя отбежать.

Не знаю, сколько времени это продолжалось, однако в конце концов я понял их стратегию. Они намеревались измотать меня, а у них самих сил оставалось вполне достаточно. Для них это было не более чем игрой.

Я вертелся во все стороны, бросался вперед и снова отступал, иногда чуть не падал на колени. Думаю, все это продолжалось не более получаса, но в той ситуации время нельзя было измерять обычными мерками.

Вскоре я уже едва держался на ногах, а посему решился на последний отчаянный шаг. Опустив оружие, я неподвижно замер на месте. Надежды мои оправдались — волки подошли совсем близко, уверенные в том, что на этот раз им наконец удастся убить меня.

В последнюю секунду я резко взмахнул цепом и почувствовал, как под ударом железного шара хрустнули кости. Волк вздернул вверх голову, и я тут же полоснул по его шее шпагой.

Второй волк был уже возле меня. Я ощутил, как зубы его вцепились в мои бриджи, еще секунда — и он разорвет мне ногу. Ударив клинком, я рассек ему морду, попав заодно по глазу, а спустя мгновение на волчью голову опустился железный шар цепа. Зверь разжал челюсти. Отпрыгнув назад, я получил возможность снова замахнуться шпагой и на этот раз всадил ее волку в грудь по самую рукоятку, а потом выдернул обратно.

Битва была окончена.

Волчьей стае пришел конец, а я остался жив.

Тишину, царившую на огромном, пустом, заснеженном пространстве, нарушало теперь лишь мое тяжелое прерывистое дыхание, да издалека доносились пронзительные вопли несчастной подыхающей кобылы.

Почуяв мое приближение, она сделала отчаянную попытку подняться на передние ноги и вновь издала жалобный, полный боли и муки крик, который отразился от гор и достиг, казалось, самих небес. Я продолжал стоять, глядя на ее искалеченное туловище, черневшее на фоне ослепительно белого снега, на ее неподвижные задние ноги и на судорожно дергавшиеся в тщетных попытках подняться передние, на задранную кверху голову с прижатыми ушами и на закатывающиеся огромные наивно-невинные глаза. Она походила на полураздавленное на-

секомое. Однако она не была насекомым. Она была моей страдающей, но не желавшей сдаваться кобылой. Она вновь попыталась встать.

Сняв с седла ружье, я медленно зарядил его. И в то время как она продолжала мотать головой и одну за другой предпринимать тщетные попытки подняться, я выстрелил ей прямо в сердце.

Теперь ее муки закончились. Она была мертва и неподвижно лежала на снегу, который постепенно окрашивался потоком льющейся из ее тела крови. Вокруг стояла гробовая тишина. Меня трясло как в лихорадке. Вдруг я услышал какой-то странный сдавленный звук и увидел на снегу рвотные массы, не сразу осознав, что и то и другое принадлежало мне. Воздух вокруг был напоен запахом волков и крови. Попытавшись сдвинуться с места, я чуть не рухнул.

И все же я продолжал, не останавливаясь, двигаться вперед, мимо уничтоженных мною волков, пока наконец не дошел до того, который едва не убил меня и которого я заколол последним. Взвалив его на плечи, я побрел по направлению к дому.

Обратный путь занял, наверное, около двух часов.

Но так это или не так, я опять же не знаю точно. Пока я шел, я снова и снова вспоминал и переживал все, что происходило со мной во время сражения с волками. Каждый раз, когда я спотыкался и падал, внутри меня словно что-то застывало, мне становилось все хуже и хуже.

К тому времени, когда я достиг наконец ворот замка, мне казалось, что я перестал быть Лестатом. Уже не я, а кто-то совершенно другой, пошатываясь, вошел в большой зал, неся на плечах остывшую тушу огромного волка. Неожиданно яркий свет огня в камине раздражающе действовал на мои глаза. Я был измотан до предела.

Я увидел, как навстречу мне встали из-за стола мои братья, как мать успокаивающе похлопывает по руке слепого отца, с тревогой спрашивающего, в чем дело. Я даже начал было объяснять им что-то, но что именно я в тот момент говорил, я не помню, знаю только, что голос мой звучал совершенно ровно и изложение событий было предельно простым;

«А потом... А потом...» — что-то в этом роде.

Неожиданно мой брат Августин вернул меня к действительности. Он подошел ко мне, и его силуэт четко возник на фоне

огня, горевшего в камине. Холодным и резким голосом он прервал мою монотонную речь:

— Врешь, негодяй! Ты не мог уничтожить восемь волков! — на лице его явственно читалось отвращение.

Однако самое примечательное состояло в другом: едва эти слова слетели с его губ, он вдруг понял, что совершил ошибку.

Возможно, причиной тому послужило выражение моего лица. А может быть — возмущенный шепот матери или молчание моего второго брата. Как бы то ни было, на его лице почти мгновенно возникло выражение полнейшего замешательства.

Он стал бормотать о том, что все это просто уму непостижимо, что я мог погибнуть, что слугам, наверное, следует сейчас же разогреть для меня бульон и так далее в том же духе. Однако все его усилия оказались тщетными. В тот краткий миг случилось нечто такое, что исправить было уже нельзя. Следующее, что осталось в моей памяти,— это как я лежу один в своей комнате. На моей кровати не спали собаки, как это всегда бывало прежде. Теперь они были мертвы. Несмотря на то что огонь в камине не горел, я, как был — грязный и окровавленный, забрался под одеяло и провалился в глубокий сон.

Много дней не выходил я из своей комнаты.

Августин приходил ко мне и рассказал, что крестьяне поднялись в горы, нашли там убитых волков и принесли их в замок. Но я даже не удостоил его ответом.

Прошло, наверное, около недели. Как только я почувствовал, что способен выносить присутствие других собак, я отправился на псарню и привел оттуда двух уже достаточно больших щенков, чтобы они составили мне компанию. Ночью они спали по обе стороны от меня.

Слуги входили и выходили, но никто из них не отваживался меня побеспокоить.

Но однажды ко мне в комнату бесшумно и едва ли не крадучись вошла моя мать...

2

Был уже вечер. Я сидел на кровати, рядом со мной удобно вытянулся один из щенков, другой пристроился возле моих ног. В камине ярко пылал огонь.

Наверное, следовало ожидать, что мать наконец-то меня навестит.

Несмотря на полумрак, я тотчас же узнал свойственную только ей одной манеру двигаться и не произнес ни слова, хотя любому другому, кто посмел бы войти сейчас ко мне, я немедленно приказал бы убираться вон.

Я любил ее беззаветно и безгранично, как никого и никогда во всем мире. Одним из наиболее привлекательных ее качеств было для меня то, что она никогда не произносила ничего обыденного.

«Закрой дверь», «Ешь суп», «Сиди спокойно» — ничего подобного ни разу не слетело с ее губ. Она очень много читала. По правде говоря, она была единственной в нашей семье, кто получил хоть какое-то образование. И если уж она говорила что-то, это было действительно достойно того, чтобы слушать. Вот почему я не чувствовал тогда на нее обиды.

Напротив, во мне проснулось любопытство. Что хочет она мне сказать, и сумею ли я понять ее, будет ли мне интересно ее слушать? Я не звал ее, я даже не думал о ней, я даже не повернулся ей навстречу, продолжая смотреть на огонь в камине.

Но между нами существовало полное взаимопонимание. Когда после неудачной попытки убежать из дома меня вернули обратно, именно она помогла мне преодолеть мучившую меня душевную боль. Она творила для меня чудеса, хотя никто вокруг этого не замечал.

Впервые она решительно вмешалась в мою жизнь, когда мне было двенадцать лет и старенький приходский священник, который учил меня читать наизусть стихи и немного разбираться в латыни, предложил послать меня в школу при соседнем монастыре.

Мой отец решительно отказался, заявив, что я могу научиться всему необходимому в собственном доме. И тогда мать оторвалась от своих книг и вступила с отцом в решительную и яростную битву. Она сказала, что, если я сам того хочу, я непременно поеду в школу. Чтобы купить мне книги и одежду, она продала одну из своих драгоценностей. Эти драгоценности достались ей по наследству от бабушки-итальянки, и каждая из них имела свою историю. Вот почему ей непросто было ре-

шиться на такой шаг, но тем не менее она сделала это не раздумывая.

Мой отец очень рассердился и сказал, что, случись нечто подобное в то время, когда он еще был зрячим, он непременно сумел бы настоять на своем. Мои братья заверили его, что отсутствие младшего сына не будет долгим, что я примчусь домой, как только меня заставят делать что-либо против моей воли.

Они ошиблись — я и не мыслил о возвращении домой. Мне очень нравилось учиться в монастырской школе.

Мне нравились часовня и песнопения, библиотека, где хранились тысячи книг, колокольный звон, разделявший на части дни, ежедневно повторявшиеся обряды. Меня восхищала царившая повсюду чистота, всепоглощающее ощущение того, что все здесь находится на своих местах и содержится в образцовом порядке, что в огромном доме и в саду всегда можно найти себе занятие.

Когда мне делали замечание, что, надо сказать, случалось не так уж и часто, я испытывал восторженное чувство, вызванное тем, что впервые в моей жизни кто-то действительно пытается вырастить из меня хорошего человека и верит в мои способности.

Через месяц я объявил о том, что нашел свое призвание. Я хотел вступить в члены ордена, собираясь провести всю жизнь среди безупречной чистоты, царствовавшей по эту сторону монастырских стен, в библиотеке, где я мог писать на пергаменте или учиться читать древние книги. Я намеревался навсегда остаться с теми, кто верил, что при желании я могу стать хорошим человеком.

Самое удивительное, что меня там любили. Окружающие не сердились на меня, я их не раздражал.

Узнав о моем решении, отец настоятель немедленно написал моему отцу, чтобы испросить у него разрешения. Откровенно говоря, я был уверен, что отец будет рад возможности избавиться от меня.

Но через три дня приехали мои братья, чтобы забрать меня домой. Я плакал, умолял оставить меня в монастыре, но отец настоятель был бессилен что-либо сделать.

Как только мы возвратились в замок, братья отобрали все мои книги и посадили меня под замок. Я не в силах был понять

причину их гнева. Я догадывался, что в какой-то момент повел себя глупо. Меряя шагами комнату из угла в угол, я беспрестанно плакал, стуча кулаками обо все, что попадалось под руку, и барабаня в дверь.

Потом меня стал навещать мой брат Августин, чтобы побеседовать со мной. Поначалу он ходил вокруг да около, но постепенно выяснилось, что ни один представитель столь знатной семьи французских дворян никогда не станет бедным учительствующим монахом. Как случилось, что я не смог понять такую простую вещь? Меня послали туда, чтобы я научился читать и писать. Почему же меня вечно тянет на крайности? Почему я всегда, словно дикарь, подчиняюсь только своим инстинктам?

Даже если говорить о реальных перспективах в лоне Церкви — ведь я младший сын в семье. Разве не так? Следовательно, я должен подумать о своих обязанностях по отношению к племянникам и племянницам.

Короче, все его речи сводились к следующему: у нас нет денег, чтобы обеспечить тебе достойную карьеру священнослужителя, добиться для тебя сана епископа или кардинала, как того требует наше происхождение. Стало быть, ты обречен провести свою жизнь здесь, оставаясь неучем и нищим. А теперь ступай в большой зал и поиграй с отцом в шахматы.

Когда до меня наконец дошел весь трагизм моего положения, я разрыдался прямо за ужином, бормоча себе под нос слова, которые в моей семье никто не способен был понять,— о «хаосе», царящем в нашем доме.

Позже ко мне пришла мать.

— Ты не знаешь, что такое хаос,— сказала она.— Как же ты можешь употреблять подобные слова?

— Нет, знаю,— ответил я и стал говорить ей о грязи и упадке, царящих повсюду, рассказывать о том, как было хорошо и чисто в монастыре, об упорядоченной жизни его обитателей и о том, что при желании каждый может там хоть чего-то добиться.

Она не стала спорить со мной. Несмотря на свою молодость, я все же сумел почувствовать, что к моим словам она отнеслась с удивительной теплотой. На следующий день она взяла меня с собой в поездку.

Наше путешествие длилось приблизительно полдня. Наконец мы подъехали к великолепному особняку, принадлежавшему одному из наших соседей-землевладельцев, и хозяин его вместе с моей матерью повели меня на псарню, где предложили выбрать щенков из недавно появившегося на свет помета мастиффов.

Мне никогда не приходилось видеть ничего более красивого и трогательного, чем эти крохотные существа. А наблюдавшие за нами взрослые собаки напоминали огромных ленивых львов. Зрелище было просто восхитительным.

От волнения я даже не мог сделать свой выбор. Владелец этого сокровища посоветовал мне взять кобеля и суку и сам выбрал их для меня. Всю дорогу до дома я держал корзинку со щенками на коленях.

Через месяц мать купила мне первый в моей жизни кремневый мушкет и первую лошадь для поездок верхом.

Она никогда не объясняла причину своего поведения. Но у меня на этот счет было свое мнение. Я вырастил этих собак, сам дрессировал их, и они стали родоначальниками моей собственной псарни.

К шестнадцати годам я превратился в настоящего охотника и вместе с собаками практически все время проводил в полях.

Однако дома я по-прежнему оставался чужим. Никто не хотел слушать мои рассуждения о необходимости восстановления виноградников или возделывания заброшенных полей, о том, что следует наконец лишить наших арендаторов возможности постоянно нас обкрадывать.

Я был бессилен что-либо изменить. Однообразное течение жизни, медленное разрушение всего, что меня окружало, казались мне убийственными.

Пытаясь хоть чем-то нарушить монотонность существования, я каждый праздник ходил в церковь, а когда в деревне происходили ярмарки, проводил на них почти все свободное время, с удовольствием участвуя в обычно недоступных для меня развлечениях и созерцая представления, хотя бы на короткое время избавлявшие меня от ежедневной рутины.

Почти каждый год на ярмарках выступали одни и те же жонглеры, мимы и акробаты. Но для меня это не имело никакого значения. В любом случае это вносило хоть какое-то раз-

нообразие в смену времен года и было все лучше, чем бесконечные и пустые разговоры о былых временах и прежних победах.

В тот год, когда мне исполнилось шестнадцать лет, в наших краях появилась бродячая труппа итальянских актеров. Они путешествовали в раскрашенном фургоне, задняя часть которого служила им сценой. Ничего более прекрасного мне еще не приходилось видеть. Они разыгрывали старинную итальянскую комедию, героями которой были Панталоне, Пульчинелла и юные влюбленные Лелио и Изабелла, а также старый доктор. В этом представлении использовались все приемы старого театра.

Их выступления привели меня в полнейшее смятение. Мне еще не доводилось видеть такого насыщенного остроумием, живостью и жизнеутверждающей силой действа. Я был в восторге, даже несмотря на то, что иногда они произносили текст так быстро, что я не успевал понять смысл.

Когда представление закончилось и актеры собрали деньги, обойдя зрителей по кругу, я увязался за ними и в местном кабачке угостил их большим количеством вина, хотя такой жест был мне, честно говоря, не по средствам. Но мне очень хотелось поговорить с ними.

Меня переполняла невыразимая любовь к этим людям. Они объяснили мне, что у каждого актера есть постоянная роль, что они никогда не заучивают текст, а импровизируют прямо на сцене. Достаточно знать имя своего персонажа, понимать характер и заставлять его произносить именно то, что он должен, по вашему мнению, говорить в данный момент. В этом состояла главная основа такого рода театра.

Он назывался «комедия дель арте».

Я был буквально заворожен. Я влюбился в юную девушку, игравшую Изабеллу. Вместе с актерами отправился в вагончик и тщательно рассмотрел все костюмы и нарисованные декорации. А когда мы вновь пили в кабачке, они позволили мне исполнить роль юного возлюбленного Изабеллы Лелио и потом долго аплодировали, говоря, что у меня, несомненно, есть талант и что я вполне мог бы наравне с ними участвовать в представлениях.

Поначалу я подумал, что они просто льстят мне, но их слова звучали так искренне, что меня перестало заботить, являются ли они лестью на самом деле.

Когда на следующее утро их вагончик выезжал из деревни, он увозил и меня. Я спрятался в самой его глубине, прихватив с собой завернутую в одеяло одежду и несколько монет — все мои сбережения. Я собирался стать актером.

Должен напомнить вам, что в старинных итальянских пьесах Лелио непременно обладает привлекательной внешностью — ведь он, как я уже говорил, один из возлюбленных и играет свою роль без маски. Если при этом он не лишен достоинства и аристократических манер, тем лучше, ибо все эти качества являются частью его роли.

Актеры считали, что я обладаю всеми необходимыми данными. Они без промедления начали репетировать со мной, дабы я смог принять участие в ближайшем представлении. Накануне выступления я ходил вместе с ними по городу, призывая всех прийти и посмотреть нашу пьесу. Надо сказать, мне было очень интересно осматривать этот город, который был намного больше моей деревни.

Я был на седьмом небе от счастья. Однако ни само путешествие, ни подготовка к спектаклю, ни дружеские отношения с актерами не шли ни в какое сравнение с теми близкими к экстазу ощущениями, которые я испытал, когда впервые вышел на маленькую деревянную сцену.

Я неотступно преследовал Изабеллу. Во мне вдруг открылись такие способности к стихосложению и такое остроумие, каких я никогда в себе не подозревал. Я слышал, как голос мой эхом отражается от окружавших меня каменных стен. Слышал звучавший в ответ смех зрителей. Чтобы заставить меня наконец остановиться, моим товарищам пришлось утащить меня со сцены. И тем не менее они не сомневались в том, что мы имели огромный успех.

В ту ночь актриса, игравшая роль моей возлюбленной, по-своему совершила обряд моего посвящения. Последнее, что я слышал, засыпая в ее объятиях, были слова о том, что скоро мы приедем в Париж, выступим там на Сен-Жерменской ярмарке, а потом уйдем из труппы и станем работать на парижском бульваре Тамплиеров, до тех пор пока не сумеем попасть в «Комеди Франсез», где будем играть для Марии-Антуанетты и короля Людовика.

Наутро, открыв глаза, я не увидел ни ее, ни других актеров... Возле меня были лишь мои братья.

Я так никогда и не узнал, каким образом — подкупом или угрозами — им удалось заставить моих друзей бросить меня. Скорее всего, с помощью последнего. Как бы то ни было, меня снова вернули домой.

Конечно же, мой поступок привел в ужас всю семью. Желание двенадцатилетнего мальчика стать монахом еще простительно. Но театр нес на себе печать дьявола. Даже великому Мольеру было отказано в христианском погребении. А я посмел сбежать с шайкой оборванцев, с бродячими итальянскими актерами, да еще позволил им выкрасить белой краской мое лицо и играл вместе с ними на городской площади за деньги.

Меня жестоко избили, а когда я в ответ осыпал братьев всеми известными мне проклятиями, меня избили еще раз.

Наихудшим наказанием, однако, послужило мне выражение лица матери. Ведь даже ее не предупредил я о своем бегстве и тем самым очень обидел, чего никогда не случалось прежде.

Однако она никогда ни словом не обмолвилась о происшедшем.

Поднявшись ко мне в комнату, она застала меня в слезах. Да и ее глаза были влажными. И тут случилось нечто, чего я от нее никак не мог ожидать,— она положила мне на плечо руку.

Я не рассказал ей о том, что пережил за эти несколько дней. Думаю, она и без слов все понимала. Я безвозвратно утратил нечто волшебное и очень для меня дорогое. И вновь она проявила неповиновение и пошла против воли моего отца — она навсегда положила конец всякого рода обвинениям в мой адрес, наказаниям и ограничениям в отношении меня.

Она потребовала, чтобы за столом я сидел рядом с ней. Она беседовала со мной, что обычно не было ей свойственно, прислушивалась к моему мнению и в конце концов сумела победить и разрушить враждебное ко мне отношение со стороны других членов семьи.

И наконец, она продала еще одну из своих фамильных драгоценностей и купила для меня великолепное охотничье ружье, которое я и взял с собой в тот день, когда отправился сражаться с волками.

Оружие было настолько совершенным и дорогим, что мне, несмотря на горе и отчаяние, не терпелось поскорее опробовать его в деле. Мать сделала мне еще один бесценный пода-

рок — холеную гнедую кобылу, такую сильную и быструю, каких мне не доводилось видеть прежде. Однако все это не сравнится с миром и душевным спокойствием, которые я обрел благодаря своей матери.

И все же меня не покидала запрятанная где-то в глубине моего сердца горечь.

Мне не забыть было тех ощущений, которые я испытывал, играя роль Лелио. Меня по-прежнему мучили воспоминания о случившемся, и никогда больше я не посещал деревенские ярмарки. Я смирился с мыслью о своей обреченности навсегда остаться в этих местах. Но самое странное состояло в том, что, по мере того как росло мое отчаяние, я приносил все больше и больше пользы семье и окружавшим меня людям.

К тому времени, когда мне исполнилось восемнадцать лет, я сумел внушить нашим слугам и арендаторам страх перед Господом. Я был единственным кормильцем в семье, мысль об этом приносила мне удовлетворение. Не знаю почему, но мне было приятно, сидя за столом, отмечать про себя, что все присутствующие едят плоды моего труда.

Все то, о чем я только что рассказал, тесно связало меня с моей матерью и подарило нам великую взаимную любовь, оставшуюся не замеченной окружающими и, пожалуй, такую, которой сами они никогда в жизни не знали.

И вот теперь мать пришла ко мне именно в тот момент, когда я сам себя не понимал и был не в состоянии переносить общество кого-либо еще.

Не отрывая взгляда от огня, я слышал ее шаги и чувствовал, как она подходит к моей кровати и садится рядом.

Стояла полная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в камине и ровным, глубоким дыханием спящих собак.

Когда я наконец искоса взглянул на мать, в душе у меня возникло смутное ощущение тревоги.

В течение всей зимы она беспрестанно кашляла и сейчас выглядела совершенно больной. Впервые в жизни я понял, что ее красота, которую я всегда так высоко ценил, не может быть вечной.

Лицо ее было худым, но высокие и довольно широкие скулы обладали тем не менее совершенной формой и казались очень нежными. Из-под густых пепельно-серых ресниц на меня смотрели ясные кобальтово-синие глаза.

Единственным недостатком можно было считать то, что все черты ее лица казались очень мелкими, отчего она по-прежнему походила на маленькую девочку. В минуты гнева глаза ее делались еще меньше, а нежный ротик казался суровым и твердым. Впрочем, уголки его никогда не опускались, и сами губы не имели обыкновения кривиться — уста ее всегда напоминали мне нежную розу. Когда же она сердилась, ее улыбка на фоне гладких и нежных щек по какой-то непонятной причине производила впечатление презрительной гримасы.

Даже сейчас, со слегка запавшими щеками и осунувшимся лицом, она казалась мне очень красивой. Да она и была по-прежнему прекрасна. Мне нравилось на нее смотреть, любоваться густыми светлыми волосами, которые, кстати, я унаследовал именно от матери.

Должен сказать, я вообще очень похож на нее, во всяком случае — внешне. Но мои черты в целом крупнее, грубее, а рот гораздо более подвижен и временами может быть очень чувственным. По моему внешнему виду вы легко можете заметить, что я обладаю чувством юмора, способен на озорство и в любой момент готов разразиться истерическим хохотом. Эти качества были свойственны мне всегда, даже в самые тяжелые минуты жизни. Она же смеялась очень редко, а временами производила впечатление весьма холодной женщины. И все-таки ей всегда были присущи нежность и обаяние маленькой девочки.

Так вот, когда она присела ко мне на кровать, я стал внимательно, возможно даже чересчур пристально, присматриваться к ней, но она тут же заговорила.

— Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь,— сказала она.— Ты всех их ненавидишь. И причина тому — все, что пришлось тебе пережить и что они не в силах понять. Они и представить себе не могут, что именно произошло с тобой там, в горах.

В ее словах чувствовалось какое-то холодное восхищение. Я продолжал молчать, но по моему виду она догадалась, что ее предположения были верны.

— Нечто подобное я чувствовала, когда рожала своего первенца,— продолжала она.— Мои мучения длились двенадцать часов, и все это время я находилась в плену невыносимой боли, сознавая, что избавить меня от нее может только рождение или смерть ребенка. Когда же наконец все было позади и на руках у меня лежал твой брат Августин, я никого не желала видеть возле себя. И отнюдь не потому, что считала окружающих виновными в своих страданиях. Все дело было в том, что мне пришлось испытать такие муки, пройти через все крути ада, в то время как им не довелось побывать в этом аду. Я вдруг почувствовала себя всеми покинутой. Казалось бы, вполне обычный акт зарождения новой жизни заставил меня понять истинное значение слова «одиночество».

— Да, да, именно так,— потрясенно отозвался я.

Она не ответила. Я бы удивился, поступи она по-другому. Мать сказала лишь то, ради чего пришла, и вовсе не собиралась вести со мной долгую беседу. Она, однако, положила мне на лоб руку, что тоже было для нее весьма необычным, а потом внимательно оглядела меня. Только тогда я вспомнил вдруг, что все это время на мне была испачканная кровью одежда, и осознал, как, должно быть, отвратительно я выгляжу.

Какое-то время она продолжала молчать.

Я сидел, глядя мимо нее на горевший в камине огонь, и мне хотелось так много сказать ей, особенно о том, как я ее люблю.

Но я не посмел это сделать. Слишком свежи были воспоминания о ее манере решительно прерывать меня, если я заговаривал с ней. В моем отношении к матери удивительно сочетались огромная любовь и величайшая обида.

Всю жизнь я видел ее за чтением итальянских книг, смотрел, как она пишет письма разным людям в Неаполь, где прошли ее детство и юность, но при этом у нее никогда не хватало терпения обучить меня или моих братьев алфавиту. Ничего не изменилось и после моего возвращения из монастыря. В двадцать лет я не умел ни читать, ни писать, за исключением разве что нескольких молитв и своего имени. Я ненавидел ее книги, меня выводила из себя ее погруженность в иной мир.

Где-то в глубине души я ненавидел даже мысль о том, что только невыносимая боль, которую я сейчас испытывал, оказа-

лась способна вызвать в матери хоть какое-то подобие интереса и теплого чувства ко мне.

И все же она была моим единственным спасителем. Только она. А я так устал от одиночества! Наверное, подобные чувства человек может испытывать только в юности.

Сейчас она покинула стены библиотеки — своего постоянного убежища — и была рядом со мной. Она была добра и внимательна ко мне.

Когда я наконец понял, что она не встанет сию же минуту и не уйдет, я осмелился заговорить с ней.

— Матушка,— тихо сказал я,— это еще не все. До того как все это произошло, я временами испытывал ужасные чувства.— Лицо ее оставалось непроницаемым, и я продолжил: — Иногда мне снилось, что я убиваю их всех. В своих видениях я убивал своих братьев и отца, я шел из комнаты в комнату и уничтожал их точно так же, как уничтожил волков. Я ощущал в себе непреодолимое стремление убивать...

— И я тоже, сынок,— ответила она.— И я тоже...— Она взглянула на меня, и лицо ее при этом осветилось очень странной улыбкой.

Я придвинулся к ней, наклонился ближе и, понизив голос, продолжал:

— Мне снится, что я кричу, когда это происходит, что лицо мое искажено гримасой, а из широко раскрытого рта вырываются дикие вопли и визг.

Она вновь понимающе кивнула, и мне показалось, что глаза ее освещены изнутри странным огнем.

— А когда я сражался с волками там, в горах, матушка... я испытывал примерно такие же ощущения.

— Только примерно? — спросила она.

Я кивнул.

— Когда я убивал волков, мне казалось, что это делаю не я, а кто-то другой. Даже сейчас я не могу с точностью сказать, кто именно сидит рядом с тобой — твой сын Лестат или тот, другой,— убийца.

В течение долгого времени мать не произнесла ни слова.

— Нет,— наконец вымолвила она,— волков убил именно ты. Ведь ты же охотник, воин. Твоя беда в том и состоит, что ты намного сильнее всех остальных, живущих здесь.

В ответ я лишь покачал головой. Да, ее слова таили в себе правду, но дело было совсем не в этом. Причина моих несчастий состояла совершенно в другом. Но какой смысл говорить об этом сейчас?

Мать на мгновение отвернулась, потом снова взглянула на меня.

— Но в тебе заключено не одно, а сразу несколько существ,— сказала она.— Ты одновременно и обыкновенный человек, и убийца. И ты не должен позволять убийце одержать победу только лишь потому, что ты их ненавидишь. Ради возможности покинуть эти места ты не имеешь права взваливать на себя бремя убийства или безумия. Вне всяких сомнений, существуют и другие пути.

Ее последние слова потрясли меня до глубины души, ибо она сумела добраться до самой сути. Меня поразил вложенный в них смысл.

Меня никогда не покидало ощущение, что мне не удастся победить, оставаясь при этом добродетельным человеком. Быть великодушным и добрым означало потерпеть поражение. Разве что мне удастся найти какие-либо иные критерии добродетели.

Какое-то время мы сидели неподвижно и молча. Между нами возникла вдруг необычная даже для наших отношений близость. Мать не сводила взгляда с огня, поглаживая густые, уложенные кольцом на затылке волосы.

— Знаешь, какие мысли иногда приходят мне в голову? — спросила она.— Не столько о том, чтобы убить их, сколько о том, чтобы навсегда покинуть и таким образом заставить почувствовать, что такое полное пренебрежение их интересами. Мне представляется, что я все пью и пью вино, пока наконец не напиваюсь до такой степени, что полностью раздеваюсь и обнаженной купаюсь в горной реке.

Я едва сдержал смех. Однако моя веселость несла на себе некий отпечаток возвышенности. На какое-то мгновение мне вдруг показалось, что я неправильно понял ее слова. Но, внимательно вглядевшись в лицо матери, я убедился в том, что она говорила именно это и еще не закончила.

— А потом мне представляется, что я направляюсь в деревню, захожу в кабачок и приглашаю в свою постель первого

встретившегося мне там мужчину — не важно, будет ли это неотесанный грубиян, старик или мальчик. Важно лишь, что я лежу в постели и одного за другим принимаю мужчин, испытывая при этом восхитительное ощущение триумфа и совершенно не интересуясь тем, что происходит с твоим отцом и братьями, живы ли они еще. В такие минуты я словно становлюсь наконец собой и никому, кроме себя, не принадлежу.

От удивления и потрясения я совершенно лишился дара речи. И в то же время меня разбирал смех, едва лишь я представлял себе реакцию своих братьев, отца и самодовольных деревенских лавочников на подобное поведение матери. Ситуация казалась мне более чем забавной.

Не расхохотался я, должно быть, только лишь потому, что возникший перед моими глазами образ обнаженной матери сделал подобный смех неуместным. Но и спокойным я остаться не мог — я издал тихий смешок, и она с полуулыбкой кивнула в ответ, слегка приподняв брови и тем самым как бы подтверждая, что мы с ней легко понимаем друг друга.

В конце концов я не выдержал и разразился смехом, стуча себя кулаком по колену и ударяясь головой о деревянную спинку кровати. Мать тоже едва не расхохоталась — быть может, она сделала это в душе.

Это был для меня удивительный момент. Странно было осознавать ее как обыкновенное человеческое существо вне всякой связи со всем, что ее окружало. Мы действительно хорошо понимали друг друга, и все мои обиды на нее в тот момент не имели никакого значения.

Она вытащила из волос шпильку, и они густой волной упали ей на плечи.

После этого мы еще около часа сидели молча. Не было ни смеха, ни разговоров — только пылающий в камине огонь и ощущение того, что она находится рядом.

Она повернулась так, чтобы огонь хорошо был виден ей, а я тем временем любовался ее точеным профилем и изящной формой губ и носа. Потом она вновь взглянула на меня и уже совсем другим, лишенным всяких эмоций, ровным тоном произнесла:

— Я уже никогда не смогу отсюда уехать. Я умираю.

Все пережитые мною ранее эмоции не шли ни в какое сравнение с тем потрясением, которое я испытал в этот момент.

— Я переживу весну и, может быть, лето. Но зиму мне уже не суждено пережить,— продолжала между тем мать.— В этом я совершенно уверена. Боль в легких слишком сильна.

— Матушка! — только и смог воскликнуть я, склоняясь к ней, и в голосе моем слышалось неподдельное страдание.

— Не нужно ничего говорить,— ответила она.

Мне даже показалось, что ей не нравится, когда я называю ее матушкой, но я ничего не мог с собою поделать.

— Мне просто необходимо было с кем-то поговорить об этом,— сказала она,— произнести эти слова вслух. Потому что эти мысли приводят меня в ужас. Я боюсь.

Мне очень хотелось взять ее за руку, но я знал, что она никогда не позволит мне сделать это. Она не любила, когда к ней прикасались. Сама она никогда никого не обнимала. Нас соединяли только взгляды, и мои глаза были полны слез.

— Тебе не следует много думать об этом,— промолвила она, похлопывая меня по руке.— Я и сама вспоминаю о своей болезни лишь время от времени. Однако ты должен быть готов к тому, что тебе когда-нибудь придется жить без меня. Возможно, это явится для тебя более тяжелым испытанием, чем может показаться тебе сейчас.

Я попытался что-то сказать, но не смог вымолвить ни слова.

Она молча покинула комнату.

Хотя в разговоре мы ни разу не коснулись моих костюма, бороды и внешнего вида в целом, она прислала ко мне слуг с чистой одеждой, бритвой и теплой водой. Я безропотно отдался их заботам.

3

Силы мои несколько окрепли. Я почти не вспоминал о волках, и все мои мысли были заняты матерью.

Вспоминая ее слова об ужасе, который она испытывает, я не мог до конца понять их значение, но осознавал, что она сказала правду. Наверное, я тоже чувствовал бы нечто подобное, если бы знал, что медленно умираю. Схватка в горах с волками не шла с этим ни в какое сравнение.

Было еще нечто не менее важное. Всю жизнь она молчаливо сносила свое несчастье. Точно так же, как и я, она ненавидела царившие вокруг нас инерцию и безнадежность. И вот теперь, родив восьмерых детей, из которых выжили лишь трое, она умирала сама. Конец ее был уже близок.

Я решил встать и покинуть свое убежище, надеясь, что сделаю ей приятное. Однако это оказалось не в моих силах. Я не мог вынести мыслей о ее близкой кончине. Поэтому я продолжал ходить из угла в угол по комнате, ел то, что приносили мне слуги, но не мог заставить себя пойти к ней.

Так миновал почти месяц, к концу которого в нашем доме появились визитеры. Из-за их приезда я все-таки вынужден был покинуть свою комнату.

Войдя ко мне, мать сказала, что пришли торговцы из деревни и что они хотят лично воздать мне почести за уничтожение волков.

— Пусть убираются к черту,— ответил я.

— Нет, ты обязан спуститься вниз,— настаивала она.— Они принесли тебе подарки. А теперь иди и исполни свой долг.

Все это было мне совсем не по душе.

В большом зале я увидел богатых деревенских торговцев. Всех их я очень хорошо знал, и все они были одеты подобающим случаю образом.

Однако среди них был весьма странный человек, которого я узнал не сразу.

Он был примерно моих лет, очень высок, однако, едва встретившись с ним взглядом, я тут же вспомнил, кто он. Никола́ де Ленфен, старший сын торговца тканями, посланный отцом на учебу в Париж.

Вид его произвел на меня впечатление.

На нем был розовый с золотом парчовый костюм и туфли с золотыми каблуками, а воротник его украшали несколько слоев итальянских кружев. Только волосы его остались прежними — такими же темными и вьющимися. Они были собраны назад и перетянуты широкой шелковой лентой, но, несмотря на это, придавали ему тот же, что и раньше, мальчишеский вид.

Выглядел он именно так, как требовала того парижская мода. Эта мода благодаря почте довольно быстро доходила даже до такой провинции, как наша.

Я же встретил гостей в далеко не новой шерстяной одежде и изношенных кожаных сапогах, а кружева на моей рубашке давно пожелтели и были штопаны-перештопаны.

Мы поклонились друг другу, после чего он, как спикер делегации, развернул черную саржу и достал из нее красный бархатный плащ, отделанный мехом. Восхитительная вещь! Когда он взглянул на меня, глаза его сияли. Можно было подумать, что на самом деле сеньором был он, а не я.

— Монсеньор,— почтительно обратился он ко мне,— мы просим вас принять это. На подкладку плаща пошел самый лучший волчий мех, и мы надеемся, что он сослужит вам хорошую службу в зимние холода, когда вы соблаговолите отправиться на охоту.

— И еще вот это, монсеньор,— вступил в разговор его отец, протягивая мне великолепно сшитую пару сапог из черной замши на меху.— Это тоже пригодится вам на охоте.

Меня переполняли эмоции. Эти люди, обладавшие таким богатством, о котором я мог только мечтать, от чистого сердца преподносили мне чудесные дары и оказывали почести как аристократу.

Я принял плащ и сапоги и поблагодарил дарителей так бурно и искренне, как не благодарил еще никого в своей жизни.

— Ну уж теперь-то он станет совершенно невыносимым,— услышал я за спиной шепот моего брата Августина.

Кровь прилила к моему лицу. Я был вне себя от того, что он посмел произнести эти слова в присутствии такого большого количества людей. Но, взглянув на Никола де Ленфена, я увидел на его лице симпатию и нежность.

— Меня тоже считают невыносимым, монсеньор,— шепнул он мне, когда мы поцеловались на прощание.— Позвольте мне когда-нибудь навестить вас, чтобы побеседовать и услышать рассказ о том, как вам удалось уничтожить волков. Только невыносимые люди способны совершить невозможное.

Еще никто из торговцев не осмеливался так разговаривать со мной. Мы снова на миг превратились в маленьких мальчиков, и я громко рассмеялся ему в ответ. Отец Никола пришел в замешательство. Даже мои братья перестали перешептываться между собой. Один только Никола де Ленфен продолжал улыбаться с поистине парижским хладнокровием.

Как только все ушли, я взял красный бархатный плащ и замшевые сапоги и направился в комнату матери.

Она, как всегда, читала, одновременно медленными движениями расчесывая волосы. В просачивавшемся сквозь окно бледном солнечном свете я впервые заметил в них седину. Я пересказал ей слова Никола де Ленфена.

— Почему он назвал себя невыносимым? — спросил я.— Мне показалось, что он придавал этим словам какой-то особый смысл.

Мать в ответ рассмеялась.

— Да, в его словах действительно есть особый смысл. Он не пользуется уважением окружающих.— Она оторвалась от чтения и посмотрела на меня.— Тебе известно, что ему стремились дать образование и воспитать из него подобие аристократа. Так вот, еще в первом семестре, в самом начале своего обучения праву, он безумно влюбился в игру на скрипке и не мог уже думать ни о чем другом. Кажется, он тогда побывал на концерте какого-то виртуоза из Падуи, чья игра была столь восхитительной, что люди утверждали, будто он продал душу дьяволу. И тогда Никола бросил все и начал брать уроки у Вольфганга Моцарта. Он продал свои книги. Он играл и играл на скрипке и в конце концов провалился на экзаменах. Представляешь, он хочет стать музыкантом!

— И отец его, конечно же, вне себя?

— Естественно! Он даже вдребезги разбил инструмент, а ведь тебе известно, как относятся торговцы к любому дорогостоящему товару.

Я улыбнулся.

— Значит, Никола лишился своей скрипки?

— Нет, скрипка у него есть. Он тут же помчался в Клермон, продал там свои часы и купил новый инструмент. Этот юноша и в самом деле невыносим, но самое худшее состоит в том, что играет он действительно весьма неплохо.

— Ты слышала его игру?

Моя мать хорошо разбиралась в музыке. В Неаполе, где она выросла, музыка окружала ее повсюду. А я слышал лишь пение церковного хора да игру ярмарочных музыкантов.

— В воскресенье, когда я шла на мессу, он играл в своей комнате над магазином. Игру слышали все, кто проходил мимо, а его отец грозился переломать сыну руки.

При мысли о подобной жестокости я даже вскрикнул. Но рассказ матери чрезвычайно заинтересовал меня, и мне казалось, что я уже успел полюбить Никола, в первую очередь за его стремление поступать по-своему в столь нелегких обстоятельствах.

— Конечно же, ему никогда не удастся добиться успеха,— сказала мать.

— Почему?

— Ему слишком много лет. В двадцать лет поздно начинать обучение игре на скрипке. Хотя кто знает... Его игра по-своему великолепна. Быть может, он тоже когда-нибудь сумеет продать душу дьяволу.

Я рассмеялся, правда несколько натянуто. Все казалось мне таким странным и интересным.

— А почему бы тебе не отправиться в город и не познакомиться с этим молодым человеком поближе? — спросила она.

— Какого черта мне это нужно?

— Послушай, Лестат, твоим братьям это очень не понравится, а вот торговец будет вне себя от счастья. Еще бы! Его сын подружится с сыном маркиза!

— На мой взгляд, недостаточно веские причины.

— Он жил в Париже.— Она окинула меня долгим взглядом, потом вновь углубилась в чтение, время от времени медленно проводя рукой по волосам.

Я смотрел на нее, ненавидя в тот момент все книги на свете. Мне хотелось спросить ее о том, как она себя чувствует, сильно ли мучил ее сегодня кашель, но я не осмелился заговорить об этом.

— Отправляйся в город и побеседуй с ним, Лестат,— не отрываясь от книги и не глядя на меня, повторила она.

4

Прошла неделя, прежде чем я принял решение отыскать Никола де Ленфена.

В красном бархатном, подбитом мехом плаще и замшевых сапогах на меху я шел по извилистой главной улице деревни по направлению к кабачку.

Магазин, принадлежавший отцу Никола, располагался как раз напротив кабачка, но Никола не было ни видно, ни слышно.

Денег моих едва хватило бы на стакан вина, и я не знал, как себя вести, когда хозяин с поклоном поставил передо мной целую бутылку своего лучшего вина.

Конечно же, все эти люди всегда относились ко мне с почтением, поскольку я был сыном землевладельца. Однако, после того как я уничтожил волков, ситуация изменилась. Как ни странно, я чувствовал себя еще более одиноким, чем прежде.

Едва я успел налить себе первый стакан, в проеме двери возникло яркое сияющее видение. Это был Никола.

Слава Богу, он был одет не так роскошно, как в прошлый раз, однако весь его внешний вид свидетельствовал о богатстве и благосостоянии. На нем были шелк, бархат и новая кожа.

Он раскраснелся, как от быстрого бега, растрепавшиеся волосы превратились в беспорядочную массу, а глаза сияли от возбуждения. Поклонившись, он подождал приглашения присоединиться ко мне за столом и лишь после этого заговорил:

— Расскажите, монсеньор, как же вам удалось уничтожить волков?

Сложив на столе руки, Никола не сводил с меня взгляда.

— А почему бы вам, монсеньор, не рассказать мне о том, как живется в Париже? — спросил в свою очередь я и тут же понял, что слова мои прозвучали как грубая насмешка.— Простите,— немедленно извинился я,— но мне и в самом деле очень хочется об этом узнать. Вы посещали занятия в университете? Вы действительно учились у Моцарта? Чем занимаются парижане? О чем они говорят? О чем думают?

Град вопросов заставил Никола тихо рассмеяться. Я тоже усмехнулся в ответ, приказал хозяину подать второй стакан и подтолкнул к Никола бутылку.

— Расскажите,— попросил я,— посещали ли вы парижские театры? Удалось ли вам побывать в «Комеди Франсез»?

— Я бывал там множество раз,— ответил он.— Знаете, с минуты на минуту должен прибыть дилижанс, и здесь станет чересчур шумно. Окажите мне честь и позвольте угостить вас ужином в одной из отдельных комнат наверху. Я был бы весьма рад предоставленной мне возможности...

Прежде чем я успел ответить благородным отказом, он уже отдавал необходимые распоряжения. Нас проводили в очень просто обставленную, но при этом уютную маленькую комнату.

До сих пор мне редко приходилось бывать в маленьких, отделанных деревом помещениях, и эта комнатка понравилась мне с первого взгляда. Стол был накрыт, ужин должны были принести чуть позже, огонь в камине горел, отчего в комнате было действительно тепло в отличие от замка, где ревущее в каминах пламя практически не давало никакого жара. Толстые стекла в окнах были достаточно чистыми, чтобы сквозь них можно было любоваться голубизной зимнего неба и белоснежными горами.

— Ну вот, а теперь я готов рассказать вам о Париже все, что вас интересует,— приветливо заговорил Никола, ожидая, пока я сяду первым.— Да, я действительно учился в университете.— Он усмехнулся, словно воспоминания о том времени не вызывали в душе его ничего, кроме презрения.— Я действительно брал уроки у Моцарта, который непременно сказал бы мне, что я безнадежен, если бы в высшей степени не нуждался в учениках. Так с чего же мне начать? С тяжелого зловония большого города или с царящего там адского шума? С толп голодных людей, которые окружают вас повсюду? С грабителей, поджидающих вас в каждой аллее и в любой момент готовых перерезать вам горло?

Я отказался слушать рассказы о чем-либо подобном. Улыбка Никола отнюдь не соответствовала тону, а манера его поведения была открытой и располагающей.

— Настоящий большой парижский театр...— начал я.— Расскажите мне о нем, опишите во всех подробностях... как он выглядит?

Мы провели вместе целых четыре часа, на протяжении которых только и делали, что пили и разговаривали.

Прямо на столешнице он мокрым пальцем рисовал планы театров, подробно описывал виденные им спектакли, знаменитых актеров, маленькие домики на парижских бульварах. Постепенно он так увлекся рассказом о Париже, что от его цинизма не осталось и следа,— своим неподдельным интересом я воскресил его воспоминания об Иль-де-ля-Сите, о Латинском квартале, о Сорбонне и Лувре.

Потом мы заговорили о более абстрактных вещах — о том, как отражают происходящие события парижские газеты, о

студентах, заполняющих маленькие кафе и до хрипоты спорящих друг с другом. Он рассказал мне о том, что народ волнуется и уже не относится к монархии с прежним почтением. О том, что люди требуют смены правительства и терпения их едва ли хватит надолго. Он рассказал мне о философах — о Дидро, Вольтере и Руссо.

Далеко не все из того, что он говорил, было мне понятно. Однако его живой и временами ироничный рассказ дал мне великолепное и на удивление полное представление обо всем, что там происходило.

Меня, конечно, отнюдь не удивил тот факт, что люди образованные не верят в Бога, что их гораздо больше интересует наука, что аристократия уже не вызывает прежнее почтительное к себе отношение, равно как и церковь. Наступила эпоха разума, где не было места предрассудкам, и чем больше рассказывал мне Никола, тем больше я понимал.

Потом он рассказал мне об Энциклопедии, об этом величайшем собрании знаний всего человечества, которое составлялось под руководством Дидро. Позже пришла очередь салонов, в которых ему приходилось бывать, питейных заведений и вечеринок в компании актрис. Он описывал мне городские балы в Пале-Рояле, на которых рядом с простыми людьми появлялась Мария-Антуанетта.

— Поверьте,— сказал он мне под конец разговора,— здесь, в этой комнате, все это кажется гораздо более привлекательным, чем есть на самом деле.

— Я вам не верю,— мягко ответил я, потому что не хотел, чтобы он замолчал. Я готов был слушать его без конца.

— Это безбожный мир, монсеньор,— сказал он, открывая еще одну бутылку и разливая по стаканам вино.— Очень опасный мир.

— Почему же опасный? — прошептал я.— Что может быть лучше, чем избавление от предрассудков?

— Вы говорите как истинный сын восемнадцатого века, монсеньор,— ответил он со слегка меланхолической улыбкой.— Но в этом мире не осталось абсолютно никаких ценностей. Всем заправляет мода. Даже атеизм не более чем дань моде.

Я никогда не отличался чрезмерной религиозностью и обладал, скорее, светским складом ума. Но причиной тому не были

какие-либо философские убеждения. В нашей семье ни прежде, ни теперь набожность не была свойственна никому. Все мы, конечно, утверждали, что верим в Бога, и посещали мессу, но таким образом лишь выполняли свой долг. Истинная вера в нашей семье, как, впрочем, и в тысячах других аристократических домов, давным-давно умерла. Даже во время своего пребывания в монастыре я не верил в Бога. Я верил в окружавших меня монахов.

Я постарался как можно доступнее и мягче объяснить это Никола, потому что боялся оскорбить его чувства, ибо в его семействе все обстояло по-другому.

Даже его презренный скупердяй-отец (которым я все же втайне не переставал восхищаться) был истово верующим человеком.

— Но как же могут люди жить без веры? — печально спросил Никола.— Как воспитывать детей в отсутствие божьих заповедей?

Только теперь я начал понимать причину его сарказма и цинизма. Он совсем недавно утратил веру в свои идеалы и до сих пор горько переживал по этому поводу.

Несмотря, однако, на убивающий душу сарказм, в нем ощущались неиссякаемая энергия и неистовая страсть. Именно они вызывали во мне симпатию, я бы даже сказал, любовь к этому юноше. Еще пара стаканов вина, и я уже способен был сказать ему нечто совершенно невообразимое, как, например, следующее:

— Лично я в своей жизни обходился без веры.

— Знаю,— ответил он.— Вы помните историю с ведьмами? Тот день, когда вы так горько плакали на площадке ведьм?

— Плакал по ведьмам?

Какое-то мгновение я смотрел на него, ничего не понимая. Но вдруг в душе моей возникло болезненное ощущение чего-то постыдного. Подобными ощущениями были окрашены многие мои воспоминания. И вот теперь к ним должно было прибавиться еще и воспоминание о том, как я оплакивал ведьм.

— Что-то не припомню,— наконец выдавил я.

— Мы были тогда еще мальчиками. Священник, обучавший нас молитвам, повел нас к тому месту, где в старые времена сжигали на костре ведьм, и там мы увидели почерневшую землю и полусгнившие столбы.

— А, так вот вы о чем! — невольно содрогнувшись, воскликнул я.— Об этом ужасном, жутком месте!

— Вы принялись тогда кричать и плакать. Вашей няне никак не удавалось вас успокоить, и тогда пришлось послать кого-то за самой маркизой.

— Я был несносным ребенком,— произнес я, пытаясь стряхнуть с себя страшные воспоминания.

Да, конечно, теперь я и сам вспомнил, как кричал, как меня отвели домой и как меня потом долго мучили кошмары, связанные с огнем. Кто-то смачивал мне лоб и все время шептал: «Лестат, очнись».

Уже многие годы я не вспоминал этот небольшой эпизод своей жизни. Я довольно часто думал о том месте — каждый раз, когда мне приходилось оказываться неподалеку или проезжать мимо. В моем воображении возникали частокол из почерневших столбов и образы мужчин, женщин, даже детей, которых возле этих столбов сжигали заживо.

Никола не сводил с меня пристального взгляда.

— Когда ваша матушка пришла за вами, она сказала, что виной всему невежество и жестокость. Она очень рассердилась на нашего священника за то, что он забивал нам голову старыми сказками.

Я кивнул.

— Самым страшным для меня было услышать в конце концов, что все эти люди погибли напрасно, что давно забытые жители нашей деревни были совершенно невиновны. «Все они стали жертвами предрассудков,— сказала тогда моя мать.— Никаких ведьм на самом деле не было». Нет ничего удивительного в том, что я долго еще продолжал безутешно рыдать.

— А вот моя мать говорила совершенно другое,— возразил мне Никола.— Она утверждала, что все ведьмы находились в сговоре с дьяволом, что они портили посевы и в образе волков убивали овец и даже детей...

— Но разве станет мир хуже оттого, что никого и никогда не станут именем Бога сжигать на кострах? — спросил я.— Если не будет в людях слепой веры в Бога, ради которой они способны творить подобное друг с другом. Какую опасность таит мир, живущий по светским законам и не допускающий совершения столь ужасных деяний?

Никола притворно нахмурился и слегка подался в мою сторону.

— Надеюсь, что волки там, в горах, не причинили вам никакого вреда? — с озорной улыбкой поинтересовался он.— Не случилось ли так, монсеньор, что без нашего ведома они превратили вас в оборотня? — Он провел рукой по меховой опушке моего нового бархатного плаща, который по-прежнему оставался у меня на плечах.— Вспомните, о чем говорил нам святой отец: в те времена сожгли немало оборотней, поскольку считали, что они представляли для людей серьезную угрозу.

Я расхохотался.

— Скажу вам откровенно: если бы мне удалось превратиться в волка, я не стал бы кружить вокруг деревни и убивать детей. Я бежал бы куда глаза глядят из этой деревенской дыры, где маленьких мальчиков по-прежнему пугают россказнями о сожженных на кострах колдуньях. Я бы выбрался на дорогу в Париж и бежал по ней, не останавливаясь, пока не увидел бы впереди городские предместья.

— И в результате обнаружили бы, что Париж — точно такая же дыра,— парировал он,— где на Пляс-де-Грев на потеху толпе на колесе переламывают ворам кости.

— Ничего подобного,— ответил я.— Я увижу прекрасный город и его жителей, в умах которых рождаются великие идеи, призванные вести человечество вперед и пролить свет на самые темные тайники мира.

— Так, значит, вы мечтатель! — воскликнул он, но я видел, что он очень доволен таким открытием. Улыбка делала его лицо по-настоящему красивым.

— И к тому же я познакомлюсь там с людьми, подобными вам,— продолжал я.— С теми, кто способен мыслить и выражать свои идеи доступным языком. Я буду сидеть рядом с ними в кафе, мы будем вместе пить и вести яростные словесные дуэли. И во время таких бесед и споров мы будем испытывать возвышенные чувства.

Никола обнял меня и поцеловал. Мы были уже так пьяны, что едва не опрокинули стол.

— Мой господин, победитель волков...— прошептал он.

Когда дошла очередь до третьей бутылки, я начал рассказывать Никола о своей жизни, чего никогда прежде не делал.

О том, каково это ежедневно подниматься в горы, уезжать от дома так далеко, что не видно башни отцовского замка, скакать на лошади высоко над полями, через леса, которые, казалось, населены привидениями и разного рода нечистой силой.

Слова лились из меня непрерывным потоком, мой собеседник тоже не отставал, и вскоре мы уже беседовали на тысячи разных тем, обо всем, что переполняло наши сердца, об одиночестве каждого из нас. Точно так же, как и во время моих редких бесед с матерью, все сказанное нами приобретало особый смысл. Когда же речь зашла о наших желаниях, стремлениях и неудовлетворенных амбициях, мы пришли в страшное возбуждение и заговорили одновременно, перебивая друг друга, и речь наша при этом состояла практически из одних только восклицаний: «Да! Да!», или «Вот именно!», или «Я прекрасно понимаю вас!», или «Да, понимаю, вы не могли вынести это», или еще чего-то в том же духе.

Мы потребовали принести еще бутылку вина и подбросить в камин дров, после чего я принялся уговаривать Никола поиграть для меня на скрипке. Он тут же бросился к себе за инструментом.

День был уже в самом разгаре. Солнце ярко светило в окна, в камине жарко горел огонь. Мы были основательно пьяны, ужин мы так и не заказали. Мне казалось, что еще никогда в своей жизни я не был так счастлив. Лежа на маленькой, покрытой толстым соломенным матрацем кровати, подложив под голову руки, я смотрел, как он вынимает из футляра скрипку.

Он приложил ее к плечу и начал перебирать струны и подкручивать колки.

Наконец он взмахнул смычком и резко ударил им по струнам — раздались первые звуки.

Я тут же вскочил, прислонился спиной к деревянной панели стены и уже не в силах был отвести взгляд от Никола. Подобной музыки мне еще не приходилось слышать — я просто не мог поверить своим ушам.

Он буквально ворвался в мелодию, извлекая из скрипки потрясающие по силе, прозрачные и волнующие до глубины души звуки. Глаза Никола были закрыты, рот полуоткрыт и нижняя губа чуть изогнута, и не меньше, чем сама музыка, меня

потрясла его поза — казалось, он всем телом слился с инструментом и прислушивается к нему не ухом, а душой.

Никогда прежде я не слышал ничего подобного: полные искреннего чувства, трепещущие мощные звуки бурным потоком лились со струн, повинуясь смычку музыканта. Он играл Моцарта, и ему блестяще удавалось передать удивительную красоту, веселость и живость, свойственные произведениям великого композитора.

Когда музыка смолкла, я вдруг обнаружил, что сижу, сжимая руками голову и по-прежнему не сводя взгляда с Никола.

— Что с вами, монсеньор? — почти беспомощным тоном спросил он.

В ответ я вскочил с кровати, заключил его в объятия и поцеловал сначала его, а потом и скрипку.

— Перестань называть меня монсеньором! — воскликнул я.— Зови меня просто по имени.

С этими словами я бросился ничком обратно на кровать, закрыл лицо руками и разрыдался.

Никола присел рядом со мной, начал меня гладить, пытаясь утешить. Он спрашивал о причине моих слез, и, несмотря на то что я ничего не мог объяснить толком, я видел, что он потрясен тем впечатлением, которое произвела на меня его игра. В его голосе не было теперь ни горечи, ни сарказма.

Не помню точно, но, кажется, в тот вечер он проводил меня до дома.

На следующее утро я стоял на вымощенной камнем улице перед магазином его отца и швырял камешки в окно комнаты Никола, пока наконец он не выглянул.

— Не хочешь спуститься вниз и продолжить нашу вчерашнюю беседу? — спросил я его.

5

С тех пор все свободное от охоты время я проводил в беседах с Никола. Приближалась весна. На горных склонах зазеленела трава, яблоневые сады пробуждались к жизни. Мы с Никола всегда были вместе.

Мы подолгу бродили по каменистым горным склонам, ели хлеб и пили вино, расположившись на зеленой траве, согретой

теплыми лучами солнца, или отправлялись чуть южнее — к развалинам древнего монастыря. Иногда мы проводили время в моем замке, сидя в одной из комнат или поднявшись в какую-нибудь башню. А когда мы были слишком пьяны, вели себя чересчур шумно и тем самым могли вызвать раздражение у окружающих, то запирались в знакомой комнатке на втором этаже деревенского кабачка.

Неделя проходила за неделей — и мы все лучше и лучше узнавали друг друга. Никола рассказал мне о своем детстве, о разного рода горестях и разочарованиях юности, о людях, которых он знал и любил.

Я в свою очередь поведал ему о своих бедах, поделился болезненными воспоминаниями, в том числе и о неудачном побеге из дома вместе с труппой бродячих итальянских актеров.

Это произошло в один из вечеров, когда мы снова сидели в комнатке в кабачке и, как всегда, были пьяны. Фактически мы находились в том состоянии, которое можно назвать золотым моментом,— том состоянии опьянения, когда все приобретает особенный смысл. Мы всегда стремились продлить этот момент, но каждый раз неизбежно наступала минута, когда кто-нибудь из нас говорил: «Все, не могу больше. Похоже, наш золотой момент прошел».

В тот вечер, стоя возле окна и глядя на сиявшую над горами луну, я сказал, что в такие золотые моменты даже тот факт, что мы находимся сейчас не в Париже, не в «Комеди Франсез» или в «Опера» в ожидании, когда поднимется занавес,— этот факт кажется мне не столь ужасным.

— Ты опять заговорил о парижских театрах,— сказал он.— О чем бы мы ни говорили, ты всегда возвращаешься к теме театров и актеров...

Выражение его больших карих глаз всегда вызывало расположение, и в своем красном бархатном сюртуке, сшитом по парижской моде, он выглядел нарядно и щеголевато.

— Актеры творят волшебство,— ответил я.— На сцене они заставляют происходить разного рода события, они фантазируют и импровизируют.

— Подожди, и ты в свете огней рампы увидишь, как по их загримированным лицам струится пот.

— Ну вот, опять ты об этом! А как же тогда ты сам, ты, который бросил все ради игры на скрипке?

Он стал вдруг очень серьезным, словно вновь ощутил страшную усталость от борьбы с самим собой.

— Да, я поступил именно так,— признался он. Всем в городке было известно о разногласиях между ним и его отцом. Ники не желал возобновлять учебу в Париже.

— Своей игрой ты оживляешь все вокруг,— продолжал я.— Ты создаешь нечто из ничего. Ты заставляешь других совершать добрые поступки. И это для меня в тебе особенно благословенно.

— Я заставляю звучать музыку, и это делает меня счастливым,— ответил он.— Что же в этом благословенного?

Я, как всегда, не стал обращать внимание на его цинизм.

— Всю свою жизнь я прожил среди тех, кто ничего не создавал и не стремился что-либо изменить,— вновь заговорил я.— А потому воспринимаю актеров едва ли не как святых.

— Святых? — переспросил он.— Благословенно... добродетель... Лестат, твои словечки приводят меня в недоумение.

Я улыбнулся и покачал головой.

— Ты не понимаешь. Я говорю о сущности и характерах людей, а не о том, во что они верят. Я говорю о тех, кто не приемлет необходимости вести бесполезный образ жизни только потому, что был для него рожден. Речь о тех, кто жаждет стать лучше. Они трудятся, приносят жертвы, совершают поступки...

Его тронули мои слова, и в то же время я чувствовал, что каким-то образом причинил ему боль.

— Во всем этом действительно есть благословенность,— продолжил я,— есть святость. И независимо от того, существует ли Бог, есть благодетельность. Я уверен в этом так же, как уверен в том, что за окном видны горы, а в небе сияют звезды.

Он бросил на меня печальный взгляд, и по-прежнему было заметно, что его задели мои слова. Однако в тот момент я думал совсем не о нем.

Я вспомнил о своем разговоре с матерью и о том, что недостаточно хорош для своей семьи, что постоянно вызываю у них раздражение своим присутствием. Но если я верил в то, что говорил...

— Неужели ты и в самом деле веришь во все это? — спросил он, словно прочитав мои мысли.

— Быть может, да, а быть может, нет,— ответил я, ибо мне невыносимо было видеть его печаль.

И тогда я счел необходимым и уместным поведать ему историю своего побега из дома вместе с трупой итальянских актеров. Я рассказал ему о том, о чем не говорил никому, даже матери,— о нескольких счастливых днях, проведенных вместе с ними.

— А теперь скажи мне, как можно утверждать, что дарить огромное счастье и получать взамен счастье не меньшее — плохо? Своими представлениями мы вдохнули жизнь в городок. Уверяю тебя, это было поистине волшебство, способное даже исцелять больных!

Он лишь покачал головой. Я понимал, что он хотел сказать очень многое, но не осмеливался сделать это из уважения ко мне.

— Ты не понимаешь меня, не так ли? — спросил я.

— Разве тебе не известно, Лестат, что грех всегда кажется привлекательным? — мрачно ответил он.— Как ты думаешь, почему церковь всегда предавала актеров проклятию? Да потому, что театр возник еще во времена бога вина Диониса. Ты можешь прочесть об этом у Аристотеля. А бог Дионис поощрял в людях стремление к нечестивому поведению. Ты чувствовал себя хорошо на сцене, потому что там царили распущенность, непристойность и разврат, потому что там всем заправляют последователи этого виноградного бога, а тебе очень хотелось позлить своего отца. Именно там тебе представился для этого прекрасный случай...

— Нет, Ники, нет, тысячу раз нет!

— Лестат, мы оба с тобой пребываем во грехе.— Он наконец улыбнулся.— Мы оба грешили. Вели себя недостойно и пользовались дурной репутацией. Именно это столь тесно связывает нас.

Теперь настала моя очередь опечалиться, ибо его слова причинили мне боль. Золотой момент был упущен, ушел безвозвратно... разве что случится что-либо еще.

— Пошли,— сказал я.— Возьми свою скрипку и давай уйдем куда-нибудь в лес, где ты сможешь играть, не опасаясь ко-

го-либо разбудить. И тогда мы посмотрим, присутствует ли в твоей игре добродетель.

— Ты сошел с ума! — воскликнул он, но тем не менее, схватив за горлышко непочатую бутылку вина, устремился к двери.

Я последовал за ним.

— В таком случае давай пойдем на поляну ведьм,— предложил он, когда со скрипкой в руках вышел на улицу.— Посмотри, как ярко светит луна. Мы устроим дьявольские пляски, и я стану играть для колдовских духов.

В ответ я лишь расхохотался. Должно быть, я был очень пьян, раз согласился на подобное предложение.

— Мы заново освятим это место,— подхватил я его идею.— Мы сделаем это с помощью чистых звуков прекрасной музыки.

С тех пор как я в последний раз был на поляне ведьм, прошло уже много лет.

Никола был прав — луна ярко освещала мрачным кольцом окружавшие поляну обугленные столбы и черную землю, на которой даже через сто лет после происходивших здесь страшных сожжений ничего не росло. Молодой подлесок начинал появляться лишь на достаточно большом расстоянии от поляны. На открытом пространстве гулял ветер, упосясь в сторону гор и натыкаясь на каменистые склоны. Деревня была скрыта от нас темнотой.

По спине у меня пробежал озноб, но он был вызван, вероятно, воспоминаниями о том ужасе, который я испытывал в детстве при словах «сожженные заживо», представляя себе страдания тех, кто горел на этих кострах.

Ники заиграл какой-то цыганский напев и в странном танце пустился по кругу, сверкая в лунном свете белыми с высокой шнуровкой сапогами.

Присев на обугленный пень, я пил вино прямо из горлышка. Как и всегда, я чувствовал, что сердце мое разрывается от звуков прекрасной музыки. Какой же может быть в этом грех, думал я, что плохого, кроме разве что возможности заново пережить собственную жизнь в этом ужасном месте? И вскоре я уже молча и безутешно плакал.

Мне казалось, что музыка все еще продолжает звучать, но вдруг я обнаружил, что Ники оказался рядом со мной и пытается меня утешить. Мы сидели бок о бок, и он говорил, что мир

полон несправедливости и что мы оба оказались пленниками ужасного, Богом забытого уголка Франции, но настанет день, когда мы наконец вырвемся отсюда. А я в тот момент вспомнил о матери, ставшей пленницей нашего замка на высокой горе, и меня охватила невыразимая и невыносимая печаль. Ники заиграл снова и велел мне забыть обо всем и танцевать.

Да, именно музыка и танец способны заставить нас сделать это, хотел сказать ему я. Так почему же тогда их считают греховными? Как можно считать, что они есть зло? Я присоединился к Никола в его круговой пляске. Поистине золотые звуки лились со струн его скрипки и устремлялись ввысь, к звездам. Теперь я плясал вокруг Ники, а он заиграл еще более быструю, неистовую мелодию. Распахнув, словно крылья, полы плаща, я откинул назад голову и посмотрел на звезды. Звуки музыки окутали меня туманной пеленой — и поляна ведьм перестала для меня существовать. Остались только горы и распахнутое над ними небо.

С тех пор мы с Никола стали еще ближе.

Через несколько дней, однако, случилось нечто совершенно из ряда вон выходящее.

Было уже очень поздно. Мы проводили время, как обычно, в комнатке в кабачке. Никола ходил из угла в угол и вдруг, отчаянно жестикулируя, высказал вслух то, что давно было на уме у нас обоих.

Он заговорил о необходимости нашего побега в Париж, о том, что, даже если мы останемся там без гроша, нам все равно будет лучше, чем здесь, что он предпочитает жить нищим попрошайкой в Париже.

Нужно ли говорить, что наши мысли полностью совпадали?

— Что ж, Ники, я готов просить милостыню на улице,— сказал я.— Но ни за что на свете я не соглашусь играть роль бедного провинциального родственника в богатом доме.

— А ты думаешь, я соглашусь на это? — резко спросил он.— Я предлагаю бежать, Лестат, послать к чертям абсолютно всех.

Хотел ли я продолжать подобную жизнь? Ведь я осознавал, что наши отцы проклянут нас. И в то же время жизнь здесь была такой бессмысленной...

Конечно, мы хорошо понимали, что наш совместный побег станет чем-то гораздо более серьезным, чем то, что я совершал

раньше. Мы уже не были мальчиками, мы стали взрослыми мужчинами. Проклятие наших отцов, которое мы навлечем на свои головы, не могло не беспокоить нас.

К тому же мы были достаточно зрелыми людьми, чтобы понимать, что такое голод.

— А что я стану делать в Париже, если мы будем голодать? — спросил я.— Охотиться на крыс, чтобы раздобыть нам ужин?

— Если в том будет нужда, я буду играть за деньги на скрипке на бульваре Тамплиеров, а ты сможешь посещать театры.

Теперь уже он откровенно искушал меня.

— Неужели все это были для тебя пустые разговоры, Лестат? — спрашивал он.— Да с твоими внешними данными ты в самом скором времени окажешься на сцене одного из театров.

Мне очень нравилась тема наших теперешних разговоров. Мне доставляло удовольствие видеть, что он верит в возможность нашего побега. Несмотря на то что он постоянно употреблял слово «наплевать», от его цинизма не осталось и следа. И неожиданно перспектива успешно завершить задуманное показалась вполне реальной.

Сознание полной бессмысленности жизни здесь только усиливало наше желание.

Я вновь подумал о том, что музыка и актерская игра несут в себе добро, потому что они уничтожают хаос. Под этим словом я понимал однообразную, лишенную какого-либо смысла жизнь. Если нам суждено завтра умереть, то окажется, что мы прожили жизнь напрасно. Мне вдруг пришло в голову, что жизнь и скорая смерть моей матери тоже бессмысленны, и я повторил Ники сказанные ею совсем недавно слова о том, что она панически боится смерти.

И снова наш золотой момент куда-то исчез. Зато случилось нечто совершенно иное.

То, что произошло дальше, я мог бы назвать темным моментом, однако события носили некий возвышенный, даже суеверно-мистический характер. Мы продолжали разговаривать, проклиная бессмысленность жизни, торопясь высказаться и перебивая друг друга, а когда наконец Никола сел, опустив голову на руки, я с удовольствием выпил еще несколько глотков

вина и продолжал расхаживать по комнате и оживленно жестикулировать, как делал это он.

И вдруг меня поразила только что пришедшая в голову мысль, которую я тут же высказал вслух: вполне возможно, что мы умрем, так и не узнав, зачем вообще родились на свет. Даже убежденный атеист, мне кажется, надеется, что после смерти он наконец найдет хоть какой-нибудь ответ. Я имею в виду вопрос о том, существует ли Бог или там вообще ничего нет.

— Но в том-то и дело,— говорил я,— что в тот миг мы не сделаем никакого открытия. Мы просто перестанем существовать! Мы уйдем в небытие в полном неведении!

Я вдруг представил себе вселенную, увидел Солнце, другие планеты, звезды и окружающую их вечную тьму... И разразился смехом.

— Неужели ты не понимаешь? Даже когда все закончится, мы так и не узнаем, почему все происходило так, а не иначе! — кричал я. Никола в это время сидел на кровати, согласно кивая головой и потягивая вино прямо из графина.— Мы умрем, так ничего и не поняв! А вся эта бессмыслица будет продолжаться и продолжаться! Но мы уже не будем тому свидетелями! У нас не останется даже возможности хотя бы в мыслях своих придать этому смысл! Нас просто не станет, мы будем мертвы, мертвы, мертвы, но так ничего не поймем и не узнаем!

Я уже не смеялся. Я стоял неподвижно и хорошо отдавал отчет своим словам.

Не будет ни Судного дня, ни возможности получить хоть какое-то объяснение, ни того возвышенного момента, когда можно исправить все страшные ошибки и устранить ужасные несправедливости!

Ведьмы, сожженные у столбов, никогда не будут отмщены.

Никто и никогда не собирается что-либо объяснять нам.

В тот момент я не просто понял. Я словно увидел все воочию! Изо рта моего вырывался лишь один звук: «О-о-о». Я повторял его снова и снова, все громче и громче... Бутылка выскользнула у меня из пальцев и упала на пол. Сжав голову руками, я, не закрывая рта, продолжал издавать лишь один и тот же звук. Все происходило именно так, как я описывал прежде матери.

Впечатление было такое, будто на меня напала вдруг безостановочная икота.

— Лестат, прекрати! — кричал Никола, обхватив меня руками и сильно встряхивая.

Но я не в силах был остановиться. Подбежав к окну, я отодвинул щеколду и, распахнув маленькую тяжелую створку, стал смотреть на звезды. Мне невыносимо было видеть их. Невыносимо было видеть абсолютную пустоту, слышать абсолютную тишину и сознавать абсолютное отсутствие какого-либо ответа. Когда Никола оттащил меня от окна и захлопнул створку, я зарычал словно дикий зверь.

— Все будет хорошо,— снова и снова повторял он.

Кто-то уже барабанил в дверь. Оказалось, что это хозяин кабачка, прибежавший узнать, в чем дело, и возмущенный нашим поведением.

— Утром тебе станет легче,— продолжал уговаривать меня Никола.— Тебе необходимо поспать.

Своим шумом мы перебудили всех, но я все никак не мог успокоиться. Продолжая издавать все тот же стон, я бросился вон из кабачка и помчался по деревенской улице, а потом вверх по склону в сторону замка. Никола следовал за мной по пятам, безуспешно пытаясь остановить меня. Вбежав в ворота замка, я устремился в свою комнату.

— Ты должен поспать! Сейчас это все, что тебе нужно,— в отчаянии повторял Никола.

Я лежал, прислонившись спиной к стене, зажав руками уши и без конца выкрикивая: «О-о-о-о»...

— Утром,— снова сказал Никола,— тебе станет лучше.

Но утром я не почувствовал себя лучше.

Не стало мне легче и к вечеру. Напротив, с наступлением темноты мое состояние еще более ухудшилось.

Я ходил, говорил, жестикулировал как вполне разумный человек, но в действительности я был не в себе. Меня трясло, зубы мои стучали, и я никак не мог справиться с этим. На все, что меня окружало, я смотрел с нескрываемым ужасом. Темнота наводила на меня страх, так же как и старинное оружие и доспехи, находившиеся в большом зале. Я не мог отвести взгляд от цепа и булавы, которые брал с собой, когда охотился на волков, я пристально всматривался в лица своих братьев, и во всем, что меня окружало, в форме и цвете вещей, в освещении и тенях я видел только одно: смерть. Но не ту смерть, какой она

представлялась мне прежде, а ту, сущность которой я понял только теперь. Настоящую смерть, абсолютную и неизбежную, неотвратимую и не предоставляющую никаких решений!

В этом невыносимом, чрезвычайно возбужденном состоянии я решился на нечто такое, чего никогда бы не осмелился сделать прежде. Обратившись ко всем, кто меня окружал, я без всякой жалости начал задавать им вопросы.

— Разве ты веришь в Бога? — спросил я своего брата Августина.— И как же можешь ты жить, если не веришь?

— А ты? Веришь ли ты хоть во что-нибудь? — обратился я к своему слепому отцу.— И если суждено тебе сейчас умереть, что надеешься ты увидеть там — Бога или тьму? Ответь же мне!

— Ты безумен! Ты всегда был ненормальным! — закричал на меня отец.— Убирайся вон из этого дома! Ты всех нас сведешь с ума!

Он поднялся на ноги, что было для него, слепого калеки, делом нелегким, и швырнул в меня кубок. Конечно же, он промахнулся.

Я не осмеливался взглянуть на мать. Я не посмел подойти к ней. Я не хотел причинять ей страдания вопросами. Поэтому я снова бросился бежать вниз по склону в сторону кабачка. В тот момент я не мог вспоминать о поляне ведьм и ни за что на свете не согласился бы оказаться на том краю деревни, который был ближе к ней. Я сжал руками голову и закрыл глаза. «Убирайтесь!» — кричал я мыслям о тех, кто умер, так ничего и не поняв.

На следующий день дела обстояли не лучше. Не изменилось ничего и к концу недели. Я пил, ел, спал, но все время моего бодрствования было наполнено беспредельным ужасом и невыносимой болью. Отправившись к деревенскому священнику, я спросил его, действительно ли он верит в то, что тело Христово находится в алтаре храма на Святой земле. Услышав сбивчивые ответы и увидев в его глазах страх, я покинул его в еще большем отчаянии, чем прежде.

— Но как можете вы жить, как можете дышать, двигаться, делать что-то, если знаете, что не существует никакого объяснения? — в ярости обратился я ко всем.

И тогда Никола сказал, что, возможно, музыка поможет мне почувствовать себя лучше и что он сыграет для меня на скрипке.

Я опасался, что музыка подействует на меня слишком сильно. Однако мы все же вышли в сад, и там, под лучами яркого солнца, Никола стал играть для меня одну за другой все известные ему мелодии. Я сидел, обхватив руками колени и стуча зубами, несмотря на то что солнце пригревало довольно сильно. Никола стоял передо мной, забыв, казалось, обо всем и полностью отдав себя во власть волшебных звуков, льющихся из-под его смычка и наполнявших сад и окрестные долины. Солнечные лучи ослепительным сиянием отражались от маленького полированного корпуса скрипки. Окончив играть, Никола обнял меня, и мы долго сидели молча, прижавшись друг к другу, а потом он тихо прошептал мне в ухо:

— Лестат, поверь мне, это пройдет.

— Поиграй для меня еще,— попросил я его.— Музыка так чиста и невинна.

Никола с улыбкой кивнул. Безумцам ни в чем нельзя отказывать.

Я прекрасно понимал, что это не пройдет и ничто не заставит меня забыться. Но в то же время я испытывал чувство беспредельной благодарности за восхитительную музыку, дарившую мне сознание того, что в мире ужаса и хаоса еще возможно существование подобной красоты.

Невозможно что-либо понять, невозможно что-либо изменить, но остается возможность создавать столь прекрасную музыку. Такое же чувство благодарности я испытал, увидев, как танцуют деревенские ребятишки, как взлетают вверх их руки и сгибаются колени, как, повинуясь ритму, раскачиваются и кружатся тела в такт исполняемым песням. Глядя на них, я не смог удержаться от слез.

Я бросился в церковь, упал на колени и, всматриваясь в величественные древние статуи, в великолепно выполненные носы, уши и пальцы рук, в выражение лиц, в складки одежд, я вновь испытал то же чувство благодарности и снова не мог не разрыдаться.

Во всяком случае, у нас еще остается подобная красота, думал я. И это поистине благодать.

Но ничто природное, естественное отныне не казалось мне прекрасным. Один вид огромного дерева, сиротливо стоящего

посреди поля, способен был вызвать во мне дрожь и заставить кричать. Сад должен быть наполнен музыкой.

А теперь позвольте мне открыть вам маленькую тайну: поверьте, у меня это так никогда и не прошло.

6

В чем же состояла причина всего? Было ли мое состояние связано с нашими разговорами ночи напролет и неумеренной выпивкой или с известием о близкой смерти матери? Имели ли к этому отношение волки? Или мое воображение потрясло посещение поляны ведьм?

Трудно сказать... Мое состояние словно пришло откуда-то извне. Сначала возникла мысль, но уже в следующую минуту она превратилась в реальность. Мне кажется, такого рода вещи можно ожидать, но вы не в силах заставить их возникнуть.

Конечно же, со временем острота ощущений сгладилась. Но с тех пор небо над моей головой уже никогда не было столь же голубым, как прежде. Я смотрел на мир совершенно другими глазами, и даже в самые счастливые минуты, омрачая их, меня не покидало ощущение собственной слабости и бессмысленности нашей жизни в целом.

Возможно, это следует рассматривать как предчувствие. Хотя я так не считаю. Это было нечто гораздо более значительное. К тому же я не верю в предчувствия.

Вернусь, однако, к своему рассказу. Пока длился весь этот кошмар, я избегал встречаться с матерью. Мне ни в коем случае не хотелось говорить с ней о столь ужасных вещах, как смерть и хаос. Однако все вокруг только и твердили ей о том, что я лишился рассудка.

И вот наконец в первое воскресенье великого поста она сама пришла ко мне.

Я был один в комнате. Все домашние и прислуга с наступлением сумерек отправились в деревню, где каждый год в этот день традиционно жгли большой костер.

Я никогда не любил этот праздник. Ревущее пламя, пение и танцы, крестьяне, под странные песнопения с зажженными фа-

келами ходившие затем по дворам,— все это вызывало во мне необъяснимый страх.

Один недолго прослуживший в нашем приходе священник называл обычай языческим. Но от него довольно быстро избавились. Наши крестьяне, уроженцы гор, твердо придерживались старинных обрядов, веря, что только таким образом могут заставить деревья плодоносить и получить на полях хороший урожай.

Вот на таких праздниках мне больше, чем когда бы то ни было, казалось, что люди, которых я вижу перед собой, способны сжигать на кострах ведьм.

В том состоянии, в котором я тогда находился, при мысли о деревенском празднике я не мог испытывать ничего, кроме ужаса. Сидя возле камина, в котором тоже горел огонь, я с трудом сдерживал желание подойти к окну и взглянуть на костер, пламя которого одновременно и притягивало и пугало меня.

Войдя в комнату, мать прикрыла за собой дверь и сказала, что ей необходимо поговорить со мной. Она обращалась ко мне очень ласково.

— Скажи, то, что случилось с тобой, связано с известием о моей близкой смерти? — спросила она.— Признайся, если это действительно так. Дай мне свои руки.

Она даже поцеловала меня. В давно уже выцветшем халате, с не уложенными в прическу волосами она казалась необычайно хрупкой. Мне невыносимо было видеть седые пряди на ее голове. Она выглядела худой и изможденной.

Я совершенно искренне ответил ей, что не знаю причины, а потом рассказал о том, что происходило в кабачке, стараясь не акцентировать внимание на наиболее ужасных моментах и странной логике развития событий. Во всяком случае, я стремился, чтобы все выглядело не столь страшно.

— Ты настоящий воин, сынок,— выслушав меня, сказала она.— Ты никогда не смиришься. Даже если окажется, что такова судьба всего человечества, ты не согласишься принять ее.

— Я не могу,— горестно ответил я.

— Именно за это я и люблю тебя. Это так на тебя похоже — понять и увидеть такое, сидя поздно вечером за бутылкой вина в маленькой комнатке кабачка. И полностью в твоем

характере восстать против этого, так же как ты восстаешь против всего остального.

Я понимал, что она не осуждает меня, и все же заплакал. Мать достала носовой платок, развернула его и вынула несколько золотых монет.

— Ты сумеешь все преодолеть,— промолвила она.— Все дело в том, что в данный момент тебе портит жизнь мысль о смерти. Но жизнь гораздо важнее смерти. И вскоре ты это поймешь. А теперь выслушай меня. Ко мне приходили врач и старуха из деревни, которая умеет лечить лучше любого врача. И оба они подтвердили, что мне осталось жить совсем недолго.

— Не говорите так, матушка! — воскликнул я, осознав вдруг, каким же я был эгоистом, но не в силах уже изменить что-либо.— И на этот раз, пожалуйста, не делайте мне никаких подарков! Спрячьте деньги.

— Сядь,— приказала она, указывая на скамью рядом с камином.

Я против воли подчинился, и она села рядом.

— Мне известно,— вновь заговорила она,— что вы с Никола говорили о побеге.

— Я никуда не убегу, матушка...

— Ты имеешь в виду, пока я не умру?

Я ничего не ответил. Мне трудно передать, что творилось тогда у меня в душе. Я еще не успел окончательно прийти в себя, меня трясло от нервного перенапряжения. А нам приходилось говорить о том, что эта живая, дышащая женщина в скором времени должна будет перестать жить и дышать, станет разрушаться, разлагаться, а душа ее умчится в пропасть; о том, что все ее страдания в момент смерти превратятся в ничто. Ее лицо с мелкими чертами походило на рисунок на вуали.

Из находившейся на достаточно большом расстоянии от замка деревни доносилось тихое пение собравшихся на праздник крестьян.

— Лестат, я хочу, чтобы ты уехал в Париж,— сказала она.— Я прошу тебя взять эти деньги — это все, что осталось у меня от наследства моей семьи. Когда придет мой час, я хочу быть уверенной, что ты уже в Париже. Лестат, я хочу умереть, зная, что ты в Париже.

Я был поражен. Мне вспомнилось потрясенное выражение ее лица в тот день, когда меня привезли домой после неудавше-

гося побега с итальянскими актерами. Я долго всматривался в ее глаза. В своем стремлении убедить меня она казалась едва ли не сердитой.

— Я панически боюсь смерти,— продолжала она, и голос звучал почти что сухо.— Но если в момент смерти я не буду уверена в том, что ты в Париже, что ты свободен, я просто сойду с ума.

Молча, одними глазами я просил у нее подтверждения того, что правильно понял ее слова.

— Так же как и твой отец, я стремилась удержать тебя возле себя,— вновь заговорила она.— Но причиной тому была не гордость, а эгоизм. А теперь настало время загладить вину. Я хочу увидеть, как ты уезжаешь. И мне совершенно все равно, что ты станешь делать, когда доберешься до Парижа, будешь ли петь под аккомпанемент скрипки Никола или крутить сальто на подмостках балагана на Сен-Жерменской ярмарке. Только уезжай и старайся как можно лучше делать то, что уготовит тебе судьба.

Я попытался обнять ее. В первый момент она напряглась, но тут же обмякла и прижалась ко мне всем телом, дав волю такой силы эмоциям, что мне показалось, будто я наконец понял, почему она всегда стремилась держать себя в руках. Никогда прежде мне не приходилось видеть ее плачущей. И невзирая на боль, которую я в тот момент испытывал, этот миг был едва ли не лучшим в моей жизни. Я стыдился этого чувства, но ни за что не хотел отпускать ее. Крепко прижав к себе, я целовал мать, восполняя то, чего был лишен всю свою жизнь, ибо раньше она не позволяла мне ее целовать. В те минуты мы казались двумя половинками одного целого.

Неожиданно она успокоилась и пришла в себя. Медленно, но решительно она высвободилась из моих объятий и оттолкнула меня.

Мы разговаривали еще очень долго. Она говорила о вещах, не всегда мне понятных,— о том наслаждении, которое она испытывала, видя, как я отправляюсь на охоту или сержусь на все и вся, забрасывая отца и братьев вопросами относительно того, почему мы должны жить именно так, а не иначе. С оттенком некоего суеверного страха она утверждала, что я составляю тайную часть ее самой и служу для нее неким органом, которого женщины лишены в реальной жизни.

— Ты — это мужчина во мне,— говорила она,— и именно поэтому я старалась удержать тебя возле себя и боялась без тебя остаться. И именно поэтому, возможно, я отпускаю тебя сейчас. Я просто делаю то, что уже однажды сделала.

Ее слова потрясли меня. Мне и в голову не могло прийти, что женщина может чувствовать или говорить что-либо подобное.

— Отцу Никола известно о ваших планах,— сказала она,— хозяин кабачка подслушивал ваши разговоры. А потому вы должны уехать как можно скорее. На рассвете садитесь в дилижанс. Как только доберетесь до Парижа, ты немедленно мне напишешь. На кладбище Невинных мучеников возле Сен-Жерменской ярмарки есть люди, зарабатывающие на хлеб написанием писем. Найди там человека, знающего итальянский, и тогда твое письмо не сможет прочесть никто, кроме меня.

Она вышла из комнаты, а я еще долго сидел, глядя перед собой невидящими глазами, не в силах поверить, что все это происходит на самом деле. Потом осмотрелся вокруг: кровать с соломенным матрацем, две мои куртки и красный плащ, единственная пара кожаных сапог возле камина... Сквозь узкую щель окна я видел темные силуэты гор, знакомых мне с самого детства. В этот чудесный миг я вдруг избавился от ощущения мрака и темноты.

Вскоре я уже мчался вниз по лестнице и дальше, по склону горы к деревне, чтобы найти Никола и сообщить ему о нашем отъезде в Париж. Мы непременно сделаем это, и на этот раз никто не сможет остановить нас.

Вместе со своей семьей он был возле костра. Увидев меня, он бросился мне на шею, а я, обхватив его за плечи, потащил прочь от пламени и собравшейся вокруг него толпы на самый край луга.

Как это бывает только весной, воздух буквально пропитался запахом свежей зелени. Даже пение крестьян не казалось мне в эти минуты столь ужасным. Я бросился в пляс по кругу.

— Возьми свою скрипку,— говорил я Никола,— и сыграй о том, что мы едем в Париж! Мы уезжаем утром! Мы уже в пути!

— А на что мы будем жить в Париже? — пропел он в ответ, делая вид, что играет на невидимой скрипке.— Ты что, собираешься охотиться на крыс и есть их на ужин?

— Пусть тебя не волнует, что будет, когда мы наконец окажемся там. Главное, мы будем жить в Париже!

7

Меньше чем через две недели в полдень я стоял в толпе посреди огромного кладбища Невинных мучеников с его старинными сводами и зловонными открытыми могилами. Это была самая фантастическая рыночная площадь, какую мне только пришлось видеть в своей жизни. Я стоял среди всего этого шума и вони и диктовал человеку, умеющему писать по-итальянски, первое письмо к матери.

Я сообщал ей, что мы ехали днем и ночью и наконец благополучно добрались до Парижа, что мы сняли комнаты на Ильде-ля-Сите, и что мы безмерно счастливы, и что гостеприимством, красотой и великолепием Париж превзошел все мои ожидания.

Мне очень хотелось самому взять ручку и лично написать ей обо всем.

Мне хотелось рассказать ей о тех чувствах, которые я испытывал при виде старинных особняков с башенками, древних извилистых улочек, заполненных толпами нищих, торговцев разного рода товарами и людей благородного происхождения, при виде четырех- и пятиэтажных домов на бульварах.

Мне хотелось описать ей золоченые, со стеклянными окошечками кареты, проносящиеся по Пон-Неф и Пон-Нотр-Дам, мимо Лувра и Пале-Рояля.

А еще я описал бы ей тех людей, которых мне приходилось встречать,— мужчин в чулках со стрелками и с серебряными тростями в руках, гуляющих по грязным улицам в светлых туфлях, женщин в переливающихся перламутром париках и изящных платьях из шелка и муслина. Я рассказал бы о впечатлении, произведенном на меня прогуливающейся в садах Тюильри Марией-Антуанеттой.

Конечно же, все это моя мать видела еще задолго до моего рождения. Вместе со своим отцом она жила в Неаполе, в Риме и в Лондоне. Но мне хотелось поблагодарить ее за предоставленную мне возможность услышать пение хора в соборе Нотр-Дам, посетить вместе с Никола переполненные кафе и там за чашкой хорошего английского кофе стать участником споров, которые без конца вели прежние товарищи Никола по университету, или, нарядно одевшись — а Никола настоял на том, чтобы я пользовался его гардеробом,— отправиться в «Комеди

Франсез» и там, стоя возле рампы, любоваться актерами на сцене.

Однако то, что я написал в своем письме, было, возможно, самыми лучшими новостями: адрес наших комнат в мансарде на Иль-де-ля-Сите и сообщение о том, что меня приняли в настоящий театр, где я буду обучаться актерскому мастерству и, вполне возможно, в скором времени выйду на сцену.

Я, правда, умолчал о том, что нам приходилось подниматься пешком на шестой этаж, что под нашими окнами постоянно слышались крики и брань, что у нас совсем не осталось денег, потому что я таскал своего друга на все оперы и балеты, какие только давались в городе. Не написал я и о том, что заведение, в котором я работал, мало чем отличалось от ярмарочного балагана — это был крохотный театрик на одном из бульваров, где моими обязанностями были продажа билетов, помощь актерам во время переодевания, а также уборка помещений и вышвыривание на улицу нарушителей порядка.

И все же, несмотря ни на что, я был на вершине блаженства. Так же как, впрочем, и Никола, хотя его не принимали на работу ни в один хоть сколько-нибудь приличный оркестр и он вынужден был исполнять сольные партии в маленьком ансамбле музыкантов того театрика, в котором работал я, а в случае особенно острой нужды он играл на бульварах, тогда как я со шляпой в руках обходил публику. При этом мы не испытывали ровным счетом никакого стыда.

Каждый вечер мы буквально взлетали вверх по ступенькам к себе в мансарду, держа в руках бутылку дешевого вина и буханку чудесного мягкого парижского хлеба, которые казались нам деликатесами после того, что нам приходилось есть и пить в Оверни. При свете стоявших в единственном имевшемся у нас канделябре свечей мансарда представлялась нам лучшим в мире местом.

Как я уже говорил раньше, мне редко приходилось бывать в маленьких, обшитых деревом помещениях, за исключением разве что комнатки в кабачке. А здесь потолок и стены были оштукатурены. Это был настоящий Париж! Деревянный пол в комнатах был натерт до блеска, имелся даже маленький камин с новым дымоходом, тяга в котором оказалась действительно прекрасной.

Что из того, что нам приходилось спать на комковатых циновках и соседи своими шумными драками будили нас по ночам? Ведь просыпались-то мы в Париже и могли, взявшись за руки, без конца гулять по его улицам и аллеям, заглядывать в магазины, заваленные драгоценными камнями, золотыми изделиями, скульптурами и гобеленами,— подобной роскоши мне прежде видеть не доводилось. Даже вонючие мясные рынки приводили меня в восхищение. Мне нравились шум и грохот большого города, суета тысяч и тысяч его жителей — ремесленников, клерков, художников, бесконечное мелькание лиц.

Днем я почти забывал о видениях, посетивших меня в кабачке, за исключением разве что тех случаев, когда на глаза мне попадался валявшийся на улице труп, которых, надо сказать, было немало на грязных городских аллеях, или когда мне случалось присутствовать на Пляс-де-Грев, где происходили публичные казни.

А я почему-то всегда оказывался на Пляс-де-Грев во время публичных казней.

И каждый раз я со стонами покидал площадь, дрожа с головы до ног. Это становилось для меня наваждением, грозящим полностью разрушить мою психику. Но Никола оставался непреклонным.

— Лестат, пожалуйста, никаких разговоров о вечном, о непознаваемом, о том, что невозможно изменить,— требовал он, грозя в противном случае хорошенько встряхнуть или даже ударить меня.

Но с наступлением сумерек — а это время суток я ненавидел больше всего — вне зависимости от того, присутствовал ли я в тот день на казни и был ли день ясным или пасмурным, меня неизменно охватывала дрожь. Единственным спасением оставался теплый, уютный, ярко освещенный театр, а потому я старался всегда оказаться там до заката солнца.

Надо сказать, что в то время в Париже театры на бульварах вообще не имели каких-либо законных прав. Государственной поддержкой пользовались только «Комеди Франсез» и Итальянский театр, где и ставились достойные внимания спектакли — трагедии, комедии, пьесы Расина, Корнеля и великолепного Вольтера.

Старинные же итальянские комедии масок, которые я так любил и героями которых были Панталоне, Арлекин, Скара-

муш и многие другие, продолжали жить, как и прежде, на подмостках балаганов на Сен-Жерменской ярмарке вместе с канатоходцами, акробатами, жонглерами и кукольниками.

Наследниками и последователями ярмарочных балаганов были театры на бульварах. В последние десятилетия восемнадцатого века они прочно обосновались по обе стороны бульвара Тамплиеров и, хотя актеры играли главным образом для городской бедноты, для тех, кто не мог позволить себе купить билет в настоящий большой театр, среди публики можно было встретить людей вполне состоятельных. Многие аристократы и богатые буржуа приходили в ложи бульварных театров, потому что представления в них отличались живостью и талантливой игрой актеров и не были столь напыщенны, как пьесы Расина и великого Вольтера.

Мы ставили итальянские комедии точно так же, как учили меня делать это прежде. Они были полны импровизаций, а потому каждое представление получалось новым и неповторимым, несмотря на то что пьеса оставалась той же, что и в предыдущий вечер. Кроме того, мы пели и занимались на сцене всякого рода другой чепухой, но не потому, что это нравилось публике, а потому, что были вынуждены делать это, чтобы нас не обвинили в нарушении монополии государственных театров на чистое искусство.

Сам театр представлял собой обшарпанную деревянную крысиную нору, в которой могли разместиться не больше трех сотен зрителей. Но при этом его сцена и интерьеры были оформлены весьма элегантно, а голубой бархатный занавес выглядел просто шикарно. Ложи от остальной части зрительного зала отделялись барьерами и шторками. Актеры и актрисы обладали большим опытом игры и, несомненно, были очень талантливы, хотя, быть может, мне просто так казалось в то время.

Даже если бы я не страдал недавно приобретенной боязнью темноты, этой «болезнью смертности», как упорно называл ее Никола, мое радостное возбуждение в тот момент, когда я выходил на сцену, едва ли было бы меньшим.

Каждый вечер в течение пяти или шести часов я жил в маленькой вселенной, полной смеха, криков и ссор, борьбы за кого-то и против кого-то, где все мы были товарищами друг другу, даже если на самом деле нас не связывала дружба. Мы словно

плыли в одной лодке по безбрежному океану, вынужденные в полном согласии налегать на весла, ибо не имели возможности разойтись в разные стороны. Это было божественно!

Никола не разделял моего безграничного энтузиазма, но можно ли было ожидать от него чего-либо иного. Когда его богатые приятели-студенты приходили поболтать с ним, он становился более ироничным, чем обычно. Из-за того образа жизни, который он вел, они считали его едва ли не безумцем. Что же касается меня, то с аристократом, который пал так низко, что помогает пёреодеваться актрисам и выносит помои, они не желали даже разговаривать.

На самом деле эти молодые буржуа стремились любыми способами превратиться в аристократов. Они при первой же возможности покупали себе титулы или женились на девушках из благородных семей. Одна из насмешек истории в том и состоит, что во время Великой революции они встали на сторону восставших и помогали уничтожать именно тот класс, к которому сами всегда стремились принадлежать.

Друзья Никола меня совершенно не интересовали. Актеры не имели понятия о моем происхождении, а я отказался от своего родового имени де Лионкур и сменил его на более простое, ничего ни для кого не значившее. Отныне меня звали Лестат де Валуа.

Я старательно изучал все, что имело отношение к сцене, запоминал, подражал, задавал бесчисленные вопросы. Я забывал об этом лишь в те минуты, когда Никола солировал на скрипке. Он поднимался со своего места в маленьком оркестре, луч света выхватывал из темноты его фигуру, и Никола начинал играть одну из прекрасных маленьких сонат. Иногда мне казалось, что, прозвучи его музыка чуть дольше, стены театра, не выдержав, рухнут.

И все это время я жил в ожидании того момента в жизни, когда старые актеры, у которых я учился, которым подражал и прислуживал как лакей, наконец скажут:

«Ну что ж, Лестат, сегодня вечером мы хотим видеть тебя в роли Лелио. Теперь ты знаешь, что должен делать».

И вот в августе этот момент настал.

В Париже стояла жара, ночи были теплыми, даже душными, и театр заполняли не знавшие, чем еще занять себя, люди.

Они жаждали развлечений и от духоты обмахивались носовыми платками и программками. Толстый слой белого грима, который я наложил на лицо, таял на глазах.

На мне был лучший бархатный плащ Никола, на боку болталась картонная шпага, и я дрожал с головы до ног, думая про себя, что, наверное, примерно такие же чувства испытывает приговоренный перед казнью.

Но едва я вышел на сцену, повернулся и увидел перед собой переполненный зал, со мной произошло нечто странное: весь мой страх мгновенно улетучился.

С сияющей улыбкой я отвесил зрителям медленный поклон и уставился на прекрасную Фламинию так, словно увидел ее впервые в жизни. Передо мной стояла задача завоевать ее сердце. Игра началась.

Точно так же, как это уже было когда-то, много лет назад, в маленьком провинциальном городке, сцена принадлежала сейчас мне. Мы носились от кулисы к кулисе, ссорились, обнимались, дурачились, а в зале стоял такой хохот, что, казалось, дрожали стены.

Я чувствовал неослабевающее внимание публики. Каждый жест, каждое движение вызывали гомерический хохот аудитории. Все оказалось на удивление просто, и мы могли бы продолжать в том же духе еще по меньшей мере полчаса, если бы другие актеры, которым не терпелось исполнить свои, как они их называли, трюки, не заставили нас уйти за кулисы.

Публика аплодировала нам стоя. И это не были провинциалы, стоявшие вокруг подмостков под открытым небом. Это были парижане, криками своими требующие возвращения на сцену Лелио и Фламинии!

Когда я оказался за кулисами, меня буквально шатало, и я едва не потерял сознание. Я ничего не видел вокруг себя, перед глазами стояла публика, глядящая на меня из-за огней рампы. Я жаждал вновь вернуться на сцену. Схватив в объятия Фламинию, я поцеловал ее и вдруг почувствовал, что в ответ она страстно целует меня.

Потом старый управляющий театра Рено оттолкнул ее.

— Ну что ж, Лестат,— сказал он задумчиво,— ты справился вполне прилично. Отныне я позволю тебе регулярно выходить на сцену.

Прежде чем я успел подпрыгнуть от счастья, нас окружила почти половина актеров труппы, и одна из актрис — Лючина — тут же воскликнула:

— Ну уж нет! Речь не о том, что ты позволишь ему регулярно выходить на сцену. Да он самый красивый актер на бульваре Тамплиеров, и ты наймешь его в труппу как положено и будешь платить ему как положено, и он никогда больше не возьмет в руки ни метлу, ни помойное ведро.

Я пришел в ужас. Моя карьера только началась и грозила тут же закончиться. Но, к моему неописуемому удивлению, Рено не раздумывая согласился на все ее условия.

Конечно, я был очень польщен тем, что меня назвали красивым, и понял, что Лелио может играть лишь актер, обладающий определенным стилем. И аристократ с моим воспитанием как нельзя лучше подходил для этой роли.

Но если я хотел, чтобы меня действительно заметила парижская публика, если я хотел, чтобы на меня обратили внимание в «Комеди Франсез», мне предстояло стать чем-то большим, чем златокудрый ангелочек, свалившийся на сцену прямо из дома благородного маркиза. Я должен был стать поистине великим актером. Именно этого я и намеревался в скором времени добиться.

В тот вечер мы с Никола отпраздновали мой успех грандиозной пьянкой, пригласив к себе в мансарду всю труппу. Потом я вылез на покатую скользкую крышу и раскрыл объятия всему Парижу, а Никола, стоя у окна, играл на скрипке, пока в конце концов мы не перебудили всех соседей.

Музыка была поистине восхитительной, но люди недовольно ворчали, ругались и орали, даже стучали кастрюлями и сковородами. Мы просто не обращали на них внимания. Мы пели и плясали почти так же, как не так давно делали это на поляне ведьм. Я даже едва не вывалился в окно.

На следующий день я стоял с бутылкой в руках под палящими лучами солнца на кладбище Невинных мучеников и диктовал писателю-итальянцу послание к своей матушке, в котором подробно описывал события прошедшего вечера. Я проследил, чтобы письмо было отправлено немедленно. Мне хотелось обнимать и целовать каждого встречного. Я стал Лелио! Я стал актером!

К сентябрю мое имя появилось в программке. Ее я тоже послал матери.

Теперь мы играли уже не старинные итальянские комедии, а фарс, написанный одним знаменитым сочинителем пьес, который из-за всеобщей забастовки драматургов не имел возможности поставить свое творение на сцене «Комеди Франсез».

Мы, конечно же, не могли указать его имя, но всем было известно, что это его пьеса, и каждый вечер зал театра Рено заполняли толпы придворных.

Моя роль в спектакле не была главной. Я вновь играл юного влюбленного, в чем-то похожего на Лелио, и это было еще лучше, чем исполнять ведущую роль. Как только я появлялся на сцене, все внимание зрителей обращалось на меня. Никола разучил со мной роль, постоянно ругая меня за то, что я так и не научился читать. К четвертому представлению пьесы драматург написал для меня еще несколько реплик.

В антракте Никола играл прекрасную сонату Моцарта, и его интерпретация чудесной музыки композитора удерживала зрителей на местах, не позволяя им покинуть зал. Даже его прежние приятели-студенты стали снова приходить к нам. Мы получали приглашения на частные балы. Раз в несколько дней я выкраивал время, чтобы отправиться на кладбище Невинных мучеников и продиктовать очередное письмо к матушке. И наконец в руках у меня оказалась вырезка из английской газеты «The Spectator» с восторженной рецензией на наш спектакль, в которой особенно была отмечена игра светловолосого проказника, крадущего в третьем и четвертом актах сердца абсолютно всех присутствующих в зрительном зале дам. Эту вырезку я тоже послал матери. Сам я, конечно, не мог прочитать рецензию, но тот человек, который принес ее мне, сказал, что она хвалебная, а Никола поклялся в том, что это именно так.

Холодными осенними вечерами я играл на сцене в своем красном бархатном плаще на меху. Даже полуслепой мог хорошо видеть его с самого последнего ряда галерки. Теперь я освоил и искусство накладывания грима, умело чередовал белый цвет с более темным, тем самым подчеркивая черты лица. Несмотря на черные тени вокруг глаз и ярко-красные губы, я выглядел очень естественно и одновременно эффектно. Я постоянно получал любовные записки от женщин.

По утрам Никола брал уроки игры на скрипке у итальянского маэстро. У нас теперь были деньги и на хорошую еду, и на дрова, и на уголь. Два раза в неделю приходили письма от матери. Она писала, что здоровье ее улучшается, что она уже не кашляет так страшно, как зимой, и почти не чувствует боли. Однако отцы лишили нас наследства и не желали слышать наших имен.

Мы были слишком счастливы, чтобы огорчаться из-за подобных пустяков. Но с наступлением холодов во мне еще более усилилось ощущение страшной опасности, «болезнь смертности».

В Париже холода причиняли особенно много неприятностей. Здесь не было такого чистого воздуха, как в горах.

Голодные, дрожащие от холода бедняки стучались в двери домов. Ухабистые, немощеные дороги были покрыты слоем липкой грязи. Босоногие ребятишки не знали, как спастись от пронизывающей стужи. Такого количества неубранных трупов на парижских улицах мне еще не приходилось видеть. Мой подбитый мехом плащ радовал меня больше, чем когда бы то ни было. Мы заворачивались в него вместе с Никола и, тесно прижавшись друг к другу, шли под дождем и снегом.

Однако холод не мешал мне в те дни чувствовать себя бесконечно счастливым. Именно о такой жизни я всегда мечтал. Я знал, что не задержусь надолго в театре Рено. Об этом твердили все окружающие. Я уже представлял себя на огромной сцене и в своем воображении рисовал картины успешных выступлений в составе настоящей театральной труппы в Лондоне, в Италии и даже в Америке. Однако пока у меня имелось все необходимое, а потому не было никаких оснований для спешки.

8

В октябре, когда Париж буквально застывал от холода, я вдруг стал регулярно замечать среди собиравшейся в зале публики одно и то же странное лицо, которое неизменно приводило меня в смущение. Иногда, увидев его, я даже забывал о том, что должен делать. И каждый раз лицо исчезало так же неожиданно, как и появлялось. Можно было подумать, что оно было не более чем плодом моего воображения. Так продолжалось в

течение примерно двух недель, и в конце концов я не выдержал и рассказал обо всем Ники.

— Кто-то... следит за мной,— сказал я ему, чувствуя себя неловко и с трудом подбирая слова.

— За тобой следят абсолютно все,— ответил он.— Именно такого внимания ты и добивался.

В тот вечер Ники был не в настроении, и ответ его прозвучал несколько резко.

Чуть раньше, разжигая в камине огонь, он говорил о том, что своей игрой на скрипке никогда не сумеет достичь больших высот, несмотря на прекрасный слух и мастерство,— слишком многого он еще не знает. В то же время он был абсолютно уверен в том, что я стану великим актером. Я, конечно же, отвечал, что он болтает глупости, хотя в душе понимал его правоту. Мне вспомнились вдруг слова моей матери о том, что Никола слишком поздно начал.

Ники объяснил мне, что дело вовсе не в зависти — просто он слегка расстроен.

Я решил забыть на время о странном лице и придумать какой-нибудь способ поднять Ники настроение и заставить его поверить в собственные силы. Я напомнил ему о тех возвышенных эмоциях, которые пробуждает его игра в душах людей, о том, что даже актеры за кулисами останавливаются и с замиранием сердца прислушиваются к его сольным партиям, о том, что он несомненно обладает огромным талантом.

— Но я мечтал стать великим скрипачом! — воскликнул Никола.— Боюсь, этого никогда не будет. Пока мы жили дома, я хотя бы мог делать вид, что это вполне возможно.

— Ты не должен сдаваться,— ответил я.

— Позволь мне быть с тобой откровенным, Лестат. Тебе все дается очень легко. Стоит тебе только захотеть, и ты добиваешься цели. Понимаю, ты сейчас вспомнил о том времени, когда был так несчастен в собственном доме. Но даже тогда тебе удавалось исполнять все тобою задуманное. Ты решил уехать в Париж — и что же?.. В тот же день мы двинулись в путь.

— Разве ты жалеешь о том, что мы в Париже? — спросил я.

— Конечно нет! Я говорю сейчас, что ты склонен считать возможным то, что на самом деле совершенно невозможно. Во всяком случае, для всех остальных. Возьми, например, историю с волками...

При этих словах по спине у меня пробежал какой-то странный холодок, а перед глазами вновь почему-то возникло лицо странного незнакомца, следившего за мной из зала. Каким образом это было связано с волками? Какое отношение это имело к тем чувствам, о которых говорил мне Никола? Не находя ответа, я постарался отбросить пустые тревоги.

— Мне кажется, что, если бы ты решил вдруг научиться играть на скрипке, ты бы сейчас уже играл для королевского двора,— продолжал Ники.

— Послушай, подобные разговоры ни к чему не приведут,— очень тихо ответил я.— Следует просто стремиться добиться того, что ты хочешь,— другого выхода нет. Ты же знал, что с самого начала обстоятельства против тебя. И нет ничего, кроме... кроме...

— Знаю, знаю,— улыбнулся он.— Кроме бессмысленности. И смерти.

— Вот именно,— кивнул я.— Все, что тебе остается, это придать смысл собственной жизни, сделать ее добродетельной...

— Ради Бога, только не говори мне снова о добродетели! — воскликнул Ники.— Опять эта твоя болезнь смертности и добродетели! — Он перестал смотреть на огонь и повернул ко мне недовольное лицо.— Мы не более чем актеры, шуты, призванные развлекать публику. Мы лишены даже права быть похороненными в освященной земле. Мы изгои общества.

— Господи! Если бы ты только мог поверить мне! Пойми же наконец, что наша добродетель в том и состоит, чтобы помочь людям забыть о горестях, заставить их хоть на время забыть...

— О чем? О том, что всех их ожидает смерть? — Улыбка его была как никогда ожесточенной.— Лестат, я надеялся, что в Париже ты сумеешь со всем этим справиться.

— С твоей стороны было глупо надеяться на это,— ответил я, в свою очередь начиная сердиться на Ники.— Я чувствую, что на бульваре Тамплиеров я творю добро...

Я вдруг замолчал, потому что перед моими глазами снова возникло лицо таинственного незнакомца, и меня, словно предвестник беды, охватило странное чувство. Вспомнил я и о том, что на этом лице, как ни странно, всегда была улыбка. Да, он улыбался, наслаждался...

— Лестат, я люблю тебя,— мрачно сказал Ники.— Я мало кого любил в своей жизни так, как тебя. И все же я должен

сказать, что на самом деле со всеми этими идеями добродетели ты просто глупец.

Я расхохотался ему в ответ.

— Никола, я могу жить без веры в Бога. Могу смириться даже с сознанием того, что не существует жизни после смерти. Но я не в состоянии жить без веры в возможность творить добро. Вместо того чтобы постоянно насмехаться надо мной, почему бы тебе не рассказать о том, во что веришь ты?

— Я считаю,— ответил он,— что есть слабость и есть сила. Есть искусство хорошее и искусство плохое. Вот в этом-то и состоит моя вера. В настоящее время мы занимаемся тем, что можно назвать плохим искусством, и оно не имеет никакого отношения к добродетели!

Если бы в тот момент я сказал все, что думал о самомнении и напыщенности буржуа, наш разговор мог превратиться в настоящую схватку. Ибо я был твердо убежден, что наша работа в театре Рено во всех отношениях приносит гораздо больше пользы, чем то, что делается в больших театрах. Скромнее, незаметнее была лишь внешняя оболочка. Ну почему все эти джентльмены, представители буржуазного класса, в том числе и мой друг, придают такое огромное значение внешним проявлениям? Почему он не в состоянии заглянуть дальше поверхности?

Я вздохнул.

— Если даже добродетель и существует,— снова заговорил Никола,— то я нахожусь на противоположной от нее стороне. Я сам есть зло, я купаюсь во зле. Чихал я на твою добродетель! Если хочешь знать, я играю на скрипке вовсе не для тех идиотов, которые приходят в театр Рено. Я играю только для себя и ради себя, ради Никола!

Я не желал больше слушать его. Пора было ложиться спать. Однако наш разговор ранил мне душу, и Никола понимал это. Едва я начал стягивать с себя сапоги, он подошел и сел рядом со мной.

— Прости меня,— произнес он расстроенным тоном, так отличавшимся от того, каким он говорил со мной, что я не удержался и взглянул на него. Он выглядел очень молодо и казался настолько подавленным... Я обнял его и попросил выбросить все это из головы.

— От тебя исходит какое-то сияние, Лестат,— сказал он.— Ты обладаешь необъяснимой силой, которая притягивает всех, кто тебя окружает. Ты не утрачиваешь ее даже в минуты гнева или растерянности...

— Это все лирика,— ответил я.— Мы оба очень устали.

— Нет, это действительно так. Внутри тебя сияет почти ослепительный свет. А во мне есть только темнота. Иногда мне кажется, что такая же темнота завладела и тобой — там, в кабачке, когда ты задрожал и расплакался. Ты не был готов к этому, а потому оказался беспомощным перед нею. Я пытаюсь уберечь тебя от этой тьмы, потому что отчаянно нуждаюсь в том свете, который ты излучаешь, а тебе темнота не нужна.

— Ты просто безумец! — воскликнул я.— Если бы ты сам мог услышать свой голос, свою музыку, ту, которую, как ты утверждаешь, исполняешь для себя, то перестал бы видеть темноту. Поверь, Ники, ты непременно увидел бы свет! Унылый и безрадостный — согласен, но все же свет. А свет и красота существуют в тебе нераздельно и проявляются тысячами своих форм.

На следующий вечер наше представление имело особенно большой успех. Зрители живо реагировали на все происходящее на сцене, тем самым вдохновляя нас на все новые и новые трюки. Я проделал несколько новых танцевальных па, которые, как ни странно, на репетициях казались не особо удачными, а сейчас, во время спектакля, были восторженно приняты публикой. Ники великолепно исполнил одно из собственных сочинений.

Уже почти в самом конце представления я вдруг снова увидел таинственное лицо, заставившее меня испытать столь сильное потрясение, что я едва не сбился с мелодии и не забыл слова.

На какой-то миг мне показалось, что перед глазами все плывет, а голова идет кругом.

Когда мы с Ники остались наедине, я вынужден был рассказать ему об этом, о странном ощущении, будто я заснул прямо на сцене и увидел сон.

Поставив на узкую каминную полку стаканы с вином, мы сидели возле огня, и я заметил, что Никола выглядит все таким же усталым и удрученным, как и накануне.

Мне не хотелось расстраивать его еще больше, однако я не мог не рассказать ему о таинственном лице.

— А как он выглядел? — спросил Никола, протягивая к огню руки, чтобы согреть их.

В окне за его спиной я видел покрытые снегом городские крыши, и это зрелище заставило меня поежиться от холода. Меня угнетала тема нашей беседы.

— В этом-то и состоит весь ужас,— ответил я.— Я всегда вижу только лицо. Возможно, он одет во что-то черное — в плащ, может быть даже с капюшоном. Но это очень белое и абсолютно чистое лицо похоже скорее на маску. Черты его выделяются так резко, что кажется, будто они обведены черным контуром. Оно мелькает всего лишь на миг и при этом заметно светится. А когда я снова бросаю взгляд туда, где он только что стоял, лицо бесследно исчезает. Конечно, в моем рассказе все выглядит несколько преувеличенным. На самом деле все происходит как-то иначе, мягче, что ли... и его внешность... но все же...

Мой рассказ, похоже, потряс Никола ничуть не меньше, чем меня самого. Он не произнес ни слова, однако лицо его заметно смягчилось и утратило горькое выражение.

— Знаешь,— очень мягко и совершенно искренне заговорил он,— мне не хотелось бы тешить тебя напрасными надеждами, но, вполне возможно, ты и в самом деле видишь всего лишь маску. А что, если этот человек из «Комеди Франсез» и приходит сюда специально, чтобы посмотреть на твою игру?

Я лишь покачал головой.

— Хотелось бы мне, чтобы это было так. Но никто не наденет на себя такую маску. Расскажу тебе кое-что еще...

Он молча ждал, и я не сомневался, что дурные предчувствия в какой-то мере передались и ему. Он протянул руку и, взяв бутылку за горлышко, налил немного вина в мой стакан.

— Кем бы он ни был, ему известно о волках,— выпалил вдруг я.

— Известно о чем?!

— Ему известно о волках,— повторил я, но на этот раз не очень уверенно. Я словно вспоминал сон, который не в силах был забыть.— Он знает, что там, дома, я убил волков. Знает и то, что мой плащ подбит изнутри их мехом.

— О чем это ты? Ты что, разговаривал с ним?

— В том-то и дело, что нет! — воскликнул я. Все казалось мне таким неясным, смущало и тревожило меня. Я вновь почувствовал странное головокружение.— Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Я никогда не говорил с ним, даже близко к нему не подходил. И тем не менее ему все известно.

— Ах, Лестат,— с полной нежности улыбкой, откинувшись на скамье, воскликнул Никола,— в следующий раз тебе привидятся призраки! Никогда в жизни мне не приходилось встречать людей с таким богатым воображением, как у тебя!

— Никаких призраков нет,— тихо ответил я, раздувая огонь и подкладывая в него куски угля.

Никола стал вдруг серьезным.

— Так откуда же, черт возьми, мог он узнать о волках? И откуда ты...

— Я же говорю тебе — понятия не имею! — воскликнул я, потом замолчал и задумался, недовольный собой, потому что прекрасно понимал, как смехотворно и нелепо, должно быть, выгляжу во всей этой истории.

Потом мы еще долго сидели молча, тишину нарушало лишь потрескивание огня в камине, и в неподвижности комнаты пламя было единственным, что еще продолжало шевелиться. И тут откуда-то издалека до моего слуха отчетливо донеслись слова: «Убийца Волков». Словно их кто-то явственно произнес...

Но их никто не произносил.

Я взглянул на Ники и с ужасом понял, что его губы не шевелились. Кровь отхлынула от моего лица, и на этот раз я почувствовал не просто угрозу смерти, как это уже не раз случалось со мной по вечерам. Я ощутил нечто доселе мне совершенно незнакомое — страх.

Не веря ушам и не доверяя эмоциям, я продолжал молча сидеть, пока наконец Никола не обнял и не поцеловал меня.

Пошли спать,— мягко сказал он.

Часть II

НАСЛЕДСТВО МАГНУСА

1

ыло, должно быть, три часа утра — сквозь сон до меня донесся звон церковных колоколов.

Как и все разумные обитатели Парижа, мы запирали двери на засов и закрывали на задвижку окно. Конечно, это было не слишком хорошо, поскольку комната отапливалась углем, но к нашему окну легко можно было пройти по крыше. Вот почему мы спали взаперти.

Мне снились волки. Я вновь очутился в горах, окруженный волками, и снова размахивал средневековой булавой. Потом я увидел, что волки мертвы, и сон мой стал более приятным, но мне еще предстояло проделать по глубокому снегу весь путь до дома. Где-то кричала и билась лошадь. Кобыла превратилась в полураздавленное на каменном полу насекомое.

«Убийца Волков»,— тихо и протяжно произнес голос, в котором одновременно звучали призыв и уважение.

Я открыл глаза. А быть может, мне только показалось, что открыл. Кто-то был в комнате. Спиной к огню стояла, чуть склонившись, высокая фигура. Угли в камине еще не потухли, света от них было вполне достаточно, чтобы четко обозначить контуры нижней части фигуры, но голова и плечи тонули в темноте. Однако я догадался, что передо мной то же белое лицо, которое я видел в театре, и вдруг до меня дошло — ведь комна-

та заперта, а рядом лежит Никола, и все равно, несмотря на это, прямо над нашей кроватью нависает фигура незнакомца.

До меня доносилось дыхание Никола, а перед моими глазами стояло белое лицо.

«Убийца Волков»,— услышал я снова, но губы неизвестного при этом остались неподвижными. Лицо приблизилось ко мне, и я увидел, что это отнюдь не маска. Темные глаза... темные, почти черные, взгляд их внимателен и проницателен... белая кожа... и исходящий от нее жуткий запах, похожий на запах гниющей в сыром помещении одежды.

Мне показалось, что я вскочил. Или меня кто-то поднял. Как бы то ни было, но меньше чем через секунду я уже стоял на ногах. Остатки сна мгновенно улетучились, и я попятился к стене.

В руках у странного посетителя я увидел свой плащ. В тот момент я пожалел, что со мной нет моей шпаги и мушкетов. Они были спрятаны под кроватью. Существо набросило на меня плащ, и сквозь мех и бархат я почувствовал, как его пальцы вцепились в отвороты моей куртки.

Он оттащил меня от стены и швырнул через всю комнату. Я потерял равновесие и упал. Я звал на помощь Никола. «Ники! Ники!!!» — что было мочи кричал я, стараясь его разбудить. И тут я заметил, что окно приоткрыто, и в ту же секунду услышал звон разлетающегося на тысячи осколков стекла и треск ломающейся деревянной рамы... Я летел вдоль аллеи на высоте шести этажей над землей...

Вопя от ужаса, я колотил руками тащившее меня существо и, извиваясь, пытался освободиться от красного плаща, в который был завернут.

Сначала мы летели высоко над крышами, а потом стали подниматься вдоль отвесной кирпичной стены еще выше. Все это время я беспомощно болтался в руках ужасного существа, пока наконец он не швырнул меня на твердую поверхность чего-то расположенного на огромной высоте.

С минуту я лежал, глядя на раскинувшийся перед моими глазами Париж, на белый снег, покрывающий городские крыши, на торчащие печные трубы, на высокие колокольни соборов и на, казалось, совсем близкое, низко нависшее надо мной небо. Потом я вскочил на ноги, споткнулся о красный плащ, но

удержался и побежал. Подбежав к самому краю крыши, я глянул вниз и не увидел ничего, кроме пропасти глубиной в несколько сотен футов. Возле противоположного края меня ожидала точно такая же картина. Я едва не рухнул в бездну.

Задыхаясь от бега, я в отчаянии огляделся. Мы находились на самом верху какой-то квадратной башни не более пятидесяти футов шириной. Она была самой высокой во всей округе. Незнакомец стоял, не сводя с меня пристального взгляда, и я вдруг услышал его тихий хрипловатый смех, а потом тот же голос шепотом произнес:

— Убийца Волков.

— Проклятье! — закричал я.— Кто вы, черт побери, такой? — И бросился на него с кулаками.

Он даже не пошевелился. С таким же успехом я мог врезаться в кирпичную стену. Я буквально отлетел от него, поскользнулся на снегу, упал, но тут же снова поднялся и опять кинулся на странное существо.

Хохот его становился все громче и громче. В нем явственно слышалась насмешка, он издевался надо мной, но в то же время было отчетливо видно, что он получает удовольствие от своей «игры», и это приводило меня в бешенство. Отбежав к самому краю, я вновь повернулся к незнакомцу лицом.

— Что вам от меня нужно? — крикнул я.— Кто вы? Услышав вместо ответа все тот же гомерический, сводящий с ума хохот, я набросился на него в очередной раз. Теперь, согнув пальцы наподобие звериных когтей, я целился ему в лицо и шею. Мне удалось сбросить с него капюшон, и я увидел обычной формы человеческую голову, темные волосы и мягкую, почти нежную кожу. Однако он по-прежнему оставался неподвижным.

Потом он слегка отодвинулся назад, поднял руки и принялся трясти меня, раскачивая взад и вперед, словно маленького ребенка. То влево, то вправо он отворачивал от меня лицо, причем движения были столь быстрыми, что я не успевал уследить за ними. Он проделывал все с такой легкостью, как будто это ему не стоило никаких усилий, в то время как я безуспешно пытался ударить его, причинить ему боль... Но мои пальцы лишь легко скользили по бледной и мягкой коже, и раз или два мне удалось провести рукой по блестящим темным волосам.

— Ты храбрый и сильный, маленький Убийца Волков,— произнес он, и на этот раз голос его был низким, мягким и даже приятным.

Перестав сопротивляться, я пригляделся к нему повнимательнее, а когда мне удалось хорошенько рассмотреть черты лица, которое я видел в театре лишь мельком, я буквально задохнулся от ужаса и покрылся холодным потом. Эти глубокие морщины, изогнутый и приоткрытый в насмешливой улыбке рот...

— Господи! Помоги мне! Спаси и сохрани меня, Боже!..— пятясь, беспрерывно повторял я. Мне казалось невероятным, что такое лицо способно двигаться, принимать какое бы то ни было выражение и смотреть на меня с таким волнением, как это.— Господи! Боже мой!

— О каком боге ты говоришь, Убийца Волков? — спросил он.

Повернувшись к нему спиной, я издал поистине ужасное звериное рычание и почувствовал, как его руки железной хваткой вцепились мне в плечи. В последней отчаянной попытке я рванулся, стараясь высвободиться, но он резким движением развернул меня лицом к себе, и прямо передо мной оказались его огромные черные глаза и улыбающийся сомкнутыми губами рот. Потом он склонился ко мне, и я почувствовал, как его острые зубы вонзились мне в шею.

Словно утопленник, выплывший вдруг из глубины на поверхность темной воды и блеснувший в луче света. На память мне пришло слово, знакомое по старинным преданиям и сказкам, которые я слышал в далеком детстве.

— Вампир!!! — прозвучал мой последний, полный ужаса и отчаяния крик, в то время как я продолжал отбиваться от него, чем только мог.

А потом все вокруг меня словно застыло, и наступила полная тишина...

Я сознавал, что мы по-прежнему находимся на крыше, чувствовал, как крепко обхватили меня руки ужасного существа. И в то же время мне казалось, что мы парим в невесомости и куда-то летим в темноте с еще большей легкостью, чем прежде.

— Да, да...— хотелось сказать мне.— Именно так.

Вокруг меня стоял какой-то мощный гул, как будто кто-то бил в гонг, исполняя на удивление красивую ритмичную мелодию. Звуки эти заполняли все мое существо и доставляли мне неизъяснимое удовольствие.

Губы мои шевелились, хотя с них не слетало ни звука. В тот момент это не имело никакого значения. Все, что хотелось выразить прежде, стало вдруг абсолютно ясным, и мне было совершенно не важно, что мысли мои оставались невысказанными. Впереди было еще столько времени, так много чудесного времени, чтобы успеть что-то сказать и что-то сделать. Спешить совершенно некуда.

Восхитительно. Мне казалось, что я произнес это слово, хотя губы мои при этом даже не пошевелились, я был просто не в состоянии сказать что-либо. Я вдруг осознал, что даже не дышу. И все же кто-то заставлял меня дышать, ритм дыхания совпадал с ударами гонга, но все это не имело ровным счетом никакого отношения к моему телу. Однако я испытывал удовольствие, мне нравился этот ритм, нравилось отсутствие необходимости дышать, говорить и понимать что-либо.

Я увидел улыбку матери и сказал ей, что очень ее люблю. «Да, я всегда любила, всегда любила...» — ответила она. А потом я увидел себя в монастырской библиотеке... Мне снова было двенадцать лет, и монах сказал: «Ты великий ученый...» И я одну за другой открывал книги и понимал, что могу прочитать их все — будь то на греческом, латинском или французском языке. Буквы светились и были необыкновенно красивы... Я обернулся и увидел перед собой публику, собравшуюся в театре Рено и приветствующую меня стоя... Одна из женщин убрала от лица цветной веер, и я увидел, что это Мария-Антуанетта. Она назвала меня Убийцей Волков... Никола бежал ко мне, умоляя вернуться. Лицо его исказила мука, волосы растрепались, а глаза были обведены кровавыми полосами. Он пытался схватить меня, но я приказал ему убираться... Меня вдруг охватила мучительная агония, и сквозь невыносимую боль я почувствовал, что звучание гонга постепенно ослабевает.

Я кричал, я умолял...

— Пожалуйста, не останавливайте его, пожалуйста... Я не хочу... я не... пожалуйста...

— Лелио, Убийца Волков,— произнесло существо, продолжая сжимать меня в объятиях, а я все кричал и плакал, чувствуя, что волшебные минуты заканчиваются.

— Не надо... не надо...

Я вновь начал сознавать тяжесть тела, ко мне вернулось ощущение боли, и я снова услышал собственные крики, а потом почувствовал, что кто-то меня поднял, подбросил вверх... В конце концов я оказался на плече ужасного существа, и его рука крепко обхватила мои колени.

Я хотел попросить защиты у Бога, я хотел этого всеми силами души, но был не в силах сделать это. Далеко внизу под нами снова была улица, весь Париж накренился под невероятным углом, валил сильный снег, и дул пронизывающий ветер...

2

Когда я проснулся, меня мучила сильнейшая жажда.

Я умирал от желания выпить хорошую порцию ледяного белого вина, такого, каким оно бывает, когда его поздней осенью приносят из подвала. А еще мне хотелось съесть что-нибудь очень сладкое и душистое, например сочное, спелое яблоко.

Не знаю почему, но мне вдруг пришло в голову, что я лишился рассудка.

Открыв глаза, я увидел, что уже наступает вечер. Свет за окном можно было принять за утренний, но прошло слишком много времени. Поэтому я был уверен, что это вечер.

Сквозь широкий каменный проем окна с толстыми решетками мне были видны покрытые снегом поля и леса, а вдалеке торчали высокие крыши и башни маленького городка. Ничего подобного я не видел с тех пор, как вышел из почтовой кареты. Я снова закрыл глаза, но видение не исчезло, как будто я их и не закрывал.

Однако это не было видением. Все происходило на самом деле. Несмотря на открытое окно, в комнате было тепло. Совсем недавно в ней еще горел камин — я чувствовал это по запаху. Но теперь огонь потух.

Я пытался прийти в себя и все обдумать. Однако в голову лезли лишь мысли о холодном белом вине и корзине яблок. Яблоки буквально стояли перед моими глазами. Я даже отчет-

ливо представил себе, как падаю вниз с ветки дерева и чувствую вокруг себя запах свежескошенной травы.

Зеленые поля купаются в ослепительных лучах солнца. Оно отражается в темных блестящих волосах Никола и в покрытой лаком, отполированной поверхности его скрипки. Звуки музыки устремляются к бегущим облакам, а на фоне голубого неба я вижу башни отцовского замка.

Башни...

Я снова открыл глаза.

И понял, что лежу в комнате высокой башни, находящейся в нескольких милях от Парижа.

А на маленьком, грубо сколоченном деревянном столике прямо передо мной стоит бутылка белого вина — именно то, о чем я мечтал во сне.

Я долго не решался дотронуться до нее, все это время не сводя глаз с застывших на ледяной поверхности стекла капель. Мне казалось невозможным, что я могу взять эту бутылку и выпить из нее вина.

Еще никогда в жизни я не страдал так сильно от жажды. Казалось, что высохло все мое тело. Я чувствовал непреодолимую слабость. К тому же мне было немного холодно.

Едва я пошевелился, в комнате вокруг меня все завертелось. За окном ярко светило солнце.

Когда же я наконец решился взять в руки бутылку, откупорил ее и вдохнул прекрасный аромат, я принялся пить без остановки... Меня уже не волновало, что станется со мною после, где я нахожусь и откуда взялась эта бутылка.

Голова моя упала на грудь. Бутылка была почти пуста. И видневшийся вдали город постепенно растворялся в воздухе, сливаясь с чернотой неба и оставляя после себя лишь слабый отсвет огней.

Я сжал голову руками.

Кровать, на которой я спал, оказалась не более чем камнем с брошенной на него охапкой соломы, и тогда до меня постепенно начало доходить, что я нахожусь в своего рода темнице.

Но как же вино? Оно было чересчур хорошим для темницы. Кто же станет давать столь отменное вино заключенному? Разве что приговоренному к казни?..

Теперь до меня доносился уже совсем другой аромат — сильный, насыщенный и такой чудесный, что я не удержался и застонал. Я огляделся, точнее сказать, попытался это сделать, ибо был настолько слаб, что едва мог двигаться. Источник божественного аромата находился совсем рядом — запах исходил из большой кастрюли с наваристым говяжьим бульоном, в котором плавали куски мяса. Бульон был еще горячим, и я видел поднимающийся от кастрюли пар.

Стремительно схватив кастрюлю обеими руками, я принялся пить из нее так же жадно и позабыв обо всем, как прежде пил вино.

Это было так восхитительно! Мне казалось, что ничего вкуснее, чем этот бульон и мясо, я не пробовал за всю свою жизнь. Когда кастрюля опустела, я обессиленно рухнул на солому — меня едва не тошнило от сытости.

Мне почудилось какое-то движение в комнате, но, возможно, мне это только показалось. Потом я услышал, как звякнуло стекло.

— Еще вина? — произнес рядом со мной голос, который я тут же узнал.

И постепенно я начал вспоминать все, что со мной произошло: высокие отвесные стены, маленькую квадратную крышу, бледное улыбающееся лицо.

Какой-то миг я думал, что этого не могло быть, что все это лишь кошмарный сон. Но я ошибался. Это было, и я вновь вспомнил охвативший меня восторг, звук гонга и почувствовал, как закружилась голова, словно я готов вот-вот потерять сознание.

Я понимал, что должен взять себя в руки и ни в коем случае не позволить себе упасть в обморок. Меня охватил такой ужас, что я не осмеливался даже пошевелиться.

— Еще вина? — снова произнес тот же голос.

Я слегка повернул голову и в льющемся в окно ярком свете увидел приготовленную для меня непочатую бутылку.

Меня вновь мучила жажда, на этот раз еще более сильная из-за выпитого соленого бульона. Облизывая пересохшие губы, я протянул руку к бутылке и стал пить.

Потом, прислонившись спиной к каменной стене, я стал вглядываться в темноту, заранее испытывая страх перед тем, что ожидал увидеть.

Нужно ли говорить, что я был совершенно пьян?

Я снова увидел окно и город за ним, увидел маленький столик... Медленно обводя глазами темное помещение, я наконец увидел его.

Теперь на нем не было черного плаща с капюшоном, и нельзя сказать, что он сидел или стоял как обыкновенный человек.

Он будто прилег отдохнуть на довольно широком каменном подоконнике, согнув в колене одну ногу и вытянув наружу другую. Руки его свободно свисали вниз.

Он казался неподвижным и вялым, но лицо его при этом было таким же живым и выразительным, как и ночью. Огромные темные глаза казались черными провалами на белой коже, нос был длинным и тонким, а рот по-прежнему изогнут в шутовской улыбке. Походящие на клыки зубы касались бесцветных губ, а росшая над высоким лбом густая и блестящая масса темных, тронутых сединой волос спускалась ниже плеч.

Мне кажется, что в тот момент он смеялся.

А меня охватил столь невообразимый ужас, что я не в силах был даже вскрикнуть.

Я выронил из рук бутылку с вином, и она покатилась по каменному полу. Едва я попытался собраться с силами и встать, заставить тело двигаться и перестать быть бесформенной, напитавшейся вином массой, как его тело тоже пришло в движение.

Он приблизился ко мне.

Я даже не крикнул. От ярости и одновременно ужаса я издал какое-то тихое рычание, вскочил с постели и, опрокинув столик, бросился бежать от него со всех ног.

Но он тут же схватил меня, и пальцы его были такими же сильными и ледяными, как и прошлой ночью.

— Пусти меня! Будь ты проклят! Проклят!! Проклят!!! — Я вдруг замолк. Разум подсказывал мне, что я должен просить, умолять его, и я заговорил снова, но уже совсем другим тоном: — Пожалуйста, позвольте мне уйти! Выпустите меня отсюда! Вы должны это сделать! Отпустите меня!

Мрачное лицо неясно вырисовывалось перед моими глазами, когда он буквально навис надо мной, и вдруг губы его растянулись, почти слившись с бледными щеками, и он расхохотал-

ся. Казалось, этот жуткий рокочущий смех не затихнет никогда. Я вырывался, отталкивал его от себя, но все мои усилия были тщетны; я снова и снова умолял отпустить меня, бормотал какие-то извинения и пытался что-то объяснить... Бесполезно... Наконец, совсем отчаявшись, я воскликнул:

«Боже! Помоги мне, Боже!» — и в ту же секунду он крепко зажал мне рот рукой.

— Никогда больше не произноси ничего подобного в моем присутствии, Убийца Волков! Или я скормлю тебя волкам самого дьявола в аду! — насмешливо произнес он.— Ну? Ты понял меня? Отвечай!

Я молча кивнул, и он опустил руку.

Его голос произвел на меня странным образом успокаивающий эффект. По звуку голоса можно было сказать, что его обладатель — человек опытный и искушенный в жизни, способный рассуждать вполне здраво.

Я весь сжался от страха, но он вдруг поднял руки и погладил меня по голове.

— Солнце в волосах,— прошептал он,— и вечное отражение голубого неба в твоих глазах.

В этот момент он казался задумчивым и даже несколько отстраненным. Я обратил внимание, что дыхание его было чистым и что от тела не исходил никакой запах. Тленом пахло лишь от его одежды.

Он уже не держал меня, но я по-прежнему не смел пошевелиться. Я внимательно рассматривал его одежду.

Полуистлевший шелковый камзол с пышными рукавами и сборками у ворота, изношенные рейтузы и рваные короткие панталоны.

В целом он был одет так, как одевались наши предки много веков назад. Я видел такие наряды на гобеленах, висевших на стенах отцовского замка, на картинах Караваджо и Латура, украшавших комнату матери.

— Мой Лелио, мой Убийца Волков! — воскликнул он.— Ты само совершенство! — Рот его вновь растянулся в улыбке, открывая белые клыки.

Меня охватила дрожь, и я почувствовал, что падаю на пол.

Однако он с легкостью подхватил меня одной рукой и осторожно положил на кровать.

Не в силах отвести взгляд от его лица, я продолжал мысленно возносить истовые молитвы к Господу нашему и Пресвятой Богородице, умоляя спасти меня.

Кого же я видел сейчас перед собой? Что пришлось увидеть и пережить мне прошлой ночью? Видение из прошлого? Существо, отмеченное печатью времени и в то же время словно законсервированное, чье лицо казалось таким же жестким и крепким, как и руки?.. Его нельзя было назвать живым существом. Это было какое-то чудовище. Вампир! Покойник, выходящий из могилы, чтобы напиться человеческой крови, и при этом наделенный разумом!

Почему своим видом он приводит меня в такой ужас? Внешне он был похож на человека, но двигался при этом совсем не как обыкновенный человек. Казалось, для него не имеет ровным счетом никакого значения, идет он или ползет, наклоняется или стоит на коленях. Я испытывал по отношению к нему непреодолимое отвращение. И в то же время он чем-то привлекал меня. Да, должен признаться, я испытывал к нему интерес, однако опасность была слишком велика, и я не мог позволить себе уделять внимание столь странному в моем положении чувству.

Широко расставив ноги, он склонился надо мной, провел рукой по моей щеке и рассмеялся низким, звучным смехом.

— Да-а-а-а... ты прекрасен, и я не устаю любоваться тобой,— шепотом и чуть задыхаясь, протяжно произнес он.— В момент своего перерождения я был уже стар. А ты поистине совершенен, мой Лелио, мой голубоглазый мальчик. Ты выглядишь еще лучше, чем на сцене.

Длинные белые пальцы играли моими волосами, одну за другой поднимая пряди и позволяя им свободно падать. Он вздохнул.

— Не плачь, Убийца Волков,— обратился он ко мне.— Ты избран, и, прежде чем закончится эта ночь, твой шумный успех на подмостках театра превратится в ничто и перестанет иметь значение.

И снова я услышал ужасный хриплый смех.

В душе моей не осталось никаких сомнений в том, что он послан самим дьяволом, что Бог и дьявол существуют на самом деле, что за пределами того одиночества, которое я испытывал

совсем недавно, находится обширное царство темных сил и теперь я каким-то образом попал в него, потому что им удалось воплотить свои подлые и низкие намерения.

Мне стало вдруг совершенно ясно, что это должно послужить мне наказанием за мою жизнь, хотя я отчетливо сознавал абсурдность таких мыслей. Миллионы людей по всему миру думали, рассуждали и верили точно так же, как и я. Так почему, черт возьми, это должно было случиться именно со мной?! В голове моей возникло и стало крепнуть страшное предположение: мир в наши дни так же бессмыслен, как и прежде. От этой мысли я пришел в еще больший ужас...

— Во имя Господа Бога нашего, уйдите! — воскликнул я.

Я должен был в тот момент верить в Бога! Обязан был сохранить веру, ибо в ней, и только в ней, была для меня надежда. Я поднял руку, чтобы осенить себя крестом.

Какое-то время он пристально смотрел на меня полными ярости глазами, но не сделал ни единого движения.

Он только наблюдал, как я творю крестные знамения, и слушал, как снова и снова призываю я на помощь Бога.

На лице его застыла улыбка, и оно превратилось в неподвижную маску из итальянской комедии, глядящую на меня с просцениума.

Я не выдержал и разрыдался как ребенок.

— Так, значит, на Небесах правит дьявол, а сами Небеса не что иное, как ад?! — восклицал я сквозь слезы.— Господи, не покидай меня, Господи!..

Я призывал на помощь всех святых, каких только знал и любил когда-то.

Он с силой ударил меня по щеке. Я рухнул на бок и едва не скатился с кровати. Комната закружилась перед глазами, а во рту появился резкий привкус вина.

И в ту же секунду я почувствовал, что его руки снова крепко сжали мне горло.

— Борись, борись, Убийца Волков! — произнес он.— Не отправляйся в ад без боя. Посмейся над Богом!

— Я не смеюсь над Богом! — возразил я.

Он вновь притянул меня к себе.

Я сопротивлялся, боролся с ним так, как никогда и ни с кем в своей жизни не боролся, даже с волками. Я отталкивал его,

бил кулаками, вцеплялся ему в волосы. Однако с таким же успехом я мог драться с ожившими горгульями в соборе, настолько он был силен и могуществен.

Он только улыбался в ответ.

И вдруг лицо его потеряло всякое выражение. Мне показалось, что оно безмерно вытянулось. Щеки ввалились, глаза широко распахнулись и приняли странно удивленное выражение, рот приоткрылся, нижняя губа при этом сжалась, и я увидел его клыки...

— Будь ты проклят, проклят, проклят! — буквально ревел я.

Но он притягивал меня к себе все ближе и ближе, пока наконец его зубы не вонзились в мое тело.

«Нет, только не сейчас,— яростно и неистово уговаривал я себя,— только не сейчас. Я не почувствую это. Буду сопротивляться и устою. На этот раз я буду бороться за свою душу».

Однако это стало происходить со мной снова.

Приятное, сладостное ощущение... кажется, весь мир отодвинулся от меня очень далеко, а этот человек, отвратительный и гадкий, как будто находится где-то вне меня, словно спрятанное под стеклом насекомое, которое не вызывает у нас отвращения, потому что мы понимаем, что оно не может прикоснуться к нам... удары гонга... неповторимое удовольствие... и наконец я исчезаю... растворяюсь... Я перестаю ощущать свое тело и испытываю поистине неземное наслаждение. Оно охватывает меня целиком... И я проваливаюсь в царство волшебных снов...

Я увидел подземелье, отвратительное и зловонное место. Из узкой и глубокой могилы поднимается белая фигура вампира, закованного в цепи. Над ним склоняется похитившее меня чудовище... Во сне я знаю, что его имя Магнус и пока еще он обыкновенный смертный, великий алхимик. Мне известно также, что в этот решающий для его эксперимента час, как раз перед наступлением сумерек, он сам откопал и связал спящего вампира.

И вот теперь, когда свет на небесах угас, Магнус пил волшебную и проклятую кровь своего беспомощного бессмертного пленника. Эта кровь сделает его одним из вечно живых мертвецов. Он вероломно похищал бессмертие, словно Прометей мрачного и темного мира, крадущий сияющий огонь. Эхом от-

ражаясь от каменных стен, в темном подземелье слышится смех, и кажется, что это эхо проносится через века. Воздух наполнен могильным запахом. Состояние неизмеримого, безграничного экстаза постепенно ослабевает, сходит на нет.

Я лежал на соломе и плакал.

— Пожалуйста, пусть это длится вечно,— шептал я.

Я снова обрел собственное дыхание, руки Магнуса уже не сжимали меня, сны рассеялись... Я падал все ниже и ниже, черное звездное небо удалялось, постепенно превращаясь в усыпанную красноватыми блестками вуаль. Надо же, подумал я, а мне показалось, что небо... настоящее.

В комнате повеяло зимним холодом. Я чувствовал слезы на своем лице. Меня мучила страшная жажда.

Откуда-то издалека, сверху, спокойно опустив руки, на меня смотрел Магнус.

Я попытался шевельнуться. Я умирал от жажды, и мне казалось, что все тело мое иссохло.

— Ты умираешь, Убийца Волков,— сказал мне Магнус.— В твоих прекрасных голубых глазах гаснет свет — так бывает, когда заканчивается летний день...

— Нет, прошу вас...

Жажда стала невыносимой. Выгнувшись, я жадно хватал воздух открытым ртом. Вот он... наконец... предсмертный ужас... вот какова она — смерть...

— Моли об этом, дитя,— ответил он, и лицо его перестало быть похожим на усмехающуюся маску — напротив, на нем было написано искреннее сострадание. В тот миг он казался почти нормальным человеком, состарившимся самым естественным образом.— Моли — и ты все получишь.

— Помогите... пожалуйста...— молил я, а перед глазами стояли потоки воды, стекающие с гор, все горные реки, которые я видел в детстве.

— Я дам тебе самую лучшую воду из всех существующих на свете вод,— прошептал он мне в самое ухо, и я вдруг заметил, что его лицо утратило неестественную белизну.

Он был просто стариком с нормальной человеческой внешностью, который с печальным видом сидел возле меня.

Но едва я снова увидел его улыбку, его заинтересованный взгляд из-под седых бровей, я понял, что это не так. В нем не

было ничего человеческого. Передо мной сидело все то же древнее чудовище, только напившееся моей крови!

— Самое лучшее в мире вино...— едва слышно произнес он.— Это моя Плоть и моя Кровь!

При этих словах руки его снова обвились вокруг моего тела. Он прижал меня к себе, и я ощутил исходящее от него горячее тепло — казалось, он был полон не моей крови, а любви ко мне.

— Попроси это у меня, Убийца Волков, и ты будешь жить вечно,— шепнул он, но голос его звучал устало и странно безжизненно, а взгляд был горестным и каким-то отстраненным.

Собственное тело казалось мне очень тяжелым и непослушным, но я почувствовал, что голова моя слегка повернулась. Нет, я не стану просить. Умру, но не попрошу ни о чем. Меня охватило отчаяние, ибо впереди меня ждет именно то, чего я больше всего боялся,— пустота смерти... И все же я сказал: «Нет». Несмотря на переполнявший меня ужас, я ответил: «Нет». Я не склонюсь ни перед хаосом, ни перед ужасом. И снова я сказал: «Нет».

— Жизнь, которая будет продолжаться вечно...— услышал я его шепот.

Голова моя упала ему на плечо.

— Упрямый Убийца Волков! — Мягкими теплыми губами он коснулся моей шеи.

— Нет, не упрямый,— прошептал я очень тихо, не зная даже, слышит ли он меня.— Смелый, но не упрямый.

Все слова казались теперь бессмысленными. Что толку было в моем тщеславии? Что вообще имело сейчас значение? Но слово «упрямый» показалось мне таким тривиальным, таким грубым...

Приподняв мою голову и удерживая ее правой рукой, острыми ногтями левой он расцарапал себе горло.

Я съежился от ужаса, но он прижал мое лицо к ране и приказал:

— Пей!

Я услышал собственный крик, но он замер где-то внутри меня. И в то же мгновение сочившаяся из раны кровь коснулась моих пересохших полуоткрытых губ.

Мучительная жажда достигла предела... я коснулся языком кровавой полоски... и буквально утонул в море восхитительных

ощущений. Рот мой сам собой открылся шире, и губы сомкнулись на ране. Я с силой втягивал в себя фонтанирующий поток и сознавал, что получил сейчас возможность утолить жажду так полно, как мне не приходилось утолять ее никогда в жизни.

Кровь все текла и текла, и уходило и растворялось не только ощущение жгучей жажды, находили удовлетворение все мои желания и стремления, исчезали ощущение голода и сознание собственной ничтожности, все горестные мысли, когда-либо мучившие меня.

Я прижался к нему еще крепче. Я чувствовал, как струится в горло кровь. Я ощущал нежное прикосновение его головы и крепость его объятий.

Я приник к нему с такой силой, что чувствовал каждый изгиб его тела, каждый сосуд, каждую кость и каждое сухожилие. Я знал его всего целиком. Меня охватывало приятное оцепенение, сквозь которое прорывались восхитительные ощущения, вызывавшие покалывание и звон в ушах, усиливавшие мой восторг до такой степени, что я почти воочию видел то, что чувствовал.

И все же наивысшее наслаждение доставляла мне наполнявшая постепенно всего меня сладкая, ароматная кровь, которую я не переставая пил, пил, пил...

«Еще... Еще...» — только и думал я, если я вообще способен был думать. Алый поток был столь восхитителен, столь ослепительно прекрасен, что, несмотря на густоту, проникал в меня с легкостью струящегося света и тысячекратно удовлетворял все мои отчаянные желания.

Однако я чувствовал, что его тело, источник, к которому я так жадно приник, постепенно слабеет. Дыхание стало едва слышным и хриплым. И тем не менее он не делал попыток меня остановить.

«Люблю тебя, Магнус,— хотелось сказать мне,— ты мой неземной повелитель, ты страшное, ужасное существо, и все же я люблю тебя, люблю, люблю... именно этого всегда мне хотелось, я мечтал об этом, но никак не мог получить... а ты подарил мне...»

Мне казалось, что, если это продлится еще хоть немного, я умру. Но наслаждение продолжалось, а я не умирал.

Неожиданно я почувствовал, как нежные любящие руки гладят меня по плечам, а потом они с силой отодвинули меня.

В моем долгом горестном вопле было столько отчаяния, что оно встревожило и испугало меня самого. Но Магнус уже поставил меня на ноги, ни на секунду при этом не разжимая объятий.

Он подвел меня к окну, и я, упершись руками в края, выглянул наружу. Кровь с силой пульсировала в моих венах, меня трясло как в лихорадке, и я прислонился лбом к холодному железу решетки.

Далеко-далеко внизу я увидел темный силуэт горы, поросшей густым лесом, деревья которого мерцали в слабом свете звезд.

За горой широко и беспорядочно раскинулись огоньки города, плававшие и утопавшие, казалось, не во тьме, а в мягком сиреневатом тумане. Повсюду сверкал подтаявший снег. Крыши, башни, стены... мириады фрагментов всех оттенков голубого, розовато-лилового и розового.

Это был постепенно разраставшийся большой город.

Я прищурился и увидел миллионы светящихся окон, больше того — я сумел отчетливо разглядеть двигающихся людей. Крошечные люди на крошечных улочках, их головы и руки. Они касались друг друга в темноте. Одинокая фигурка — всего лишь маленькое пятнышко — взбирается на продуваемую всеми ветрами колокольню. Миллионы душ на мозаичной поверхности ночи... Потом сквозь мягкую толщу воздуха до меня донесся слабый гул огромного количества одновременно звучащих человеческих голосов. Крики, пение, тихое звучание музыки, приглушенный звон колоколов...

Я застонал. Легкий ветерок шевелил волосы на моей голове, и я услышал свой голос, но он показался мне совсем не таким, как прежде.

Видение города рассеялось. В лиловых сумерках угасающего дня среди причудливо переплетающихся теней исчезли толпы людей, заполнявшие его улицы.

— Что же вы сделали? Что вы мне дали? — едва слышным шепотом спросил я.

Казалось, я даже не делал пауз между словами, они слетали с моих губ единым потоком, пока наконец не слились в сплошной плач, усиливший одновременно и ужас и веселье, царившие у меня в душе.

Теперь для меня не имело никакого значения, существует ли на самом деле Бог. Он остался частью мрачного и унылого царства, все сокровища которого были давным-давно разграблены, тайны раскрыты и в котором давно уже погасли все огни. А истинный центр жизни, вокруг которого вращается все, был теперь здесь. И скорость вращения, ощущение, которое испытываешь, находясь в этом центре, забыть невозможно...

За моей спиной послышался звук шагов чудовища по каменному полу.

Обернувшись, я увидел бледное, без единой кровинки лицо, больше напоминающее высушенную маску. Словно страдая от невыносимой боли, он протянул руки и обратил ко мне налитые кровавыми слезами глаза.

Я прижал его к своей груди и в этот момент почувствовал к нему такую любовь, какую не испытывал ни к кому прежде.

— Разве ты не понял? — услышал я хриплый голос, в характерной для него манере произносящий слова единым потоком, без пауз.— Ты — мой наследник, избранный, чтобы принять от меня Темный Дар. Какое же прекрасное выйдет из тебя Дитя Тьмы — ведь в тебе вдесятеро больше твердости и смелости, чем в любом другом человеке!

Я поцеловал его веки и принялся гладить и перебирать темные волосы. Он больше не казался мне уродливым и отвратительным. Теперь он был просто странным незнакомцем с очень белой кожей, значившим для меня гораздо больше, чем предостерегающе вздыхающие деревья за окном и манящие издалека мерцающие огни города.

Впалые щеки, длинная шея, тонкие ноги... все это было неотъемлемой частью его существа.

— Нет, мой птенчик,— вздохнул он,— оставь свои поцелуи для других. Пришло мое время. А от тебя теперь не требуется ничего, кроме почтения и уважения ко мне. Ступай за мной.

3

По винтовой лестнице он повел меня куда-то вниз, и я с интересом рассматривал все, что попадалось нам по пути.

Стены, сложенные из необработанного камня, казалось, излучали свет. Даже крысы, сновавшие мимо нас в темноте, обладали в моих глазах некой странной красотой.

Открыв толстую деревянную, обитую железом дверь, он передал мне тяжелую связку ключей, и мы вошли в просторное пустое помещение.

— Как я уже сказал, теперь ты мой наследник,— обратился он ко мне,— а потому ты станешь владельцем этого дома и всех моих сокровищ. Но сначала ты должен сделать то, что я тебе скажу.

Сквозь зарешеченные окна мне было видно бескрайнее небо, купающееся в лунном свете, и мерцание городских огоньков, словно город тянулся вширь без конца и без края.

— После этого ты сможешь досыта насладиться всем, что увидишь,— продолжал тем временем он, заставляя меня повернуться лицом к сложенной посреди комнаты огромной куче дров, перед которой он стоял.

— Слушай меня внимательно,— сказал он,— потому что я скоро тебя покину.— С этими словами он небрежно махнул рукой в сторону лежащей на полу кучи.— А есть вещи, которые тебе необходимо знать. Теперь ты бессмертен. Пройдет совсем немного времени, и твое естество приведет тебя к твоей первой человеческой жертве. Ты должен действовать быстро и безжалостно. Но при этом не забывай, что, какое бы удовольствие ты ни испытывал, ты обязан прервать свой пир, прежде чем сердце жертвы перестанет биться. С годами ты обретешь силу и научишься безошибочно распознавать этот момент, но сейчас просто умей вовремя отставить в сторону кубок, прежде чем он опустеет. Иначе тебе придется дорого заплатить за свою гордыню.

— Но почему же ты хочешь оставить меня? — прильнув к нему, в отчаянии воскликнул я. «Жертва», «безжалостный», «пир» — эти слова сыпались на меня словно удары.

Он отстранился от меня так легко и стремительно, что моим рукам стало больно. Я удивленно уставился на них, недоумевая, почему боль показалась мне такой странной, совсем не похожей на ту, которую обычно испытывает человек.

Тем временем он остановился и указал на противоположную стену. Взглянув на нее, я заметил, что один из камней, из которых она была сложена, сдвинут с места и примерно на фут выступает из поверхности стены.

— Ухватись покрепче за этот камень и вытащи его из стены,— приказал он.

— Но я не смогу,— ответил я,— ведь он весит, наверное, не меньше...

— Вытащи! — повторил он, и на лице его в тот момент было такое выражение, что я не посмел ослушаться.

К своему величайшему удивлению, я с легкостью вытащил камень. За ним я увидел темное отверстие, в которое вполне мог ползком проникнуть человек.

Издав сухой дребезжащий смешок, он кивнул головой.

— Это, сынок, и есть проход к моим сокровищам,— сказал он.— С ними, как и со всем остальным моим земным имуществом, ты можешь поступить так, как тебе заблагорассудится. Но сейчас ты должен дать мне клятву.

Он вновь удивил меня, взяв из кучи два полена и с такой силой потерев их друг о друга, что по ним побежали маленькие язычки яркого пламени.

Он швырнул их обратно на кучу дров, и она тут же занялась ослепительным огнем, вмиг осветившим сводчатый потолок и стены комнаты.

Вскрикнув от ужаса, я отступил назад. Желто-оранжевые пляшущие языки одновременно пугали и завораживали меня, а жар, который я хорошо чувствовал, вызывал непонятные ощущения. Я не боялся сгореть. Скорее, тепло было столь приятным, что я вдруг понял, как замерз. Во мне все было словно сковано льдом, и теперь жар от огня заставлял этот лед таять. Я едва не застонал от наслаждения.

Он вновь рассмеялся своим сухим, хриплым смехом и принялся плясать вокруг огня, причем длинные тонкие ноги делали его похожим на скелет с белым человеческим лицом. Он размахивал над головой руками, наклонялся в разные стороны, приседал и крутился, описывая круги вокруг огня.

— Боже мой! — прошептал я.

Перед моими глазами все плыло и кружилось. Еще час назад, увидев его танцующим таким образом, я пришел бы в неописуемый ужас. Но сейчас, в отблесках пламени, это зрелище завораживало и постепенно увлекало меня. Огненные блики играли на атласе его лохмотьев, на панталонах, на порванной рубашке.

— Нет! — молил я.— Вы не можете меня оставить!

Я пытался ясно соображать и понять, что именно он мне говорит. Голос мой самому мне казался ужасным, и я хотел заставить его звучать тише, нежнее, что больше соответствовало моему состоянию.

— Куда же вы пойдете?

Он оглушительно расхохотался, продолжая все убыстрять и убыстрять темп своего безумного танца, хлопая себя по бедрам, удаляясь от меня все дальше и разводя руки так, словно хотел обнять пламя.

Самые толстые поленья еще только занимались, но комната уже походила на гигантскую печь, выплевывающую в окна клубы дыма.

— Только не в огонь! — воскликнул я, отпрянув и ударившись спиной о стену.— Вы не можете уйти в огонь!

Все, что я видел и слышал, захватывало меня и повергало во всепоглощающий страх. Точно такие же ощущения я испытывал все последние часы. Я не в силах был противостоять или отказаться от них, и они заставляли меня то кричать, то плакать.

— Нет, именно это я и могу сделать! — воскликнул он сквозь смех, а потом запрокинул голову, и смех его перешел в протяжный вой.— Но прежде, мой птенчик,— он вдруг остановился прямо передо мной и ткнул в меня пальцем,— ты должен кое-что пообещать. И ты сделаешь это, мой маленький гордый смертный, а иначе, хотя сердце мое разорвется от боли, я брошу в этот огонь тебя и найду себе другого наследника. Отвечай!

Не в силах произнести ни слова, я молча кивнул.

В отблесках огня я увидел, что руки мои стали совершенно белыми. И вдруг почувствовал сильную боль в нижней губе, заставившую меня вскрикнуть.

Мои глазные зубы уже превратились в настоящие клыки! Почувствовав это, я в панике посмотрел на него, но он наблюдал за мной с хитрой улыбкой и словно наслаждался моим ужасом.

— Слушай же. Как только я сгорю,— схватив меня за руку, заговорил он,— и огонь погаснет, ты должен развеять мой прах. Слышишь меня, малыш? Ты должен развеять мой прах! Иначе я могу возвратиться вновь и в таком виде, о котором я даже думать не хочу. Но запомни мои слова: если ты позволишь мне

вернуться еще более уродливым, чем сейчас, я найду тебя, где бы ты ни был, и спалю, чтобы ты стал таким же ужасным, как я. Ты меня понял?

Я по-прежнему не мог выдавить из себя ни звука. И причиной тому был уже не просто страх. Я словно очутился в аду. Я ощущал пощипывание и покалывание во всем теле и чувствовал, как растут мои зубы. А потому лишь лихорадочно закивал головой.

— Ну конечно.— Он улыбнулся и тоже кивнул, а за его спиной огненные языки уже лизали потолок и почти касались его затылка.— Это единственное одолжение, о котором я прошу сейчас, когда наконец отправляюсь, чтобы найти ад, если он есть, или обрести сладкое забвение, которого, безусловно, не заслуживаю. И если Князь Тьмы все же существует, я смогу наконец увидеть его. И плюнуть ему в лицо! Итак. Ты должен исполнить мой приказ. После того как ты развеешь прах, по этому проходу отправляйся в мое убежище. Только не забудь со всей тщательностью поставить на место камень, после того как проникнешь в отверстие. Там ты найдешь мой гроб. В нем ты должен прятаться днем, не то солнечные лучи сожгут тебя дотла. Запомни, что я сейчас скажу: никто и ничто на земле не в силах лишить тебя жизни, кроме солнца и такого пламени, какое ты видишь сейчас перед собой. Но и то ты умрешь только в том случае, если прах твой будет потом развеян.

Я отвернулся, чтобы не видеть ни его, ни языков пламени. Из глаз моих катились слезы, и я прижал руку ко рту, чтобы не разрыдаться в голос.

Однако он, обойдя огонь, снова подвел меня к вытащенному из стены камню и указал на него рукой.

— Прошу вас, останьтесь со мной, пожалуйста! — умолял я.— Ну хоть ненадолго, хоть на одну ночь! Заклинаю вас!

И снова меня привел в ужас тембр моего голоса, точнее, это был совсем не мой голос. Обняв Магнуса, я прижался к нему всем телом. Его мрачное белое лицо казалось мне прекрасным, а в темных глазах его застыло непонятное для меня выражение. Отблески пламени плясали на черных волосах.

Но губы старика вдруг снова растянулись в шутовской улыбке.

— Не будь жадным, малыш. Неужели тебе мало получить от меня бессмертие, да еще и весь мир в придачу? Прощай, сы-

нок. Сделай все, как я сказал. Не забудь о моем прахе! За этим камнем находятся внутренние покои. Там ты найдешь все, что тебе необходимо для безбедного существования.

Я изо всех сил пытался удержать его, но он только смеялся мне в ухо своим хриплым смехом и превозносил мои способности.

— Великолепно! Великолепно! — шептал он.— А теперь, мой прекрасный Убийца Волков, живи вечно и пользуйся теми дарами, которые получил от меня в дополнение к остальным.

С этими словами он оттолкнул меня от себя с такой силой, что я едва удержался на ногах, и прыгнул в самую середину пламени. На какой-то миг мне показалось, что он летит.

Я видел, как он опустился в пекло и пламя охватило его одежду.

Казалось, он превратился в огромный факел, но вдруг глаза его широко распахнулись, рот раскрылся и стал походить на разверстую черную пропасть, зиявшую посреди ослепительного моря огня, а смех стал столь громким и пронзительным, что я не выдержал и зажал руками уши.

У меня создалось впечатление, что он прыгает на четвереньках в самой сердцевине огромного костра, и неожиданно я осознал, что мой собственный крик заглушил взрывы его смеха.

Тонкие обуглившиеся конечности то взлетали вверх, то вновь падали, а в какой-то момент растаяли, превратились в пепел. Пламя взметнулось и заревело еще громче. Но ничего, кроме бушующего огня, я уже не видел.

Упав на колени и закрыв руками лицо, я продолжал безутешно рыдать. Но даже сквозь прикрытые веки я видел следующие одна за другой вспышки и разлетающиеся во все стороны искры, пока не уткнулся лицом в каменный пол.

4

Прошли, казалось, годы, а я все продолжал лежать на полу, глядя, как догорает огонь, оставляя после себя обуглившиеся головешки.

В комнате стало прохладнее. В открытое окно задувал холодный ветер. Я не переставая плакал, и собственные всхлипывания отдавались у меня в ушах, пока наконец я не почувство-

вал, что не в силах больше выносить их. Меня не утешало и сознание того, что в таком состоянии все, в том числе и мое горе, несомненно казалось преувеличенным.

Время от времени я принимался молиться. Я молил о прощении, хотя не мог с уверенностью сказать, за что я просил простить меня. Я обращался к Пресвятой Богородице и ко всем святым, снова и снова произнося все известные мне молитвы, пока речь моя не превратилась в бессвязное бормотание.

Когда я протирал глаза, кровавые слезы оставляли следы на моих руках.

Потом я лежал, распластавшись на полу, бормоча уже не молитвы, а какие-то невразумительные мольбы и просьбы, которые мы обычно обращаем ко всем, кого считаем достаточно могущественными, какие бы имена они ни носили.

— Не бросай меня здесь одного. Не покидай меня. Я на поляне ведьм. Это колдовская поляна. Не позволяй мне пасть еще ниже, чем я сделал это прошлой ночью. Не допусти, чтобы это произошло... Лестат, очнись.

Вновь и вновь я слышал слова Магнуса: «...чтобы найти ад, если он есть... если Князь Тьмы все же существует...»

Наконец я с трудом поднялся на четвереньки. Голова кружилась, и в ней чувствовалась какая-то легкость, словно я вдруг лишился разума. Взглянув на огонь, я увидел, что он еще не до конца потух и при желании я могу разжечь его снова, чтобы самому броситься в ревущее пламя.

Но едва лишь я заставил себя вообразить муки, которые мне предстоит испытать, как намерение мгновенно улетучилось.

В конце концов, почему я должен делать это? В чем я провинился, чтобы заслужить участь ведьм? У меня не было никакого желания даже на миг оказаться в аду. И я совсем не собирался отправиться туда лишь затем, чтобы плюнуть в лицо Князю Тьмы, кем бы он ни был!

Напротив, если я проклят, пусть этот сукин сын сам придет за мной. И пусть объяснит мне, за что обречен я на страдания и муки. Мне и в самом деле очень хотелось бы это знать.

А что касается забвения... Что ж, с этим еще можно подождать. По крайней мере, все это надо тщательно обдумать...

Меня охватывало непонятное спокойствие. На душе было мрачно, во мне росло ожесточение, и все мое существо словно попало во власть темных чар.

Я перестал быть человеком.

В то время как я, скорчившись на полу, обдумывал свое положение, во мне скапливались и росли неимоверные силы. Постепенно я перестал всхлипывать как ребенок. Я принялся изучать самого себя и заметил белизну кожи, остроту маленьких клыков и блеск в темноте как будто отполированных длинных ногтей.

Мое тело утратило всякое ощущение боли. Мне было приятно чувствовать исходившее от дымящихся углей тепло, словно оно укрывало и окутывало меня.

Время шло и в то же время остановилось.

Мне доставляло удовольствие каждое движение воздуха. А когда я услышал, как в освещенном мягким светом городе приглушенный хор колоколов пробил очередной час, звуки эти не значили для меня ход времени, как для смертных. Они прозвучали волшебной музыкой. Я неподвижно лежал и, приоткрыв рот, следил за пролетающими по небу облаками.

Неожиданно я почувствовал в груди новую, незнакомую прежде боль, ощущение чего-то живого, горячего.

Это ощущение переместилось по сосудам сначала к голове, где стало особенно острым, а потом, казалось, сконцентрировалось в области желудка. Я прищурился и склонил голову набок. И понял, что эта боль меня не пугает — я просто чувствовал ее и прислушивался к ней.

Вскоре я понял причину боли. Из моего тела небольшими порциями выходили отходы организма. Я оказался не в силах сдержать рвоту. В то же время грязные пятна на одежде ничуть не вызывали во мне отвращения.

Не вызывали отвращения и крысы, вылезшие из своих нор и бесшумно приближающиеся на мягких лапках к вонючей луже.

Эти существа не могут причинить мне вред, даже если станут ползать по мне, стремясь добраться до оставшейся на одежде рвоты.

По правде говоря, в мире тьмы ничто не могло вызвать во мне отвращение, будь то даже жирные и скользкие могильные черви.

Я уже не принадлежал тому миру, обитателей которого волнуют такого рода вещи. Мысль о том, что и сам я теперь явля-

юсь частью того, что вызывает суеверный страх у смертных, заставила меня улыбнуться. Я испытал невыразимое удовольствие и засмеялся.

И все же печаль не покинула меня совсем. Она была вызвана тем, что оставалось пока на уровне фантазии, но эта фантазия в скором времени должна была превратиться в реальность.

Я мертв! Я вампир! И ради того, чтобы я продолжал жить, кто-то должен будет умирать. Никогда, никогда больше не увижу я Никола, не увижу свою мать, никого из тех людей, кого знал и любил, никогда не встречусь ни с кем из своих родных. Я буду пить кровь. Буду жить вечно. Именно так все и будет. Но все это лишь начало. И перед тем как родиться для такой жизни, я испытал восторг и наслаждение.

Я поднялся на ноги. Чувствуя необыкновенную легкость и какое-то странное оцепенение и одновременно сознавая свою силу и могущество, я подошел к пепелищу и стал бродить среди обугливших останков дерева.

Никаких костей я не обнаружил. Демон словно испарился.

Собрав обеими руками прах, я подошел к окну и пустил его по ветру. Когда потоки воздуха подхватили невидимые частички, я прошептал последнее «прости» Магнусу, размышляя при этом, может ли он все еще меня слышать.

Наконец на полу остались лишь обугленные головешки и сажа, которую я тоже собрал руками и выбросил в темноту за окном.

Теперь пришло время осмотреть внутренние покои.

5

Как и в первый раз, мне легко удалось вынуть из стены камень. С внутренней стороны в него был вделан крюк, с помощью которого камень можно было поставить на место.

Однако проникнуть в отверстие я мог только ползком. Опустившись на колени, я заглянул в дыру, но не увидел впереди ни единого просвета. Мне это не понравилось.

Будь я по-прежнему смертным, я ни за какие блага не отважился бы ползти по такому проходу.

Но старый вампир ясно дал понять, что солнце способно уничтожить меня с не меньшим успехом, чем огонь. А потому

необходимо было добраться до гроба. Я почувствовал, как меня снова охватывает страх.

Распластавшись, я червяком заполз в отверстие. Как я и опасался, мне не удавалось даже поднять голову, не говоря уже о том, чтобы повернуться и вставить на место камень. Пришлось подцепить крючок ногой и ползти вперед, волоча за собой камень.

Вокруг царила непроглядная тьма, а узкий проход позволял лишь чуть-чуть приподняться на локтях.

Я задыхался и едва не сходил с ума от страха при одной мысли о том, что не могу поднять голову. Кончилось тем, что я ударился ею о камень и со стоном замер на месте.

Однако выбора у меня не было. Я должен добраться до гроба.

Приказав себе успокоиться и не распускать нюни, я пополз дальше, стараясь двигаться все быстрее и быстрее. Упираясь коленями и царапая их о камни, я нащупывал руками трещины и выступы, за которые можно было зацепиться, и подтягивал тело вперед. Я постоянно следил за тем, чтобы не поднимать голову, и от сильного напряжения у меня разболелась шея.

Наконец руки мои наткнулись впереди на монолитный камень, и я изо всех сил толкнул его. Камень сдвинулся с места, открывая полоску бледного света.

Выбравшись наконец из темного прохода, я оказался в маленьком помещении.

Потолок был низким и сводчатым, а высокое узкое окно закрывала тяжелая решетка из толстых железных прутьев. В проникавшем сквозь него мягком фиолетовом свете ночи я увидел в дальней стене камин, а перед ним горку сухих поленьев, готовых для растопки. Возле камина под окном стоял старинный каменный саркофаг.

На саркофаге я увидел свой красный бархатный плащ на меху. Рядом, на грубо сколоченной скамье, лежал великолепный костюм из красного бархата, отделанный золотым шитьем и итальянским кружевом, здесь же были красные шелковые рейтузы, панталоны из белого шелка и башмаки с красными каблуками.

Откинув назад волосы, я отер пот со лба и верхней губы и увидел, что пот был кровавым. Непонятно почему, но это открытие сильно взволновало меня.

Так кто же я теперь и что ждет меня впереди? Думая об этом, я долго смотрел на кровавые следы на моих ладонях, а потом осторожно слизнул кровь языком. И тут же меня охватило необыкновенно приятное ощущение. Прошло не менее минуты, прежде чем я нашел в себе силы очнуться и направиться к камину.

Взяв в руки две палочки для растопки, я принялся сильно и быстро тереть их друг о друга, как это делал на моих глазах старый вампир. Они воспламенились почти мгновенно. В этом не было никакого волшебства — требовалось лишь немного сноровки. Согревшись возле огня, я снял с себя грязную одежду и рубашкой стер с тела последние остатки человеческого — рвоту и грязь. Потом швырнул старые тряпки в огонь и нарядился во все новое.

Ах, этот красный цвет, яркий, ослепительный красный цвет! Даже у Никола не было столь красивой одежды. В таких нарядах, отделанных изумительной вышивкой с вкрапленными в нее рубинами и жемчугом, не стыдно было показаться даже при дворе в Версале. Валенсийские кружева, украшающие мою рубашку, я прежде видел лишь на подвенечном платье моей матери.

На плечи я накинул меховой плащ. Хотя из тела моего ушел леденящий холод, я все же казался себе высеченным изо льда. Когда при виде столь восхитительных нарядов я позволил себе дать волю чувствам, мне показалось, что губы мои чересчур медленно расползались в улыбке, хотя она и была широкой и ослепительной.

При свете огня я разглядывал гроб. На тяжелой крышке был высечен портрет пожилого мужчины, в чертах которого я немедленно уловил сходство с Магнусом.

Вот же он! Спокойно лежит, устремив в потолок мягкий взгляд, на лице застыла печать знакомой мне шутовской улыбки, глубоко высеченные в камне локоны и завитки волос образуют вокруг головы пышную гриву.

Ему, должно быть, никак не меньше трехсот лет. Руки его сложены на груди, одет он в длинную широкую мантию, а от каменного меча кто-то отбил рукоятку и часть ножен.

Приглядевшись повнимательнее, я понял, что они были отколоты очень аккуратно, причем это явно потребовало немалых усилий.

Быть может, кому-то очень хотелось избавиться от изображения креста? Я пальцем начертил его в воздухе. Конечно же, ничего не произошло — не помогло, как и мои молитвы ранее. Присев возле гроба на корточки, я нарисовал крест на покрытом толстым слоем пыли полу.

И снова ничего...

Тогда я добавил еще несколько штрихов, изобразив тело Христа, его руки, согнутые в коленях ноги и склоненную голову, а затем написал: «Господь наш Иисус Христос» — единственные слова, которые я умел писать правильно, за исключением собственного имени. И снова ничего не произошло.

С опаской поглядывая на написанные мною слова и изображение маленького распятия, я попытался приподнять крышку саркофага.

Несмотря на обретенную мною силу, это оказалось делом отнюдь не легким, не говоря уже о том, что смертному было бы не под силу сделать это в одиночку.

Больше всего меня ошеломило и сбило с толку то, что мне пришлось испытать значительные трудности. Так значит, силы мои не безграничны! И, судя по всему, мне еще очень далеко до могущества старого вампира. Трудно сказать наверняка, но, возможно, силы мои в тот момент равнялись силам трех, в крайнем случае четырех смертных.

Это открытие сильно повлияло на меня и расстроило.

Я заглянул внутрь гроба и не увидел ничего, кроме тесного пустого пространства. Я не мог представить себя лежащим там, в темноте. По краю гроба были начертаны какие-то латинские слова, но я не мог прочитать их.

Это мучило и раздражало меня. Я предпочел бы не видеть там никаких слов и чувствовал, как меня захлестывают тоска по Магнусу и ощущение собственной беспомощности. Я готов был ненавидеть его за то, что он меня бросил. И я вдруг понял, что по неисповедимой иронии судьбы, прежде чем он кинулся в огонь, я успел полюбить его всем сердцем. Я любил его и за то, что он оставил мне эту прекрасную одежду.

Способны ли дьяволы испытывать любовь друг к другу? Неужели они тоже могут гулять, взявшись за руки, по аду и при

этом говорить примерно следующее: «Ах, друг мой, я так тебя люблю»? Впрочем, это абсолютно риторический вопрос, и к тому же я не верю в существование ада. Но все же эта проблема является частью концепции зла — в этом я не сомневаюсь. Ведь считается, что обитатели ада ненавидят друг друга так же, как спасенные души ненавидят все без исключения души проклятые.

Всю свою жизнь я был уверен в этом. Еще в детстве меня приводила в ужас одна только мысль о том, что, если вдруг мне придется отправиться на Небеса, а моя мать попадет в ад, мне придется ненавидеть ее. А я не мог ее ненавидеть! Но что будет, если мы окажемся в аду вместе?

Что ж, теперь вне зависимости от того, верю я в существование ада или нет, я твердо знаю, что вампиры могут любить друг друга и принадлежность к силам зла не исключает способности любить. Во всяком случае, в тот момент я в этом не сомневался. Нет, ни в коем случае не плакать. Я больше не в силах выносить слезы.

Я обратил взор на большой деревянный сундук, стоящий в головах саркофага. Он не был заперт, и, когда я откинул крышку, она едва не слетела с петель.

Хотя мой старый учитель и предупредил, что оставляет мне все свои сокровища, то, что я увидел, буквально ошеломило меня. Сундук был до отказа набит золотом, серебром и драгоценностями. В нем лежало бесчисленное множество колец с драгоценными камнями, бриллиантовых ожерелий, нитей жемчуга, золотой и серебряной посуды, монет — огромное количество разнообразных ценностей.

Я гладил руками эту красоту, поднимал полные пригоршни и в отблесках огня любовался сиянием и игрой красных рубинов и зеленых изумрудов. Такие оттенки цветов мне еще не приходилось видеть, о таком богатстве я не смел даже мечтать. Я словно воочию узрел сказочные сокровища пиратов Карибского моря, богатство, достойное короля.

И все это теперь принадлежало мне.

Я принялся внимательно и не торопясь разглядывать содержимое сундука. Здесь было множество личных, уже полуистлевших вещей: шелковые маски, отвалившиеся от золотых оправ, кружевные носовые платочки и лоскуты одежды с ос-

тавшимися на них булавками и брошами, фрагмент кожаной упряжи с золотыми колокольчиками, истлевшие кружева, просунутые сквозь золотое кольцо, огромное количество самых разных табакерок, медальоны на бархатных ленточках...

Неужели все это Магнус отобрал у своих жертв?

Я нашел инкрустированную драгоценными камнями шпагу, пожалуй чересчур тяжелую для наших дней, и даже поношенный башмак, сохранившийся, вероятно, только из-за украшавшей его пряжки из горного хрусталя.

Он мог взять все, что ему хотелось. И в то же время ходил в лохмотьях, в рваном костюме прошлой эпохи и вел образ жизни древнего отшельника. Для меня это было непостижимо.

Нашел я в сундуке и сокровища совсем иного рода: жемчужные четки с сохранившимися на них распятиями! Я осторожно прикасался к святым образам, качая головой и прикусив нижнюю губу, словно желая тем самым сказать: «Ах, как же скверно с его стороны — украсть такое!» Но одновременно это казалось мне забавным. Еще одно доказательство того, что Бог отныне не властен надо мной.

Пока я размышлял о том, присутствует ли во всем происходящем элемент случайности, рука моя наткнулась среди сокровищ на удивительно красивое зеркало с украшенной драгоценными камнями ручкой.

Непроизвольно и почти бессознательно я взглянул на себя в это зеркало. И увидел там примерно то же, что видел обычно, разве что кожа моя была теперь очень белой, такой же, какой была у старого дьявола, а цвет глаз из голубого превратился в радужную смесь фиолетового и кобальтового. Волосы мои блестели, а когда я провел по ним рукой, то почувствовал, что они стали здоровее и гуще.

По правде говоря, передо мной был вовсе не Лестат. Из зеркала на меня смотрело лишь его подобие, созданное из совершенно иных субстанций. А те немногие морщины, которыми наградила меня судьба к двадцати годам, либо исчезли совсем, либо выпрямились и стали чуть глубже, чем прежде.

Я не мог отвести взгляд от отражения в зеркале, и мне вдруг мучительно захотелось обнаружить там хотя бы частичку себя самого. Сжав зубы, чтобы не разрыдаться, я лихорадочно потер лицо и даже вытер зеркало.

В конце концов я зажмурился и снова открыл глаза, а потом улыбнулся глядящему на меня из зеркала существу. Оно улыбнулось мне в ответ. Да, это несомненно был Лестат. И лицо его не выражало ни недоброжелательности, ни злорадства. Во всяком случае, явного. Оно носило лишь следы прежней импульсивности и склонности к озорству. Это существо можно было бы принять за ангела, если бы слезы его, когда оно плакало, не были алыми и весь его облик не носил оттенка красного, ибо и само оно видело все в красном свете. И если бы не его острые маленькие клыки, врезавшиеся в нижнюю губу, когда оно улыбалось, и придававшие ему совершенно жуткий вид. Вполне приличное лицо, имеющее только один страшный, поистине ужасный недостаток.

Но тут до меня вдруг дошло, что я вижу в зеркале собственное отражение! А ведь всегда говорили, что всякие призраки, духи и те, кто продал душу дьяволу, не могут иметь отражения!

Меня охватило жгучее желание узнать как можно больше о том, во что же я превратился. Я хотел знать, как мне следует вести себя среди смертных. Не терпелось вновь оказаться на парижских улицах и уже совершенно новыми глазами увидеть все то, что мне приходилось видеть до сих пор. Я жаждал заглянуть в лица людей, полюбоваться цветами и бабочками. Увидеть Ники и послушать, как он играет... Нет!

Мне придется отказаться от этого. Но ведь музыка существует и в иных формах. Я закрыл глаза, и мне показалось, что я слышу оркестр «Опера», в ушах моих зазвучали оперные арии. Воспоминания об этом были такими пронзительно живыми!

Но теперь все для меня станет другим — радости и боли, мысли и воспоминания... Все, даже печаль о том, что утрачено, отныне будет окрашено восхитительным светом.

Положив зеркало обратно в сундук, я достал оттуда один из пожелтевших от времени носовых платков и вытер слезы. Потом повернулся к огню. Лицо и руки окутало приятное тепло.

Меня охватывала сладкая сонливость. Закрыв глаза, я провалился в странное забытье, и передо мной возникло видение: Магнус пил мою кровь. И снова ко мне вернулось завораживающее ощущение головокружительного восторга, я чувствовал крепкие объятия Магнуса, то, как он приникает ко мне и как моя кровь перетекает в его тело. Слышал я и скрежет цепей по

полу древнего подземелья, видел беспомощно обвисшего на руках у Магнуса вампира. И было что-то еще... что-то очень важное. Я никак не мог понять. Что-то о воровстве, о предательстве, о том, что нельзя отдавать себя во власть кого бы то ни было — ни Бога, ни дьявола, ни человека.

Находясь на грани сна и яви, я продолжал думать об этом, и в голову мне вдруг пришла совершенно безумная мысль: я должен обо всем рассказать Ники. Как только я вернусь домой, тут же выложу ему все без утайки — и о своем сне, и о том значении, которое он мог иметь... И мы все обсудим...

Я вздрогнул и открыл глаза. Во мне все еще оставалось нечто человеческое, и потому я начал беспомощно оглядываться вокруг, а затем человек во мне заплакал, ибо демон был еще слишком юн, чтобы возобладать окончательно. Слезы душили меня, и, чтобы не разрыдаться в голос, я зажал руками рот.

Почему ты меня бросил, Магнус? Что же мне теперь делать и как жить дальше?

Подтянув к подбородку колени, я уткнулся в них головой, и постепенно мысли мои стали проясняться.

Что ж, должно быть, это даже забавно — делать вид, что ты и в самом деле вампир, думал я, приятно носить такую чудесную одежду и перебирать в сундуке сокровища. Но в действительности жить так невозможно. Нельзя питаться живыми существами! Даже если ты и вправду чудовище, ты все равно не можешь не обладать сознанием, естественными для каждого чувствами... Добродетель и порок... добро и зло... нельзя жить без веры в... нельзя мириться с поступками, которые... Завтра ты... завтра ты... а, собственно, что завтра?..

Завтра ты станешь пить кровь. Разве не так?

В стоявшем рядом сундуке, словно угольки, сверкали драгоценные камни и золотые вещи, а за оконной решеткой на фоне серых облаков рассыпались сиреневые искры огней далекого города. Какова же на вкус их кровь? Чем отличается горячая живая человеческая кровь от крови демона? Я невольно провел языком по нёбу и острым клыкам во рту.

Подумай об этом, Убийца Волков!

Я медленно поднялся на ноги. Это оказалось легко, словно тело мое подчинялось чьей-то сильной воле. Взяв в руки связку ключей, прихваченную из внешней комнаты, я отправился осматривать остальную часть башни.

6

Пустые комнаты. Зарешеченные окна. Великое и бесконечное покрывало ночи, раскинутое над зубчатыми стенами. Вот все, что удалось мне обнаружить наверху.

Но на нижнем этаже башни, как раз возле двери на лестницу, ведущую в подземную темницу, я увидел приготовленный просмоленный факел и в нише рядом с ним трутницу. На пыльном полу я заметил следы. Когда я наконец подобрал нужный ключ, прекрасно смазанный замок легко открылся.

Я зажег факел и по узким выщербленным ступеням стал спускаться. Доносящийся откуда-то снизу запах заставлял меня морщиться от отвращения.

Мне был хорошо знаком этот запах, его можно было почувствовать на любом парижском кладбище. У Невинных мучеников он был особенно густым и едким, но приходилось дышать этим нездоровым воздухом всякий раз, когда необходимо было сделать покупки в тамошних лавчонках или обращаться к услугам писцов. Это был запах разлагающихся тел.

Поначалу мне едва не стало дурно, и я даже поднялся на несколько ступенек обратно, но все же запах показался мне не слишком сильным. К тому же аромат горящей смолы помогал перебороть отвращение.

Я стал спускаться дальше. Что ж, если там, внизу, лежат мертвецы, я не должен убегать от них.

Однако на первом подземном уровне я не обнаружил никаких трупов. Здесь был только просторный холодный склеп, ржавые железные двери которого стояли распахнутыми настежь. Внутри я увидел три огромных каменных саркофага. Все здесь очень напоминало расположенную выше комнату Магнуса, только эта комнатка была значительно меньше. Такой же низкий сводчатый потолок, такой же грубо сложенный камин, зияющий в стене...

А все это могло означать лишь одно: когда-то здесь тоже спали вампиры. Кто станет устраивать камин в подземном склепе? Мне, во всяком случае, такие чудаки неизвестны. А здесь имелись даже каменные скамьи. Саркофаги все как один были почти точными копиями того, который я уже видел, и на всех были высечены огромные фигуры.

Все вокруг, однако, покрывал толстый слой вековой пыли, отовсюду свисала паутина. Никаких сомнений в том, что здесь давно уже не обитают вампиры. И все-таки мне это казалось странным. Куда же делись те, кто спал в этих гробах? Сожгли они себя так же, как сжег себя Магнус, или продолжают существовать в каких-либо иных местах?

Один за другим я открыл саркофаги. Но не увидел внутри ничего, кроме пыли. Никаких признаков присутствия вампиров, никаких свидетельств их существования.

Не обращая внимания на все усиливающийся запах разложения и тлена, я продолжал спускаться по лестнице. Вскоре запах стал просто невыносимым.

Он явно шел из-под двери, которую я теперь отчетливо видел внизу. Мне было трудно заставить себя идти вперед. Конечно, будь я смертным, этот запах был бы мне крайне неприятен, но то отвращение, которое я чувствовал сейчас, было во много раз сильнее. Я испытывал непреодолимое желание бежать куда глаза глядят. Я остановился, чтобы перевести дыхание, а затем заставил себя двинуться дальше. Мне очень хотелось узнать, что же делал там старый демон.

То, что я увидел, превзошло самые худшие мои опасения.

В расположенной глубоко под землей камере лежала гора трупов в самых разных стадиях разложения — голые кости и гниющая плоть, кишащая червями и насекомыми. Испуганные светом факела крысы бросились наутек в сторону лестницы, я чувствовал, как их тела и лапы скользили по моим ногам. Отвратительный запах вызывал у меня тошноту, в горле стоял ком.

И в то же время я не в силах был отвести взгляд от этой горы мертвых тел. Я чувствовал, что должен увидеть и понять нечто очень важное. Я заметил, что все они были когда-то мужчинами,— об этом свидетельствовали остатки их обуви и одежды. И у всех были точно такие же, как и у меня, светлые волосы. Те, чьи черты лица еще можно было разглядеть, оказались молодыми людьми, высокими и стройными. А тот, который, судя по всему, появился здесь последним и чье разлагающееся, растекающееся тело с протянутыми сквозь решетку руками лежало теперь на полу, был поразительно похож на меня, и нас можно было бы принять за братьев.

Я словно в тумане шел вперед, пока наконец не коснулся носком башмака его головы. Онустив пониже факел, чтобы лучше рассмотреть лицо, я едва не вскрикнул. Несмотря на облепивших мертвеца насекомых, я сумел увидеть, что глаза его были голубыми!

Я зашатался и в ужасе попятился. Мне вдруг показалось, что он сейчас вскочит и схватит меня за ноги. Наверное, это было вызвано тем, что я споткнулся о тарелку с остатками испорченной пищи и о кувшин, который опрокинулся и разбился, отчего по полу растеклась отвратительная лужа свернувшегося и вонючего молока.

Я вдруг почувствовал сильную боль в груди, и изо рта у меня хлынула струя крови. Чтобы хоть немного прийти в себя, я вынужден был выскочить за дверь.

Несмотря на головокружение и тошноту, я не мог отвести глаз от крови, волшебным алым цветом светившейся в отблесках факела, постепенно темневшей и уходящей в щели между плитами пола. Кровь была живой, и ее сладкий запах, словно свежая струя, ворвался в отвратительную вонь разлагающихся тел. Сильнейшая жажда заставила меня забыть о тошноте. Спина моя согнулась, и с удивительной для меня самого гибкостью я стал наклоняться все ниже и ниже.

Все это время я не переставал думать о неизвестном мне молодом человеке. Его притащили сюда еще живым, и пища, испорченные остатки которой я видел, служила либо для поддержания его сил, либо для того, чтобы пытать его голодом. Он умер, запертый в подземелье вместе с гниющими трупами, сознавая, что обречен вскоре стать одним из них.

Господи! Как можно вынести подобные муки? Ужасные мучения! Скольким еще юношам с такими же светлыми волосами и голубыми глазами пришлось испытать то же самое?

Я уже стоял на коленях, все ниже и ниже наклоняя голову. В левой руке я продолжал сжимать факел, а мой язык непроизвольно высунулся изо рта и стал походить на шевелящегося слизняка. Вот он уже коснулся пола, лизнул лужицу крови... Непередаваемое, восхитительное ощущение! Удовольствие, переходящее едва ли не в экстаз!

Неужели я это делаю? Неужели это я слизываю с пола кровь в какой-нибудь паре дюймов от горы трупов? Неужели это мое

сердце замирает от восторга рядом с мертвым телом мальчика, которого Магнус притащил сюда точно так же, как притащил меня? Рядом с мальчиком, обреченным на смерть вместо вечного бессмертия?

Я все лизал и лизал. В колеблющемся свете факела комната то освещалась, то вновь погружалась в темноту. Волосы покойника касались моего лица, а похожий на осколок хрусталя глаз неотрывно смотрел на меня.

Почему же я избежал участи быть заключенным в это подземелье? Какое испытание удалось мне выдержать, чтобы не трясти сейчас эти толстые решетки и не кричать от ужаса, чтобы не испытывать того кошмара, который охватывал меня в комнатке деревенского кабачка, словно провидение подавало мне тревожный сигнал?

Меня колотило, руки и ноги дрожали. И тут я услышал какой-то ужасный звук, но не сразу понял, что звук этот — мой собственный душераздирающий крик, вырвавшийся из самых глубин моего существа, такой же завораживающий, как и вид алой крови, голубых глаз юноши, как поблескивание в свете факела шевелящихся червей и крыльев насекомых.

Отбросив в сторону факел, я пятился на четвереньках, пока вновь не наткнулся на оловянную тарелку и разбитый кувшин. Вскочив наконец на ноги, я бросился по лестнице наверх, с грохотом захлопнув дверь темницы. Мой отчаянный дикий крик уносился к самой верхушке башни и, казалось, достигал неба.

Эхо его отдавалось от каменных стен, еще больше усиливаясь и буквально оглушая меня. Но я не в силах был замолчать.

В конце концов я заметил, что сквозь узкие бойницы и зарешеченные окна в башню проникает бледный свет холодного утра. Крик сам собою затих. Я увидел, как засветились камни стен и все окружающие меня предметы, и почувствовал, что струящийся потоком свет обжигает мне веки.

Времени на размышления не оставалось, и я помчался во внутренние покои.

Когда я наконец выбрался из узкого прохода, комната была освещена тусклыми пурпурными лучами утра. Казалось, что заполняющие сундук драгоценности пришли в движение, и их сияние буквально ослепило меня. Я торопливо поднял крышку саркофага.

Быстро скользнув внутрь, я поставил крышку на место. Болезненные ощущения на коже лица и рук исчезли. Теперь я был в безопасности. Я лежал совершенно неподвижно и, постепенно забывая о своих бедах и горестях, погружался в бездонную пропасть бесконечной тьмы.

7

Меня разбудила жажда.

Я мгновенно вспомнил, где нахожусь и кем я теперь стал.

Меня уже не мучили сны о холодном белом вине, прохладных на ощупь яблоках и зелени деревьев и травы в отцовском саду.

В темноте узкого пространства гроба я провел языком по зубам и почувствовал, что клыки мои чрезвычайно велики и остры как ножи.

В башне кто-то был, и, хотя этот смертный еще не приблизился к двери внешнего помещения, я мог читать его мысли.

Я ясно ощутил его напряжение и беспокойство при виде незапертой двери на лестницу. Такого никогда раньше не случалось. Я почувствовал его страх, когда он увидел на полу обугленные головешки, и услышал, как он испуганно позвал: «Хозяин?!» Я понял, что это слуга, и в то же время догадался, что он коварен и вероломен.

Способность слышать его тайные, невысказанные мысли взволновала и заинтересовала меня. Но что-то меня при этом очень беспокоило... Его запах!..

Приподняв тяжелую крышку каменного саркофага, я выбрался наружу. Запах был очень слабым, но противостоять его притягательности я не мог. Он напоминал мне мускусный запах первой в моей жизни продажной девки, в чьей постели я оказался, чтобы удовлетворить юношескую страсть. Я вспомнил и о восхитительном аромате жареной оленины, и о том, какой восторг он вызывал после многих и многих дней нестерпимого голода в иные зимы. Он был восхитителен, как запах вина нового урожая, свежих яблок или чистой воды несущихся с гор потоков, которую я в жаркие летние дни пил пригоршнями.

Должен признаться, что этот запах казался мне во сто крат чудеснее и вызывал у меня острый, почти животный аппетит.

Я с легкостью, словно плывя в темноте, преодолел туннель, вытолкнул закрывавший его камень и оказался во внешней комнате.

Я увидел перед собой побледневшего от ужаса смертного.

В голове этого высохшего, худого и слабого старика путались разнообразные мысли и предположения. Я понял, что он служит одновременно конюхом и кучером, но не был уверен в правильности своих догадок.

И тут меня обдала его жаркая злоба по отношению ко мне. В его преступных намерениях не оставалось никаких сомнений. Пока он внимательно оглядывал меня с головы до ног, в душе его кипела бешеная ненависть. Это он раздобыл и принес великолепную одежду, которая была на мне. И именно он присматривал за несчастными узниками подземной темницы, пока они были еще живы. Почему же, вопрошал он в безмолвной ярости, я сейчас не там?

Как вы догадываетесь, моя любовь к нему от подобных мыслей не возросла. Больше того, я готов был убить его голыми руками.

— Где хозяин? — в отчаянии спросил он.— Где мой господин?

Интересно, за кого принимал он своего хозяина? Наверное, считал его чародеем при королевском дворе. Но теперь власть и могущество перешли ко мне. И этот человек явно не обладал какой-либо полезной для меня информацией и ничего интересного рассказать не мог.

Как только я, хоть и против его воли, узнал все это, внимание мое переключилось на пульсирующие вены, выступающие под кожей его лица и рук. Исходящий от него запах буквально сводил меня с ума.

Я чувствовал тихое биение его сердца и явственно представлял себе, какова может быть на вкус его кровь. При одной мысли о том, как эта теплая густая кровь станет растекаться по моим венам, меня захлестнуло предвкушение восторга.

— Твой господин умер, он сгорел,— пробормотал я, медленно приближаясь к нему и удивляясь равнодушию в своем голосе.

— Не может быть, вы лжете,— ответил он и обвел взглядом почерневшие стены, потолок, двери.

Он был вне себя от ярости, и злоба его ярким светом пульсировала перед моими глазами. Я отчетливо чувствовал его горечь, отчаяние, то, как он лихорадочно размышляет над моими словами.

Я был во власти собственного аппетита и не испытывал никакой жалости к этому человеку. Что может сравниться с притягательностью живой плоти?

Он тоже это понял. Не знаю как, но он догадался о моих мыслях и чувствах. Бросив на меня полный ненависти взгляд, он кинулся к лестнице.

Но я мгновенно поймал его. Для меня это не составило никакого труда, и сознание легкости, с какой я это проделал, доставило мне удовольствие. Не успел я подумать, что следует догнать его, как уже оказался рядом с ним, даже не заметив, каким образом мне удалось преодолеть разделявшее нас расстояние. И вот он уже у меня в руках, оторванный от пола, болтает в воздухе ногами и пытается ударить меня.

Я держал его на весу с такой же легкостью, с какой взрослый сильный мужчина держит на руках ребенка. Он лихорадочно пытался придумать способ спастись, но в голове его все смешалось от ужаса.

Однако то, что я видел перед собой, начисто заслонило от меня его полный беспорядочных мыслей разум.

Глаза его больше не были зеркалом его души — они превратились в радужные студенистые шары, а его тело стало для меня не более чем извивающимся и корчившимся кусочком наполненной кровью плоти. И я должен был либо получить его, либо умереть.

Поначалу мне казалось ужасным, что я вынужден буду питаться живыми существами, теплой кровью, струящейся по артериям и венам, но теперь я считал это восхитительным. Он — это он, а я — это я, и я был намерен устроить для себя пиршество.

Я поднял человека ко рту и разорвал зубами артерию на его шее. Поток крови хлынул, обжигая мне нёбо, отчего я вскрикнул и еще теснее приник к ране губами. Его кровь не походила ни на горячий нектар, который подарил мне его хозяин, ни на чудесный эликсир, который я слизывал с пола темницы. Нет,

она скорее была похожа на превратившийся вдруг в жидкость свет. А сильное человеческое сердце, заставляющее кровь мчаться по венам, источник умопомрачительного запаха, было на вкус в тысячи раз восхитительнее.

Я чувствовал, как вздымаются мои плечи, как пальцы все глубже и глубже погружаются в плоть, как бешено колотится мое сердце. Я не видел вокруг себя ничего, кроме этой крошечной бьющейся души, я почти терял сознание от восторга, и при этом мне казалось, что, кто бы он ни был, этот человек не имеет никакого отношения к происходящему.

Мне пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы заставить себя вовремя оторваться от него. Мне так хотелось услышать, как перестанет биться его сердце, как оно станет замедлять удары, постепенно останавливаясь, и чувствовать, что в этот момент он находится целиком в моей власти.

Но я не осмелился.

Когда я ослабил хватку, он тяжело рухнул на пол, раскинув в стороны руки и ноги. Из-под его полуприкрытых век виднелись белки глаз.

Вид мертвого тела буквально заворожил меня, я был не в силах отвести от него взгляд. От моего внимания не ускользнула ни одна, даже самая мелкая, деталь. Я видел, как он в последний раз вздохнул, как обмякло и затихло его тело, без борьбы отданное в объятия смерти.

Его кровь подарила мне ощущение приятного тепла. Я чувствовал, как она течет внутри моего тела. Прижав ладони к щекам, я заметил, что они очень горячие. Обратил я внимание и на то, что зрение мое стало удивительно острым. Я вдруг почувствовал себя невероятно сильным.

Подхватив с пола мертвое тело, я потащил его вниз по винтовой лестнице, которая вела в наполненную ужасным запахом темницу, и там швырнул на груду других трупов.

8

Пора идти. Пришло время проверить свои силы. Набив карманы и кошелек деньгами, я прицепил к поясу украшенную драгоценными камнями шпагу, после чего вышел из башни и запер за собой тяжелые железные ворота.

Судя по всему, башня была единственным, что осталось от разрушенного особняка. Ветер донес до меня конский запах, очень сильный и приятный, и я понял, что наделен теперь поистине звериным чутьем. Я тихо обогнул башню и увидел постройку, служащую временной конюшней.

Внутри я обнаружил не только очень красивый экипаж, но и четырех великолепных гнедых кобыл. Удивительно, но они нисколько меня не боялись. Я целовал их гладкие бока и длинные мягкие морды. Они настолько восхитили меня, что я готов был провести рядом множество долгих часов и познакомиться с ними как можно ближе, узнать о них все, что только можно. Но мне не терпелось отправиться дальше.

В конюшне был и человек. Едва войдя внутрь, я почувствовал его запах. Но он крепко спал, а когда я разбудил его, то увидел, что это всего лишь придурковатый парень, не представляющий для меня ровным счетом никакой опасности.

— Я твой новый хозяин,— сказал я, вкладывая ему в ладонь золотую монету,— но сегодня ты мне не понадобишься. Все, что от тебя требуется, это оседлать для меня лошадь.

У него хватило ума понять мои слова и даже ответить, что в конюшне нет ни единого седла, прежде чем он снова лег и заснул.

Что ж, ладно. Я отрезал кусок от длинных поводьев, накинул его в виде уздечки на самую красивую кобылу и выехал верхом на ней без седла.

У меня не хватает слов, чтобы описать свои чувства. Мчащаяся вперед кобыла, ледяной ветер, бьющий в лицо, и высокий черный шатер неба над головой... Я всем телом приник к лошади и буквально слился с ней. Стремительно несясь по заснеженному простору, я хохотал во весь голос, а иногда даже принимался петь. Мне удавалось взять невероятно высокие ноты, а потом я переходил на бархатный баритон. Время от времени я просто выкрикивал что-то веселое. Да, мне должно было быть весело и радостно. Но разве может чудовище испытывать подобные чувства?

Конечно, мне хотелось немедленно скакать в Париж, но я понимал, что еще рано, что я пока к этому не готов. Слишком мало я знал о своих новых возможностях и способностях. А по-

тому поскакал в противоположном направлении, пока не оказался наконец на окраине какой-то маленькой деревушки.

Вокруг не было видно ни души. Я подъехал к небольшой церкви, и вдруг к ощущению беспредельного счастья, которым я был охвачен, примешалось чисто человеческое желание, импульсивный порыв.

Я быстро спешился, подошел к двери ризницы и подергал ее за ручку. Замок легко открылся, и я прошел к ограде перед святым престолом.

Мне трудно объяснить, что я в тот момент чувствовал. Наверное, мне хотелось, чтобы что-нибудь произошло. Я ощущал себя кровавым убийцей. Но молния не ударила. Я смотрел на красные отблески свечей на алтаре, видел застывшие во тьме неосвещенных витражей фигуры святых.

В полном отчаянии я шагнул за ограду святого престола и прикоснулся к дарохранительнице, потом открыл маленькие дверцы и вынул оттуда украшенную драгоценными камнями дароносицу, обладавшую, как говорили, чудодейственными силами. Но никаких сил я не ощутил. Ничего такого, что нашло бы хоть какой-то отклик во мне. Я обнаружил лишь золото, картон и воск... и еще свет.

Я склонил голову к самому алтарю, став похожим, должно быть, на священника во время мессы. Затем поднялся, захлопнул дарохранительницу и привел все вокруг в прежний вид, чтобы никому и в голову не пришло, что здесь было совершено святотатство.

После этого я обошел всю церковь. Мрачные картины и зловещие статуи буквально завораживали меня. Я вдруг понял, что способен видеть не только великолепные произведения искусства, но и весь процесс их создания художниками и скульпторами. Я видел, каким именно образом покрытая лаком поверхность отражает лучи света. Замечал каждую ошибку в изображении и каждый особенно выразительный фрагмент. Размышлял о том, какими глазами буду рассматривать теперь творения великих мастеров, если сейчас не в силах оторвать взгляд от примитивных изображений, нарисованных на штукатурке. Я опустился на колени и принялся разглядывать рисунок мраморных плит, пока вдруг не обнаружил, что лежу,

распластавшись на каменном полу и уставясь в него широко раскрытыми глазами.

Я начинал терять над собой контроль. Дрожа с головы до ног, со слезами на глазах я поднялся, и мне показалось, что горящие вокруг свечи и лампады ожили. От этой мысли мне едва не сделалось дурно.

Пора уходить отсюда. Мне следует пройтись по деревне.

Я провел в деревне два часа, и за все это время меня почти никто не видел и не слышал.

С удивительной легкостью я перепрыгивал через заборы или взлетал на низкие крыши домов. Я мог соскочить на землю с высоты третьего этажа или залезть на отвесную стену, цепляясь ногтями и кончиками пальцев ног за щели между камнями и выступы штукатурки.

Я заглядывал в окна и видел спящие среди смятых простыней супружеские пары, младенцев в колыбелях, пожилых женщин, занимающихся шитьем при тусклом свете огня.

Все эти домишки выглядели кукольными. Прекрасная коллекция игрушек с крошечными стульчиками, отполированными каминными досками, аккуратно заштопанными занавесками и чисто вымытыми полами внутри.

Я смотрел на все это глазами существа, никогда не имевшего отношения к такой жизни и теперь с удовольствием любовавшегося каждой деталью. Висящий на крючке белоснежный фартук, изношенные башмаки, стоящие у очага, кувшин возле кровати...

А люди... люди были просто изумительны.

Я остро чувствовал их запах, но был сыт и потому относился к нему совершенно спокойно. Мне нравились их розовая кожа, изящные руки и ноги, отточенные движения и вообще весь ход их жизней, словно сам я никогда не был одним из них. Мне казалось замечательным даже то, что у них по пять пальцев на каждой руке. Во сне они зевали, вскрикивали, вертелись с боку на бок. Я был совершенно очарован ими.

Если они разговаривали, то даже самые толстые стены не мешали мне отчетливо слышать их голоса.

Но самым удивительным открытием, которое я сделал в процессе своих исследований, был тот факт, что я мог читать

мысли людей, точно так же, как читал незадолго до этого мысли убитого мной в башне злобного слуги. Горе, несчастье, надежды и ожидания... Они словно витали в воздухе: одни походили на слабые дуновения ветерка, другие же пугали, словно мощные порывы ураганного ветра, а некоторые рассеивались так быстро, что я не успевал даже уловить их источник.

Надо отметить, что это нельзя было назвать чтением мыслей в полном смысле слова.

Мысли банальные, незначительные не доходили до моего сознания, а когда я погружался в собственные размышления, разум мой оказывался закрытым даже для наиболее сильных и страстных человеческих порывов. Короче говоря, я воспринимал только сильные эмоции и лишь тогда, когда сам этого хотел. Но встречались мне и такие люди, которые даже в пылу безграничного гнева не позволяли мне проникнуть в их разум и что-либо узнать.

Эти открытия потрясли меня, в высшей степени поразили, как и вдруг увиденная мною красота всего окружающего, прелесть, казалось бы, самых обыденных вещей. И в то же время я отчетливо сознавал, что за всем этим кроется бездна, в которую я могу неожиданно рухнуть.

Ведь после всего случившегося я уже не принадлежал к числу живых и теплых чудес совершенства и невинности. Теперь они должны были стать моими жертвами.

Настало время покинуть деревню, я уже достаточно узнал здесь всего. Но прежде, перед тем как уйти, я осмелился предпринять еще один, последний, шаг. Я не мог удержать себя от этого поступка. Я просто обязан был его совершить.

Высоко подняв воротник красного плаща, я зашел в кабачок, отыскал в нем место подальше от огня и приказал принести стакан вина. Все посетители обратили на меня внимание, но отнюдь не потому, что заметили сверхъестественную природу нового посетителя. Нет, они просто разглядывали богато одетого джентльмена! Чтобы убедиться в правильности своих предположений, я пробыл в кабачке примерно двадцать минут. Никто, даже тот человек, который мне прислуживал, абсолютно ничего не заметил! Надо ли говорить, что я не притронулся к вину. Мой организм теперь не переносил даже винного запаха. Цель моя состояла совсем в другом. Отныне я точно знал, что

способен одурачить смертных! Я уверился в том, что могу свободно жить среди них!

Я покинул кабачок в самом радужном настроении, а когда добрался до леса, помчался со всех ног. Вскоре я уже бежал так быстро, что небо и деревья слились перед моими глазами в сплошном мелькании. Я почти летел!

Наконец я остановился и принялся скакать на месте и танцевать. Я хватал с земли камешки и забрасывал их так далеко, что не видел, где они падали. Наткнувшись на полный соков толстый ствол поваленного ветром дерева, я приподнял его и, словно тонкую веточку, переломил о колено.

Я кричал, распевал во весь голос и наконец с хохотом повалился на траву. Потом снова вскочил на ноги, сорвал с себя плащ, отстегнул шпагу и принялся ходить колесом. Я выделывал сальто не хуже акробатов в театре Рено. Сначала несколько безукоризненных сальто вперед, а потом назад и снова вперед. Дело дошло до двойных, тройных сальто, я подпрыгивал вверх на добрых пятнадцать футов и, слегка задыхаясь от восторга, приземлялся совершенно точно и чисто. Мне хотелось выделывать эти трюки еще и еще.

Но приближалось утро.

Небо и воздух оставались такими же, какими и были, но я немедленно заметил перемены и услышал набат, доносящийся из преисподней. Адские колокола призывали вампира вернуться домой и погрузиться в смертельный сон. О, эта чудесная красота светлеющего неба! Очарование туманного видения — едва заметных очертаний колоколен, вырисовывающихся на фоне небес! И в голову мне вдруг пришла очень странная мысль: свет адского огня, наверное, не менее ярок, чем сияние солнца, и отныне он станет для меня единственным доступным солнечным светом.

В чем же я провинился? Я размышлял над этим вопросом и не находил на него ответа. Ведь я не просил ни о чем подобном. Более того, я не хотел сдаваться. Даже когда Магнус сказал мне, что я умираю, я продолжал бороться, дрался с ним. И несмотря ни на что, я слышу сейчас звон колоколов ада.

Так кто же проклял меня и осудил на адские муки?

Когда я вернулся на церковный двор и хотел было сесть на лошадь, чтобы отправиться домой, что-то привлекло мое внимание и привело меня в смущение.

Не выпуская из рук поводьев, я обвел взглядом немногочисленные могилы, безуспешно пытаясь определить, что именно меня так смутило. Ощущение не покидало меня, и я наконец понял, в чем дело. Я отчетливо почувствовал чье-то присутствие на церковном кладбище.

Я стоял совершенно неподвижно и так тихо, что слышал, как кровь стучит в ушах.

Это не было ощущением присутствия человека! Неизвестное существо не обладало свойственным людям запахом, и я не слышал его мыслей. Скорее можно сказать, что оно тоже почувствовало меня и, чтобы защититься, окутало себя своего рода туманом. Оно наблюдало за мной.

А быть может, мне все это только казалось?

Я стоял, внимательно прислушиваясь и пристально вглядываясь во тьму. Из-под снега торчали серые могильные камни. В отдалении виднелся ряд склепов. Все они были большими, богато украшенными резьбой, но выглядели такими же заброшенными и полуразвалившимися, как и могильные камни.

Мне показалось, что существо прячется где-то возле склепов, но потом я почувствовал, как оно двинулось в сторону густо росших неподалеку деревьев.

— Кто вы?— требовательно обратился я к нему, и сам удивился тому, насколько резко прозвучал мой голос.— Отвечайте! — еще громче и решительнее крикнул я.

Я явственно ощутил смятение существа, его волнение и одновременно почувствовал, что оно удаляется от меня чрезвычайно быстро.

Я бросился следом, но вскоре понял, что расстояние между нами увеличивается. Голый лес был пуст, и я никого не видел. Однако осознал, что я сильнее этого существа и что оно боится меня.

Это просто фантастика какая-то! Оно меня боится!

Тем не менее я по-прежнему не знал, кто это. Было ли существо таким же, как и я, вампиром, или оно вообще не имело плоти?

— Одно, во всяком случае, я знаю наверняка,— произнес я вслух.— Ты просто трус!

Ответом мне было длившееся всего мгновение легкое колебание воздуха, словно лес глубоко вздохнул.

Меня охватило сознание собственного превосходства, до этого лишь тлевшее глубоко внутри. Отныне мне ничто не страшно. Я не боюсь ни церкви, ни темноты, ни ползающих по трупам в подземной темнице червей. Ни даже этого странного существа, которое скрылось в лесу, но которое, кажется, по-прежнему присутствует где-то рядом. Мне не страшны и люди!

Я стал поистине выдающимся демоном! Даже если бы сейчас я сидел на ступенях ада и сам дьявол обратился бы ко мне с вопросом: «Аестат, каким демоном ты хочешь стать? Ты волен избрать для себя ту форму, в которой ты хочешь дальше странствовать по свету»,— разве мог бы я пожелать что-то лучшее, чем то, что имею сейчас! Мне вдруг пришло в голову, что уже никогда мне не придется испытывать такие страдания, какие я пережил в своей прежней жизни.

Сейчас воспоминания о той ночи и особенно об этом моменте не вызывают у меня ничего, кроме смеха.

9

Когда наступила следующая ночь, я взял с собой столько золота, сколько смог унести, и отправился в Париж. Я проснулся, едва солнце скрылось за горизонтом, и пустился в путь, когда небесная лазурь еще окончательно не погасла.

Я просто умирал от голода.

Но удача опять мне улыбнулась, и возле самой окраины города на меня напал разбойник. Размахивая пистолетом, он с диким воплем выскочил из леса. Потом я увидел вспышку выстрела и даже успел разглядеть пулю, пролетевшую мимо меня, как раз когда я повернул в сторону лошадь и бросился на него.

Это был очень сильный мужчина. К моему удивлению, его проклятия в мой адрес и отчаянное сопротивление доставили мне удовольствие. Тот злобный слуга, которого я убил накануне, был стар. А этот разбойник обладал крепким молодым телом. Мне приятен был даже его грубый, заросший щетиной

подбородок, мне нравились его мускулистые руки и мощь ударов. Но наша борьба не имела ничего общего со спортом. Едва я вонзил зубы в его артерию, как он сразу обмяк и неподвижно застыл. Хлынувшая мощной струей кровь доставила мне неизъяснимое, почти чувственное наслаждение. Я испытал такой восторг, что напрочь забыл о необходимости оторваться от жертвы, прежде чем перестанет биться ее сердце.

К концу нашей битвы мы оба стояли в снегу на коленях, и вот теперь жизнь его уходила в меня вместе с потоком крови. Когда все закончилось, я еще долго не мог даже пошевелиться. Ну вот, думал я, правила уже нарушены. Какое же наказание мне теперь грозит? Смерть? Не похоже, что она меня ожидает. Я находился в состоянии необычайно радостного исступления.

А на моих руках лежал мертвый бедняга-разбойник, который мог одним выстрелом разнести в куски мою голову, если бы, конечно, я позволил ему это сделать.

Я смотрел в темнеющее небо, на туманно вырисовывающиеся силуэты Парижа и чувствовал, как по всему телу разливается восхитительное тепло и во мне растет ощущение собственной силы.

Что ж, пока все идет как нельзя лучше. Я поднялся на ноги и вытер губы. Потом зашвырнул мертвое тело как можно дальше в снежную целину. Да, я был силен как никогда.

Еще какое-то время я неподвижно стоял на месте. Меня охватила ненасытная жажда убийства, я готов был убивать снова и снова, лишь бы это волшебное ощущение экстаза не проходило никогда. Но я уже не мог больше пить кровь и постепенно успокаивался, чувствуя, что настроение мое каким-то образом изменилось. Меня охватило чувство уныния и одиночества, словно этот разбойник был моим другом или родственником и внезапно покинул меня. Я не мог понять причину такого ощущения, разве что нас породнила выпитая мною его кровь. Его запах теперь исходил от меня, и мне он почему-то очень нравился. А мой «друг» в это время лежал, полузарывшись в снег и раскинув в стороны руки, и при свете восходящей луны кожа его приобрела землисто-серый оттенок.

Черт возьми! Но разве этот ублюдок не собирался убить меня?

Не прошло и часа, а я уже нашел очень способного адвоката по имени Пьер Роже, жившего в Мара. Это был весьма честолюбивый, жадный до денег, хитрый, но при этом добросовестный молодой человек. Именно такой мне и был нужен. Мало того что я с легкостью читал все его мысли, я еще убедился в том, что он безоговорочно верит каждому моему слову.

Он с радостью согласился служить мужу богатой наследницы из Сан-Доминго. И, конечно же, с готовностью погасил в комнате все свечи, кроме одной, раз после тропической лихорадки у меня все еще болят глаза. Мое состояние находится в драгоценностях? Прекрасно! Он знаком и ведет дела с самыми лучшими ювелирами. Банковский счет и оплата векселей моей семьи в Оверни? Никаких проблем! Все будет немедленно исполнено.

Все это было гораздо проще, чем роль Лелио.

Должен признать, однако, что мне понадобилось довольно много времени, чтобы собраться с мыслями и сосредоточиться.

Мое внимание отвлекалось на каждую мелочь, будь то чадящее пламя свечи, латунная чернильница, обои с золотым рисунком или сам месье Роже с его удивительно маленьким личиком, посверкивавшими за толстыми стеклами очков глазками и зубами, напомнившими мне клавиши клавикордов.

Мне казалось, что все предметы в комнате исполняют какой-то странный танец. Латунные ручки комода представлялись мне неотступно следящими глазами. Где-то наверху пела женщина, и голос ее, смешиваясь с тихим гудением огня в печи, словно звал меня к себе на непонятном и странном языке.

Так, наверное, продолжалось бы вечно, но я все же сумел взять себя в руки. Этой же ночью должны быть посланы с курьером деньги для моего отца и братьев, а также для Никола де Ленфена, служившего музыкантом в театре Рено. Ему следовало сказать лишь, что деньги присланы Лестатом де Лионкуром и что этот самый Лестат де Лионкур просит его немедленно переехать в хорошую квартиру на Иль-Сен-Ауи или в любом другом приличном районе. Излишне говорить, что Роже обязан был оказать ему всяческую помощь и поддержку. А затем Никола де Ленфену следует брать уроки игры на скрипке. Роже получил приказание купить для Никола самую лучшую скрипку работы Страдивари.

И, наконец, отдельное письмо должно быть послано моей матери, маркизе Габриэль де Лионкур. Его следует написать по-итальянски, чтобы никто другой не смог его прочесть. Вместе с письмом следовало переслать для нее лично значительную сумму денег. Если у нее хватит сил, чтобы отправиться в путешествие и посетить свою родину на юге Италии, возможно, ей удастся остановить развитие чахотки.

При мысли о том, что она получит наконец желанную свободу и сможет покинуть замок, у меня голова кружилась от радости.

На какое-то время я мысленно перенесся домой и забыл о существовании Роже. Я представил себе, как она впервые в жизни оденется так, как подобает маркизе, и выедет из ворот замка в богато украшенной карете, запряженной шестеркой лошадей. Но вдруг я так явственно услышал ее ужасный кашель, словно она была в тот момент рядом со мной, и перед моими глазами возникло ее изможденное лицо.

— Деньги и письмо должны быть отосланы ей этой же ночью,— сказал я.— Меня совершенно не интересует, сколько это будет стоить. Мое приказание должно быть исполнено неукоснительно.

С этими словами я положил перед адвокатом столько золота, что ей должно было хватить на всю оставшуюся жизнь. Если бы только знать, сколько ей еще осталось!

— И еще,— спросил я,— знаете ли вы какого-нибудь торговца хорошей мебелью, картинами и гобеленами? Кого-нибудь, кто готов открыть для нас свои магазины сегодня же вечером?

— Конечно, монсеньор! Позвольте мне только одеться, и мы отправимся немедленно.

Через несколько минут мы уже направлялись в пригород Сен-Дени.

Следующие несколько часов в сопровождении своих смертных помощников я блуждал по райским лабиринтам материальных благ, выбирая все, что мне нравилось. Кресла и стулья, фарфоровая и серебряная посуда, ткани и скульптуры — все это, стоило мне только пожелать, немедленно становилось моим. Я распорядился, чтобы выбранные мною товары были тут же упакованы и отправлены на юг Франции. В своем вооб-

ражении я рисовал прекрасные картины, представляя себе, как изменится замок, в котором я вырос, когда все эти чудесные вещи окажутся там. Для маленьких племянников и племянниц я послал такие красивые игрушки, о каких они прежде и мечтать не могли,— миниатюрные кораблики с матросами, созданные руками великолепных мастеров, искусно украшенные кукольные домики.

Прикосновение буквально к каждой вещи доставляло мне истинное наслаждение, и были моменты, когда их фактура и яркие краски едва не причиняли мне боль. В глубине души я просто рыдал от восторга.

Все это время мне удавалось блестяще справляться с ролью обычного смертного. Хотя один промах я все же допустил.

Мы осматривали один из магазинов, и вдруг возле самой стены я заметил бегущую крысу — обыкновенную крысу, каких немало в городах. Однако я почему-то не мог отвести от нее взгляд. Здесь, среди деревянных и гипсовых изделий, среди вышитых тканей и одежд, она показалась мне необычайно прекрасной. Неправильно истолковав мое состояние, мои спутники принялись кричать, топать ногами и громко хлопать, стремясь отогнать крысу как можно дальше.

Для меня их голоса слились в невнятное приглушенное бормотание, напоминающее звук кипящего в горшке супа. В тот момент я способен был думать лишь о том, что у этой крысы совсем крошечные лапки и что мне никогда еще не приходилось рассматривать вблизи ни одно столь маленькое существо с теплой кровью. С удивительной даже для самого себя быстротой я рванулся вперед и, поймав крысу, стал разглядывать ее лапки. Забыв обо всем, в том числе и о своих спутниках, я внимательно изучал миниатюрные ноготки и пальчики.

Воцарившаяся тишина и гробовое молчание стоящих рядом людей привели меня в чувство. Оба мои спутника остолбенело уставились на меня.

Изобразив на лице как можно более невинную улыбку, я отпустил крысу и снова вернулся к выбору покупок.

Несмотря на то что никто не сказал мне ни слова, этот случай послужил мне хорошим уроком. Я понял, что очень испугал их.

Чуть позже я дал своему адвокату последнее в ту ночь поручение: он должен купить подарок не менее чем за сто крон и отправить его владельцу театра, господину Рено, вместе с письмом от меня с выражением благодарности за проявленную им доброту.

— Выясните, в каком положении находится сейчас театр,— добавил я,— есть ли у него какие-либо долги.

Стоит ли говорить, что сам я и близко не подойду к этому театру. Они не должны даже догадываться о том, что произошло, их не может коснуться подобная скверна. Ну вот, теперь я, кажется, сделал все, что мог, для тех, кого действительно любил.

Когда наконец все было позади и соборные часы, возвышающиеся над белыми крышами городских домов, пробили три часа, я вдруг почувствовал, что ужасно голоден и запах крови преследует меня повсюду. Оглядевшись, я обнаружил, что стою один посреди пустынного бульвара Тамплиеров.

Растерзанный колесами экипажей снег превратился в жидкую грязь, а прямо передо мной была обшарпанная стена театра Рено с сохранившимися на ней обрывками афиш, на которых еще можно было прочесть написанное красными буквами имя молодого актера Лестата де Валуа.

10

Последующие ночи я провел весьма бурно. Я впитывал в себя Париж так, словно пил горячую кровь. Едва наступал вечер, я отправлялся в самые злачные места, где нападал на воров и убийц. Иногда я устраивал себе развлечение и позволял им какое-то время сопротивляться, давая шанс защитить свою жизнь, а потом с ужасным оскалом и рычанием заключал их в смертельные объятия и пировал до полного насыщения.

Я попробовал на вкус убийц самых разных типов: огромных громил; малорослых, но чрезвычайно крепких и жилистых; темнокожих и густо заросших волосами... Но больше всего мне нравились юные мерзавцы, готовые лишить человека жизни всего за несколько лежащих в его кармане монет.

Я с наслаждением слушал их вопли и проклятия. Иногда я хватал их одной рукой и со смехом издевался над ними, доводя

буквально до белого каления, забрасывал на крыши домов ножи и вдребезги разбивал о стены пистолеты. И при всем этом мне не приходилось прилагать слишком большие усилия. Единственное, что вызывало у меня отвращение,— страх. Как только я чувствовал, что жертва боится, я тут же терял к ней всякий интерес.

Со временем я научился оттягивать момент убийства. Я пил кровь одного, потом другого, потом делал несколько поистине смертельных глотков крови третьей или четвертой жертвы. Ради собственного удовольствия я продлевал процесс охоты и борьбы. Когда же наконец я чувствовал, что насладился в полной мере, что мною выпито такое количество крови, которого хватило бы для насыщения как минимум шести вампиров со здоровым аппетитом, я отправлялся исследовать совсем другой Париж. Я проводил удивительные, волшебные часы. Раньше ни о чем подобном я и помыслить не мог.

Но прежде всего я шел в дом Роже, чтобы узнать новости о Никола и о своей матери.

Ее письма были полны счастья, она от всей души радовалась моим успехам и обещала отправиться весной в Италию, если, конечно, ей хватит сил, чтобы перенести такое путешествие. А сейчас ей необходимы книги, парижские газеты и ноты, чтобы она могла играть на посланных мною клавикордах. Она хотела знать, действительно ли я совершенно счастлив. Сумел ли добиться всего, о чем мечтал? Ее одновременно радовало и пугало столь неожиданное богатство — должно быть, в театре Рено мне чрезвычайно везло. Она просила меня довериться ей и рассказывать все без утайки.

Читать ее письма было для меня сущей мукой. Мне приходилось бесстыдно лгать ей, что никогда не было мне свойственно. Но ради матери я готов был стать даже лжецом.

Что касается Ники, я должен был предвидеть, что его не удастся обмануть подарками и туманными россказнями, что он потребует встречи со мной. Именно на этом он продолжал настаивать и даже пытался припугнуть Роже.

Однако его угрозы ни к чему не привели. Мой поверенный не мог сказать ничего, кроме того, что велел сказать ему я. А сам я так боялся встретиться с Ники, что даже не спросил у адвока-

та адрес новой квартиры друга. Я только приказал ему удостовериться в том, что Ники действительно берет уроки у итальянского маэстро и у него есть возможность получить все, что он пожелает.

Почти против своей воли я все же каким-то образом сумел узнать, что Ники не ушел из театра. Он продолжал играть на скрипке во время представлений в театре Рено.

Сама мысль об этом сводила меня с ума. Я не мог понять, какого черта ему это нужно.

Да все очень просто. Он любил театр так же, как и я. На самом деле мне не нужно было ничего объяснять. В этом маленьком, похожем на крысиную нору театрике мы все были как родные. Не говоря уже о том волшебном моменте, когда занавес взлетает вверх и публика начинает аплодировать и кричать...

Что ж, следует отправить в театр побольше вина и шампанского. И послать цветы Жаннетт и Лючине, девушкам, которые нравились мне больше других. И еще много золота для Рено. Необходимо также оплатить все долги театра.

Прошло немного времени, и все было исполнено. Однако Рено пришел от этого в полное замешательство и был чрезвычайно смущен. Через две недели Роже сообщил мне о предложении Рено.

Он хотел, чтобы я выкупил театр и оставил его работать в качестве управляющего. При наличии достаточного количества денег на новые постановки и переоборудование сцены он сможет создать великолепные спектакли и таким образом осуществить свои грандиозные замыслы. С моими деньгами и его умом и способностями мы заставим говорить о театре весь Париж.

Я не смог ответить сразу. Мне и в голову не приходило, что я могу владеть театром точно так же, как владею сундуком с драгоценностями, одеждой или кукольными домиками, посланными моим племянницам. Я отказался и вышел, громко хлопнув дверью.

Но быстро вернулся.

— Хорошо,— сказал я Роже,— покупайте театр и дайте Рено десять тысяч крон, которыми он может распорядиться по своему усмотрению.

Это было поистине целое состояние. И я сам не знал, почему вдруг решил так поступить.

Боль скоро пройдет, думал я, должна пройти. А сейчас мне следует собраться с мыслями и взять себя в руки. Я должен наконец понять, что такого рода вещи не могут на меня воздействовать.

В конце концов, где я провожу сейчас время? В крупнейших и лучших театрах Парижа. Для меня забронированы лучшие места на оперных и балетных спектаклях, на представлениях пьес Мольера и Расина. Я часами могу стоять у рампы, глазея на величайших актеров и актрис. У меня множество костюмов всех цветов радуги, париков, сделанных по последней моде, башмаков с бриллиантовыми пряжками и золотыми каблуками, а пальцы мои украшают перстни с драгоценными камнями.

Я мог без конца наслаждаться поэтикой стихов, пьянел от пения и музыки, которые слышал, от изгиба рук танцовщика в балете, от звуков органа под сводами Нотр-Дам. Меня приводил в восторг гул колоколов, которые отсчитывали для меня время, и даже снег, беззвучно падавший с неба и укрывавший землю в пустых садах Тюильри.

С каждой ночью я все меньше и меньше опасался смертных и начинал вполне свободно чувствовать себя в их обществе.

Не прошло и месяца, как я отважился появиться посреди огромной толпы на балу в Пале-Рояле. После очередной охоты я был возбужден, чувствовал тепло во всем теле, и на щеках моих горел румянец. Не медля ни минуты, я присоединился к танцующим. Ни у кого из присутствующих не зародилось даже сомнения на мой счет. Напротив, какая-то магическая сила притягивала ко мне женщин. Мне нравилось прикосновение их горячих пальцев, нравилось обнимать их плечи и прижиматься к их мягкой груди.

Позже я смело отправлялся бродить по бульварам. Проходя как можно быстрее мимо театра Рено, я заглядывал в другие, чтобы посмотреть кукольное представление, выступление мимов или акробатов. Я больше не стремился укрыться от света уличных фонарей. Я заходил в кафе и приказывал принести чашку кофе только лишь затем, чтобы ощутить пальцами исходящее от нее тепло, а если возникало желание, беседовал с другими посетителями.

Я даже спорил с ними о состоянии монархии. Мало того, я пристрастился к бильярду и старательно овладевал мастерством в этой игре. Теперь мне казалось, что я могу без опаски отправиться в театр Рено, купить билет и тихонечко проскользнуть на балкон, чтобы оттуда наблюдать за ходом представления. Я могу увидеть Никола!

И все же я не стал этого делать. О чем мог я мечтать, на что надеяться, окажись я рядом с Ники? Одно дело вводить в заблуждение и дурачить посторонних мужчин и женщин, прежде меня не знавших, но что увидит Никола, если заглянет в мои глаза? Что он подумает, увидев мою кожу? И вообще, у меня впереди еще очень много дел, говорил я себе. Шло время, и я все больше и больше узнавал о собственной природе и о тех возможностях и власти, которыми обладал.

Волосы мои, например, стали светлее, но при этом толще и гуще. Кроме того, они совершенно перестали расти. То же самое происходило и с ногтями на руках и ногах. Они стали более блестящими, и, если я вдруг решал их состричь, они быстро восстанавливались и достигали той же длины, что и в момент моей смерти. Конечно же, люди при первом взгляде на меня не могли открыть мои секреты, но их внимание могли привлечь другие особенности: необычный свет в моих глазах, отражение в них всех цветов радуги, слабо люминесцирующая кожа.

Когда я был голоден, люминесценция становилась особенно заметной. А следовательно, у меня было еще больше оснований хорошо питаться.

Я постепенно убеждался в том, что одним пристальным взглядом могу держать людей в полном повиновении. Также я понял, что мне следует тщательно следить за модуляцией собственного голоса. Он мог звучать непривычно низко, иногда чересчур тихо для человеческого уха, а если бы я стал вдруг кричать или слишком громко смеяться, то мог бы оглушить окружающих, да и сам мог бы оглохнуть.

Существовала еще одна трудность — моя манера двигаться. Я старался ходить, бегать, танцевать, улыбаться и жестикулировать как самый обыкновенный человек. Но в состоянии сильного волнения, удивления, горя или испуга тело мое обладало поистине акробатической гибкостью.

Мне приходилось внимательно следить и за выражением лица, поскольку я был склонен к преувеличенному проявлению эмоций. Однажды, когда я забылся во время прогулки по бульвару Тамплиеров — а думал я в тот момент, как и всегда, о Никола,— я уселся под деревом, прислонившись спиной к стволу и подтянув колени к подбородку, а потом обхватил голову руками и стал при этом похож на потрясенного эльфа из волшебной сказки. Джентльмен восемнадцатого века, носящий парчовый фрак и белые шелковые чулки, не должен вести себя подобным образом, во всяком случае на улице.

В другой раз, погрузившись в размышления о закономерностях преломления и игры света на различных поверхностях, я подпрыгнул и уселся, скрестив ноги и упершись локтями в колени, на крыше кареты.

Подобные выходки приводили людей в недоумение. Иногда они пугали окружающих. Но чаще всего, даже в тех случаях, когда их пугал, например, вид моей кожи, люди просто отводили глаза. Я быстро понял, что они предпочитали обманываться, убеждая себя в том, что все в этом мире можно так или иначе объяснить. Такова была особенность рационального мышления тех, кто жил в восемнадцатом веке.

За последние сто лет не было ни одного дела по обвинению в колдовстве. Последним, насколько мне известно, был суд над предсказательницей судьбы Ла Вуазин, которую живьем сожгли на костре еще во времена Людовика, Короля-Солнце.

И не забывайте, что это был Париж. А потому, даже если мне случалось раздавить в руке хрустальный бокал или чересчур сильно хлопнуть дверью, все просто считали, что я пьян.

Время от времени я ловил себя на том, что отвечаю на вопрос, прежде чем он мне задан. Я мог также впасть в состояние полного ступора и долго сидеть, уставясь на горящие свечи или на ветви деревьев,— окружающие потом начинали взволнованно спрашивать, уж не заболел ли я.

Самой большой моей проблемой, однако, оставался смех. Иногда на меня находили такие приступы смеха, что я никак не мог заставить себя остановиться. Эти приступы могли быть вызваны самыми разными причинами. Полнейшая ненормальность моего собственного положения абсолютно выводила ме-

ня из равновесия и рождала во мне непреодолимое желание расхохотаться.

Со мной это и сейчас случается достаточно часто. Никакие потери, никакая боль, даже все более и более углубляющееся понимание того тяжелого положения, в котором я оказался, ничего не смогли изменить. Мне вдруг, ни с того ни с сего, что-то кажется смешным, и я начинаю хохотать и никак не могу остановиться.

Кстати, эта моя особенность приводит в ярость других вампиров. Однако я в своем рассказе забегаю вперед.

Как вы уже, наверное, заметили, я еще ни словом не обмолвился о других вампирах. Но в том-то и дело, что я не мог найти ни одного из них.

Во всем Париже мне ни разу не встретилось ни одно сверхъестественное существо.

Повсюду меня окружали только смертные, но иногда я слабо ощущал чье-то неуловимое и сводящее с ума присутствие. В такие моменты я изо всех сил старался убедить себя в том, что мне это только кажется.

Воображаемое существо было таким же бестелесным, как и то, которое я встретил в свою первую ночь в деревне. И каждый раз ощущение его присутствия охватывало меня неподалеку от какого-нибудь парижского кладбища.

Каждый раз я останавливался, резко оборачивался и пытался его разглядеть. Однако безрезультатно — оно исчезало, прежде чем я успевал напрячь зрение. Мне ни за что не удавалось отыскать его самому, а запах парижских кладбищ вызывал во мне такое отвращение, что я не хотел, не мог войти за их ограду.

Такое происходило со мной вовсе не потому, что я был чрезмерно утонченной натурой, и не из-за воспоминаний о подземной темнице в башне. Похоже, отвращение к самому виду и запаху смерти составляло неотъемлемую часть моего существа.

Так же как и тогда, когда я был мальчишкой и жил в Оверни, я не в состоянии был без дрожи наблюдать смертную казнь, а при встрече с мертвым телом закрывал руками лицо. Мне казалось, что смерть оскорбляет меня, за исключением тех случаев, когда я сам был ее причиной. Но и тогда я старался как можно быстрее избавиться от своих жертв.

Однако вернусь к истории с присутствием. Поразмыслив, я пришел к заключению, что это существо, вполне возможно, какой-то призрак, причем призрак совершенно иной, не такой, как моя, природы, и он по тем или иным причинам не может вступить со мной в контакт. С другой стороны, я был почти уверен, что таинственный незнакомец наблюдает за мной и, возможно, намеренно ведет себя так, чтобы я его заметил.

Как бы там ни было, других вампиров я в Париже не встретил. Я даже подумал о том, возможно ли вообще существование нескольких вампиров одновременно. А что, если Магнусу пришлось уничтожить того вампира, чью кровь он когда-то выпил? Что, если и ему пришлось пожертвовать собой, после того как он передал свою власть другому? Быть может, и я вынужден буду уйти в небытие, если создам другого вампира?

Нет, не может быть! Все это не имеет смысла. Даже отдав мне свою кровь, Магнус остался полным сил. А для того чтобы отобрать власть у того, другого, вампира, он заковал его в цепи.

Все было окутано завесой страшной тайны, и мысль об этом сводила меня с ума. Но в тот момент, пожалуй, неведение было поистине благословенным для меня. Я и без помощи Магнуса успешно осваивал новую для себя науку. Скорее всего, именно этого и хотел от меня Магнус. Возможно, много веков тому назад ему тоже пришлось самостоятельно пройти весь этот путь.

Мне вдруг вспомнились его слова о том, что в тайных покоях башни я найду все необходимое для процветания.

Многие часы я проводил в скитаниях по городу, покидая общество людей лишь затем, чтобы укрыться в башне от дневного света.

Однажды в голову мне пришла странная мысль: если я могу танцевать с ними, играть в бильярд, разговаривать, почему бы мне не жить среди них точно так же, как я жил прежде, пока не умер? Почему бы мне не выдавать себя за одного из них? Почему бы не вернуться в гущу жизни, где... где есть что? Ну же, произнеси это вслух!

Почти наступила весна. Ночи становились все теплее, а в театре Рено поставили новую пьесу, в антрактах которой выступали новые акробаты. Деревья стояли в цвету. И не проходило ни одной минуты, чтобы я не вспоминал о Ники.

Однажды мартовской ночью, когда Роже читал мне письмо от матери, я вдруг понял, что в состоянии прочитать послание сам. Я учился читать многими доступными мне способами, но никогда еще не пробовал делать это самостоятельно. Я взял у Роже письмо и отправился с ним домой.

Во внутренних покоях башни теперь уже не было холодно. Я присел к окну и впервые в жизни в одиночестве прочел письмо от матери. Мне казалось, что я явственно слышу ее голос:

— Никола пишет, что ты купил театр Рено. Значит, ты теперь владелец этого маленького театрика на бульварах, где ты был когда-то так счастлив. Но счастлив ли ты по-прежнему? Когда же ты наконец мне ответишь?

Я аккуратно сложил письмо и сунул в карман. На глаза навернулись кровавые слезы. Ну почему, почему она понимает так много — и в то же время так мало?

11

Ветер стих. И тут же все запахи города вернулись обратно. Рынки были буквально завалены благоухающими цветами. Забыв обо всем и плохо понимая, что делаю, я ворвался в дом Роже и потребовал немедленно сказать мне, где сейчас находится Никола.

Мне необходимо было взглянуть на него, убедиться в том, что он здоров и его новое жилище достаточно хорошо.

Дом стоял на Иль-Сен-Луи и производил весьма солидное впечатление, но все окна, выходящие на набережную, были плотно закрыты ставнями.

Я довольно долго стоял перед домом, и мимо меня один за другим с грохотом пролетали по мосту экипажи. Я знал, что должен обязательно увидеть Ники.

Я стал взбираться по стене — так, как это приходилось делать мне в деревне,— и вдруг обнаружил, что подъем дается на удивление легко. Я преодолевал один этаж за другим и наконец забрался так высоко, как никогда не осмеливался забираться прежде, потом быстро пересек крышу и стал спускаться во внутренний дворик, чтобы отыскать квартиру Ники.

Миновав дюжину открытых окон, я обнаружил то, которое мне было нужно. И увидел Никола. Он сидел за накрытым к

ужину столом, а рядом с ним были Жаннетт и Аючина. Как и раньше, после того как закрывался театр, они пировали до поздней ночи.

В первый момент я резко отпрянул от окна и едва не свалился вниз, но, к счастью, совершенно инстинктивно успел ухватиться правой рукой за стену. Я даже закрыл глаза, но, хотя я видел комнату всего лишь какие-то доли секунды, в моей памяти четко отпечаталась каждая деталь.

На нем был все тот же наряд из зеленого бархата, который он с такой благородной небрежностью надевал для прогулок по извилистым улочкам родной деревни. Но повсюду вокруг него я узрел свидетельства посланного мною богатства: книги в кожаных переплетах, стоящие на полках, инкрустированный столик и картина в овальной раме, сверкающая на крышке нового фортепиано скрипка работы итальянского мастера.

На пальце его я увидел свой подарок — перстень с драгоценным камнем. Темные волосы Никола были зачесаны назад и перевязаны черной шелковой лентой. Опершись локтями о стол, он напряженно о чем-то размышлял, а перед ним стояла тарелка из дорогого китайского фарфора, однако к еде он даже не притронулся.

Я осторожно открыл глаза и снова взглянул на Ники. При ярком свете мне хорошо было видно, что он почти не изменился: те же изящные, но сильные руки, те же большие спокойные карие глаза, тот же рот, который, несмотря на способность иронически и даже саркастически кривиться, оставался по-детски пухлым и вызывал желание его поцеловать.

Была в нем какая-то слабость, совершенно для меня непонятная и непостижимая. И все же мой Ники казался чрезвычайно умным, особенно в такие моменты, как сейчас, когда он слушал болтовню Жаннетт, погрузившись в какие-то свои мысли.

— Все очень просто,— тараторила Жаннетт, а Аючина согласно кивала головой.— Лестат женился. У него богатая жена, и он не хочет, чтобы она узнала, что в прошлом он был простым актером.

— Я считаю, что нам следует оставить его в покое,— добавила Аючина.— Он спас театр от закрытия и без конца осыпает нас подарками...

— А я в это не верю! — с горечью воскликнул Никола.— Он никогда не стал бы стыдиться нас.— В его голосе явственно слышались сдерживаемая ярость и бесконечная печаль.— Мне не дает покоя само его исчезновение. Ведь я слышал, как он звал меня! Окно к тому же оказалось разбитым вдребезги! Говорю вам, я наполовину проснулся и слышал его голос...

В комнате повисла напряженная тишина. Они не верили тому, что он говорил, не принимали его версии моего исчезновения из мансарды, но понимали, что если снова ему об этом скажут, то тем самым только отдалят его от себя и заставят страдать еще больше. Я отчетливо понял это, читая их мысли.

— Вы плохо знали Лестата,— угрюмо проговорил Никола, продолжая разговор.— Он плюнул бы в лицо любому, кто посмел бы стыдиться знакомства с нами. Он посылает мне деньги. И как же должен я вести себя в этой ситуации? Он всех нас дурачит.

Никто не произнес ни слова. Актеры были слишком практичны и рассудительны, чтобы порицать своего таинственного покровителя. Слишком уж хорошо все складывалось.

Молчание затянулось, и я отчетливо ощущал, как усиливается боль в душе Ники, как мучительно он страдает. Я заглянул в его мысли. И не смог этого вынести.

Мне было невыносимо думать, что я без ведома и против воли Ники копаюсь в его душе. Несмотря на это, я не мог не чувствовать, что в глубоких тайниках этой души царит темнота еще более мрачная, чем я мог себе представить, и он испытывает примерно то же, что чувствовал я тогда, в кабачке, но пытается это скрыть.

Я, можно сказать, видел тайные глубины, которые простирались далеко за пределы его разума, служившего как бы преддверием хаоса, который лежал по другую сторону черты, ограничивающей знания.

Мне стало очень страшно. Я не хотел этого видеть. Я не хотел чувствовать то, что чувствовал он сейчас.

Но что я мог для него сделать? Именно это было сейчас важнее всего. Возможно ли раз и навсегда прекратить его мучительную пытку?

Я испытывал непреодолимое желание дотронуться до него, прикоснуться к его рукам, лицу. Мне хотелось почувствовать

под своими теперь бессмертными пальцами его плоть. «Живой...» — слово это вырвалось у меня против воли. Да, Ники, ты жив и, следовательно, можешь умереть. И когда я смотрю на тебя, то вижу лишь нечто бестелесное, некую совокупность движений и неясных красок, словно ты напрочь лишен телесной оболочки и являешься средоточием тепла и света. Ты есть свет, а что же представляю собой я?

Я обречен вечно корчиться в пламени и, как мельчайшие частички золы, клубиться в воздухе.

Тем временем атмосфера в комнате изменилась. Лючина и Жаннетт вежливо прощались с хозяином. Но он не обращал на них никакого внимания. Он медленно поднимался из-за стола, не отрывая взгляда от окна, как будто услышал доносящийся оттуда зовущий тайный голос. Выражение его лица было совершенно непередаваемым.

Он знал, что я там!

В одно мгновение я взлетел по скользкой стене и оказался на крыше.

Однако я по-прежнему его слышал. Взглянув вниз, я увидел его руки, вцепившиеся в переплет окна. В абсолютной тишине я отчетливо ощущал охватившую его панику. Он чувствовал, что я где-то рядом. Заметьте, он сознавал мое присутствие точно так же, как я сознавал чье-то присутствие на кладбище. Но он отказывался верить своим ощущениям, пытаясь убедить себя в том, что этого не может быть, что Лестат не может находиться рядом.

Я был слишком потрясен, чтобы что-либо предпринять. Вцепившись в желоб на краю крыши, я услышал, как ушли гости, и понял, что Ники остался в одиночестве. Я способен был думать лишь об одном: чье же присутствие ощущает он сейчас, какова природа этого присутствия?

Ведь я уже не был Лестатом. Я превратился в демона, в жестокого и жадного вампира, и все же он чувствовал, что я рядом, что рядом с ним Лестат — юноша, которого он когда-то знал!

Это отнюдь не походило на ситуацию, когда кто-либо из смертных сталкивался со мной лицом к лицу и смущенно бормотал мое имя. В моей нынешней поистине чудовищной натуре Ники сумел уловить нечто такое, что он знал и любил.

Я перестал прислушиваться к нему и распластался на крыше.

И все же я отчетливо сознавал каждое его движение, слышал, как он ходит внизу, как направляется к фортепиано, берет в руки скрипку и вновь возвращается к окну.

Я зажал руками уши.

Но все равно услышал звук. Он рвался из скрипки и рассекал темноту ночи, словно сияющий свет, в корне отличающийся от реального, материального света, от воздуха и вообще от чего-либо существующего в природе. Казалось, он способен прорваться к звёздам.

Никола страстно водил смычком по струнам, и я ясно представлял себе, как он раскачивается взад и вперед, как прижимает склоненную голову к деке, как будто старается слиться с музыкой воедино. Но вскоре я совершенно перестал ощущать его — остались только звуки музыки.

Они были то продолжительными и вибрирующими, то превращались в доводящие до дрожи глиссады. Скрипка существовала и звучала сама по себе, делая остальные формы речи фальшивыми и лживыми. Мелодия наполнялась страстью, постепенно превращаясь в истинное воплощение отчаяния и горя. Создавалось впечатление, что ее красота не более чем ужасное совпадение, недоразумение, не имеющее ничего общего с реальностью.

Действительно ли он пытался выразить таким образом свою веру, те мысли и чувства, которые испытывал, когда я твердил ему о добродетели? Хотел ли он заставить скрипку высказать то, что было у него на душе? Сознательно ли извлекал из инструмента продолжительные, вязкие звуки, доказывая, что красота есть ничто, ибо исходит из переполняющего его отчаяния, и что она не имеет с отчаянием ничего общего, поскольку отчаяние не может быть прекрасным? И разве в таком случае красота не является воплощением страшной иронии судьбы?

Я не в силах был ответить на эти вопросы. Но, как всегда, звуки существовали отдельно от Ники. Они становились чем-то гораздо большим, чем просто выражение отчаяния. Словно воды, без каких-либо усилий стекающие по склонам гор и продолжающие путь по равнине, музыка постепенно замедляла течение, превращалась в плавную мелодию. Она становилась мрачнее и глубже, но в ней по-прежнему сохранялось нечто

буйное и одновременно целомудренное, строгое, способное разбить сердце. Теперь я лежал на крыше, обратив глаза к небу и глядя на звезды.

Недоступные взгляду смертных средоточия света... Фантомные облака... И доносящиеся снизу пронзительные звуки скрипки, свидетельствующие о предельном напряжении душевных сил...

Я лежал не шевелясь.

Я находился в странном состоянии молчаливого понимания того языка, на котором сейчас разговаривала со мной скрипка. Ах, Ники, если бы только мы могли поговорить... Если бы могли продолжить наши беседы...

Нет, красота вовсе не была обманом и не предавала его, как это ему казалось. Скорее, это была некая неведомая и неисследованная область, в которой каждый обречен совершить множество роковых промахов,— своего рода дикий и равнодушный ко всему рай, где нет четкого обозначения и разграничения понятий добра и зла.

Несмотря на все изящество и совершенство, достигнутые цивилизацией и отраженные в искусстве, будь то головокружительное волшебство струнного квартета или пышное великолепие картин Фрагонара, красота жестока и беспощадна. Она так же опасна и так же не признает никаких законов, как когда-то, за много веков до возникновения первой осознанной мысли в голове человека и до первых правил поведения, записанных им на глиняных табличках, был опасен и беззаконен мир. Красота всегда больше походила на Сад Зла.

Почему же тогда его ранило сознание того, что прекрасна даже та музыка, которая способна низвергнуть человека в бездну отчаяния? Почему мысли об этом причиняли ему боль, лишали веры и делали его циничным?

Понятия добра и зла были придуманы человеком. А человек, наверное, все же лучше, чем Сад Зла.

И тем не менее вполне возможно, что в глубине души Ники всегда мечтал о всеобщей гармонии. В отличие от него я был уверен в том, что она недостижима. Ники грезил не о добродетели, но о справедливости.

Как жаль, что нам уже не суждено поговорить с ним об этом. Никогда больше не окажемся мы с ним в кабачке. Про-

сти меня, Ники. Добро и зло все еще существуют, как существовали во все времена. Но наши с тобой беседы навсегда ушли в прошлое.

Однако, едва спустившись с крыши и в молчаливой задумчивости бредя прочь от Иль-Сен-Луи, я твердо знал, что собираюсь сделать. Хотя даже сам себе боялся в этом признаться.

Когда следующим вечером я прибыл на бульвар Тамплиеров, было уже очень поздно. Я хорошо подкрепился на Иль-де-ля-Сите, а в театре Рено первый акт представления был в самом разгаре.

12

Я был одет, как на прием при королевском дворе. На мне был костюм из серебряной парчи, а на плечах короткий плащ из нежно-голубого бархата. К поясу была прицеплена новая шпага с резной серебряной рукояткой, а башмаки украшали изысканные тяжелые пряжки. Я уже не говорю о таких непременных атрибутах костюма, как кружева, перчатки и шляпа. К дверям театра я подъехал в наемном экипаже.

Расплатившись с кучером, я прошел по аллее и открыл дверь, ведущую прямо за кулисы.

Меня тут же окружила до боли знакомая атмосфера, пропитанная запахами грима и дешевых костюмов, пропахших потом, духами и пылью. За беспорядочным нагромождением опор для декораций я увидел кусочек ярко освещенной сцены и услышал раздающиеся в зале взрывы хохота. Несколько акробатов ждали своей очереди, чтобы выступить в перерыве, а рядом с ними стояли клоуны в красных рейтузах, шляпах и гофрированных воротниках, украшенных золотыми колокольчиками.

На какой-то миг я почувствовал страх, от которого у меня даже закружилась голова. Мне вдруг показалось, что опасность поджидает меня со всех сторон, но в то же время было так чудесно снова оказаться здесь. В душе моей воцарилась печаль, хотя нет — это скорее можно было назвать паникой.

Первой меня заметила Лючина и тут же завизжала на весь театр. Мгновенно распахнулись двери крошечных, тесных гримерных. Подскочивший ко мне Рено схватил и крепко сжал мою руку. Там, где еще секунду назад были лишь деревянные декорации и полотнища кулис, теперь бурлило море взволнованных людей с красными и влажными от возбуждения лицами... Я непроизвольно отпрянул от канделябра с чадящими свечами и резко вскрикнул:

— Мои глаза!.. Потушите!..

— Потушите свечи! Разве вы не видите, что у него от света болят глаза?! — воскликнула Жаннетт, и тут же я почувствовал на щеке прикосновение ее влажных полуоткрытых губ.

Вокруг меня тесно сгрудилась вся труппа, даже акробаты, которые меня совсем не знали, даже старые художники и плотники, которые создавали декорации и которые в свое время столь многому меня научили.

— Позовите Ники! — приказала Лючина, и в этот момент я едва не закричал «нет».

Маленький театр задрожал от шквала аплодисментов. Занавес закрылся, и я очутился в объятиях старых актеров, а Рено уже требовал, чтобы принесли шампанского.

Я закрывал руками глаза, как будто, словно василиск, мог убить своих друзей одним взглядом. К тому же я чувствовал, как навернулись непрошеные слезы, и понимал, что должен смахнуть их, прежде чем кто-либо заметит, что они полны крови. Однако я был окружен таким тесным кольцом, что не имел никакой возможности вытащить из кармана носовой платок. Словно почувствовав вдруг ужасную слабость, я обхватил руками Жаннетт и Лючину и прижался к Лючине лицом. Обе они были легкими, как птички, как будто их кости были наполнены воздухом, а сердечки трепетали словно крылышки. Какие-то доли секунды я прислушивался к пульсирующей в них крови ушами вампира, но вдруг ощутил всю непристойность своего поведения. А потому я полностью отдался во власть их объятий и поцелуев, стараясь не обращать внимания на биение их сердец, полной грудью вдыхая исходящий от них запах пудры, снова и снова ощущая прикосновение влажных губ.

— Ты даже представить себе не можешь, как мы беспокоились! — громко ворчал Рено.— А потом все эти рассказы о твоем богатстве! Все, буквально все только об этом и говорили!

Он вдруг захлопал в ладоши.

— Ах, это месье де Валуа, владелец величайшего театрального заведения!..

Он произнес еще множество возвышенных и шутливых слов, заставляя все новых и новых актеров и актрис целовать мои руки — если бы мог, он, наверное, заставил бы их целовать мне ноги. Я крепко вцепился в девушек, словно готов был рассыпаться на куски, если меня оторвут от них. И вдруг... я услышал Ники, точнее, почувствовал, что он стоит не более чем в футе от меня, и понял, что он слишком рад меня видеть, чтобы я мог по-прежнему заставлять его страдать.

Я продолжал стоять с закрытыми глазами и ощущал, как его рука сначала коснулась моего лица, а потом крепко прижалась к затылку. По-видимому, все расступились, чтобы дать ему дорогу, и, когда мы оказались в объятиях друг у друга, в первый момент я задрожал от беспредельного ужаса. Однако тут же вспомнил, что вокруг царит полумрак и к тому же я подкрепился особенно основательно, чтобы согреться и походить на обыкновенного человека. Уже в следующее мгновение я забыл обо всем, кроме того, что вижу перед собой Ники.

Я взглянул ему прямо в лицо.

Как объяснить, какими мы видим живых людей? Я уже пытался это описать, когда говорил, что прелесть Ники для меня состояла в сочетании цвета и движения. Но вы даже представить себе не можете, что мы испытываем, видя перед собой человеческую плоть! В наших глазах живое существо состоит из миллиардов цветовых оттенков и мельчайших движений. Это сияние полностью гармонирует и смешивается с запахом человеческого тела. Красота — вот что такое для нас человеческое существо, если мы перестаем относиться к людям, даже к старым и больным, как к недостойным внимания жалким тварям, толпами снующим по улицам. Люди для нас словно распускающиеся цветы или бабочки, покидающие свои коконы и расправляющие крылья.

Так вот, именно таким я увидел Ники, почувствовал запах пульсирующей в нем крови и в течение нескольких поистине упоительных мгновений не испытывал ничего, кроме всепоглощающей любви к нему, затмившей все и заставившей забыть о мучивших меня страхах. Казалось, перестали существовать все

приобретенные мною способности, еще недавно приводившие меня в восхищение и вызывавшие порочный восторг. Возможно, мне доставляла безграничную радость мысль о том, что, несмотря на все сомнения, я способен любить.

Окружавшие смертных тепло и уют действовали на меня словно яд. Казалось, еще немного, и я закрою глаза, потеряю сознание и провалюсь в небытие, увлекая за собой Ники.

Но одновременно меня беспокоило и другое — нечто, заставлявшее собрать все силы и принуждавшее лихорадочно работать мой мозг. Я не хотел признаться в этом даже самому себе и в то же время понимал, что еще немного, и я потеряю над собой контроль. Я отлично сознавал, что это за ощущение — чудовищное, всепоглощающее и в такой же степени естественное для меня, в какой противоестественным был солнечный свет. Я жаждал Ники. Я жаждал его точно так же, как и любую другую свою жертву, добытую в битве на Иль-де-ля-Сите. Я хотел, чтобы его горячая кровь разливалась по моему телу, хотел попробовать ее на вкус, ощутить запах.

Маленькое здание сотрясалось от громких криков и взрывов хохота. Рено приказал акробатам начать выступление в антракте, а Лючина тем временем откупоривала шампанское. Мы же никак не могли разжать объятия.

Жар, исходящий от его тела, заставил меня напрячься и отпрянуть, хотя со стороны казалось, что я даже не пошевелился. Меня сводила с ума мысль о том, что этот человек, которого я любил так же, как любил мать и братьев, единственный, к кому я испытывал искреннюю нежность, был для меня неприступной крепостью, в то время как сотни других жертв доставались мне с необыкновенной легкостью. Он крепко сжимал меня в объятиях, даже не подозревая, как сильно я жажду его крови.

Именно таковым было мое предназначение. Именно этим путем я должен был теперь идти. Те, другие, убийцы и воры, которых я встречал и убивал на темных улицах Парижа, теперь ничего для меня не значили. Вот чего я хотел. В голове у меня словно взорвалось что-то, и мысль о возможной смерти Ники вызывала во мне благоговейный страх. Глаза мои оставались попрежнему закрытыми, но темнота приобрела кровавый оттенок. Я представил себе, как опустошается мозг Ники, как вместе с жизнью из него уходят последние частички разума.

Я не в силах был пошевелиться. Прижавшись губами к шее Ники, я будто чувствовал, как потоком перетекает в меня его кровь. Каждая клеточка во мне не переставая твердила: «Возьми его, унеси подальше отсюда его дух, пей, пей из него, пока... пока...» Пока что? Пока он не умрет!

Я разжал объятия и оттолкнул его от себя. Вокруг нас все веселились и громко шумели. Рено кричал на акробатов, которые не могли оторваться от этого зрелища. А публика в зале топала и хлопала, требуя обещанного развлечения в антракте. Оркестр заиграл веселую мелодию, которая должна была сопровождать выступление акробатов. Со всех сторон на меня натыкалась человеческая плоть. Я вдруг почувствовал себя на бойне и ощутил запах приговоренных к смерти. И реакция моя была неожиданно вполне человеческой — во мне поднялась и комом встала в горле тошнота.

Ники, казалось, утратил всю присущую ему уравновешенность. Встретившись с ним глазами, я увидел в его взгляде осуждение. Мне стало вдруг очень горько, больше того, я был на грани отчаяния.

Я резко рванулся, промчался мимо всех, мимо акробатов со звенящими колокольчиками, но, сам не знаю почему, бросился не к выходу, а к кулисам. Мне необходимо было увидеть сцену, необходимо было увидеть публику. Я должен был глубже проникнуть в нечто такое, чему сам не знал названия.

В тот момент я был как безумный, а потому слова «хотел» или «думал» абсолютно не соответствуют моему истинному состоянию.

Я чувствовал невероятную тяжесть в груди, и, словно кошка острыми когтями, внутри меня скреблась и рвалась наружу страшная жажда. Чтобы перевести дух, я прислонился к деревянной перекладине возле занавеса и тут же вновь вспомнил о Ники, о его боли и непонимании...

Я крепко вцепился руками в стропила и дал волю бушующей в груди жажде, готовой вот-вот разорвать мои внутренности. Перед глазами вереницей промелькнули все мои жертвы, отбросы общества, подонки, обитавшие в самом чреве Парижа. Я отчетливо осознал весь ужас своего положения, безумие избранного мною пути и связанную с ним необходимость постоянно лгать. Что за возвышенный идиотизм следовать пре-

зренной морали и во имя надежды на собственное спасение уничтожать тех, кто был проклят самой жизнью? Кем я себя вообразил? Тем, кто обладает правом наравне с парижскими судьями и палачами наказывать бедняков за те преступления, которые богатые совершают на каждом шагу?

Я пил крепкое вино из сосудов, от которых остались теперь одни осколки, а ныне передо мной стоял священник с золотой чашей в руках, и вино в этой чаше превратилось в кровь жертвенного ягненка.

— Что случилось, Лестат? Расскажи мне,— услышал я рядом с собой быстрый шепот Ники. Он оглянулся, чтобы убедиться в том, что нас никто не подслушивает.— Где ты пропадал? Что с тобой произошло?

— Отправляйтесь на сцену! — гремел голос Рено, обращенный к раскрывшим от удивления рты акробатам. Они промчались мимо нас к ярко освещенной рампе и принялись крутить серию сальто.

Оркестр снова заиграл, струны затрепетали, как птичьи крылья. На сцене возник круговорот ярких клоунских нарядов, зазвенели колокольчики... Публика неистово хлопала, отовсюду раздавались крики:

— Покажите нам что-нибудь действительно стоящее! Покажите, на что вы способны!

Лючина снова набросилась на меня с поцелуями, а я не мог оторвать взгляд от ее белоснежной шеи, от молочной белизны рук. Я отчетливо видел, как просвечивают под кожей лица Жаннетт сосуды, как медленно приближаются ко мне ее губы. Все шампанское давно было выпито. Рено произносил речь, говоря что-то о будущем «партнерстве», о том, что маленькое сегодняшнее представление — это только начало и в будущем наш театр станет самым большим на бульварах. Я увидел себя в гриме Лелио и услышал песенку, которую, опустившись на одно колено, пел Фламинии.

Прямо передо мной, на сцене, маленькие человечки продолжали усиленно кувыркаться и демонстрировать разные трюки, а когда тот, что был у них за главного, изобразил задом какое-то непристойное движение, публика в зале буквально взвыла.

Прежде чем успел сообразить, что делаю, я уже шагнул на сцену.

Я стоял на середине сцены, чувствуя жар огней рампы, от дыма которых щипало глаза. Внимательно оглядев переполненную галерку, ложи и уходящие вдаль до самой противоположной стены ряды партера, я рявкнул акробатам, чтобы они убирались.

Меня встретили оглушительным хохотом, насмешками и язвительными выкриками. На всех без исключения лицах я видел лишь ехидные улыбки. Я продолжал стоять, напевая песенку Лелио. Это была лишь часть партии, но именно эти слова я всегда бормотал себе под нос, гуляя по парижским улицам: «Прекрасная, прекрасная Фламиния...» — и так далее, набор каких-то бессмысленных фраз.

Вокруг стоял невообразимый шум, сквозь который до меня доносились оскорбительные выкрики.

— Продолжайте представление! Ты, конечно, красавчик, но мы хотим увидеть, что будет дальше!

С галерки прямо мне под ноги кто-то швырнул огрызок яблока.

Расстегнув застежку плаща, я скинул его на пол. Потом то же самое проделал со своей серебряной шпагой.

Песенку я пел теперь совсем тихо, почти про себя, но в голове моей громогласно звучали какие-то сумасшедшие поэтические строки. Я вновь отчетливо сознавал дикость и жестокость красоты, точно так же, как ощущал это накануне, когда слушал, как играет Ники. Казалось, что в ее непроходимых джунглях не было и не могло быть места такому заблуждению разума, как мораль. Перед моими глазами стояло видение, которое я созерцал, но не понимал его сути. Я лишь сознавал, что сам являюсь частью его, такой же реальной и естественной, как кот, равнодушно и бесстрастно вонзающий когти в спину визжащей крысы.

— Да, настоящая красавица — эта старуха с косой,— пробормотал я,— которая способна разом задуть «недолговечные свечи», унести отсюда все трепещущие живые души.

Однако слова оставались для меня недостижимыми.

Возможно, они плавали в каком-то ином пространстве, где царствовал некий бог, которому понятно было сочетание цветовых пятен на коже кобры или волшебство восьми нот, заставляющих музыку, звучащую из инструмента Ники, разры-

вать на части души, но которому абсолютно чужда заповедь «Не убий», не принимающая в расчет понятия красоты и уродства.

Из темноты на меня уставились сотни сальных физиономий. Неряшливые парики, фальшивые драгоценности, потрепанные наряды и кожа, словно вода обтекающая искривленные кости... На галерке свистели и топали нищие оборванцы — горбуны и одноглазые, вонючие калеки на костылях, с зубами цвета свежевырытого из могилы черепа...

Взметнув вверх руки и чуть согнув колени, я начал вертеться на месте, как это обычно делают акробаты и танцоры, без усилий все ускоряя и ускоряя темп, потом резко откинулся назад, стремительно прошелся колесом и следом сделал несколько сальто. Я старался вспомнить и повторить все, что мне когда-либо приходилось видеть во время выступлений акробатов на деревенских ярмарках.

Зал взорвался аплодисментами. Я был проворен и подвижен, как когда-то в родной деревне. Сцена казалась мне маленькой и тесной, потолок низким и давящим, а дым огней рампы окутывал меня и пытался удержать. Вновь на память мне пришла песенка, обращенная к Фламинии, и я запел ее во весь голос, не переставая одновременно кружиться, прыгать и вертеться на месте волчком. Обратив лицо к потолку, я чуть согнул колени и заставил тело рвануться вверх.

В одно мгновение я достиг перекрытий, коснулся стропил, а потом медленно и грациозно опустился обратно на сцену.

Зрители все как один вскрикнули. Толпа людишек в париках в изумлении застыла. Музыканты давно уже молчавшего оркестра удивленно переглядывались между собой. Им-то было доподлинно известно, что никакой проволоки не было.

А я, к удовольствию публики, снова вспорхнул вверх, на этот раз еще и крутя сальто. Поднявшись над расписной сценической аркой, я, медленно вращаясь, вернулся на подмостки.

Раздались громкие аплодисменты, перекрываемые криками и приветствиями, но те, кто оставался за кулисами, замерли в гробовом молчании. Стоявший впереди всех Ники беззвучно, одними губами, шептал мое имя.

— Это всего лишь трюк, фокус,— раздавалось со всех сторон.

Зрители обращались друг к другу, ища подтверждения своим словам. На мгновение передо мной мелькнуло лицо Рено с вытаращенными глазами и широко раскрытым ртом.

Но я уже начал новый танец. Теперь публику мало волновала его красота и грация. Я это отчетливо чувствовал, и потому танец мой постепенно превращался в своего рода пародию, каждое движение, каждый жест был шире, длиннее и медленнее, чем это мог позволить себе любой смертный танцор.

За кулисами кто-то вскрикнул, но ему тут же велели замолчать. Тихие вскрики раздавались из оркестра и из первых рядов партера. Людям становилось не по себе, они начали тихо переговариваться между собой. А столпившийся на галерке сброд по-прежнему что было мочи кричал и хлопал.

Неожиданно я сделал резкий выпад в сторону зрителей, словно хотел наказать их за грубость. Некоторые так испугались, что вскочили с мест и в поисках спасения бросились в проходы между рядами; один из музыкантов выронил из рук трубу и стремительно выбрался из оркестровой ямы.

Лица многих были искажены волнением и даже гневом. Что это еще за фокусы? Они больше не доставляли нублике удовольствия, потому что никто не мог понять природу моего мастерства. А кроме того, их пугала манера моего поведения и серьезное выражение лица. В какой-то момент я отчетливо осознал их полнейшую беспомощность.

И тогда понял, что они обречены.

Они были не более чем скопищем галдящих скелетов, покрытых плотью и одеждой. И тем не менее они храбрились и орали, движимые непреодолимой гордыней.

Я медленно воздел руки, призывая к вниманию, а потом хорошо поставленным голосом громко запел песенку, обращенную к Фламинии, к моей милой Фламинии. Я пел один куплет за другим, заставляя свой голос звучать все громче и громче, пока наконец публика не начала с воплями вскакивать со своих мест. Но голос мой продолжал усиливаться, заглушая все остальные звуки и превращаясь в невыносимый рев. Я видел их всех: сотни людишек, опрокидывая скамьи и зажав руками уши, бросились к выходу. Рты их были перекошены в немом крике.

Поистине вавилонское столпотворение! С воплями и проклятиями, шатаясь и спотыкаясь, они пытались вырваться из

этого кромешного ада. Занавес был сорван. Стремясь поскорее добраться до улицы, люди прыгали с галерки.

Я прекратил свое жуткое пение.

Наступила звенящая тишина. Я смотрел со сцены на эти слабые, потные, неуклюже разбегающиеся во все стороны тела. В открытые двери ворвался ветер, и я вдруг почувствовал, что руки и ноги мои почему-то застыли от холода, а глаза превратились в осколки стекла.

Ни на кого больше не глядя, я поднял с пола и прицепил на место шпагу, а потом пальцем подхватил за воротник измятый и покрытый пылью бархатный плащ. Мои движения были столь же нелепыми, как и все, что я только что делал, но для меня теперь ровным счетом никакого значения не имело то, что Никола беспрестанно выкрикивал мое имя и продолжал отчаянно вырываться из крепко державших рук друзей-актеров, которые опасались за его жизнь.

Однако среди царящего вокруг хаоса что-то привлекло мое внимание, что-то действительно очень важное, имевшее для меня большое значение. Это была фигура, стоявшая в одной из лож верхнего яруса. Незнакомец не только не бросился вместе со всеми к выходу — он даже не пошевелился.

Я медленно повернулся и посмотрел на него, словно бросая ему вызов и предлагая оставаться на месте. Он был стар, и во взгляде его я прочел бесконечное презрение. Яростно сверкнув глазами, я невольно зарычал. Казалось, этот звук вырвался из самых глубин моей души. Он становился все громче и громче, и те немногие, которые еще оставались внизу, совершенно оглохшие, трусливо бросились прочь. Даже Никола, рванувшийся было вперед, сник и скорчился на месте, зажав руками голову.

А старик в седом парике, исполненный негодования и возмущения, так и продолжал неподвижно стоять, упрямо и гневно сдвинув брови.

Я отступил назад, а потом пересек опустевший зрительный зал и остановился прямо напротив него. При виде меня он невольно раскрыл рот, а глаза его широко распахнулись.

Годы, судя по всему, наложили на него свой отпечаток: спина ссутулилась, а старческие руки стали узловатыми. Но в глазах отчетливо светились сильная воля и дух, чуждый суетности

и готовности к компромиссам. Рот был крепко сжат, а подбородок упрямо выступал вперед. Из-под полы сюртука он вытащил пистолет и, держа его обеими руками, прицелился прямо в меня.

— Лестат! — услышал я крик Ники.

Прогремел выстрел, и пуля со всей силой вошла в мое тело. Я даже не шевельнулся и продолжал стоять так же неподвижно, как за несколько минут до того стоял незнакомец. По всему телу прокатилась сильная боль, но быстро прошла, оставив после себя тянущее ощущение в венах.

Хлынула кровь. Такого сильного кровотечения мне никогда в жизни не приходилось видеть. Рубашка моментально намокла, и я почувствовал, как струя крови стекает по спине. Тянущее ощущение все усиливалось, по спине и груди побежали мурашки.

Незнакомец остолбенело смотрел на меня. Пистолет выпал из его рук. Вдруг голова его откинулась назад, глаза закатились, и он, съежившись, словно из него выпустили воздух, рухнул на пол.

Ники уже взлетел вверх по лестнице и ворвался в ложу. Думая, что присутствует при моей преждевременной кончине, он истерически бормотал что-то нечленораздельное.

А я неподвижно стоял, прислушиваясь к собственному телу и особенно остро чувствуя то одиночество, на которое был обречен с того момента, когда Магнус превратил меня в вампира. И я твердо знал, что ран на моем теле уже нет.

Кровь на шелковом жилете и на спине порванного камзола почти высохла. В том месте, куда вошла пуля, плоть слегка пульсировала, в венах по-прежнему сохранялось тянущее ощущение, но раны исчезли.

Никола уже пришел в себя и смотрел на меня во все глаза, видя, что я совершенно невредим, хотя его разум отказывался в это поверить.

Оттолкнув его с дороги, я направился к лестнице. Он попытался схватить меня, но я снова отшвырнул Ники в сторону. Я не в силах был смотреть на него, не мог выносить его запах.

— Отстань от меня! — крикнул я ему.

Но он вновь подскочил ко мне и крепко обнял за шею. Лицо его опухло, и он издавал какие-то ужасные звуки.

— Отпусти меня! — на этот раз с угрозой в голосе воскликнул я. Оттолкнув его слишком сильно, я рисковал вывихнуть ему руки или даже сломать спину.

Сломать спину...

Он плакал, заикался и стонал.

Какие-то мучительные доли секунды мне казалось, что звуки, которые он издавал, еще ужаснее, чем те, которые я слышал в горах, когда умирала, распластавшись словно раздавленное насекомое на снегу, моя любимая кобыла.

Едва ли сознавая, что делаю, я все же оторвал от себя его руки.

Когда я вышел на бульвар, толпа с воплями разбежалась в стороны.

Несмотря на то что его старались удержать силой, Рено бросился ко мне.

— Монсеньор! — воскликнул он, хватая и намереваясь поцеловать мою руку.

Заметив, что на ней кровь, он замер.

— Ничего страшного, мой дорогой Рено,— обратился я к нему, сам удивляясь спокойствию и мягкости своего голоса.

В этот момент что-то привлекло мое внимание, нечто такое, к чему я должен был прислушаться. Но мысль лишь смутно мелькнула в моей голове, и я продолжал:

— Не стоит думать об этом, мой дорогой Рено. Кровь на сцене не более чем иллюзия. Все это было обыкновенной иллюзией. Новейшие театральные приемы. Своего рода драма абсурда... да, именно абсурда.

И снова меня охватило странное ощущение. Я чувствовал, что в беспорядочной толпе вокруг меня, среди толкающихся и пихающих друг друга людей, стремящихся придвинуться поближе и при этом остаться на безопасном расстоянии, что-то есть. Никола застыл на месте и не сводил с меня ошеломленного взгляда.

— Продолжайте ставить спектакли,— продолжал я, не отдавая отчета в своих словах.— Пантомимы, трагедии, а если хотите, новомодные пьесы.

Вытащив из кармана пачку банкнот, я вложил ее в дрожащие руки Рено, а потом рассыпал на мостовой золотые монеты. Актеры боязливо бросились их подбирать, а я тем временем

внимательно оглядывал толпу, пытаясь определить источник странных ощущений. Что же это? Явно не Никола, сердце которого было окончательно разбито и который стоял неподвижно в дверях пустого и покинутого всеми театра, глядя на меня полными страдания и муки глазами.

Нет, это было что-то другое, одновременно и знакомое и незнакомое мне, имеющее отношение к силам тьмы.

— Наймите лучших мимов,— продолжал я тихо, и в горле у меня клокотало,— лучших музыкантов и художников-декораторов.

Я вытащил еще пачку банкнот. Голос мой постепенно набирал силу и становился больше похожим на голос вампира. Я видел, что лица окружающих вновь исказились и руки потянулись вверх, но они боялись при мне закрывать уши.

— В своих действиях вы не ограничены ничем. Абсолютно ничем!

Я пошел прочь, волоча за собой плащ. Шпага путалась под ногами и мешала, потому что я не закрепил ее как следует.

Что-то связанное с силами Тьмы...

Свернув в первую же боковую аллею и бросившись бежать, я немедленно понял, что именно я слышал, что на самом деле обратило на себя мое внимание. Это, несомненно, было то самое присутствие в толпе!

Причина моего внезапного прозрения была проста. Я бежал гораздо быстрее, чем мог бежать любой обыкновенный человек. И тем не менее существо, вернее на этот раз их было несколько, не отставало от меня ни на шаг.

Убедившись в правильности своих предположений, я резко остановился.

Я был всего лишь в миле от бульвара, на одной из самых темных и извилистых аллей. Прежде чем существа совершенно сознательно и намеренно затаились, я все же успел их услышать.

Я был слишком взволнован и расстроен, чтобы играть в их игры! Был слишком ошеломлен происходящим.

— Кто вы? Скажите же наконец! — как и прежде, обратился я к ним. В окнах соседних домов задребезжали стекла, а смертные вздрогнули в своих покоях. Поблизости не было ни одного кладбища.— Отвечайте, вы, скопище трусов! Говорите, если у вас есть голос, либо навсегда убирайтесь прочь!

И тут, сам не знаю каким образом, я понял, что они слышат меня и в состоянии мне ответить, если, конечно, пожелают. Я понял, что звуки, которые я слышал, были свидетельствами их близости и силы и что они прекрасно умеют скрываться, когда захотят. Также они умели маскировать свои мысли — чем сейчас и занимались. Следовательно, они обладали разумом и способностью говорить.

Я протяжно выдохнул.

Их молчание мучило и терзало меня, но гораздо большую боль мне причиняло то, что произошло, а потому, как поступал уже неоднократно, я снова повернулся к ним спиной.

Они последовали за мной. На этот раз они действительно меня преследовали и, как бы быстро я ни двигался, не отставали ни на шаг.

Странное бесцветное сияние, исходящее от них, постоянно оставалось в поле моего зрения до того самого момента, когда я достиг Пляс-де-Грев и вошел под своды собора Нотр-Дам.

Остаток ночи я провел в соборе, укрывшись в темном углу возле правой стены. Из-за потери крови я испытывал страшную жажду, и каждый раз, когда поблизости оказывался кто-либо из смертных, я чувствовал потягивание и покалывание в тех местах, где еще недавно были раны.

Но я терпеливо ждал.

Когда рядом со мной остановилась молодая нищенка с маленьким ребенком, я понял, что нужный момент наступил. Увидев засохшую на моей одежде кровь, она с готовностью вызвалась проводить меня в ближайшую больницу. Женщина была очень худа и голодна, и все же она обхватила меня своими маленькими руками и попыталась поднять с пола.

Я пристально смотрел ей в глаза, пока она сама не отвела взгляд. Я ощущал тепло, исходящее от скрытой под лохмотьями груди. Ее мягкое, сочное тело оказалось в моем полном распоряжении, и я прижался к ней окровавленными кружевами и парчой. Я стал целовать ее, впитывая в себя ее тепло, потом откинул с шеи грязные лохмотья и сумел впиться в нее так виртуозно, что спящий ребенок ничего не почувствовал и не увидел. Чуть позже я дрожащими пальцами осторожно расстегнул во-

ротник детской рубашечки. Эта маленькая нежная шейка тоже была моей.

У меня нет слов, чтобы описать свой восторг. И прежде, похищая и убивая людей, я испытывал восхитительный экстаз. Но этих двоих я взял в объятиях любви. Невинность и добродетель делали их кровь еще теплее и богаче на вкус.

Я смотрел на них, лежащих рядом и прекрасных в своем смертельном сне, и думал о том, что в ту ночь им не удалось найти спасение под сводами собора.

И я знал, что́ Сад Зла, который являлся мне в моем видении, вполне реален. Да, в мире существуют законы и понятие неизбежности, но все это относится к области эстетики. В диком саду эти невинные души оказались в руках вампира. О мире в целом можно рассказать тысячи разных вещей, но только эстетические принципы подвержены изменениям, а такого рода факты и обстоятельства не меняются никогда.

Теперь я мог вернуться к себе. Забрезжило утро, и по пути домой я думал о том, что последний барьер между моими потребностями и остальным миром разрушен.

Ни одна душа, пусть даже самая невинная, не могла теперь чувствовать себя в безопасности рядом со мной. В том числе и мой любезный друг Рено, и мой возлюбленный Ники.

13

Я решил, что все они должны уехать из Парижа. Я хотел, чтобы со стен исчезли афиши и двери были заперты на замок, чтобы внутри маленького, похожего на крысоловку театра, в котором мне довелось познать величайшее доступное смертному счастье, царили темнота и тишина.

Я думал об этом постоянно, и даже дюжина жертв за ночь не избавляла меня от этих мыслей и от боли, которую они мне доставляли. Все мои блуждания по Парижу неизменно заканчивались возле дверей театра Рено.

При одном воспоминании о том, как я напугал своих друзей, мне становилось ужасно стыдно. Как мог я так поступить? Неужели только таким жестоким образом я мог доказать себе, что никогда больше не суждено мне стать прежним Лестатом?

Что ж. Я купил театр Рено, сделал его главной достопримечательностью бульваров, а теперь вправе его закрыть.

И дело не в том, что они что-то заподозрили. Нет. Они поверили глупейшим объяснениям, придуманным Роже, который сказал им, что я лишь недавно вернулся из наших колоний в жарких тропиках и доброе парижское вино ударило мне в голову. К тому же они получили значительную сумму денег на ремонт театра.

Одному Богу известно, что они думали на самом деле. Но так или иначе, уже со следующего вечера они вновь давали представления, а люди, толпами заполнявшие бульвары, придумали дюжину трогательных и вполне правдоподобных историй, объясняющих причину случившегося кошмара.

Только Ники не принимал в этом никакого участия. Он стал много пить и отказывался не только вернуться в театр, но и продолжать учиться музыке. Когда Роже пришел его навестить, он набросился на него с оскорблениями. Он проводил время в самых грязных тавернах, а по ночам бродил по самым темным и опасным улицам.

«Что ж, в этом мы с ним очень похожи»,— подумал я.

Пока Роже рассказывал мне о последних событиях, я ходил из угла в угол, стараясь держаться подальше от стоящего на столе канделябра со свечами, чтобы адвокат не заметил ясно читающихся на моем лице мыслей и чувств.

— Для этого молодого человека деньги ровным счетом ничего не значат,— говорил Роже.— Он напомнил мне, что в молодости у него было полно денег. И он говорит такие вещи, которые меня очень тревожат, монсеньор.

В ночном колпаке и фланелевой рубашке Роже напоминал мне персонаж из детской песенки. Он был босиком, потому что я снова поднял его с кровати посреди ночи и даже не дал времени надеть тапочки и причесаться.

— Что именно он сказал?

— Монсеньор, он все время твердит о колдовстве и черной магии. Говорит, что вы наделены сверхъестественными силами. Вспоминает Ла Вуазин, колдунью, поставлявшую разные мази и яды для королевского двора, и громкое дело по обвинению ее в черной магии во времена правления Короля-Солнце.

— Кто сейчас верит в подобную галиматью? — Я изобразил полнейшее замешательство, в то время как в действительности волосы мои буквально встали дыбом.

— Монсеньор, он говорит еще более странные и неприятные вещи. Якобы ваша милость — это он вас так называет — всегда имели доступ к великим тайнам. И без конца говорит о каком-то месте в ваших родных местах — о какой-то поляне ведьм.

— Моя милость?

— Он утверждает, монсеньор, что вы принадлежите к аристократическому роду.— Роже был очень смущен.— Когда человек в таком гневе, в каком был монсеньор де Ленфен, подобного рода вещи кажутся очень важными. Однако он ни с кем, кроме меня, не делится своими подозрениями. Он говорит, что вы поймете, почему он сердится на вас. Ведь вы не захотели поделиться с ним своими открытиями. Да-да, монсеньор, именно открытиями. Он снова и снова вспоминает о Ла Вуазин, о каких-то явлениях, которым нет разумного объяснения. И еще говорит, что знает теперь, почему вы так плакали на поляне ведьм.

У меня не было сил взглянуть в лицо Роже. Какое милое, но при этом совершенно извращенное представление! Однако он попал в самую точку. Это было одновременно и восхитительно, и в корне неверно. Но все же Ники по-своему был прав.

— Вы так добры, монсеньор...

— Ах, избавьте меня от комплиментов...

— Но монсеньор де Ленфен рассказывает совершенно фантастические вещи — такие, о которых не следовало бы упоминать даже в наше время. Он говорит, например, что отчетливо видел, как в вас попала нуля, и что вы непременно должны были умереть.

— Пуля пролетела мимо,— сказал я.— Роже, хватит об этом. Сделайте так, чтобы они убрались из Парижа. Абсолютно все.

— Заставить их уехать? Но вы вложили в этот маленький театрик столько денег!

— Ну и что? Кто посмеет меня упрекнуть за это? Отправьте их в Лондон, на Друри-лейн. Дайте Рено достаточно денег, чтобы он мог купить собственный театр в Лондоне. Оттуда они

могут поехать в Америку, в Сан-Доминго, в Новый Орлеан, в Нью-Йорк... Сделайте это, месье. Меня совершенно не волнует, сколько это будет стоить. Закройте мой театр и уберите их всех из Парижа.

Я не сомневался, что боль моя тогда пройдет. Я перестану представлять себе, как они окружают меня за кулисами, не буду больше мучиться воспоминаниями о Лелио, о провинциальном юноше, который с удовольствием выносил за актерами мусор и помойные ведра.

Роже выглядел смущенным и испуганным. Каково это — служить богатому психу, который платит тебе втрое больше, чем другие, только за то, чтобы ты навсегда позабыл о здравом смысле?

Мне никогда этого не узнать. Никогда больше я не узнаю, что такое быть человеком!

— Что же касается Никола,— продолжал я,— то вам предстоит убедить его отправиться в Италию. Я подскажу, как это сделать.

— Монсеньор, его трудно уговорить даже сменить одежду!

— Это будет значительно легче. Вам известно, что моя мать очень больна. Так пусть он сопровождает ее в Италию. Это прекрасно во всех отношениях. Он сможет учиться музыке в консерватории Неаполя, а именно туда и едет моя матушка.

— Да... он пишет ей... он ее очень любит.

— Вот именно. Убедите его в том, что без него она не перенесет путешествие. Подготовьте все необходимое. Месье, я приказываю вам исполнить все должным образом. Он должен уехать из Парижа! Даю вам срок до конца недели. Когда я появлюсь здесь в следующий раз, хочу услышать, что он покинул Париж.

Я понимал, что требую от Роже слишком многого. Однако другого выхода я не видел. Выдумкам Ники о колдовстве никто, конечно же, не поверит. Об этом и волноваться не стоило. Но в том, что Ники постепенно сойдет с ума, если и дальше будет оставаться в Париже, у меня не было абсолютно никаких сомнений.

Ночь за ночью каждую минуту своего бодрствования я боролся с собой, не позволяя себе отправиться на поиски Ни-

ки. Слишком рискованной могла оказаться наша последняя встреча.

Я просто ждал, в глубине души отчетливо сознавая, что теряю его навсегда и он никогда не узнает о том, что послужило причиной всего случившегося. Я, который совсем недавно жаловался на бессмысленность нашего существования, теперь гнал Никола без всяких объяснений. Подобная несправедливость с моей стороны будет мучить его до конца жизни.

Но так лучше, чем рассказать тебе правду, Ники! Я лишился многих иллюзий и стал лучше разбираться во многом. Если только тебе удастся увезти в Италию мою мать, если у нее еще осталось время...

Между тем я смог лично убедиться в том, что театр Рено закрылся. В соседнем кафе я услышал разговоры о том, что труппа отправляется в Англию. Итак, хотя бы эта часть моего плана была успешно выполнена.

Подходила к концу восьмая после нашей последней встречи с Роже ночь. Почти перед самым рассветом я подошел к двери его дома и позвонил.

Он открыл мне быстрее, чем я ожидал, и, хотя одет он был, как и всегда, в белую фланелевую ночную рубашку, выглядел Роже чрезвычайно обеспокоенным и растерянным.

— Ваш наряд начинает мне нравиться, месье,— сказал я.— Мне кажется, что я далеко не так доверял бы вам, будь вы одеты в камзол и рубашку со штанами...

— Монсеньор,— перебил он меня,— случилось нечто непредвиденное...

— Сначала ответьте, благополучно ли Рено и остальные добрались до Англии.

— Да, монсеньор, они уже в Лондоне, но...

— А Ники? Он уже в Оверни? Вместе с моей матерью? Ну же, скажите мне, что это так, что все уже сделано!

— Но монсеньор!..— начал было он и тут же замолчал.

Вдруг совершенно неожиданно для себя я отчетливо увидел в его мыслях образ моей матери.

Будь я в состоянии думать, я немедленно понял бы, что это означает. Ведь этот человек, насколько мне было известно, ни-

когда не встречался с моей матерью. Так откуда же в его голове мог возникнуть ее образ? Однако я не способен был рассуждать здраво. Разум, можно сказать, покинул меня.

— Ведь она не... Не хотите ли вы сказать, что уже слишком поздно?..

— Позвольте мне надеть камзол...— совершенно не к месту сказал Роже и потянулся к звонку.

И снова перед моими глазами возник ее образ. Я так ясно увидел ее бледное, изможденное лицо, что вынести это оказалось выше моих сил.

— Вы с ней виделись! Она здесь! — воскликнул я, хватая и встряхивая его за плечи.

— Да, монсеньор, она в Париже. Я немедленно провожу вас к ней. Молодой де Ленфен сообщил мне о ее приезде, но у меня не было возможности связаться с вами, монсеньор. Ведь я даже не знаю, где вас искать! И вот вчера она приехала.

Я был слишком потрясен, чтобы ответить. Я рухнул в кресло, и воспоминания о ней, ее образ, хранившийся в моей памяти, заставили меня совершенно забыть о Роже — я его больше не слышал. Она жива! И она в Париже! И Ники тоже здесь, рядом с ней!

Роже подошел ближе и протянул руку, словно хотел, но не решался дотронуться до меня.

— Монсеньор, пока я одеваюсь, вы можете пойти туда без меня. Это на Иль-Сен-Луи, через три двери от квартиры монсеньора Никола. Лучше вам не медлить.

Я тупо смотрел на него, но ничего не видел. Передо мной стоял ее образ. До восхода солнца оставалось меньше часа. А чтобы добраться до башни, мне необходимо не менее трех четвертей часа.

— Завтра... завтра ночью...— пробормотал я и вспомнил вдруг строки из шекспировского «Макбета»: «Завтра... завтра... завтра...»

— Вы не поняли меня, монсеньор! Вашей матери уже не суждено отправиться в Италию! Свое последнее в жизни путешествие она совершила сюда — и только затем, чтобы увидеться с вами!

Обеспокоенный моим молчанием, он попытался встряхнуть меня. Таким мне еще не приходилось его видеть. Сейчас он был

взрослым мужчиной, а я для него — лишь маленьким мальчиком, которого он пытался образумить и привести в чувство.

— Я снял для нее квартиру,— говорил он,— нанял сиделок и докторов, сделал все необходимое. Но все они бессильны сохранить ей жизнь. Лишь вы еще удерживаете ее на этом свете. Желание увидеть вас, прежде чем ее глаза закроются навсегда. А потому забудьте о том, который сейчас час, и отправляйтесь к ней немедленно! Ибо даже такая сильная воля, какой обладает она, не способна сотворить чудо.

Я был не в состоянии отвечать. Не мог мыслить здраво.

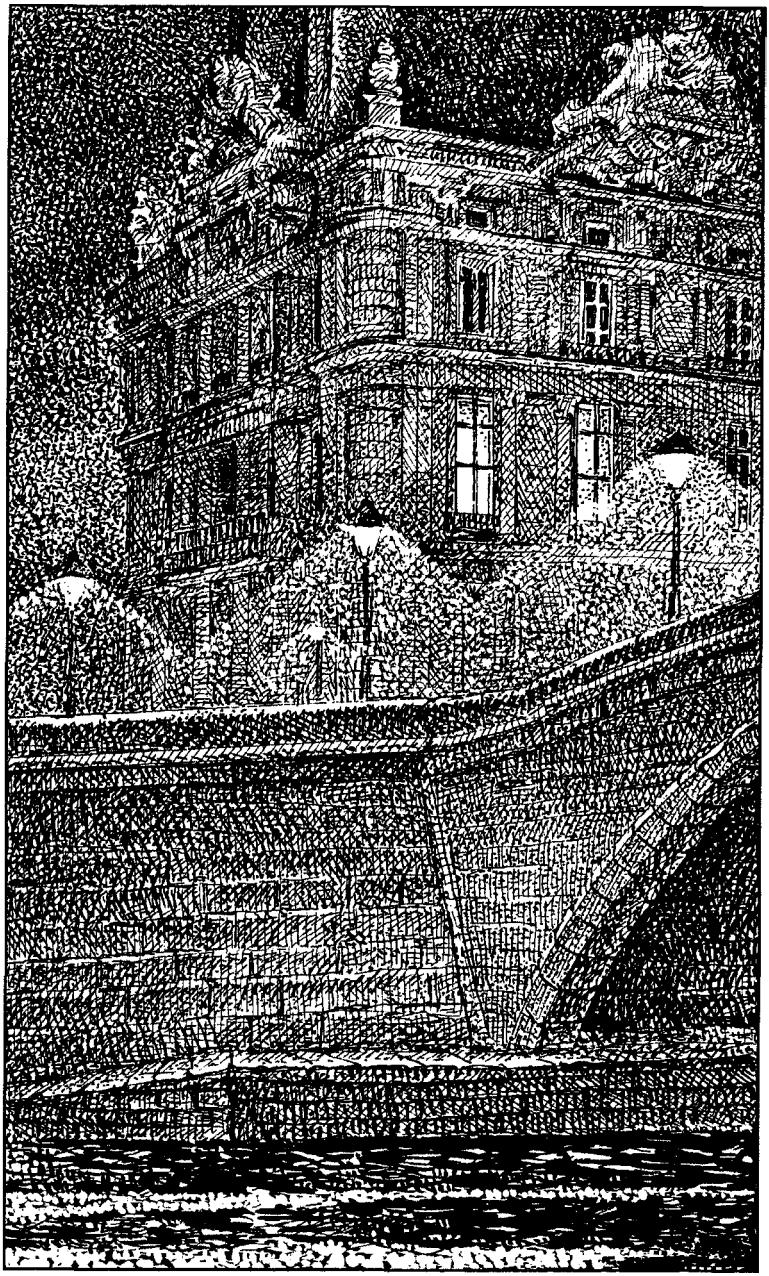
Вскочив с кресла, я бросился к двери, увлекая за собой Роже.

— Вы сейчас же пойдете к ней,— твердил я,— и скажете, что я буду у нее завтра вечером.

Роже в ответ покачал головой. Он был сердит на меня и раздражен, а потому попытался повернуться ко мне спиной.

Но я не позволил ему сделать это.

— Немедленно отправляйтесь к ней, Роже,— велел я.— Вы будете весь день сидеть рядом с ней и позаботитесь о том, чтобы она меня дождалась! Вы поняли меня? Чтобы она дождалась моего прихода! Следите за ней даже во время сна! Разбудите ее и говорите с ней, если почувствуете, что она уходит! Но только не позволяйте ей умереть до моего прихода!

Часть III

ПРИЧАСТИЕ ДЛЯ МАРКИЗЫ

1

С точки зрения вампиров, я ранняя пташка. Я просыпаюсь, когда солнце только скрывается за горизонтом и в небе горит красный закат. Многие вампиры встают не раньше чем наступает полная темнота, а потому у меня есть большое преимущество перед ними. К тому же они вынуждены возвращаться в свои могилы на целый час раньше, чем я. Я не упоминал об этом, потому что сам ничего не знал. Лишь много позднее это стало иметь для меня значение.

Вечером следующего дня я отправился в Париж, когда небо на горизонте было еще багровым.

Прежде чем скользнуть в саркофаг, я надел самый лучший из всех имевшихся у меня костюмов и вот теперь мчался вслед за солнцем на запад, в сторону Парижа.

Мне казалось, что город охвачен пламенем — так ярок и ужасен был для меня небесный костер. Наконец я, задыхаясь, пересек мост и оказался на Иль-Сен-Луи.

Я не задумывался о том, что буду говорить или делать и каким образом мне удастся скрыть от матери свое превращение. Я знал лишь, что должен непременно увидеть ее, обнять и быть с ней рядом, пока еще есть время. Я не верил, что она действительно может умереть. Для меня это было равносильно катастрофе и казалось столь же страшным, как и пылающее на закате небо. Возможно, во мне еще оставалось что-то от обыкновен-

ного смертного, ибо в глубине души теплилась надежда, что если я сумею исполнить ее последнее желание, то каким-то образом смогу помочь ей.

Кровавый закат почти догорел, когда я отыскал на набережной ее дом.

Это был весьма элегантный особняк. Роже неукоснительно исполнил все мои приказания, и внизу ждал привратник, готовый проводить меня наверх. Войдя в гостиную, я увидел двух горничных и сиделку.

— Месье,— обратилась ко мне сиделка,— сейчас с ней месье де Ленфен. Она настояла на том, чтобы ей помогли одеться перед встречей с вами. Попросила усадить ее у окна, чтобы полюбоваться башнями собора, и видела, как вы пересекли мост.

— Потушите в комнате все свечи, кроме одной,— приказал я,— и попросите месье де Ленфена и моего адвоката выйти.

Роже вышел сразу, следом за ним появился Никола. Он тоже принарядился — на нем был костюм из красного бархата, отделанная с присущим ему вкусом рубашка и белые перчатки. Из-за того, что в последнее время он много пил, Никола выглядел похудевшим, можно даже сказать, изможденным. Однако от этого он стал еще красивее. Встретившись с ним глазами, я прочел в них такое презрение, что у меня защемило сердце.

— Сегодня маркиза чувствует себя немного лучше, монсеньор,— сказал Роже,— но у нее сильное кровотечение. Доктор говорит, что она не...

Он замолчал и оглянулся на дверь комнаты. Я, однако, отчетливо прочитал его мысли и понял, что она не доживет до утра.

— Пожалуйста, монсеньор, уговорите ее как можно скорее вернуться в постель.

— Ради чего я стану укладывать ее в кровать? — ответил я.— А если она желает умереть возле этого чертова окна? Кто может ей запретить?

— Монсеньор...— умоляющим тоном прошептал Роже.

Мне отчаянно хотелось послать его к дьяволу вместе с Ники.

Однако со мной происходило что-то странное. Я вышел в холл и взглянул в сторону спальни. Она была там. Я чувствовал, что во мне что-то меняется. У меня не было сил ни пошевелиться, ни заговорить. Она была там, и она действительно умирала.

Все звуки слились для меня в сплошной гул. Сквозь полуоткрытые створки дверей я увидел изящно обставленную спальню: выкрашенную в белый цвет кровать под золотым балдахином, такие же расшитые золотом шторы на окнах,— а за высокими стеклами темнело небо с бегущими по нему легкими, чуть золотистыми облачками. Но все это я видел неясно, словно сквозь пелену. Меня не переставала мучить мысль о том, что наконец-то я дал ей ту роскошь, о которой мечтал, но лишь затем, чтобы она смогла умереть среди красоты и богатства. Хотел бы я знать, сходит ли она с ума от всего этого или иронически улыбается.

Пришел врач. Сиделка вышла из комнаты и сказала, что мое приказание выполнено: все свечи, кроме одной, потушены. Я почувствовал смешанный запах лекарств и розового масла и неожиданно обнаружил, что могу читать ее мысли.

Я ощутил, как слабо пульсирует ее мозг, как все внутри у нее болит. Она ждала меня возле окна, но сидеть даже в таком удобном и мягком, обитом бархатом кресле было для нее сущей мукой.

Полное отчаяния ожидание поглощало все ее мысли, и я мог отчетливо слышать только одно слово: «Лестат, Лестат, Лестат...» Но потом услышал и другое: «Пусть эта боль станет еще сильнее, потому что, только когда она становится поистине непереносимой, я хочу умереть. Если боль будет настолько ужасной, что я буду счастлива умереть, я перестану бояться. Я хочу, чтобы она стала достаточно сильной и победила мой страх».

— Месье,— услышал я голос доктора и почувствовал, как он взял меня за руку,— вы не хотите пригласить священника?

— Нет... она не захочет.

Она повернула голову к двери. Если я немедленно не войду, она непременно встанет и, несмотря на ужасную боль, бросится мне навстречу.

Мне казалось, что я не в состоянии сдвинуться с места. Однако, оттолкнув врача и сиделку, я вбежал в комнату и закрыл за собой дверь.

Запах крови...

Одетая в платье из голубой тафты, освещенная льющимся из окна сумеречным лиловатым светом, она была прекрасна. Одна ее рука лежала на колене, другая — на подлокотнике

кресла, густые светлые волосы, зачесанные за уши и перевязанные розовой лентой, локонами спадали на плечи. На щеках играл легкий румянец.

На какое-то мгновение она показалась мне такой же, какой я привык видеть ее в детстве. Такой же красивой. Время и болезнь не уничтожили правильность ее черт, не тронули волосы. Сердце мое разрывалось от счастья, мне почудилось, что я по-прежнему обыкновенный смертный, что ничего не случилось и все у нас действительно хорошо, я ощутил тепло ее присутствия рядом.

Не было ни смерти, ни прежних кошмаров. Мы снова сидим с ней в ее спальне, и она сейчас прижмет меня к себе. Я остановился.

Я успел подойти к ней почти вплотную, когда она подняла лицо, и я увидел, что она плачет. Корсаж сшитого по парижской моде платья туго обтягивал ее грудь, а кожа на руках и шее была такой прозрачной и бледной, что я невольно отвел взгляд. Я увидел синяки под ее полными слез глазами и вдруг явственно почувствовал запах смерти и разложения.

Но это была она, моя мать, и она сияла от счастья. Для меня она оставалась прежней, и я усилием воли постарался беззвучно сказать ей, что она такая же, как и в моих детских воспоминаниях, когда со вкусом и элегантным изяществом носила свои старые платья или одевалась с особой тщательностью, сажала меня в карете к себе на колени и отправлялась вместе со мной в церковь.

Странно, но в ту минуту, когда я молча высказывал ей свое обожание, я вдруг понял, что она слышит меня и в ответ говорит о том, что всегда любила и любит меня.

Таким образом она ответила на вопрос, который я даже не успел задать. Она понимала всю важность происходящего, но взгляд ее оставался чистым и что-либо прочесть в нем было невозможно.

Даже если ей и показалось странным, что мы можем беседовать вот так, не произнося ни слова вслух, она ничем не выдала своего удивления. Я не сомневался в том, что она не осознает всего до конца. Скорее, она воспринимала происходящее как проявление и следствие нашей безграничной любви друг к другу.

— Подойди поближе, чтобы я могла как следует рассмотреть тебя, увидеть, каким ты теперь стал.

Горящая свеча стояла рядом с ней на подоконнике, и я намеренно столкнул ее за окно. Я увидел, что она нахмурилась, светлые брови сошлись на переносице, а голубые глаза потемнели и расширились, когда она обратила взгляд на мой костюм из шелковой парчи, на украшающие его кружева и на висящую у бедра шпагу с отделанной драгоценными камнями рукоятью.

— Почему ты не хочешь, чтобы я видела тебя? — спросила она.— Ведь я приехала в Париж только ради встречи с тобой. Зажги новую свечу.

В словах ее, однако, не крылось и тени упрека. Я был здесь, рядом с ней, и этого для нее было вполне достаточно.

Я встал возле нее на колени. В голове моей крутились какие-то вполне достойные обыкновенного смертного мысли, я хотел сказать ей о том, что она должна отправиться вместе с Ники в Италию. Но она ответила мне прежде, чем я успел открыть рот.

— Слишком поздно, дорогой. Мне уже не по силам такое путешествие. Болезнь зашла чересчур далеко.

Приступ боли, охватившей стянутую корсетом грудь, заставил ее замолчать, и, чтобы скрыть муки от меня, она постаралась придать лицу непроницаемое выражение. В эту минуту она была похожа на юную девушку, а я вновь почувствовал, как она слаба, как разрушены болезнью ее легкие, и ощутил скопившиеся в них сгустки крови.

Мозг ее превратился в сплошной океан страха. Ей отчаянно хотелось крикнуть, что она боится. Она хотела умолять, чтобы я оставался рядом с ней до самого конца, но не отваживалась. К своему удивлению, я обнаружил, что она страшится моего отказа. Она считала, что я слишком беспечен и молод, чтобы понять ее.

Это было ужасно.

Я даже не помнил, как оторвался от нее, но вдруг осознал, что хожу из угла в угол комнаты. В моем сознании отпечатывались какие-то совершенно незначительные детали: играющие нимфы на расписном куполе потолка, позолоченные ручки на высоких створках дверей, оплавившийся воск, сталактитами застывший на свечах, которые мне хотелось сжать и раскрошить в руках. Убранство комнаты показалось мне отвратитель-

но вычурным. Возможно, и ей здесь тоже не нравится? Быть может, она мечтает вернуться обратно в лишенные каких-либо украшений каменные покои замка?

Я продолжал думать о ней так, будто впереди у нее было еще «завтра, завтра и завтра...» Я оглянулся и взглянул на ее все еще величественную фигуру. Она сидела, крепко вцепившись руками в подоконник. Небо за окном совсем потемнело, и теперь на маленьком треугольнике ее лица играли отблески другого света — городских огней и фонарей проезжавших по набережной экипажей.

— Почему бы тебе не поговорить со мной? Почему бы не рассказать, как все случилось? Ты сделал нас бесконечно счастливыми.— Я заметил, что даже слова причиняют ей боль.— Но как живется тебе? Тебе самому!

Думаю, что в тот момент я готов был обмануть ее, излить потоки лжи, рассказать о своем довольстве и благополучии. Мне уже не раз приходилось обманывать смертных с поистине бессмертным мастерством. Я готов был говорить и говорить, тщательно обдумывая каждое слово. Но в наступившей тишине что-то вдруг изменилось.

Не думаю, что я молчал более минуты, но за это время внутри меня все перевернулось, словно произошло таинственное превращение. На мгновение передо мной открылась одновременно прекрасная и ужасная возможность, и в ту же секунду я принял решение.

У меня не было ни плана, ни готовых слов. Более того, если бы в тот момент кто-то спросил меня, действительно ли я собираюсь это сделать, я бы решительно все отрицал, говоря, что у меня и в мыслях не было ничего подобного, не такое уж я чудовище, чтобы... Однако выбор был сделан.

Я понял нечто очень важное.

Она не проронила ни слова. Ее вновь охватили страх и боль. Но, не обращая внимания на муку, она встала с кресла.

Я видел, как соскользнул укрывавший ее плед, как она приближается ко мне, и знал, что должен остановить ее, однако не сделал этого. Она протянула руки, хотела обнять меня, но внезапно, словно от сильного порыва ветра, отпрянула назад.

Она попятилась по ковру, споткнулась о кресло и рухнула, ударившись о стену. Она застыла на месте, но на лице ее не бы-

ло страха, хотя я слышал, как лихорадочно бьется ее сердце. Удивление мгновенно сменилось абсолютным спокойствием.

Не помню, о чем я тогда думал, и думал ли вообще. Я направился к ней так же решительно, как до того она направлялась ко мне. Внимательно следя за ее реакцией, за каждым движением, я подходил все ближе и ближе, пока не оказался так же близко, как стояла ко мне она, прежде чем отшатнуться. Она всматривалась в мои глаза, в мое лицо, а потом вдруг протянула руку и дотронулась до моей щеки.

«Не живой! — услышал я ее безмолвный вскрик.— Он изменился, но он *не живой!»*

Я мысленно ответил, что она не права. А потом мысленно же развернул перед ней множество картин и видений, рассказывающих о моем теперешнем положении и образе существования: отрывочные фрагменты ночной жизни Парижа, ощущение лезвия, беззвучно рассекающего мир...

Она с шумом выдохнула. Когтистая лапа боли вновь схватила ее. Она сглотнула и крепко сжала губы, чтобы не дать вырваться крику, но вместе с тем буквально обожгла меня пристальным взглядом. Теперь она понимала, что наше общение происходит не на уровне чувств, но на уровне мыслей.

— Рассказывай же,— требовательно произнесла она.

Я не стал спрашивать, что именно она хочет услышать. Вместо этого я подробно рассказал ей свою историю. О том, как был похищен проникшей в нашу комнату через разбитое окно таинственной личностью, следившей за мной в театре, о башне и обмене кровью. Я описал ей склеп, в котором спал, и находящиеся в нем сокровища, свои блуждания, приобретенные способности и власть, а под конец раскрыл природу той жажды, которую испытывал. Я говорил о вкусе и запахе крови и о том, какие жадность и страсть она во мне пробуждает, об остром желании, охватывающем все мое существо, о желании, которое может быть удовлетворено только насыщением, а цена этому насыщению — смерть.

Она перестала чувствовать терзавшую ее боль. Казалось, что живыми в ней остались только глаза, и эти глаза неотрывно смотрели на меня. Опасаясь, что не сумел объяснить ей все до конца, я обнял ее и медленно повернулся так, чтобы свет от фо-

нарей проезжающих за окном экипажей падал прямо на мое лицо.

По-прежнему не отводя взгляд, я взял с подоконника серебряный канделябр и сжал его пальцами, согнув и превратив в бесформенное переплетение изгибов и спиралей.

Свечи упали на пол.

Глаза ее закатились. Она вновь отшатнулась от меня и, скользнув по стене, вцепилась в край балдахина. На губах ее выступила кровь.

Она зашлась в беззвучном кашле, и кровь хлынула из легких потоком, заливая пол возле кровати, в то время как мать, склоняясь все ниже и ниже, опускалась на колени.

Взглянув на дурацкое серебряное месиво, по-прежнему зажатое в руке, я уронил его на пол. Я смотрел, как она пытается справиться с болью и не упасть в обморок, как неестественно медленными, будто у пьяного, движениями вытирает с губ кровь, я видел испачканные простыни... Но тут силы ее иссякли, и она рухнула на пол.

Я продолжал стоять над нею. Я смотрел на нее и думал о том, что сиюминутная боль ничто в сравнении с теми обещаниями, которые я сейчас давал ей. Мною не было произнесено ни слова, поток речи был безмолвным, так же как и мои вопросы, не сравнимые ни с какими другими, когда-либо заданными вслух:

«Хочешь ли ты пойти со мной? Хочешь ли пережить все это вместе со мной?

Я ничего от тебя не скрываю — ни своего невежества, ни своего страха, ни ужаса при мысли о том, что я могу потерпеть неудачу, если попытаюсь сделать это. Я даже не знаю, обладаю ли такой силой, могу ли совершать это неоднократно и какова будет цена содеянного. Но ради тебя я готов пойти на риск, и тогда мы вместе посмотрим, что из этого получится, в чем заключается страшная тайна, точно так же, как прежде мне приходилось в одиночку постигать все остальное».

Всем своим существом она ответила мне: «Да!»

— Да! — воскликнула она громко и пронзительно, словно находясь в каком-то опьянении. Глаза ее были закрыты, черты лица напряглись, и она замотала головой из стороны в сторону.— Да!!!

Склонившись, я поцелуем стер с ее губ кровь. Во мне все натянулось и зазвенело от жажды и желания, которые я испытывал по отношению к ней. Я старался думать о ней не иначе как о самом обычном плотском существе. Руки мои скользнули вниз и обхватили ее хрупкое тело. Я стал медленно поднимать ее с пола, все выше и выше, пока наконец не очутился с ней на руках возле окна. Ее прекрасные волосы густой волной свесились вниз, а на губах вновь появилась хлынувшая из легких кровь. Но теперь это уже не имело никакого значения.

Нас охватили воспоминания о том времени, что мы прожили рядом; они опутали нас паутиной и напрочь отгородили от остального мира — песенки и стихи моего детства; ощущение ее присутствия в ту пору, когда еще не было слов, а были лишь отблески света на потолке над ее кроватью; ее запах, окружавший меня со всех сторон; голос, утешающий меня и заставляющий перестать плакать. А потом ненависть к ней и одновременно отчаянная нужда в ее присутствии, и чувство утраты, когда ее отделяли от меня бесчисленные запертые двери, и жестокие ответы, и страх перед ней, сложность ее характера, ее безразличие и удивительно сильная воля...

В этот поток воспоминаний неожиданно ворвалась жажда, но не всепоглощающая, а заставляющая ощутить жар каждой частички ее тела,— и вот мать для меня превратилась уже в плоть и кровь, стала одновременно и матерью и любовницей. Мне казалось, что все, чего я желал когда-либо, это ее тело, которое я сжимал в своих объятиях и к которому приник сейчас губами. Вонзив в нее зубы, я почувствовал, как она вскрикнула и напряглась, но я уже впитывал в себя хлынувший поток крови.

Ее душа и сердце раскололись, и время перестало существовать. В моем затуманенном мозгу вспыхивали молнии. Она перестала быть моей матерью, исчезли мелкие и ничтожные страхи и желания. Теперь она была лишь самой собой. И имя ее было Габриэль.

Вся ее жизнь встала на защиту — проведенные в сырых и пустых покоях замка, потраченные впустую бесконечные годы страданий и одиночества, книги, ставшие для нее единственным утешением, дети, которые отняли лучшие годы жизни, а потом покинули ее, и наконец, последние враги — болезнь и боль, притворявшиеся друзьями, потому что обещали освобо-

дить, избавить от этой жизни. Я слышал глухие оттолоски бушующей в ней страсти, кажущегося безумия и решительный отказ предаваться отчаянию.

Я продолжал обнимать ее, держа на руках, подложив руку под отяжелевшую голову и сомкнув пальцы за тоненькой спиной. Пульсирующая в такт биению ее сердца кровь музыкой звучала у меня в ушах и заставляла громко стонать. Однако ее сердце затихало чересчур быстро. Она умирала, но усилием воли заставляла себя бороться со смертью. Наконец я с трудом оторвался, оттолкнул ее от себя и замер, все еще сжимая ее в объятиях.

Я едва не терял сознание. Я жаждал вновь ощутить жар ее тела. Стоя с горящими глазами и полуоткрытым ртом, я старался держать ее как можно дальше от себя. Во мне боролись два существа, одно из которых хотело уничтожить ее окончательно, в то время как другое стремилось вернуть ее себе.

Глаза моей матери были открыты, но, судя по всему, она ничего не видела. На какое-то время она оказалась там, где не было страдания и боли, где царствовали покой и понимание. Но потом я услышал, что она зовет меня по имени.

Я поднес ко рту правую руку и прокусил вену возле запястья, а потом прижал кровоточащую рану к ее губам. Кровь потекла ей в рот, но она даже не пошевелилась.

— Пейте, матушка! — взволнованно воскликнул я и крепче прижал к ее губам руку.

Но какие-то изменения в ней уже начали происходить.

Губы ее вздрогнули, и она впилась в мою руку, отчего по всему телу у меня пробежала боль и сомкнулась где-то возле моего сердца.

Как только она сделала первый глоток крови, туловище ее напряглось и вытянулось, а левой рукой она крепко вцепилась мне в запястье. Боль становилась все сильнее и сильнее, и я едва не закричал. Мне казалось, что раскаленный металл наполнил все мои вены, каждую частичку тела. Но я понимал, что причина боли лишь в том, что мать высасывает из меня кровь точно так же, как чуть раньше я высасывал кровь из нее. Теперь уже она стояла на ногах, прислонившись головой к моей груди, а меня охватывало оцепенение, сквозь которое я продолжал чувствовать, как внутри меня натягиваются вены и как гулко бьет-

ся сердце, усиливая одновременно и мою боль и ее жажду насытиться кровью.

Она пила все более жадно, все крепче прижимая губы, и тело ее напрягалось сильнее и сильнее. Я хотел было оттолкнуть ее от себя, но не смог, и, когда мои ноги подкосились, теперь уже она подхватила меня и не позволила упасть. Сознание покидало меня, комната и все предметы в ней плыли перед глазами, а она по-прежнему не хотела от меня оторваться. Я вдруг ощутил вокруг себя бесконечную тишину и невольно оттолкнул мать от себя, не будучи, впрочем, уверенным, что поступаю правильно.

Она покачнулась и, прижав ладонь ко рту, осталась стоять у окна. Прежде чем повернуться и упасть в ближайшее кресло, я взглянул на ее мгновенно побелевшее лицо, на приобретающие пышность формы тела, отчетливо проступающие под тонкой голубой тафтой, на глаза, горевшие, как вобравшие в себя свет два кристалла.

Кажется, прежде чем окончательно закрыть глаза, я все-таки успел еще произнести: «Матушка...»

2

Я сидел в кресле. Казалось, я проспал целую вечность, хотя на самом деле не спал ни минуты. Я снова очутился в замке моего отца. Я оглянулся вокруг в поисках своих собак, а заодно чтобы посмотреть, не осталось ли вина, как вдруг увидел расшитые золотом оконные шторы и силуэт Нотр-Дам на фоне звезд в ночном небе. И увидел рядом ее.

Мы были в Париже. И мы собирались жить вечно.

Она что-то сжимала в руках... другой канделябр и трутницу. Мать держалась очень прямо, и все движения ее были быстрыми. От высеченной искры она одну за другой зажгла свечи. Вспыхнули яркие огоньки, по стенам к потолку пробежали тени, и цветы на обоях выросли прямо на глазах; танцовщицы на куполе потолка двинулись в хороводе, а потом вновь застыли на месте.

Подняв канделябр, она стояла прямо передо мной. Лицо ее было совершенно белым и абсолютно гладким. Темные круги под глазами исчезли, так же как и все пятна и изъяны, хотя не

знаю, существовали ли у нее какие-либо изъяны вообще. Теперь она была само совершенство.

Появившиеся с возрастом морщины уменьшились и одновременно странным образом углубились, образовав крохотные линии возле глаз и рта. Оставшиеся на веках маленькие складочки лишь усиливали симметрию ее черт и в еще большей степени придавали лицу форму треугольника, а мягкие губы приобрели нежно-розовый оттенок. Она была столь же изящной и прекрасной, как бриллиант, когда на его гранях играют отблески света. Я закрыл глаза, а когда открыл их снова, то убедился, что это не было обманом зрения. Кроме того, я заметил, что ее тело изменилось в гораздо большей степени. Оно вновь приобрело свойственную молодости женственность, иссушенная болезнью грудь стала пышной. Бледно-розовая плоть, нежность которой подчеркивали играющие на ее поверхности блики огня, виднелась в вырезе темно-голубого корсета. Но самое удивительное превращение произошло с ее волосами — они буквально ожили. Они переливались столькими оттенками цветов, что казалось, будто шевелится каждая волосинка и все они вместе, словно живые существа, подрагивают вокруг безупречной белизны лица и шеи.

Раны на шее исчезли.

Теперь мне оставалось совершить еще один, последний, смелый шаг: взглянуть ей в глаза.

Впервые после того, как Магнус шагнул в огонь, мне предстояло взглянуть в глаза вампиру, другому подобному мне существу!

Должно быть, я издал какой-то звук, потому что она посмотрела на меня, как если бы что-то услышала. Отныне я не мог называть ее иначе, как Габриэль. «Габриэль...» — произнес я имя, которое никогда не произносил прежде, разве что мысленно. И увидел, что в ответ на губах ее заиграла легкая улыбка.

Взглянув на свое запястье, я обнаружил, что рана затянулась. Но внутри меня бушевала невыносимая жажда. Мои вены как будто разговаривали со мной. Словно свидетельствуя о том, что она тоже голодна, губы ее дрогнули, а на лице появилось странное выражение, смысл которого можно было передать вопросом: «Неужели ты не понимаешь?»

Однако она по-прежнему не произнесла ни слова. В царившей в комнате абсолютной тишине говорили лишь ее прекрасные глаза, в которых светилась безграничная любовь ко мне. Мои глаза в свою очередь отвечали ей тем же. Я ничего не понимал. Неужели она закрыла от меня свой разум? Но когда я мысленно задал ей этот вопрос, у меня сложилось впечатление, что она меня не услышала.

— А теперь...— заговорила она, и голос ее поразил меня до глубины души. Он стал мягче и одновременно глубже. Словно мы вновь вернулись в Оверни, она пела мне песенку, и голос ее отражался гулким эхом от каменных стен. Но это никогда больше не повторится. А она тем временем продолжала: — Иди... и побыстрее покончи с этим... сейчас же! — Для убедительности она кивнула головой, потом подошла ко мне и потянула за руку.— Посмотри на себя в зеркало,— шепотом добавила она.

Но я и без того понимал, в чем дело. Я отдал ей слишком много крови, гораздо больше, чем взял от нее. Я умирал от голода. Ведь, перед тем как пойти к ней, я даже не успел насытиться.

Но я был так поглощен воспоминаниями о падающем за окном снеге, о песнях и стихах, которые слышал когда-то от нее, что не ответил. Взглянув на ее пальцы, касающиеся моей руки, я обнаружил, что наша плоть стала совершенно одинаковой. Вскочив с кресла, я обнял ее и стал ощупывать ее лицо и руки. Дело было сделано, и я все еще жив! Теперь она останется рядом со мной! Она прошла сквозь ужасное испытание одиночеством, и отныне мы будем вместе. Внезапно меня охватило жгучее желание обнять ее как можно крепче и больше никогда не отпускать от себя.

Подхватив ее на руки, я принялся качать ее, а потом мы вместе закружились по комнате.

Голова ее откинулась назад, и я услышал, как она засмеялась — сначала тихо, а потом все громче и громче, пока наконец мне не пришлось зажать ей ладонью рот.

— От звука твоего голоса могут вылететь все стекла,— прошептал я и оглянулся на дверь, за которой остались Роже и Никола.

— Ну и что, пусть вылетят! — ответила она, и в тоне ее не было и намека на шутку.

Я поставил ее на пол. Мы обнимались и обнимались и никак не могли остановиться.

Однако в доме продолжали находиться другие смертные. Доктор и сиделка собирались войти в комнату.

Она оглянулась на дверь. Она тоже слышала их мысли. Но почему же я перестал слышать ее?

Она отстранилась и обвела взглядом комнату. Потом схватила канделябр и подошла с ним к зеркалу, стремясь получше рассмотреть свое отражение.

Я хорошо понимал, что с нею происходит. Ей необходимо было время, чтобы привыкнуть смотреть на все другими глазами. Однако нам нужно выбраться из дома...

За стеной послышался голос Ники, который требовал, чтобы доктор постучал в дверь комнаты.

Как же нам теперь уйти отсюда, как избавиться от свидетелей?

— Нет, только не этим путем,— сказала она, заметив мой обращенный к двери взгляд.

Она внимательно осмотрела кровать и предметы, лежащие на столике. Потом вытащила из-под подушки драгоценности, положила их в старенький бархатный кошелек, а кошелек прикрепила к поясу так, что он совершенно скрылся в складках широкой юбки.

Все ее движения были исполнены особенного значения. Хоть я и не мог теперь читать ее мысли, я все же был уверен, что это было единственное, что она собиралась взять из этой комнаты. Она навсегда прощалась с остальными вещами — с привезенной из дома одеждой, со старинными серебряными щетками и расческами, с потрепанными книгами, валяющимися на столике возле кровати.

В дверь постучали.

— Почему бы нам не воспользоваться этим выходом? — спросила она, указывая на окно и распахивая створки.

Легкий ветерок всколыхнул золотые шторы. Увидев взметнувшиеся вокруг ее лица волосы и широко открытые глаза, в которых отражались мириады оттенков всех цветов радуги и которые светились поистине трагическим светом, я невольно вздрогнул. Она не боялась никого и ничего.

Я обнял ее и на минуту задержал в своих объятиях. Зарывшись лицом в ее волосы, я способен был думать только о том, что отныне мы будем вместе и никто не сможет разлучить нас. Я не мог понять ее молчания, не понимал, почему больше не слышу ее мыслей, но знал, что не она тому виной, и надеялся, что, возможно, это скоро пройдет. Главное заключалось в том, что она рядом. Смерть была моим господином, я принес ей тысячи жертв, но сумел вырвать из ее лап Габриэль. Я высказал свои мысли вслух. Я говорил ей множество на первый взгляд бессмысленных и горьких вещей — о том, что нас теперь двое, что мы оба поистине ужасные существа, о том, что мы обречены жить в Саду Зла. С помощью множества мысленных образов я постарался объяснить ей значение, которое вкладывал в понятие «Сад Зла», но, даже если она и не понимала меня, это не имело никакого значения.

— Сад Зла...— повторила она словно про себя, и на губах ее заиграла легкая улыбка.

В голове у меня стучало. Она целовала меня и что-то шептала на ухо, как будто старалась высказать собственные мысли.

— Ты должен помочь мне... сейчас же... Я хочу видеть, как ты это делаешь... сейчас... и мы будем связаны навеки. Идем...

Жажда... У меня было такое впечатление, что я весь горю. Мне действительно необходимо было напиться крови, а она хотела попробовать, какова кровь на вкус. Я был в этом уверен, потому что прекрасно помнил свои ощущения в ту, первую, ночь. Мне вдруг пришло в голову, что боль, причиняемая ей физической смертью... уходом из тела жизненных соков, могла бы стать слабее, получи Габриэль возможность насытиться.

В дверь снова постучали. А ведь она не была заперта. Вскочив на подоконник, я протянул руку, и Габриэль тут же очутилась в моих объятиях. Она была совершенно невесомой, и в то же время я чувствовал силу и крепость ее руки. Однако, взглянув вниз и увидев уходящую вдаль аллею, верхнюю кромку стены и набережную за ней, она в первое мгновение заколебалась.

— Обними меня за шею,— сказал я,— и держись крепче.

Она повисла на мне, подняв лицо, а я тем временем взмыл вверх по каменным плитам, и мы оказались на скользкой черепице крыши.

Я взял ее за руку и побежал, таща за собой и мчась все быстрее и быстрее. Мы перепрыгивали через водосточные желобы и каминные трубы, перескакивали над узкими аллеями с одной крыши на другую, пока не достигли противоположного края острова. В любой момент я ожидал, что она вскрикнет или вцепится в меня от страха, но она не боялась ничего.

Мы остановились, и она молча смотрела на крыши домов на левом берегу, на реку, забитую тысячами темных маленьких лодчонок, но, казалось, в эти минуты не чувствовала ничего, кроме ветерка, играющего ее волосами. Если бы не чрезвычайное возбуждение, которое я испытывал при мысли о том, что должен провести ее через весь город и научить всему необходимому, я бы, наверное, так и остался неподвижно стоять, завороженный теми изменениями, которые в ней произошли. Теперь она уже не будет знать, что такое физическая усталость. В отличие от меня, пришедшего в ужас при виде шагнувшего в огонь Магнуса, ей было неведомо чувство страха.

По набережной в нашу сторону мчался экипаж. Он стремительно приближался к мосту, и кучер, пытаясь удержаться на своем высоко поднятом сиденье, скорчился и наклонился вперед. Крепко взяв ее за руку и подтянув поближе к себе, я указал на карету.

Как только та оказалась прямо под нами, мы прыгнули и беззвучно приземлились на туго натянутую кожу ее верха. Занятый своим делом кучер даже не оглянулся и ничего не заметил. Крепко прижимая Габриэль к себе, я помог ей обрести равновесие, и вот уже мы оба с легкостью удерживаемся на ногах и готовы, если понадобится, в любой момент спрыгнуть на землю.

Это было восхитительно захватывающе — делать все вместе с нею.

Карета с грохотом пронеслась по мосту, промчалась мимо собора и полетела дальше, прямо сквозь толпу, заполнившую Пон-Неф. Я снова услышал ее смех. Интересно, что думали в эти минуты парижане, выглядывающие из окон верхних этажей и видящие нас — двоих нарядно одетых людей, удерживающихся на крыше раскачивающегося из стороны в сторону экипажа и похожих на расшалившихся детей, устроивших гонки по улицам.

Экипаж свернул и направился в сторону Сен-Жермен-де-Пре, рассекая надвое толпы людей, потом на полной скорости проскочил мимо кладбища Невинных мучеников, с которого, как и всегда, доносилась отвратительная вонь.

В какой-то момент мне показалось, что я вновь ощущаю присутствие странных светящихся существ, но ощущение исчезло так быстро, что я не был уверен в его истинности. Оглянувшись, я ничего не заметил. Я вдруг ясно представил себе, как вместе с Габриэль мы будем обсуждать реальность присутствия рядом этих существ, как будем беседовать о многом другом и отныне все будем постигать вместе. Эта ночь в своем роде была для меня не менее важной, чем та, когда Магнус в корне изменил мою сущность, и эта ночь только начиналась.

Мы наконец попали туда, куда нужно, и я снова взял ее за руку и потянул за собой. Мы спрыгнули с крыши экипажа и очутились на земле.

На миг Габриэль завороженно уставилась на бешено крутящиеся колеса, но они тут же исчезли из виду. Она совсем не выглядела растрепанной, но при этом видеть ее здесь казалось мне поистине чем-то невероятным: женщина, вырванная из лап времени и пространства, одетая лишь в платье и тапочки, сбросившая с себя все оковы, свободная и готовая в любой момент взлететь и парить в воздухе.

Мы свернули в одну из узких аллей и, обняв друг друга за плечи, побежали. Время от времени я глядел на нее и видел ее глаза, обращенные к стенам домов, к окнам, закрытым ставнями, сквозь щели в которых пробивались полоски света.

Я знал, что она там видит. Знал, какие звуки трогают ее душу. Но я по-прежнему не мог слышать ее мыслей, и меня пугала возможность того, что она намеренно скрывает их от меня.

Она вдруг остановилась, и по ее лицу я догадался, что начался первый приступ приближающейся смерти.

Стараясь успокоить ее, я в нескольких словах описал ей те ощущения, которые сам когда-то испытал.

— Эта боль не будет долгой и ни в какое сравнение не пойдет с той, которая мучила тебя прежде. Она закончится через несколько часов, а может быть, и раньше, если нам удастся сейчас напиться крови.

Она кивнула, выражая скорее нетерпение, чем страх.

Мы вышли на небольшую площадь и возле ворот одного из старых домов увидели молодого человека, судя по всему кого-то поджидавшего. Поднятый воротник серого плаща скрывал от нас его лицо.

Хватит ли у нее сил, чтобы справиться с ним? Так ли сильна и крепка она, как я? Пришло время это выяснить.

— Если жажда твоя не столь сильна, чтобы заставить тебя убить, значит, еще слишком рано,— сказал я.

При взгляде на нее у меня по спине пробежали мурашки. Она была по-человечески сосредоточена и напряжена, а глаза ее были полны того трагического ужаса, который я заметил в них чуть раньше. Она не утратила ничего. Но когда она направилась к юноше, в ней уже не осталось ничего человеческого. Она превратилась в настоящего хищного зверя и в то же время внешне казалась обыкновенной женщиной, медленно приближающейся к мужчине,— истинной леди, оказавшейся здесь в полном одиночестве, без шляпки и накидки и собирающейся попросить помощи у джентльмена. Выглядела она именно так.

Было странно наблюдать за ней, за тем, как она идет, словно не касаясь ногами мостовой. Создавалось впечатление, что все вокруг, даже пряди развеваемых ветром волос, полностью находится в ее власти. Будто она способна без всякого усилия пройти сквозь стену.

Я отошел в тень.

Юноша вздрогнул и так быстро повернулся в ее сторону, что я услышал, как чиркнули по камням каблуки его башмаков. Она приподнялась на носках, словно собираясь сказать ему что-то на ухо. На мгновение мне показалось, что она колеблется. Возможно, она все же немного испугалась. Если так, значит, жажда ее еще не успела стать достаточно сильной. Но ее нерешительность длилась не более секунды. Он был в ее власти, совершенно беспомощен, а я, завороженный этим зрелищем, мог лишь молча наблюдать за происходящим.

Неожиданно я вспомнил, что не предупредил ее относительно сердца. Как мог я забыть об этом! Я бросился к ней и увидел, что она уже оторвалась от юноши. Он лежал возле самой стены со свернутой набок головой, шляпа валялась в стороне. Он был мертв.

Она стояла и смотрела на него. Я видел, что его кровь уже подействовала — она согревала Габриэль, возвращала краски ее телу, делала еще ярче губы. Когда она обратила ко мне свои глаза, они вспыхнули таким же лиловым светом, каким было небо в тот момент, когда я вечером вошел в ее комнату. Я продолжал молча смотреть на нее, а она вновь перевела взгляд на свою жертву, и в этом взгляде было столько удивления и изумления, как будто она никак не могла до конца осознать и понять, что же перед собой видит. Спутанные волосы упали ей на лоб, и я рукой откинул их назад.

Она упала в мои объятия, и я осторожно повел ее прочь от жертвы. Раз или два она оглянулась, но потом зашагала по улице, устремив взгляд прямо перед собой.

— На сегодня тебе достаточно,— сказал я.— Нам пора возвращаться домой, в башню.

Мне не терпелось показать ей сокровища и просто побыть с нею рядом в совершенно безопасном для нас месте, я хотел обнимать ее и успокаивать, если все, что произошло, покажется ей вдруг чересчур ужасным. Ее вновь мучили спазмы смерти, а там она сможет спокойно отдохнуть у огня.

— Нет, мне пока не хочется уходить,— ответила она.— Ведь ты обещал, что боль не будет долгой. Я хочу оставаться здесь, пока она не пройдет окончательно.— Она с улыбкой взглянула мне в глаза и шепнула: — Разве не для того я приехала, чтобы увидеть Париж и умереть?

Внимание ее привлекало абсолютно все: и мертвый юноша в сером плаще, оставшийся лежать у стены, и отражающееся в сверкающей поверхности воды небо, и кошка, крадущаяся по верху ближайшей стены... В ее венах текла горячая кровь, и эта кровь придавала ей сил.

— Я еще не утолил свою жажду,— сказал я, крепко беря ее за руку и увлекая за собой.

— Да, я вижу,— прошептала она.— Он должен был быть твоим, мне следовало подумать об этом... А ты по-прежнему остаешься истинным джентльменом.

— И этот джентльмен умирает от голода,— с улыбкой ответил я.— Давай не будем кокетничать друг с другом и изобретать правила этикета для вампиров.

Я расхохотался и уже готов был расцеловать ее, но что-то привлекло мое внимание. Я крепко схватил ее за руку.

Издалека, со стороны кладбища Невинных мучеников, до меня как никогда отчетливо донесся запах присутствия неведомых существ.

Она стояла так же тихо и неподвижно, как и я, чуть склонив голову набок и убрав волосы за ухо.

Ты слышишь? — спросил я.

Она подняла на меня глаза.

— Еще один,— сказала она, потом прищурилась и стала всматриваться в том направлении, откуда шло непонятное излучение.— Отверженный! — добавила она громко.

— Что?!

Отверженный! Отверженный! Отверженный! У меня вдруг закружилась голова... Мне припомнился какой-то давний сон... Отрывок сна. Но сейчас я был не в состоянии мыслить здраво. То, что я сделал ради нее, обошлось мне слишком дорогой ценой. Мне необходимо было напиться крови.

— Разве ты не слышишь? Оно называет нас отверженными! — Она снова стала прислушиваться, но больше мы ничего не услышали. Я даже не был до конца убежден, что это слово — «отверженный» — действительно прозвучало отчетливо.

— Что бы это ни было, не стоит обращать внимание,— сказал я,— оно никогда не подходит ближе.— Но сам я был уверен, что на этот раз существо так и полыхает злобой. Мне не терпелось поскорее убраться подальше от кладбища Невинных мучеников.— Оно живет на кладбище,— пробормотал я,— и, возможно, не в состоянии жить где-либо в другом месте, во всяком случае... долго.

Но прежде чем я успел договорить, я вновь ощутил его присутствие, и на этот раз существо источало гораздо большие ненависть и злобу.

— Оно смеется! — шепотом воскликнула она. Я внимательно посмотрел на Габриэль. Не было никаких сомнений в том, что она слышит это существо намного лучше, чем я.

— Окликни его,— попросил я.— Скажи ему, что оно трусит. Вели ему подойти к нам поближе.

Она бросила на меня удивленный взгляд.

— Ты действительно этого хочешь? — едва слышно спросила она.

Я почувствовал, что она слегка дрожит, и постарался ее успокоить. Как будто вновь почувствовав боль, она приложила руку к груди.

— Пожалуй, отложим встречу. Еще не время. Уверен, что вскоре мы услышим его снова.

— Оно исчезло. Но это существо ненавидит нас...

— Пошли отсюда,— стараясь говорить как можно небрежнее, бросил я и, обхватив за плечи, увлек ее за собой.

Я не стал делиться с нею мыслями о том, что некоторые вещи беспокоят меня гораздо больше, чем присутствие этого существа и его выходки. Если Габриэль слышит существо так же хорошо, а быть может, даже лучше, чем я, значит, она обладает всеми моими возможностями, включая способность передавать и воспринимать образы и мысли. Однако теперь мы не могли слышать друг друга.

3

Как только мы пересекли мост, я нашел себе подходящую жертву. Именно в тот момент я особенно глубоко осознал: все, что мне до сих пор приходилось делать в одиночку, теперь я буду совершать вместе с ней. Она будет наблюдать за моими действиями, учиться у меня. От этих мыслей кровь бросилась мне в лицо.

Выманивая из кабачка свою жертву, дразня и выводя этого человека из себя и в конце концов убивая его, я действовал несколько более хитро и жестоко, чем обычно, понимая при этом, что устраиваю для нее своего рода представление. А потому, когда все закончилось, я чувствовал, что совершенно выдохся.

Она была в восторге. Наблюдение за моими действиями доставляло ей не меньшее удовольствие, чем сам процесс высасывания крови. Потом, тесно прижавшись друг к другу и ощущая исходящее от нас тепло, мы отправились дальше. Кровь бросилась мне в голову. Тела наши пылали, а тонкая одежда, разделявшая их, казалась чем-то лишним и совершенно ненужным.

С этой минуты я полностью потерял представление о времени. Та восхитительная ночь до сих пор остается самой долгой, какую мне когда-либо приходилось переживать за всю свою бессмертную жизнь.

Она была поистине бесконечной и головокружительно бездонной. Случались минуты, когда я чувствовал, что нуждаюсь в защите от ее сюрпризов и удовольствий, но я был совершенно лишен такой защиты.

Несмотря на то что я без конца повторял ее имя, пытаясь приучить себя к мысли, что отныне она для меня — Габриэль, мне никак не удавалось осознать это до конца. Для меня попрежнему существовала она — та, в которой я всем своим существом всегда нуждался. Единственная женщина, которую я любил.

Процесс ее физической смерти длился недолго.

Отыскав пустое помещение в одном из подвалов, мы пробыли там, пока все не закончилось. Все это время я держал ее в своих объятиях и почти без умолку говорил. Я вновь, уже не образами, а словами, рассказал ей о том, как это происходило со мной.

Я рассказал ей обо всем, что обнаружил в башне, о том, что говорил мне Магнус, о своих столкновениях с загадочными существами. О том, что я почти привык к ним, научился не обращать на них внимания и не испытывал никакого желания выслеживать их и выяснять, что они собой представляют. Я снова и снова посылал ей образы, но тщетно. Ни она, ни я не сказали об этом ни слова. Но слушала она меня очень внимательно.

Я рассказал ей о подозрениях Ники, о которых он, конечно, не обмолвился и словом. Теперь, говорил я, я опасаюсь за него еще больше. Снова открытое окно и опустевшая комната, а кроме того, имеются свидетели, которые могут подтвердить, что все это действительно очень странно.

Хотя, возможно, ничего страшного не случится. Я придумаю какую-нибудь правдоподобную историю для Роже. Я найду какой-нибудь выход и в отношении Ники, попытаюсь рассеять его подозрения на мой счет.

Мне показалось, что мой рассказ заинтересовал ее, но в то же время она не придала ему большого значения. Гораздо больше Габриэль волновало то, что ждет впереди ее.

После того как смерть свершилась, остановить Габриэль было практически невозможно. Не было такой стены, на которую она не поднялась, ни одной двери, в которую она не вошла, ни одной крыши, которую она сочла чересчур крутой.

Создавалось впечатление, что она никак не могла поверить в то, что будет жить вечно. Скорее, она воспринимала эту ночь как единственную подаренную ей и стремилась увидеть и познать абсолютно все до того момента, когда смерть придет за ней на рассвете.

Много раз я пытался уговорить ее вернуться домой, в башню. Час шел за часом, и я чувствовал, что морально очень устал. Мне необходимо было побыть в тишине и спокойно обдумать все, что произошло. Бывали мгновения, когда у меня темнело в глазах. Однако она жаждала приключений и хотела испробовать все.

Она предложила забраться в дома смертных и поискать подходящие для нее наряды. Когда я сказал, что всегда покупаю себе одежду, она лишь рассмеялась в ответ.

— Мы легко можем определить, какие дома пусты,— говорила она, бесшумно двигаясь вперед и оглядывая темные окна особняков,— и узнать, спят ли слуги.

Ее предложение было вполне разумным, хотя прежде мне такое и в голову не приходило. Вскоре я быстрым шагом следовал за ней по узким лестницам, а потом по коврам коридоров, удивляясь тому, с какой легкостью нам удавалось проникать внутрь, и с интересом разглядывая убранство жилищ. Я вдруг обнаружил, что мне доставляет удовольствие трогать руками вещи, будь то веер, табакерка или газета, которую совсем недавно читал хозяин дома, и даже башмаки, стоящие возле камина. Это было столь же захватывающе, как подсматривать в окна.

Однако у нее была своя цель. В женской гардеробной одного из больших старинных домов в предместье Сен-Жермен она нашла огромное количество шикарных нарядов, которые пришлись ей как раз впору. Я помог ей снять потрепанное и испачканное платье из тафты и заменить его нарядом из розового бархата, а потом собрал ее упрямые локоны под шляну со страусовыми перьями. И вновь я был поражен тем, как великолепно она выглядит; меня не покидало странное ощущение нереальности наших совместных блужданий по этим заполненным множеством разных вещей и запахов смертных домам. С туалетного столика она прихватила несколько вещиц — изящные золотые ножницы, флакон духов... Потом подошла к зеркалу.

Я приблизился, чтобы поцеловать ее, и не встретил с ее стороны сопротивления. Это был любовный поцелуй. Наверное, именно так мы и выглядели со стороны, когда сбегали вниз по лестнице для слуг и мчались по темным ночным улицам: двое любовников с совершенно белыми лицами.

Мы успели забежать в «Опера» и в «Комеди», а когда они закрылись, отправились на бал в Пале-Рояль. Ей доставляло огромное удовольствие сознание того, что смертные видят нас, но не понимают, кто мы такие на самом деле, что они тянутся к нам и нам с такой легкостью удается их обманывать.

Мы посетили несколько церквей и почти тотчас же вновь почувствовали присутствие рядом странных существ, однако вскоре они снова исчезли. Мы взбирались на колокольни и оттуда обозревали свое королевство, а потом шли в переполненные кафе — просто для того, чтобы оказаться рядом со смертными и ощутить их запах, чтобы тайно обменяться загадочными взглядами и тихо посмеяться, уединившись в укромном уголке.

Глядя на поднимающийся от кофейных чашек пар, на плавающие в воздухе колечки табачного дыма, она мысленно уносилась куда-то вдаль и мечтала о своем.

Но больше всего ей нравилось странствовать по темным улицам и дышать заполнявшим их свежим воздухом. Она с удовольствием лазила по ветвям деревьев и высоким крышам домов. Ее удивляло, что я не путешествую по городу, лежа сверху на экипажах или перепрыгивая с крыши на крышу, как делали мы это сейчас.

Вскоре после полуночи мы шли, держась за руки, через пустую рыночную площадь.

Мы опять ощущали присутствие неизвестных существ, но на этот раз ни она, ни я не могли определить, где они находятся, и это меня чрезвычайно озадачивало.

Ее привлекало и удивляло буквально все: уличный мусор и всякого рода отбросы, кошки, охотящиеся за крысами, царящие вокруг странная тишина и спокойствие; ей нравилось сознавать, что даже самые темные и жуткие уголки огромного города не представляют для нас никакой опасности. Именно это, судя по всему, доставляло ей самое большое удовольствие. Она наслаждалась нашей способностью быть на виду у всех и

одновременно оставаться невидимыми, скользить незамеченными мимо собиравшихся группками воров и разного рода бандитов и в то же время давать достойный отпор любому, кто окажется настолько глуп, чтобы так или иначе задеть нас.

Я не торопил ее и ни о чем не спрашивал. Я просто с удовольствием следовал за ней, время от времени погружаясь в свои мысли и размышляя о причинах столь странного для меня чувства удовлетворенности.

Именно поэтому, наверное, появившийся среди темных рыночных рядов стройный юноша верхом на коне показался мне неким странным видением — посланником мира живых в мире мертвых. Его темные глаза и волосы, задумчивое и вместе с тем совершенно невинное выражение лица заставили меня вспомнить о Никола. Ему не следовало появляться одному на рыночной площади. Но он был даже моложе Ники и, конечно же, неопытен и глуп.

Однако до какой степени он оказался глуп, я понял лишь тогда, когда Габриэль, словно розовая пантера, бросилась вперед и без единого звука стащила его с лошади.

Я не мог прийти в себя от потрясения. Невинность жертвы ее совершенно не волновала. Она понятия не имела о муках совести. Но ведь и сам я совсем недавно преступил законы морали — разве есть у меня теперь право судить ее? И все же та легкость, с которой Габриэль убила молодого человека, свернув ему шею, когда увидела, что, после того как она выпила его кровь, он все еще жив, вызвала во мне гнев. Хотя, должен признаться, она делала все настолько изящно и грациозно, что мне доставляло удовольствие наблюдать за ее действиями.

Она была гораздо более хладнокровной, чем я, и получалось у нее все гораздо лучше. Магнус велел мне быть безжалостным. Неужели он тем самым хотел сказать, что мы должны убивать даже тогда, когда в этом нет нужды?

В следующую минуту я понял причину ее поступка. Сорвав с себя корсет и юбку из розового бархата, она переоделась в платье убитого юноши. Именно из-за костюма она убила его.

Должен признаться, что в его одежде она превратилась в настоящего мальчика.

Она надела на себя кремового цвета шелковые чулки, алые панталоны, отделанную кружевами рубашку, желтый жилет и

поверх всего алый сюртук. Она даже вытащила из его волос алую ленту.

Выглядела она потрясающе, и все же в душе у меня поднимался странный протест против ее обаяния. Новый костюм плотно облегал ее фигуру, а рассыпавшиеся по плечам волосы придавали ей вид настоящей львицы и мало походили теперь на женские локоны, какими были совсем недавно. У меня вдруг возникло такое сильное желание разрушить этот ее новый образ, что я невольно закрыл глаза.

Я вновь вспомнил все, что мы с ней видели и совершили вместе, и, когда снова открыл глаза, голова у меня шла кругом. Я был не в силах находиться рядом с мертвым мальчиком.

Она связала волосы алой лентой, оставив локоны свободно спадать вниз по спине. Прикрыв мертвое тело обрывками розового бархата, она подняла шпагу и прицепила к своему поясу, потом вытащила ее из ножен, чтобы полюбоваться, сунула обратно и подняла с земли кремового цвета плащ.

— А теперь вперед, дорогой,— сказала она и поцеловала меня.

Я не мог сдвинуться с места. Мне хотелось лишь одного: вернуться в башню и оставаться там рядом с Габриэль. Она обернулась и потянула меня за руку, а потом бегом бросилась вперед.

Она наслаждалась свободой и легкостью движений, а я уже начинал задыхаться и с трудом поспевал за ней.

Ни со мной, ни тем более с кем-нибудь из смертных никогда не случалось чего-либо подобного. Она почти летела. Видя, как она несется сквозь нагромождение рыночных рядов, не обращая никакого внимания на кучи хлама и мусора, я едва не потерял равновесие и вынужден был остановиться.

Она вернулась и поцеловала меня.

— Ведь у меня нет больше причин одеваться, как раньше, и не иначе. Разве я не права? — спросила она таким тоном, как будто разговаривала с маленьким ребенком.

— Нет... конечно нет,— ответил я и подумал, что, может, оно и к лучшему, что она теперь не имеет возможности читать мои мысли. Я был не в силах оторвать взгляд от прекрасной формы ее ног, туго обтянутых кремовыми шелковыми чулками, от чуть приподнятого на груди сюртука. Лицо ее пылало.

Как вы знаете, в те времена нам не позволялось видеть открытые женские ножки, а уж тем более бедра и живот под плотно облегающими бриджами.

Но ведь теперь она не обыкновенная женщина. Как и я не обычный мужчина. При одной мысли об этом у меня на мгновение кровь застыла от ужаса.

— Пойдем же! Я хочу снова прогуляться по крышам! — нетерпеливо воскликнула она.— Хочу отправиться на бульвар Тамплиеров. Мне не терпится увидеть театр, который ты купил и который после закрыл. Ты покажешь мне его?

Говоря это, она не сводила с меня пристального взгляда.

— Конечно,— ответил я.— А почему нет?

Вечная, как мне казалось, ночь наконец-то близилась к завершению. Когда мы вновь очутились на освещенной лунным сиянием набережной Иль-Сен-Луи, до рассвета оставалось еще два часа. Вдалеке, там, где я ее и оставил, я увидел привязанную кобылу. В суете, начавшейся после нашего исчезновения, животное, должно быть, никто не заметил.

Мы осторожно прислушивались, надеясь уловить хоть какие-нибудь звуки присутствия Никола или Роже, но дом был погружен в тишину и казался пустым.

— Во всяком случае, поблизости их нет,— шепнула она.— Может быть, они ушли куда-нибудь?

— Квартира Ники! — воскликнул я.— Из окон его квартиры можно наблюдать за моей лошадью, и они могли приказать кому-либо из слуг следить за нею и немедленно сообщить, если мы вдруг вернемся.

— Тогда нам лучше оставить ее здесь и украсть другую.

— Нет, это же моя лошадь! — возразил я и почувствовал, как она еще крепче сжала мне руку.

Снова наш старый друг — то самое неизвестное существо. На сей раз оно двигалось по другой стороне острова, вдоль берега Сены и по направлению к левому берегу.

— Все, исчез,— сказала она.— Пошли, мы можем украсть другую кобылу.

— Подожди. Я попытаюсь заставить ее оборвать привязь и прискакать к нам.

— А ты можешь это сделать?

— Сейчас увидим.

Я сконцентрировал всю свою волю и мысленно приказал кобыле встать на дыбы, разорвать повод, которым она была привязана, и подойти ко мне.

Не прошло и секунды, как она уже тянула и дергала кожаный повод, потом попятилась и оборвала его.

Громко цокая подковами по камням, она приблизилась к нам, и мы вмиг оказались на ее спине. Габриэль села впереди, а я пристроился за ней и, собрав в руках обрывки поводьев, пустил кобылу в бешеный галоп.

В тот момент, когда мы пролетали по мосту, я явственно ощутил какое-то движение вокруг и услышал ропот в умах смертных.

Однако нас уже поглотила гулкая темнота Иль-де-ля-Сите.

Как только мы оказались в башне, я зажег просмоленный факел и повел Габриэль в подземную темницу. Времени на осмотр верхних помещений башни уже не оставалось.

Пока мы спускались по выщербленным ступеням, она остекленевшим взглядом медленно осматривалась вокруг. Алое одеяние сияло на фоне черных камней. Чувствовалось, что царящая под землей сырость вызывает в ней отвращение.

Заметив, что ее беспокоит мерзкий запах, доносящийся из тюремных камер, я мягко объяснил ей, что он не имеет к нам никакого отношения. Когда мы достигли наконец подземного склепа и захлопнули за собой тяжелую, окованную железом дверь, запах совершенно перестал ощущаться.

В свете факела виднелись низкие своды потолка и три огромных каменных саркофага с высеченными на крышках изображениями.

Она совсем не казалась испуганной. Я предложил ей выбрать один из саркофагов и попробовать, сумеет ли она самостоятельно поднять его крышку. В крайнем случае я мог сделать это за нее.

Она внимательно рассмотрела высеченные изображения. Меньше чем через минуту она уже сделала выбор. Но это был не женский саркофаг, а тот, на котором был изображен рыцарь в полном вооружении. Медленно сдвинув в сторону крышку, она заглянула внутрь.

Сил у нее, конечно, было меньше, чем у меня, но все же вполне достаточно.

— Не бойся,— подбодрил я.

— Я не боюсь. Тебе не стоит волноваться на этот счет,— мягко ответила она.

Голос у нее был бархатным и слегка печальным. Поглаживая пальцами холодный камень, она о чем-то задумалась.

— В эту минуту твоя мать, наверное, уже лежала бы в гробу,— заговорила она.— Комнату наполнили бы отвратительные запахи и дым от сотен свечей. Ты никогда не задумывался о том, как унизительна сама по себе смерть? Совершенно посторонние, чужие люди сняли бы с нее одежду, обмыли ее и снова одели — они увидели бы, как истощена и измучена она жизнью, стали бы свидетелями ее полнейшей беззащитности в этом последнем сне. А столпившиеся в коридоре посетители стали бы шептаться между собой о том, какое у них хорошее здоровье, стали бы говорить, что в их семьях никто никогда не болел и они понятия не имеют, что такое чахотка. «Ах, бедняжка маркиза!» — восклицали бы они, а потом принялись бы интересоваться друг у друга, были ли у нее свои деньги, а если были, оставила ли она их своим сыновьям. А старуха, пришедшая, чтобы забрать в стирку испачканное белье, непременно стащила бы одно из колец с руки покойницы.

В ответ я лишь согласно кивал головой. На самом же деле, хотелось сказать мне, мы стоим посреди подземного склепа и собираемся улечься в каменные кровати, а компанию нам составят разве что крысы. И все же это лучше, чем то, о чем только что говорила она. Ибо в вечных скитаниях по темным, полным ужасов просторам есть своя мрачная прелесть.

Она выглядела уставшей, замерзшей и какой-то потухшей. Уже засыпая, она вытащила что-то из кармана.

Это были золотые ножницы, которые она прихватила с туалетного столика в одном из домов предместья Сен-Жермен. Безделушка сверкнула в свете факела.

— Нет, матушка! — воскликнул я, и сам удивился тому, как громко прозвучал мой голос, гулким эхом отдаваясь от каменных сводов.

Высеченные на саркофагах фигуры показались мне бесстрастными и безжалостными свидетелями того, что должно было сейчас произойти. Боль пронзила сердце, и я буквально замер на месте.

Ужасные звуки... лязг... шорох... и вот уже ее прекрасные локоны лежат на полу.

— О-о-о-о-о... матушка! —только и смог вымолвить я. Опустив голову, она поворошила их кончиком башмака, потом вновь взглянула на меня, и я увидел перед собой юношу, лицо которого обрамляли слегка вьющиеся пряди волос. Но глаза у нее совершенно слипались. Она протянула ко мне руки и уронила на пол ножницы.

— А теперь мне необходимо отдохнуть,— прошептала она.

Я заверил ее, что все дело лишь в приближающемся восходе солнца. Оказывается, она слабела гораздо раньше, чем я. Она повернулась и направилась к саркофагу. Я подхватил ее на руки, и глаза ее тут же закрылись. Сдвинув крышку подальше вправо, я осторожно опустил ее внутрь и дал ей возможность устроиться поудобнее.

Во сне ее обрамленное вьющимися волосами лицо было совершенно гладким и юным.

Мне вдруг показалось, что она умерла, ушла от меня навсегда, что мне не удалось совершить волшебное превращение.

Я не в силах был от нее оторваться.

Рот мой непроизвольно сжался, и зубы с такой силой вонзились в нижнюю губу, что я почувствовал сначала сильную боль, а потом и привкус крови. Склонившись над нею как можно ниже, я позволил сверкающей капельке своей крови коснуться ее губ. Сиренево-голубые глаза тут же открылись и пронзительным взглядом уставились на меня. Капелька крови скользнула в полуоткрытый рот, и Габриэль потянулась мне навстречу, чтобы ответить на мой поцелуй. Мой язык проник в ее рот, и я почувствовал, как холодны ее губы. Но кровь, которая текла между нами, была горячей.

— Спокойной ночи, дорогая моя,— шепнул я.— Мой темный ангел Габриэль...

Едва я выпустил ее из рук, она вновь неподвижно застыла. Я тихо задвинул над ней крышку.

4

Проснувшись во мраке подземного склепа, я почувствовал себя очень неуютно. Меня беспокоил ледяной холод воздуха, тревожил доносящийся из расположенной внизу темницы за-

пах. Мне показалось, что он шел именно оттуда, где лежали сваленные грудой мертвые тела.

Меня охватил страх. А что, если она не проснется? Что, если никогда не откроет глаза? Что знаю я в действительности о мною содеянном?

И в то же время мне казалось, что с моей стороны будет чрезвычайной наглостью вновь отодвинуть крышку и посмотреть на Габриэль во сне, как я смотрел перед тем, как отойти от нее накануне. Мне казалось, что я тем самым оскорблю ее. Словно обычный смертный, я почувствовал стыд. Дома я никогда бы не осмелился без стука открыть дверь ее комнаты, не говоря о том, чтобы отодвинуть полог ее кровати.

Она непременно проснется! Она должна! И будет лучше, если она сама поднимет и сдвинет крышку. Она поймет, что значит проснуться и встать. Жажда обязательно разбудит ее в нужный момент точно так же, как она всегда будила меня.

Я зажег закрепленный на стене факел и вышел, чтобы глотнуть свежего воздуха. Оставив двери незапертыми, я направился в комнату Магнуса, чтобы оттуда увидеть, как в небе догорают остатки вечерней зари и сумерки уступают место тьме.

Я был уверен, что непременно услышу, если Габриэль проснется и встанет.

Прошло, наверное, около часа. Я сидел на подоконнике, прислонившись спиной к железным прутьям решетки. Небесная лазурь окончательно исчезла, и в вышине засияли звезды. Вдалеке, в Париже, вспыхнули мириады крошечных огоньков. Я встал и подошел к сундуку, чтобы отобрать украшения.

Она всегда любила драгоценности. Навеки покидая свою комнату, она прихватила с собой несколько любимых вещиц. Чтобы лучше видеть, я даже зажег свечи, хотя на самом деле мне они были не так уж и нужны. Сам по себе свет казался мне красивым, а еще больше нравилось, как он играл и переливался в гранях драгоценных камней. Я нашел чудесные, очень изящные украшения: усеянные жемчужинами булавки, которые она сможет приколоть к лацканам своего мужского покроя сюртука, и кольца, которые на ее тонких пальцах будут казаться почти мужскими...

Время от времени я прислушивался в надежде, что раздадутся ее шаги. И вскоре сердце мое вновь сковал ледяной холод.

А вдруг она все же не встанет? Что, если ей была подарена всего одна ночь? При мысли об этом у меня в висках застучало от ужаса. Что толку тогда в заполняющих сундук драгоценностях? Красота световых бликов, пляшущих в гранях изумрудов и бриллиантов, для меня ровным счетом ничего не будет значить.

Я по-прежнему не слышал ни одного звука, свидетельствующего о ее присутствии. До меня доносились только шум ветра, шорох листьев в кронах деревьев, тихий свист мальчишки, прислуживающего на конюшне, ржание лошадей.

Издалека послышался перезвон колоколов деревенской церкви.

Неожиданно у меня возникло отчетливое ощущение, что за мной кто-то следит. Это было так непривычно, что я запаниковал. Резко повернувшись и едва не перевернув сундук, я стал пристально всматриваться в черное отверстие секретного лаза, но никого и ничего там не увидел.

Не было никого и в самой комнате — лишь отблески свечей плясали на поверхности крышки саркофага с высеченным на ней мрачным изображением Магнуса.

Однако, бросив взгляд на зарешеченное окно, я увидел ее. Прильнув к прутьям решетки, она смотрела прямо на меня.

Казалось, она просто парит в воздухе. Держась обеими руками за прутья, она улыбалась.

От неожиданности я едва не вскрикнул. Покрывшись с ног до головы холодным потом, я попятился от окна. Мысль о том, что меня вот так застали врасплох и я оказался совершенно беззащитным, привела меня в полное замешательство.

Она, однако, не сдвинулась с места, и улыбка ее из спокойной и даже безмятежной постепенно превратилась в озорную. Пламя свечей отражалось в ее глазах, отчего они, казалось, сверкали.

— Нехорошо пугать таким образом других себе подобных бессмертных,— сказал я.

Она засмеялась, и, должен признаться, никогда при ее жизни я не слышал, чтобы она смеялась так легко и свободно.

Услышав этот смех и увидев, как она двигается, я испытал сильнейшее облегчение. И тут же вспыхнул от смущения.

— Как ты там оказалась? — спросил я, подбегая к окну и хватая ее за руки.

Ее смеющийся рот был просто очарователен, а густая грива волос вокруг лица мерцала в темноте.

— Поднялась по стене — а как же еще? — ответила она.— Как еще могла я сюда попасть?

— Ладно, спускайся. Ты все равно не сможешь пролезть сквозь решетку. Я встречу тебя внизу.

— Ты прав. Я обследовала все до единого окна. Но лучше встреть меня возле верхних зубцов — так быстрее.

Она стала проворно взбираться по стене, с легкостью цепляясь носками башмаков за прутья решетки, и вскоре исчезла из виду.

Как и накануне, она была полна энергии.

— Почему мы торчим здесь и не отправляемся снова бродить по Парижу? — поинтересовалась она.

Несмотря на то что выглядела она очаровательно, что-то с ней было не так... но что именно?

Теперь ей уже не хотелось целоваться, у нее не было даже желания говорить. И я чувствовал, что это причиняет мне боль.

— Я хочу показать тебе внутренние покои,— сказал я,— и драгоценности.

— Драгоценности?

В окно она не могла видеть сокровища, так как их скрывала крышка сундука. Она пошла впереди меня сначала в ту комнату, в которой сгорел Магнус, а потом поползла по узкому тоннелю.

Содержимое сундука буквально потрясло ее.

Нетерпеливым жестом отбросив на спину волосы, она принялась перебирать броши, кольца, разного рода мелкие украшения, так похожие на те, которые когда-то достались ей по наследству и которые она была вынуждена продать одно за одним.

— Подумать только! Он, должно быть, собирал их сотни лет. Какие изысканные вещи! Он не брал что попало. Поистине это было необыкновенное существо!

И снова она почти сердито откинула назад волосы. Они стали светлее, гуще и приобрели здоровый блеск. Великолепные волосы!

— Взгляни на жемчуг,— посоветовал я,— и на эти кольца.

Я указал на те, что отобрал для нее чуть раньше. Взяв ее за руку, я надел кольца на тонкие пальцы. И пальцы дрогнули, словно способны были испытывать удовольствие. Она вновь рассмеялась.

— А из нас вышли поистине великолепные дьяволы! Ты согласен?

— Охотники из Сада Зла,— согласно кивнул я.

— В таком случае мы отправляемся в Париж.

Лицо ее чуть скривилось, будто от боли. Ее мучила жажда. Она провела языком по губам. Хотелось бы мне знать, привлекаю ли я ее хотя бы вполовину так, как она притягивает меня?

— Сегодня я хочу насытиться побыстрее,— продолжала она, убирая волосы со лба. По мере того как она говорила, глаза ее становились все темнее.— А потом мы покинем город и отправимся в лес. Пойдем туда, где нет людей — ни мужчин, ни женщин. Туда, где свободно гуляет ветер и сияют высоко в небе звезды. Где царствует благословенная тишина.

Она снова приблизилась к окну. Спина у нее была прямая и тонкая, а унизанные кольцами пальцы, казалось, жили сами по себе. Руки ее в той части, где не были прикрыты рукавами сшитого из толстой материи мужского сюртука, выглядели еще более изящными и совершенными по форме. Должно быть, она в тот момент любовалась плывущими в небе облаками и просвечивающими сквозь пурпурного оттенка ночной туман звездами.

— Мне необходимо навестить Роже,— едва слышно произнес я.— Я должен позаботиться о Ники и придумать для них какую-нибудь сказку относительно причин нашего исчезновения и того, что произошло с тобой.

Она резко обернулась, и лицо ее сделалось вдруг маленьким и холодным, похожим на то, каким я видел его в детстве в те минуты, когда она бывала чем-либо недовольна. Однако в точности таким оно уже не станет никогда.

— А зачем им говорить что-то обо мне? И вообще, стоит ли теперь о них думать?

Ее слова потрясли меня, хотя нельзя сказать, что слишком уж удивили. Наверное, я ожидал чего-либо подобного. Скорее всего, я мысленно слышал эти прежде не заданные вслух вопросы.

«Но ведь Ники сидел возле твоей кровати, когда ты умирала,— хотел сказать ей я.— Разве это ничего для тебя не значит?» Но я сознавал, что подобные фразы прозвучали бы по-человечески сентиментально и глупо.

Сам я, однако, совсем не считал их глупыми.

— Я не собираюсь быть тебе судьей,— заявила она, складывая руки и опираясь о подоконник.— Я просто не понимаю. Почему ты продолжал писать нам? Зачем посылал все эти подарки? Почему не захотел позаимствовать у луны этот ослепительно белый огонь и не отправился с ним куда хочется?

— А куда мне было идти? — спросил я.— Прочь от всех, кого я знал и любил? Но я не хотел забывать о тебе, о Ники, даже об отце и братьях. Я делал именно то, что хотел.

— Следовательно, совесть здесь ни при чем?

— Поступая по совести, ты делаешь именно то, что тебе хочется,— ответил я.— Но все гораздо проще. Мне хотелось, чтобы у тебя было состояние, и я дал его тебе. Я хотел, чтобы ты... была счастлива.

Она надолго задумалась.

— А ты хотела, чтобы я забыл тебя? — Вопрос мой прозвучал язвительно и зло.

— Нет, конечно же нет,— после долгой паузы промолвила она.— Я уверена, что, будь я на твоем месте, я тоже никогда бы тебя не забыла. Но что касается остальных... они меня совершенно не интересуют. Отныне я не хочу разговаривать ни с кем из них, даже видеть никого не хочу.

В ответ я лишь кивнул, хотя мне совсем не нравилось то, что она говорила. Она пугала меня.

— Я не в силах избавиться от сознания того, что умерла,— вновь заговорила она.— Теперь я навсегда отрезана от всего живого. Я вижу, слышу, обладаю чувствами, могу пить кровь. И в то же время я представляю собой нечто такое, что нельзя видеть. Я не могу оказывать влияние на ход вещей.

— Ты не права,— возразил я.— Неужели ты думаешь, что способности видеть, чувствовать, ощущать тебе будет вполне достаточно, если при этом у тебя не будет любви? И никого не окажется рядом?

Лицо ее выражало полное непонимание.

— Ах, да стоит ли говорить об этом сейчас? — продолжал я.— Когда я рядом с тобой. Когда мы вместе. Ты даже представить себе не можешь, каково мне было в одиночестве!

— Я расстраиваю тебя, а мне этого совсем не хочется. Скажи им все, что сочтешь нужным,— ответила она.— Возможно, тебе удастся придумать какую-нибудь правдоподобную историю. Не знаю... Если ты хочешь, чтобы я пошла с тобой, я пойду. Я сделаю все, о чем ты попросишь. Но меня интересует только один вопрос...— Она понизила голос.— Надеюсь, ты не захочешь поделиться с ними своими возможностями?

— Нет, никогда! — Я потряс головой, словно желая тем самым подчеркнуть невероятность предположения.

Я смотрел на драгоценности и думал о тех подарках, которые посылал всем им, о кукольном домике. Я ведь послал им кукольный домик. Я думал об актерах театра Рено, которые благополучно пересекли Ла-Манш и теперь находятся в безопасности.

— Даже с Никола?

— О Господи, да нет же!

Словно выражая удовлетворение моим ответом, она слегка наклонила голову. Потом вновь раздраженно откинула волосы.

— А почему ты не поделишься этим с Никола? — спросила она.

Мне очень хотелось прекратить этот разговор.

— Потому что он еще очень молод. У него впереди вся жизнь. Он не стоит на пороге смерти.— По мере того как я говорил, я чувствовал уже не просто смущение и беспокойство, я был в полном отчаянии.— Со временем он забудет нас...

«И наши с ним разговоры»,— хотел добавить я, однако промолчал.

— Но с таким же успехом он может умереть хоть завтра,— возразила она.— Например, попасть на улице под экипаж...

— Ты хочешь, чтобы я это сделал?

— Нет, не хочу. Но кто я такая, чтобы указывать тебе, что ты должен или не должен делать? Я просто стараюсь лучше тебя понять.

Тяжелая копна длинных волос снова покрыла ее плечи, и она раздраженно схватила их обеими руками.

И вдруг, издав какой-то странный шипящий звук, неподвижно застыла, неотрывно глядя на зажатые в пальцах длинные пряди.

— О Господи!

Она нервным движением отшвырнула от себя блестящие локоны и дико закричала.

Крик ее отозвался в моей голове нестерпимой болью и буквально парализовал меня. Я никогда не слышал ничего подобного — она кричала так, словно горела в огне. Прислонившись спиной к решётке окна и не отрывая взгляда от волос, она кричала все громче и громче. Протянув было руку, чтобы коснуться локонов, Габриэль тут же отдернула ее, словно они были раскаленными. Она кричала и билась в проеме окна, металась из стороны в сторону, как будто стремилась убежать от собственных волос.

— Прекрати! — рявкнул я, хватая ее за плечи и сильно встряхивая.

Она уже задыхалась. Я сразу понял, в чем дело: ее волосы снова отросли. Пока она спала, они вновь обрели ту же длину, что и прежде. Мало того, они стали еще более густыми и блестящими. Это и показалось мне в ней странным, хотя я не сразу понял, что именно не так. А она заметила это только сейчас.

— Прекрати! Сейчас же прекрати!!! — рявкнул я еще громче. Она дрожала так сильно, что я с трудом мог удержать ее в руках.— Они всегда отрастают снова, вот и все. Это вполне естественно. Неужели ты сама не понимаешь? В этом нет ничего особенного.

Она пыталась прийти в себя, но продолжала судорожно всхлипывать и вскрикивала, как от ожога, каждый раз, когда ее пальцы касались локонов. Она отталкивала меня, старалась высвободиться из моих рук и вдруг в ужасе стала рвать на себе волосы.

Я снова принялся трясти ее, на этот раз изо всех сил.

— Габриэль! — кричал я.— Ты меня понимаешь? Они отросли снова, и так будет происходить всякий раз, когда ты захочешь обрезать их. Ничего ужасного в этом нет. Ради самого дьявола, успокойся же наконец!

Я чувствовал, что сам сойду с ума, если она немедленно не успокоится. Меня уже колотило так же сильно, как и ее.

Она перестала кричать и теперь лишь тяжело дышала. Никогда в жизни, за все годы, прожитые рядом с ней в Оверни, я не видел ее в таком состоянии. Она безропотно позволила усадить себя на скамью. Прижав руки к вискам и медленно раскачиваясь взад и вперед, она старалась отдышаться и прийти в себя.

Я оглянулся вокруг в поисках ножниц, но у меня их не было. Маленькие золотые ножницы остались лежать на полу в нижнем склепе. И тогда я вытащил нож.

Закрыв лицо руками, она продолжала тихо всхлипывать.

— Ты хочешь, чтобы я снова обрезал их? — спросил я.

Она ничего не ответила.

— Послушай меня, Габриэль,— заговорил я и отнял руки от ее лица.— Если тебе так больше нравится, я обрежу твои волосы снова. Я буду обрезать и сжигать их каждую ночь. Вот и все.

Она неожиданно стала такой тихой и спокойной, что я даже растерялся, не зная, что делать дальше. Кровавые слезы оставили следы на ее лице и рубашке. Вся ее одежда была в крови.

— Ты хочешь, чтобы я их обрезал? — повторил я.

Она выглядела так, словно кто-то избил ее до крови. В широко раскрытых глазах застыло недоумение, а по гладким щекам тихо стекали кровавые слезы. Но постепенно поток их прекратился, и они высыхали, превращаясь в темную корку.

Отделанным кружевами носовым платком я нежно вытер ее лицо. Потом направился к вороху одежды, сшитой для меня в Париже и привезенной сюда, в башню.

Я снял с нее сюртук — при этом она не сделала ни одного движения, чтобы помочь или помешать мне. Расстегнул на ней рубашку.

Грудь ее была совершенной формы, и на ослепительной белизне выделялись лишь бледно-розовые маленькие соски.

Стараясь не смотреть на них, я быстро застегнул на ней чистую рубашку. Потом стал расчесывать ее волосы и делал это очень долго, не желая прикасаться к ним острым лезвием своего ножа. Когда они наконец укрыли ее ровной и длинной волной, я надел на Габриэль сюртук.

Я чувствовал, как к ней возвращаются силы и она вновь обретает присутствие духа. Казалось, она ничуть не стыдится то-

го, что произошло, и меня это радовало. Она просто обдумывала все случившееся и размышляла, не произнося ни слова и не делая ни одного движения.

— Когда я был маленьким,— вновь заговорил я,— ты часто рассказывала мне о тех местах, где тебе пришлось побывать. Помнишь, ты показывала мне картины с видами Неаполя и Венеции? И старинные книги. У тебя были всякие вещицы, сувениры из Лондона, Санкт-Петербурга и других городов и стран, которые ты видела.

Она по-прежнему молчала.

— Я хочу отправиться туда вместе с тобой. Я тоже хочу их увидеть и пожить там. Более того, мы отправимся намного дальше и посетим те места, о которых при жизни я не смел и мечтать.

В лице ее что-то изменилось.

— Ты знал, что они отрастут снова? — шепотом спросила она.

— Нет... то есть да... то есть я не думал об этом... Мне следовало знать, что все произойдет именно так.

С совершенно безучастным выражением лица она еще долго не сводила с меня пристального взгляда.

— Неужели все это никогда... тебя... не пугало? — промолвила она, и голос ее был странно гортанным, совершенно незнакомым.— Неужели ничто... никогда... не могло тебя... остановить? — Ее полуоткрытый рот был прекрасен и выглядел совсем по-человечески.

— Не знаю,— беспомощно прошептал я в ответ.— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Меня вдруг охватило смущение. Я снова заговорил о том, что готов обрезать ей волосы каждую ночь, а потом сжигать их. Все очень просто.

— Да, сжигать...— со вздохом согласилась она.— Иначе со временем они заполнят все помещения башни. Словно волосы сказочной Златовласки. Или как в той сказке о дочери мельника, которая по приказу злого карлика пряла золотые нити из соломы.

— Мы сочиним собственные сказки, любовь моя! Пойми, это лишний раз свидетельствует о том, что теперь тебя никто и

ничто не сможет уничтожить. Все твои раны всегда будут заживать. Ты настоящая богиня!

— И богиня умирает от жажды.

Несколько часов спустя, обо всем уже позабыв, мы шли по заполненным толпами бульварам, держась за руки, словно двое влюбленных. Наши лица порозовели, а кожа была теплой.

Однако я не захотел оставить ее одну и не пошел к своему адвокату. А она не стремилась найти открытое, свободное пространство где-нибудь вне Парижа, как хотела сделать это прежде. Мы держались как можно ближе друг к другу, и время от времени слабое свечение, свидетельствовавшее о присутствии неизвестных существ, заставляло нас оглядываться по сторонам.

5

К трем часам ночи мы добрались до платных конюшен и к этому моменту уже твердо были уверены в том, что странные существа неотступно следят за нами.

В течение получаса или даже минут сорока пяти мы могли не слышать и не ощущать их присутствия, но потом слабый глухой шум появлялся вновь. Это буквально сводило меня с ума.

Несмотря на все попытки уловить хоть какие-то мысли, мы ощущали лишь исходящую от них злобу и время от времени слышали слабый шум, напоминающий шорох листьев на фоне рева бушующего пламени.

Она радовалась, что мы наконец-то едем домой. Не то чтобы ее раздражали эти существа. Просто, как она говорила мне чуть раньше, ей необходимо было оказаться в тишине и покое, на свободном пространстве вне пределов города.

Выехав в поле, мы понеслись с такой скоростью, что ветер засвистел в ушах, и мне показалось, что она засмеялась, хотя, возможно, я и ошибался. В не меньшей степени, чем мне, ей нравилось ощущение свободы и бьющего в лицо ветра; она любовалась ярким сиянием звезд на черном фоне неба и возвышающихся вокруг холмов.

Мне очень хотелось знать, были ли в тот вечер такие минуты, когда втайне от меня она в глубине души плакала. Иногда я

видел ее молчаливой и задумчивой и замечал, что она моргает, словно стремясь смахнуть с глаз слезы, но самих слез я так и не разглядел.

Именно эти мысли беспокоили меня в тот момент, когда мы подъехали к густому лесу, росшему по обоим берегам неширокого ручья. Из глубокой задумчивости меня вывело резкое движение моей кобылы, которая вдруг попятилась, встала на дыбы и рванула в сторону.

От неожиданности я едва не вывалился из седла. Габриэль крепко вцепилась мне в правую руку.

Каждую ночь я проезжал по этой небольшой поляне, на полной скорости проскакивая деревянный мост, перекинутый над водным потоком. Мне нравился цокот копыт по деревянному настилу и то, как резво взлетает лошадь по склону противоположного берега. Кобыла моя прекрасно знала дорогу. Но теперь она словно забыла ее.

Она испуганно пятилась и, казалось, готова была снова встать на дыбы, но вдруг повернулась и галопом помчалась обратно в сторону Парижа. Невероятным усилием воли мне все же удалось привести ее в чувство и заставить остановиться.

Габриэль оглядывалась назад, всматриваясь в густые заросли, в темные колышущиеся кроны деревьев, скрывшие от наших глаз ручей. И сквозь завывание ветра и шелест листвы до нас отчетливо донеслись звуки, свидетельствующие о присутствии непонятных существ.

Мы услышали их одновременно, потому что, когда я обнял и прижал к себе Габриэль, она кивнула и крепко ухватилась за мою руку.

— Присутствие ощущается сильнее,— сказала она,— и на этот раз существо не одно.

— Да! — в ярости воскликнул я, перехватывая Габриэль левой рукой, а правой обнажая шпагу.— И они встали на моем пути к собственному дому!

— Но ты же не станешь драться с ними?! — воскликнула Габриэль.

— А как еще?! — ответил я, пытаясь удержать лошадь.— До рассвета остается меньше двух часов! Вытаскивай шпагу!

Она хотела было повернуться ко мне и что-то сказать, но я уже стремительно направил кобылу вперед. Габриэль послушно вытащила из ножен шпагу.

Я был уверен, что, как только мы приблизимся к зарослям, существа исчезнут. До сих пор они всегда скрывались, трусливо поджав хвосты, и не осмеливались причинить нам вред. Меня душил гнев при мысли о том, что они посмели испугать мою кобылу и Габриэль.

Я дал лошади шпоры и усилием воли заставил ее нестись прямо на мост.

Крепко вцепившись в рукоять шпаги, я низко пригнулся к спине лошади, прикрывая собой Габриэль. В эту минуту клокочущая в душе ярость превратила меня в огнедышащего дракона. Копыта лошади гулко зацокали по деревянному настилу, и в ту же секунду я впервые увидел демонов!

Над нами мелькнули их совершенно белые лица и руки. С ужасающим визгом они трясли нависающие над мостом ветви деревьев, осыпая нас градом листьев.

— Да будьте вы прокляты, свора отвратительных гарпий! — взревел я, устремляя кобылу вверх по склону противоположного берега, но тут Габриэль испуганно вскрикнула.

Что-то упало позади нас на круп лошади, копыта которой скользили по мокрой земле. Это нечто вцепилось мне в плечо и в сжимающую шпагу руку, не позволяя как следует размахнуться.

Пронеся шпагу над головой Габриэль, я в бешенстве ударил существо, и оно рухнуло на землю, сверкнув в темноте белой искрой. И в тот же миг на нас свалилось другое, с руками, похожими на звериные лапы с когтями. Шпага Габриэль резанула по протянутой к нам длани, и я увидел, как та взлетела в воздух и из раны струей хлынула кровь. Крики превратились в душераздирающий вой. Я готов был разорвать врагов на куски и так резко развернул кобылу, что она встала на дыбы и едва не упала.

Однако цепляющаяся за лошадиную гриву Габриэль сумела удержать ее и направить в сторону дороги.

Мы неслись во весь опор к башне и все время слышали за спиной вопли и визг преследующих нас существ. Когда кобыла окончательно выдохлась, нам пришлось ее бросить на дороге и, взявшись за руки, побежать дальше, к воротам.

Я понимал, что мы непременно должны проникнуть через тайный лаз во внутренние покои башни, прежде чем твари успеют вскарабкаться на стену. Они ни в коем случае не должны видеть, как мы ставим на место камень.»

Быстро заперев за собой ворота и двери, я потащил Габриэль вверх по ступеням.

Едва мы успели оказаться в тайной комнате и поставить на место камень, закрывающий проход, я услышал внизу их вопли, визг и скрежет когтей по каменной стене.

Схватив охапку дров, я разбросал их под окном.

— Скорее! Зажигай! — крикнул я Габриэль.

Но полдюжины отвратительных морд уже бесновались за решеткой. Их визг и вопли ужасным эхом отдавались от стен маленького помещения, на какой-то момент я лишился способности мыслить и мог лишь пятиться в ответ, не сводя с них взгляда.

Словно стая летучих мышей, они облепили решетку. Но это были не летучие мыши. Это были вампиры! Такие же вампиры, как и мы, обладающие человеческим обликом.

Из-под спутанных, слипшихся волос на нас уставились темные глаза, ор становился все яростнее и громче, а на вцепившихся в прутья решетки пальцах засохли комья грязи. Насколько я мог видеть, существа были одеты в какие-то бесцветные лохмотья, от которых исходил нестерпимо отвратительный могильный запах.

Габриэль разбросала возле стены тонкие палочки для растопки, едва успев отскочить и увернуться от пытавшихся схватить ее рук. Твари выпустили когти и яростно вопили, стараясь достать поленья и швырнуть их в нас. Все вместе они так трясли решетку, что, казалось, вот-вот выдернут ее из стены.

— Возьми трутницу! — крикнул я, хватая самое толстое полено и ударяя им в лицо одному из мерзких существ, которое было ближе всех ко мне.

Гадина с воплем полетела вниз, в то время как остальные, вцепившись руками в полено, пытались вырвать его из моих рук. Мне тем не менее удалось столкнуть со стены еще одного демона. Габриэль наконец подожгла разбросанные дрова.

Пламя взметнулось вверх. Вопли и вой сменились неистовым потоком вполне понятной человеческой речи:

— Огонь! Скорее! Назад! Спускайтесь вниз! Да пустите же, прочь с дороги, идиоты! Вниз! Вниз! Прутья уже раскалились! Уходите! Быстро!

Абсолютно правильная французская речь. Точнее, все убыстряющийся поток ругательств.

Я не выдержал и расхохотался, топая ногами. Обернувшись к Габриэль, я указал на бегущих врагов.

— Будь ты проклят, богохульник! — завопил один из них, но в этот миг пламя лизнуло его пальцы и он с воем рухнул вниз.

— Будьте вы прокляты, нечестивые отступники! — послышались крики снизу. Вскоре голоса слились в громкий единый вопль: — Да будут прокляты нечестивые отступники, осмелившиеся войти в дом Бога!

Однако твари продолжали поспешно спускаться вниз. Огонь уже охватил даже самые толстые поленья, и пламя с ревом взметнулось к самому потолку.

— Отправляйтесь туда, откуда пришли, возвращайтесь в свои могилы, вы, кучка бандитов! — крикнул я и с удовольствием швырнул бы им вслед парочку горящих поленьев, если бы только мог подойти поближе к окну.

Прищурив глаза, Габриэль стояла совершенно неподвижно, напряженно прислушиваясь.

Снизу по-прежнему доносились вопли и вой, послышался новый поток ругательств в адрес тех, кто посмел нарушить священные законы, совершил святотатство и тем самым вызвал гнев и Бога, и сатаны. Они дергали ворота и пытались выломать решетки окон нижнего этажа — твари были настолько глупы, что швыряли камнями в стены.

— Они не могут проникнуть внутрь,— проговорила Габриэль, склонив голову набок и прислушиваясь к происходящему за стеной.— Не в силах сломать ворота.

Я, однако, не был в этом уверен. Петли ворот заржавели от старости и едва ли были столь крепкими. Ничего не поделаешь, оставалось только ждать.

Я буквально рухнул и прислонился спиной к саркофагу, скорчившись и прижимая руки к груди. У меня не было сил даже смеяться.

Она тоже села возле стены на пол и вытянула перед собой ноги. Грудь ее тяжело вздымалась, а волосы растрепались и стояли вокруг лица и шеи наподобие капюшона кобры. Несколько прядей прилипли к белым щекам. Одежда на ней почернела от сажи.

Жара в комнате становилась почти нестерпимой. Воздуха не хватало, все было заполнено дымом и пламенем, уничтожившим черноту ночи. Однако нам было достаточно и того воздуха, который еще оставался. Мучились мы только от страха и безмерной усталости.

Постепенно я убеждался в том, что она оказалась совершенно права в отношении крепости ворот. Им так и не удалось их сломать. Я слышал, как существа удалялись.

— Да падет гнев Божий на головы нечестивых отступников!

Со стороны конюшен послышался какой-то шум. Перед моим мысленным взором предстала картина, заставившая меня затрястись от гнева: я увидел, как эти мерзавцы вытаскивают из укрытия моего придурковатого мальчишку-конюха. Они посылали мне мысленные картины убийства этого бедняги. Будь они прокляты!

— Успокойся,— сказала мне Габриэль,— все равно уже слишком поздно.

Ее глаза на миг широко открылись, но затем она снова прищурилась и напрягла слух. Несчастный мальчишка был мертв.

Смерть его представилась мне в виде маленькой птички, взлетевшей над крышей конюшни. Габриэль тоже, как будто увидев ее, подалась всем телом вперед, а потом откинулась обратно к стене и, похоже, потеряла сознание. Но это было не так. Она пробормотала что-то, и мне послышались слова «красный бархат», хотя она произнесла их так тихо, что я не был в этом уверен.

— Вы поплатитесь, негодяи! — произнес я вслух, усилием воли направляя слова так, чтобы они достигли ушей тварей.— Вы посмели посягнуть на мой дом, и я клянусь, вы не останетесь безнаказанными!

Однако я чувствовал, как постепенно тяжелеет мое тело. Жар от огня был ужасным. Да и события прошедшей ночи не могли пройти для меня даром.

Яркое пламя и страшная усталость не позволяли мне определить, который час. Мне показалось, что я задремал буквально на мгновение, но сколько именно проспал, определить не смог. Проснулся я от озноба.

Подняв глаза, я увидел неземного очарования юношу, почти мальчика, который ходил из угла в угол комнаты.

Конечно же, это была Габриэль.

6

Она мерила шагами комнату, и от нее исходило ощущение неистовой силы, бушующей страсти, но в то же время двигалась она чрезвычайно грациозно. Габриэль ударяла ногой по все еще тлеющим поленьям, наблюдая, как от удара на миг вспыхивает пламя, после чего поленья снова превращаются в почерневшие головешки. Теперь я мог снова видеть небо. У нас оставалось не более часа.

— И все-таки, кто же они такие? — спросила она. Габриэль остановилась прямо надо мной, широко расставив ноги и воздев к небу изящные руки.— Почему называют нас нечестивыми отступниками и богохульниками?

— Я рассказал тебе все, что знаю,— ответил я.— До этой ночи я понятия не имел, что у них вообще есть лица, руки, ноги и голоса.

Я поднялся с пола и отряхнул одежду.

— Они проклинали нас за то, что мы осмелились войти под своды храма,— сказала она.— Ты видел те образы, которые они нам посылали? Они никак не могут понять, каким образом нам это удалось. Сами они никогда не осмелятся совершить что-либо подобное.

Я впервые видел ее дрожащей. Были и другие признаки ее встревоженного состояния: то, как подрагивала кожа вокруг глаз, то, как она снова и снова нервно отбрасывала назад липнувшие ко лбу пряди волос.

— Габриэль,— начал я, стараясь придать голосу как можно больше спокойствия и уверенности,— сейчас самое главное выбраться отсюда. Нам неизвестно, когда просыпаются эти существа и как скоро после захода солнца они сюда вернутся. Необходимо найти другое укрытие.

— А подземный склеп?

— Еще худшая западня, чем эта. Если им удастся сломать ворота.— Я взглянул на небо и направился к камню, закрывающему проход.— Пошли.

— Но куда же мы пойдем? — спросила она. Впервые за эту ночь она показалась мне хрупкой и беззащитной.

— В деревню, расположенную к востоку отсюда. Уверен, что сейчас самым безопасным укрытием для нас будет деревенская церковь.

— И ты сделаешь это? Войдешь в церковь?

— Конечно, сделаю. Ведь ты же сама только что сказала, что эти чудовища никогда не осмелятся вторгнуться туда. А склепы под алтарем такие же глубокие и темные, как любые другие могилы.

— Но Лестат! Прятаться под самым алтарем?!

— Матушка, вы меня удивляете! Я убивал свои жертвы под сводами собора Нотр-Дам!

И тут в голову мне пришла еще одна идея. Я подошел к сундуку Магнуса и стал перебирать сокровища. Наконец я нашел то, что искал,— жемчужные и изумрудные четки с прикрепленными к ним маленькими распятиями.

Она стояла с белым, искаженным лицом, не сводя с меня пристального взгляда.

— Вот, возьми,— сказал я, протягивая ей изумрудные четки.— Надень их на себя. Если нам все же придется столкнуться с этими тварями еще раз, покажи им четки. Если я не ошибаюсь, они непременно убегут от одного их вида.

— А что будет, если нам не удастся найти безопасное укрытие внутри церкви?

— Откуда мне знать? Мы вернемся сюда.

Она смотрела на бледнеющие за окном звезды и явно колебалась. Я чувствовал, как от нее исходят волны охватывающего ее страха. Она совсем недавно пересекла черту, прошла сквозь завесу, за которой ее ждала вечность, и вот снова оказалась в опасности.

Я быстро подошел и поцеловал ее, потом взял у нее четки и опустил их в карман ее камзола.

— Изумруды символизируют вечную жизнь, матушка,— сказал я.

Габриэль вновь стала похожей на совсем юного мальчика. В отблесках догорающего огня четко вырисовывались линии ее щек и рта.

— Значит, я была права,— прошептала она,— ты никого и ничего не боишься.

— А если и так, что из того? — спросил я, пожимая плечами, и потянул ее за руку к проходу.— Это нас должны бояться. Всегда помни об этом.

Когда мы подошли к конюшням, я увидел, что мальчишка принял поистине ужасную смерть. Его скрюченное, переломанное тело валялось на усыпанном соломой полу, брошенное туда каким-то неведомым великаном. Затылок был разбит. И будто в насмешку над юношей, а быть может, и надо мной тоже они нарядили его в бархатный сюртук, какие носят только господа. Красный бархат... именно эти слова она прошептала в тот момент, когда они совершали свое чудовищное преступление. Тогда как я наблюдал только смерть. Я с отвращением отвернулся и обнаружил, что конюшня пуста — все лошади исчезли.

— Они дорого за это заплатят! — в гневе воскликнул я.

Я взял ее за руку, но Габриэль никак не могла оторвать взгляд от тела бедняги, словно оно притягивало ее против воли. Наконец она посмотрела в мою сторону.

— Я замерзла,— шепотом призналась она.— Я слабею, и ноги мои подкашиваются. Мне необходимо, очень нужно оказаться там, где совершенно темно. Я чувствую, что это так.

Я быстро повел ее через ближайший холм в сторону дороги.

Стоит ли говорить, что на церковном кладбище мы не встретили ни одного воющего и вопящего монстра. Впрочем, на этот счет я и не сомневался. Уже много лет старые могилы никто не разрывал и не беспокоил.

Габриэль больше не спорила со мной и не заговаривала на эту тему.

Я почти на руках донес ее до боковой двери и сломал замок.

— Я совсем закоченела, и у меня болят глаза,— едва слышно шептала она.— Куда-нибудь... где темно...

Но, когда я готов был переступить порог, она вдруг остановила меня.

— А что, если они были правы и нам запрещено входить в Божий храм?

— Сущая чепуха и бред,— ответил я.— В Божьем храме нет никакого Бога.

— Не говори так...— со стоном взмолилась она.

Я провел ее через ризницу, и мы подошли к алтарю. Она закрыла руками лицо, а когда отняла ладони, то взгляд ее был устремлен прямо на висевшее над дарохранительницей распятие. Она вдруг вскрикнула и едва не задохнулась. Но испугало ее не распятие. Повернувшись ко мне, она заслонилась руками

от витражных окон. Лучи восходящего солнца, которые я даже не ощущал, уже сжигали ее.

Я подхватил ее на руки. Необходимо было найти какой-нибудь старый склеп, в котором давно никого не хоронили. Я бросился к алтарю Пресвятой Девы, где надписи показались мне почти стертыми. Встав на колени, я стал торопливо царапать ногтями землю вокруг одной из плит, пока наконец мне не удалось поднять камень. Под ним открылась глубокая черная яма могилы, в которой находился один-единственный полуразвалившийся гроб.

Втащив Габриэль следом за собой в могилу, я поставил на место плиту.

Нас окружила чернильно-черная тьма, гроб подо мной треснул, и я ткнулся рукой в рассыпающийся от времени череп. В грудь мне уперлись острые кости.

— Да... подальше от света...— словно в состоянии транса прошептала Габриэль.

— Мы в безопасности,— шепнул я в ответ.

Отшвырнув в сторону кости, я расчистил место и уложил ее на ложе из полусгнивших досок и нраха, который был слишком стар, чтобы сохранять запах человеческого тлена.

Сам я не в силах был заснуть еще в течение часа или даже больше.

Меня не покидали мысли о бедном мальчике, которого жестоко убили и бросили, нарядив в изящный сюртук из красного бархата. Я уже видел этот сюртук, вот только никак не мог вспомнить где. Быть может, это один из моих сюртуков? Неужели им удалось проникнуть в башню? Нет, совершенно невозможно. Они не могли туда войти. Или они каким-то образом раздобыли точно такой же, как и у меня, сюртук? Столько трудов, чтобы поиздеваться надо мной? Едва ли. И вообще, как такие существа могли сделать это? И все же... сюртук... Что-то такое с ним...

7

Когда я открыл глаза, то услышал чудесное, нежное пение. И, как это часто бывает, прекрасная музыка заставила меня мысленно перенестись во времена детства, когда зимними ве-

черами мы всей семьей отправлялись в деревенскую церковь. Мы часами стояли в свете сотен горящих свечей, вдыхая тяжелый и чувственный запах ладана и глядя на священника, который шел во главе процессии, высоко подняв перед собой дароносицу.

Я вспоминал спрятанный под толстым стеклом лик Господа в сиянии золота и драгоценных камней и вышитый покров над ним, который опасно нависал и клонился в сторону, в то время как одетые в кружевные стихари мальчики несли образ, стараясь изо всех сил держать его как можно прямее.

Слова старого гимна, исполняемого во время тысяч и тысяч последующих богослужений, навсегда врезались в мою память:

O Salutas Hostia
Quae caeli pandis ostium
Bella premunt hostilia,
Da robur, fer auxillium...

Я лежал среди человеческих останков, высыпавшихся из развалившегося старого гроба, под плитой из белого мрамора в алтаре бокового придела храма; рядом, тесно прижавшись ко мне всем телом, по-прежнему крепко спала Габриэль... И до меня медленно начало доходить, что в эти минуты над моей головой сотни людей поют именно этот гимн.

В храме полно народа! И мы не сможем выбраться из проклятой могилы до тех пор, пока все молящиеся не уйдут!

Я чувствовал, что вокруг меня в темноте копошатся какие-то существа, ощущал запах разрушающегося скелета, на котором лежал. Чувствовал запах земли, ее сырость и исходящий от нее жгучий холод.

Обнимавшие меня руки Габриэль походили на руки мертвеца, а на ее совершенно белом лице отсутствовало всякое выражение.

Я старался лежать неподвижно и ни о чем не думать.

Я слышал дыхание сотен, может быть, даже целой тысячи людей наверху. Они запели следующий гимн.

Что там дальше? Литания и благодарственные молитвы? Мысли мои были мрачны как никогда. Именно этой ночью мне крайне необходимо было выбраться отсюда как можно быстрее, и у меня совсем не было времени на воспоминания и меч-

ты. Перед моими глазами вновь возник сюртук из красного бархата, а вместе с ним появилось странное беспокойство и меня пронзила острая боль.

Неожиданно Габриэль открыла глаза. Конечно, в кромешной тьме я не мог этого видеть, но сразу же почувствовал, что она просыпается и тело ее постепенно оживает.

Не успев даже пошевелиться, она в тревоге застыла. Я приложил к ее губам руку.

— Лежи тихо,— шепнул я, чувствуя, что она напряглась от ужаса.

Наверное, Габриэль вспомнились все кошмары прошедшей ночи, и теперь ей казалось, что она обречена вечно лежать в черной могиле рядом с полурассыпавшимся скелетом и никогда не сможет поднять закрывающую яму плиту.

— Мы в храме,— шепнул я.— И мы в безопасности. Пение продолжалось. «Tantum ergo Sacramentum, Veneremur cernui...»

— Нет, там идет богослужение,— в ужасе выдохнула она.

Она старалась лежать тихо, но это оказалось выше ее сил, и мне пришлось крепко схватить ее за руки.

— Мы должны выбраться отсюда! — твердила она.— Лестат, перед алтарем совершается святое причастие! Во имя Господа!

Деревянные обломки гроба скрипели и ударялись о камни, и мне пришлось навалиться на нее и своим телом крепко прижать к дну могилы.

— Ты слышала, что я сказал? Сейчас надо лежать тихо. Нам остается только ждать. У нас нет другого выбора.

Однако ее панический ужас начинал передаваться и мне. Я чувствовал, как под моими коленями с хрустом ломаются старые кости, обонял запах тлена. Казалось, отвратительная вонь разложения проникает сквозь стены могилы, и я знал, что не смогу долго выдержать это вынужденное затворничество.

— Мы не можем...— задыхаясь шептала она,— не можем здесь оставаться. Я должна выйти отсюда! — Она едва не плакала.— Лестат, я не могу!

Она стала ощупывать руками стены и плиту над головой, время от времени вскрикивая от ужаса.

Песнопения наверху смолкли. Сейчас священник поднимется по ступеням алтаря и возьмет в руки дароносицу, а по-

том обернется к пастве и благословит всех присутствующих. Габриэль, конечно, тоже знала это. Я чувствовал, что она практически утратила способность мыслить здраво и могла лишь биться и извиваться подо мной, едва не сбрасывая меня в сторону.

— Ну хорошо, слушай,— не в силах больше удерживать ее, свистящим шепотом заговорил я.— Сейчас мы выйдем отсюда. Но сделаем это так, как и положено настоящим вампирам. Ты понимаешь меня? В храме около тысячи человек, и мы должны перепугать их до смерти. Я подниму плиту, и мы появимся вместе. Но когда это произойдет, ты должна выглядеть как можно более ужасающе, хорошо бы еще и жутко орать при этом. Тогда, вместо того чтобы наброситься на нас и потащить в тюрьму, они отпрянут и таким образом освободят нам путь к выходу.

Не удостоив меня даже ответом, она продолжала биться, пятками кроша в труху старое дерево.

Я встал и мощным ударом обеих рук вытолкнул наверх мраморную плиту, а следом выскочил сам — именно так, как и собирался: с жутким выражением лица и взметнувшимся над головой, словно крылья, плащом.

В ярком сиянии множества свечей я оказался как раз в том месте, где стоял хор, и постарался издать самый ужасающий крик, на какой только оказался способен.

Сотни людей одновременно вскочили на ноги, и из сотен ртов вырвался единый вопль.

Издав еще один крик, я схватил за руку Габриэль и, перепрыгнув через ограждение престола, бросился вместе с ней прямо в толпу. В то время как я тащил ее за собой по боковому приделу, она дико визжала, подняв над головой руку, согнутую наподобие звериной лапы. Вокруг нас началась страшная паника — все, и мужчины, и женщины, кричали, вопили, пятились, прижимая к себе и стараясь укрыть детей.

Тяжелые двери сразу же распахнулись, и мы оказались на свежем воздухе, под черным, усыпанным звездами небом. Толкнув Габриэль вперед, я обернулся и издал еще один ужасный вопль. Толпа верующих, увидев мои поднятые вверх и протянутые к ним руки с длинными когтями, словно обезумела и в

страхе застыла на месте. Опасаясь, что кто-то все же очнется и бросится следом за нами, я вытащил из карманов полные пригоршни золотых монет и швырнул их на мраморные плиты пола.

— Дьявол бросает деньги! — взвизгнул кто-то.

Мы помчались через церковное кладбище и начинавшееся за ним поле.

Не прошло и минуты, как мы уже оказались в густом лесу, и я почувствовал запах конюшни, доносящийся из-за деревьев,— там стоял чей-то большой дом.

Я замер, прислушался, от напряжения согнувшись почти вдвое, и ощутил присутствие лошадей. Мы помчались на глухой стук копыт о деревянный настил.

Перепрыгнув вместе с Габриэль через невысокое ограждение, я дернул дверь конюшни и сорвал ее с петель. Как раз в этот момент красавец мерин сломал стенку своего стойла и вылетел нам навстречу. Мы вскочили на его спину — Габриэль устроилась впереди, а я обхватил ее сзади рукой и крепко прижал к себе.

Всадив пятки в бока мерина, я направил его галопом через лес на юг, в сторону Парижа.

8

По пути я попытался составить хоть какой-то план действий, хотя совершенно не представлял себе, что следует делать дальше.

Я не видел абсолютно никакой возможности избежать встречи с отвратительными чудовищами. Впереди нас ждала битва. Ситуация мало чем отличалась от той, когда я направлялся в горы, чтобы сразиться с волками, не имея ничего, кроме клокочущей в душе ярости и воли к победе.

Едва достигнув тесного скопления крестьянских домиков в районе Монмартра, буквально на доли секунды мы почувствовали присутствие тварей и услышали слабые отголоски их ропота. Это эхо вызывало во мне столь же неприятное ощущение, как и нездоровые, ядовитые испарения.

Чтобы как следует подготовиться к битве, нам с Габриэль необходимо было срочно подкрепиться.

Мы остановились возле одного из крестьянских домов, прокрались через сад к задней двери и вошли. Внутри мы обнаружили мужчину и женщину, дремлющих возле пустого очага.

Когда все было закончено, мы вместе вышли в небольшой огород и остановились, глядя в серое небо и прислушиваясь к тому, что происходит вокруг. Никаких признаков присутствия тварей. Вокруг стояла полная тишина. Мы ощущали только приятное тепло разливающейся по нашим телам крови и приближение дождя, которым грозили сгущающиеся в небе тучи.

Я мысленно отдал приказ мерину подойти и, собрав поводья, повернулся к Габриэль.

— Думаю, нам ничего не остается, кроме как отправиться в Париж,— сообщил я.— И если они встанут на нашем пути, мы встретимся с ними лицом к лицу. Но прежде чем они появятся и вновь начнут против нас войну, мне необходимо успеть кое-что сделать. Я должен позаботиться о Ники. Мне надо поговорить с Роже.

— Тебе не кажется, что сейчас не время заниматься этой присущей смертным ерундой? — спросила она.

Ее светлые волосы и одежда по-прежнему были испачканы могильной грязью, и сейчас она походила на ангела, вываляннного в помоях.

— Я не позволю им помешать мне выполнить то, что я задумал,— сказал я.

Она в ответ глубоко вздохнула.

— Ты хочешь привести их прямо к своему любимому месье Роже?

Сама мысль об этом привела меня в ужас. С неба упали первые капли дождя, и, несмотря на выпитую кровь, мне вдруг стало очень холодно. Еще немного — и начнется настоящий ливень.

— Хорошо,— кивнул я,— мы все равно не сможем что-либо сделать, пока все не закончится.

Вскочив на коня, я подал ей руку.

— Обиды и оскорбления только подталкивают тебя к действию...— промолвила она, продолжая изучать меня внимательным взглядом.— Все, что они сделают или попытаются сделать, придаст тебе еще больше сил.

— Глупость, присущая только смертным! — ответил я.— Поехали.

— Лестат,— вновь заговорила она, и голос ее при этом звучал очень ровно и спокойно,— помнишь, убив твоего конюшего, они надели на него дворянский сюртук? Ты рассмотрел этот сюртук? Ты когда-нибудь видел его раньше?

Снова этот проклятый сюртук из красного бархата!..

— Лично я уже видела его,— продолжала она.— Я часами смотрела на него, лежа в своей кровати в парижском доме. Это сюртук Никола де Ленфена!

Не говоря ни слова, я долго смотрел на нее, но совершенно ее не видел. Во мне безмолвно кипела ярость. Да, именно ярость, ибо пока еще я не видел причин для печали и горя. Так, во всяком случае, я в тот момент думал. Потом мои мысли смешались.

Я подозревал, что она до сих пор не знает всю силу наших страстей, не понимает, что они способны полностью парализовать нас. Мне показалось, что губы мои шевельнулись... но с них не слетело ни звука.

— Вряд ли они убили его, Лестат,— промолвила она. Я вновь попытался заговорить, спросить ее, почему она так решила, но не смог. Я лишь стоял и всматривался в пространство.

— Я почти уверена, что он жив,— сказала она,— и что он — их пленник. Иначе они бы оставили его тело и не стали возиться с мальчишкой.

— Возможно, ты права, а возможно, и нет.— Я сумел наконец, хотя и с трудом, выдавить из себя несколько слов.

— Камзол должен был послужить предупреждением.

У меня не было больше сил выносить все это.

— Я отправляюсь за ними,— сообщил я.— Может быть, тебе стоит вернуться в башню? Если я потерплю поражение...

— Я не собираюсь покидать тебя ни при каких обстоятельствах,— перебила она меня.

Когда мы добрались до бульвара Тамплиеров, дождь уже лил вовсю и мокрая мостовая отражала свет тысяч фонарей.

В голове моей созрел определенный план действий, хотя возник он скорее интуитивно, чем в результате здравых размышлений. Я был как никогда готов к бою. Но прежде нам необходимо было выяснить ситуацию. Сколько их? Что им на самом деле нужно? Хотели они схватить и уничтожить нас или

намеревались лишь нагнать страху и заставить нас убраться отсюда? Я вынужден был подавить ярость, напоминая себе, что они совершенно по-детски полны предрассудков, что их очень легко запугать и разогнать.

Едва мы подъехали к высоким старинным домам возле собора Нотр-Дам, я услышал их присутствие. Они были совсем рядом. Я чувствовал исходящую от них вибрацию и видел мгновенные вспышки серебристого свечения.

Габриэль выпрямилась и положила левую руку мне на грудь, а правой взялась за рукоять своей шпаги.

Мы свернули в извилистую аллею и поехали наугад в полной темноте. Тишину нарушал лишь громкий цокот железных конских подков, и я изо всех сил старался, чтобы эти звуки не лишили меня присутствия духа.

Кажется, мы увидели их одновременно.

Габриэль прижалась спиной ко мне, а я с трудом подавил вскрик, чтобы они не подумали, будто я испугался.

По обе стороны узкого проезда высоко над нашими головами возникли белые лица. Они прятались за навесами крыш, и на фоне темного неба сквозь серебряные струи дождя видно было слабое свечение.

Я дал шпоры коню, и он понесся вперед, громко стуча и царапая подковами мостовую. Они, словно крысы, помчались по крышам, так тонко и тихо завывая на ходу, что обычные смертные не могли их услышать.

Габриэль вскрикнула. Впереди мы увидели белые тени, скользящие вниз по стенам, а сзади раздался тихий топот ног по мостовой.

— Вперед! — крикнул я, вытаскивая из ножен шпагу и направляя коня прямо на две фигуры, одетые в лохмотья.— Прочь с дороги, мерзавцы!

Из-под копыт раздались жуткие вопли.

И снова передо мной на мгновение возникли отвратительные лица. Потом те твари, что оставались наверху, исчезли, а те, что были позади, казалось, обессилили. Мы еще быстрее помчались вперед, расстояние между нами и нашими преследователями увеличивалось, и наконец мы вылетели на совершенно пустую в этот час Пляс-де-Грев.

Но вскоре существа появились вновь и стали собираться по краям площади. На этот раз мне удалось расслышать их мысли. Один спрашивал, каковы же все-таки наши возможности и почему они должны нас бояться, а другой призывал всех подойти к нам поближе.

Габриэль схватилась за шпагу и посмотрела в их сторону. По-видимому, от нее исходила достаточно мощная сила, ибо я увидел, как твари резко отпрянули назад.

— Стой! — едва слышно воскликнула она.— Держи их на расстоянии! Они испугались.

Я услышал, как она выругалась, и понял почему. Из тени собора выскочили по меньшей мере шестеро демонов и бросились к нам. Лохмотья едва прикрывали тонкие белые тела, волосы развевались на бегу, и до нас явственно доносился их ужасающий вой. Они подбадривали остальных, и злоба окружающих нас существ росла на глазах.

Конь встал на дыбы и едва не сбросил меня на землю. В то время как я мысленно отдавал ему приказ двигаться вперед, твари с не меньшей силой приказывали животному оставаться на месте.

Схватив в охапку Габриэль, я соскользнул вместе с ней со спины коня, и мы со всех ног помчались к дверям Нотр-Дам.

Мысленно я слышал их душераздирающие вопли, вой и угрозы:

— Вы не смеете! Вы не смеете!

Их злоба, словно жар из печи, буквально обжигала нас, все ближе раздавался громкий топот ног, и я видел руки, тянущиеся к нам и пытающиеся схватить меня за плащ, отобрать у меня шпагу.

Я был уверен, что единственное наше спасение — собор. Собрав все силы, я буквально швырнул Габриэль вперед, и мы вместе перескочили через порог, растянувшись на каменных плитах пола.

Крики, вопли... ужасные проклятия... Сначала они звучали откуда-то сверху, а потом стали раздаваться отовсюду, словно толпа чудовищ была рассеяна во все стороны мощным пушечным выстрелом.

С громким хохотом я поднялся на ноги. Однако не стоило оставаться у самых дверей ради того, чтобы услышать еще что-

нибудь. Это было опасно. Габриэль уже была на ногах и тащила меня за руку. Мы вместе побежали в темную глубину собора, одну за другой минуя арки одного из нефов, пока наконец не оказались возле ризницы, где дымно горели свечи. Отыскав в тени свободное место, мы одновременно упали на колени.

— Совсем как та проклятая стая волков...— прошептал я.— Они напали на нас из засады.

— Тс-с-с... Помолчи немного,— шепнула в ответ Габриэль, еще теснее прижимаясь ко мне.— Не то мое бессмертное сердце просто разорвется.

9

Прошло довольно много времени, и вдруг я почувствовал, что она вся напряглась. Взгляд ее был устремлен в сторону площади.

— Не думай о Никола,— сказала она.— Они ждут и слушают. Им известно все, о чем мы думаем.

— А о чем думают они? — шепотом спросил я.— Какие мысли бродят в их головах?

Я почувствовал, как она старается сосредоточиться.

Прижав ее к себе, я всматривался в серебряное свечение за дверями собора. Теперь я тоже мог их слышать, но это был лишь слабый гул голосов всех, кто собрался к тому времени на площади.

Я смотрел на дождь, и меня вдруг охватило странное чувство полного умиротворения. Оно было почти физически ощутимым. Я неожиданно подумал, что нам следует уступить, что дальнейшее сопротивление не больше чем глупость с нашей стороны. Если мы выйдем сейчас на площадь и отдадим себя в их руки, все вопросы решатся сами собой. Они не станут больше мучить Никола, который находится в их власти, не будут рвать его на части.

Я вдруг ясно увидел перед собой Никола и то, что они творили с ним. На нем были только бриджи и отделанная кружевами рубашка — сюртук они отобрали. Я слышал, как страшно он кричал, когда твари выкручивали ему руки. «Нет!» — невольно вскрикнул я и тут же зажал руками рот, чтобы меня не услышал никто из смертных.

Габриэль коснулась пальцами моих губ.

— Ничего они с ним не делали,— сказала она.— Все это только угрозы. Не думай о нем.

— Значит, он пока еще жив?! — шепотом воскликнул я.

— Во всяком случае, они хотят, чтобы мы этому верили. Слушай!

И снова меня охватило чувство умиротворения, которое было не чем иным, как приглашением существ присоединиться к ним. Послышались голоса:

— Выходите из храма! Подчинитесь нам, и мы вас примем. Мы не причиним вам никакого вреда. Вам следует только выйти.

Обернувшись в сторону дверей, я вскочил на ноги. Взволнованная Габриэль встала рядом со мной и сделала мне предупреждающий знак рукой. Казалось, она боялась даже заговорить. Так мы и стояли, глядя на сияющий за распахнутыми дверями серебристый свет.

— Вы нас обманываете! — ответил я мысленно.— У вас нет над нами абсолютно никакой власти.— Сквозь открытые двери нас окатила волна презрения и враждебности.— Вы хотите, чтобы мы сдались? Но если мы сделаем это, где гарантия, что мы не станем вашими пленниками? Почему мы должны выходить отсюда? Здесь, внутри храма, мы в полной безопасности и легко можем укрыться в каком-нибудь склепе глубоко под землей. Мы можем поохотиться на верующих и напиться крови где-нибудь в часовне или темной нише так, что этого никто не заметит, а потом отправить свои жертвы умирать в полнейшем неведении на улицах города. И что сможете сделать нам вы, вы, которые не осмеливаетесь даже переступить этот порог? К тому же мы не верим, что Никола у вас. Докажите это! Покажите его нам! Пусть он подойдет к дверям и поговорит с нами.

Габриэль, казалось, была в полном замешательстве. Она пристально вглядывалась в меня, отчаянно стараясь выяснить, что именно я сказал. И она отчетливо слышала их, в то время как я, посылая им импульсы, был не в состоянии прочесть их мысли.

Мне показалось, что пульсация ослабла, хотя и не прекратилась совсем.

Она продолжалась, словно они не слышали моего ответа, и в моем восприятии больше походила на глухое жужжание. Они вновь предлагали перемирие и на этот раз, кажется, говорили о каком-то похищении, в котором с удовольствием приняли бы участие, и о том, что это помогло бы решить все проблемы. Их речи казались восхитительно красивыми.

— Вы просто жалкие трусы,— со вздохом сказал я и вслух, так чтобы Габриэль могла меня слышать, повторил: — Пусть Никола придет в храм.

Гул голосов стих. Я внимательно прислушивался, но вокруг стало совершенно тихо, словно все они куда-то ушли, оставив буквально одного или двоих. Потом до меня слабо донесся шум спора или ссоры.

Габриэль прищурилась.

Тишина. Мы ощущали только присутствие смертных, которые, сгибаясь от ветра, шли по Пляс-де-Грев. Мне и в голову не приходило, что существа могут уйти. Что же нам теперь делать, как спасти Ники?

Я заморгал глазами, чувствуя себя совершенно вымотанным и усталым, едва не впадая в отчаяние. Это меня смутило. Как же так, думал я, никогда прежде я не знал, что такое отчаяние и растерянность. Они были свойственны другим, но не мне. Я всегда боролся, при любых обстоятельствах и несмотря ни на что. Всегда! Гнев и усталость заставили меня вновь вспомнить о Магнусе. Я видел, как корчился он в огне, видел его искаженное лицо в последние мгновения перед тем, как пламя полностью поглотило его и он исчез. Было ли это отчаяние?

Мысли и воспоминания парализовали меня. Я опять почувствовал тот же ужас, который испытал тогда, в момент его гибели. И у меня возникло вдруг странное ощущение, что кто-то другой говорит со мной о Магнусе и что именно поэтому я вспомнил о нем сейчас.

— Слишком умно...— прошептала Габриэль.

— Не слушай,— сказал я.— Каким-то образом им удается проделывать всевозможные трюки с нашими мыслями.

Тут я взглянул в сторону дверей и увидел появившуюся в них маленькую фигурку. Это был даже не мужчина, а юноша.

Как бы мне хотелось, чтобы это был Никола, но в первую же секунду я понял, что это не он. Вновь прибывший был намного

ниже Никола, но при этом более коренаст и массивен по фигуре. К тому же он явно не был обычным человеком.

Габриэль удивленно вскрикнула и пробормотала что-то вроде молитвы.

Одежда этого существа совершенно не походила на ту, которую носили в наше время. На нем было нечто напоминающее подпоясанную ремнем тунику с длинными, свисающими по бокам рукавами, а великолепной формы ноги обтягивали чулки. Он был одет примерно так же, как Магнус, и на какое-то мгновение мне вдруг показалось, что Магнус непостижимым образом вернулся.

Глупая мысль. Как я уже сказал, это был совершенный юноша с длинными вьющимися волосами. Абсолютно не колеблясь, он спокойно пересек полосу серебряного света и вошел в собор. Потом на секунду, словно в нерешительности, остановился, глядя куда-то вверх, и двинулся вдоль нефа по направлению к нам. Шел он совершенно бесшумно — создавалось впечатление, что ноги его вообще не касаются каменных плит пола.

Когда он прошел в боковой алтарь, в мерцающем сиянии свечей стало видно, что его некогда красивая, сшитая из черного бархата одежда изъедена временем и испачкана прилипшими к ней комьями грязи. Однако его сияющее белизной лицо было прекрасно, он казался воплощением самого бога, Купидоном с картины Караваджо, соблазнительным и одновременно эфемерным, с золотисто-каштановыми волосами и карими глазами.

Не сводя с него взгляда, я крепче прижал к себе Габриэль. Манера его поведения поражала меня и совершенно сбивала с толку. Оказавшись прямо перед нами, странное существо окинуло нас долгим взглядом. Казалось, юноша внимательно изучает каждую черточку наших лиц. Потом он перевел взгляд на алтарь и, протянув руку, нежно коснулся его поверхности, продолжая пристально всматриваться в изображения святых и распятие. В конце концов он снова повернулся к нам.

Он был теперь всего в нескольких ярдах от нас, и постепенно заинтересованность на его лице сменилась выражением величайшего высокомерия. Когда он заговорил, я вновь услышал голос, который неоднократно слышал и раньше. Голос этот

призывал нас покориться, сдаться, мягко и ласково убеждал нас в том, что все мы — он, я, Габриэль, которую он, правда, не называл по имени,— должны любить друг друга.

В том, как юноша, стоя прямо перед нами, мысленно посылал нам свои призывы, было что-то наивное.

Я, однако, стойко сопротивлялся его воздействию, изо всех сил стараясь, чтобы глаза мои стали совершенно непроницаемыми, воздвигая глухую стену между ним и своими мыслями. И в то же время я не мог не ощущать его обаяния, меня тянуло к нему, хотелось подчиниться, упасть в его объятия и последовать за ним, куда бы он меня ни повел. В сравнении с этим все мои прежние привязанности и пристрастия казались абсолютно ничем. Он был для меня не меньшей загадкой, чем когда-то Магнус. К тому же он был красив, необычайно красив, и в нем чувствовалась сложность и глубина натуры, чего совершенно не было в Магнусе.

Меня мучило сознание собственного бессмертия. «Приди ко мне! Иди за мной! Ибо только я и мне подобные способны навсегда избавить тебя от ощущения одиночества, причиняющего страдания!» Он произнес эти слова так невыразимо печально, что у меня комок застрял в горле. Однако я продолжал изо всех сил противостоять его воздействию.

— Мы с ней всегда вместе,— возразил я, еще крепче прижимая к себе Габриэль.

«Где Никола?» — мысленно задал я ему вопрос и сконцентрировал все свои мысли именно на этом, не позволяя себе реагировать ни на что из того, что видел и слышал.

Совсем по-человечески он облизнул губы. Потом, не говоря ни слова, приблизился к нам и остановился не более чем в двух футах, поочередно переводя взгляд с меня на Габриэль и обратно. Когда он снова заговорил, голос его не имел ничего общего с человеческим.

— Магнус...— Он произнес это имя необычайно ласково и нежно.— Ты говоришь, он вошел в огонь?

— Я не говорил ничего подобного,— ответил я, хотя понимал, что он имеет в виду те мысли, которые крутились в моей голове всего лишь минуту назад.— Но это действительно так. Он вошел в огонь.

Я не видел никаких причин скрывать это от кого бы то ни было.

Я постарался проникнуть в его мысли. Он, конечно же, это почувствовал и нарисовал передо мной такие картины, от которых у меня перехватило дыхание.

Я и сам не знал, что именно увидел в те короткие мгновения. Рай и ад, а быть может, оба они, слитые воедино... вампиры, пьющие кровь из трепещущих райских цветов, свисающих с ветвей деревьев...

Эти видения вызывали во мне отвращение. Я чувствовал себя так, как будто хитрый дьявол проник в мои тайные мысли и мечты.

Внезапно он перестал посылать мне ужасные картины и из-под полуопущенных ресниц посмотрел на меня даже с некоторым уважением. Мое отвращение его обескуражило. Он никак не рассчитывал на подобную реакцию. Он не ожидал от меня... чего?.. Такой силы?

Да, именно так. И в следующую минуту он дал мне это понять — вежливо и учтиво.

Я тоже проявил учтивость по отношению к нему. Позволил увидеть нас с Магнусом в башне и услышать последние слова Магнуса, перед тем как он вошел в бушующее пламя. Таким образом, я рассказал ему все.

В ответ он лишь кивнул, но о себе не поведал ничего. Однако я видел, что последние слова Магнуса произвели на него впечатление: выражение его лица несколько изменилось, словно лоб вдруг разгладился и кожа на щеках туго натянулась.

К моему удивлению, он отвернулся и посмотрел в сторону главного алтаря. Потом скользнул мимо нас и повернулся к нам спиной, как будто совершенно забыв о нашем существовании и абсолютно не опасаясь каких-либо действий с нашей стороны.

Он медленно двинулся вперед по главному нефу, но походка его при этом ничем не напоминала человеческую. Держась в тени, он так быстро перемещался с одного места на другое, что казалось, будто он на миг исчезает, а затем появляется снова. Он ни разу не вышел на свет, и стоило только кому-либо из заполняющих собор верующих взглянуть в его сторону, как он тут же испарялся.

Меня восхищало его мастерство. Желая выяснить, могу ли я двигаться так же, я последовал за ним. Габриэль молча пошла со мной.

Оказалось, что это гораздо проще, чем нам казалось. Он же, в свою очередь, был буквально поражен, увидев нас рядом с собой.

От потрясения он на секунду потерял контроль над собой, и это позволило мне увидеть, в чем именно состоит его слабость — в гордыне. То, что мы смогли незамеченными подобраться к нему так близко и при этом с легкостью скрывали свои мысли, задело и оскорбило его.

Хуже того. Едва он понял, что я догадался о его чувствах,— а я открыл ему это буквально на долю секунды,— он пришел в ужасную ярость. От него исходил испепеляющий жар, хотя на самом деле жаром это назвать было нельзя.

Габриэль бросила на него презрительный взгляд. Она смотрела горящими глазами, и на какое-то время между ними возник контакт, к которому мне не было доступа. Юноша, казалось, был озадачен.

Однако в тот момент он был занят совсем другими проблемами, и я постарался понять, в чем именно они состоят. Он внимательно оглядывал верующих, убранство алтаря и смотрящие на него отовсюду образы Всевышнего и Девы Марии. В ту минуту он казался истинным богом, а на его совершенно невинном и очень белом лице плясали отблески света.

Он вдруг скользнул рукой под мой сюртук и обнял меня. Его прикосновение было столь странно соблазнительным, а красота лица настолько восхитительной, что я не в силах был отодвинуться от него. Другой рукой он обнял Габриэль, и при виде этих двух стоящих рядом ангелов я едва не обезумел.

— Вы должны пойти со мной,— сказал он.

— Куда? Зачем? — спросила Габриэль.

Я вдруг ощутил сильное давление. Он пытался увести меня против моей воли, но ему это не удавалось. Я буквально прирос к каменному полу. Я заметил, что при взгляде на него лицо Габриэль затвердело. И вновь юноша пришел в сильное смущение. Мысли его путались, и он не в силах был скрыть это от нас.

Так, значит, он недооценил не только наши моральные, но и физические силы. Интересно...

— Вы должны сейчас же пойти со мной,— повторил он, усилием воли пытаясь заставить меня подчиниться. Я чувствовал его психологическое давление так явно, что ошибиться не мог.— Если вы выйдете, мои приверженцы не причинят вам никакого вреда.

— Ты лжешь,— ответил я.— Ты отослал своих последователей и теперь торопишься выбраться отсюда, пока они не вернулись, потому что не хочешь, чтобы они видели, как ты выходишь из собора, не хочешь, чтобы они узнали, что ты был в храме.

И снова Габриэль презрительно усмехнулась.

Упершись рукой ему в грудь, я попытался оттолкнуть его. Он обладал не меньшей силой, чем Магнус. Однако я не позволил себе испугаться.

— Почему ты не хочешь, чтобы они это увидели? — глядя ему прямо в глаза, шепотом спросил я.

И вдруг в нем произошла такая разительная и отвратительная перемена, что у меня невольно перехватило дыхание. Ангельское выражение лица исчезло, глаза широко раскрылись, рот решительно сжался. Все тело странным образом изогнулось, и чувствовалось, что он с трудом удерживается от того, чтобы заскрипеть зубами и сжать кулаки.

Габриэль отпрянула, а я не выдержал и расхохотался. Это было одновременно и очень страшно, и очень смешно.

Не знаю, что это было, возможно, просто иллюзия, но видение быстро исчезло, и он вновь стал прежним. Его лицо даже приняло величественное и высокомерное выражение. Он устремил на меня поток своих мыслей, сообщая мне, что я оказался гораздо сильнее, чем он ожидал. Но если остальные увидят его выходящим из храма, это может их испугать, а потому мы должны поторопиться.

— И снова ложь,— шепнула Габриэль.

Я понимал, что гордыня не позволит ему простить нам все, что произошло. И да поможет Бог Никола, если нам не удастся перехитрить этого демона!

Обернувшись к Габриэль, я схватил ее за руку, и мы помчались по главному проходу к дверям. Габриэль с белым напряженным лицом вопросительно посматривала то на юношу, то на меня.

— Спокойно,— прошептал я.

Оглянувшись, я увидел его далеко позади. Он стоял спиной к алтарю и широко раскрытыми глазами смотрел нам вслед. В это мгновение он показался мне похожим на ужасное, отвратительное привидение.

Добежав до притвора, я напряг всю волю и стал звать остальных, вслух повторяя для Габриэль все, что говорил им. Я предлагал им вернуться и войти в собор, если они того хотят, потому что их предводитель стоит сейчас возле самого алтаря и остается при этом целым и невредимым.

Я все громче и громче произносил слова, одновременно посылая мысленные импульсы. Габриэль тоже присоединилась ко мне и стала звать существ вместе со мной.

Я чувствовал, как юноша приближается ко мне со стороны алтаря,— и вдруг он куда-то исчез. Я никак не мог понять, куда же он делся.

Совершенно неожиданно он возник совсем рядом, сбил с ног Габриэль и вцепился в меня железной хваткой, пытаясь оторвать от пола и вышвырнуть за дверь.

Я отчаянно сопротивлялся. В полном отчаянии я пытался вспомнить все, что мне было известно о Магнусе, мысленно сравнивая его походку с манерой передвижения этого странного существа, и наконец с силой отбросил его, но не так, как в подобной ситуации я поступил бы со смертным. Вместо того чтобы бросить на пол, я подкинул его в воздух.

Как я и рассчитывал, он проделал в полете несколько сальто и врезался в стену.

По рядам верующих пронесся ропот. Они видели какое-то движение и слышали шум. Но юноша тем временем снова исчез, а мы с Габриэль стояли в тени и потому ничем не отличались от других людей в соборе.

Я отодвинул с дороги Габриэль. В ту же секунду он опять возник и устремился прямо на меня. Но я сумел предугадать его намерения и отступил на шаг в сторону, ставя подножку.

Он распластался на полу футах в двадцати от нас и уставился на меня с некоторым благоговением, словно увидел вдруг божество. Карие глаза его были необыкновенно большими, золотисто-каштановые волосы растрепались. Несмотря на совершенно невинное выражение его лица, я ощущал устремленный

на меня поток мысленных приказов. Он говорил о том, что я слабое, глупое, несовершенное создание и его сторонники, которые вернутся совсем скоро, разорвут меня на части. А моего любимчика смертного поджарят на медленном огне.

Я рассмеялся про себя. Все это выглядело не менее смешно и нелепо, чем драка в старинной комедии.

Габриэль лишь переводила взгляд с одного из нас на другого.

Я вновь мысленно обратился к остальным, и на этот раз мне ответили, стали задавать множество вопросов.

— Войдите в собор,— снова и снова повторял я, в то время как юноша вскочил на ноги и в дикой, ослепляющей ярости бросился на меня.

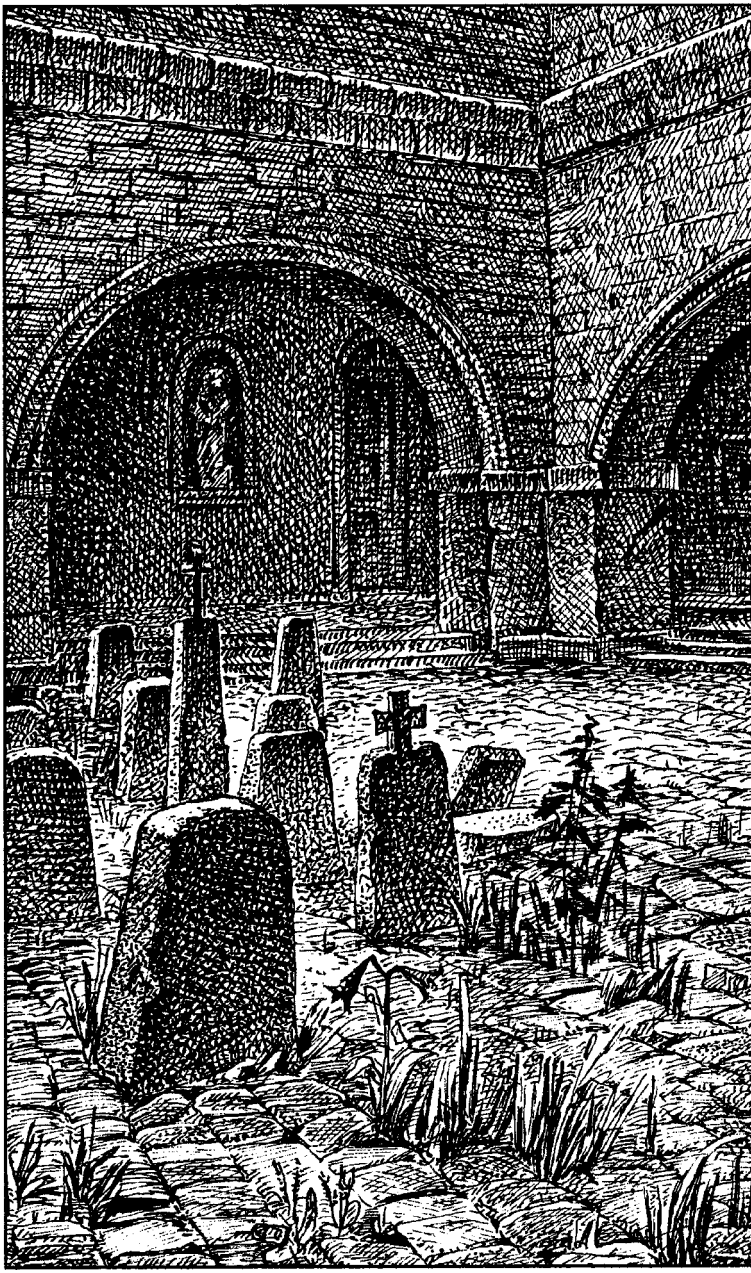
Габриэль и я схватили его одновременно и держали так крепко, что он не мог даже пошевелиться.

Следующий момент был для меня одним из самых ужасных. Я увидел, что он пытается вонзить мне в шею клыки. Они угрожающе торчали из его оскаленного рта, а округлившиеся глаза существа были совершенно пусты. Я с силой отпихнул его от себя, и юноша исчез.

А все остальные подходили все ближе и ближе.

— Посмотрите, ваш предводитель сейчас в соборе! — крикнул я.— И любой из вас может войти сюда безбоязненно, ни с кем ничего плохого не случится.

Слишком поздно услышал я предостерегающее восклицание Габриэль. Словно из-под земли он возник прямо передо мной и нанес страшный удар в челюсть, от которого голова моя дернулась назад и вверх и я на мгновение увидел верхние своды собора. Прежде чем я успел оправиться, он ударил меня снова, на этот раз в грудь, и я вылетел через двери собора прямо на вымощенную камнем площадь.

Часть IV

ДЕТИ ТЬМЫ

1

не видел перед собой ничего, кроме пелены дождя, но явственно ощущал их присутствие совсем рядом. А юноша отдавал приказания.

— Они не обладают большой властью,— мысленно говорил он им таким тоном, как будто перед ним стояли неразумные дети.— Хватайте их!

— Лестат, не сопротивляйся, это бесполезно,— шепнула мне Габриэль.

Я понимал, что она права. Но я никогда в жизни ни перед кем не склонял головы. Схватив Габриэль за руку, я потащил ее за собой, и мы побежали мимо собора в сторону моста.

Мы лавировали между людьми в мокрых плащах и забрызганными грязью экипажами, но существа преследовали нас буквально по пятам, двигаясь так быстро, что люди их просто не замечали. Я чувствовал, что твари почти не испытывают страха перед нами.

В одной из темных улочек на левом берегу Сены все было кончено.

Словно демоны-херувимы, они возникали повсюду, вверху и внизу, спереди и сзади я видел их белые лица. Я попытался вытащить шпагу, но враги повисли у меня на руках.

— Будь что будет,— услышал я рядом голос Габриэль.

Я крепко держался за рукоять шпаги, но чувствовал, что меня отрывают от земли. То же произошло и с Габриэль.

Перед моим мысленным взором мелькали страшные картины, и я догадался, куда нас тащат. Кладбище Невинных мучеников находилось всего в нескольких десятках шагов. Я уже различал отблески костров, которые жгли каждую ночь среди открытых могил, считая, что таким образом можно избавиться от зловония.

Обхватив Габриэль за шею, я кричал, что не в силах вынести этот ужасный запах, однако они увлекали нас все дальше и дальше сквозь тьму, потом через ворота кладбища и мимо склепов из белоснежного мрамора.

— Уверен, вам тоже все это не нравится! — кричал я, пытаясь вырваться из их рук.— Так почему же вы продолжаете жить среди мертвецов, в то время как созданы для того, чтобы питаться живыми.

Внезапно я почувствовал себя так плохо, что не в силах был ни морально, ни физически сопротивляться. Вокруг нас повсюду валялись разлагающиеся трупы, отвратительный запах доносился даже из очень богатых склепов.

К тому моменту, когда мы достигли самого темного угла кладбища и оказались в одном из огромных склепов, я успел убедиться, что они не меньше меня ненавидят эту вонь. Я чувствовал их отвращение, несмотря на то что они дышали полной грудью и, казалось, насыщались мерзкими запахами. Габриэль вцепилась мне в шею и дрожала с головы до ног.

Мы вошли в еще какую-то дверь и при тусклом свете факелов стали спускаться вниз по выбитым в земле ступеням.

Запах становился все сильнее. Казалось, он исходит от черных и грязных стен. Меня затошнило, и я вынужден был наклониться и выплюнуть скопившуюся во рту кровавую слюну, которая тут же впиталась в землю. Мы быстро двигались дальше.

— Как можно жить среди этих могил? — в ярости воскликнул я.— Ну скажите, почему вы по собственной воле готовы жить в таком аду?

— Заткнись! — прошипела, подскакивая ко мне, одна из женщин с темными глазами и растрепанными, как у ведьмы, волосами.— Заткнись, богохульник! Проклятый нечестивец!

— Не поминай понапрасну дьявола, дорогуша! — насмешливо шепнул я.— Не то он обойдется с тобой еще хуже, чем Всевышний!

Она было засмеялась, но тут же смолкла, словно вспомнив вдруг, что смеяться запрещено. Я подумал, что наше маленькое сборище обещает быть довольно веселым и забавным.

Мерцание огней, шарканье босых ног по грязи, грязные лохмотья, задевающие меня по лицу... На мгновение из темноты выступил ухмыляющийся череп, потом я увидел еще один, еще... в одном из углублений в стене их была целая гора...

Я попытался вырваться, задел ногой другую кучу, и по ступеням с грохотом покатились кости. Вампиры вцепились в нас еще крепче, стараясь при этом поднять нас повыше. Мы двигались мимо полуразложившихся трупов, приставленных к стенам, как статуи, мимо скелетов, едва прикрытых истлевшим тряпьем.

— Все это чересчур мерзко,— сквозь зубы проговорил я.

Наконец мы достигли последних ступеней, и теперь нас тащили по каким-то огромным катакомбам. Откуда-то доносились глухие звуки литавр.

Впереди ярко горели факелы, и сквозь мрачный вой мы услышали в отдалении чьи-то полные боли и ужаса вопли. Но кроме этих непонятных криков мое внимание привлекло что-то еще.

Несмотря на сильную вонь, я явственно ощущал поблизости запах смертного человека. Это был Никола! Он был жив, и я мог слышать поток его тревожных, спутанных мыслей. Это был, несомненно, его запах, но я чувствовал, что с Ники что-то не так. В его голове царил полный хаос.

Мне трудно было определить, слышала ли его Габриэль.

Внезапно нас обоих швырнули на грязную землю. Все отступили назад, оставив нас лежать посередине.

Я поднялся и помог встать Габриэль. Мы находились в огромном помещении со сводчатым потолком, едва освещенном тремя факелами. Державшие их в руках вампиры образовали треугольник, в центре которого стояли мы с Габриэль.

В дальнем конце помещения возвышалось что-то большое и темное. Чувствовался запах дерева и смолы, сырости и гниющей материи, запах живого человека. Никола там!

Выбившиеся из-под ленты волосы Габриэль рассыпались и укрыли ей плечи. Прильнув ко мне, она внимательно и настороженно, но в то же время спокойно оглядывалась вокруг.

Окружавшие нас вампиры взвыли с новой силой, однако громче всех звучали уже слышанные нами прежде голоса иных существ, доносящиеся откуда-то глубоко из-под земли.

Я догадался, что это кричат запертые в гробах вампиры, жаждущие крови и молящие о прощении и освобождении или даже о самом адском огне. Слушать их вопли было совершенно невыносимо.

Я не мог прочитать мысли Ники. Его разум источал только легкий шум, и понять что-либо было невозможно. Что с ним? Быть может, он спит? Или впал в безумие?

Громкий грохот литавр слышался теперь совсем рядом. Но еще громче были душераздирающие вопли, лишенные какого-либо смысла или выражения. Те, что стояли вокруг нас, перестали выть, однако литавры гремели, причем мне казалось, что звук их раздается прямо у меня в голове.

С трудом удерживаясь от того, чтобы зажать руками уши, я огляделся.

Нас окружал по меньшей мере десяток существ. Среди них были молодые и старые, мужчины и женщины, один даже совсем еще мальчик. Все они кутались в грязные лохмотья, но то были остатки обычной человеческой одежды. Босые ноги и спутанные волосы также были неимоверно грязны. Присутствовала среди них и та женщина, с которой я разговаривал. Ее прекрасную фигуру скрывали замызганные тряпки, а устремленные на нас темные глаза блестели, словно бриллианты в грязи. За спинами этого своего рода авангарда стояли еще двое. Они-то и били в литавры.

Я мысленно молил Бога, чтобы он дал мне силы. Стараясь не заострять внимание на мыслях о Никола, я тем не менее пытался услышать его и безмолвно давал торжественную клятву: я вытащу всех нас отсюда, хотя и не знаю пока, как именно!

Грохот литавр начал стихать, ритм замедлился, и у меня появилось доселе незнакомое мне ощущение страха, от которого перехватывало горло. Один из тех, что держали факелы, приблизился.

Он едва не обжег меня пламенем, и я почувствовал, как замерли в ожидании остальные. Я почти физически ощущал их возбуждение.

С выражением вызова на лице я швырнул факел на землю.

Своим поступком я застал их врасплох, и все они вдруг замерли. Возбуждение куда-то улетучилось, точнее, существа стали несколько спокойнее и серьезнее.

Литавры настойчиво гремели, но твари, похоже, совсем не замечали их звона. Они пристально разглядывали пряжки на наших башмаках, наши волосы и лица, причем с таким угрожающим и одновременно горестным видом, словно умирали от голода. Молоденький мальчик с выражением страдания на лице протянул руку и хотел коснуться Габриэль.

— Прочь! — прошипел я, и он покорно отскочил, на ходу подхватив с земли факел.

Теперь у меня не оставалось сомнений в том, что мы вызываем у них зависть и любопытство. Это было нашим основным преимуществом и могло стать главным козырем в игре.

Медленно обводя взглядом толпу этих тварей, я принялся неторопливо стряхивать грязь с сюртука и бриджей, потом разгладил плащ и расправил плечи. Приведя в порядок волосы, я встал, сложил на груди руки и осмотрелся вокруг, являя собой воплощение гордости и достоинства.

Габриэль едва заметно улыбнулась. Собранная и настороженная, она стояла, крепко сжимая рукоять шпаги.

Наши действия вызвали всеобщее изумление. Темноглазая женщина смотрела на нас как завороженная. Я подмигнул ей и мысленно сказал, что, встань она хотя бы на полчасика под чистые струи водопада, она была бы просто восхитительна. Она отступила на пару шагов и сжала на груди остатки платья. Интересно... Нет, это действительно интересно...

— Я хочу выслушать объяснения! — произнес я, глядя на них так, словно видел перед собой нечто из ряда вон выходящее.

Своим поведением я снова вызвал слабую улыбку на лице Габриэль.

— Кем вы себя вообразили? — сурово продолжал я.— Трясущими цепями привидениями, которые охотятся на людей на кладбищах и обитают в старинных замках?

Они начали переглядываться — было видно, что чувствовали они себя не в своей тарелке. Литавры смолкли.

— В детстве няня пугала меня рассказами о таких демонах,— сказал я.— Она говорила, что в любой момент они могут с воплями выскочить из хранящихся в нашем доме доспехов и утащить меня с собой. Так вы их изображаете?

Я топнул ногой и подался вперед. Они с визгом попятились от меня.

Только темноглазая женщина не сдвинулась с места.

Я тихо рассмеялся.

— А ведь ваши тела совсем не отличаются от наших... или я ошибаюсь? — медленно промолвил я.— Они такие же гладкие, без единого изъяна. В ваших глазах я вижу отражение собственной власти. Весьма странно...

Я чувствовал их смущение. Вой за стенами тоже стал тише, словно пленники могил, забыв о боли, прислушивались к моим словам.

— Неужели вам доставляет удовольствие жить в такой грязи и вони? — спросил я.— Именно поэтому вы так живете?

Страх... и зависть... Они никак не могли понять, каким образом нам удалось избежать их участи.

— Наш вождь — сатана,— коротко ответила темноглазая женщина. Манера ее речи свидетельствовала о том, что при жизни она, должно быть, пользовалась уважением.— Как нам и положено, мы служим сатане.

— Почему? — вежливо поинтересовался я.

Ответом мне было лишь напряженное молчание.

Я ощутил слабые импульсы, исходящие от Никола. Они не были направлены на кого-либо конкретно и свидетельствовали лишь о волнении, возбуждении. Быть может, он просто услышал мой голос?

— Своим неповиновением ты навлечешь на всех нас гнев Господен,— произнес самый молодой из них, совсем еще мальчик, которому в момент перерождения было, должно быть, не более шестнадцати лет.— Вы погрязли в тщеславии и пороке и пренебрегаете Путем Тьмы. Живете среди смертных. Посещаете места, где царит свет.

— Но почему вы сами не делаете этого? — удивился я.— Или вы рассчитываете вознестись на Небеса на белых крыльях,

когда закончится время вашего покаяния? Это вам пообещал сатана? Спасение души? На вашем месте я не стал бы полагаться на его слово.

— За свои грехи вы будете сброшены на самое дно адской бездны! — выкрикнула одна из них, миниатюрная женщина, скорее, впрочем, похожая на ведьму.— Вы больше не будете творить зло на земле!

— И когда же нас туда сбросят? — поинтересовался я.— Вот уже полгода я есть то, что я есть. Ни Бог, ни сатана меня ни разу не побеспокоили. Неприятности мне доставляли только вы.

На какое-то время они застыли словно парализованные. Почему Господь не поразил нас насмерть, когда мы осмелились войти в храм? Как удалось нам стать такими, какие мы есть? Именно эти вопросы вертелись у них в головах.

Вполне возможно, что в тот момент я легко мог нагнать на них страху и одержать победу. Но как же быть с Ники? Если бы только я мог прочесть мысли Ники, я, быть может, увидел бы, что находится за этой грудой полусгнившего черного тряпья.

Я не сводил взгляда с вампиров.

Дрова... смола... там, несомненно, был погребальный костер. И еще эти чертовы факелы.

Темноглазая женщина подошла ближе и попыталась вмешаться в беседу. В ней не осталось злости, и чувствовалось, что она очень заинтересовалась. Но мальчик в ярости оттолкнул ее. Он придвинулся ко мне почти вплотную, и я ощутил его дыхание на своем лице.

— Ублюдок! — выкрикнул он.— Тебя создал этот изгой Магнус! Он бросил вызов нашему обществу, бросил вызов Пути Тьмы! А ты из тщеславия опрометчиво передал Темный Дар этой женщине! Точно так же, как получил его сам!

— Если вас не накажет сатана,— вновь заговорила миниатюрная женщина,— мы сделаем это сами. Это наше право и наш долг!

Мальчик указал на скрытый пока погребальный костер и сделал знак остальным отойти в сторону.

Часто и громко вновь зазвучали литавры. Круг расступился, и факельщики подошли ближе к костру.

Из толпы вышли двое и сорвали драпировку — гигантские куски черной саржи. Взметнулись и тут же осели клубы пыли.

Погребальный костер был огромен — ничуть не меньше того, который поглотил Магнуса.

На самом верху этого костра в грубо сколоченной деревянной клетке, привалившись к прутьям, стоял на коленях Никола. Он смотрел на нас невидящим взглядом, и ни в лице его, ни в мыслях я не нашел ни одного намека на то, что он нас узнал.

Вампиры еще выше подняли факелы, чтобы нам было лучше видно. И я почувствовал, что в них снова растет возбуждение, подобное тому, которое они испытывали в первые минуты нашего пребывания в этом подземелье.

Габриэль сжала мою руку, призывая к спокойствию. На ее лице не дрогнул ни один мускул.

На горле у Ники я заметил голубоватые отметины. Кружева на его рубашке были такими же грязными, как и лохмотья вампиров, штаны были измяты и порваны. Все тело его покрывали раны и царапины, и он потерял столько крови, что я удивлялся, как он еще жив.

В сердце мое медленно заползал страх, но я понимал, что именно этого они и добиваются. А потому постарался спрятать его как можно глубже.

Клетка — ерунда. Я сломаю ее без труда. И у них всего три факела. Вопрос лишь в том, как и когда это сделать. Мы не можем погибнуть так глупо! Нет, только не это!

Я без всякого выражения смотрел на Никола, равнодушно оглядывал связки хвороста и поленья дров. Меня охватывала рвущаяся наружу ярость. На лице Габриэль застыла маска ненависти.

Казалось, они почувствовали наше негодование и сначала отодвинулись было от нас, но потом снова смущенно и неуверенно начали подступать поближе.

Однако одновременно происходило что-то еще. Кольцо вокруг нас стало сжиматься.

— Идет их предводитель,— дотрагиваясь до моей руки, шепнула Габриэль.

Где-то открылась дверь. Грохот литавр стал громче, а умоляющие о прощении и освобождении крики за стеной — еще настойчивее. Окружающие нас вампиры неистово завопили. Я изо всех сил удерживался, чтобы не зажать руками уши.

Внутренний голос убеждал меня ни в коем случае не смотреть на предводителя. Однако я не в силах был сопротивляться своему желанию и медленно повернул голову, чтобы встретиться с ним взглядом и вновь испытать на себе его власть.

2

Он шел со стороны погребального костра к центру круга. Рядом с ним шагала женщина-вампир, которую до сих пор мы не видели.

При взгляде на него я испытал тот же шок, что и тогда, когда он появился в соборе Нотр-Дам.

В большей степени, чем его несомненная красота, меня поразило выражение абсолютной невинности на его лице. Он двигался так легко и стремительно, что казалось, будто вообще не касается ногами пола. Огромные глаза были устремлены прямо на нас, а волосы, несмотря на покрывавший их слой пыли, источали красноватый блеск.

Я попытался проникнуть в его разум, чтобы понять, почему столь, я бы сказал, возвышенное существо обречено быть предводителем мрачных призраков, в то время как у него есть возможность путешествовать по всему миру. Я постарался вновь осознать то, что почти осознал в тот момент, когда мы стояли с ним лицом к лицу возле алтаря. Если я сумею понять его, мне, возможно, удастся одержать над ним победу. А я непременно должен выиграть эту битву.

Мне показалось, что он молча мне отвечает. На его невинном лице промелькнуло выражение, похожее на мгновенный отблеск райской красоты в бездне ада. Словно дьявол после своего падения сумел сохранить ангельский лик.

Однако я чувствовал: что-то не так. Предводитель хранил молчание. Литавры оглушительно гремели, но я явственно ощущал всеобщую неуверенность и растерянность. Темноглазая женщина не выла так, как это делали другие, а вскоре и все прочие замолкли.

Появившаяся вместе с предводителем женщина вдруг расхохоталась. Она представляла собой весьма странное существо и была одета, как прежде могли одеваться королевы: на ней

были лохмотья когда-то великолепного платья с богато украшенным поясом.

Все общество, если, конечно, его можно было так назвать, пришло в недоумение. Один из тех, кто бил в литавры, застыл на месте.

А похожая на королеву женщина хохотала все громче и громче. Сквозь завесу грязных спутанных волос блестели ее белые зубы.

Совершенно очевидно, что когда-то она была очень привлекательной. Но не присущее смертным старение испортило ее внешность. Искаженный гримасой рот, дико смотрящие прямо перед собой глаза делали ее похожей на умалишенную. Неожиданно тело ее странно выгнулось, точно так же, как тело Магнуса, когда он плясал вокруг своего погребального костра.

— Ну разве я вас не предупреждала? — вопила она.— Разве не говорила я вам?

За ее спиной в клетке шевельнулся Никола. Я чувствовал, что смех вызывает у него раздражение. Однако он продолжал смотреть прямо на меня, и лицо его, несмотря на искаженные черты, по-прежнему отражало свойственную ему чувствительность и эмоциональность. Страх в его душе боролся с гневом, смешанным с любопытством и отчаянием.

Золотоволосый предводитель не сводил взгляда с королевы вампиров, и лицо его ничего не выражало. Мальчик с факелом выскочил вперед и заорал на женщину, приказывая ей замолчать. Несмотря на грязные лохмотья, он выглядел в этот момент едва ли не царственно.

Женщина повернулась к нему спиной и посмотрела прямо на нас. Когда она заговорила, голос ее, перемежаемый приступами смеха, звучал так хрипло, что трудно было определить, кому он принадлежит — мужчине или женщине.

— Тысячу раз говорила я вам, но вы не хотели меня слушать,— твердила она, дрожа так, что даже лохмотья на ее теле колыхались.— Вы называли меня бродячей Кассандрой, вечной мученицей, уставшей от слишком долгого существования на этой земле. Теперь вы видите, что все до единого мои предсказания были верны!

Предводитель, казалось, не обратил на нее никакого внимания.

— И должен был появиться сей великолепный шевалье,— продолжала она, приблизившись к нам почти вплотную,— чтобы раз и навсегда доказать вам это.

Она с шумом втянула в себя воздух и застыла на месте. И в тот момент, когда она стала вдруг совершенно спокойной, она превратилась в настоящую красавицу. Мне неудержимо захотелось расчесать ее волосы, вымыть их собственными руками, одеть ее по современной моде и взглянуть на нее в зеркале своего времени. Мысль о том, чтобы смыть с нее отвратительную грязь, буквально завладела моим разумом.

Пристально глядя на меня, она уловила мысленные видения, и лицо ее стало еще более привлекательным. Однако безумная веселость постепенно возвращалась к ней и искажала ее черты.

— Накажите их! — кричал мальчик.— Пусть сатана станет им судьей! Зажигайте огонь!

Никто, однако, не двинулся с места.

Не раскрывая рта, женщина напевала какую-то странную мелодию и, похоже, что-то бормотала про себя. Предводитель по-прежнему смотрел, не произнося ни слова.

Мальчик в ярости подскочил к нам и поднял руки, похожие на звериные лапы с длинными когтями.

Я выхватил у него из рук факел и сильно ударил в грудь, отчего мальчишка пролетел через весь круг и растянулся на полу, врезавшись в сложенные возле костра связки хвороста. Швырнув факел в грязь, я затоптал его.

Королева вампиров визгливо расхохоталась, тем самым приведя в ужас всех остальных. Однако на лице предводителя не дрогнул ни один мускул.

— Я не собираюсь ждать здесь суда сатаны! — крикнул я, обводя всех взглядом.— Если, конечно, сам сатана сюда не явится.

— Так! Скажи им все, мой мальчик! — с торжеством воскликнула женщина.— И заставь ответить тебе! Мальчишка уже снова был на ногах.

— Ваши преступления известны! — злобно крикнул он, вновь входя в круг.

Он был в ярости, и от него исходило ощущение силы и власти. Я наконец понял, насколько трудно судить о существах по

тому внешнему облику смертных, которым каждый из них обладал. Этот мальчик мог быть древним старцем, миниатюрная старушка — юной девушкой, а юный предводитель — самым старым из всех.

— Взгляните на него! — вновь заговорил мальчик, подходя к нам. Глаза его воодушевленно горели, он снова чувствовал внимание к себе со стороны общества.— И вспомните, что этого демона никак нельзя назвать новообращенным. Его не приглашали ни сюда, ни куда-либо еще, а сам он не просил, чтобы его приняли. Он не давал обетов сатане. Он не отдавал ему душу на смертном одре, на самом деле он и не умирал! — Голос его звенел все громче и громче.— Он даже не был погребен! И не восставал из могилы, как все Дети Тьмы! Нет! Вместо этого он осмеливается бродить по свету в облике обыкновенного смертного! И как обыкновенный смертный проворачивает свои делишки в самом центре Парижа!

Ответом на его слова были громкие вопли, раздавшиеся за стенами подземелья. Однако вампиры, стоящие вокруг, молча выдержали его взгляд. От возбуждения у мальчика даже дрожала челюсть.

Воздев руки кверху, он издал протяжный вой. Лицо его исказилось от ярости. Но поддержали эту страсть лишь один или двое из вампиров.

Королева вампиров буквально затряслась от хохота и взглянула на меня с совершенно безумной улыбкой. Но мальчишка не отступал.

— Он любит греться у камина, а ведь это строжайше запрещено! — вопил он, дрожа и топая ногами.— Он ищет плотских удовольствий, вместе со смертными слушает музыку и танцует!

— Заткнись! — рявкнул я, хотя, по правде говоря, мне хотелось дослушать его до конца.

Он подался вперед, едва не ткнув мне в лицо пальцем.

— Никакие ритуалы уже не помогут ему очиститься! — кричал он.— Слишком поздно давать обеты и просить благословения Тьмы!

— Давать обеты Тьме? Просить у Тьмы благословения? — Я обернулся к королеве вампиров.— Что вы на это скажете? Ведь вы примерно одного возраста с Магнусом... он был таким же старым, когда шагнул в огонь. Почему же вы столько времени все это терпите?

Глаза ее, пылающие, как два уголька, закатились, и она опять громко расхохоталась.

— Я никогда не причиню тебе зла, мой мальчик,— сказала она,— ни одному из вас.— Она ласково взглянула на Габриэль.— Вы стоите сейчас на Пути Дьявола, и вас ждет множество приключений. Какое право имею я вмешиваться в то, что случится с вами за те века, которые вам отпущены?

Путь Дьявола... Это были первые слова из всех, что я здесь услышал, которые нашли отклик в моей душе. От одного вида этой женщины мне становилось легче на душе. В своем роде она была точной копией Магнуса.

— Да, я действительно так же стара, как и твой учитель,— с легкой и мимолетной улыбкой, на секунду обнажившей ее белоснежные, касающиеся нижней губы клыки, ответила она и оглянулась на предводителя, смотрящего на нее по-прежнему без всякого интереса.— Я была здесь, была членом этого общества, когда Магнус украл наши секреты... О, он был очень ловок, этот алхимик Магнус!.. Такого мастерства, с каким он пил кровь, обеспечивающую ему вечную жизнь, в Мире Тьмы никто и никогда прежде не видел! С тех пор прошло триста лет, и вот теперь он передал свой Темный Дар тебе, мой мальчик!

Ее лицо вновь превратилось в насмешливую маску из старинной комедии и стало похожим на лицо Магнуса.

— Покажи мне силу и власть, которые он подарил тебе, мой мальчик. Известно ли тебе, что значит, когда такой могущественный вампир, как Магнус, никому прежде не передававший свой Темный Дар, превращает тебя в себе подобного? Здесь это строго запрещено, дитя мое. Никто из тех, кто достиг подобного возраста, не имеет права передавать свой Дар. Ибо тот, кого он произведет, может с легкостью стать гораздо более могущественным, чем наш милостивый предводитель и все наше общество, вместе взятое.

— Прекрати этот бессмысленный и вредный бред! — выкрикнул мальчик.

Однако все остальные слушали ее очень внимательно. Темноглазая женщина подошла ближе, чтобы получше разглядеть королеву, совершенно забыв о том, что она должна ненавидеть нас и бояться.

— Ты сказала более чем достаточно! — снова вмешался мальчик.— Ты ненормальная, все вы, старики, сумасшедшие!

Вам давно пора умереть! Говорю тебе, эти отступники должны быть наказаны! Как только они будут уничтожены у всех на глазах, все вновь придет в норму и порядок будет восстановлен.

И, кипя от ярости, он опять обернулся к остальным.

— Повторяю вам: все вы злобными демонами ходите по земле, ибо так угодно Богу, и во славу Его вы должны заставлять смертных страдать. А если отступите, то будете уничтожены и брошены на самое дно адской бездны, ибо души ваши прокляты и бессмертие даровано вам лишь ценой мучений и страданий.

Снова раздался вой, свидетельствующий о всеобщей растерянности.

— Ну вот, наконец-то! — воскликнул я.— Да это целая философия! И вся эта философия полностью основана на лжи. А вы так запуганы, что готовы по собственной воле жить в этом аду! И давно уже в нем живете, скованные по рукам и ногам не хуже самого последнего смертного! И вы хотите наказать нас только за то, что мы не следуем вашему примеру?! Лучше уж вы последуйте нашему!

Одни вампиры молча уставились на нас, другие возбужденно переговаривались между собой. Время от времени они бросали взгляды на своего предводителя и на королеву.

Предводитель по-прежнему молчал.

Мальчик вновь призвал всех к порядку и потребовал внимания.

— Мало того, что он оскверняет святые места,— кричал он,— мало того, что ведет себя как простой смертный! Сегодня ночью в одной из деревень недалеко от Парижа он привел в ужас всех верующих, собравшихся в церкви. Весь Париж теперь говорит об этом кошмаре, о вампирах, выскочивших из могил под самым алтарем. Говорят о нем и этой женщине, над которой он без разрешения и соблюдения ритуалов произвел Обряд Тьмы! Точно такой же, какой был произведен над ним самим.

Послышались вздохи, глухой ропот и шум. А старая королева издала одобрительный вопль.

— Это очень тяжкие преступления,— продолжал вопить мальчишка.— Говорю вам, они не должны уйти отсюда безнаказанными! А кто из вас не знает, как он насмехался над всеми

на сцене бульварного театрика, которым сам же и владеет, как какой-нибудь смертный? Там перед тысячами парижан он щеголял мастерством и умением, присущими только Детям Тьмы! Ради собственного развлечения и на потеху толпы он раскрыл секреты, которые мы тщательно хранили в течение многих веков.

Склонив голову набок и потирая руки, старая королева вопросительно смотрела на меня.

— Это все правда, мой мальчик? — спросила она.— Ты действительно сидел в ложе в «Опера»? Стоял перед огнями рампы «Комеди Франсез»? Танцевал с королем и королевой на балу в Тюильри? Ты и эта красавица, которую ты так великолепно создал, делали все это? Правда ли, что вы катались по бульварам в золоченой карете?

Она долго смеялась, медленно обводя взглядом окружающих, и из глаз ее струились лучи мягкого света, с помощью которых она заставляла вампиров подчиняться.

— Ах! Какое пышное великолепие и какое достоинство! — продолжала она.— А теперь расскажи мне, что произошло в соборе, когда вы туда вошли?

— Абсолютно ничего, мадам,— ответил я.

— Величайшие преступления! — в безмерном гневе вопил мальчик-вампир.— Этого вполне достаточно, чтобы против нас поднялся весь город, если не все королевство! И это после того, как мы веками тихо и незаметно охотились, держали в руках великий город, давая повод лишь для смутных слухов и разговоров украдкой о величии нашей власти! Мы — призрачные охотники! Мы — дети ночи! И мы должны давать людям повод для страха и поддерживать ужас, а не вести себя как разбушевавшиеся демоны!

— Нет, это поистине грандиозно и слишком великолепно! — закатив глаза, воскликнула старая королева.— Лежа на каменном ложе, я видела сны о том, что представляет собой мир смертных, существующий над моей головой. Из своей могилы я прислушивалась к их голосам, к новой для меня музыке, и она звучала для меня как колыбельная песня. Я представляла себе фантастические перемены, произошедшие в этом мире, смелость и отвагу его обитателей. И хотя его ослепительный блеск навсегда от меня закрыт, я мечтала о том, что появится

кто-то, у кого хватит сил, чтобы путешествовать по этому миру без страха, кто не побоится пройти Путем Дьявола через самое его сердце.

Сероглазый мальчик был уже вне себя.

— Пора вершить правосудие! — воскликнул он, сверкая глазами и глядя на предводителя.— Немедленно зажигайте костер!

Но когда мальчик потянулся к ближайшему факелу, королева подчеркнутым движением отступила, освобождая мне путь. Я стремительно бросился на мальчишку, выхватил факел и подбросил юного вампира к самому потолку так, что он полетел вверх тормашками, а затем рухнул вниз головой на пол. Факел я втоптал в грязь.

Однако нужно было сделать еще кое-что. Общество пришло в волнение, вокруг царил хаос. Кто-то бросился на помощь мальчику, другие взволнованно переговаривались между собой. Лишь предводитель стоял неподвижно, точно во сне.

Воспользовавшись мгновением, я рванулся вперед, быстро взобрался на костер и выломал переднюю стенку маленькой деревянной клетки.

Никола был похож на живой труп. Глаза его остекленели, а рот непрерывно подергивался, не то улыбаясь мне с другой стороны могилы, не то выражая ненависть и презрение. Я буквально выволок его из клетки и стащил вниз, на грязный пол. Никола дрожал как в лихорадке, вырывался из моих рук, пытался оттолкнуть меня и едва слышно ругался на чем свет стоит. Я не обращал на это никакого внимания, точнее, старался сделать вид, что ничего не происходит.

Старая королева следила за нами, как завороженная. Бросив взгляд на Габриэль, я не увидел на ее лице и тени страха. Тогда, вытащив из жилетного кармана жемчужные четки, я встряхнул их, так чтобы распятие оказалось внизу, и надел на шею Никола. Он какое-то мгновение пристально смотрел на маленькое распятие и вдруг расхохотался. В его смехе металлом звенели презрение и злоба. Это были совсем иного рода звуки, чем те, которые могли издавать вампиры. В его эхом отдающемся от стен смехе остро ощущалось биение человеческой крови, полнота и насыщенность человеческой жизни. Он не-

ожиданно разрумянился, от него исходило тепло — он был единственным человеком среди нас, словно ребенок среди фарфоровых кукол.

Общество пришло в неописуемое волнение. Оба потухших факела продолжали валяться в грязи. Никто не протянул к ним руку.

— Теперь, по вашим же законам, вы не можете причинить ему вред,— сказал я.— Однако божественную защиту подарил ему вамнир. Как же это понимать, растолкуйте!

Говоря, я продолжал тащить Ники вперед, пока наконец Габриэль не заключила его в свои объятия.

Он не сопротивлялся, но смотрел на нее, не узнавая, и даже коснулся пальцами ее лица. Она отвела их в сторону, как руки ребенка, и продолжала внимательно следить взглядом за мной и предводителем.

— Если вашему предводителю нечего вам сказать, то говорить буду я,— вновь обратился я к ним.— Идите и вымойтесь в водах Сены, а потом оденьтесь, как подобает людям, если еще помните, как это делается. После того, не привлекая к себе излишнего внимания, живите среди людей. Ведь именно в этом и состоит ваше предназначение.

Поверженный мною мальчик, оттолкнув тех, кто помог ему встать на ноги, пошатываясь, вновь вышел на середину круга.

— Арман! — умоляющим тоном обратился он к молча стоящему предводителю.— Призови всех к порядку! Арман! Скорее! Спаси всех нас!

— Какого, скажите мне, дьявола вам даны красота, проворство и ловкость, способность видеть то, чего не видят другие, и умение очаровать кого угодно?

Все глаза были устремлены на меня, и только сероглазый мальчик без устали, но тщетно продолжал выкрикивать одно и то же имя:

— Арман!

— Вы напрасно растрачиваете свой Дар! — говорил я.— Хуже того, вы лишаете всякого смысла свое бессмертие! Ничто в мире, кроме, пожалуй, жизни самих смертных, не может быть более нелепым и противоестественным, чем пребывание в плену предрассудков собственного прошлого.

Наступила абсолютная тишина. Я мог слышать слабое дыхание Никола. Я ощущал исходящее от него тепло. Чувствовал, как притупленный интерес к происходящему борется в его душе с самой смертью.

— Разве нет у вас хитрости и смекалки? — звенящим в полной тишине голосом спрашивал я.— Разве вы лишены умения и мастерства? Как я, сирота, смог обнаружить и использовать огромное количество возможностей, в то время как вы, заботливо опекаемые столь злобными родителями,— я кивнул в сторону предводителя и дрожащего от ярости сероглазого мальчика,— способны лишь ползать, как слепые кроты, под землей?

— Разгневанный сатана своей властью швырнет тебя в самую бездну ада! — собрав последние силы, выкрикнул мальчик.

— Ты все время твердишь об этом,— ответил я,— но, как видишь, ничего подобного не происходит. И все тому свидетели!

Вампиры согласно зашумели.

— Если ты действительно веришь, что это должно случиться, зачем тогда нужно было притаскивать нас сюда?

Голоса в мою поддержку зазвучали громче.

Я взглянул на маленькую, безнадежно поникшую фигурку предводителя, и следом за мной все головы повернулись в его сторону. Даже безумная королева вампиров остановила на нем свой взгляд.

— Все кончено...— прозвучал вдруг в наступившей тишине его голос.

Даже те, кто корчился в муках за стенами этого зала, не проронили ни звука.

— Уходите! Уходите все! Это конец! — снова послышался его голос.

— Нет, Арман! Нет! — молил его мальчик.

Однако все остальные, закрыв лица руками и что-то шепча, уже пятились и уходили. Литавры были отброшены в сторону, а единственный оставшийся факел горел на стене.

Я не сводил взгляда с предводителя, понимая, что его слова вовсе не означают, что нас освободят.

После того как он силой выпроводил мальчика следом за другими вампирами и возле него осталась только королева, он повернулся и пристально взглянул на меня.

3

Огромное пустое помещение с невероятно высоким сводчатым потолком, тускло освещенное единственным факелом, где остались стоять посередине только двое вампиров, показалось мне еще более ужасным и отвратительным.

Уйдут ли вампиры с кладбища, размышлял я про себя, или будут в нерешительности топтаться у подножия лестницы? Позволят ли мне увести отсюда Никола? Мальчик, конечно, будет где-то поблизости, но он слаб, а королева не станет ничего предпринимать. Значит, реальную угрозу представляет только предводитель. Однако я не должен торопиться и действовать опрометчиво.

— Арман,— как можно более уважительно обратился я к нему.— Могу я называть тебя так? — Я подошел ближе, внимательно следя за выражением его лица.— Ты, несомненно, главный среди них. А потому именно ты можешь все нам объяснить.

За этими словами мне, разумеется, было трудно скрыть свои истинные мысли. Я обращался к нему, прося разъяснить, почему он, который, судя по всему, был почти одного возраста со старой королевой, довел вампиров до такого состояния, поверг в такие глубины, которые оказались за пределами их понимания. Я вновь мысленно увидел его стоящим перед алтарем Нотр-Дам, вспомнил неземное выражение его лица. И я вдруг сумел взглянуть на него словно изнутри, узреть, какими возможностями обладает это древнее существо, до сих пор продолжающее стоять молча.

Думаю, в тот момент я искал в нем хоть что-либо человеческое. Нечто такое, что вековая мудрость заставит его проявить. И во мне тоже заговорил смертный, тот самый чувствительный молодой человек, который, увидев в своем воображении картины хаоса, плакал в деревенском кабачке.

— Что все это значит, Арман?

Мне показалось, в карих глазах что-то дрогнуло. Однако в следующую секунду лицо его стремительно преобразилось, и на нем появилось выражение такой ярости, что я невольно отпрянул.

Я не мог поверить собственным ощущениям. Те изменения, которые происходили с ним в Нотр-Дам, были сущим пустяком в сравнении с тем, что произошло сейчас. Подобного воплощения ненависти и злобы мне еще не приходилось видеть. Даже Габриэль предпочла отойти подальше. Подняв правую руку, она заслонила Ники, а я продолжал пятиться, пока наконец не оказался рядом с ними и не коснулся руки Габриэль.

Но каким-то чудесным образом гнев его испарился так же быстро, как и возник, и он вновь превратился в очаровательного смертного юношу.

По лицу королевы промелькнула слабая улыбка, и она провела белоснежными, с длинными когтями руками по волосам.

— Ты обращаешься ко мне за разъяснениями? — спросил предводитель.

Он обвел взглядом Габриэль и поникшего на ее плече Никола, а потом снова повернулся ко мне.

— Я мог бы говорить до скончания века,— сказал он,— и все равно не сумел бы объяснить тебе, что именно ты разрушил.

Вроде бы старая королева насмешливо хихикнула, но я был слишком занят предводителем. Меня поражал контраст между мягкостью его голоса и тем гневом, который кипел у него внутри.

— От начала мира существовали наши секреты и таинства,— снова заговорил он. Стоя в центре огромного помещения с безвольно опущенными руками, он казался особенно маленьким. Складывалось впечатление, что его голос звучал сам по себе.— Со времен седой старины такие, как мы, держали в плену города, охотились на людей и делали их своими жертвами, как велели нам Бог и дьявол. Мы — избранники сатаны! Тот, кто хотел попасть в наши ряды, должен был сначала совершить множество преступлений и тем самым доказать, что достоин Темного Дара бессмертия.

Он подошел ко мне чуть ближе, и в глазах его искрами рассыпался свет факела.

— Для своих близких они были мертвы,— продолжал он,— а небольшая примесь нашей крови помогала им перенести ужас пребывания в гробу, пока они ожидали нашего прихода. Тогда, и только тогда, получали они Темный Дар, после чего их

вновь оставляли в могиле, до тех пор пока жажда не придавала им сил и не заставляла сломать стены темницы и восстать.

Голос его зазвучал громче, стал более гулким.

— В своих мрачных темницах они познавали смерть,— говорил он.— К моменту своего перерождения, к той минуте, когда они взламывали гробы и удерживающие их железные решетки, они понимали, что такое смерть и что такое власть. Но горе тем, кто оказывался слабым и не в силах был выйти на свободу. Тем, кто своим воем заставлял смертных на следующий день — ибо никто не осмелится прийти на кладбище ночью — прибегать на могилы. К таким мы не проявляли милосердия.

Но те, которые восставали и получали возможность странствовать по земле, испытанные и прошедшие процедуру очищения, становились Детьми Тьмы. Они никогда не получали кровь наших древнейших патриархов, но только кровь совсем молодых, чтобы набраться мудрости лишь со временем и научиться правильно использовать Темный Дар к тому моменту, когда обретут достаточную силу. Только тогда на них начинали распространяться Законы Тьмы и их обязывали подчиняться. Законы требовали, чтобы мы жили среди мертвых, ибо сами мертвы, и чтобы всегда возвращались в свои могилы или в такие же, как наши; чтобы избегали появляться в местах света. А свои жертвы мы должны были увлекать в сторону, подальше от остальных людей, дабы они приняли смерть в каком-нибудь неосвященном, населенном призраками месте. Мы обязаны были всегда почитать Власть Бога, распятие и Святое причастие. И никогда, никогда не должны были входить в Божий храм! В противном случае Бог лишит нас нашей власти, низвергнет в адскую бездну, где мы будем обречены испытывать вечные муки и гореть в адском пламени.

Он на минуту умолк и впервые взглянул на королеву. Не могу утверждать с уверенностью, но мне показалось, что выражение ее лица вывело его из себя.

— Ты пренебрежительно относишься к такого рода вещам,— обратился он к ней.— Магнус тоже презирал эти законы.— Он начал дрожать.— Такова была природа его безумия, такова же природа и твоего. Но вы просто не способны понять наши таинства! Вы разрушаете их с такой же легкостью, как разбиваете стеклянный сосуд, но не потому, что обладаете осо-

бой властью, а только лишь по собственному невежеству. Вы только и можете разрушать, но ни на что другое не способны!

Он отвернулся, словно раздумывая, стоит ли продолжать, и окинул взглядом огромный склеп.

До меня донеслось тихое пение королевы вампиров.

Едва слышно, почти про себя, бормоча что-то, она принялась раскачиваться взад и вперед. Голова ее склонилась набок, а глаза были мечтательно прикрыты. В эти мгновения она выглядела очень красивой.

— И теперь для моих детей все кончено,— прошептал предводитель.— Все окончательно и безвозвратно разрушено, ибо ныне они знают, что могут перестать следовать нашим Великим Законам. Могут забыть обо всем, что связывало нас и давало нам силы вынести собственное существование, смириться с сознанием того, что наши души навсегда прокляты. Они забудут о тех секретах и таинствах, которые защищали нас и обеспечивали безопасность.

Он опять взглянул на меня.

— А ты просишь меня объяснить то, что и без того ясно! — воскликнул он.— Ты! Для которого наши таинственные обряды не более чем способ удовлетворения собственной бесстыдной алчности! Ты наделил Темным Даром чрево, давшее тебе жизнь! А почему тогда не его, этого чертова фигляра, на которого ты издали едва ли не молился каждую ночь?

— Ну разве я не говорила тебе? — почти пропела королева.— Разве мы сами не знали об этом всегда? Нам не следовало бояться ни распятия, ни святой воды, ни даже Святого причастия!..— Она несколько раз повторила эти слова на разные мотивы, а потом добавила: — А старинные обряды, курение фимиама, обеты и клятвы, даваемые шепотом, когда нам казалось, что мы видим во тьме самого Властителя Зла...

— Замолчи! — прервал ее предводитель.

Похоже, он готов был совсем по-человечески зажать руками уши. В этот момент он казался маленьким растерянным мальчиком. Господи! Какими же разными могут быть бессмертные тела — тюрьмы наших душ! И какими же разными масками могут быть бессмертные лица, совершенно не отражающие нашего истинного существа!

Он снова пристально смотрел на меня. Я даже подумал, что сейчас увижу еще одно ужасное перевоплощение и на меня

обрушится поток вышедшей из-под контроля злобы, а потому весь напрягся в ожидании.

Но он лишь обратил ко мне безмолвные мольбы.

Почему все это произошло? Он попытался повторить вопрос вслух, но усилия, прилагаемые им в попытках подавить бушующую внутри ярость, почти лишили его способности говорить, как будто у него вдруг пересохло в горле.

— Ты должен мне объяснить! Почему именно ты? Ты, обладающий могуществом десяти вампиров и отвагой целого полчища дьяволов; ты, носящийся по миру в богато украшенной одежде и кожаных башмаках! Ты, Лелио, актер бульварного театра, вовлекший нас в величайшую драму! Скажи мне! Скажи мне — почему?!

— Это все Магнус... Это его сила и ум...— с печальной улыбкой произнесла нараспев старая королева.

— Нет! — покачал он головой.— Говорю же, он вообще ни с чем не считается! Он не признает никаких ограничений, не знает никаких рамок! Но почему?

Он придвинулся еще ближе, причем не подошел, а просто стал отчетливее виден, словно призрак, который приобрел вдруг более резкие очертания.

— Почему ты? — вновь обратился он ко мне.— Ты, который свободно разгуливает по улицам, с легкостью входит в дома, обращается к людям по именам! Они причесывают тебя, шьют для тебя одежду! Ты сидишь вместе с ними за столом! И в то же время ты обманываешь, предаешь их, пьешь кровь всего лишь в нескольких шагах от того места, где они веселятся и танцуют! Ты избегаешь бывать на кладбищах и выскакиваешь из склепов прямо возле церковного алтаря! Почему именно ты? Ты, беспечный и нахальный, невежественный и высокомерный! Это ты мне должен давать объяснения! Отвечай!

Сердце мое бешено колотилось. Мне вдруг стало жарко, и кровь бросилась мне в лицо. Нет, я его ни капельки не боялся. Напротив, я был невероятно зол, хотя сам не мог объяснить причину своего поистине нечеловеческого гнева.

Его разум... а я-то хотел проникнуть в его разум! И вот, пожалуйста, мне пришлось выслушать полный предрассудков абсурд! Арман отнюдь не обладал, как я прежде думал, возвышенной душой и разбирался во всем ничуть не лучше своих

подданных. Он не верил этому бреду — он в него уверовал! А это в тысячу раз хуже!

Наконец-то я ясно понял, что он собой представляет. Он не был ни демоном, ни ангелом. Он просто был достаточно чувствительной натурой, навсегда оставшейся в тех далеких временах, когда считалось, что солнце движется по огромному небесному куполу, а звезды есть не что иное как воплощение богов и богинь на ночном небе. Это было время, когда человек воспринимался как центр вселенной, когда существовали ответы на все вопросы. Именно таким он и был: дитя старины, эпохи пляшущих под луной ведьм и сражающихся с драконами рыцарей.

Бедное потерянное дитя, вынужденное скитаться во тьме катакомб огромного города в век, понять который было выше его сил. Возможно, внешний облик гораздо больше соответствовал его внутреннему миру, чем я полагал прежде.

Однако у меня не было возможности скорбеть об участи этого прелестного юноши. Те, кто рыдал сейчас за стенами склепа, были обречены на страдания по его приказу. А тех, кого выгнал отсюда, он может с таким же успехом призвать обратно.

Я должен был придумать такой ответ на его вопрос, чтобы он меня понял и принял. И одной правды здесь недостаточно. Ее следует облечь в поэтическую оболочку, высказать в той манере, которая была свойственна мыслителям древности, жившим в эпоху, предшествующую веку разума.

— Ты хочешь услышать мой ответ? — как можно мягче обратился я к нему, пытаясь собраться с мыслями и чувствуя безмолвное предостережение Габриэль и страх Ники.— Я не занимаюсь мистификациями и не любитель философствовать. Но то, что произошло здесь, и без того достаточно ясно.

Он со странно серьезным выражением пристально смотрел на меня.

— Если ты так боишься Бога,— продолжал я,— значит, тебе известно учение Церкви. Ты знаешь, что добродетель в разные времена могла принимать самые различные формы и для каждого времени были свои святые.

От использованных мною слов у него явно потеплело на душе, и он слушал меня очень внимательно.

— В древние времена,— говорил я,— были мученики, способные охладить или потушить пламя, которое должно было

сжечь их, и таинственным образом возносившиеся по зову Господа на Небеса. Но мир изменился, а потому другими стали и святые. Кто они в наше время, как не благочестивые монахини и монахи? Они строят приюты и больницы, но уже не призывают на землю ангелов, дабы те указали путь войску или укротили дикого зверя.

Выражение его лица не изменилось, однако я упорно продолжал:

— Совершенно очевидно, что то же самое происходит и со злом. Оно тоже меняет свои формы. Многие ли сейчас верят в сверхъестественную силу распятия, так испугавшего твоих подданных? Неужели ты думаешь, что живущие там, наверху, смертные по-прежнему только и говорят между собой о рае и аде? Нет, они обсуждают проблемы философии и науки. Их совершенно не беспокоит, что какое-то там белолицее существо бродит в темноте ночи по кладбищу. Убийств происходит так много, что это их уже не волнует,— одним меньше или одним больше. Какой же в таком случае интерес вы можете представлять для Бога или дьявола, даже для человека?

До меня донесся смех королевы вампиров.

Однако Арман хранил молчание и не двигался.

— Они собираются забрать у вас ваши исконные земли,— промолвил я.— Кладбище, на котором вы сейчас обитаете, скоро перенесут за пределы Парижа. В сей безбожный век даже останки предков не значат для них ровным счетом ничего.

Этого он уже не в силах был вынести, и лицо его исказилось.

— Уничтожат кладбище Невинных мучеников?! — прошептал он.— Ты лжешь!..

— Я никогда не лгу,— ничуть не смущаясь, ответил я.— Во всяком случае тем, кого не люблю. Парижане не хотят больше терпеть у себя под боком отвратительный запах и дышать гнилым воздухом. Символы мертвых не имеют для людей такого значения, какое придаете им вы. Пройдет несколько лет — и на этом месте появятся новые дома, улицы и рыночные площади. Рационализм и практичность — вот символы восемнадцатого века.

— Замолчи!..— прошептал он.— Кладбище Невинных мучеников существует столько же, сколько существую я сам!

Его юное личико напряглось.

И только королева оставалась невозмутимой.

— Неужели ты не понимаешь? — спокойно продолжал я.— Сейчас совсем другое время. Новый век требует новой разновидности зла. И это новое зло — я! — Я на секунду остановился, пристально глядя на него.— Я вампир нового века!

Он не мог предвидеть такого поворота событий. И впервые за все это время я заметил в его глазах проблеск мучительного понимания, проблеск настоящего страха.

Я сделал успокаивающий жест.

— Что же касается сегодняшнего происшествия в церкви,— осторожно начал я,— согласен, оно было глупым. А мое выступление на сцене театра и того хуже. Признаю, это были грубейшие ошибки. Но ты знаешь, что не они стали причиной твоего враждебного отношения ко мне. Забудь о них на минуту и постарайся увидеть мою красоту и власть. Постарайся понять, какое зло я собой представляю. Я странствую по миру в облике обыкновенного смертного — самый худший из демонов, чудовище, ничем не отличающееся от любого другого обитателя этого мира.

Королева вампиров хрипло засмеялась. Я отчетливо ощущал исходящую от нее симпатию, в то время как он источал лишь боль.

— Подумай об этом, Арман! — мягко, но настойчиво продолжал я.— Почему смерть должна прятаться в тени? Почему должна ждать у ворот? Нет такой спальни и такого бального зала, куда я не мог бы войти. Смерть на фоне теплого сияния пламени камина! Смерть, крадущаяся на цыпочках по коридору! И все это — я! Ты говоришь о Темном Даре? Но ведь его-то я и использую!

Я — Господин Смерть, одетый в кружева и шелк! И прихожу затем, чтобы погасить свечу жизни! Я — червоточина в самой сердцевине розового цветка!

Никола слабо застонал.

Мне показалось, что я услышал также и вздох Армана.

— Нет такого места, где они могут от меня спрятаться,— говорил я,— утратившие веру в Бога, слабые существа, намеревающиеся уничтожить кладбище Невинных мучеников. И нет таких запоров, которые могли бы меня удержать!

Он по-прежнему молча смотрел на меня и казался очень печальным и спокойным. В его слегка потемневших глазах не было и следа злобы или ярости.

— Это, конечно, великолепная миссия,— после долгого молчания наконец заговорил он,— жить среди людей и безжалостно их уничтожать. Но ты так ничего и не понял.

— О чем ты? — спросил я.

— Ты не сможешь вынести это. Ты не выживешь среди людей!

— Но я же жив. Старинные таинства уступили место новым. И кто знает, что случится потом? В тебе не осталось поэзии. Поэзия в том, что представляю собой я!

— У тебя не хватит сил. Ты даже не понимаешь, о чем сейчас говоришь. Ведь ты появился совсем недавно и еще слишком молод.

— И все-таки он достаточно силен, этот почти ребенок,— задумчиво произнесла королева.— И его прекрасная спутница тоже. Эти двое способны мыслить очень здраво.

— Вы не можете жить среди людей! — настаивал на своем Арман.

Его лицо на мгновение вспыхнуло, но я знал, что он мне больше не враг. Скорее, он походил на старшего по возрасту, проявляющего ко мне интерес и стремящегося высказать неприятную правду. И в то же время он напоминал ребенка, с мольбой обращавшегося ко мне за разъяснениями. В этом соединении взрослого и ребенка, умоляющего меня выслушать все, что он хочет сказать, и состояла его главная сущность.

— Но почему? Говорю тебе, я принадлежу к обществу людей. Именно их кровь делает меня бессмертным!

— О да, бессмертным! Но ты не имеешь даже слабого представления о том, что это такое! Для тебя это пока всего лишь слово. Вспомни и попытайся вдуматься в судьбу своего создателя. Почему Магнус шагнул в пламя? Для нас это как прописная истина, а ты не догадываешься о ней. Если ты станешь жить среди людей, то со временем просто сойдешь с ума. Невероятно тяжело видеть, как стареют и умирают люди, как возникают и рушатся целые королевства, страшно терять все, что ты понимал и любил! Кто, скажи, способен такое вынести? Со временем ты неизбежно превратишься в беснующегося от отчая-

ния безумца. Твое бессмертие служит тебе защитой и спасением! Как ты не понимаешь, что это вечный порядок вещей, изменить который никто не в силах?!

Осознав, какое слово только что произнес — «спасение», он вдруг замолк, а слово эхом отозвалось в пустом помещении и заставило Армана произнести его еще раз, теперь уже едва слышно.

— Арман,— мягко обратилась к нему королева,— всем нам хорошо известно, что безумие может поразить даже самого старшего из нас, независимо от того, следует он древним законам или пренебрегает ими.— Она взмахнула белоснежными руками с длинными ногтями, словно собираясь напасть на него, и расхохоталась, встретив в ответ его холодный взгляд.— Ведь я в не меньшей степени, чем ты, почитала старинные законы и следовала им и тем не менее все равно потеряла разум. Разве я не права? Может быть, именно поэтому я и соблюдала правила так строго?!

Не желая соглашаться с ней, он сердито покачал головой. Разве сам он не служит вечным доказательством того, что все должно быть именно так, как говорит он?

Королева приблизилась вплотную ко мне и, взяв за руку, развернула к себе лицом.

— Неужели Магнус ничего не сказал тебе, сынок? — спросила она.

Я ощущал исходящую от нее невероятную силу и властность.

— Пока все остальные оставались в этом священном месте, я одна отправилась через заснеженные поля, чтобы отыскать Магнуса,— продолжала королева.— Моя сила теперь так велика, что кажется, будто у меня могут вырастать крылья. Я добралась до окна его комнаты, и потом мы долго гуляли под прикрытием зубчатой стены, где нас не мог видеть никто, кроме сиявших высоко в небе звезд.

Она придвинулась ко мне еще ближе и сильно сжала мою руку.

— Магнусу было известно очень и очень многое,— снова заговорила она.— И если ты действительно силен, вовсе не безумие становится твоим главным врагом. Вампир, покинувший общество себе подобных ради того, чтобы жить среди людей,

заглядывает в лицо аду задолго до того, когда он может потерять разум. Он неизбежно начинает испытывать любовь к смертным! Приходит к пониманию самой сути любви.

— Отпусти меня, позволь уйти,— тихо попросил я ее. Не знаю, что удерживало меня больше — ее рука или пристальный взгляд.

— С течением времени он познает людей в такой степени, в какой они сами себя не знают,— бесстрашно и неумолимо продолжала королева.— И наконец наступает момент, когда вампир больше не в силах отнимать у них жизнь и причинять страдания, и тогда только безумие или собственная смерть способны избавить его от боли и мучений. Вот что рассказал мне Магнус о судьбе старых вампиров, и именно это в полной мере пришлось испытать ему в конце жизни.

Она наконец выпустила мою руку и мгновенно оказалась очень далеко от меня.

— Я не верю ни одному твоему слову,— свистящим шепотом произнес я.— Магнус? Любил людей?

— Конечно не веришь,— с улыбкой печального клоуна ответила она.

Арман тоже смотрел на нее непонимающим взглядом.

— Сейчас мои слова ничего для тебя не значат,— вновь обратилась ко мне королева,— но у тебя впереди вечность, чтобы постичь их смысл.

Она в который уже раз расхохоталась, и ее воющий смех эхом отразился от потолка и стен, за которыми ему вторили вопли пленников. Запрокинув голову, она все смеялась и смеялась...

Арман в ужасе не сводил с нее глаз: создавалось впечатление, что этот смех он воспринимал как струящийся изнутри нее свет.

— Нет, все это ложь, ужасная ложь! — воскликнул я, трепеща всем сердцем.— Все эти выдумки о любви, сама концепция любви не более чем плод воображения и проявление глупости смертных!

Прижав пальцы к вискам, я пытался унять пульсирующую в голове страшную боль, от которой мутилось в глазах. Перед моим мысленным взором отчетливо возникла темница Магнуса, где приняли смерть многие люди, обреченные умирать в сы-

ром вонючем склепе среди разлагающихся трупов тех, кто был приговорен к казни до них.

Арман смотрел на меня так, будто я причинял ему муки точно так же, как мучил его не стихающий, звучащий то громче, то тише смех старой королевы. Словно собираясь коснуться меня, Арман протянул руку, но не осмелился до меня дотронуться.

Я вновь вспомнил восторг и боль, которые мне пришлось пережить за последние месяцы, и неожиданно почувствовал, что вот-вот закричу, как уже кричал когда-то на сцене театра Рено. Сила моих ощущений вызывала ужас, и я мог лишь бормотать что-то нечленораздельное, издавать какие-то бессмысленные звуки.

— Лестат! — услышал я шепот Габриэль.

— Любовь к смертным? — бормотал я, глядя на старую королеву и неожиданно для себя испытывая ужас при виде ее торчащих точно пики вокруг сверкающих глаз ресниц и кожи, напоминающей оживший мрамор.— Любовь к смертным? И на это вам понадобилось триста лет? — Я бросил взгляд на Габриэль.— С самой первой ночи, прижимая их к себе, я любил их! Любил, когда пил их кровь и отнимал у них жизнь! Боже мой! Да разве не в этом состоит сама сущность Темного Дара?

Так же как и в тот вечер в театре, голос мой становился громоподобным:

— Кто же вы такие, если вы их не любите? Что вы за подлые существа, если обыкновенная способность чувствовать является для вас пределом мудрости?

Я попятился и оглядел огромную могилу и свод сырой земли над нашими головами. Мне вдруг показалось, что я вижу все не наяву, что это лишь галлюцинация.

— Господи! Да неужели Обряды Тьмы лишили вас разума? — обратился я к ним.— Все эти ваши ритуалы и то, как вы заключаете в могилы новообращенных? Или вы были чудовищами еще при жизни? Как можем мы, все мы, не любить смертных?

Никакого ответа... Только бессмысленные вопли голодных за стенами... Никакого ответа... Лишь доносящееся до меня слабое биение сердца Никола.

— Что ж, как бы то ни было, послушайте, что я вам скажу,— снова заговорил я, указывая пальцем на Армана и старую

королеву.— В обмен на Дар я не обещал продать свою душу дьяволу. А когда я создал эту женщину, мною двигало лишь желание спасти ее от могильных червей, которые пожирают лежащие вокруг вас трупы. Если любовь к смертным и есть тот ад, о котором вы говорили, то я уже давно нахожусь в преисподней. Я встретился со своей судьбой! Позвольте мне остаться с ней наедине, и покончим на этом!

Голос мой вдруг прервался, во рту пересохло. Я нервно провел руками по волосам. Арман приближался ко мне, и мне казалось, что от него исходит какое-то сияние. На его прекрасном и невинном лице застыло выражение благоговейного страха.

— Мертвецы... мертвецы...— повторил я.— Не приближайтесь ко мне! Вы рассуждаете о безумии и любви в этом отвратительном месте! А старое чудовище Магнус запирал людей в своей темнице! О какой любви здесь можно говорить? О той, которую испытывают мальчишки к бабочкам, когда отрывают у них крылья?

— Нет, мой мальчик,— ничуть не смущенная моими словами, возразила королева вампиров,— тебе только кажется, что ты все понял, а на самом деле это не так.— Она тихонько рассмеялась.— Ты только жалеешь их, не более. И себя тоже, потому что не можешь быть одновременно человеком и не человеком.

— Сплошная ложь,— ответил я, подходя к Габриэль и обнимая ее за талию.

— Ты непременно придешь к пониманию сущности любви,— продолжала старая королева,— когда действительно станешь порочным и злобным существом. Все дело в твоем бессмертии, дитя мое. В способности глубоко и полно осознать, что это такое.

Она воздела руки к потолку и завыла.

— Ну и черт с вами! — крикнул я, хватая Габриэль и Ники и таща их к выходу из склепа.— Вы уже давно находитесь в аду, и я собираюсь вас в нем и оставить!

За моей спиной издевательски звучал безумный смех старой королевы.

Подобно Орфею, я остановился и посмотрел назад.

— Скорее, Лестат,— услышал я шепот Никола.

Габриэль отчаянно подавала мне знаки, что пора бежать.

Арман не сдвинулся с места, рядом с ним хохотала безумная королева...

— Прощай, храбрый мальчик! — крикнула она мне вслед.— Смело лети вперед по Пути Дьявола! Следуй Путем Дьявола как можно дольше!

Выскочив из склепа, мы увидели столпившееся под проливным холодным дождем общество. Совершенно сбитые с толку, они завороженно смотрели, как мы промчались по кладбищу Невинных мучеников и выбежали на заполненные людьми парижские улицы.

Через несколько минут мы уже бешено неслись в краденом экипаже прочь из Парижа.

Я безжалостно гнал лошадей вперед, чувствуя себя при этом настолько по-человечески усталым, что сама мысль о моих сверхъестественных возможностях казалась не более чем фантазией. Буквально за каждым поворотом дороги я ожидал снова увидеть окружающих нас грязных, одетых в лохмотья демонов.

И все же в одном из придорожных кабачков я успел раздобыть еду и питье для Никола и одеяла, чтобы укрыть его от холода.

Он потерял сознание задолго до того, как мы добрались до башни. Я на руках отнес его вверх по лестнице и оставил в комнате, где сначала держал меня Магнус.

Горло его было по-прежнему исцарапано и распухло от укусов. Он спал очень крепко, и тем не менее, укладывая его на постель из соломы, я отчетливо ощущал его страстную жажду, такую же, какую испытывал сам, когда Магнус впервые напился моей крови.

Ну что ж, когда он проснется, его ждет достаточное количество вина и еды. Я был уверен, хотя не знал, на чем моя уверенность основана, что он не умрет.

Я не представлял себе, что будет происходить с ним при дневном свете. Однако, оставаясь взаперти, он, по крайней мере, будет в безопасности. К тому же независимо от того, кем он

был для меня и кем станет в будущем, я не мог позволить, чтобы кто-либо из смертных бродил по моему убежищу, пока я сплю.

Я не в силах был размышлять и едва не засыпал на ходу — точь-в-точь простой смертный.

Глядя на Ники, я слышал отголоски его снов — ему снился кошмар, пережитый им на кладбище Невинных мучеников. В комнату вошла Габриэль. Она только что похоронила беднягу конюшего и сейчас была похожа на запыленного ангела, но волосы ее, прямые и забрызганные грязью, по-прежнему мягко светились.

Она тоже долго смотрела на Ники, потом потащила меня за руку из комнаты, а после того как я запер дверь, увлекла вниз по лестнице в подземный склеп. Едва мы туда вошли, она обняла меня и прильнула ко мне всем телом, будто сама в изнеможении готова была вот-вот упасть в обморок.

— Послушай,— наконец заговорила она, отодвигаясь и беря в руки мое лицо,— как только проснемся, мы увезем его из Франции. Никто и никогда не поверит его безумным рассказам.

Я ничего не ответил. Я не понимал ее истинных намерений, не улавливал ход ее мыслей. В голове у меня все плыло и кружилось.

— Ты можешь обмануть его, так же как обманул актеров театра Рено,— продолжала она.— Можешь отправить его в Новый Свет.

— Спи,— прошептал я, с закрытыми глазами целуя ее в полуоткрытые губы и крепко прижимая к себе.

Перед моим мысленным взором вновь возник склеп, и я снова услышал их голоса. Нет, это никогда не кончится!

— После его отъезда,— спокойно промолвила она,— мы поговорим об остальных. Быть может, нам стоит на время уехать из Парижа вдвоем...

Выпустив ее из рук, я отвернулся и отошел к саркофагу, прислонился к холодной каменной крышке и замер. Впервые за всю бессмертную жизнь мне захотелось оказаться в тишине могилы и осознать, что я не всесилен.

Мне показалось, что она сказала еще что-то...

«Не делай этого...»

4

Я проснулся от громких криков. Он колотил руками в дубовую дверь и проклинал меня на чем свет стоит за то, что я его запер. От стука и воплей сотрясались стены башни, и даже сквозь каменные стены я чувствовал его запах. О, этот сочный запах живой человеческой плоти и крови! Его плоти и крови!

Она спокойно спала.

«Не делай этого!»

Симфония зла и безумия, проникающая сквозь стены, голос разума, силящийся обуздать ужасные видения и муку, облечь их в слова...

Едва ступив на лестницу, я оказался в водовороте криков и человеческого запаха...

На меня потоком хлынули и другие связанные с ним запахи: ароматы деревянных досок стола, красного вина и дыма от очага.

— Лестат! Ты слышишь меня, Лестат?! — И снова громоподобный стук в дверь.

Мне вдруг вспомнилась старая, слышанная мною в детстве сказка: великан почувствовал запах человека в своем жилище. Я вновь ощутил детский ужас при мысли о том, что великан вот-вот обнаружит человека. Я слышал, как он крадется следом за жертвой. И эта жертва — я!

Только теперь я уже больше не человек.

Едкий запах дыма и пульсирующей человеческой крови...

— Это проклятое место, Лестат! Ты слышишь меня? Это такое же проклятое место, как поляна ведьм!

Смутные воспоминания о наших тайнах, нашей любви, обо всем, что происходило с нами и о чем знали только мы двое... разве можно забыть о наших танцах на поляне ведьм? Разве можно отречься от всего, что было между нами?

Увезти его из Франции? Отправить в Новый Свет? А что потом? Всю жизнь он обречен быть одним из надоедливых и мало кому интересных людей, которые утверждают, что видели привидения, без конца о них говорят и которым никто не верит! Безумие будет усиливаться, пока наконец он не превратится в полоумного шута, одного из тех, кого не трогают даже воры и разбойники. Он будет играть на своей скрипке на потеху толпы где-нибудь на грязных улочках Порт-о-Пренс.

«Обмани его,— сказала она.— Никто и никогда не поверит его безумным рассказам!»

Но ведь ему известно, где находится наше убежище, матушка. Ему известны наши имена и имена наших близких. Он знает о нас слишком много. И он ни за что не согласится спокойно, без шума отправиться в другую страну. А они могут последовать за ним. Они никогда не оставят его в покое и не позволят ему жить.

Кто они?

В ураганном потоке криков Никола я поднялся по лестнице и выглянул в небольшое зарешеченное окошко на простирающееся передо мной поле. Они будут возвращаться снова и снова. Они должны прийти. Поначалу я был совершенно один, потом рядом появилась она, а теперь у меня есть еще и они!

Но в чем же все-таки дело? В том, что он сам этого хочет? В том, что кричит и ругается только потому, что я отказываюсь дать ему силу и могущество?

Или в том, что я просто ищу удобный для себя выход из положения? Пытаюсь найти оправдание тому, что собираюсь взять его с собой, превратить в себе подобного, тому, что я хотел этого с самого начала? Никола, мой любимый Ники! Тебя ждет вечность! И огромное количество удовольствий и преимуществ, которые подарит тебе привилегия быть мертвым!

Я продолжал подниматься по лестнице. Я жаждал его! Пусть кричит себе сколько угодно! В душе у меня все ликовало и пело, и причиной тому была моя беспредельная жажда!

Крики его превратились в нечленораздельные проклятия, глухие отголоски его страданий, которые я мог ощущать и без слов. В срывающихся с губ звуках было столько же восхитительной чувственности, сколько и в медленном потоке пульсирующей в его сердце крови.

Как только я вставил в замок ключ, он замолчал и словно втянул в себя мысли, как будто маленькая раковина способна всосать и спрятать в своих извилинах целый океан.

Я жаждал увидеть в комнате человека, а не существо, человека, которого я болезненно любил, которого ждал все эти месяцы, к которому испытывал беспредельную страсть. Я жаждал увидеть смертного, который сам не знал, о чем говорил, не сводя с меня горящего взгляда.

— Все эти твои разговоры о добродетели,— тихим и каким-то булькающим голосом заговорил он,— твои разговоры о добре и зле, о том, что хорошо и что плохо, о смерти... да-да, о смерти... об ужасной трагедии...

Слова, порожденные бушующим потоком ненависти, похожие на распускающиеся цветы, один за другим раскрывающие свои лепестки.

— ...И ты поделился им с ней... сын милорда дарит свой Темный Дар жене милорда... Те, кто живет в замке, могут безнаказанно владеть Темным Даром! Их не потащат на поляну ведьм, где у основания обуглившегося шеста собирается в лужицы человеческий жир... Зато можно убить старуху, которая не в силах больше шить, или деревенского дурачка, не способного пахать в поле! А что же он дарит нам, этот господский сынок, убийца волков, рыдавший на поляне ведьм? Несколько королевских монет! Нам и этого более чем достаточно!

Он буквально содрогался от гнева. Рубашка намокла от пота, сквозь разорванные кружева просвечивало загорелое тело. Вид прекрасного, мускулистого, достойного рук ваятеля тела со светлыми розоватыми сосками на смуглой коже заворожил меня.

— Эта власть...— почти бессвязно выкрикивал он слова, словно не замечая моего присутствия и не интересуясь, есть я вообще или нет,— эта власть, делающая бессмысленной всякую ложь... темная власть абсолютно над всем... правда, уничтожающая...

Нет, это слишком сильно сказано. Правды не существует.

Все вино было выпито, пища съедена. Его тонкие и длинные руки напряглись, мускулы затвердели. Он готов был драться... но с кем и ради чего? Темные волосы его выбились из-под ленты, а огромные глаза сверкали.

Внезапно он отпрянул и вжался в стену, будто надеясь проникнуть сквозь нее и таким образом убежать от меня. Видимо, ему вспомнился парализующий ужас и одновременно восторг, испытанные им в те минуты, когда вампиры пили его кровь. Однако он тут же снова бросился вперед, раскинув руки, чтобы удержать равновесие, и хватаясь ими за воздух.

Он вдруг замолчал, и в лице его что-то дрогнуло.

— Как мог ты скрыть это от меня?!

Я поймал его мысли о древних магических обрядах, о таинственных легендах, о каком-то неизведанном мире, где обитают призрачные существа. Он, как и я, был отравлен запретным знанием, которое лишает смысла все естественное и обыденное. И уже нет никакого чуда, никакой загадки в падающих с деревьев листьях, в солнечном свете, позолотившем сад.

Нет!

Исходящий от него запах походил на фимиам, на теплое и дымное сияние церковных свечей. Под кожей его обнаженной груди билось сердце. Гладкий плоский живот блестел от пота, оставившего пятна на широком кожаном ремне. Его кровь была такой насыщенной! Мне вдруг стало тяжело дышать.

А ведь и мы должны дышать. Мы дышим, способны ощущать вкус и запах, испытывать жажду.

— Ты ничего не понял.

Боже, неужели это говорю я, Лестат? Казалось, что вместо меня говорит какой-то другой демон, чей голос не более чем имитация человеческого голоса.

— Ты неправильно оценил все, что тебе пришлось увидеть и услышать.

— Я поделился бы с тобой абсолютно всем, что имею! — с вновь возрастающим гневом воскликнул он, подаваясь вперед.— Это ты так ничего и не смог понять,— уже шепотом добавил он.

— Беги! Спасай свою жизнь! Живи так, как тебе хочется!

— Ну разве это не подтверждение всего? Доказательство существования чистого и возвышенного зла!

В глазах его зажегся огонь торжества. Он неожиданно протянул руку и дотронулся до моего лица.

— Прекрати насмехаться надо мной! — вскричал я и ударил его так сильно, что он упал навзничь и удивленно замолк.— Когда это было предложено мне, я сказал: «Нет!» Клянусь тебе, я сказал: «Нет!» До самого последнего вздоха я продолжал твердить: «Нет!»

— Ты всегда был глупцом,— ответил он, несколько успокаиваясь.— Я всегда говорил тебе это.— Его трясло, и ярость постепенно уступала место отчаянию. Он поднял было руки, но тут же опустил.— Ты верил в то, что не имело никакого значения,— продолжал он уже совсем мягко.— Но было нечто та-

кое, чего ты не сумел увидеть. Я не верю, что ты не знаешь, чем именно обладаешь сейчас.

И он залился слезами.

Лицо его сморщилось, и я услышал не высказанные им вслух слова любви.

На меня вдруг нашло удивительное спокойствие. Я ощутил безграничную власть над ним и понял, что он тоже сознает это. Однако ощущение власти было согрето безмерной любовью к нему и в конце концов привело к тому, что мы крепко сжали друг друга в объятиях, которые вскоре превратились в нечто совсем иное.

Мы снова очутились за кулисами театра, потом в нашей деревне в Оверни. Неожиданно я ощутил не только пульсацию его крови, но и охвативший его ужас. Он отступил на шаг, и этого хватило, чтобы при виде растерянного выражения его лица в груди у меня вспыхнуло пламя.

Он показался мне в тот момент маленьким и хрупким. И в то же время он никогда не был столь сильным и соблазнительным для меня.

Пока я приближался к нему, лицо его утратило всякое выражение, а глаза стали на удивление прозрачными. Разум его открывался мне навстречу, как совсем недавно открывался разум Габриэль, и передо мной промелькнули картины нашей с ним совместной жизни. Вот мы сидим в маленькой комнатке в мансарде и, глядя на заснеженные крыши, разговариваем, разговариваем... Вот бродим по улочкам Парижа, заглядывая в каждый попадающийся на пути кабачок, идем, опустив головы и сопротивляясь дождю и ветру, а перед нами простирается целая вечность, отпущенная нам, чтобы повзрослеть и состариться, но, несмотря на нищету, нас переполняет радость от сознания того, что мы вечны, что будем жить всегда,— удивительная иллюзия, свойственная только смертным... Однако видения быстро исчезли, и я увидел странно мерцающее лицо Ники.

— Иди ко мне, Ники,— прошептал я, призывно протягивая к нему руки.— Если ты хочешь получить это, ты должен подойти...

Я видел птицу, выпорхнувшую из клетки и летящую над открытым морем. Но что-то ужасное было в этой птице и в бескрайних волнах, над которыми она парила. Она поднималась

все выше и выше в небо, и небо сначала стало серебристым, а потом померкло и потемнело. Это всего лишь темнота ночи, и бояться нечего, абсолютно нечего. Благословенная тьма. Но темнота постепенно и неумолимо окутывала мир, в котором не было ничего и никого, кроме крошечной птички, крики которой уносил ветер. Она летела над огромной пустыней, называемой миром... пустые клетки, пустое море, голый песок...

Все, чем я любовался, что любил слушать, к чему с волнением прикасался руками, исчезло, а быть может, не существовало вовсе. А птичка кругами скользила все выше и выше мимо меня, точнее, мимо абсолютной пустоты, и ее крошечный темный глаз охватывал взглядом весь пейзаж, мир, у которого не было ни прошлого, ни будущего.

Я кричал, но изо рта не вырывалось ни звука. Мой рот был полон крови, и каждый глоток проходил через горло и падал в бездну неутолимой жажды. Да, теперь я понимаю, понимаю, как ужасна, невыносима тьма. Я не знал! Не мог этого знать! А птица все летела над пустынным берегом и беспредельным, совершенно гладким морем. Господи! Пусть кошмар наконец закончится! Это было страшнее, чем мои видения в кабачке, ужаснее, чем беспомощно бьющаяся на снегу лошадь! Но кровь есть кровь, и на самом кончике моего языка билось самое сладкое из всех сердце.

Ну вот, любовь моя, вот и настал этот момент. Я могу сейчас проглотить последний миг твоей жизни, последнее биение сердца и ввергнуть тебя в бездну забвения, где уже ничего нельзя ни понять, ни простить. Но могу и вернуть обратно, сделать себе подобным.

Я оттолкнул его. Потом прижал к себе, как разбитую куклу. Однако видение не исчезало.

Руки его соскользнули с моей шеи, глаза закатились, а лицо покрылось холодным потом. Потом язык его высунулся изо рта и стал лихорадочно лизать рану, которую я сделал для него на своем горле. Да, он был совершенно готов.

Пожалуйста, пусть прекратится это видение! Пусть прекратится полет птицы, поднимающейся все выше и выше над лишенным красок пейзажем, пусть смолкнут ее крики, слишком слабые на фоне воющего ветра! Любая боль — ничто в сравнении с этой тьмой! Я не хочу... не хочу...

Видение рассеивалось. Постепенно, очень медленно, но все же исчезало...

Наконец все закончилось. Так же как и в прошлый раз, меня окутала тишина. Полная тишина. Он уже существовал отдельно от меня. Я держал его слегка на расстоянии, а он едва стоял на ногах и прижимал руки ко рту, из которого струйками стекала по подбородку кровь. Несмотря на наполняющую его алую влагу, в горле у него пересохло, и оттуда вырывались лишь хриплые звуки.

И тут позади него сквозь завесу воспоминаний о свинцовом море и летящей над ним одинокой птице я увидел ее. Она стояла в проеме двери, словно Дева Мария с рассыпавшимися по плечам золотыми волосами и печальным выражением на прекрасном лице.

— Это катастрофа, мой мальчик...

К полуночи стало очевидным, что он не желает говорить, не реагирует на мой голос и по своей воле не сделает ни одного движения. Спокойно и совершенно безучастно он следовал за нами туда, куда мы его вели. Если процесс физической смерти и причинял ему боль, он ничем ее не выдавал. Если обретенная им способность видеть все совершенно по-новому и доставляла ему удовольствие, он никак его не выражал. Даже жажда, казалось, не способна была заставить его действовать.

Габриэль, много часов молча следившая за ним, в конце концов не выдержала и взяла его под свою опеку: вымыла и причесала, надела на него новую одежду. Она выбрала черный сюртук — едва ли не единственную темную вещь в моем гардеробе — и очень скромно отделанную рубашку. В этом наряде Ники выглядел довольно странно и был похож на юного клерка, чересчур серьезного и немного наивного.

Я наблюдал за ними в тишине склепа и убедился, что они прекрасно слышат мысли друг друга. За все это время она не сказала ему ни слова, и тем не менее он шел туда, куда она ему велела, и делал то, что она просила его сделать. Завершив его туалет, она усадила Никола на скамью возле камина.

— А теперь,— обратилась она ко мне,— он должен отправиться на охоту.

Ей достаточно было только взглянуть на него, и он, не поднимая глаз, подскочил как пружина.

Я был настолько поражен этим, что лишился дара речи и мог только молча смотреть им вслед, когда они уходили. Я услышал звук их шагов по каменным ступеням, потом осторожно, чтобы они не заметили, прокрался до самых ворот и, прижавшись лицом к железным прутьям, уставился на двух злобных и коварных призраков, двигающихся через поле.

Пустота ночи окутала меня холодом, и избавить от него не мог даже яркий огонь в камине, к которому я в конце концов вернулся.

Вокруг меня царила пустота. И тишина, та самая тишина, говорил я себе, о которой я совсем недавно мечтал, чтобы отдохнуть и побыть наедине со своими мыслями после тяжелейшей и отвратительной схватки в Париже. Но в этой тишине, словно голодный зверь, терзало душу и грызло мои внутренности сознание того, что отныне я не в силах буду выносить его присутствие рядом.

5

Проснувшись с наступлением вечера, я уже твердо знал, что должен сделать. Мог я или не мог отныне выносить присутствие Никола, не имело никакого значения. То, что произошло с ним, произошло по моей вине, и я обязан был так или иначе вывести его из состояния ступора.

Охота ничуть его не изменила, хотя, судя по всему, он подстерег не одну жертву и вволю напился крови. Теперь моей задачей было постараться скрыть то отвращение, которое я к нему испытывал, отвезти его в Париж и найти там ту единственную вещь, которая способна была привести его в чувство.

Единственной вещью, которую он любил при жизни, была скрипка. А вдруг она и сейчас заставит его очнуться? Когда я вложу инструмент ему в руки, у Ники, возможно, появится желание вновь сыграть на ней. Но теперь он будет играть совсем по-другому, с новым мастерством, и, быть может, все изменится, холод в моем сердце постепенно растает.

Как только Габриэль проснулась, я рассказал ей, что собираюсь сделать.

— Но как же быть с остальными? — спросила она.— Тебе нельзя ехать в Париж одному.

— Нет, я все-таки поеду,— настаивал я.— Ты должна остаться с ним, потому что нужна ему. Если эти паразиты появятся здесь, они легко выманят его из башни. К тому же я хочу выяснить, что происходит в склепах Невинных мучеников. Необходимо знать, действительно ли мы получили хотя бы временную передышку.

— И все же мне не нравится, что ты едешь один,— покачала она головой.— Знаешь, если бы не моя уверенность в том, что мы должны обязательно еще раз встретиться с их предводителем и о многом расспросить его и старую королеву, я настояла бы на отъезде из Парижа сегодня же вечером.

— Но чему они могут нас научить? — холодно спросил я.— Тому, что Солнце вращается вокруг Земли и что Земля плоская?

Однако я тут же устыдился резкости своих слов.

Одну загадку они, возможно, все-таки смогут мне объяснить: почему созданные мною вампиры способны слышать мысли друг друга, в то время как сам я лишен такой возможности? Хотя в тот момент я был так поглощен чувством отвращения к Ники, что был не в состоянии думать о чем-либо другом.

Я смотрел на нее и думал о чудесном превращении, произошедшем с нею благодаря волшебной силе Обрядов Тьмы. Они возвратили ей былую красоту и вновь сделали ее богиней моего детства. Но перерождение Ники больше походило на смерть.

Даже если она и не могла прочесть мои мысли, сердцем она прекрасно сумела понять мое состояние.

Мы обнялись.

— Будь осторожен,— сказала она на прощание.

Мне обязательно нужно было проникнуть в его квартиру, чтобы отыскать там скрипку. Кроме того, оставался еще бедняга Роже. Я должен был придумать для него какие-то объяснения, наговорить ему кучу небылиц. К тому же идея отъезда из Парижа захватывала меня все больше и больше, а следовательно, необходимо было подготовиться и успеть сделать еще очень многое.

В течение нескольких часов, однако, я делал все, что мне хотелось, притворяясь, что нет ни кладбища Невинных мучеников, ни общества вампиров в его подземных склепах, что Ники все еще жив и находится в безопасности. Я охотился в Тюиль-

ри, на бульварах и воображал, что весь Париж принадлежит мне.

Однако я все время прислушивался, нет ли кого поблизости, и не переставал думать о старой королеве. Я обнаружил их присутствие, когда меньше всего этого ожидал,— на бульваре Тамплиеров, возле театра Рено.

Странно, что вампиры осмелились появиться в местах света, как они их называли. Однако я твердо знал, что несколько из них прячутся позади театра. На этот раз от них исходила не злоба, а только отчаянное возбуждение. Почувствовав, что я совсем рядом, они пришли в неописуемое волнение.

Потом я увидел лицо темноглазой женщины-вампира со спутанными, как у ведьмы, волосами. Она выглядывала из аллеи, на которую выходила задняя дверь театра, и манила меня рукой.

Несколько минут я скакал взад и вперед по аллее. На бульваре царила обычная для весеннего вечера суета: один за другим катились экипажи, между которыми сновали толпы пешеходов; двери ярко освещенных театров были распахнуты настежь, приглашая на представления публику, а прямо на тротуарах выступали сотни уличных музыкантов, жонглеров и акробатов. Стоит ли мне покинуть все это ради разговора со столь странными существами? Я прислушался. Их было четверо. Они были в ужасе. И они ждали меня с отчаянной надеждой.

Ладно. Я повернул лошадь и въехал в темную аллею, Они с нетерпением поджидали меня чуть дальше, сбившись в кучку возле каменной стены.

Больше всего меня удивило присутствие среди них сероглазого мальчика. На лице его было написано недоумение. За спиной у него стоял высокий худой мужчина-вампир, к которому прижималась миловидная женщина,— оба были замотаны в лохмотья и походили на прокаженных. Заговорила со мной та самая темноглазая красотка, которая смеялась на ступенях лестницы, ведущей в подземный склеп кладбища Невинных мучеников.

— Ты должен помочь нам! — шепотом воскликнула она.

— Разве? — откликнулся я, пытаясь успокоить кобылу, которой явно было не по душе их общество.— И с какой это стати я должен вам помогать?

— Он уничтожает нашу общину,— ответила она.

— Уничтожает всех нас...— не глядя на меня, произнес мальчик.

Он стоял, упершись взглядом в камни мостовой, и я сумел поймать и увидеть те мысленные картины, которые он мне посылал: горящий посреди склепа погребальный костер и Арман, силой заставляющий своих подданных бросаться в огонь.

Я постарался избавиться от видения, но теперь все они посылали мне страшные образы. Темноглазая женщина пристально смотрела мне прямо в глаза, заставляя меня увидеть все еще яснее: Арман, размахивающий обугленным куском бревна, подталкивающий им в огонь своих вампиров и бьющий тех, кто пытался выскочить обратно.

— Господи! — воскликнул я.— Но ведь вас же было не меньше дюжины! Неужели вы не могли оказать сопротивление?

— Мы вступили в борьбу и потому сейчас находимся здесь,— ответила женщина.— Он сжег сразу шестерых, остальным удалось сбежать. Мы были в ужасе и днем укрывались в самых немыслимых местах. Нам никогда не приходилось делать это раньше. Мы спали только в своих могилах. Не знали, что будет с нами дальше. А когда проснулись, он был уже там. Ему удалось уничтожить еще двоих. Остались только мы. Он вскрыл даже самые глубокие склепы и сжег тех, которые были обречены страдать там от голода. Завалил землей проходы к постоянному месту нашего сбора.

Мальчик медленно поднял голову.

— Это ты во всем виноват,— сказал он.— Это ты привел всех нас к гибели.

Женщина выступила вперед.

— Ты обязан нам помочь,— вновь заговорила она.— Ты должен создать новое общество и научить нас жить так, как живешь ты.

— А что с великой старой королевой? — спросил я.

— С нее все и началось,— сердито буркнул мальчик.— Она сама бросилась в костер. Сказала, что хочет присоединиться к Магнусу и отправляется к нему. Она смеялась. Вот после этого он и загнал остальных в огонь, тогда как мы убежали.

Я опустил голову. Все. Она ушла. Ее больше нет! И с нею ушло все, что она видела и знала. Остался лишь невежествен-

ный мальчишка. Озлобленный, жаждущий мести ребенок, безоговорочно верящий в то, что она сама считала неправильным и ошибочным.

— Ты не можешь не помочь нам,— промолвила темноглазая женщина.— Понимаешь, как глава нашего общества он имеет право уничтожать всех, кто слаб и не способен выжить самостоятельно.

— Он не мог допустить, чтобы в обществе воцарился хаос,— вступила в разговор стоящая позади мальчика другая женщина-вампир.— Утратив веру в Путь Тьмы, мы можем совершить множество грубых ошибок и привлечь к себе излишнее внимание смертных. Но если ты поможешь нам создать новое общество и научишь жить по новым законам...

— Мы самые сильные из нашего братства, и если мы сумеем отражать его атаки достаточно долго и докажем, что способны жить без него, то со временем он, возможно, оставит нас в покое,— постарался объяснить мужчина.

— Он уничтожит нас,— бормотал мальчик,— он никогда от нас не отстанет. Дождется того момента, когда мы разделимся...

— Он не настолько всесилен, чтобы его нельзя было победить,— возразил мужчина.— И не забудь: он потерял всякую уверенность в себе.

— А у тебя есть башня, совершенно безопасное место...— с отчаянием в голосе начал мальчик.

— Нет, туда я не могу вас взять,— перебил я его.— Вы должны сами выиграть эту битву.

— Но ведь ты можешь стать нашим вождем и учителем...— сказал мужчина.

— Вы совершенно не нуждаетесь во мне,— возразил ему я.— Чему вы сумели научиться на моем примере? Что вы узнали из моего вчерашнего рассказа?

— Мы гораздо больше узнали из того, что ты рассказал ему потом,— ответила темноглазая женщина.— Мы слышали, как ты говорил ему о новом виде зла, о том зле, которое присуще этому веку и которому суждено присутствовать среди людей в прекрасном человеческом облике.

— Ну так и примите этот облик,— рявкнул я.— Возьмите одежду ваших жертв и деньги, которые лежат в их карманах. И тогда вы, как и я, сможете спокойно существовать в этом

мире. Со временем вы достаточно разбогатеете, чтобы приобрести для себя собственную крепость, свое тайное убежище. И перестанете быть нищими попрошайками-призраками.

Они слушали меня очень внимательно, хотя на их лицах было по-прежнему написано отчаяние.

— Но как же быть с нашей кожей, с нашими голосами?..— спросила темноглазая.

— Вы вполне можете одурачить смертных. Это очень легко. Требуется лишь немного умения и сноровки.

— С чего же нам начать? — вяло и без всякого интереса пробормотал мальчик. Создавалось впечатление, что он пошел на встречу со мной против воли.— Какой облик нам лучше всего принять?

— Выберите сами,— пожал плечами я.— Оглянитесь вокруг. Можете изображать из себя цыган — это проще всего. А еще лучше — притворитесь бродячими комедиантами.

Я оглянулся на ярко освещенный бульвар.

— Да, комедиантами! — восхищенно воскликнула темноглазая красотка.

— Вы можете стать уличными актерами, акробатами. Вы, конечно, уже видели их там, на бульварах. Скройте под гримом свою белую кожу, а ваша экстравагантная внешность, необычные жесты и выражения лиц будут казаться вполне естественными, и никто ничего не заподозрит. Лучшего способа всех обмануть вы не придумаете. Выступая на бульварах, вы получите возможность видеть множество самых разных людей, будете наблюдать за ними и научитесь у них всему необходимому.

Она рассмеялась и обернулась к остальным. Мужчина задумался, женщина тоже размышляла с мечтательным выражением лица, а мальчик явно был в нерешительности.

— С вашими способностями вы легко можете прикинуться фокусниками и акробатами,— сказал я.— Это не составит для вас никакого труда. Ваши представления увидят тысячи людей, но никто не догадается, кто вы такие на самом деле.

— Насколько нам известно, с тобой самим на сцене театра произошло кое-что другое,— ледяным тоном ответил мальчик.— Ты привел всех в неописуемый ужас.

— Потому что я этого хотел,— промолвил я, при одном воспоминании о том вечере чувствуя в душе боль.— В этом и состо-

яла моя проблема. Но если захочу, я могу обмануть кого угодно. И вы тоже.

Я вытащил из кармана полную горсть золотых монет и отдал темноглазой женщине. Осторожно, словно они были раскаленными углями, она взяла монеты обеими руками. Когда же она подняла на меня глаза, я увидел в них отражение того, что произошло на сцене театра Рено, увидел себя, стоящего перед огнями рампы и демонстрирующего свое ужасное искусство, заставившее зрителей в панике бежать из зала.

Но при этом я сумел прочесть в ее мыслях кое-что еще. Она знала, что театр сейчас пуст, что я отправил труппу за пределы Франции.

Чувствуя внутри мучительную боль, я размышлял над этой идеей. Интересно, заметили ли они, как тяжело было в тот момент у меня на душе? Хотя... даже если и заметили...

— Пожалуйста...— умоляюще обратилась ко мне красотка, холодными белыми пальцами дотрагиваясь до моей руки.— Позволь нам укрыться в твоем театре! Пожалуйста!

Она оглянулась на заднюю дверь театра.

Позволить им войти? Позволить плясать на моей могиле?!

В театре наверняка остались старые костюмы, украшения и другие вещи актеров. У них более чем достаточно денег, чтобы купить себе все новое. Но там оставались баночки с красками и еще многое, многое другое, очень ценное, однако брошенное в суете поспешного отъезда.

Я буквально оцепенел, у меня не было сил думать, не было никакого желания заново переживать все, что происходило со мной в этом театре.

— Хорошо,— произнес я наконец, глядя в сторону и делая вид, что какая-то мелочь привлекла мое внимание.— Если хотите, можете пойти в театр. Я предоставляю в ваше распоряжение все, что в нем есть.

Женщина подошла ближе и неожиданно прижалась губами к моей руке.

— Мы никогда этого не забудем,— сказала она.— Меня зовут Элени, мальчика — Лоран, а эти двое — она указала на мужчину и вторую женщину,— Феликс и Эжени. И если Арман попытается причинить тебе зло, мы все встанем на твою сторону.

— Надеюсь, у вас все будет хорошо,— ответил я и неожиданно поймал себя на том, что действительно хочу этого.

Я вдруг подумал, что, несмотря на всю приверженность Пути Тьмы и Законам Тьмы, едва ли кто-либо из них по собственной воле оказался в тех кошмарных обстоятельствах, в которых все мы сейчас пребывали. Как бы то ни было, все мы теперь — Дети Тьмы.

— Будьте, однако, очень осторожны,— вновь обратился я к ним.— Никогда не убивайте свои жертвы рядом с театром. Ведите себя с умом и заботьтесь о полной безопасности своего убежища.

Когда я въехал на мост, который вел на Иль-Сен-Луи, пробило три часа. Я потерял достаточно много времени и теперь должен был найти скрипку.

Однако, подойдя к дому Никола на набережной, я почувствовал смутное беспокойство. Что-то было не так. Шторы со всех окон были сняты, а внутри было совсем светло, словно там горели тысячи свечей. Более чем странно. Роже не мог успеть завладеть квартирой. Прошло слишком мало времени, чтобы утверждать, что с Ники стряслась беда.

Я стремительно поднялся на крышу и спустился с другой стороны дома, чтобы заглянуть в окно, выходящее во двор.

Повсюду горели свечи — в настенных и настольных канделябрах, даже на рояле и бюро, укрепленные растекшимся воском. В комнате царил страшный беспорядок.

Все книги были сброшены с полок, некоторые даже разорваны. Листы с нотами валялись на ковре. Картины и рисунки вместе с монетами, ключами и множеством других мелочей были раскиданы на столах.

Быть может, весь этот беспорядок учинили демоны, когда захватили в плен Ники? Но кто в таком случае зажег свечи? Я ничего не понимал.

Я прислушался. Никого. Или мне только казалось, что в квартире никого нет? И вдруг я услышал... нет, не мысли, а какие-то тихие звуки. Прикрыв глаза и сконцентрировав все свое внимание, я услышал шелест перевертываемых страниц, потом звук падения какого-то предмета. Снова шорох старинного пергамента... и книга снова падает на пол.

Почти бесшумно я поднял оконную раму. Звуки были по-прежнему едва слышны, но я не чувствовал запаха человеческого присутствия и не мог уловить ни одной мысли.

Однако запах все же ощущался, причем гораздо более сильный, чем застарелый запах табака и воска. Это был запах вампиров, принесенный с кладбища.

В прихожей тоже горели свечи. И в спальне, где все было перевернуто вверх дном: сваленные горой, раскрытые и разорванные книги, изодранное в клочья постельное белье, брошенные кое-как картины... Из шкафов было вытащено абсолютно все, ящики комода выдвинуты...

Скрипки нигде не было видно.

Шелест быстро перевертываемых страниц доносился из соседней комнаты.

Кто бы там ни находился,— а я уже догадывался, кто именно явился гостем,— он не обращал никакого внимания на мое присутствие. Даже не остановился ни на секунду, чтобы передохнуть.

Пройдя дальше, я остановился в дверях библиотеки и увидел его прямо перед собой. Он был полностью поглощен своим занятием.

Конечно же, это был Арман. Однако я никак не ожидал встретить его именно здесь.

Растопленный воск капал с мраморного бюста Цезаря и стекал по ярко раскрашенному глобусу. На ковре горами лежали книги. На месте оставались лишь те, что стояли на самой верхней полке в том углу, где находился сейчас он. Одетый в старые лохмотья, с покрытыми слоем пыли волосами он, не видя меня, перелистывал страницу за страницей, быстро пробегая глазами по строчкам и шевеля губами. Он вдруг напомнил мне насекомое, увлеченно поедающее зеленый лист.

Выглядел он действительно ужасно. Создавалось впечатление, что он и в самом деле высасывает из книг все, что только можно.

Отбросив ту, которую держал в руках, он взял другую книгу, открыл ее и принялся поглощать так же, как предыдущую, с невероятной скоростью водя пальцами по строчкам.

И тут до меня дошло, что точно таким же образом он изучал буквально все содержимое квартиры — постельное белье, со-

рванные с окон шторы, снятые с мест картины и книги, содержимое шкафов, бюро и комода. Но самое большое количество знаний он получал, конечно же, из сваленных теперь на полу книг — от «Войны с галлами» Цезаря до самых современных английских романов.

Но не это произвело на меня самое страшное впечатление, а тот беспорядок и хаос, который он оставлял за собой, отсутствие с его стороны всякого уважения к тому, чем он уже воспользовался.

И полное отсутствие интереса ко мне.

Покончив с последней книгой, он отшвырнул ее в сторону и перешел к изучению старых газет, сложенных на нижней полке.

Словно зачарованный, не сводя глаз с маленькой грязной фигурки, я попятился вон из комнаты. Несмотря на грязь, волосы его излучали сияние, а глаза сверкали огнем.

Среди горящих свечей и ярких красок обстановки квартиры этот грязный беспризорник казался совершенно чужеродным, существом ниоткуда, обитателем потустороннего мира. И тем не менее его красота приковывала к себе внимание. Чтобы подчеркнуть ее, он не нуждался ни в игре теней и света в соборе Нотр-Дам, ни в ярких факелах, освещавших подземный склеп. Но сейчас я видел в нем невероятную жестокую силу, которой не замечал прежде.

Я не знал, что и думать. Он казался мне одновременно и опасным, и неотразимым. Я готов был смотреть и смотреть на него без конца, но инстинкт самосохранения настойчиво шептал мне прямо в ухо: «Беги! Оставь его здесь, если он этого хочет! Какое значение имеет теперь все это?»

Скрипка! Я старался заставить себя думать только о скрипке. Я не в силах был видеть движения его рук, пальцы, бегающие по страницам, напряженный взгляд.

Наконец я нашел в себе мужество отвернуться и вышел в гостиную. Руки у меня тряслись. Сама мысль о том, что он находится сейчас здесь, в этой квартире, рядом со мной, была невыносима. Я обыскал все углы, но нигде не мог найти проклятую скрипку. Куда же Ники ее задевал?! Я не мог сосредоточиться.

Шелест переворачиваемых страниц, похрустывание бумаги, шуршание падающей на пол газеты...

Надо немедленно возвращаться в башню!

Я хотел было незаметно проскользнуть мимо библиотеки, но меня буквально пригвоздил к месту его безмолвный призыв. В горле у меня мгновенно пересохло, я обернулся и встретился с ним взглядом.

— Ты любишь их, своих бессловесных детей? А они любят тебя? — Слова его прозвучали и тут же рассеялись, как бескрайнее эхо.

Кровь бросилась мне в лицо. От одного его вида я покрылся холодным потом.

Словно привидение среди руин, он стоял в центре комнаты, а повсюду в беспорядке валялись книги. Он был посланцем того самого дьявола, в которого так верил и которому поклонялся. И в то же время он был удивительно юн и красив.

— Вот видишь, любовь не предусмотрена Законами Тьмы, они признают только безмолвие и забвение.— Голос его казался сейчас чище и нежнее, гулкое эхо исчезло.— Мы всегда говорили, что дьяволу не угодно, чтобы старейшины общества и их недостаточно опытные и юные собратья искали утешения друг у друга. Все должны служить и поклоняться только сатане.

Я жадно ловил каждое его слово. Они проникали в самые тайники моей души, волновали меня и возбуждали любопытство. Однако я не хотел, чтобы он это заметил, а потому довольно сердито произнес:

— Чего ты от меня хочешь?

Мне было трудно говорить. В этот момент я боялся его сильнее, чем когда-либо прежде во время наших споров и сражений. А я ненавижу тех, кто заставляет меня испытывать страх, кому известно то, что я сам хочу знать, тех, кто таким образом имеет надо мной власть.

— Похоже, ты и читать-то не умеешь,— заметил он.— А твоего творца, этого отступника Магнуса, твое невежество что, совсем не волновало? Неужели он не научил тебя даже самым простым вещам?

Пока он говорил, выражение его лица совершенно не менялось.

— Неужели так было всегда? Неужели тебя никто и никогда не пытался научить хоть чему-нибудь?

— Ты просто читаешь мои мысли...— ответил я, не в силах прийти в себя от страха.

Перед моими глазами мелькали картины монастыря, в котором я учился, когда был совсем мальчиком, длинные ряды стеллажей с книгами, которые не мог прочесть, сидящую к нам спиной, склонившуюся над книгой Габриэль...

— Прекрати! — прошептал я.

Мне показалось, что прошло много времени, прежде чем он заговорил снова, на этот раз мысленно:

«Ты никогда не будешь доволен теми, кого создал. В мире безмолвия и забвения отчуждение и обиды только усиливаются».

Я пытался заставить себя уйти и не мог. Я молча смотрел на него и слушал.

«Ты нуждаешься во мне, а я в тебе, и во всем мире только мы с тобой действительно стоим друг друга. Неужели ты даже этого не можешь понять?»

Он произносил слова без всякого выражения, и они сливались в моей голове в один монотонный гул, словно без конца звучащая скрипичная струна.

— Это просто безумие какое-то,— прошептал я, вспоминая все, что он говорил мне, в чем меня обвинял, вспоминая то, что рассказали мне другие вампиры о том, как он заставлял всходить на костер своих подданных.

— Разве? Тогда отправляйся к остальным, к тем, кто молчит. Но не надейся, они тебе ничего не скажут.

— Ты лжешь...— попытался возразить я.

— И со временем их независимость будет только укреплять-ся. Кстати, запомни: если я тебе понадоблюсь, ты всегда сможешь найти меня. В конце концов, куда мне идти? И что делать? Фактически ты превратил меня в сироту.

— Я не совершал ничего подобного...

— Это твоих рук дело! — ответил он.— Да, в этом твоя вина. Ты все разрушил.— Странно, но в голосе его не было гнева.— Но я буду ждать тебя. Буду ждать, когда ты придешь, чтобы задать вопросы, ответы на которые известны только мне.

Я смотрел на него очень долго. Не знаю, сколько времени на самом деле прошло. Казалось, я не в силах был сдвинуться с места и не мог видеть вокруг ничего и никого, кроме него. Меня

охватило всепоглощающее чувство умиротворения, как и тогда, в соборе Нотр-Дам. Я вновь оказался под воздействием его чар. Свет в комнате был чересчур ярким. Вокруг не осталось ничего, кроме ослепительного сияния, окружающего Армана. Мы будто приближались друг к другу, хотя на самом деле никто из нас не двигался. Словно неведомая сила неумолимо притягивала меня к нему.

Наконец я повернулся и выбежал из комнаты, спотыкаясь на каждом шагу и едва не падая. Промчавшись по коридору, я выбрался через окно и почти мгновенно оказался на крыше.

Я с бешеной скоростью гнал лошадь через Иль-де-ля-Сите, и сердце мое, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Лишь когда Париж остался позади, я немного успокоился.

Звон колоколов ада.

На фоне светлеющего утреннего неба передо мной возник черный силуэт башни. Мое маленькое общество уже улеглось на покой в подземном склепе.

Я не стал открывать саркофаги, чтобы посмотреть на них, хотя мне очень хотелось увидеть Габриэль, коснуться ее руки.

В полном одиночестве я стал подниматься на зубчатую стену, откуда так любил наслаждаться чудесным сиянием начинающегося рассвета, который мне уже никогда не суждено увидеть до конца. Я слышал собственную музыку — звон колоколов ада...

И вдруг до меня донеслись иные звуки. Я услышал их еще на лестнице и удивился тому, что они сумели долететь до моих ушей. Впечатление было такое, будто очень далеко кто-то тихо пел нежную песенку.

Однажды, много лет назад, мне довелось услышать, как пел шедший по дороге на север деревенский мальчишка. Он не подозревал, что кто-то может его услышать, и воображал, будто он совершенно один на огромном пространстве. Быть может, поэтому его необыкновенно сильный и чистый голос обрел поистине неземную красоту. Я не помню слов, но они тогда не имели никакого значения.

Именно этот голос доносился до меня и сейчас. Одинокий голос, вобравший в себя все звуки мира и звавший издалека.

Меня снова охватил страх. И все же я открыл дверь в конце лестницы и вышел на каменную крышу. Меня шелком окутал утренний ветерок, над головой сонно мерцали последние звезды. Небо казалось скорее не куполом, а бесконечным туманом, клубящимся в вышине. И звезды постепенно тонули в этом тумане, поднимались все выше, делались меньше и меньше.

Далекий голос зазвучал громче, пронзительнее, как будто его обладатель стоял на вершине высокой горы, и я вдруг почувствовал в груди такую острую боль, что невольно прижал к сердцу руку.

«Приди ко мне! Я готов простить тебе все, если только ты придешь ко мне! Я никогда еще не чувствовал себя таким одиноким!» Подобно тому как луч света рассекает тьму, этот пронзительный голос резал на части мою душу.

При звуках песни меня охватило ощущение беспредельной силы, и передо мной открылись безграничные возможности воплощения всех моих надежд и ожиданий. И я увидел Армана, одиноко стоящего в проеме распахнутых дверей Нотр-Дам. Время и пространство не более чем иллюзия. В бледном сиянии он стоял перед главным алтарем — тонкая фигурка в царственных лохмотьях, мерцающая и постепенно тающая,— в глазах его не было ничего, кроме бесконечного терпения. И не было больше склепа в недрах кладбища Невинных мучеников. Не было уродливо-комического, закутанного в грязные тряпки призрака, в сиянии свечей сидевшего в библиотеке Ники, отшвыривающего от себя прочитанные наспех книги — пустые скорлупки.

Опустившись на колени, я прислонился головой к холодному зубцу каменной стены. Я видел, как постепенно растворяется в небе призрачная луна, но в это мгновение ее, наверное, коснулись солнечные лучи, потому что я вдруг почувствовал, что она обжигает меня, и невольно закрыл глаза.

Однако я продолжал пребывать в состоянии эйфории, даже экстаза. Удивительный голос разрывал на части мою душу, проникал в самые тайные ее глубины, затрагивал наиболее сокровенные струны. Мне казалось, что отныне я в состоянии понять и оценить величие Законов Тьмы и для этого мне не требуется поток текущей по жилам крови.

Мне хотелось снова спросить его, что ему нужно. О каком прощении можно говорить, если совсем недавно мы были заклятыми врагами? Я хотел напомнить ему, что он уничтожил собственных подданных и совершал злодеяния, о которых страшно даже думать.

Но, как и прежде, я был не в силах высказать ему свои упреки, просто не находил слов. Теперь, однако, я был уверен в том, что, если осмелюсь хотя бы попытаться сделать это, ощущение блаженства исчезнет навсегда, а муки и страдания, которые я испытаю, не пойдут ни в какое сравнение с жаждой крови.

По-прежнему не двигаясь, я оставался во власти странных ощущений... передо мной возникали видения, и в голову приходили мысли, в действительности мне не принадлежавшие.

Я видел себя спускающимся в подземелье и берущим на руки безжизненные тела тех, кого любил и кого сам превратил в чудовищ. Я видел, как несу их вверх по лестнице и, совершенно беспомощных, оставляю на крыше под немилосердными лучами восходящего солнца. Напрасно предупреждающе звонят колокола ада. Солнце уничтожает их, превращает в пепел.

Но разум мой с отвращением отверг эти видения, и душа содрогнулась от разочарования.

— Дитя, по-прежнему неразумное дитя...— прошептал я, испытывая боль от постигшего меня разочарования, от упущенных возможностей.— Как мог ты подумать, что я способен совершить что-либо подобное?

Голос постепенно отдалялся и наконец совсем затих. Меня охватило всепоглощающее чувство собственного одиночества. Мне казалось, что с меня сорваны все покровы и отныне я навсегда обречен чувствовать себя таким же обнаженным и несчастным, как сейчас.

Где-то вдалеке я ощутил мощное содрогание, словно дух, заставлявший звучать этот голос, вынужден был свернуться тугой спиралью, как огромный язык великана.

— Какое вероломство! — воскликнул я вслух.— И какая горькая ошибка! Как смеешь ты утверждать, что испытываешь страстное желание заполучить меня?!

Но он исчез. Пропал. И я вдруг отчаянно захотел, чтобы он вернулся обратно, даже если мне придется вступить с ним в

схватку. Мне захотелось вновь испытать ощущение всемогущества, столь яркое и великолепное.

И опять перед моими глазами возникло лицо Армана — такое, каким я увидел его в соборе Нотр-Дам,— по-детски юное и восхитительно прекрасное, как лица святых на полотнах старого да Винчи. Меня охватило предчувствие чего-то ужасного и при этом неизбежного.

6

Как только Габриэль проснулась, я увел ее подальше от Ники. Мы отыскали спокойное место в самой гуще леса, и я рассказал ей обо всем, что произошло прошлой ночью, о том, что сказал мне и что предложил Арман. Смущаясь, с трудом подбирая слова, я говорил с ней о невозможности мысленного общения между нами и о том, каким образом я узнал, что мы не в силах что-либо изменить.

— Мы должны немедленно уехать из Парижа,— наконец промолвил я.— Он слишком опасен для нас. А тем, кому я отдал в распоряжение свой театр, не известно ничего, кроме того, что они узнали от него. Пусть остаются и хозяйничают в Париже, а мы, как сказала королева, отправимся по Пути Дьявола.

Я ожидал, что она рассердится и станет проклинать Армана, но, к моему удивлению, за все время моего рассказа Габриэль оставалась совершенно спокойной.

— Лестат,— ответила она наконец,— мы пока еще не получили ответа на многие вопросы. Я хочу знать, когда и как возникло это общество и что именно известно Арману о нас.

— Матушка, я предпочитаю держаться от них подальше. Меня совершенно не интересует история возникновения этой компании. Вполне возможно, что она неизвестна даже ему самому.

— Понимаю тебя, Лестат, поверь, я все хорошо понимаю,— спокойно возразила она.— Когда все необходимое будет сказано и сделано, эти существа будут интересовать меня меньше, чем ветки на деревьях в лесу или далекие звезды. Я с большим удовольствием стану изучать направление ветров или рисунок прожилок на листьях...

— Вот именно.

— Но мы не должны торопиться. Сейчас для нас важнее держаться вместе. Все вместе мы отправимся в город и потихоньку станем готовиться к отъезду. И все вместе попытаемся привести в исполнение твой план — с помощью скрипки попробуем вывести Никола из нынешнего состояния.

Мне очень хотелось расспросить ее о Ники, узнать, что стоит за его молчанием, что она сама об этом знает и думает. Но слова не шли из моего вдруг пересохшего горла. Я хорошо помнил ее чувства: «Это катастрофа, мой мальчик!»

Она обняла меня и повела назад в башню.

— Мне нет нужды читать твои мысли,— говорила она,— чтобы понять, что у тебя на сердце. Давай отвезем его в Париж. Давай попробуем найти Страдивари.— Она приподнялась на цыпочки и поцеловала меня.— Еще до того как это случилось, мы уже шли по Пути Дьявола и очень скоро вернемся на него вновь.

Заставить Никола поехать в Париж было не труднее, чем в любое другое место. Словно мрачный призрак, он сел на коня и поскакал рядом с нами — живыми казались только его волосы и черный плащ, развевавшиеся на ветру.

Когда мы начали свою охоту на Иль-де-ля-Сите, я вдруг почувствовал, что не в силах смотреть, как он убивает свои жертвы.

Он двигался, словно сомнамбула, очень медленно и совершенно бесстрастно, и при взгляде на него я терял всякую надежду. Я опасался, что он останется таким навсегда и станет нашим вечным спутником, молчаливым и больше похожим на оживший труп.

Мне вдруг пришла в голову и другая мысль. Теперь нас стало трое — настоящее общество. Если бы только мне удалось привести его в чувство...

Однако прежде всего мне необходимо нанести визит Роже. И говорить с ним я должен был один на один. Оставив своих спутников в нескольких шагах от дома адвоката, я постучал в дверь, внутренне готовясь к самому трудному и отвратительному представлению в своей жизни.

Должен сказать, что вскоре я получил еще один урок: убедился в готовности смертных поверить чему угодно, лишь бы

увериться в том, что им ничего не грозит. Увидев меня, Роже был вне себя от радости. Ему доставило огромное удовольствие «видеть меня в добром здравии» и узнать, что я по-прежнему нуждаюсь в его услугах. Прежде чем я успел сказать ему, что именно мне от него нужно, он уже согласно кивал головой.

Этот урок я запомнил навсегда и с тех пор никогда не забывал об особенностях мировосприятия смертных. Даже когда в доме беснуется злобное привидение, когда оно швыряет тяжелые оловянные сковороды, заливает водой подушки, заставляет часы бить в неподходящее время, смертные скорее предпочтут поверить «естественному объяснению» происходящего, каким бы абсурдным и глупым оно ни казалось, чем совершенно очевидному, но сверхъестественному.

К тому же с первой минуты я понял, что он считает, будто мы с Габриэль исчезли из дома, воспользовавшись дверью для слуг,— как же мы не подумали об этом раньше! Мне осталось лишь пробормотать что-то невразумительное по поводу искореженного канделябра — нечто вроде того, что при виде умирающей матери я потерял голову от горя и отчаяния. Он, конечно же, прекрасно понимал мое состояние...

Что же касается причины нашего исчезновения... ну... в общем... Габриэль настаивала на том, чтобы я увез ее в монастырь, где она обретет уединение... там она сейчас и находится.

— Ах, месье, ее выздоровление — настоящее чудо! — говорил я.— Если бы вы только могли ее видеть... впрочем, теперь все позади... Мы немедленно отправляемся в Италию вместе с Никола де Ленфеном, и потому нам срочно нужны деньги, аккредитивы и все такое, а также дорожный экипаж, причем очень большой дорожный экипаж, и шестерка лучших лошадей. Вы должны позаботиться об этом. Вам следует приготовить все к концу пятницы. Кроме того, напишите моему отцу и сообщите, что мы увозим матушку в Италию. Надеюсь, у отца все в порядке?

— О да, конечно! Я сообщал ему только самые утешительные...

— Очень разумно с вашей стороны. Я знал, что могу полностью вам доверять. Что бы я без вас делал?! А как насчет этих рубинов? Вы можете немедленно обратить их в деньги? И вот, у меня есть еще несколько испанских монет — кажется, они старинные.

Он, словно сумасшедший, все записывал. Если у него и были какие-то сомнения и подозрения, то теперь от них не осталось и следа — они растаяли в тепле моих самых обаятельных улыбок. Он был несказанно рад быть для меня полезным.

— Помещение принадлежащего мне театра на бульваре Тамплиеров должно оставаться свободным,— продолжал я.— Кроме того, вы и дальше будете вести все мои дела здесь.

Театр на бульваре Тамплиеров будет служить убежищем для отчаявшейся компании оборванцев-вампиров, если, конечно, Арман еще не успел найти их там и сжечь, как старые костюмы. Это я выясню в самое ближайшее время.

Насвистывая что-то веселенькое, как самый обыкновенный человек, я сбежал по ступеням, радуясь тому, что весьма неприятная задача наконец-то выполнена. Но на улице я не обнаружил ни Ники, ни Габриэль.

Застыв на месте, я лихорадочно оглядывался вокруг.

Я увидел наконец Габриэль — она как будто материализовалась из воздуха почти рядом со мной, и в ту же секунду я услышал ее голос:

— Лестат, он исчез! Пропал!

В первый момент я буквально лишился дара речи, а потом не смог придумать ничего умнее, кроме как спросить:

— Что значит — пропал?

Но думал я в ту минуту совсем о другом. Если прежде я сомневался в том, что люблю его, то теперь от моих сомнений не осталось и следа. До сих пор я лгал себе.

— Не успела я отвернуться, как он тут же сбежал, просто испарился! — объясняла мне Габриэль, и в голосе ее звучали одновременно горечь и гнев.

— Ты не слышала каких-нибудь других...

— Нет, ничего. Все произошло так быстро.

— Но по своей ли воле он исчез? А что, если его похитили?..

— Если бы его похитил Арман, я непременно почувствовала бы его страх,— возразила она.

— А разве способен он испытывать страх? Может ли он вообще что-либо чувствовать?

Я был очень зол, и вместе с тем мне было отчаянно страшно. Я сжал кулаки. Ники растворился где-то в непроглядной тьме, окружавшей нас со всех сторон! Должно быть, у меня непроизвольно вырвался вскрик или жест отчаяния.

— Послушай,— снова заговорила Габриэль,— он постоянно думал только о двух вещах...

— О каких именно? Расскажи!

— О погребальном костре в подземном склепе кладбища Невинных мучеников, на котором его чуть не сожгли, и о маленьком театре, о сцене, об огнях рампы...

— Театр Рено!

Мы были похожи на двух архангелов. Не прошло и четверти часа, а мы уже пробирались сквозь шумные толпы людей, заполнивших бульвар, и вскоре оказались перед задней дверью театра, ведущей на сцену.

Все афишные доски были сорваны, а замки сломаны. Но я нигде не ощущал присутствия Элени и остальных вампиров. Мы тихо вошли внутрь и направились за кулисы. Никого...

А вдруг Арман все же сумел вернуть домой своих подданных? В таком случае вина ляжет на мои плечи, потому что я не захотел принять их под свое покровительство.

Никого и ничего, кроме сваленных в беспорядке декораций, нарисованных картин дня и ночи, гор и равнин... и распахнутые настежь двери гримерных — тесных комнатушек, в которых то тут, то там мы ловили взглядом отражение в зеркалах света, проникающего сквозь оставленную нами открытой дверь на улицу.

Габриэль вдруг сжала мою руку и жестом указала в сторону кулис. По выражению ее лица я понял, что она почувствовала не присутствие других вампиров, нет... Там был Ники!

Я подошел к боковому краю сцены. Бархатный занавес был полностью раздвинут, и в оркестровой яме я отчетливо увидел его темную фигуру. Он сидел на своем обычном месте, сложив и зажав коленями руки. Он смотрел прямо на меня, но ничего не видел. Взгляд его по-прежнему оставался отсутствующим.

Неожиданно на память мне пришли слова, сказанные Габриэль в первый же вечер после ее перерождения. О том, что она не в силах избавиться от ощущения, что умерла и отныне не может никоим образом влиять на события, происходящие в мире смертных.

Никола казался почти прозрачным и совершенно безжизненным. Он был похож на бессловесный и лишенный всякого

выражения призрак, какие обычно передвигаются по мрачному, населенному привидениями дому, сливаясь со старой, покрытой толстым слоем пыли мебелью. Видеть его таким было для меня страшнее всего.

Я внимательно осмотрелся в поисках скрипки, но ее нигде не было — ни на полу, ни на стуле возле Никола. И тогда я подумал, что, может быть, еще не все потеряно.

— Стой здесь и следи за ним,— шепнул я Габриэль.

У меня самого перехватило дыхание, когда я окинул взглядом темный зал театра и вдохнул до боли знакомые запахи. Почему, ну почему ты привел нас сюда, Ники? В это полное призрачных воспоминаний место?! А впрочем, разве имею я право задавать тебе эти вопросы? Ведь и сам я вернулся сюда!

Я зажег найденную в гримерной примадонны свечу. Повсюду валялись открытые баночки с гримом, а на крючках остались висеть старые костюмы. Во всех комнатах я видел разбросанную одежду, забытые расчески и щетки для волос, увядшие и засохшие цветы в вазах, рассыпанную по полу пудру.

Я опять вспомнил об Элени и остальных и почувствовал в воздухе слабый запах кладбища Невинных мучеников. Лишь теперь я заметил оставшиеся на усыпанном пудрой полу отчетливые следы босых ног. Да, они были здесь и даже зажигали свечи, потому что запах воска был совсем свежим.

Они, однако, не входили в гримерную, которую мы делили с Ники и где проводили много времени перед выходом на сцену. Она оставалась запертой. Взломав замок и распахнув дверь, я испытал страшное потрясение. Комната выглядела точно такой же, какой я ее оставил!

В ней царили чистота и порядок, даже зеркало было отполировано до блеска. Все мои вещи лежали точно в таком же порядке, как и тогда, когда я был здесь в последний раз. На крючке висел старый сюртук, в котором я приехал из провинции и который давно уже не носил, на полу стояли сморщившиеся от времени башмаки, а все баночки с гримом были расставлены в идеальном порядке на столике рядом с натянутым на деревянную болванку театральным париком, небольшой стопкой писем от Габриэль и вырезок с рецензиями на наши спектакли из французских и английских газет. Осталась даже наполовину опорожненная бутылка вина с высохшей пробкой.

А в темноте под мраморной столешницей, наполовину прикрытый смятым черным сюртуком, лежал блестящий футляр от скрипки. Тот самый футляр, который мы привезли с собой из дома и который все время был с нами. Но внутри его должна лежать новая скрипка, та самая, которую я купил Ники в подарок уже потом, на «королевские деньги»,— скрипка Страдивари.

Я наклонился и поднял крышку. Да, это была она. Среди множества забытых и никому не нужных вещей лежал изящный, поблескивающий темным лаком великолепный инструмент.

Интересно, подумал я, если бы Элени и остальные вошли в эту комнату, взяли бы они ее? Сумели бы понять, на что способна эта скрипка?

Поставив на минуту свечу, я осторожно взял инструмент в руки и подтянул струны — так, как тысячи раз на моих глазах делал это Никола. Вместе со скрипкой я вернулся на сцену, наклонился и с помощью свечи один за другим зажег длинный ряд огней рампы.

Габриэль бесстрастно следила за моими действиями, потом подошла и стала мне помогать. Она зажгла все свечи на сцене и за кулисами.

Мне показалось, что Ники встрепенулся, но, возможно, все дело было лишь в игре света и теней на его профиле, в контрасте сияния огней на сцене и темноты зала. Складки черного бархата словно ожили, а маленькие зеркала, укрепленные по всей длине барьера на балконе, ярко засияли собственным светом.

Как необычайно прекрасен был маленький театр, наш театр, служивший нам при жизни преддверием всего остального мира. И в конце концов ставший преддверием ада.

Наконец я остановился у края сцены и обвел взглядом зал: позолоченные перила, новую люстру, свисающую с потолка, арку с укрепленными на ней масками Трагедии и Комедии, соединенными так, что они напоминали голову двуликого божества.

Пустой зал показался мне вдруг очень маленьким, но не было в Париже театра просторнее и грандиознее, когда его заполняли зрители.

Снаружи доносился грохот проезжающих по бульвару экипажей, то тут, то там возникающие на фоне общего шума голо-

са людей. Должно быть, в этот момент промчалась тяжелая карета, потому что в маленьком театре все задрожало — пламя свечей, отраженное во множестве блестящих поверхностей, складки тяжелого, раздвинутого в стороны бархатного занавеса, задник сцены с нарисованным на нем прекрасным садом и плывущими по небу облаками.

Я прошел мимо Ники, который даже не взглянул в мою сторону, спустился по ступенькам со сцены в оркестровую яму и, приблизившись к Никола, протянул ему скрипку.

Габриэль стояла в одной из боковых кулис и с холодным терпением наблюдала за нами. Она облокотилась на стропила и казалась мне сейчас странным незнакомцем с копной прекрасных длинных волос.

Перегнувшись через плечо Ники, я положил скрипку ему на колени и почувствовал, как он глубоко вздохнул и прислонился ко мне головой. Медленно, очень медленно он взялся левой рукой за скрипку, а в правой зажал смычок.

Опустившись на колени, я взял его за плечи и поцеловал в щеку. Никакого намека на человеческий запах и человеческое тепло. Лишь холодная скульптурная копия моего Никола.

— Сыграй на ней,— прошептал я.— Сыграй здесь, сейчас, сыграй для нас!

Он медленно повернул голову и впервые за все время, прошедшее после совершенного над ним Обряда Тьмы, посмотрел мне прямо в глаза. Но с губ его слетел лишь какой-то тихий звук, словно он не в силах был говорить. Облизав языком пересохшие губы, он все же заговорил, но так тихо, что я едва мог расслышать его слова:

— Инструмент дьявола...

— Что ж,— ответил я,— можешь думать так, если хочешь. Но только играй.

Он погладил струны и постучал кончиками пальцев по полированному дереву. Потом очень медленно и осторожно подтянул колки, настраивая инструмент, и на лице его появилось напряженное, сосредоточенное выражение, как будто он делал это впервые в жизни.

Где-то на бульваре весело смеялись дети. Стук деревянных колес по камням мостовой казался необычайно резким и еще больше усиливал напряжение.

Никола на мгновение прижался ухом к скрипке, но мне показалось, что он сидел не двигаясь целую вечность, пока наконец не встал во весь рост. Я вышел из оркестровой ямы и направился в зал. Остановившись в проходе, я обернулся и посмотрел на четко вырисовывающийся на фоне ярко освещенной сцены темный силуэт Ники.

Повернувшись лицом к залу, как всегда во время своих сольных выступлений, он поднял к подбородку скрипку. И вдруг едва уловимым движением взмахнул смычком и опустил его на струны.

Пронзительные звуки разорвали тишину и взмыли ввысь, проникая в самые потаенные уголки души. Они звучали то резко, то протяжно, наполнялись какой-то мрачной красотой, суровым очарованием, словно на хрупкой скрипке играл величайший чародей и волшебник... Безумный поток мелодии заполнил зал.

Казалось, музыка завладела всем моим телом, она пронизывала меня до костей.

Я не видел движения его пальцев, не видел, как скользит смычок, я мог видеть только мучительный изгиб его тела, которое музыка заставляла то резко наклоняться вперед, то откидываться назад.

Музыка звучала все пронзительнее, темп становился все быстрее и быстрее, и в то же время каждый звук ее был само совершенство. Легкость и виртуозность исполнения выходили далеко за пределы человеческих возможностей. Скрипка не просто пела, она разговаривала... Рассказывала историю жизни.

Она то жаловалась и плакала, то предсказывала грядущие кошмары, исполняя завораживающий танцевальный ритм и с еще большей силой швыряя Ники то в одну, то в другую сторону. Волосы его растрепались и сверкали в свете огней рампы, на лбу выступил кровавый пот. Я явственно ощущал запах его крови.

Я невольно попятился и рухнул на одну из скамей, сжимаясь от страха точно так же, как когда-то в этом зале пятились от меня и сжимались от страха смертные.

Не знаю почему, но я был твердо уверен в том, что скрипка рассказывала обо всем, что произошло с Ники. Она распространяла вокруг себя темноту и была воплощением самой сущ-

ности тьмы. Красота ее была сродни сиянию углей, достаточному лишь для того, чтобы продемонстрировать и подчеркнуть окружающий мрак.

Я видел, что под безжалостным натиском музыки Габриэль с трудом удерживает себя в руках. Лицо ее сморщилось, как от боли, волосы в беспорядке рассыпались и напоминали львиную гриву. Крепко сжав руками голову и закрыв глаза, она застыла на месте.

Однако до меня донеслись вдруг и другие звуки... Они были здесь, в театре. Они вошли через заднюю дверь и теперь приближались к нам.

Музыка достигла невообразимых вершин, на мгновение задохнулась, замерла, потом зазвучала вновь. Сочетание чувства, чистого разума и фантастического мастерства вывело ее за грань возможного. И тем не менее она продолжала и продолжала звучать.

Из-за занавеса медленно выходили они. Сначала я увидел стройную фигуру Элени, за ней шел Лоран, а следом — Феликс и Эжени. Они выглядели как самые настоящие уличные акробаты. Мужчины были одеты в белые рейтузы и короткие курточки из свалявшейся шерсти, женщины — в длинные шаровары, плиссированные юбочки и балетные туфельки. На безупречно чистых белоснежных лицах яркими пятнами выделялись красные румяна, а удивительный, свойственный только вампирам блеск глаз оттеняла черная краска для век.

Как притягиваемые магнитом, они приближались к Ники. В слепящем сиянии свечей на сцене их красота становилась еще более яркой, волосы блестели. Они двигались по-кошачьи изящно и бесшумно, ни на секунду не отрывая от Ники горящих восхищением глаз.

Ники медленно повернул в их сторону искаженное мукой лицо, и пение скрипки превратилось в отчаянную мольбу, звуки взметнулись ввысь, то стихая и дрожа, то превращаясь в оглушительно ревущий океан.

Элени, как завороженная, в ужасе смотрела на него широко открытыми глазами. Потом вдруг трагическим жестом медленно подняла к голове руки, тело ее напряглось, а шея вытянулась. Вторая женщина сделала пируэт и замерла с высоко поднятым коленом и вытянутым носком, словно собираясь сделать пер-

вый шаг в танце. И только высокому мужчине удалось точно попасть в ритм музыки Ники — он неожиданно резко вскинул и повернул вбок голову, а потом, как огромная марионетка, управляемая спускавшимися сверху веревочками, стал выполнять поистине фантастические движения руками и ногами.

Остальным тоже приходилось видеть представления театра марионеток на бульваре. Взглянув на собрата, они все вдруг принялись механически двигаться, судорожно вскидывая руки и ноги, а лица их при этом оставались совершенно бесстрастными.

Меня охватило щемящее чувство восторга — я вдруг оказался подхваченным теплым порывом ветра. Слушая восхитительную музыку, глядя, как они прыгают и кружатся, высоко выбрасывая вверх ноги, повинуясь каждому движению управляющего ими с помощью невидимых веревок кукольника, я не мог удержаться от мучительно-восторженного стона.

Однако что-то вдруг изменилось. Теперь он играл только для них, в то время как они в свою очередь танцевали для него.

Он подошел к сцене, перепрыгнул через дымные огни рампы и оказался среди них. Лучи яркого света скользили по поверхности скрипки, по его блестящему от пота лицу.

В мелодии, которую играл он теперь, слышалась горькая насмешка, и одновременно она звучала на удивление сказочно и красиво.

Вокруг него с криками плясали и судорожно дергались марионетки. Они вскидывали вверх руки с растопыренными пальцами, прыгали, кружились и вертелись, качая головами, и вдруг... сломались, неподвижно застыли. В тот же момент мелодия Ники наполнилась печалью и болью, а вампиры медленно закружились в новом танце, и каждое их движение выражало душераздирающе трагическую безысходность.

У меня создалось впечатление, что всеми ими руководит один разум, что они подчиняются не только звукам музыки, но и ходу мыслей Ники. Он уже танцевал вместе с ними, все резче и резче ударяя по струнам, и стал вдруг похож на деревенского музыканта, играющего на празднике возле огромного костра, в то время как вампиры разбились на пары и превратились во влюбленных поселян. Позы их становились все откровеннее, мелькали юбки женщин и ноги мужчин, когда они наклонялись, чтобы подхватить на руки своих возлюбленных.

Застыв на месте, я наблюдал эту картину: пляшущие невиданный танец сверхъестественные существа и чудовище-скрипач, чьи нечеловечески медленные движения и грация просто завораживали. А музыка огнем поглощала нас всех.

Теперь она кричала от ужаса и боли, протестовала против всего, что произошло. И лица танцующих мучительно исказились, стали похожими на маску Трагедии, смотрящую на них сверху. Я понял, что если тотчас же не отвернусь от них, то не удержусь и разрыдаюсь.

Я не мог больше ни видеть, ни слышать это. Тело Ники резко наклонялось то назад, то вперед, словно скрипка превратилась вдруг в дикого зверя, которого он не в силах был укротить. Он резко и быстро ударял смычком по струнам.

Танцоры кружились вокруг него, а когда он вдруг резко вскинул над головой руки с зажатой в них скрипкой, сомкнулись теснее и сжали его в объятиях.

Ники разразился громким пронзительным смехом, от которого сотрясалось все его тело, но смех быстро смолк, Ники опустил голову, пристально посмотрел на меня и вдруг оглушительно выкрикнул:

— Я представляю вам Театр вампиров! Театр вампиров! Величайшее и лучшее представление на бульварах!

Все удивленно уставились на него. Но в следующую секунду как один дружно зааплодировали и закричали. Они взлетали в воздух, кувыркались и визжали от восторга, потом бросились обнимать и целовать Ники. Они танцевали вокруг него по кругу и заставляли его кружиться. Смех стал еще громче, когда он в свою очередь кинулся обнимать их и отвечать на их поцелуи, а они розово-красными языками слизывали кровавый пот с его лица.

— Театр вампиров! — Теперь уже они выкрикивали эти слова для всего мира и кланялись несуществующим зрителям. Кланялись огням рампы, а потом подпрыгивали, взлетая к самому потолку и с грохотом приземляясь обратно на дрожащие доски сцены.

Последние звуки музыки растворились в воздухе, уступив место какофонии визга, топота и смеха.

Я не помню, как повернулся и выбежал из зала, как поднялся по ступенькам на сцену и промчался мимо них. Но, должно быть, я это сделал.

Ибо я вдруг обнаружил, что сижу на узком столике в своей гримерной, прижавшись спиной к стене в углу, подтянув к подбородку колени, и приникаю головой к холодной поверхности зеркала. Рядом со мной стояла Габриэль.

Я тяжело дышал, и хриплый звук собственного дыхания раздражал меня. На глаза мне попались знакомые вещи — парик, который я носил на сцене, палитра для смешивания грима,— и они вызвали у меня в душе бурю эмоций. Я буквально задыхался и не в силах был думать о чем-либо.

В проеме двери возникла фигура Ники. С удивительной для нас с Габриэль силой он отодвинул ее в сторону, подошел ко мне почти вплотную и ткнул в меня пальцем.

— Ну и как тебе все это понравилось, мой господин и покровитель? — выпалил он почти скороговоркой, так, что слова едва ли не сливались в единый поток.— Разве тебе не доставило удовольствие столь великолепное совершенство? Ужель ты не преподнесешь Театру вампиров немного золота и монет, которых, насколько мне известно, у тебя несметное количество? Как это ты говорил: «Новое зло, червоточина в самой сердцевине розового цветка, смерть в гуще жизни...»?

После долгого молчания он, казалось, никак не мог остановиться, и, даже когда наконец замолчал, с губ его продолжали слетать бессвязные, нечленораздельные звуки. Выражение его измученного лица было напряженным, а капли кровавого пота испачкали воротник рубашки. За его спиной простодушно рассмеялись остальные, все, кроме Элени, которая напряженно всматривалась в наши лица, изо всех сил пытаясь понять, что именно происходит между нами.

Он придвинулся еще ближе, с полунасмешливой-полузлобной улыбкой тыкая пальцем мне в грудь.

— Ну же, отвечай! Разве не величайшего гения видишь ты сейчас перед собой? — И на этот раз он ударил пальцем в грудь себя.— Они будут приходить на наши представления и наполнят наши сундуки золотыми монетами. И никогда не догадаются, кого именно приютили эти стены, что пышным цветом расцвело почти в самом центре Парижа! В темных уголках мы будем пить их кровь, а они будут аплодировать нам, стоя перед ярко освещенной сценой...

Мальчик-вампир засмеялся, слабо звякнул бубен, тихо запела женщина, мужчина с хохотом пустился по кругу, изображая какой-то невероятный танец среди полусгнившего хлама.

Нависшая надо мной фигура Ники не позволяла мне хорошо видеть происходящее, я не мог отыскать взглядом Элени.

— Величественное, восхитительное зло! — продолжал он голосом, полным злобы и ненависти, протягивая ко мне больше похожие на звериные лапы руки, которые готовы были в любой момент разорвать меня на куски.— Здесь, в самом центре цивилизации, служить Властелину Тьмы! Служить так, как никто и никогда не служил ему прежде! Вот для чего ты сохранил театр! Только благодаря твоему любезному покровительству смогла родиться столь грандиозная идея!

— Все это глупости и пустяки,— ответил я.— Красиво, хитро, но не более.

Я произнес эти слова очень тихо, но тем не менее они заставили всех замолчать, в том числе и Ники. Первое потрясение прошло и уступило место иным, не менее болезненным чувствам, сдерживать которые, однако, мне было значительно легче.

В наступившей тишине слышался только шум, доносящийся с бульвара. Ники смотрел на меня, и в глазах отражалась переполняющая его злоба.

— Ты обманщик, презренный лгун,— наконец произнес он.

— Во всем этом нет никакого величия,— ответил я,— ничего возвышенного. Одурачивать глупых и беспомощных смертных, насмехаться над ними, а потом, выйдя отсюда, все тем же старым и примитивным способом отнимать у них жизнь, убивать одного за другим все с той же неизбежной жестокостью только ради того, чтобы продлить собственное убогое существование! Человек тоже способен убить другого человека. Что ж, играй на своей скрипке, танцуй, если тебе угодно, показывай то, за что тебе заплатят, если это поможет тебе занять время и пережить вечность. Это действительно красиво и хитро! Небольшая роща посреди бескрайнего Сада Зла.

— Подлый обманщик,— процедил он сквозь зубы.— Ты просто юродивый, вот ты кто! Ты, кто владел тайнами Тьмы, которые превыше всего и которые делают все остальное бессмысленным, что сделал ты с ними? Как воспользовался ими, когда после смерти Магнуса остался единовластным хозяином

башни? Ты не придумал ничего лучше, кроме как попытаться жить, изображая из себя приличного человека! Добродетельного человека!

Он стоял так близко, что брызги его слюны летели на мое лицо.

— Покровитель искусства! — с издевкой продолжал он.— Благодетель, рассылающий подарки семье и всем нам!

Он сделал шаг назад, по-прежнему глядя на меня с нескрываемым презрением.

— Что ж, мы примем от тебя в дар этот маленький театр, который ты покрыл позолотой и обил бархатом. И он станет служить силам Тьмы и дьяволу гораздо лучше, чем когда-либо служили им члены древней общины вампиров.— Он оглянулся на Элени и остальных.— Мы станем насмехаться над всем, что только есть на земле святого. Заставим людей поступать еще более вульгарно и глупо. Заставим их удивляться. Будем обманом завлекать и совращать. Но прежде всего мы будем процветать и становиться сильнее не только благодаря их крови, но и с помощью их золота. И станем самыми могущественными в мире.

— Да,— подхватил стоящий позади него мальчик,— мы станем непобедимыми.— Он смотрел на Никола взглядом безумного фанатика.— Обретем высокое положение в их обществе, и имена наши станут известны всем.

— Мы обретем власть,— добавила женщина,— и будем пристально изучать их, постигать их недостатки и завоевывать преимущество, чтобы иметь возможность в случае необходимости уничтожить людей наверняка и разработать для этого наилучшие методы.

— Я хочу получить в свое распоряжение этот театр,— вновь заговорил Никола.— Получить его от тебя. Мне нужна твоя помощь и деньги, чтобы открыть его вновь. А мои помощники уже здесь, они ждут моих распоряжений и готовы слушаться меня во всем.

— Если тебе так хочется, ты его получишь,— ответил я.— Он твой, если только это поможет мне навсегда избавиться от твоей злобы, от твоего безумия и от тебя самого.

Я слез со стола и направился к выходу. Я шел прямо на него, и мне показалось, что он собирается преградить мне путь.

Однако случилось непредвиденное. Когда я понял, что он не желает уступить дорогу, во мне поднялся вдруг такой гнев, который невольно, невидимым кулаком выплеснулся наружу. Я увидел, что Никола неожиданно попятился, как будто я и вправду ударил его, и с силой врезался спиной в стену.

Путь был свободен, и я знал, что Габриэль ждет только моего знака, чтобы последовать за мной. Но я не ушел. Оглянувшись, я увидел, что Ники все еще стоит прислонившись к стене, не в состоянии отойти от нее, даже пошевелиться. И сила ненависти, горящей в его устремленном на меня взгляде, была ничуть не меньшей, чем сила той любви, что когда-то связывала нас.

Но я хотел понять, хотел точно знать, что же все-таки произошло. Я подошел к нему снова, и на этот раз неистовая злоба исходила от меня, а мои руки были похожи, скорее, на звериные лапы. Я чувствовал, что он боится; всех их, кроме Элени, переполнял страх.

Когда я подошел совсем близко и встретился с ним взглядом, мне показалось, что он уже знает, о чем я хочу спросить его.

— Все это сплошное недоразумение, любовь моя,— сказал он ядовито. Глаза его блестели словно от слез, а на лице вновь выступил кровавый пот.— Разве ты не понял, что я играл на скрипке, чтобы причинить боль другим, разозлить их и обрести для себя безопасный остров, на который не распространяется их власть? Они должны были наблюдать, как я погибаю, и не иметь возможности что-либо сделать.

Я молчал в ожидании продолжения.

— Когда мы решили сбежать в Париж, я думал, что мы будем умирать здесь от голода, будем опускаться все ниже и ниже. Вот чего хотел я в отличие от того, чего от меня ожидали. Все хотели, чтобы я, любимый сын, прославился и добился многого. Я же думал, что мы опустимся на самое дно и погибнем. Мы практически были обречены.

— О Ники...— прошептал я.

— Но ты не захотел сдаваться, Лестат,— продолжал он, и брови его удивленно приподнялись.— Тебя не могли остановить ни голод, ни холод. Ты победил и добился успеха.— Голос его вновь стал хриплым от ярости.— Ты не спился и не погиб в чре-

ве Парижа. Ты все поставил с ног на голову, все перевернул вверх дном! Всякий раз, когда мы, казалось, должны были погибнуть, ты находил выход и умудрялся отыскать источник богатства и изобилия. Твоему энтузиазму не было конца, ты страстно брался за любое дело и всегда излучал свет. Только свет! Но чем больше было в тебе света, тем глубже я погружался во тьму. Каждый твой успех, каждая удача, обеспечивавшая нам процветание, порождали во мне мрак и отчаяние, рвали на куски мое сердце! И наконец, эта волшебная сила! Страшнейшая ирония судьбы заключена в том, что, получив этот волшебный дар, ты всячески оберегал от него меня! А что делал сам?! Использовал великую сатанинскую силу и власть только для того, чтобы играть роль добродетельного человека!

Я обернулся и увидел, что все вампиры в ожидании стоят в темноте, а чуть подальше, за их спинами, ждет Габриэль. Блики света промелькнули на ее белой руке, когда она призывно взмахнула ею, показывая, что нам пора уходить.

Ники крепко взял меня за плечи, и от его прикосновения повеяло ненавистью. Отвратительное, должен сказать, ощущение, когда тебя касается тот, кто с такой силой тебя ненавидит.

— Подобно безмозглому солнечному лучу ты разогнал и уничтожил летучих мышей, составлявших древнюю общину! — прошептал он.— И ради чего? Смешно сказать: исполненное света чудовище, убивающее всех и вся!

Развернувшись, я с такой силой ударил его, что он отлетел в дальний угол гримерной, задев по пути рукой зеркало, и стукнулся головой о противоположную стену.

Какое-то время он неподвижно лежал на куче тряпья, но постепенно пришел в себя, в глазах вновь появилось осмысленное выражение, а губы медленно сложились в улыбку. Он не торопясь выпрямился и с достоинством, присущим полному негодования смертному, расправил плащ и пригладил волосы.

Он почти в точности повторил мои движения в подземном склепе, после того как похитители швырнули меня в грязь.

Сохраняя на лице маску негодования и достоинства, с самой отвратительной улыбкой из всех, какие мне когда-либо приходилось видеть, он вышел вперед.

— Я презираю тебя,— сказал он.— Но я создан тобой, ты дал мне силу и власть, и в отличие от тебя я знаю, как ими

пользоваться. И теперь я оказался именно там, где всегда хотел добиться успеха. В Мире Тьмы мы с тобой отныне равны. И ты отдашь мне театр, потому что обязан это сделать: ты у меня в долгу. Кроме того, ты ведь у нас любишь делать подарки — великий благодетель, осыпающий золотыми монетами голодных детей! А после этого я никогда больше даже не взгляну в твою сторону — я не нуждаюсь в твоем свете.

Он обошел меня стороной и протянул руки к остальным.

— Вперед, мои дорогие! Нас ждут впереди пьесы, которые мы должны напи́сать, и дело, которым мы станем заниматься с удовольствием! Вам придется многому у меня научиться. Я знаю, что в действительности представляют собой смертные. Мы должны создать поистине прекрасное, неповторимое искусство Мира Тьмы. Мы создадим общество, которое не будет идти ни в какое сравнение со всеми остальными. Совершим то, что еще никогда и никто не совершал.

Все в страхе и замешательстве смотрели на меня. Момент был чрезвычайно напряженным, и в полной тишине я услышал собственный глубокий вздох. Поле моего зрения вдруг расширилось, и я увидел всех нас на сцене, кулисы по краям, высокие стропила, утопающие во тьме, декорации и дымные огни рампы. При виде погруженного во тьму театра я вдруг вспомнил все, что здесь произошло. Я осознал связь между случившимися кошмарами и понял, что это конец.

— Театр вампиров...— прошептал я.— Мы и здесь совершили наш Обряд Тьмы.

Никто не осмелился мне ответить. Никола лишь улыбнулся.

Я повернулся, чтобы уйти, и поднял руку, как бы приказывая им остаться с ним. Я попрощался с ними навсегда.

Не успели мы отъехать от ярко освещенного бульвара, как я резко остановился. В голову мне приходили мысли одна кошмарнее другой: я представлял себе, что Арман придет, чтобы уничтожить Ники, что вновь обретенные собратья, устав от его сумасшедших выходок, бросят Никола и уйдут, что однажды рассвет застанет его бредущим по улице не в силах найти себе укрытие от солнца... У меня перехватило дыхание, и я с тоской устремил взгляд в небо.

Габриэль обняла меня, и я зарылся лицом в ее волосы. Кожа ее лица и губы были прохладными и бархатистыми. Я вдруг почувствовал, что буквально утопаю в ее великой любви, поистине нечеловеческой, ничего общего не имеющей со смертной плотью и сердцами людей.

Я схватил ее в объятия и поднял на руки. В густой темноте мы напоминали высеченных из единого монолита любовников, которые не представляли себе жизни друг без друга и совершенно забыли, что когда-то существовали по отдельности.

— Он сам сделал свой выбор, сынок,— сказала она.— Что сделано, то сделано, и теперь ты от него освободился.

— Как вы можете говорить так, матушка?! — прошептал я.— Ведь он ничего не знал! Он до сих пор не знает...

— Отпусти его, Лестат,— ответила она,— они позаботятся о нем.

— Но я теперь должен найти этого демона, Армана! — устало промолвил я.— Я заставлю его держаться от театра как можно дальше. Пусть он навсегда оставит их в покое.

Когда на следующий вечер я приехал в Париж, то узнал, что Никола уже успел побывать у Роже.

Он появился за час до моего прихода и бешено заколотил кулаками в дверь. Стоя в темноте, он кричал, требуя документы на театр и деньги, которые, как он утверждал, я ему обещал. Он угрожал Роже и его семье. Велел Роже написать в Лондон Рено и приказать ему вместе с труппой немедленно вернуться обратно, потому что дома их ждет новый театр. Когда Роже отказался, он потребовал дать ему адрес Рено и сам начал рыться в ящиках стола адвоката.

Услышав обо всем этом, я пришел в холодное бешенство. Значит, этот неоперившийся еще птенец, этот новоиспеченный демон решил превратить их всех в вампиров. Поистине безрассудное, безумное чудовище!

Нет, я не должен допустить, чтобы это случилось.

Я приказал Роже послать в Лондон курьера с сообщением о том, что Никола де Ленфен лишился рассудка и что актерам запрещено возвращаться в Париж.

После этого я отправился в театр на бульваре, где нашел Никола на репетиции. Он был по-прежнему слишком возбужден

и производил впечатление безумца. Он вновь был одет очень красиво и элегантно, и на нем были те драгоценности, которые он носил еще в те времена, когда был любимым сыном своего отца, но галстук на шее висел криво, чулки на ногах сморщились, а спутанные волосы выглядели не лучше, чем прическа узника Бастилии, лет двадцать не имевшего возможности взглянуть на себя в зеркало.

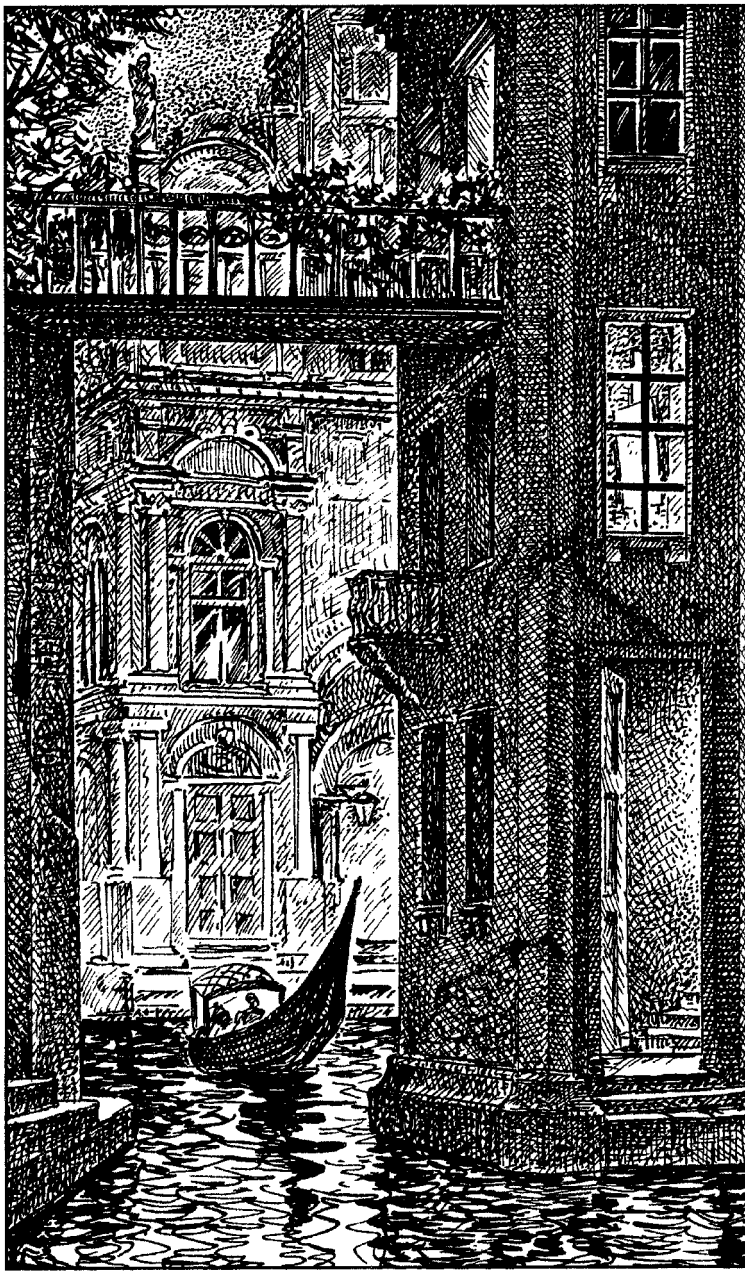
В присутствии Элени и остальных я заявил, что он не получит от меня ничего, если не пообещает, что ни один актер, ни одна актриса в Париже никогда не будут убиты, похищены или обольщены обществом; что Рено и его труппа ни сейчас, ни когда-либо впоследствии не переступят порог Театра вампиров; что мэтру Роже, которому предстоит вести финансовые дела театра, не будет причинен даже малейший вред.

Он рассмеялся мне в лицо и стал, как и прежде, издеваться надо мной. Однако Элени успокоила его и заставила замолчать. Услышав о том, что он намеревался совершить, она пришла в ужас. Именно она пообещала выполнить все мои требования и заставила дать такое же обещание остальных. Она быстро заговорила с Никола на непонятном мне древнем языке, чем-то припугнула его, отчего он пришел в замешательство и наконец уступил.

Именно Элени я в конце концов поручил вести все дела в театре и вместе с Роже подсчитывать выручку и решать другие финансовые вопросы. Она получила от меня полную свободу действий.

Прежде чем уйти в тот вечер из театра, я спросил у Элени, что ей известно об Армане. Габриэль присутствовала при нашем разговоре. Мы стояли на улице возле задней двери театра.

— Он наблюдает за нами,— ответила она.— Иногда позволяет нам его увидеть.— Меня очень смущает удивительно печальное выражение ее лица.— Но одному Богу известно, что он сделает,— добавила она со страхом,— когда узнает, что в действительности здесь происходит.

Часть V

ВАМПИР АРМАН

1

есенний дождь. Светлый дождь, насытивший каждый зеленый листочек на деревьях, умывший все парижские мостовые. Казалось, поток дождевых струй пронизывал светом непроглядную тьму.

Бал в Пале-Рояле.

Король и королева танцевали на балу вместе со всеми. В темных уголках дворца затевались новые интриги. Кому какое дело до всего этого? Государства возникают и рушатся. Лишь бы не сгорели и остались в целости и сохранности хранящиеся в Лувре полотна великих художников.

Я вновь оказался среди моря смертных. Свежие лица с румянцем на щеках, горы напудренных волос над женскими головками, забитыми всяческими женскими глупостями,— некоторые прически украшают миниатюрные трехмачтовые корабли, деревья и птицы. Океан лент и драгоценностей. Гордо выпятившие грудь мужчины, разодетые, как боевые петухи, в атласных и шелковых плащах, похожих на павлиньи перья. От блеска бриллиантов больно глазам.

Время от времени я кожей ощущаю чьи-то голоса, слышу смех, тихие непристойные смешки, меня ослепляет сияние свечей и оглушает сотрясающая стены музыка.

В распахнутые двери врываются потоки дождя.

Запах смертных понемногу разогревает мой аппетит. Белоснежные плечи, белоснежные шеи, отбивающие вечный ритм

здоровые, сильные сердца... Какие они все разные, эти разодетые в нарядные туалеты дети... Под прекрасного качества шенилью, под кружевами и вышивкой скрываются поистине первобытное варварство и жестокость; уставшие от высоких каблуков ноги нестерпимо болят; маски на лицах напоминают струпья на коже возле глаз.

Все дышат одним и тем же воздухом, он вылетает из уст одного и тут же попадает в уста другому. Все поглощают одну и ту же музыку, один и тот же свет, одно и то же быстротекущее мгновение.

Время от времени кто-то останавливает на мне взгляд, в котором явственно читается ожидание. Моя слишком белая кожа поначалу приводит их в недоумение, но ведь и сами они часто пускают себе кровь, чтобы сохранить нежную бледность собственной кожи. (Позвольте мне, господа, подержать для вас тазик во время этой процедуры. А потом выпить его содержимое.) Тогда как на мои глаза среди сияния драгоценных камней никто не обращает внимания.

И тем не менее меня со всех сторон окружают голоса. Я чувствую их запах... О! У каждого свой неповторимый аромат! И я словно слышу их призывы, как будто они манят меня отовсюду, словно чувствуют, кто я, и испытывают ко мне страстное желание.

На каком-то древнем, неведомом языке они призывают смерть, жаждут ее, когда она проходит по залу. Но разве они знают и понимают правду? Конечно же нет! Весь ужас в том, что я и сам ее не знаю! Да и кто я такой, чтобы нести в себе эту тайну, быть голодным настолько, чтобы поделиться ею с кем-либо? Какое имею право украсть вот эту стройную женщину и высосать кровь прямо из мягкой и нежной округлости ее маленькой груди?

А музыка все продолжала звучать. Это была музыка смертных. Краски перед глазами вдруг вспыхнули ярче, словно готовые вот-вот растаять. Голод мой усиливался. Он перестал быть просто отвлеченной мыслью. Он заставлял вибрировать мои вены. Кому-то суждено умереть. Не пройдет и минуты, как чья-то кровь окажется выпитой до последней капли. Я больше не в силах был думать об этом, знать, что это должно случиться, представлять сомкнувшиеся на горле пальцы, явственно ощу-

щать нульсацию крови в венах, теплую плоть... Дайте же, дайте мне ее! Где? Где она?! Это мое тело! Это моя кровь!

Воспользуйся своей властью, Лестат! Усилием воли протяни, как змея, свой язык, чтобы отыскать и одним резким движением вырвать нужное тебе сердце!

Пухлые маленькие ручки, которые так хочется пожимать, мужские лица, украшенные коротко подстриженными светлыми бородками, подрагивающие под моими пальцами мускулы... у вас нет ни одного шанса...

И вдруг под восхитительными нарядами и украшениями моим глазам открылась невероятная картина разложения — я увидел скелеты.

Голые черепа под изысканными и вычурными париками, два пустых черных отверстия, обращенные на меня поверх веера... Зал был полон скелетов, слоняющихся в ожидании звона колоколов. Все выглядело точно так же, как в зале театра Рено, когда я смотрел со сцены на пришедшую в ужас после моего выступления публику.

Мне необходимо выйти отсюда. Это и есть смерть, и я могу убежать от нее, если сумею отсюда выбраться. Но я оказался в плену у смертных, тесным кольцом окружавших меня со всех сторон, как будто это ужасное место было не чем иным, как ловушкой для вампиров. Если я сейчас брошусь бежать, то приведу в ужас остальных и вызову панику. А потому я начал как можно осторожнее пробираться к выходу.

У дальней стены я краем глаза заметил призрачную фигуру, одетую в атлас, шелк и кружева. Арман!

Арман! Если он и звал меня, я не слышал его призывов. Если он в тот момент приветствовал меня, я этого не ощущал. Он просто стоял и смотрел на меня — а я видел сияние бриллиантов и изящные кружева с фестонами. Он был словно видение, словно Золушка, появившаяся на балу, словно Спящая Красавица, открывшая глаза среди пыли и смахивающая ее одним движением теплой и нежной руки. При виде этой поистине неземной красоты я едва не задохнулся.

Несмотря на вполне обычный для смертных наряд, Арман выглядел тем не менее существом совершенно сверхъестественным: ослепительно чистое лицо, темные бездонные глаза, абсолютно непроницаемые, время от времени вспыхивающие

пламенем, словно приоткрывающие врата в ад. Когда он заговорил, голос его был очень тихим, почти умоляющим и в то же время дразнящим, заставляющим меня сосредоточенно прислушиваться к его словам.

— Ты искал меня всю ночь,— сказал он,— и вот я здесь. Я ждал тебя. Ждал тебя все это время.

Я стоял и смотрел на него не в силах отвести взгляд. И тогда в голову мне вдруг пришла мысль, что никогда, сколько бы ни пришлось скитаться по этой земле, я не найду более полного и очевидного воплощения кошмара, который мы собой представляем, чем это поистине прекрасное существо.

В сравнении со всеми окружающими внешне он казался поразительно невинным и простодушным.

Но при взгляде на него я видел перед собой подземные склепы и слышал звуки литавр. Я видел незнакомые мне места, освещенные факелами, слышал таинственные песнопения, чувствовал, как моего лица касается жар огня. Но эти видения исходили не от него. Скорее, они возникали из глубин моей собственной души.

Никола никогда так не притягивал меня к себе, не казался столь привлекательным. И никогда Габриэль не заставляла меня в такой степени чувствовать себя ее преданным рабом.

Господи, вот она, истинная любовь! Вот он, зов истинной страсти! Все, что я чувствовал до сих пор, было лишь слабой тенью моего нынешнего душевного восторга.

Мне показалось, что он послал мне мысленный импульс, говоря о том, что с моей стороны было неразумно думать, что все могло быть иначе.

— Кто может любить нас с тобой так, как только мы способны любить друг друга? — прошептал он, и мне показалось, что его губы дрогнули.

На него обращали внимание абсолютно все. Я видел, как люди, проходя мимо него, замедляли шаги и окидывали его с ног до головы пристальными взглядами. Когда он опускал голову, падающий под другим углом свет делал его еще прекраснее.

Я двинулся по направлению к нему. В какой-то момент мне показалось, что он поднял правую руку и поманил меня за собой, но в следующий миг я подумал, что ошибся. Он повернул-

ся, и я увидел впереди стройную фигуру мальчика с тонкой талией и прямыми плечами, с тугими бедрами, скрытыми под шелковыми чулками. Возле самой двери мальчик обернулся и снова жестом поманил меня за собой.

В голову мне приходили безумные мысли. Я шел за ним, и мне казалось, что прежде ничего не происходило. Как будто не было подземного склепа у Невинных мучеников, и не был этот мальчик ужасным демоном, пришедшим из далеких веков...

Мы сами были пределом своих желаний, и это спасало нас, а передо мной не простирался неведомый ужас моего вечного бессмертия... Мы плыли по волнам спокойного моря, видели вдали знакомые маяки... и для нас настало наконец время заключить друг друга в объятия.

Мы были одни в холодной и пустой комнате. Звуки далекого бала сюда почти не проникали. От недавно выпитой крови тело его было теплым, и я отчетливо слышал мощные удары его сильного сердца. Он еще теснее прижал меня к себе. За высокими окнами мелькали огни проезжающих мимо экипажей, и беспрестанно доносящиеся до нас с улицы тихие звуки давали ощущение безопасности и уюта, обещали все, что только может обещать Париж.

Я никогда не умирал. Жизнь начиналась сначала. Я протянул руки и прижал его к себе, слушая, как бьется его сердце. Я звал своего Никола, обращался к нему, чтобы предупредить о том, что все мы обречены. Капля за каплей из нас уходила жизнь, перед моими глазами стояли цветущие в саду яблони, и мне казалось, что я схожу с ума.

— Успокойся, успокойся, мой дорогой,— тихо шептал он мне,— нет ничего, кроме мира, покоя и наших сомкнутых рук.

— Тебе ведь известно, что для меня это было проклятой случайностью,— неожиданно заговорил я.— Я стал демоном против своего желания. Я все время плачу, словно потерявшийся ребенок. Я хочу вернуться домой.

— Да, да, конечно,— шептал он.

Вкус его губ был вкусом крови, но это была не человеческая кровь. Она была тем эликсиром, который дал мне Магнус, и я готов был отпрянуть от Армана. В тот момент я еще мог уйти. Я получил еще один шанс. Колесо сделало полный оборот.

Я кричал, что не стану пить, ни за что не стану пить, и вдруг почувствовал, как два горячих острых клыка с силой вонзились мне в шею и проникли в самые глубины моей души.

Я не в силах был пошевелиться. Все происходило точно так же, как и в ту ночь. Восторг, который я испытывал, был в тысячи раз сильнее, чем тот, который охватывал меня всякий раз, когда я держал в своих объятиях смертного. Я понимал, что он делает. Он насыщался мной! Опустошал меня!

Чувствуя, что он по-прежнему прижимает меня к себе, я опустился на колени. Из раны на шее неудержимым потоком хлестала кровь.

— Дьявол! — хотел было крикнуть я, но прошло какое-то время, прежде чем мне удалось произнести это слово. Тело мое было словно парализовано.— Дьявол! — снова прорычал я и, воспользовавшись замешательством Армана, отшвырнул его от себя.

Он рухнул на пол почти без сознания.

В ту же секунду я навалился на него, распахнул французское окно и выволок Армана в темноту ночи.

Пятки его царапали по камням, лицо превратилось в ужасную маску ярости. Потом я, крепко держа его за правую руку, принялся вертеть Армана из стороны в сторону, так что голова его запрокинулась и он не мог ни увидеть, ни догадаться, куда я его тащу, ни уцепиться за что-нибудь. Все это время я свободной рукой продолжал колотить его, пока кровь не хлынула у него из ушей, из глаз и носа.

Я волок его подальше от дворцовых огней. Он отбивался, стараясь освободиться, и заявлял, что непременно меня убьет, потому что теперь получил мою силу. Он выпил ее вместе с моей кровью, и в соединении с его собственной силой она сделает его непобедимым.

Совершенно обезумев, я схватил его за шею и прижал головой к дорожке. Я давил, душил до тех пор, пока из его разинутого рта крупными сгустками не потекла кровь.

Он не мог даже кричать. Колени мои буквально впились ему в грудь. Крепко сдавленная моими пальцами шея распухла, он вертел головой, а кровь все продолжала с булькающими звуками вырываться из его рта. Глаза его становились все больше и

больше, но уже ничего не видели. Наконец, когда я почувствовал, что он ослабел и обмяк под моими руками, я отпустил его.

Однако потом вновь принялся избивать его и в конце концов вытащил шпагу, чтобы рассечь ему голову.

Пусть так и живет, если сможет. Пусть остается в таком виде бессмертным, если ему это удастся. Я уже замахнулся было шпагой, но в этот момент взгляд мой упал на его лицо. Струи дождя стекали по его щекам. Полуживой, не в состоянии даже молить меня о милосердии, не в силах пошевелиться, он пристально смотрел на меня.

Я ждал. Я хотел, чтобы он умолял меня. Я жаждал вновь услышать его коварный и обольстительный голос, который всего лишь на одно волшебное мгновение заставил меня поверить в то, что я снова жив, свободен и достоин уважения. Проклятый, непростительный обман. Ложь, которую я отныне не смогу забыть. Я жаждал, чтобы мой гнев преследовал его даже за порогом могилы.

Но он продолжал молчать.

И в это мгновение полного поражения и падения к нему вдруг вернулась его неземная красота.

Он лежал на посыпанной камнями дорожке всего в нескольких шагах от оживленной улицы, откуда доносился стук деревянных колес по мостовой и цокот лошадиных копыт, и был в эти минуты похож на искалеченного ребенка.

Но в этом ребенке были заложены вековое зло и вековые знания, и с его губ сейчас не слетали бесчестные обманы и мольбы. От него исходило ощущение того, что он есть на самом деле. Древнее, очень древнее зло, чьи глаза воочию видели те мрачные времена, о которых я мог только мечтать.

Я отпустил его, поднялся и вложил шпагу в ножны.

Потом отошел от него на несколько шагов и буквально рухнул на каменную скамью.

Вдалеке я заметил фигурки людей, занятых починкой сломанного французского окна во дворце.

Он лежал неподвижно. Вокруг царила темнота. Я смотрел на него совершенно равнодушно.

Лицо его непроизвольно оказалось повернутым ко мне. Спутанные, локонами вьющиеся волосы слиплись от крови. С закрытыми глазами и раскинутыми в стороны руками он казал-

ся забытым и брошенным порождением времени и сверхъестественной случайности, таким же несчастным, как и я сам.

Что сделало его таким, какой он есть? Мог ли он, такой юный и наивный, много веков назад хотя бы догадываться о значении принимаемого им решения? Не говоря уже об обетах или клятвах стать таким существом!

Я встал и медленно подошел к нему, а потом долго всматривался в него и в кровь, впитавшуюся в кружева рубашки и пятнами засохшую на лице.

Мне почудилось, что он вздохнул, что я услышал его отрывистое дыхание.

Глаза его по-прежнему оставались закрытыми, и любому из смертных, наверное, показалось бы, что его лицо лишено всякого выражения. Но я отчетливо ощущал его печаль. Я почувствовал, как она велика, хотя мне совсем этого не хотелось. И на какое-то мгновение я ясно понял, какая пропасть разделяет нас, лежит между его попыткой одержать надо мной верх и моим желанием всего лишь защитить себя самого.

В отчаянии он предпринял попытку покорить то, что даже не в силах был понять.

А я импульсивно, без всякого труда отразил нападение и поставил Армана на место.

Ко мне вновь вернулась боль, связанная с Никола, я вспомнил слова Габриэль по поводу брошенных им мне в лицо обвинений. Мой гнев не шел ни в какое сравнение с горем и отчаянием, которые испытывал он.

Возможно, именно по этой причине я наклонился и поднял Армана с земли. А быть может, я сделал это потому, что он был на редкость красив и казался таким потерянным, ведь в конце концов мы были с ним одного поля ягоды.

Вполне естественно, что один из ему подобных должен увести его оттуда, где рано или поздно его могут обнаружить смертные.

Он не сопротивлялся. Не прошло и минуты, как он уже стоял на ногах. Потом он, шатаясь, оперся на меня, я обнял его за плечи, чтобы помочь удержать равновесие, и мы медленно пошли прочь от Пале-Рояля в сторону улицы Сент-Оноре.

Я едва обращал внимание на проходящих мимо людей, но сразу же заметил стоящую в тени деревьев фигуру, от которой

не исходило и намека на человеческий запах. Я догадался, что Габриэль ждет меня там уже довольно давно.

Она молча и неуверенно сделала несколько шагов вперед, и лицо ее исказилось при виде пятен крови на кружевах и царапин на белой коже Армана. Она протянула руки, чтобы помочь мне вести его, хотя едва ли понимала, что от нее требуется.

Где-то далеко в погруженном во тьму парке были остальные. Я явственно ощутил их присутствие задолго до того, как их увидел. Ники тоже был среди них.

Так же как и Габриэль, их привлек сюда шум, а может быть, какие-то непонятные, неизвестные мне мысленные призывы. Они просто стояли и смотрели нам вслед.

2

Мы довели Армана до платных конюшен, и там я посадил его на свою кобылу. Он был так слаб, что, казалось, вот-вот упадет с нее, поэтому я сел позади него, и все трое мы выехали из города.

Всю дорогу я размышлял о том, что должен теперь делать. Могу ли я позволить ему войти в свое убежище? Габриэль не возражала, но время от времени поглядывала в его сторону. Арман же за все время не произнес ни слова. Он сидел впереди меня, погрузившись в свои мысли, маленький и легкий, как ребенок. Однако он не был ребенком.

Конечно же, он всегда знал, где находится башня, и я задумался, что мешало ему проникнуть в нее. Неужели решетки были для него непреодолимой преградой? Теперь же я сам собирался пустить его внутрь. Но почему молчит Габриэль? Мы давно ожидали этой встречи, жаждали встретиться с ним, но она, конечно, знала, что он со мной сделал.

Мы подъехали к башне, спешились, и он пошел впереди меня. Когда я подошел к воротам, он уже ждал возле них. Доставая ключ, я думал о том, каких клятв и обещаний должен от него потребовать, прежде чем позволить ему войти в дом. Значат ли что-нибудь для таких, как он, созданий мрака законы гостеприимства?

В его огромных карих глазах застыло безразличное, почти сонное выражение, свидетельствующее о признании им пол-

ного крушения всех его надежд. Он долго смотрел на меня, а потом вдруг протянул руку и крепко обхватил пальцами один из прутьев в центре решетки. Застыв от удивления, я беспомощно наблюдал, как с громким скрежетом решетка выползает из своего каменного основания. Однако он быстро взял себя в руки и ограничился тем, что слегка погнул прутья. Он уже доказал, что хотел: при желании он в любой момент мог проникнуть в башню.

Я осмотрел погнутые прутья. Да, я победил его. Но мог ли я сделать то, что он только что сотворил? Не уверен. Как же я могу определить его силу, власть и возможности, если не знаю своих собственных?

— Пошли,— нетерпеливо произнесла Габриэль и первой стала спускаться по каменной лестнице в склеп.

Там было, как всегда, очень холодно — теплый весенний воздух не проникал в подземелье. Пока я зажигал свечи, она разожгла огонь в старинном камине. Он сидел на каменной скамье и наблюдал за нами. Я видел, как действует на него исходящее от огня тепло: он дышал теперь как-то по-иному, и тело его словно увеличилось в размерах.

Он оглядывался вокруг, как будто впитывая в себя свет. Взгляд его прояснился.

Трудно переоценить значение тепла для вампиров. Однако члены старинного общества начисто его отрицали.

Присев на другую скамью, я попытался увидеть все окружающее его глазами.

Все это время Габриэль оставалась стоять, но теперь она подошла к нему ближе. Потом достала платок и коснулась его лица.

Он смотрел на нее с тем же выражением, с каким смотрел на огонь в камине, на пламя свечей, на пляшущие по сводам потолка тени. Казалось, происходящее почти не интересует его.

Меня потрясло еще одно открытие: синяки и царапины на его лице почти исчезли, кости срослись, лицо вновь приняло прежние очертания. Осталась только большая, чем обычно, бледность от потери крови.

Сердце мое непроизвольно вздрогнуло, совсем как тогда, когда я слушал его голос на зубчатой стене башни.

Я вспомнил о боли, которую испытал во дворце, когда этот подлый обманщик вонзил мне в шею острые клыки.

Я ненавидел его всеми силами своей души.

И в то же время я не мог отвести от него взгляд. Габриэль причесала его и смыла с его рук кровь. Пока она делала это, он казался совершенно беспомощным. А на ее лице было написано искреннее любопытство; чувствовалось, что она жаждет быть рядом с ним, прикасаться к нему, исследовать каждую черточку его лица, каждый сантиметр тела. Она походила на ангела, на посланца небес. В мерцающем сиянии свечей они пристально смотрели друг на друга.

Он вновь повернулся к огню, слегка наклонился вперед, и взгляд его перестал быть равнодушным. В эти минуты он был почти похож на обыкновенного человека. Почти...

— Что ты собираешься теперь делать? — спросил я вслух, чтобы меня могла слышать и Габриэль.— Останешься ли в Париже и позволишь ли Элени и остальным спокойно заниматься тем, чем они хотят?

Он не ответил, продолжая пристально всматриваться во все, что его окружало. Взгляд его остановился на саркофагах. Трех саркофагах...

— Тебе, конечно, известно, кем они стали,— продолжал я.— Так ты покидаешь Париж или остаешься?

Мне показалось, что ему хочется вновь объяснить мне значение того, что я сделал с ним и остальными, но он тут же отказался от этой мысли. На мгновение лицо его сморщилось. Оно стало грустным, печальным и почти по-человечески страдальческим. Сколько же ему все-таки лет, подумал я. Как давно живет на земле человек, выглядящий так, как выглядит сейчас он?

Он слышал меня, но не захотел ответить. Потом взглянул на стоявшую возле камина Габриэль, вновь перевел взгляд на меня и безмолвно заговорил:

— Люби меня! Ты разрушил и уничтожил абсолютно все. Но если ты полюбишь меня, это можно восстановить, создать заново, на этот раз в другом виде. Люби меня!

Красноречивость и силу его мольбы невозможно передать словами.

— Что мне сделать, чтобы заставить тебя полюбить меня? — шептал он.— Что я могу дать тебе? Поведать тебе обо всем, что

я видел? Открыть секрет нашего могущества? Тайну собственного существования?

Мне показалось, что я совершу святотатство, если сейчас отвечу ему. И так же, как в ту ночь на стене, я едва не разрыдался. Его безмолвный голос был удивительно чист, и в нем так явственно отражались его чувства, как если бы он на самом деле высказывал их вслух.

Я вдруг подумал, что он разговаривает со мной так, как, наверное, разговаривали бы, существуй они в действительности, ангелы. То же самое я думал, когда слушал его возле алтаря собора Нотр-Дам.

От неуместных мыслей меня отвлекло осознание того, что он находится сейчас рядом со мной. Он обнял меня и прижался лбом к моему лицу. И вновь я услышал его молчаливое обращение ко мне, но теперь оно звучало не так соблазнительно и искушающе, как в Пале-Рояле. Я вновь слышал голос, зовущий меня с расстояния многих миль, говорящий мне о существовании вещей, которые способны понять только мы двое и постичь которые не дано смертным. Он говорил, что, если я доверюсь ему, открою ему секреты и поделюсь своим могуществом, он отдаст мне все, чем владеет сам. Сам того не желая, он пытался меня уничтожить, но не сделал этого и потому полюбил еще сильнее.

Его предложение было одновременно и мучительным и соблазнительным. Однако я чувствовал, что оно таит в себе опасность. Именно это слово — «опасность» — невольно пришло мне в тот момент на ум.

Не знаю, что видела и слышала Габриэль. Не знаю, о чем она тогда думала.

Инстинктивно я избегал встречаться взглядом с Арманом. В эти минуты мне больше всего хотелось взглянуть ему в глаза, понять, что у него на уме, но я твердо знал, что не должен это делать. Перед моим взором вновь возникли скелеты на кладбище Невинных мучеников, отблески адских костров, которые я видел в Пале-Рояле. И никакой бархат, никакие кружева восемнадцатого века не в силах были возвратить ему человеческое лицо.

Мне не удалось скрыть свои мысли, и мне было больно оттого, что я не мог ничего объяснить Габриэль. Невозможность

мысленного общения с нею, разделяющее нас безмолвие были особенно невыносимыми.

Только с ним я мог беседовать подобным образом, только с ним мог видеть одни и те же сны. Благоговейный страх заставлял меня цепляться за него, и вопреки собственным сомнениям и желаниям я был не в силах отпустить его.

— Да,— шептал он,— уезжай из Парижа. Но только возьми меня с собой. Я не знаю, как мне теперь жить. Со всех сторон меня окружает ужас, повсюду мне видятся только кошмары. Пожалуйста...

— Нет! — услышал я собственный голос.

— Неужели я для тебя ничего не значу?

Он повернулся к Габриэль. Ее лицо мучительно исказилось. Не знаю, что творилось в тот момент в ее душе, но я вдруг с болью понял, что он обращается к ней и при этом не позволяет мне услышать их разговор. Каков будет ее ответ?

— Неужели во всем мире вы никого не уважаете и вам не дорог никто, кроме вас самих? — Теперь уже он обращался к нам обоим.

— Сегодня ночью я мог тебя уничтожить,— ответил я.— И только уважение удержало меня от этого шага.

— Нет,— он совсем по-человечески покачал головой,— ты никогда не смог бы убить меня.

Я улыбнулся. Возможно, он был совершенно прав. И в то же время мы уничтожали его, но совершенно другим способом.

— Да,— подтвердил он,— это правда. Вы меня убиваете. Помогите мне,— прошептал он.— Подарите всего лишь несколько коротких лет из той вечности, что ждет впереди вас обоих. Умоляю вас! Это все, о чем я прошу.

— Нет,— снова ответил я.

Он сидел на скамье всего в футе от меня и смотрел мне прямо в глаза. И вдруг лицо его стало мрачнеть и быстро меняться, морщась и искажаясь от ярости. Создавалось впечатление, что он вообще лишен плоти и только усилием воли заставляет себя казаться столь очаровательным и красивым. А когда воля его слабеет, он тает, словно восковая кукла.

Однако он снова — почти мгновенно — вернул себе прежний вид. «Галлюцинация» исчезла.

Он встал и попятился от меня, пока не уперся спиной в камин.

Исходящая от него мощная воля была почти осязаемой. Глаза его словно жили сами по себе, не принадлежа ни ему, ни кому бы то ни было еще на земле. Пылающий за спиной огонь создавал нечто вроде нимба над его головой.

— Я проклинаю тебя! — прошептал он.

Я почувствовал укол страха.

— Я проклинаю тебя! — снова повторил он, подходя ко мне ближе.— Что ж, люби смертных и живи так, как тебе хочется, беспечно и бездумно, с любовью ко всему и жаждой получить все на свете. Но настанет час, когда спасти тебя сможет только любовь тебе подобного.— Он бросил взгляд на Габриэль.— Я не имею в виду таких, как она, детей.

Эти слова произвели на меня столь сильное впечатление, что я не сумел его скрыть. Я почти непроизвольно вскочил со скамьи и бросился к Габриэль.

— Я пришел к тебе не с пустыми руками,— сознательно понизив голос, настойчиво продолжал он.— Я пришел не как нищий, которому нечего предложить взамен. Посмотри на меня. Неужели ты не нуждаешься в том, что видишь во мне, ведь я тот, у кого достаточно силы и могущества, чтобы помочь тебе преодолеть все испытания и преграды, которые ждут впереди?

Он сверкнул глазами в сторону Габриэль и на какое-то мгновение задержал взгляд, словно устанавливая с ней невидимую связь. И вдруг я заметил, как она вся напряглась и задрожала.

— Оставь ее! — крикнул я.

— Ты не знаешь, о чем я говорил с ней,— сказал он.— Я не пытаюсь обидеть ее. Но скажи, что со своей любовью к смертным успел ты сделать?

Я знал, что, если не остановлю его, он совершит нечто ужасное, причинит боль мне или Габриэль. Ему было известно все, что случилось с Ники. В этом я был уверен. И если я в самой глубине души хотел покончить с Ники, он непременно узнал и об этом. Зачем я позволил ему войти сюда? Почему не подумал о том, что он способен на многое?

— Неужели ты не понимаешь, что это не более чем жалкая пародия? — продолжал он все так же тихо и мягко.— Каждый

раз смерть и последующее пробуждение будут опустошать человеческую душу. И тогда одни будут вечно ненавидеть тебя за то, что ты отнял у них жизнь, а другие ударятся в крайности, которые ты так презираешь. Кто-то станет безумствовать и неистовствовать, а кто-то превратится в неподвластное тебе чудовище. Иные позавидуют твоему превосходству, а иные просто отдалятся, начисто исключат тебя из своего разума.— Он бросил взгляд на Габриэль и едва заметно улыбнулся.— Между тобой и ними всегда будет существовать непроницаемая завеса. Ты можешь создать целый легион и все равно будешь обречен на вечное и полное одиночество!

— Я не желаю тебя слушать. Все это не имеет никакого значения.

Я заметил, что Габриэль переменилась в лице. Теперь она смотрела на него с нескрываемой ненавистью.

Он горько усмехнулся, хотя едва ли можно было назвать это смехом.

— Возлюбленные с человеческими лицами,— насмешливо произнес он.— Разве ты не понимаешь, что жестоко ошибаешься? Один люто тебя ненавидит, а другая... что ж, другая, напившись темной крови, стала еще холоднее, чем была. Или я не прав? Но даже у нее, такой сильной и хладнокровной, бывают моменты, когда она страшится своего бессмертия. А кого она может винить в том, что произошло с ней?

— Ты просто глупец! — прошептала Габриэль.

— Ты пытался уберечь скрипача. Но тебе и в голову не приходило спасти ее!

— Замолчи! — воскликнул я.— Или я тебя возненавижу! Ты этого добиваешься?

— Но я лишь говорю правду, и ты это знаешь. А что никому из вас никогда не доведется узнать, так это всю глубину обиды и ненависти, которые каждый из вас испытывает! Глубину страданий! И глубину любви!

Он замолчал, а я не мог ничего ему ответить. Он делал сейчас именно то, чего я так боялся. А я не знал, как защитить себя.

— Если сейчас ты уйдешь от меня вместе с ней, тебе придется совершить это снова,— продолжал он.— Никола тебе не получить никогда, а она уже давно мечтает от тебя освободить-

ся и ищет способы, как это сделать. В отличие от нее ты никогда не сможешь жить один.

Я не мог ничего ему ответить, но заметил, как сузились глаза Габриэль и как жестко сжались ее губы.

— А это значит, что придет время, когда ты станешь искать других смертных,— снова заговорил Арман,— в надежде на то, что Обряд Тьмы поможет тебе обрести любовь, которой ты так жаждешь. И из этих новообращенных, непредсказуемых в своих мыслях и поступках детей ты надеешься построить для себя крепость, чтобы спастись от времени? Что ж, хорошо, если такая крепость устоит хотя бы в течение полувека. Предупреждаю: защититься от времени ты сможешь только с помощью таких же сильных и наделенных мудростью существ, как ты сам.

Крепость для защиты от времени... При всем моем невежестве эти слова произвели на меня впечатление. Дремавший в душе страх вновь проснулся и стал еще сильнее.

На какой-то миг он отдалился от меня. На фоне пылающего в камине огня он казался невероятно красивым: темные пряди сверкающих волос слегка касались гладкого и совершенно чистого лба, а на губах играла почти счастливая и поистине неземная улыбка.

— Если мы не будем придерживаться древних обычаев, разве сможем мы обрести друг друга? — спросил он.— Кто еще сумеет разделить твои страдания? Кто еще способен понять, что творилось в твоей голове в тот вечер, когда ты стоял на сцене своего маленького театра и нагонял ужас на тех, кого так любил?

— Не смей говорить со мной об этом! — прошептал я, чувствуя, что его слова, голос и глаза лишают меня воли и неудержимо влекут к себе. Я был близок к экстазу, который испытывал в ту ночь на сцене. Всеми силами я тянулся к Габриэль, обращался к ней за помощью.

— Кто еще способен понять, о чем ты думал, когда мои неверные подданные бесновались под музыку твоего обожаемого скрипача и устроили это ужасное представление на бульваре? — снова спросил он.

Я молчал.

— Театр вампиров...— Губы его растянулись в печальной улыбке.— Понимает ли она иронию и жестокость этих слов?

Знает ли, что ты чувствовал, когда совсем еще юным стоял на сцене и слушал восторженные крики публики, которая приветствовала тебя? Когда время было твоим другом, а не врагом, как сейчас. Что ты испытывал, когда за кулисами, стоило тебе протянуть руки, и все твои друзья, маленькая семья, тотчас бросались в твои объятия и прижимались к тебе со всех сторон?..

— Остановись, прошу, замолчи!

— Способен ли кто-либо еще оценить твою душу?

Колдовство! Чародейство! Пользовался ли им кто-либо с большим умением и искусством? В действительности за безудержным потоком его слов скрывалось нечто совсем другое. «Приди ко мне, и я стану солнцем, вокруг которого ты будешь вечно вращаться, мои лучи осветят, откроют те тайны, которые ты не желаешь открывать никому. И тогда я, обладающий возможностями и властью, о которых ты не имеешь ни малейшего понятия, завладею тобой и уничтожу тебя!»

— Я уже спрашивал, чего ты от меня хочешь,— обратился я к нему.— Что тебе нужно от меня на самом деле?

— Мне нужны вы,— ответил он.— Ты и она! Я хочу, чтобы на дорогах судьбы нас стало трое!

— А не того ли, чтобы мы сдались и подчинились тебе?

Я покачал головой. Лицо Габриэль выражало настороженность и отвращение. Арман уже не сердился и не кипел от злобы. И все же он вновь произнес:

— Я проклинаю тебя!

Его сказанные обманчиво спокойным тоном слова прозвучали для меня как торжественная клятва.

— Я предложил тебе свои услуги в тот момент, когда ты оказался сильнее меня,— сказал он.— Вспомни об этом, когда твои собственные Дети Тьмы нанесут тебе удар в спину, когда они восстанут против тебя. Вспомни обо мне!

Его слова потрясли меня. Потрясение было гораздо более сильным, чем то, которое я испытал в минуты ужасного прощания с Никола в театре Рено. Я ни секунды не боялся в подземном склепе кладбища Невинных мучеников, но испытывал страх здесь, в этой комнате, с той самой минуты, как мы сюда вошли.

В нем снова закипал гнев, на этот раз слишком сильный, чтобы он мог его скрыть.

Он опустил голову и отвернулся. Прижав руки к груди и став вдруг каким-то очень маленьким, он стоял лицом к огню и изобретал угрозы одну страшнее другой, придумывая, как бы причинить мне боль посильнее. Хотя ни одна из угроз так и не сорвалась с его губ, я слышал их все до единой.

Буквально на долю секунды что-то отвлекло мое внимание. Быть может, мигнуло пламя свечи, а может, я сам моргнул. Как бы то ни было, но он исчез. Точнее, попытался исчезнуть. Я успел заметить лишь темную тень, удаляющуюся от камина.

— Нет! — громко крикнул я, устремляясь за кем-то почти невидимым, и в следующую секунду уже держал его в своих объятиях, а он снова обрел плоть.

Он умел двигаться очень быстро, но я оказался еще проворнее, и вот мы стояли лицом к лицу возле самой двери склепа. Я снова и снова повторял свое «нет», отказываясь его отпустить.

— Нет, только не так! Ты не можешь уйти вот так! Мы не должны расстаться с ненавистью в душе, только не это!

Неожиданно я как будто совершенно лишился воли. Я мог лишь обнимать его и прижимать к себе так крепко, что он не мог не только вырваться, но даже пошевелиться.

Мне было совершенно все равно, кто он на самом деле и что сделал со мной в тот проклятый момент, когда бессовестно меня обманул; я уже не помнил о том, что он хотел подчинить меня своей воле; мне не было никакого дела до того, что я навсегда перестал быть смертным человеком.

Я хотел только одного: чтобы он остался. Кем бы он ни был, я жаждал жить рядом с ним и знал, что все сказанное им было правдой. И в то же время так, как хочет он, не может быть никогда. Он никогда не получит над нами власть. Он не сможет разлучить нас с Габриэль.

Хотел бы я знать, понимает ли он сам, чего у нас просит? Возможно ли, что он верит всему, о чем говорит?

Не спрашивая на то его согласия, я молча довел Армана обратно до скамьи возле камина. Меня вновь охватило ощущение опасности, страшной опасности. Но это не имело значения. Он должен остаться здесь, с нами.

Габриэль ходила из угла в угол и что-то бормотала себе под нос. Плащ свешивался с ее плеча, и казалось, что она совершенно забыла о нашем присутствии.

Арман внимательно наблюдал за ней. Наконец она резко обернулась и обратилась к нему.

— Ты приходишь и говоришь: возьмите меня с собой. Ты говоришь: любите меня. Намекаешь на то, что тебе известно очень многое, в том числе и древние секреты. Но не даешь в результате ничего, кроме обмана и лжи.

— Я продемонстрировал вам свои возможности, чтобы вы смогли понять,— тихо ответил он.

— Нет, ты проделывал свои трюки, чтобы понять самому,— возразила она.— Ты посылал нам видения и картины, причем по-детски примитивные. Ты только этим и занимался. Возвышенными иллюзиями соблазнял Лестата во дворце, но только лишь затем, чтобы напасть на него. А здесь, в башне, когда мы получили передышку в нашей борьбе, что сделал ты? Попытался поссорить нас с Лестатом, посеять между нами раздор...

— Да, признаю, я действительно соблазнял Лестата иллюзиями,— перебил он Габриэль,— но все, что я говорил здесь, правда. Ты уже сейчас презираешь своего сына за его любовь к смертным, за то, что он испытывает потребность постоянно быть рядом с ними, за привязанность к скрипачу и уступки его желаниям. Ведь ты же знала, что Темный Дар сведет Никола с ума и в конце концов уничтожит! И ты действительно жаждешь освободиться от всех до единого Детей Тьмы! От меня тебе не удастся это скрыть.

— Да ты просто глуп! — ответила она.— Ты видишь, но не способен понять то, что видишь. Сколько лет ты успел прожить в своей смертной жизни? Ты хоть что-нибудь о них помнишь? Ты не способен оценить всю глубину моей любви к сыну. Я любила его так, как никого и никогда на свете. В моем одиночестве сын для меня — все! Как же ты не смог постичь то, что увидел?

— Нет, это ты не способна понять,— вновь возразил ей Арман.— Если бы ты когда-нибудь испытывала истинную любовь и привязанность к кому-либо, то признала бы, что твои чувства к сыну ровным счетом ничего не стоят.

— Все это пустые разговоры...— вмешался я.

— Нет,— решительно и без всяких колебаний перебила Габриэль.— Нас с сыном связывает слишком многое. Я прожила на свете пятьдесят лет и за все это время не встретила никого, кроме моего сына, кто обладал бы такой же сильной волей, как у меня. А то, что нас с ним разделяет, мы всегда можем устранить, уничтожить все разногласия. Но как можем мы принять тебя в семью и сделать одним из нас, если ты используешь наши мелкие несогласия, чтобы разжечь между нами огонь вражды? И, что еще важнее, кем ты себя вообразил, кто ты такой, чтобы быть уверенным в том, что мы захотим тебя принять?

— Мои наставления — вот в чем вы сейчас нуждаетесь,— промолвил он.— Ваш путь только начинается, и у вас недостаточно веры, чтобы крепко стоять на ногах, следуя по этому пути. Вы не сможете выжить без чьей-либо помощи...

— Миллионы живут без веры и без чужих наставлений. Это ты не в состоянии обойтись без них,— возразила она.

Я почувствовал исходящие от него боль и страдание. Но она ровным, лишенным выражения голосом продолжала говорить:

— Я, например, хочу знать, почему на земле существует красота. Почему природа продолжает создавать все новые и новые ее формы? Какая связь между грозой и теми чувствами, которые она в нас вызывает? Если Бог не существует, если все эти понятия не объединены в одну метафорическую систему, почему же тогда они продолжают обладать властью над нами? Лестат называет все это Садом Зла, но для меня этого недостаточно. И я должна признаться тебе, что мое маниакальное любопытство, назови его как угодно, способно отвлечь меня от моих жертв — от смертных. Оно заставляет меня удаляться на природу, подальше от всего, что создано людьми. И я допускаю, что когда-нибудь оно может заставить меня покинуть собственного сына, потому что он чересчур привязан ко всему человеческому.

Она подошла к Арману и, прищурившись, пристально взглянула ему в глаза. В этот момент ничто не напоминало в ней женщину.

— Это тот светильник, который помогает мне видеть Путь Дьявола,— продолжала она.— А что освещает этот путь для тебя? Чему ты действительно успел научиться, кроме поклонения дьяволу и своих предрассудков? Что тебе известно о нас и о том,

как мы появились? Расскажи, и, возможно, это будет действительно чем-то заслуживающим внимания. А быть может, не будет стоить ничего.

Он буквально лишился дара речи и не в силах был скрыть свое изумление.

Он смотрел на нее с искренним смущением, а потом поднялся со скамьи и отошел в сторону, явно стараясь избежать встречи с нею лицом к лицу и уставившись перед собой невидящим взглядом. Он явно был повержен и совершенно пал духом.

Наступила полная тишина. И в этот момент мне вдруг отчаянно захотелось выступить в его защиту. Габриэль высказывала неприукрашенную правду о тех вещах, которые интересовали ее. Сколько я ее помню, она поступала так всегда, и всегда в ее манере так говорить было что-то пренебрежительное, отчасти жестокое.

Она предложила ему поставить себя на ее место и подняться до ее уровня. И он оказался униженным и загнанным в угол. Его полная беспомощность начинала меня тревожить. Я видел, что ему не оправиться от ее нападения.

Он повернулся и направился к скамье, как будто собираясь сесть на нее, потом снова повернулся и пошел к саркофагам, потом к стене... Казалось, их твердые поверхности отталкивают его, вызывают у него неприязнь, словно его воля натыкается на них в том невидимом пространстве, в котором он сейчас блуждает.

Он вышел из комнаты и стал подниматься по узкой лестнице, потом развернулся и двинулся обратно.

Его мысли были наглухо закрыты от нас, а быть может, что еще хуже, он вообще лишился способности думать.

Перед его глазами мелькали лишь простейшие картины и образы — отражение того, что он когда-либо видел: обитая железом дверь, свечи, огонь. Перед ним воскресали парижские улицы, торговцы и мальчишки-газетчики, проносящиеся мимо кабриолеты; он слышал отдаленные звуки музыки и ужасную какофонию слов и фраз из тех книг, которые ему пришлось прочитать совсем недавно.

Я больше не мог выносить все это, но Габриэль молча сделала мне знак, чтобы я оставался на месте.

Что-то возникало в старинном склепе, что-то происходило в самой его атмосфере.

Что-то явно менялось. Таяли свечи, огонь в камине трещал, и алые языки лизали почерневшие камни на задней стенке. Внизу, в других склепах, забегали крысы.

Арман стоял в проеме одной из арок, и казалось, что он стоит там уже много часов, хотя на самом деле это было не так. Габриэль застыла в дальнем углу комнаты, лицо ее было холодным и сосредоточенным, а глаза сияли как никогда и казались маленькими звездами.

Арман собирался говорить с нами, но он не намерен был давать какие-либо объяснения. Тому, что он готов был нам рассказать, нельзя было даже придумать название. Мы как будто вскрыли его душу, и теперь образы лились из него потоком крови.

Арман стоял, обхватив себя руками, и походил сейчас на маленького мальчика. И я понял, что тогда чувствовал. Это было поистине чудовищное единение, невероятная близость с другим существом, близость, которая заставляет даже восхитительные моменты убийства казаться далекими, туманными и вполне управляемыми. Он весь раскрылся нам навстречу и не в силах был больше сдерживать рвущийся наружу поток картин и образов, заставляющих его древний внутренний голос звучать нежно, просительно, даже заискивающе.

Может быть, в этом и состояла та опасность, которую я чувствовал все это время, может быть, это и было источником, причиной моего страха? Но, даже сознавая это, я сдался и уступил, мне вдруг подумалось, что все великие уроки в своей жизни я усваивал только благодаря полному отказу от страха. И вновь страх раскалывал мою скорлупу, чтобы в моей жизни появилось что-то новое.

Никогда, ни в моей смертной, ни в бессмертной жизни, мне не угрожали единение и близость, подобные этим.

3

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ АРМАНА

Комната исчезла. Стены будто растворились. Появились всадники. Черная туча росла на горизонте. Вопли ужаса. Золотоволосый ребенок в грубой крестьянской одежде все бежит и

бежит вперед. Вокруг него уже целая орда всадников, они хватают его, мальчик вырывается, отбивается, но его уже перебрасывают поперек седла, и всадник уносится к самому краю света. Этим ребенком был Арман.

Все происходило в степях южной России, но Арман тогда не знал, что это Россия. Он знал лишь маму, отца, то, что на свете существуют Бог и дьявол, что есть церковь. Однако ему не было известно ни имя его родины, ни название родного языка, ни то, что похитившие его всадники — татары. Не мог он знать и того, что уже никогда больше не придется ему увидеть тех, кого он любил.

Тьма, корабль плывет по волнующемуся морю, ребенок страдает от непрекращающейся тошноты, он охвачен отчаянием и ужасом. И вот на горизонте возникает невероятное скопление величественных зданий Константинополя эпохи заката Византийской империи с ее фантастическим скоплением народов и крупнейшими рынками рабов. Невероятное смешение языков, угрозы, высказываемые на международном языке жестов, и вокруг — одни только враги, которых не умилостивить и от которых не укрыться нигде.

Пройдут годы и годы его жизни после смерти, прежде чем Арман найдет в себе силы вернуться в то ужасное время и дать окружающим имена, вспомнить о византийских судебных чиновниках, которые обязательно кастрировали бы его; о непременно сделавших бы то же самое сыновьях ислама — смотрителях гаремов; о гордых воинах властителей Египта мамелюках, которые обязательно взяли бы его с собой в Каир, будь он выше и сильнее; о нарядных и сладкоголосых венецианцах в коротких бархатных камзолах и туго обтягивающих ноги рейтузах — эти люди произвели на него неизгладимое впечатление. Но они, христиане, при том что он сам был христианином, лишь с улыбкой переглядывались между собой, когда рассматривали его, а он безмолвно стоял, не в силах умолять и уже ни на что не надеясь.

Я видел лежащую перед ним водную гладь Эгейского и Адриатического морей. Его снова безудержно тошнило, он молил о смерти и в душе дал себе клятву, что не будет жить.

Потом над блестящей поверхностью лагуны поднялись венецианские дворцы, построенные в марокканском стиле. Его

привели в дом с огромным количеством комнат, с дюжинами и дюжинами потайных ходов и секретных помещений. Солнечный свет с трудом проникал сюда сквозь зарешеченные окна. Его окружили другие мальчики, говорящие на певучем и мягком языке, который назывался венецианским диалектом. Потом были угрозы и уговоры. От него требовали, чтобы, забыв о своих страхах и предрассудках, он совершил то, что считал грехом. Совершил его вместе со многими и многими незнакомцами, появлявшимися в этом освещенном факелами царстве мрамора, где в каждой комнате перед ним возникали все новые картины теплоты и нежности, рано или поздно уступающие место невыразимому и жестокому желанию. Каждый раз все завершалось одним и тем же ритуалом.

Наконец однажды вечером, после того как он в течение многих дней отказывался подчиниться и потому уже едва не умирал от голода и ни с кем не разговаривал, его снова втолкнули в одну из комнат. Он был грязен и почти ослеп, попав после многих дней заточения в темноте на яркий свет, а перед ним стоял человек в костюме из красного бархата, с тонким и почти светящимся лицом. Человек протянул руку и нежно коснулся его холодными пальцами, а потом Арман словно сквозь сон увидел, как из руки в руку перешли несколько монет, и у него не было сил даже заплакать. Это была очень большая сумма. Его продали. Это лицо... оно было таким гладким, что его легко можно было принять за маску.

В последний момент он все же разрыдался. Он плакал и говорил, что будет слушаться, что не станет больше сопротивляться. Умолял сказать, куда его ведут, и вновь клялся, что станет послушным... Когда его тащили вниз по лестнице к темной, пахнущей водорослями воде, он снова почувствовал нежное и одновременно твердое прикосновение холодных пальцев нового господина. И вдруг к его шее прижались мягкие губы, и этот поцелуй, против которого невозможно было устоять, обещал, что ему никто больше не причинит вреда.

О, сколько любви, бесконечной любви было в этом поцелуе вампира! Она окутывала Армана и очищала его, в ней была заключена вся вселенная. Его посадили в гондолу, и лодка огромным зловещим жуком понеслась по узким каналам к другому огромному дому.

Он опьянел от удовольствия, от прикосновения белых с шелковистой кожей рук, причесывающих его волосы, от голоса, шепчущего ему, что он очень красив, от лица, которое то искажалось от переполняющих его обладателя эмоций, то прояснялось и почти светилось, как будто было вылеплено из алебастра и украшено бриллиантами. Иногда оно походило на пруд, в котором отражается лунный свет. Коснись его кончиком пальца, и поверхность оживает, но уже через секунду вновь становится спокойной и гладкой.

Он пьянел по утрам от воспоминаний об этих поцелуях, когда в одиночестве бродил по дому, открывая одну за другой двери, за которыми видел множество книг, географических карт, скульптур из гранита и мрамора, или когда другие ученики Мастера, обнаружив его в одной из комнат, спокойно отводили его на рабочее место и терпеливо объясняли, что он должен делать, показывали, как смешивать краски и добиваться чистоты цвета с помощью яичного желтка, как покрывать поверхность дерева лаком. Они брали его с собой на леса, где осторожными мазками касались самых краев огромной картины, изображающей небо, облака и ангелов на их фоне. Они объясняли ему, что прекрасных лиц, рук и крыльев этих ангелов может касаться только кисть Мастера.

Он пьянел от удовольствия, когда вместе со всеми сидел за длинным столом и наслаждался вкусом блюд, которые ему не приходилось пробовать в своей жизни, и чудесным вином, какого до этого никогда не пил.

Он засыпал лишь затем, чтобы проснуться в сумерках и увидеть возле огромной кровати Мастера, невообразимо красивого в своем костюме из красного бархата, с густыми светлыми волосами, сияющими в отблесках света, и полными счастья, сверкающими кобальтовыми глазами. И поцелуи, от которых можно было умереть...

— О да... я никогда не разлучусь с тобой... да, да... ничего не бойся...

— Скоро, уже совсем скоро, мой дорогой, мы воистину соединимся... скоро...

Факелы ярко освещают весь дом. Мастер с кистью в руке стоит на лесах...

— Встань там, на свету, не шевелись...

И долгие часы он стоит, застыв в одной позе, а перед рассветом видит лицо ангела, так напоминающее его собственное. Потом улыбающийся Мастер уходит по бесконечному коридору.

— Нет, Мастер, пожалуйста, не уходите, не оставляйте меня, возьмите меня с собой...

И снова день. Он идет с полными денег, настоящего золота, карманами, и перед ним открываются великолепие и роскошь Венеции с темно-зеленой водой ее каналов в окружении роскошных дворцов. Рядом с ним рука об руку идут другие ученики. Пахнущий свежестью воздух на площади Сан-Марко и высокий свод голубого неба — это было похоже на сны, которые он видел в детстве. Наступают сумерки, и во дворец приходит Мастер. Он стоит с кистью в руке, склонившись над небольшой панелью, а его ученики с благоговением и едва ли не с ужасом завороженно следят за его работой. Мастер поднимает голову, видит его, откладывает в сторону кисть и уводит Армана из огромной мастерской, в которой до полуночи будут трудиться другие ученики. Они снова одни в спальне, и его лицо в руках Мастера, и тайный поцелуй, о котором не должен знать никто...

Сколько прошло времени? Два года? Или три? Нет слов, чтобы описать то счастливое время: военные корабли, покидающие порт, чтобы принять участие в морских сражениях; рвущиеся ввысь песнопения перед византийскими алтарями; возвышенные и сказочные представления с адскими пропастями и скачущими дьяволами, разыгрываемые на подмостках церквей и во дворце; сверкающие мозаики на стенах Сан-Марко и Сан-Дзаниполо; Дворец дожей; великие художники, гуляющие по улицам города: Джамбоно, Уччелло, Виварини и Беллини; бесконечные праздничные карнавалы и процессии — и каждый вечер часы, проведенные наедине с Мастером, в то время как все остальные спят, надежно запертые под замком. Кисть Мастера быстрыми мазками касается панели, словно он не пишет, а лишь расчищает картину — солнце, небо и простирающееся под крыльями ангела море.

И ужасные, но неизбежные моменты, когда Мастер вдруг вскакивает с мучительным криком, расшвыривает вокруг баночки с красками и прижимает руки к глазам, словно готов вырвать их навсегда.

— Почему, почему я не вижу? Почему я не способен видеть лучше, чем смертные?!

Он прижимается к Мастеру в ожидании восхитительного поцелуя. Мрачная тайна... секрет, который нельзя открыть никому... Перед рассветом Мастер неслышно выскальзывает за дверь.

— Мастер, позвольте мне пойти с вами!

— Скоро, мой дорогой, моя любовь, мой малыш, когда ты немного подрастешь и станешь достаточно сильным, когда избавишься от всех своих изъянов. А теперь иди и познай все доступные тебе развлечения, познай любовь женщин и любовь мужчин, пока у тебя еще есть время. Забудь о тех горестях, которые пришлось тебе испытать в борделе, и наслаждайся всем, что ждет тебя впереди.

Редкую ночь он не видел Мастера возле себя перед рассветом. Мастер возвращался порозовевший, с потеплевшей кожей, чтобы обнять Армана и дать ему силы на целый день, помочь пережить долгие часы до следующего восторженного поцелуя в сумерках.

Арман научился читать и писать. Он относил готовые картины в соборы и часовни богатых дворцов, собирал с заказчиков плату и торговался о ценах на краски и масло. Отчитывал слуг, если кровати не были убраны или еда не была приготовлена вовремя. Его любили все ученики, и он плакал каждый раз, когда провожал тех, кто закончил учебу, к новому месту их службы. Пока Мастер рисовал, он читал ему стихи и даже научился играть на лютне и петь.

В печальные дни, когда Мастер надолго покидал Венецию, он вел все его дела в доме, тщательно скрывая свои страдания от других и зная, что им придет конец только тогда, когда вернется Мастер.

Это случилось однажды перед рассветом, когда вся Венеция была погружена в сон...

— Вот и наступил этот момент, моя радость. Настало время тебе прийти ко мне и стать таким же, как я. Этого ты хотел?

— Да.

— Тайно пить кровь злодеев, которая поможет тебе процветать вечно, как делаю это я? Обещаешь ты до скончания мира хранить наш секрет?

— Я даю обет, клянусь, подчиняюсь вам во всем! Я... я хочу всегда быть с вами, мой Мастер, мой Господин... Ведь только вам я обязан всем, что имею и что я есть. Никогда и ничего не желал я больше, чем этого!

Мастер указал кистью на картину, которая простиралась до самого потолка.

— Ты больше никогда не увидишь иного солнца, кроме этого. Но миллионы ночей станут твоими, и ты узришь свет, который недоступен никому из смертных. Словно Прометей, ты украдешь его у далеких звезд — вечный и бесконечный свет, который поможет тебе постичь все тайны мира.

Сколько месяцев прошло с тех пор? Времени, когда он купался во власти Темного Дара...

Они вели ночную жизнь, вместе путешествуя по сумеречным улицам и каналам,— его больше не пугали таящиеся в темноте опасности, он сам превратился в такую опасность. Он испытал древний восторг убийства, но никогда жертвой его не становилась невинная душа. Нет, это всегда был злодей, преступник, какой-нибудь очередной Тифон — убийца собственного брата. Они отыскивали его в темных лабиринтах улиц и нападали на свою жертву, вместе с кровью впитывая в себя порочность. Это был настоящий совместный пир, от которого оба приходили в восторг, который был сродни экстазу. И Мастер всегда указывал ему верную дорогу.

А потом они писали картины, и Арман наслаждался обретенным мастерством. Иногда казалось, что кисть движется сама по себе по покрытой лаком поверхности, и они оба яростно трудились над триптихом, а смертные ученики в это время спокойно спали среди баночек с краской и бутылок с вином. И только одно омрачало это безоблачное счастье: то, что иногда Мастер, как и прежде, покидал его, уезжал из Венеции. Его отсутствие казалось всем бесконечным.

А для Армана расставание стало еще более мучительным.

Ужасно, что приходилось в одиночку охотиться, а потом лежать в глубоком подземелье и ждать. Ужасно не слышать звонкого смеха Мастера и биения рядом его сердца.

— Но куда же ты уезжаешь? Почему я не могу поехать вместе с тобой? — умоляющим голосом спрашивал его Арман.

Разве не были они связаны одной тайной? Почему он не хотел объяснить ему и эту загадку?

— Нет, любовь моя. Ты еще не готов нести это бремя. Как и тысячу лет до того, оно останется лежать только на моих плечах. Когда-нибудь ты станешь помогать мне в том, что я должен делать, но только тогда, когда будешь действительно готов обрести знания и докажешь, что на самом деле хочешь все узнать. Когда станешь настолько сильным, чтобы быть уверенным, что никто и никогда не заставит тебя открыть эту тайну, если ты сам того не пожелаешь. А до тех пор... пойми... у меня нет другого выбора. Я должен покидать тебя. Я обязан позаботиться о Тех, Кого Следует Оберегать.

Те, Кого Следует Оберегать...

Арман долго размышлял, эти слова пугали его. Но хуже всего то, что они разлучали его с Мастером. Он переставал бояться этих слов, только когда Мастер возвращался и снова был рядом.

— Те, Кого Следует Оберегать, пребывают в мире... или в безмолвии,— обычно говорил он, скидывая плащ из красного бархата.— Большего нам знать не дано.

И вновь они выслеживали злодеев на улицах Венеции, вновь пировали вместе.

Сколько человеческих жизней могло все это длиться? Быть может, тысячу?

Но прошло, наверное, всего лишь полгода, прежде чем однажды ночью в глубоком подземелье возле самой воды он увидел возле своего гроба Мастера.

— Вставай, Арман! Нам надо бежать. Они пришли.

— Кто они, Мастер? Те, Кого Следует Оберегать?

— Нет, мой дорогой. Это не они — другие. Скорее, нам следует поторопиться!

— Но что могут они нам сделать? Почему мы должны бежать?

Белые лица за окнами. Сильные удары в дверь. Дребезжат стекла. Мастер оглядывается вокруг, смотрит на свои картины. Запах дыма. Запах горящей смолы. Они появились снизу. Они спускались сверху.

— Беги! Нет времени, чтобы пытаться хоть что-то спасти!

Оба мчатся вверх по лестнице, на крышу.

Черные фигуры, лица которых скрыты под капюшонами, швыряют горящие факелы в открытые двери. Внизу, в комнатах, бушует огонь, вырывается из окон, охватывает лестницу. Все картины в огне.

— На крышу, Арман! Скорее!

Существа в темных одеждах, очень похожие на них. И еще такие же, и еще... Мастер раскидывает их в стороны, прокладывая путь по лестнице наверх, они ударяются о стены и потолок, слышится хруст ломающихся костей.

— Отступник! Еретик! — ревут незнакомые голоса.

Чьи-то руки хватают и крепко держат Армана. Он видит Мастера на самом верху лестницы, тот обернулся и смотрит на него.

— Арман! Положись на свои силы! Скорее!

Но они толпой возникают за спиной Мастера, они окружают его. На место каждого, кого он сбрасывает вниз, встают еще трое. И вот уже не менее пятидесяти пылающих факелов сразу впиваются в красный бархат плаща и светлые волосы Мастера. Огонь с ревом взвивается к самому потолку и поглощает Мастера, превращая его в живой факел. Но и теперь пылающими руками он продолжает защищаться, отражает нападение, а они все швыряют и швыряют к его ногам горящие факелы.

Однако самого Армана потащили вниз по лестнице, прочь из охваченного пожаром дома, откуда доносились вопли смертных учеников Мастера. Потом с криками и воем его бросили в ужасный трюм корабля, который был еще страшнее, чем корабль работорговцев, и они поплыли прочь из Венеции, в открытое море, над которым раскинулся черный шатер ночного неба.

— Отступник! Отступник! — Горит погребальный костер, а вокруг него суетятся темные фигуры, и в небо летят крики: — В костер! В костер!

«Нет, пожалуйста, не делайте это со мной! Нет!»

Ошеломленно застыв, он наблюдал, как к костру тащат учеников Мастера, его смертных братьев, единственных братьев, и не мог удержаться от горестного вопля, когда увидел, как их одного за другим швыряют в огонь.

— Нет!.. Перестаньте! Они ни в чем не виноваты! Ради самого Господа остановитесь!..

Он, не переставая, кричал и плакал, но теперь пришла и его очередь. Он отчаянно сопротивлялся, а они подбрасывали его все выше и выше, и он вот-вот должен был упасть прямо в середину костра.

— Мастер! Помогите мне! Мастер!

Но все слова исчезли, и остался только протяжный горестный вопль.

Его избивают... он кричит... он сходит с ума...

И все же его вытащили оттуда. Вернули к жизни. Он остался лежать на земле, глядя в далекое небо. Ему казалось, что языки пламени лижут звезды, но он был далеко и даже не чувствовал жара. Он чувствовал запах обгоревшей одежды и опаленных волос. Лицо и руки нестерпимо болели, все тело кровоточило, он с трудом мог пошевелить губами...

— ...Все творения твоего господина уничтожены, все, что он из тщеславия и гордыни создал с помощью своего Темного Дара в мире смертных,— все образы ангелов и святых и портреты живущих ныне людей. Хочешь ли и ты быть уничтоженным? Или будешь служить сатане? Выбирай! Ты успел на себе испытать, что такое огонь, и костер по-прежнему ждет тебя, жаждет объять твое тело! Тебя ждет ад! Ты сделал свой выбор?

— Да...

— Служить сатане так, как это положено...

— Да!..

— Все в этом мире лишь суета и тщеславие... И ты никогда не воспользуешься своим Темным Даром, чтобы потешить гордыню смертных... не будешь рисовать... сочинять музыку... декламировать стихи ради развлечения смертных... отныне и навсегда будешь служить только сатане и пользоваться Темным Даром лишь затем, чтобы соблазнять, приводить в ужас и разрушать... только разрушать...

— Да!..

— Всего себя посвящу моему единственному господину — сатане, только ему одному, сатане, отныне и навсегда... служить моему истинному господину во тьме, терпеть боль и страдания, отдать ему свой разум и сердце...

— Да...

— Не иметь никаких тайн от братьев моих в сатане, поведать им обо всем, что мне известно об отступнике и его деяниях...

Тишина.

— Поведать все, что тебе известно об отступнике и его деяниях, дитя! Не забывай, костер ждет тебя!

— Я не понимаю, о чем вы...

— Те, Кого Следует Оберегать... Расскажи о них!

— Рассказать о чем? Я ничего не знаю. Я знаю только, что не хочу больше страдать. Мне очень страшно.

— Правду и только правду, Дитя Тьмы! Где они? Где сейчас Те, Кого Следует Оберегать?

— Я не знаю! Если это в ваших силах, вы можете сами прочесть все в моей голове! Мне нечего рассказать вам!

— Но кто они, поведай нам, кто они? Неужели он тебе ничего не говорил о них? Кто такие Те, Кого Следует Оберегать?

Так, значит, они тоже ничего не знают о них?! «Когда ты станешь настолько сильным, чтобы быть уверенным, что никто и никогда не заставит тебя открыть эту тайну, если ты сам того не пожелаешь». Мастер поступил очень мудро.

— Что означают эти слова? Кто они? Мы должны узнать ответ!

— Уверяю вас, мне это неизвестно! Клянусь вам собственным страхом, потому что, кроме него, у меня ничего больше нет! Я не знаю!

Одно за другим возникают перед ним белые лица. Холодные губы крепко прижимаются к нему в сладких поцелуях. Руки гладят его, и из запястий капает кровь. Они хотят через кровь узнать правду. Но какое это сейчас имеет значение? Кровь — всего лишь кровь.

— Отныне ты дитя дьявола!

— Да.

— Ты не должен оплакивать своего прежнего господина — Мариуса. Мариус сейчас в аду, и иного он не заслуживает. А теперь пей кровь, которая излечит тебя и возродит к новой жизни, а потом вставай и танцуй во славу твоего нового мастера — сатаны! И тогда ты станешь поистине бессмертным!

— Да.— Он поднял голову, и кровь обожгла ему язык, наполнила его мучительным томлением.— О, пожалуйста...

Вокруг него звучали непонятные латинские слова, слышался звон литавр. Они были удовлетворены. Они убедились, что он сказал правду. Они не станут его убивать, и восторг при этой мысли лишал Армана способности размышлять, заглушал боль.

— Вставай, новообращенный, и присоединяйся к сонму Детей Тьмы!

— Да, я повинуюсь.

К нему тянутся их белые руки. Трубы и лютни заглушают грохот литавр, звуки арф гипнотизируют. Он оказывается в центре движущегося круга. Головы всех закрыты капюшонами, черные лохмотья развеваются, когда его новые собратья высоко выбрасывают ноги и низко склоняют спины.

Потом они расцепляют руки и начинают кружиться на месте, высоко подпрыгивают в воздух и вновь кружатся и кружатся. Несмотря на то что губы их сомкнуты, он слышит пение, оно становится все громче и громче...

Кольцо вокруг него движется все быстрее, пение, скорее напоминающее однообразный вибрирующий звук, кажется, никогда не закончится, они не произносят ни слова, и в то же время создается впечатление, что они говорят что-то, высказывают свои мысли. Громкое пение похоже на стон, который вот-вот может превратиться в оглушительный крик.

Он вместе с ними поет песню без слов, крутится на одном месте, пока у него не начинает кружиться голова, потом выпрыгивает высоко вверх. Руки гладят его, губы целуют, они крутят его и передают друг другу по кругу, кто-то выкрикивает латинские слова, ему отвечает другой голос, следующий кричит еще громче, ему опять вторит кто-то...

Он летит, и его больше ничто не связывает ни с землей, ни с ужасными воспоминаниями о смерти Мастера и гибели его картин, гибели тех смертных, которых он любил. Его обдувает ветер, лицо обдает жаром. Но пение так прекрасно, и не важно, что он не в силах понять ни слова, что он не умеет молиться сатане, не знает, как следует в него веровать и как возносить ему молитвы. Никому ведь не известно, что он не знает этого, все поют единым хором, произносят какие-то заклинания, выкрикивают непонятные слова, кружатся, подпрыгивают, низко склоняются то вперед, то назад, запрокидывают головы, и в глазах их отражаются отблески обжигающего их пламени...

— Да! ДА!!! — кричит кто-то.

Музыка звучит все громче и громче. Бубны и литавры отбивают какой-то бешеный, дикий ритм, им вторят голоса, и все наконец сливается в едином неистовом и варварском мотиве.

Вампиры с воем вскидывают руки; мелькающие в отсветах костра, судорожно дергающиеся фигуры движутся вокруг него, глухо ударяя пятками о землю. Это было поистине празднество бесов в аду. Оно приводило его в ужас и одновременно неудержимо притягивало, приглашало принять участие. И когда их руки схватили и закружили его, он принялся скакать и топать вместе со всеми, охваченный болью, завертелся в едином безумном танце, извиваясь и громко крича.

К рассвету он пребывал в полнейшем исступлении, и обретенные им новые братья, поглаживая, целуя и лаская, повели его вниз по ступеням лестницы в самые недра земли.

В последующие месяцы Арман не раз предавался мечтам о том, что Мастер не погиб в огне.

Ему снилось, что Мастер пылающей кометой свалился с крыши в спасительные воды канала. Что он выжил, а потом далеко в горах Северной Италии залечил свои раны. Ему снилось, что Мастер зовет его к себе, что он пребывает в обители Тех, Кого Следует Оберегать.

Иногда в своих снах он видел Мастера таким же могучим и прекрасным, как и прежде, буквально окутанным красотой. А иногда видел его сгоревшим до черноты, искалеченным, съежившимся, с огромными желто-золотистыми глазами, по-прежнему сияющими, и густыми светлыми волосами. Он видел, как обессиленный, с изуродованным телом Мастер ползает по земле и зовет Армана, умоляет его о помощи. А из видневшейся позади обители Тех, Кого Следует Оберегать, доносится запах ладана, обещающий чудеса древней магии, появление невиданной холодной красоты, лежащей вне пределов понятий добра и зла.

Но все эти видения были лишь плодом его воображения. Разве не говорил ему Мастер, что огонь и солнечный свет способны полностью уничтожить их? А ведь он своими глазами видел, как пламя охватило Мастера с ног до головы. Верить в реальность этих снов все равно что мечтать о возвращении к смертной жизни.

Глядя широко раскрытыми глазами на луну и звезды, на спокойную гладь моря, он ни на что больше не надеялся, не испытывал ни радости, ни горя. Все это мог дать ему только Мастер, но Мастера больше не было рядом.

— Я теперь дитя дьявола,— твердил он сам себе.

Он утратил всю свою волю и все желания, и впереди его не ждало ничего, кроме Темного Братства и способности убивать — теперь уже не только злодеев, но и совершенно невинных людей. Убийство превыше всего!

В огромном помещении римских катакомб, которое занимало общество, он преклонил колени перед Сантино, предводителем, который с распростертыми объятиями встретил его у подножия лестницы. Великий предводитель принял посвящение Тьме еще во времена Черной смерти. Он рассказал Арману о видении, посетившем его в самом разгаре эпидемии чумы 1349 года, когда ему было сказано, что Темное Братство само по себе должно превратиться в Черную смерть, вызывать у людей необъяснимый ужас, тревожить их и заставлять сомневаться в возможности милосердного вмешательства Господа.

Рассказывая историю вампиров, Сантино привел Армана в святая святых их убежища, где повсюду лежали человеческие черепа.

— Подобно волкам, мы существовали всегда, с истоков бытия человечества. И высшего совершенства мы достигли здесь, в Риме, где наше общество стало мрачной тенью римской церкви.

Арман уже знаком с основными обрядами, ему известны все запреты, а теперь ему предстояло узнать Великие Законы.

Первый: каждое общество должно иметь своего предводителя, и только он имеет право совершать Обряд Тьмы над смертными. Он должен следить, чтобы все ритуалы исполнялись как положено.

Второй: никогда обладателем Темного Дара не может стать урод или калека, ребенок или тот, кто не в состоянии выжить самостоятельно даже с помощью Темных Сил. Тот, кто получает Темный Дар, непременно должен быть очень красив, дабы совершением Обряда Тьмы еще сильнее оскорбить Господа.

Третий: магический обряд не должен совершать никто из старых вампиров, дабы кровь новообращенного не обрела чрезмерную силу. Мастерство и мудрость вампиров со временем возрастают, и потому с кровью старых вампиров может быть передано слишком много могущества и знаний. Раны и ожоги, в случае если не приводят к немедленной смерти, после излечения делают Детей Сатаны еще сильнее. Однако сатана

охраняет своих последователей от чрезмерной власти стариков — все они без исключения рано или поздно сходят с ума.

В связи с этим Арман должен обратить внимание на то, что среди членов общества нет никого старше трехсотлетнего возраста. Никто из ныне живущих не помнит, каким было первое римское общество. Дьявол часто призывает к себе вампиров.

Арману необходимо также понять, что последствия Обряда Тьмы непредсказуемы, даже если его совершает очень молодой вампир и при этом тщательно соблюдает все необходимые ритуалы. По никому не известным причинам одни заново рожденные для Тьмы смертные становятся могущественными и сильными, как титаны, а другие больше напоминают ходячих покойников. Вот почему следует с особой тщательностью подходить к выбору смертных, здесь требуется великое мастерство. Чересчур страстные натуры с несгибаемой волей не подходят на роль будущих Детей Сатаны, равно как и те, которые напрочь лишены страстей.

Четвертый: никогда вампир не должен уничтожать другого вампира. Право распоряжаться их жизнью и смертью имеет только предводитель общества. В его власти также посылать слишком старых и лишившихся разума в огонь, если они не могут больше служить сатане как положено. Он обязан уничтожать и тех вампиров, которые были созданы не по правилам или неудачно. Обязан уничтожать тех, кто получил настолько серьезные раны, что не может выжить самостоятельно. И, наконец, обязан находить и уничтожать всех отступников и всех, кто осмелился нарушить законы.

Пятый: ни один вампир никогда не должен раскрывать перед смертным свою истинную сущность, а если это произойдет, он не может позволить смертному остаться в живых. Ни один вампир не имеет права рассказывать кому-либо из смертных историю вампиров, а если такое случится, смертный не должен оставаться в живых. Ни один вампир не имеет права записывать историю вампиров или доверять бумаге какие-либо истинные факты и знания, дабы это не мог прочесть кто-либо из смертных и поверить в то, что это действительно правда. Имена вампиров не могут быть открыты смертным, кроме как написанными на камнях гробниц. И никогда не должен

вампир открывать смертным место тайного убежища другого вампира.

Таковы Великие Законы, которые должны соблюдаться всеми вампирами без исключения. И только при этом условии может благополучно существовать Великое Общество Бессмертных.

И все же Арману следует знать и о том, что испокон веков существовали легенды о древних вампирах, обладающих невероятным могуществом и не признающих никаких авторитетов. Они не склонялись даже перед самим дьяволом. Эти вампиры жили тысячи лет. Иногда их так и называют — Дети Тысячелетий. На севере Европы рассказывают легенды о Маэле, который обитает в густых лесах Англии и Шотландии, а в Малой Азии — легенды о Пандоре. Ходят слухи, что в Египте до сих пор иногда встречают героя древних легенд — вампира Рамзеса.

Во всех частях света можно услышать такие легенды. И вполне возможно принять их за абсолютную выдумку, если бы не одно обстоятельство. Древний еретик Мариус был найден Детьми Тьмы в Венеции и понес заслуженное наказание. Легенда о Мариусе оказалась правдивой. Но Мариуса больше нет.

Арман ничего не ответил. Он не стал рассказывать Сантино о своих снах. Да и, по правде говоря, воспоминания об этих снах потускнели в его душе, так же как и краски на картинах Мариуса. Арман больше не хранил их ни в уме, ни в сердце, дабы никто не смог обнаружить их, если бы захотел туда заглянуть.

Когда Сантино заговорил о Тех, Кого Следует Оберегать, Арман снова поклялся, что не знает даже значения этих слов. Не знали его ни Сантино, ни кто-либо еще из известных Сантино вампиров.

Тайна умерла. Умерла вместе с Мариусом. А потому следует придать забвению эту древнюю и никому теперь не нужную загадку. Сатана — единственный наш Господин и Учитель. Только поклоняясь сатане, мы все поймем и все узнаем.

Арман завоевал расположение Сантино. Он выучил все законы, в совершенстве освоил ритуальные песнопения, обряды и молитвы. Он стал свидетелем грандиознейших шабашей. Он учился у наиболее могущественных, искусных и прекрасных вампиров, каких только ему приходилось встречать. Он сам стал таким знающим и умелым, что получил должность мисси-

онера, призванного собирать в общины разбросанных по всему миру странствующих Детей Тьмы. Ему доверяли руководить во время шабашей и следить за правильностью исполнения Обрядов Тьмы, когда в них появлялась необходимость.

В Испании, Германии и во Франции он обучал других вампиров Темным Молитвам и Ритуалам Тьмы, он познал степень их жестокости и степень их стойкости и способности к выживанию. В обществе вампиров, в те минуты, когда он сидел в их окружении и чувствовал, что его собственная сила помогает им объединиться и найти покой, он ощущал, как в душе его бушует мрачное пламя.

В искусстве убивать ему не было равных среди Детей Тьмы. Он научился находить и приманивать к себе тех, кто действительно хотел умереть. Ему достаточно было приблизиться к человеческому жилищу и послать мысленный призыв, и жертва тут же оказывалась перед ним.

Молодые и старые, больные и калеки, негодяи и добропорядочные горожане, красивые и уроды — жертвами его становились все. Он убивал всех без разбора. При необходимости мысленно посылал им туманные видения, но никогда не приближался к ним сам и не заключал их в объятия. Напротив, влекомые необъяснимой, но безудержной силой, они бросались обнимать его. И только в те минуты, когда он ощущал прикосновение теплой человеческой плоти, когда приоткрывал губы и чувствовал пульсацию льющейся крови, он переставал страдать от горя и забывал о своих несчастьях.

В такие лучшие для него моменты ему казалось, что он идет путем чистой одухотворенности, что он свободен от всех пороков и соблазнов мира, за исключением чувственного восторга, который испытывает в минуты убийства.

В этом акте духовность соединялась с чувственностью, и, по его мнению, духовность побеждала. Для него это было нечто вроде Святого причастия, вкушения крови Детей Христа, служащего постижению сущности самой жизни в те краткие доли секунды, которые несут в себе смерть. И в эти минуты духовно равными ему были только христианские святые.

Но ему приходилось видеть, как уходят его величайшие спутники, как уничтожают себя, лишаются ума. Он был свидетелем неизбежного распада обществ, наблюдал, как бессмер-

тие разрушает наиболее выдающихся Детей Тьмы. Иногда вдруг попадал во власть суеверного страха, и ему казалось, что его наказание состоит именно в том, что бессмертие никогда не разрушит его самого.

Быть может, ему суждено стать одним из древнейших вампиров — Детей Тысячелетий? Можно ли верить в правдивость существующих и поныне легенд?

Время от времени какой-нибудь странствующий вампир рассказывал о том, что легендарную Пандору видели в далеком городе под названием Москва или что Маэл по-прежнему обитает на туманных берегах Альбиона. Странники упоминали даже о Мариусе — о том, что его видели в Египте или в Греции. Правда, ни один из них не мог похвастать тем, что видел коголибо из древних своими глазами. На самом деле они ничего толком не знали. Это были не более чем давно всем известные сказки.

Они не доставляли удовольствия, но и нельзя сказать, чтобы расстраивали преданного служителя сатаны. Он продолжал ревностно исполнять все законы и обряды Пути Тьмы.

Но в течение долгих веков полного повиновения Арман глубоко в душе хранил две тайны. Они принадлежали только ему, и никому другому, они были его собственностью даже в большей степени, чем тот гроб, в котором он скрывался от света дня, и те несколько амулетов, которые носил на себе.

Первая состояла в том, что, несмотря на вечное мучительное одиночество и долгие поиски среди братьев и сестер тех, от общения с которыми он получал удовольствие, сам он никогда не совершал Обряд Тьмы. Такого подарка сатана не видел от него никогда, и он не хотел становиться творцом Детей Тьмы.

Вторая тайна, которую он никогда не открывал своим подданным ради их же спокойствия, заключалась во все возрастающей степени его отчаяния, в том, что он давно уже утратил всякую надежду.

Он давно ничего не жаждал, никого и ничего не любил, ни во что не верил и не испытывал ни малейшего удовольствия от своего с каждым часом возрастающего и внушающего всем благоговейный ужас могущества. Он существовал в абсолютной пустоте, за исключением наступающих каждую ночь его вечной жизни моментов убийства. Эту тайну он будет хранить до

тех пор, пока вампиры будут в нем нуждаться и пока он будет оставаться предводителем их общества, потому что страх, который испытывает он, способен привести их в ужас.

И вот теперь со всем этим покончено. Великий круг замкнулся. Он давно чувствовал, что круг сужается, хотя и не отдавал себе в этом отчета.

Нарядно одетые путешественники принесли ему вести из Рима, причем вести эти были отнюдь не новы и известны многим, кроме него. Они рассказали, что Сантино покинул своих подданных. Некоторые говорили, что он лишился рассудка и скрылся где-то в сельской местности, другие — что он шагнул в костер, третьи утверждали, что его поглотил «мир», что он был похищен и неизвестно куда увезен смертными в большой черной карете.

— Мы либо идем в огонь, либо становимся легендой,— сказал ему тогда тот, кто принес эту весть.

Потом до Армана доходили слухи о царящем в Риме хаосе, о множестве претендентов на главенство в обществе, которые, надев черные капюшоны, вступали в борьбу между собой. И вдруг все словно куда-то исчезли.

С 1700 года он не получал из Италии ни одного известия. Около полувека Арман не находил в себе сил и не видел достаточной стойкости духа в тех, кто его окружал, чтобы устроить настоящий шабаш. И все это время он не переставая думал о старом Мастере, видел во сне Мариуса, одетого в нарядный костюм из красного бархата, вспоминал полный его прекрасных картин дворец в Венеции — и ему становилось страшно.

Потом появился новый вампир. Взволнованные подданные примчались в подземелье под кладбищем Невинных мучеников, чтобы рассказать ему о новом вампире, который носит подбитый мехом плащ из красного бархата, безбоязненно входит в храмы, убивает тех, на ком есть распятие, и посещает места света. Красный бархат!.. Он понимал, что это всего лишь совпадение, и тем не менее едва не лишился рассудка. Ему казалось, что это нанесенное лично ему оскорбление, и мысли об этом вампире причиняли Арману невыносимую боль.

Потом появилась женщина. Созданная новым вампиром красавица с волосами, напоминающими львиную гриву, и такая же сильная, как ее сын.

Вот тогда он и вышел из подземного склепа во главе членов общества вампиров, чтобы уничтожить нас так же, как когда-то, много веков назад, в Венеции существа в черных капюшонах уничтожили Мастера и разрушили его жизнь.

Но он потерпел поражение. Он надел на себя украшенную кружевами и расшитую золотом одежду. Его карманы были набиты монетами. Разум наполнился образами и картинами из тысяч прочитанных книг. Он был до глубины души потрясен тем, что ему пришлось увидеть в местах света, в огромном городе, который называется Париж, и в ушах его вновь звучали слова, которые когда-то шептал ему Мастер: «Ты больше никогда не увидишь иного солнца, кроме этого. Но миллионы ночей станут твоими, и ты узришь свет, который недоступен никому из смертных. Словно Прометей, ты украдешь его у далеких звезд — вечный и бесконечный свет, который поможет тебе постичь все тайны мира».

— Я так и не сумел постичь обещанное,— сказал Арман.— Земля словно отказалась от меня. А вы, Лестат и Габриэль, напоминаете мне те образы, которые лазурью, кармином и золотом рисовал мой старый Мастер.

Он продолжал неподвижно стоять в проеме двери, обхватив себя руками и глядя прямо на нас. И я услышал безмолвно обращенный к нам вопрос:

«Что можете вы узнать от меня? Что я могу вам дать? Все мы изгнанники Бога. И передо мной не простирается Путь Дьявола, и не звучат в моих ушах колокола ада!»

4

Прошел час. Быть может, больше. Все это время Арман продолжал сидеть возле камина. С лица его давно исчезли следы нашей драки. В своей неподвижности он казался хрупким, как пустая скорлупа.

Сидящая чуть наискось против него Габриэль тоже не сводила глаз с огня. Она не проронила ни слова, и ее задумчивое лицо выглядело изможденным и усталым. Я не мог понять, о чем она думает, и это причиняло мне боль.

А сам я думал о Мариусе. Мариус... Мариус... вампир, рисовавший картины в мире живых и отражавший в них жизнь этого мира. Триптихи, портреты, фрески на стенах его дворца...

И никто в этом реальном мире никогда и ни в чем не заподозрил его, на него не устраивали охоту и его не изгоняли из общества. Но свора демонов в черных капюшонах пришла, чтобы сжечь его картины. Те, кто, так же как и он, были наделены Темным Даром. Интересно, называл ли сам он этот дар Темным? Они пришли и заявили, что он не имеет права жить и творить среди смертных.

Перед моими глазами возникла маленькая сцена театра Рено, и я увидел, как стою и пою на этой сцене, а потом пение перерастает в оглушительный рев. Никола назвал мое пение «великолепным». А я ответил ему, что все это ничтожно и не более чем пустяк. И этим своим ответом словно влепил ему пощечину. В своем воображении я услышал то, что он тогда не произнес: «Позволь мне получить то, во что я могу верить. Сам ты не сделаешь это никогда».

Триптихи Мариуса украшают соборы и монастырские часовни, дома богатых людей в Венеции и Падуе. Вампиры никогда бы не осмелились войти в эти святые места, чтобы сорвать их со стен. А потому они должны висеть там и поныне. Они существуют где-то, и, возможно, на них даже стоит его подпись. Изображения выписаны до мельчайших деталей — это поистине шедевры, созданные вампиром, окружавшим себя смертными учениками и осмелившимся иметь юного любовника, кровь которого он, быть может, понемногу пил, прежде чем в одиночестве отправиться на охоту.

Я вспомнил ночь в деревенском кабачке, когда мне вдруг открылась вся бессмысленность жизни, и беспредельное отчаяние, пронизывавшее весь рассказ Армана о его жизни, показалось мне бездонным океаном, в котором я мог утонуть. Это было намного страшнее, чем рухнувшие опоры разума Ники. Три века абсолютной тьмы и безнадежной пустоты...

Если этот сидящий у камина прелестный ребенок с золотисто-каштановыми волосами заговорит вновь, из уст его может политься чернильная чернота, способная затопить весь мир.

Да, именно так и могло бы случиться, если бы не тот, кто сыграл решающую роль в его судьбе, венецианский художник, еретик, осмелившийся придать великое значение тому, что он изображал на своих картинах,— а в его намерениях я не со-

мневался,— которого существа нам подобные, избранники сатаны, превратили в пылающий живой факел.

Видела ли Габриэль во время рассказа Армана эти картины так же отчетливо, как видел их я? Стояли ли они перед ее глазами так же, как и перед моими?

Мариус каким-то образом проник в мою душу и отныне останется там навсегда, равно как и демоны в черных капюшонах, которые превратили великие картины в ничто.

Чувствуя в груди тупую боль, я размышлял над тем, что рассказывали странствующие вампиры: что Мариус жив и что его видели в Египте и Греции.

Мне очень хотелось спросить у Армана, возможно ли, что это было правдой... Но мне показалось, что такой вопрос будет бестактным с моей стороны.

— Старая легенда...— прошептал он словно про себя и медленно, не отрывая взгляда от огня, продолжил: — Легенда, пришедшая из древности задолго до того, как они разрушили нашу жизнь.

— А если это не так? — отозвался я, в то время как перед моими глазами проходили видения: я вновь видел множество картин на стенах.— Быть может, Мариус жив.

— Мы можем казаться как чудом, так и ужасом,— тихо промолвил он,— это зависит от того, как нас хотят воспринимать. И когда о нас узнают впервые — будь тому причиной темная кровь, наши обещания или наш приход,— становится возможным все. Но на самом деле это не так. Очень скоро реальный мир сводит чудо на нет, и на другое чудо уже не остается надежды. Я хочу сказать, ты начинаешь привыкать к новым ограничениям и уже эти ограничения определяют в дальнейшем все. Вот почему говорят, что Мариус продолжает жить. Все вампиры продолжают где-то существовать — вот во что тебе хочется верить.

В римском обществе не осталось никого из тех, с кем я проводил ночи в давние времена. Вполне возможно, что нет больше и самого общества. С тех пор как до нас доходили хоть какие-то вести оттуда, прошло много лет. Но ведь они по-прежнему где-то существуют, не так ли? В конце концов, мы не можем умереть. Впрочем, теперь все это уже не важно,— со вздохом закончил он.

Намного важнее и гораздо ужаснее было нечто другое, что повергло Армана в глубочайшую бездну отчаяния. И это нечто привело к тому, что, несмотря на жесточайшую жажду, потерю большого количества крови во время нашей с ним драки, несмотря на то что все его тело горело в процессе залечивания нанесенных ему ран, он не испытывал никакого желания выйти наверх и отправиться на охоту. Он предпочитал страдать от жажды и сжигающего тело жара. Он предпочитал быть в нашем обществе.

Хотя он уже предвидел наш ответ и знал, что не сможет и дальше оставаться с нами.

Нам с Габриэль не нужно было ничего говорить, чтобы он понял это. Нам не было необходимости даже мысленно возвращаться к решению этого вопроса. Он знал это так же, как предвидит будущее Господь Бог, потому что сам является его творцом и держит будущее в своих руках.

Невыносимая, мучительная боль! Я заметил, что лицо Габриэль тоже выражает глубочайшую печаль.

— Ты знаешь, я всей душой хочу, чтобы ты отправился вместе с нами,— заговорил я, удивляясь силе собственных чувств.— Но это будет поистине катастрофой для всех нас.

Он никак не отреагировал. Он это знал. Габриэль тоже молчала.

— Я не могу не думать о Мариусе,— признался я.

— Знаю. Но ты почему-то совершенно не думаешь о Тех, Кого Следует Оберегать, и мне это кажется очень странным.

— Это не более чем еще одна легенда из тысяч ей подобных,— ответил я.— Я думаю о Мариусе. Я всегда становлюсь рабом своих привязанностей и навязчивых идей. Это ужасно, что меня так притягивает к себе личность Мариуса, ужасно, что меня так заинтересовал только он один.

— Не важно. Если тебе хочется, думай о нем: «Я отдаю, но это не означает, что сам я теряю».

— Если кто-то так откровенно высказывает собственную боль, следует с уважением отнестись ко всем участникам трагедии. Необходимо постараться понять. Но такие отчаяние и беспомощность находятся за пределами моего понимания. Вот почему я думаю о Мариусе. Его я понимаю. А тебя — нет.

— Почему?

Я молчал. Но разве он не заслужил того, чтобы знать правду?

— Я всегда был бунтарем по натуре,— сказал я.— А ты всегда становился рабом обстоятельств.

— Я был предводителем своего общества!

— Нет, ты был сначала рабом Мариуса, а потом рабом Детей Тьмы. Ты попал под обаяние одного и долго жил под влиянием других. И сейчас ты страдаешь прежде всего от отсутствия чьего бы то ни было влияния. Я содрогаюсь при мысли о том, что ты заставил меня на какое-то время стать совсем не таким, каков я есть на самом деле, чтобы понять все это.

— Ничего страшного,— ответил он, по-прежнему глядя в огонь.— Ты придаешь всему слишком большое значение. Своим рассказом я вовсе не пытался что-либо тебе объяснить. И я не нуждаюсь в том, чтобы ты в мыслях своих или на словах демонстрировал уважение ко мне, понимание или благодарность. Все мы знаем, что ответ, который ты мне дал, слишком важен, чтобы придавать значение той форме, в которой он выражен, и нам троим известно, что решение окончательно. Одного я никак не могу осмыслить: почему? Неужели я настолько отличаюсь от вас, что меня совершенно невозможно понять? Почему я не могу поехать вместе с вами? Если вы возьмете меня с собой, я сделаю все, что вы захотите. Я буду подчиняться вам во всем.

И вновь я вспомнил о Мариусе и его баночках с темперой на яичном желтке.

— Как мог ты поверить хотя бы единому их слову, после того как они сожгли картины? — спросил я.— Как мог ты отдать себя в их руки?

Я почувствовал его возбуждение и поднимающийся гнев.

Выражение лица Габриэль призывало меня к осторожности, но я не увидел в нем страха.

— А ты? Во что верил ты, когда стоял на сцене театра и смотрел, как публика с воплями пытается выбраться из зала? Именно так рассказывали мне мои подданные: вампир, приводящий в неописуемый ужас зрителей, которые кричат и выбегают на бульвар Тамплиеров. Ты верил в то, что уже не принадлежишь к породе смертных. Знал, что ты больше не один из них. И для этого тебе не потребовалось вмешательство банды

демонов в черных капюшонах. Ты знал это и без них. Точно так же не был смертным и Мариус. И я тоже.

— Ну, это совсем другое дело.

— Нет, не другое. Именно поэтому ты презираешь актеров Театра вампиров, которые в эти самые минуты разыгрывают свои маленькие драмы, чтобы вытрясти из карманов прогуливающейся по бульварам публики золотые монеты. Ты не хочешь обманывать и вводить в заблуждение, как это делал Мариус. И это еще в большей степени отдаляет тебя от людей. Ты хочешь прикидываться смертным, но необходимость обмана сердит тебя и заставляет убивать.

— В те минуты на сцене,— возразил ему я,— я выражал свою истинную сущность. Я не обманывал, а поступал как раз наоборот. Мне хотелось каким-то образом продемонстрировать чудовищность собственной натуры в надежде, что это поможет мне вновь вернуться к моим смертным собратьям. Пусть лучше они в страхе убегут, чем не заметят моего существования, думал я тогда. Пусть лучше знают, что я монстр, чем я вечно буду скитаться по миру, никому не известный и не признанный теми, на кого готов был молиться.

— Но из этого ничего хорошего не вышло.

— Не вышло. То, что делал Мариус, гораздо лучше. Он никого не обманывал.

— Конечно же обманывал. Он одурачил всех!

— Ничего подобного! Он просто нашел способ, позволяющий делать вид, что он живет как обычный смертный. Способ жить вместе со смертными. Он убивал только злодеев и рисовал, как делают это смертные. Когда ты рассказывал о нем, ты заставил меня видеть перед собой ангелов, голубое небо и облака. Он создавал то, что несло в себе доброе начало. И я вижу в нем только мудрость и полное отсутствие тщеславия. Ему не было нужды раскрывать свою истинную сущность. Он прожил тысячу лет и все это время больше верил небесным видениям, которые изображал на своих картинах, чем себе самому.

Арман явно смутился.

— Кого сейчас интересуют дьяволы, рисовавшие ангелов?

— Это всего лишь метафоры,— ответил я.— И на самом деле все это имеет значение! Если ты хочешь возродиться и вновь увидеть перед собой Путь Дьявола, это имеет значение! Суще-

ствует множество способов нашего существования. Если бы я только мог имитировать жизнь, найти путь...

— То, что ты говоришь, мне непонятно и мало меня интересует. Бог давно от нас отказался.

Габриэль бросила на него быстрый взгляд.

— Ты веришь в Бога? — спросила она.

— Да, я всегда верил только в Бога. Это сатана, наш господин, не больше чем выдумка. И выдуманный господин предал меня.

— Тогда ты действительно проклят! — воскликнул я.— Ибо тебе прекрасно известно, что твое вступление в братство Детей Тьмы было бегством от греха, который на самом деле грехом не был.

Арман вскипел от гнева.

— Ты отчаянно жаждешь того, что никогда не можешь иметь,— возразил он, и голос его неожиданно зазвенел.— Ты смог провести Габриэль и Никола через барьеры, отделявшие их от тебя, но сам никогда не вернешься обратно.

— Почему же ты не в состоянии сделать выводы из собственного рассказа? — спросил я.— Или ты не в силах простить Мариуса за то, что он не предупредил тебя об их существовании и позволил тебе попасть в их руки? И теперь не желаешь принять от Мариуса ничего, даже намека на то, как тебе жить дальше? Я, конечно, не Мариус, но хочу сказать вот что: с того момента как я ступил на Путь Дьявола, я слышал только лишь об одном вампире старше меня по возрасту, который мог бы меня чему-то научить. И этот вампир — Мариус, твой Мастер из Венеции. И сейчас он разговаривает со мной. Он учит меня бессмертию.

— Ты смеешься надо мной!

— Нет, это не насмешка. А твое сердце разрывается при мысли о том, чего у тебя уже не будет — нового объекта для поклонения, другого источника воздействия и влияния на тебя.

Ответом мне было молчание.

— Мы не можем стать для тебя еще одним Мариусом,— снова заговорил я,— или мрачным господином Сантино. Мы не художники, наделенные способностью широкого видения мира, чтобы вести тебя вперед. И не злобные предводители общества, уверенные в своем праве обрекать на гибель тысячи себе

подобных. А именно такая власть, великое господство и уверенность в своем праве наставлять других нужны тебе сейчас.

Я невольно вскочил на ноги, подошел поближе к камину и посмотрел на Армана сверху вниз.

Краешком глаза я увидел, что Габриэль едва заметно кивнула мне в знак одобрения и на секунду прикрыла глаза, словно позволив себе наконец вздохнуть с облегчением.

Арман сидел совершенно неподвижно.

— Ты должен пройти через эту пустоту и отыскать то, что заставит тебя продолжать жить. Если же ты пойдешь с нами, то мы помешаем тебе сделать это, а ты погубишь нас.

— Но как же мне пережить все это? — Он поднял на меня полные страдания глаза, и брови его в мучительном раздумье сошлись на переносице.— С чего начать? Вы ходите по земле словно посланники самого Бога! Но для меня реальный мир, мир, в котором жил Мариус, недосягаем. Я никогда в нем не жил. Я бьюсь о стекло, не зная, как проникнуть на другую сторону.

— В этом я не могу тебе помочь.

— Тебе необходимо узнать нынешний век,— вмешалась Габриэль.

Слова ее, сказанные очень спокойным тоном, тем не менее прозвучали как приказание.

Он оберпулся в ее сторону.

— Тебе нужно понять, в какое время мы живем,— продолжала она.— С помощью литературы, музыки, искусства вообще. Ты сам сказал, что вышел из-под земли. Так научись теперь жить на ней.

Он молчал. В моем сознании вспыхнули вдруг видения: квартира Ники, в которой все перевернуто вверх дном, кучами сваленная на полу мировая цивилизация.

— А есть ли для этого лучшее место, чем бульвар и театр на нем, которые поистине являются центром жизни и отражением всего, что происходит на свете? — спросила Габриэль.

Он хмуро покачал головой, отказываясь от ее предложения. Но она настойчиво продолжала:

— Ты обладаешь даром предводителя общества, и твои подданные все еще там.

Он издал не то вздох, не то вскрик отчаяния.

— Никола не имеет никакого опыта,— настаивала Габриэль,— он может многое рассказать им о жизни за пределами театра, но не может по-настоящему управлять. Эта женщина, Элени, очень умна, но она с удовольствием уступит тебе место.

— Что для меня в их играх? — прошептал он.

— Это способ существования,— ответила Габриэль.— И это все, что для тебя сейчас важно и нужно тебе.

— Театр вампиров! Я скорее предпочту огонь!

— Подумай хорошенько. Ты не станешь отрицать, что в этом есть своя прелесть и даже совершенство. Все мы не более чем иллюзорные образы тех, кого называют смертными, а театр — иллюзорное воспроизведение того, что называют реальной жизнью.

— Это так отвратительно для меня,— ответил он.— Лестат совершенно справедливо назвал сие пустячной мелочью. Так, кажется?

— Это касалось только Никола, потому что Никола выдумал какую-то поистине фантастическую философию,— покачала головой она.— А ты не должен ничего изобретать, ты просто должен жить так, как жил, когда был учеником Мариуса. Живи и познавай этот век. К тому же Лестат не верит в то, что зло имеет свою цену. А ты веришь. Я знаю, что веришь.

— Я сам есть зло,— с неким подобием улыбки ответил Арман, и мне показалось, что он готов расхохотаться.— Так что это не вопрос веры или неверия. Но неужели ты думаешь, что после трехвекового следования по пути, освященному духовностью, я смогу свернуть на дорогу сластолюбия и разврата. Мы были святыми проповедниками зла! И я не хочу становиться обыкновенным злом!

— Так сделай его необыкновенным! — Габриэль уже проявляла явное нетерпение.— Если ты — зло, то скажи мне, как сластолюбие и разврат могут быть твоими врагами? Разве не подстерегают на каждом шагу человечество искушения мирские, плотские и сатанинские?

Он покачал головой, словно желая сказать, что его это мало волнует.

— Тебя больше волнует духовность, чем зло? — спросил я, пристально глядя ему в глаза.

— Да,— не задумываясь ответил он.

— Но разве ты не знаешь, что духовным и возвышенным может быть даже цвет вина в бокале? — продолжал я.— Выражение лица, звуки скрипки... С таким же успехом духовным может быть и парижский театр. Ведь все в нем создается теми, кто обладает духовностью и через нее воспринимает видения и образы, которые затем воспроизводит на сцене.

Что-то в нем дрогнуло, но он тут же взял себя в руки.

— Силой своей чувственности ты должен обольщать, соблазнять публику,— вновь заговорила Габриэль.— Во имя Бога и во имя дьявола пользуйся всеми возможностями театра так, как сочтешь нужным.

— Разве не были духовными творения твоего Мастера? — спросил я. При мысли о нем и его картинах по телу моему разлилось тепло.— Мог ли кто-либо, глядя на великие произведения того времени, сказать, что они лишены духовности?

— Я и сам задавал себе этот вопрос,— отозвался Арман,— множество раз. Чего в них было больше — духовного или плотского? Становился ли ангел, изображенный на картине, чем-то материальным, или, напротив, трансформировалась материя?

— Независимо от того, что с тобой сделали впоследствии, ты никогда не сомневался в величайшей ценности его работ,— сказал я.— Я уверен в этом. Материальное и в самом деле трансформировалось. Его материальные творения переставали быть просто живописью, они становились магией, точно так же как во время убийства кровь перестает быть просто кровью и становится самой жизнью.

Взгляд его затуманился, но я не уловил каких-либо исходящих от него образов. Какой бы дорогой ни возвращался он в прошлое, он шел по этому пути в полном одиночестве.

— В театре, как и в живописи,— говорила Габриэль,— духовное и плотское существуют рядом. Все мы по натуре склонные к чувствительности демоны. Вот что следует тебе понять и что послужит тебе ключом к дальнейшей жизни.

Он на мгновение прикрыл глаза, словно желая скрыть от нас свои чувства.

— Иди к ним и вслушайся в музыку, которую исполняет Ники,— убеждала Габриэль.— Твори вместе с ними в Театре вампиров. Ты должен уйти от того, что разрушало тебя, к тому,

что заставит тебя испытывать удовлетворение. В противном случае у тебя не останется никакой надежды.

Не знаю, стоило ли ей говорить с ним так резко и откровенно.

Однако он вдруг кивнул головой, и губы его сжались в горькой усмешке.

— Важно только понять вот что,— тихо продолжала она,— ты всегда бросаешься в крайности.

Он смотрел на нее непонимающим взглядом. Возможно, до него просто не доходил смысл ее последних слов. Мне же показалось, что она чересчур жестоко поступает с ним, говоря столь горькую правду. Он, однако, ничего не возразил. Лишь его лицо стало вдруг задумчивым и гладким, как у ребенка.

Он долго сидел, молча глядя на огонь, потом заговорил снова:

— Но зачем вам вообще уезжать? У вас теперь не осталось здесь врагов. Никто не собирается воевать с вами и изгонять вас отсюда. Почему вы не можете управлять этим маленьким обществом вместе со мной?

Означали ли его слова, что он согласен присоединиться к остальным и стать членом маленькой труппы театра на бульваре?

Он больше не спорил со мной. Только спрашивал, почему я не могу создать эту... как я назвал ее?.. имитацию жизни там же, на бульваре, если уж мне это так необходимо.

Однако, задавая этот вопрос, он едва ли рассчитывал получить мое согласие. Он отлично знал, что я не в состоянии видеть этот театр, не в силах видеть Никола. Даже сама идея исходила не от меня, предложение было сделано ему Габриэль. Он понимал и то, что настаивать и уговаривать нас уже поздно и бесполезно.

— Мы не можем жить среди нам подобных, Арман,— в конце концов ответила за меня Габриэль.

Это был наиболее правдивый и точный ответ, подумал я, удивляясь тому, что сам не осмелился высказать его вслух.

— Путь Дьявола — вот что нам нужно,— сказала Габриэль.— И нам вполне достаточно друг друга. Возможно, когда-нибудь, через много-много лет, после того как мы побываем во множестве мест и увидим тысячи вещей, мы возвратимся сюда.

И тогда соберемся вместе и побеседуем так же, как этой ночью.

Казалось, он отнесся к ее словам довольно спокойно, однако узнать, о чем он думает, было теперь невозможно.

Мы долго сидели молча. Не знаю, сколько времени мы провели в полной тишине.

Я старался не думать больше ни о Мариусе, ни о Ники. У меня уже не было ощущения грозящей мне опасности, но я испытывал страх перед близкой разлукой, которая, я был уверен, будет горькой и печальной. К тому же меня мучила вина за то, что, получив в подарок от этого юноши удивительную повесть его жизни, я слишком мало смог дать ему взамен.

Тягостное молчание прервала наконец Габриэль. Она поднялась со своего места и подошла к скамье, на которой он сидел.

— Арман, мы уезжаем. Если это будет зависеть от меня, то уже завтра к полуночи мы будем очень далеко от Парижа.

Он смотрел на нее спокойно и обреченно. Понять, какое решение он в конце концов принял, было невозможно.

— Даже если ты не захочешь присоединиться к остальным в театре, прими от нас хотя бы то немногое, что мы в состоянии тебе дать. У моего сына достаточно денег, чтобы облегчить тебе вступление в этот совершенно новый для тебя мир.

— Ты можешь жить в башне, сделать ее своим убежищем,— добавил я.— Пользуйся ею столько, сколько сам захочешь. Магнус считал, что это вполне безопасное место.

После минутного размышления он кивнул с угрюмой вежливостью, но не произнес ни слова.

— Позволь Лестату дать тебе достаточно золота, чтобы ты мог жить как настоящий джентльмен,— продолжала Габриэль.— Все, что мы попросим у тебя взамен, это оставить в покое бывших членов твоего общества, если ты не захочешь вновь стать их предводителем.

Он вновь пристально посмотрел на огонь, и его спокойное лицо стало невероятно красивым. Потом молча кивнул. Но этот жест означал лишь то, что он слышал обращенные к нему слова, но отнюдь не значил обещание чего-либо.

— Если ты не пойдешь к ним,— медленно заговорил я,— то, по крайней мере, не причиняй им вреда. Не причиняй вреда Никола.

После этих слов выражение его лица слегка изменилось. Мне показалось, что на губах его промелькнула слабая улыбка. В обращенных ко мне глазах я прочел презрение.

Я отвернулся, но этот взгляд нанес мне сокрушительный удар.

— Я не хочу, чтобы ему причиняли боль,— повторил я напряженным шепотом.

— Неправда. Ты хочешь, чтобы его уничтожили,— так же шепотом ответил он.— Чтобы тебе больше не пришлось ни бояться, ни страдать из-за него.

Презрение на его лице было теперь совершенно очевидным.

— Арман,— вмешалась в разговор Габриэль,— он не представляет никакой опасности. Эта женщина вполне сможет держать его в руках. Но он может научить всех вас очень многому, что касается нынешних времен, если, конечно, вы прислушаетесь к тому, что он будет говорить.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Лицо Армана вновь стало нежным и красивым.

И вдруг он с необычайной галантностью взял руку Габриэль и крепко сжал ее. Оба они встали, он отпустил ее руку, отступил на шаг и расправил плечи. Потом посмотрел на нас обоих.

— Я пойду к ним,— голос его звучал мягко.— И возьму то золото, которое вы мне предлагаете. Я найду себе убежище в этой башне. Я научусь всему, что сможет мне дать ваш обожаемый птенчик. Но я поступаю так только потому, что все это плавает на поверхности огромной бездны, в которую я погружаюсь. Однако я не утону, а сначала пойму и постигну все до конца. Я не оставлю вам в распоряжение вечность без... без последней битвы.

Я пристально всматривался в него, но не смог уловить ни одной мысли, способной прояснить смысл этих слов.

— Возможно, что по прошествии многих лет ко мне вновь вернутся желания, аппетит и даже страсть. Быть может, когда мы встретимся в другом веке, эти понятия перестанут быть для меня абстрактными. Я стану таким же бодрым, как вы, вместо того чтобы быть слабым отражением вашей энергии. И тогда мы обсудим все проблемы бессмертия и великой мудрости. Тогда поговорим о покорности и мщении. А сейчас достаточно того, что я признаюсь в своем желании встретиться с вами сно-

ва. Я искренне хочу, чтобы в будущем пути наши непременно пересеклись. И только по этой причине я сделаю то, о чем вы меня просите, но чего на самом деле не хотите: я пощажу вашего злосчастного Никола.

У меня вырвался громкий вздох облегчения. Однако меня тревожил новый тон его слов — они звучали очень мощно и уверенно. Со мной говорил сейчас новый вождь общества, несомненно обладающий могуществом и силой воли. Не оставалось никаких сомнений в том, что он способен выжить в любых обстоятельствах, как бы ни рыдала, ни разрывалась от горя его осиротевшая душа.

И вдруг на лице его стала медленно появляться такая восхитительная и одновременно печальная улыбка, что оно сделалось поистине прекрасным. Он вновь превратился в святого с полотен да Винчи, точнее, в маленького бога кисти Караваджо. На мгновение мне показалось, что он вообще не способен причинить кому-либо вред и не может представлять ни для кого опасность. Он был сияющим воплощением всей доброты и мудрости мира.

— Помни мои предостережения,— сказал он,— и забудь о моих проклятиях.

Мы с Габриэль кивнули одновременно.

— А если я буду вам нужен,— продолжал Арман,— вы всегда найдете меня здесь.

И тут Габриэль сделала поистине удивительную вещь: она обняла и поцеловала его. Я последовал ее примеру.

Он был таким нежным и трогательным в наших объятиях... Мысленно он дал нам понять, что уходит к своему обществу и что завтра вечером мы сможем найти его там.

В следующее мгновение он исчез. Мы с Габриэль снова остались одни, словно его никогда и не было рядом с нами. В башне стояла абсолютная тишина. Слышался только шум ветра в лесу за ее стенами.

Я поднялся наверх, подошел к распахнутым настежь воротам и долго смотрел на простирающиеся передо мной погруженные в спокойствие поля.

Я любил его. И это чувство было для меня таким же недоступным для понимания, как и он сам. И в то же время я был

рад, что все закончилось. Рад, что мы можем продолжать спокойно жить. Я долго стоял, прислонившись к прутьям решетки и глядя на далекий лес и на окутанное туманом сияние городских огней, отражающееся в опускающихся все ниже и ниже облаках.

И охватившая меня печаль была связана не только с его уходом, но и с Ники, и с Парижем, и со мной самим...

5

Вернувшись в склеп, я увидел, что Габриэль вновь растапливает остатками дров камин. Она медленными, усталыми движениями подбрасывала поленья, и на ее лице играли красные отсветы пламени, искрами отражающиеся в глазах.

Я тихо опустился на скамью и стал наблюдать за нею, за красными языками пламени, взлетающими на фоне почерневших камней.

— Дал ли он тебе то, чего ты ожидала? — спросил я.

— В некотором роде да,— ответила она. Отложив в сторону кочергу, она села напротив меня и оперлась руками о скамью, так что ее волосы волнами рассыпались по плечам.— Хочу тебе сказать, что меня совершенно не волнует, встречу ли я когда-либо еще кого-то из нам подобных,— холодно заговорила она.— Хватит с меня легенд, проклятий и печалей. Я устала от невыносимой человечности, которая больше всего удивила меня во всем том, что мне пришлось узнать о вампирах. Я снова готова к жизни в этом мире, Лестат, так же как и в ту ночь, когда умерла.

— Но как же Мариус?! — взволнованно воскликнул я.— Матушка, ведь на свете существуют очень древние вампиры, которые совсем по-другому пользуются своим бессмертием!

— Ты в этом так уверен? Лестат, воображение заводит тебя слишком далеко. История Мариуса больше походит на сказку.

— Нет, ты не права.

— Значит, этот сиротка-демон сумел обмануть не только таких же, как он сам, сельских чумазых дьяволов, но и бывшего лорда, чуть ли не само божество! Уверяю тебя, любой деревенский мальчишка, проводящий время в мечтах возле кухонного очага, умеет рассказывать сказки ничуть не хуже.

— Матушка, но он не мог выдумать Мариуса! Возможно, что мое воображение развито чересчур сильно, но он-то почти совершенно лишен его. Я уверен, он видел все своими глазами!..

— Об этом я как-то не подумала,— ответила она с легкой улыбкой.— Но он вполне мог позаимствовать историю Мариуса из тех древних легенд и сказок, которые слышал когда-то...

— Нет, Мариус действительно существовал, как продолжает существовать и поныне. И он такой не один, есть другие, похожие на него. Есть Дети Тысячелетий, которые поступили с обретенными ими способностями гораздо мудрее и лучше, чем Дети Тьмы.

— Лестат, сейчас самое главное, чтобы мы сумели как следует воспользоваться своим даром,— сказала она.— Что я прежде всего узнала от Армана, так это то, что все бессмертные воспринимают смерть как нечто очень соблазнительное, чему они не в силах сопротивляться. И что им никак не удается подавить в себе стремление к смерти и собственную человечность. И вот теперь в своих странствиях по миру я хочу воспользоваться полученными знаниями как щитом. Я говорю сейчас не о постоянно изменяющемся суетном мире, которого так боятся и который вечно считают опасным эти существа, а о том мире, который вечно остается неизменным.

Отбросив назад волосы, она снова стала смотреть на огонь.

— Я мечтаю о покрытых снегом горах,— тихо промолвила она,— о бескрайних пустынях и непроходимых джунглях, об обширных лесах на севере Америки, куда, как говорят, не ступала нога белого человека.— Она перевела взгляд на меня, и лицо ее слегка смягчилось.— Подумай об этом. Нет такого места, куда бы мы не могли отправиться. И если Дети Тысячелетий действительно существуют, то, быть может, они обитают именно там. Вдали от суетного мира людей.

— Но если это так, как же удается им выжить? — спросил я, видя перед своими глазами тот мир, к которому привык, мир, наполненный людьми и всем тем, что сделано их руками.— Ведь человек служит для нас источником питания и жизни.

— О, в этих лесах бьется множество других сердец,— мечтательно ответила она.— И в них течет кровь, которую может взять тот, кому она необходима... Теперь мне по силам сделать то, что делал когда-то ты. Теперь я сама могла бы сразиться с

волками...— Голос ее затих, и она глубоко задумалась.— Самое главное, Лестат,— после долгого молчания вновь заговорила она,— это то, что мы отныне можем делать все, что только пожелаем. Мы абсолютно свободны!

— Я был свободен и прежде,— сказал я.— Меня мало заботило, о чем собирался поведать нам Арман. Но Мариус! Я уверен, что Мариус жив. Я это чувствую. Я чувствовал это еще тогда, когда Арман рассказывал нам свою историю. А Мариусу известно так много! Речь не о том, что он знает о нас с тобой или о Тех, Кого Следует Оберегать, нет, но он знает все о жизни вообще и о том, как преодолевать время.

— Что ж, если тебе это так необходимо, пусть он будет для тебя святым покровителем.

Ее слова меня рассердили, и я замолчал. Откровенно говоря, все эти разговоры о джунглях и густых лесах пугали меня. На память пришли слова, сказанные Арманом, когда он пытался поссорить и разлучить нас с Габриэль. Уже тогда, когда я слушал его тщательно обдуманные речи, я не сомневался, что вскоре непременно их вспомню. Итак, подумал я, подобно смертным, все мы отличаемся друг от друга, и вполне возможно, что наши разногласия проявляются в более сильной форме, так же как наши страсть и любовь.

— Есть, правда, одна деталь, один намек...— глядя в огонь, произнесла Габриэль.— Мелочь, которая делает возможной правдивость рассказа о Мариусе.

— Таких намеков и мелочей тысячи,— возразил я.

— Помнишь, он сказал, что Мариус всегда убивал только злодеев? — продолжала она.— И он назвал злодея Тифоном, убийцей собственного брата.

— Я думал, что он говорит о Каине, убившем Авеля,— ответил я.— Именно Каина я видел перед собой, когда слушал его рассказ об этом, хотя он назвал другое имя.

— Именно об этом я и говорю. Арман и сам не понимал, о каком Тифоне идет речь, он только повторил имя. Но я знаю, о ком он на самом деле говорил.

— Расскажи мне.

— Это персонаж мифов Древней Греции и Рима. Здесь имелась в виду история египетского бога Осириса, убитого своим братом Тифоном, который хотел стать царем Подземного

мира. Арман, конечно же, мог прочесть об этом у Плутарха, но он явно не знаком с древним мудрецом.

— Теперь ты понимаешь, что Мариус действительно существует? Утверждая, что тот жил уже целое тысячелетие, Арман говорил правду.

— Все может быть, Лестат, все может быть...

— Матушка, расскажи мне еще раз, расскажи эту египетскую сказку!

— Лестат, у тебя впереди еще много лет, чтобы самому прочитать обо всем.— Она поднялась и наклонилась, чтобы меня поцеловать. Как всегда, перед рассветом она двигалась медленнее, чем обычно, и была очень холодной.— Что же касается меня, то я навсегда покончила с книгами. Я читала их тогда, когда больше ничего не могла делать.— Она взяла мои руки в свои.— Пообещай мне, что завтра же мы отправимся в путь. И что мы не увидим предместий Парижа до тех пор, пока не объедем весь свет и не побываем на другой стороне земли.

— Мы сделаем так, как ты захочешь.

Она обратила лицо к звездам.

— Но куда ты идешь? — спросил я, следуя за ней и видя, что она открывает ворота и направляется к росшим неподалеку деревьям.

— Я хочу проверить, смогу ли я спать просто в земле,— ответила она, оглядываясь на меня через плечо.— Если завтра я не проснусь, ты будешь знать, что у меня ничего не вышло.

— Но это же чистейшей воды безумие! — воскликнул я, приходя в ужас от самой идеи.

Она продолжала идти вперед, а затем под сенью толстых вековых дубов встала на колени и принялась руками раскапывать скрытую под опавшими листьями мокрую землю. Зрелище было поистине ужасным: прекрасная колдунья с белокурыми волосами, словно дикий зверь бешено царапающая ногтями землю.

Поднявшись с коленей, она на прощанье послала мне воздушный поцелуй. Потом, собрав всю свою волю, она спустилась в яму, и земля поглотила ее. Я остался один и, не веря своим глазам, смотрел на то место, где она только что стояла. Земля сомкнулась, и листья легли таким ровным слоем, как будто их вообще никто не тревожил.

Я пошел прочь от леса. Я направлялся на юг от башни. Все убыстряя и убыстряя шаг, я принялся что-то тихо напевать себе под нос — возможно, это была мелодия, которую исполняли скрипки на балу в Пале-Рояле.

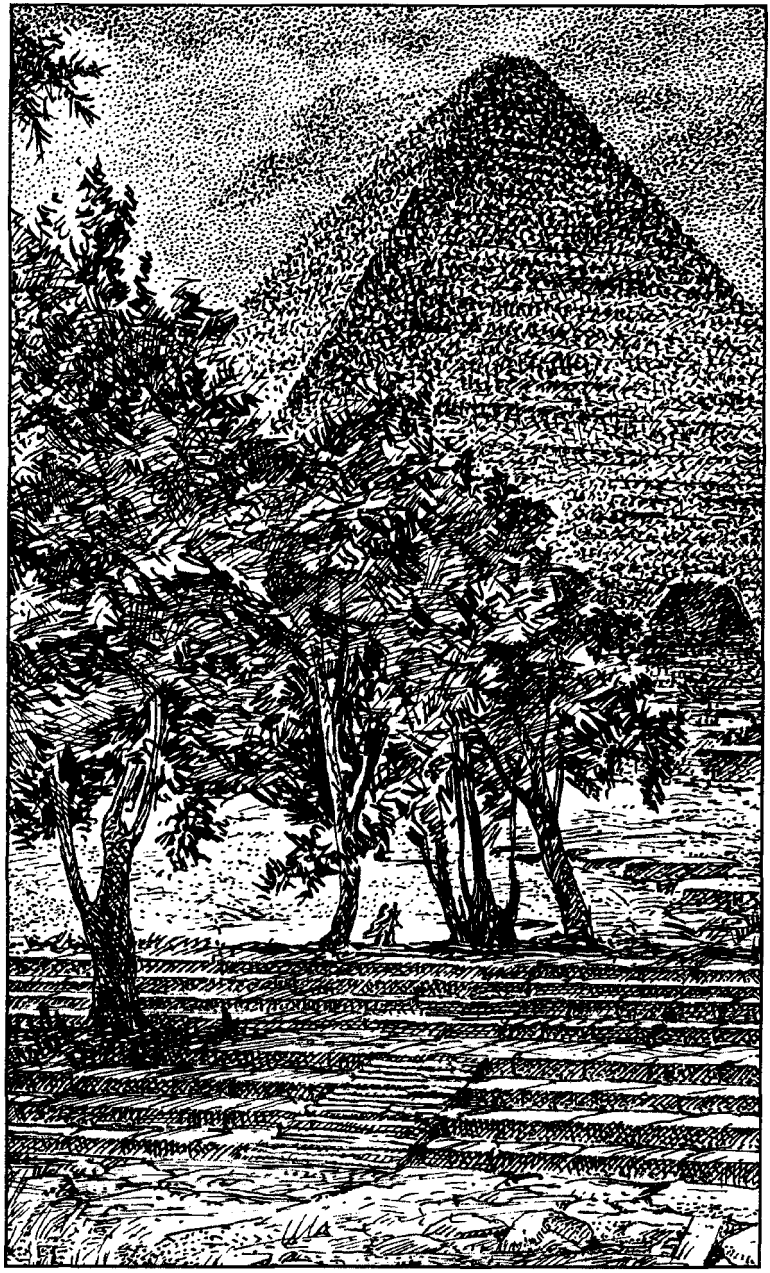
При мысли о том, что мы действительно покидаем Париж, а значит, и Никола, и Детей Тьмы, и их предводителя, о том, что многие годы не суждено мне видеть ничего, что было бы мне знакомо, меня вновь охватила тоска. И, несмотря на все свое желание быть свободным, я едва не заплакал.

Оказалось, однако, что, сам того не сознавая, я шел с определенной целью. Примерно за полчаса или около того до рассвета я обнаружил, что нахожусь возле развалин старинного постоялого двора на почтовой дороге. Эта своего рода застава неподалеку от заброшенной деревни давно уже развалилась, и только крепко сложенные, намертво скрепленные раствором стены остались стоять, почти не тронутые временем.

Достав острый кинжал, я принялся высекать в мягком камне надпись:

«МАРИУС, ОДИН ИЗ ДРЕВНИХ! ЛЕСТАТ ИЩЕТ ТЕБЯ! СЕЙЧАС МАЙ 1780 ГОДА, И Я ОТПРАВЛЯЮСЬ К ЮГУ ОТ ПАРИЖА, В СТОРОНУ ЛИОНА. ПОЖАЛУЙСТА, ОТЗОВИСЬ!»

Отойдя на несколько шагов, я подумал о том, что совершил величайшую глупость. Упомянув имя одного из бессмертных и написав его на камне, я нарушил Законы Тьмы. Однако мысль об этом почему-то доставляла мне несказанное удовольствие. В конце концов, я никогда не любил законы.

Часть VI

ПУТЕМ ДЬЯВОЛЛ ОТ ПАРИЖА ДО КАИРА

1

В последний раз в восемнадцатом веке мы видели Армана стоящим вместе с Элени, Никола и остальными актерами-вампирами перед дверью театра Рено. Они смотрели вслед нашему экипажу, выезжающему на бульвар и вливающемуся в общий поток оживленного движения.

Чуть раньше я застал его в своей гримерной, где он вел какой-то странный разговор с Никола, причем Ники, как всегда, горячился, и его высказывания были полны горького сарказма. Арман был в парике и темно-красном сюртуке, и мне показалось, что он уже успел обрести какое-то новое достоинство, словно с каждой минутой, прожитой после гибели прежнего общества, он становился все сильнее и могущественнее.

В эти последние проведенные вместе и поистине ужасные для меня мгновения мы с Ники не нашли, что сказать друг другу. Арман же с благодарностью принял от меня ключи от башни и значительную сумму денег вместе с заверениями в том, что в случае необходимости он всегда может получить у Роже столько золота, сколько нужно.

Мысли его были полностью закрыты от меня, но он снова пообещал, что никогда не причинит зла Никола. Когда мы наконец попрощались, я был уверен, что Ники сумеет выжить в этом обществе и что мы с Арманом отныне стали друзьями.

К концу первой же ночи, как и намеревались, мы были уже далеко от Парижа. В последовавшие за этим месяцы мы побывали в Лионе, Турине, Вене, потом отправились в Прагу, Лейпциг, Санкт-Петербург и снова на юг — в Италию, где застряли на многие годы.

В конце концов мы добрались сначала до Сицилии, после чего поехали на север — в Грецию и Турцию, а потом снова на юг — через древние города Малой Азии в Каир. Там мы на какое-то время остановились.

Везде, где мы бывали, я оставлял на стенах послания Мариусу.

Иногда это было всего лишь несколько строк, нацарапанных лезвием ножа. В других местах я проводил многие часы, выбивая долотом на камне свои сообщения. И повсюду я указывал свое имя, дату и следующий пункт нашего путешествия, и каждое послание заканчивал одними и теми же словами: «МАРИУС, ОТЗОВИСЬ!»

Что касается старинных обществ, мы встречали их повсюду, но с первого же взгляда было совершенно ясно, что старые законы и порядки нарушаются везде без исключения. Редко где им следовали больше чем трое или четверо вампиров, досконально помнивших прежние ритуалы. Как только они понимали, что нас не интересуют ни сами они, ни то, чем они занимаются, они оставляли нас в покое.

Гораздо интереснее было встречать отдельных обманщиков в обществе смертных — одиноких вампиров, которые вели собственную тайную жизнь и не хуже нас умели притворяться обыкновенными смертными. Правда, нам ни разу не удалось подойти к таким существам достаточно близко. При виде нас они обращались в бегство, так же, наверное, как убегали от членов старинных обществ. В их глазах я не видел ничего, кроме страха, и потому даже не пытался их преследовать.

И все же мне, как ни странно, было приятно думать, что я не первый аристократ-демон, который запросто посещает балы и бродит по комнатам в поисках своей очередной жертвы,— этакий смертоносный джентльмен, истинное воплощение представителя нашего племени, который вскоре станет героем прозы, поэзии и дешевых изданий «романов ужасов». Было очень много других мне подобных.

Однако нам предстояло встретить на своем пути и более странных созданий тьмы. В Греции, например, мы обнаружили демонов, которые не знали своего происхождения, иногда нам попадались безумцы, не умевшие ни мыслить, ни говорить. Они нападали на нас, словно мы были обыкновенными смертными, и с воплями бежали прочь, стоило нам произнести молитву.

Вампиры Стамбула обитали в домах, спрятавшись за высокими стенами и крепкими воротами, оборудовали для себя могилы в собственных садах. Они одевались так, как это было принято в их краях среди смертных, и в тех же развевающихся широких одеждах охотились на ночных улицах.

Но даже они приходили в ужас, видя, как я спокойно живу среди французов и венецианцев, разъезжаю в экипажах, присутствую на приемах в европейских посольствах и домах их служащих. Они выкрикивали вслед нам угрозы, но, стоило нам повернуться к ним лицом, в панике мчались прочь, чтобы затем появиться и преследовать нас снова.

Призраки, обитавшие в мавзолеях мамелюков, были злобными и отвратительными. Ими управляли вожди с глубоко посаженными, ввалившимися глазами, которые жили в развалинах Коптского монастыря. Эти вожди заставляли их ревностно следовать древним законам и исполнять полные восточной магии ритуалы, во время которых они взывали ко множеству демонов и злых духов с очень странными именами. Несмотря на весьма злобные угрозы в наш адрес, они старались держаться от нас подальше, хотя наши имена были им хорошо известны.

• За долгие годы мы не узнали от этих существ ничего нового. Откровенно говоря, меня это ничуть не удивило.

Хотя многие демоны, жившие в разных местах, слышали легенды о Мариусе и других древнейших вампирах, никому и никогда не приходилось с ними встречаться. Для них даже Арман превратился в легендарную личность, и они часто задавали мне вопрос: «Неужели вы видели Армана своими глазами?» Нигде мне не встретился по-настоящему древний вампир. Ни один из тех, кого я видел, не был действительно притягательной личностью, обладающей великой мудростью или необычайными способностями. Никого нельзя было назвать поистине неорди-

нарным существом, в ком Темный Дар произвел интересующие меня заметные перемены.

В сравнении с ними Арман был поистине божеством Тьмы. Равно как и мы с Габриэль.

Однако я забегаю вперед.

Еще почти в самом начале, только-только приехав в Италию, мы получили достаточно полное и доставившее нам удовольствие представление о древних ритуалах. Члены римского общества встретили нас с распростертыми объятиями.

— Милости просим на наш шабаш,— говорили они.— Приходите в наши катакомбы и присоединяйтесь к нам в пении гимнов.

Они прекрасно знали, что мы стали виновниками уничтожения парижского общества, что мы одолели великого обладателя всех тайн Тьмы Армана. Но они были далеки от того, чтобы относиться к нам с презрением. Напротив, они не понимали, почему Арман отказался воспользоваться своей властью и почему его общество не претерпело со временем никаких перемен.

Ибо даже здесь, где ритуалы исполнялись с таким мастерством и чувственностью, что у меня перехватывало дыхание, вампиры, постоянно сталкивающиеся с людьми, не имели ничего против, если в силу обстоятельств им приходилось выдавать себя за смертных. То же самое можно сказать о двух вампирах, встреченных нами в Венеции, и еще о многих, с которыми позже мы столкнулись во Флоренции.

Одетые в черное, они смешивались с толпой в опере или в темных коридорах больших особняков во время даваемых там балов и банкетов, иногда даже посещали переполненные людьми скромные таверны и кабачки, чтобы поглазеть на смертных, сидя с ними буквально бок о бок. В тех краях, как нигде больше, они любили одеваться по моде того времени, в которое родились, и зачастую, когда сами того хотели, выглядели по-королевски нарядно, надев на себя множество драгоценностей и других украшений.

Однако они по-прежнему спали в своих зловонных могилах и с воплями убегали от любого проявления или знака божественной власти. И по-прежнему до самозабвения предавались

ритуалам своих великолепных и одновременно жутких шабашей.

В сравнении с ними парижские вампиры были гораздо более примитивны, грубы и по-детски наивны. Мне кажется, однако, что именно развращенность парижан, их любовь к мирским развлечениям заставили Армана и его подданных держаться как можно дальше от общества смертных.

Чем более светским становился Париж, тем крепче цеплялись вампиры за магию старинных обрядов. Итальянские же собратья существовали среди людей глубоко верующих, жизнь которых строго регламентировалась обрядами Римско-католической церкви и которые почитали зло в не меньшей степени, чем церковные законы. Однако в целом образ жизни демонов значительно отличался от того, которому следовали в Италии смертные, а потому итальянские вампиры существовали как бы в двух разных мирах. В ответ на мой вопрос, верят ли они в старинные обряды, они лишь пожали плечами. Шабаши доставляли им огромное удовольствие. Разве нам с Габриэль они не нравятся? Ведь мы тоже в конце концов приняли в них участие.

— Приходите к нам, когда захотите, в любое время,— говорили нам римские вампиры.

Что же касается парижского Театра вампиров, вызвавшего в нашей среде по всему миру самый настоящий скандал, что ж, они поверят в реальность его существования только после того, как увидят его своими глазами. Вампиры, выступающие на сцене, вампиры, своими трюками и способностью к перевоплощению доводящие до исступления толпы смертных... это так по-парижски, говорили они. И при этом смеялись.

Все это время я, конечно же, получал самые полные сведения о театре. Еще прежде, чем мы достигли Санкт-Петербурга, я получил от Роже обширнейший и подробнейший отчет о «хитростях» новой труппы.

«Они ведут себя как огромные деревянные куклы,— писал Роже.— К их щиколоткам, запястьям и макушкам со стропил спускаются золотые нити, которые создают впечатление, что, когда они исполняют свои восхитительные танцы, ими кто-то управляет. На их белых щеках горят красные пятна румян, а огромные глаза похожи на стеклянные бусины. Трудно даже

поверить, что можно достичь подобного совершенства в изображении неживых существ.

Еще одной достопримечательностью театра является прекрасный оркестр. Музыканты, чьи лица неподвижны и раскрашены точно так же, как и лица актеров, изображают механических кукол. Они похожи на игрушечных музыкантов на шарнирах, которых можно купить в лавке и которые, стоит только повернуть ключ, начинают играть на своих крошечных инструментах, бить в миниатюрные барабаны и дуть в такие же трубы, но при этом звучит настоящая музыка.

Их представления настолько великолепны, что в публике нередко возникают горячие споры по поводу того, куклы это или все же живые люди. Некоторые утверждают, что все они сделаны из дерева, а их голоса мы слышим благодаря чревовещанию.

Что же касается самих пьес, то они весьма необычны и могли бы производить довольно тягостное впечатление, если бы не были созданы столь талантливо и великолепно.

Самой большой популярностью пользуется драма, в которой призрак-вампир поднимается из могилы прямо через люк в полу сцены. Это существо со спутанной копной волос и длинными когтями поистине ужасно. И подумать только! Он тут же влюбляется в огромную деревянную куклу, даже не догадываясь о том, что она неживая. Не в силах напиться крови из ее деревянного горла, вампир вскоре погибает, и в ту же минуту оказывается, что сделанная из дерева марионетка на самом деле живая женщина. В финале она со злобной улыбкой пляшет над телом поверженного демона.

Уверяю вас, когда я смотрю эту пьесу, кровь стынет у меня в жилах. Однако зрители просто ревут от восторга и бешено аплодируют.

В другой небольшой сценке танцоры-марионетки встают в круг возле девушки и уговаривают ее позволить опутать себя золотыми нитями, словно она тоже марионетка. Печальный результат их действий заключается в том, что в конце концов девушку заставляют танцевать до тех пор, пока жизнь не покинет ее тело. Красноречивыми жестами она умоляет освободить ее, однако актеры только смеются и прыгают вокруг, пока девушка окончательно не угасает.

Музыка божественна. Она напоминает о цыганах, играющих на деревенских ярмарках. Руководит оркестром месье Ленфен. Именно его игра на скрипке чаще всего служит причиной высоких цен на билеты.

Как ваш адвокат я хочу дать вам совет: потребуйте себе часть прибыли, которую приносит столь замечательный театр. Очереди на каждое его представление выстраиваются по всей длине бульвара».

Письма Роже всегда выбивали меня из колеи. Они заставляли трепетать мое сердце, и часто я думал: а чего же я на самом деле ожидал от труппы? Почему их предприимчивость и фантазия так меня удивляют? В конце концов, на такого рода вещи способен любой из нас.

К тому времени, когда я обосновался в Венеции, где прожил довольно долго в тщетных поисках картин, написанных Мариусом, я успел получить весточки и от самой Элени. Письма ее были написаны с исключительным мастерством, присущим вампирам.

Она писала, что их театр стал самым любимым местом ночных развлечений в Париже. Со всей Европы стекались к ним в театр «актеры» в надежде быть принятыми в труппу. А потому труппа выросла теперь до двадцати «актеров», и такое количество было более чем достаточным даже для столь огромного города, как Париж.

«Мы принимаем в труппу только самых умных и действительно обладающих выдающимися способностями,— сообщала Элени,— но превыше всего, как вы понимаете, мы ценим осторожность и тайну. Нам не нужны скандалы».

Что же касается нашего «Дорогого Скрипача», то о нем Элени писала с большой симпатией, утверждая, что он является их главным вдохновителем, что он пишет поистине гениальные пьесы, черпая сюжеты для них из прочитанных когда-то книг.

«Но вне работы он бывает иногда просто невыносим. Приходится постоянно следить за ним, дабы он в огромных количествах не пополнял наши ряды. Он совершенно неразборчив в своих аппетитах. А иногда говорит незнакомцам такие ужасные вещи, что только здравый смысл, к счастью, мешает им поверить его рассказам».

Иными словами, Никола пытается создать новых вампиров и не желает соблюдать осторожность во время охоты.

«Откровенно говоря, его может усмирить только Наш Старший Друг,— речь, конечно же, шла об Армане,— лишь на него мы главным образом и можем положиться. Он добивается этого с помощью самых страшных угроз. Однако и они не всегда оказывают влияние на Скрипача. Он часто говорит о старинных обрядах, ритуальных кострах и переходе в иную форму существования.

Нельзя сказать, однако, что мы не любим его. Хотя ради вас мы заботились бы о нем в любом случае. А Наш Старший Друг проявляет к нему поистине исключительное внимание. И все же, должна вам признаться, в старые времена такие, как он, долго не жили.

Что же касается Нашего Старшего Друга, думаю, вы его сейчас едва ли узнаете. У подножия вашей башни он построил для себя огромный особняк и живет в нем в окружении прекрасных картин и книг, больше похожий на ученого джентльмена, которому почти нет дела до окружающего реального мира.

Каждый вечер тем не менее он подъезжает к театру в своем черном экипаже и смотрит каждое наше представление, сидя за занавеской в собственной ложе.

После спектакля он неизменно приходит к нам за кулисы, чтобы уладить наши споры, дать указания, как он делал это всегда, и пригрозить в очередной раз нашему Божественному Скрипачу. Но сам он никогда не выходит на сцену и не принял участия ни в одном из наших представлений. Именно он набирает новичков в труппу. Как я уже говорила, претенденты приезжают отовсюду. Нам нет необходимости их искать. Они сами стучатся в нашу дверь...

Возвращайтесь,— писала она в заключение,— мы покажемся вам намного более интересными личностями, чем прежде. У нас имеются кое-какие темные чудеса, о которых я не решаюсь рассказать вам в письме. В истории нам подобных мы поистине произвели переворот и сияем, словно звезды. И мы не могли выбрать лучшего момента во всей истории этого великого города, чтобы проявить маленькие чудеса собственной изо-

бретательности. Но только благодаря вам мы так великолепно сейчас живем. Почему вы покинули нас? Вернитесь домой!»

Я хранил эти письма так же бережно, как письма своих братьев из Оверни. В своем воображении я ясно видел актеров-марионеток. Отчетливо слышал плач скрипки Никола. Представлял себе, как подъезжает к театру в черном экипаже Арман и проходит в свою ложу. В довольно туманных и необычных выражениях я даже описал все это в своих посланиях Мариусу, лихорадочно работая в темноте долотом, пока все смертные спали.

Однако мне не было пути обратно в Париж независимо от того, насколько я чувствовал себя одиноким. Моим возлюбленным и учителем стал для меня окружающий мир. Я был буквально заворожен соборами и замками, музеями и дворцами, встречавшимися во время путешествия. Везде, где бы я ни был, я старался вникнуть в самую суть общества смертных. Я впитывал в себя их сплетни и развлечения, литературу и музыку, архитектуру и живопись.

Перечисление того, что я изучал, что пытался понять и постичь, заняло бы целые тома. Я был очарован пением цыганских скрипок и мастерством уличных кукольников, звуками высочайших сопрано в золоченых залах оперных театров и в церковных хорах. Я бывал в борделях и игорных домах, посещал портовые кабачки, где пили и дрались матросы. Повсюду я читал местные газеты и торчал в тавернах, заказывая еду, к которой даже не притрагивался, только лишь затем, чтобы она стояла передо мной для отвода глаз и таким образом давала мне возможность посидеть рядом со смертными. Я настойчиво вступал с ними в разговоры и заказывал для них бесчисленное количество вина, вдыхал дым их сигарет и сигар, позволял этим смертным запахам впитываться в мою одежду и волосы.

А в те часы, когда не бродил по улицам, я странствовал по другому царству — царству книг, которое все долгие годы моей смертной жизни дома принадлежало исключительно Габриэль.

Еще до приезда в Италию я в достаточной степени выучил латынь и теперь мог читать классиков. В старинном венецианском дворце, ставшем местом моего обитания, я собрал огромную библиотеку и часто ночи напролет просиживал за чтением.

Конечно же, первое, что меня заворожило, это легенда об Осирисе, которая возвращала меня к истории жизни Армана и загадочным словам, сказанным Мариусом. Я просмотрел все версии этой легенды, и то, что я прочел, потрясло меня до глубины души.

Легенда повествует о древнем царе Осирисе, человеке, наделенном величайшими добродетелями, который отвратил египтян от каннибализма и научил их выращивать посевы и делать вино. Его брат Тифон уничтожил его — и каким же образом?! Он обманом уговорил Осириса лечь в ящик, сделанный точно по его мерке, а потом наглухо заколотил крышку. Затем Тифон бросил ящик с Осирисом в реку. Когда верная жена Осириса Исида нашла ящик с телом мужа, Тифон снова напал на брата и на этот раз расчленил его тело. Впоследствии были найдены все части тела Осириса, кроме одной.

Так почему же Мариус вспомнил именно об этом мифе? И разве случайно пришла мне на ум мысль о том, что все вампиры спят в гробах, которые не что иное, как сделанные по их размерам ящики? В таких гробах спали даже несчастные и нищие обитатели кладбища Невинных мучеников. Магнус тоже говорил мне, что я должен спать в том саркофаге, который он мне оставил, или в ином, похожем на тот. Что же касается ненайденной части тела Осириса... что ж, только одна часть нашего тела не подвергается воздействию Темного Дара... Мы можем говорить, слышать и видеть, способны ощущать вкус, дышать, двигаться так же, как смертные, но утрачиваем способность к размножению. Этой возможности лишен был и Осирис. Вот почему он стал царем подземного мира мертвых.

Был ли он одновременно и божеством вампиров?

Меня потрясло еще одно. Осирис также был у египтян и богом вина, тем, кого позднее греки называли Дионисом. А Дионис являлся также «темным божеством» театра, дьявольским божеством, о котором давным-давно рассказывал мне Ники. И теперь наш театр в Париже полон вампиров. Нет, это уже слишком!

Я едва дождался Габриэль, чтобы поделиться с нею своим открытием.

Однако она отнеслась к нему совершенно равнодушно, сказав, что существуют сотни подобных древних мифов.

— Осирис был богом плодородия,— заявила она,— хорошим богом в представлении египтян. Какое отношение все это может иметь к нам? — Она бросила взгляд на лежащие передо мной книги.— Тебе еще многому придется научиться, сынок. Множество древних богов были убиты, расчленены и оплаканы их богинями. Прочти мифы об Актеоне и Адонисе. Древние обожали такого рода истории.

И она ушла. Я остался один в освещенной свечами библиотеке и долго сидел среди своих книг, опершись локтями о стол.

Я размышлял о приснившейся Арману обители Тех, Кого Следует Оберегать, скрытой высоко в горах. Было ли все это магией, корнями уходящей во времена древних египтян? Как могли Дети Тьмы забыть об этом? Вполне возможно, что и венецианский Мастер считал миф об убийце собственного брата Тифоне не более чем вымыслом.

Взяв в руки долото, я вышел на улицу и на камнях, которые были гораздо древнее нас с Мариусом, выбил свои вопросы к нему. Мариус стал для меня настолько реальным, что мы с ним уже беседовали точно так же, как когда-то я вел долгие разговоры с Ники. Мариусу я поверял свои восторги, возбуждение и нетерпение, смущение и замешательство, вызванные загадками и чудесами окружающего меня мира.

По мере того как углублялось мое образование и расширялся круг исследований, я постепенно начал понимать истинное значение понятия вечности. В мире смертных я был совершенно одинок, и послания к Мариусу не могли избавить меня от ощущения чудовищности собственной натуры, мучившего меня еще очень давно, в первые ночи, проведенные мною в Париже. В конце концов, ведь Мариуса не было рядом.

Не было рядом и Габриэль.

Не успело наше путешествие начаться, а предсказания Армана уже частично сбылись.

2

Еще до того как мы покинули Францию, Габриэль пару раз прерывала наше путешествие и исчезала на несколько ночей. В Вене ее не было дома по две недели, а к тому моменту, как я обосновался в венецианском доме, у нее вошло в привычку

пропадать месяцами. Во время моей первой поездки в Рим она пропала на полгода. А после того как она бросила меня в Неаполе, я вернулся в Венецию один, со злости решив предоставить ей возможность самостоятельно добираться домой. Что, впрочем, она и сделала.

Нужно ли говорить, что ее неудержимо влекли густые леса, высочайшие горы и необитаемые острова?

Каждый раз она возвращалась в совершенно растерзанном виде: туфли ее разваливались, одежда была порвана, а волосы свисали безнадежно спутанными локонами. Она выглядела не менее устрашающе, чем члены старинного парижского общества, обитавшего на кладбище Невинных мучеников. Она бесцельно бродила в таком ужасном виде по комнатам дворца, вглядываясь в трещины на штукатурке или в отблески света на изгибах выдуваемого вручную оконного стекла.

— Зачем бессмертным читать газеты и жить во дворцах? — спрашивала она.— Зачем носить в карманах золотые монеты? С какой стати они должны писать письма своей давно покинутой семье?

Быстрым шепотом она восторженно рассказывала о скалах, на которые взбиралась, снежных лавинах, вместе с которыми кубарем скатывалась вниз, об открытых ею пещерах, наполненных таинственными письменами и древними ископаемыми.

Позже она вновь исчезала так же тихо, как и появлялась, а я оставался ждать, горько вздыхая и сердясь, чтобы потом, когда она вновь вернется, осыпать ее упреками и высказать все свои обиды.

Однажды, во время нашего первого визита в Верону, она удивила и испугала меня на одной из темных улиц.

— Твой отец все еще жив? — спросила она.

До этого ее не было около двух месяцев. Я очень страдал в ее отсутствие, и вот теперь она задала мне вопрос, как если бы для нее это действительно имело значение. Однако когда я ответил ей, что он жив, но очень серьезно болен, она меня даже не услышала. Я постарался объяснить ей, что во Франции дела действительно обстоят неважно. Никто уже не сомневается, что вот-вот грянет революция. Но она лишь покачала головой и отмахнулась.

— Не думай о них больше,— сказала она,— забудь.

И снова исчезла.

Но в том-то и дело, что я не хотел о них забывать. Я постоянно требовал, чтобы Роже сообщал мне сведения о моей семье. По этой причине я писал ему гораздо чаще, чем в театр Элени. Я получал портреты своих племянников и племянниц, а в ответ посылал во Францию подарки для них отовсюду, где только бывал. И, как любого смертного француза, меня пугала сама мысль о грозящей революции.

В конце концов, по мере того как отсутствие Габриэль становилось все более и более продолжительным, а напряжение между нами после ее возвращения все возрастало, я стал часто ссориться с ней.

— Время отберет у нас семью,— говорил я.— Время уничтожит ту Францию, которую мы знали. Так почему же я должен отказываться от всего этого, пока оно еще у меня есть? Они нужны мне! Уверяю тебя, они для меня означают жизнь!

Но это была только половина горькой правды. Так же, как остальных, я потерял и Габриэль. Она должна была догадаться, о чем я говорю, должна была услышать в моих словах упрек прежде всего самой себе.

Мои высказывания вызвали в ее душе печаль и нежность по отношению ко мне. Она позволяла мне переодеть ее в чистое платье, причесать ее волосы, а после мы вместе отправлялись на охоту и подолгу беседовали. Иногда она даже соглашалась пойти со мной в казино или в оперу. В общем, на какое-то время она вновь становилась настоящей прекрасной леди.

Такие моменты продолжали связывать нас друг с другом. Они поддерживали нашу веру в то, что мы по-прежнему остаемся маленьким обществом, парой любовников, правящих миром смертных.

Сидя у очага на какой-нибудь загородной вилле или на козлах экипажа, уносящего нас в темноту, в то время как я умело правил лошадьми, или гуляя рядышком по ночному лесу, мы обсуждали интересующие нас проблемы и обменивались впечатлениями.

Мы даже вместе обследовали дома, населенные призраками,— это был новый способ времяпрепровождения, который возбуждающе действовал на нас обоих. Иногда, услышав о по-

явлении где-либо нового призрака, Габриэль специально прерывала свои похождения, чтобы уговорить меня отправиться туда и посмотреть.

Конечно же, в большинстве случаев мы никого не обнаруживали в тех пустых домах, о которых говорили, будто они служат пристанищем привидений. А те несчастные, кого считали одержимыми дьяволом, чаще всего оказывались обыкновенными безумцами.

Но бывали случаи, когда мы видели пролетающее видение или становились свидетелями весьма странных событий и явлений: беспричинно падали или висели в воздухе предметы, ревели и рычали одержимые дьяволом дети, холодные порывы ветра тушили свечи в запертых комнатах.

Но толком что-либо узнать нам не удавалось. Мы видели не больше того, что уже давно было описано сотнями ученых.

В конце концов для нас это стало просто игрой. И сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что мы бродили по этим домам только потому, что это позволяло нам быть вместе, дарило множество радостных минут, которых в противном случае мы были бы лишены.

Однако частые исчезновения Габриэль были не единственной причиной разрушения нашей привязанности друг к другу. Наши отношения портились еще из-за того, как она вела себя в те часы, когда мы были вместе, из-за тех безумных идей, которые она высказывала.

Она сохранила привычку прямо и откровенно высказывать все, что было у нее на уме, и даже немного больше.

Однажды ночью она появилась после месячного отсутствия в нашем доме во Флоренции на виа Гибеллина и заговорила буквально с порога:

— Знаешь, ночным существам пора уже иметь своего вождя. Причем не полного предрассудков блюстителя древних ритуалов, а великого царя Темных Сил, способного объединить нас на новых началах и принципах.

— На каких началах и принципах? — спросил я, но она, словно не слыша моего вопроса, продолжала:

— Понимаешь, речь идет не просто о тайном и отвратительном по своей сути убийстве смертных, но о чем-то грандиозном — вроде, например, Вавилонской башни, которая была

поистине величайшим творением до того момента, когда была разрушена гневом Божьим. Я говорю о великом властителе, обитающем в сатанинском дворце и посылающем своих подданных во все концы мира, с тем чтобы они наставляли брата идти против брата, побуждали матерей убивать собственных детей, чтобы предавали огню величайшие и совершенные творения человечества, опустошали землю, обрекая на голодную смерть всех — и злодеев и невинных. Страдания и хаос должны царить повсюду, следует уничтожать силы добра и тем самым повергать в отчаяние смертных. Вот тогда можно действительно гордиться тем, что ты есть зло. Именно в этом и состоит предназначение дьявола и его подданных. Ты же сам говорил мне, что мы с тобой не более чем экзотические персонажи в Саду Зла. А мир людей ничуть не отличается от того, о котором я много лет назад, живя в Оверни, читала в книгах.

Мне очень не нравился этот разговор, и тем не менее я был рад, что она сейчас рядом, что у меня есть возможность поговорить с кем-нибудь, кроме несчастного смертного, что я не остаюсь наедине с письмами из дома.

— А как же тогда быть с твоими эстетическими потребностями? — спросил я.— Ведь ты же сама говорила Арману, что хочешь знать, почему существует красота и почему она до сих пор так сильно на нас воздействует.

Она пожала плечами:

— Когда рухнет человеческий мир, красота станет властвовать над всем. Там, где когда-то были улицы, вновь вырастут деревья, цветы покроют прекрасным ковром луга, которые возникнут на месте теперешних болот и грязных лачуг. В том и будет состоять цель властителя-сатаны: увидеть, как дикие травы и густые леса скроют последние следы больших городов, как во всем мире не останется больше ничего.

— Но почему ты называешь сие делом сатаны? Почему бы просто не назвать это хаосом?

— Потому что именно так назвали бы это люди. Сатана придуман ими, не так ли? Сатанинским они называют поведение всех, кто преступает придуманные ими законы и нарушает привычный для них уклад жизни.

— Я не понимаю тебя.

— Что ж, пошевели своими сверхъестественными мозгами, голубоглазенький мой,— ответила она,— мой золотоволосый сынок, мой прекрасный Убийца Волков. Вполне возможно, что, как сказал Арман, весь мир создан Богом.

— Это открытие ты и сделала в лесу? Об этом тебе рассказали листья деревьев?

Она расхохоталась мне в лицо.

— Конечно, Бог не обязательно существо антропоморфное,— сказала она.— Или, как мы в своем беспредельном эгоизме сентиментально называем это, «благопристойная личность». Но все же, вполне возможно, Бог существует. А сатана — изобретение человека, имя, придуманное им для той силы, которая пытается сокрушить цивилизованный ход вещей. Первый, кто придумал законы, будь то Моисей или египетский царь Осирис, этот создатель законодательства одновременно создал и сатану. И этот сатана — любой, кто побуждает тебя нарушить законы. А потому мы — истинные дети сатаны, ибо не признаем законов, защищающих интересы человечества. Так почему бы нам действительно все не разрушить? Почему не разжечь пламя зла, которое поглотит цивилизацию на земле?

Я был слишком потрясен, чтобы ответить.

— Не беспокойся,— рассмеялась она,— я не стану это делать. Но мне хотелось бы знать, что может произойти через несколько десятилетий. Возможно, найдется тот, кто захочет совершить что-либо подобное.

— Надеюсь, что нет. И позволь сказать тебе вот что: если один из нас отважится на такое, начнется война.

— Почему? Его все поддержат.

— Я — нет! Я буду бороться против него.

— Лестат, ты бываешь смешон.

— Все это сущая ерунда.

— Ерунда? — Она отвернулась от окна и вновь посмотрела на меня. Кровь бросилась ей в лицо.— Уничтожение всех городов мира? Я еще могу понять, что ты называл ерундой Театр вампиров, но сейчас ты противоречишь сам себе.

— А тебе разве не кажется ерундой уничтожать что-либо только ради самого уничтожения?

— Ты просто невозможен,— фыркнула она.— Когда-нибудь в далеком будущем такой вождь вполне может появиться. Он вновь повергнет человека в наготу и страх, из которых тот вышел, и нам не составит никакого труда добывать себе пропитание, как, впрочем, это было всегда. Тогда весь мир превратится в сплошной Сад Зла, как ты его называешь.

— Я надеюсь, кто-нибудь попытается это сделать. И тогда я восстану против него, сделаю все, чтобы одержать над ним победу. Если мне удастся спасти мир от этого зла, то, возможно, я сам смогу обрести спасение и вновь стать добродетельным в собственных глазах.

Вне себя от гнева я встал и вышел во двор.

Она следовала за мной по пятам.

— Ты высказал сейчас очень важный аргумент в пользу существования зла, издавна принятый в христианском мире,— говорила она.— Оно затем и существует, чтобы мы могли бороться против него и тем самым совершать добрые поступки.

— Как это мрачно и ужасно звучит,— ответил я.

— Чего я никак не могу понять в тебе,— продолжила Габриэль,— так это твоей непоколебимой приверженности собственным устаревшим понятиям о добродетели. Ты изо всех сил цепляешься за них, и в то же время ты так великолепен в своей новой ипостаси. Когда ты охотишься, ты подобен темному ангелу. Ты убиваешь без всякой жалости. Ночи напролет пируешь над телами своих жертв, если пожелаешь.

— Что ты хочешь этим сказать? — Я холодно посмотрел на Габриэль.— Что я не умею делать плохо то, что на самом деле плохо?

Она рассмеялась.

— В молодости я был прекрасным стрелком,— промолвил я,— и был неплохим актером, когда играл на сцене. А теперь я стал хорошим вампиром. В том смысле, который мы вкладываем в слово «хороший».

Она ушла, а я лежал на каменных плитах двора и смотрел на далекие звезды, думая о тех картинах и скульптурах, которые успел увидеть в одной только Флоренции. Я сознавал, что мне не нравятся те места, где растут лишь деревья, и что нет для меня музыки прекраснее, чем звучание человеческих голосов.

Но какое значение, в конце концов, имеет то, что я думаю и чувствую?

Однако она не всегда наносила мне столь сокрушительные удары своей более чем странной философией. Иногда она возвращалась, чтобы рассказать мне о том, что полезного ей удалось узнать. Она была гораздо смелее и предприимчивее меня. Она многому меня научила.

Еще перед нашим отъездом из Франции она заявила, что мы вполне могли бы спать прямо в земле. Гробы и могилы не имеют никакого значения. Часто перед закатом она появлялась прямо из-под земли, даже не успев как следует проснуться.

Те смертные, кому выпадает несчастье обнаружить нас при дневном свете, говорила она, обречены, если только они немедленно не подвергнут нас воздействию солнечных лучей. Однажды она спала в глубоком подвале одного из заброшенных домов недалеко от Палермо, а когда проснулась, то лицо и руки ее горели, а рядом лежал мертвец, который, очевидно, имел неосторожность потревожить ее покой.

— Он был задушен,— сказала она,— и мои пальцы все еще сжимали его горло. А руки и лицо у меня горели из-за того, что сквозь неплотно прикрытую дверь проникал свет.

— А что, если бы человек пришел не один? — спросил я, в душе восхищаясь ею.

Она лишь покачала головой и пожала плечами. Она теперь всегда спала прямо в земле, не пользуясь ни склепами, ни гробами. Никто ее больше не тревожил. И она не беспокоилась по этому поводу.

Я никогда не говорил ей этого, но мне всегда казалось, что сон в гробу или склепе наполнен определенным очарованием. Было так романтично внезапно подняться из могилы. Я в отличие от нее всегда поступал наоборот. Где бы я ни был, я всегда заказывал для себя гробы по своему вкусу и никогда не спал на кладбищах или в соборных склепах, как это было принято, а только в укромных уголках внутри дома.

Должен сказать, что иногда она все же довольно терпеливо выслушивала мои рассказы о величайших произведениях искусства, которыми я любовался в музеях Ватикана, о хоре, певшем в одном из соборов, о тех снах, которые я видел в последние часы, перед тем как проснуться, и которые были навеяны,

скорее всего, мыслями проходивших мимо людей. Хотя иногда мне кажется, что она только делала вид, что слушает. Кто знает? А потом без каких бы то ни было объяснений она снова надолго исчезала. А я опять в одиночестве бродил по улицам, разговаривая вслух с Мариусом и выцарапывая на камнях длинные послания к нему. Иногда я проводил за этим занятием всю ночь.

Чего я хотел от нее? Чтобы она была более человечной и похожей на меня? Я не мог не вспоминать предсказания Армана. Но почему она совершенно о них не думала? Ведь она должна была понимать, что происходит, что мы все больше и больше отдаляемся друг от друга, что сердце мое разрывается от горя, но гордость не позволяет мне сказать ей об этом.

Пойми же, Габриэль, я не в силах вынести одиночество! Останься со мной!

К концу нашего пребывания в Италии я научился играть со смертными в одну довольно забавную, но опасную игру. Встретив человека — будь то мужчина или женщина,— короче, какого-нибудь понравившегося мне смертного, я начинал следить за ним. Это могло продолжаться неделю, месяц, иногда даже дольше. Я буквально влюблялся в него. Я воображал, что мы подружились, представлял себе наши разговоры, а иногда даже интимные отношения, которым не суждено было когда-либо стать реальностью. В какой-то волшебный момент я вдруг мысленно обращался к нему: «Так ты догадываешься, кто я на самом деле?» — и это человеческое существо, охваченное возвышенным душевным порывом, отвечало: «Да, догадываюсь, но все понимаю».

Глупость, конечно. Похоже на сказку, в которой принцесса самозабвенно влюбляется в заколдованного принца, и после этого чары исчезают, а он из чудовища вновь превращается в себя самого. Но только в моей мрачной сказке я в буквальном смысле слова проникаю в самую душу моего возлюбленного существа. Мы становимся с ним одним целым, и я вновь обретаю тело из плоти и крови.

Прекрасная мечта. Однако я вспомнил предсказание Армана о том, что однажды те же причины, что и прежде, вынудят меня вновь совершить Обряд Тьмы. И я решительно отказался от своей игры. Я продолжал охотиться как обычно, но с большей жестокостью и исполненный яростного желания отомстить. И жертвами моими становились не только злодеи.

Во время остановки в Афинах я нацарапал для Мариуса очередное послание:

«Я НЕ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ СУЩЕСТВУЮ, Я БОЛЬШЕ НЕ ПЫТАЮСЬ НАЙТИ ИСТИНУ. Я ПРОСТО В НЕЕ НЕ ВЕРЮ. Я НЕ РАССЧИТЫВАЮ УЗНАТЬ ОТ ТЕБЯ ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ, В ЧЕМ БЫ ОНИ НИ ЗАКЛЮЧАЛИСЬ, НО ВСЕ ЖЕ ПРОДОЛЖАЮ КОЕ ВО ЧТО ВЕРИТЬ. ВОЗМОЖНО, В КРАСОТУ МИРА, ПО КОТОРОМУ ПУТЕШЕСТВУЮ, ИЛИ В САМУ ВОЛЮ К ЖИЗНИ. Я СЛИШКОМ РАНО ПОЛУЧИЛ ЭТОТ ДАР. ДЛЯ ЭТОГО НЕ БЫЛО ДОСТАТОЧНЫХ ОСНОВАНИЙ. И ТОЛЬКО В ВОЗРАСТЕ ТРИДЦАТИ СМЕРТНЫХ ЛЕТ Я ПОНЯЛ, ПОЧЕМУ МНОГИЕ ИЗ НАС НАПРАСНО РАСТРАЧИВАЮТ ЕГО И ТЕРЯЮТ. И ВСЕ ЖЕ Я ПРОДОЛЖАЮ ЖИТЬ. Я ИЩУ ТЕБЯ».

Не могу сказать точно, сколько еще времени я провел в Европе и Азии. Потому что, хоть я и страдал от одиночества, мне нравилось вести такую жизнь, я к ней привык. Было множество новых городов, а значит, новых жертв, новых языков, которые я изучал, и была новая музыка, которую я с наслаждением слушал. Стараясь не обращать внимания на мучающую меня боль, я полностью отдался во власть жизни и поставил перед собой новую цель. Теперь я решил побывать во всех городах мира, повидать даже далекие столицы Китая и Индии. Я думал о том, что самые простые предметы могут показаться мне там чужими и незнакомыми, а разум обитателей неведомых стран я стану воспринимать как разум жителей иных миров.

Из Стамбула мы отправились на юг, и, как только достигли Малой Азии, Габриэль пришла в такое восхищение от новых стран, что практически все время где-то пропадала.

А тем временем во Франции события принимали поистине ужасный оборот. Это касалось не только мира смертных, по которому я так страдал, но и Театра вампиров.

3

Еще до того, как я покинул Грецию, английские и французские путешественники рассказывали мне о том, что происходит у меня на родине, и эти новости чрезвычайно тревожили

меня. А в Анкаре в гостинице для европейцев меня ждала целая пачка писем.

Роже перевел все мои деньги за пределы Франции и поместил их в зарубежные банки. «Даже не мечтайте вернуться сейчас в Париж,— писал он.— Я посоветовал вашим братьям и отцу тщательно избегать каких-либо споров и разногласий. Сейчас не время, и сторонникам монархии приходится туго».

Элени в свойственной только ей манере писала о том же:

«Публике очень нравится видеть на сцене одураченных аристократов. Наша пьеса о неуклюжей королеве-марионетке, которую безжалостно топчут ее же безмозглые солдаты, которыми она пыталась командовать, вызывает у зрителей громкий хохот и вопли удовольствия.

Еще один любимый объект насмешек — священники. В другой нашей пьесе самодовольный монах приходит, чтобы упрекнуть танцовщиц-марионеток в недостойном поведении и сделать им строгий выговор. Но увы, их хозяин, который на самом деле не кто иной, как дьявол с красными рогами, превращает несчастного монаха в оборотня, и тот заканчивает свои дни в золотой клетке, куда посадили его танцовщицы, под градом насмешек.

Все это — плоды труда нашего Божественного Скрипача, однако, должна вам сказать, мы вынуждены ни на минуту не спускать с него глаз. Чтобы заставить его писать, нам приходится привязывать его к стулу. Мы ставим перед ним чернильницу и вкладываем в руку перо, а если он совершенно не в состоянии писать, мы делаем это под его диктовку.

Он останавливает на улице прохожих и обращается к ним с рассказами о том, что в мире существуют такие ужасы, о которых люди понятия не имеют. Уверяю вас, что он давно погубил бы нас всех, не будь парижане столь заняты чтением памфлетов, обличающих королеву Марию-Антуанетту.

Наш Старший Друг с каждой ночью становится все более сердитым».

Стоит ли говорить, что я тут же написал ей ответное письмо, в котором умолял их быть с Ники как можно более терпеливыми и помочь ему пережить столь тяжелые для него первые годы. «На него, несомненно, еще можно повлиять,— писал я и впервые за все время задал вопрос: — Смогу ли сам я чем-то

помочь, если вернусь сейчас в Париж?» Я долго смотрел на последние строчки письма, прежде чем поставить свою подпись, потом быстро запечатал конверт и отнес его на почту.

Как мог я вернуться? Несмотря на одиночество, я не в силах был даже думать о возвращении и о том, чтобы снова увидеть свой маленький театр. Да и какая польза будет от меня Никола, даже если я окажусь рядом? Провидческие слова Армана по-прежнему звучали у меня в ушах.

По правде говоря, где бы я ни был, Арман и Ники всегда были рядом со мной. Я ни на секунду не мог забыть мрачные предостережения и предсказания Армана, так же как и насмешливое лицо Ники в тот момент, когда я понял, что любовь обернулась лютой ненавистью.

Никогда еще я не нуждался в Габриэль так, как сейчас. Но она давно уже отправилась вперед. Время от времени я вспоминал, как чудесно все было до нашего отъезда из Парижа, но теперь я от нее ничего уже не ожидал.

В Дамаске меня ждал ответ от Элени.

«Он презирает и ненавидит вас еще больше, чем всегда. В ответ на наши уговоры поехать к вам он только неистово хохочет. Я пишу об этом вовсе не затем, чтобы расстроить вас, но затем, чтобы вы знали, что мы делаем все возможное, чтобы уберечь этого малого ребенка, который никогда не должен был родиться для Тьмы. Новые возможности оказались для него чересчур тяжким бременем, а способность к иному видению вещей ослепляет его и сводит с ума. Нечто подобное нам уже не раз приходилось наблюдать прежде.

И все же в этом месяце он написал величайшую свою пьесу. Танцоры-марионетки — на этот раз они работают без веревок — в расцвете молодости гибнут от какой-то эпидемии и оказываются погребенными под могильными камнями, украшенными венками из цветов. Священник читает над ними погребальные молитвы и уходит. Но тут на кладбище появляется чародей со скрипкой. И его музыка заставляет их подняться из могил. Одетые во все черное вампиры выходят из-под земли и весело пляшут под пение скрипки, а чародей-скрипач ведет их за собой в сторону Парижа — прекрасно нарисованной картины на заднике сцены. Публика буквально ревет от восторга.

Уверяю вас, мы можем пить кровь своих жертв прямо на сцене, а публика решит, что это всего лишь иллюзия и театральный трюк и будет весело смеяться и аплодировать».

Кроме того, было еще и очень тревожное послание от Роже. Он писал, что Париж охвачен революционным безумием, что короля Людовика заставили признать Национальную Ассамблею. Люди всех сословий как никогда тесно объединились в борьбе против него. Роже послал помощника на юг, чтобы тот повидал мою семью, своими глазами взглянул на обстановку в тех местах и определил, насколько сильны там революционные настроения.

Я немедленно ответил на оба письма, чувствуя себя чрезвычайно обеспокоенным и совершенно беспомощным.

После того как я отправил весь свой багаж в Каир, меня вдруг охватил страх при мысли о том, что все, что имело для меня ценность и от чего зависела моя жизнь, находится в страшной опасности. Однако внешне я ничуть не изменился и успешно продолжал играть роль благородного путешествующего джентльмена. Хотя внутри демон-охотник, гроза узких ночных улочек, чувствовал себя безнадежно потерянным.

Я, конечно же, уговаривал сам себя, доказывая необходимость этой поездки на юг, в Египет, в страну пышного древнего великолепия и вечных ценностей. Я говорил себе, что Египет настолько заворожит и очарует меня, что поможет забыть о происходящем в Париже.

Однако в голову мне пришла еще одна связанная с этой поездкой мысль: Египет, как ни одна другая страна на свете, был местом, где смерть пользовалась любовью и почитанием.

Наконец из глубин Аравийской пустыни, словно бесплотный дух, появилась Габриэль, и мы отплыли вместе.

Нам понадобился почти месяц, чтобы добраться до Каира, а в гостинице для европейцев вместе с багажом меня ждала странная посылка.

Я мгновенно узнал почерк Элени, но никак не мог понять, *почему она прислала мне эту посылку*. Примерно четверть часа я сидел, тупо на нее уставившись, и в голове у меня была абсолютная пустота.

От Роже не было ни слова.

Почему Роже не написал мне? Что в этой посылке? Почему она здесь? Отрывочные мысли крутились у меня в мозгу.

Наконец до меня дошло, что я вот уже час сижу в комнате, заваленной всякого рода чемоданами и пакетами, не спуская глаз с посылки, и что Габриэль, у которой, видимо, еще не возникло желание в очередной раз исчезнуть, пристально смотрит на меня.

— Пожалуйста, оставь меня одного,— прошептал я.

— Хорошо. Если ты так хочешь...— ответила она.

Мне было очень важно вскрыть посылку, вскрыть и узнать, что в ней находится. Но мне вдруг показалось важным и другое: представить себе, что эта унылая комната — та самая комната в маленьком деревенском кабачке в Оверни.

— Я видел тебя во сне,— вслух произнес я, глядя на посылку.— Мне снилось, что мы вместе путешествуем по миру, только ты и я, и что мы оба сильны, чисты и безмятежны. Мне снилось, что мы пьем кровь только негодяев и преступников, как делал это Мариус, а когда оглядываемся вокруг себя, то испытываем печаль и благоговейный страх перед тайнами, которые открылись нам и которыми мы владеем. Но мы полны сил. Мы собираемся жить вечно. И мы беседовали с тобой, наши «разговоры» продолжались, и не было им конца.

Я хотел сказать еще что-то, но горло перехватило, разум мой отказывался произносить слова. Я протянул руку и взял письмо, соскользнувшее с отполированного дерева.

«Как я и опасалась, все закончилось наихудшим образом. Наш Старший Друг, выведенный из себя выходками Нашего Скрипача, в конце концов посадил его под замок в вашем собственном жилище. В камеру ему была дана скрипка, но Скрипачу отрубили руки.

Вы же знаете, что, когда речь идет о таких, как мы, восстановление конечностей не представляет проблемы. Однако в данном случае Наш Старший Друг спрятал конечности, о которых я вам говорила, и приказал на пять ночей лишить нашего раненого пропитания.

В конце концов, после того как вся труппа обратилась к Нашему Старшему Другу, умоляя его возвратить Н. все, что ему принадлежит, просьба была исполнена.

Однако Н., обезумевший от голода и боли — подобные испытания способны полностью изменить какой угодно характер,— погрузился в непроницаемое молчание и оставался в таком состоянии довольно-таки долгое время.

Наконец он пришел к нам и заговорил только лишь затем, чтобы сообщить, что, как положено смертному, он привел в порядок все свои дела. Для нас приготовлены несколько новых, только что им написанных пьес. А мы в свою очередь должны все вместе подготовить для него где-нибудь за городом настоящий древний шабаш и непременно с ритуальным костром. Если же мы этого не сделаем, он превратит в свой погребальный костер весь театр.

Наш Старший Друг скрепя сердце согласился исполнить его просьбу. Уверяю вас, такого шабаша вам никогда не приходилось видеть. Когда мы встали в ритуальный круг и запели со всем доступным нам артистизмом древние гимны, то в своих париках и черных гофрированных танцевальных костюмах вампиров выглядели истинными посланцами ада.

— Нам следовало бы сделать это на бульваре,— сказал он.— Да, вот еще. Пошлите это моему создателю.

И с этими словами он вложил в мои руки скрипку. Мы начали танец, призванный помочь в достижении положенного состояния исступления, и я уверена, что никто из нас никогда прежде не был так тронут и не испытывал такого ужаса, такого горя и печали. Он вошел в огонь.

Понимаю, как подействует на вас эта новость. Но поверьте, что мы действительно сделали все, что было в наших силах, чтобы предотвратить это печальное событие. Наш Старший Друг был вне себя от горя. Думаю, вам также следует знать, что по возвращении в Париж мы обнаружили, что Н. распорядился о том, чтобы отныне театр официально носил название "Театр вампиров". К моменту нашего приезда эти слова уже были написаны на фасаде. А поскольку героями лучших пьес всегда были вампиры, оборотни и другие не менее сверхъестественные существа, публика считает новое название очень даже удачным, и никому в голову не приходит его изменить. Оно как нельзя лучше подходит для современного Парижа».

Когда много часов спустя я вышел на улицу, то увидел прячущегося в тени прекрасного бледного призрака — некое по-

добие юного французского путешественника, одетого в испачканную землей белую рубашку и коричневые кожаные башмаки. Лицо его скрывала надвинутая на глаза соломенная шляпа с широкими полями.

Я, конечно же, сразу узнал ее и вспомнил, что когда-то мы с нею очень любили друг друга, но на какое-то мгновение мне показалось, что я ее почти совсем не знаю или не в силах поверить, что это действительно она.

По-моему, я хотел сказать ей что-то обидное, чтобы ранить и оттолкнуть ее от себя. Но она приблизилась и пошла рядом со мной, и я промолчал. Я просто дал ей письмо, чтобы ничего не объяснять. Она прочла его и обняла меня, совсем как когда-то очень давно, и мы зашагали рядом по темным улицам.

Запах смерти и очагов, песка и верблюжьего навоза... Запахи Египта... Запахи страны, в которой ничего не менялось на протяжении вот уже шести тысячелетий.

— Могу я что-нибудь для тебя сделать, дорогой? — шепотом спросила она.

— Нет, ничего,— ответил я.

Я один виноват во всем. Я соблазнил его, сделал тем, кем он стал, а потом бросил там одного. Я заставил его свернуть с пути, который лежал перед ним, и тем самым изменил всю его жизнь. И во тьме неизвестности, лишенный собственной человеческой судьбы, он пришел к такому концу.

Позже она стояла и молча наблюдала, как я царапаю на стене древнего храма очередное послание Мариусу. Я рассказал ему о смерти Никола, скрипача из Театра вампиров, и старался при этом проникнуть в камень так же глубоко, как мастера Древнего Египта. Эпитафия Ники, веха на пути к забвению, которую никогда и никто не сможет прочесть.

Мне казалось странным видеть ее рядом с собой. Странно было, что она проводит возле меня час за часом.

— Ведь ты не собираешься вернуться во Францию? — спросила она наконец.— Ты не захочешь поехать туда из-за того, что он сделал?

— Ты говоришь о руках? О том, что он отрубил ему руки?

Она взглянула на меня, и лицо ее сделалось вдруг совершенно гладким, словно какое-то сильное потрясение лишило его всякого выражения. Но ведь она знала. Она читала письмо. Что

же ее так потрясло? Быть может, тон, каким были сказаны мои слова?

— Ты думала, что я вернусь туда ради мести?

Она неуверенно кивнула. Она не хотела подсказывать мне эту мысль.

— Но как я могу? — сказал я.— Это будет чистейшим лицемерием. Ведь я оставил Ники на их попечение, предоставив им полную свободу действий.

Описать почти неуловимые изменения, происходившие с ее лицом, невозможно. Мне не нравилось видеть, что она столь сильно переживает. Это было так не похоже на нее.

— Тебе не кажется, что этот маленький демон действительно хотел помочь ему, когда... отрубил ему руки? Мне кажется, ему было очень нелегко принять такое решение, а ведь он мог поступить гораздо проще: ему ничего не стоило сразу сжечь Ники.

Она кивнула, но выглядела при этом очень несчастной и одновременно, как ни странно, была поистине прекрасна.

— Откровенно говоря, я тоже так считаю,— ответила она,— но я не думала, что ты согласишься со мной.

— О, я вполне законченное чудовище, чтобы понять это,— усмехнулся я.— Ты помнишь, что ты говорила мне много лет назад, еще до того, как мы сбежали из дома? Ты сказала мне это в тот день, когда он поднялся к нам вместе с торговцами, чтобы вручить мне красный плащ. Рассказала, что отец Ники так рассердился на него за то, что его сын стал играть на скрипке, что пообещал переломать ему руки. Тебе не кажется, что рано или поздно судьба все равно настигает нас? Не кажется ли тебе, что, даже будучи бессмертными, мы следуем тем путем, который был предначертан нам в смертной жизни? Ты только представь себе: предводитель общества отрубает ему руки!

В последующие ночи было ясно, что она не собирается оставлять меня одного. Я чувствовал, что из-за смерти Ники она готова следовать за мной куда угодно. Но то, что мы находились в Египте, тоже сыграло свою роль. Как никогда прежде, она была в восторге от древних памятников и руин.

Возможно, для того чтобы заслужить ее любовь, человечество должно было погибнуть шесть тысячелетий назад. Хорошо бы сказать ей об этом и тем самым слегка ее поддразнить, по-

думал я, но мысль промелькнула и тут же исчезла. Эти горы были достаточно древними, чтобы понравиться ей, а воды Нила с незапамятных времен текли в воображении человека.

Мы вместе поднимались на пирамиды, взбирались в объятия гигантских сфинксов. Пристально вглядывались в надписи на уцелевших фрагментах древних камней. Изучали мумии, которые можно было купить за гроши у местных воришек, старинные украшения, осколки глиняных и стеклянных сосудов. Опускали руки в воды Нила и смотрели, как пробегают между пальцами струи, вместе охотились на узких улочках Каира. Мы посещали бордели, где, удобно устроившись на мягких подушках, наблюдали, как танцуют юноши, и наслаждались звуками эротически возбуждающей музыки, которая на какое-то время заглушала даже постоянно звучащее в моей голове пение скрипки.

Иногда я вдруг вскакивал и тоже принимался исполнять какой-то дикий танец под экзотическую музыку, стараясь подражать изящным и полным гибкости движениям танцоров. Завывание рожков и пение лютней заставляли меня забыть обо всем на свете.

Габриэль спокойно сидела, улыбаясь мне из-под припорошенных землей полей соломенной шляпы. Мы практически не разговаривали друг с другом. По-прежнему сопровождая меня по ночам в моих блужданиях по Каиру, она оставалась не более чем холодной и жестокой красавицей с необыкновенно бледным лицом и испачканными землей щеками. В подпоясанном широким кожаным ремнем сюртуке, с заплетенными сзади в косу волосами, она двигалась с поистине королевским достоинством и характерной для вампиров легкостью и грацией. В темноте я видел, как светится кожа ее изящно очерченных скул и неясно розовеют нежные губы. Она была так прекрасна, и я с болью сознавал, что пройдет немного времени, и она вновь неизбежно исчезнет.

Однако она оставалась со мной даже тогда, когда я снял для себя небольшой, но богато украшенный дом, некогда принадлежавший одному из мамелюков, с прекрасными изразцовыми полами и изысканными, великолепной работы балдахинами, свисающими с потолков. Она даже помогала мне сажать

бугенвиллеи, пальмы и другие тропические растения, пока мы не превратили двор в маленький уголок цветущих джунглей. По собственной инициативе она принесла клетки с яркими и нарядными канарейками, попугаями и зябликами.

Габриэль сочувственно кивала, когда я жаловался на отсутствие писем из Парижа и говорил, что неизвестность буквально сводит меня с ума, что я с нетерпением жду хоть каких-нибудь вестей из Франции.

Почему Роже мне не пишет? Неужели Париж охвачен восстанием и безумием? Я надеялся, что страшные события в любом случае не коснутся моей живущей в провинции семьи. Но что, если беда случилась с самим Роже? Почему от него нет писем?

Она уговаривала меня отправиться вместе с ней вверх по реке. И хотя я с волнением ждал хоть каких-нибудь писем или новостей от английских путешественников, я согласился. Мне было приятно, что она позвала меня с собой. В конце концов, она заботилась обо мне, пусть даже по-своему.

Я понимал, что только ради меня она переодевается в чистое белоснежное белье и свежие сюртуки; ради того чтобы доставить мне удовольствие, тщательно расчесывает свои длинные прекрасные волосы.

Но все это не имело значения. Я тонул, погружался в пустоту и отчетливо сознавал это. Я странствовал по миру словно в тумане и воспринимал все происходящее как сон.

Мне казалось совершенно естественным, что вокруг себя я вижу пейзаж, остающийся неизменным в течение многих тысяч лет, с той поры, когда древние художники высекали свои рисунки на камнях пирамид египетских фараонов. Я не считал удивительным, что точно так же, как и тогда, растут вокруг пальмы, что крестьяне тем же способом, что и в древности, достают из реки воду и так же поят ею коров.

Передо мной открывалась картина мира у самых его истоков.

Интересно, бродил ли когда-нибудь по этому песку Марius?

Мы осматривали гигантский храм Рамзеса, стены которого были сплошь испещрены миллионами миниатюрных изображений. Я не переставал думать об Осирисе, но нарисованные

на камне фигуры были мне незнакомы. Мы изучали руины Луксора. Лежали рядом в лодке и смотрели на звезды.

На обратном пути в Каир мы любовались статуями-колоссами Мемнона, и Габриэль шепотом рассказывала мне, что точно так же, как мы сейчас, много веков назад римские императоры специально приходили сюда, чтобы насладиться этим великолепием.

— Статуи считались древними уже во времена Цезаря,— рассказывала она, пока мы двигались сквозь холодные пески на верблюдах.

Ночь была необычно тихой, и на фоне иссиня-голубого неба мы могли отчетливо видеть темные силуэты гигантских статуй. Несмотря на то что соленые ветры и солнце начисто уничтожили их лица, казалось, что эти немые свидетели прошедших эпох пристально вглядываются вперед. Их неподвижность одновременно и пугала меня и вызывала в душе печаль.

В голове у меня крутились те же мысли, что и тогда, когда я стоял перед пирамидами. Древние боги, древние тайны... По спине у меня пробежал холодок. Однако теперь эти статуи всего-навсего древние стражи, безликие правители вечности и разрушения.

«Мариус,— шептал я про себя,— видел ли ты все это? Способен ли кто-либо из нас просуществовать столь долго?»

Мои размышления были прерваны Габриэль. Она захотела спешиться и остаток пути пройти пешком. Я с удовольствием с ней согласился, однако не знал, как управлять огромными, вонючими и упрямыми верблюдами, как заставить их встать на колени.

Она прекрасно справилась с этой задачей, и мы пошли по песку, оставив верблюдов ждать нас на месте.

— Отправляйся вместе со мной в глубь африканских джунглей,— предложила она с необыкновенно печальным и мягким выражением лица.

Я промолчал. Что-то в ее поведении меня встревожило. Во всяком случае, мне следовало бы насторожиться.

Следовало услышать предупреждающий гул, похожий на утренний перезвон колоколов ада.

Мне вовсе не хотелось углубляться в джунгли Африки. И она это хорошо знала. Я был вне себя от волнения в ожидании но-

востей из Франции, обещанных Роже сведений о судьбе моей семьи. К тому же я планировал посетить крупнейшие города Востока, проехать через Индию и Китай, побывать в Японии.

— Ты должен знать, что я понимаю, какой путь ты для себя избрал, уважаю и ценю настойчивость, с которой ты ему следуешь.

— То же самое могу сказать тебе я.

Она остановилась.

Мы почти вплотную подошли к статуям, во всяком случае насколько это было вообще возможно. И, возможно, единственное, что мешало им оказывать на меня подавляющее воздействие, было отсутствие каких-либо предметов, с которыми их можно было бы сравнить. Небо над головой было таким же огромным, как они, пески — бескрайними, а вечно сияющие над головой звезды — бесчисленными и необычайно яркими.

— Лестат,— медленно, взвешивая каждое слово, вновь заговорила она,— я прошу тебя хотя бы раз попытаться увидеть мир так, как вижу его я.

Луна ярко освещала ее фигуру, но широкополая шляпа почти полностью скрывала ее маленькое треугольное личико.

— Забудь о доме в Каире,— продолжала она, внезапно понизив голос, словно тем самым желая подчеркнуть важность своих слов.— Откажись от всех ценностей, от одежды, от всего того, что связывает тебя с цивилизацией. Отправляйся со мной на юг, вверх по реке в самое сердце Африки. Последуй моему примеру.

Я по-прежнему молчал, но чувствовал, как сильно колотится сердце.

Тихо, едва слышно, она заговорила о том, что мы сможем увидеть неизвестные миру африканские племена, сразиться голыми руками с крокодилами и львами и, возможно, отыскать самый исток Нила.

Меня охватила дрожь. Показалось вдруг, что в ночной тьме завыли ледяные ветры. И некуда было от них скрыться.

«Ты хочешь сказать, что покинешь меня навсегда, если я не соглашусь? Я правильно тебя понял?»

Я не мог отвести взгляд от статуй, которые вызывали во мне ужас, и мне показалось, что я произнес вслух:

— Значит, вот как все заканчивается...

Вот, значит, в чем причина ее присутствия рядом со мной, вот почему она оказывала мне все эти знаки внимания, и только поэтому мы с ней сейчас вместе! Ее забота не имела ничего общего с тем, что Ники канул в вечность. Сейчас ее волновала совсем другая разлука, предстоящая в скором времени.

Словно споря в душе сама с собой и решая, как лучше вести разговор дальше, она тряхнула головой. Потом приглушенным голосом стала описывать мне прелесть душных тропических ночей, гораздо более влажных и нежных, чем здесь.

— Иди со мной, Лестат,— сказала она.— Днем я сплю в песке, а ночью буквально летаю, как если бы у меня и в самом деле выросли крылья. Я не нуждаюсь в имени. Не оставляю следов. Я хочу проникнуть в самое сердце Африки. И превращусь в богиню для своих будущих жертв.

Она подошла ближе, обняла меня за плечи и прижалась губами к моей щеке. Я отчетливо видел, как из-под полей шляпы сверкают ее глаза. Лунный свет ярко озарял ее рот.

Я вздохнул и покачал головой.

— Я не могу, и тебе это отлично известно,— ответил я.— Я точно так же не в силах сделать это, как ты не в силах остаться со мной.

Всю обратную дорогу до Каира я размышлял о том, что произошло и что почувствовал я в эти тяжелые минуты. О том, что знал и о чем промолчал, когда мы стояли перед статуями-колоссами.

Она была для меня уже навсегда потеряна! Причем давно, много лет назад. Я отчетливо понял это в тот момент, когда вышел из комнаты, где оплакивал Ники, и увидел ее ждущей меня на улице.

В той или иной форме все это было высказано давным-давно в подземном склепе башни. Она не могла дать мне то, в чем я так нуждался. И не в моих силах было превратить ее в ту, кем она никогда не сможет стать. Но поистине ужасно то, что ей от меня тоже ничего не было нужно!

Она звала меня за собой только потому, что считала себя обязанной сделать это. Быть может, к этому еще примешивались жалость и печаль. На самом же деле единственным, чего она жаждала, была свобода.

Она оставалась со мной и после возвращения в город, но все время молчала и ничего не делала.

А я все глубже и глубже погружался в пустоту, онемевший, ошеломленный, зная, что в самое ближайшее время меня ожидает еще один страшный удар. Я понимал это настолько ясно, что меня охватывал ужас. Она вот-вот скажет мне последнее «прости», и я не в силах это предотвратить. Когда же я потеряю над собой контроль? Когда не смогу сдержать слезы?

Только не сейчас!

Едва мы зажгли все лампы в нашем маленьком доме, меня охватило буйство красок. Персидские ковры с великолепными цветочными орнаментами, балдахины с вплетенными в ткань миллионами крошечных зеркал, сверкающие перья трепещущих крыльями птиц...

Я искал письмо от Роже, но его не было, и внезапно меня охватил гнев. Он обязан был написать мне хоть что-нибудь. Мне необходимо было знать, что происходит в Париже! Однако гнев быстро сменился страхом.

— Что же, черт возьми, творится во Франции? — пробормотал я.— Я должен найти других европейцев, лучше всего англичан, потому что они всегда хорошо осведомлены, у них всегда есть информация. Куда бы они ни направлялись, они повсюду таскают с собой любимый индийский чай и лондонскую «Таймс».

То, что она стояла при этом совершенно спокойно, приводило меня в бешенство. Мне казалось, в комнате происходит что-то странное — я вновь ощутил те же напряжение и неприязнь, которые почувствовал в подземном склепе, перед тем как Арман начал свой длинный рассказ.

Но она просто собиралась покинуть меня навсегда. Готова была ускользнуть в вечность. И неизвестно, сумеем ли мы когда-нибудь разыскать друг друга!

— Вот черт! — вырвалось у меня.— Я ожидал найти здесь письмо! И слуг нет. Они не знали точно, когда мы вернемся.

Мне хотелось послать кого-нибудь за музыкантами. Я только что насытился, согрелся и вдруг подумал, что мне хочется танцевать.

Неожиданно она шевельнулась и направилась прямиком во двор.

Я увидел, как она наклонилась, потом опустилась на колени около пруда. Затем приподняла плитки, которыми был вымощен двор, вытащила пакет и, стряхнув с него песок, принесла мне.

Еще до того как она вынесла его на свет, я понял, что он от Роже. Значит, письмо пришло до нашего путешествия в верховья Нила, а она его просто спрятала!

— Зачем ты это сделала?

Я был вне себя от ярости. Выхватив пакет у нее из рук, я швырнул его на стол.

В эти минуты я ненавидел ее так, как никогда прежде...

— Почему ты спрятала его от меня?

— Потому что хотела получить еще один шанс! — прошептала она. Подбородок у нее задрожал, губы искривились, а по щекам потекли кровавые слезы.— Но ты все равно сделал свой выбор!

Я разорвал бумагу. Оттуда выпали вырезки из английских газет и письмо. Дрожащими руками развернув листок, я начал читать:

«Монсеньер, как вы уже, наверное, знаете, 14 июля толпы парижан осадили Бастилию. В городе царит хаос. Восстания происходят по всей Франции. Многие месяцы я безуспешно пытался связаться с вашей семьей, чтобы, если это будет возможно, вывезти их из страны в безопасное место.

Однако в прошедший понедельник до меня дошли известия, что крестьяне и арендаторы подняли мятеж против вашего отца и напали на замок. Ваши братья, их жены и дети, а также все, кто осмелился защищать замок, были жестоко убиты. Спастись посчастливилось только вашему отцу.

Преданным слугам удалось спрятать его на время осады, а позже переправить на побережье. В настоящий момент он находится в Новом Орлеане — бывшей французской колонии в Луизиане. И он умоляет вас помочь ему. Он совершенно убит горем и окружен чужими людьми. Он умоляет вас приехать».

В письме было что-то еще — извинения, заверения, какие-то подробности, частности... Но все это не имело никакого значения.

Опустив письмо, я долго сидел, тупо глядя на стол и круг света от лампы.

— Не езди к нему! — услышал я голос Габриэль, но он показался мне слабым и едва уловимым в наступившей тишине, которая, напротив, превратилась в сплошной горестный вопль.

— Не езди к нему,— повторила она.

Из глаз ее струились слезы, и красноватые полоски на щеках казались нарисованными гримом, как у клоуна.

— Убирайся,— прошептал я. Слово вылетело, но голос мой не в силах был умолкнуть.— Убирайся! — повторил я. И опять не смог замолчать. Почти против воли я еще раз крикнул, теперь уже с нескрываемой и безграничной злобой: — УБИРАЙСЯ!!!

4

Мне снилась моя семья. Мы обнимали друг друга. Даже Габриэль в бархатном платье была здесь. Замок был сожжен дотла. Все присланные мною сокровища либо расплавились, либо превратились в пепел. Все всегда возвращается в прах. Как там говорится: прах к праху и пепел к пеплу?

Впрочем, неважно. Я вернулся и превратил всех родных в вампиров. И теперь мы стали семьей де Лионкуров — белолицые красавицы и красавцы, включая даже младенца, над которым склонилась мать, держа в руках извивающуюся серую крысу и собираясь накормить ею ребенка.

Мы со смехом целовались и бродили по сгоревшим черным развалинам — мои белолицые братья, их белолицые жены, похожие на призраков дети, стайкой охотящиеся за жертвами. А мой слепой отец, совсем как в библейской легенде, вдруг вскочил с криком:

— Я ПРОЗРЕЛ!

Мой старший брат крепко меня обнял. Нарядно одетый, он выглядел просто великолепно. Я никогда не видел его таким прекрасным, а благодаря крови вампира лицо его приобрело открытое и одухотворенное выражение.

— Ты знаешь, это просто чудо, что ты приехал и преподнес всем нам Темный Подарок! — И он весело рассмеялся.

— Темный Дар, дорогой, Темный Дар,— поправила его жена.

— Потому что если бы ты не совершил свои обряды,— продолжил брат,— все мы просто погибли бы.

5

Дом опустел. Багаж уже был отправлен. Через два дня корабль покинет Александрию. Со мной остался только один саквояж. На борту корабля сыну маркиза положено время от времени менять костюмы. И, конечно же, со мной была скрипка.

Габриэль стояла возле арки, ведущей в сад,— изящная, длинноногая и прекрасная в своем белоснежном платье из хлопка и неизменной шляпе на распущенных волосах.

Интересно, эти удивительные длинные волосы были распущены ради меня?

Мое горе становилось все более глубоким. Оно, словно морской прилив, постепенно вбирало в себя все потери, выпавшие мне как в смертной, так и в бессмертной жизни.

Позже горе ушло, но ощущение того, что я тону, вернулось вновь. Я чувствовал себя словно во сне, по которому плыл не по своей воле и которому не было конца.

Мне вдруг пришло в голову, что волосы ее можно сравнить с золотым дождем и что поистине, когда смотришь на того, кого любишь, все поэтические образы мира обретают смысл.

— Скажите, что вам еще нужно от меня, матушка? — спросил я, обратив вдруг внимание на то, что комната вновь приобрела цивилизованный вид: стол, лампа, стул...

Все мои ярко раскрашенные птички исчезли — должно быть, их отнесли на базар, чтобы продать. И серые африканские попугаи, способные прожить дольше, чем люди,— тоже. А Ники прожил всего тридцать лет.

— Вам нужны деньги?

Глаза ее вспыхнули, стремительно меняя цвет от голубого к фиолетовому. На какое-то мгновение мне показалась, будто в ней промелькнуло что-то человеческое. Как будто мы вновь стояли в ее комнате с сырыми стенами, множеством книг и ярко горящим в камине огнем. А была ли она человечной тогда?

Она наклонила голову, и поля шляпы полностью скрыли от меня ее лицо.

— Но куда же ты направишься? — неожиданно спросила она.

— В маленький домик на Рю-Дюмейн в старом французском городе, который называется Новый Орлеан,— холодно и

резко ответил я.— А что я буду делать, после того как он умрет и навсегда обретет покой, не имею ни малейшего представления.

— Ты не можешь так думать и поступать! — воскликнула она.

— У меня уже заказан билет на ближайший корабль из Александрии. Я отправлюсь в Неаполь, потом в Барселону. Из Лиссабона отплыву в Новый Свет.

Лицо ее сделалось уже, черты лица стали резкими. Губы дрогнули, но с них не сорвалось ни слова. И вдруг я увидел, что к глазам ее подступили слезы, и почувствовал, что она хочет меня обнять или хотя бы прикоснуться ко мне. Но я отвернулся, сделав вид, что занят чем-то лежащим на столе, и стиснул кулаки, чтобы унять дрожь. Как хорошо, подумал вдруг я, что Ники унес с собой в небытие свои руки. Если бы он это не сделал, мне пришлось бы ехать за ними во Францию, прежде чем я смог бы продолжить свой путь.

— Не может быть, чтобы ты ехал к нему! — прошептала она.

К нему?! Как она смеет! Ведь он же мой отец!

— Какой смысл говорить об этом сейчас? Я уже еду! — ответил я.

Она лишь отрицательно качнула головой и подошла к столу. Походка ее была еще более легкой и неслышной, чем у Армана.

— Кто-нибудь из нам подобных отваживался совершать столь далекое путешествие и пересекать океан? — спросила она.

— Мне об этом ничего не известно. В Риме говорили, что нет.

— А вдруг это вообще невозможно? Пересечь океан.

— Возможно. И ты это знаешь.

Ведь прежде мы переплывали моря в обитых пробкой гробах. И горе тому, кто посмеет меня потревожить.

Она подошла еще ближе и взглянула на меня сверху вниз. Она не в силах была и дальше скрывать боль, исказившую прекрасные черты ее лица. И несмотря на это, она казалась мне восхитительной. Почему прежде я одевал ее во все эти бальные платья, шляпы с перьями и заставлял носить драгоценности?!

— Ты знаешь, как связаться со мной,— снова заговорил я. Тон мой, однако, не был уверенным, и в голосе звучала горечь.— Вот адреса моих банков в Лондоне и Риме. Эти банки существуют на земле столько же, сколько и вампиры, наверное. Они и впредь останутся на своих местах. Впрочем, тебе это и так известно...

— Замолчи! — тихо вскрикнула она.— Не смей больше говорить со мной об этом.

Какая ложь и какое притворство! Она всегда ненавидела такого рода разговоры и никогда не заговаривала на подобные темы сама. Даже в самых фантастических снах мне не могло присниться, что когда-нибудь все будет происходить именно так — что мне придется холодным тоном говорить ей столь неприятные вещи и ей придется плакать. Мне казалось, что при известии о том, что она уходит, я буду дико вопить от боли, со слезами брошусь к ее ногам.

Мы долго смотрели друг на друга. Я видел, что глаза ее полны слез, а губы вздрагивают.

И в конце концов я потерял всякий контроль над собой.

Вскочив, я бросился к ней и обхватил руками ее хрупкое тело. Я не хотел ее отпускать от себя, как бы она ни боролась. Мы буквально слились в безмолвном крике и никак не могли оторваться друг от друга. Но я чувствовал, что она не подчинится, что она не растаяла в моих объятиях.

В конце концов она слегка отстранилась и стала гладить меня по голове обеими руками, потом наклонилась, поцеловала меня в губы и молча отошла.

— Вот и все, мой дорогой,— сказала она.

Я покачал головой. У меня на душе было столько невысказанных слов! Но они не были ей нужны, она никогда не нуждалась в моих словах.

Медленно и плавно, грациозно покачивая бедрами, она подошла к двери, которая выходила в сад, и посмотрела сначала на сияющие высоко в небе звезды, потом на меня.

— Ты должен пообещать мне кое-что,— промолвила она наконец.

Я видел перед собой благородного молодого француза, который с грацией, свойственной только арабам, спокойно передвигался по узким улочкам и темным закоулкам сотен городов

и бесстрашно посещал такие места, где только отъявленные бандиты могли чувствовать себя в относительной безопасности.

— Хорошо,— ответил я, хотя дух мой был совершенно сломлен и никакого желания продолжать разговор не было.

Краски померкли. Ночь не казалась мне ни холодной, ни жаркой. Мне хотелось сейчас, чтобы она поскорее ушла, однако я не мог даже представить, что будет со мной, когда это действительно случится.

— Пообещай мне, что ни при каких обстоятельствах не попытаешься покончить со всем этим, предварительно не повидавшись со мной, не подождав, пока мы снова сможем быть вместе.

В первый момент я был настолько удивлен, что даже не нашелся, что ответить.

— Я никогда не решусь покончить с собой,— наконец ответил я, постаравшись вложить в свои слова как можно больше презрения.— А потому с легкостью могу дать тебе такое обещание. Но почему бы и тебе не пообещать мне кое-что? Например, что ты скажешь мне, куда направишься отсюда и где я смогу тебя найти... что не исчезнешь бесследно, как если бы ты оказалась плодом моего воображения...

Я замолчал, почувствовав в собственном голосе просительные и даже истерические нотки. Я не мог представить ее пишущей письмо и отправляющей его по почте, да и вообще делающей что-то такое, что свойственно обыкновенным смертным.

— Надеюсь, ты правильно оценил себя и свои силы,— сказала она.

— Я уже ни во что не верю, матушка,— произнес я.— Когда-то давно вы сказали Арману, что верите, будто бескрайние леса и джунгли дадут вам ответы на все вопросы, что звезды смогут наконец открыть вам истинную правду. А я не верю ни во что. И это делает меня гораздо более сильным, чем вы думаете.

— Тогда почему же мне так за тебя страшно? — чуть слышно спросила она. Лишь по движению губ я смог понять смысл ее вопроса.

— Вы чувствуете, насколько я одинок и как страдаю от того, что фактически выброшен из жизни. Как горько мне созна-

вать, что я есть не что иное, как зло, что я не заслуживаю любви и в то же время так в ней нуждаюсь. Я ужасаюсь при мысли о том, что не имею права раскрыть себя перед кем-либо из смертных. Но все это не сможет остановить меня, матушка. У меня достаточно сил, чтобы вынести все это. Как вы сами сказали, я очень хорошо умею быть тем, кто я есть на самом деле. Время от времени я очень страдаю, только и всего.

— Я люблю тебя, сынок,— сказала она.

Я хотел напомнить ей о так и не данных мне обещаниях, об агентах в Риме, которым она должна писать. Я хотел сказать что-то...

— Сдержи свое слово,— вновь попросила она.

И я вдруг отчетливо понял, что это наши последние проведенные вместе мгновения. Я знал это, но уже не мог ничего изменить.

— Габриэль! — тихо позвал я ее.

Но она исчезла.

Комната, сад и все вокруг погрузились в спокойствие и тишину.

Открыв глаза почти перед самым рассветом, я увидел, что лежу на полу в доме. Я плакал и, должно быть, уснул.

Я понимал, что должен отправляться в Александрию, что мне необходимо до восхода солнца успеть уйти как можно дальше и зарыться где-нибудь глубоко в песок. Мне будет так приятно спать в песчаной почве. Я заметил, что ворота сада распахнуты настежь и ни одна дверь не заперта.

Но я не мог заставить себя пошевелиться. Я с каким-то холодным спокойствием представлял себе, что разыскиваю ее по всему Каиру. Слышал, как зову ее и умоляю вернуться. Мне даже на миг показалось, что все это было на самом деле. Что я, совершенно забыв о гордости, бросился за ней следом, пытался рассказать ей что-то о предначертаниях судьбы, о том, что мне было суждено потерять ее, так же как Ники суждено было потерять свои руки. Что я уверял ее в том, что мы должны каким-то образом изменить судьбу и в конце концов одержать победу.

Бессмысленные мечты. Я не побежал за ней. Я отправился на охоту в одиночестве, а потом вернулся обратно. Сейчас она уже за много миль от Каира. Словно крошечная песчинка, подхваченная порывом ветра, она исчезла навсегда.

Прошло много времени, прежде чем я заставил себя повернуть голову. Небо над садом и далекими крышами уже заалело. Всходило солнце, и вместе с ним город окутывало тепло. Сотни голосов проснувшихся в этот ранний час жителей Каира раздавались на его извилистых узких улочках, звуки исходили и от пробуждающихся деревьев, песка, травы.

Напряженно вслушиваясь в шум утреннего города и следя за ползущим по крыше лучом света, я не сразу почувствовал близкое присутствие смертного.

Он стоял возле самых ворот сада и всматривался в мое неподвижно лежащее посреди пустого дома тело. Это был молодой и довольно симпатичный на вид европеец со светлыми волосами, одетый на арабский манер. Он, естественно, был удивлен, увидев ранним утром на полу покинутого хозяевами дома своего собрата-европейца.

Солнце уже начинало жечь мне глаза, кожа вокруг них горела, но я продолжал следить, как он входит через распахнутые ворота в парк и приближается ко мне. В белоснежной одежде и арабском головном уборе он был похож на привидение в белой простыне.

Я понимал, что должен бежать, что должен немедленно укрыться от солнца. Шансов на то, чтобы попасть в подвал под домом, уже не было. В мое убежище проник смертный. У меня не оставалось времени даже на то, чтобы убить его и таким образом избавиться от несчастного глупца.

Но я продолжал лежать неподвижно. А он подходил все ближе и ближе, и на фоне совсем светлого неба фигура его казалась темной.

— Месье,— услышал я участливый шепот, совсем как шепот той женщины в соборе Нотр-Дам, которая хотела мне помочь, перед тем как я убил ее и ее невинного ребенка.— Месье, что с вами? Могу я вам чем-нибудь помочь?

Лицо молодого человека было загорелым, а из-под арабского убора на меня смотрели совсем такие же, как и у меня самого, серые глаза в обрамлении золотистых ресниц.

Я вдруг осознал, что, сам того не желая, вскакиваю на ноги, что губы мои кривятся, обнажая острые зубы, и из горла вырывается звериное рычание. Молодой человек в ужасе смотрел на меня.

— Гляди! — рявкнул я, демонстрируя свои длинные клыки.— Видишь?!

Я рванулся к нему, схватил его руку и прижал ладонью к своему лицу.

— Ты думал, что я человек? — кричал я, обхватывая его и отрывая от пола, в то время как он безуспешно пытался ударить или оттолкнуть меня.— Ты думал, что я такой же, как ты?

Рот его сначала беззвучно раскрылся, потом я услышал душераздирающий вопль.

Я швырнул его высоко вверх, через сад, и его тело исчезло за одной из сияющих крыш.

В небе уже вовсю горел рассветный пожар.

Через ворота сада я выскочил на улицу, потом долго бежал под какими-то арками, мчался по незнакомым улочкам, распахивая одним ударом преграждавшие мне путь ворота и двери и расталкивая попадавшихся под руку смертных.

Я проламывал даже стены, и пыль забивала мне нос, мешая дышать, но я мчался все дальше по грязным и вонючим проулкам. И все время меня буквально по пятам преследовал свет.

Найдя наконец сгоревший дотла дом с обрушившимися решетками вокруг, я влетел туда и стал зарываться в садовую землю, пока не почувствовал, что больше не в силах шевелить руками.

Я окунулся в холод и темноту.

Я был в безопасности.

6

Я умирал. А может быть, мне это только казалось. Я не знал, сколько прошло ночей. Мне необходимо было подняться и добраться до Александрии. Я должен был переплыть море. Но это означало, что надо двигаться, поворачиваться в земле и отдаться на милость невыносимой жажды.

Нет, я ей не поддамся.

Жажда возникла. Жажда продолжалась. Она пытала меня как огнем. Мой мозг умирал от жажды, мое сердце — тоже, оно билось все громче и громче и, казалось, готово было выскочить из груди. Но я все равно не сдавался.

Возможно, удары моего сердца были слышны даже смертным на поверхности земли. Иногда я видел людей — как вспышки пламени на фоне тьмы, иногда слышал их голоса, бормочущие что-то на чужом языке. Но чаще всего перед моими глазами была только тьма. Я слышал только тьму.

Казалось, я сам превратился в жажду, я видел только красные сны, мною овладевали только красные мечты, и постепенно я начал осознавать, что слишком ослаб и едва ли смогу самостоятельно проделать путь наверх сквозь тяжелые песчаные комья. Я слишком ослаб, чтобы вновь запустить колесо жизни.

Да, это так. Я не мог подняться, даже если бы захотел. Я вообще не мог шевелиться. Но я дышал. Продолжал жить. Но жил и дышал я совсем не так, как делают это смертные. Гулкие удары сердца эхом отдавались у меня в ушах.

Но все-таки я не умирал. Я просто был чересчур истощен. Так же как обреченные на муки несчастные за стенами кладбища Невинных мучеников. Истинное воплощение страданий, которые поджидают нас повсюду, но при этом невидимое, никем не признаваемое и не отмеченное, а потому совершенно бесполезное.

На руках у меня выросли длинные когти, кожа сморщилась и приросла к костям, глаза выпирали из ввалившихся глазниц. Самое интересное, что в таком виде мы можем существовать вечно, даже если не пьем кровь, не желая предаваться этому поистине восхитительному и роковому удовольствию. Мы все равно существуем. Это можно было бы назвать интересным, если бы не муки, которые испытываем мы при каждом ударе сердца.

И если бы я мог перестать думать о том, что Никола де Ленфена больше нет. Как нет моих братьев. Нет больше легкого вкуса вина и грома аплодисментов.

«Не кажется ли тебе, что то, что мы делаем, добродетельно уже потому, что мы несем людям счастье?»

«Добродетельно? О чем ты говоришь? Добродетельно?!»

«О том, что это добродетельно потому, что несет в себе крупицы добра. Боже мой! Да если во всем мире ничто не имеет смысла, добродетель все равно может существовать. В том, что мы едим, пьем, смеемся, в том, что мы вместе наконец!..»

Смех... Эта безумная музыка... Грохот, диссонанс, бесконечное пронзительное воплощение в звуках бессмысленности существования мира...

Я не понимал, то ли сплю, то ли бодрствую. Уверен я был лишь в одном: в том, что я чудовище, монстр. И только потому, что я лежу сейчас в земле и испытываю страшные муки, несколько человек остаются невредимыми и продолжают странствовать по земле.

Габриэль, должно быть, уже в джунглях Африки.

Время от времени на руинах появляются смертные. Чаще всего здесь прячутся воры. Они чересчур много болтают на своем непонятном наречии. Все, что мне необходимо сделать, это заставить себя уйти еще глубже в песок, отстраниться от самого песка, который меня со всех сторон окружает, и тогда я перестану их слышать.

Неужели я действительно оказался в ловушке?

Сверху доносится запах крови.

А вдруг они — моя последняя надежда? Эти двое, расположившиеся на ночлег в заброшенном саду. Вдруг именно их кровь заставит меня подняться, заставит шевелиться и работать ужасными на вид, похожими на звериные лапы руками?

Но при виде меня они умрут от страха, и я даже не успею напиться их крови. Какой позор! Ведь, по слухам, я всегда был прекрасным юным дьяволом. Но только не сейчас.

Иногда мне казалось, что я вновь разговариваю с Ники.

«Теперь я не чувствую боли, и меня не мучает сознание собственной греховности»,— говорит он.

«А что вообще ты чувствуешь? — спрашиваю я.— Или твоя свобода и состоит в отсутствии способности чувствовать? Ни горя, ни жажды, ни радости, ни восторга?»

В такие минуты мне казалось примечательным, что наше понятие о небесах всегда связано с восторгом. Небесные радости! А понятие ада всегда тесно ассоциируется с болью. Адское пламя! Следовательно, полное отсутствие каких-либо чувств вовсе не означает нечто очень хорошее?

Может, хватит думать об этом, Лестат? Или ты действительно готов терпеть поистине адские муки от нестерпимой жажды, только бы не умереть и не впасть в полное бесчувствие? По крайней мере, ты испытываешь желание напиться крови — го-

рячей, доставляющей истинное наслаждение каждой клеточке твоего тела! Кровь!

Сколько еще эти смертные собираются пробыть здесь, в моем заброшенном саду? Ночь? Или две? Я оставил скрипку в том доме, где жил. Я должен забрать ее и подарить какому-нибудь юному смертному музыканту, кому-то, кто...

Благословенная тишина! Слышится только пение скрипки. Белые пальцы Ники прижимаются к струнам, смычок скользит и блестит в лучах света, а на белых лицах бессмертных марионеток застыло выражение не то восторга, не то безразличия... Кажется, с тех пор прошло целое столетие. Парижане поймали бы его. Ему не следовало самому входить в тот костер. Возможно, они поймали бы и меня, хотя едва ли.

Нет, для меня нет и не будет на этой земле поляны ведьм.

Он продолжает жить в моем сердце. Какая благочестивая человеческая фраза! А какова эта жизнь? Я сам не рад, что живу. Что же означает: жить в чьем-либо сердце? Ничего. Во всяком случае, мне так кажется. Ведь на самом деле тебя там нет.

В саду бегают кошки. Я чувствую запах кошачьей крови.

Нет уж, спасибо! Уж лучше я буду страдать от жажды и в конце концов превращусь в пустую зубастую скорлупу!

7

В ночной тишине послышался звук. Что-то он мне напоминал...

Детство... Улица нашей деревни... Итальянские комедианты идут по главной улице, объявляя о представлении, которое будет дано вечером с платформы их раскрашенного вагончика. Их шествие сопровождается медленными ударами в большой барабан, и грохот его разносится далеко по округе. Это тот самый барабан, в который бил я, проходя по улицам города в те счастливые дни, когда сбежал из дома и присоединился к труппе.

Однако эти звуки были гораздо громче. Они больше походили на пушечную канонаду, эхом разносящуюся по дорогам и горным тропам. Они заставили меня затрепетать. Я открыл глаза. Вокруг была кромешная тьма, а звуки все приближались.

Их ритм совпадал с ритмом шагов. Или с ритмом биения сердца? Они заполнили все вокруг.

Грохот, казавшийся мне зловещим, раздавался совсем близко. Однако в глубине души я сознавал, что на самом деле никакого грохота нет, что ни один смертный не может слышать эти звуки, что они вовсе не заставляют дрожать фарфор и стекла в домах и разбегаться в страхе окрестных котов.

Египет погружен в тишину. Она царит в пустыне по обоим берегам великой реки. Не слышно было ни блеяния овец, ни мычания коров, ни тихого плача женщины.

И все же звуки буквально оглушали меня.

На миг мне стало страшно. Вытянувшись, насколько это было возможно в моем земляном убежище, я начал лихорадочно скрести пальцами почву, чтобы выбраться на воздух. Ослепший и совершенно невесомый, я постепенно выплывал наверх и вдруг почувствовал, что мне трудно дышать. Я не в силах был даже крикнуть, а мне казалось, что своим криком я мог бы сокрушить окна во всей округе, вдребезги разбить хрустальные бокалы, все до единого стеклянные предметы.

Звуки становились все оглушительнее. Я попытался перевернуться и глотнуть хоть немного воздуха, но не смог.

И тут мне почудилось, что ко мне приближается какая-то фигура. Я увидел во тьме красноватое сияние.

Так вот откуда возникли эти звуки! Это существо было столь сильным и могущественным, что даже замершие в тишине деревья, цветы и окружающий воздух чувствовали его мощь. Его величие признавали все подземные существа, от него разбегались в стороны все твари на земле.

Быть может, это сама смерть?

А что если она каким-то чудом есть существо живое, эта Смерть, и готова принять нас в свои объятия? Что если она вовсе не вампир, а само воплощение небес?

Вместе с ней мы возносимся к звездам, пролетаем мимо ангелов и святых, минуем свет и попадаем в благословенную тьму, в бездну, переставая существовать. Вечное забвение дарует нам отпущение всех грехов.

Самоуничтожение Ники становится крошечной точкой постепенно рассеивающегося света. Смерть моих братьев растворяется в великом спокойствии неизбежности.

Я скреб руками землю, колотил по ней кулаками, но был чересчур слаб. Во рту я чувствовал привкус песка и грязи. Я знал,

что должен подняться, и доносящиеся до меня звуки приказывали мне сделать это.

Они казались мне грохотом артиллерийской канонады, выстрелами пушек.

Теперь я был совершенно уверен, что они обращены именно ко мне. Они лучами света пронизывают все вокруг. Я не мог больше лежать — я просто обязан был откликнуться.

Мысленно я посылал отчаянные призывы. Сообщал, что нахожусь совсем рядом. Губы меня не слушались, изо рта вырывалось лишь тяжелое дыхание. А звук все разрастался, проникал в каждую клеточку моего тела. Земля вокруг дрожала.

Чем бы или кем бы оно ни было, существо уже вошло в развалины сгоревшего дома.

Дверь с грохотом вылетела, словно ее петли были укреплены не в железе, а в глине. Глаза у меня были закрыты, но я видел происходящее мысленным зрением. Я видел, как он идет через сад под сенью оливковых деревьев.

Как сумасшедший работая руками, я вновь стал выцарапываться наверх, на открытый воздух. И тут услышал еще какой-то звук — монотонный, тихий и очень знакомый. Я понял, что кто-то роет землю сверху.

Что-то мягкое, бархатистое коснулось моего лица. Я увидел над головой сверкающее звездами небо, по которому лоскутками вуали проплывали облака. Никогда еще такое знакомое небо не казалось мне поистине благословенными небесами.

Легкие мои наполнились чистым воздухом.

Я не мог сдержать восторженный стон. Нет, это был даже не восторг... Видеть свет, дышать... это поистине чудо. И барабанный грохот, от которого закладывало уши, казался мне лучшей в мире музыкой, сопровождающей чудесные ощущения.

А надо мной склонился тот, кто искал меня и кто создавал весь этот шум.

Звуки затихли и превратились в подобие слабого отголоска скрипичной струны. Незнакомец стоял совершенно неподвижно, опустив руки вдоль тела, и тем не менее я поднимался, как будто кто-то тащил меня вверх.

Наконец он протянул руки, чтобы обхватить меня, и я увидел лицо, красота которого была поистине за пределами возможного.

Кому из нам подобных могло принадлежать такое лицо? Что мы могли знать о терпении, добродетели, сострадании? Он не мог быть одним из нас! И все же он им был! У него была такая же, как у меня, сверхъестественная кровь и плоть. Переливающиеся радугой глаза, вбирающие свет буквально отовсюду, были окружены короткими и тонкими ресницами, похожими на золотые нити.

И это существо, этот могущественный вампир держал меня в своих объятиях и смотрел мне прямо в глаза. Мне в голову пришла мысль о том, что я наконец-то узнал секрет бессмертия.

— Тогда открой его мне,— прошептал он и вдруг улыбнулся. В этот момент он был чистейшим воплощением человеческой любви.

— Господи, помоги мне! Да разверзнется подо мной адская бездна! — услышал я собственный голос. Я не в силах был смотреть на подобную красоту.

Я увидел свои костлявые руки, кисти которых больше напоминали птичьи лапы. Столь отвратительное существо, каким был в эти минуты я, не имело права на существование. Опустив глаза, я взглянул на похожие на палки ноги. Одежда на мне висела. Я не мог ни стоять, ни двигаться, и внезапно воспоминание о восхитительном вкусе струящейся по губам крови буквально захлестнуло меня.

Словно в тумане видел я перед собой его бархатный костюм. Плащ, спускающийся до самой земли, крепко сжимающие меня руки в темно-красных перчатках. Его густые светлые волосы волнами спускались почти до плеч, и снутанные локоны обрамляли лицо. Голубые глаза под густыми золотыми бровями могли бы казаться слишком глубоко посаженными, если бы не были такими большими и не светились добротой. Мягкий голос выдавал переполняющие его чувства.

Этот человек в момент обретения бессмертия был в самом расцвете лет. Правильные черты лица, чуть впалые щеки, довольно крупный чувственный рот... На всем лежала печать спокойствия и доброты.

— Пей,— произнес он, чуть приподнимая брови и медленно выговаривая это слово, сложив губы будто для поцелуя.

Точно так же, как когда-то давным-давно Магнус, он поднял руку и расстегнул на шее плащ. Под прозрачной сверхъестественно белой кожей я увидел пульсирующую темно-красную вену. И вновь в ушах у меня раздались невероятно мощные звуки, которые буквально оторвали меня от земли и заставили прижаться к вене.

Кровь была подобна свету, она хлынула в меня как жидкий огонь. Такова наша кровь.

С неизвестно откуда взявшейся силой я вцепился руками в его плечи, приник лицом к прохладной белой коже. Струившаяся по жилам кровь воспламеняла каждую клеточку моего существа. В течение скольких веков очищалась эта кровь, накапливала в себе мощь?

Словно сквозь грохот водопада, я вновь услышал его голос:

— Пей, мой мальчик. Пей, мой израненный малыш.

Я чувствовал, как вздымается его грудь, как трепещет от волнения тело, и вскоре мы слились с ним воедино.

— Мариус...— вроде бы прошептал я.

И он ответил мне:

— Да.

Часть VII

ДРЕВНЯЯ МАГИЯ, ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ

1

проснулся на корабле. До меня доносилось поскрипывание бортов, я чувствовал запах моря. Ощущал запах крови тех, кто управлял кораблем. Точнее, это была галера, потому что я явственно слышал размеренные удары весел о воду и хлопанье на ветру огромных парусов.

Я не в силах был открыть глаза, не мог заставить себя пошевелиться. И тем не менее я был спокоен. Меня не мучила жажда. Иными словами, я испытывал удивительное чувство умиротворения. Тело мое было теплым, словно я только что насытился, и было так приятно лежать здесь, наслаждаться убаюкивающим покачиванием на волнах и грезить наяву.

Постепенно в голове у меня стало проясняться.

Я понимал, что мы движемся с большой скоростью по спокойной воде. Догадывался, что солнце только что зашло. Вечернее небо медленно темнело, ветер стихал. Отчетливо слышимые всплески весел, равномерно ударяющихся о воду, действовали успокаивающе.

Мои глаза открылись.

Я уже не лежал в гробу. Я вышел из каюты на корме судна и остановился на палубе.

Вдыхая полной грудью соленый морской воздух, я всматривался в удивительной красоты синеву вечернего неба и видел мириады рассыпанных по ней звезд. С земли звезды воспринимаются совсем по-другому и никогда не кажутся такими близкими.

По обе стороны от нас тянулись горы, отвесные скалы сияли тысячами крошечных огоньков. Воздух наполняли запахи зелени, цветов и земли.

Не слишком большая по размерам и юркая галера стремительно неслась к узкому проходу между виднеющимися впереди скалами.

Я чувствовал себя как никогда сильным и способен был рассуждать вполне здраво. На мгновение я испытал соблазн попытаться выяснить, каким образом я очутился на борту галеры и по какому морю — Эгейскому или Адриатическому — мы сейчас плывем. Мне захотелось узнать, когда мы покинули Каир и действительно ли произошло все то, о чем я сейчас вспоминал.

Однако эти мысли быстро исчезли. Я с благодарностью воспринимал то, что происходило сейчас.

На капитанском мостике перед грот-мачтой я увидел Мариуса.

Подойдя ближе к мостику, я остановился и посмотрел вверх.

На нем был тот же, что и в Каире, длинный бархатный плащ. Ветер отбрасывал назад и трепал его густые светлые волосы. Крепко держась левой рукой за перила ограждения, он не отрываясь смотрел вперед, туда, где на мелководье угрожающе возвышались над водой острые скалы.

Меня неудержимо влекло к нему, и чувство умиротворения охватывало меня все больше.

Во всем его облике чувствовалось величие, но отнюдь не отталкивающее высокомерие. Отсутствовала и надменность, которая могла бы испугать. Он был полон спокойного благородства. Пристально глядящие вперед глаза были слегка расширены, мягко изогнутый рот, как и при первой нашей встрече, свидетельствовал о бесконечной доброте.

Лицо его было чересчур гладким, да, кожа блестела, как блестит обычно новая ткань, образовавшаяся на месте шрама. Встретив его на темной улице, можно было испугаться. Лицо его даже слегка светилось. Но выражение его было слишком

теплым и человечным, оно настолько искрилось добротой, что любой невольно почувствовал бы к нему расположение.

Арман напоминал мне богов кисти Караваджо, Габриэль была похожа на мраморного архангела у входа в храм.

Но тот, кто стоял сейчас наверху, был поистине бессмертным человеком.

И этот бессмертный человек, вытянув правую руку, молча и безошибочно вел корабль через рифы, преграждающие путь к проходу между скалами.

Вода вокруг нас сияла, словно расплавленный металл, становясь то лазурной, то серебряной, то вдруг совершенно черной. Там, где волны бились о скалы, в воздух взлетали мириады капелек морской пены.

Я подошел еще ближе и почти бесшумно поднялся по трапу на мостик.

Ни на секунду не отрывая взгляд от воды, Мариус протянул левую руку и взял ею мою.

Он слегка сжал мои пальцы, и я почувствовал исходящее от него тепло. Но сейчас было не время для разговоров. Удивительно, как он вообще сумел заметить меня.

Он чуть свел брови и прищурил глаза. Словно услышав его команду, гребцы снизили темп.

Я был потрясен и заворожен увиденным. Усилив собственную концентрацию, я ощутил излучаемую им мощь, пульсирующую в такт биению его сердца.

Нас окружали скалы, у подножия которых тянулись узкие полоски песчаных пляжей, и повсюду я чувствовал присутствие смертных. Я видел, как с факелами в руках они собираются у оконечности мыса или бегут к самой кромке воды. Они всматривались в вечернюю полутьму, стараясь разглядеть огни нашей галеры, и я слышал их мысли так же отчетливо, как если бы они высказывали их вслух. Они думали по-гречески, и, хотя язык не был мне знаком, содержание их мысленных посланий было для меня совершенно ясным.

«Наш господин едет! Идите все сюда и смотрите: едет наш господин!» При этом само слово «господин» приобретало в их понимании некий сверхъестественный смысл. Со всех окрестных берегов, перерастая в единый хор, слышался их возбужденный шепот, исполненный восторженного почитания.

Я слушал затаив дыхание. И вспоминал о том человеке в Каире, которого я привел в неописуемый ужас, о панике, вызванной моим выступлением на сцене театра Рено. За исключением этих двух позорных для меня происшествий, последние десять лет я странствовал по миру совершенно незаметно для смертных. А эти люди, крестьяне в темных одеждах, собравшиеся посмотреть, как проплывает мимо галера, знали, кто такой Мариус. Или, во всяком случае, догадывались. Насколько я мог судить, они ни разу не произнесли греческий эквивалент слова «вампир».

Пляжи остались позади. Справа и слева от нас были лишь крутые скалы. Гребцы едва касались веслами воды, и корабль легко скользил сам по себе. Высокие каменные стены закрывали от наших глаз небо.

Через несколько минут перед нами открылся сверкающий серебром обширный залив, образованный высокой и совершенно отвесной скалой, по обе стороны от которой крыльями отходили более низкие и пологие горы. Скала была так высока, что ее вершину я разглядеть не смог.

По мере того как мы приближались к берегу, галера постепенно замедляла ход, одновременно поворачивая чуть в сторону. Вскоре я увидел неясные очертания древней каменной набережной, сплошь покрытой сверкающим мхом. Гребцы подняли весла вертикально вверх.

Мариус стоял совершенно спокойно, одной рукой чуть сжимая мою ладонь, а другой указывая на темную набережную, мокрые камни которой отражали свет галерных огней.

Когда мы оказались не более чем в пяти или шести дюймах от стенки набережной, что, по моему мнению, было весьма опасным расстоянием для корабля таких размеров, я почувствовал, что галера внезапно встала.

Мариус крепче взял меня за руку, и мы вместе прошли по палубе и взобрались на борт. Темноволосый слуга приблизился к Мариусу и вложил ему в руку мешок. Затем мы с Мариусом с легкостью и совершенно бесшумно перепрыгнули с галеры на набережную.

Оглянувшись, я заметил, что галера слегка качнулась. Весла вновь опустились на воду, и через несколько секунд судно уже

стремительно неслось по направлению к дальнему концу залива, где сверкали огни маленького городка.

Мы с Мариусом остались стоять в темноте в полном одиночестве. Когда галера превратилась в крошечную точку на поблескивающей глади воды, он указал мне на выбитые прямо в скале ступени узкой лестницы.

— Иди первым, Лестат,— сказал он.

Мне было приятно подниматься по лестнице. Доставляло удовольствие быстро двигаться вверх по грубо высеченным каменным ступеням, следуя крутым поворотам, чувствовать, как усиливается ветер, и видеть далеко внизу застывшую поверхность воды, такую неподвижную, что казалось, будто кто-то внезапно остановил волны.

Мариус отставал от меня на несколько ступеней. И снова я слышал и ощущал исходящую от него мощную пульсацию. У меня было такое чувство, что вибрирует мое собственное тело.

Примерно на середине подъема ступени исчезли, и далее мы пошли по тропинке, которая была, пожалуй, чересчур узкой даже для горных козлов. Кое-где валуны и выступы горных пород образовывали нечто вроде барьера, предохраняющего нас от падения в море, но по большей части тропинка была всего лишь выступом на поверхности совершенно отвесной скалы. По мере того как мы поднимались все выше и выше, мне становилось все страшнее смотреть вниз.

Один раз, ухватившись рукой за ветку, я позволил себе оглянуться и увидел твердой походкой приближающегося ко мне Мариуса. Мешок был перекинут у него через плечо, правая рука свободно опущена. Залив, бухта и городок вдали казались игрушечными или созданными детской рукой из осколка зеркала, песка и крошечных кусочков дерева. Отсюда был виден даже участок расположенного за горами открытого моря с разбросанными по его неподвижной поверхности темными силуэтами островков. Мариус с улыбкой подождал, а потом тихо произнес:

— Надо идти.

Словно зачарованный, я двинулся вперед и больше ни разу не остановился, пока не достиг самого верха. Наконец я перелез через последнее скопление заросших сорняками камней и встал посреди мягкой травы.

Впереди виднелись еще более высокие скалы и горы, а на их фоне, выросший из недр этих гор, стоял огромный дом, больше походящий на крепость. Все его окна были освещены. Огни горели и на его башнях.

Мариус обнял меня за плечи, и мы направились к дому.

Когда мы остановились перед запертой дверью, я почувствовал, что объятия Мариуса слегка ослабли. Потом услышал звук открывающегося изнутри засова. Дверь распахнулась, и Мариус снова крепко обнял меня. Он ввел меня в широкий проход, который вполне сносно освещался двумя факелами.

Я чувствовал себя несколько озадаченным и потрясенным, потому что никого вокруг не увидел, а ведь кто-то должен был отодвинуть засов. Мариус обернулся и посмотрел на дверь, которая тут же захлопнулась.

— Задвинь засов,— сказал он.

Я удивился, что он не сделал это мысленно, как раньше, однако немедленно исполнил его приказание.

— Так намного легче,— сказал Мариус, и на его лице промелькнуло озорное выражение.— Я провожу тебя в твою комнату, где ты будешь спать в полнейшей безопасности. Ты можешь прийти ко мне в любое время, когда сам того захочешь.

Я не слышал и не видел признаков присутствия в доме кого-либо еще. Но был уверен, что здесь есть люди. То тут, то там я чувствовал запах смертных. К тому же все огни были зажжены совсем недавно.

Направо вела небольшая лестница. Когда мы поднялись по ней и вошли в предназначенную для меня комнату, я остановился пораженный.

Это была огромная зала, одна стена которой выходила на огражденную каменную террасу, нависающую над морем.

Оглянувшись, я увидел, что Мариус исчез. Исчез и мешок. Но на стоящем в центре комнаты большом каменном столе лежала скрипка Ники, а рядом с ней стоял саквояж с моими личными вещами.

При виде скрипки меня охватили и печаль, и радость. Я уже боялся, что потерял ее навсегда.

В комнате были еще две каменные скамьи, а на подставке горела масляная лампа. В дальнем конце я увидел в нише массивную двухстворчатую дверь.

Открыв ее, я обнаружил небольшой проход, который сворачивал в сторону под прямым углом. За поворотом стоял саркофаг с гладкой крышкой. Он был выполнен из диорита, который, насколько мне известно, является одним из наиболее твердых минералов на земле. Крышка оказалась невероятно тяжелой, а когда я заглянул под нее, то увидел, что она окантована железом и запирается на засов.

На дне самого саркофага лежали несколько блестящих предметов. Когда я взял их в руки и на них попал луч света из соседней комнаты, они засияли магическим блеском.

Среди них была золотая маска, соединенная с капюшоном, собранным из множества пластин кованого золота. Черты лица на маске были отлиты с большой тщательностью, губы сомкнуты, а узкие глазные щели открыты. Сама маска была очень тяжелой, а капюшон, напротив,— легким и очень гибким, подвижным. Присмотревшись, я увидел, что все пластины соединяются между собой тонкими золотыми нитями. Были там и перчатки, сплошь покрытые тончайшими золотыми пластинами. И наконец, внутри саркофага лежало большое одеяло из красной шерсти, тоже с одной стороны расшитое золотыми пластинами.

Я догадался, что если я надену маску и перчатки и закутаюсь в одеяло, то буду полностью защищен от света, в случае если кому-нибудь придет в голову открыть крышку саркофага во время моего сна.

Хотя мне казалось совершенно невероятным, чтобы кто-либо смог проникнуть сюда и открыть саркофаг. Дверь, ведущая в этот Г-образный проход, тоже была обита железом и снабжена железным засовом.

Однако все эти предметы были полны таинственного очарования. Мне доставляло удовольствие прикасаться к ним и представлять себя в них спящим. А маска напоминала мне греческие маски Комедии и Трагедии.

Эти прекрасные вещи были вполне достойны находиться в захоронении древнего царя.

С большой неохотой я положил их обратно.

Вернувшись в комнату, я снял одежду, которая оставалась на мне в течение всех ночей, проведенных под землей в Каире, и надел чистую. Стоя в этом принадлежащем вечности доме, я

чувствовал всю абсурдность своего наряда. На мне были сиреневый сюртук с перламутровыми пуговицами, украшенная кружевами рубашка и атласные башмаки с бриллиантовыми пряжками. Но другого костюма у меня не было. Как любой добропорядочный джентльмен восемнадцатого века, я черной лентой перевязал волосы и отправился на поиски хозяина дома.

2

Весь дом ярко освещался факелами. Двери были распахнуты. Окна ничем не закрыты, так как смотрели либо на море, либо прямо в небо. Спустившись по небольшой лестнице, я вдруг осознал, что впервые за все время моих странствий оказался в действительно совершенно безопасном убежище бессмертного существа. Здесь было поистине все, что могло потребоваться бессмертному, все, что ему хотелось иметь.

В коридорах на подставках стояли великолепные греческие сосуды, а ниши украшали вывезенные с Востока огромные бронзовые статуи. Возле каждого окна и на открытых террасах цвели прекрасные экзотические растения. Мраморные полы повсюду покрывали восхитительные ковры из Персии, Индии и Китая.

Мне встретились огромные чучела диких зверей. Здесь были бурый медведь, лев, тигр, даже слон, стоящий в отдельной просторной комнате, ящерицы, по размерам похожие на драконов, сидящие на засохших ветвях хищные птицы сами походили на ветви деревьев.

Но больше всего меня поразило, что все стены от пола до потолка украшали яркие, великолепно написанные фрески.

В одной из комнат была изображена залитая солнцем пустыня, по которой, выписанный до мельчайших деталей, двигался караван верблюдов вместе с одетыми в тюрбаны людьми. В другой передо мной ожили джунгли, наполненные тропическими цветами и лианами. Каждый листик был как настоящий.

Иллюзия реальности была столь полной, что в первый момент я буквально опешил. Зрелище оказалось столь увлекательным, что я не мог отвести взгляд и чем пристальнее вглядывался, тем больше видел.

Повсюду были изображены разного рода существа — насекомые, птицы, земляные черви. Миллионы точных деталей в конце концов создали у меня впечатление, что я нахожусь в совершенно ином пространстве и времени и оказался внутри чего-то гораздо большего, чем обычная картина. Но в то же время это было совершенно плоское настенное изображение.

У меня закружилась голова. Куда бы я ни повернулся, повсюду я видел все новые и новые картины. Названия некоторых цветов и оттенков я даже не знал.

Что же касается стиля, в котором были написаны картины, то он одновременно и восхищал и ставил в тупик. Техника письма была совершенно реалистической, с использованием классических пропорций и тех приемов, которые можно увидеть в произведениях всех представителей позднего Ренессанса: да Винчи, Рафаэля, Микеланджело, а также в работах художников более позднего времени, к примеру Ватто или Фрагонара. Очень эффектно использовался свет. Казалось, что нарисованные существа действительно дышат.

Но в отношении деталей нельзя было говорить о реалистичности или пропорциях. Слишком много было обезьян в джунглях, слишком много жуков на листьях... На картине, изображающей летнее небо, в воздухе летали тысячи насекомых.

Я попал в просторную галерею, с обеих стен которой на меня смотрели портреты множества мужчин и женщин. Я едва не вскрикнул. Здесь были представители всех эпох — бедуины и греки, египтяне и римляне, рыцари в доспехах, крестьяне и короли. Здесь были люди эпохи Ренессанса в коротких колетах и рейтузах, сам Король-Солнце в массивном завитом парике и даже мои современники.

И опять же детали создавали впечатление, будто все это существует только в моем воображении: капельки воды, застывшие на плаще, полураздавленный лакированным башмаком паук...

Я засмеялся, но вовсе не потому, что мне стало весело, а от переполнявшего меня восторга. Я смеялся и никак не мог остановиться.

Мне пришлось усилием воли заставить себя выйти из галереи, и помогло мне в этом, пожалуй, лишь одно: я увидел ярко освещенную библиотеку.

Множество стеллажей с книгами, свернутыми в рулоны рукописями, огромные блестящие глобусы на деревянных подставках, бюсты древнегреческих богов и богинь, множество развернутых карт...

На столах стопками лежали газеты на всех языках мира. И повсюду было множество удивительных и любопытных предметов: ископаемые останки, мумифицированные руки, экзотические раковины... Здесь имелись букеты засушенных цветов, статуэтки, фрагменты старинных скульптур, глиняные сосуды, украшенные египетскими рисунками и иероглифами.

В центре комнаты между столами и стеклянными футлярами были расставлены удобные стулья со скамеечками для ног, возле каждого горели масляные лампы или канделябры со свечами.

Здесь были созданы все условия для приятного времяпрепровождения, для долгих часов отдыха, и все убранство комнаты носило на себе отпечаток человечности. Знания человечества, созданные людьми произведения искусства, даже стулья, на которых, вполне возможно, когда-то сидели смертные...

Я провел в библиотеке довольно много времени, просматривая греческие и латинские названия книг и чувствуя опьянение, как в те времена, когда я, будучи еще смертным, вливал в себя изрядное количество вина.

Однако мне необходимо было разыскать Мариуса. Я покинул библиотеку, спустился по небольшой лестнице, прошел по живописной галерее и оказался в еще более просторной и тоже ярко освещенной комнате.

Еще издалека я почувствовал запах цветов и услышал пение птиц. И наконец очутился среди множества самых разных по размеру клеток. Здесь были не только разнообразные птицы, но и обезьяны, бабуины. Пока я проходил по комнате, все они яростно бесновались в своих маленьких тюрьмах.

Рядом с клетками в горшках росли всевозможные растения: папоротники и банановые деревья, махровые розы, жасмин, луноцвет и множество других прекрасных ночных растений. Здесь были пурпурные и белоснежные орхидеи, медоносы, привлекающие к себе и заманивающие в ловушку насекомых, миниатюрные деревья, ветви которых сгибались под тяжестью персиков, лимонов и груш.

Из этого рая я сразу же попал в галерею скульптуры, которая ничуть не уступала галереям и музеям Ватикана. В соседних помещениях я успел заметить великое множество картин, предметов мебели, привезенных с Востока, механических игрушек и забав.

Теперь я, конечно же, не стоял подолгу возле каждого увиденного предмета. Для того чтобы внимательно рассмотреть все, что здесь находилось, понадобилась бы целая жизнь. Я поспешил дальше.

Я не знал, кýда именно иду, но понял, что мне сознательно было позволено увидеть все эти сокровища.

И наконец до меня донесся звук, безошибочно свидетельствующий о присутствии Мариуса,— глухие и ритмичные удары сердца, которые я уже слышал в Каире. Я двинулся прямо на этот гул.

3

Я оказался в ярко освещенном салоне восемнадцатого века. Каменные стены покрывали великолепные панели из розового дерева и высокие зеркала в рамах. Здесь стояли раскрашенные сундуки, обитые тканью стулья и фарфоровые часы. На стенах висели яркие пейзажи. В шкафах со стеклянными дверцами я увидел книги, на маленьком столике возле парчовых кресел с широкими подлокотниками лежала свежая газета.

Высокие и узкие французские окна выходили на каменную террасу, где буйно цвели источающие тонкий аромат белые лилии и красные розы.

Там, опершись о каменную балюстраду, спиной ко мне стоял джентльмен восемнадцатого века.

Он обернулся и жестом пригласил меня выйти на террасу. Это был Мариус.

Он был одет почти так же, как и я. Хотя сюртук на нем был фиолетовым, кружева — валенсийскими, а не брюссельскими, костюм его очень походил на мой. Блестящие волосы были свободно завязаны сзади темной лентой, совсем как у меня. В отличие от Армана он не казался неземным, скорее он воплощал в себе нечто сверхъестественное — существо с удивительно бе-

лой кожей и при этом совершенное, которое, однако, было тесно связано со всеми окружающими его предметами: с одеждой, которая была на нем, с каменной балюстрадой, на которой лежала его рука, даже с этим самым моментом, когда по небу проплывает облачко, на миг закрывая половинку луны.

Я наслаждался этими минутами, сознанием того, что я и в самом деле нахожусь здесь, рядом с ним, и что мы будем беседовать. Так же как и на корабле, я способен был рассуждать вполне здраво. Я совершенно не чувствовал жажды. И понимал, что это его кровь поддерживает мои силы. Мне вспомнились все старые тайны, и я не мог не думать о них. Что, если Те, Кого Следует Оберегать, тоже где-то здесь? Узнаю ли я о них?

Я подошел к парапету, встал рядом с Мариусом и взглянул на море. Его глаза были устремлены на небольшой остров, расположенный примерно в полумиле от берега. Он прислушивался к чему-то, чего я слышать не мог. Его профиль, освещенный падающим через открытую дверь светом, казался пугающе окаменевшим.

Вдруг он обернулся ко мне, и его приветливое, но чересчур гладкое лицо словно на секунду ожило. Потом он обнял меня и повел обратно в комнату.

Его походка ничем не отличалась от походки обыкновенного смертного. Он ступал легко, но твердо, и каждое его движение было совершенно предсказуемым.

Он подвел меня к двум креслам с подлокотниками, стоявшим друг против друга, и мы сели. Мы находились примерно в центре комнаты. Справа от меня была терраса. Висящая под потолком люстра и не менее дюжины укрепленных на стенных панелях канделябров ярко освещали все помещение.

Вся обстановка в комнате была простой и естественной. Мариус удобно устроился в обитом парчой кресле, обхватив пальцами подлокотники.

Когда он улыбался, он выглядел очень человечным. Пока на лице его оставалась улыбка, оно казалось оживленным и выразительным.

Я не мог заставить себя отвести от него пристальный взгляд.

На лице его появилось немного озорное выражение.

Сердце мое готово было выпрыгнуть из груди.

— Что для тебя будет легче? — спросил он.— Если я объясню, почему привез тебя сюда, или если ты расскажешь, почему искал и зачем хотел видеть меня?

— О! Первое для меня будет гораздо проще! — ответил я.— Говори лучше ты.

Он мягко и одобрительно рассмеялся.

— Ты действительно замечательное существо,— начал он.— И я не ожидал, что ты так скоро спрячешься под землю. Большинство из нас переживают первую смерть гораздо позднее — лет через сто или даже двести.

— Первую смерть? Ты хочешь сказать, что это вполне нормально — уйти под землю так, как сделал это я?

— Среди тех, кто выживает, это вполне нормальное явление. Мы умираем. И поднимаемся вновь. Те, кто хотя бы на какое-то время не скрывается под землей, как правило, долго не живут.

Я был изумлен, но понимал, что его слова содержат зерно истины. В голову мне пришла вдруг ужасная мысль: если бы Ники ушел под землю, вместо того чтобы шагнуть в огонь... Но я не мог сейчас думать о Ники. Если я стану о нем думать, у меня тут же возникнет бесчисленное множество вопросов, на которые не может быть ответов. Что, если Ники продолжает и сейчас где-то существовать? Может, он просто перестал быть? Могут ли мои братья находиться сейчас где-либо? Они тоже просто перестали быть?

— Но в случае с тобой мне, наверное, не стоило слишком удивляться,— продолжал Мариус, словно не услышав мои мысли или не желая на них реагировать.— Ты потерял слишком многое из того, что имело для тебя большую ценность. За короткий срок ты узнал чересчур много и слишком многому научился.

— Откуда тебе известно все, что происходило со мной?

Он снова улыбнулся и, казалось, даже готов был рассмеяться. Его простота в общении и доброжелательность удивляли меня. Речь его была живой и понятной. Он говорил как хорошо образованный француз.

— Надеюсь, что я не испугал тебя?

— Не думаю, что это входило в твои намерения,— ответил я.

— Конечно же нет,— тут же откликнулся он, сделав быстрый жест рукой.— Но твое самообладание несколько удивляет меня. А в ответ на твой вопрос скажу, что знаю все, что происходит с нам подобными по всему миру. И, честно говоря, не всегда понимаю, каким образом и почему мне все это становится известным. Эта способность, как и все другие, усиливается с возрастом, однако с трудом поддается контролю и весьма неустойчива. Бывают моменты, когда я могу слышать, что происходит с нам подобными в Париже или Риме. А когда кто-нибудь зовет меня, как делал это ты, я способен услышать зов с невероятно большого расстояния. И, как ты уже убедился, я с легкостью могу найти источник зовущего меня голоса.

Но я получаю информацию и другими путями. Я знаю о тех сообщениях, которые ты оставлял для меня по всей Европе, потому что сам их читал. Кроме того, я слышал о тебе от других. Иногда мы с тобой оказывались совсем рядом — гораздо ближе, чем ты мог предположить, и тогда я читал твои мысли. Как ты понимаешь, я и сейчас слышу все, о чем ты думаешь. Однако предпочитаю общение с помощью обычной речи.

— Почему? — спросил я.— Мне казалось, что старейшие из нас вполне способны обходиться без слов.

— Мысли не отличаются точностью и не поддаются контролю,— ответил он.— Если я открою перед тобой свой разум, я не буду знать, что именно ты сумеешь там прочесть. А когда я читаю твои мысли, я могу ошибиться и неправильно истолковать то, что увижу и услышу. Поэтому я предпочитаю разговаривать и таким образом использовать свои умственные способности. Мне нравится слышать звучание речи и с ее помощью вступать в необходимые для меня отношения с другими. Мне нравится, когда меня слушают. К тому же я не люблю без предупреждения проникать в чужой разум. Если говорить откровенно, я считаю, что речь — это поистине величайший дар, которым в равной степени владеют как смертные, так и бессмертные.

Я не знал, что ответить. В его словах был заключен огромный смысл. Однако я вновь покачал головой.

— А твои манеры?..— промолвил я.— Ты двигаешься совсем не так, как Арман или Магнус, совсем не так, как, по-моему, должны вести себя древнейшие из нас...

— Ты хочешь сказать, как фантом? А почему я должен вести себя таким образом?

Он снова мягко и завораживающе рассмеялся. Потом слегка откинулся в кресле и поставил на сиденье согнутую в колене ногу, совсем как делают это смертные.

— Конечно, было время, когда все это казалось мне чрезвычайно интересным,— продолжил он.— Скользить, почти не переставляя ноги, принимать такие позы, которые для любого смертного либо весьма неудобны, либо просто невозможны. Перелетать на небольшие расстояния и приземляться совершенно бесшумно. Одним усилием воли и желания передвигать с места на место предметы. Но в конце концов все это надоедает и начинает казаться грубым. Человеческие движения необыкновенно элегантны. Плоть обладает мудростью, равно как и то, каким образом делает человек то или иное дело. Мне нравится звук моих шагов по земле, ощущение находящихся у меня в руках предметов. К тому же полеты, пусть даже на очень короткие расстояния, и передвижение предметов усилием воли — занятия довольно утомительные. Я могу все это совершать, но только в случае крайней необходимости, потому что мне гораздо проще делать все своими руками.

Его слова привели меня в восторг, и я даже не попытался его скрыть.

— Взяв чрезвычайно высокую ноту, певец способен разбить стеклянный сосуд, однако человеку гораздо проще разбить чашку, просто уронив ее на пол.

На этот раз я не мог удержаться от смеха.

Я уже начал привыкать к тому, что лицо его временами оживляется, а в следующий момент может превратиться в бесстрастную маску, и к тому, что глаза его постоянно светятся живым блеском. Он производил впечатление неизменно уравновешенного и открытого человека — ошеломляюще прекрасного и все на свете знающего и понимающего.

Однако я никак не мог избавиться от ощущения присутствия какой-то опасности, сознания того, что рядом со мной находится нечто пока сдерживаемое, но чрезвычайно могущественное и угрожающе сильное.

Меня вдруг охватило необъяснимое волнение. Я почувствовал себя подавленным, и мне захотелось плакать.

Он наклонился и пальцами дотронулся до моей руки. От его прикосновения по телу у меня пробежала дрожь. Оно соединило нас. И хотя его кожа была шелковистой, как и у всех вампиров, она казалась менее мягкой. Впечатление было такое, как будто меня коснулась каменная рука в шелковой перчатке.

— Я привез тебя сюда, потому что хочу рассказать тебе все, что мне известно,— сказал он.— Хочу поделиться всеми секретами, которыми владею сам. По некоторым причинам ты чрезвычайно заинтересовал меня.

Я сидел как завороженный и чувствовал возможное приближение всепоглощающей любви.

— Однако хочу предупредить тебя,— продолжал он,— в этом есть определенная опасность. Я не знаю ответа на самые главные вопросы. Не смогу сказать тебе, кто создал мир и откуда появились люди. Не смогу объяснить, почему существуем мы. Я только могу рассказать намного больше того, что успели до сих пор поведать тебе другие. Могу показать тебе Тех, Кого Следует Оберегать, и рассказать все, что мне о них известно. Я постараюсь объяснить те причины, по которым, как я считаю, мне удалось прожить так долго. Эти знания способны в определенной степени изменить тебя. Собственно, изменения, мне кажется, происходят благодаря любым знаниям...

— Да...

— Но когда я закончу, ты вновь окажешься там же, где был до сих пор: ты останешься все тем же бессмертным существом, которому предстоит найти смысл своего существования.

— Да,— кивнул я,— смысл существования.

Тон мой был несколько горьким, но меня радовал тот факт, что Мариус выразился именно так.

Сам я ощущал себя существом из мрака, вечно голодным и жестоким, которое прекрасно может существовать без всякого смысла, могущественным вампиром, который всегда получает то, что хочет, не считаясь ни с чьим мнением. Хотел бы я знать, известно ли ему, как невероятно ужасен я на самом деле?

Единственной причиной, придававшей смысл убийству, была кровь.

Это общеизвестно. Кровь и острейшее чувство восторга, которое она дарит. Без нее мы не более чем пустые скорлупки, какой был я сам, когда лежал в египетской земле.

— Помни о моем предупреждении,— промолвил он.— Обстоятельства не изменятся. Изменишься только ты сам. Возможно, ты почувствуешь себя еще более одиноким, чем до прихода сюда.

— Но почему ты решил открыть мне все это? — спросил я.— Я уверен, что тебя искали и многие другие. И тебе безусловно известно, где находится сейчас Арман.

— Я уже говорил, что тому есть несколько причин,— ответил он.— И самая главная из них, возможно, состоит в том, каким образом ты разыскивал меня. Очень немногие на этой земле, будь то смертные или бессмертные, действительно жаждут знаний. Еще меньше просят дать им эти знания. Напротив, они стараются извлечь из неизвестности те ответы, которые так или иначе уже сумели сформироваться в их собственном разуме, найти им объяснение, подтверждение и таким образом обрести утешение, без которого они не могут жить дальше. Ибо спросить — это все равно что открыть дверь и выйти навстречу урагану. Полученные ответы способны аннулировать сам вопрос и уничтожить того, кто его задал. Но с тех пор как ты десять лет назад покинул Париж, ты искренне жаждал знаний.

Нельзя сказать, что я понимал все, что он говорит.

— У тебя есть несколько собственных идей, предвидений и предположений,— продолжал Мариус.— Должен признаться, меня потрясла степень твоего простодушия и искренности. Тебе необходима цель. Ты нуждаешься в любви.

— Да, это правда,— пожал я плечами.— По-детски наивно, не так ли?

— Нет,— он засмеялся своим тихим смехом,— не совсем. Похоже, восемнадцать веков западной цивилизации породили в конце концов совершенно невинное существо.

— Невинное? — переспросил я.— Это можно сказать о ком угодно, только не обо мне.

— В этом веке так много говорят о первобытном благородстве,— стал объяснять он,— о развращающей силе цивилизации, о том, какими путями человек может вновь обрести утраченную невинность. Все это на самом деле ерунда и глупость. Настоящие первобытные люди в удовлетворении собственных потребностей и в своих желаниях могут быть истинными чудовищами. Их никак нельзя считать воплощением невинности.

Равно как и детей. Именно цивилизация породила людей невинных. Это они оглядываются вокруг и задают один и тот же вопрос: «Что же все-таки происходит на свете?»

— Согласен, но только меня нельзя назвать невинным,— пожал плечами я.— Скорее неверующим. Я веду свое происхождение от людей, не верящих в Бога, и я рад этому. Но я на практике познал, что такое добро и зло. Как тебе хорошо известно, я — Тифон, убийца собственного брата, а вовсе не убийца Тифона.

Он улыбнулся, слегка приподняв брови. Чтобы выглядеть человечным, ему не обязательно нужно было улыбаться. Даже когда лицо его оставалось совершенно гладким и на нем не было ни единой морщинки, оно все равно время от времени отражало его чувства.

— Однако ты не ищешь оправдания своим поступкам,— заметил он.— Вот это я и называю невинностью. Ты виновен в гибели смертных только потому, что тебя превратили в нечто такое, что питается кровью и смертью, но тебя нельзя упрекнуть ни во лжи, ни в том, что ты придумываешь, хотя бы для одного себя, какие-либо оправдания.

— Да, это так.

— Утрата веры в Бога, возможно, и есть первый шаг к невинности,— продолжал он,— утрата чувства греховности и желания повиноваться, отказ от неискренней печали по поводу того, что кажется утраченным.

— Значит, ты называешь невинностью не отсутствие опыта, а отсутствие иллюзий?

— Скорее отсутствие потребности в иллюзиях. Любовь и уважение к тому, что находится рядом с тобой, перед твоими глазами.

Я вздохнул и впервые за все время нашего разговора откинулся в кресле, обдумывая услышанное и пытаясь понять, какое отношение это может иметь к Ники, вспоминая, что Ники говорил о свете, всегда только о свете. Имел ли он в виду именно это?

Мариус тоже погрузился в размышления. Он по-прежнему сидел, опершись о спинку кресла, устремив взгляд в ночное небо за распахнутыми окнами; брови его слегка сдвинулись, губы напряженно сжались.

— Однако меня привлекла не только твоя внутренняя сущность,— наконец снова заговорил он,— но и, если хочешь, твоя честность. Я говорю о том, как ты стал одним из нас.

— Значит, тебе известно и это?

— Да, мне известно все,— ответил он.— Ты появился в самом конце целой эры, когда мир стоит перед небывалыми переменами, о которых прежде не смели и мечтать. То же самое произошло и со мной. Я родился и достиг зрелости в те времена, когда уходил в небытие тот мир, который мы сейчас называем Древним. Старые понятия и верования изжили себя. Вот-вот должен был появиться новый бог.

— Когда же это было? — взволнованно спросил я.

— Во времена правления Августа Цезаря, когда Рим только-только стал империей, когда вера в богов, как бы высоки ни были ее цели и предназначения, умерла окончательно.

Я пришел в полное замешательство, и одновременно на лице у меня появилось восторженное выражение. Я ни на секунду не усомнился в правдивости его слов. Приложив ладонь ко лбу, я попытался прийти в себя.

А он тем временем продолжал:

— В те времена, как, впрочем, и сейчас, простые люди продолжали сохранять религиозные верования. Так же, как и сейчас, для них это было обычаем, суеверием, элементарной магией, исполнением обрядов, корнями уходящих в исчезнувшую древнюю эпоху. Однако мир тех, кто стоял у истоков этих идей, тех, кто управлял историей и двигал ее вперед, был лишен божественной веры, безнадежно извращен и испорчен. Нравы его были очень похожи на нравы современной Европы.

— Я думал о том же, когда читал Цицерона, Овидия и Лукреция,— сказал я.

Он слегка пожал плечами и кивнул.

— Понадобилось восемнадцать столетий, чтобы вновь вернуться к скептицизму и тому уровню практичности, который был обычен для нашего образа мыслей того времени. Однако история ни в коем случае не повторяется. Это поистине удивительный факт.

— Что ты имеешь в виду?

— Оглянись вокруг. В Европе происходят совершенно другие события. Цена человеческой жизни сейчас выше, чем когда

бы то ни было. Человеческая мудрость и философия в соединении с научными открытиями и новейшими изобретениями вскоре полностью изменят жизнь людей. Однако я несколько отвлекся. Это вопрос будущего. Суть в том, что ты родился на самом пике старых представлений о жизни. То же самое случилось и со мной. Ты — дитя века неверия, и тем не менее ты не превратился в циника. Я тоже при аналогичных обстоятельствах не стал им. Мы оба с тобой, если можно так выразиться, выскочили из пропасти между верой и отчаянием.

А Ники рухнул в эту пропасть и погиб, подумал я.

— Вот почему,— произнес он,— твои вопросы в корне отличаются от тех, которые задают рожденные для бессмертия в век христианства, под сенью христианского Бога.

Я вспомнил разговор, состоявшийся у нас с Габриэль в Каире. Я сам сказал ей тогда, что именно в этом состоит моя сила.

— Верно,— подтвердил он.— Как видишь, в этом мы с тобой похожи. Мы оба с тобой выросли и повзрослели, не ожидая слишком многого от других. И как бы тяжело ни было у нас на душе, мы предпочитали держать все в себе.

— Но было ли это уже в эпоху христианства... в самом ее начале... когда, как ты сам сказал, ты был рожден для бессмертия?

— Нет,— с оттенком презрения в голосе ответил он,— мы никогда не служили христианскому Богу. Можешь сразу выбросить это из головы.

— Но как же тогда силы добра и зла, воплощенные в именах Христа и сатаны?

— Они почти, если не сказать совершенно, не имеют к нам отношения.

— Но концепция добра и зла в какой-то форме...

— Нет, мы гораздо старше, Лестат. Да, это правда. Люди, создавшие меня, поклонялись богам. И они верили в то, во что я не верил. Но их вера уходит в далекое прошлое, во времена задолго до появления храмов Римской империи, когда именем добра лились реки крови. А злом называли засуху, нападение саранчи и гибель посевов. Во имя добра эти люди сделали меня тем, кто я есть.

То, что он говорил, было слишком соблазнительно и буквально завораживало меня.

Мне вспомнились старинные легенды и мифы. Поэтические отрывки закружились в моей голове. Осирис был богом плодородия, хорошим богом в представлении египтян. Какое отношение все это может иметь к нам? Мысли мои путались, перед глазами мелькали картины. Я вспомнил ночь, когда убежал из отцовского замка в Оверни, чтобы посмотреть на танцы крестьян вокруг ритуального костра. Они возносили мольбы о хорошем урожае. Моя мать назвала их язычниками. Язычниками называл их и тот священник, которого они давным-давно изгнали из деревни.

Мне подумалось, что все это более, чем что-либо другое, имеет отношение к Саду Зла. Они плясали в Саду Зла, где не действовали никакие законы, кроме законов этого Сада, которые были чисто эстетическими. Они состояли в том, что посевы должны вырастать высокими, пшеница должна быть сначала зеленой, а потом желтой, и что солнце должно сиять. Подумать только! Какие восхитительно красивые яблоки уродились на этой яблоне! И жители деревни из года в год бегают по Саду с горящими ветками, вытащенными из ритуального костра, чтобы вырастали яблоки.

— Да, Сад Зла,— сказал Мариус, и в глазах его загорелись искры.— И мне пришлось покинуть большие города империи, чтобы отыскать его. Мне пришлось отправиться в непроходимые леса северных провинций, где еще оставались уголки совершенно дикой природы, именно в те земли Южной Галлии, где потом родился и ты. Мне пришлось отдать себя в руки варваров, от которых мы оба с тобой унаследовали и свой рост, и голубые глаза, и светлые волосы. Мне они достались от матери, уроженки тех мест, дочери кельтского вождя, вышедшей замуж за римского патриция. А ты получил их от своих предков, живших там с тех самых времен. И по странному совпадению мы оба с тобой оказались избранными для обретения Дара Бессмертия — по одним и тем же причинам: оба мы оказались идеальными носителями крови и совершенным воплощением голубоглазой расы, мы были выше ростом и лучше сложены, чем все остальные.

— О-о-о! Ты должен рассказать мне обо всем этом подробно! Должен объяснить мне все до конца!

— Я уже объясняю тебе,— ответил Мариус.— Но сначала... Мне кажется, настало время тебе увидеть кое-что такое, что может оказаться очень важным для тебя в дальнейшем.

Он сделал паузу, давая мне возможность осознать смысл его слов.

Потом медленно и очень по-человечески поднялся, опираясь обеими руками о подлокотники кресла. Он смотрел на меня сверху вниз и ждал.

— Тех, Кого Следует Оберегать? — уточнил я очень тихо и неуверенно.

Я заметил, что в глазах его вновь промелькнули не то озорные, не то веселые искорки. Казалось, он в любой момент готов повеселиться.

— Не бойся,— промолвил он совершенно спокойно, стараясь скрыть, что ситуация забавляет его,— это совершенно на тебя не похоже.

Я сгорал от нетерпения, желая поскорее увидеть их, узнать наконец, кто они такие, и в то же время не в силах был сдвинуться с места. Я действительно всегда мечтал увидеть их. Но никогда не задумывался о том, как именно это произойдет...

— Мне... мне предстоит увидеть нечто ужасное? — спросил я.

На губах его медленно появилась очень нежная улыбка, и он положил руку мне на плечо.

— Если я скажу «да», тебя это остановит?

— Нет,— покачал головой я, но мне стало страшно.

— Со временем они начинают казаться ужасными, а поначалу они прекрасны,— сказал он.

Стараясь быть терпеливым, он молча продолжал стоять и смотреть на меня в ожидании. Потом мягко произнес:

— Ну же, пора идти.

4

Такое впечатление, что лестница вела в самые недра земли.

Эта лестница была намного старше самого дома, хотя я не мог бы объяснить, почему так решил. Стертые множеством спускавшихся по ним ног ступени уходили все глубже и глубже в основание скалы.

Время от времени я видел пробитые в камне отверстия, своего рода окна, выходящие на море, слишком узкие, чтобы в них мог пролезть человек. На выступах под ними гнездились птицы и росли укоренившиеся в трещинах дикие травы.

И вдруг я почувствовал леденящий холод, какой обычно ощущается за стенами старых монастырей, в разрушенных храмах или домах, где обитают призраки.

Я остановился и растер плечи, чтобы согреться. Казалось, что леденящий холод исходит от самих ступеней или из-под них.

— Причина не в этом,— мягко произнес Мариус, ожидавший меня чуть ниже.

В полутьме на лице его причудливо играли свет и тени, создавая иллюзию возрастных изменений, свойственных человеку, чего на самом деле он был, конечно же, лишен.

— Здесь все было точно так же задолго до того, как я привез их сюда,— продолжал он.— Многие приезжали на этот остров, чтобы молиться и поклоняться своим богам. Возможно, здесь все было так же еще и до этих людей.

Он вновь со свойственной ему терпеливостью поманил меня за собой. В глазах его я прочел понимание.

— Не бойся,— повторил он и стал спускаться по ступеням.

Мне было стыдно отказаться следовать за ним. А лестница все не кончалась.

Я заметил пробитые в скале отверстия чуть большего размера. За ними слышался шум моря. Я чувствовал на своем лице прохладные брызги и видел поблескивающие от сырости камни. Мы шли все дальше и дальше. Под сводами потолка гулко раздавалось эхо наших шагов, отраженное необработанными камнями стен. Ни одна темница не могла сравниться по глубине с тем подземельем, в котором мы оказались. Скорее, оно было похоже на дыру, которую дети роют в песке, убеждая своих родителей и искренне веря в то, что строят туннель к самому центру земли.

Наконец впереди мелькнул свет. Мы в очередной раз завернули за угол, и я увидел двухстворчатую дверь, перед которой горели две лампы.

Фитили были опущены в глубокие сосуды с маслом. Сами двери были заперты на засов, которым служило огромное дубовое бревно. Чтобы поднять его, потребовалось бы, наверное,

несколько человек, да и то, скорее всего, им удалось бы добиться успеха только с помощью рычагов и веревок.

Мариус легко поднял бревно и отставил его в сторону. Потом отошел и пристально посмотрел на дверь. Я услышал звук отодвигаемого с другой стороны бревна. Створки медленно распахнулись, и я почувствовал, как у меня перехватило дыхание.

И дело было не в том, что он сделал это, не прикасаясь к двери. Нечто подобное я уже видел. Меня поразила открывшаяся передо мной комната, так же ярко освещенная и наполненная восхитительными цветами, как и все остальные комнаты дома наверху. Здесь, глубоко под землей, я увидел такие же белые, словно восковые, лилии, на которых застыли капельки влаги, и розы всех оттенков красного и розового цветов, готовые, казалось, вот-вот упасть со стеблей. Эта комната похожа была на часовню, наполненную сиянием множества свечей и запахом тысяч букетов.

Как и в итальянских соборах, стены здесь были расписаны фресками с вкраплениями пластинок золота. Но это не были изображения христианских святых.

Я увидел египетские пальмы, желтый песок пустыни, три пирамиды над голубыми водами Нила. В изящной формы лодках плыли по реке египтяне и египтянки, под водой были видны разноцветные рыбы, а над головами людей летали птицы с пурпурными крыльями.

Везде было золото. Оно украшало сияющее с небес солнце, сверкающие вдали пирамиды, чешую рыб и перья птиц, рисунки на гибких и тонких телах египтян, застывших в узких зеленых лодках и пристально вглядывавшихся вдаль.

Я на секунду закрыл глаза, а когда вновь медленно открыл их, то увидел все совершенно по-новому и понял, что нахожусь в огромной гробнице.

На низком каменном алтаре в окружении лилий стояло нечто вроде огромного золотого футляра или шатра, украшенного великолепно выгравированными египетскими изображениями. Воздух, проникавший через пробитые в толще скалы глубокие колодцы, заставлял колебаться пламя вечно горящих здесь ламп, шевелил высокие и плоские зеленые листья лилий, стоящих в сосудах с водой и источающих пьянящий аромат.

Мне казалось, что я даже слышу звуки песнопений, древних стихов и заклинаний. Страх мой совершенно прошел. Окружающая меня величественная красота подействовала успокаивающе.

Я не в силах был отвести взгляд от странного футляра на алтаре. Высота его была больше моего роста, и он был раза в три шире.

Мариус тоже смотрел на него. Я ощущал исходящую силу, поток излучаемого тепла, потом услышал, как отодвинулся изнутри засов... Двери шатра приоткрылись.

Я хотел приблизиться, но не посмел. Затаив дыхание, я смотрел, как раскрываются и откидываются золотые створки, открывая взгляду две огромные египетские статуи — сидящих рядом мужчину и женщину.

Лучи света скользнули по тонким, великолепно вылепленным белым лицам, по изящным белым телам, сверкнули в темных глазах.

Как и все египетские статуи, которые мне когда-либо приходилось видеть, они были первозданно красивы, отличались изяществом контуров и отсутствием лишних деталей и были поистине великолепны в своей простоте. Однако от их по-детски открытых лиц веяло холодом и твердостью. Кроме того, в отличие от всех других виденных мною египетских статуй на них были одежды из настоящих тканей, а головы их покрывали натуральные волосы.

Мне уже приходилось видеть украшенные таким же образом статуи святых в итальянских храмах, и должен сказать, что свисающие с холодного мрамора полотнища бархата не всегда производили на меня приятное впечатление.

Однако эти фигуры были одеты с особой тщательностью.

Густые черные парики с ровно подстриженными над глазами челками были украшены золотыми диадемами. На обнаженных руках сверкали браслеты в виде змей, на пальцах сияли перстни.

Одежды были сшиты из белоснежного полотна. На обнаженном до пояса мужчине было нечто вроде юбки, а на женщине — длинное и узкое, лежащее красивыми складками платье. На обоих сверкало множество золотых ожерелий, некоторые из которых украшали великолепные драгоценные камни.

Обе статуи были почти одинаковы по размеру и сидели в одинаковых позах — со спокойно лежащими на коленях руками. Эта одинаковость поразила меня не меньше, чем застывшая красота и сверкающие словно драгоценные камни глаза.

Ни одна скульптура не производила на меня такого впечатления одушевленности, хотя, конечно, ничего живого в этих статуях не было. Возможно, все дело было в одежде, в переливах света, отражающегося в золотых ожерельях и темных глазах.

Неужели это Осирис и Исида? Действительно ли на ожерельях и диадемах я вижу какие-то надписи, или мне это только кажется?

Мариус молчал. Так же как и я, он не отрываясь смотрел на фигуры, и выражение его лица понять было трудно. Быть может, это была печаль?

— Могу я подойти к ним ближе? — шепотом спросил я.

— Конечно,— ответил Мариус.

Я направился к алтарю, чувствуя себя ребенком, вошедшим в храм и с каждым шагом испытывающим все большую робость. Остановившись всего в нескольких шагах от статуй, я посмотрел им прямо в глаза. Они были великолепны своей глубиной и яркостью переливов света. Они были слишком настоящими!

Я отчетливо видел каждую ресницу, каждый волосок их бровей — все было сделано с удивительной тщательностью.

С такой же тщательностью были вылеплены и полуоткрытые губы, за которыми я видел поблескивающий ряд зубов. На тщательно отполированных лицах и руках я не увидел ни одного изъяна. Они смотрели прямо на меня — так, как смотрят обычно все статуи или нарисованные фигуры.

Я терялся в догадках. Если это не Осирис и Исида, то кто же они? Какие древние истины символизируют собой, и почему в относящихся к ним словах так определенно звучит приказ: Те, Кого Следует Оберегать?

Склонив голову набок, я сосредоточенно изучал их лица.

Глаза были карими, с черными зрачками поистине бездонной глубины и влажными белками, словно покрытыми прозрачным лаком, а губы — нежнейшего оттенка пепельной розы.

— Позволено ли...— начал я шепотом, оборачиваясь к Мариусу, и неуверенно замолк.

— Ты можешь прикоснуться к ним.

Однако мне такой поступок показался святотатственным. Я продолжал рассматривать их — раскрытые ладони, спокойно лежащие на коленях, длинные ногти, очень похожие на наши и как будто сделанные из сверкающего стекла.

Я подумал, что могу себе позволить коснуться тыльной стороны ладони мужчины, что это не будет столь уж святотатственным, однако больше всего мне хотелось дотронуться до лица женщины. Наконец я неуверенно поднял руку к ее щеке и позволил себе провести пальцами по совершенной белизне... Потом заглянул в ее глаза.

Нет, это не может быть камень, я чувствовал, был уверен в этом! Не может... На ощупь совсем как... А глаза женщины... что-то...

Неожиданно даже для самого себя я отскочил назад.

Точнее сказать, отлетел, опрокинув вазы с лилиями, и с силой ударился о стену возле самой двери.

Я весь дрожал, и ноги отказывались меня держать.

— Они живые! — воскликнул я.— Это вовсе не статуи. Они такие же вампиры, как и мы.

— Да, это так,— подтвердил Мариус.— Хотя само слово «вампир» им неизвестно.

Он продолжал, как и прежде, стоять, спокойно опустив руки и не сводя взгляда с таинственных фигур.

Потом медленно повернулся, подошел ко мне и взял меня за правую руку.

Кровь бросилась мне в лицо. Я хотел что-то сказать, но не мог вымолвить ни слова. Оторвав взгляд от статуй, я уставился на держащую меня руку.

— Все в порядке,— с печалью в голосе сказал он.— Я не думаю, что им было неприятно твое прикосновение.

Смысл его слов не сразу дошел до меня. Наконец я понял...

— Ты хочешь сказать, что ты... Ты не знаешь... Они просто сидят здесь и... О Боже!

Мне вдруг вспомнились его слова, произнесенные несколько столетий назад, о которых упомянул в своем рассказе Арман: «Те, Кого Следует Оберегать, пребывают в мире... или в безмолвии. Большего нам знать не дано».

Меня трясло как в лихорадке. Руки и ноги сильно дрожали.

— Они мыслят, дышат, они живые, как и мы,— заикаясь, говорил я.— Сколько уже времени они сидят вот так? Сколько?

— Успокойся,— промолвил он, похлопывая меня по руке.

— О Боже! Боже! — продолжал тупо твердить я, не находя других слов, а потом едва ли не истерически выкрикнул: — Но кто они? Это и есть Осирис и Исида? Это они?

— Я не знаю.

— Я хочу уйти подальше от них! Я хочу выйти отсюда!

— Почему? — спокойно спросил он.

— Потому что они... они живые и... и в то же время они не могут двигаться или говорить!

— Откуда тебе известно, что не могут? — голос его звучал тихо и успокаивающе.

— Но они не двигаются... В том-то и дело. Не двигаются...

— Идем,— кивнул он.— Я хочу, чтобы ты присмотрелся к ним повнимательнее. А потом я отведу тебя обратно наверх и, как обещал, расскажу все, что мне известно.

— Я больше не хочу смотреть на них! Мариус, я честное слово не хочу! — кричал я, тряся головой и пытаясь вырвать руку.

Однако он крепко держал меня, словно сам был мощной каменной статуей. Меня не покидала мысль о том, насколько его кожа похожа на кожу этих статуй — она светилась точно так же,— а его спокойное лицо было таким же гладким, как у них.

Он становился таким же, как они! Когда-нибудь, по прошествии вечности, таким же предстоит стать и мне. Если, конечно, удастся прожить столь долго...

— Мариус, пожалуйста...— умолял я, не думая ни о позоре, ни о тщеславии.

Единственным моим желанием было поскорее выбраться из этой комнаты.

— Тогда подожди меня,— сказал он.— Оставайся здесь.

Он отпустил мою руку, повернулся и пристально посмотрел на перевернутые мною вазы с цветами и лужи разлитой воды.

И все немедленно оказалось на прежнем месте: цветы вновь стояли в вазах, лужи с пола исчезли.

Он продолжал стоять, но смотрел теперь на статуи. Я услышал его мысли. Он приветствовал их, правда весьма своеобразно, не обращаясь к ним по именам и не упоминая никаких титулов. Он объяснял им причину своего отсутствия в течение

нескольких последних ночей. Рассказал, что был в Египте и привез подарки, которые вскоре им принесет. Он обещал, что скоро отведет их полюбоваться морем.

Я начал понемногу успокаиваться. Мой мозг лихорадочно анализировал все, что мне удалось узнать. Он заботился о них. Он всегда о них заботился. Он украсил эту комнату именно потому, что на нее были устремлены их взгляды. Он думал, что им будет приятно любоваться прекрасными картинами и цветами, которые он приносит.

Однако он не знал ничего наверняка. И мне оставалось лишь смотреть прямо на них и чувствовать ужас при мысли о том, что они живые и что они полностью замкнуты в себе!

— Я больше не в силах выносить это,— пробормотал я.

Мне не нужны были его объяснения, чтобы понять причину его заботы. Он не мог похоронить их где-нибудь под землей, потому что они не были лишены сознания. Не мог сжечь их, потому что они были совершенно беспомощны и не могли дать своего разрешения на это. Господи! Час от часу не легче!

Он оберегал их и заботился о них так, как делали это язычники, строившие для своих богов храмы, которые должны были служить им жилищем. Он приносил им цветы.

Я смотрел, как он возжигает благовония — маленький брикетик, который он достал из шелкового носового платка и положил на маленькое бронзовое блюдо. Он сказал, что привез благовония из Египта.

К глазам моим подступили слезы. Я и вправду заплакал.

Подняв голову, я увидел, что он стоит, повернувшись к ним спиной. Они тоже были мне хорошо видны, и я заметил, что он действительно похож на них — статуя в настоящих одеждах. Мне показалось, что он намеренно подчеркивает это сходство, лишив всякого выражения собственное лицо.

— Я разочаровал тебя, не так ли? — прошептал я.

— Ни в коем случае,— мягко ответил он.

— Мне очень жаль, что я...

— Я же сказал тебе, все хорошо.

Я подошел чуть ближе. Я чувствовал, что был груб с Теми, Кого Следует Оберегать. Да, я обошелся с ними грубо. Он доверил мне тайну, а я не смог скрыть ужаса и отвращения. Я сам был очень недоволен собой.

Я подошел еще ближе. Мне хотелось извиниться перед ними за свое поведение. Мариус обнял меня и вновь повернулся к статуям. Запах благовоний был чрезвычайно сильным. В отсветах зажженных ламп их темные глаза казались живыми и подвижными.

Однако ни одна жилочка не билась под белой кожей, а на самой коже не было видно ни единой складочки или морщинки. На нежных губах я не заметил тончайших линий, сохранившихся даже у Мариуса. Не было и размеренного движения груди, которое свидетельствовало бы о том, что они дышат.

Вслушиваясь в тишину, я не услышал ни биения сердца, ни шума бегущей по венам крови.

— Но ведь кровь внутри них есть? — спросил я.

— Да, есть.

— А ты...

«Ты приносишь им жертвы?» — хотел спросить я.

— Они больше не пьют кровь.

Даже эта новость показалась мне ужасной. Они лишены и этого удовольствия. Представить только, как все могло бы происходить! Вот они делают стремительное движение, убивают свою жертву и вновь застывают в неподвижности. Нет, невозможно! Мне следовало бы испытать облегчение. Однако ничего подобного со мной не произошло.

— Много лет назад они еще продолжали пить кровь, однако всего один раз в год. Я оставлял для них жертвы внутри святилища — злодеев и преступников, которые были совсем слабы и близки к смерти. Когда я возвращался, то видел, что жертва принята, однако Тех, Кого Следует Оберегать, я всегда находил в прежнем положении. Только цвет их лиц слегка менялся. Но я ни разу не видел хотя бы единой пролитой капельки крови.

Это всегда происходило в ночи полнолуния и, как правило, весной. Жертвы, оставленные в другое время, никогда не принимались. А потом прекратились и эти ежегодные пиршества. Время от времени я продолжал приносить им жертвы. Прошло около десяти лет, и однажды они вновь приняли жертву. Снова была весна. И снова в небе светила полная луна. А потом опять ничего не происходило в течение примерно полувека. Я потерял счет годам. Мне думалось, что им, возможно, необходимо видеть луну и видеть, как сменяют друг друга времена

года. Однако, как оказалось, это не имело для них никакого значения.

Они перестали пить кровь еще до того, как я взял их с собой в Италию. А это было триста лет назад. Они ничего не пили даже в жарком Египте.

— А когда это случалось, тебе ни разу не приходилось быть свидетелем их пиршества?

— Нет, никогда.

— И ты никогда не видел, чтобы они двигались?

— Никогда, с тех пор как... с самого начала.

Меня вновь охватила дрожь. Я смотрел на них, и мне казалось, что они дышат, что губы их шевелятся. Я понимал, что это не более чем иллюзия, обман зрения. Однако происходящее буквально сводило меня с ума. Если я немедленно не выберусь отсюда, то непременно снова разрыдаюсь.

— Иногда, когда я прихожу к ним,— продолжал Мариус,— то замечаю некоторые изменения.

— Что?! Как это?!

— Сущие мелочи,— вновь заговорил он, задумчиво глядя на статуи. Потом протянул руку и дотронулся до ожерелья на шее женщины.— Вот это, например, ей нравится. Вероятно, оно именно то, какое ей нужно. Но было и другое. Его я часто находил сломанным и валяющимся на полу.

— Значит, они могут двигаться?!

— Сначала я думал, что ожерелье просто упало. Но, три раза подняв и починив его, я понял, что все бесполезно. Она либо срывала его с шеи, либо усилием воли заставляла упасть.

Я что-то прошептал в ужасе и вдруг буквально помертвел от страха, что осмелился выругаться в ее присутствии. Мне захотелось немедленно убежать. На ее лице, как в зеркале, отражалось все то, что рисовало мне воображение. Мне показалось, что губы ее изогнулись в улыбке, хотя на самом деле они оставались неподвижными.

— То же самое происходило и с другими украшениями, с теми, на которых, как мне думается, были написаны имена не почитаемых ими божеств. Однажды я принес из церкви вазу, но она оказалась разбитой вдребезги, словно разлетелась на куски от одного их взгляда. Были и другие, не менее поразительные, ситуации.

— Расскажи.

— Иногда, войдя в святилище, я заставал кого-нибудь из них стоящим.

Все это было столь ужасно, что мне захотелось схватить его за руку и силой вытащить отсюда.

— Его я однажды обнаружил в нескольких шагах от стула,— продолжал Мариус,— а в другой раз она стояла возле самой двери.

— Она пыталась выйти? — шепотом спросил я.

— Возможно.— Он задумался.— Однако были времена, когда они с легкостью могли выйти отсюда, если хотели. Ты сам составишь свое мнение, когда услышишь мой рассказ до конца. Всякий раз, когда я находил их не там, где всегда, я возвращал их на место и усаживал, придавая им привычную позу. Это требовало очень больших усилий. Они словно сделаны из упругого камня, если ты можешь представить себе такое. А теперь задумайся: если я обладаю такой силой, какие силы присущи им?

— Ты сказал: если... если хотели. А что, если они испытывают прежние желания, но больше не могут удовлетворить их? Что, если в результате величайших усилий они только и способны, что дойти до двери?

— Мне кажется, при желании она способна вдребезги разнести эту дверь. Уж если я одним усилием воли могу отодвигать засовы, представь себе, на что способна она.

Я смотрел на их холодные отчужденные лица, на слегка впалые щеки и крупные, безмятежно сомкнутые рты.

— А вдруг ты ошибаешься? Что, если они слышат каждое слово из нашего разговора? Что, если сердятся на нас и даже приходят в ярость?

— Я думаю, они нас слышат,— ответил он, накрывая мою руку своей и стараясь меня успокоить,— но уверен, что наши разговоры их совершенно не интересуют. Если бы это было не так, они непременно шевельнулись бы, чтобы показать это.

— Но как ты можешь быть уверен?

— Они совершают множество поступков, требующих величайшей силы. Бывает, например, что я запираю дверцы их шатра, но они тут же отпирают их снова и распахивают настежь. Я знаю, что это делают они,— просто потому, что больше некому. Я оборачиваюсь и вижу их. Тогда я веду их к морю.

А перед рассветом, когда я прихожу за ними, они становятся более неповоротливыми и менее гибкими. Мне с трудом удается отвести их на место. Иногда мне кажется, что они поступают так намеренно, чтобы помучить меня, поиграть со мной.

— Не думаю. Они стараются, но не могут.

— Не торопись с выводами,— сказал он.— Приходя в эту комнату, я действительно замечал странные вещи. Кроме того, были еще и события, происходившие в самом начале...

Он вдруг умолк, словно что-то отвлекло его внимание.

— Ты слышишь, о чем они думают? — спросил я, потому что мне почудилось, что он напряженно прислушивается к чему-то.

Он не ответил, лишь продолжал пристально смотреть на статуи. Что-то явно изменилось. Только невероятным усилием воли я удержался от того, чтобы не убежать прочь. Я всмотрелся, но не смог ничего заметить, услышать или почувствовать. Если Мариус немедленно не объяснит мне причину своего странного поведения, я либо закричу, либо разрыдаюсь. Так мне, во всяком случае, казалось.

— Не будь таким нетерпеливым, Лестат,— чуть улыбнувшись, сказал Мариус, по-прежнему пристально глядя на мужчину.— Иногда я слышу кое-что, но это не более чем неясные импульсы, смысла которых я не понимаю. Они только свидетельствуют о их присутствии — ты понимаешь, о чем я говорю.

— Именно эти звуки ты сейчас и слышал?

— Да... Пожалуй.

— Мариус, пожалуйста, уйдем отсюда! Умоляю тебя! Прости, но я не в силах больше вынести это! Пожалуйста, Мариус, уйдем!

— Хорошо,— мягко ответил он, крепко беря меня за плечо.— Но сначала я хочу попросить тебя кое о чем.

— Я готов сделать все, что тебе будет угодно.

— Поговори с ними. Не обязательно громко и вслух. Но поговори. Скажи, что считаешь их красивыми.

— Они знают это,— ответил я.— Знают, что я нахожу их невероятно прекрасными.

Я был действительно уверен, что это так. Но Мариус предлагал мне высказать им все, как подобает их положению. А пото-

му я освободил разум от страхов и предрассудков и сказал все, что полагалось.

— Поговори с ними еще,— продолжал настаивать Мариус.

Я так и сделал. Я по очереди посмотрел в глаза мужчине и женщине, и меня охватило странное чувство. «Я считаю вас красивыми! Я считаю вас несравненно прекрасными!» — я мысленно твердил эти слова как молитву. Точно так же я, маленьким мальчиком, спрятавшись в высокой траве на лугу возле склона горы, молил Бога помочь мне убежать из отцовского дома.

Точно так же я разговаривал сейчас с ней, благодарил ее за то, что она позволила мне приблизиться к ней и к ее тайнам. Я почти физически ощущал это чувство, оно разливалось по поверхности моей кожи и пронизывало меня до самых кончиков волос. Я чувствовал, как уходит из меня напряжение, как оно оставляет мое тело. Глядя в ее бездонные темные глаза, я ощущал небывалую легкость и чувствовал, как меня окутывают запахи благовоний и цветов.

— Акаша,— произнес я имя, услышанное мною в этот самый момент.

И оно показалось мне прекрасным. У меня даже волосы зашевелились. Шатер как будто превратился в пылающую раму, и только в том месте, где сидел мужчина, было что-то такое, что трудно поддавалось определению. Почти против своей воли я подошел еще ближе и наклонился вперед, как будто намереваясь поцеловать женщину. Мне очень хотелось сделать это. Я склонился еще ниже... И почувствовал вкус ее губ.

Мне вдруг захотелось напоить ее кровью из своего рта, как я когда-то поил Габриэль.

Все больше и больше подпадая под влияние чар, я заглянул в неизмеримые глубины ее глаз.

Да что со мной происходит? Я целую богиню прямо в губы! Что за безумная мысль пришла мне в голову?!

Я отпрянул. И тут же вновь оказался возле противоположной стены. Я дрожал с головы до ног и сжимал руками голову. На этот раз, правда, я не перевернул вазы с лилиями, но меня вновь сотрясали рыдания.

Мариус прикрыл двери шатра и заставил задвинуться внутренний засов.

Потом мы вышли в проход, и он мысленно приказал стоящему в комнате бревну лечь на место, потом сам вставил в скобы бревно снаружи.

— Идем, мой мальчик,— обратился он ко мне.— Пора подняться наверх.

Не успели мы пройти и несколько ярдов, как я услышал какой-то резкий звук. Мариус обернулся и посмотрел назад. По лицу его скользнула тень.

— Что это? — воскликнул я, прижимаясь спиной к стене.

— Шатер... они его снова открыли. Ладно. Я вернусь сюда позже и запру его, прежде чем встанет солнце. А сейчас мы с тобой вернемся в мою гостиную, и я расскажу тебе свою историю.

Как только мы вошли в ярко освещенную комнату, я буквально рухнул в кресло и закрыл ладонями лицо. Потом до меня дошло, что Мариус все это время продолжает стоять возле кресла и не сводит с меня взгляда. Я поднял голову.

— Она открыла тебе свое имя,— сказал он.

— Акаша,— повторил я. Мне показалось, что это имя выплыло из водоворота постепенно рассеивающегося сна.— Неужели она действительно открыла мне его?

Я вновь произнес это имя вслух:

— Акаша! — и вопросительно, с мольбой взглянул на Мариуса.

Мне хотелось, чтобы он объяснил, почему смотрит на меня с таким странным выражением на лице.

Я подумал, что, если его лицо снова не приобретет прежнюю живость и выразительность, я просто сойду с ума.

— Ты на меня сердишься? — спросил я наконец.

— Ш-ш-ш-ш... тихо...— ответил он.

Я ничего не слышал. Вокруг стояла полная тишина, нарушаемая только шумом моря. Быть может, его привлекло потрескивание фитилей в свечах? Или вой ветра? Даже глаза статуй не казались столь безжизненными, как глаза Мариуса в тот момент.

— Ты потревожил их,— шепотом сказал мне Мариус.

Я вскочил на ноги.

— И что это значит?

— Не знаю,— пожал плечами он.— Возможно, ничего. Шатер по-прежнему открыт, и они сидят в своих обычных позах. Кто может сказать, что все это значит?

Я вдруг явственно почувствовал, как сильно в течение многих и многих лет он жаждал это узнать. Я бы даже сказал — веков, но мне самому трудно пока представить, что такое века. Год за годом он безуспешно пытался добиться от них хоть какого-нибудь знака. И теперь недоумевал, каким образом мне удалось заставить ее открыть секрет своего имени. Акаша... Что-то происходило... Но это были далекие времена Римской империи. Страшные события. Ужасные. Страдания, невыразимые страдания...

Образы рассеялись. Тишина. Он оказался запертым в комнате, словно святой, которого низвели с алтаря и оставили в боковом приделе храма.

— Мариус! — шепотом позвал я.

Он очнулся, и лицо его осветила теплая улыбка. Он взглянул на меня едва ли не восхищенно.

— Я здесь, Лестат,— откликнулся Мариус и успокаивающе сжал мою руку.

Он сел и жестом предложил мне сделать то же самое. Мы вновь удобно устроились в креслах лицом друг к другу. Даже свет в комнате действовал умиротворяюще. Успокаивающим было и темное ночное небо за окнами.

К нему вернулась прежняя живость движений, и в глазах заиграли веселые искорки.

— Еще нет и полуночи,— начал он.— На островах все спокойно. Если мне никто не помешает, я думаю, что успею рассказать тебе всю историю своей жизни.

5

ИСТОРИЯ МАРИУСА

Это произошло в городе Массилия на территории Римской Галлии в тот год, когда мне исполнилось сорок лет. Я сидел в отвратительной прибрежной таверне и лихорадочно писал свой труд по истории мира.

На редкость грязная, переполненная людьми таверна была местом постоянных сборищ матросов и бродяг, а также путешественников вроде меня, которым нравилось общаться с такого рода людьми и которые по-своему даже любили их, хотя в отличие от меня, например, они в большинстве своем были очень бедны и не могли прочитать ни строчки из того, что я писал.

Я прибыл в Массилию после долгого и очень полезного для меня путешествия, во время которого побывал во всех крупных городах Империи. Я посетил Александрию, Пергам, Афины и везде наблюдал образ жизни и нравы людей, делал заметки. А теперь я собирался странствовать по городам Римской Галлии.

В ту ночь я чувствовал себя ничуть не менее комфортно, чем в собственной библиотеке в Риме. Откровенно говоря, в таверне мне нравилось даже больше. Везде, где бы я ни был, я искал подобные этому местечки, удобно устраивался за столиком у стены, зажигал свечу, раскладывал перед собой письменные принадлежности, пергамент и писал. Пожалуй, лучше всего мне работалось именно в вечерние часы, когда в таких заведениях было наиболее людно и шумно.

Сейчас, оглядываясь назад, я особенно ясно понимаю, что всю свою жизнь провел в самой гуще событий и страстей. Я привык думать, что мне ничто не может причинить вред.

Я был незаконнорожденным сыном и вырос в богатом доме благородного римлянина. Меня любили, баловали и позволяли делать все, что мне хотелось. Моим законнорожденным братьям приходилось думать о женитьбе, о политике и военной службе. К двадцати годам я стал ученым человеком и летописцем и часто во время пиров становился зачинщиком споров по тому или иному историческому или военному вопросу.

Отправляясь в путешествие, я не испытывал недостатка в деньгах, и у меня были такие документы, которые открывали передо мной все двери. Сказать, что жизнь была ко мне благосклонна, пожалуй, будет чересчур мягко. Я был на редкость счастливым человеком. Но, что самое главное, жизнь никогда не казалась мне скучной и не нанесла ни одного серьезного удара.

Меня не покидали ощущение восторга и сознание собственной неуязвимости. Впоследствии они сыграли в моей судьбе та-

кую же важную роль, как гнев и сила духа в твоей или отчаяние и жестокость в жизни многих других. Эти чувства вдохновляли меня и поддерживали мой дух.

Однако продолжу... Если мне и не хватало чего-то в моей полной приключений жизни,— хотя в те годы я мало думал об этом,— так это любви моей матери, которую я не знал. Она умерла в момент моего рождения, и мне было известно только, что она была рабыней из племени воинственных галлов, воевавших против Юлия Цезаря. От нее я унаследовал светлые волосы и голубые глаза. Кроме того, ее сородичи, судя по всему, были настоящими гигантами. Уже в ранней юности я был намного выше моего отца и братьев.

Должен признаться, что мои галльские предки меня мало интересовали.

Я путешествовал по Галлии как образованный римлянин, совершенно не думая о том, что и во мне течет кровь варваров. Мои представления и убеждения ничем не отличались от обычных для моего времени. Я был уверен, что Цезарь Август — величайший из правителей и что в благословенный век владычества Рима старые предрассудки и суеверия во всей Римской империи уступили место закону и разуму. Не было такого места, куда бы не протянулись из Рима дороги, по которым двигались солдаты, ученые и торговцы.

В тот вечер я работал как сумасшедший, записывая свои наблюдения и описывая людей, которые заходили в таверну. Это были дети поистине всех рас и народов, говорившие на более чем дюжине разных языков.

Сам не знаю почему, но мне в голову пришла вдруг довольно странная мысль относительно жизни вообще, которая из смутного беспокойства переросла в едва ли не навязчивую идею. Я запомнил, что она появилась в моей голове именно в тот вечер, потому что, как я считал, сама идея впоследствии оказалась тесно связанной с дальнейшими событиями. Однако на самом деле то, что эта мысль возникла в последние часы моего существования в качестве свободного римского гражданина, было не более чем совпадением.

Сама же идея состояла в существовании кого-то, кто видел и знает абсолютно все. Я не имел в виду некое сверхъестественное существо, скорее я думал о наличии на Земле вечного разу-

ма и вечного знания. Мысль эта, выраженная определенным практическим образом, одновременно и волновала и умиротворяла меня. Существует где-то некое сознание, которому известно все то, что я видел за время своих путешествий, которому известно, как выглядел город Массилия шестьсот лет назад, когда сюда пришли первые греческие купцы, что и как происходило в Египте во времена, когда строились пирамиды Хеопса. Кому-то известно, каким был свет в тот ранний вечер, когда перед греками пала Троя, о чем говорили между собой в своих маленьких домиках греческие крестьяне за несколько минут до того, как под натиском спартанцев рухнули защищавшие греков стены.

О том, кто бы это мог быть, я имел весьма смутное представление. Однако сознание того, что ничто духовное — а знание, безусловно, духовно — для нас не потеряно, действовало на меня успокаивающе.

Размышляя над этим, я выпил еще немного вина и начал записывать свои мысли. И тут я понял, что моя идея является скорее не убеждением, а предубеждением. Я просто ощущал существование вечного разума...

И воплощением его была та самая история, которую я писал. Я старался объединить исторические факты, которым сам был свидетелем, свои наблюдения, сделанные в самых разных землях, описания народов, там обитавших, с теми письменными источниками, которые дошли до нас от греков — трудами Ксенофонта, Геродота и Посейдония,— чтобы создать единую картину вечного знания, существовавшего в мое время. В сравнении с истинным знанием мой труд был не более чем его слабым и ограниченным подобием.

Около полуночи я почувствовал, что устал, и впервые за долгое время оторвался от работы. Выйдя из состояния напряженной сосредоточенности, я поднял голову, огляделся и заметил, что в таверне что-то изменилось.

Стало намного тише. Точнее сказать, таверна была почти пуста. А напротив меня, спиной к залу, освещенный лишь мерцающим пламенем свечи, сидел высокий светловолосый человек и молча смотрел на меня. Меня не столько поразил его вид — хотя там было чему удивиться,— сколько осознание то-

го, что он уже какое-то время находится рядом и наблюдает за мной, а я его даже не заметил.

Как и все галлы, он был настоящим гигантом, ростом даже выше меня. У него было удлиненное узкое лицо с мощной нижней челюстью и орлиным носом, а глаза под густыми светлыми бровями светились детской непосредственностью и умом. Я хочу сказать, что он производил впечатление человека на редкость умного и в то же время чрезвычайно юного и невинного. Однако он не был молодым. Я был совершенно сбит с толку.

Поразило меня и то, что его густые и жесткие золотистые волосы не были коротко острижены, как это было принято у римлян, а спускались до самых плеч. Вместо туники и плаща, которые в то время носили повсюду, на нем была подпоясанная ремнем короткая кожаная куртка, какие носили варвары до прихода Цезаря.

Этот странный человек с серыми глазами, пронизывавшими меня насквозь, выглядел так, словно только что вышел из леса. Он восхищал меня своим видом, и я принялся лихорадочно описывать его внешность и детали одежды в полной уверенности, что он не сможет прочесть ни слова по-латыни.

Однако его полная неподвижность начинала нервировать меня. Глаза его были неестественно широко раскрыты, а губы слегка изогнулись, как будто само мое присутствие возбуждало его. Его гладкая и изящная белая рука, спокойно лежащая на столе, никоим образом не гармонировала с его внешностью.

Бросив быстрый взгляд на зал, я увидел, что моих рабов в таверне нет. Наверное, играют в карты в соседней комнате, подумал я, или развлекаются наверху с женщинами. Так или иначе, они с минуты на минуту должны прийти.

Я через силу улыбнулся молчаливому и странному соседу и вновь обратился к лежащим передо мной записям. Однако он вдруг заговорил:

— Как вижу, вы очень образованный человек?

Он задал вопрос на латинском языке, на котором говорила вся Империя. Однако акцент у него был довольно сильный. Он очень тщательно произносил каждое слово, и речь его была почти музыкальной.

Я ответил, что да, к счастью, я получил хорошее образование, и вновь вернулся к работе, надеясь, что мой ответ заставит его

прекратить разговор. Мне было приятно и интересно смотреть на него, но вступать с ним в беседу не было никакого желания.

— Вы умеете писать и по-латыни, и по-гречески? — снова задал он вопрос, глядя на мои завершенные заметки.

Я вежливо объяснил ему, что греческие фразы в моем тексте всего лишь цитаты из другого источника и что сам я пишу по-латыни. Потом опять уткнулся в работу.

— Однако вы ведь кельт, не так ли? — уточнил он, использовав греческое название галлов.

— Нет, что вы, я римлянин,— возразил я.

— Но вы выглядите совсем как кельт. Вы похожи на нас, такой же высокий и говорите совсем как мы.

Его последние слова очень меня удивили. Вот уже много часов я сидел здесь и потягивал вино. Я никуда не выходил. Тем не менее я объяснил ему, что моя мать была из племени кельтов и что я ее совершенно не знал. А мой отец — римский сенатор.

— А что это вы пишете на греческом и латинском языках? Что вас так увлекает?

Я не стал отвечать ему грубостью. Этот человек начинал интриговать меня. Однако к своим сорока годам я уже знал, что, как правило, люди, которых встречаешь в таких вот тавернах, бывают интересны только в течение первых нескольких минут, а потом общение с ними начинает смертельно утомлять.

— Ваши рабы говорят,— мрачновато-торжественно произнес он,— что вы пишете великую историю.

— Вот как? — несколько напряженно сказал я.— А где, кстати, мои рабы, хотел бы я знать?

Я вновь огляделся, но нигде их не увидел. Тогда я подтвердил, что действительно пишу историю.

— И вы бывали в Египте...— продолжил он, протягивая по столу руку.

Я не ответил и снова пристально всмотрелся в него. Было в нем нечто такое, что трудно передать словами,— в том, как он сидел, как жестикулировал только одной рукой. Обычно так вели себя недалекие люди, которым хотелось показать, что они обладают величайшей мудростью, в то время как на самом деле в них не было ничего, кроме безмерной самоуверенности.

— Да,— ответил я наконец с некоторой долей осторожности,— я бывал в Египте.

Он заметно оживился. Глаза его сначала широко раскрылись, потом он прищурился и сделал едва заметное движение губами, словно говоря сам с собой.

— А вам известны египетские язык и письменность? — слегка сдвинув брови, очень серьезно спросил он.— Знакомы египетские города?

— Разговорный язык — да, я его знаю. Но если под письменностью вы понимаете древнее рисуночное письмо, то нет, его я не могу прочесть. И не знаю никого, кто мог бы это сделать. Я слышал, что пиктографическое письмо не могут прочесть даже старые египетские монахи. Они не понимают смысла половины текстов, которые им приходится переписывать.

Он странно засмеялся. То ли его развеселили мои слова, то ли ему было известно нечто такое, чего не знал я. Потом он глубоко вздохнул, отчего ноздри его слегка расширились и лицо вновь сделалось холодным. Он был поистине замечательным человеком.

— Его могут прочесть боги,— прошептал он.

— Что ж, хотелось бы мне, чтобы они и меня этому научили,— весело ответил я.

— Правда? — От удивления он едва не задохнулся.— Повторите, что вы сейчас сказали!

— Я пошутил,— пожал плечами я.— Я только хотел сказать, что мне хотелось бы научиться читать египетские письмена. Тогда я смог бы узнать истинную правду о египтянах, вместо того чтобы читать глупости, написанные о них греческими историками. Египет — неведомая и никем не понятая страна...

Я вдруг остановился. С какой стати я разговариваю с этим человеком о Египте?

— В Египте до сих пор живут настоящие боги,— совершенно серьезно сообщил он,— боги, которые существовали там всегда. Приходилось ли вам бывать в самых глубинах Египта?

То, что он говорил, показалось мне весьма любопытным. Я ответил, что путешествовал довольно далеко вверх по Нилу и что видел там множество чудес.

— Но что касается настоящих божеств,— продолжал я,— то я едва ли могу поверить в достоверность рассказов о богах с головами животных...

Он покачал головой, как мне показалось, даже несколько печально.

— Истинные боги не нуждаются в том, чтобы в их честь возводили статуи,— сказал он.— У них человеческие головы, и они появляются только тогда, когда сами того хотят. Они существуют так же, как существуют растения, выходящие из-под земли, как существует все на земле, как камни и луна, в великом молчании ведущая отсчет времени благодаря своим неизменным циклам.

— Вполне вероятно,— едва слышно произнес я, не желая раздражать его.

Так вот оно что! Он просто фанатик! Мне следовало сразу догадаться, что сочетание ума и детской наивности свидетельствует о его фанатизме. Мне припомнилось кое-что из записок о галлах Юлия Цезаря. Он писал о том, что кельты ведут свое происхождение от Диспатера, бога ночи и тьмы. Неужели сей странный человек верит во все это?

— В Египте есть древние боги,— мягко заговорил он.— Древние боги есть и в этих землях, но только для тех, кто умеет им поклоняться. Я говорю не о ваших храмах, возле которых торгуют животными, чтобы осквернять алтари, а мясники потом продают оставшееся мясо. Я говорю об истинном поклонении, о настоящих жертвах богу, единственных, к которым он прислушивается и на которые откликается.

— Вы говорите о человеческих жертвоприношениях? — уточнил я.

Цезарь подробно описывал этот обычай кельтов, и при воспоминании о нем у меня кровь застывала в жилах. Конечно же, мне приходилось видеть страшную смерть на аренах Рима, ужасные казни... Однако мне трудно было представить человеческие жертвоприношения, которые не практиковались у нас уже много веков, а быть может, вообще никогда.

Я наконец понял, кем может быть этот странный и удивительный человек. Друидом — членом древней касты кельтских жрецов, тоже описанной Цезарем. Насколько я знал, во всей Империи не было никого, кто был бы им подобен, и не было им равных по могуществу и влиянию. Однако считалось, что они исчезли из Римской Галлии навсегда.

Судя по описаниям, друиды всегда носили белые одежды, жили в лесах и срезали ритуальными серпами ветки омелы. Но этот человек выглядел скорее как земледелец или воин. Хотя неужели друид стал бы одеваться в белые одежды, чтобы пойти в прибрежную таверну? К тому же друиды объявлены вне закона и демонстрировать свою принадлежность к ним опасно.

— Неужели вы все еще поклоняетесь древним богам? — спросил я, подавшись вперед.— Вам приходилось самому бывать в Нижнем Египте?

Я подумал, что, если это действительно настоящий друид, у меня есть прекрасная возможность заставить его рассказать мне о кельтах то, чего никто другой знать не мог. Кроме того, я никак не мог понять, какое отношение к кельтам имеет Египет.

— Нет,— ответил он,— я никогда не был в Египте, хотя именно из Египта пришли к нам наши боги. Мне не суждено побывать там. Как не дано судьбой научиться понимать древний язык. Богов вполне устраивает тот язык, на котором я говорю с ними. Они слышат меня.

— А что это за язык?

— Язык кельтов. По-моему, вам это и так должно быть ясно.

— А почему вы столь уверены, что ваши боги слышат вас, когда вы разговариваете с ними?

— Мои боги отвечают мне,— спокойно промолвил он.

У меня не осталось никаких сомнений в том, что он друид. И мне показалось вдруг, что от него исходит мерцающий свет. Я представил его в белых одеждах. Наверное, случись в тот момент в Массилии землетрясение, я бы едва ли его заметил.

— Значит, вы сами их слышали?

— Я устремлял взгляд на моих богов, и они беседовали со мной — иногда вслух, а иногда мысленно.

— А что они говорят? Что делают такого, что отличает их от наших богов? Помимо, конечно, обрядов жертвоприношений.

— Они делают то, что всегда было только божественной привилегией,— произнес он, и голос его при этом звучал благоговейно, словно он исполнял ритуальное песнопение.— Они разделяют добро и зло. Обращают свою благосклонность на тех, кто их почитает. Приводят тех, кто искренне им поклоняется, в гармонию со всем миром, с лунными циклами. Оплодотворяют

землю. Все, что есть на земле доброго и хорошего, происходит от них.

Да, сомнений не оставалось — я слышал от него изложение древних религиозных верований в их самой примитивной форме. Эти первобытные верования до сих пор оставались очень распространенными среди простого народа Империи.

— Мои боги прислали меня сюда,— продолжал он,— чтобы я разыскал вас.

— Меня?! — воскликнул я совершенно потрясенный.

— Вы очень скоро все поймете,— ответил он.— Как и научитесь с благоговением относиться и почитать Древний Египет. Боги научат вас.

— А чего ради они станут это делать?

— Все очень просто. Вы должны будете стать одним из них.

Я хотел было ответить, но в ту же секунду почувствовал сильный удар по затылку, по голове волнами разлилась ужасная боль. Я понял, что теряю сознание — стол накренился, потолок уплыл высоко вверх... Мне хотелось сказать ему, чтобы он отвел меня в мой дом, к моим слугам, если ему нужен выкуп...

Однако уже тогда я понимал, что правила и порядки, существующие в моем мире, не имеют ничего общего с тем, что происходило со мной в тот момент.

Когда я очнулся, уже наступил день. Я лежал в большом фургоне, быстро мчащемся по немощеной дороге через необъятный лес. Я был связан по рукам и ногам и прикрыт какой-то накидкой. Сквозь щели в плетеных стенках я мог видеть, что происходит по сторонам. Рядом с фургоном скакал верхом тот человек, который разговаривал со мной в таверне. Там были еще какие-то всадники, одетые в штаны и короткие кожаные куртки, подпоясанные ремнями. На всех были железные нарукавники, и у всех сбоку висели железные мечи. В ярких проблесках солнца волосы их казались почти белыми. Они окружали повозку и ехали совершенно молча.

Казалось, сам лес был создан для обитания в нем титанов. Кроны необъятных в обхвате древних дубов почти смыкались и закрывали свет. Большую часть пути мы ехали в сыром полумраке, под сенью темно-зеленых листьев.

Не помню, чтобы по пути нам встречались какие-либо города и деревни, помню только густой, непроходимый лес. Нако-

нец мы въехали в ворота, и по обеим сторонам я увидел дома под соломенными крышами, между которыми сновали варвары в кожаных одеждах. Меня привели в один из домов и оставили в темноте. Я был вне себя от ярости и в то же время чувствовал себя совершенно разбитым и измотанным, затекшие ноги отказывались меня держать.

Теперь я был уверен, что нахожусь в сохранившемся с древних времен поселении кельтов. Тех самых варваров, которые за несколько веков до этого разграбили храм в Дельфах, а чуть позже и сам Рим. Тех самых воинственных кельтов, которые, сидя совершенно обнаженными на своих конях, бросались в бой с войсками Цезаря, громкими звуками труб и дикими воплями приводя в ужас дисциплинированных римских воинов.

Иными словами, я оказался вне пределов всего того, на что мог бы надеяться. Помощи было ждать неоткуда. И, если эти разговоры о моем скором превращении в одного из богов означают, что я буду принесен в жертву на каком-нибудь залитом кровью алтаре, мне следует постараться как можно быстрее выбраться отсюда.

6

Когда тот человек, который меня похитил, появился вновь, на нем были те самые легендарные белые одежды до земли, а жесткие волосы были аккуратно расчесаны. Он выглядел очень впечатляюще и торжественно. За ним в полутемную комнату вошли еще несколько мужчин. Все они — и молодые, и старые — были высокого роста, с блестящими светло-русыми волосами, на всех были такие же длинные белые одежды.

Они молча окружили меня и долго пристально рассматривали. Потом стали перешептываться между собой.

— Ты идеально подходишь для того, чтобы стать богом,— обратился ко мне самый старый из пришедших, и я увидел выражение радостного удовольствия на лице того, кто привез меня.— Ты именно тот, кого хочет бог, и останешься с нами до великого праздника Самайна. Когда наступит этот день, мы отведем тебя в священную рощу, где ты напьешься божественной крови и после этого станешь отцом богов, тем, кому предстоит

возродить древнюю магию, отнятую у нас без всяких объяснений.

— И когда это случится, тело мое умрет? — спросил я, вглядываясь в их худые, с резкими чертами лица, проницательные глаза, наблюдая мрачную грацию каждого их движения.

Я мог представить себе, какой ужас нагоняли эти безжалостные и отважные воины на народы Средиземноморья, когда нападали на них. Стоит ли удивляться, что об их бесстрашии написано так много? Однако передо мной стояли сейчас не воины — это были жрецы, судьи и учителя. Наставники молодого поколения, хранители законов и поэзии, не запечатленных ни на одном языке.

— Умрет только смертная часть тебя,— ответил мне тот старец, который разговаривал со мной с самого начала.

— Как неудачно,— сказал я.— Ведь это практически все, что у меня есть.

— Нет, останется твой внешний облик, и он будет окружен ореолом славы. Ты убедишься, что будет именно так. А потому ничего не бойся. К тому же не в твоей власти изменить ход событий. До дня Самайна тебе предстоит отрастить длинные волосы, а кроме того, выучить наш язык, наши законы и гимны. Мы позаботимся о тебе. Мое имя Маэл, и я сам стану твоим наставником и учителем.

— Но я не желаю становиться богом! — воскликнул я.— И уверен, что боги не захотят принять в свои ряды того, кто не хочет этого.

— Это будет решать сам древний бог. Но я знаю, что, как только ты напьешься божественной крови, ты станешь богом. И тогда тебе откроются все истины.

Спастись было невозможно.

Меня охраняли днем и ночью. Мне не позволили даже иметь при себе нож, чтобы я не смог остричь себе волосы или причинить иной вред. Напившись густого пшеничного пива и насытившись жареным мясом, которые мне приносили, большую часть времени я проводил, лежа в одиночестве в полутемной комнате. Меня лишили письменных принадлежностей, и я очень страдал из-за этого.

Изнывая от скуки, я слушал приходившего обучать и инструктировать меня Маэла. Я позволял ему петь древние гим-

ны, пересказывать старинные предания, объяснять законы и лишь время от времени поддразнивал его, говоря, что богу не требуются никакие указания и инструкции.

Он соглашался со мной, но оправдывался тем, что обязан рассказать мне обо всем, что меня ждет впереди.

— В твоих силах помочь мне выбраться отсюда, ты можешь отправиться вместе со мной в Рим,— говорил я.— В горах над Неаполитанским заливом у меня есть собственный дом. Тебе никогда не приходилось видеть столь красивые места. Если ты мне поможешь, я позволю тебе навсегда поселиться там, взамен попросив лишь о том, чтобы ты повторил для меня ваши молитвы, гимны и законы, с тем чтобы я мог их записать.

— Зачем ты стараешься подкупить меня? — спрашивал он, однако я видел, что его очень интересует тот мир, из которого я пришел. Он признался, что за несколько недель до моего прибытия он осмотрел греческий город Массилию и ему очень по душе пришлись и римское вино, и изысканная еда, которые ему пришлось попробовать. К тому же на него большое впечатление произвели стоящие в порту огромные корабли.

— Я вовсе не пытаюсь подкупить тебя,— отвечал, я.— Я не верю в то, во что верите вы, и я оказался вашим пленником.

Однако от скуки и из любопытства я продолжал слушать его молитвы, а кроме того, я не знал толком, что мне предстоит впереди, и меня мучил смутный страх.

Я стал ждать его прихода с некоторым нетерпением. Ждать, когда бледное лицо и призрачная фигура возникнут в пустой комнате и словно озарят ее белым светом, ждать, когда он снова тихим, размеренным голосом начнет нараспев произносить бессмысленные для меня речи.

Вскоре я понял, что в своих поэтических сказаниях он не излагает мне связные и продолжительные истории жизни богов, как делается это в греческих и римских мифах. Имена и характеристики богов мелькали то в одних, то в других строфах. Самые различные божества принадлежали к единому небесному племени.

Но тот бог, которым предстояло стать мне, имел, судя по всему, величайшую власть над Маэлом и его учениками. У этого бога не было имени, хотя его величали самыми разными титулами, самым распространенным из которых был Тот, Кто Пьет

Кровь. Кроме того, его называли и Белым Богом, и Богом Ночи и Тьмы, и Богом Дуба, и даже Возлюбленным Матери.

В каждое полнолуние этому богу приносились кровавые жертвы. Но в день Самайна (1 ноября по нашему христианскому календарю — в день, который мы называем теперь Днем всех святых или Днем поминовения мертвых) этому богу в присутствии всего племени приносились самые многочисленные жертвы — ради того, чтобы он даровал людям богатый урожай, а также для того, чтобы он свершил свой суд и предсказал людям, что ждет их впереди.

Бог этот служил Великой Матери — той, которая не имела видимой формы, но незримо присутствовала во всем и была Матерью всего сущего — земли, деревьев, неба над головой, всех людей и даже Того, Кто Пьет Кровь, который обитал в ее саду.

Чем больше меня интересовало все, что мне рассказывал Маэл, тем больше я понимал. Традиция поклонения Великой Матери была знакома и мне. По всей Империи люди поклонялись Матери-земле и Матери всего сущего, хотя называли ее самыми разными именами. Точно так же поклонялись ее возлюбленному и сыну — умирающему и воскресающему богу, который рос, так же как растет все на земле, лишь затем, чтобы быть потом срезанным под корень, в то время как Мать оставалась жить вечно. Это был очень древний и красивый миф, объясняющий смену времен года. Однако традиции поклонения ему, соблюдаемые повсюду, едва ли можно было назвать красивыми.

Ибо Божественная Мать одновременно была и Смертью — землей, которая поглощает останки юного возлюбленного, так же как поглощает останки всех нас. И в соответствии с этим древним поверьем повсюду существовало множество кровавых ритуалов.

В Риме эта богиня носила имя Кибела, и мне приходилось видеть, как ее преданные жрецы и почитатели в порыве безумия и экстаза подвергали себя оскоплению. А упоминаемые в этом мифе боги принимали страшную смерть: Аттис в безумии оскопил себя, Дионис был растерзан, Осирис у древних египтян был расчленен, но потом вновь собран воедино Великой Матерью Исидой.

И вот теперь мне предстояло стать Великим Богом Всех Плодоносных Сил Земли — богом вина, посевов и деревьев. Я был уверен в том, что в любом случае мне предстоит нечто ужасное.

Мне не оставалось ничего, кроме как напиваться и бормотать песнопения и молитвы вместе с Маэлом, у которого при взгляде на меня на глаза наворачивались слезы.

— Вынусти меня отсюда, негодяй несчастный,— однажды в порыве крайнего раздражения воскликнул я.— Почему бы тебе самому, в конце концов, не стать этим богом деревьев? Почему именно меня решили удостоить этой чести?

— Я уже говорил тебе, что бог поведал мне о своих желаниях. Я не был им избран.

— А если бы ты оказался его избранником, ты сделал бы это?

Я устал слушать сказки о древних варварских обычаях и верованиях, о том, что если человеку угрожает несчастье или болезнь, то он, чтобы избежать угрозы, должен принести человеческую жертву богу.

— Мне было бы очень страшно, но я принял бы эту судьбу,— шепотом ответил он.— Известно ли тебе, в чем состоит весь ужас твоей участи? В том, что твоя душа окажется навеки заключенной в твоем теле. Она не сможет в момент плотской смерти переселиться в другое тело и в иное жизненное пространство. Нет, твоя душа навеки останется душой бога. Ты будешь навсегда лишен возможности умереть и возродиться заново.

Несмотря на мое абсолютное неверие в возможность реинкарнации и раздражение, вызванное полной убежденностью Маэла в неизбежности подобных явлений, его слова заставили меня успокоиться и замолчать. Я ощутил всю силу его суеверного страха и охватившей его печали.

Мои волосы стали густыми и длинными. Жаркое лето уже сменила прохладная осень. Приближался день великого ежегодного праздника Самайна.

Однако у меня по-прежнему возникало множество вопросов.

— Скольких вы уже превратили в богов подобным же образом? Чем я привлек ваше внимание? Что нашли вы во мне

такого, что заставило вас избрать именно меня? — спрашивал я у Маэла.

— Я еще никогда не приводил сюда человека, чтобы превратить его в бога,— отвечал он.— Но бог уже стар, он утратил магическую силу. С ним произошло ужасное несчастье, однако я не вправе говорить об этом. Он избрал своего преемника.

Маэл внезапно испуганно замолчал. Он сказал слишком много. В глубине души его что-то очень беспокоило и пугало.

— Но откуда тебе известно, что он захотел избрать именно меня? Или у тебя здесь в крепости припрятано еще человек шестьдесят кандидатов?

Он покачал головой и вдруг с не характерной для него болью в голосе произнес:

— Мариус, если ты откажешься выпить божественную кровь, если не станешь отцом нового племени богов, что же тогда будет со всеми нами?

— Друг мой, меня это совершенно не заботит...— начал было я.

— О, какое ужасное несчастье! — прошептал он.

За этим последовал длинный рассказ о возвышении Рима, о страшных завоеваниях Цезаря, об уничтожении и вырождении племен и народов, которые испокон веков жили среди этих гор и лесов, жалобы на то, что вместо величественных и славных твердынь могущественных племенных вождей выросли презренные города сначала греков, этрусков, а потом и римлян.

— Друг мой, цивилизации рождаются и умирают, старые боги уступают место новым.

— Ты не понимаешь, Мариус,— покачал головой он.— Наш бог не был повержен вашими идолами и теми, кто рассказывает все эти фривольные и похотливые истории. Наш бог был необыкновенно красив, словно сама луна создала его и озарила своим светом, он говорил с нами голосом чистым, как сам свет, и вел нас по жизни в единстве с окружающим миром. Но он был сокрушен великим несчастьем, и во всех северных землях другие боги погибли. Такова была месть ему со стороны бога солнца, но каким образом солнце могло проникнуть в отведенное для тьмы и сна время, ни ему, ни нам не известно. В тебе наше спасение, Мариус. Ты тот смертный, Который Знает, Ко-

торый Способен Учиться и Уже Научился Многому, Ты Тот, Кто Может Отправиться в Нижний Египет.

Я много думал обо всем этом. Я думал о древнем культе поклонения богу плодородия Осирису и Исиде, которую считали Матерью-землей, о том, что Тифона, убийцу Осириса, называли солнечным светом.

И вот теперь этот благочестивый посредник между богом и людьми говорил мне о том, что солнце нашло в ночи бога и тем самым вызвало страшные несчастья.

В конце концов мой разум отказался работать.

Слишком много дней провел я в одиночестве, предаваясь пьянству.

Лежа в темноте, я пел про себя гимны Великой Матери. Хотя она не была для меня богиней. Она не была ни Дианой Эфесской с наполненными молоком персями, ни ужасной Кибелой, ни даже нежной Деметрой, оплакивавшей перешедшую в царство мертвых Персефону. Она была той плодородной и щедрой землей, запах которой доносился до меня сквозь зарешеченные окна дома, ветром, приносившим сырость и сладкие ароматы мрачного зеленого леса. Она была для меня луговыми цветами и пахучими травами, водой из горного источника, шум которой я иногда слышал. Она была для меня всем тем, что еще осталось в этой полупустой комнате, после того как у меня отобрали почти все. Как и все люди, я знал, что смена времен года, приход зимы или весны, рост на земле всех растений содержат в себе скрытую истину и ни в коей мере не зависят от мифов и легенд, на каких бы языках они ни звучали.

Сквозь решетки на окнах я взглянул на сияющие высоко над головой звезды и вдруг подумал, что мне суждено умереть совершенно глупо и бессмысленно — среди чужих людей, обычаи которых для меня совершенно неприемлемы. И все же торжественность и возвышенность происходящего оказывала на меня огромное воздействие, заставляя покориться своей участи. Я готов был сдаться и уже воображал себя в центре неведомых мне грядущих событий, обладавших тем не менее некой величественной красотой.

Однажды утром, проведя рукой по волосам, я обнаружил, что они густыми вьющимися волнами спускаются мне на плечи.

В последующие несколько дней в крепости царила необычная суета, слышались какие-то звуки, чувствовалось оживленное движение, внутри крепости раздавались шаги тысяч и тысяч ног. Люди все прибывали и прибывали.

Наконец ко мне пришли Маэл и еще восемь друидов. Их чистейшие белоснежные одежды пахли родниковой водой, в которой были выстираны, и солнцем, которое высушило их. Волосы у всех были аккуратно расчесаны и блестели.

Они осторожно и тщательно побрили мне лицо, подстригли на руках ногти. Потом расчесали волосы и надели на меня такие же белоснежные одежды. Закрывая со всех сторон белыми покрывалами, они вывели меня из дома и проводили к белой крытой повозке.

Увидев, что множество одетых в длинные рубахи мужчин сдерживают огромную толпу, не позволяя никому приближаться ко мне, я впервые понял, что лишь нескольким избранным друидам позволено видеть меня.

Как только Маэл и я оказались внутри повозки, полог ее опустили, скрыв нас от посторонних глаз. Мы уселись на грубо сколоченные скамейки, и повозка тронулась в путь. В полном молчании мы ехали несколько часов.

Сквозь матерчатое покрытие повозки проникали лучи солнца, а когда я приник к нему лицом, то увидел лес, через который мы проезжали. Он показался мне еще темнее и гуще, чем в первый раз. За нами следовал бесконечный караван других повозок. Некоторые из них представляли собой огромные клетки, внутри которых находились люди. Вцепившись руками в прутья, они умоляли отпустить их, и голоса их сливались в единый, исполненный ужаса вопль.

— Кто эти люди? Почему они так кричат? — не в силах больше вынести подобное напряжение, спросил я.

Маэл вздрогнул и словно пробудился от сна.

— Они преступники — воры и убийцы. Все они справедливо осуждены и будут принесены в священную жертву.

— Ужасно,— пробормотал я.

Хотя имел ли я право говорить так? Разве сами мы не приговаривали преступников к смерти на кресте, к сожжению у позорного столба, к разного рода пыткам и страданиям? Неужели то, что мы не называли это священной жертвой, делало нас

более цивилизованными? Возможно, кельты поступали гораздо более мудро, не позволяя им умирать зря.

Чепуха какая-то. Голова у меня кружилась. Повозка продолжала катиться вперед. Я слышал голоса тех, кто сопровождал нас,— некоторые шли пешком, другие ехали верхом на лошадях. Все эти люди направлялись на праздник Самайн. Мне предстояло вскоре умереть. Я очень боялся, что меня сожгут. Маэл выглядел испуганным и был очень бледен. Вопли и вой осужденных на смерть сводили меня с ума.

О чем я буду думать, когда они разожгут костер? Какие мысли придут мне в голову в тот момент, когда я почувствую, что горю? Я больше не в силах был выносить все это.

— Что ждет меня? — неожиданно даже для самого себя спросил я, испытывая отчаянное желание придушить Маэла.

Он поднял на меня взгляд и чуть сдвинул брови.

— А вдруг бог уже мертв?..— прошептал он.

— Тогда мы вместе с тобой отправимся в Рим и будем пить там прекрасное италийское вино,— шепнул я в ответ.

Когда повозка наконец остановилась, давно уже перевалило за полдень. Гул голосов вокруг становился все громче и громче.

Я встал, чтобы выглянуть из повозки, и Маэл не остановил меня. Я увидел, что мы находимся на огромной лесной поляне, окруженной со всех сторон гигантскими дубами. Все повозки, в том числе и наша, были расставлены под деревьями, а посреди поляны сотни людей возводили какое-то сооружение из бесчисленного количества вязанок хвороста, тысяч метров веревок и сотен свежесрубленных толстых стволов деревьев.

Самые длинные бревна — таких мне никогда не приходилось видеть — были поставлены вертикально в виде двух огромных букв «Х».

Лес буквально кишел людьми, наблюдающими за всем, что происходило на поляне, на которой разместиться всем было просто невозможно. Все новые и новые повозки пробирались сквозь это невероятное скопление в поисках свободного места возле края леса.

Я снова сел, делая вид, что не понимаю, что происходит, пытаясь убедить в этом даже самого себя. Однако я, конечно же, все прекрасно понимал. Ближе к закату крики и вопли осужденных стали еще громче и отчаяннее.

Солнце почти село, когда Маэл приподнял полог, и я в ужасе уставился на две гигантские, сплетенные из прутьев фигуры. Должно быть, они изображали мужчину и женщину. Одежда и волосы их были сделаны из виноградных лоз, все остальное — из шестов и ивовых прутьев. Сверху донизу к ним веревками были привязаны осужденные на смерть, вопли которых разносились далеко вокруг.

При виде этих ужасных великанов я буквально лишился дара речи. Я не мог сосчитать, сколько извивающихся тел было на поверхности статуй — на их торсах, руках, даже на ладонях, в пустом пространстве полых ног и похожих на клетки, лишенных лиц, огромных голов, украшенных венками из ивовых прутьев и цветов. Гирлянды из цветов украшали платье женщины, а за свитый из плюща пояс мужчины были заткнуты снопы пшеницы. Фигуры раскачивались и дрожали, словно готовые вот-вот упасть, однако я знал, что этого не произойдет, так как их удерживали невероятной длины бревна, позволявшие им возвышаться над лесом. Вокруг странных статуй были уложены вязанки хвороста и пропитанные смолой поленья, которые вскоре запылают, и тогда пламя поглотит гигантские фигуры.

— И ты хочешь, чтобы я поверил, будто все эти несчастные, которые привязаны там веревками и обречены на смерть, виновны в преступлениях? — спросил я Маэла.

Он молча кивнул с обычным торжественным и серьезным выражением лица. Его это мало волновало.

— Они ждали месяцы, а иногда и годы того момента, когда будут принесены в жертву,— ответил он наконец, и голос его прозвучал равнодушно.— Их привезли сюда со всех уголков нашей земли. И точно так же, как и мы, они не в силах изменить свою судьбу. Им суждено умереть вместе с изображениями Великой Матери и ее Возлюбленного.

Меня все больше и больше охватывало отчаяние. Нужно было что-то предпринять, чтобы спастись. Но двенадцать друидов окружали со всех сторон повозку, а за ними располагался целый легион воинов. Все остальные заполняли лес на много метров вглубь, и конца им не было видно.

Быстро темнело, и повсюду были зажжены факелы.

До меня доносился рев возбужденных голосов. Крики обреченных становились все более пронзительными и жалобными.

Я сидел неподвижно, стараясь не поддаваться панике. Уж если мне не суждено избегнуть страшной участи, я должен пройти через странный обряд, хотя бы внешне демонстрируя спокойствие. А когда всем станет ясно, какой это обман и мошенничество, я твердо и с достоинством выскажу все, что думаю по этому поводу,— так, чтобы меня могли услышать все. Это и будет моим последним поступком — деянием бога, а потому я должен совершить его, демонстрируя сознание своей власти и авторитета. В противном случае мой акт не будет иметь никакого смысла.

Повозка снова двинулась куда-то. Крики и шум усилились, и Маэл взял меня за руку, словно стараясь придать мне мужества. Он поднял полог только тогда, когда повозка остановилась в глубине леса, за много ярдов от поляны. Оглянувшись, я увидел огромных зловещих истуканов, внутри которых в отблесках факела виднелись отчаянно извивающиеся фигурки людей. Казалось, кошмарные создания оживают и вот-вот встанут и двинутся на нас, круша все на своем пути. Игра света и теней внутри их голов создавала впечатление отвратительно гримасничающих лиц.

Я не мог заставить себя отвернуться от них и от собравшейся вокруг огромной толпы, но Маэл крепче сжал мою руку и сказал, что теперь мне предстоит вместе с избранными жрецами войти в святилище бога.

Со всех сторон, явно стараясь скрыть меня от посторонних глаз, нас тесным кольцом окружили другие жрецы. Я догадался, что толпе неизвестно, что происходит здесь в этот момент. Судя по всему, они знали лишь, что вскоре должна начаться церемония жертвоприношения и что друиды провозгласят появление некоего воплощения бога.

Только у одного из тех, кто сопровождал меня, в руках был факел. Мы все дальше углублялись в лес.

Было очень тихо. И очень сыро. Стоящие вокруг деревья достигали головокружительной высоты и устремлялись прямо в далекое, едва просвечивающее между кронами темное небо. Мне казалось, что лесные гиганты продолжают расти прямо у меня на глазах.

Я думал о том, что мог бы сейчас убежать. Но я не успею и оглянуться, как все племя бросится за мной в погоню.

Тем временем мы вошли в священную рощу, и в полумраке я увидел вырезанные на стволах деревьев изображения ужасных лиц. Отовсюду на меня смотрели пустые глазницы насаженных на колья и ухмыляющихся черепов, а в дуплах деревьев черепа были уложены рядами в несколько ярусов. В целом роща походила на огромный склеп, много веков служивший местом захоронения. Казалось, что в окружавшем нас безмолвии страшные черепа вот-вот оживут и заговорят с нами.

Я постарался избавиться от этой иллюзии, от ощущения того, что они наблюдают за нами.

На самом деле нет никого, кто наблюдал бы за нами, и никакого вечного знания не существует вообще.

Мы остановились перед дубом с узловатым искривленным стволом и толстыми суками. Он был таким огромным, что я глазам своим не поверил. Я не мог себе представить, сколько же могло понадобиться времени, чтобы выросло такое поистине невероятной толщины дерево. Подняв голову, я увидел, что ветви все еще живы и покрыты зелеными листьями. Со всех сторон дерево украшали вьющиеся плети омелы.

Друиды отступили в стороны. Возле меня остался только Маэл. Я стоял лицом к дереву и тут заметил, что у его подножия сложено большое количество букетов цветов. В сумерках трудно было разглядеть, что это были за цветы, даже окраску лепестков определить было невозможно.

Маэл закрыл глаза и склонил голову. Все остальные пребывали в таком же состоянии и дрожали с головы до ног. Я почувствовал, как по траве пробежал прохладный ветерок. Его подхватили листья деревьев, и я услышал звук, похожий на глубокий вздох, который, однако, быстро затих в глубине леса.

И вдруг я совершенно отчетливо услышал произнесенные в полной тишине слова, хотя вокруг по-прежнему не раздавалось ни звука.

Безмолвные речи, несомненно, доносились изнутри дуба, и смысл их состоял в том, что кто-то спрашивал, отвечает ли всем поставленным условиям тот, кому предстоит этой ночью выпить божественную кровь.

На мгновение мне показалось, что я схожу с ума. Меня, наверное, чем-то опоили! Однако с самого утра у меня во рту не было ни капли. Голова моя оставалась до боли ясной, и я вновь

ощутил исходящие от неведомого существа импульсы. Таинственный незнакомец продолжал задавать вопросы.

— Это образованный человек?

Маэл отвечал утвердительно и так старательно, что, казалось, его худощавое тело слабо засветилось. На лицах остальных застыло выражение благоговейного восторга, все пристально смотрели на дуб и стояли так неподвижно, что единственным живым существом здесь было сверкающее пламя факела.

— Может ли он отправиться в Египет?

Я видел, как Маэл утвердительно кивнул. В глазах его появились слезы, он судорожно сглатывал, и я заметил, как подергивалась его белая шея.

— Да, я пока еще живу, верный мой почитатель. Я говорю с тобой. Ты все сделал как нужно. И теперь я создам нового бога. Пришли его ко мне.

От потрясения я лишился дара речи и не находил слов. Да и что я мог сказать? Весь мир перевернулся! Все, во что я верил, на что рассчитывал и надеялся, неожиданно было поставлено под сомнение. Я совершенно не чувствовал страха — только парализовавшее меня беспредельное удивление. Маэл взял меня за руку. Остальные друиды пришли ему на помощь. Они окружили меня и повели вокруг дуба, у ствола которого были сложены груды цветов. Наконец мы остановились по другую сторону ствола перед сложенными в кучу огромными камнями. В этой части рощи я тоже увидел вырезанные на деревьях изображения и безымянные черепа. Здесь стояли еще несколько друидов в белых одеждах — прежде я их не встречал. Именно эти друиды, у нескольких из которых были длинные белые бороды, медленно приблизились к дубу и принялись убирать камни.

К ним молча присоединились Маэл и остальные. Все вместе они поднимали огромные глыбы камня и складывали их в стороне. Некоторые валуны были так тяжелы, что сдвинуть их с места они могли только втроем.

Наконец у самого основания дуба я увидел тяжелую, железную дверь, запертую на массивные замки. Маэл вытащил большой железный ключ и произнес какую-то длинную тираду по-кельтски, на которую ответили остальные. Рука Маэла дрожала. Однако он быстро справился со всеми замками, и четверо дру-

идов приоткрыли створку двери. Тот, кто нес факел, зажег еще один и вложил его мне в руку.

— Войди, Мариус,— торжественно произнес Маэл.

В мерцающем свете факела мы посмотрели друг на друга. Он показался мне совершенно беспомощным, не способным сдвинуться с места, и я чувствовал, что при взгляде на меня сердце его готово было выскочить из груди. Его переполнял восторг, однако причину ликования я никак не мог понять.

Неожиданно изнутри дерева, откуда-то из царящей за грубо прорубленным дверным проемом непроглядной тьмы, вновь возник безмолвный голос:

— Не бойся, Мариус. Я жду тебя. Возьми свет и приди ко мне.

7

Едва я переступил порог, друиды закрыли дверь за моей спиной. Я увидел, что стою на самом верху длинной каменной лестницы. В течение последующих столетий мне предстояло увидеть еще великое множество таких же лестниц. Ты тоже видел ее уже дважды и увидишь вновь — ступени, ведущие в глубину Матери-земли, где скрываются Те, Кто Пьет Кровь.

Здесь, внутри дуба, было неотделанное помещение с низким потолком и оставшимися на стенах следами топоров. Больше я ничего не смог разглядеть при свете факела. Однако говоривший со мной голос исходил откуда-то снизу, от самого основания лестницы. И этот голос вновь приказал мне не бояться.

Я не испытывал ни малейшего страха. Напротив, был чрезвычайно возбужден, ибо того, что со мной происходило, я не мог представить даже в самых смелых мечтах. Вопреки моим опасениям, меня не ждала обыкновенная и бессмысленная смерть. Я оказался вовлеченным в таинственную мистерию, которая обещала быть гораздо более интересной и захватывающей, чем я мог предположить.

Наконец по узким каменным ступеням я спустился до самого конца лестницы, и то, что я увидел, оказавшись в небольшом помещении с каменными стенами, привело меня в ужас. Я испытал одновременно и страх и отвращение, причем ощу-

щения были такими внезапными, что у меня комок подступил к горлу и я едва не задохнулся.

Прямо напротив лестницы на каменной скамье сидело странное существо. При свете факела я смог разглядеть, что оно обладает человеческой внешностью. Однако оно было обожжено с ног до головы, причем чрезвычайно сильно, так, что лоскутья сморщенной кожи прилипли прямо к костям. Существо напоминало скорее покрытый черной смолой скелет с желтыми глазами. Нетронутой осталась только копна густых светлых волос. Когда оно открыло рот, чтобы заговорить, я увидел белые зубы, точнее даже не зубы — клыки, и крепко вцепился в рукоятку факела, стараясь сдержаться и не завопить от ужаса.

— Не приближайся ко мне,— сказало существо,— стой там, где я могу хорошо рассмотреть тебя — не так, как видят тебя люди, а так, как еще способны видеть мои глаза.

Стараясь восстановить дыхание, я несколько раз сглотнул. Ни одно живое существо не могло выжить с такими ожогами. И тем не менее оно было живым — черным, сморщенным и совершенно обнаженным. Голос у него был низким и красивым. Существо встало со скамьи и медленно направилось в мою сторону.

Оно указало на меня пальцем, и его желтые глаза расширились, приобретя в свете факела кроваво-красный оттенок.

— Что тебе нужно от меня? — не удержавшись спросил я.— Зачем меня привели сюда?

— Великое несчастье,— ответило оно, и в голосе его, который вовсе не был скрипучим, как можно было бы ожидать, судя по внешнему виду твари, слышалось неподдельное и искреннее чувство.— Я передам тебе свое могущество, Мариус, сделаю тебя богом, и ты станешь бессмертным. Но как только все будет кончено, ты должен уйти отсюда. Ты должен каким-то образом сбежать от своих преданных почитателей и отправиться в Египет, чтобы узнать, почему это... это... случилось со мной.

Казалось, что странное существо плавает в темноте. Светлые волосы ореолом обрамляли его почерневшее лицо с крупными скулами, блестящая кожа на которых натягивалась, когда оно начинало говорить.

— Видишь ли, все мы враги света, мы боги Тьмы и служим Великой Матери. Мы живем и правим миром только при свете

луны. Однако наш вечный враг — солнце — сошло со своего обычного пути и отыскало нас в прежде спасительной тьме. И по всем северным странам, где нам поклонялись и где нас почитали,— от вечных снегов и льдов до этого плодородного края, а также далеко на восток,— оно проникало в наши убежища или настигало нас на земле ночью и сжигало богов заживо. Самые молодые из нас исчезли навсегда, некоторые вспыхивали, словно кометы, на глазах у своих почитателей. Для других погребальным костром стали священные деревья, и они погибли в ужасном пламени. И только самые старые из нас — те, кто уже очень и очень долго служат Великой Матери,— еще не утратили способности ходить и разговаривать так, как это делаю сейчас я. Однако мы испытываем страшные мучения и своим появлением приводим в ужас тех, кто поклоняется нам.

Необходимо, чтобы появился новый бог, Мариус, такой же молодой и прекрасный, каким когда-то был я, Возлюбленный Великой Матери. Но, что еще важнее, он должен быть достаточно сильным, чтобы убежать от своих почитателей, чтобы каким-то образом выбраться из этого дуба и отправиться в Египет. Он должен отыскать там старых богов и узнать, что стало причиной катастрофы. Ты обязан добраться до Египта, Мариус, побывать в Александрии и других древних городах. Там ты будешь безмолвно призывать древних богов — безмолвный голос ты обретешь, после того как я сделаю тебя богом,— и ты узнаешь, кто еще жив и способен двигаться, узнаешь, почему произошло это несчастье.

Существо закрыло глаза. Оно стояло совершенно неподвижно, и мерцающий свет создавал впечатление, что его тело колеблется, как будто оно сделано из черной бумаги. Неожиданно перед моим мысленным взором возникли страшные картины: я увидел, как в священных рощах пламенем вспыхивают один за другим боги. Я услышал их ужасные крики. Как и всякий римлянин, я обладал рациональным разумом, который отказывался воспринимать эти видения. Я старался не поддаваться их воздействию и одновременно пытался запомнить их. Однако создатель фантомов — стоящее передо мной странное существо — обладал большим запасом терпения, а потому образы у меня в голове сменяли друг друга. Я видел страну, которая, несомненно, была Египтом: повсюду расстилалась вы-

жженная солнцем желтая пустыня, все вокруг было засыпано желтым песком и покрыто такого же цвета пылью... и я узрел уходящие глубоко под землю лестницы, ведущие в тайные убежища...

— Отыщи их,— продолжал он.— Узнай, как и почему могло случиться такое. И позаботься о том, чтобы это никогда больше не повторилось. Когда ты окажешься на улицах Александрии, воспользуйся всеми своими возможностями, чтобы найти старых богов. И молись, чтобы боги еще оставались там, как я сумел выжить здесь.

Я был слишком потрясен, чтобы ответить, слишком захвачен таинством происходящего. Возможно, именно в тот момент я решил покориться своей судьбе и принять ее полностью. Хотя мне трудно утверждать это с уверенностью.

— Я все понимаю,— вновь заговорил он.— Тебе не удастся что-либо скрыть от меня. Ты не хочешь становиться Богом Рощи и будешь искать возможность избежать этого. Однако ты должен понять, что несчастье может случиться с тобой где угодно, если только ты не выяснишь причину и не отыщешь средство, чтобы защититься. А потому я уверен, что ты отправишься в Египет, ибо в противном случае ты сам можешь быть сожжен солнечным светом даже под покровом глубокой ночи.

Шаркая иссохшими ногами по каменному полу, он подошел ко мне еще ближе.

— А теперь запомни мои слова. Ты должен убежать этой же ночью. Я скажу тем, кто пришел, чтобы совершить обряд поклонения, что ты должен посетить Египет в поисках спасения для всех нас, но боюсь, что, получив нового и могущественного бога, они не захотят расстаться с ним. Но ты обязан убежать. Ни в коем случае не должен ты позволить им после праздника запереть тебя внутри дуба. Тебе следует передвигаться очень быстро. На исходе ночи, спасаясь от света, ты будешь прятаться под землю. Мать-земля защитит тебя. А теперь подойди ко мне. Я дам тебе кровь. И молись, чтобы у меня осталось достаточно сил передать тебе свое былое могущество. Это будет происходить медленно. Это займет много времени. Я буду брать и давать, снова брать и снова давать, и ты должен стать богом, ты обязан сделать все, как я велю.

Не дожидаясь моего ответа, он внезапно набросился на меня, вцепился в меня почерневшими пальцами. Факел вывалил-

ся из моей руки и покатился в сторону. Я упал спиной на ступени, и его клыки вонзились мне в шею.

Что происходило дальше, ты и сам знаешь, тебе знакомо ощущение, когда из тебя выпивают всю кровь и ты теряешь сознание. В эти минуты я видел перед своими глазами гробницы и храмы Египта. Слышал голоса, обращающиеся ко мне на разных языках. В самых глубинах моей души звучал голос, приказывающий мне: служи Великой Матери, прими жертвенную кровь, встань во главе тех, кто остается приверженцем и почитателем единственного истинного культа вечных богов священной рощи.

Я боролся изо всех сил, но все происходило будто во сне, когда ты не в силах ни крикнуть, ни убежать. Когда наконец я почувствовал, что снова свободен и меня никто уже не прижимает к полу, я вновь увидел перед собой бога. Он был по-прежнему черен, но теперь силен и крепок, словно огонь только закоптил кожу, так и не лишив его плоти. Черты лица под блестящей темной коркой обрели ясность и четкость линий, его можно было даже назвать красивым. Желтые глаза в обрамлении век вновь превратились в то, что мы называем зеркалом души. Однако он все еще оставался калекой и почти не мог двигаться.

— Встань, Мариус,— обратился он ко мне.— Тебя мучит жажда, и я дам тебе возможность напиться. Встань и подойди ко мне.

Думаю, нет необходимости описывать тебе тот восторг, который я испытал, когда его кровь растеклась по моим сосудам, проникла в каждую клеточку моего тела. Но страшный маятник только начал раскачиваться.

Часы шли за часами, а он все продолжал то пить из меня кровь, то возвращать ее мне. Так происходило множество раз. Опустошенный, я рыдал, лежа на полу и глядя на высохшие руки. Я становился таким же сморщенным, как прежде он. И опять он позволял мне напиться его крови, и я испытывал острое чувство восхищения и восторга, но лишь до того момента, когда он вновь полностью опустошал мое тело.

Каждый обмен кровью сопровождался обретением все новых и новых знаний — о том, что я бессмертен, о том, что только солнце и огонь способны уничтожить меня, что днем я дол-

жен спать глубоко под землей, что я никогда не узнаю, что такое болезни и естественная смерть. Теперь я знал, что моя душа никогда не перейдет к другому, что я должен служить Великой Матери и луна будет давать мне силы.

Я узнал о том, что жизненными силами меня будет питать кровь злодеев, а иногда и невинных людей, принесенных в жертву Матери, и что между обрядами жертвоприношения я буду страдать от жажды и тело мое будет становиться высохшим и пустым, подобно мертвым колосьям пшеницы на зимних полях, но только затем, чтобы вновь наполниться жертвенной кровью и стать прекрасным и сильным, как свежие весенние всходы.

Мои страдания и воскрешения к жизни будут олицетворять собой смену времен года. Обретенную мною способность читать чужие мысли и проникать в самые тайники человеческих душ я должен использовать, чтобы разбирать споры своих почитателей, вершить над ними правосудие и следить, чтобы они соблюдали законы. Я не должен пить никакую кровь, кроме жертвенной. И никогда не должен пытаться самостоятельно восстановить свои силы.

Все эти наставления я понял и запомнил. Но самое главное, что я усвоил в те долгие часы и что каждый из нас отчетливо сознает в тот момент, когда впервые пьет кровь,— это то, что я перестал быть смертным человеком и удалился от всего, что знал прежде. Я перешел во власть чего-то настолько могущественного и таинственного, что даже древние учения не в силах это объяснить. Моя судьба теперь, говоря словами Маэла, находилась за пределами объяснимого и тех знаний, которыми обладали как смертные, так и бессмертные.

И вот наконец настал момент, когда бог подготовил меня к выходу из недр дерева. Он выпил столько моей крови, что я едва мог стоять на ногах от слабости. Я походил на бесплотный призрак и буквально плакал от мучительной жажды. Я видел кровь, чувствовал ее запах и готов был броситься на него и опустошить источник, если бы у меня хватило сил. Однако сила сейчас была на стороне бога.

— Ты опустошен и накануне праздника будешь таким всегда,— сказал он.— Это чтобы ты мог выпить жертвенную кровь, наполнить ею свое тело. Но помни о том, что я говорил

тебе. Как только закончится церемония, постарайся исчезнуть. Что же касается меня... попытайся меня спасти... скажи им, что я должен оставаться рядом с тобой. Хотя, судя по всему, время мое пришло.

— О чем ты? Что ты имеешь в виду?

— Ты сам все увидишь. Им нужен только один бог, один хороший и сильный бог. Если бы я только мог отправиться вместе с тобой в Египет!.. Там я напился бы крови древних богов, и она, возможно, исцелила бы меня. Как бы то ни было, мне потребовались бы сотни лет. А у меня нет впереди столько времени. Помни: ты должен отправиться в Египет. И сделать все так, как я тебе сказал.

Он развернул меня и подтолкнул к лестнице. Горящий факел валялся в углу. Едва не плача, я начал подниматься по ступеням к двери, чувствуя запах крови ожидающих меня снаружи друидов.

— Они дадут тебе столько крови, сколько ты захочешь,— раздался за моей спиной голос.— Доверься им.

8

Можешь себе представить, как я выглядел, когда вышел из ствола дуба. Друиды ждали меня за дверью, и я мысленно приказал им:

— Отоприте дверь. Это идет бог.

Моя физическая смерть уже давно свершилась. Я был голоден и, наверное, больше походил на живой скелет. Не сомневаюсь, что мои глаза выпирали из зияющих глазниц, а зубы были оскалены. Белый балахон висел на мне, как на палке. Едва ли застывшие в благоговейном молчании друиды могли получить более очевидные признаки моей божественности.

Однако я не только видел их лица, я мог заглянуть в их сердца и души. Я видел, что Маэл испытывает явное облегчение, убедившись в том, что бог, остававшийся внутри дерева, сохранил достаточно сил, чтобы сделать меня своим преемником. Он получил полное подтверждение всему, во что верил.

И я смог увидеть нечто такое, что позволено видеть только нам подобным: духовную глубину каждого человека, скрывающуюся под теплой оболочкой из плоти и крови.

Меня мучила нестерпимая жажда. Собрав все свои обретенные силы, я произнес:

— Проводите меня к алтарю. Праздник Самайн начинается.

Раздались душераздирающие вопли друидов, лес огласился воем и криками. И далеко за пределами священной рощи им вторили тысячи ожидавших этого вопля людей.

Наша небольшая процессия быстрыми шагами направилась к поляне. Отовсюду появлялись все новые и новые друиды в белых одеждах, чтобы приветствовать нас, и вскоре меня с ног до головы забросали свежими благоухающими цветами. Под звуки гимнов и восторженных песнопений я шел по рассыпанному под ногами морю ароматных лепестков.

Думаю, не стоит объяснять тебе, каким я увидел мир благодаря обретенному мной новому зрению. Несмотря на темноту, я видел каждый оттенок цвета и каждую частичку земли, а молитвы и крики буквально оглушали меня.

Некогда живший на земле человек по имени Мариус полностью растворился в новом существе.

Под грохот барабанов я взошел по каменным ступеням алтаря и оглядел море собравшихся на поляне людей, увидел тысячи застывших в ожидании лиц, а чуть поодаль — гигантские, сплетенные из прутьев фигуры, внутри которых продолжали биться и кричать приговоренные к смерти.

Перед алтарем стоял огромный серебряный сосуд с водой, к которому под пение жрецов потянулась вереница осужденных людей со связанными за спиной руками.

Поющие голоса звучали отовсюду, а жрецы тем временем покрывали цветами мои волосы, плечи и ноги.

— О прекрасный и могущественный бог лесов и полей, прими приносимые тебе жертвы, и как твои увядшие члены наполнятся новой жизнью, так возродится сама земля. Прости нас за то, что мы срезаем под корень колосья, когда собираем урожай, и благослови зерна, которые мы бросаем в землю во время посева.

И я увидел перед собой тех, которые были избраны, чтобы стать моими жертвами,— троих высоких и статных мужчин. Они были связаны, как и все остальные, однако одеты при этом в чистые белые рубахи. Головы и плечи их тоже были украшены

цветами. Они были очень молоды, красивы и невинны в своем благоговейном ожидании исполнения воли бога.

Грохот барабанов становился невыносимо оглушительным, крики и шум не смолкали ни на секунду.

— Пусть начнется обряд жертвоприношения,— провозгласил я.

И в тот же миг ко мне подвели первого юношу. Готовясь впервые испить из поистине божественного кубка, называемого человеческой жизнью, держа в руках теплую живую плоть, наполненную приготовленной для меня кровью, я увидел, как вспыхнули первые языки пламени у подножия плетеных гигантов, как были опущены первые головы в гигантский серебряный сосуд с водой.

Смерть от огня, смерть от воды, смерть от острых клыков голодного бога...

Среди всеобщего векового безумия и экстаза я расслышал слова гимна:

— Бог убывающей и растущей луны, бог лесов и полей, ты, который в своем голодном состоянии есть воплощение самой смерти, напейся крови приносимых тебе в жертву, стань вновь сильным и прекрасным, чтобы Великая Мать звала тебя к себе...

Сколько все это продолжалось? Не знаю. Казалось, целую вечность видел я перед собой пылающих гигантов, нескончаемую вереницу тех, кого должны были утопить, слышал вопли осужденных. Я пил и пил кровь, теперь уже не только тех троих, которые были предназначены мне с самого начала, но и десятков тех, которых подводили ко мне, прежде чем утопить или бросить в огонь. Жрецы окровавленными мечами отрубали мертвецам головы и складывали их в кучи справа и слева от алтаря, после чего тела уносили.

Куда бы я ни обернулся, повсюду я замечал светящиеся восторгом потные лица, отовсюду до меня доносились крики и песнопения. Наконец шум вокруг начал стихать. Плетеные гиганты превратились в бесформенные дымящиеся груды; люди продолжали лить на них смолу и бросать вязанки хвороста.

Настало время суда, когда передо мной будут появляться те, кто имеет претензии друг к другу, а я должен буду новыми глазами заглядывать в их души и вершить правосудие. Меня шатало. Я выпил слишком много крови. И в то же время я ощущал в

себе небывалую силу. Казалось, что я могу одним прыжком перенестись через всю поляну и приземлиться далеко в чаще леса. Мне казалось, что у меня выросли невидимые крылья и в любой момент я могу расправить их и полететь.

Однако я продолжал исполнять то, что, как сказал бы Маэл, было предначертано мне судьбой. Я объявлял одного правым, другого впавшим в заблуждение, третьего невиновным, а четвертого заслуживающим смерти...

Не знаю, сколько все это продолжалось, потому что уже давно потерял счет времени. Однако суд наконец был окончен, и я понял, что пришла пора действовать.

Мне нужно было что-то предпринять, чтобы выполнить приказание старого бога и избежать заключения внутри дуба. У меня в запасе было слишком мало времени — до рассвета оставалось не более часа.

Я еще не принял окончательного решения относительно путешествия в Египет. Однако знал, что если позволю друидам запереть меня в стволе дуба, то буду мучиться от голода до следующего полнолуния, когда мне будет предложена небольшая жертва. А до той поры мои ночи будут наполнены страданиями от нестерпимого чувства жажды и тем, что древний бог назвал «божественными снами», которые откроют мне тайны деревьев, трав и всего того, что растет из недр безмолвной земли.

Однако эти тайны меня не интересовали.

Друиды вновь окружили меня и повели обратно к священному дереву. Гимны сменились литаниями, повелевавшими мне оставаться внутри дуба и стать хранителем священной рощи. Они призывали меня благосклонно выслушивать жрецов, которые время от времени будут приходить, чтобы получить указания.

Не доходя до дуба, я остановился. Посреди рощи догорал огромный погребальный костер, отбрасывая причудливые и жуткие тени на вырезанные на стволах деревьев изображения и груды человеческих черепов. Вокруг костра в ожидании стояли остальные жрецы. Меня охватил ужас — настолько сильный, насколько он может быть сильным у таких, как мы, обладающих нашими способностями к ощущениям.

Я торопливо заговорил со своими спутниками. Сказал, что они все должны уйти из рощи. Выразил им свое желание запе-

реться на рассвете внутри дуба вместе со старым богом. Однако я видел, что мои слова на них не действуют. Они холодно и молча смотрели на меня, потом стали переглядываться друг с другом, и глаза их напоминали кусочки льда.

— Маэл,— снова заговорил я,— сделайте так, как я велю. Скажи жрецам, что я приказываю покинуть рощу.

И вдруг без какого бы то ни было предупреждения часть жрецов бросились к дубу, а остальные крепко схватили меня за руки.

Во главе тех, кто бежал к дубу, был Маэл, и я крикнул, чтобы они остановились. Одновременно я старался сбросить с себя повисших на моих руках и ногах жрецов, которых было не меньше двенадцати.

Если бы я в тот момент знал, какой силой обладаю, то мог бы освободиться без всякого труда. Но тогда я ничего даже не подозревал. У меня все еще кружилась голова после кровавого пира, а сознание того, что должно сейчас произойти, наводило на меня ужас. Пока я изо всех сил боролся, отпихивая тех, кто продолжал меня удерживать, остальные выволокли из недр дерева и швырнули в огонь черного от ожогов, совершенно обнаженного старого бога.

Лишь на короткую долю секунды мне удалось увидеть его, и я почувствовал, что он безропотно покорился своей участи. Он и пальцем не пошевелил, чтобы защититься. Глаза его были закрыты, он не бросил ни единого взгляда на меня или на кого-либо из тех, кто был вокруг. В этот момент я вспомнил о том, что он говорил мне о своих мучениях, и заплакал.

Глядя на поглотивший его огонь, я дрожал как в лихорадке, и вдруг из глубин пламени до меня донесся его голос:

— Сделай так, как я велел тебе, Мариус! Ты — наша единственная надежда! Это означало: «НЕМЕДЛЕННО БЕГИ ОТСЮДА!»

Я сделал вид, что смирился, и обмяк на руках у своих захватчиков. Я не переставая плакал, изображая несчастную жертву магии, убитого горем бога, который оплакивает погибшего в пламени отца. Когда я наконец почувствовал, что хватка их ослабла, и увидел, что все они пристально смотрят на погребальный костер, я собрался с силами, резко дернулся, вырвался из рук жрецов и со всех ног помчался в сторону леса.

Только тогда я понял всю силу и мощь, которыми теперь обладал. В мгновение ока, почти не касаясь ногами земли, я преодолел сотни ярдов.

За моей спиной раздавались крики: «БОГ УЛЕТЕЛ ОТ НАС!» — и в считанные секунды в погоню за мной бросились тысячи людей. Вся округа огласилась их воплями.

Как же могло случиться, думал я, что я превратился в наполненного человеческой кровью бога, вынужденного убегать по проклятому лесу от преследующих меня толп варваров-кельтов?

Я не остановился даже затем, чтобы скинуть длинный белый балахон. Вместо этого я просто разорвал и по частям сбросил его на бегу. Потом я взлетел на дерево и помчался еще быстрее прямо по кронам дубов.

Не прошло и нескольких минут, как я уже был настолько далеко от своих преследователей, что не слышал даже их голосов. Однако я без устали продолжал бежать вперед, перепрыгивая с ветки на ветку, пока наконец не почувствовал, что мне больше нечего бояться, кроме готового вскоре взойти солнца.

И тогда я узнал то, что с такой легкостью и так быстро удалось узнать Габриэль во время вашего путешествия: что я без труда могу спрятаться под землю и таким образом спастись от дневного света.

Когда я проснулся, то был потрясен мучительной силой своей жажды. Я не мог представить себе, как мог в течение столь долгого времени выносить ритуальный голод старый бог. Я был не в силах думать ни о чем, кроме человеческой крови.

Однако у друидов был целый день для преследования. А потому мне следовало двигаться дальше с большой осторожностью.

Страдая от мучительной жажды, я мчался через лес всю ночь и только утром смог наконец насытиться, наткнувшись на банду воров, которые обеспечили меня не только своей преступной кровью, но и достаточным количеством приличной одежды.

В эти предрассветные часы я успел узнать очень многое, в том числе и о своих возможностях. Однако мне предстояло узнать нечто гораздо большее. И я непременно отправлюсь в Египет, но не ради богов и их почитателей, а ради того, чтобы выяснить наконец, что все это значит.

Так что, как видишь, даже тогда, более семнадцати веков тому назад, мы задавались множеством вопросов, проводили поиски, отрицая и отказываясь принимать те объяснения, которые нам давались. Мы любили магию и власть ради них самих.

Наступила уже третья ночь моей новой жизни, когда я наконец добрался до своего дома в Массилии и обнаружил, что мои библиотека, письменный стол и бумаги все еще находятся там. Увидев меня, преданные рабы пришли в неописуемую радость. Но какое значение теперь имело то, что я писал историю, или то, что я спал в этой кровати?

Я понимал, что больше никогда не буду Мариусом, римским гражданином. Однако я возьму от него все, что смогу. Я отослал своих любимых рабов домой, написал письмо отцу, сообщив ему, что серьезная болезнь заставляет меня провести оставшиеся дни жизни в жарком и сухом климате Египта. Я упаковал свои исторические записки и отправил их в Рим, адресовав тем, кто сможет их прочесть и опубликовать. Наконец, набив карманы золотом и взяв с собой лишь двух туповатых рабов, которые не станут задавать лишние вопросы по поводу того, что я путешествую только ночью, я отправился в Александрию.

Примерно через месяц после великого праздника Самайн в Галлии я уже бродил ночами по темным и извилистым улочкам Александрии, разыскивая древних богов и безмолвным голосом призывая их откликнуться.

Я был охвачен безумием, но знал, что оно скоро пройдет. Я должен был найти древних богов. Ты знаешь, почему мне необходимо было сделать это. Дело было не только в угрозе нового несчастья, в опасности того, что бог солнца отыщет меня в спасительной темноте моего дневного убежища или опалит огнем в разгар ночи.

Я должен был найти древних богов прежде всего потому, что не в силах был выносить свое одиночество среди людей. При мысли о том, кем я стал, меня охватывал ужас. И хотя я убивал только разбойников и убийц, мой разум требовал оправданий и самообмана. Я не мог смириться с сознанием того, что я, тот самый Мариус, который познал в жизни любовь и который так высоко ее ценил, превратился в безжалостное чудовище, несущее смерть.

9

Александрия не принадлежала к числу древних городов. Она существовала чуть более трехсот лет. Однако это был крупный порт Римской империи и место, где располагалось множество библиотек. Сюда приезжали для занятий ученые люди из всех уголков Империи, и когда-то, в иной жизни, я тоже был одним из них. Теперь я вновь оказался здесь.

Если бы бог не велел приехать мне именно сюда, я отправился бы гораздо дальше в глубь Египта, поскольку считал, что ключ ко всем загадкам находится в более древних святилищах и храмах.

Однако в Александрии меня охватило странное чувство. Я знал, что боги где-то рядом. Меня не покидало ощущение, что они направляют меня в моих скитаниях по улицам, публичным домам и воровским притонам, по тем местам, которые посещают люди, чтобы утратить свои души.

Лежа по ночам в кровати в своем построенном по римскому образцу доме, я мысленно призывал богов, прося их откликнуться. Я боролся с безумием. Так же как и ты, я был озадачен теми возможностями и властью, которыми теперь обладал. Меня приводили в сильнейшее замешательство новые ощущения, которые я испытывал. Однажды ночью, почти перед самым рассветом, когда я лежал в своей кровати и комнату освещала только одна лампа, слабый свет которой проникал сквозь прозрачный полог над моей головой, я повернул голову и в проеме выходящей в сад двери увидел неподвижно стоящую темную фигуру.

На мгновение мне показалось, что это сон, потому что я не почувствовал никакого запаха,— существо не издавало ни звука и, казалось, не дышало. Наконец до меня дошло, что это один из богов, однако фигура уже исчезла и я остался в одиночестве сидеть на кровати, глядя на то место, где она только что стояла, и пытаясь вспомнить, что же именно я видел: темное, совершенно обнаженное существо с пронзительным взглядом красных глаз, абсолютно неподвижное и кажущееся странно робким и растерянным, воспользовавшееся своими силами лишь затем, чтобы исчезнуть в последний момент и не быть окончательно обнаруженным.

На следующую ночь, бродя по одной из глухих улочек, я услышал голос, приказывающий мне прийти. Этот голос был не более реальным, чем голос дерева. Он сообщил мне только, что дверь находится совсем рядом. И вот наконец настал момент, когда я остановился перед дверью. Вокруг царило полное безмолвие.

Тот, кто открыл мне дверь и пригласил войти, без сомнения был богом.

Спускаясь по бесконечной лестнице и следуя дальше по круто уходящему вниз туннелю, я невольно испытывал страх. Я зажег принесенную с собой свечу и обнаружил, что вступаю в подземный храм, гораздо более древний, чем сам город Александрия, в святилище, построенное, возможно, еще во времена правления фараонов, стены которого были сплошь покрыты рисунками, изображающими сценки из жизни Древнего Египта.

Я увидел здесь и старинные письмена — древнейшее рисуночное письмо с его крохотными мумиями, птицами, руками без туловищ и извивающимися змеями.

Я прошел дальше и оказался в просторном помещении с прямоугольными колоннами и высоким потолком. Каждый дюйм камня здесь был украшен такими же рисунками и письменами.

Уголком глаза я заметил черную фигуру, поначалу показавшуюся мне статуей. Кто-то неподвижно стоял возле колонны, спокойно опираясь о нее одной рукой. Однако я понимал, что это не статуя. Ни один созданный из диорита египетский бог не стоит в подобной позе, и бедра статуй не бывают обернуты настоящей полотняной юбкой.

Я медленно повернулся, чтобы рассмотреть посетителя получше, и увидел такую же обожженную кожу, такие же густые, однако на этот раз черные волосы и такие же желтые глаза. Ссохшиеся от жара губы открывали взгляду зубы и десны. Было заметно, что вырывающееся из сожженного горла дыхание причиняет ему боль.

— Как и почему ты оказался здесь? — спросил он по-гречески.

Я взглянул на себя его глазами: светлокожий, высокий и сильный, с голубыми глазами, я казался ему таинственным и загадочным. К тому же я был одет так, как одевались граждане Римской империи, полотняная туника была собрана на плечах

и закреплена золотыми браслетами, а сверху накинут красный плащ. Со своими длинными белыми волосами я походил на истинного пришельца из северных лесов, только внешне выглядящего образованным. Возможно, так и было на самом деле.

Он был именно тем, кто меня интересовал. Я повнимательнее присмотрелся: морщинистое, покрытое шрамами тело, сожженное почти до самых ребер и практически лишенное плоти возле ключиц, выпирающие кости бедер. Однако это существо не страдало от голода. Оно недавно напилось человеческой крови. И тем не менее от него жаром исходило ощущение невыносимой муки, словно внутри его все еще пылает огонь, словно его тело — это вместилище адского пламени.

— Каким образом удалось тебе избежать сожжения? — спросил он.— Что помогло тебе спастись? Отвечай!

— Меня никто и ничто не спасало,— ответил я ему тоже по-гречески.

Приблизившись к нему, я отвел свечу в сторону, заметив, как он от нее отпрянул. При жизни он был, судя по всему, стройным и широкоплечим, как древние фараоны; его длинные черные волосы по старинному обычаю были острижены на уровне лба.

— Когда это все произошло, я еще не существовал. Много позже меня создал бог священной рощи в Галлии.

— Так, значит, тот, кто создал тебя, остался невредимым?

— Нет, он был сожжен так же, как и ты. Однако он сумел сохранить достаточно сил, чтобы совершить этот обряд. Много раз он давал мне кровь и отнимал ее обратно. А потом сказал мне: «Отправляйся в Египет и узнай, почему это произошло». Он поведал, что боги лесов сгорели в пламени — одни во сне, другие в часы бодрствования. Рассказал, что это произошло во всех северных краях.

— Да, верно,— кивнул он и издал короткий сухой смешок, сотрясший его тело.— И только наиболее древним удалось выжить и перенести те муки, которые по силам вытерпеть только бессмертным. Вот поэтому мы существуем в страданиях. Однако ты был создан. И ты пришел. Ты создашь еще. Но будет ли это справедливо, если ты станешь создавать новых богов? Неужели Мать и Отец допустили бы, чтобы это случилось, если бы не пришло наше время?

— Но кто ваши Мать и Отец? — удивился я, догадываясь, что под словом «Мать» он не подразумевает землю.

— Первые из нас,— промолвил он.— Те, которые стали нашими родоначальниками и от которых все мы произошли.

Я постарался проникнуть в его разум и прочесть мысли, ощущая, что он открывает мне важные истины. Однако он сразу же это почувствовал, и разум его закрылся от меня, как закрывается на закате цветок.

— Иди за мной,— велел он и шаркающей походкой направился куда-то по длинному коридору, украшенному так же, как и то помещение, из которого мы вышли.

Я осознавал, что мы находимся в еще более древнем месте, построенном гораздо раньше, чем тот храм, в котором мы только что беседовали. Сам не знаю, почему я так решил. Того леденящего холода, который ты ощущал здесь, там не было. Ничего подобного в Египте не встретишь. Там чувствуешь нечто другое. Там постоянно испытываешь ощущение чьего-то присутствия в самом воздухе.

Однако по мере того как мы продвигались дальше, я замечал более очевидные свидетельства глубокой древности. Рисунки на стенах были очень старыми, краски поблекли, а кое-где цветная штукатурка отошла и даже отвалилась. Иными были стиль исполнения и сами изображения. Черные волосы крохотных персонажей рисунков были длиннее и гуще. В целом картины казались более радостными, насыщенными светом и замысловатыми по сюжету.

Где-то вдалеке слышались звуки падающей на камни воды, мелодичным эхом отдающиеся под сводами коридора. Казалось, что в этих стенах сохраняется жизнь маленьких, с величайшими тщательностью и мастерством нарисованных фигурок, что магия многократно повторяющихся изображений, созданных религиозными художниками, обладает собственной властью. Я слышал шепот несуществующих голосов, ощущал великую бесконечность истории, даже сознавая тот факт, что не существует никого, кому было бы известно абсолютно все.

Заметив, что я рассматриваю рисунки на стенах, мой темный спутник приостановился, потом сделал мне знак следовать за ним, и мы вошли в длинное прямоугольное помещение, стены которого были сплошь покрыты великолепными иероглиф-

фами. Внутри этой комнаты я почувствовал себя словно внутри старинного манускрипта. Возле стены я увидел стоявшие изголовьями друг к другу два древних египетских саркофага.

Они были выполнены по формам и размерам мумий, для которых предназначались, и их украшали изображения тех, кому суждено было в них покоиться,— лица были сделаны из чеканного золота, а глаза — из ляпис-лазури.

Я поднял повыше свечу, а мой спутник с немалым трудом снял крышки саркофагов, чтобы позволить мне заглянуть внутрь.

Сначала мне показалось, что внутри лежат тела, но потом я понял, что это лишь пепел, сохранивший форму человеческого тела. Не уцелело ни грамма плоти — только несколько белоснежных зубов и фрагментов костей.

— Никакая кровь не в силах вернуть их обратно,— промолвил мой спутник.— Им никогда не суждено возродиться. Вместилища крови исчезли навсегда. Те, кто смог подняться, уже поднялись, но понадобится много веков, чтобы мы могли излечиться и утихла наша боль.

Прежде чем он поставил на место крышки, я успел заметить, что с внутренней стороны они почернели от того же огня, который поглотил обитателей саркофагов. Не скажу, что я расстроился, когда он наконец закрыл гробницы.

Мой спутник повернулся и направился к двери. Однако на самом пороге обернулся и посмотрел на раскрашенные саркофаги.

— Когда прах рассыплется, души их наконец обретут свободу,— сказал он.

— Тогда почему вы сами не рассеете их прах? — спросил я, стараясь не показаться чересчур отчаявшимся и потерявшим всякую надежду.

— А разве я должен? — удивленно переспросил он.— Ты считаешь, что я должен сделать это?

— Ты меня об этом спрашиваешь?

Он вновь издал сухой смешок и пошел вперед по коридору в сторону помещения, из которого лился свет.

Это была библиотека. Войдя, я увидел несколько горящих в разных концах комнаты свечей, ромбообразные деревянные подставки для пергаментов и свитки папирусов на полках.

Попав сюда, я даже обрадовался, потому что библиотеки были, по крайней мере, чем-то хорошо мне знакомым. Они оставались единственным местом обитания людей, где я по-прежнему находил отголоски древнего человеческого разума.

Однако я невольно вздрогнул, увидев здесь еще одно существо — еще одного из нас. Устремив взгляд в пол, оно сидело за стоявшим сбоку письменным столом.

У него вообще не было волос, и, хотя он был черен с ног до головы, его гладкая кожа блестела, словно только что смазанная оливковым маслом. Черты лица можно было назвать красивыми; рука, спокойно лежавшая поверх складок его белой полотняной юбки, была изящной; на обнаженной груди рельефно выделялись хорошо развитые мускулы.

Когда он обернулся и посмотрел в мою сторону, между нами мгновенно пронеслось нечто такое, что находится за пределами тишины и молчания и что доступно только таким, как мы.

— Он самый старый из нас,— произнес тот, кто привел меня,— и ты сам можешь видеть, как он перенес огонь. Но он не станет говорить с тобой. Он молчит с тех самых пор, как все это случилось. Однако ему известно, где находятся наши Мать и Отец и почему это произошло с нами.

Старейший продолжал молча смотреть перед собой. На лице его застыло странное выражение — одновременно и насмешливое, и саркастическое, и даже несколько презрительное.

— Еще до того, как случилось несчастье,— продолжал мой спутник,— Старейший редко разговаривал с нами. Огонь не изменил его, не сделал более общительным. Он сидит здесь, погрузившись в молчание, и все больше становится похожим на наших Мать и Отца. Иногда он читает. Иногда даже бродит по верхнему миру. Он пьет кровь и слушает выступления певцов. Иногда танцует. Беседует со смертными на улицах Александрии, но никогда не заговаривает с нами. Ему нечего нам сказать. Но он знает... знает, почему это случилось с нами.

— Оставь меня с ним наедине,— попросил я.

Я чувствовал то же, что чувствовал бы, наверное, каждый на моем месте. Я думал о том, что заставлю его говорить, что мне удастся сделать то, что никому до меня не удавалось — я непременно вытяну из него хоть что-нибудь. Должен сказать, что мною руководило не только тщеславие. Я был уверен в том, что

именно он приходил ко мне, когда я лежал в своей спальне. Это он стоял в проеме двери и наблюдал за мной.

К тому же я почувствовал что-то в его взгляде. Не то проявление незаурядного ума, не то интерес ко мне, не то признание, что у нас с ним есть нечто общее,— так или иначе, но что-то в его взгляде было.

Я понимал, что принес с собой знания и возможности совершенно иного мира, неизвестные богам рощи, неведомые даже тому израненному богу, который стоял рядом со мной и в отчаянии смотрел на Старейшего.

Тот, который был слабее, исполнил мою просьбу и вышел. Я приблизился к столу и прямо взглянул на Старейшего.

— Что я должен сделать? — обратился я к нему по-гречески.

Он коротко взглянул на меня, и я вновь увидел в его глазах то, что назвал незаурядным умом.

— Могу ли я задать тебе несколько вопросов? — продолжал я, тщательно выбирая тон, в котором не было ни излишней церемонности, ни чрезмерного благоговения; я старался обращаться к нему с максимальной простотой.

— А что именно ты ищешь и хочешь узнать? — неожиданно холодно заговорил он на латинском языке.

Уголки его губ опустились, а в отрывистом и резком тоне послышался вызов.

Я с облегчением перешел на латынь.

— Ты слышал, о чем я говорил с тем, другим. О том, как в стране кельтов меня создал бог рощи, а затем послал сюда и велел узнать, почему погибли в огне прежние боги.

— Ты пришел не от имени бога рощи! — воскликнул он все с тем же сардоническим выражением лица.

Голова его оставалась опущенной, он поднял на меня лишь глаза, отчего выражение их сделалось еще более вызывающим и презрительным.

— И да, и нет,— ответил я.— Если мы можем погибать таким образом, я хочу знать, почему это происходит. То, что уже однажды случилось, может повториться вновь. Кроме того, мне хотелось бы знать, действительно ли мы являемся богами, и если это так, то каковы наши обязательства перед людьми. Действительно ли существуют Мать и Отец, или это всего лишь

легенда? Как все началось? Конечно же, мне хочется узнать и об этом.

— Случайно.

— Случайно?!

Я подался вперед, мне показалось, что я ослышался.

— Совершенно случайно,— холодно и снисходительно повторил он, всем своим видом демонстрируя, что считает мой вопрос абсурдным.— Это началось четыре тысячи лет назад и с тех пор окутано мистикой и религиозными тайнами.

— Ты говоришь правду?

— А зачем мне тебя обманывать? Почему я должен защищать тебя от истины? Почему должен утруждать себя сочинением лживых объяснений? Ведь я даже не знаю, кто ты. И мне нет до тебя никакого дела.

— Тогда объясни, что ты имел в виду, говоря, что это произошло случайно,— настойчиво попросил я.

— Не знаю... Могу объяснить, а могу и нет. Я и так за эти несколько минут сказал больше, чем за многие годы. Рассказ об этой случайности может оказаться таким же мифом, как и те, которые постоянно пересказывают. Люди всегда предпочитают мифы. Именно этого хочешь и ты, не так ли? — Он повысил голос и легко поднялся из-за стола, словно проснувшийся в нем гнев заставил его вскочить на ноги.

— Ты желаешь услышать историю нашего возникновения, нечто похожее на историю происхождения иудеев, на поэмы Гомера или беспомощный лепет ваших Овидия и Вергилия? Огромное сверкающее море символов, из которых будто бы возникла сама жизнь? — Он опустил на стол сжатую в кулак руку и едва не кричал, под гладкой кожей на лбу выступили вены.— Такого рода сказками заполнены все документы, лежащие в этих комнатах, их фрагменты можно найти в гимнах и песнопениях. Хочешь их услышать? Они так же правдивы, как и все остальное!

— Расскажи мне то, что захочешь,— ответил я, стараясь оставаться спокойным.

От его голоса было больно ушам. Я ощутил какое-то движение в соседних комнатах. Такие же слабые, высохшие существа, как и то, которое привело меня сюда, крадучись бродили вокруг.

— А начать ты можешь с объяснения,— ехидно продолжал я,— зачем ты приходил ко мне в комнату здесь, в Александрии. Это ты указал мне дорогу сюда. Почему ты это сделал? Чтобы наброситься на меня с упреками? Чтобы осыпать проклятиями в ответ на мою просьбу рассказать, как все началось?

— Успокойся.

— То же самое я могу сказать тебе.

Он молча взглянул на меня и вдруг улыбнулся. Потом, словно приветствуя, поднял обе руки кверху и пожал плечами.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне об этой случайности. Я готов умолять тебя, если это поможет. Скажи, что я должен сделать, чтобы заставить тебя поведать всю историю?

Он несколько раз заметно изменился в лице. Я мог чувствовать проносящиеся в его голове мысли, хотя не мог их услышать. Я ощущал резкую смену его настроений. Когда он заговорил снова, голос его был хриплым, как будто он боролся с душившим его горем.

— Так слушай же нашу древнюю историю,— начал он.— За много веков до создания письменности наш добрый бог Осирис, первый фараон Египта, был убит злодеем. После того как его жена Исида собрала воедино все части его тела, он стал бессмертным и с тех пор управлял царством мертвых, царством луны и ночи. Ему и великой богине приносились кровавые жертвы, и он выпивал эту кровь. Однако жрецы стремились украсть секрет его бессмертия, и потому культ Осириса был окутан великой тайной, местонахождение его храмов было известно только тем немногим избранным почитателям, которые охраняли его от бога солнца, способного в любой момент отыскать Осириса и уничтожить горячими лучами. Теперь ты понимаешь, в чем состоит истинность легенды. Древний царь обнаружил нечто такое — а быть может, он просто стал жертвой ужасной случайности,— что сделало его обладателем великой силы, которая могла быть использована для совершения страшных зол теми, кто его окружал. Поэтому он сделал из своей великой силы объект для поклонения, стремясь окружить ее разного рода обязательствами и ритуалами, ограничить число имеющих доступ к Могущественной Крови теми, кто стал бы использовать ее только для белой магии и больше ни для чего. Вот так мы и появились.

— Значит, Отец и Мать — это Осирис и Исида?

— И да, и нет. Они были первыми двумя. Имена Осириса и Исиды использовались в мифах или в посвященных им обрядах поклонения.

— Так в чем же состояла случайность? Каким образом все раскрылось?

Он долго смотрел на меня, потом снова сел, отвернулся и застыл в молчании, как и прежде.

— А почему я должен тебе об этом рассказывать? — наконец заговорил он, но на этот раз его вопрос был окрашен совсем иными чувствами. Он искренне недоумевал и сам не мог найти ответ.— Почему я вообще должен что-то делать? Если сами Мать и Отец не поднимаются с песка, когда солнце появляется из-за горизонта, и не пытаются спасти себя, почему я должен что-то предпринимать? Или говорить? Или вообще продолжать свое существование?

Он снова повернулся ко мне.

— Так вот в чем дело! Мать и Отец вышли навстречу солнцу?

— Их оставили на солнце, мой дорогой Мариус,— ответил он, несказанно удивив меня тем, что ему известно мое имя.— Их оставили на солнце. Ни Мать, ни Отец не совершают ни одного движения по собственной воле, за исключением тех редких случаев, когда хотят что-то сказать друг другу или нанести сокрушительный удар по тем из нас, кто осмелится приблизиться к ним, чтобы отведать их целительной крови. Если бы они позволили нам напиться своей исцеляющей крови, то могли бы вернуть прежний облик и силы всем, кто был сожжен. Отец и Мать существуют уже четыре тысячи лет, а наша кровь с каждым временем года становится сильнее, набирает силу даже в периоды голода и жажды, чтобы затем, когда трудные времена заканчиваются, мы насладились новообретенными возможностями. Но Отец и Мать не заботятся о своих детях. А сейчас, похоже, они перестали заботиться даже о себе. Возможно, после стольких прожитых ими ночей им просто захотелось взглянуть на солнце?!

После того как в Египет пришли греки, после того как было извращено и утрачено древнее искусство, они ни разу не заговорили с нами. Они ни разу не удостоили нас взглядом. А что такое Египет сейчас, как не плодородная житница Рима? Когда

Мать и Отец отрывали нас от вен на своей шее и отбрасывали в сторону, они были сильны, как железо, и с легкостью могли переломать нам кости. И если теперь им ни до чего нет дела, почему что-то должно волновать меня?

Я долго и пристально смотрел на него.

— Ты хочешь сказать, что именно это послужило причиной сожжения остальных? То, что Мать и Отец были оставлены под палящими лучами солнца?

Он утвердительно кивнул.

— В наших жилах течет их кровь. Мы получили ее от них. А потому существует прямая связь: то, что происходит с ними, происходит и со всеми нами. Если сгорают они, сгораем и мы.

— Мы так тесно связаны?! — удивленно выдохнул я.

— Вот именно, мой дорогой Мариус,— ответил он, глядя на меня и, очевидно, забавляясь моим страхом.— Именно поэтому их оберегали в течение четырех тысяч лет, именно поэтому им приносились жертвы, именно поэтому мы поклонялись культу Матери и Отца. Их судьба — это наша судьба.

— Кто это сделал? Кто оставил их под лучами солнца?

Он беззвучно расхохотался:

— Тот, кому поручено было оберегать их, тот, кто больше не в силах был это вынести, тот, кто слишком долго исполнял сию мрачную обязанность. Он не смог никого уговорить сменить его, освободить от столь тяжкого бремени и переложить обязанность на свои плечи. В конце концов, плача и дрожа с головы до ног, он вынес Мать и Отца на песчаную поверхность пустыни и оставил там лежать подобно двум статуям.

— И моя судьба тесно связана со всем этим...— пробормотал я.

— Да. Но, наверное, он просто уже не верил в нашу преемственность. Я говорю о том, кому поручено было их оберегать. Это просто древняя легенда, считал, он. Ведь все мы им поклонялись, почитали их так же, как смертные почитают нас. Никто не осмеливался причинить им вред, никто не смел прикоснуться к ним горящим факелом, чтобы проверить, испытаем ли мы что-нибудь. Нет, он в это не верил. Он оставил их в пустыне, а ночью, когда проснулся и обнаружил, что сожжен и изуродован до неузнаваемости, он кричал не переставая.

— Вы перенесли их обратно под землю?

— Да.

— И они почернели так же, как вы?

— Нет,— он покачал головой,— только потемнели до золотисто-бронзового цвета. Как поворачиваемое на вертеле мясо, не больше. И они остались такими же красивыми, как и прежде, словно красота была неотъемлемой частью их существа. Та красота, носителями и частью которой им суждено было быть. Они, как и прежде, смотрят прямо перед собой, но их головы больше не склоняются друг к другу, они не напевают свои гимны и не позволяют нам пить их кровь. Они отказываются принимать наши жертвы — лишь изредка они вкушают кровь, и то только тогда, когда никого нет рядом. Никто не знает, будут они пить кровь или нет.

Я покачал головой. Опустив голову, я ходил взад и вперед, свеча в моей руке дрожала. Я не знал, что сказать, мне необходимо было обдумать услышанное.

Он жестом предложил мне сесть на стул по другую сторону стола, и я не задумываясь последовал приглашению.

— Не кажется ли тебе, римлянин, что так и должно было случиться? — спросил он.— Не сами ли они решили встретить свою смерть среди песков, лежа молча и неподвижно, как статуи, брошенные там, после того как город был осажден и захвачен вражеской армией? Может, все мы должны были умереть? Посмотри на Египет! Повторяю, что такое сейчас Египет, как не плодородная житница Рима? Не намеревались ли они день за днем сгорать под палящими лучами солнца до тех пор, пока, подобно звездам на небе, не сгорим все мы?

— Где они сейчас? — выдавил я.

— А зачем тебе это знать? — насмешливо поинтересовался он.— Почему ты считаешь, что я должен открыть тебе эту тайну? Их невозможно разрубить на части — для этого они достаточно сильны. Нож способен лишь скользнуть по поверхности их кожи. К тому же, если ты расчленишь их, то расчленишь и нас. Если сожжешь их, то сожжешь и нас. Что бы они ни заставили нас испытать, сами они испытывают только малую часть этого, потому что их защищает возраст. Даже если ты уничтожишь всех нас до единого, ты доставишь им только небольшое беспокойство. Такое впечатление, что они не нуждаются даже в крови. Может, их разум находится в соединении с нашими мыслями? Возможно, та печаль, которую мы испытываем, то

отчаяние и ужас перед судьбами мира, которые мучают нас, исходят от них, переносятся к нам из их снов? Нет, я не могу сказать тебе, где они. Во всяком случае до тех пор, пока не буду уверен в том, что мне все безразлично и что пришло нам время умереть.

— Где они? — повторил я.

— А почему ты думаешь, что я не утопил их глубоко в море? — вместо ответа спросил в свою очередь он.— Где они будут лежать, пока сама земля на гребне огромной волны не вознесет их к солнцу.

Я не ответил. Я молча наблюдал за ним, удивляясь его возбуждению, понимая его причину и одновременно опасаясь его.

— Почему ты думаешь, что я не спрятал их в самых глубинах земли, там, куда не долетают даже слабые оттолоски жизни? Почему бы мне не оставить их лежать там в полной тишине и во мраке, совершенно не заботясь о том, что они сами об этом думают и что при этом испытывают?

Что я мог ему ответить? Я только молча продолжал смотреть на него. Он наконец успокоился, и на лице его появилось вдруг едва ли не доверчивое выражение.

— Расскажи мне, как они стали Матерью и Отцом? — попросил я.

— Зачем тебе?

— Тебе отлично известно зачем! Затем, что я хочу знать! Почему ты пришел в мою спальню, если не собирался ничего мне рассказывать?

— Ну и что из того, что я пришел? — с горечью вопросил он.— А что, если мне просто захотелось своими глазами увидеть римлянина? Мы умрем, и ты умрешь вместе с нами. Я просто любопытствовал, какие новые формы приобрела наша древняя магия и кто в конце концов нам теперь поклоняется. Светловолосые воины, живущие в северных лесах? Или древние египтяне, обитающие в расположенных глубоко под слоем песка склепах? Ведь мы не живем в греческих и римских храмах. И никогда не жили. И тем не менее они продолжают воспевать наш миф — единственный из всех мифов — и называют имена наших Отца и Матери...

— Меня все это совершенно не интересует,— сказал я,— и ты знаешь это. Мы с тобой очень похожи, ты и я. Я не собира-

юсь возвращаться обратно в северные леса и создавать для их обитателей расу новых богов. Но я пришел сюда, чтобы все узнать, и ты обязан рассказать мне!

— Хорошо. Ради того, чтобы ты понял всю тщетность и бесполезность расспросов, чтобы понял причину молчания Матери и Отца, я расскажу тебе все. Но запомни мои слова. Я могу погубить всех нас. Могу спалить в жарком пламени печи Отца и Мать. Однако мы обойдемся без долгих предисловий и высокопарных фраз. Мы наконец покончим с мифами, которые погибли в песках в тот день, когда Мать и Отец оказались беззащитными под лучами солнца. Я расскажу тебе обо всем, о чем говорится в свитках, оставленных нам Отцом и Матерью. Поставь свою свечу. И слушай.

10

Если бы ты смог прочесть написанное в этих свитках, то узнал бы, что в этом мире есть два существа — Акаша и Энкил, давным-давно пришедшие в Египет из другой, еще более древней, земли. Это произошло задолго до появления письменности, задолго до строительства первых пирамид, когда египтяне были еще каннибалами и поедали тела убитых врагов.

Акаша и Энкил отучили людей от страшных обычаев. Они поклонялись Великой Матери-земле и научили египтян сеять зерна в ее плодородное чрево и выращивать скот, чтобы получать от него мясо, молоко и шкуры.

Конечно же, они не были единственными учителями, скорее их можно назвать вождями тех людей, которые пришли вместе с ними из древних городов, названия которых давно забыты, а памятники навсегда исчезли в песках ливанских пустынь.

Как бы то ни было, они были щедрыми и благодетельными правителями, которыми руководило одно лишь стремление: делать людям добро, как желает того Великая Мать, Мать-кормилица, а потому во всех своих землях они всегда творили справедливый суд.

Возможно, со временем благодаря своей щедрости и добродетели они стали бы героями мифов, если бы не случилось то ужасное происшествие в доме царского управляющего. Все на-

чалось с проделок какого-то демона, учинившего в доме погром.

Это был самый обыкновенный демон, о каких во все времена и во всех землях ходит множество рассказов. Эти дьяволы поселяются в определенных местах и обитают там какое-то время. Иногда они проникают в тела невинных людей и заставляют их кричать и вопить ужасными голосами. Они могут заставить невинную девушку изрыгать проклятия и оскорбления и делать непристойные предложения тем, кто ее окружает. Тебе известны такого рода рассказы?

— Да,— кивнул я,— подобные истории можно услышать повсюду.

Я рассказал ему о том, как однажды такой демон овладел в Риме одной из весталок. С багровым от похотливого желания лицом она делала непристойные предложения стоявшим поблизости мужчинам, а потом потеряла сознание. Однако демона удалось каким-то образом изгнать.

— Мне кажется,— добавил я,— девушка просто была безумна. Она, если можно так выразиться, не подходила на роль весталки.

— Естественно,— с иронией откликнулся он.— Я и сам сделал бы такой же вывод, как, впрочем, и любой другой образованный и умный житель Александрии. Однако такие истории время от времени возникают, потом забываются, и на смену им приходят другие. Если они чем-то и замечательны, то только тем, что не оказывают никакого воздействия на ход событий человеческой жизни. Эти демоны нарушают порядок вещей в том или ином доме, доставляют беспокойство отдельным людям, а потом исчезают, о них забывают, и все вновь возвращается на круги своя.

— Да, именно так и происходит,— согласно кивнул я.

— Однако, как ты понимаешь, это происходило в Древнем Египте. В те времена люди в панике бежали от ударов грома и поедали тела мертвецов, чтобы завладеть их душами.

— Понимаю.

— И вот добрый царь Энкил решил, что сам вступит в переговоры с поселившимся в доме его управляющего демоном. Он сказал, что это существо находится вне гармонии с миром. Придворные маги умоляли его не делать этого, позволить им

самим позаботиться обо всем и изгнать демона. Однако царь горел желанием творить добро. Он считал, что все в мире должно подчиняться добру и все силы должны следовать по одному божественному пути. Он хотел поговорить с демоном и попытаться направить его по пути, так сказать, всеобщего добра. И только в том случае, если ему не удастся сделать это, сказал Энкил, он даст согласие на изгнание демона.

И после этого вошел в дом своего управляющего, где вся мебель была перевернута, сосуды разбиты, а двери сорваны с петель. Он обратился к демону, предлагая ему побеседовать. Все остальные в ужасе убежали прочь.

Прошла целая ночь, прежде чем Энкил вышел из того дома. То, что он сказал, показалось всем очень странным.

«Эти демоны глупы и по-детски невинны,— говорил он своим магам,— однако я понаблюдал за их поведением и узнал, почему они неистовствуют. Их выводит из себя то, что они лишены тел и не могут чувствовать так, как мы. Они устраивают отвратительные оргии, потому что им неведомы пути любви и добра. Они способны управлять отдельными органами и частями тела, но не в силах завладеть человеком целиком, вот почему они стараются причинить зло плоти, которую не могут сделать своей. Пользуясь своими достаточно слабыми возможностями, они набрасываются на все, что им попадается, и заставляют людей дергаться и подпрыгивать. Страстное желание обрести плоть и служит причиной их гнева, являющегося лишь отражением их страданий».

Окончив свою благочестивую речь, он выразил желание вновь запереться в комнатах, где обитали демоны, чтобы узнать о них еще больше.

Однако на этот раз его решению воспротивилась его жена. Она заявила, что не позволит ему оставаться рядом с демонами. «Взгляни на себя в зеркало,— говорила она,— посмотри, как ты постарел всего за одну ночь, проведенную наедине с ними».

Однако ей не удалось переубедить царя, и тогда она осталась вместе с ним. Все, кто стоял снаружи, слышали в доме грохот падающих предметов и треск — они опасались, что вот-вот услышат, как вопят голосами злых духов царь и царица. Шум в доме был поистине страшным, и на стенах появились трещины.

В конце концов, все обратились в бегство, за исключением нескольких особо заинтересованных. Надо сказать, что эти оставшиеся люди с самого начала царствования Энкила были его противниками. Это были старые воины, которые водили египтян в походы на врагов, чтобы добыть человеческое мясо. Им не по душе была добродетельность царя, они не желали поклоняться Великой Матери, не хотели становиться земледельцами. В происшествии со злыми духами они усматривали не только еще одно проявление бессмысленной доброты царя, но и предоставленную им замечательную возможность поквитаться.

Когда наступила ночь, они тайком пробрались в захваченный демонами дом. Они не боялись духов, как не боятся их воры, грабящие гробницы фараонов. Их вера оказалась недостаточно сильной, чтобы победить жадность и зависть.

Обнаружив, что Энкил и Лкаша находятся в комнате в окружении множества летающих призраков, они набросились на правителей и принялись колоть царя ножом снова и снова, так же как ваши сенаторы закололи Цезаря. А потом они пронзили ножами и единственную свидетельницу страшного преступления — жену царя.

«Что вы делаете? — кричал царь.— Разве вы не понимаете, что открыли духам путь в мое тело?»

Однако злодеи уже убежали, оставив царя и царицу истекать кровью, льющейся из бесчисленного множества нанесенных им ран.

Затем заговорщики подняли на ноги все население, крича о том, что царя и царицу убили духи. Они твердили, что царю следовало позволить своим магам бороться с демонами, как сделал бы это любой другой на его месте. Схватив факелы, все бросились к захваченному призраками дому, в котором наступила вдруг полная тишина.

Заговорщики требовали, чтобы маги вошли в дом, но те боялись.

«Тогда мы сами войдем туда и посмотрим, что там случилось»,— заявили злодеи и распахнули двери.

На пороге стояли царь и царица. Они спокойно смотрели на заговорщиков, а на телах их не осталось даже следов от ран. Глаза их горели мрачным огнем, белая кожа излучала сияние, густые волосы блестели. Заговорщики в страхе бросились прочь,

а царь и царица отпустили всех своих подданных и жрецов и вернулись обратно во дворец.

Хотя они никому ничего не рассказали, сами они знали, что с ними случилось.

В тот момент, когда они были на самом пороге смерти, через отверстия ран в их тела забрался демон. Как раз перед тем, как их сердца готовы были остановиться, он проник в их кровь. Возможно, именно ее он всегда искал, из-за нее так неистовствовал, яростно набрасываясь на свои жертвы. Однако до сих пор ему не удавалось нанести достаточное количество ран и обосноваться в кровяных сосудах, прежде чем жертва умрет. Но теперь он стал частью их крови, и она перестала быть кровью демона или кровью царя и царицы — это была некая комбинация человеческого и демонического начала, результатом которой стало появление совершенно новых существ.

От царя и царицы осталось лишь то, что смогла оживить кровь, куда она проникла и что требовалось ей самой. Для всего другого их тела умерли. Однако кровь текла через их мозг, через сердца, растекалась по коже. А потому они сохранили разум. Можно даже сказать, что сохранились их души — в том виде, в каком они могли обитать в по-прежнему живых органах. Почему и как это произошло, мы, однако, не знаем. Сама по себе кровь демона не обладала ни разумом, ни характером, однако она, несомненно, оказала огромное воздействие на разумы и характеры царя и царицы, потому что поток ее охватывал именно те органы, от которых эти качества зависели. Кроме того, демоническая кровь сделала их обладателями новых духовных возможностей — теперь царь и царица могли слышать мысли смертных, ощутить и понять то, что не дано было ощутить и понять смертным.

Иными словами, демоны отняли у них многое и многое дали взамен. Царь и царица стали совершенно другими существами. Они больше не могли принимать обычную пищу, не могли расти, иметь детей, не могли умереть. Однако все их чувства были так обострены, что это приводило их в ужас. А демон получил то, к чему всегда стремился: тело, в котором он мог обитать, возможность жить в мире людей, способность чувствовать.

Вскоре, однако, им пришлось сделать еще одно ужасное открытие: чтобы сохранить жизнь в мертвых телах, они должны

обеспечивать питанием свою кровь. А единственное, что могло пойти ей на пользу, было вещество с тем же названием и с той же сутью — кровь. Поселившийся в них демон требовал все больше и больше крови, растекающейся по всем сосудам, по всем клеточкам тела и доставляющей ему такие невероятные ощущения, что этой крови ему всегда было мало.

Но самые удивительные, восторженные чувства он испытывал в момент насыщения, в момент своего обновления и величия. Он чувствовал, как умирает его жертва в ту секунду, когда он высасывает из нее кровь, останавливая ее сердце.

Царь и царица полностью оказались во власти демона. Они стали Теми, Кто Пьет Кровь. Никто не ведает, знал или не знал об их существовании демон, а если знал, то что именно? Но царю и царице было известно, что они во власти демона и что они не в силах от него избавиться, ибо если они сделают это, то немедленно погибнут — ведь тела их давно мертвы. Также они быстро убедились в том, что их тела, оживающие только благодаря демонической крови, растекающейся по их жилам, не способны выдерживать жар огня или солнечных лучей. С одной стороны, они походили на нежные белые цветы, которые могут сгореть до черноты в песках пустыни под палящими лучами солнца. С другой стороны, казалось, что кровь их настолько живая и подвижная, что способна закипеть от малейшего жара и уничтожить все ткани, которые наполнены ею.

Говорят, в те далекие времена они не выносили яркого света,— даже горящий поблизости костер заставлял их кожу дымиться.

Как бы то ни было, они перешли в совершенно иное состояние, полностью изменившее ход их мыслей, и теперь старались понять все, что по-иному видели и ощущали, уяснить для себя, что именно в этом новом для них состоянии может причинить им вред или как-то иначе повлиять на них.

Записи о том, что им удалось открыть, отсутствуют. Нет ни письменных источников, ни устных преданий о том, когда и как им впервые пришла в голову идея о передаче своей крови другим, или о том, каким образом можно это сделать. То есть нигде не сказано, что жертва должна находиться на грани жизни и смерти и что в противном случае переданная кровь не окажет своего действия.

Однако из устных рассказов нам известно, что царь и царица старались сохранить в тайне все, что с ними произошло, но их постоянные исчезновения в дневное время вызвали подозрения. Они не имели возможности присутствовать на религиозных церемониях.

Прежде чем принимать наиболее серьезные решения, они вынуждены были обращаться к народу с просьбой провести обряды поклонения Великой Матери при свете луны.

Только они не в силах были защитить себя от тех самых заговорщиков, которые по-прежнему не могли понять, каким образом царской чете удалось выжить, и искали новые пути, чтобы расправиться с царем и царицей. Несмотря на все предпринятые меры предосторожности, заговорщики все же напали на них и были потрясены той силой, с которой царь и царица дали им отпор, но еще больше были поражены тем, что раны, которые им все же удалось нанести, чудесным образом мгновенно исчезали. Они, например, отсекли царю руку, но он приставил ее обратно к плечу, и она приросла, как будто ничего не случилось. В конце концов злодеи в страхе убежали.

В результате всех этих событий тайна царя и царицы стала известна не только заговорщикам, но и жрецам.

Теперь уже никто не хотел убивать царя и царицу; напротив, их хотели пленить и выведать секрет бессмертия. Злодеи даже пытались напиться их крови, но поначалу им это никак не удавалось сделать.

Те же, кто все-таки испил их крови, не будучи на грани жизни и смерти, стали своего рода гибридами — наполовину людьми, наполовину богами,— и в конце концов всех их ждала ужасная смерть. Однако некоторые все же добились успеха. Возможно, они сначала опустошали свои сосуды. Никаких письменных свидетельств об этом не существует, однако в последующие века такой способ добывания божественной крови всегда оправдывал себя.

Кроме того, Мать и Отец, по-видимому, тоже создавали себе последователей. Быть может, от ощущения одиночества или из страха они открывали свой секрет тем, кто обладал добрым нравом и завоевал их доверие. Достоверно опять же мы этого не знаем. Как бы то ни было, появились Те, Кто Пьет Кровь, и стал известен способ их создания.

Древние папирусы говорят нам, что Мать и Отец в конце концов нашли утешение в своем несчастье. Они предпочли считать, что в случившемся сними есть определенный смысл, и верили, что обретенные ими необыкновенные качества могут послужить добродетели. Ведь сама Великая Мать позволила этому произойти.

Следовательно, думали они, необходимо освятить и сохранить то, что было свершено магией, в противном случае Египет превратится в страну демонов-кровососов, которые разделят мир на Тех, Кто Пьет Кровь, и тех, кто рожден лишь затем, чтобы ее давать. Появится тирания, с которой не смогут справиться смертные.

И тогда царь и царица избрали путь священных ритуалов и мифов. Они провозгласили себя воплощением растущей и убывающей луны, а то, что они пили кровь, по их словам, было предписано богом, который через них получал жертвенную кровь. Они использовали божественные способности лишь для того, чтобы предугадывать события, предсказывать ход вещей и вершить суд, и заявляли, что пьют жертвенную кровь во имя бога, ибо в противном случае она без всякой пользы будет стекать с алтаря. Они облекали себя властью и окружали символикой, священными обрядами, которые не должны были становиться общеизвестными. А потому они перестали являться народу и скрылись в храмах, где поклоняться им было позволено только тем, кто приносил им кровь. Они принимали лишь самые щедрые жертвы, которые обычно приносились во имя плодородия земли и всеобщего блага.

Именно царь и царица распространили легенду об Осирисе, которая частично включала в себя историю их собственных страданий — нападение заговорщиков, чудесное исцеление, необходимость жить в царстве Тьмы, в загробном мире, невозможность появляться при свете солнца. Они соединили эти мифы с теми, которые уже существовали там, откуда они пришли,— с мифами о богах, которые из любви к Великой Матери умирают и возрождаются вновь.

Эти легенды и мифы вышли за пределы тайных святилищ, в которых поклонялись Матери и Отцу и где прятались те, кого они создали с помощью своей крови, и дошли до нас.

Они были древними уже тогда, когда первый фараон построил в Египте первую пирамиду. И даже в самых ранних текстах Мать и Отец описываются в очень странном виде.

В Египте, как и в любой другой стране, правили сотни богов, но культ Матери и Отца, культ Тех, Кто Пьет Кровь, оставался окутанным величайшей тайной. Им приписывались могущество и сила, и те, кто поклонялся им, приходили в святилища, чтобы услышать безмолвные голоса богов и увидеть их священные сны.

Нам неизвестно, кто были первые создания Матери и Отца. Мы знаем только, что они перенесли этот культ на острова Великого моря, в Междуречье и далекие северные леса. Мы знаем, что повсюду в храмах обитали и правили боги луны, которые пили кровь жертв и пользовались своими возможностями, чтобы заглядывать в сердца и души смертных. Между жертвоприношениями, в периоды жажды, разум бога мог покидать тело и странствовать в поднебесье, узнавая за это время очень многое. А те из смертных, кто обладал чистотой сердца, могли прийти в святилище и услышать голос бога. А бог, в свою очередь, мог услышать их.

Но еще до моего появления — а это произошло тысячу лет назад — эти рассказы уже были древними, непоследовательными и малодостоверными. Боги луны правили Египтом, наверное, три тысячи лет. Культ их постоянно подвергался нападкам и преследованиям.

Когда египетские жрецы стали поклоняться богу солнца Амон-Ра, они открыли древние склепы лунного бога и позволили солнцу сжечь его, превратить в пепел. Многие нам подобные были уничтожены. То же самое случилось, когда первые свирепые воины напали на Грецию, разрушили святилища и уничтожили то, что не в силах были понять.

Там, где когда-то правили мы, теперь правит болтливый дельфийский оракул. Последние наши истинные почитатели остались лишь в непроходимых северных лесах, откуда пришел ты и где культ наш сохранился среди тех, кто проливает на наши алтари кровь злодеев,— там да в небольших египетских поселениях, где от силы один или два жреца еще продолжают охранять склепы богов и позволяют оставшимся искренним почитателям приносить в жертву злодеев. Они не могут позво-

лить себе убивать невинных, потому что это вызовет подозрения, а бродяг и разбойников достаточно везде. Нам поклоняются также в джунглях Африки, на развалинах древних и давно всеми забытых городов.

Кроме того, наша история изобилует легендами о так называемых отшельниках — Тех, Кто Пьет Кровь, но при этом не поклоняется и не подчиняется никаким богам, используя собственные возможности и власть по своему усмотрению.

Тех, кто не признает законов добра и зла и пользуется своим могуществом только в собственных интересах, можно найти и в Афинах, и в Риме, и в любом городе Европы.

Многие, очень многие из них, так же как и боги в священных рощах и тайных обителях, погибли самым ужасным образом в жаре или в пламени, а те, кому посчастливилось выжить, скорее всего, даже не подозревают, почему им было суждено умереть в огне, не знают о том, как Мать и Отец были оставлены под палящими лучами солнца.

Он замолчал, внимательно следя за моей реакцией. В библиотеке стояла абсолютная тишина, и, если те, кто был за ее стенами, продолжали бродить, я не слышал их шагов.

— Я не верю ни единому твоему слову,— сказал я.

С минуту он молча и потрясенно смотрел на меня, а потом разразился смехом.

Я в ярости выбежал из библиотеки, промчался по комнатам храма, затем по проходу и выскочил на улицу.

11

Мне было не свойственно подобное поведение — без каких бы то ни было объяснений и извинений резко прерывать разговор и уходить. За свою смертную жизнь я никогда не позволял себе ничего подобного. Но, как я уже говорил, я находился на грани безумия, первого из тех приступов, которые испытывает каждый из нас.

Я возвратился в свой маленький дом возле огромной Александрийской библиотеки и улегся на кровать, словно и вправду мог позволить себе уснуть и таким образом забыть обо всем, что мне пришлось услышать и пережить.

— Полнейшая глупость и ерунда,— пробормотал я себе под нос.

Однако чем больше я думал над его рассказом, тем больший смысл усматривал в нем. Действительно, ведь нечто внутри меня требует, чтобы я пил все больше и больше крови. Смысл был и в том, что это нечто невероятно усиливает все мои чувства и ощущения и поддерживает жизнь в моем теле, которое на самом деле не более чем имитация тела человеческого. Нечто заставляет его функционировать, в то время как оно давно должно было умереть.

Можно было предположить и то, что все мы тесно связаны с Матерью и Отцом, потому что они были существами сугубо духовными, не ограниченными телесными оболочками. Существо, которое жило в нас, можно было уподобить виноградной лозе, а всех нас — цветам, разбросанным по миру на огромные расстояния и связанным между собой простирающимися во все стороны отростками этой лозы.

Именно поэтому мы, боги, способны так хорошо слышать друг друга даже издалека; именно поэтому я знал, что в Александрии есть боги, еще до того, как они позвали меня к себе. По этой же причине они смогли найти меня и прийти за мной в мой дом, а потом привести меня к тайной двери.

Хорошо, пусть все это правда. Допустим, что объединение неведомой силы с человеческим телом и создание в результате совершенно нового существа действительно произошло случайно, как сказал Старейший.

И тем не менее меня не устраивало такое объяснение.

Все во мне протестовало против этого, потому что сам я считал себя прежде всего личностью, особенным существом, обладавшим собственной индивидуальностью, сознанием своих прав и полномочий. Я не в силах был смириться с тем, что являюсь лишь вместилищем совершенно чуждого мне существа. Что бы со мной ни произошло, я оставался МАРИУСОМ.

В конце концов я пришел к единственно устраивавшему меня выводу: если я действительно так тесно связан с Матерью и Отцом, мне необходимо самому увидеть их и убедиться в том, что они находятся в полной безопасности. Мне невыносимо было думать, что в любой момент я могу погибнуть по вине таинственной силы, которую не могу ни понять, ни удержать под своим контролем.

Однако я не вернулся в подземный храм. Следующие несколько ночей я наслаждался кровью до тех пор, пока не топил

в ее изобилии все свои печальные мысли, а под утро направлялся в Александрийскую библиотеку, где предавался своему любимому занятию — чтению.

Мое безумие отчасти прошло. Я уже перестал оплакивать свою семью, не так сильно сердился на отвратительное существо из подземного храма и все больше и больше думал о новых возможностях, которыми теперь обладал. Я буду жить еще много веков, а это означает, что я смогу узнать ответы на великое множество самых разнообразных вопросов. Со временем я превращусь в носителя вечного и бесконечного знания! И до тех пор пока я буду убивать только злодеев, я смогу мириться со своей постоянной жаждой крови и получать наслаждение в минуты насыщения ею. Когда же наступит подходящий момент, я создам тех, кто станет моими спутниками, и я сделаю это, как положено.

Что же мне необходимо теперь сделать? Прежде всего пойти к старейшему и узнать у него, куда он спрятал Мать и Отца. А потом я сам позабочусь о них. Сделаю именно то, что грозил сделать Старейший: спрячу их так глубоко под землю, что ни один смертный никогда не сможет найти их и вытащить на свет.

Как приятно строить подобные планы и думать о том, что все можно решить так легко.

С тех пор как я убежал от Старейшего, прошло пять ночей. За это время я успел все хорошо обдумать и разработать план действий. Я снова лежал на своей кровати, сквозь прозрачный полог которой пробивался ко мне свет от ламп. Купаясь в неярком золотистом свете, я прислушивался к звукам ночной Александрии и грезил наяву. Интересно, думал я, придет ли ко мне снова Старейший, обеспокоенный и разочарованный тем, что я не вернулся к нему? И в ту же секунду, как эта мысль пришла мне в голову, я осознал, что кто-то стоит в проеме двери.

Кто-то наблюдал за мной. Я это отчетливо ощущал. Чтобы увидеть, кто это, мне нужно только повернуть голову. И тогда я наконец одержу верх над Старейшим. Я скажу ему: «Итак, ты покончил с одиночеством и разочарованием и пришел сюда, чтобы рассказать мне что-то еще? Почему бы тебе не вернуться обратно и не погрузиться в молчание и одиночество, которые так пугают твоих ужасных спутников, это братство праха?» Конечно же, я не стану говорить все это, но я не мог отказать себе

в удовольствии подумать так и позволить ему — если, конечно, это он стоит там, возле двери,— услышать мои мысли.

Существо не двигалось с места.

Неторопливо скосив глаза в ту сторону, я увидел, что это женщина. И не просто женщина, а величественная египтянка с бронзовой кожей, одетая и украшенная как древняя царица. На ней было великолепно сделанное полотняное одеяние с множеством складок, а в спускавшиеся до плеч густые черные волосы вплетены золотые нити. От нее исходила поистине невероятная сила, я всем существом ощущал ее властное присутствие, и казалось, что она заполняет собой все пространство маленькой и очень скромной комнаты.

Когда я сел и резко откинул полог кровати, все лампы вокруг мгновенно погасли, и в наступившей темноте я ясно увидел кольцами и змейками поднимающийся к потолку сизый дымок, который вскоре исчез. Она по-прежнему оставалась на месте. Я отчетливо различал ее лишенное какого бы то ни было выражения лицо, поблескивающие на шее драгоценные камни ожерелий и огромные миндалевидные глаза. И тут я услышал ее безмолвный голос:

— Увези нас из Египта, Мариус.

И она исчезла.

Сердце мое готово было вот-вот выскочить из груди. Я бросился в сад и стал повсюду искать ее, потом перепрыгнул через ограду и долго стоял, прислушиваясь, на совершенно пустой немощеной улице.

Наконец я очнулся и помчался в старую часть города, туда, где я недавно обнаружил тайный ход. Я намеревался вновь проникнуть в подземный храм, найти Старейшего и потребовать, чтобы он немедленно проводил меня к ней. Ведь я видел ее своими глазами, она двигалась, говорила со мной! Она пришла именно ко мне! Я был словно в бреду. Однако когда я добежал до заветной двери, то понял, что не должен снускаться под землю. Я знал, что если выйду сейчас из города и направлюсь в глубь песчаной пустыни, то найду ее именно там. Она сама направляла меня к тому месту, где сейчас находилась.

В течение всего следующего часа я мчался так, как не бегал со времен своих скитаний по галльским лесам. С тех пор мне не приходилось пользоваться этой своей способностью. Город

остался позади, и над моей головой в темном небе сияли звезды. Наконец я очутился возле развалин какого-то древнего храма и принялся лихорадочно раскапывать песок. Потребовалось бы несколько часов, чтобы целая команда смертных добралась до тайного люка, однако я нашел его очень быстро, и у меня хватило сил поднять крышку — смертные никогда не смогли бы это сделать.

Винтовая лестница и извилистые коридоры, по которым мне пришлось бежать, не были освещены. Я ругал себя за то, что не захватил свечу. При виде явившейся мне девы я настолько потерял голову, что, ни о чем не задумываясь, словно влюбленный, бросился следом.

— Помоги мне, Акаша,— шептал я.

Вытянув руки, я продвигался вперед, стараясь избавиться от самого обыкновенного, свойственного всем смертным страха перед тьмой, в которой я, как самый обыкновенный человек, совершенно ничего не видел.

Руки мои уперлись во что-то твердое. Я остановился, стараясь перевести дыхание и собраться с мыслями. Потом осторожно ощупал то, что встало преградой на моем пути, и почувствовал, что это нечто похожее на человеческую грудь, на плечи и руки. Однако это не была статуя, руками я ощущал нечто более упругое, чем камень. Когда же пальцы мои коснулись лица, а точнее, мягких губ, я отпрянул.

Я слышал биение собственного сердца. Меня охватило унизительное чувство страха, я позорно трусил. Однако не осмеливался произнести вслух имя Акаши. Ибо тот, на кого я наткнулся, несомненно был мужчиной — это был Энкил.

Стараясь прийти в себя и решить, что делать дальше, я закрыл глаза. Я, конечно же, не собирался в страхе убегать. Послышался какой-то треск, и сквозь прикрытые веки я ощутил, что где-то зажегся огонь.

Открыв глаза, я увидел возвышающийся передо мной гигантский темный силуэт, а на стене за его спиной — горящий факел. Мужчина смотрел на меня совершенно равнодушно, в черных зрачках его оживших глаз отражался тусклый свет. Во всем остальном его фигура с безвольно опущенными по бокам руками казалась безжизненной. На нем были такие же украшения, как у Акаши, парадная одежда египетского фараона, а в волосы

точно так же были вплетены золотые нити. Его кожа имела такой же бронзовый цвет, быть может чуть темнее. В своей неподвижности он казался воплощением угрозы.

В пустой комнате позади него я увидел Акашу. Она сидела на каменной скамье у стены, чуть повернув в сторону голову и безвольно свесив руки, и выглядела совершенно безжизненным существом. Полотняные одежды были испачканы песком, налипшим также на обутые в сандалии ноги. Пустые глаза смотрели прямо перед собой. Она казалась олицетворением смерти.

А он, словно каменный страж у входа в царскую гробницу, преграждал мне путь.

Так же как и ты, я не услышал от них ни звука. Я думал, что вот-вот умру на месте от страха.

И все же на ее ногах и одежде был песок! Она приходила ко мне! Приходила!

В проходе за моей спиной кто-то появился. Кто-то шаркающей походкой приближался ко мне сзади. Когда я обернулся, то увидел одного из тех, кто выжил после сожжения,— это был самый настоящий скелет с черными деснами и торчащими клыками, которые врезались в сморщенную и блестящую черную кожу нижней губы.

При виде костлявого тела с кривыми ногами и трясущимися при каждом шаге руками я едва не задохнулся от отвращения. Он с трудом двигался в нашу сторону, но, похоже, не видел меня. Воздев руки, он стал наступать на Энкила, толкая его обратно в комнату.

— Нет, нет,— не переставая повторял он тихим, скрипучим голосом,— иди обратно. Нельзя, нет...

Было такое ощущение, что каждое произносимое слово требует от него невероятных усилий. Иссохшими руками он продолжал безуспешно толкать Энкила, но тот не двигался с места.

— Помоги мне,— обернулся он в мою сторону.— Видишь, они сошли со своих мест. Зачем им это понадобилось? Заставь их вернуться. Чем дальше они уйдут, тем труднее будет вернуть их обратно.

Я посмотрел на Энкила, и меня охватил ужас при виде ожившей статуи, которая явно не хочет или не в силах пошевелиться. Обстоятельства тем временем принимали все более жуткий оборот: черный призрак с воплями цеплялся за Энки-

ла, безуспешно пытаясь заставить его двигаться, но ничего не мог с ним поделать. Невыносимо было видеть это беснующееся существо, настолько изможденное, что, казалось, оно давно должно было умереть, рядом с истинным воплощением совершенства, больше походящим на бога и при этом стоящим совершенно неподвижно.

— Помоги мне,— вновь обратился он ко мне,— заставь его вернуться обратно в комнату. Заставь их вернуться туда, где им следует оставаться.

Но как я мог это сделать? Как мог позволить себе прикоснуться к этому существу? Разве смел я силой толкать его туда, куда он не хочет идти?

— Если ты мне поможешь, с ними все будет в порядке,— сказал черный призрак.— Они будут вместе и пребудут в мире. Толкай его! Ну же, толкай! Посмотри на нее! Что это с ней? Смотри!

— Ладно, будь ты проклят! — прошептал я и, сгорая от стыда, попытался ему помочь. Я уперся руками в грудь Энкила и попробовал сдвинуть его с места, однако это оказалось невозможным. От моей силы не было никакой пользы, а обожженное существо своей шумной суетой раздражало меня все больше и больше.

Вдруг он вскрикнул, забормотал что-то и попятился, вскинув руки.

— Что с тобой?! — воскликнул я, с трудом удерживаясь от испуганного вопля. Однако почти сразу я понял причину его страха.

За спиной Энкила возникла фигура Акаши. Она стояла прямо за мужем и смотрела на меня из-за его плеча. Я увидел, как пальцы ее обхватили сильные руки Энкила. Ее прекрасные застывшие глаза были по-прежнему пусты. И тем не менее она заставила его сдвинуться с места. Глазам моим предстала поистине удивительная картина: эти два существа возвращались к себе по своей воле, при этом Энкил медленно пятился, почти не отрывая ступни от пола и прикрывая телом Акашу, так что я мог видеть только кисти ее рук, макушку головы и прекрасные глаза.

Я мог лишь молча стоять, моргая и пытаясь взять себя в руки.

А они уже снова очутились на скамье возле стены, застыв в тех самых позах, в каких ты сегодня вечером видел их здесь, внизу.

Обожженное существо было на грани обморока. Вампир упал на колени, и причину его ужаса я понимал без всяких объяснений. Много раз, приходя сюда, он заставал их в разных позах, однако ему никогда не приходилось быть свидетелем их передвижений. Никогда ему не приходилось видеть Акашу в таком состоянии.

Меня буквально распирало от гордости, ибо я знал, что было причиной ее пробуждения. Она приходила ко мне! Однако гордость и возбуждение тут же уступили место всепоглощающему чувству благоговения, сменившемуся вскоре печалью и сожалением.

Я заплакал. Я плакал так безутешно, как не приходилось мне плакать с того самого дня, когда я оказался наедине с древним богом в священной роще, со дня моей смерти и того момента, когда на меня было наложено великое и могущественное проклятие. Точно так же плакал ты, когда увидел их впервые. Я оплакивал их вечное одиночество, неподвижность и то, что им приходится сидеть в полной темноте в этой убогой комнате, глядя в никуда, в то время как над их головами погибает Египет.

Богиня, мать, существо — не знаю даже, как ее назвать,— лишенная разума и безмолвная прародительница смотрела прямо на меня. Мне это отнюдь не мерещилось. Ее великолепные глаза, окруженные черными щеточками ресниц, были устремлены на меня. И тут я вновь услышал ее безмолвный голос, лишенный, однако, прежней силы,— скорее он походил на промелькнувшую в моей голове мысль:

— Увези нас из Египта, Мариус! Старейший хочет уничтожить нас. Защити нас, Мариус! Или мы погибнем!

— Может быть, они хотят крови? — рыдая спрашивал черный призрак.— Может быть, они сошли со своих мест, потому что им требуется жертва?

— Так иди и добудь им кого-нибудь,— ответил я.

— Я не могу. У меня не хватит на это сил. А они не хотят подарить мне даже каплю своей исцеляющей крови. Если бы они дали мне хоть несколько капель, обожженная плоть вновь обрела бы прежнюю форму, а моя кровь потоком помчалась

бы по сосудам. И тогда я смог бы принести им самые щедрые и великолепные жертвы...

Разумеется, в его речах присутствовала значительная доля неискренности, ибо им уже не нужны были щедрые жертвы.

— Попробуй еще раз, может быть, сейчас тебе удастся напиться их крови,— предложил я, хотя это было верхом эгоизма с моей стороны.

На самом деле мне хотелось посмотреть, что произойдет.

К стыду моему, он действительно приблизился к ним, поклонился и принялся со слезами умолять дать ему хоть несколько капель Божественной Крови, такой древней и могущественной, для того чтобы он смог быстрее излечиться. Он уверял их в своей невиновности, в том, что не по его вине они оказались погребенными под слоем песка, что таков был приказ Старейшего... Пожалуйста, молил он, пусть они позволят ему испить из первородного источника!

И вдруг его обуяла и лишила разума невыносимая жажда. Вытянув руки, словно когтистые звериные лапы, и обнажив клыки, он коброй бросился на шею Энкилу.

Все произошло точно так, как описывал мне Старейший: Энкил поднял руку, и черный демон отлетел в дальний конец комнаты, ударившись спиной о пол. А рука Энкила тут же вернулась в прежнее положение.

Увидев, что несчастный плачет, я испытал еще более жгучий стыд. Он был слишком слаб, чтобы добыть жертву для себя или своих подопечных. А я подговорил его на этот поступок из чистого любопытства. Мрачность и убогость, которые нас окружали, скрипящий под ногами песок, отвратительный запах горящего факела и вид спаленного солнцем бедняги, всхлипывающего в углу, совершенно выбили меня из равновесия.

— Что ж, тогда напейся моей крови,— сказал я, содрогаясь при одном виде его торчащих клыков и протянутых ко мне рук.

Однако ничем другим помочь ему я не мог.

12

После того как все закончилось, я приказал черному демону никого не пускать в склеп. Хотя я не представлял себе, каким образом он может удержать кого-нибудь и не позволить войти,

я отдал ему свои распоряжения с самым важным видом и поспешил прочь.

Вернувшись обратно в Александрию, я направился в магазин, торгующий предметами древности, и украл два великолепно расписанных и украшенных золотыми пластинами саркофага, а вдобавок прихватил значительное количество полотняных бинтов, в какие заворачивали мумии. Со всем этим я снова помчался в пустыню и спустился в склеп.

Трудно сказать, чего в тот момент было во мне больше — смелости или страха.

Как это часто бывает, когда мы отдаем свою кровь или берем ее от нам подобных, пока обожженный демон насыщался, перед моими глазами возникали разного рода видения. То, что я мысленно видел, было связано с Египтом, с его историей, и свидетельствовало о том, что за четыре тысячи лет в языке, религии и искусстве Египта почти не произошло изменений. Впервые мне было понятно все, что я видел, и я проникся огромной симпатией и любовью к Матери и Отцу — как к реликвиям этой страны, не менее значительным, чем ее пирамиды. Эти видения еще больше разожгли мой интерес и превратили его в нечто сродни преданности и благоговению.

Должен признаться все же, что я в любом случае похитил бы Мать и Отца — только ради того, чтобы выжить.

Под впечатлением от приобретенных мною новых знаний и неведомого мне прежде чувства возвышенной любви к Акаше и Энкилу я приблизился к ним, чтобы уложить обоих в саркофаги. Я был уверен, что Акаша позволит мне сделать это, и в то же время сознавал, что Энкил способен одним ударом размозжить мне голову.

Однако Энкил, так же как и Акаша, подчинился мне без какого бы то ни было сопротивления. Они позволили мне обернуть их бинтами и уложить в деревянные саркофаги, имеющие форму тел и украшенные изображениями совершенно других лиц и длинными иероглифическими надписями, обращенными к мертвым. Они позволили мне взять их с собой в Александрию.

Держа под каждой рукой по саркофагу, я вышел из склепа, оставив там обеспокоенного и взволнованного демона.

Из чувства уважения и желания сделать все, как подобает, едва добравшись до города, я нанял людей и велел им со всей

осторожностью доставить саркофаги в мой дом. Потом я спрятал их в саду глубоко под землей, все время объясняя вслух Акаше и Энкилу, что им не придется провести в земле много времени.

Когда настала следующая ночь, мысль о том, что мне придется оставить их одних, привела меня в ужас. Поэтому я охотился совсем рядом с домом, в нескольких ярдах от калитки сада. Потом я послал рабов, приказав им нанять для меня лошадей и повозку и готовиться к путешествию вдоль берега до Антиохии, города на реке Оронт — этот город я хорошо знал и любил, к тому же мне казалось, что там все мы будем в полной безопасности.

Как я и опасался, вскоре в моем доме появился Старейший. Я ждал его, сидя в полутемной комнате на кушетке в позе истинного римлянина. Возле меня горела лампа, а рядом лежала копия какой-то поэмы на латинском языке. Я боялся, что он почувствует близкое присутствие Акаши и Энкила, а потому намеренно мысленно посылал ему лживые видения — как будто я спрятал их в самой большой пирамиде.

Перед глазами все еще вставали картины Древнего Египта, пришедшие ко мне от обожженного демона. Я видел перед собой страну, в которой законы и верования почти не изменялись с давних времен, страну, которая имела рисуночное письмо, пирамиды и мифы об Осирисе и Исиде еще в те далекие века, когда Греция пребывала во тьме, а Рим даже не существовал. Я видел великие разливы Нила, горы по обоим берегам реки, ограждавшие долину. Теперь я воспринимал ту эпоху совсем по-другому и смотрел на все иными глазами. И дело было не только в том, что образы были навеяны мне древним существом, но и в том, что я успел увидеть в Египте и узнать о нем за последнее время, в моем ощущении, что именно здесь лежит начало всех начал, возникшем у меня после множества прочитанных книг задолго до того, как я стал одним из сыновей Матери и Отца, которых намеревался сейчас увезти отсюда.

— Почему ты решил, что мы доверим их тебе? — с порога задал вопрос Старейший.

Одетый в короткую полотняную юбку, он обошел мою маленькую комнату. Блестящая кожа его лысого черепа и округлого лица и глаза навыкате отражали свет лампы.

— Как ты осмелился похитить Мать и Отца?! — продолжал он.— Что ты с ними сделал?!

— Это ты оставил их под палящими лучами солнца,— ответил я.— Это ты пытался их уничтожить. Ты был тем, кто не верил древним легендам. Тебе было поручено заботиться о Матери и Отце, оберегать их, и ты мне солгал. Ты стал виновником смерти множества нам подобных по всему миру, и ты мне солгал.

Он был совершенно ошеломлен. Он считал меня зазнавшимся гордецом и наглецом. Ну и что из этого? Да, он обладал возможностью превратить меня в пепел, точно так же, как пытался сделать это с Матерью и Отцом. Но ведь она пришла ко мне! Именно ко мне!

— Я не знал, что может произойти,— заговорил он, крепко сцепив пальцы. От напряжения на лбу его вздулись вены. Он старался запугать меня и выглядел сейчас как огромный пубиец с голым черепом.— Клянусь тебе всем, что для меня свято, я понятия не имел, что может случиться. Тебе не понять, каково это — год за годом, десятилетие за десятилетием, век за веком охранять их, заботиться о них и знать, что они могут говорить, могут двигаться, но не делают ни того ни другого!

Я не испытывал к нему симпатии. Для меня он был не более чем загадочной фигурой, стоящей посреди комнаты и обрушивающей на меня жалобы на свои немыслимые муки. О каком сострадании могла идти речь?

— Они достались мне по наследству,— продолжал он.— Их просто передали под мою опеку! Что я мог поделать? И я вынужден был терпеть их изнуряющее молчание, их отказ править племенем, которое они сами же и породили! А почему, спрашиваю я тебя, они молчали? Такова была их месть, уверяю тебя, именно месть всем нам! Но за что? Существует ли сейчас хоть кто-нибудь, кто может вспомнить события тысячелетней давности? Нет! Никого не осталось! Кто сейчас может понять и объяснить? Древние боги подставляют себя лучам солнца, идут в огонь, насильственным образом исчезают в забвении или уходят глубоко под землю, чтобы никогда не подняться вновь! Но Мать и Отец продолжают жить вечно и при этом отказываются говорить. Почему они не хотят скрыться в таких глубинах, где никто и никогда не сможет причинить им вред? Почему

они только наблюдают и слушают, но ничего не говорят? Только когда кто-нибудь пытается разлучить Энкила с Акашей, Отец приходит в движение и наносит сокрушительный удар, уничтожая своих врагов словно оживший каменный колосс. Говорю же тебе, когда я оставил их на поверхности песка, они даже не попытались спастись! Они просто стояли и смотрели на реку, а я убежал!

— Ты сделал это, чтобы увидеть, что произойдет дальше? Ты хотел увидеть, заставит ли их хоть это сдвинуться с места?

— Я поступил так, чтобы освободиться от них, чтобы сказать им: «Я не буду больше вас оберегать! Двигайтесь! Говорите!» Я хотел знать, насколько правдива древняя легенда. А если она отражает истину, думал я, то пусть все мы погибнем в пламени.

Он совершенно выдохся и слабым голосом добавил:

— Ты не можешь увезти отсюда Мать и Отца. Неужели ты думаешь, что я позволю тебе сделать это? Тебе, который, возможно, не проживет и века, тебе, сбежавшему от своих обязательств перед обитателями священной рощи! Ты понятия не имеешь, кто такие на самом деле Мать и Отец. То, что поведал тебе я,— сплошная ложь.

— Вот что я скажу тебе,— ответил я.— Теперь ты действительно свободен. Ты знаешь, что мы отнюдь не боги. И в то же время мы и не люди тоже. Мы не поклоняемся и не служим Матери-земле, потому что не пользуемся ее плодами и не возвращаемся должным образом в ее объятия. Мы не принадлежим ей. И теперь я покидаю Египет, не имея перед тобой никаких обязательств, и забираю их с собой, потому что они попросили меня об этом и потому что я не желаю, чтобы все мы погибли.

Мои слова снова ошеломили его. Каким образом они попросили меня о чем-то? Однако он не находил слов от гнева и охватившей его внезапно ненависти. Его буквально переполняли ужасные тайны, суть которых я не в силах был уловить. Я был не меньше его образованным человеком, однако он знал о наших возможностях то, о чем я и не догадывался. В своей смертной жизни я никого не убивал. Я не знал, как можно лишить жизни живое существо, за исключением тех случаев, когда того требует безжалостная и невыносимая жажда крови.

Ему, однако, были прекрасно известны наши сверхъестественные способности. Я увидел, что тело его напряглось, а глаза превратились в узкие щелочки. Я отчетливо ощущал исходящую от него опасность.

Он приблизился ко мне, и не успел я опомниться, как уже оказался поднятым с кушетки и безуспешно пытающимся отражать сыплющиеся на меня удары. Схватив меня за горло, он с такой силой швырнул меня к противоположной стене, что я почувствовал, как от удара хрустнули кости плеча и руки. Я понимал, что ещё немного — и он размозжит о камень мою голову, переломает мне все кости, а потом обольет меня маслом и подожжет. И тогда я навсегда исчезну из его вечной жизни, как будто меня и не было, как будто я не знал его страшную тайну и не пытался в нее проникнуть.

Я боролся так, как мне никогда еще не приходилось бороться. Но моя сломанная рука нестерпимо болела, а его сила в сравнении с моей была примерно такой же, как моя сила в сравнении с твоей. Вместо того чтобы схватить его за вцепившиеся в мое горло руки, что было бы вполне естественно, я воткнул пальцы прямо ему в глаза. Несмотря на то что руки буквально раздирало от боли, я употребил всю имеющуюся у меня в запасе силу, чтобы вдавить ему глаза прямо в череп.

Он взвыл и выпустил меня. Лицо его заливала кровь. Проскочив мимо него, я бросился к двери в сад. Я никак не мог отдышаться, после того как он с такой силой сдавил мое горло, и остановился, прижимая к себе сломанную руку. И тут уголком глаза я увидел нечто такое, что буквально потрясло меня: в саду взметнулся к небу огромный фонтан земли, и воздух вокруг стал непрозрачным и густым, как дым. Сметенный с ног порывом ветра, я потерял равновесие и ударился о дверной косяк. Оглянувшись назад, я заметил, что демон снова приближается ко мне и глаза его по-прежнему горят от ярости, только уже глубоко внутри черепа. Он выкрикивал какие-то египетские проклятия, что-то вроде того, что я уйду в небытие вместе с демонами и что никто не станет меня оплакивать.

Вдруг лицо его застыло и превратилось в маску ужаса. Он резко остановился и выглядел в своем испуге едва ли не смешно.

И тогда я увидел то, что он увидел раньше меня: фигуру Акаши, прошедшую справа от меня. Полотняные бинты с ее голо-

вы и рук были сорваны, и вся она была покрыта слоем песка. Глаза ее по-прежнему оставались неподвижными. Медленными шагами она надвигалась на него, а он словно прирос к месту, не в силах даже убежать, чтобы спастись.

Опустившись на колени, он стал бормотать что-то по-египетски. Сначала в тоне его голоса слышалось удивление, но потом оно сменилось непреодолимым страхом. Она все приближалась к нему, оставляя за собой следы на песке, с каждым медленным скользящим шагом все с большей яростью срывая с себя опоясывавшие тело бинты. Он повернулся, упал на четвереньки и пополз, как будто неведомая сила не позволяла ему вскочить на ноги. Я не сомневался, что эта сила исходила именно от нее. В конце концов он так и застыл, распластавшись по земле, с торчавшими вверх локтями, не способный даже пошевелиться.

Спокойно и очень медленно она сначала наступила на его правое колено, расплющив плоть в лепешку. Кровь из-под ее ступни брызнула во все стороны. Следующий ее шаг пришелся ему в область таза, отчего демон взревел, словно раненый зверь, и кровь потекла уже рекой. Потом она наступила на его плечо, а последний ее шаг раздавил ему голову, которая треснула под ее ступней, как перезревший желудь. Вопли и рев прекратились, но из подрагивающих и подергивающихся останков все еще текла кровь.

Она обернулась ко мне, и я увидел, что выражение ее лица нисколько не изменилось — оно оставалось таким же бесстрастным, словно она даже не заметила, что произошло с этим несчастным, как не замечала и единственного оставшегося свидетеля всего случившегося, который в ужасе прижался к стене. Медленно она продолжала топтать кровавые останки, пока окончательно не превратила их в бесформенное месиво.

Теперь даже представить себе было невозможно, что эти пузырящиеся, переливающиеся и пульсирующие куски чего-то, в которых до сих пор сохранялась жизнь, когда-то имели форму человеческого тела.

При мысли о том, что там действительно может еще теплиться жизнь и что это и есть настоящее бессмертие, я буквально остолбенел.

Наконец она остановилась и повернулась влево — так медленно, что больше походила на поворачивающуюся на цепях

статую. Рука ее поднялась, и в ту же секунду лампа, стоявшая возле кушетки, повисла в воздухе, а потом упала на кровавое месиво. Пламя тут же охватило разлившееся масло.

Огненные языки заплясали по останкам Старейшего, казалось, что кровь заставляет огонь разгораться еще сильнее, выбрасывая вверх черные клубы дыма, однако никакого запаха, кроме запаха горящего масла, я не чувствовал.

Я стоял на коленях, прислонившись головой к косяку двери. Еще немного, и я бы потерял сознание от ужаса. Я видел, как он сгорел и превратился в прах. Я видел, как она стояла, освещенная пламенем, и на лице ее абсолютно ничего не отражалось — ни мыслей, ни желаний, ни ощущения триумфа.

Затаив дыхание, я ждал, когда она обратит свой взгляд на меня. Но этого не случилось. Через некоторое время огонь начал затухать, и я понял, что она вновь лишилась способности двигаться. Она снова вернулась в состояние полного покоя и неподвижности.

В комнате стало совсем темно. Огонь погас. Меня мутило от запаха горелого масла. С остатками бинтов на теле Акаша походила на египетскую статую, стоящую на фоне сияния догорающих углей и блеска позолоты на мебели, отражающей падающий с неба свет звезд. Несмотря на изысканность искусства римских мастеров, убранство комнаты в какой-то степени напоминало убранство царских гробниц.

Я с трудом поднялся на ноги, чувствуя сильнейшую пульсирующую боль в плече. Я ощущал, как бросилась к тому месту кровь, чтобы излечить сломанную руку, но повреждение было весьма существенным. Я не знал, сколько времени мне понадобится, чтобы оправиться окончательно.

Конечно же, я понимал, что процесс излечения потребовал бы гораздо меньше времени, если бы я мог напиться ее крови. Возможно, она излечила бы меня мгновенно. И тогда уже сегодня ночью мы уехали бы из Александрии. Я увез бы ее как можно дальше от Египта.

И вдруг до меня дошло, что эти мысли внушает мне она. Откуда-то издалека, словно не произнесенные, а выраженные на уровне чувств, доносились до меня ее слова.

Я ответил ей точно так же:

— Я много путешествовал по миру и потому могу увезти тебя в наиболее безопасные места.

Возможно, однако, что наш диалог происходил только в моем воображении. Так же как и то всеобъемлющее чувство любви к ней, которое я испытывал. Меня буквально сводила с ума мысль о том, что этот кошмар не кончится никогда, что естественная старость или смерть никогда не успокоит мои страхи и не избавит меня от боли, как я когда-то надеялся.

Однако теперь это уже не имело значения. Гораздо важнее было сознавать, что я сейчас наедине с ней и что в темноте ее можно принять за обыкновенную женщину, стоящую передо мной юную богиню, полную жизни, мыслящую, мечтающую и разговаривающую со мной нежным голосом.

Я подошел к ней ближе, и мне показалось, что она и есть именно такое нежное и мягкое существо, что в глубине своей души я знаю ее и нужно только вспомнить и насладиться этими воспоминаниями. И все же я не мог избавиться от страха. Она с легкостью могла сделать со мной то же, что и со Старейшим. Однако эта мысль тут же показалась мне абсурдной. Нет, она не поступит так со мной. Отныне я стану охранять и оберегать ее, буду о ней заботиться. И она в свою очередь никому не позволит причинить мне даже малейший вред. Мне следует понять это. Я подходил к ней все ближе и ближе, и вот уже мои полуоткрытые губы почти коснулись ее шеи. Все решилось в тот момент, когда я почувствовал прикосновение к своему затылку ее холодной и твердой руки...

13

Я даже не стану пытаться описать тебе тот восторг, который я испытал. Тебе он известен. Ты сам наслаждался им в те минуты, когда пил кровь Магнуса. И когда я отдавал тебе свою кровь в Каире. Ты испытываешь нечто подобное всякий раз, когда убиваешь. А потому ты все поймешь, если я скажу тебе, что тот восторг был в тысячи раз сильнее.

Я ничего не видел и не слышал вокруг себя, не чувствовал ничего, кроме всепоглощающего счастья и полнейшего удовлетворения.

За это время я успел побывать во многих местах, во многих домах древних времен, я слышал голоса и проигрывал битвы. Кто-то рыдал от мучительной боли. Кто-то кричал на языке, ко-

торый одновременно был и знаком мне и незнаком: «Я не понимаю! Я ничего не понимаю!» Передо мной открылась черная бездна, и мне предложили упасть в нее, а потом я падал, и падал, и падал... пока не услышал ее со вздохом произнесенные слова: «Я больше не в силах бороться».

Когда я очнулся, то обнаружил, что лежу на своей кушетке. Акаша застыла в центре комнаты, как всегда спокойная и неподвижная. Стояла глубокая ночь, и за стенами дома спала Александрия.

Я узнал великое множество новых вещей. Я узнал столько, что мне потребовалось бы немало часов и даже ночей, чтобы узнать все это, будь оно рассказано мне обычными словами. Я не имел никакого представления о том, сколько в действительности прошло времени.

Теперь я знал, что тысячу лет тому назад между Теми, Кто Пьет Кровь, происходили великие сражения. Многие из них после своего рождения становились безжалостными и жестокими убийцами. В отличие от истинных почитателей Великой Матери, которые переносили мучительные периоды жажды, чтобы затем напиться жертвенной крови, существовали ангелы смерти, способные напасть на любую жертву в любое время. Их несказанно радовало сознание того, что они являются частью всеобщего хода вещей, в котором жизнь человеческая не имеет никакого значения, в котором жизнь и смерть равны между собой. Именно эти существа определяли меру страданий и несчастий, именно они поощряли злонамеренные убийства.

И у этих богов были преданные почитатели среди людей — смертные рабы, которые приносили им жертвы и тряслись от страха в ожидании того момента, когда сами могут стать жертвами прихоти богов.

Такие боги правили в древнем Вавилоне, в Ассирии, во многих давно забытых городах, в далекой Индии и в еще более отдаленных государствах, названия которых мне даже не вспомнить.

Пока я молча сидел, ошеломленный пронесшимися перед моими глазами видениями, я осознал, что эти боги стали неотъемлемой частью мира Востока, совершенно чуждого моей родине — Риму и его культуре. Они правили в таких государ-

ствах, как Персия, все жители которой были презренными и жалкими рабами своего царя, в то время как сражавшиеся с ними греки были свободными гражданами.

Несмотря на проявления подчас излишней жестокости и суровости законов, жизнь даже самого последнего земледельца представляла для нас великую ценность. Жизнь сама по себе обладала ценностью. А смерть воспринималась лишь как конец жизни, нечто такое, что следует мужественно принять, если гордость и честь не оставляют иного выбора. Смерть в наших глазах не имела никакого величия. Не думаю, что она вообще что-либо значила для нас.

Несмотря на то что в посланных мне Акашей видениях боги эти были показаны во всем их величии и таинственности, мне они показались ужасными. Я знал, что никогда не смогу относиться к ним с уважением, примириться с ними и что исповедуемая ими и их последователями философия не сможет послужить оправданием тому, что я вынужден убивать, не даст мне утешения и не примирит меня с моим положением — с необходимостью оставаться Тем, Кто Пьет Кровь. Смертный или бессмертный, я оставался сыном Запада. И именно культура и идеи Запада были близки мне. А потому я всегда буду испытывать вину за свои поступки.

И тем не менее я сознавал силу и власть этих богов, их несравненную красоту. Они наслаждались тем ощущением свободы, которого я не испытаю никогда. Я понимал, с каким презрением относились они ко всем, кто осуждал их и пытался бросить им вызов. Я видел их с золотыми коронами на головах в пантеонах, разбросанных по разным землям.

Я видел, как они приходили в Египет, чтобы напиться первозданной и могущественной крови Матери и Отца и убедиться в том, что Изначальные не подвергли себя сожжению и таким образом не обрекли на уничтожение всех темных и ужасных богов, которым обязаны были в конце концов подчиниться боги добрые.

Я увидел, как были пленены Мать и Отец, как их заключили в гробницу и в глубоком подземном склепе придавили глыбами диорита и гранита их тела, оставив свободными только головы и шеи. Таким образом нечестивые боги лишили их способности сопротивляться и получили возможность против воли Ма-

тери и Отца кормить их человеческой кровью и в свою очередь пить их Могущественную Кровь. И тогда темные боги из всех уголков мира стали приходить туда, чтобы напиться из древнейшего источника.

Отец и Мать испытывали страшные мучения, они кричали и молили об освобождении. Однако нечестивые боги оставались непреклонными. Страдания Матери и Отца доставляли им не меньшее наслаждение, чем насыщение человеческой кровью. Темные боги привязывали к своим поясам человеческие черепа, их одежды были испачканы кровью. Мать и Отец отказывались принимать жертвы, но от этого становились только еще беспомощнее. Они не принимали того, что единственное могло придать им силы, чтобы сдвинуть камни, и позволить мысленно воздействовать на окружающие предметы.

И тем не менее могущество их возрастало. Год за годом продолжались мучения. Не прекращались и войны между богами, между сектами приверженцев жизни и сектами приверженцев смерти.

В конце концов по прошествии неисчислимого количества лет Отец и Мать погрузились в молчание, и уже не осталось никого, кто бы вспомнил времена, когда они разговаривали, боролись и умоляли о милосердии. Настало время, когда никто не мог вспомнить, кто и зачем заточил в подземном склепе Мать и Отца и почему они не могут быть освобождены. Некоторые даже не верили в то, что Мать и Отец были прародителями всех и их гибель способна причинить кому-либо вред. Они считали это не более чем древней легендой.

А тем временем Египет продолжал существовать, и его религиозные верования, не подвергавшиеся воздействию извне, обратились к наличию у человека сознания и совести, к тому, что после смерти каждого, будь он богатым или бедным, ждет суд, к признанию необходимости быть добродетельным и существования жизни после смерти.

Однажды ночью Мать и Отец наконец освободились, и те, кто охранял их, поняли, что только они сами могли сдвинуть каменные глыбы. За время молчания их сила и могущество неизмеримо возросли. И тем не менее сидящие посреди темного и грязного зала, который долгие века оставался местом их заточения, они больше походили на статуи. Одежды их давно истлели, и теперь обнаженные тела излучали сияние.

Если они соглашались принять предлагаемую им жертву, то двигались при этом чрезвычайно медленно, словно впавшие в зимнюю спячку рептилии. Казалось, время изменило свои параметры, и теперь годы стали для них не более чем ночами, а века длились не дольше, чем годы.

Древняя религия была в Египте сильна как никогда. При этом она не принадлежала ни Востоку, ни Западу. Те, Кто Пьет Кровь, оставались божественными символами, светлым и возвышенным воплощением загробной жизни, насладиться которой может быть позволено даже самому бедному и жалкому египтянину.

В эти поздние времена разрешалось приносить в жертву только преступников и злодеев. Ибо таким образом боги избавляли людей от зла, защищали их и безмолвными голосами произносили слова утешения, помогая слабым, излагая те истины, которые удалось им постичь во время долгих периодов жажды. Они говорили о том, что мир наполнен величайшей красотой и никто в мире не одинок.

Мать и Отец обитали в самом великолепном из всех святилищ, и все боги приходили туда, чтобы с их разрешения обрести хотя бы несколько капель Могущественной Крови.

И вдруг произошло невероятное. Египет был близок к падению. Все, что так долго считалось незыблемым и вечным, должно было вот-вот измениться. На землю Египта пришел Александр, у власти встали Птолемеи, потом появились Цезарь и Антоний — все они были поборниками жестокости и главными действующими лицами величайшей драмы под названием КОНЕЦ ВСЕГО.

И тогда нечестивый и лишенный веры Старейший, озлобленный и разочарованный, оставил Мать и Отца под палящими лучами солнца.

Я поднялся с кушетки и посмотрел на стоящую в центре комнаты Акашу. Свисающие лохмотья испачканных песком бинтов показались мне оскорбительными для ее царственной фигуры. Сердце мое переполнилось древними поэтическими сказаниями. Меня буквально захлестнула любовь к ней.

Я больше не чувствовал никакой боли. Кости мои срослись. Опустившись на колени, я с благоговением поцеловал пальцы ее правой руки. Подняв взгляд, я увидел, что она смотрит прямо

на меня, слегка склонив голову, и заметил промелькнувшее на ее лице странное выражение, в котором было столько же страдания, сколько во мне любви к ней. Потом голова ее медленно, очень медленно вернулась в прежнее положение, глаза снова устремили свой взгляд вперед, и в ту же минуту я понял, что мне довелось увидеть и узнать то, чего не дано было увидеть и узнать Старейшему.

К тому моменту, когда я закончил оборачивать ее тело бинтами, я пребывал в экстазе. Более, чем когда-либо, я чувствовал себя обязанным позаботиться о ней и Энкиле, перед моими глазами стояли ужасные картины гибели Старейшего, а кровь, которую она дала мне, не только придавала сил, но и многократно увеличила мое возбуждение.

Пока я готовился к отъезду из Александрии, меня преследовали мысли о том, что мне в конце концов удастся пробудить к жизни Акашу и Энкила, что по прошествии лет к ним вернутся украденные жизненные силы и тогда мы познаем друг друга так близко и в таких удивительных формах, что сны, посланные мне вместе с кровью Акаши, поблекнут.

Рабы мои давно вернулись домой вместе с лошадьми и повозками для нашего путешествия. Они привезли также два каменных саркофага, замки и цепи — все, что я велел им приготовить. И теперь они ожидали снаружи моих дальнейших указаний. Каменные саркофаги я поставил рядом в одну из повозок, потом уложил в них саркофаги поменьше, в которых находились Мать и Отец, обвязал цепями, запер на замки и накрыл большими тяжелыми одеялами. Наконец мы тронулись в путь и, прежде чем повернуть к городским воротам, сначала направились к тайной двери, ведущей в подземный храм.

Строго-настрого приказав рабам поднять тревогу, если кто-то вдруг приблизится к повозкам, я взял кожаный мешок и спустился в храм. Дойдя до библиотеки Старейшего, я собрал все имевшиеся там свитки папирусов и все до единого письменные источники, какие только смог найти, и сложил их в мешок. Жаль, что у меня не было возможности прихватить с собой еще и надписи со стен.

Я чувствовал, что в соседних комнатах кто-то есть, однако все остальные обитатели храма были так напуганы, что не осмелились показаться. Им, несомненно, было известно, что я

похитил Мать и Отца. Вполне возможно, знали они и о гибели Старейшего.

Мне, однако, не было до них дела. Я покидал Египет, унося с собой источник могущества всех нас. Я был молод, глуп и горяч.

Добравшись наконец до Антиохии-на-Оронте — большого и прекрасного города, соперничавшего с Римом по численности населения и богатству, я прочел древние папирусы, и они рассказали мне обо всем, что позволила мне мысленно увидеть Акаша.

Акаша и Энкил обрели первый из множества храмов, которые я построил для них по всей Азии и Европе. Они не сомневались, что я стану заботиться о них всегда, а я был уверен в том, что они никому не позволят причинить мне зло.

Когда много веков спустя свора Детей Тьмы набросилась на меня в Венеции и сожгла, я был слишком далеко от Акаши. Если бы не это, она непременно пришла бы ко мне на помощь. Пока я добирался до святилища, я успел в полной мере испытать те муки, которые выпали на долю сожженным богам, а затем я пил ее кровь, пока не излечился окончательно.

Должен сказать, что к концу первого века заботы о Матери и Отце я уже не надеялся, что они когда-нибудь «возвратятся к жизни», и в отчаянии сознавал, что все останется по-прежнему навсегда. Так же как и сейчас, их неподвижность и молчание были практически непрерывными. Изменилась с годами только их кожа — от солнечных ожогов не осталось и следа, и она вновь стала алебастрово-белой.

Однако еще до того, как понять и осознать все это, я увлекся наблюдениями за происходящими вокруг меня событиями, за сменой времен. Я безумно влюбился в красивую греческую куртизанку с прекрасными каштановыми волосами и такими изящными руками, каких мне не приходилось видеть ни у одной смертной женщины. Ее звали Пандора. О том, кто я на самом деле, она догадалась с первого взгляда, в первый же миг нашего знакомства, и потом долго поджидала подходящего случая, поддразнивая и очаровывая меня, пока наконец я не почувствовал, что готов, и не согласился совершить над ней магический Обряд. После этого ей было позволено напиться крови Акаши, и она превратилась в одно из самых сильных и могущественных сверхъестественных существ, с которыми мне

приходилось иметь дело. Двести лет я жил рядом с Пандорой, сражался с ней и любил ее. Но это уже другая повесть.

Я могу рассказать тебе миллион самых разных историй, произошедших за долгие века моей жизни, о своих путешествиях из Антиохии в Константинополь, снова в Александрию, в Индию, о возвращении в Италию, о переезде из Венеции в холодную и гористую Шотландию, а потом на этот остров в Эгейском море, на котором мы сейчас находимся.

Я мог бы рассказать тебе о едва заметных переменах, происходивших с Акашей и Энкилом, об их удивительных поступках и о тайнах, так и оставшихся нераскрытыми.

Возможно, однажды ночью, когда ты в отдаленном будущем вернешься ко мне, мы поговорим о других бессмертных, о тех, кого так же, как и меня, создали последние оставшиеся в живых боги в разных концах земли. Некоторые из них были почитателями Великой Матери, другие — ужасными богами Востока.

Я мог бы рассказать тебе, как Маэл, мой несчастный друид-жрец, однажды сам напился крови раненого бога и в одночасье утратил веру в древние религиозные устои, превратившись в едва ли не самого опасного и нечестивого бессмертного из всех нас. О том, как распространились по земле легенды о Тех, Кого Следует Оберегать. И о тех временах, когда другие бессмертные из гордости и тщеславия или из желания уничтожить богов и покончить со всеми нами раз и навсегда пытались отобрать их у меня.

Я расскажу тебе о своем одиночестве, о тех, кого я создал, и о том, какой их ждал конец. О том, как я скрывался под землей вместе с Теми, Кого Следует Оберегать, а после возрождался благодаря их крови, чтобы прожить несколько человеческих жизней и вновь уйти под землю. Я расскажу тебе о других поистине вечных, которых время от времени мне приходилось встречать. О том, как я в последний раз встретил в Дрездене Пандору в компании жестокого и могущественного вампира из Индии, о том, как мы поссорились с ней и расстались навсегда, а после я слишком поздно обнаружил ее письмо, в котором она умоляла меня встретиться с нею в Москве,— маленький клочок бумаги, исписанный ее почерком и завалявшийся на дне дорожного сундука. Я знаю слишком много и могу рассказать тебе великое множество разных историй — и поучительных, и не очень...

Однако о самом главном ты теперь знаешь — о том, как я стал хранителем Тех, Кого Следует Оберегать, и кто же мы такие на самом деле.

Прежде всего ты должен уяснить себе следующее. После падения Римской империи приверженцы христианской религии объявили всех древних языческих богов демонами. По прошествии веков бесполезно даже пытаться объяснить им, что их Христос не кто иной, как тот же бог лесов и рощ, умирающий и воскресающий, как это делали до него Дионис или Осирис. И что Богоматерь — это та же самая Великая Мать, которой поклонялись испокон веков. Настала новая эра, а с нею пришли новые убеждения и верования. Нас стали воспринимать как дьяволов, никак не связанных с тем, во что теперь верили люди. Древние знания были преданы забвению либо понимались совсем по-иному.

Однако рано или поздно это должно было произойти. Человеческие жертвоприношения приводили в ужас еще древних греков и римлян. Ведь я сам считал ужасным, что во имя божества рощи кельты сожгли вместе с плетеным колоссом великое множество преступников, о чем я уже рассказывал тебе. Точно так же воспринимали все и христиане. И разве могли они считать нас, богов, питающихся человеческой кровью, «добрыми»?

Окончательное извращение представлений о нас произошло тогда, когда Дети Тьмы вообразили себя служителями христианского дьявола. Подобно богам Востока, они попытались провозгласить ценность зла, поверили в то, что именно оно лежит в основе всего, и возжелали предоставить ему законное, по их мнению, место в этом мире.

Однако поверь мне: в западном мире зло никогда не имело своего законного места. И никогда на Западе не примирялись со смертью.

Несмотря на жестокость событий прошедших после падения Рима веков, несмотря на ужасные кровопролитные войны, преследования и гонения, несмотря на все несправедливости, творившиеся в мире, ценность человеческой жизни неуклонно возрастала.

Даже когда Церковь возводила памятники Христу и разного рода мученикам, распространяла повсюду их изображения, она утверждала, что смерть свою, которой столь хорошо поль-

зовались верующие, святые приняли от рук врагов, но никогда не допускала даже мысли, что причиной этих смертей становились служившие тому же Богу священники.

Именно вера в ценность человеческой жизни стала в те времена причиной запрещения по всей Европе использования камер пыток, колов и многих других ужасных средств наказания и казни. Именно ценность человеческой жизни в наши дни заставила народы Америки и Франции отказаться от монархии и установить в государствах республиканский строй.

И вот теперь мы вновь оказались на самом пике атеистической эпохи, времени, когда христианство теряет свои позиции, так же как некогда утратило их язычество, и наступает иное время, в котором новый для человечества гуманизм все громче заявляет о своих правах, обретает все больше сторонников и влияния на умы людей.

Конечно же, мы не можем знать, что произойдет, когда окончательно отомрут старые религиозные устои. Христианство возникло из праха язычества только затем, чтобы придать древнейшим верованиям новые формы. Возможно, вскоре появится новая религия. Возможно, если этого не случится, человек погрязнет в цинизме и тщеславии, ибо в действительности он всегда нуждается в своих божествах.

А быть может, произойдет нечто гораздо более удивительное: мир будет идти вперед, не обращая внимания ни на каких богов и богинь, не нуждаясь ни в дьяволах, ни в ангелах. И в этом мире, Лестат, для нас окажется места меньше, чем когда-либо прежде.

Все то, о чем я тебе рассказал, в конечном счете так же бесполезно, как бесполезны все древние знания — как для людей, так и для нас. Поэзия и образы древности могут быть очень красивыми, могут заставить нас вздрагивать в моменты узнавания того, о существовании чего мы только догадывались и что ощущали в своем воображении. Они способны увести нас назад, в те времена, когда человек только познавал землю и не переставал удивляться всему, что вокруг него происходит. Однако, хотим мы того или нет, мы вынуждены всегда возвращаться в то время, в котором находимся сейчас.

А в этом мире вампир всегда воспринимается как темное и нечестивое божество, все мы — Дети Тьмы. И никем другим

вампир быть не может. Если ему и удается распространить свою власть на людские умы, то только потому, что душа человеческая служит тайным кладезем первобытных воспоминаний и неосознанных желаний. Разум каждого человека — это тот самый Сад Зла, о котором ты говорил и в котором все существа то поднимаются, то падают снова, в котором поются гимны множеству воображаемых вещей, а после те же самые вещи подвергаются проклятию и перестают быть предметами поклонения.

И тем не менее, познакомившись с нами, люди проникаются к нам любовью. Они любят нас даже сейчас. В Париже зрители приходят в восторг от того, что видят на сцене Театра вампиров. А те, кому приходится встречать в бальных залах дворцов тебя и тебе подобных — бледных и смертоносных лордов в бархатных плащах,— по-своему преклоняются перед вами и лежат у ваших ног.

Их приводит в трепет сама возможность бессмертия, возможность того, что величественное и прекрасное существо способно быть воплощением зла, что ему доступны любые знания и любые чувства, и тем не менее существо это предпочитает удовлетворять свои самые низменные аппетиты. Возможно, люди с удовольствием сами стали бы такими преисполненными зла существами. Им все кажется таким простым! И эта простота — именно то, чего они хотят.

Однако стоит им только обрести Темный Дар, и из великого множества тех, кто им владеет, в лучшем случае найдется один, кто не почувствует себя столь же несчастным, как ты.

Мне нечего сказать тебе такого, что не подтвердило бы худшие твои опасения. Я прожил восемнадцать столетий и с уверенностью могу утверждать, что мир не нуждается в нас. Я никогда и ни в чем не добился настоящего успеха. Нам нет места в этом мире.

14

Мариус замолчал. Впервые за все время нашего разговора он отвернулся от меня и посмотрел на темнеющее за окнами небо, словно прислушиваясь к недоступным моему восприятию голосам ночного острова.

— Я должен сказать тебе еще нечто очень важное,— заговорил он снова,— хотя в данном случае речь идет о совершенно практических...— Он вновь замолк, словно что-то отвлекло его внимание.— И ты должен пообещать мне кое-что...

Он снова прислушался к чему-то и погрузился в молчание. В эти мгновения лицо его стало почти таким же, как у Акаши и Энкила.

Мне хотелось задать ему тысячи вопросов. Но куда важнее для меня было вновь услышать некоторые из его высказываний, как будто, для того чтобы окончательно осознать их, мне требовалось многократно произнести слова вслух.

Сложив руки домиком, я откинулся в кресле и прислонился к прохладной обивке высокой спинки, глядя прямо перед собой. Перед моим мысленным взором проносились картины услышанного, я думал о том, насколько справедливы суждения Мариуса о добре и зле, и о том, какой ужас и разочарование испытал бы я, попытайся он убедить меня в истинности и правоте философии древних богов Востока, утверждающей, что мы можем гордиться тем, что совершаем.

Я тоже был дитя Запада и всегда сражался с истинно западной неспособностью смириться со злом или смертью.

Однако за всеми этими рассуждениями стояла страшная правда о том, что Мариус мог отправить в небытие всех нас до единого, если бы ему пришлось сжечь Акашу и Энкила и таким образом избавиться от дряхлой и бесполезной оболочки древнего зла. Или мне это только казалось?

А ужас, заключенный в Акаше и Энкиле?.. Мне нечего было сказать о них, кроме того, что я и сам в какой-то мере начинал испытывать то же самое ощущение, которое когда-то испытывал он. Мне казалось, что я могу возродить их к жизни и заставить двигаться. Точнее говоря, глядя на них, я чувствовал, что кто-то может и должен сделать это. Кто-то способен прервать их сон с открытыми глазами.

Но кем они станут, если снова начнут двигаться и говорить? Древними египетскими монстрами? Что будут они делать?

Внезапно мне показались одинаково заманчивыми и соблазнительными две возможности: возродить их либо уничтожить. Обе возможности искушали разум. Я хотел проникнуть в их мысли и поговорить с ними и в то же время не в силах был

устоять перед безумной идеей их уничтожения. Перед желанием погибнуть вместе с ними в ярком пламени, которое поглотит и унесет в небытие всех нас — проклятых и обреченных.

— Неужели ты никогда не испытывал искушения сделать это? — с болью в голосе спросил я, подумав вдруг о том, слышат ли мои слова обитатели подземного святилища.

Он встрепенулся и перестал прислушиваться, а потом повернулся ко мне и отрицательно покачал головой.

— Нет.

— Даже несмотря на то, что тебе лучше, чем кому-либо другому, известно, что нам нет места на земле?

— Нет.— Он снова покачал головой.— Я бессмертен. Я действительно бессмертен. По правде говоря, я даже не знаю, что в настоящее время способно меня уничтожить. Думаю, ничто. Однако дело не в этом. Я хочу продолжать свое существование. Я даже думать об этом не желаю. Сам для себя я превратился в источник вечного знания, в тот разум, о котором в своей смертной жизни мечтал долгие годы, и сейчас я, как всегда, испытываю чувство величайшей любви к тому прогрессу, которого удалось достичь человечеству. И я хочу знать, что произойдет теперь, когда мир вновь поставил под сомнение своих богов. А потому в настоящее время нет такой причины, которая заставила бы меня закрыть глаза.

Я понимающе кивнул.

— Однако я не испытываю таких страданий, какие выпали на долю тебе,— продолжал он.— Когда я был обращен в священной роще на севере Франции, я не был молод. С тех пор я страдал от одиночества, испытывал ужасные мучения и находился на грани безумия, но я никогда не был бессмертным и при этом юным. Я много раз совершал то, что тебе только предстоит совершить,— то, что вскоре заставит тебя покинуть меня.

— Покинуть тебя?! Но я не хочу...

— Тебе придется уйти, Лестат. И, как я уже сказал, очень скоро. Ты еще не готов к тому, чтобы остаться здесь, со мной. Это одна из наиболее важных вещей, о которых я еще не говорил с тобой. И ты должен выслушать меня так же внимательно, как и прежде.

— Мариус! Я даже представить себе не могу, что должен вскоре уехать! Я не...

Меня вдруг охватил гнев. Неужели он привез меня сюда только затем, чтобы вновь заставить уйти? Я вспомнил предостережения Армана. Мы можем найти общий язык только с теми, кто старше нас, но не с созданными нами. И я нашел Мариуса. Однако все это были не более чем слова. Они даже приблизительно не способны были выразить то, что я чувствовал: внезапное отчаяние и страх перед разлукой.

— Послушай меня,— мягко продолжал он.— Прежде чем меня захватили в плен галлы, я успел прожить достаточно долгую жизнь. А после того как похитил из Египта Тех, Кого Следует Оберегать, я снова долго жил в Антиохии как богатый римский ученый. У меня были дом и рабы, была любовь Пандоры. Мы прожили целую жизнь в Антиохии и были свидетелями всех происходящих событий. И то, что у меня в прошлом остались эти жизни, дало мне силы и позволило прожить множество веков. Как тебе известно, у меня хватило сил, чтобы стать частью реальной жизни в Венеции, а теперь мне хватает их, чтобы править на этих островах так, как я это делаю. У тебя же, как и у многих из тех, кто слишком рано идет в огонь или подставляет себя палящим лучам солнца, опыт реальной жизни отсутствует вовсе.

В юности тебе довелось прожить в реальной жизни не более шести месяцев, которые ты провел в Париже. А в качестве вампира ты постоянно путешествуешь — ты одинок и, передвигаясь с места на место, вторгаешься в чужие дома и чужие жизни.

Если ты хочешь выжить, тебе необходимо прожить полностью хотя бы одну реальную жизнь и сделать это как можно скорее. В противном случае ты можешь потерять все, впасть в отчаяние и навсегда скрыться под землей, чтобы уже никогда не подняться, или и того хуже...

— Да, я понимаю. И хочу этого. Но когда там, в Париже, мне предложили остаться в Театре вампиров, я не смог.

— Это было не слишком подходящее для тебя место. К тому же Театр вампиров — это общество. И он не больше похож на реальный мир, чем мое уединенное убежище на острове. Кроме того, слишком много ужасных воспоминаний связано у тебя с этим театром.

Однако в диком и необузданном Новом Свете, куда ты направляешься, в этом поистине варварском маленьком городке

под названием Новый Орлеан ты сможешь успешно начать новую для тебя реальную жизнь. У тебя появится возможность жить в собственном доме, подобно простому смертному,— так, как ты много раз пытался жить во время своих странствий с Габриэль. Там тебя не станут беспокоить члены старых обществ, там не будет вампиров-отшельников, способных убить тебя только из страха. А когда ты будешь создавать новых вампиров — а ты непременно сделаешь это, чтобы попытаться избавиться от одиночества,— постарайся сделать и сохранить их как можно более человечными. Старайся всегда держать их возле себя, но как членов своей семьи, а не как членов общества. И постарайся понять то время, в котором тебе придется прожить несколько десятилетий. Сделай так, чтобы этому времени соответствовал стиль одежды, которую ты станешь носить, стиль убранства дома, где ты будешь проводить часы своего досуга. Постарайся понять особенности тех мест, где тебе придется охотиться. Ты должен осознать, что такое течение времени.

— Да, и в полной мере испытать боль при виде того, как все умирает и гибнет...

Это было все то, против чего предостерегал меня Арман.

— Конечно. Ты создан, чтобы победить время, а не для того, чтобы от него убегать. Ты будешь страдать от необходимости держать в тайне секрет своей чудовищной сущности и от необходимости убивать. Возможно, ради успокоения совести ты даже попытаешься выбирать в жертву только преступников и злодеев и преуспеешь в этом... или потерпишь поражение. Но если хочешь сохранить свою тайну, ты должен быть как можно ближе к реальной жизни. Однажды ты совершенно справедливо заявил членам древнего парижского общества, что ты создан именно для такой жизни. Ты действительно чрезвычайно похож на обыкновенного человека.

— Я хочу этого. Я искренне этого хочу...

— В таком случае последуй моему совету. Ты должен понять еще одно. По сути своей вечность есть не что иное, как способность проживать одну человеческую жизнь за другой. Безусловно, бывают долгие периоды отхода от жизни, периоды сна или просто стороннего наблюдения. Но снова и снова мы бросаемся в поток и плывем, пока у нас есть силы, до тех пор пока нас не губит время или какая-либо трагедия,— точно так же, как случается это со всеми смертными.

— И сам ты тоже будешь жить, уходить в сторону и вновь бросаться в жизненный поток?

— Да, несомненно. Когда наступит подходящий момент. Когда мир вновь станет для меня настолько интересным, что я не смогу удержаться от этого. Тогда я вновь пойду по улицам городов. Я придумаю себе имя и найду для себя занятие.

— Тогда пойдем вместе, сейчас!

Я произнес эти слова и подумал о том, что они звучат болезненным эхом обращенной ко мне мольбы Армана. Или тщетных уговоров Габриэль десять лет спустя.

— Твое приглашение звучит для меня гораздо более соблазнительно, чем ты можешь себе представить,— ответил он.— Однако если я пойду с тобой, то причиню тебе огромный вред. Потому что я буду всегда стоять между тобой и остальным миром. И изменить что-либо не в моих силах.

Я покачал головой и отвернулся. Меня переполняли печаль и горечь.

— Скажи мне, хочешь ли ты продолжить свое существование? Или ты хочешь, чтобы сбылись предсказания Габриэль?

— Я хочу продолжить.

— В таком случае ты должен уехать. Лет через сто, а быть может меньше, мы встретимся вновь. Меня уже не будет на этом острове. Я должен буду перевезти Тех, Кого Следует Оберегать, куда-нибудь в другое место. Но где бы я ни был и где бы ни был ты, я найду тебя. И тогда я буду тем, кто не захочет с тобой расставаться. Тогда уже я буду умолять тебя остаться со мной. Я полюблю твое общество и беседы с тобой, мне будет приятно просто смотреть на тебя, я стану восхищаться твоими выносливостью и жизненной силой, безрассудностью и отсутствием веры — словом, я буду любить все то, что так сильно люблю в тебе уже сейчас.

Я больше не в силах был слушать его, мне казалось, что я сейчас потеряю сознание. Я готов был умолять его, чтобы он позволил мне остаться.

— Неужели сейчас это совершенно невозможно? — спросил я.— Мариус, пожалуйста, подари мне только одну человеческую жизнь! Неужели ты не можешь это сделать?

— Нет,— покачал головой он.— Я могу до бесконечности рассказывать тебе разного рода истории, но они никогда не

заменят опыт реальной жизни. Поверь мне, я уже пытался избавить других от необходимости прожить реальную жизнь, однако ничего хорошего из этого не вышло. Я не в силах научить тому, чему учит жизнь. Я не должен был в столь раннем возрасте брать к себе Армана, и века, проведенные им в безумии и страданиях, до сих пор служат мне укором. Заставив его выйти и жить в современном Париже, ты сделал ему величайшее одолжение, но я боюсь, что для него это уже слишком поздно. Поверь мне, Лестат, это непременно должно случиться. Ты просто обязан прожить этот период человеческой жизни, ибо те, кто лишается его, чувствуют себя неудовлетворенными до тех пор, пока все-таки не получают возможность его прожить. Либо они погибают.

— А как же Габриэль?

— Габриэль успела прожить жизнь и даже почти умереть. У нее хватит сил, чтобы снова вернуться в этот мир тогда, когда она посчитает нужным сделать это. Либо она всегда будет ходить по его краю.

— Ты думаешь, она когда-нибудь вернется?

— Не знаю,— промолвил он.— Я недостаточно хорошо понимаю Габриэль. Однако у меня уже есть некоторый опыт — она слишком похожа на Пандору. А Пандору я никогда не мог понять до конца. Суть в том, что большинство женщин, будь они смертными или бессмертными,— существа слабые. Но уж если они наделены силой, то становятся совершенно непредсказуемыми.

Я покачал головой и на минуту прикрыл глаза. Я не хотел думать о Габриэль. Что бы мы здесь ни говорили, Габриэль больше нет.

К тому же я никак не мог смириться с мыслью о том, что должен уехать. Я был здесь как в раю. Однако я не стал продолжать спор. Я знал, что его решение окончательно, но был уверен, что Мариус не будет принуждать меня к отъезду силой. Он подождет, пока я начну всерьез беспокоиться о своем отце и в конце концов явлюсь сам, чтобы сообщить о своем отъезде. Значит, впереди у меня есть еще несколько ночей.

— Да, именно так,— подтвердил он мягко.— К тому же мне необходимо рассказать тебе еще кое-что.

Я открыл глаза и увидел, что он смотрит на меня с выражением терпения и симпатии на лице. Меня вдруг охватило бо-

лезненное чувство любви к нему, такой же сильной, какую я испытывал только по отношению к Габриэль. К глазам подступили слезы, и мне стоило больших усилий сдержать их.

— Ты многое узнал от Армана,— произнес он твердым голосом, словно пытаясь помочь мне в моей внутренней борьбе с самим собой.— Еще большему ты научился самостоятельно. И тем не менее есть нечто такое, чему могу научить тебя я.

— Я слушаю.

— Прежде всего я должен сказать,— продолжал он,— что ты обладаешь поистине выдающимися способностями. Однако в ближайшие пятьдесят лет тебе едва ли удастся создать кого-либо равного по силе тебе или Габриэль. Твое второе создание не обладало и половиной возможностей Габриэль, а последующие будут еще слабее. Та кровь, которую ты получил от меня, окажет на тебя влияние. Если ты... если ты получишь кровь Акаши и Энкила,— а решать предстоит тебе,— их кровь тоже изменит тебя. Но это не повлияет на твою способность создавать себе подобных, каждое новое твое создание будет слабым. Однако нельзя однозначно утверждать, что это плохо. В законах старых обществ, гласивших, что могущество и сила должны приходить с возрастом, была своя мудрость. Кроме того, существует и другая древняя истина: никто не знает, почему в одних случаях мы создаем титанов, а в других — слабоумных идиотов.

Так или иначе, случится то, что должно случиться, но тебе следует тщательно отбирать своих будущих спутников. Отдавай предпочтение тем, на кого тебе приятно смотреть, чей голос тебе нравится слушать, тем, кто обладает душевными глубинами, которые тебе хотелось бы познать. Словом, ты должен любить тех, кого выбираешь. В противном случае ты не сможешь долго находиться в их обществе.

— Понимаю,— ответил я.— Следует создавать их с любовью.

— Именно так, создавай их в любви. А главное, будь уверен в том, что до момента своего перерождения они успели прожить достаточно долго. Никогда, слышишь, никогда не имей дело с такими юными существами, как Арман. Это самое страшное преступление, какое я совершал против себе подобных,— проведение Обряда над совсем еще мальчиком, Арманом.

— Но разве мог ты предвидеть, что Дети Тьмы придут именно тогда и разлучат тебя с ним?!

— Нет, конечно. И все же мне следовало подождать. Только одиночество заставило меня втянуть Армана во все это. И еще, пожалуй, его полная беспомощность, сознание того, что его жизнь зависит от меня во всем. Помни, ты должен остерегаться этой власти и власти над теми, кто умирает. Все мы в душе очень одиноки, и стремление к власти может оказаться не менее сильным, чем приступы жажды. Если бы не было Энкила, могло бы не быть Акаши, а если бы не было Акаши, не было бы и Энкила.

— Наверное. Из твоего рассказа я могу сделать вывод, что Энкил страстно любит и удерживает при себе Акашу. Что именно Акаша время от времени...

— Ты прав.— Лицо его стало вдруг очень серьезным, и в глазах загорелся огонек таинственности, точно он опасался, что кто-нибудь может подслушать наш разговор. Он еще немного помолчал, словно подыскивая слова.— Кто знает, что бы могла сделать Акаша, если бы Энкил не сдерживал ее? — шепотом заговорил он.— И почему я не хочу, чтобы он услышал меня или прочел мои мысли? Почему я говорю с тобой шепотом? Да потому, что он может уничтожить меня в любой момент. Возможно, только Акаша не позволяет ему это сделать. Но если он покончит со мной, что станет тогда с ними?!

— Почему они допустили, чтобы их оставили под лучами солнца? — спросил я.

— Откуда нам знать? Может, они знали, что солнце не причинит им большого вреда. Оно могло спалить тех, кто сделал это с ними. А быть может, пребывая в состоянии полусна, они плохо понимали, что происходит вокруг. А времени на то, чтобы проснуться, собраться с силами и защитить себя, у них просто не было. Я допускаю, что именно солнце заставило их в конце концов двигаться,— я имею в виду те передвижения Акаши, свидетелем которых был сам. А теперь они снова спят с открытыми глазами. И снова видят сны. И больше не пьют кровь.

— А что ты имел в виду... когда говорил о том, что мне предстоит решить... пить или не пить их кровь? — промолвил я.— Разве я смогу отказаться?

— Над этим нам еще предстоит подумать,— ответил он.— К тому же всегда существует вероятность, что они не позволят тебе пить их кровь.

Представив себе, как мне наносит удар одна из этих рук, как она отшвыривает меня через всю комнату, пробивает мною каменный пол, я невольно вздрогнул.

— Она назвала тебе свое имя, Лестат,— сказал он.— Мне кажется, она позволит тебе напиться ее крови. Однако, если ты примешь ее, ты станешь еще более стойким и выносливым, чем сейчас. Даже несколько капель ее крови способны многократно увеличить твои силы, но она позволит тебе взять гораздо больше, испить полную чашу, и тогда едва ли найдется в мире сила, способная тебя уничтожить. А потому ты должен быть уверен, что хочешь именно этого.

— Но почему бы мне этого не хотеть?

— Хочешь ли ты оказаться сожженным дотла и при этом продолжать мучительное существование? Хочешь ли быть пронзенным ножами или изрешеченным пулями и продолжать жить? Походить на дырявую скорлупу, не способную даже позаботиться о себе! Поверь мне, Лестат, это может оказаться поистине ужасным. Тебя могут до неузнаваемости спалить лучи солнца, но тем не менее ты выживешь и, подобно тем древним богам в Египте, будешь испытывать только одно желание — умереть.

— Но разве я не смогу излечиться?

— Совсем не обязательно. Для этого необходимо, чтобы ты мог напиться ее крови после того, как тебе будет причинен вред. Нас излечивает время в сочетании с кровью человеческих жертв и кровью древних вампиров. Подумай об этом, пока у тебя еще есть время.

— А как бы поступил ты на моем месте?

— Конечно же, я насытился бы кровью Тех, Кого Следует Оберегать, чтобы стать сильнее, чтобы приблизиться к истинному бессмертию. Я стал бы на коленях молить Акашу, чтобы она позволила мне сделать это, а потом бросился бы в ее объятия. Но мне легко говорить об этом. Акаша ни разу не ударила меня, она никогда не запрещала мне пить ее кровь, и к тому же я уверен в том, что хочу жить вечно. Я готов снова вынести огонь. Готов вынести жар солнечных лучей. Ради того чтобы продолжать свое существование, я перенесу любые муки и любые пытки. Вполне возможно, что ты не убежден в своем желании жить вечно.

— Но я действительно этого хочу! — воскликнул я.— Я могу, конечно, сделать вид, что обдумываю твои слова, притвориться мудрым и рассудительным, взвешивающим все «за» и «против», однако не вижу в этом никакого смысла. Зачем мне тебя обманывать? Тебе и без того известен мой ответ.

Он улыбнулся.

— В таком случае, прежде чем ты уедешь отсюда, мы снова спустимся в святилище и смиренно попросим у нее разрешения. И тогда мы узнаем ответ.

— А сейчас могу я задать тебе еще несколько вопросов? — спросил я.

Он жестом предложил мне начинать.

— Я видел призраков,— сказал я,— видел несносных демонов, о которых ты говорил. Я видел одержимых ими смертных и те дома, в которых они обитали.

— Мне известно о них не больше, чем тебе. Множество призраков кажутся всего лишь видениями, не подозревающими о том, что за ними наблюдают. Мне ни разу не приходилось заговаривать с призраком, и ни один из них не обращался ко мне. А что касается несносности и озлобленности, то мне, пожалуй, нечего добавить к тому объяснению, которое дал еще в глубокой древности Энкил: они беснуются потому, что лишены тел. Однако существуют другие бессмертные, представляющие гораздо больший интерес.

— Кто они?

— В Европе есть по меньшей мере двое таких, которые не пьют и никогда не пили кровь. Они могут ходить по земле как при дневном свете, так и ночью, обладают телами и очень сильны. Внешне они ничем не отличаются от людей. Был еще один в Египте, известный при царском дворе под именем Рамзеса Проклятого, хотя, насколько я могу судить, его едва ли можно было считать проклятым. После его исчезновения имя его было убрано со всех царских памятников. Тебе известно, что египтяне, желая кому-либо смерти, обрекали его имя на забвение. Я не знаю, что произошло с ним. В свитках папирусов об этом ничего не говорится.

— Мне рассказывал о нем Арман. Он говорил, что в древних легендах утверждается, будто Рамзес был одним из старых вампиров.

— Нет, это не так. Я не верил тому, что читал о нем, пока своими глазами не увидел существ, отличных от нас. Однако поговорить с ними мне не удалось. Едва завидев меня, они в ужасе убегали. Я боюсь их, потому что они могут находиться под лучами солнца. Они очень сильны и лишены крови, и кто знает, на что они способны. Но можно прожить много веков и ни разу не встретиться с ними.

— Но сколько же им лет? Как давно произошло их обращение?

— Они очень старые, возможно, такие же древние, как и я. Точно не знаю. Они живут как богатые и могущественные люди. Вполне вероятно, их много и они способны каким-то образом размножаться. Пандора утверждала, что среди них даже была одна женщина. Однако во всем остальном мы с Пандорой полностью разошлись во мнениях. Она считала, что они такие же, как и мы, но они настолько древние, что, подобно Матери и Отцу, давно уже перестали пить кровь. Я же уверен, что они никогда не были тем, чем являемся мы. Они нечто совсем другое и лишены крови. Они не отражают свет, как делаем это мы, а, напротив, поглощают его. От смертных они отличаются лишь более темным оттенком кожи. Они очень мощные и крепкие. Возможно, тебе никогда не придется встретиться с ними, однако я рассказываю тебе все это, чтобы предупредить об их существовании. Ты не должен позволить им узнать местонахождение твоего убежища, ибо они могут быть опаснее смертных.

— Но разве смертные представляют для нас реальную опасность? — удивился я.— Мне всегда удавалось с легкостью их обманывать.

— Они, конечно же, очень опасны. Если люди поймут, кто мы такие, они смогут с легкостью уничтожить нас, стереть с лица земли. У них есть возможность охотиться на нас днем. Это преимущество нельзя недооценивать. Снова должен сказать тебе, что в законах и правилах древних обществ была своя мудрость. Они запрещают рассказывать о нас смертным. Никогда не следует открывать смертным, где находятся тайные убежища вампиров. Глупо даже думать, что поведение смертных можно держать под контролем.

Я кивнул, хотя мне было очень трудно осознать необходимость опасаться смертных. Я никогда не боялся их.

— Даже в Театре вампиров,— продолжал он,— не рассказывают ни грамма правды о нас. В сюжетах спектаклей используются народные легенды и всякого рода выдумки, чтобы вводить зрителей в заблуждение.

Я понимал, что это действительно так. Даже в письмах ко мне Элени всегда выражалась завуалированно и никогда не упоминала имен.

Эта секретность и необходимость хранить тайну всегда действовали на меня угнетающе.

Я усиленно напрягал память, стараясь вспомнить, приходилось ли мне встречаться с бескровными существами... Вполне возможно, я по ошибке принимал их за вампиров-отшельников.

— Я должен рассказать тебе кое-что еще о сверхъестественных существах,— вновь заговорил Мариус.

— Что именно?

— Я и сам не уверен в своей правоте, но поделюсь с тобой своими размышлениями. Мне кажется, что, когда нас уничтожают, когда сжигают дотла, мы можем вернуться, но уже в другом облике. Я сейчас говорю не о людях, не о реинкарнации, ибо мне неизвестно, что происходит с людскими душами. Я говорю о нас, о том, что мы живем вечно и, я уверен, возвращаемся обратно.

— Почему ты так думаешь? — спросил я и невольно подумал о Никола.

— Причины те же, которые заставляют и смертных говорить о реинкарнации. Некоторые утверждают, что помнят себя в другой жизни. Они приходят к нам будучи смертными, заявляют, что им все о нас известно, и просят о возвращении им Темного Дара. Одной из таких была Пандора. Необъяснимо, но ей было известно очень много. Разве что виной тому было ее богатое воображение, или каким-то образом ей неосознанно удалось прочесть мои мысли. Вполне возможно, что и другие смертные обладают невероятными способностями, позволяющими им улавливать импульсы нашего разума.

Как бы то ни было, их не слишком много. Если даже они вампиры, то, безусловно, это лишь единицы из тех, кто был уничтожен. Это может означать, что у остальных просто не хватило сил, чтобы вернуться. Либо они не захотели. Нам не дано

узнать это. Пандора уверяла, что она погибла, когда Мать и Отец были оставлены под палящим солнцем.

— Боже милостивый! Она родилась вновь как смертная и захотела опять стать вампиром?

Мариус улыбнулся.

— Ты еще очень молод, Лестат, и противоречишь сам себе. Как ты представляешь себе возвращение в смертное состояние? Подумай об этом, когда встретишься со своим смертным отцом.

Признавая справедливость его доводов, я промолчал. Однако то, что в моем воображении было связано со смертной жизнью, я терять не хотел. Я предпочитал продолжать свое существование, оплакивая утраченную смертную сущность. Я был уверен, что моя любовь к смертным теснейшим образом связана с полным отсутствием страха перед ними.

И вновь что-то отвлекло внимание Мариуса. Он отвернулся и внимательно прислушался к чему-то. Потом снова обратился ко мне.

— Лестат, впереди у нас не более двух-трех ночей,— печально произнес он.

— Мариус! — только и смог прошептать я в ответ, проявив свои чувства несколько сильнее, чем мне бы хотелось.

Единственным утешением могло послужить выражение его лица, которое в эти мгновения было абсолютно человеческим.

— Ты даже представить себе не можешь, как страстно я хочу, чтобы ты остался со мной,— заговорил он.— Но настоящая жизнь там, а не здесь. Когда мы встретимся вновь, я расскажу тебе об очень многом, но и сейчас ты уже знаешь достаточно. Ты должен поехать в Луизиану и заботиться о своем отце до самой его смерти. Ты должен многому научиться. Я был свидетелем жизни и смерти великого множества людей, а ты еще этого не видел. Поверь мне, мой мальчик, я не хочу тебя отпускать. Мне трудно передать словами мое отчаяние при этой мысли. Но я обещаю тебе, что, когда придет время, я непременно отыщу тебя.

— Но почему я не могу вернуться к тебе? Зачем тебе уезжать отсюда?

— Пора,— ответил он.— Я слишком долго оставался правителем этих островов. Среди людей возникли подозрения.

К тому же сюда стали заплывать европейцы. Прежде чем приехать сюда, я скрывался в погребенном под вулканической лавой городе Помпее. Но начавшиеся раскопки на его руинах заставили меня покинуть убежище. Теперь то же самое происходит и здесь. Я должен найти другое место, более отдаленное и уединенное, причем такое, которое еще долго останется безопасным. Откровенно говоря, я никогда не привез бы тебя на этот остров, если бы собирался остаться на нем.

— Почему?

— Ты сам знаешь. Я не могу позволить, чтобы тебе или кому-либо еще стало известно, где находятся Те, Кого Следует Оберегать. И теперь пришла пора поговорить нам о других очень важных вещах. О тех обещаниях, которые ты должен мне дать.

— Все, что угодно. Но какие обещания ты хочешь от меня получить?

— Очень простые. Ты никому и никогда не расскажешь о том, что узнал здесь от меня. Ты никому не должен рассказывать о Тех, Кого Следует Оберегать. Не должен рассказывать легенды о древних богах. Ты никому не скажешь, что видел меня.

Я мрачно кивнул. Я ожидал, что он потребует это от меня, и знал, как трудно мне будет сдержать данные ему обещания.

— Даже если ты расскажешь самую малость,— продолжал он,— все остальное тут же откроется. И с каждым новым рассказом о Тех, Кого Следует Оберегать, будет увеличиваться опасность, что их найдут.

— Хорошо,— ответил я.— Но что касается легенд... нашего происхождения... Разве не могу я рассказать об этом тем, кого создам?

— Нет, не можешь. Я уже сказал тебе, что если станет известна хотя бы часть, то неизбежно придется рассказать и все остальное. Кроме того, если твои новообращенные окажутся христианами, если их разум, как и разум Никола, будет отравлен христианскими понятиями первородного греха и вины, эти древние легенды сведут их с ума. Они воспримут их как нечто ужасное и никогда не смогут ни понять, ни принять. Случайности, языческие боги, непонятные, страшные обычаи и обряды... Какими бы ограниченными и скудными ни были эти знания, надо быть готовым к ним, чтобы понять их и усвоить.

Будет лучше, если тебе станут задавать вопросы, а ты будешь рассказывать только то, что сможет удовлетворить их любопытство. Если же ты сочтешь невозможным для себя обманывать их, то не говори вообще ничего. Постарайся сделать своих преемников такими же сильными, как сильны сейчас люди, лишенные веры в Бога. Но запомни мои слова: никому не пересказывай древние легенды. Это могу делать только я.

— А что ты со мной сделаешь, если я все же расскажу их? — спросил я.

Мой вопрос настолько поразил его, что на какое-то мгновение он даже растерялся, но потом расхохотался.

— Ты поистине дьявольское существо, Лестат! — пробормотал он.— Дело в том, что, если ты все же проговоришься, я могу сделать с тобой все, что мне будет угодно. И тебе это, конечно же, отлично известно. Я могу растоптать тебя, как Акаша растоптала Старейшего. Одним усилием воли могу сжечь тебя в пламени. Но я не хочу тебе угрожать. Я хочу, чтобы ты вернулся ко мне. Но я не допущу, чтобы тайна моя стала известна, не позволю своре бессмертных существ напасть на меня, как напали они в Венеции. Я не позволю, чтобы обо мне узнали другие мне подобные. И ты никогда — случайно или намеренно — не должен посылать кого-либо на поиски Тех, Кого Следует Оберегать, или Мариуса. Мое имя не должно произноситься в присутствии других.

— Я все понимаю,— ответил я.

— Ты говоришь искренне? Или мне все же следует припугнуть тебя? Должен ли я предупредить, что месть моя может быть ужасной? И что наказание коснется не только тебя, но и тех, кому ты доверишь эту тайну. Учти, Лестат, я уничтожил многих себе подобных, которые приходили, чтобы найти меня. И уничтожил их только потому, что они узнали древние легенды и мое имя. Потому что они не прекратили бы свои поиски.

— Я не в силах больше слушать это,— пробормотал я.— Клянусь, я никому ничего не расскажу. Но боюсь, что другие смогут прочесть мои мысли, похитить образы, хранящиеся в моей голове. Арману, например, это удавалось с легкостью. Что, если...

— В твоих силах скрыть эти образы. Ты знаешь, как это делается. Ты можешь послать им совсем другие видения и таким

образом сбить их с толку. Ты можешь закрыть свой разум. Это ты тоже умеешь делать. Однако давай покончим с угрозами и предостережениями. На самом деле ничего, кроме любви, я к тебе не испытываю.

Некоторое время я сидел молча. В голове моей роились всякого рода запретные помыслы. В конце концов я не выдержал и высказал их вслух:

— Мариус, неужели тебе никогда не приходило в голову рассказать остальным обо всем, что тебе известно? Я имею в виду, что ты мог бы сделать свои знания достоянием нам подобных и таким образом собрать всех вместе.

— Боже милостивый! Конечно же нет, Лестат! Зачем бы я стал это делать? — Казалось, он был искренне озадачен.

— Да затем, чтобы мы смогли наконец обрести древние легенды, чтобы смогли все обдумать и разобраться в загадках нашей истории, как делают это смертные. Чтобы могли поведать друг другу собственные истории, поделиться силами и знаниями...

— И воспользоваться ими так же, как прибегли к ним Дети Тьмы в борьбе против людей?

— Нет... я имел в виду не это.

— Послушай меня, Лестат. В вечности общества встречаются достаточно редко. Большинство вампиров недоверчивы по натуре и стремятся к одиночеству, потому что не любят никого. Время от времени они обзаводятся одним или двумя тщательно отобранными и проверенными спутниками и охраняют места своей охоты и свою собственность так же ревностно, как делаю это я. Они не захотят объединяться. И даже если им удастся преодолеть ожесточение, подозрительность и злобу, которые всегда разделяли их, и создать нечто вроде союза, то очень скоро все закончится жесточайшей и непримиримой борьбой за превосходство и битвами за власть. Произойдет примерно то же самое, что позволила мне увидеть Акаша и что однажды уже случилось тысячу лет тому назад. Так или иначе, но мы воплощаем собой зло. Мы убиваем. А потому пусть лучше на этой земле создают свои союзы смертные, объединяясь во имя добра.

Стыдясь собственных возбуждения, слабостей и импульсивности, я согласился с его доводами. Однако передо мной открылся целый мир новых возможностей.

— А как быть со смертными, Мариус? Неужели ты никогда не испытывал желания раскрыть перед ними свою сущность, рассказать им все, что тебе известно?

И вновь мой вопрос ошеломил его.

— Неужели тебе не хотелось поведать о нас миру? — продолжал я.— А там будь что будет. Разве не казалось тебе, что это гораздо лучше, чем жить, скрываясь и окутывая себя тайной?

Он на минуту прикрыл глаза и опустил подбородок на сложенные руки. Впервые мне удалось мысленным взором увидеть вереницу исходящих от него образов, и я понял: он позволил мне проникнуть в его разум, потому что не был уверен в своем ответе. Его воспоминания обладали такой силой, что мои собственные возможности показались мне слабыми и хрупкими. А он между тем вспоминал далекие времена, когда Рим правил всем миром и когда сам Мариус находился в расцвете своей смертной жизни.

— Ты вспоминаешь о том, как собирался все рассказать? — спросил я.— Как хотел раскрыть свой чудовищный секрет?

— Возможно. Но только в самом начале, когда меня мучило отчаянное желание общаться с людьми и не терять с ними связи.

— Да, именно общаться,— повторил я, с удовольствием произнося это слово.

И мне вспомнился вечер, когда я стоял на сцене театра Рено, приводя в ужас собравшихся в зале парижан.

— Однако это было только в очень-очень далеком прошлом,— медленно произнес он, находясь под впечатлением от своих воспоминаний. Его прищуренные глаза были задумчивыми, словно он мысленно перенесся на множество веков назад.— На самом деле это безумие и глупость. Если бы люди получили хотя бы одно подтверждение, они немедленно уничтожили бы нас. А я не желаю погибать. Такого рода опасности и катастрофы меня не интересуют.

Я молчал.

— В действительности ты и сам не испытываешь потребности сделать рассказы о нас достоянием общественности,— примирительно и успокаивающе промолвил он.

Пальцы его коснулись моей руки.

«На самом деле мне так этого хочется»,— думал я, глядя вдаль и вспоминая свое не такое уж далекое прошлое: театр, сказочные фантазии. Меня охватила невыразимая печаль.

— Тебя мучают одиночество и сознание своей чудовищной сущности,— снова заговорил он.— А ты по натуре импульсивен и несдержан.

— Ты прав.

— Какой смысл что-либо кому-то рассказывать? Никто ничего не простит. Никто не искупит своей вины. Думать иначе не более чем детские иллюзии. Откройся, позволь себя уничтожить — и чего ты этим добьешься? Сад Зла молча и с удовольствием поглотит твои останки. Так где, скажи мне, понимание и справедливость?

Я молча кивнул. Он сжал мою руку и медленно, словно неохотно и против воли, поднялся на ноги.

— Уже поздно,— сказал он, глядя на меня полным сочувствия и симпатии взглядом.— Мы и так проговорили достаточно долго. Я должен пойти к своим подданным. Как я и опасался, на одном из островов случилась беда. Чтобы разобраться, мне потребуется все оставшееся до рассвета время и, наверное, частично завтрашний вечер. Вполне вероятно, что завтра я смогу побеседовать с тобой только после полуночи...

Снова что-то отвлекло его внимание, и он, опустив голову, прислушался.

— Все, мне пора идти,— промолвил он.

Мы тепло обнялись на прощание.

Мне очень хотелось отправиться вместе с ним, чтобы узнать, что случилось в деревне, и посмотреть, как будет Мариус решать проблемы. Однако в то же время не терпелось как следует рассмотреть отведенные мне комнаты, полюбоваться морем и в конце концов лечь спать.

— Проснувшись, ты будешь голоден, поэтому я принесу для тебя жертву. Потерпи немного и дождись меня.

— Конечно, не беспокойся...

— Пока ты будешь ждать меня завтра вечером, весь дом в полном твоем распоряжении — можешь делать все, что вздумается. Футляры с древними свитками находятся в библиотеке. Можешь взглянуть на них. Заходи в любые комнаты. Только не приближайся к святилищу Тех, Кого Следует Оберегать. Ни в коем случае не спускайся туда один.

Я кивнул. Мне хотелось задать ему еще несколько вопросов.

Когда же он будет охотиться? Когда насытится кровью? Его кровь поддерживала мои силы в течение более чем двух ночей. Но чья кровь помогала сохранить силы ему? Убил ли он кого-то чуть раньше? Отправится ли на охоту сейчас? Во мне все больше крепло подозрение, что он уже не нуждается в крови в такой же степени, в какой нуждаюсь я. Что, подобно Тем, Кого Следует Оберегать, он пьет ее все меньше и меньше. Мне отчаянно хотелось узнать, прав ли я в своих предположениях.

Однако он уже уходил. Его ждали дела в деревне. Он вышел на террасу и... исчез. Я на секунду подумал, что он повернул налево или направо от двери. Однако, выглянув, нигде его не увидел. Терраса была пуста. Перегнувшись через перила, далеко внизу я заметил цветное пятно на фоне серых скал — его сюртук.

«Значит, рано или поздно это ждет всех нас,— подумал я,— мы будем все меньше и меньше нуждаться в крови, наши лица утратят человеческое выражение, мы сможем одним усилием воли передвигать любые предметы и вообще будем уметь делать все, разве что не летать. Неужели когда-нибудь, через примерно тысячу лет, мы застынем точно так же в неподвижном безмолвии, как сидят сейчас Те, Кого Следует Оберегать? Как часто этим вечером Мариус был похож на них! Как долго сидел он, не двигаясь и молча, когда рядом с ним никого не было?

И что значат для него каких-нибудь пятьдесят лет, которые мне предстоит прожить за океаном, изображая из себя простого смертного?!»

Я повернулся и направился в предоставленную мне спальню. До самого рассвета я просидел там, глядя на море и усеянное звездами небо. Открыв дверь в маленькое помещение, где находился саркофаг, я обнаружил свежие цветы. Надев золотой капюшон с маской и перчатки, я улегся внутрь саркофага и закрыл глаза. До меня по-прежнему доносился легкий аромат цветов.

Наступал самый пугающий момент — момент утраты сознания. Практически на границе сна я услышал вдруг женский смех. Она смеялась долго и весело, как будто разговаривая с кем-то. В тот момент, когда меня почти полностью поглотила темнота, перед моими глазами возникли ее откинутая назад голова и белоснежная шея.

15

К тому моменту, когда я открыл глаза, в голове у меня созрела идея. Она приняла такие отчетливые формы и настолько захватила меня, что я почти забыл о мучающей меня жажде и натянутых от напряжения венах.

— Пустое тщеславие,— прошептал я. Однако идея казалась мне такой заманчивой!

Нет, нельзя даже думать об этом. Мариус велел мне держаться подальше от святилища, к тому же он должен вернуться к полуночи, тогда я и расскажу ему о своей идее. И он... а что он? Он только печально покачает головой.

Я пошел бродить по дому и увидел, что все в нем точно так же, как и прошлым вечером: повсюду горят свечи, а в распахнутые окна льется мягкий свет угасающего дня. Мысль о том, что я вскоре должен буду уехать отсюда, казалась мне невозможной. Еще менее вероятным казалось то, что я никогда не вернусь сюда и сам Мариус покинет этот восхитительный дом.

Я почувствовал себя совершенно несчастным. И вновь в голову мне пришла прежняя идея.

Нет, пожалуй, я не осмелюсь на это в его присутствии. Я сделаю это один, тайно, чтобы он ничего не узнал и я не почувствовал себя дураком.

Нет, я не должен так поступать. Ничего хорошего не получится. И все останется по-прежнему.

Но если так, то почему бы не сделать это? Почему бы не сделать это прямо сейчас?

Я продолжал ходить кругами по всему дому — через библиотеку и галерею, через комнату, заполненную клетками с обезьянами и птицами, через другие залы и комнаты, которых прежде не видел.

Однако идея прочно засела в моей голове. А раздирающая мне внутренности жажда только усиливала мою импульсивность, делала меня менее терпеливым, лишала способности трезво мыслить и правильно оценивать все то, что рассказал мне Мариус, и то, чем может грозить мне неповиновение его приказу.

Его не было в доме. В этом я был совершенно уверен, ибо досконально осмотрел все до единого помещения. Свое пред-

назначенное для сна убежище он сохранял в тайне. К тому же я знал, что существуют тайные, известные только ему ходы, через которые он мог в любое время попасть в дом или выйти из него.

Дверь, ведущую на лестницу, по которой мы спускались в святилище Тех, Кого Следует Оберегать, я нашел легко. И она оказалась незапертой...

Я стоял в гостиной с оклеенными бумажными обоями стенами и прекрасной мебелью из полированного дерева и не отрываясь смотрел на часы. Еще только семь часов вечера! До возвращения Мариуса еще целых пять часов! Пять часов сжигающей мучительной жажды! И эта идея... Эта идея!

Еще не сознавая, решился я или нет, я повернулся спиной к часам и пошел обратно в свою комнату. Я понимал, что сотни таких, как я, мучились подобными идеями прежде. А как хорошо он описал гордость, которую испытывал при мысли о том, что ему, возможно, удастся пробудить их к жизни. О том, что он сумеет заставить их двигаться.

Нет, я непременно должен сделать то, что задумал, даже если из этого вообще ничего не выйдет, что, скорее всего, и случится. Но я непременно хотел спуститься туда один и сделать это. Возможно, в какой-то степени мое желание было связано с Ники. Не знаю... Не знаю!..

Я вошел в свою комнату, освещенную поднимающимся от поверхности моря сиянием, и открыл футляр скрипки. Потом долго смотрел на лежащий передо мной шедевр Страдивари.

Я не умел играть на скрипке, однако мы поистине непревзойденные мастера подражания. Как сказал Мариус, я отличаюсь умением наблюдать и выдающимися способностями. А я так часто наблюдал за Ники, когда он играл!

Я подтянул смычок и протер струны из конского волоса маленьким кусочком смолы — именно так всегда делал Ники.

Всего пару ночей назад сама мысль о том, чтобы притронуться к этой вещи, была мне невыносима. А голос скрипки причинял мне невыносимую боль.

И вот теперь я вынул ее из футляра и понес через дом точно так же, как когда-то нес ее за кулисами Театра вампиров, собираясь вложить в руки Ники. И даже не помышляя в тот момент ни о каком тщеславии, я направился к лестнице, ведущей в подземное святилище, все ускоряя и ускоряя шаги.

У меня было такое впечатление, что именно Мать и Отец манили меня к себе, в то время как сам я был напрочь лишен собственной воли. Я больше не вспоминал о Мариусе. Для меня вообще перестало иметь значение что-либо, кроме того, что я должен как можно быстрее спускаться по узким и сырым каменным ступеням, мимо окон, в которые залетали соленые морские брызги и проникал тусклый вечерний свет.

Моя одержимость становилась настолько сильной и всеохватывающей, что я даже приостановился, засомневавшись вдруг, исходит ли идея действительно от меня. Однако глупо было даже думать об этом. Кто еще мог внушить ее мне? Те, Кого Следует Оберегать? Вот это уже истинное тщеславие! Да и откуда им знать, что за хрупкий и удивительный маленький деревянный инструмент держу я сейчас в руках?

Он способен издавать звуки, которых никогда не слышал древний мир, такие человеческие и так трогающие души людей, что некоторые даже считают скрипку творением сатаны, а скрипачей объявляют одержимыми дьяволом.

Я пребывал в полнейшем замешательстве, голова у меня кружилась.

Как мог я, спустившись так глубоко, даже не вспомнить о том, что дверь, ведущая в святилище, заперта на засов изнутри?! Если бы у меня в запасе было еще лет пятьсот, я, возможно, и смог бы ее открыть. Но сейчас для меня это совершенно невозможно.

И тем не менее я продолжал спускаться. Только что пришедшие мне в голову мысли почти мгновенно испарились. Я вновь летел как на крыльях, а нестерпимая жажда только усиливала мое возбуждение. Хотя жажда не имела никакого отношения к происходящему.

Наконец я повернул в последний раз и увидел перед собой распахнутые настежь двери в святилище. Свет горевших там ламп проникал и на лестницу. От наполняющего святилище чересчур сильного запаха цветов у меня комок подступил к горлу.

Прижимая обеими руками к груди скрипку, я подошел ближе. Двери шатра тоже были открыты. Они по-прежнему сидели рядом, все в той же позе.

Кто-то принес им свежие цветы, положил брикетики благовоний на золотые тарелки.

Я вошел в святилище и остановился. Подняв голову и взглянув на их лица, я увидел, что они смотрят, как и в прошлый раз, прямо на меня.

Кожа их была такой белой, что я даже представить себе не мог, что когда-то она могла иметь бронзовый оттенок, и боги казались такими же твердыми, как драгоценные камни в их украшениях. На ее руке был браслет в виде змеи, а грудь украшало накладное ожерелье. Над краем чистого полотняного одеяния, которое было на нем, виднелась крохотная складка тела.

Ее лицо было тоньше, чем его, а нос немного длиннее. Разрез его глаз был чуточку более удлиненным, а веки чуть более тяжелыми. Их густые черные волосы почти не отличались.

Мне вдруг стало трудно дышать. Почувствовав внезапную слабость, я попытался полной грудью вдохнуть запах цветов и благовоний.

Отблески света плясали на стенах в тысячах золотых вкраплений живописных фресок.

Опустив взгляд, я увидел в своих руках скрипку и попытался припомнить, зачем пришел сюда. Потом провел пальцами по деревянному корпусу, думая о том, как должен выглядеть в их глазах этот миниатюрный инструмент.

Сдавленным от волнения голосом я тихо объяснил, что это такое, потом сказал, что прошу их послушать, как она звучит, и что я никогда раньше не играл на ней, но теперь хочу попробовать. Я говорил так тихо, что не слышал собственного голоса, но понимал, что они его услышат, если, конечно, захотят.

Я поднял к плечу скрипку, прижался к ней подбородком и приготовил смычок. Закрыв глаза, я увидел перед собой Ники, услышал его музыку, вспомнил, как раскачивалось взад и вперед его тело в такт звукам, как сильно прижимались к струнам пальцы, словно сама душа заставляла скрипку звучать.

Я сильно ударил смычком по струнам, и звуки мелодии резко взлетели сначала вверх, а потом опустились и заполнили помещение, подчиняясь бешеной пляске моих пальцев. Да, это была настоящая мелодия, и мне удалось ее сыграть! Чистые, наполненные чувством звуки резонирующим эхом отдавались от ближайших стен. Такие звуки могла издавать только скрипка, только у нее мог быть такой пронзительный голос. Я, как безумный, продолжал играть, раскачиваясь всем телом, забыв в

эти мгновения и о Ники, и обо всем остальном. Я чувствовал только свои вонзающиеся в гриф инструмента пальцы и осознавал, что это от меня исходит заполнившая все уголки святилища музыка, которая, повинуясь неистовым движениям смычка, становилась все громче и громче — то взлетала вверх, то расстилалась по поверхности пола, подчиняя себе все вокруг.

И тогда я тоже запел вместе со скрипкой. Сначала тихо, а потом во весь голос. Вокруг меня разлилось золотое сияние. И вдруг мне показалось, что мой голос стал звучать намного громче, я услышал такие невероятно высокие и чистые звуки, которые сам никак не мог издавать. И тем не менее они звучали — прекрасные и возвышенные; точнее, звучала лишь одна нота, она не меняла своей высоты и в то же время раздавалась все громче и громче, пока наконец я не почувствовал страшную боль в ушах. Смычок в моих руках заплясал еще неистовее, я едва не задыхался... И вдруг отчетливо понял, что эти невероятно высокие звуки исходят не от меня!

Я понимал, что, если звуки немедленно не затихнут, у меня из ушей брызнет кровь. Нет, не я пел на этой восхитительно высокой ноте! Не прекращая играть и преодолевая ужасную боль в ушах, от которой голова моя готова была расколоться, я поднял глаза и увидел, что Акаша стоит с широко распахнутыми глазами и рот ее открыт в виде правильной буквы «О». Этот звук исходил от нее, и сейчас она спускалась по ступеням шатра, протягивая вперед руки и не прекращая петь все на той же высочайшей ноте, которая стальным клинком рассекала мне барабанные перепонки.

В глазах у меня потемнело. Я услышал стук упавшей на каменный пол скрипки. Я сознавал, что изо всех сил сжимаю руками голову. Я кричал, но крик мой тонул в ее пении.

— Перестань! Перестань! — вопил я. В то же мгновение перед моими глазами вновь вспыхнул свет, и я увидел ее прямо над собой — она протягивала ко мне руки.

— Великий Боже! Мариус!

Я с криком повернулся и бросился к двери. Но створки ее захлопнулись прямо перед моим носом и с такой силой ударили меня по лицу, что я рухнул на колени и заплакал под аккомпанемент непрекращающегося пронзительного пения.

— Мариус! Мариус!! Мариус!!! — только и мог вымолвить я.

Я обернулся, чтобы увидеть, что меня ожидает. Акаша наступила на скрипку, и под ее ногой инструмент подпрыгнул и развалился на куски. И вдруг пение ее начало стихать, пронзительные звуки смолкли.

Оглушенный, не способный услышать даже собственный голос, непрестанно зовущий Мариуса, я с трудом поднялся на ноги.

Вокруг меня стояла звенящая тишина. Я увидел ее прямо перед собой. Брови ее сошлись на переносице, но на лице не появилось ни единой морщинки. Вопросительный взгляд был полон муки, а бледно-розовые губы приоткрылись, обнажив похожие на клыки зубы.

— Помоги мне, Мариус, помоги...— бормотал я, не слыша своего голоса, но осознавая, что без конца повторяю эти слова. И вдруг она обняла меня и прижала к себе. Я почувствовал, как ее руки — точно такие, как описывал мне их Мариус,— нежно и бережно обхватили мою голову, а потом ощутил, как зубы мои прижимаются к ее шее.

Я не колебался ни секунды. Забыв о том, что руки ее сомкнуты вокруг моего тела и в любой момент способны раздавить меня и уничтожить, я вонзил клыки в ее тело, ощутив похожую на тонкую ледяную корку кожу, и почувствовал, как в рот мне полилась ее кровь.

О да! Да, да, да... Обхватив рукой ее левое плечо, я всем телом прижимался к этой ожившей статуе, и для меня не имело никакого значения, что она холодна как мрамор. Она была само совершенство — моя Мать, моя возлюбленная, моя могущественная царица,— и ее кровь, словно горячие нити паутины, проникала в каждую клеточку моего дрожащего тела. И тут ее губы коснулись моего горла. Она целовала меня, она тронула поцелуем ту самую артерию, по которой бурным потоком текла ее пульсирующая кровь. Губы ее приоткрылись, и, в то время как я продолжал изо всех сил вытягивать из нее кровь, снова и снова восторженно ощущая вкус каждого глотка, я безошибочно почувствовал, как ее клыки пронзают на моей шее кожу.

Из каждого звенящего от напряжения сосуда хлынула в нее моя кровь, а ее кровь продолжала потоком вливаться в меня.

Я отчетливо видел мерцание этой циркуляции, и оно казалось мне поистине божественным, ибо все вокруг перестало существовать. Остались лишь наши губы и неустанно пульсирующий поток крови. Не было ни снов, ни видений... Было только это — волшебное, незабываемое и волнующее горячее ощущение. Больше ничто не имело значения, ничто, кроме желания, чтобы это никогда не кончалось. Мир перестал для меня существовать.

Однако я вдруг услышал какие-то ужасные звуки. Они вызывали неприятные ощущения, словно где-то крошился и трескался камень или что-то каменное со скрежетом тащили по полу. Это пришел Мариус! Нет, Мариус, не подходи, не приближайся, не прикасайся к нам! Не разлучай нас друг с другом!

Но это был не Мариус! Этими ужасными звуками, этим вторжением, внезапным лишением абсолютно всего я был обязан не ему. Существом, вцепившимся мне в волосы и оторвавшим меня от нее так резко, что последний глоток крови выплеснулся у меня изо рта, был Энкил! И теперь он своими мощными руками сдавил мне голову.

Кровь стекала у меня по подбородку. Я видел потрясенное выражение ее лица, протянутые к нему руки. Глаза горели гневом, светящиеся руки ожили и вцепились в его ладони, сжимающие мою голову. И тогда я вновь услышал ее голос — она кричала и визжала еще громче, чем недавно пела. Из уголка ее рта текла струйка крови.

Звук ее голоса лишил меня способности видеть и слышать. Тьма, возникшая перед глазами, взорвалась миллионами крохотных искр. Казалось, голова моя вот-вот лопнет.

Он поставил меня на колени и наклонился надо мной. Неожиданно я увидел его лицо — оно было таким же бесстрастным, как всегда, и только напрягшиеся мышцы рук свидетельствовали о том, что передо мной живое существо.

В эту минуту даже сквозь ее оглушительные вопли я расслышал грохот — дверь сотрясалась под мощными ударами кулаков Мариуса, и до меня донесся его голос, казалось, не менее громкий, чем ее крик.

Я мог лишь беззвучно шевелить губами, а из ушей у меня текла кровь.

Каменные тиски, сжимающие мою голову, неожиданно ослабли. Я с грохотом рухнул на пол и растянулся на нем во весь рост. На грудь мою опустилась огромная холодная нога. Еще мгновение — и он просто раздавит меня. С пронзительным криком она бросилась ему на спину и обхватила его рукой за шею. Мне хорошо были видны ее сдвинутые брови и развевающиеся черные волосы.

И тут до меня донесся голос Мариуса, который обращался к Энкилу из-за закрытой двери:

— Только попробуй убить его, Энкил, и я уведу ее от тебя навсегда! А она поможет мне сделать это! Клянусь!

Внезапно наступившая тишина была поистине оглушительной. По шее у меня стекали теплые струйки крови.

Она отступила в сторону и посмотрела прямо перед собой, и в тот же миг створки дверей распахнулись с такой силой, что с грохотом ударились о стены узкого прохода. Надо мной внезапно возник Мариус. Он обеими руками сжимал плечи Энкила, который, казалось, вновь утратил способность двигаться.

Нога соскользнула с моего живота, оцарапав кожу, и исчезла. До меня донеслись слова Мариуса, точнее даже не слова, а мысли:

— Уходи, Лестат! Беги!

Я с огромным трудом сел и увидел, что он заставляет их обоих медленно пятиться к шатру. Глаза их были устремлены прямо на него. Лкаша крепко вцепилась в руку Энкила, и лица их вновь были спокойными. Впервые в этом спокойствии я увидел апатию и безразличие, мне показалось, что лица их лишены выражения заинтересованности, любопытства и напоминают скорее маски смерти.

— Беги, Лестат! — не оборачиваясь, повторил Мариус. И я повиновался.

16

Когда Мариус наконец вернулся в ярко освещенную гостиную, я стоял в дальнем углу террасы. Я все еще ощущал жар в своих венах, мне казалось, что мои сосуды дышат и живут сами по себе. Далеко внизу я видел темные силуэты окутанных туманом островов и слышал, как вдоль дальнего берега движется

какой-то корабль. Но в голове у меня была только одна мысль: если Энкил нападет на меня снова, я могу просто перепрыгнуть через ограждение террасы. Могу броситься в море и уплыть. Я ощущал его руки, сжимающие мою голову, и холод его ступни на своей груди.

Дрожа с головы до ног, я стоял, прижавшись к каменному парапету. Царапины на лице давно зажили, но на руках осталась засохшая кровь.

Едва Мариус показался на террасе, я принялся просить у него прощения.

— Прости меня, прости за то, что я посмел так поступить,— молил я.— Я и сам не знаю, почему я это сделал. Мне не следовало... прости... Клянусь, Мариус, мне очень жаль. Никогда больше я не сделаю ничего против твоей воли!

Сложив на груди руки и пылая от ярости, он смотрел прямо на меня.

— Ты помнишь, Лестат, что я говорил тебе прошлой ночью? — спросил он.— Ты поистине дьявольское отродье!

— Прости меня, Мариус! Пожалуйста, прости меня! Я не думал, что произойдет что-либо подобное. Я был уверен, что ничего не случится...

Он жестом приказал мне успокоиться и следовать за ним вниз, на скалы, потом скользнул через парапет и пошел первым. Я направился следом, ощущая смутный восторг от той легкости, с которой мы двигались. Однако я еще не настолько пришел в себя, чтобы думать о такого рода вещах. Я по-прежнему ощущал ее неуловимое присутствие, чувствовал ее аромат, хотя сама по себе Акаша не имела запаха,— разве что аромат цветов и благовоний, наполнявший святилище, мог каким-то образом впитаться в ее упругую белую кожу. Какой хрупкой казалась мне она, несмотря на всю ее твердость и холодность.

По скользким камням мы спустились до покрытого светлым песком берега. Мы молча шли рядом, вглядываясь в открытое пространство моря за белыми шапками пены на гребнях волн, разбивающихся о прибрежные скалы или накатывающихся на плоский песчаный пляж. В ушах у меня свистел ветер, и меня вновь охватило чувство одиночества, которое я всегда испытывал в подобных ситуациях,— рев ветра заглушает не только все окружающие звуки, но все наши ощущения.

Я постепенно успокаивался и в то же время все больше возбуждался, чувствовал себя все более несчастным.

Мариус обнял меня точно так же, как это делала Габриэль, и меня совершенно не интересовало, куда мы направляемся, а потому я был очень удивлен, когда увидел перед собой небольшую бухту, в которой покачивалась на якоре лодка с одной парой весел.

Мы остановились, и я вновь стал просить Мариуса простить меня.

— Мне действительно очень жаль, что все так получилось! Клянусь тебе! Я не верил...

— Только не говори мне, что ты жалеешь,— спокойно ответил Мариус.— На самом деле теперь, когда ты чувствуешь себя в безопасности, а не валяешься, как раздавленная яичная скорлупа, на полу святилища, ты ни капельки не жалеешь о случившемся.

— Но ведь дело совсем не в этом,— ответил я и разрыдался.

Достав носовой платок — непременную принадлежность джентльмена восемнадцатого века,— я вытер кровь с лица. Меня по-прежнему не покидало ощущение ее объятий, вкуса ее крови. Я заново переживал все происшедшее. Если бы Мариус не появился так вовремя...

— Но что все-таки произошло, Мариус? Что ты увидел?

— Мне очень хотелось бы оказаться там, где он не сможет нас услышать,— устало ответил он.— Сейчас просто безумие говорить или думать о том, что может возбудить его еще больше. Я должен подождать и позволить ему впасть в прежнее состояние.

Он повернулся ко мне спиной, кипя от ярости.

Но разве мог я заставить себя не думать об этом? Как бы мне хотелось выбросить из головы все мысли! Но они так же, как и ее кровь, стали неотъемлемой частью моего существа. Внутри ее холодного тела был по-прежнему заключен разум, у нее сохранился аппетит, и ее пылающая душа горячими волнами разливалась сейчас по моим венам. Я не сомневался, что именно Энкил мертвой хваткой сдерживает ее. Я возненавидел его! Возжаждал уничтожить его! В голову мне одна за другой приходили самые безумные идеи, я строил невероятные планы

относительно того, каким образом можно убить его, не подвергая опасности нас и сохранив Акашу.

Однако мечты мои не имели никакого смысла. Ведь сначала демоны проникли в его тело... А что, если все произошло совсем не так?..

— Мальчишка! И думать об этом не смей! — вспылил Мариус.

Я опять заплакал. Я ощущал прикосновение ее губ к своей шее, а на моих губах оставался вкус ее крови. Я взглянул на разбросанные по ночному небу звезды, и в эти минуты даже они, грандиозные и вечные в своем величии, показались мне бессмысленными и заключающими в себе угрозу. Я едва сдерживался, чтобы не закричать, комок подступил к горлу.

Воздействие ее крови постепенно уменьшалось. Прояснившееся зрение вновь затуманилось, я снова ощущал свое тело. Наверное, я в чем-то стал сильнее, но волшебство и магия исчезли.

— Что с тобой, Мариус? — стараясь перекричать вой ветра, окликнул я.— Не сердись на меня! Не бросай меня! Я не могу...

— Тс-с-с, Лестат,— сказал он, вернувшись и беря меня за руку,— пусть тебя не беспокоит мой гнев. Он не имеет к тебе никакого отношения. Дай мне немного времени, чтобы прийти в себя.

— Только скажи мне, ты видел, что произошло между нами?

Он какое-то время смотрел на море, где на фоне совершенно черной воды белели пенные гребни.

— Да, видел,— наконец ответил он.

— Я взял скрипку и хотел поиграть на ней для них. Я не думал...

— Да, конечно, я понимаю...

— Я не думал, что музыка так на них подействует, особенно такая музыка, столь странная и чужая для них... ты же знаешь, как скрипка...

— Да, я понимаю...

— Мариус, она... она дала мне... и она взяла...

— Знаю.

— А он держит ее там! Она его пленница!

— Лестат, умоляю...— Он улыбнулся, и улыбка его была усталой и печальной.

— Запри его в темницу, Мариус, так же как это сделали они! И освободи ее!

— Ты бредишь, мой мальчик, ты просто бредишь.

Он повернулся и пошел прочь, жестом приказав мне оставить его в покое. Он спустился к самому морю и ходил взад и вперед по песчаному пляжу, не обращая внимания на лижущие его ноги волны.

Я вновь попытался взять себя в руки. Мне казалось, что, кроме этого острова, я вообще нигде и никогда не был, казалось нереальным, что где-то существует мир смертных и что невероятная трагедия Тех, Кого Следует Оберегать, и исходящая от них угроза неведомы никому по ту сторону этих мокрых, блестящих скал.

Наконец Мариус снова подошел ко мне.

— Послушай меня, Лестат,— сказал он.— К западу отсюда есть остров, который не находится под моей защитой. На его северной оконечности расположен греческий город со множеством прибрежных таверн, открытых для моряков всю ночь. Садись в лодку и отправляйся туда. Займись охотой и забудь обо всем, что здесь произошло. Уясни для себя те новые возможности, которые ты получил вместе с ее кровью. Но постарайся не думать ни о ней, ни о нем. А самое главное, постарайся ничего не замышлять против него. Перед рассветом возвращайся обратно в дом. Это не составит для тебя труда. Ты найдешь дюжину открытых дверей и окон. Сделай так, как я прошу. Ради меня.

Я опустил голову. Во всем поднебесном мире существовало только одно, что могло отвлечь меня и выветрить из моей головы все мысли — и благородные, и тревожные. Человеческая кровь, человеческое сопротивление и человеческая смерть.

Я без возражений направился по мелководью к лодке.

Почти на заре я взглянул на свое отражение в металлическом зеркале, висящем на стене грязного жилища моряка в одной из прибрежных гостиниц. Я увидел джентльмена в парчовом сюртуке и отделанной кружевами рубашке, с порозовевшим от недавно выпитой крови убитого мною человека лицом. За моей спиной распластался на столе мертвый человек. В руках он все еще сжимал нож, которым чуть раньше пытался пе-

перезать мне горло. Там же стояла бутылка вина, в которое была подсыпана отрава и которое я упорно отказывался пить, придумывая разного рода шутливые оттоворки, пока наконец он не потерял терпение и не решился использовать последнее средство. Его мертвый товарищ валялся на кровати.

Я продолжал смотреть в зеркало на молодого повесу с копной светлых волос.

— Что ж, не будь я вампир Лестат...— произнес я вслух.

Однако вся кровь мира не могла избавить меня от ужасных видений, возникших перед моими глазами, едва я вернулся к себе и лег отдыхать.

Я не мог перестать думать о ней и о том, ее ли смех я слышал во сне в прошлый раз. Я не мог понять, почему вместе со своей кровью она не послала мне никаких видений. Но не успел я закрыть глаза, как перед моим мысленным взором стали проноситься навеянные магией и потому находящиеся за пределами сознания картины одна восхитительнее другой. Мы вместе шли по огромному залу дворца — не этого, но тем не менее знакомого мне. Кажется, это был дворец в Германии, где сочинял свою музыку Гайдн. И она говорила со мной так спокойно и обыденно, словно делала это уже тысячи раз: «Расскажи мне обо всем — о том, во что теперь верят люди, о том, что ими движет, обо всех изобретениях и чудесных открытиях...» На ее голове была сделанная по последней моде шляпа с белым пером, прикрепленным к широким полям, и с белой вуалью, повязанной поверх шляпы и заканчивающейся бантом под подбородком. А ее лицо было таким юным...

Когда я открыл глаза, то сразу понял, что Мариус уже ждет меня. Действительно, я застал его в своей комнате. Он стоял возле пустого футляра от скрипки, повернувшись спиной к окну, за которым шумело море.

— Тебе придется уехать немедленно, малыш,— грустно сказал он.— Я надеялся, что у нас будет больше времени, но увы... Лодка уже готова и ждет тебя.

— Это из-за моего поступка? — в отчаянии от того, что меня прогоняют, спросил я.

— Он устроил погром в святилище,— ответил Мариус, но тон его голоса призывал меня сохранять спокойствие. Одной

рукой он обнял меня за плечи, а в другую взял мою дорожную сумку, и мы направились к двери.— Я прошу тебя уехать, потому что только так мне удастся утихомирить его. Но я прошу тебя помнить не его гнев, а все то, что я рассказал тебе, и не сомневаться, что мы встретимся вновь.

— Ты боишься его, Мариус?

— Нет, что ты, Лестат. Ты можешь быть спокоен. Он уже не раз вытворял нечто подобное. Поверь, он сам не ведает, что творит. В этом я совершенно уверен. Он знает лишь одно: кто-то посмел встать между ним и Акашей. Необходимо только время, чтобы он впал в прежнее состояние.

Он снова использовал то же самое выражение: «впал в прежнее состояние».

— А она продолжает сидеть, словно не сходила с места?

— Я хочу, чтобы ты немедленно уехал, только потому, что не желаю провоцировать его,— сказал Мариус, выходя вместе со мной из дома и направляясь к выбитым в склоне горы ступеням.— Какой бы великой ни была наша способность одним усилием воли заставлять двигаться предметы, воспламенять их или причинять какой-либо иной вред, она не распространяется на большие расстояния. Вот почему я хочу, чтобы этой же ночью ты уехал и отправился в Америку. Так ты сможешь скорее вернуться ко мне, когда его возбуждение пройдет и он обо всем позабудет. А я не забуду ничего и буду тебя ждать.

Когда мы подошли к краю скалы, я увидел внизу стоящую в бухте галеру. Мне казалось невероятным, что я должен покинуть Мариуса и уехать с острова прямо сейчас.

— Тебе нет нужды спускаться со мной,— промолвил я, беря у него из рук сумку и стараясь не казаться чересчур удрученным. В конце концов, я сам во всем виноват.— Я не хочу лить слезы в присутствии посторонних. Попрощаемся здесь.

— Если бы только мы могли побыть вместе хоть еще несколько ночей! — воскликнул он.— Мы могли бы спокойно обдумать все, что произошло. Но моя любовь останется с тобой навсегда. И постарайся не забывать то, что я говорил тебе. Когда мы встретимся вновь, у нас будет множество тем для разговоров...— Он вдруг замолчал.

— В чем дело, Мариус?

— Скажи мне правду: ты жалеешь о том, что я нашел тебя в Каире и привез сюда?

— Как ты мог подумать об этом? Я жалею только об одном: о том, что уезжаю. А вдруг я не смогу найти тебя снова, или ты не найдешь меня?

— Когда придет время, я непременно тебя найду. И помни: у тебя всегда есть возможность позвать меня так же, как ты звал меня прежде. Когда я услышу твой зов, то ради того, чтобы на него ответить, преодолею такие расстояния, какие никогда не стал бы преодолевать по собственной воле. В нужный момент я непременно откликнусь на твой зов. В этом можешь не сомневаться.

Я лишь молча кивнул. Мне хотелось сказать ему так много, но я не в силах был вымолвить ни слова.

Мы долго стояли обнявшись. Потом я повернулся и начал медленно спускаться к морю. Я ни разу не оглянулся и думаю, что Мариус понял почему.

17

Я сам не представлял себе, как сильно я нуждаюсь в «мире», пока мой корабль не вошел наконец в мрачный и темный залив Сен-Жан и я не увидел на фоне ясного неба черную рваную линию заболоченного берега.

Сознание того, что никто из мне подобных никогда не появлялся в этих первозданных краях, одновременно и возбуждало, и пугало меня.

Еще до того, как наступило мое первое в Америке утро и взошло солнце, я успел полюбить эту равнинную и болотистую страну в не меньшей степени, чем любил сухой и жаркий Египет. Впоследствии я стал восхищаться ею больше, чем любым другим местом на земле.

Волшебный запах сырой травы, свежей зелени листьев, розовых и желтых цветов невиданной красоты был здесь на удивление силен. А красота огромной реки, мчащей буро-коричневые воды мимо жалкой и убогой Пляс-д'Арме с ее маленьким собором, затмила великолепие всех других рек, на которых я когда-либо бывал.

Невидимый, я беспрепятственно осматривал и изучал маленькую колонию с ее ветхими домами, грязными улочками и проулками, спускающимися к морю, и испанскими солдатами, слоняющимися у каталажки. Я подолгу бродил среди прибрежных лачуг и кабачков, забитых вечно ссорящимися и дерущимися матросами, все свое свободное время проводящими за игрой и развлекающимися с очаровательными смуглокожими карибскими женщинами. Мне нравилось выходить за пределы колонии, чтобы полюбоваться бесшумными вспышками молний, услышать далекие глухие раскаты грома, ощутить на своем теле теплые и нежные струи летнего дождя.

Низко нависающие над землей крыши маленьких коттеджей блестели в лунном свете. Отблески света играли на железных прутьях ворот возле красивых городских домов в испанском стиле. Свет проникал сквозь кружево занавесей и чисто вымытые стекла дверей и окон. Я бродил среди наспех построенных бунгало, беспорядочно разбросанных по окраинам до самого защитного вала, заглядывал в окна и рассматривал отделанную позолотой мебель, украшенные эмалью предметы обихода — словом, все те свидетельства цивилизации, которые в столь варварски-диком месте казались поистине бесценными и чересчур утонченными.

Время от времени я встречал видение: пробирающегося по грязи истинного французского джентльмена в белоснежном парике и изящном, сшитом по последней моде сюртуке. Рядом с джентльменом шла жена в кринолине, а сопровождающий их черный раб в высоко поднятых руках нес для них чистую обувь.

Мне казалось, что я оказался на всеми покинутой сторожевой заставе у входа в Сад Зла, что моя родина и я сумеем сохраниться в Новом Орлеане, если, конечно, сохранится сам Новый Орлеан. В этих первозданных, не знающих законов местах мои страдания должны стихнуть, а исполнение заветных желаний доставит мне несравненное удовольствие.

В ту первую ночь, проведенную в зловонном и грязном рае, были минуты, когда я страстно молился, чтобы, несмотря на все тайные возможности, каким-то образом стать близким всем смертным. Быть может, я вовсе не чуждый людям изгой, а только неясное воплощение совершенства человеческой души?

Древние истины и древняя магия, революции и новые изобретения — все вместе служат лишь для того, чтобы отвлечь нас от страстей, которые так или иначе овладевают всеми нами.

И в конце концов, устав от сложностей жизни, мы с нежностью вспоминаем далекие времена, когда сидели на коленях у матери и каждый ее поцелуй в полной мере удовлетворял все наши желания. Что же нам остается теперь, как не броситься в объятия того, что заключает в себе одновременно и рай небесный, и ад,— в объятия собственной судьбы.

Эпилог

ИНТЕРВЬЮ С ВАМПИРОМ

1

 от наконец и завершился мой рассказ о юности, воспитании и приключениях вампира Лестата — история, которую я намеревался вам поведать. Теперь вы имеете представление о легендах и магии древнего мира, тайну коих я раскрыл вам, несмотря на все запреты и приказы.

Но это еще не конец моего повествования, хотя продолжать мне его совсем не по душе. Но я должен хотя бы коротко рассказать вам о тех болезненных и неприятных для меня событиях, которые в конце концов привели к тому, что в 1929 году я принял решение скрыться глубоко под землей.

Это случилось через сто сорок лет после того, как я покинул остров Мариуса. И с тех пор мы с Мариусом ни разу не встречались. Габриэль тоже была для меня потеряна — казалось, навсегда. С тех пор как она исчезла в ту ночь в Каире, я ничего не слышал о ней ни от смертных, ни от бессмертных, которых мне когда-либо приходилось встречать.

В двадцатом веке я приготовил для себя могилу, тело и душа мои были изранены, я был совершенно одинок и очень устал.

Я прожил свою «смертную жизнь», как советовал мне Мариус. Однако я не имею права винить его в том, что я совершил множество ужасных ошибок, и в том, как я прожил эту «смертную жизнь».

Все мои поступки были обусловлены только проявлениями моего своеволия. Я не желал прислушиваться ни к советам, ни к

предостережениям и приносил с собой повсюду трагедии и несчастья. И все же не могу отрицать, что были у меня и счастливые мгновения. Без малого семьдесят лет рядом со мной были мои создания — Луи и Клодия, двое самых чудесных и великолепных бессмертных, которые когда-либо существовали на земле. И у нас с ними были самые тесные отношения.

Вскоре после приезда в колонию я страстно полюбил Луи — юного плантатора с темными волосами, утонченной речью и изящными манерами, который своим цинизмом и склонностью к саморазрушению так напоминал мне моего дорогого Никола.

Так же, как и Ники, он обладал мрачной силой, мятежным духом, мучительной способностью и верить, и не верить, и в конце концов впадать в беспредельное отчаяние.

Однако та власть, которую имел надо мной Луи, ни в какое сравнение не шла с моей привязанностью к Ники. Даже в те моменты, когда Луи поступал со мной чрезвычайно жестоко, он вызывал в глубине моей души нежность. Меня покоряла его поразительная зависимость, подкупало его восхищение каждым моим словом и жестом.

Он приводил меня в восторг своей наивностью, странной, свойственной буржуа верой в то, что Бог всегда остается Богом, даже если этот Бог напрочь отвернулся от людей, что границы этого маленького, лишенного всех надежд мира лежат между проклятием и спасением.

Луи был натурой страдающей, он любил смертных еще сильнее, чем я. Иногда я думал о том, что воспринимаю Луи и необходимость заботиться о нем как кару за все, что произошло с Ники. Может, я создал Луи, чтобы он стал моей совестью и год за годом определял ту меру наказания и раскаяния, которой я заслуживал?

Но я любил его всей душой. В самые тяжелые минуты я в отчаянии прижимал его к себе, старался постоянно держать рядом, и это были, пожалуй, наиболее эгоистичные и импульсивные мои поступки за всю бессмертную жизнь. Создав сначала Луи, а потом для него и ради него Клодию — этого вечного и невыразимо прекрасного ребенка-вампира,— я совершил одно из самых непозволительных преступлений.

К тому моменту, когда я ее создал, она успела прожить не более шести лет своей коротенькой смертной жизни. И хотя она все равно бы умерла, не сделай я того, что сделал,— так же как умер бы Луи, если бы я не взял его к себе,— с моей стороны это был дерзкий вызов богам, за который впоследствии нам с Клодией пришлось расплатиться сполна.

Однако обо всем этом рассказал Луи в своем «Интервью с вампиром». Несмотря на все противоречия и абсолютное непонимание многих событий и явлений, ему удалось точно передать те обстоятельства, при которых Клодия, Луи и я встретились, и атмосферу, в которой мы прожили вместе шестьдесят пять лет.

В течение всего этого времени мы были самыми совершенными воплощениями нам подобных — трое приносящих смерть охотников, одетых в шелк и бархат, наслаждающихся таинственностью собственного существования в таком великолепном городе, каким был Новый Орлеан. Этот город позволял нам буквально купаться в роскоши и беспрерывно поставлял нам новых жертв.

И хотя Луи не знал этого, когда создавал свою летопись, шестьдесят пять лет — это поистине феноменальный срок для любых связей и отношений в нашей среде.

Что же касается той лжи, которую он напридумывал, то я прощаю его, потому что причиной тому послужили его богатое воображение, горечь и ожесточение, которые он носил в своем сердце, и его тщеславие, в конечном счете не столь уж сильное. Я намеренно не проявлял при нем и половины своих возможностей, ибо он мучился сознанием неизгладимой вины и испытывал отвращение к превращенному себе.

Даже его необыкновенная красота и бесконечное очарование оставались для него тайной. Мне кажется, заявление о том, что я стремился завладеть им ради плантаций, можно объяснить скорее его скромностью, чем глупостью.

Я вполне понимаю и его убеждение в том, что я был простым крестьянином. В конце концов, он был одновременно утонченным и ограниченным сыном среднего класса, претендующим, как и все колонисты-плантаторы, на истинный аристократизм, хотя он понятия не имел о настоящих ари-

стократах, а я происходил из древнего рода феодалов-землевладельцев, и мои предки имели обыкновение облизывать пальцы во время обеда и швырять через плечо кости собакам.

Когда он заявляет, что я издевался над невинными людьми, сначала заводя с ними дружбу, а потом убивая их, откуда ему знать, что я охотился почти исключительно на жуликов, воров и убийц, храня верность данной себе в душе клятве убивать только всякого рода злодеев. Я и сам не ожидал от себя столь твердого соблюдения собственного обета. Молодой француз-плантатор, например, которого Луи так идеализирует в своем рассказе, на самом деле был распутником, убийцей и карточным шулером. В тот момент, когда я убил его, он был готов уже подписать документы и отдать принадлежащую его семье плантацию в уплату карточного долга. А те две проститутки, которых я убил на глазах у Луи только ради того, чтобы досадить ему, напоили и ограбили многих матросов, которых после этого уже никто не видел в живых.

Впрочем, все это действительно незначительные мелочи. Он рассказал обо всем так, как сам воспринимал и оценивал события.

По сути своей Луи был поистине кладезем пороков и изъянов, демоном, который как никто другой умел произвести обманчивое впечатление и показаться вполне человечным. Даже Мариус не смог бы вообразить себе столь сострадательное и склонное к размышлениям существо, джентльмена до мозга костей, додумавшегося учить Клодию пользоваться столовыми приборами, притом что она, благослови, Господи, ее черную душу, совершенно не нуждалась ни в ложке, ни в вилке.

Его полная слепота в отношении порывов и переживаний других была неотъемлемой частью его очарования наряду с беспорядочной гривой черных волос и вечно трагическим выражением, застывшим в его зеленых глазах.

Стоит ли мне рассказывать вам о том, как, несчастный и охваченный беспокойством, он не раз приходил ко мне и умолял никогда его не покидать, о наших с ним разговорах, о том, как мы разыгрывали перед Клодией сценки из пьес Шекспира, чтобы хоть немного развлечь ее, или рука об руку отправлялись в прибрежные кабачки или на респектабельные балы, чтобы потанцевать с очаровательными смуглокожими квартеронками?

Все это вы можете прочесть между строк и обо всем догадаться.

Важно лишь то, что, сделав его вампиром, я обманул и предал его. Так же как и Клодию. И я прощаю ему глупости, которые он написал, потому что он рассказал правду о мрачном удовлетворении, которое получали все мы и на которое совсем не имели права в те прекрасные десятилетия девятнадцатого века, когда исчезли вычурность и чванливое позерство прежних времен и чудесная музыка Моцарта и Гайдна уступила место величественной музыке Бетховена, иногда казавшейся мне удивительно похожей на мои воображаемые колокола ада.

У меня было все, что я хотел, что я всегда жаждал иметь. У меня были они.

Это позволяло мне хотя бы на время забыть о Габриэль, о Ники, даже о Мариусе и пустых глазах и бесстрастных лицах Тех, Кого Следует Оберегать, о ледяном прикосновении руки Акаши и жаре, которым была наполнена ее кровь.

Однако я всегда хотел узнать еще очень многое. Чем можно объяснить столь продолжительную жизнь, описанную им в «Интервью с вампиром»? Почему нам удалось просуществовать столь долго?

В течение всего девятнадцатого века писатели «раскрывали секреты» вампиров. Создание доктора Полидори — лорд Рутвен уступил место сэру Френсису Варнею, герою дешевых ужастиков, а после появилась восхитительная и чувственная графиня Кармилла Карнштейн Шеридана Ле Фану. И наконец — величайшая пародия на вампиров косматый славянин граф Дракула, который, несмотря на умение превращаться в летучую мышь и дематериализоваться, когда ему вздумается, как улитка ползает по стенам собственного замка — видимо, ради собственного развлечения. Все эти выдуманные создания в определенной мере удовлетворяли ненасытный аппетит любителей «средневековых и фантастических романов».

Мы трое воплощали в себе самую сущность распространенных в девятнадцатом веке представлений о нам подобных — мы были холодны и надменны, как истинные аристократы, всегда элегантны и совершенно безжалостны, мы были преданы друг другу и всегда готовы защищать свои владения. Правда, никто из нам подобных нас не тревожил.

Возможно, нам удалось поймать тот самый подходящий момент в истории и найти необходимый баланс между чудовищным и человеческим. Уловить время, когда рожденная моим воображением «романтика вампиров» должна была обрести свое очарование и воплотиться в развевающемся черном плаще, черном цилиндре и в выбивающихся из-под лиловой ленты сверкающих локонах маленькой девочки, волнами падающих на пышные рукава ее полупрозрачного шелкового платья.

Но что же я сделал с Клодией? И когда должен был наступить для меня момент расплаты? Сколько еще времени могла она мириться с ролью нашей музы, нашего ночного вдохновения, единственного общего для нас с Луи объекта поклонения и вечной тайны, навсегда связавшей нас крепкими узами?

Можно ли воспринимать как нечто неизбежное то, что она, девочка, которой никогда не суждено было стать женщиной, нанесет столь сокрушительный удар своему демону-создателю, который обрек ее на вечное обладание миниатюрным кукольным телом?

Мне следовало бы прислушаться к предостережению Мариуса. Прежде чем проводить рискованный эксперимент и создавать вампира из «столь неподходящего материала», я должен был как следует все обдумать.

Однако со мной произошло примерно то же, что и тогда, когда я осмелился играть на скрипке для Акаши. Я просто-напросто пожелал сделать это. Мне захотелось посмотреть, что из этого выйдет — что произойдет с прекрасной маленькой девочкой.

Ах, Лестат, Лестат, ты заслужил все, что случилось с тобой! Тебе ни в коем случае нельзя умирать, ибо ты обречен вечно быть заточенным в аду.

Ну почему, хотя бы из эгоизма, я не прислушался к советам, которые мне давали? Почему я ничему не научился ни у одного из моих наставников — ни у Габриэль, ни у Армана, ни у Мариуса? Впрочем, я никогда никого не слушал. По тем или иным причинам я не мог это делать.

Должен признаться, что даже сейчас я не жалею о том, что встретил Клодию, о том, что провел с нею рядом столько времени, доверяя ей все свои тайны. Я не могу сказать, что хотел бы

никогда не слышать ее чудесный смех, эхом разносившийся по полутемным, освещенным газовыми лампами комнатам нашего дома, столь похожего на дом обыкновенных смертных с его покрытой лаком мебелью, потемневшими от времени картинами и латунными цветочными горшками. Клодия была моим испорченным ребенком, моей возлюбленной, квинтэссенцией моего зла. Клодия разбила мне сердце.

И однажды душной весенней ночью 1860 года она решила свести со мной счеты. Она обманула меня, заманила в ловушку, напоила отравой, а потом множество раз проткнула ножом мое тело, пока почти вся до последней капли кровь не покинула мои истерзанные сосуды. У меня не оказалось даже нескольких бесценных секунд, позволивших бы исцелить мои раны.

Я не виню ее за это. Вполне возможно, что на ее месте я поступил бы точно так же.

Мне никогда не забыть тех безумных мгновений! Они не изгладятся из моей памяти, пока я жив. Ее коварство причинило мне не меньшую боль, чем лезвие ножа, перерезавшее мне горло и рассекшее мое сердце. Не проходит и ночи, чтобы я не вспомнил ту пропасть, которая разверзлась подо мной в те минуты, и свое стремительное погружение в состояние, близкое к человеческой смерти. И всем этим я обязан Клодии.

Однако, по мере того как кровь покидала мое тело, унося с собой последние силы, я мысленно переносился во времена гораздо более далекие, чем те, когда была создана обреченная на гибель семья вампиров, обитающая в райском уголке с обоями на стенах и кружевными занавесями. Я увидел таинственные земли и окутанные туманом леса, где древний бог Дионис снова и снова испытывал мучения, когда плоть его разрывалась и кровь покидала тело.

Даже если все это не имело значения, присутствовал определенный налет соответствия, поразительное повторение прежней темы.

Вновь бог умирает. И вновь воскресает. Только на этот раз нет ни спасения, ни искупления.

Мариус говорил мне, что благодаря крови Акаши я смогу пережить такие катастрофы и бедствия, которые способны уничтожить большинство нам подобных.

Позже, когда, всеми покинутый, я лежал в зловонном болоте, я чувствовал, как жажда заставляет мое тело восстанавливать прежнюю форму, как жажда приводит в движение мои члены. Ощущал, как челюсти мои раскрываются в протухшей воде и зубы ищут теплокровных существ, способных восстановить мои силы и помочь мне пройти долгий путь возвращения.

А три ночи спустя, когда мои детки вновь нанесли мне поражение и оставили навеки в ослепительном пламени, охватившем наш дом, именно древняя кровь Акаши, Магнуса и Мариуса поддерживала меня, пока я с величайшим трудом выбирался из адского огня.

Однако без нового глотка этой целительной крови я был обречен уповать лишь на милосердие времени и долго, очень долго вынужден был залечивать свои раны.

То, что случилось со мной потом, Луи не мог описать в своем романе. Ему не могло быть известно, как, многие годы оставаясь искалеченным, изуродованным чудовищем, я вынужден был скрываться от людей и охотиться только на слабых или совсем еще юных. Мне постоянно угрожала опасность со стороны моих же жертв, и я превратился в полную противоположность тому романтическому демону, каким был прежде. Теперь я скорее наводил ужас, чем доставлял наслаждение, и больше всего походил на грязных и одетых в лохмотья древних призраков с кладбища Невинных мучеников.

Нанесенные раны оказали влияние и на мой дух, и на мой разум. А если я осмеливался взглянуть на себя в зеркало, то, что я видел там, приводило меня в дрожь.

Однако ни разу за все это время я не позвал Мариуса, не попытался докричаться до него. Я не в силах был просить у него хоть каплю его целительной крови. Уж лучше целый век провести в чистилище, чем испытать на себе презрение Мариуса. Лучше страдать от одиночества и отвращения к самому себе, чем узнать, что ему известно все, что я натворил, и что он давно отвернулся от меня.

Что же касается Габриэль, которая, несомненно, простила бы мне все, что угодно, и кровь которой была достаточно сильна, чтобы ускорить мое выздоровление, то я не имел ни малейшего понятия о том, где ее искать.

Когда наконец я достаточно окреп, чтобы перенести путешествие в Европу, я отправился к единственному существу, к которому мог обратиться за помощью. Я поехал к Арману — по-прежнему жил на подаренной мною ему земле, в той самой башне, в которой Магнус сделал меня вампиром. Арман все еще руководил процветающей труппой Театра вампиров на бульваре Тамплиеров. Театр принадлежал мне до сих пор. В конце концов, я не обязан ничего объяснять Арману. А вот Арман мне кое-чем обязан.

Когда он вышел на мой стук, чтобы открыть дверь, я был буквально потрясен его видом.

В строгом, великолепно сшитом черном сюртуке, с коротко остриженными волосами вместо прежних кудрей эпохи Возрождения, он словно сошел со страниц романов Диккенса. Его вечно юное лицо было невинным, как у Дэвида Копперфильда, и гордым, как у Стирфорта. Ни то, ни другое совершенно не соответствовало его внутренней сущности.

При виде меня лицо его на мгновение вспыхнуло искренней радостью, но потом он медленным взглядом обвел мою фигуру, взглянул на покрывающие лицо и руки шрамы и тихо, едва ли не сочувственно, произнес:

— Входи, Лестат.

Он взял меня за руку, и мы вместе прошли по дому, построенному им у подножия башни Магнуса, мрачному и унылому, выдержанному в духе байронических ужасов странного нынешнего века.

— Ты знаешь, что ходили слухи, будто ты пропал или погиб где-то в Египте или на Дальнем Востоке? — скороговоркой и на вполне современном французском спросил он. Таким оживленным я никогда его не видел. Он вполне овладел умением притворяться обыкновенным живым человеком.— Ты исчез вместе со старым веком, и с тех пор никто о тебе ничего не слышал.

— А о Габриэль? — тут же спросил я, сам удивляясь тому, что не задал ему этот вопрос прямо с порога.

— Никто ее не встречал и ничего о ней не слышал с того момента, когда вы вместе уехали из Парижа,— ответил он.

И снова он с нежностью обвел меня взглядом. Он старался скрыть свое возбуждение, но я отчетливо ощущал его лихора-

дочное состояние, словно огонь, горящий поблизости. Я знал, что он пытается прочесть мои мысли.

— Что произошло с тобой? — поинтересовался он.

Его явно озадачили мои шрамы. Их было чересчур много, и они были слишком серьезными, а это свидетельствовало об угрожавшей мне смертельной опасности. Я вдруг испугался, что в смущении и растерянности позволю ему увидеть всю правду, все то, что много лет назад Мариус строго запретил мне открывать кому-либо.

Однако из меня вдруг потоком хлынули образы, рассказывающие историю моих отношений с Луи и Клодией. Я опустил только одну весьма важную деталь: что Клодия была еще ребенком.

Я вкратце рассказал ему о годах, проведенных в Луизиане, о том, как в конце концов они, как он когда-то предсказывал, восстали против меня. Без обмана и гордости я признался ему во всем и объяснил, что сейчас очень нуждаюсь в его крови. Я испытывал неутихающую, бесконечную боль, сначала раскрывая перед ним свою жизнь, а потом чувствуя, как он обдумывает все мною сказанное. Боль от того, что я вынужден признать его правоту. Да, я рассказал ему не все. Но в главном он не ошибся.

Не стану утверждать, но мне показалось, что лицо его сделалось вдруг печальным. Во всяком случае, я не увидел на нем выражения торжества. Когда я жестикулировал, он исподволь наблюдал за моими дрожащими руками. А если я запинался, он терпеливо ждал, давая мне возможность найти нужные слова.

Несколько капель его крови, шепотом говорил я, ускорят мое выздоровление, прояснят мысли. Стараясь, чтобы слова мои не прозвучали высокомерно или требовательно, я все же напомнил ему о том, что именно я отдал в его полное распоряжение эту башню и подарил ему золото, на которое он смог построить себе дом, что я все еще остаюсь владельцем Театра вампиров, и сказал, что он, конечно же, в силах оказать мне столь небольшую личную услугу. Я был настолько слаб, беспомощен и испуган, что мои слова могли показаться на редкость наивными. Я испытывал невыносимую жажду. Пылающий в камине огонь будил в моей душе тревогу. Отблески света, играющие на рисунке дерева, из которого была сделана стоящая во-

круг мебель, превращались в то появляющиеся перед моими глазами, то вновь исчезающие лица.

— Я не хочу оставаться в Париже,— говорил я.— Не хочу беспокоить ни тебя, ни общество в театре. Я только прошу тебя об этом маленьком одолжении. Прошу...— Вся моя храбрость куда-то улетучилась, и я замолчал.

Молчание длилось довольно долго.

— Расскажи мне побольше об этом Луи,— наконец попросил он.

Непрошеные слезы навернулись мне на глаза. Я вновь начал твердить что-то о неистребимой человечности Луи, о его способности воспринимать и понимать то, что не в силах понять другие бессмертные. Забыв об осторожности, я проболтался о том, о чем собирался промолчать,— о том, что напал на меня вовсе не Луи. Это была Клодия...

Я заметил, что он несколько оживился и щеки его вспыхнули.

— Их видели здесь, в Париже,— мягко произнес он.— И она вовсе не женщина. Это вампир-дитя.

Я плохо помню, что говорил потом. Возможно, пытался объяснить свою ошибку. Может, признавал, что мне нет оправдания в этом поступке. А быть может, я вновь попытался вернуться к разговору о цели моего прихода, о том, в чем я так нуждался и что жаждал получить... Помню только, что чувствовал себя чрезвычайно униженным, когда он вновь провел меня по дому и усадил в ожидавший снаружи экипаж, объяснив, что я должен немедленно поехать вместе с ним в Театр вампиров.

— Ну как ты не понимаешь,— сопротивлялся я,— я не могу туда ехать. Я не хочу встречаться в таком виде с остальными. Ты должен остановить экипаж. Должен сделать то, о чем я прошу.

— Нет, это ты получишь позже,— очень мягко и почти нежно ответил он.

Мы уже ехали по шумным и заполненным толпами народа улицам Парижа. Я не узнавал его, это был совсем не тот город, который я знал и помнил. Огромный город словно возник из какого-то кошмара — по широким заасфальтированным бульварам с грохотом катились странные паровые поезда. Никогда еще дым и грязь индустриального века не казались мне столь ужасными, как здесь, в этом Городе Света.

Я смутно помню, как почти насильно он вытащил меня из экипажа, как, подталкиваемый им, я, спотыкаясь, пересек широкий тротуар и оказался перед дверью театра. Что же это за место? Что это за огромное здание? Неужели я стою на бульваре Тамплиеров? Потом мы спустились в ужасное подземелье, на стенах которого я увидел безобразные копии самых кровавых полотен Гойи, Брейгеля и Босха.

В конце концов я очутился на полу камеры с кирпичными стенами — умирающий от жажды, не в силах даже выкрикнуть проклятия в его адрес. Царящая вокруг непроглядная тьма вибрировала от грохота проезжающих наверху омнибусов и трамваев, время от времени до моих ушей доносился пронзительный скрежет железных колес.

В какой-то момент я почувствовал, что рядом в темноте находится человек. Но человек этот был мертв. Холодная, вызывающая тошноту кровь. Нет ничего ужаснее, чем питаться такой кровью, лежать на липком трупе и пытаться высосать из него жалкие остатки.

Потом вновь появился Арман. Он стоял совершенно неподвижно и в своей белоснежной рубашке и черном сюртуке казался таким чистым, таким неземным... Едва слышно он шептал мне что-то о Луи и о Клодии, о том, что должен состояться своего рода суд. Он опустился возле меня на колени, словно на минуту забыв о том, что смертный юноша в его положении, истинный джентльмен, никогда бы не стал сидеть вот так в столь грязном и сыром месте.

— Ты должен при всех заявить, что это сделала именно она,— сказал он.

И тут я увидел остальных — молодых, новых и незнакомых мне, которые по очереди подходили к двери, чтобы взглянуть на меня.

— Раздобудьте для него одежду,— приказал им Арман, положив руку мне на плечо.— Наш потерянный, потерпевший поражение господин должен выглядеть вполне презентабельно. Так, как он привык выглядеть всегда.

Я стал умолять дать мне возможность поговорить с Элени, Феликсом или Лораном, но они только смеялись. Они никогда даже не слышали таких имен. И имя Габриэль ровным счетом ничего для них не значило.

Где же сейчас Мариус?! Сколько стран, рек и гор лежит между нами?! Слышит ли он все, что здесь творится?

Наверху, в театре, согнанные сюда, как овцы в загон, смертные зрители оглушительно топали по деревянным лестницам и полам.

Я мечтал вырваться отсюда и вернуться обратно в Ауизиану, а там пусть время делает свою неизбежную работу. Мечтал снова скрыться под землей, вновь ощутить ее прохладные объятия, как это уже было однажды в Каире. Я думал о Ауи и Клодии, мечтал о том, чтобы мы вновь оказались вместе.

В моих видениях Клодия каким-то чудесным образом выросла и превратилась в очаровательную молодую женщину, которая говорила мне со смехом: «Видишь? Вот зачем я приехала в Париж — чтобы узнать, как это делается!»

Я опасался, что совершил роковую ошибку, боялся, что мне никогда уже не удастся выйти отсюда, что я буду погребен здесь и обречен на вечную жажду, как те несчастные за стенами склепа кладбища Невинных мучеников. Я заикался и плакал, пытаясь поговорить с Арманом. И вдруг я понял, что Армана уже нет. Если даже он и приходил, то ушел очень быстро. Или у меня уже начались галлюцинации?

Я так мечтал о жертве, о теплой и еще живой жертве.

— Умоляю! Дайте ее мне! — кричал я и слышал голос Армана:

— Ты получишь ее только тогда, когда скажешь то, что я тебе велел.

Это был суд толпы монстров, трибунал белолицых демонов, извергающих поток обвинений. Отчаянные мольбы Луи... Клодия, в немом молчании не сводящая с меня взгляда... И мой собственный голос, подтверждающий, что именно она это сделала, а потом выкрикивающий ругательства в адрес Армана, который с невинным, как всегда, выражением сияющего лица вновь увел меня в темноту.

— Ты сделал все как надо, Лестат. Ты поступил правильно.

Что я сделал? Свидетельствовал против них и подтвердил, что они нарушили древние законы? Что осмелились восстать против предводителя общества? Да что они знают о древних законах! Я кричал и звал Луи. А потом в темноте я пил кровь,

кровь еще живой жертвы. Но это не была исцеляющая кровь. Это была просто кровь.

Мы снова ехали в экипаже. Шел дождь. Мы мчались через поля. Потом мы долго поднимались по лестнице, пока не оказались на крыше башни. В руках я держал испачканное кровью желтое платьице Клодии. Я видел то ужасное место, где лучи солнца испепелили ее.

— Развейте прах,— попросил я, но никто не сдвинулся с места.

Разорванное и окровавленное желтое платьице лежало на полу камеры. Теперь оно было у меня в руках.

— Надеюсь, ее прах развеют? — спросил я.

— Разве ты сам не хотел справедливости? — откликнулся Арман.

Черный шерстяной плащ был плотно запахнут, чтобы защитить его от ветра. После недавней охоты лицо его казалось темным.

Что общего имело все происшедшее со справедливостью? И зачем я сжимал сейчас в кулаке эту вещицу, это крохотное платьице?

Бросив взгляд с зубчатой стены башни Магнуса на город, я увидел, что тот подступил совсем близко. Он уже протягивал свои длинные руки, чтобы заключить в объятия и башню, куда долетал теперь отвратительный запах фабричного дыма.

Стоя возле железных перил, Арман пристально смотрел на меня, и в эти минуты он показался мне таким же юным, как и Клодия. «А главное, будь уверен в том, что до момента перерождения они успели прожить достаточно долго. Никогда, слышишь, никогда не имей дело с такими юными существами, как Арман». Перед смертью она не сказала ни слова. Она смотрела на тех, кто ее окружал, как на великанов, болтающих между собой на непонятном ей языке.

Глаза у Армана были красные.

— А Луи? Где он? — спросил я.— Его ведь не убили? Я его видел. Он вышел на улицу, под дождь.

— За ним выслали погоню,— ответил он.— И уничтожили его.

Лжец с лицом мальчика из церковного хора.

— Останови их! Ты должен их остановить, пока еще есть время!..

Он покачал головой.

— Почему? Почему ты не можешь их остановить? Зачем ты вообще все это устроил — суд и все остальное? Какое тебе дело до того, что они со мной сделали?

— С ним все кончено.

Сквозь вой ветра до меня донесся звук парового свистка. Отходит поезд мыслей... отходит... И не хочет возвращаться обратно... Вернись, Луи, вернись...

— И ты не собираешься помогать мне? — в отчаянии воскликнул я.

Он подался вперед, и лицо его мгновенно изменилось, как менялось много-много лет назад, как будто кипящий внутри гнев растопил и исказил его черты.

— Тебе, который уничтожил всех нас? Кто отнял у нас все? А почему ты решил, что я стану тебе помогать? — С неузнаваемо искаженным лицом он подошел ближе.— Тебе, который заставил нас писать свои имена на отвратительных афишах, кто сделал нас героями дешевых романов и предметом обсуждения в парижских гостиных!

— Но ведь это не я! Ты же знаешь, что это не я! Клянусь!.. Это не я!..

— Тебе, который раскрыл все наши секреты! Щеголю и франту, маркизу в белых перчатках, демону в бархатном плаще!

— Просто безумие — обвинять меня во всем этом! Ты не имеешь права!

Я упорно защищался, но язык у меня так заплетался, что я сам с трудом понимал, что говорю.

— В подземельях древнего кладбища мы жили почти как в раю.— Голос его стал вдруг пронзительным и резким.— У нас была вера и была цель! И это ты, ты пришел к нам и разом лишил нас всего! Что у нас теперь осталось? Ответь! Ничего, кроме любви друг к другу! А что такое любовь для таких, как мы?!

— Неправда, это началось намного раньше. Ты не понимаешь. Ты никогда ничего не понимал.

Но он меня не слушал. Впрочем, это уже не имело никакого значения. Он подошел еще ближе, и рука его темной молнией метнулась ко мне. Голова у меня резко запрокинулась, и я уви-

дел над головой небо, а чуть вдалеке — перевернутый вверх ногами Париж.

Я летел в пространстве.

Летел вниз мимо окон башни, пока наконец прямо передо мной не выросла выложенная камнем дорога, принявшая меня в свои жесткие объятия. В моем бессмертном теле не осталось ни одной целой косточки.

2

Прошло два года, прежде чем я окреп достаточно, чтобы сесть на корабль и отправиться в Луизиану. Я все еще оставался серьезно искалеченным, не зажили и глубокие шрамы. Однако мне необходимо было покинуть Европу, где я не смог ничего узнать ни о потерянной Габриэль, ни о Мариусе, который, конечно же, осудил меня и вынес свой приговор.

Мне хотелось домой. А дом мой был в Новом Орлеане, где было тепло, где круглый год цвели прекрасные цветы и где благодаря неиссякаемому источнику богатства, оставленному мне Магнусом, я по-прежнему оставался владельцем дюжины пустующих особняков с разрушающимися белыми колоннами и покосившимися галереями, вокруг которых я мог бродить.

Последние годы девятнадцатого века я провел затворником в одном из самых красивых своих домов, который стоял в окружении вековых дубов всего в нескольких минутах ходьбы от кладбища Лафайет в старом Садовом квартале.

При свете свечи или масляной лампы я читал подряд все книги, какие мне только удавалось раздобыть. Точно так же когда-то сидела, запершись в спальне старинного замка, Габриэль — с той только разницей, что в моих комнатах не было мебели. Повсюду от пола до потолка возвышались стопки книг. Время от времени я собирался с силами и отправлялся в библиотеку или книжный магазин, чтобы пополнить запасы для чтения, однако мои походы становились все реже и реже. Я подписывался на периодические журналы и запасался свечами, а также бутылями и оловянными канистрами с маслом.

Я не помню момент наступления двадцатого века, помню только, что все вокруг стало еще более мрачным и уродливым, а красота, которую я знал и которой любовался в далеком восем-

надцатом веке, чем дальше, тем все больше казалась восхитительной сказочной фантазией. Буржуазия строго придерживалась своих унылых и мрачных принципов, не доверяя ни чувствам, ни порывам, так свойственным прошлым поколениям.

Мои зрение и мысли все плотнее окутывал туман. Я больше не охотился на людей. А вампир не может выжить без человеческой крови и человеческих смертей. Я продолжал существовать только благодаря домашним животным, которых отлавливал по соседству, благодаря изнеженным и избалованным собакам и кошкам. Если же и их не удавалось поймать, оставались толстые серые длиннохвостые крысы, которых я еще умел, подобно сказочному Крысолову, подманивать к себе.

Однажды вечером я заставил себя совершить долгую прогулку по тихим и темным улочкам к старому обшарпанному театру под названием «Счастливый час», расположенному в квартале прибрежных трущоб. Мне хотелось взглянуть на новинку — немые движущиеся картинки. Я завернулся в длинное пальто, шарф почти полностью скрывал мое изможденное лицо, а костлявые руки прятались под перчатками. Меня привело в ужас хоть и несовершенное, но все же изображение светлого дневного неба, появившееся на экране. Однако я подумал, что унылые черно-белые тона вполне соответствуют духу бесцветного и скучного двадцатого века.

О других бессмертных я даже не вспоминал. Однако время от времени возле моего дома все же появлялись другие вампиры. Иногда это был какой-нибудь одинокий неопытный юнец, случайно наткнувшийся на мое убежище, иногда — любознательный путешественник, разыскивающий легендарного Лестата, чтобы умолять его поделиться своими возможностями и властью. Подобные посещения для меня были поистине ужасны.

Даже тембр голоса бессмертного приводил меня в дрожь и заставлял забиваться в самый дальний угол. Однако я тщательно исследовал разум каждого вновь прибывшего в надежде получить хоть какие-нибудь вести о моей Габриэль. Впрочем, мои попытки не увенчались успехом — никто о ней ничего не знал. После этого мне не оставалось ничего другого, кроме как игнорировать несчастного представителя рода человеческого, кото-

рого приносили демоны, тщетно рассчитывая таким образом расшевелить меня.

Однако все заканчивалось довольно быстро. Испуганный, разъяренный непрошеный гость, выкрикивая в мой адрес проклятия, покидал дом и оставлял меня в тишине и покое.

Лежа в темноте, я старался ни о чем не думать.

Теперь я даже почти не читал. А если и читал, то главным образом журнал под названием «Черная маска» с рассказами о бессовестных, ни во что не верящих людях нового века — о ворах и жуликах, о грабителях банков, о детективах. Я старался хоть что-нибудь запомнить, но я был слишком слаб. Я слишком устал.

Наконец однажды ранним вечером ко мне пришел Арман.

В первый момент мне показалось, что у меня галлюцинации. Он стоял совершенно неподвижно у двери моей обшарпанной гостиной и казался еще более юным, чем всегда. Шапка коротко остриженных золотистых волос и темный облегающий костюм еще больше усиливали это впечатление.

Я лежал на спине прямо на полу возле разбитого окна и при свете луны читал о приключениях Сэма Спейда. Приближающаяся ко мне и пристально вглядывающаяся в меня фигура, должно быть, была всего лишь плодом моего воображения. Хотя... Если бы я и захотел представить себе воображаемого посетителя, то уж никак не Армана.

Я снова взглянул на него и вдруг устыдился собственного уродства. Со стороны я, наверное, выглядел ужасным скелетом с выпученными глазами. Я вновь углубился в чтение, шевеля губами, как будто вслух повторяя то, что читал.

Когда я вновь оторвал взгляд от книги, Арман стоял на прежнем месте. Возможно, это была все та же ночь, а быть может, уже наступила следующая.

Он что-то говорил мне о Луи. И говорил уже довольно давно.

Я вдруг понял, что тогда, в Париже, он солгал мне, сказав, что Луи больше нет. Все эти годы Луи был рядом с Арманом. И Луи искал меня. Луи побывал в старой части города, возле того дома, в котором мы прожили столько лет вместе. Но там меня не оказалось. Он продолжал поиски, пока наконец не добрался сюда и не увидел меня в окно.

Подумать только! Я не мог даже представить себе, что Луи жив! Что он здесь, совсем рядом, а я понятия не имел об этом!

Кажется, я даже засмеялся. Мне было трудно осознать, что Луи не погиб. Луи жив! Нет, это поистине чудесно! Прекрасно, что по-прежнему существует его очаровательное и в то же время всегда ироничное и язвительное лицо, его нежный и чуть умоляющий голос. Вместо того чтобы исчезнуть вместе с Клодией и Ники, мой красавец Луи выжил!

Но что, если он все же погиб? Почему я должен верить Арману? Я вновь обратился к чтению при лунном свете, сожалея о том, что парк за окнами так разросся и деревья стали такими высокими. Хорошо было бы, сказал я Арману, чтобы он вышел в парк и сломал там несколько самых больших веток, ведь он такой сильный. Глицинии и виноградные лозы, заполонившие все вокруг и плотной стеной спускающиеся с верхних балконов, закрывали от меня лунный свет, так же как и ветви древних черных дубов, которые росли здесь уже тогда, когда вокруг не было ничего, кроме болот.

Однако, мне кажется, я произнес все это мысленно и на самом деле ни о чем не попросил Армана.

Смутно припоминаю, Арман говорил мне о том, что Луи покидает его и что он, Арман, не хочет больше жить. Он казался опустошенным, каким-то высохшим душой. Однако голос его не утратил прежнего тембра, глубины и отчетливо звучащей в нем боли.

Бедный Арман. И ты обманывал меня, говоря, что Луи погиб. Так иди же и выкопай себе глубокую могилу в земле кладбища Лафайет — оно совсем недалеко отсюда.

Вслух мы не произнесли ни слова. Не было слышно и моего смеха — он звучал только у меня внутри. Я и сейчас вижу Армана словно наяву, как он напряженно стоит посреди грязной и пустой комнаты, пристально глядя на стопки книг, сложенные вдоль стен. Сырость и дождь, струи которого проникали сюда сквозь дырявую крышу, сделали свое дело — плотно склеили между собой книги, превратив их в некое подобие блоков из папье-маше. Заметив, что он их рассматривает, я обратил внимание, в каком все они состоянии. То же самое произошло, наверное, и с остальными книгами, разложенными по всему дому,— не знаю, я давно уже не заходил в другие комнаты.

После этого Арман, кажется, приходил еще несколько раз.

Я не видел его, но слышал шаги в парке и ощущал, как он мысленно ищет меня, направляя во все стороны импульсы разума, словно невидимые лучи света.

Луи уехал на запад.

Однажды, когда я лежал в каменном склепе глубоко под фундаментом, Арман подошел к решетке и уставился на меня сквозь прутья. Заметив, что я смотрю на него, он с присвистом зашипел и назвал меня крысоловом:

— Ты сошел с ума! Ты, который знал все и насмехался над нами! Ты утратил разум и теперь питаешься крысами. Знаешь, как в старину во Франции называли таких, как ты, всех вас, сельских аристократов и феодалов? Вас называли зайцеловами! Потому что вы охотились на зайцев и вам никогда не приходилось голодать. А теперь посмотри, в кого ты превратился! Ты просто жалкий призрак, крысолов! Ты такой же сумасшедший, как и те древние, которые перестают разговаривать, утрачивают все чувства и способны только бормотать что-то невразумительное. А кроме того, ты ловишь крыс, как и было тебе написано на роду!

Меня вновь охватил неудержимый смех. Я вспомнил волков и никак не мог остановиться.

— Ты вечно смешишь меня,— сказал я.— Я с удовольствием посмеялся бы над тобой еще тогда, в склепе кладбища Невинных мучеников, если бы не испытывал к тебе жалость. Мне было смешно даже тогда, когда ты обрушился на меня с проклятиями, обвинил в раскрытии наших тайн и в том, что именно по моей вине появились все эти бредовые истории о нас. И если бы ты не сбросил меня с башни, я непременно расхохотался бы. Ты постоянно вызываешь у меня смех.

Вражда между нами почему-то доставляла мне удовольствие. Или мне так только казалось? Приятно было насмехаться над ним и демонстрировать ему свое презрение.

Однако все вокруг меня неожиданно изменилось. Я уже не лежал в каменном мешке, а бродил по комнатам своего дома. И на мне были не грязные лохмотья, столько лет едва прикрывавшие мое тело, а прекрасно сшитый черный фрак и плащ на атласной подкладке. А дом... дом выглядел великолепно. И все

книги в аккуратном порядке стояли на полках. Повсюду горели люстры, паркетный пол сверкал, отовсюду звучала музыка. Это был «Венский вальс», и гармоничное звучание скрипок казалось удивительно красивым. Каждый шаг давался мне поразительно легко, я чувствовал себя сильным и могущественным. Я мог взбежать по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Мог летать в темноте с развевающимся за спиной, словно крылья, плащом.

Потом я в полной темноте поднимался наверх, и мы с Арманом стояли на крыше. В старомодном вечернем костюме он был просто великолепен. Перед нами расстилался сплошной ковер чуть шевелящихся на ветру густых крон деревьев, за которыми серебристой змейкой текла вдалеке река, а совсем низко над нашими головами простиралось бескрайнее небо, и на нем сквозь перламутрово-серые облака просвечивали звезды.

Пропитанный сыростью воздух, легкий ветерок, ласкающий мое лицо, и открывающаяся перед глазами картина заставили меня прослезиться. А Арман стоял рядом и обнимал меня за плечи. Он говорил мне о прощении и грусти, о мудрости и обо всем том, чему его научили бесконечные годы страданий.

— Я люблю тебя, мой печальный и мрачный брат,— прошептал он мне в ухо.

И его слова прокатились по мне, как волна крови по венам.

— Дело совсем не в том, что я жаждал мести,— шептал он.— Это совсем другое. Но ты пришел ко мне только затем, чтобы исцелиться, а сам я не был нужен тебе.

Я понял, как, впрочем, понимал все это время, что в действительности моего возрождения не было, что это лишь иллюзия. Я оставался все тем же одетым в лохмотья скелетом и по-прежнему лежал в каменном склепе. А тот, кто стоял рядом со мной, обладал сверхъестественной силой, и в его власти было вернуть меня к жизни, позволить мне вновь увидеть небо и ощутить на лице нежность ветра.

— Люби меня, и тогда моя кровь станет твоей,— говорил он.— Та кровь, которой я еще не делился ни с кем.— Я почувствовал на своей щеке прикосновение его губ.

— Я не хочу обманывать тебя,— ответил я.— Я не могу тебя полюбить. Кто ты мне, и почему я должен тебя любить? Мерт-

вое существо, стремящееся завладеть силой и страстью других. Само воплощение жажды.

И, обретя невероятную силу, на этот раз уже я ударил его и сбросил с крыши. Его легкая, практически невесомая фигурка растворилась в темноте ночи.

Но кто же все-таки потерпел поражение? Кто продолжал падать и падать сквозь гибкие ветви деревьев, чтобы в конце концов рухнуть на ту землю, которой и принадлежал? Обратно в лохмотья и грязь подвала под старым домом. Кто же в конце концов оказался лежащим в каменном склепе, уткнувшись лицом и вцепившись руками в мягкую холодную землю?

Да, память иногда играет с нами злые шутки. Возможно, наш последний разговор, сделанное мне предложение и последующая мучительная боль были не более чем плодом моего воображения. Слезы... бесконечные слезы... Но я твердо знал, что впоследствии он приходил еще не один раз. Время от времени я слышал его шаги за стенами дома, слышал, как он бродил по улочкам старого Садового квартала. Мне хотелось позвать его, сказать ему, что все мои слова — ложь, что на самом деле я люблю его... люблю...

Однако пришло время примириться. Пора наступить долгому периоду голода. Пора уйти глубоко под землю, чтобы спать там и видеть сны богов. Но разве мог я рассказать Арману о божественных снах?

У меня больше не осталось ни свечей, ни масла для ламп. Где-то в надежном месте мною был оставлен сейф, наполненный деньгами и драгоценностями, в котором также находились письма к моим адвокатам и банкирам с указаниями, каким образом им следует в дальнейшем вести мои дела и распоряжаться моим имуществом.

А потому я мог теперь спокойно скрыться под землей, зная, что меня никто не потревожит, во всяком случае здесь, в этом старом городе с его постепенно разрушающимися памятниками прежних эпох. Жизнь вокруг будет продолжать идти своим ходом.

При свете, льющемся с небес, я продолжал читать о Сэме Спейде. Взглянув на обложку журнала, я увидел год издания — 1929-й. Мне это показалось невероятным. Я поймал еще не-

скольких крыс, чтобы напиться их крови и подкрепить силы, необходимые для того, чтобы зарыться поглубже.

Земля приняла меня в свои объятия. В ее сырой глубине ползали какие-то живые существа, иногда касающиеся и моей высохшей плоти. Я думал о том, что, если мне суждено когда-нибудь возродиться, если суждено увидеть хотя бы клочок ночного звездного неба, я никогда больше не совершу ни одного дурного поступка. Не стану убивать невинных. Клянусь, даже когда мне приходилось убивать слабых, это были лишь те, кому не на что было надеяться, и те, кто так или иначе был обречен на смерть. Я никогда больше не совершу Темный Обряд. Я лишь... я лишь хочу быть тем самым «вечным знанием», только и всего.

ЖАЖДА... БОАЬ... СИАЬНАЯ, ОСЛЕПАЯЮЩАЯ КАК МОЛНИЯ...

Перед моими глазами возник Мариус. Я видел его так отчетливо, что это не могло быть сном. У меня даже защемило сердце. Как великолепно он выглядел! Он был одет во вполне современный костюм, сшитый, однако, из красного бархата. Светлые волосы были коротко острижены и зачесаны назад, оставляя открытым лоб. Этот новый, современный Мариус обладал обаянием и очарованием, в нем чувствовались жизнерадостность и энергия, которые прежде оставались для всех скрытыми — возможно, виной тому была его манера одеваться в те времена.

Он находился в каком-то ярко освещенном зале и делал поистине удивительные вещи. На треноге перед ним был укреплен черный аппарат, и правой рукой он крутил его ручку. Он снимал фильм, роли в котором исполняли смертные. При виде того, как он двигается, разговаривает с ними, объясняя, как следует держаться, как обнимать друг друга, как танцевать, сердце мое часто забилось и готово было выскочить из груди. Вокруг стояли нарисованные декорации. А за окнами студии виднелись высокие кирпичные дома и слышался шум проезжающих мимо автомобилей.

Нет, это не сон, говорил я себе. Он действительно там, и все происходит на самом деле. Если бы только я мог увидеть, что это за город, узнать, где он находится! Если бы только мог услы-

шать его слова и понять, на каком языке он разговаривает с молодыми актерами! «Мариус!» — хотел крикнуть я, но плотный слой земли заглушил мой крик.

Теперь перед моим мысленным взором возникла иная картина.

Мариус спускался в просторной кабине лифта куда-то глубоко под землю. Взвизгнули и лязгнули металлические двери. Мариус вошел в огромное святилище Тех, Кого Следует Оберегать. Как же отличалось оно от прежних! Не было ни египетских надписей и рисунков, ни аромата цветов, ни блеска золота.

Высокие стены покрывала живопись в стиле импрессионистов, мириады разноцветных пятен и фрагментов создавали картину современного мира — неспокойного, непостоянного мира двадцатого века.

Самолеты летели над залитыми солнечным светом городами, высокие башни поднимались над металлическими арками мостов, стальные корабли бороздили серебристые воды морей. Это была поистине картина вселенной, уничтожающая те стены, на которых была изображена, и расширяющая пространство зала, в котором находились по-прежнему безмолвные и неподвижные, совершенно не изменившиеся за прошедшие века Акаша и Энкил.

Мариус ходил по залу мимо темных, непонятно что изображающих скульптур, мимо телефонных аппаратов и пишущих машинок, стоящих на деревянных подставках. Он поставил перед Теми, Кого Следует Оберегать, огромный и величественный граммофон. Потом осторожно опустил иглу на вращающийся диск пластинки. Из металлической трубы полились волшебные звуки «Венского вальса».

Мне вдруг стало смешно. Это чудесное изобретение словно предлагалось им в качестве подарка, своего рода жертвы. Возможно, звуки прекрасного вальса теперь пропитывают воздух вместо благовоний?

Однако это было еще не все. На стене Мариус развернул большой белый экран. А затем с возвышения за спинами богов начал показывать им фильмы с участием смертных. Не произнося ни звука, Те, Кого Следует Оберегать, наблюдали за мелькающим на экране изображением. Блики электрического све-

та отражались от их белой кожи, а сами они больше походили на статуи в музее.

А потом произошло самое удивительное. Дергающиеся на экране фигурки заговорили. Их голоса слышны были даже сквозь громкие звуки «Венского вальса», несущиеся из трубы граммофона.

Я буквально застыл от возбуждения и радости, охвативших меня. И вдруг мною овладело горькое чувство, я понял, что все это только сон. Потому что на самом деле эти маленькие фигурки на экране не могли разговаривать.

Зал и все чудеса, которые в нем находились, постепенно растаяли, скрылись в мутном тумане.

Ах, как глупо с моей стороны позволять себе воображать все это. А все потому, что я насмотрелся немых фильмов в маленьком театрике под названием «Счастливый час», все из-за того, что из окрестных домов до меня доносились звуки граммофонов. Мой сон был навеян реалиями жизни.

А «Венский вальс» возник из тех видений, которые посылал мне Арман. И воспоминания разрывали мне сердце.

Ну почему в попытках обмануть самого себя я не проявил чуть больше изобретательности и ума, почему не заставил остаться немыми эти движущиеся картинки? Тогда я смог бы и дальше воспринимать свой сон как реальность.

Было, однако, еще одно доказательство того, что все это было не более чем плодом моего воображения,— дерзкая и безумная фантазия: моя возлюбленная Акаша говорила со мной!

Акаша стояла в проеме дверей в конце подземного коридора, ведущего к лифту, который унес наверх Мариуса. Тяжелые волны густых черных волос покрывали ее белые плечи. Подняв холодную белую руку, она поманила меня к себе. Губы ее были ярко-алыми.

— Лестат,— прошептала она,— подойди ближе. Поток ее мыслей устремился ко мне, и я услышал от нее те же слова, которые когда-то сказала мне королева вампиров в склепе под кладбищем Невинных мучеников:

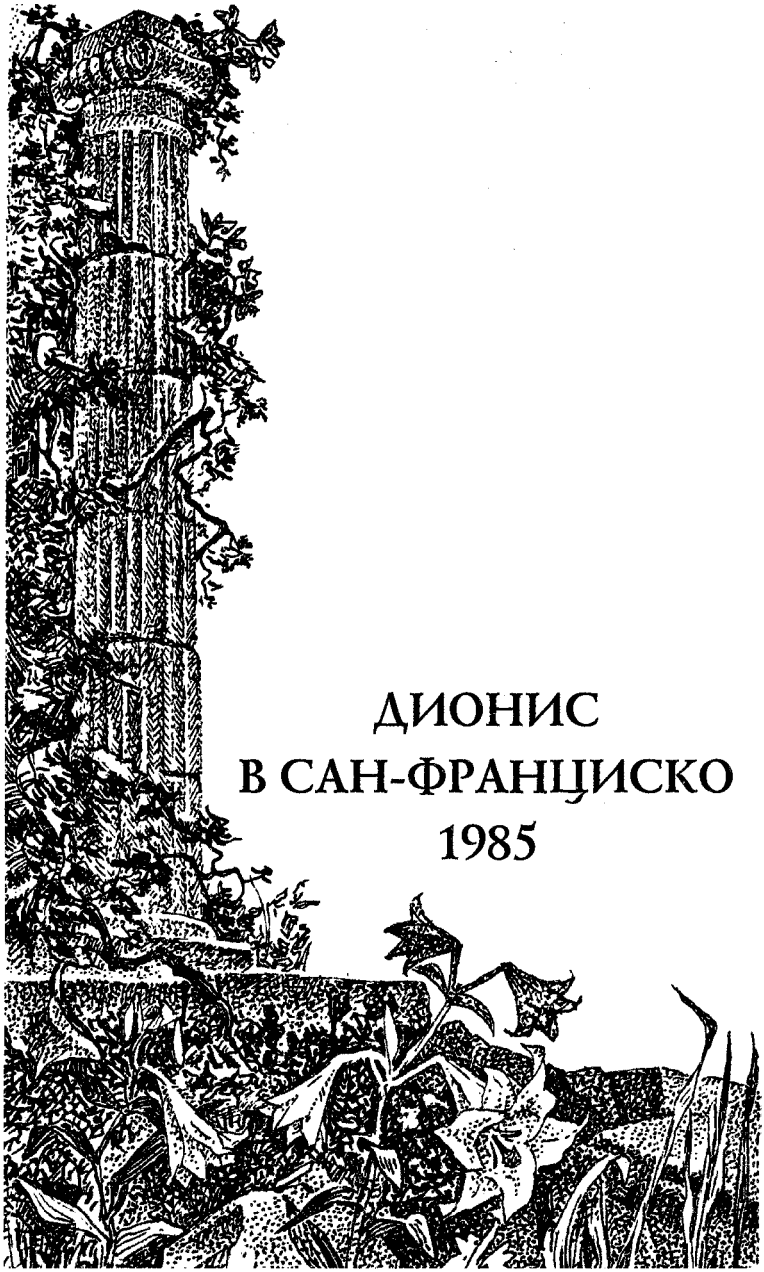
«Лежа на своем каменном ложе, я видела сны о том, что представляет собой мир смертных, существующий над моей головой. Из могилы я прислушивалась к их голосам, к новой

для меня музыке, и она звучала для меня как колыбельная песня. Я представляла себе фантастические перемены, произошедшие в этом мире, смелость и отвагу его обитателей. И хотя его ослепительный блеск навсегда от меня закрыт, я мечтала о том, что появится кто-то, у кого хватит сил, чтобы путешествовать по этому миру без страха, кто не побоится пройти Путем Дьявола через самое его сердце».

— Лестат,— вновь позвала меня Акаша, и лицо ее заметно оживилось,— иди же ко мне!

— О, моя дорогая,— ответил я, чувствуя горький привкус земли на губах,— если бы я мог, если бы я только мог!

Лестат де Лионкур
в год своего Воскрешения,
1984.

ДИОНИС
В САН-ФРАНЦИСКО
1985

1

Примерно за неделю до выхода нашего первого аудиоальбома появились они. Сначала нам только угрожали по телефону.

Таинственность, которой была окружена рок-группа под названием «Вампир Лестат», стоила мне отнюдь не дешево, но проникнуть к нам было практически невозможно. Даже издатели моей автобиографии не проронили ни единого лишнего слова. И в течение долгих месяцев, пока мы записывали свои пластинки и снимали видеофильмы в Новом Орлеане, я ни разу не видел их и не ощущал их близкого присутствия.

И все же им каким-то образом удалось раздобыть не указанный в телефонном справочнике номер. Они бесновались в трубке, выкрикивая ругательства и угрозы:

— Отступник! Нам известны все твои дела! Мы приказываем тебе немедленно прекратить! Выходи из своего укрытия! Посмотрим, осмелишься ли ты появиться и встретиться с нами!

Я спрятал свою группу в доме на живописной старой плантации к северу от Нового Орлеана. Там они могли спокойно потягивать свои сигареты с гашишем и пить «Дом Периньон». Хотя все мы ужасно устали от бесконечных репетиций и подготовки к первому появлению перед аудиторией, мы с нетерпением ждали концерта в Сан-Франциско, жаждали наконец добиться признания публики и почувствовать вкус славы.

Потом мой адвокат Кристина позвонила нам, чтобы передать послание, записанное на автоответчике. До сих пор не понимаю, каким образом аппарат смог уловить эти призрачные голоса. Той же ночью я усадил музыкантов в самолет, и мы полетели на запад.

Теперь и Кристине не было известно, где мы находимся. Этого толком не знали даже сами музыканты. На шикарном ранчо в Кармел-вэлли мы впервые услышали по радио свои записи. Когда наши видеофильмы появились в программах национального кабельного телевидения, мы просто плясали от радости.

Каждый вечер я в одиночку отправлялся в прибрежный городок Монтерей, чтобы связаться с Кристиной и узнать последние новости. Потом уходил на север и там охотился.

Всю дорогу до Сан-Франциско я сам вел свой мощный и ухоженный «порше», на бешеной скорости проходя самые головокружительные повороты шоссе, бегущего по берегу моря.

В желтоватом тумане, окутывающем городские окраины и местные притоны, я гонялся за своими жертвами чуть более осмотрительно и обходился с ними более жестоко.

Напряжение росло с каждым днем.

И все же я пока не встречал тех, других, и ничего о них не слышал. Были лишь телефонные послания от неизвестных мне бессмертных созданий:

— Мы предупреждаем тебя. Прекрати это безумие. Ты сам не понимаешь, какую опасную игру затеял.

И следом — уже знакомый мне шепот, который не в силах уловить человеческое ухо:

— Предатель! Отступник! Покажись, Лестат!

Даже если они и охотились в Сан-Франциско, мне ни разу не приходилось сталкиваться с ними. Но Сан-Франциско — такой большой и густонаселенный город. А я, как всегда, был очень ловок, осторожен и действовал совершенно бесшумно.

И вот наконец на почту в Монтерее полетели телеграммы. Мы сделали это! По количеству проданных альбомов побили все рекорды не только здесь, но и в Европе. После Сан-Франциско мы можем выступить в любом городе, в каком захотим. По всей стране в каждом книжном магазине на полках стояла

моя автобиография. «Вампир Лестат» занимал верхнюю позицию во всех рейтингах.

После ночной охоты в Сан-Франциско я поехал в своем «порше» по бесконечной Дивисадеро-стрит. Снизив скорость, я медленно прополз мимо ветхих домов, построенных в викторианском стиле, гадая, в каком из них мог рассказывать Луи свою историю тому смертному мальчику — где он дал знаменитое «Интервью с вампиром», если, конечно, это вообще происходило где-то здесь. Я не переставая думал о Луи и Габриэль. Вспоминал я и Армана. И Мариуса. Мариуса, которого предал, рассказав в своей книге обо всем.

Сумел ли «Вампир Лестат» протянуть свои электронные щупальца достаточно далеко, чтобы достичь их ушей? Видели ли они наши видеофильмы — «Наследство Магнуса», «Дети Тьмы», «Те, Кого Следует Оберегать»? Я думал и о других древних вампирах, чьи имена были названы мной,— о Маэле, Пандоре, Рамзесе Проклятом.

Я был уверен в том, что, несмотря на все принятые меры предосторожности, Мариус легко сумел бы до меня добраться. Его могущества и силы вполне достаточно, чтобы преодолеть даже необъятные просторы американского континента. Если бы только он захотел найти меня... если бы он услышал...

Ко мне вновь вернулось давнее видение: Мариус, крутящий ручку киноаппарата и проецирующий на огромный экран движущееся изображение, фигурки, мелькающие на стене святилища Тех, Кого Следует Оберегать. Даже сейчас этот сон показался мне настолько ясным и близким к реальности, что сердце у меня подпрыгнуло.

И постепенно я начал осознавать, что обладаю отныне совершенно новым представлением об одиночестве и новым подходом к определению степени безмолвия, простирающегося до самого края света.

Единственным, что нарушало спокойствие, были угрожающие голоса сверхъестественных существ, которые, несмотря на все возрастающую в них злобу, не несли с собой никаких образов и видений.

— Не смей появляться на сцене в Сан-Франциско. Предупреждаем тебя. Ты ведешь себя слишком вызывающе, слиш-

ком нагло. Ради того чтобы наказать тебя, мы пойдем на все, даже на публичный скандал.

Мне было смешно слышать, как они мешают архаичные слова и обороты с вполне современной американской лексикой. Интересно, как выглядят современные вампиры? Отразилась ли как-то на их воспитании и поведении принадлежность к сонму бессмертных? Есть ли у них определенный стиль и манеры? Живут ли они в общинах или носятся по всему миру на огромных черных мотоциклах, как это нравится делать мне?

Возбуждение во мне продолжало расти, и я никак не мог с ним справиться. Пока я ехал сквозь ночь под вырывающиеся из радиоприемника звуки нашей собственной музыки, я чувствовал, как в душе у меня поднимается вполне человеческий восторг.

Я мечтал о предстоящем выступлении и с нетерпением ожидал его, ничуть не отличаясь от моих смертных друзей — Таф Куки, Алекса и Ларри.

После невыносимо тяжелой и утомительной работы над пластинками и фильмами я хотел, чтобы нас увидели и наши голоса зазвучали перед ликующей и беснующейся от восторга толпой. Иногда, когда мне было особенно грустно, я отчетливо вспоминал уже давно прошедшие вечера в театре Рено. И на память мне приходили, казалось бы, странные детали: запах белого грима, который я тщательно накладывал на лицо, аромат пудры, а иногда самый волнующий, наверное, момент — последний миг, перед тем как переступить черту, отделяющую меня от ярко освещенной огнями рампы сцены.

Да, все возвращается на круги своя, и, если мои поступки вызовут гнев Мариуса, если приведут его в ярость, что ж, я это вполне заслужил.

Сан-Франциско очаровал и покорил меня. Мне было нетрудно представить живущего здесь Луи. Этот город с мрачноватыми, выкрашенными в разные цвета особняками и многоквартирными домами, тесно стоящими бок о бок вдоль узких и темных улиц, чем-то напоминал мне Венецию. Трудно было устоять перед прелестью вспыхивающих над вершинами холмов и долиной огней, перед красотой и величественной дикостью небоскребов, словно невиданный, сказочный лес вырастающих из моря тумана.

Каждый раз, возвращаясь на исходе ночи в Кармел-вэлли, я вытаскивал из машины целый мешок почты, которую нам пересылали из Нового Орлеана в Монтерей. И каждый раз я тщательно просматривал ее в поисках каких-нибудь посланий от вампиров, пытаясь обнаружить характерное для них старомодное написание букв, которое иногда, если они были в ярости и не пытались скрыть свои сверхъестественные способности, могло произвести впечатление готического шрифта. Однако ничего, кроме восторженных посланий наших преданных смертных поклонников, мне не попадалось.

«Дорогой Лестат! Мы с моей подругой Шерил очень любим тебя, но никак не можем достать билеты на твой концерт в Сан-Франциско. А ведь мы отстояли в очереди целых шесть часов! Пожалуйста, пришли нам два билета. Мы согласны стать твоими жертвами и отдать тебе свою кровь».

Наступила наша последняя перед концертом в Сан-Франциско ночь. Было около трех часов.

Прохладный зеленый рай под названием Кармел-вэлли погрузился в сон. Я дремал в своей просторной «берлоге» со стеклянной стеной и предавался мыслям и мечтам о Мариусе. Мариус разговаривал со мной во сне:

— Почему ты пошел на такой риск? Ведь он грозит тебе местью с моей стороны.

— Потому что ты отвернулся от меня,— отвечал я.

— Это еще не достаточная причина. Ты поступаешь необдуманно. Тебе захотелось все разрушить?

— Я хочу повлиять на ход событий, хочу, чтобы хоть что-нибудь произошло!

Я так громко выкрикнул эти слова во сне, что даже проснулся и вспомнил, что нахожусь в своем доме в Кармел-вэлли. Да, это был лишь сон, зыбкий и непрочный сон, как у смертных.

И все же что-то... что-то еще... какая-то «трансмиссия», как будто заблудившаяся радиоволна попала не на свою частоту... и голос... голос, обращенный ко мне:

— Опасность! Опасность грозит всем нам!

И потом буквально на доли секунды перед моими глазами возникло видение. Снег. Лед. Завывание ветра. Осколки стекла на каменном полу.

— Опасность, Лестат! Опасность!

Я проснулся.

И обнаружил, что уже не лежу на кушетке, а стою перед стеклянными дверями. Я больше ничего не слышал, ничего не видел, кроме туманных силуэтов холмов и черной громады вертолета, гигантской мухой парящего над квадратной бетонной площадкой.

Я прислушивался изо всех сил — так напряженно, что даже вспотел. Однако никаких «трансмиссий» больше не уловил. Исчезли и видения.

И вдруг меня как током поразило внезапно возникшее ощущение чьего-то присутствия. Я услышал едва уловимые звуки.

Кто-то бесшумно двигался снаружи. Никакого намека на человеческий запах.

Там, за стеной, один из них! Кому-то, несмотря на все меры предосторожности, удалось проникнуть сюда, и теперь он приближается, идет через открытое, заросшее высокой травой пространство, начинающееся за вертолетной площадкой.

Я снова прислушался, но не услышал ничего, что свидетельствовало бы о приближении опасности. Хотя, должен признаться, разум неизвестного был полностью закрыт от меня. Я ощущал только сигналы того, что неизвестное существо приближается.

В увитом лианами доме под низкой крышей все спали глубоким сном — и дом с выкрашенными в белый цвет пустыми стенами и голубым огоньком работающего без звука телевизора показался мне вдруг гигантским аквариумом. Таф Куки и Алекс, держа друг друга в объятиях, лежали на ковре перед пустым камином. Аарри дрых в своей маленькой, похожей на келью комнате с чувственной и неутомимой подружкой по имени Саламандра, которую они «откопали» перед самым отъездом из Нового Орлеана. Спали и охранники, одни в комнатах, в этих современных камерах с низкими потолками, другие в коттедже, за похожим на раковину устрицы бассейном с голубой водой.

А в это время со стороны шоссе пешком через поле, над которым сияло звездами чистое небо, к нам приближалось неведомое существо. Я теперь был уверен, что неизвестный совер-

шенно один. Я отчетливо слышал в темноте биение его сверхъестественного сердца. Горы в отдалении были похожи на призраков, а желтые цветы акаций, освещенные звездами, казались совершенно белыми.

Похоже было, что это существо ничего не опасается и упорно приближается к дому. Мне не удавалось проникнуть в его мысли. Это могло означать только одно: ко мне явился кто-то из древних и очень опытных вампиров. Но опытные вампиры ходят по траве совершенно бесшумно... А это существо передвигалось почти по-человечески. Этот вампир был создан мной!

Сердце мое готово было выпрыгнуть из груди. Я бросил взгляд на едва заметные огоньки охранного устройства, полускрытого в углу складками штор. Оно должно было включить сирену, если кто-то смертный или бессмертный попробует проникнуть в дом.

И вот наконец высокая и стройная фигура появилась на краю белой бетонной площадки. У него были короткие темные волосы. И вдруг он резко остановился, как будто в голубоватом электрическом свете смог разглядеть меня за тонкой тюлевой занавеской.

Да, он меня увидел. И направился прямо ко мне, к свету.

Живой и подвижный, он шел с не свойственной смертным легкостью. Черные волосы, зеленые глаза и гибкое тело, скрытое под бесформенным, изрядно потрепанным свитером, тонкие как спицы, стройные ноги.

К горлу у меня подступил комок. Я дрожал с головы до ног. Я старался помнить о том, что было самым важным, о том, что я должен охранять остальных, что должен быть очень осторожен. «Опасность!»

Потом рука моя потянулась к кнопке сигнала тревоги и отключила его. Я распахнул стеклянные двери, и в комнату ворвался свежий ночной воздух.

Он был возле вертолета — то подпрыгивал, то отходил, словно танцуя, и задирал голову, чтобы получше рассмотреть машину. Руки его были небрежно засунуты в задние карманы черных джинсов. Он обернулся, и тогда я отчетливо увидел его лицо. Он улыбался.

Даже наши воспоминания порой бывают обманчивы. И он был неопровержимым доказательством этого. Он подошел ближе — изящный и ослепительный, как лазерный луч, и все прошлые образы рассеялись как дым.

Я снова включил сигнализацию тревоги, плотно запер стеклянную дверь и повернул ключ в замке, чтобы мои подопечные смертные могли спать в безопасности. На секунду мне показалось, что я не смогу это вынести. А ведь это было только началом. Если он здесь, всего в нескольких шагах от меня, значит, скоро появятся и остальные. Они все придут сюда.

Я повернулся и пошел к нему, внимательно изучая его в падающем из окна голубоватом свете. Когда я заговорил, голос мой звучал напряженно, и весь я был натянут как струна.

— А где же черный плащ, великолепно сшитый фрак, шелковый галстук и все остальное в том же духе? — спросил я.

Глаза наши встретились, и мы буквально впились взглядами друг в друга.

И вдруг он беззвучно расхохотался. Однако он продолжал изучать меня, и в глазах его было восхищение, что в глубине души доставляло мне несказанную радость. С поистине детской непосредственностью он протянул руку и погладил лацкан моего серого бархатного пиджака.

— Невозможно вечно оставаться живой легендой,— шепотом произнес он, хотя на самом деле это был вовсе не шепот. Я явственно слышал его французский акцент, хотя никогда не имел возможности услышать свой собственный.

Мне невыносимо было воспринимать его такой знакомый и близкий голос, его речь.

Забыв все ядовитые и резкие слова, которые собирался ему сказать, я заключил его в объятия.

Мы обнялись так, как никогда не делали это в прошлом. Скорее, это походило на наши с Габриэль объятия. Потом я гладил руками его волосы и лицо, как будто желая убедить себя в том, что это действительно он и что он рядом. Он делал то же самое. Мы как будто разговаривали и в то же время молчали. Наша поистине безмолвная беседа не нуждалась в произнесенных вслух словах. Только едва заметные кивки головами. Я ви-

дел, что он буквально светится от любви ко мне и испытывает такое же лихорадочное возбуждение и удовлетворение, как я.

Однако он вдруг замолчал, и лицо его слегка вытянулось.

— Знаешь,— произнес он теперь уже вслух,— я думал, ты давным-давно умер, исчез.

— А как же тебе удалось найти меня здесь? — вместо ответа спросил я.

— Но ты же сам этого хотел,— сказал он, вдруг вспыхнув от смущения и пожав плечами.

Все, что он дéлал, каждое его движение оказывало на меня магнетическое, завораживающее воздействие. То же самое происходило со мной больше века тому назад. Я взглянул на его тонкие пальцы и удивительно сильные руки.

— Ты сам разрешил мне увидеть тебя, а потом позволил следовать за тобой. Ведь ты постоянно ездил взад и вперед по Дивисадеро-стрит, искал меня.

— Все это время ты жил там?

— Для меня это самое безопасное место во всем мире. Я никогда не покидал его. Меня искали там, но не смогли найти. Теперь я могу спокойно ходить рядом с бессмертными, быть среди них, когда мне вздумается, они все равно не узнают меня. Они же не имеют представления, как именно я выгляжу.

— Но если узнают, то обязательно постараются тебя уничтожить,— предупредил я.

— Конечно,— кивнул он.— Но они пытались сделать это еще со времен Театра вампиров и тех событий, которые там произошли. «Интервью с вампиром» вновь дало им веский повод для этого. А для того чтобы играть в свои игры, бессмертным непременно нужен повод. Им нужен толчок, стимул для возбуждения. Для них это все равно что кровь.— Голос его на секунду показался мне усталым и измученным.

Он глубоко вздохнул. Я заметил, что ему нелегко говорить об этом. Мне хотелось вновь крепко обнять его, однако я сдержался.

— Впрочем, сейчас, по-моему, они собираются уничтожить тебя,— снова заговорил он.— А уж как выглядишь ты, им прекрасно известно.— Он едва заметно улыбнулся.— Ваша внешность известна абсолютно всем, месье рок-звезда.

Улыбка его стала шире. Однако голос его, как всегда, был тихим, а тон — вежливым и благовоспитанным. От избытка чувств лицо его слегка порозовело. Однако оно ничуть не изменилось. И, наверное, не изменится никогда.

Я обнял его за плечи, и мы направились в сторону от дома, подальше от льющегося из него света. Пройдя мимо огромного серого скелета вертолета, мы двинулись через выложенное солнцем поле в сторону холмов.

Мне казалось, что переполняющее меня счастье причиняет мне мучительную боль и что от избытка его я буквально горю как в огне.

— Ты все-таки не собираешься отказываться от своих намерений? — спросил он.— Я говорю о завтрашнем концерте.

Опасность для всех нас! Что это было? Предупреждение или угроза?

— Нет конечно! Ничто в мире не сможет остановить меня и помешать сделать так, как я задумал.

— Мне очень хотелось бы тебя остановить. Мне следовало прийти к тебе раньше. Я заметил тебя еще неделю назад, но потом потерял из виду.

— А почему ты хочешь воспрепятствовать мне?

— Сам знаешь почему,— ответил он.— Мне необходимо поговорить с тобой.

В этих таких простых на первый взгляд словах был заключен огромный смысл.

— У нас еще будет для этого время,— сказал я.— У нас будет много времени. Ничего не случится. Вот увидишь.

Я то смотрел на него, то отводил взгляд в сторону, как будто его зеленые глаза причиняли мне боль. Говоря современным языком, он действительно был, как лазерный луч. Одновременно и нежный, и поистине смертоносный. Его жертвы всегда влюблялись в него.

Я и сам любил его. Несмотря ни на что. Можно себе представить, какой великой способна стать любовь, если у тебя в распоряжении целая вечность, чтобы лелеять и оберегать ее. Мне понадобилось лишь несколько мгновений, чтобы она вспыхнула во мне с новой силой, чтобы ощутить ее опаляющий жар.

— Как можешь ты утверждать это с такой уверенностью, Лестат? — спросил он.

Услышав, как он произнес мое имя, я испытал странное, почти чувственное волнение. Но я не мог заставить себя столь же естественно произнести его имя — Луи.

Мы медленно шли без всякой цели. Его рука спокойно и нежно обнимала меня, а моя, в свою очередь, свободно обвилась вокруг его тела.

— Нас охраняет целая армия смертных,— говорил я.— Телохранители будут рядом с моими ребятами и в вертолете, и в лимузине. А сам я от аэропорта до места поеду один на своем «порше», что значительно облегчит мне задачу и позволит защитить себя в случае необходимости. Кроме того, нас будет сопровождать самый настоящий почетный эскорт мотоциклистов. Да и что может сделать мне горстка ослепленных ненавистью юнцов, этих произведений нынешнего, двадцатого, века? Эти идиоты пользуются телефоном, чтобы выкрикивать свои угрозы.

— Их вовсе не горстка, а гораздо больше,— промолвил он.— А как быть с Мариусом? Твои враги только и заняты обсуждением вопроса о том, правду ли ты рассказал о Мариусе и существуют ли в действительности Те, Кого Следует Оберегать...

— Это вполне естественно. А ты? Ты веришь, что все это правда?

— Да. Я понял это, как только прочитал твою книгу,— ответил он.

Мы оба замолчали, и, возможно, каждый из нас в эти минуты вспомнил то любознательное бессмертное создание, которое много-много лет назад задавало мне один и тот же вопрос: как и откуда все это началось?

Слишком больно вспоминать. Это все равно что доставать из архива старые фотографии и, стерев с них пыль, видеть, что изображение и краски по-прежнему сохранились. Это фотографии наших давно ушедших предков, а значит, и нас самих.

Я нервно откинул со лба волосы и подставил лицо прохладному ветерку. Жест, свойственный главным образом смертным и не слишком характерный для нас.

— Почему ты так уверен,— поинтересовался он,— что Мариус не покончит с твоим экспериментом и с тобой, едва ты ступишь на сцену?

— А ты считаешь, что кто-либо из древних способен на это?

Он надолго задумался и, как всегда в таких случаях, углубился в свои мысли, забыв обо всем на свете и о моем присутствии в том числе. Мне вдруг показалось, что мы с ним вновь в нашем старом доме, тускло освещенном газовыми лампами, я даже услышал звуки и ощутил запахи прежних времен. Мы вновь сидим в гостиной нашего дома в Новом Орлеане перед камином, в котором горят угли, и все вокруг постепенно стареет и ветшает. Все, кроме нас.

Но он стоял здесь, рядом со мной,— дитя нового века в бесформенном свитере и поношенных джинсах — и задумчиво смотрел вдаль, на смутно вырисовывающиеся во тьме холмы. В его затуманившихся глазах проскакивали искорки внутреннего огня, волосы растрепались. Очнувшись от долгого сна, он медленно выпрямился.

— Не знаю, но мне кажется, что, если твое поведение выведет из себя древних, они постараются разделаться с тобой.

— А тебя это волнует?

— Ты же знаешь, что да.

Его лицо слегка порозовело. И стало еще больше походить на лицо обычного человека. По правде говоря, он меньше, чем кто-либо другой из известных мне бессмертных, отличался от обычных людей.

— Ведь я же здесь,— тихо добавил он.

Я почувствовал в его голосе боль, которая словно рудничный пласт пронизывала его тело, и этот пласт способен был доносить чувства до самых глубин души.

Я кивнул. Потом глубоко вздохнул и отвернулся. Как бы мне хотелось сказать ему все, что я чувствовал и должен был сказать. Я обязан был признаться, что люблю его. Но я не в силах был сделать это — меня переполняли эмоции.

— Что бы ни случилось, я ни о чем не пожалею...— сказал я.— Оно стоит того, если таким образом мне хотя бы на короткое время удастся собрать вас вместе — тебя, Габриэль, Арма-

на и... и Мариуса. А вдруг появится и Пандора? И Маэл. И кто знает, сколько еще. Что, если все древние соберутся вместе? Ведь оно стоит того! А все остальное меня не волнует.

— Неправда, волнует,— с улыбкой возразил он. Я чувствовал, что мои слова произвели на него впечатление.— Ты просто уверен, что это будет захватывающее приключение и что в любом случае ты выйдешь из битвы победителем.

Я опустил голову, чтобы скрыть смех. Совсем по-человечески сунув руки в карманы брюк — в последнее время это стало весьма распространенным жестом,— я пошел по траве вперед. Даже в эту холодную калифорнийскую ночь трава по-прежнему пахла солнцем. Я не стал рассказывать ему о своих чисто человеческих чувствах — о желании выступать на сцене, о той безумной радости, которая охватывает меня всякий раз, когда я вижу себя на экране телевизора или на конвертах наших альбомов, выставленных в витринах магазинов по всему Северному побережью.

Он шел рядом со мной.

— Не кажется ли тебе, что, если бы древние хотели уничтожить меня, они бы давно это сделали?

— Нет,— ответил он.— Я видел тебя и следил за тобой. Но до этого я очень долго не мог тебя разыскать. А ведь я пытался найти тебя с того момента, как услышал о твоем возвращении.

— А где ты об этом услышал?

— Во всех крупных городах существуют места встреч вампиров. Уверен, что ты и сам уже знаешь об этом.

— Не знаю. Расскажи мне о них.

— Это в основном бары, которые мы называем явками вампиров,— с иронической улыбкой начал объяснять он.— Конечно же, их постоянными посетителями являются прежде всего смертные, а мы узнаем эти заведения по вывескам. В Лондоне это «Доктор Полидори», в Париже — «Ламия». Есть еще «Бела Лугоши» в Лос-Анджелесе, «Кармилла» и «Лорд Рутвен» в Нью-Йорке. Здесь, в Сан-Франциско, пожалуй, самое красивое и лучшее место из всех — кабаре «Дочь Дракулы» на Кастро-стрит.

Я невольно расхохотался и увидел, что и сам он едва сдерживает смех.

— А почему среди них нет имен из «Интервью с вампиром»? — с насмешливым возмущением спросил я.

— Исключено и строжайше запрещено,— ответил он, чуть приподняв брови.— Они же не вымышленные. Настоящие. Однако я должен поставить тебя в известность, что на Кастро-стрит постоянно крутят видеокассеты с вашими клипами. Этого требуют смертные посетители. Они провозглашают тосты в вашу честь и пьют за вас «Кровавую Мэри». От вашего «Танца Невинных мучеников» сотрясаются стены.

У меня едва не начался приступ истерического смеха. Сдерживаясь из последних сил, я затряс головой.

— Хочу также сказать, что вы произвели своего рода революцию в лексике посетителей задней комнаты,— добавил он с насмешливой торжественностью, не в силах, однако, сохранить совершенно серьезное выражение лица.

— Что ты имеешь в виду?

— Темный Обряд, Темный Дар, Путь Дьявола — эти недоделанные существа, которые никогда не были настоящими вампирами, только и повторяют эти выражения. Несмотря на то что они совершенно не желают признавать твою книгу и обвиняют тебя во всех грехах, они тем не менее пользуются ею как примером для подражания. Навешивают на себя тонны египетских украшений. Черный бархат снова вошел в моду.

— Потрясающе! — воскликнул я.— А как выглядят эти места встреч?

— Они напичканы разного рода снаряжением и символикой вампиров. Постеры фильмов о вампирах украшают все стены, а сами фильмы постоянно крутят там на больших экранах. Чтобы посмотреть регулярно демонстрируемое там идиотское шоу, приходят толпы смертных. В основном это люди с артистическими натурами — актеры, юнцы-панки, художники. Они вставляют себе пластиковые клыки и наряжаются в черные плащи. Нас они даже не замечают. В сравнении с ними мы кажемся серыми и скучными. В полумраке среди бархатных нарядов и египетских драгоценностей на нас просто не обращают внимания. Мы практически невидимы. Конечно же, нам нет никакого дела до смертных завсегдатаев. Мы приходим в бары

вампиров за новостями. Во всем христианском мире бары вампиров — наиболее безопасные места для смертных. Убивать их в таких барах запрещено.

— Странно, что никто не подумал об этом прежде,— сказал я.

— Почему же? Эта идея приходила кое-кому в голову и раньше,— возразил он.— В Париже таким местом был Театр вампиров.

— Да, правда.

— Примерно месяц назад по явкам вампиров прошел слух о твоем возвращении. Сначала говорили о том, что ты охотишься в Новом Орлеане, а потом стали известны твои намерения. Бессмертные раздобыли самые первые экземпляры твоей автобиографии. Кроме того, постоянно слышались разговоры о ваших видеофильмах.

— Но почему я никогда не встречал вампиров в Новом Орлеане?

— Потому что вот уже около полувека Новый Орлеан является территорией Армана. Никто не осмеливается охотиться там. Вампиры узнали о тебе от смертных, новости пришли из Лос-Анджелеса и Нью-Йорка.

— Я не видел Армана в Новом Орлеане.

— Знаю,— ответил он, и я почувствовал его беспокойство и смущение, ощутил, как сжалось его сердце.— Никто не знает, где сейчас Арман,— несколько вялым голосом продолжал он.— Но когда он еще жил там, он убил нескольких из молодых. А потому Новый Орлеан оставили в полном распоряжении Армана. Говорят, что многие старые вампиры так поступают — уничтожают молодых. Даже обо мне говорят то же самое. Но это неправда. Охотясь в Сан-Франциско, я веду себя как призрак. Я не беспокою никого, кроме, конечно, моих несчастных жертв.

Должен признаться, что его слова ничуть меня не удивили.

— Нас слишком много,— сказал он.— Нас всегда было слишком много. И часто между нами происходят войны. Общество, существующее в том или ином городе, дает возможность троим-четверым наиболее могущественным из нас дого-

вориться между собой о том, чтобы не уничтожать друг друга, и распределить территории в соответствии с законами.

— Законы всегда были одними и теми же.

— Теперь они во многом изменились. Стали более строгими. Нельзя, например, оставлять следы. Ни один труп не должен быть найден.

— Естественно.

— В мире, где существуют фотография, видеосъемка и электронные микроскопы, не должно быть оставлено ни одного свидетельства, ни одного следа, пригодного для исследования. Нельзя допускать ничего такого, что может привести к аресту, заключению в тюрьму или получению смертными любых подтверждений нашего существования.

Я кивнул. Но сердце мое билось как сумасшедшее. Мне нравилось быть отступником, тем, кто нарушил все до единого законы. И кроме того, разве сами вампиры не пользуются моей книгой как примером для подражания? Все так. Колеса завертелись, машина пущена в ход.

— Лестат, тебе кажется, что ты знаешь и понимаешь все. Но так ли это на самом деле? — спокойно и терпеливо спросил он.— Стоит только получить им в свое распоряжение хоть крошечный кусочек нашей плоти, исследовать его под микроскопом, и в мире смертных будет положен конец любым спорам о правдивости легенд о нас и связанных с ними предрассудках. Все неопровержимые доказательства окажутся в руках людей.

— Я так не думаю, Луи. Все не так просто.

— У людей есть все средства, чтобы определить нашу сущность, классифицировать нас и поднять на борьбу с нами все человечество.

— Нет, Луи. Современные ученые ведут себя не лучше всякого рода колдунов прежних веков — они постоянно воюют между собой. Ведут бесконечные споры по самым элементарным и очевидным вопросам. Ты можешь положить по кусочку нашей сверхъестественной плоти под все микроскопы мира, но даже тогда публика не поверит ни единому слову.

Он с минуту размышлял над моими словами.

— А если одного из нас поймают? — наконец промолвил он.— Если кто-то из нас живым окажется в их руках?

— Даже это ничего не изменит. И потом, каким образом им удастся схватить, например, меня?

Сама мысль, однако, показалась мне забавной. Преследование, борьба, возможное пленение и побег... ах, как все это интересно!

На лице его появилась странная улыбка. Он смотрел на меня и с неодобрением, и с восторгом.

— Ты еще более безумен, чем прежде,— чуть слышно произнес он.— Еще более безумен, чем в те времена, когда бродил по Новому Орлеану и намеренно задевал прохожих.

Я рассмеялся, однако быстро успокоился. Скоро наступит утро. У меня еще будет время посмеяться, когда завтра вечером я поеду в Сан-Франциско.

— Луи,— сказал я,— я все хорошо продумал. Начать настоящую войну со смертными гораздо сложнее, чем ты думаешь...

— А ты твердо намерен ее начать? — перебил он меня.— Причем неважно — со смертными или бессмертными? С любым, кто встанет на твоем пути?

— А почему бы и нет? Пусть война начнется. И пусть люди попробуют уничтожить нас, так же как уничтожили всех других своих дьяволов. Пусть попробуют стереть нас с лица земли.

Он смотрел на меня с тем выражением почтения, обожания и в то же время недоверчивости, которое я видел на его лице уже тысячи раз. И каждый раз это выражение ставило меня в тупик.

Однако небо над нашими головами начало светлеть, звезды постепенно исчезали. До наступления весеннего утра оставалось буквально несколько минут.

— Ты и в самом деле хочешь, чтобы все это произошло? — спросил он, и тон его был мягче, нежнее, чем прежде.

— Луи, я хочу, чтобы случилось все, что должно случиться. В любом случае мы сами и все вокруг должны измениться. Кто мы сейчас? Всего лишь жалкие кровопийцы — отвратительные пиявки, которые вынуждены скрываться и полностью лишены права на справедливость. Прежней романтики больше нет. А потому мы должны найти новый смысл существования. Я жажду ярких огней в не меньшей степени, чем жажду крови.

Я жажду божественного ощущения своей реальности, хочу, чтобы меня видели все. Жажду войны.

— Новое зло, говоря твоими же словами,— произнес он в ответ.— И на этот раз это будет зло двадцатого века.

— Именно так,— подтвердил я.

Однако я думал и о своем чисто человеческом, хотя и тщетном, желании мировой известности и признания. Я почувствовал легкий укол совести. Но ведь это доставит мне такое удовольствие!

— И все же почему, Лестат? — с оттенком подозрительности спросил он.— Зачем тебе эта опасность и такой риск? В конце концов ты своего добился. Ты вернулся. И сейчас ты силен как никогда. В тебе горит прежний огонь, словно ты никогда не утрачивал его. И тебе как никому известно, как ценна сама по себе способность продолжать свое существование. Зачем же рисковать вот так, сразу? Разве ты забыл, как здорово, когда весь мир в нашем распоряжении и никто, кроме нас самих, не может причинить нам вред?

— Это что, предложение, Луи? Ты вновь вернулся ко мне? Ты снова со мной, как говорят влюбленные?

Глаза его потемнели, и он отвернулся.

— В моих словах нет и тени насмешки, Луи,— объяснил я.

— Это ты снова со мной, Лестат. Ты вернулся ко мне,— спокойно ответил он, вновь глядя мне в глаза.— Когда в «Дочери Дракулы» я впервые услышал о твоем возвращении, я почувствовал нечто такое, что, как я думал, давно и навсегда во мне умерло...— Он замолчал.

Однако я понял, что он хотел сказать. Точнее, уже сказал. И я понял это давным-давно, когда почувствовал, в каком отчаянии был Арман после гибели древнего общества. Возбуждение, волнение, желание продолжать свое существование — такого рода чувства были для нас бесценными. Следовательно, у меня появляется еще больше оснований для участия в рок-концерте, для того, чтобы все продолжалось, для начала войны.

— Лестат, прошу тебя, не выходи завтра вечером на сцену,— попросил Луи.— Добейся того, чего ты хочешь, с помощью видеокассет и книги. Но побереги, защити себя. Подожди,

пока мы соберемся все вместе и поговорим. Давай построим в этом веке такие отношения между нами, каких никогда не было. Я говорю об абсолютно всех нам подобных.

— Весьма соблазнительная идея, радость моя,— усмехнулся я.— Было время в прошлом веке, когда я отдал бы все на свете за одну только возможность услышать эти слова. Мы действительно соберемся все вместе. И обязательно поговорим. И наладим отношения. Это будет прекрасно, так чудесно, как не было никогда. Однако я выйду на сцену. Я вновь собираюсь стать Лелио, но таким, каким никогда не был в Париже. Я буду вампиром Лестатом, и меня увидят все. Буду одновременно и символом, и отступником, своего рода причудой природы, ее уродливым созданием, которого можно и любить, и ненавидеть, и презирать. Повторяю, я не могу отступить. Я не могу упустить такую возможность. И если говорить честно, я не испытываю ни малейшего страха.

Почувствовав, как мне показалось, охватившую его не то холодность, не то печаль, я постарался взять себя в руки. Как никогда прежде, я ненавидел готовое взойти солнце. Он повернулся к горизонту спиной, потому что свет уже начал причинять ему боль. Однако на лице его я увидел выражение все той же теплоты и симпатии.

— Что ж, хорошо,— сказал он,— в таком случае я хотел бы поехать в Сан-Франциско вместе с тобой. Я очень хочу. Ты возьмешь меня?

Я даже не смог ответить сразу. Безумный восторг, возбуждение и всепоглощающая любовь к нему, охватившие меня, показались мне вдруг едва ли не оскорбительными.

— Конечно, я возьму тебя с собой,— откликнулся наконец я.

Мы пристально посмотрели в глаза друг другу. Ему пора было уходить. Для него утро уже наступило.

— Еще два слова, Луи,— попросил я.

— Слушаю.

— Эта одежда... Нечто невозможное. Надеюсь, что завтра вечером ты, как теперь говорят, скинешь этот свитер и эти брюки.

Он ушел, и мне вдруг показалось, что вокруг меня образовалась пустота. Я еще немного постоял, не переставая вспоминать о странном послании, полученном мною: «Опасность!» Я внимательно оглядел горы и бескрайние поля вокруг. В конце концов, какое теперь имеет значение, было ли это предупреждением или угрозой. Молодые звонят по телефону. А древние используют сверхъестественные возможности своих голосов. Что в этом странного?

Сейчас я мог думать только о Луи и о том, что он снова со мной. И еще о том, что произойдет, когда появятся остальные.

2

Когда наш кортеж въезжал в ворота огромного «Кау-паласа» в Сан-Франциско, все обширное пространство вокруг было заполнено толпами возбужденных людей. Мои музыканты ехали впереди в лимузине, а Луи сидел на кожаном сиденье «порше» рядом со мной. Свежий и сияющий, одетый в такой же, как и у всей группы, костюм с черным плащом, он как будто только что сошел со страниц собственного романа. Когда он оглядывал беснующуюся толпу наших поклонников — орущих и визжащих юнцов — и сдерживающих их на расстоянии от нас охранников на мотоциклах, в его зеленых глазах я заметил страх.

Все билеты были проданы за месяц до концерта, и разочарованные фанаты, которым не удалось попасть в зал, требовали, чтобы концерт транслировался через громкоговорители. Повсюду в огромном количестве валялись пустые банки из-под пива. Подростки облепили крыши автомобилей, они сидели даже на багажниках и капотах. Из включенных на полную мощность радиоприемников неслась наша песня «Вампир Лестат».

Рядом с моей машиной бежал наш менеджер, на ходу через открытое окно объясняя мне, что в зале будут установлены большие экраны и мощные динамики. Чтобы предотвратить беспорядки, вся полиция Сан-Франциско была поставлена на ноги.

Я чувствовал растущее беспокойство Луи. Когда мотоциклисты резко повернули в сторону вытянутого, как труба, уродли-

вого зала, группа подростков прорвалась через оцепление и бросилась к нашей машине, прямо к стеклу с той стороны, где сидел Луи.

Все происходящее буквально завораживало меня. Возбуждение и волнение достигли своего предела. Снова и снова наши фаны окружали машину, но каждый раз охранникам удавалось оттеснить их на безопасное расстояние. Только сейчас я понял, как прискорбно недооценивал это мероприятие.

Те рок-концерты, которые мне удалось посмотреть в записи, не могли дать полного представления о том, что на них творится, и я оказался не готов к наэлектризованной атмосфере, уже сейчас полностью захватившей меня, к оглушительному звучанию музыки, от которого у меня гудела голова, по мере того как постепенно улетучивалось мое постыдное, чисто человеческое, тщеславие.

В зале творился сущий ад. Под прикрытием телохранителей мы помчались в особо охраняемую зону, предназначенную для нас и обслуживающего концерт персонала. Таф Куки прижалась ко мне всем телом. Алекс подталкивал впереди себя Ларри.

Фаны хватали нас за волосы и полы плащей. Обернувшись, я схватил Луи и протащил его вслед за нами в дверь.

Сидя в отгороженной портьерами гримерной, я впервые в жизни услышал эти звуки — звериные вопли толпы. Собравшиеся под одной крышей пятнадцать тысяч смертных душ вопили, свистели и ревели.

Разве мог я справиться с этим поистине диким ликованием толпы, от которого дрожь пробегала по моему телу? Не знаю, испытывал ли я когда-нибудь столь близкое к эйфории состояние.

Я подошел к краю сцены и заглянул в щелку в занавесе. Все пространство до самой крыши по обе стороны от вытянутого овала было заполнено беснующимися смертными. А на свободной центральной площадке несколько тысяч юнцов танцевали, обнимались, тянули вверх пальцы, пытаясь пробраться как можно ближе к сцене. В постоянно движущемся благодаря работе вентиляторов воздухе стоял такой насыщенный, густой

запах гашиша, пива и человеческой крови, что у меня едва не закружилась голова.

Техники кричали, что у них все готово. Грим на наших лицах был подправлен и приведен в порядок, плащи из черного бархата отчищены от пыли, черные галстуки подтянуты потуже. Не было никакого смысла и дальше томить ожиданием возбужденную толпу.

Прозвучала команда потушить свет. И темноту огласил неистовый рев, от которого задрожали стены. Я чувствовал, как пол под ногами заходил ходуном. После того как послышалось монотонное жужжание, свидетельствующее о том, что электронная аппаратура подключена, рев стал еще громче.

Меня охватила нервная дрожь. Впечатление было такое, будто с меня содрали кожу. Схватив Луи за руку, я приник к нему долгим поцелуем, пока не почувствовал, что он меня отпустил.

Все, кто находился по ту сторону занавеса, чиркнули маленькими газовыми зажигалками, и в непроглядном мраке зала загорелись тысячи крошечных огоньков. Ритмические хлопки постепенно стихли, и монотонный гул толпы то затихал, то вновь становился громче, изредка прерываемый чьим-то визгом. В голове у меня все смешалось.

И в эти минуты я вспомнил театр Рено и все, что происходило там много лет назад. Я отчетливо увидел его перед своими глазами. Но этот зал больше походил на римский Колизей. Каким скучным и холодным показался мне процесс записи пластинок и съемки видеоклипов! Он не шел ни в какое сравнение с тем, что происходило сейчас.

Техники подали нам сигнал, и мы выскочили за занавес. При этом мои смертные музыканты спотыкались, потому что ничего в темноте не видели, в то время как я легко преодолел все преграды в виде валяющихся под ногами кабелей и проводов.

Я стоял на самом краю сцены, прямо над головами раскачивающейся и вопящей толпы. Алекс сидел за барабанами, Таф Куки держала в руках сверкающий плоский корпус электрогитары, а перед Ларри поблескивала огромная полукруглая клавиатура синтезатора.

Я оглянулся и посмотрел на гигантские видеоэкраны над сценой, которые должны будут многократно увеличить наши изображения, чтобы нас мог хорошо видеть каждый, кто пришел в зал. Потом снова перевел взгляд на море вопящих и визжащих юнцов.

Волны шума одна за другой накатывались на нас из темноты. Я явственно ощущал запах разгоряченной крови.

Над нами вспыхнули прожекторы. Серебристые, голубые, красные лучи яростно метались по сцене, скрещивались и ловили нас в перекресток света. Крики и вопли достигли поистине невероятной высоты. Взглянув на стоящих по местам среди огромного количества проводов и серебристых металлических стоек музыкантов, я увидел, что они тоже возбуждены и буквально упиваются восторженным приемом публики.

При виде невероятного числа поднятых вверх пальцев на лбу у меня выступил пот. То тут, то там в толпе мелькали юнцы в нарядах для Хэллоуина — они изображали вампиров с испачканными «кровью» лицами. У некоторых вокруг глаз были нарисованы черные круги, что придавало им по-детски невинный вид и в то же время вызывало отвращение. Мяуканье, улюлюканье и хриплые вопли, перекрывая общий гул, неслись отовсюду.

Да... это не имело совершенно ничего общего с созданием видеофильмов и совсем не походило на пение в прохладной с кондиционированным воздухом студии, стены которой были обиты пробкой.

Меня трясло от возбуждения, а по лицу струился красноватый пот.

Лучи прожекторов блуждали по рядам зрителей, оставив нас в благословенном полумраке. А в зале, всюду, куда падал луч прожектора, вопли становились еще громче, и зрители буквально дергались в конвульсиях от перевозбуждения.

Какие ассоциации вызвали у меня эти крики? На мой взгляд, они свидетельствовали о том, что человек сам по себе перестал существовать и на смену ему пришла толпа со своими законами. Такие обезумевшие толпы окружали гильотину, а в Риме требовали крови христиан. Такая толпа собралась в свя-

щенной роще кельтов в ожидании появления Мариуса — нового бога. Я ясно видел перед глазами эту рощу, так же отчетливо, как и тогда, когда Мариус рассказывал мне свою историю.

Не думаю, что их факелы казались более зловещими, чем эти разноцветные лучи света. А ужасные плетеные великаны были едва ли больше гигантских металлических конструкций по обе стороны сцены, на которых были установлены динамики и бесчисленное количество прожекторов.

Однако здесь не было атмосферы жестокости и насилия, не было жажды смерти — только избыток энергии, рвущейся из молодых тел, долго сдерживаемой и получившей наконец естественный выход.

Из первых рядов на меня накатила еще одна волна гашиша. Длинноволосые, с ног до головы затянутые в кожу байкеры с кожаными, украшенными шипами широкими браслетами на руках хлопали над головами в ладоши. Они казались мне призраками древних кельтов, варварами со струящимися по плечам локонами. Из каждого уголка огромного прокуренного зала на меня изливался поток чувств, которые, наверное, можно назвать любовью.

Свет то вспыхивал, то гас, отчего движения зрителей выглядели резкими, можно сказать, конвульсивными.

Они все громче и возбужденнее скандировали в унисон только одно слово: «Лестат! Лестат! Лестат!»

Это было поистине божественно. Какой смертный способен устоять перед подобным восторгом и поклонением? Я взялся за полы плаща — это должно было послужить сигналом для остальных. Потом тряхнул головой, чтобы рассыпались волосы. Это вызвало новый всплеск воплей и свиста, доносящихся отовсюду.

Лучи прожекторов метнулись на сцену. Я поднял полы своего плаща словно крылья летучей мыши.

Вопли переросли во всеобщий рев.

— Я вампир Лестат! — крикнул я во весь голос, отступая от микрофона.

Звук был почти видимым, он прокатился по всему огромному залу, и ответом ему стал невообразимо громкий, пронзи-

тельный вопль толпы, как будто старающейся перекричать меня.

— Ну же! Я хочу вас услышать! Отвечайте! Вы любите меня? — сам не ожидая от себя чего-либо подобного, выкрикнул я.

Зрители захлопали, затопали по бетонному полу. Некоторые вскочили на деревянные сиденья.

— Кто из вас хочет стать вампиром?

В зале стоял даже не рев, а поистине грохотал гром небесный. Несколько человек попытались вскарабкаться на сцену. Но телохранители тут же столкнули их вниз. Один высокий темноволосый байкер, держа в каждой руке по банке с пивом, прыгал на одном месте.

Свет вспыхнул еще ярче. За моей спиной из динамиков раздались оглушительные звуки, напоминающие грохот мчащегося на полной скорости поезда,— казалось, локомотив вот-вот выскочит на сцену.

Все остальные звуки буквально утонули в этом грохоте. Мне вдруг почудилось, что зрители пляшут, раскачиваются и извиваются в полной тишине. Яростно и пронзительно запела электрогитара. Барабаны то тише, то громче отбивали ритм. Разрывающее душу продолжительное звучание синтезатора сначала взлетело до самых вершин, а потом вдруг обрушилось вниз и слилось с кипящим морем других звуков, вошло в их ритм. Наступил тот момент, когда должен был тихо и при этом совершенно отчетливо на фоне аккомпанемента зазвучать голос:

— Я вампир Лестат, вы собрались на великий шабаш, но мне очень жалко вас всех.

Сдернув микрофон со стойки, я принялся бегать с ним из конца в конец сцены. Плащ крыльями развевался за моей спиной.

— Не в ваших силах противостоять повелителям ночи. А им нет дела до ваших бед. Ваш страх доставляет им удовольствие.

Они пытались дотянуться до меня, дотронуться до моих ног, посылали мне воздушные поцелуи. Парни поднимали на руках юных подружек, а те старались ухватиться за мой черный плащ, развевающийся над их головами.

— Мы овладеваем вами с любовью, мы убиваем вас с наслаждением, смерть — это ваше освобождение. Никто не в силах сказать... Вас никто не предупредил.

Яростно ударяя по струнам, Таф Куки подскочила ко мне. Она завертелась на одном месте, в то время как мелодия перешла в пронзительное глиссандо. Барабаны и тарелки грохотом обрушились на головы, а звуки синтезатора вновь взметнулись на головокружительную высоту.

Музыка пронизывала каждую клеточку моего тела. Ничего подобного я не испытывал никогда.

Я полностью отдался танцу, то вращая бедрами, то хлопая по ним, приближаясь вместе с Таф Куки к самому краю сцены. Мы имитировали свободные и эротические движения Пульчинеллы, Арлекина и других персонажей итальянских комедий, импровизировали так, как делали это они. Инструменты то теряли нить мелодии, то обретали ее вновь, а мы тем временем импровизировали, ни одно наше движение не было отрепетированным, мы танцевали, находя образы и их пластическое воплощение прямо здесь, на сцене.

Многие пытались присоединиться к нам, однако телохранители безжалостно сталкивали особо настойчивых со сцены. А мы, словно дразня обезумевших юнцов, двигались вдоль самого края площадки, трясли головами, так что волосы полностью закрывали наши лица, но мы вновь откидывали их назад, чтобы оглянуться и посмотреть на собственное изображение на гигантских экранах, кажущееся нам своего рода галлюцинацией. Звуки пронизывали все мое тело. Они катились по нему, как металлические шарики, которые находят для себя одно углубление за другим во всех моих членах. И вдруг я осознал, что отрываюсь от пола и медленно взлетаю вверх, а потом так же медленно и бесшумно опускаюсь обратно на сцену. Полы моего плаща развевались, а рот приоткрылся, являя взорам всех присутствующих острые клыки.

Эйфория... Оглушительные аплодисменты...

Перед моими глазами мелькали белые, обнаженные, вытянутые шеи. Мальчики и девочки жестами манили меня к себе, умоляли подойти к ним ближе и завладеть их телами. Некоторые даже плакали.

Воздух был пропитан дымом и насыщен запахом крови. И повсюду я видел только тела, тела, тела... Тем не менее я чувствовал, что все они наивно и непоколебимо верят в то, что это всего лишь искусство, всего лишь артистический трюк! Что никто не причинит им вреда. Вокруг царила безумная истерия. Однако все были уверены в своей полной безопасности.

Мои оглушительные вопли они относили за счет работы звуковых установок, а прыжки воспринимали как обыкновенные сценические трюки. И это вполне естественно, ибо повсюду их окружала магия и они имели возможность видеть нас, так сказать, нашу кровь и плоть на огромных сверкающих экранах.

Мариус! Как бы мне хотелось, чтобы ты смог увидеть это! Габриэль! Где ты?

Музыка полилась снова. Теперь уже пела вся группа. Великолепное сопрано Таф Куки отчетливо выделялось на фоне голосов остальных. Потом она принялась вращать головой и сгибаться так низко, что концы ее длинных волос касались пола. Гитара в ее руках сладострастно дергалась и походила на гигантский фаллос, вздрагивающий в такт тысячам топающих ног и хлопающих ладоней.

— Уверяю вас, я самый настоящий вампир! — сам того не ожидая, выкрикнул я. Экстаз, головокружительный восторг...

— Я — Зло! Зло!

— Да! Да! Да! ДА! ДА! ДА! — неслось со всех сторон. Я вскинул вверх руки с согнутыми, как когти, пальцами.

— Я хочу выпить до дна ваши души!

Огромного роста байкер со спутанными волосами отступил на несколько шагов, расталкивая спиной тех, кто стоял за ним, а потом прыгнул прямо на сцену и с поднятыми над головой кулаками оказался рядом со мной. Телохранители бросились было к нам, чтобы вышвырнуть его обратно в зал, но я обхватил его и крепко прижал к груди. Потом одной рукой приподнял его и оторвал от пола, губами и зубами слегка касаясь его шеи в том месте, где пульсировала и билась вена, вот-вот готовая лопнуть и выплеснуть вверх фонтан крови.

Однако его все же оторвали от меня и, словно рыбу в воду, швырнули в раскачивающееся внизу море тел. Таф Куки под-

скочила ко мне так быстро, что черный плащ спиралью закрутился вокруг ее тела, затянутого в черный атлас, на котором играли отблески света. Она протянула ко мне руки и постаралась успокоить меня, заключив в объятия, однако я лихорадочно вырывался.

Теперь я наконец понял то, что должен был прочесть между строк в книгах и статьях, посвященных рок-музыке и рассказывающих о рок-концертах,— этот охватывающий всех почти религиозный экстаз, это безумное соединение первобытной, примитивной дикости и достижений науки и технического прогресса. Мы все вновь находились в священной роще древних. Мы были рядом с нашими богами.

А тем временем затихли последние аккорды песни и полилась следующая мелодия, ритм которой тут же подхватили тысячи ног и рук, тысячи голосов принялись подпевать нам, выкрикивая знакомые по аудиоальбомам и видеоклипам слова:

— Дети Тьмы, познакомьтесь с Детьми Света. Дети Людей, воюйте с Детьми Ночи.

И вновь они, совершенно не вдумываясь в смысл моих слов, кричали, ревели, завывали и плакали. Могли ли древние кельты на самом краю гибели издавать подобные звуки, проявлять большую страсть и большее безумие?

Однако, повторяю, гибель и жертвенное сожжение моим зрителям не грозили.

Страсть их была направлена только на образы Зла, но не на само зло, только на образы Смерти, но не на саму смерть. Я чувствовал, как их эмоциональный накал обжигает мне кожу, пронизывает меня до корней волос. Таф Куки запела следующий куплет, а я обводил взглядом самые дальние уголки зала, самые укромные его закоулки и чувствовал, что весь огромный амфитеатр превратился в единую, воющую от восторга душу.

Избавьте меня от этого! Избавьте от любви ко всему этому! Избавьте от забвения, от желания принести в жертву этому безумию свой разум, свои цели и намерения. Я жажду вас, дети мои! Жажду вашей крови, вашей невинной крови! Я жажду вашего обожания и восхищения в тот самый момент, когда мои зубы вонзятся в вашу плоть. Искушение слишком велико.

И в этот миг внезапно охватившей меня неподвижности и ощущения стыда я впервые увидел в зале их, настоящих... Крохотные, белые, похожие на маски лица на фоне бесформенной массы слившихся воедино лиц смертных, отчетливо выделяющиеся, как когда-то выделялось лицо Магнуса в толпе зрителей, собравшихся в маленьком зале театра на бульваре. Я знал, что стоящий за кулисами Луи тоже их увидел. Однако все, что я увидел и почувствовал, было исходящее от них ощущение одновременно любопытства и страха.

— Все вы, находящиеся здесь настоящие вампиры! — выкрикнул я.— Покажитесь же наконец!

Однако в то время как смертные вокруг буквально обезумели от восторга, они оставались совершенно неподвижными.

Еще целых три часа мы пели, танцевали, выжимали все, что можно, из аппаратуры и инструментов. Бутылка с виски, расплескивая содержимое, перелетала из рук в руки между Таф Куки, Ларри и Алексом. Толпа подступала все ближе и ближе к сцене, и наконец армия охраняющих нас полицейских была удвоена, а в зале зажгли свет. В дальних концах зала уже ломали деревянные сиденья, по бетонному полу с грохотом катались пустые жестянки из-под пива. Однако настоящие вампиры не сделали ни шага в нашу сторону. Некоторые из них куда-то исчезли.

Так вот как обстоят дела.

Непрекращающийся вопль. Словно в зале собрались пятнадцать тысяч совершенно пьяных людей. Так продолжалось до того момента, когда раздались первые звуки баллады из нашего последнего альбома — «Век невинности».

Зазвучала тихая мелодия. Барабаны постепенно смолкли, гитара была едва слышна, а синтезатор создавал восхитительно красивые, почти прозрачные звуки электроклавикордов, такие прекрасные, что казалось, будто в воздухе летает золотая пыль.

Один-единственный луч прожектора отбрасывал овальное пятно света на то место, где я стоял. Одежда моя стала влажной от кровавого пота, волосы слиплись, на свисающем с одного плеча плаще виднелись темно-красные пятна.

Медленно, тщательно выговаривая каждое слово, я запел, и огромный, опьяненный восторгом зал вдруг затих, внимательно прислушиваясь.

Это век невинности,
Истинной невинности.
Все ваши демоны стали видимыми,
Все ваши демоны стали материальными.

Назовите их Боль,
Назовите их Голод,
Назовите их Война.

Вы теперь не нуждаетесь в мистическом зле.

Гоните прочь всех вампиров и дьяволов
Вместе с богами, которым вы больше
не поклоняетесь.

Помните:
Тот, у кого есть клыки, носит плащ.
А то, что кажется вам очарованием,
На самом деле — чары.

Вы должны понимать, что видите,
Когда видите меня!

Убивайте нас, наши братья и сестры,
Война началась.

Вы должны понимать, что видите,
Когда видите меня.

Буря аплодисментов была поистине оглушительной. Я закрыл глаза. Чему же они все-таки аплодируют? Чему так истово радуются?

Гигантский зал заливали потоки электрического света. В начинающейся давке незаметно растворились настоящие вампиры. Полицейские в форме плотной стеной выстроились перед нами вдоль всего края сцены. Когда мы уходили за кулисы, Алекс дернул меня изо всех сил.

— Слушай, нам пора смываться! Они облепили наш чертов лимузин. И до своей тачки ты ни за что не доберешься.

Я велел им уходить и каким-нибудь образом пробраться в лимузин. Пусть поторопятся, приказал им я.

И тут слева от себя я увидел напряженное белое лицо вампира, с трудом прокладывающего себе путь через толпу. Он был одет в черный кожаный комбинезон, какие обычно носят мотоциклисты, черная копна густых волос ослепительно блестела.

Занавес упал и отделил сцену от зала. Луи шел рядом со мной. Справа возникло ухмыляющееся лицо еще одного вампира, тощего мужчины с маленькими темными глазками.

Когда мы вышли на площадку для парковки машин, на нас подул прохладный ветерок, а перед нами возникло поистине «вавилонское столпотворение» толкающихся и корчащихся смертных, которых полицейские тщетно пытались призвать к порядку. Таф Куки, Алекса и Ларри запихнули в ревущий лимузин. Один из телохранителей уже завел мотор моего «порше», но юнцы продолжали колотить по капоту, багажнику и крыше, словно перед ними была не машина, а барабан.

За спиной темноволосого вампира-мужчины возник еще один демон, на этот раз женщина. Парочка успела подобраться почти вплотную ко мне. Интересно, что они собираются делать?

Мотор огромного лимузина рычал, словно лев на непослушных детей, отказывающихся уступить ему дорогу. Мотоциклисты завели своих мощных железных коней, и выхлопные трубы с оглушительным ревом извергали клубы едких газов прямо в окружающую толпу.

Троица вампиров приблизилась к моему «порше». С искаженным от ярости лицом высокий мужчина одним мощным движением руки приподнял машину, не обращая внимания на прилипших к ней юнцов, и она вот-вот должна была опрокинуться. Чья-то рука вдруг схватила меня за горло, я почувствовал, как напряглось и изогнулось тело Луи, и услышал звук его первого удара, сокрушающего кости сверхъестественного существа, и следом приглушенные ругательства.

Отовсюду послышались вопли смертных. Полицейские орали в мегафоны, требуя, чтобы все немедленно разошлись.

Я рванулся вперед, расталкивая и сбивая с ног попадающихся мне на пути юнцов, и успел в последний момент удержать и поставить на колеса едва не перевернувшийся «порше». Пытаясь открыть дверцу, я ощущал, как наваливается на меня толпа.

Еще немного — и вспыхнет самый настоящий бунт. Начнется паника.

Свист, вопли, завывание сирен... Чьи-то тела намертво прижали меня и Луи друг к другу. И в этот момент по другую сторону «порше» появился затянутый в кожу вампир, размахивая над головой огромным серебристым серпом, лезвие которого ослепительно сверкало в свете прожекторов. Я услышал предостерегающий крик Луи и краем глаза увидел еще один сверкающий клинок.

И вдруг сквозь невообразимую какофонию звуков прорвался душераздирающий визг вампира, и все увидели ослепительную вспышку огня — вампир был объят пламенем. Рядом со мной послышался хлопок, и еще один вампир, уронив на асфальт серп, вспыхнул как свечка. В нескольких ярдах от нас с треском загорелась фигура третьего вампира.

В толпе началась паника. Кто-то бросился обратно в зал, кто-то помчался к выезду с парковки, остальные кинулись в разные стороны, все равно куда, лишь бы оказаться подальше от вертящихся на одном месте пылающих фигур. Трое вампиров сгорели каждый в своем адском костре — остались только обугленные, почерневшие кости. Я видел, как другие бессмертные с невероятной скоростью бросились врассыпную, разбрасывая в стороны и расталкивая смертных.

Луи потрясенно обернулся ко мне, но, увидев на моем лице недоумение, естественно, удивился еще больше. Никто из нас не имел отношения к тому, что произошло. Ни он, ни я не обладали такими возможностями. Я знал только одно бессмертное существо, которому это было по силам.

Неожиданно распахнувшаяся рядом со мной дверца машины ударила меня с такой силой, что я едва не отлетел. Тоненькая и изящная белоснежная ручка втащила меня внутрь салона.

— Да живее же, вы, оба,— произнес по-французски раздавшийся возле моего уха голос.— Чего ждете? Чтобы церковь провозгласила свершение чуда?

И прежде, чем я успел что-либо понять, меня буквально воткнули в кожаную обивку переднего кресла, а следом за собой

я втащил Луи, которому пришлось карабкаться на заднее сиденье через мою голову.

«Порше» рванул с места, расшвыривая по сторонам попадающихся на пути смертных. Я уставился на тонкую, изящную фигурку, сидящую на месте водителя, на распущенные по плечам светлые волосы, на лихо надвинутую на глаза, испачканную землей фетровую шляпу.

Мне хотелось броситься к ней на шею и до боли сжать в своих объятиях, а потом покрыть поцелуями с ног до головы и забыть обо всем. К черту этот проклятый молодняк! Тут она так резко вывернула руль, выезжая из ворот на оживленную улицу, что «порше» снова едва не перевернулся.

— Прекрати, Габриэль! Стой! — заорал я, хватая ее за руку.— Ведь это не ты сделала? Не ты их сожгла?

— Конечно нет,— ответила она на чистейшем французском, даже не взглянув в мою сторону.

Она выглядела потрясающе. Двумя пальцами она вновь резко повернула руль, и машина исполнила головокружительный поворот на девяносто градусов. Мы мчались по направлению к скоростному шоссе.

— В таком случае ты увозишь нас от Мариуса! Остановись!

— Пусть он сначала взорвет фургон, который преследует нас по пятам,— крикнула она в ответ.— Вот тогда я остановлюсь!

Ни на секунду не отрывая глаз от дороги, она вжала в пол педаль газа и еще крепче вцепилась пальцами в обтянутый кожей руль.

Я обернулся и за плечом Луи увидел огромный грузовик, настоящего монстра на колесах, который шел на удивительно большой скорости и почти догонял нас. Он походил на невероятных размеров неповоротливый черный катафалк с хромированными зубами, вытянувшимися в ряд поперек чуть вздернутого переда. Из-за тонированного ветрового стекла на нас смотрели четверо бессмертных.

— Нам не оторваться от них — слишком много впереди машин! — крикнул я.— Поворачивай! Возвращайся к залу! Габриэль! Поворачивай обратно!

Но она продолжала мчаться вперед, лавируя между машинами и заставляя водителей в страхе прижиматься к обочине.

Огромный грузовик тем не менее догонял нас.

— Да это настоящий танк! — воскликнул Луи.— Они установили на нем стальной бампер. Эти чудовища намерены протаранить нас!

Да, похоже, я проигрываю игру. Я недооценил их. Принимая в расчет только свои собственные возможности в этом новом веке, совершенно забыл о силах, которыми обладают они.

И сейчас мы удалялись от того единственного существа, которому было под силу взорвать их всех к чертовой матери. Что ж, я с удовольствием займусь ими сам. Разобью вдребезги ветровое стекло, а потом одному за другим поотрываю головы. Я опустил боковое стекло и по пояс высунулся наружу. Ветер трепал мои волосы, а я пристально всматривался в виднеющиеся за ветровым стеклом грузовика отвратительные белые лица.

После того как мы преодолели один из подъемов хайвея, оказалось, что грузовик висит у нас на хвосте. Прекрасно. Чуть-чуть ближе — и я смогу перепрыгнуть. Но тут наш автомобиль резко сбросил скорость, потому что Габриэль уже не могла больше вклиниваться между впереди идущими машинами и обгонять.

— Держитесь! Они нас достают! — пронзительно закричала она.

— Вот дьявол! — только и успел крикнуть я, прежде чем меня выбросило из салона и я перелетел через ограждение в кювет.

Впереди меня «порше» вылетел с хайвея и буквально прыгнул в пространство.

Еще до того как машина ударилась о землю, я увидел, как Габриэль вывалилась из нее через боковую дверь. Мы вместе катились по травянистому склону, и в эти мгновения «порше» загорелся и с оглушительным грохотом взорвался.

— Луи!!! — вне себя закричал я.

Я карабкался по склону к «порше», готовый броситься за ним в бушующее пламя. И вдруг заднее стекло машины разлетелось, и я заметил Луи, выбирающегося наружу. Он оказался на земле в тот же миг, когда я добрался до него. Сдернув плащ,

я стал колотить им по дымящейся одежде Луи. Подбежавшая Габриэль снимала с себя куртку, чтобы помочь мне.

Высоко над нашими головами у обочины хайвея остановился грузовик. Мерзкие существа, похожие на гигантских белых насекомых, перепрыгивали через ограждение и приземлялись прямо на травянистом склоне.

Я готов был достойно встретить их.

И вдруг снова произошло невероятное. Бегущий вприпрыжку по склону вампир пронзительно закричал и превратился в яркий огненный столб, внутри которого лицо его казалось черной маской. Тело конвульсивно дергалось, как будто он исполнял какой-то жуткий танец.

Остальные повернулись и бросились наутек.

Я хотел было побежать за ними, но Габриэль крепко обхватила меня руками и не позволила сдвинуться с места. Ее сила поразила меня.

— Отпусти меня,— в ярости кричал я.— Я хочу поймать хотя бы одного из них, только одного! Я еще успею схватить последнего!

Однако она продолжала удерживать меня, а я, конечно, не мог с ней бороться. К тому же к ее отчаянным мольбам присоединился и Луи.

— Не беги за ними, Лестат,— произнес он своим обычным вежливым тоном, хотя я видел, что он напряжен и едва сдерживается.— Хватит с нас! Нам надо немедленно убираться отсюда.

— Ладно,— неохотно согласился я. Тем более что было уже поздно. От сгоревшего вампира остались лишь дымок и несколько догорающих искр. Остальные бессмертные давно убежали и без следа растворились во тьме и безмолвии.

Вокруг нас было пустынно и темно, тишину нарушал лишь грохот проносящихся по хайвею автомобилей. Мы остались втроем и, тесно прижавшись друг к другу, стояли возле догорающего автомобиля.

Луи стер с лица пот. Жестко накрахмаленная грудь его белой рубашки измялась, длинный бархатный плащ обгорел и порвался.

И рядом со мной была Габриэль, такая же бродяга и скиталица, какой была много лет назад, больше похожая на юного мальчика в запыленном и измятом костюме цвета хаки и небрежно надвинутой шляпе, криво сидящей на ее очаровательной головке.

До нас донесся тонкий, завывающий звук сирены. Он приближался.

Однако мы продолжали неподвижно стоять, переглядываясь и ожидая чего-то. Я знал, что все мы ищем взглядами Мариуса. Это, несомненно, был он. Больше некому. И он был с нами, а не против нас. Он должен сейчас откликнуться.

Я произнес его имя вслух. Я пристально вглядывался в темноту — сначала внимательно осмотрел склон вдоль дороги, потом перевел взгляд на окрестные холмы, на которых виднелись кварталы невысоких домов.

Однако, кроме приближающегося воя сирен и голосов людей, поднимающихся по склону со стороны бульвара, я так ничего и не услышал.

По лицу Габриэль я понял, что она очень испугана. Я обнял ее, не обращая внимания на собственный страх, на то, что люди уже совсем близко, а на шоссе останавливается все больше и больше автомобилей.

В ответ она порывисто и нежно прижалась ко мне, и меня даже несколько удивила сила ее чувства. Однако она тут же показала нам, что следует поторопиться.

— Нам грозит опасность. Всем нам,— прошептала она.— Страшная опасность. Скорее! Бежим!

3

Было уже пять часов утра. Я стоял один возле стеклянных дверей дома на ранчо в Кармел-вэлли. Габриэль и Луи вместе отправились в горы, чтобы найти там безопасное место для отдыха.

Позвонив на север, я узнал, что мои смертные друзья в безопасности — они благополучно добрались до нашего нового убежища в Сономе и теперь вовсю веселятся за надежными стенами и воротами с электронными охранными устройства-

ми. Что же касается полиции и прессы с их неизбежными вопросами, то они могут и подождать.

А пока я, как всегда, в одиночестве ждал прихода утра, думая о том, почему Мариус не захотел встретиться с нами. Неужели он спас всех нас только затем, чтобы исчезнуть без единого слова?

— А что если это был не Мариус? — с тревогой спрашивала Габриэль сразу после всего случившегося, нервно шагая из угла в угол комнаты.— Говорю тебе, я отчетливо ощущала угрозу. Я чувствовала, что мы находимся в не меньшей опасности, чем нападающие на нас. Я чувствовала это возле концертного зала, перед тем как мы оттуда уехали. И возле горящей машины меня не покидало то же ощущение. Это что-то очень странное. И я уверена, что это не Мариус...

— Это было нечто почти варварское,— подтвердил Луи.— Однако не совсем...

— Да, что-то дикое, первобытное,— согласилась с Луи Габриэль, обмениваясь с ним понимающим взглядом.— Но даже если предположить, что это все-таки был Мариус, почему ты не хочешь допустить, что он спас тебя только затем, чтобы по-своему отомстить тебе?

— Нет-нет,— с улыбкой ответил я.— Мариус не собирается мне мстить. В противном случае он давно совершил бы задуманное. В этом я совершенно уверен.

Однако я был слишком возбужден. Мне доставляло неизъяснимое удовольствие просто смотреть на нее, видеть ее прежнюю походку, знакомые жесты. И даже ее измятую одежду для сафари. По прошествии двух сотен лет она осталась все той же неутомимой путешественницей. Габриэль по-ковбойски оседлала стул и опустила подбородок на сложенные поверх высокой спинки ладони.

Нам необходимо поговорить о стольких вещах, так много сказать друг другу! К тому же я был слишком счастлив, чтобы кого-то бояться.

Кроме того, страх в данном случае мне казался совершенно недопустимым и постыдным чувством. Потому что теперь я знал, что совершил еще одну ужасную ошибку, допустил серьезный просчет. Я впервые понял это, когда взорвался «порше»,

а Луи по-прежнему оставался внутри. Дело в том, что война, которую я затеял, ставит под угрозу всех тех, кого я люблю. Как глупо было с моей стороны рассчитывать, что я навлеку беду только на себя!

Нам нужно было все обсудить. Нам следовало быть очень хитрыми и осторожными.

Однако пока мы в полной безопасности. Я постарался как можно мягче объяснить ей это и успокоить ее. Ни она, ни Луи не чувствовали никакой угрозы. Опасность не последовала за нами в долину. Сам же я не ощущал ее вовсе. А наши молодые и глупые бессмертные противники разбежались кто куда в полной уверенности, что мы обладаем способностью одним усилием воли спалить их всех до единого.

— Знаешь, я много-много тысяч раз представляла себе, как мы соединимся вновь,— сказала мне Габриэль.— Но мне и в голову не могло прийти что-либо подобное.

— А мне кажется, что все было просто великолепно,— ответил я.— И не думай, пожалуйста, что я не смог бы с ними справиться и защитить всех нас. Я как раз собирался придушить того, с серпом, и забросить его куда-нибудь подальше, на крышу концертного зала. И второго, который подходил, я тоже видел и вполне мог бы переломить его пополам. Пожалуй, больше всего меня в этой истории огорчает тот факт, что я даже не имел возможности...

— Нет, месье, вы совершенно невыносимы! — воскликнула она.— Ну просто настоящий чертенок! Ты действительно... как там называл тебя Мариус? Да, вот именно — поистине дьявольское создание. Я полностью с ним согласна.

Я засмеялся от удовольствия. Как чудесно вот так сидеть и болтать с нею. И ее французский... он звучал чуть старомодно и так восхитительно!

А Луи был просто очарован. Сидя в темном уголке комнаты, он восхищенно наблюдал за Габриэль и был, как всегда, молчалив и задумчив. Он вновь выглядел безупречно, как будто вся его одежда была в полном порядке и мы с ним только что вышли из театра после последнего акта «Травиаты» и завернули в кафе, чтобы полюбоваться смертными, пьющими шампанское за столиками с мраморными столешницами, в то время как мимо окон с грохотом проносятся нарядные экипажи.

Меня переполняла радость при мысли о том, что мы создаем нечто вроде маленького общества, что силы наши неизмеримо возросли и втроем мы готовы смело выступить против любых врагов и всего мира в целом. Я был во власти мощной энергии, позволяющей забыть о всех условностях реального мира смертных. Как объяснить им все это — мое глубочайшее ощущение полной безопасности и того, что остановить нас не сможет никто?

— Не волнуйтесь, матушка,— наконец обратился я к ней, пытаясь таким образом успокоить ее и передать ей часть своего хладнокровия и невозмутимости.— Это бессмысленно. Существо, настолько могущественное, что способно одним усилием воли воспламенять своих врагов, при желании может найти нас где угодно и сделать с нами все, что ему заблагорассудится.

— И ты полагаешь, что это должно меня успокоить? — поинтересовалась она.

Я заметил, что Луи качает головой.

— Я, конечно, не обладаю твоими возможностями,— спокойно заговорил он,— однако я чувствовал присутствие этого странного существа. И должен тебя уверить, что оно совершенно чуждо нам и абсолютно лишено цивилизованности, если не сказать больше.

— Вот-вот, ты попал в самую точку,— вмешалась Габриэль.— Оно было именно чуждым и словно происходило из таких далеких времен...

— А твой Мариус слишком цивилизован и образован,— настаивал на своем Луи,— и обладает философским складом ума... Именно поэтому ты так уверен, что он не собирается мстить тебе.

— Чуждое? Нецивилизованное? Но почему же тогда я не ощутил никакой угрозы? — спросил их я.

— Бог мой, да мало ли тому причин! И все же это мог быть кто угодно,— заключила Габриэль.— Эта твоя музыка заставит подняться даже мертвых!

Я вдруг вспомнил полученные прошлой ночью мысленные послания: «Лестат, опасность!» Что могли означать эти слова? Однако до наступления утра оставалось совсем немного, и размышлять было уже некогда. К тому же эти слова ничего не могли объяснить. Они были лишь частью какой-то большой голо-

воломки, причем совсем не обязательно той же, над решением которой бились мы сейчас.

И вот Габриэль и Луи ушли, а я в одиночестве стою перед стеклянными дверями и наблюдаю, как над горами Санта-Лючия все ярче и ярче разгорается утренняя заря.

«Где же ты сейчас, Мариус? — думал я.— Почему не хочешь встретиться со мной? Все то, что сказала мне Габриэль, не может быть правдой. Неужели ты просто играешь со мной?»

А почему сам я никогда не звал его как положено? Ведь я ни разу не повысил свой безмолвный голос, чтобы докричаться до него. Именно так он предлагал мне сделать тогда, два века тому назад.

В своей непрерывной борьбе я не считал нужным следовать его совету, для меня это стало своего рода предметом гордости. Но что значит моя гордость сейчас?

Возможно, он ждал лишь моего зова. Наверное, он хотел, чтобы я позвал его. От моего упрямства и горечи давно не осталось и следа. Так почему бы не попытаться позвать его хотя бы сейчас?

Тогда я закрыл глаза и сделал то, чего не позволял себе со времен тех давних ночей восемнадцатого века, когда я вслух разговаривал с ним на улицах Каира или Рима. Я мысленно и безмолвно обратился к нему. Я чувствовал, как из груди моей вырывается и устремляется в вечность и забвение громкий крик. Я почти физически ощущал, как он разносится по всему миру и постепенно слабеет, а потом стихает совсем.

И вдруг буквально на долю секунды перед моими глазами возникла совершенно незнакомая мне картина — то же самое неизвестное место, которое я уже видел прошлой ночью: снег, бескрайнее море снега и какое-то каменное жилище с замерзшими, покрытыми льдом окнами. А на высоком выступе — совершенно неуместное здесь, вполне современное устройство: огромная серая металлическая тарелка, поворачивающаяся вокруг своей оси, чтобы уловить пересекающиеся в небе и устремляющиеся во все стороны невидимые волны.

Телевизионная антенна! Которая связывает эту бескрайнюю снежную пустыню со спутниками! Вот это что! А осколки стекла на полу — это все, что осталось от телеэкрана! Я отчет-

ливо видел обстановку... Каменная скамья... разбитый телевизор... Какие-то звуки... Шум...

Видение исчезало.

— МАРИУС!

— Опасность, Лестат! Мы все в опасности! Она... Я не мог... Лед... Погребен подо льдом...— И вновь я узрел сверкающие на каменном полу осколки, пустую скамью, услышал несущиеся из динамиков звуки нашего хита «Вампир Лестат»...— Она... Лестат, помоги мне!.. Все мы... Опасность!.. Она...

И вдруг — полная тишина. Связь прервалась.

— МАРИУС!

Я снова что-то услышал. Но звуки были такими тихими... Несмотря на вложенную в них страсть, они были слишком слабы!

— МАРИУС!

Я всем телом приник к стеклу, так пристально вглядываясь в свет наступающего утра, что из глаз потекли слезы. Стекло уже нагрелось и обжигало мне пальцы.

— Это Акаша? Ответь мне! Это Акаша? Ты хочешь сказать мне, что это Акаша? Что именно она... что это была она?

Но солнце уже поднималось из-за гор. Его смертоносные лучи устремились вниз, на долину, и поползли по ее дну.

Прикрывая руками глаза, я выбежал из дома и помчался через поле в сторону гор.

Не прошло и нескольких минут, как я добежал до своего тайного убежища, отодвинул камень и начал спускаться по грубо выбитым узким ступеням в подземный склеп. Один поворот, другой — и вот я уже в полной безопасности, в спасительной темноте. Пахнет землей. Сердце мое бешено колотится, дрожащие ноги отказываются меня держать. Я рухнул на сырой и грязный земляной пол.

Акаша!

«Твоя музыка заставит подняться даже мертвых!»

Да, это был телевизор! Он стоял в их святилище и ловил изображение при помощи спутниковой антенны. И принес его туда Мариус! Они видели наши фильмы. Я был уверен в этом. Я понял все так ясно, как будто он рассказал мне все до мельчайших деталей. Так же как много лет назад он приносил для них кинопленки с фильмами, Мариус принес в их святилище телевизор.

И она проснулась! Вернулась к жизни! «Твоя музыка заставит подняться даже мертвых!» Я снова сделал это!

Ах, если бы только я еще мог думать, если бы мог не засыпать... Но солнце уже поднялось высоко над землей.

Она была там, в Сан-Франциско! Была совсем рядом с нами! И это она спалила в огне наших врагов! Да, все так... совершенно чуждая... незнакомая, пришедшая к нам из другого мира...

Однако она не была ни первобытной, ни дикой! Просто она только что возродилась. Моя богиня! Появилась, словно прекрасная бабочка из кокона. И каким же она увидела мир? Каким образом добралась до нас? О чем сейчас думает? Опасность? Опасность, грозящая всем нам? Нет, я так не считаю. Не верю этому! Она уничтожила наших врагов! И вернулась к нам!

Однако я больше не в силах был бороться с сонливостью и тяжестью во всем теле. Эти вполне обыденные ощущения уничтожили во мне любопытство и возбуждение. Тело мое беспомощно застыло на полу склепа.

И вдруг я почувствовал чью-то руку.

Она была холодна как мрамор и так же крепка и сильна.

Глаза мои широко раскрылись и уставились в темноту. Пожатие стало сильнее. Огромная масса шелковистых волос скользнула по моему лицу. Ледяная рука гладила мою грудь.

«О, пожалуйста, моя дорогая, моя красавица, пожалуйста!..» Я хотел произнести эти слова, но глаза мои вновь закрылись. Я уже не в силах был шевелить губами. Я утрачивал способность мыслить и проваливался в спасительное небытие.

Солнце стояло уже высоко в небе...

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ВАМПИРОМ 5

ВАМПИР АЕСТАТ 313

Центр города. Субботний вечер. XX век. 1984 315

Юность, воспитание и приключения вампира Аестата 337

Эпилог. Интервью с вампиром 903

Дионис в Сан-Франциско. 1985 931

Литературно-художественное издание

Энн Райс

ВАМПИРСКИЕ ХРОНИКИ

Ответственный редактор *И. Шефановская*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректор *К. Шефановская*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино»
197198, Санкт-Петербург,
ул. Блохина, 20/7. Тел./факс (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. **E-mail: reception@eksmo-sale.ru**

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 78-48-66.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

ISBN 5-699-10755-X

9 785699 107551 >

Подписано в печать с готовых монтажей 16.02.2005.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 51,24.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ 2746.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@tverpk.ru

РАЙС

ISBN 5-699-10755-X

ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ МИСТИ